

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

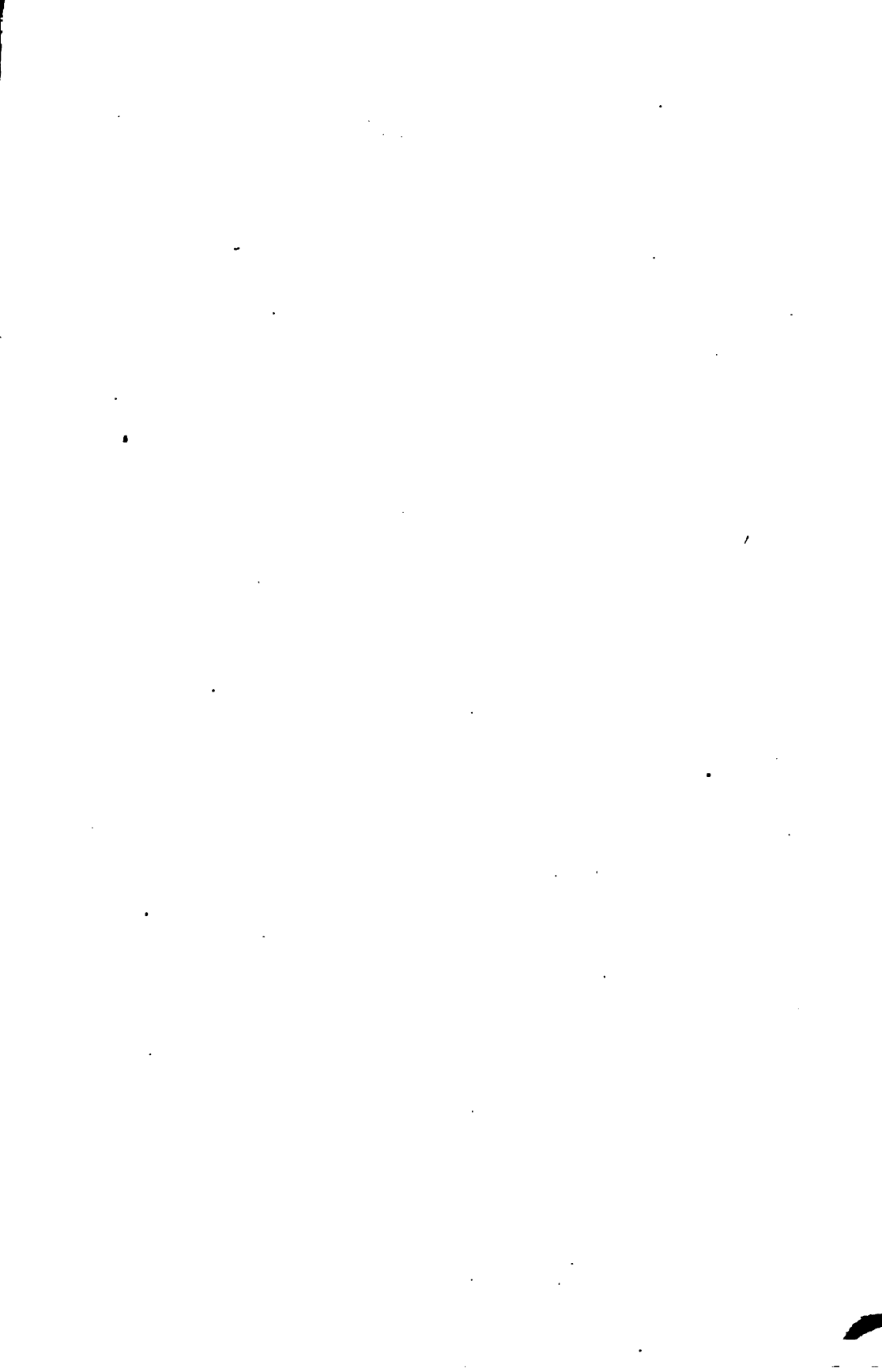
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

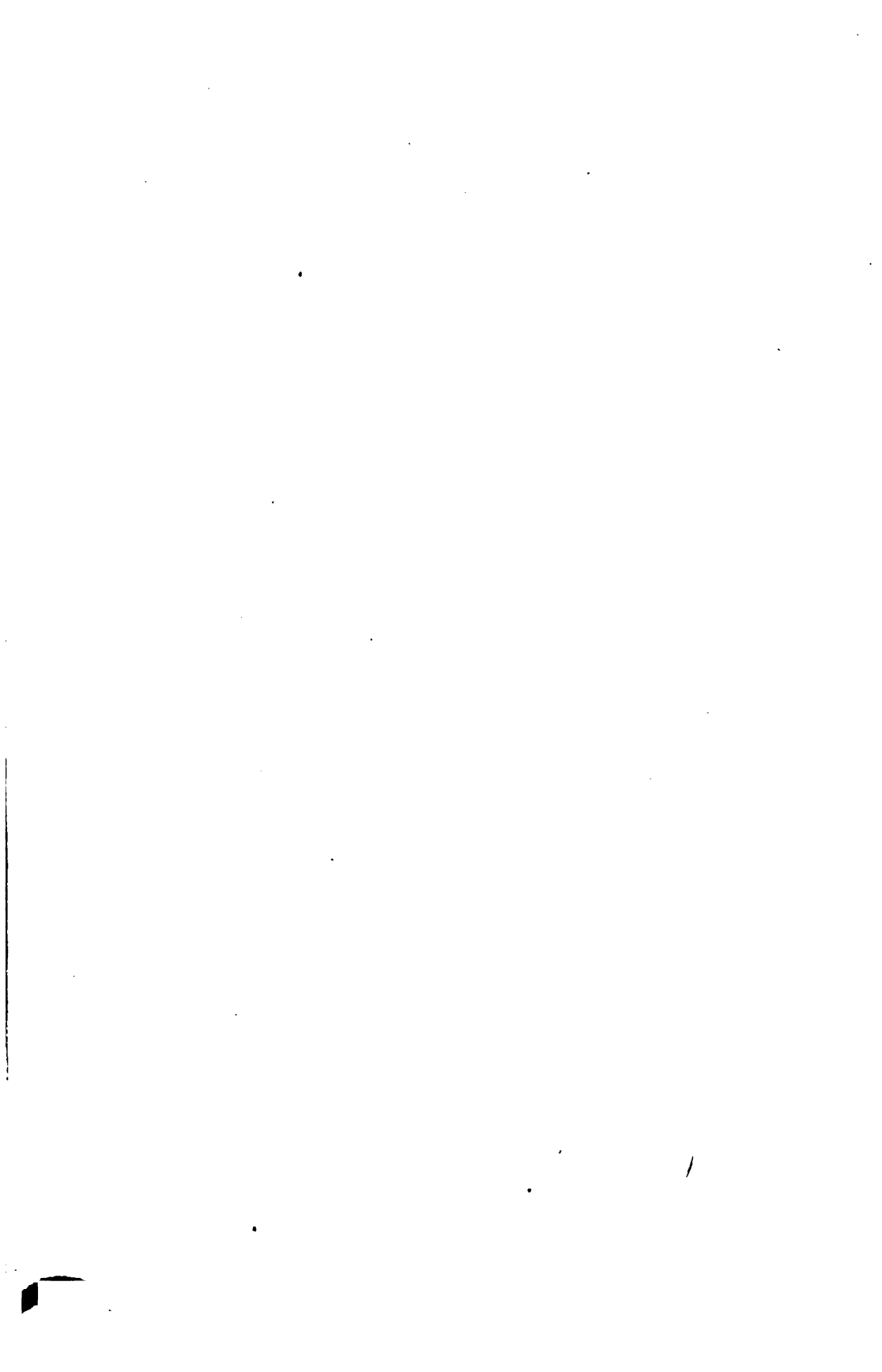
P Slav 623.35 (6-7)

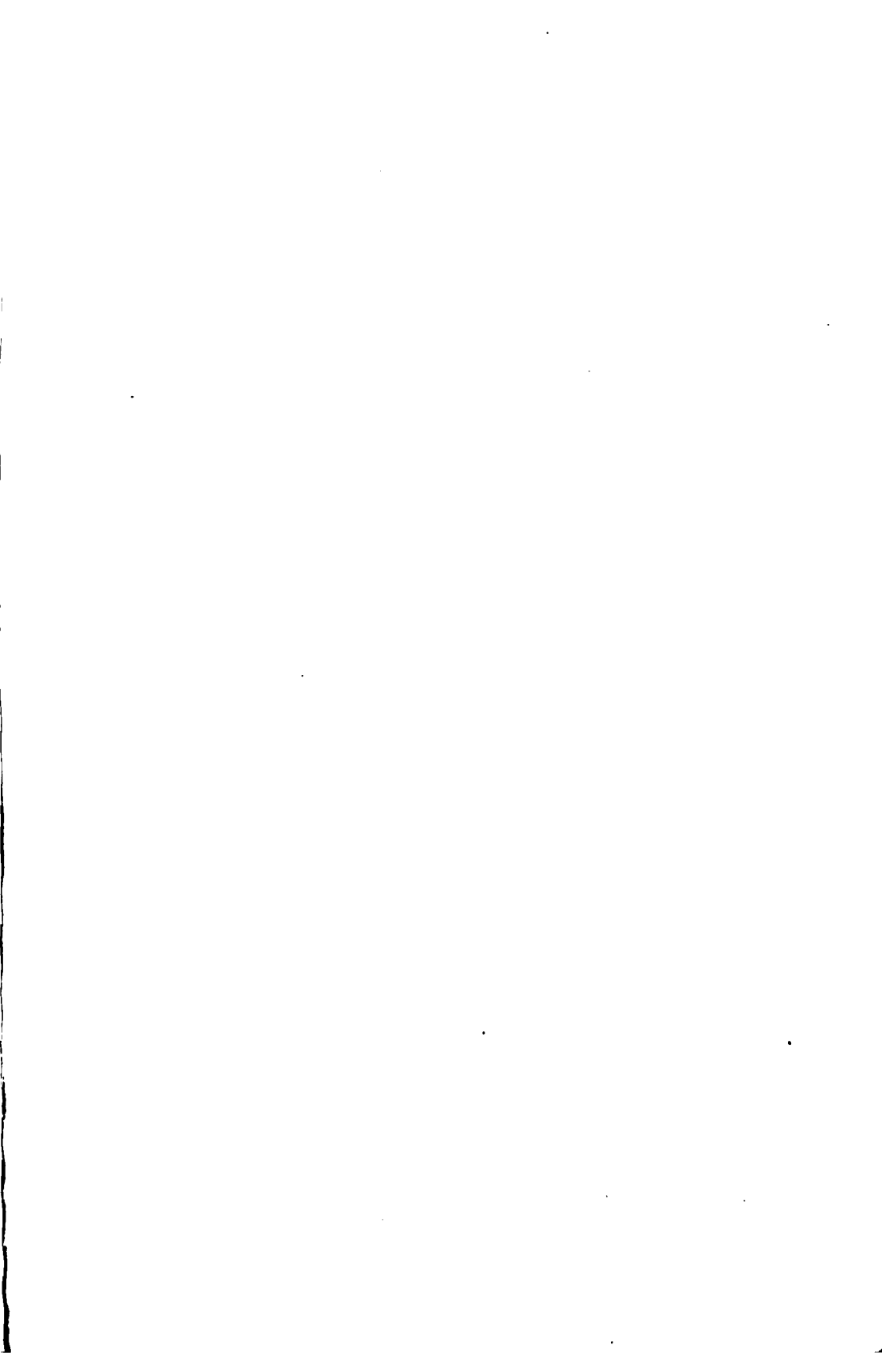
**Harvard College
Library**

By Exchange

Handwritten signature or initials

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI.

1852.

ЗАПИСКИ

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
BENTLEY BLDG., 5TH FLOOR
1215 UNIVERSITY ST. CHICAGO, ILL.
60607

ISSUED BY THE

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПОПОВА,

ДѢЙСТВ. ЧЛЕНА ИМП. РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеларіи.

1852.

~~29.35~~

P Slav 623.35

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BY EXCHANGE, FROM THE
LIBRARY OF CONGRESS
11 MAY 1925

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 1852 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

104837

107

21.12.7

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ IX, X, XI И XII СТОЛѢТІЯХЪ ДО 1100 ГОДА.

Географическія свѣдѣнія на Руси начались едва ли не въ одно время съ преданіями историческими. Несторъ, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ лѣтописцевъ, уже на первыхъ листахъ своего повѣствованія представляетъ многія географическія свѣдѣнія, которыя онъ ни откуда не могъ почерпнуть, какъ только изъ домашнихъ, отечественныхъ источниковъ, и которыя ясно показываютъ, что наши предки о памяти о самихъ себѣ не отдѣляли воспоминаній какъ о своей землѣ, такъ и о другихъ странахъ, извѣстныхъ имъ по слуху, или какъ очевидцамъ. Иначе сказать: на Руси, въ древнее время, преданія историческія, въ памяти народа, шли рука-объ-руку съ преданіями географическими. Въ этомъ отношеніи наши предки, въ которыхъ образомъ, походили на древнихъ Грековъ, у которыхъ Геродотъ былъ первымъ историкомъ и первымъ географомъ. Въ нашемъ народѣ, осѣломъ и въ то же время странствующемъ, то для завоеваній, то для торговли, это и не могло быть иначе: осѣлость вызывала въ немъ любовь къ родной землѣ, привязанность къ ней и желаніе узнать ее поближе, торговля и военныя странствованія развивали любопытство и охоту къ познанію другихъ странъ. Странникъ, возвращаясь домой, рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ на чужбинѣ. Разказы сіи, необходимыя для новыхъ странствованій, быстро распространялись въ народъ и мало-по-малу составляли народныя географическія преданія, которыя, постепенно возобновляемыя и расширяемыя новыми странствователями, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и потомъ, вмѣстѣ съ историческими преданіями, вносились лѣтописцемъ въ его сказанія.

Лучшимъ и наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ сему служатъ Несторова Лѣтопись, которая прямо начинается историко-географическими преданіями о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя; здѣсь извѣстія географическія, съ перваго же разу, распадаются на два отдѣла: на иноземный и отечественный, домашній. О странахъ, неизвѣстныхъ нашимъ древнимъ предкамъ, Несторъ черпаетъ свѣдѣнія изъ Греческихъ Хронографовъ; страны же, болѣе или менѣе знакомыя древней Руси, описываетъ по своимъ домашнимъ источникамъ: по преданіямъ и разговорамъ бывалыхъ людей. Въ настоящее время мы оставимъ въ сторонѣ первый отдѣлъ, до насъ неотносящійся, и пересмотримъ второй, свидѣтельствующій, какія географическія свѣдѣнія Несторъ могъ получить дома, не прибѣгая къ Греческимъ книгамъ.

Исчисливъ разныя страны по Греческимъ Хронографамъ, Несторъ во второмъ отдѣлѣ своихъ географическихъ извѣстій говоритъ: «Афету же яхась до Поветьскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкасинскія горы рекше Угорски, и оттудъ даже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симову. Въ Афетовѣ же части сѣдять: Русь, Чудь и вси языцы: Меря, Мурома, Весь, Морѣдва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляховѣ же и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски; Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свен, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденю и сѣсѣдятся съ племянемъ Хамовымъ» (1). Ни одного изъ сихъ извѣстій Несторъ не могъ получить отъ Грековъ, ибо о многомъ, здѣсь описанномъ, они вовсе не знали, а многое называли не такъ, какъ названо здѣсь. Несторъ же, кромѣ Грековъ, не имѣлъ другихъ чужеземныхъ источниковъ; слѣдовательно всѣ географическія свѣдѣнія, здѣсь имъ изложенныя, почерпнуты на Руси отъ Русскихъ бывалыхъ людей; свѣдѣнія же сіи болѣе или

(1) Лавр. стр. 2. Полн. Собр. Лѣт. Т. I.

менше объѣмлютъ не только Россію, но и всю Европу. И такъ Русскіе въ XI вѣкѣ, а вѣроатно и прежде, знали всю Европу; но знаніе сіе было, такъ сказать, береговое, т. е. Русскимъ были знакомы только берега Европы отъ Балтійскаго до Чернаго Моря; внутренность этой страны имъ была мало извѣстна, какъ это уже довольно ясно видно изъ выше приведеннаго Несторова очерка, гдѣ преимущественно означены только береговые народы: Прусы, Чудь, Варяги, Свен, Урмане, Готы, Русь, Агилане и проч. Но это еще ослзательнѣе доказывается слѣдующимъ Несторовымъ же описаніемъ пута въ Грецію и изъ Греціи: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Двѣиру, и верхъ Двѣира волокъ до Ловати, по Ловати вяти въ Имерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вѣтечетъ въ озеро великое Нево, того озера видеть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ не же втечетъ Двѣпръ рѣка» (*). И такъ настоящій и главный источникъ географическихъ свѣдѣній о Европѣ для древней Руси заключался въ морскомъ пути въ Грецію около береговъ цѣлой Европы. И этотъ путь былъ самый древній, его указали нашимъ предкамъ Норманны, у которыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ *austrug-vigi* и *vosteg-vigi*. Слѣдовательно географическія свѣдѣнія о береговой Европѣ распространились у насъ съ водвореніемъ Варяговъ или Норманновъ сперва въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, и дошли до Нестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ записалъ въ своей лѣтописи прямо изъ устъ народа, у котораго они не умирали, постоянно время отъ времени возобновляясь разказами новыхъ странствователей, которые, можетъ быть до половины XII вѣка, не переставали кружить по морямъ, прѣѣзжая изъ Россіи въ Грецію, или изъ Греціи черезъ Россію къ берегамъ Балтійскаго Моря. Они даже съ водвореніемъ Варяго - Руссовъ на Русь успѣли отыскать себѣ и другой путь по Западной Двинѣ, о которомъ также есть свидѣтельство у Нестора: «Тамъ же и изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Ханова» (†). И такъ, основываясь на лонкихъ и опредѣленныхъ свидѣтельствахъ Нестора, мы, не обинуясь, можемъ

(*) Лавр. стр. 3. (†) Тамъ же.

сказать, что Русскіе въ XI, а можетъ быть и въ IX вѣкѣ, имѣли географическія свѣдѣнія о приморскихъ берегахъ всей Европы, и даже знаемъ вѣрно, что свѣдѣнія сіи пріобрѣтались именно морскими путешествіями въ Грецію, которыя нашимъ предкамъ указаны поселившимися на Руси Норманнами или Варягами, отчаянными морскими странствователями въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Но не одна береговая Европа была знакома древнимъ Руссамъ; они посѣщали и предѣлы Азіи, и также оставили нѣкоторыя географическія замѣтки о сей странѣ, о чемъ ясное свидѣтельство тоже находимъ у Нестора, который, описывая теченіе Волги, говоритъ: «Изъ того же (Оковскаго) лѣса потече Волга на востокъ и вѣтечетъ семьюдесять жерель въ море Хвалыское. Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалысы, на востокъ дойти въ жребій Сямовъ» (*). Что это извѣстіе чисто Русское, домашнее, а не заимствованное гдѣ нибудь, изъ другихъ или третьихъ рукъ, на это мы имѣемъ ясныя свидѣтельства у Арабскихъ писателей: Якутъ, въ своемъ географическомъ словарѣ, приводитъ отрывки изъ донесеній Ибнъ-Розлана, изъ которыхъ видно, что въ X вѣкѣ въ Хазарской столицѣ Итилѣ, стоявшей при устьяхъ Волги, находилась цѣлая слобода Русскихъ купцовъ. А Истахри даже говоритъ, что Руссы плавали по самому Каспійскому морю и въ первые годы X вѣка ограбили Ширванъ, притомъ очевидно были тамъ не мимоходомъ, ибо у Ширванскихъ береговъ сообщили свое имя одному острову, который въ X вѣкѣ у Арабскихъ писателей и былъ извѣстенъ подъ именемъ *Джезиретъ эль-Русіе*.

Съ географическимъ извѣстіемъ о теченіи и устьяхъ Волги неразрывно соединены свѣдѣнія о Волжскихъ Булгарахъ, Буртасахъ, Хозарахъ и Хвалысахъ; ибо если Руссы въ X вѣкѣ плавали по Волгѣ и Каспійскому морю и торговали въ Булгарѣ и Итилѣ, то необходимо должны были имѣть какія либо географическія свѣдѣнія и о тамошнихъ странахъ. Но Несторъ объ этомъ говоритъ нѣсколько позднѣе, а потому и мы не считаемъ себя въ правѣ забѣгать напередъ, и обратимся къ географическимъ извѣстіямъ о самой Россіи и о Черномъ Морѣ, упоминаемымъ у Нестора въ IX столѣтіи. По свидѣтельству Нестора,

(*) Лавр. стр. 3.

какъ мы уже видѣли въ вышеприведенной выпискѣ изъ его лѣтописи, Русскіе знали устья Дуная и теченіе Днѣстра, Днѣпра, Десны, Припяти, Двины, Волхова и Волги. Потомъ въ другомъ мѣстѣ онъ же упоминаетъ о теченіи Полоты, Семи, Сулы, Ловати, о Сожѣ, Оцѣ и Бугѣ, а также объ озерахъ: Бѣлоозерѣ, Ильмерѣ, Невѣ и Кляшнѣ. И не ограничивается однимъ упоминаніемъ названій, но съ нѣкоторыми подробностями указываетъ на поселенія и города разныхъ племенъ, жившихъ по берегамъ сихъ рѣкъ и озеръ. Такъ, по его свидѣтельству, по Дунаю, Бугу и Днѣстру даже до Чернаго Моря жили Дулебы, Вельяне, Улучи и Тверьци. «Дулебы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельяныне, а Улучи и Тверьци сядяху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдаху по Днѣстру оми до моря, суть гради ихъ и до сего дне» (*). А по Днѣпру, Припяти, Двинѣ и Ильменю жила Поляне, Древяне, Дреговичи, Полочане и Славяне Ильменскіе. «Также и ти Славяне пришедше и сѣдше по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзи Древяне, зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзи сѣдоша между Припетью и Двиною; и нарекошася Дреговичи; пни сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечегъ въ Двину, именемъ Полота. Славяне же сѣдоша около озера Ильмера, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ» (*). Слѣдуя въ верхъ по Двинѣ Несторъ доходитъ до верховьевъ Волги и Днѣпра и указываетъ на жилища Кривичей. «Кривичи сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи» (†). Далѣе, перебравшись на лѣвый берегъ Днѣпра, онъ говоритъ о поселеніяхъ по Деснѣ, Семи, Сулѣ, Сожѣ и Оцѣ. «А друзи (Словѣни) сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ» (*). «Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Бясто бо два брата въ Ляхѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедша сѣдоша: Радимъ на Сѣзю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣдѣ ѣ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи» (*). Потомъ, идя по теченію Оки въ Волгу, указываетъ на жилища Муромы, Черемасы и Мордвы. «По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромы языкъ свой, и Черемасы свой языкъ, Мордвы свой языкъ (†)». Перешедши на лѣвый берегъ Оки къ сѣверу, онъ указываетъ жилища Мери и

(*) Лавр. стр. 5. (*) Тамъ же 3. (†) Тамъ же 5. (†) Тамъ же 3. (†) Тамъ же 5. (†) Тамъ же.

Веси: «на Бѣлозерѣ сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, и на Клешиинѣ озерѣ Меря же». ⁽¹¹⁾ И далѣе въ глубокомъ сѣверѣ и на западъ къ Балтійскому Морю находятъ поселенія Перми, Печоры, Ями, Литвы, Зимиголы, Корси, Норовы и Либи: «А се суть вни языци, иже дань дають Руси: Чудь, Пермь, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либи; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Асегова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ ⁽¹²⁾».

Всѣ сіи географическія свѣдѣнія собственно о земляхъ, бывшихъ въ соединеніи съ Русью, очевидно были народными преданіями, хорошо извѣстными Русскимъ племенамъ Славянъ еще въ IX вѣкѣ; ибо Несторъ говоритъ о нихъ въ самомъ началѣ своего повѣствованія, еще не приступая собственно къ Русской исторіи, которая у него начинается съ призванія Варяжскихъ князей въ 862 году. Но не объ однихъ своихъ земляхъ знали Русскія племена Славянъ; между ними ходили географическія свѣдѣнія о жилищахъ и другихъ Славянскихъ племенъ. Такъ, по свидѣтельству того же Нестора, они знали о жилищахъ Дунайскихъ Славянъ, о Моравіи, Чехіи, Сербіи, о Хорватахъ, Хорутанахъ и Ляхахъ. «По мнозѣхъ временѣхъ сѣли суть Словени по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска, отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася именовъ своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше на рѣцѣ именовъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хорвате Бѣли, и Сереби и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове же друзіи Лутичи, иви Мозовшане, иви Помаряне ⁽¹³⁾.»

Начавши собственно Русскую исторію съ 862 года, Несторъ приводитъ частію новыя географическія свѣдѣнія, заимствованныя собственно изъ домашнихъ источниковъ, частію повторяетъ прежнія. Такъ, при Рюрикѣ, говоритъ о городахъ: Ладогѣ, Новгородѣ, Изборскѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ, Муромѣ и Кіевѣ. «И избратася 3 братья съ роды своими и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Ладогѣ, а другій Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ, — и раздалъ мужемъ своимъ

⁽¹¹⁾ Лавр. стр. 5. ⁽¹²⁾ Тамъ же ⁽¹³⁾ Лавр. стр. 3.

градъ, оному Полотскъ, оному Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И не тѣмъ городомъ суть находницы Варязе; а первыи населенцы въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи,» и пр. ⁽¹⁴⁾. При Олегѣ у него являютя еще новыя извѣстїя о Русскихъ городахъ; такъ, при описанїи Олегова похода къ Кіеву, кромѣ Смоленска упоминается Любечъ, стоявшїй на Днѣпрѣ ниже Смоленска; потомъ, при заключенїи мира съ Греками, говорится о городахъ Черниговѣ и Переяславлѣ ⁽¹⁵⁾. Далѣе, при Игорѣ, говорить о новыхъ кочевьяхъ Печенѣговъ въ степяхъ, прилежащихъ къ Черному Морю и Дунаю; о морскомъ пути Руссовъ въ Константинополь по Днѣпру и, придерживаясь западныхъ береговъ Чернаго Моря, мимо устьевъ Дуная ⁽¹⁶⁾. И наконецъ, въ договорѣ съ Греками, упоминаеть о Корсунской странѣ, объ устьяхъ Днѣпра и вообще о сѣверномъ берегу Чернаго Моря и близъ-лежащихъ островахъ. «А о Корсунстѣй странѣ: елико же есть городовъ на той части, да не имать Великій Князь Русскїй, да воюеть на тѣхъ странахъ Аще обращеть въ устьѣ Днѣпрскомъ Русь Корсуняны рыбы ловаща, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь замовати въ вустыи Днѣпра, Бѣльбережа, ни у святаго Елѣарья» ⁽¹⁷⁾. Рассказывая о княженїи Ольги, Несторъ вхлѣдъ въ нѣкоторыя географическія подробности, преимущественно о Русской землѣ; такъ, напримѣръ, говоря о несольствѣ Древланъ, довольно отчетливо описываетъ мѣстность Кіева: «и присташа (послы) подѣ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода тепуша вдогъ горы Кіевскїа, и на Подольи не сѣдяху лодыи, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, вдеже есть нынѣ дворъ Горятанъ и Наквооровъ, а дворъ княжъ баше въ городѣ, вдеже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чудинъ, а переѣсени бѣ въ града, и бѣ въ града дворъ другїй, вдеже есть дворъ Демьстиковъ, а за св. Богородицею надъ горою дворъ терешный, бѣ бо ту теремъ камень» ⁽¹⁸⁾. Говоря о походѣ Ольги въ Древланскую землю, упоминаеть, что тамъ были города, изъ которыхъ главный называетъ Коростенемъ; потомъ, рассказывая о данѣ, наложенной на Древланъ, говорить, что часть этой дани должна нати Вышгороду; и наконецъ, описывая путешествїе Ольги по областямъ, сообщаетъ по-

⁽¹⁴⁾ Лавр. 9. ⁽¹⁵⁾ Лавр. 13. ⁽¹⁶⁾ Лавр. 19. ⁽¹⁷⁾ Лавр. 22. ⁽¹⁸⁾ Лавр. 23.

быя географическія свѣдѣнія о Новгородской сторонѣ, указывающія на тамошнія рѣки Мсту и Лугу и на Новгородскій приходъ Псковъ: «Иде Волга Новугороду и уставы по Мѣстѣ поновосты и дана, и по Лугѣ оброки и дани; ловаща ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и новосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне (19).»

Въ кнѣженіе Святослава у Нестора преимущественно встрѣчаются географическія свѣдѣнія о земляхъ, бывшихъ въ предѣлахъ тогдашней Руси, и особенно на юговостокъ и на югозападъ. На юговостокъ свѣдѣнія его идутъ вслѣдъ за походами Святослава къ Дону, гдѣ былъ Каварскій городъ Бѣлаа Вѣжа, и къ Кавказскимъ Горамъ, гдѣ жили Ясы и Касоги: «Иде Святославъ на Кавары . . . и бывши брани одола Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя; Ясы побѣди и Касоги» (20). На югозападъ, при описаніи Святославова похода въ Дунайскую Болгарію, встрѣчаются новыя географическія извѣстія о Днѣпровскихъ порогахъ, которые въ это время были заняты Печенѣгами, и о Болгарскихъ городахъ Переяславцѣ на Дунаѣ и Доростолѣ. Но особенно много географическихъ свѣдѣній сообщаетъ Несторъ при описаніи кнѣженія Владимира Святославича, и преимущественно о чисто Русскихъ мѣстностяхъ. Такъ мы у него въ это время находимъ много мѣстныхъ подробностей о Кіевѣ; напримѣръ, во время войны Владимира съ Ярополкомъ, онъ говоритъ о предместьяхъ Кіева Дорогожичи и Капичѣ, о теремномъ дворѣ Святослава и о городѣ Роднѣ, стоявшемъ при устьѣ Роси; а по заятіи Кіева упоминаетъ о Кіевскихъ пригородахъ: Бѣгородѣ (въ 10 верстахъ отъ Кіева: небольшой городъ, какъ сказано въ повѣсти объ ослѣпленіи Василько, стр. 110), Вышгородѣ, Василевѣ и о городахъ, выстроенныхъ Владимиромъ по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ и о селахъ Берестовомъ и на Лыбеди; а при описаніи крещенія Кіевлянъ, о Боричевскомъ берегѣ, о которомъ впрочемъ онъ говорилъ еще прежде, при разказѣ о построеніи Кіева, равно какъ и о Кіевскихъ горахъ Щеквицѣ и Хоревцѣ. А также подробнѣе объясняетъ западные предѣлы тогдашней Руси, гдѣ у него въ это время упоминаются города Туровъ, Перемышль,

(19) Лавр. 25. (20) Лавр. 27.

Червень, Владиміръ Вольшекій и земля Ятвгевъ; кромѣ того, въ это же время въ первый разъ упоминается о Тмутаракани, гдѣ, при раздачѣ владѣній сыновьямъ Владиміра, посаженъ былъ княземъ Мстиславъ. При описаніи Ярославова княженія во первыхъ у Нестора упоминаются въ первый разъ Алты и Смыдынь, на которыхъ были убиты Борисъ и Глѣбъ, первая на югъ отъ Кіева, а вторая подъ Смоленскомъ; потомъ онъ упоминаетъ о городѣ Берестѣ, на границахъ между Русью и Ляхами, куда бѣжалъ Свѣтополкъ, разбитый на Алтѣ; далѣе, о рѣкѣ Судомѣри, на дорогѣ между Новгородомъ и Полоцкомъ, гдѣ Ярославъ разбилъ Брячислава Полоцкаго, шедшаго съ добычею изъ Новгорода. Подъ 1024 годомъ указываетъ на Суздаль и Камскую Болгарію, о которой впрочемъ говорилъ и прежде, но не указывая, въ какомъ краю она находилась; здѣсь же прямо пишетъ, что изъ Суздаля въ Болгарію должно идти Волгою: «Въ се же гѣто всташа Вольсви въ Суздали . . . Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси люде въ Болгары, и привезоша жито» (21). И наконецъ, говоря о походахъ Ярослава на западъ, упоминаетъ о городахъ Бѣльзѣ и Юрьевѣ или нынѣшнемъ Дерптѣ, который построилъ Ярославъ послѣ покоренія прибалтійской Чуди (22); а при описаніи послѣдней битвы съ Печенѣгами въ 1036 году, въ первый разъ встрѣчается извѣстіе о рѣкѣ Сетомли.

Повѣствуя о событіяхъ, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, Несторъ постепенно распространяется въ географическихъ подробностяхъ о тогдашней Руси и частію о соседнихъ съ нею странахъ. Такъ, въ первый же годъ по смерти Ярослава, онъ упоминаетъ о Торкахъ, жившихъ на югъ отъ Переяслава и Кіева (23), и Половцахъ, жившихъ на югъ и юго-востокъ отъ Кіева, изъ коихъ первые упоминались еще при Владимірѣ, а вторые только что заняли мѣста Казарь и Печенѣговъ и въ 1066 году сдѣлали первый набѣгъ на приднѣпровье со стороны Алты и разбили тамъ Русскихъ князей, и потомъ, въ томъ же году, воевали у Чернигова и потерпѣли поражение у Сновска, гдѣ многіе потонули въ волнахъ рѣки Снови (24). Изъ его описанія похода Русскихъ князей на Половцовъ въ 1103 году, видно, что кочевья Половецкія доходили до Днѣпра, ниже пороговъ за Хортицкимъ островомъ и за Сутенью,

(21) Лавр. 64. (22) Тамъ же. (23) Лавр. 81. (24) Лавр. 74.

можетъ быть, вплоть до Черноморскаго берега, и между ними еще оставалось всеки Неченѣговъ и Торковъ, которая въ этомъ походѣ были покорены Русскими князьями⁽¹⁴⁾. Въ рассказѣ о набѣгѣ Половцовъ на Переяславль, въ 1108 году, другія кочевья Половецкія иыляются за Сулою и Хороломъ⁽¹⁵⁾; а подъ 1109 годомъ указывается на Донъ, какъ на главное мѣстопробываніе Половцовъ⁽¹⁶⁾. Такимъ образомъ, изъ географическихъ свѣдѣній о Половцахъ, сообщаемыхъ Нестеромъ, мы видимъ, что кочевья Половецкія въ концѣ XI и началѣ XII вѣка были разбросаны по всѣмъ степямъ на юго-востокъ отъ Сумы и Хорола, можетъ быть далеко за Донъ и Волгу, тамъ, гдѣ въ IX и X вѣкахъ жили Хазары и Буртасы; а на сѣвъ отъ Сутени и Хортаны, вѣнзъ по Днѣпру, до Чернаго Моря, въ прежнихъ жилищахъ Печенѣжскихъ. Сообщивши столь важныя въ географическомъ отношеніи свѣдѣнія о соседнихъ съ Русью странахъ на югъ и востокъ, Нестеръ представляеть не менѣе важное по времени географическое извѣстіе о странахъ глубокаго Сѣвера, частью соврѣдѣльныхъ съ тогдашнею Русью. Это извѣстіе заключается у него въ повѣщенномъ подъ 1092 годомъ вводномъ рассказѣ одного Новгородца, Гюраты Роговича, который говорилъ ему такъ: «Яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дашь дающе Новгороду; а пришедши отроку моему къ намъ, и оттуду яде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдаль отъ Самодлю на полунощныхъ странахъ. Югра же речеша отроку моему: дивно мы находимъ чюдо, его же нѣсомы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота аю до небесе, и въ горахъ тѣхъ княчь великъ и говоръ, и ебукутъ гору, хотяше высѣчися, и въ горѣ той просѣчано оконце мало, и тулѣ молвять, и есть неразумѣти языкъ ихъ, но кажутъ на желѣзо и поминають рукою, просише желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ аи, аи оубиру, дають скорою противу. Есть же нуть до горъ тѣхъ непроходимъ пронастымъ, сѣбгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же недоходимъ ихъ всегда, есть же и подалъ на полунощн⁽¹⁷⁾». Изъ этого замѣчательнаго географическаго рассказа мы видимъ, что границы Новгородскихъ владѣній

(14) Лавр. 118—119. (15) Тамъ же, 120. (16) Тамъ же, 121. (17) Тамъ же, 107.

простирались на сѣверовостокъ за рѣку Печору и до моря; за ними слѣдовали въ глубокомъ сѣверѣ Югры и Самоѣды, жившіе тамъ, гдѣ они и теперь живутъ; потому, даже на сѣверовостокъ къ Лукоморью и Каменному поясу, можетъ быть, до Обской Губы или даже далѣе за Обь, а скорѣе за Карскій Заливъ, какъ выражаетъ Несторъ: зайдуче луку моря, немали страны, уже въ XI и XII вѣкѣ посѣщаемыя, ежели не самими Новгородцами, то по крайней мѣрѣ бывшими съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ Самоѣдами и Югрою, которые сообщали Новгородцамъ, хотя темныя и даже баснословныя свѣдѣнія о всѣхъ сихъ странахъ, но изъ нихъ впрочемъ уже видно, что въ той сторонѣ лежали высокія горы, путь къ нимъ былъ загороженъ провастьями, лѣсами и глубокими сѣвгомъ, такъ, что сами Самоѣды не всегда доходили туда, но тѣмъ не менѣе знали, хотя по слухамъ, что и за ними горы были еще земли въ глубокомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ, Русскіе въ XI и XII вѣкахъ такъ далеко выходили на сѣверъ, какъ въ то время не заходилъ ни одинъ Европейскій народъ, ни даже отчаянные мореходы Норманны; и на столько знали глубокой сѣверъ Азіи, на сколько онъ не былъ извѣстенъ никому въ Европѣ, даже нѣсколько вѣковъ позднѣе. Сообщаемыя здѣсь Несторомъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ еще въ XVI вѣкѣ были совершенною новостію для Герберштейна и для всей Европы, какъ это видно изъ извѣстнаго его сочиненія *Commentarii Moscoviticarum, regum* гдѣ онъ сообщаетъ въ Латинскомъ переводѣ чисто Русское извѣстіе о пути къ Печорѣ, Югрѣ и Оби (*Itinerarium ad Pecosoram, Jugariam et Obiisque fluvium*). Лѣтописъ Нестора въ XII вѣкѣ была уже хорошо извѣстна въ большей части тогдашней Россіи, слѣдовательно; у Русскихъ того времени географическія свѣдѣнія о глубокомъ сѣверѣ Европы и Азіи были обширнѣе и вѣрнѣе, нежели у всѣхъ тогдашнихъ Европейцевъ, а Новгородцы, постоянно, годъ отъ году далѣе, проиная въ этотъ край, вѣроятно въ это же время имѣли уже свѣдѣнія болѣе полныя, нежели какія сообщены здѣсь Несторомъ; но мы пока еще не открыли источниковъ, которыми бы можно было повѣрить и опредѣлить это вѣроуііе.—Далѣе у Нестора уже не встрѣчается географическихъ извѣстій о чуждыхъ странахъ, и потому обратимся къ тѣмъ географическимъ подробно-

отямъ собственно о Россіи того времени, которыя помѣщены въ его лѣтописи при разскажѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Ярослава до начала XII вѣка. Чтобы наше изложеніе представить въ большемъ порядкѣ и опредѣленнѣе, мы будемъ говорить по Несторовой лѣтописи о каждомъ краѣ тогдашней Руси отдѣльно, и начнемъ съ Полоцкаго княжества, которое у Нестора въ это время встрѣчается въ частіи первыхъ.

При описаніи событій, относящихся къ Полоцкому и Смоленскому краю, Несторъ, подъ 1066 годомъ, во первыхъ, упоминаетъ о Минскѣ, тогдашнемъ пограничномъ городѣ Полоцкихъ владѣній; потомъ, за Минскомъ, по его разсказу, слѣдуетъ рѣка Немиза, — гдѣ по взятіи Минска былъ разбитъ Всеславъ Полоцкій — и далѣе рѣка Рша подъ Смоленскомъ, гдѣ Ярославичи измѣнически схватили Всеслава⁽²⁹⁾. Подъ 1092 годомъ, говорятъ о Полоцкомъ пригородѣ Дрютьскѣ⁽³⁰⁾, гдѣ нибудь неподалеку отъ нынѣшняго Могилева, на берегахъ рѣки Друда, между Дзвипромъ и Березиною. Нѣсколько прежде, подъ 1071 годомъ, Несторъ упоминаетъ еще объ одномъ Полоцкомъ пригородѣ Голотичскѣ, у котораго Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміро - Вольинскій и Туровскій, побѣдилъ въ этотъ годъ Всеслава, князя Полоцкаго⁽³¹⁾. Голотичскъ вѣроятно былъ гдѣ нибудь на югъ отъ Минска по теченію Березины, на границахъ Туровскихъ и Полоцкихъ владѣній, можетъ быть, гдѣ нынѣ Гольяка, неподалеку отъ Санслова, нѣсколько вправо отъ дороги изъ Турова въ Минскъ. Подъ 1074 г. упоминаетъ о Тороцѣ⁽³²⁾.

На югъ и западъ отъ Полоцкаго края идутъ страны Туровскія, Вольновскія и Червенскія. Несторъ особенно представляетъ много подробностей о землѣ Вольновской, гдѣ по смерти Ярослава у него встрѣчаются города Дорогобужъ, близъ нынѣшняго Ровна на Горыни, который въ 1084 году былъ отданъ Всеволодомъ Давыду Игоревичу; потомъ, подъ 1085 годомъ, упо-

(29) Лавр. 72. Немизою Несторъ не называетъ ли Березину, которой нельзя было миновать Ярославичамъ, идя отъ Минска къ Полоцку. Пещину же назвать какимъ либо городомъ никакъ нельзя, ибо въ словѣ о полку Игоревѣ прямо сказано: Немизѣ кровавы бразѣ. (30) Лавр. 92.

(31) Тамъ же, 75. (32) Тамъ же, 88.

называется Луческъ, лежащій нѣсколько на юго-востоку отъ Владимира-Волынскаго: изъ этого города въ 1085 году Ярополкъ Изяславичъ, преслѣдуемый Меномахомъ, бѣжалъ въ Лаху. Въ слѣдующемъ году встрѣчаются Червенскіе города Звенигородъ и Перемышль; недалеко отъ перваго изъ нихъ въ этомъ году былъ убитъ Ярополкъ Изяславичъ, а второй въ то время принадлежалъ Рюрику Ростиславичу, къ которому бѣжалъ Ярополковъ убійца Нерядецъ. Подъ 1097 годомъ у Нестора упоминается о Теремовѣ, также Червенскомъ городѣ, который въ это время принадлежалъ Васильку Ростиславичу ^(*). Подъ 1100 годомъ встрѣчаются Волынскіе города Бужекъ, Дубень и Чарторыескъ, данные на Убитичьскомъ свѣздѣ Давыду Игоревичу, выведенному изъ Владимира-Волынскаго ^(**). Бужекъ и теперь еще существуетъ въ Галиціи и лежитъ при Бугѣ, между Львовымъ и Бродами, прямо на югъ отъ Владимира-Волынскаго, а Дубень можетъ быть вышшій Дубно, на юго-востоку отъ Луцка, между Луцкомъ и Кременцемъ; Чарторыескъ въ вышшнемъ Луцкомъ уѣздѣ, на сѣверовостоку отъ Луцка.

Обращаясь къ востоку отъ Волынской земли, идетъ земля Киевская и Переяславская. Несторъ объ этомъ правъ, во второй половинѣ XI и въ началѣ XII столѣтія, сообщаетъ слѣдующія подробности. Подъ 1080 годомъ у него встрѣчаются Переяславскіе Торни ^(*). Подъ 1084 годомъ городъ Олешья, внизъ по Днѣпру, даже за порогами. Упоминаніе объ Олешьѣ нѣкоторымъ образомъ указываетъ, что все теченіе Днѣпра на югъ до впаденія его въ Черное Море принадлежало къ владѣніямъ Киевскаго князя; ибо тогдашній Киевскій князь Всеволодъ, желая выпроводить изъ Олешья верзавшагося туда Давыда Игоревича и захватившаго тамъ Греческихъ купцовъ, далъ ему, въ замѣнъ Олешья, Дорогобужъ. Или, если нельзя допустить, чтобы Киевскія владѣнія такъ далеко простиралась на югъ; то надобно согласиться, что Олешья было вольнымъ торговымъ городомъ, ближайшимъ рынкомъ для торговли Киева съ Греціею, состоявшимъ подъ покровительствомъ Киевскаго князя; въ противномъ случаѣ, Всеволоду нѣ зачѣмъ бы было вызывать оттуда Русскаго же Князя Давыда Игоревича и въ замѣнъ Олешья отдавать ему свой городъ Дорогобужъ. Подъ

(*) Лавр. 109. (**) Тамъ же, 116. (1) Тамъ же, 87.

1092 году у Нестора встрѣчаются города Плесень и Перезлока, на границахъ Половецкихъ ⁽²⁰⁾. Первый на лѣвомъ берегу Сулы, на югѣ отъ Переяслава, гдѣ нынѣ мѣстечко Песчаное, или можетъ быть на рѣкѣ Удаѣ, на лѣвомъ ея берегу, повяже Перезлови, гдѣ нынѣ мѣстечко Пески, неподалеку отъ Лубенъ; а второй нѣсколько на сѣверовостокъ отъ Переяслава, на одномъ изъ притоковъ рѣки Удая. Въ олдѣющемъ году упоминаются города: Треполь, Желань, Торческъ и рѣка Стугна ⁽²¹⁾. Всѣ сии мѣста лежали на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева; именно: Треполь при впаденіи Стугны въ Днѣпръ, гдѣ нынѣ мѣстечко Треполье; Желань правѣе Треполя, ближе къ Кіеву, т. е. между Кіевомъ и Вышгородомъ; и наконецъ Торческъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Роси, съ лѣвой стороны. Этотъ городъ, по смыслу лѣтописи, былъ, кажется, главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ Торковъ, жившихъ по рѣкѣ Роси, и въ сіе время, вѣроятно, составлялъ пограничную крѣпость Кіевскихъ владѣній съ ниже-Днѣпровскою Половецкою степью и, должно быть, былъ укрѣпленъ довольно сильно, ибо въ 1093 году Половцы могли его взять только послѣ девяти-недѣльной осады. Подъ 1095 годомъ Несторъ упоминаетъ, по случаю нападенія Половцовъ на Поросье, о городахъ Юрьевѣ и Святполчѣ ⁽²²⁾. Юрьевъ очевидно принадлежалъ къ Торчевскимъ городамъ, расположеннымъ по сѣверному берегу Роси для отраженія или удержанія Половцовъ съ этой стороны; Святполчъ же въ настоящемъ году востроенъ былъ Святполкомъ на Витичевомъ холму, что лежитъ на западномъ берегу Днѣпра, нѣсколько выше Треполя, именно для поселенія Юрьевцевъ, которые бѣжали изъ своего города отъ Половцовъ, заботовавшихъ тогда въ Поросьѣ. Подъ 1096 годомъ упоминается городъ Зарубъ на Кіевской сторонѣ Днѣпра, противъ устья Трубежа, гдѣ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ бродъ черезъ Днѣпръ; по этому броду въ 1096 году Святполкъ и Монахъ перешли Днѣпръ и напали на Половцовъ, стоявшихъ за Трубежомъ ⁽²³⁾. Кажется, Зарубъ также принадлежалъ къ Торчевскимъ и Берендѣйскимъ городамъ, построеннымъ для отраженія Кіевской области отъ набѣговъ Половецкихъ; ибо подъ 1105 годомъ въ лѣтописи сказано: «аршедь Бонякъ змѣгъ

(20) Лавр. 92. (21) Тамъ же, 94. (22) 97. (23) 98.

на Зарубѣ и вѣдѣи Торин и Берендѣевъ (*). Подъ 1098. годомъ лѣтописи упоминають о Городецѣ, неподалеку отъ котораго заключенъ былъ въ этомъ году миръ Мономаха, Давыда и Олега съ Святополкомъ (**). Городецъ этотъ, вѣроятно, былъ нѣсколько ниже Кіева на восточномъ берегу Днѣпра; ибо миръ сей былъ заключенъ именно тогда, когда Мономахъ, съ своими союзниками шедшій отъ Переяслава, хотѣлъ броситься черезъ Днѣпръ для нападенія на Кіевъ. Далѣе, подъ 1101. годомъ, говорится о рѣкѣ Золотчѣ, гдѣ тогда воевали Русскіе князья противъ Половцовъ, и о городѣ Саксѣ, гдѣ заключенъ былъ миръ между Половцами и Русскими. Золотча течетъ на восточной сторонѣ Днѣпра, начинаеть выше Кіева и впадаетъ нѣсколько ниже; городъ Саксѣ также былъ на восточной сторонѣ Днѣпра, нѣсколько выше Канева: онъ, кажется, принадлежалъ, подобно Торческу и Зарубу, къ разряду городовъ пограничныхъ, построенныхъ для удержанія Половцовъ; около него жилъ Турпѣн (**). Подъ 1104. годомъ упоминается Зареческъ, около котораго тогда воевали Половцы и были разбиты воеводами Святополка, князя Кіевского (**). Зареческъ, вѣроятно, стоялъ на южномъ берегу Роси, и потому, въ отношеніи къ Кіеву, былъ за рѣкою; полагать сего Зареческа за Сулою нельзя, ибо тогда на защиту ея приходили бы полки отъ Переяславскаго князя Мономаха, а не отъ Кіевского Святополка. Подъ 1107. годомъ встрѣчается въ Переяславскомъ княжествѣ городъ Лубно на рѣкѣ Сулѣ, куда доходилъ въ томъ году Половецкіе князья (**). Подъ 1110. годомъ, по случаю похода на Половцовъ, упоминается вѣсточко Воина, отъ котораго Русскіе князья воротились съ похода (**). По лѣтописи нельзя прямо указать, гдѣ именно была эта Воина; но, судя по ходу событій, вѣроятно гдѣ нибудь около Сулы, гдѣ и теперь еще существуютъ два вѣсточка подъ подобнымиъ названіями: одно *Воинско*, за Сулою на востокъ, неподалеку отъ Лубенъ, а другое *Воинское*, почти при устьѣ Сулы, на западномъ берегу.

На сѣверъ отъ Переяславскихъ владѣній идутъ страны: Черниговская, Сѣверская, и далѣе на сѣверо-востокъ до Оки, земли Рязанская и Муромская, а далѣе за Окою на сѣверъ, обширная страна Суздальская. Несторъ, въ своей лѣтописи, рассказываеи

(*) Лавр. 119. (**) Тамъ же, 116. (***) 141. (****) 119. (****) 126. (****) 121.

о событіяхъ по смерти Ярослава, сообщаетъ о всѣхъ сихъ странахъ слѣдующія подробности. Подъ 1064 и 65 годами онъ довольно опредѣленно говоритъ о Тмутаракани, которая въ это время принадлежала къ Черниговскимъ владѣніямъ; изъ его словъ видно, что Тмутаракань лежала въ сосѣдствѣ съ Козарями (*), неподалеку отъ Касоговъ и отъ Корсуна, и была въ близкихъ сношеніяхъ съ Греками, которые опасались храбраго Ростислава Владиміровича, Тмутараканскаго князя, и постарались сбить его (**). Разказы Нестора о Тмутараканскихъ событіяхъ вообще чрезвычайно важны въ географическомъ отношеніи за XI вѣкъ: они, при помощи другихъ источниковъ, показываютъ, что сѣверный берегъ Чернаго моря, и особенно Крымскій Полуостровъ и прилежащія къ нему страны, а также Азовское море и низовья Дона, въ это время были раздѣлены между Казарями, Греками, Русскими и жителями Кавказа. Подъ 1067 годомъ упоминается о рѣкѣ Сновѣ и городѣ Сновскѣ, неподалеку отъ Чернигова, гдѣ Святославъ въ этомъ году разбилъ Половцовъ (**); рѣка Снова существуетъ и теперь подъ тѣмъ же названіемъ и впадаетъ съ правой стороны въ Десну въ нынѣшнемъ Черниговскомъ уѣздѣ. Подъ 1071 годомъ сказано, что Половцы воевали у Ростовца и Неатина (**). По географическому отрывку, напечатанному въ Воскресенскомъ списокѣ Кіевской лѣтописи, мѣста сія значатся на Деснѣ, между Новгородомъ Сѣверскимъ и Брянскомъ. Подъ тѣмъ же годомъ, рассказывая о событіяхъ Ростовскихъ, Несторъ упоминаетъ о городѣ Ярославѣ; принадлежавшемъ къ Ростовской области, и о рѣкѣ Шекснѣ (**); а подъ 1074 годомъ, рассказывая о Св. Антоніи, онъ упоминаетъ о Болвинныхъ Горахъ близъ Чернигова (**). Подъ 1078 годомъ говорится о Сѣжнѣ или Сожицѣ, гдѣ тогда Половцы разбили Всеволода, княжившаго въ Черниговѣ (**). Сожицею называется очевидно какая либо рѣка, текущая въ предѣлахъ Черниговской и Переяславской области, и можетъ быть, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, нынѣшняя рѣка Оржица, впадающая съ западной стороны въ Сулу. Подъ 1087 годомъ у Нестора упоминается о городѣ Муромѣ, который въ этомъ году былъ взятъ Камскими Болгарами (**). Это упоминаніе въ географическомъ отношеніи имѣетъ то значеніе, что

(*) Лавр. 88. (**) 70—72. (***) 74. (****) 75. (*****) 75. (*****) 83. (*****) 85. (*****) 98.

Болгары въ это время сосѣдили устьямъ Оки и слѣдовательно Черниговскому Княжеству, ибо Муромъ принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ. Въ 1095 году въ первый разъ упоминается о Курскѣ, откуда въ это время Мономаховъ сынъ Изяславъ ходилъ на Муромъ ⁽⁴⁴⁾. Этимъ извѣстіемъ о Курскѣ значительно пополняются географическія свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Днѣпра. А подъ 1096 годомъ встрѣчается извѣстіе о Стародубѣ и Рязани, которое также пополняетъ географическія свѣдѣнія на сѣверовостокъ отъ Днѣпра ⁽⁴⁵⁾. Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ еще, упоминается о городѣ Суздали и о рѣкѣ Клязми подл Суздалемъ ⁽⁴⁶⁾.

Изъ мѣстностей Новгородскаго края Несторъ, въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Ярослава, упоминаетъ только одно Заволочье, гдѣ былъ убитъ Глѣбъ Святославичъ въ 1078 году ⁽⁴⁷⁾. Вотъ и всѣ географическія свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Несторовою лѣтописью, окончивающеюся 1110 годомъ. Но другими Русскими источниками того же времени свѣдѣнія сіи значительно пополняются, а именно: поученіемъ Владимира Мономаха, повѣстью Василія объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича, Новгородскими лѣтописями и путешествіемъ игумена Данила въ Іерусалимъ. А посему теперь нужно разсмотрѣть каждый изъ сихъ источниковъ отдѣльно.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи указываетъ, во-первыхъ, на двоякій путь изъ Приднѣпровья въ Ростовъ, черезъ землю Ватчей, т. е. по теченію Оки, и черезъ Смоленскъ, или идучи вверхъ по Днѣпру. Потомъ, по его же указанію, мы въ первый разъ узнаемъ о городахъ Сутейскѣ, Бродахъ и Микулинѣ, въ Волынской и Червенской сторонѣ, и первый вѣроят-но на границахъ съ Ляхами, какъ можно заключить изъ самаго разсказа: » по велицѣ дни идохъ изъ Переслава та Володиміра на Сутейску мира творить съ Ляхы ⁽⁴⁸⁾»; второй и теперь извѣстенъ подл старымъ названіемъ, а послѣдній не одно ли съ нынѣшнимъ Микулищемъ въ Тарнопольскомъ уѣздѣ въ Галиціи? Далѣе Владиміръ говоритъ, что онъ, вмѣстѣ съ Ляхами, водилъ Русскія войска въ Силезію, пробылъ тамъ четыре мѣсяца и доходилъ до Глоговы (Глогау) и до Ческаго Лѣса, по приказу тогдашняго Кіевскаго князя Святослава; такимъ образомъ, изъ

⁽⁴⁴⁾ Лавр. 98. ⁽⁴⁵⁾ Тамъ же. ⁽⁴⁶⁾ 108. ⁽⁴⁷⁾ 85. ⁽⁴⁸⁾ 103.

его указанія мы получаемъ первыя географическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XI столѣтія о земляхъ, лежавшихъ за Польшею на западъ. Владиміръ также дополняетъ въ своемъ поученіи географическія свѣдѣнія XI столѣтія о Полоцкомъ краѣ, въ предѣлахъ котораго указываетъ на города Логожскъ, на югъ отъ Полоцка, нынѣшній Логойскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, и на Лукомль, на юго-западѣ отъ Полоцка, нынѣшняя Лукомля, въ Сѣннинскомъ уѣздѣ, и кажется тамъ же помѣщаетъ мѣстечко или городъ Одрскъ, можетъ быть на нынѣшней рѣкѣ Одровѣ въ Коцмыскомъ уѣздѣ, слѣдовательно на границахъ Полоцкихъ владѣній съ Смоленскими. Потомъ, обращаясь къ Переяславию, онъ указываетъ на неизвѣстный изъ другихъ источниковъ городъ или мѣстечко Обровъ, вѣроятно, на одномъ изъ притоковъ рѣки Трубежи, гдѣ нынче мѣстечко Бобровица, на половинѣ пути отъ Чернигова къ Переяславию. Въ Черниговскихъ же предѣлахъ въ первый разъ говорятъ о Новгородѣ-Сѣверскомъ, а въ землѣ Вятчей о городѣ Коряднѣ; потомъ, поворачивая на югъ къ степямъ Половецкимъ, о рѣкѣ Хорогѣ и городѣ Горошинѣ, стоявшемъ на восточномъ берегу Сулы, на одной линіи съ Каневымъ. Далѣе, нѣсколько на западъ отъ Сулы, говоритъ о городѣ Вороницѣ, лежавшемъ на рѣкѣ Крапивнѣ, неподалеку отъ впаденія ея въ Золотоношу, верстъ на 50 южнѣе Горошина, въ сосѣдствѣ съ поселеніями Торковъ Половецкихъ, племени Итичевичей, которое жило на востокъ за Сулою, слѣдовательно въ Переяславскихъ владѣніяхъ, самымъ дальнимъ городомъ, глубоко вдавшимся въ Половецкія степи. Продолжая описывать свои походы на Половцовъ, онъ упоминаетъ о городѣ Прилукѣ, о рѣкѣ Супоѣ, о городѣ Бѣлой-Вѣжѣ, при верховьяхъ рѣкѣ Остера и Удая, на границахъ Переяславскихъ владѣній съ Черниговскими, верстахъ въ пятидесяти отъ Прилука, на сѣверо-востокъ къ Сулѣ; далѣе о городѣ Халепѣ, вѣроятно, гдѣ-нибудь на Сулѣ^(*). Потомъ говоритъ о Римовѣ, должно быть гдѣ нынѣ селеніе Римъ, на одной линіи съ Прилуками, въ 40 верстахъ прямо на востокъ, верстахъ въ 15 отъ

(*) Здѣсь мудрено допустить Халепъ Днѣпровскій, лежавшій неподалеку отъ Триполя, ибо Мономахъ говоритъ, что послѣ битвы на Сулѣ онъ до вечера еще былъ у Халепа; а Днѣпровскій Халепъ отъ Сулы отстоитъ никакъ не ближе 140 верстъ.

Сулы. За Римовымъ упоминаетъ о рѣкѣ Голтавѣ, что нынѣ Голтва, съ востока впадающая въ рѣку Пселъ: это уже въ предѣлахъ Половецкихъ степей, отъ Римова на юго-востокъ въ 130 верстахъ. Потомъ, обращаясь на сѣверо-западъ, упоминаетъ о Святинѣ или Кенятинѣ, на восточномъ берегу Сулы, вверхъ отъ паденія въ нее рѣки Удая, въ нынѣшнемъ Лубенскомъ уѣздѣ; далѣе о Ромнѣ, вверхъ по Сулѣ, на сѣверо-востокъ отъ Лубно, и о Выри, неподалеку отъ Ромна на востокъ, также вверхъ по Сулѣ: это, кажется, было при Мономахѣ самое дальнее пограничное мѣсто Переяславскихъ владѣній къ восточнымъ или Придонскимъ кочевьямъ Половцовъ. Такимъ образомъ, Мономахъ, въ своемъ поученіи, первый представляетъ самыя подробныя географическія свѣдѣнія о границахъ Переяславскихъ владѣній, на югъ и востокъ къ кочевьямъ Половецкимъ.

Поученіе Мономаха дополняетъ географическія свѣдѣнія о границахъ Киевскихъ владѣній съ Половецкими кочевьями, гдѣ, должно быть по берегамъ Роси, помѣщаетъ города Святославль, Красенъ и Варинъ. Судя по смыслу разсказа, Святославль стоялъ ближе къ переправѣ черезъ Днѣпръ, на Киевской сторонѣ; за Святославлемъ слѣдовалъ Торческъ, потомъ Юрьевъ, далѣе Красенъ и наконецъ Варинъ, уже въ степяхъ Половецкихъ; ибо Мономахъ говоритъ, что, по разбитіи Половцовъ у Бѣлой Вежи, «и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцахъ, и потомъ на Торческій городъ, и потомъ на Порчевъ по Половцехъ, и пакы на той же сторонѣ у Красна Половцы побѣдихомъ; и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежи взяхомъ»⁽⁶⁰⁾.

Въ повѣсти объ ослѣпленіи князя Теробовльскаго Василька Ростиславича, встрѣчающіяся географическія извѣстія преимущественно относятся къ западному краю тогдашнихъ Русскихъ владѣній и собственно къ Волини, Турову и Червонной Руси, и частію къ Киевской области. Здѣсь писатель-современникъ во-первыхъ упоминаетъ о Выдубичѣ и Рудицѣ, возлѣ Кіева; потомъ говоритъ, первый изъ современниковъ, о Пинскѣ, городѣ Туровской области, по прямому направленію на западъ отъ Турова, при рѣкѣ Припети; далѣе упоминаетъ о городѣ Здвиженѣ, на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ-Волинскій, на рѣкѣ Здвижѣ, въ нынѣшнемъ Киевскомъ уѣздѣ. Вступя въ Туровскій край, онъ

⁽⁶⁰⁾ Лавр. 103.

упоминаетъ, кромѣ Турова и Пивска, о Берестѣ и Погоривѣ ^(*). Здѣсь, подъ именемъ Погоривы, очевидно падлежитъ разумѣть всю страну Туровскихъ владѣній, лежащую по рѣкѣ Горыни, начинающейся на востокъ отъ Кременца, идущей съ юга на сѣверъ и впадающей въ Припеть между Туровомъ и Пинскомъ; Берестьемъ же безъ сомнѣнія называетъ нынѣшній Брестъ-Литовскій. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ, что Туровскія владѣнія тогда занимали огромныя пространства, — съ востока на западъ, отъ низовья Березины и даже на востокъ за Березину до крайнихъ предѣловъ тогдашней Руси на западѣ, т. е. до Бреста-Литовскаго и Дрогичина; а съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ Горыни до предѣловъ Полоцкихъ, гдѣ стояли впоследствии Туровскіе города Несвижъ и Слуцкскъ. Въ самой Вольнской странѣ указываетъ на тамошніе, прежде невѣстные города Всеволожъ, Шеполь и Перемиль, которые Давыдъ Игоревичъ, Владиміро-Вольнскій князь, предлагалъ на выборъ своему узнику, ослѣпленному Васильку Ростиславичу; города сіи вѣроятно были въ нынѣшнемъ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ Вольнской губерніи, на что указываетъ, какъ смыслъ самаго разсказа, такъ и сохранившееся доселѣ названіе селенія Перемилки въ Дубенскомъ уѣздѣ. А Всеволожъ, какъ говоритъ та же повѣсть, лежалъ на дорогѣ отъ Теробовля къ Владиміру-Вольнскому, и едва ли не ближайшимъ городомъ къ сему послѣднему; ибо, далѣе въ разсказѣ, Василько и Володаръ, во время войны съ Давыдомъ Игоревичемъ, на первый напали на Всеволожъ, а по взятіи его осадили Владиміръ, слѣдовательно Всеволожъ прямо приходился въ Луцкомъ уѣздѣ, какъ сосѣднемъ съ Владимірскимъ уѣздомъ. Далѣе, упоминаетъ о Луцкѣ и Турійскѣ, какъ городахъ сосѣднихъ съ Владиміромъ: оба сіи города существуютъ и теперь, Луцкъ, какъ уѣздный городъ, на юго-востокъ отъ Владиміра, при рѣкѣ Стырѣ, а Турійскъ, какъ деревня, на сѣверъ отъ Владиміра верстахъ въ 30, при рѣкѣ Туріи, впадающей въ Припеть. Потомъ, описывая войну Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ, говоритъ о Берестѣ на Бугѣ, т. е. о нынѣшнемъ Брестѣ-Литовскомъ, куда Святополкъ приходилъ для переговоровъ съ Ляхами, какъ въ пограничный городъ Туровскихъ владѣній. Далѣе, говоря о войнѣ Святополка

(*) Лавр. 112.

съ Ростиславичами, упоминаеть о городѣ Перемышль, нынѣшній Пресмысль на Санѣ, и о рѣчкѣ Вагрѣ, неподалеку отъ Перемышля впадающей въ Санѣ; и сямъ оканчиваются географическія свидѣнія, встрѣчающіяся въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька Ростиславича Тербовльскаго.

Новгородскія лѣтописи представляютъ географическія извѣстія преимущественно о Новгородскомъ краѣ, да и то очень незначительныя; ибо самыя лѣтописи, до предположеннаго нами времени, т. е. до 1110 года, вообще, очень кратки и отрывочны. Третья-Новгородская лѣтопись, подъ 988 годомъ, упоминаеть о Новгородскомъ урочищѣ Перыни, гдѣ во время идолопоклонства Новгородцовъ стоялъ идолъ Перуна ⁽⁵²⁾, а въ слѣдующемъ году о каменномъ городищѣ на берегу Волхова; подъ 1015 годомъ о Новгородскомъ пригородѣ Торжкѣ; подъ 1036 годомъ говоритъ, что Ярославъ жилъ въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, близъ рѣки Волхова, и что за сямъ мѣстомъ въ послѣдствіи осталось названіе Ярославово городище ⁽⁵³⁾. А первая Новгородская лѣтопись, подъ 1040 годомъ, упоминаеть о Финскомъ племени, извѣстномъ подъ названіемъ Еми, съ которымъ въ этомъ году воевалъ Новгородскій князь Владиміръ Ярославичъ ⁽⁵⁴⁾; племя это жило въ нынѣшней Финляндіи, вплоть до Балтійскаго Моря. Въ третьей же Новгородской лѣтописи, подъ 1044 годомъ, упоминается о построеніи каменной крѣпости на Софійской сторонѣ ⁽⁵⁵⁾; и тамъ же, подъ 1059 годомъ, встрѣчается извѣстіе о городѣ Копысѣ, въ предѣлахъ Полоцкаго княженія; на этотъ городъ, по свидѣтельству лѣтописи, лежала дорога изъ Кіева въ Новгородъ. Подъ 1069 годомъ, въ первой Новгородской лѣтописи, упоминается о Вожанахъ, т. е. жителяхъ Водьской пятины, подчиненной Новгороду ⁽⁵⁶⁾. Эта пятинна, населенная разными Финскими племенами, лежала нѣсколько на юго-западъ отъ Новгорода и съ одной стороны соприкасалась къ Финскому заливу, а съ другою сосѣдила съ Полоцкими владѣніями. Въ 1069 году Вожане были въ союзѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, за что были жестоко наказаны Новгородцами подъ предводительствомъ Глѣба Святославича, который разбилъ Всеслава и Вожавъ на Гвези, подъ самымъ Новгородомъ.

Извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородскихъ лѣтописей,

⁽⁵²⁾ Новг. 207. ⁽⁵³⁾ Тамъ же, 210. ⁽⁵⁴⁾ 2. ⁽⁵⁵⁾ 211. ⁽⁵⁶⁾ 2.

оканчиваются всё дошедшія до насъ отечественныя географическія свѣдѣнія (до 1110 года), относящіяся собственно до Россіи и до странъ, съ нею сопредѣльныхъ. Но, за это же время, древняя Русская литература представляетъ превосходнѣйшій сборникъ географическихъ свѣдѣній о восточномъ краѣ Средиземнаго моря и о Палестинѣ и Сиріи, составленный Русскимъ игуменомъ Давиломъ, путешествовавшимъ въ Іерусалимъ въ княженіе Святополка Изяславича.

Извѣстія, сообщаемыя игуменомъ Давиломъ о пройденныхъ имъ странахъ, такъ были занимательны въ свое время, что у предковъ нашихъ Давилова книга, извѣстная подъ именемъ Странника, была любимѣйшимъ чтеніемъ и дошла до насъ во многихъ спискахъ; да и теперь она во многомъ еще не утратила своего значенія. Замѣчательно, что игумень Давилъ начинаетъ описаніе своего путешествія только съ выѣзда изъ Константинополя, о пути же своемъ изъ Россіи не говоритъ ни слова; это даетъ поводъ думать, что дорога изъ предѣловъ тогдашней Руси до Константинополя была слишкомъ извѣстна современникамъ Давиловымъ, и можетъ быть имѣла уже своихъ описателей, почему Давилъ и почелъ неинтереснымъ и излишнимъ повторять уже извѣстное. Вполнѣ ли правильно настоящее наше мнѣніе, мы не утверждаемъ, ибо прямыхъ данныхъ, ни pro, ни contra, нѣтъ валицо; но постоянныя и близкія сношенія, по-крайней-мѣрѣ, приднѣпровскихъ Руссовъ съ Византійскими Греками, въ нѣкоторой степени могутъ служить опорой тому, что путь изъ Руси въ Константинополь, ежели и не былъ описанъ никѣмъ изъ Русскихъ въ X или XI столѣтіи, то по-крайней-мѣрѣ такъ хорошо и подробно былъ знакомъ въ разсказахъ между народомъ, что самое описаніе было бы уже излишнимъ и нелюбопытнымъ. Припомнимъ, что, по свидѣтельству лѣтописи, Кіевляне въ 1068 году грозили князьямъ сжечь свой городъ и удалиться въ Греческую землю⁽⁶⁷⁾: конечно, еслибъ путь въ Византію не былъ хорошо знакомъ Кіевлянамъ, то они не подумали бы прибѣгать къ такой угрозѣ, да и князья бы ей не повѣрили; но князья принудили Изяслава удалить Ляховъ, чего хотѣлось Кіевлянамъ, слѣдовательно угрозу Кіевлянъ считали возможною, и путь въ Грецію знакомымъ и обычнымъ для Русскихъ.

⁽⁶⁷⁾ Лавр. 74.

Собирая и сообщая географическія свѣдѣнія Русскихъ людей въ началѣ XII столѣтія о Русской землѣ и сопредѣльныхъ съ нею странахъ, было бы несправедливымъ не представить свѣдѣній въ началѣ того же XII вѣка, собранныхъ Русскимъ игуменомъ Данииломъ о пройденныхъ имъ странахъ на Востокъ, и тѣмъ болѣе, что самъ Даниилъ, при благочестивой цѣли посѣщенія Св. Земли, имѣлъ въ виду и ту цѣль, чтобы сообщить своимъ современникамъ подробнѣйшія свѣдѣнія о Востокѣ, для чего даже не жалѣлъ и издержекъ, какъ это онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ: «Азъ бо, недостойный игуменъ Даниилъ, пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцъ въ мѣстохъ св. Саввы, и оттолѣ многохъ походить, испытудя вси св. мѣста, и видѣхъ и. Невозможно бо безъ вожа добрѣ ходити, и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ св. мѣсть. И что у себя имѣя въ руку моего худаго добитка, отъ того всѣмъ подавахъ вѣдающимъ добрѣ вся св. мѣста во градѣ и внѣ града, да быша ми указали всѣ добрѣ.» А прежде того пишетъ: «Да и се написахъ вѣрныхъ ради человекъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потщался душею и мыслею ко святымъ си мѣстомъ и равну мзду симъ приметъ съ ходившими до св. мѣсть.»

Описаніе путешествія Даниилова можно раздѣлить на три части: на описаніе пути до Іерусалима, на описаніе самаго Іерусалима съ окрестностями, и на описаніе Галлилеи и поморья.

Въ первой части Даниилъ сообщаетъ слѣдующія подробности о странахъ, лежащихъ на пути до Іерусалима: «Путь во Іерусалимъ отъ Царяграда по Узкому Морю итти 30 верстъ, до Петала острова, а до великаго моря 100 верстъ отъ Царяграда. А то есть первой островъ на Узцѣ морѣ; и есть ту лимень добръ; и ту есть градъ Ираклій великій. . . А отъ Петолы острова до Галлипола 100 верстъ, а отъ Галлипола града до Абида 50 верстъ. . . А отъ Абида до Ида 20 верстъ. И ту есть на великое море вытти налѣво во Іерусалимъ, а на десную ко св. горѣ, къ Селуню и къ Риму. А отъ Ида до Тенедоса острова 30 верстъ, то есть первый островъ на велицѣмъ морѣ. . . И ту есть противу того острова градъ бысть великъ, а имя ему Трояда. . . А отъ Тенедоса острова до Митилена острова 100 верстъ. . . А оттуда до Хіоса острова 100 верстъ, въ томъ бо островѣ раждается мастиха и вина добрая и овощи всяки. А

отъ Хиоса до Ефеса города есть версть 60 . . . А Ефесъ градъ есть на сушѣ отъ моря вдалѣе 4 версты, въ горахъ, обленъ же есть всѣмъ. . . . Отъ Ефеса до Самоса острова версть 40, и въ томъ островѣ рыбы многія, обленъ же островъ той всѣмъ. Отъ Самоса острова до Карія острова 20 версты. А отъ Карія острова до Патмоса острова 2 версты. Вдалече, всторонѣ по морю, Патмосъ островъ. . . . А оттуда есть Леросъ, тожъ Нисара островъ; и потомъ Косъ островъ великъ великъ, и богатъ всѣмъ, людьми и скотомъ, тажъ Телосъ островъ, тажъ Харскіе острова. И всѣ тѣ острова богаты людьми и скоты, близъ себе, по десяти версты имутъ межъ собою. Тожъ Родосъ островъ великъ великъ и богатъ всѣмъ. Въ томъ островѣ былъ Олегъ князь Рускій два лѣта и двѣ зимы. А отъ Родоса острова до Самоса версть 200. А отъ Самоса острова до Накрина острова версть 60; ту градъ Накринъ. Въ томъ градѣ Накринѣ и по земли той по всей полны до Миръ, ту ся раждается темьянъ Готевнъ-чермный. А отъ Накрина до Патера града есть версть 40. Ту есть рожество Св. Николы, той есть и отчина его градъ Патерь. А отъ Патера до Миръ версть 40, идѣ же гробъ Св. Николы. А отъ Миръ до Хелидонія версть 60. А отъ Хиоса до Кипра острова до великаго есть версть 200. Кипръ же островъ великъ великъ, и множество въ немъ людей, и обленъ же есть всѣмъ добрымъ. Суть же бо въ немъ Епископовъ 24, все жъ митрополю одна. . . . И ту ражається ладонъ темьянъ, спадываетъ съ небеси яко роса, мѣсяцъ Іюли ажъ Августа. Суть бо мнози по горамъ древца малые, низки съ травою, на то падаетъ темьянъ той добрый, и емлютъ въ та два мѣсяца, а въ иные не падаетъ. А отъ Кипра острова до Яфа града есть версть 400, все по морю иди. А всего пути и по морю и по земли отъ Царяграда до Яфа есть версть 1000 и 600. Яфа же есть на брезѣ близъ Іерусалима, а оттуда иди по суху къ Іерусалиму версть 30, да по полю 10 версть по герамъ до церкви Св. Георгія. Ту есть церковь Св. Георгія велика, создана клетцки, ту и гробъ его бысть подъ олтаремъ, ту мученикъ Христовъ Георгій, и воли многи суть. И ту опочиваютъ всѣ пришельцы странники у воды тоя, со страхомъ великимъ; есть бо мѣсто то пусто и донинѣ. Ту бо близъ есть Асколонъ градъ: Срацыни выходятъ и побиваютъ странныя на пути. Да ту есть болѣзнь велика. А отъ мѣста Св. Ге-

оргія въ горы до Иерусалима есть 19 верстъ великихъ; но все въ горахъ каменныхъ, путь тяжкой и страшенъ вельми.

Вторая часть труда Давидова начинается описаніемъ мѣстностей Иерусалимскихъ. «И есть же Св. градъ Иерусалимъ въ дебрѣхъ, около его горы каменны высоки, и олны пришедъ близъ городу ту видѣти градъ. Первое видѣти домъ Давыдовъ, а потомъ мало подошедъ видѣти Елеонскую гору и святая святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту есть гора ровна близъ пути града Иерусалима, яко версты одна вдальѣ, и на той горѣ сѣдають людіе съ коней и пѣши вси людіе ходять и поклоняются Христіане Св. Воскресенію. . . . И идуть пѣши съ радостію великою ко Св. граду Иерусалиму. Ту есть церковь Св. Стефана первомученника, у пути близъ, на лѣвой странѣ. Ту же есть гора каменна плоска, раздѣлася въ распатіе Христова, и то зовется адъ; а то есть близъ стѣны городныя, яко мужъ каменіемъ вержетъ. Потомъ входятъ во градъ Св. Иерусалимъ вси люди съ радостію великою, ворота сущими близъ дому Давыдова; тѣ суть врата отъ Виолеема лицъ, и тѣ бо суть зовутся Веніамини. И яко же видучи въ городъ, путь есть сквозъ градъ: на право же къ Святая Святымъ, а на лѣво къ Св. Воскресенію, идѣже есть Гробъ Господень». Далѣе слѣдуютъ описанія церкви Воскресенія Господня, о столпѣ Давыдовѣ, о притворѣ Соломона и купели, о дому Соломона, о Гевсиманіи, о горѣ Елеонстей. Потомъ описывается путь къ Иордану. «Есть же путь отъ Иерусалима къ Иордану чрезъ гору Елеонскую на лѣвѣй востокъ лицъ, есть же путь тяжекъ и страшенъ вельми и безводенъ: суть бо горы каменны и высоки вельми. Поганіи же мнози приходятъ, и избиваютъ Христіанъ въ горахъ и въ дебрѣхъ страшныхъ. Отъ Иерусалима же до Иордана верстъ 20 и 6 великихъ, 15 верстъ до Кузивы, идѣже постился Св. Іоакимъ; есть мѣсто то тамо идучи на лѣвой сторонѣ въ потоцѣ. А отъ Кузивы до Иерихона 5 верстъ, а отъ Иерихона до Иордана 5 верстъ великихъ, все по ровну въ песцѣ, путь тажекъ вельми: ту бо мнози челоуѣцы задыхаются отъ зною и умирають отъ жажды водныя. Ту бо есть море Содомное близъ пути того.» Далѣе слѣдуютъ рассказы о горѣ Ермонской, о Иорданѣ, о Иерихонѣ, о лаврѣ Св. Саввы, о Сіонѣ, о Виолеемѣ, о Хевронѣ и другихъ мѣстахъ при-Иерусалимскихъ; наконецъ Давидъ обращается снова къ Иерусали-

му и указываетъ на мѣстность Изверскаго монастыря, отъ котораго направляетъ путь свой на западъ къ Рамѣ и морю. Здѣсь подробности пути, въ географическомъ отношеніи, представляютъ большой интересъ, ибо большая часть упоминаемыхъ Данииломъ мѣстностей уже не существуетъ въ настоящее время. Вотъ самое описаніе: «И есть Рама та дебрь велика, и по той дебри сидѣли села многа, и то есть область Вилеесская. А отъ Рамы къ западу лицъ, 4 версты до Еммауса; а есть бо за горою село то, тамо идучи къ Яффѣ отъ Іерусалима. А отъ Еммауса до Лидды версты 4, по полю все идти, ту былъ городъ великъ, имя ему Лидда, нынѣ зовется Рамблѣя. Отъ Лидды до Юппии есть версть 8, нынѣ зовется градъ той градъ Яффа, Фряжскимъ языкомъ. Отъ Яффы града до Тарса есть версть 6, а отъ Тарса до Кесаріи Филипповы есть версть 24, все подлѣ моря идти; а отъ Кесаріи Филипповы до Капернаума града 8 версть. . . А отъ Капернаума до Кармильскія горы 6 версть; а отъ горы Кармильскія до града Каиафы есть верста одна; а отъ Каиафы городка до Акры есть версть 15; а отъ Акры до Тира города есть версть 10. Ту есть близъ село Сарепта Сидонская; а отъ Сидона до Верита града есть версть 15. . . А отъ Верита до Зовеля 20 версть; а отъ Зовеля до Триполя 40 версть; а отъ Триполя до рѣки Суды 20 версть; а отъ Суды рѣки до Антиохіи великія, подалѣ отъ моря, есть версть 50. Антиохія градъ великъ, и то бо зовется градъ Антиохія Великая. А отъ туду до Лаодикія есть версть 100, потому зовется Малая Антиохія, та жъ Калимерось островъ, та жъ Самалія градъ, та жъ Хилидони островецъ малъ. Тѣ жъ вси города подлѣ моря. Мы жъ вси тѣ города минухомъ по морю, неприставаючи, но пристахомъ въ Хилидони, а оттолѣ идохомъ въ Миръ и къ Патору граду; а оттолѣ путь къ Цареграду.»

Последняя часть труда Даниилова заключаетъ въ себѣ превосходное въ географическомъ отношеніи описаніе Галлилеи; оно начинается указаніемъ дорогъ изъ Іерусалима въ Галлилею. «И есть пути отъ Іерусалима въ Галлилею и къ Тиверіадскому Морю, и къ Фаворской горѣ и къ Назарету. Та бо земля зовется вся Галлилея и около Тиверіадскаго Моря; есть бо земля та на лѣтній востокъ лицъ, а Тиверіада градъ есть вдалѣе отъ Іерусалима 4 дни человеку пѣшему идти, и есть путь стра-

шесть вельми, въ горахъ каменныхъ и прекрутыхъ; 3 дни иди въ горахъ тѣхъ каменныхъ страшныхъ, а день четвертый по полю иди, все подлѣ Иордана, къ востоку лицъ олны до верха Иорданова, откуду Иорданъ потече. . . . Да сей путь есть отъ Вилоеема до кладезя Св. Богородицы версть 20; а отъ кладезя до Иудейскихъ горъ суть верста, . . а отъ тѣхъ горъ до кладезя Давыдова суть версты 2; а отъ Кладязя до пещеры Давыдовы суть версты 4; . . а отъ тѣхъ горъ до Сихемскихъ горъ суть версты 4; . . а оттуду до веси Иосифовы, иже нарицается Сихемъ, есть версть 10. И ту есть кладязь Иаковль глубокъ вельми, и вода его студена и сладка вельми. Ту есть градъ Самарійскій, яко полверсты вдалѣе отъ кладязя того. Градъ же Самарія великъ вельми, и обиленъ всѣмъ добромъ, и овощи всякіе въ немъ. И той нынѣ градъ Самарія зовется Неополія. А отъ того града Самарія есть мѣсто къ западу лицъ дву версть вдалѣе, имя мѣсту тому Севастополь; на томъ мѣстѣ градъ малъ созданъ. . . А оттуду есть версть 4 до Армаеен. . . Есть отъ Самаріи до Вассана града версть 30. Есть же мѣсто то страшно и грозно вельми; исходитъ бо изъ городища того 7 рѣкъ, и стоятъ тростіе велико по рѣкамъ тѣмъ, и Оуницы мнози стоятъ по городишу тому, яко лѣсъ часть; ту бо живутъ Срацины мнози поганіи, и бьютъ на бродѣхъ по рѣкамъ тѣмъ. И львове мнози по рѣкамъ тѣмъ, въ тростѣхъ ту рождаются. То бо есть мѣсто близъ Иордана рѣки. А отъ Вассана до верха Иорданова, до мытницы Матвѣевы версть 20; путь же отъ Вассана иди по полю подлѣ Иордана, къ востоку лицъ, олны до верха Иорданова. Иорданъ же рѣка поидеть изъ моря Тиверіадскаго отъ двою источнику, кипить изъ земли чудно вельми.» Далѣе слѣдуетъ описаніе Иордана и потомъ Давіилъ обращается къ Тиверіадскому Морю: «Море же Тиверіадское обходчиво, яко озеро; вода же его сладка, яко въ рѣцѣ, неслана пить, добра бо есть зело: въ длину есть море то 50 версть, а въ ширину есть 20 версть, рыбы жъ въ немъ много. . . И есть же градъ Тиверіадъ великъ вельми, въ длину 2 версты, а въ ширину болѣе версты, и стоятъ же подлѣ моря Тиверіадскаго.» Описывая поморье Тиверіадское, Давіилъ говоритъ: «ту близъ село Капернаумъ. И ту подъ тѣмъ селомъ рѣка велика течеть, и та рѣка поиде изъ озера Геннисаретскаго, и входятъ та рѣка въ море Тиверіадское. Озе-

ро жъ то Геннисаретско, велико версть 40 чрезъ и въ длину и въ ширину; озеро жъ то кругло есть, вся мокачно, и рыбы въ немъ множество. И ту же есть бавзь другой градъ великъ, имя ему Геннисаритъ, и потому ся зоветъ озеро то Геннисаретское. И ту близъ града другій градъ, имя ему Декаполія. . . И ту есть обонъ-поль озера того гора висока, имя той горѣ Ливанъ. На той горѣ Ливанъ рождается Ливанъ темьячъ бѣлый. Изъ тоя жъ горы Ливанскія поидоша 12 рѣкъ великихъ; илетъ же шесть рѣкъ къ востоку лицъ, а шесть рѣкъ на югъ лицъ, и входятъ тѣ шесть рѣкъ въ озеро Геннисаритское, и другія шесть рѣкъ идутъ къ велицѣй Антиохіи—да то ся зоветъ Месопотамія, еже есть средорѣчье . . . Горы жъ тоя Ливанскія не могохомъ дойти, страха ради поганыхъ, но сказаша намъ о горѣ той добръ свѣдущіи; мы же грѣшныи токмо очамъ своимъ видѣхомъ ту гору и та вся мѣста около озера того Геннисаритскаго.» Далѣе у Данила слѣдуетъ описаніе Фаворскоіи горы, Назарета, Каны Галлилейской и обратнаго пути въ Іерусалимъ. «Фаворская гора и Назаретъ отъ Тиверіадскаго Моря на западъ лицъ есть 50 великихъ версть . . . Есть бо отъ Фаворскія горы до Назарета версть 5, двѣ версты итти по полю, а три въ горахъ, путь тяжекъ вельми и непроходень, и тѣсенъ; ту бо поганіи Срацины мнози сѣдять въ горахъ тѣхъ, и по полю тому сядять многи селы Срацинскія, и тѣ изъ горъ тѣхъ страшныхъ выходятъ и избиваютъ странныхъ. . . . Есть же отъ Назарета до села Исавова 5 версть, а отъ села того до Кана Галлилеи 4 версты. Кана Галлилея есть село на людномъ пути. И ту обретохомъ дружину добру и многу идущую во Акру, и пристахомъ къ нимъ съ радостию и идохомъ съ ними во Акру. Акра жъ былъ градъ Срацинской, и вынѣ Фрязи держать. Есть же градъ той Акра на велицѣмъ морѣ, и есть ту лимень добръ, и обилень всѣмъ есть градъ той. И пребыхомъ 4 дни въ Акрѣ и обрѣтохомъ дружину многу, идущу во Іерусалимъ, и придохомъ въ Кафу. А отъ Назарета на полдень до Акры есть версть 28 великихъ. А отъ Акры идохомъ къ горѣ Кармилстей; а отъ туда идохомъ въ Капернаумъ, а отъ Капернаума идохомъ въ Кесарію Филиппову, путь есть подлѣ моря итти по полю. А отъ Кесаріи идохомъ въ Самарію; путь есть отъ моря горы, назѣво версть 15, и идохомъ полтора дни, и быхомъ на другой день

по полудни въ Самарію, потиху идучи, зноя ради. И ту лежахомъ ночь передъ градомъ Самаріи, у кладязя Іаковля. И отуду воставше идохомъ путемъ своимъ, имъ же пріидохомъ отъ Іерусалима, и доидохомъ поздорову до Св. града Іерусалима съ радостію великою, походивше добръ и видѣвше сватая мѣста вся ⁽⁶⁶⁾. »

Описаніемъ обратнаго пути въ Іерусалимъ оканчиваются географическія свѣдѣнія о Востокѣ, сообщаемыя игуменомъ Давидомъ; на сколько сіи свѣдѣнія интересны, здѣсь нѣтъ нужды говорить, ибо они налицо сами, и съ достоинствами и съ недостатками, и каждый можетъ судить о нихъ по своему усмотрѣнію. Но то безспорно, что книга Даниилова служитъ яснымъ свидѣтельствомъ тому, на сколько наши предки, еще въ началѣ XII столѣтія, имѣли желаніе звать отдаленныя страны, и какъ умѣли приводить это желаніе въ исполненіе. Послѣдующія столѣтія представляютъ намъ новые источники географическихъ свѣдѣній у нашихъ предковъ.

⁽⁶⁶⁾ Г. Сахарова: Сказанія Русск. Народа, Т. II, кн. 8, стр. 12—35.

ГЛАВА 2-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ.

ВЪ XII, XIII И XIV ВѢКАХЪ.

Послѣ первыхъ 10 лѣтъ XII столѣтія, географическія свѣдѣнія на Руси значительно увеличиваются, да и въ самыхъ источникахъ своихъ болѣе разнообразятся; ибо, съ прекращеніемъ Несторовой лѣтописи, является много новыхъ лѣтописцевъ, писавшихъ въ разныхъ краяхъ Русской земли, съ новымъ запасомъ географическихъ свѣдѣній о каждомъ краѣ въ той степени, какъ онъ дѣлался болѣе знакомымъ и извѣстнымъ у современниковъ. Притомъ, съ умноженіемъ путешественниковъ, расширяются свѣдѣнія и о чужихъ земляхъ, и сверхъ того, съ этого же времени начинаютъ появляться и официальные памятники, также не бѣдные географическими свѣдѣніями о Русской землѣ. Все это объемъ источниковъ для географическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ дѣлаетъ довольно обширнымъ и разнообразнымъ и, во избѣжаніе сбивчивости, требуетъ, чтобы источники каждаго края излагались отдѣльно, не смѣшиваясь съ источниками другихъ краевъ, дабы такимъ образомъ можно было видѣть: въ какомъ краю Русской земли какія географическія свѣдѣнія преимущественно распространялись, т. е. съ какими странами тогдашніе, того или другаго края, люди имѣли болѣе частыя сношенія. Это необходимо и потому, что въ тогдашнее время почти каждый край Русской земли жилъ особо отдѣльною жизнью, и мы впали бы въ грубыя и непростительныя ошибки, если бы развитіе жизни народной въ одномъ краѣ Руси стали измѣрять развитіемъ ея въ другомъ краѣ.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Новгорода, какъ такой страны, которая, по предприимчивости своихъ жителей, шла всегда и во

всемъ впереди другихъ странъ Русской земли. У Новгородцевъ, въ настоящіе три вѣка, торговая и воинская дѣятельность была преимущественно устремлена на западъ и сѣверо-востокъ, и туда же направлялись и географическія свѣдѣнія, которыя были, или сами слѣдствіемъ торговыхъ и военныхъ предпріятій, или въ свою очередь давали поводъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ.

На Западъ торговля и военныя предпріятія Новгородцевъ были устремлены къ берегамъ Балтійскаго Моря и къ тамошнимъ островамъ. Здѣсь они, въ XII и XIII столѣтіяхъ, были самыми дѣятельными торговцами и посѣщали не только важнѣйшіе острова Балтійскіе, но и берега Помераніи, Даніи и Скандинавіи; на восточныхъ же берегахъ Балтійскаго Моря были почти въ постоянной войнѣ съ жившими тамъ Финскими племенами, а также съ Шведами и Ливонцами, недопускавшими Новгородцевъ далѣе раздвинуть свои владѣнія по берегамъ моря. Все это весьма знакомо Новгородцевъ съ Балтійскимъ Моремъ и прилежащими къ нему землями, и такимъ образомъ распространяло географическія свѣдѣнія о тамошнемъ краѣ. По Новгородскимъ лѣтописямъ, уже въ 1111 году, Новгородцы, съ княземъ своимъ Мстиславомъ, стали выдвигаться далѣе на западъ, и въ первый разъ встрѣтились съ Финскимъ племенемъ Очелюю (¹), вѣроятно жившимъ въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи, на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, ближе къ берегамъ Балтійскаго Моря, ибо въ первой Новгородской лѣтописи сказано, что въ 1179 году Очела, побѣжденные Мстиславомъ, бѣжали къ морю (²). Въ 1113 году Новгородцы съ Мстиславомъ снова пустились въ Эстляндію и разбили Чудь, жившую въ гѣсахъ (³); а на четвертый годъ Мстиславъ опять ходилъ съ Новгородцами въ ту же сторону и взялъ принадлежавшій Чуди городъ Медвѣжю Голову (⁴), лежавшій почти на границѣ Чюди съ Ливію; такимъ образомъ при Мстиславѣ Новгородцы исходили почти всю страну Чуди и выдвинулись къ границамъ Ливоніи. А при его преемникѣ Всеволодѣ они обратились въ другую страну, въ нынѣшнюю Финляндію, и побѣдили тамъ, въ 1123 году, Финское племя Емь (⁵); эта новая страна для Новгородцевъ на сей разъ представила большія затрудненія на походѣ, и лѣто-

(¹) Новг. 1, стр. 4. (²) Тамъ же, стр. 17. (³) Тамъ же, 4. (⁴) Тамъ же. (⁵) 5.

писецъ говоритъ: «лють баше путь». Но походы Мстислава въ Эстонию еще не подчинили этой страны Новгороду, и Всеволодъ, послѣ Финляндскаго похода, жегъ и опустошалъ Эстонию еще три раза, въ 1130, въ 1131 и 1133 годахъ, и въ послѣдній походъ взялъ Юрьевъ, а во второмъ походѣ былъ разбитъ около какого-то урочища, названнаго въ лѣтописи Клиномъ. Такое упорное стремленіе Новгородцевъ завладѣть Эстонию очевидно было въ слѣдствіе распространеннейшей торговли съ забалтійскими странами, которая требовала болѣе прочныхъ и пространныхъ владѣній на Эстляндскомъ берегу, дабы имѣть сколько можно болѣе надежныхъ пристанищъ для Новгородскихъ мореходцевъ, а въ случаѣ нужды и готовую защиту отъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ тогда чрезвычайно много было на Балтійскомъ Морѣ. О торговлѣ Новгородцевъ съ заморскими западными землями ясно говорятъ лѣтописи того времени; такъ, подъ 1130 годомъ, упоминается о потопленіи 7 Новгородскихъ судовъ, шедшихъ съ товарами отъ острова Готланда, тогдашняго главнаго базара сѣверно-Европейской торговли (*); и далѣе, подъ 1134 годомъ, есть извѣстіе, что Новгородцы, въ своихъ морскихъ торговыхъ путешествіяхъ, доходили до береговъ Даніи и въ этомъ году были разбиты Датчанами (†), т. е. вѣроятно Датскими морскими разбойниками. Подъ 1142 годомъ говорится, что какой-то Шведскій князь, въ 60 шнекахъ, напалъ—было на три Новгородскихъ лоды, шедшихъ съ товарами за море; но былъ отбитъ съ урономъ (*). Послѣ 1133 года Новгородцы, занятые войною съ Русскими князьями, въ продолженіи 46 лѣтъ не обращали вниманія на западныхъ своихъ сосѣдей Эстонцевъ; но въ 1179 году, подъ предводительствомъ знаменитаго Мстислава Ростиславича, въ числѣ 20,000 человекъ, снова ходили на Очелу, пожгли всю ихъ землю и проникли до самыхъ береговъ Балтійскаго Моря (*). Между тѣмъ, знакомство съ прибалтійскими странами распространялось болѣе и болѣе; Скандинавы или Варяги были обычными гостями въ Новгородѣ и даже имѣли тамъ свою церковь, такъ, подъ 1181 годомъ: лѣтописецъ говоритъ, что на торговищѣ сгорѣла Варяжская церковь (††). А въ 1186 году, Новгородскіе повольники, собранные Вышатою Васильевичемъ, ходили въ Финляндію и воротились домой съ множе-

(*) Новг. 1, стр. 6. (†) Тамъ же. (††) Тамъ же, 9. (‡) Тамъ же, 17. (‡‡) Тамъ же, 18.

ствомъ плѣнныхъ Еми ⁽¹¹⁾. Подъ 1188 годомъ есть извѣстіе, которое показываетъ, что Новгородскіе купцы ежегодно ходили за море; въ лѣтописи сказано, что по случаю ссоры съ Готландскими Нѣмцами и Варягами, Новгородъ на слѣдующую весну никого изъ своихъ не пустилъ за море ⁽¹²⁾. Эстонія же и Финляндія, столько разъ опустошаемыя Новгородцами, все еще оставались непокоренными. Новгородцы, вмѣстѣ съ Кореллянами и Псковичами, съ 1190 года въ продолженіи 3-хъ лѣтъ дѣлали походы въ сіи страны, опустошили Финляндію и заняли въ Эстоніи Юрьевъ и Медвѣжью Голову; а въ 1200 году изъ Великихъ Лукъ проникли въ Летгалію, лежащую уже въ Литовскихъ или Латышскихъ предѣлахъ, на югъ отъ Эстоніи ⁽¹³⁾. Потомъ, въ 1212 и 1214 годахъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой снова водилъ Новгородцевъ въ Эстонію, и воевалъ тамъ съ Чудскими племенами Тормы и Еревы и взялъ Эстонскіе города Медвѣжью Голову и Воробинъ ⁽¹⁴⁾. Упоминаемыя здѣсь племена Чуди жили: Торма на сѣверъ отъ Юрьева или нынѣшняго Дерпта, гдѣ и теперь еще есть два селенія съ названіемъ Торма, а Ерева—по нынѣшней рѣкѣ Перновѣ ближе къ морскому берегу. Между-тѣмъ, торговыя сношенія съ Варягами продолжались, они по прежнему ѣздили въ Новгородъ, жили въ немъ и имѣли свою церковь; ибо подъ 1217 годомъ лѣтопись говоритъ: «а въ Варяжской божвици изгорѣ товаръ весь Варязскій, безъ числа» ⁽¹⁵⁾. Подъ тѣмъ же годомъ упоминается о новой войнѣ Новгородцевъ и Псковичей съ Чудью, объ осадѣ города Медвѣжьей Головы и о вмѣшательствѣ въ это дѣло Нѣмцевъ, которыхъ Новгородцы разбили подъ Медвѣжьей Головою ⁽¹⁶⁾. Въ 1219 году Новгородцы, съ своимъ княземъ Всеволодомъ, прошли на западъ сквозь всю Эстонію вплоть до моря, осаждали Пертцевъ (нынѣшній Перновъ) и разбили Нѣмцевъ, Литву и Ливъ ⁽¹⁷⁾. Потомъ, въ 1222 г., они съ княземъ Святославомъ вступили въ землю Ливы и по рѣкѣ Аа достигли Кеся (нынѣшняго Вендена) и воевали тамъ съ Литовцами, пришедшими на помощь къ Венденцамъ ⁽¹⁸⁾. Въ слѣдующемъ же году осаждали Колыванъ (Ревель); года четыре назадъ только-что выстроенный Датчанами ⁽¹⁹⁾, и опустошили всю Эстонію. Въ 1227 году Яро-

⁽¹¹⁾ Новг. 1. 19. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 20. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 25. ⁽¹⁴⁾ Тамъ же, 31—32. ⁽¹⁵⁾ Тамъ же, 35. ⁽¹⁶⁾ Тамъ же. ⁽¹⁷⁾ Тамъ же, 37. ⁽¹⁸⁾ Тамъ же, 38. ⁽¹⁹⁾ Тамъ же, 39.

славъ съ Новгородцами ходилъ опустошать Финляндію ⁽²⁰⁾; потомъ готовился къ походу на Ригу, при чемъ Псковичи отказали ему въ пособіи, говоря, что они съ Рижанами заключили миръ ⁽²¹⁾. Походъ, замышляемый Ярославомъ противъ Риги и союзъ Псковитянъ съ Рижанами, ясно показываютъ, что вся Эстонія и Ливонія отъ Чудскаго Озера вплоть до устьевъ Западной Двины были очень хорошо знакомы Новгородцамъ и Псковичамъ и считались постояннымъ поприщемъ ихъ торговыхъ и военныхъ предпріятій. Здѣсь Новгородцы соперничали съ Нѣмцами, и въ началѣ XIII вѣка были недалеко отъ того, чтобы сдѣлаться господствующими въ обѣихъ сихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что тамошніе коренные жители, Чудь и Ливь, были къ нимъ расположены болѣе, нежели къ Нѣмцамъ и Датчанамъ, утвердившимся въ приморскихъ городахъ этого края. Новгородцы и Псковичи имѣли столь тѣсныя связи въ Эстоніи, что ихъ изгнанники находили тамъ убѣжище и союзниковъ, и нерѣдко изъ Эстоніи дѣйствовали на Новгородъ и Псковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1232 году Борисъ Негодѣвичъ съ своими товарищами бѣжалъ изъ Пскова въ Медвѣжью Голову, и оттуда въ слѣдующемъ году завладѣлъ-было, при помощи Нѣмцевъ, Изборскомъ ⁽²²⁾. Псковичи были даже въ тѣсномъ союзѣ съ Рижскими Нѣмцами противъ Литовцевъ ⁽²³⁾.

Но не въ такомъ отношеніи къ Новгороду была Финляндія: эта страна, не смотря на нѣсколько Новгородскихъ походовъ противъ Еми, надолго еще оставалась краемъ малозвѣстнымъ, а тамошніе старожилы, Сумь и Емь, народомъ враждебнымъ и непокорнымъ; здѣсь Новгородцевъ предупредили Шведы и успѣли утвердиться въ этомъ краю прежде, нежели Новгородцы хорошо узнали о немъ. Отъ этого ихъ походы въ эту страну были самыми затруднительными, и даже Александръ Невскій въ 1256 году ходилъ туда, какъ въ страну малозвѣстную и потерялъ многихъ проводниковъ; хотя онъ опустошалъ земли Еми, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству лѣтописи, «бысть золъ путь» ⁽²⁴⁾. А объ отцѣ его Ярославѣ, ходившемъ на Емь со стороны моря въ 1226 году, въ лѣтописи прямо сказано: «ходи изъ Новгорода за море на Емь, гдѣ же ни одинъ отъ Рускихъ князь возможе бывати» (Лавр. 190). Только съ XIV вѣка этотъ край

⁽²⁰⁾ Новг. 1. 42. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 43. ⁽²²⁾ Тамъ же, 48. ⁽²³⁾ Тамъ же, 50. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 56.

мало-по-малу началъ дѣлаться болѣе извѣстнымъ. По свидѣтельству лѣтописи, въ 1311 году «ходиша Новгородцы войною на Нѣмецкую землю за море, на Емь, съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, и переѣхаше море, взяша первое Купецкую рѣку, села пожгоша и головы поимаша, а скотъ изсѣкоша; потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черной придоша къ городу Ваная, и взяша городъ и пожгоша, а Нѣмци избѣгоша въ дѣтинець; бяше бо мѣсто вельми сильно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуду же; и сослаша съ поклономъ, просяще мира, Новгородцы же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великія пожгоша, обиліе все потравивша, а скота не оставивша ни рога; и потомъ, идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выидоша въ море, и придоша здорови вси въ Новгородъ»⁽²⁴⁾. Это первое сколько нибудь подробное извѣстіе нашихъ лѣтописей о Финляндіи; но и здѣсь географическія свѣдѣнія ограничиваются только рѣками Кумо (Купецкая рѣка), Нокію (Черная рѣка) Кавгалой и Перной, и городомъ Ванаяемъ, нынѣшнимъ Ваанё. Далѣе Кумо Новгородцы не заходили; да и въ сихъ предѣлахъ, кажется, только прошли по рѣкамъ и опустошили побережія. Самое опустошеніе и быстрота, съ которою совершенъ былъ походъ, показываютъ, что это было не больше, какъ морской набѣгъ, чисто въ Норманскомъ вкусѣ, безъ желанія поближе узнать страну и войти съ тамошними жителями въ торговые сношенія. Но, испытавши одинъ разъ счастія, они не замедлили и еще повторить опытъ по тому же морскому пути, и въ 1318 году вступили въ землю Суми, проникли въ рѣку Полную и взяли Модеревъ, городъ Сумскаго князя и Пискупль⁽²⁵⁾: это, кажется, нынѣшній городъ Або или Абовскій замокъ, построенный Финляндскимъ префектомъ Модеромъ, и рѣка Аурауки, на которой стоятъ Або, ибо Аурауки по-Финляндски и теперь значить полная рѣка.

Продолжая свои морскіе набѣги по Балтійскому Морю, Новгородцы провикли до Норвегіи, и около 1323 года опустошили предѣлы Дронтгеймской области, а также не разъ грабили Шведскую Лапландію, проходя туда, кажется, сухимъ путемъ изъ Кареліи, которая въ это время была поприщемъ

⁽²⁴⁾ Новг. 1, стр. 69 ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 72.

жестокихъ битвъ между Шведами и Новгородцами, дѣлившими между собою эту страну. Въ 1339 году Новгородцы отправляли свое посольство къ Магнусу, королю Шведскому, моремъ послы, какъ говорятъ лѣтопись, наѣхали короля въ Мурманской (Норвежской) землѣ въ городъ Людовли (нынѣшній Дуналь) (*). Это извѣстіе о путешествіи Новгородскаго посольства ясно показываетъ, что Новгородцы хорошо знали берега не только Дави и Швеціи, но и Норвегіи, и странствовали не по одному Балтійскому Морю, но и по Сѣверному Океану, что засвидѣтельствовано даже и Норвежскими лѣтописями, которыя, какъ мы уже видѣли, упоминають о Новгородскихъ набѣгахъ на Дронтеймъ.

Такимъ образомъ въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій Новгородцы были уже хорошо знакомы со всѣми странами, лежащими на западъ отъ ихъ отечества: вдоль и поперекъ избороздили Балтійское Море, проходили Зундъ и Бельты, знали Нѣмецкое Море и Сѣверный Океанъ, прилежащій къ берегамъ Норвегіи, и ходили туда или какъ торговцы, или какъ морскіе разбойники, подобно викингамъ Скандинавскимъ.

На сѣверовостокъ географическія свѣдѣнія Новгородцевъ еще въ предшествовавшія столѣтія, какъ мы уже видѣли, простирались до Уральскаго Хребта и даже далѣе, за Обь, въ глубину Сибири; но эти свѣдѣнія не имѣли еще тѣхъ подробностей, какія они приобрѣли въ настоящіе три вѣка, въ продолженіе которыхъ огромныя пустынные пространства сѣвера, ширѣека заселенныя полудикими Финскими племенами, были широкимъ поприщемъ для Новгородскихъ торговцевъ и повольниковъ: изъ нихъ одни искали здѣсь драгоценныхъ пушныхъ товаровъ и даже серебра, называемаго въ нашихъ лѣтописяхъ «Закамскимъ», вымѣнивая ихъ на свои произведенія, особенно на разныя желѣзные орудія, въ которыхъ нуждались дикари; другіе разѣзжали по дѣшнымъ рѣкамъ, грабили прибрежныхъ жителей и своими отважными походами по непроходимымъ лѣсамъ открывали новые пути для торговцевъ. Уже въ 1114 году Ладожскій посадникъ Павелъ говорилъ одному Кіевлянину: «Еще мужи старія ходили за

(*). Новг. 1, 79.

Югру и за Самоядь, яко видѣше сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча и въ той туче спаде веверица млада, аки топерво рожена, и възрастши и разходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и спадають оленца мали въ ней и върастають и разходится по земли»⁽²⁸⁾. Это извѣстiе очевидно есть видоизмѣненiе подобнаго извѣстiя, помѣщеннаго у Нестора, о невѣдомыхъ людяхъ за Югрою, просѣкающихъ гору и просящихъ желѣза; но оно въ то же время показываетъ, что Новгородцы продолжали торговать съ сими отдаленнымъ краемъ и постепенно приобрѣтали болѣе подробныя свѣдѣнiя о тамошнихъ произведенiяхъ, о которыхъ, кажется, съ намѣренiемъ равсказывали небывалымъ людямъ чудеса, чтобы подвинуть другихъ своими похождениями. Но на Сѣверной Двинѣ и за Двиною были уже не баснословныя похождения повольниковъ и отважныхъ торговцовъ, а постоянныя владѣнiя Новгорода, занятыя Новгородскими коловiями и платившiя дань. Такъ, подъ 1169 годомъ, лѣтопись говоритъ: «иде Даньславъ Лазутиничъ за Волокъ даньщикомъ съ дружиною»⁽²⁹⁾. Подъ 1187 годомъ есть извѣстiе о Новгородскихъ данникахъ въ Печорѣ и Югрѣ; лѣтопись говоритъ: «въ то же время избьени быша Печерскiи данники и Югрскiи въ Печерѣ, а друзи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ кѣметства»⁽³⁰⁾. Ежегодное посѣщенiе Новгородскихъ данщиковъ съ дружинами дѣлало сiя страны болѣе и болѣе извѣстными. Подъ 1193 годомъ встрѣчаемъ даже подробное извѣстiе о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую сторону, и о товарахъ, оттуда получаемыхъ. Но словамъ лѣтописи, «иаоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ярѣмъ, и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояше подъ городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра льстью, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани,—а льстяще ими, а въе копяче; и яко скопнша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ: поиди въ городъ; и иде въ городъ воевода, поиди съ собою попа, Иванка Легена, и вѣхъ вачьшихъ»⁽³¹⁾. Это замѣчательное извѣстiе показываетъ, во 1-хъ, что Новгородцы, въ своихъ владѣнiяхъ по Сѣверной Двинѣ и за Двиною, постоянно стре-

(28) Ипат., стр. 8. (29) Новг. 1. 14. (30) Тамъ же, 19. (31) Тамъ же, стр. 21.

милась быть полными господами, и всякое непослушаніе называли посылкою войска; но 2-хъ, они не только хотѣли власти въ этомъ краю, но старались развить въ немъ свою гражданственность, какъ это видно изъ построенія тамъ многихъ городовъ съ чисто Новгородскимъ устройствомъ, о чемъ мы скорѣе будемъ говорить подробно, и изъ желанія распространить между полудикими жителями Христіанство, посылая, вмѣстѣ съ воеводою, священника, и очевидно не для совершенія только церковныхъ требъ при войскахъ, но и для распространенія Христіанства у туземцевъ, ибо при вступленіи въ городъ, воевода прежде всего бралъ съ собою священника, можетъ-быть для того, чтобы избрать мѣсто для построенія церкви въ завоеванномъ городѣ, какъ это всегда дѣлали Русскіе, въ знакъ своего владычества надъ покоренною странною; наконецъ въ 3-хъ, въ настоящемъ извѣстіи въ первый разъ упоминается о закономъ серебрѣ, очевидно получавшемся Новгородцами отъ Югорцовъ, ибо Югры говорили воеводѣ: «копимъ серебро и соболя». Подъ 1323 годомъ Новгородская лѣтопись упоминаетъ, что заратыли Устюжане съ Новгородцами, захватили Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру, и ограбили ихъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы, съ княземъ Юріемъ, ходили въ Заволочье и взяли Устюгъ на пять; оттуда отошли къ Двинѣ, куда Устюжскіе князья немедленно отправили посольство и заключили съ Новгородцами и съ Юріемъ миръ на прежнихъ условіяхъ. Князь Юрій отъ Заволочья отправился въ Орду по Камѣ ⁽²²⁾. Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Новгородцы дѣйствовали въ задвинской сторонѣ не однимъ оружіемъ, но и договорами, ибо Устюжскіе князья «докончали миръ по старой пошлнѣ», т. е. на условіяхъ, издавна бывшихъ между Устюжанами и Новгородцами; слѣдовательно, Устюгъ давно былъ знакомъ Новгороду и былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, выгодныхъ для Новгородской торговли, которая чрезъ Устюжскія владѣнія шла на сѣверовостокъ въ Югру и на востокъ къ Камѣ. Еще въ 1174 году нѣкоторыя Новгородскіе выходцы основали здѣсь колоніи, вотомъ заняли берега Вятки, покорили Вотяковъ и Черемису, и состави-

²² Новгород. 1, стр. 73.

ли особую, независимую республику по Новгородскимъ обычаямъ и правиламъ: въ XII вѣкѣ уже были у нихъ города Никольцѣнъ, Комшаровъ и Хлыновъ ⁽³³⁾.

Въ Двинской или Заволочьской землѣ Новгородцы, въ XIV вѣкѣ, были полными хозяевами; въ тамошнихъ волостяхъ и городахъ въ Шенкурскѣ на Вагѣ, въ Каргополѣ на Онегѣ, въ Пинегѣ и другихъ, уже правили посадники и бояре, присылаемые изъ Новгорода ⁽³⁴⁾: мало-по-малу они строили тамъ новые города, даже иногда и безъ Новгородскаго приказа. Такъ, напримѣръ, въ 1342 году Лука Варюломѣевъ построилъ Орлець, а сынъ его, Онциферъ, утвердился на Вагѣ ⁽³⁵⁾. Изъ Двинскихъ городовъ и волостей Новгородцы вѣрѣло ходили по Волгѣ и производили грабежи, даже до Каспійскаго Моря, по Русскимъ и Татарскимъ владѣнїямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1366 году Московскій князь Дмитрій Ивановичъ гнѣвался на Новгородцевъ за то, что ихъ повольники или молодцы ходили на Волгу и грабили Московскихъ гостей ⁽³⁶⁾. Въ 1386 году, Новгородцы, по требованію Московскаго князя, посылали посадника своего за Волокъ взыскать съ Заволочане были на Волгѣ и производили тамъ грабежи ⁽³⁷⁾. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, въ 1360 году они ограбили Жукотинъ, одинъ изъ городовъ прежней Камской Болгаріи ⁽³⁸⁾. Въ 1366 году Новгородцы ограбили Нижній-Новгородъ, захватили тамъ всѣ купеческія суда, и рѣкою Камою нѣсколько времени ходили, для грабежа, по Болгарской землѣ ⁽³⁹⁾. Въ 1374 году, въ числѣ 90 ушкуевъ, ограбили Ватку и завладѣли Казанью; потомъ, раздѣляясь на два отряда, одни въ 50 ушкуяхъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а другіе, въ 40 ушкуяхъ, отправились вверхъ по Волгѣ и пограбили все Зарусье (вѣроятно Засурье) и Марквашъ ⁽⁴⁰⁾. Въ слѣдующемъ году въ 70 ушкуяхъ, Новгородцы напали на Кострому, взяли и ограбили городъ, съ большою добычею и плѣнниками спустились внизъ по Волгѣ въ Казань и распродали тамъ плѣнниковъ; оттуда, по Волгѣ, пустились къ Сараю, грабя по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей, потомъ пришли въ Астрахань и снова распродали тамъ плѣнниковъ ⁽⁴¹⁾. Въ 1391 году, они снова

⁽³²⁾ Ист. Г. Р. т. III, прим. 31 и 32. ⁽³³⁾ Новг. 1, стр. 99. ⁽³⁴⁾ Новг. 1., стр. 81-98. ⁽³⁵⁾ Тамъ же, 88. ⁽³⁶⁾ Тамъ же, 94. ⁽³⁷⁾ Ник. лѣт. т. III, стр. 216. ⁽³⁸⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 12. ⁽³⁹⁾ Тамъ же, 38. ⁽⁴⁰⁾ Тамъ же, 45.

грабили Жукотинъ и Казань⁽⁴²⁾. Такимъ образомъ Новгородцамъ хорошо были знакомы всѣ земли, лежащія на сѣверъ и востокъ отъ Новгорода. Съ одной стороны, широкая полоса земли по берегамъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана до Уральскаго хребта и до Оби составляла почти сплошное владѣніе Новгородцевъ, платившее имъ дань и, хотя изрѣдка, заселенное ихъ городами, особенно по рѣкамъ Онегъ, Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ и по верховьямъ Камы; съ другой стороны, почти все течение Волги и нижнихъ притоковъ ея вплоть до Каспійскаго Моря было поприщемъ Новгородской торговли и разбойничества для кутниковъ или повольниковъ. Кажется, что Новгородцы были не незнакомы и съ Каспійскимъ Моремъ, извѣстнымъ въ то время подъ именемъ Хвалынскаго: въ сказкѣ о Васильѣ Буслаевичѣ одинъ Новоторжанинъ Костя хвалится, что къ нему съ Хвалынскаго Моря идутъ три корабля съ самоцвѣтными камнями.

По официальнымъ памятникамъ и по лѣтописямъ, Новгородскія владѣнія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ раздѣлялись на пять пятинъ: Вотскую, Шелонскую, Деревскую, Бѣжецкую и Обонежскую. Вотскую пятину составляли земли, лежащія на сѣверъ отъ рѣки Луги и на западъ отъ Волхова до Балтійскаго Моря, по западному берегу Ладожскаго Озера и даже на сѣверъ до Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана. Въ этой странѣ жили между Новгородцами древніе тамошніе туземцы Вотъ и Ижера, и частію Корела и Лопь. Здѣсь Новгородцы имѣли города: Ямъ, Копорье, Тесовъ, Орешекъ, Ладугу и Корельскій Городокъ. Шелонская пятинна лежала на югъ отъ Вотской пятинны, гдѣ, на сѣверѣ, границею была рѣка Луга, а съ запада границами были Чудское озеро и Псковскія владѣнія, на югъ земли Полоцкія и Смоленскія, и на востокъ Деревская пятинна, отдѣлявшаяся озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью. Здѣсь были города: Новгородъ, Порховъ, Дубровна, Опока, Сабль, Голынь и Великія Луки⁽⁴³⁾. Пятинна Деревская была на востокъ отъ Шелонской и на югъ отъ Обонежской и Бѣжецкой. Отъ Шелонской пятинны она отдѣлялась озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью, отъ Обонежской рѣкою Мстою, отъ Бѣжецкой также Мстою и Тверцою, на востокъ

⁽⁴²⁾ Тамъ же, 199. ⁽⁴³⁾ Ник. лѣт. III, стр. 183.

упиралась въ Тверскія и Московскія владѣнія, а на югъ граничила съ Смоленскими землями. Въ этой пятинѣ были города: Бронницы, Руса, Деманъ, Коломна, Торжекъ и Волокъ-Ламскій, врѣзывавшійся въ Московскія владѣнія. Бѣжецкая пятина, сходившаяся съ Деревскою у Вышняго-Волочка, шла на сѣверовостокъ по рѣкѣ Мологѣ рядомъ съ Обонежской пятинной, отъ которой отдѣлялась рѣками Сясько и Тихвинскою; на востокъ она сходилась съ Бѣлозерскими и Ярославскими землями, а на югъ съ Тверскими. Здѣсь были города: Устюжна, Кистьма, Палиць, Городецъ, Змень, Въское, Рыбоньское, Изьское, Боровичи, Бѣжець, Егна, Мелеча, Шапина. Обонежская пятина на рѣкѣ Мстѣ сходилась съ Деревскою и Бѣжецкою пятинною, а на Волховѣ съ Вотьскою; она лежала на западѣ по восточному берегу Ладожскаго озера, потомъ на востокъ тянулась по Онежскому озеру и по Вытегрѣ до рѣкъ Онеги и Ваги и даже до Сѣверной Двины и Пинеги, которая была ея крайнимъ восточнымъ предѣломъ; на сѣверѣ Обонежская пятина упиралась въ Бѣлое Море, а на югъ граничила съ Бѣжецкою пятинною и Бѣлозерскими землями. Здѣсь были города погосты и мѣста: Свирь, Юскола, Тервиничи, Вьюница, Усть-Павса, Пахитна, Олонецъ, Кокцева Гора, Пермня, Кокороць, Мосіегъ, Лупецевичи, Тойвогъ, Липка, Каргополь, Вага или Шенкурскъ, Вельскъ, Пинегъ, Вологда, Волдутовъ погостъ, Тудоровъ, Иванъ, Ракула, Спирковъ, Вихтуй, Кегрель, Емецъ, Пунгъ, Лигуй, Чудинъ, Вадитъ, Векшенза, Борокъ, Отминъ, Тойма, Пома, Тошма, Пененичъ, Порогопустца, Вадитъ, Волокъ-въ-Моши и Орлецъ ⁽⁴⁴⁾.

Кромѣ пятинъ, въ Новгородскихъ договорныхъ грамматахъ упоминается о Новгородскихъ владѣніяхъ, лежавшихъ въ со-сѣдствѣ съ сѣверными Норвежскими владѣніями, каковы Колоперемъ и Тре, и на сѣверовостокъ Пермь, Печера и Югра, которые не входили въ составъ пятинъ ⁽⁴⁵⁾.

О Русскихъ земляхъ, лежащихъ на востокъ и югъ отъ Новгорода, Новгородцы въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ имѣли самыя подробныя географическія свѣдѣнія, что доказывается, какъ многими географическими подробностями, встрѣчающимися въ

⁽⁴⁴⁾ Русск. Дост. Т. I. стр. 84—85, и Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 2.

⁽⁴⁵⁾ Тамъ же.

Новгородскихъ лѣтописакъ, такъ и тѣмъ, что Новгородцы въ это время вели самую дѣятельную торговлю во всѣхъ Русскихъ земляхъ. Они для нея ѣздили не только въ Суздальскія, Смоленскія, Полоцкія, Черниговскія и Кіевскія владѣнія, но даже въ землю Волынскую; а съ повороніемъ Россіи Монголами, путешествовали и по Ордынскимъ степямъ. Такъ мы знаемъ, что по смерти Московскаго князя Семона Ивановича, Новгородскій посолъ Семеновъ Судковъ ѣздилъ въ Орду ходатайствовать о князѣ Константинѣ Суздальскомъ ⁽⁴⁶⁾. О посещеніи Новгородцами Волынскихъ владѣній ясно и опредѣленно говоритъ Ипатьевская лѣтопись при описаніи кончины Владиміро-Волынскаго князя Владиміра Васильковича, въ 1288 году; въ ней сказано: «плакашася надъ нимъ все множество Владимірцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы и Суроужцы и Новгородцы и Жидовѣ плакахуся» ⁽⁴⁷⁾. О торговлѣ Новгородцевъ въ Кіевѣ нѣредко упоминаютъ лѣтописи: напримеръ, подъ 1141 годомъ, Новгородская лѣтопись говоритъ, что В. К. Всеволодъ Ольговичъ, разгнѣвавшись на Новгородцевъ, задержалъ ихъ гостей въ Кіевѣ ⁽⁴⁸⁾; подъ 1147 годомъ упоминается о Новгородской божицѣ въ Кіевѣ. ⁽⁴⁹⁾ О торговлѣ же и пребываніи Новгородцевъ въ Суздальскихъ земляхъ можно судить по частымъ упоминаніямъ лѣтописей о томъ, что, въ случаѣ ссоры съ Новгородомъ, Суздальскіе князья всегда задерживали у себя Новгородскихъ купцовъ: такъ, въ 1148 году, князь Юрій Долгорукій отпустилъ задержанныхъ Новгородцевъ по просьбѣ епископа Нисонта «и Новгородскіе гости всѣхъ цѣлы и съ торги ихъ отпусти» ⁽⁵⁰⁾; подъ 1196 годомъ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ Георгіевичъ изымалъ Новгородцевъ за Волокомъ и по всей землѣ своей, и держалъ ихъ у себя ⁽⁵¹⁾.

Но, кромѣ торговли и войны, Новгородцы приобрѣтали географическія свѣдѣнія разными дальними путешествіями. Такъ до насъ дошло описаніе путешествія Добрыни Ядрейковича (бывшаго въ послѣдствіи Архіепископомъ Новгородскимъ подъ именемъ Антонія) въ Царьградъ. Это путешествіе было совершено въ 1210 году; описаніе его хранится въ бібліотекѣ г. Погодина, и заключаетъ въ себѣ довольно замѣчательныхъ

⁽⁴⁶⁾ Новг. I, стр. 86. ⁽⁴⁷⁾ Ипат., стр. 220. ⁽⁴⁸⁾ Новг. I, стр. 9. ⁽⁴⁹⁾ Нил. лѣт. II, стр. 102. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же, стр. 103. ⁽⁵¹⁾ Новг. I, стр. 23.

подробностей вообще о Константинополѣ и въ особенности о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ. Мы имѣемъ также отрывокъ путешествія Новгородца Стефана по святымъ мѣстамъ. Этотъ Стефанъ путешествовалъ около 1350 года, и оставилъ записки о своемъ пребываніи въ Константинополѣ: въ этихъ запискахъ находимъ описаніе тогдашнихъ Константинопольскихъ замѣчательностей, съ подробностями превосходно характеризующими духъ того времени, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Новгородѣ. Стефанъ упоминаетъ и о встрѣчѣ съ своими земляками, проживавшими въ Константинополѣ; это извѣстіе даетъ поводъ думать, что отдаленныя земли Византійской Имперіи и въ тогдашнее время были нередко посѣщаемы предприимчивыми гражданами Новгорода. На подобную же мысль наводитъ находящееся въ Новгородской лѣтописи извѣстіе о ватин Константинополя крестоносцами въ 1204 году^(*); и здѣсь нѣкоторыя подробности о Константинополѣ и о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ довольно ясно намекаютъ на знакомство Новгородцевъ съ тѣмъ краемъ. Находить въ этомъ извѣстіи переводъ каковойнибудь Византійской хроникѣ, мы не имѣемъ никакого права; нѣкоторыя сходства въ разсказѣ объ одномъ и томъ же предметѣ въ Новгородской лѣтописи и въ Византійскихъ хроникахъ еще не могутъ служить доказательствомъ перевода, а не оригинальнаго Русскаго сочиненія.

Ближайшими сосѣдями Новгорода на востокъ были Суздальцы, и потомъ Москвичи. Этотъ край у Новгородцевъ былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ Низовья и заключалъ въ себѣ Тверскія, Бѣлосерскія, Ростовскія, Суздальскія и Московскія владѣнія. Въ началѣ XII вѣка всѣ сіи земли, подъ общимъ названіемъ Суздальской или Ростовской страны, были причислены къ владѣніямъ южнаго или Русскаго Переяславля и составляли независимый удѣлъ младшихъ князей Мономахова дома. Географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ начали распространяться съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Этотъ безноконный и предприимчивый князь ближе познакомилъ Суздальцевъ съ прочими странами Руси, а для жителей другихъ частей Русской земли свѣдѣлъ страну Суздаль-

(*) Невг. 1, стр. 26.

скую болѣе доступною и знакомою. Его походы и войны въ Приднѣпровьѣ и Новгородѣ, продолжавшіеся около 22 лѣтъ, открыли для Суздальцевъ всю Русскую землю; они въ это время узнали не только Черниговъ, Кіевъ и другіе ближайшіе города, но даже страны Вольнскую и Галицкую, а частію и Половецкія степи, гдѣ они являлись то друзьями, то врагами Половцевъ. И тѣ же войны Юрія открыли путь въ Суздальскую землю для жителей другихъ краевъ Руси, которые, за исключеніемъ Новгородцевъ, до сихъ войнъ очень рѣдко посѣщали отдаленный Суздальскій край и едва знали его. Въ лѣтописяхъ до Юрія, кромѣ Ростова, Суздаля и Бѣлоозера, мы не встрѣчаемъ другихъ городовъ въ этомъ краю, и конечно не потому, чтобы ихъ не было, но очевидно отъ того, что этотъ рѣдко посѣщаемый край былъ мало извѣстенъ въ другихъ странахъ Руси.

Но со времени Юрія Долгорукаго здѣсь дѣлаются извѣстными многіе города и урочища. Такъ, въ 1135 году, Юрій промѣнялъ Кіевскому князю Ярополку, на Русскій Переяславль, Суздальскія владѣнія Ростовъ и Суздаль и нѣкоторыя другія волости, но не все⁽²³⁾. Конечно, здѣсь мы встрѣчаемъ еще прежніе знакомые города Ростовъ и Суздаль; но уже видимъ, что не они одни составляли Суздальскія владѣнія Юрія, ибо лѣтопись прямо говоритъ, что Юрій отдалъ Ярополку не всю свою волость. Далѣе, подъ 1137 годомъ, упоминается о Ждановой Горѣ, гдѣ Новгородцы бились съ Суздальцами⁽²⁴⁾: это урочище до сего времени на разѹ не встрѣчалось въ лѣтописяхъ. Потомъ, война Юрія съ Ізяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ хорошо знакомитъ Суздальцевъ съ отраною Вятчей. Такъ, въ 1146 году, Юрьевъ сынъ Иванъ исходилъ всю землю Вятчей, убѣгая отъ преслѣдованія Ізяславовыхъ союзниковъ. Черниговскихъ князей Давыдовичей, онъ, вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, изъ Новгорода Сѣверскаго отступилъ къ Карачеву, который, по выраженію лѣтописи, стоялъ въ лѣсной землѣ; потомъ они отодвинулись къ Брянску (въ лѣтописи Дѣбрянскъ, но это названіе не должно вести къ сомнѣнію или къ мысли, что подъ Дѣбрянскомъ должно разумѣть не Брянскъ, а другой городъ, ибо въ лѣтописяхъ XV вѣка, во время войны Іоанна III-го съ Латвою, во многихъ мѣстахъ очень ясно указывается, что Дѣбрянскъ и

(²³) Ипат., стр. 12 (²⁴) Тамъ же, 14.

Брянскъ одинъ и тотъ же городъ). Послѣ того они пошли къ Козельску, а отъ Козельска на востокъ, прямо къ Дѣдославию, что за Уною (гдѣ, кажется, потомъ былъ Дѣдловъ); потомъ двинулись на сѣверъ, къ рѣкѣ Осетру, и остановились въ городѣ Колтескѣ, гдѣ скончался Иванъ Юрьевичъ. Святославъ же съ Юрьевыми Суздальцами и съ своею дружиною, по смерти Ивана, обратился къ западу, къ верховьямъ Оки, и остановился въ городѣ Лобынскѣ, на устьѣ Протвы; далѣе, идя вверхъ Протвы по направлению къ Смоленскимъ владѣніямъ, Святославъ, по приказу Юрія, покорилъ племя Голядь, жившее при верховьяхъ Протвы⁽⁴⁵⁾. Въ слѣдующемъ году, Юрій угощалъ Святослава въ Москвѣ (въ первый разъ упоминаемой въ лѣтописяхъ), которая, кажется, была пограничнымъ городомъ Суздальскихъ владѣній съ Новгородскими и Черниговскими, ибо въ лѣтописи, подъ 1176 годомъ, упоминается, что Лопасня, лежащая первая на югъ отъ Москвы, была Черниговскій городъ и составляла удѣлъ Олега Святославича; а относительно сосѣдства Москвы съ Новгородскими владѣніями можно заключать изъ того, что Волокъ-Ламскій, находящійся въ 100 верстахъ отъ Москвы, въ XV вѣкѣ еще принадлежалъ Новгороду, да и самая Москва, кажется, была выстроена первоначально на Новгородской землѣ, — прежнее ея названіе *Кучкова Села* встрѣчается только въ Новгородскомъ краѣ, гдѣ между землевладѣльцами въ XV вѣкѣ сохранилась фамилія Кучковичей⁽⁴⁶⁾. Отъ Москвы Святославъ опять возвратился къ Лобынску, потомъ выступилъ въ городъ Неринскъ, подъ которымъ переправился черезъ Оку на степную сторону⁽⁴⁷⁾. Отъ Неринска онъ опять двинулся къ Дѣдославию, откуда отправилъ пришедшихъ къ нему Половцевъ къ верховьямъ Угры на Смоленянь, а самъ пошелъ къ Девягорску и занялъ всю землю Вятичей до Брянска и Воробьяна, т. е. все Подесенье, Мценскъ, Домагощъ и Блову; занявши всю землю Вятичей, Святославъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ, выступилъ изъ Мценска и перешелъ въ страну Сѣверянъ, гдѣ прежде всего занялъ Курскъ, отсюда двинулся во владѣнія Передславскія къ Выреву, и занялъ все Посемье, потомъ пошелъ къ Выханю и Попашу. Этотъ походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся,

(45) Ипат., 28—29. (46) Тамъ же, 118. (47) Тамъ же, 29.

по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпримчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ, доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было множество городовъ, которые лежали преимущественно по теченію рѣкъ, на путяхъ сообщенія, и слѣдовательно были выстроены съ торговыми цѣлями; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь пролегла одна изъ значительныхъ дорогъ отъ Днѣпра въ Камскую Болгарію, на которую намекаютъ и Арабскіе писатели ⁽⁴²⁾. Кѣмъ и когда построены упоминаемые здѣсь города, до насъ теперь это не относится; для географіи важно только то, что здѣсь существовали города, что и этотъ край не былъ пустынею, и пользовался извѣстностію у современниковъ.

Теперь обратимся къ географическимъ свѣдѣтельствамъ, относящимся собственно до Суздальской земли. Здѣсь лучшимъ для насъ указателемъ служитъ походъ Изяслава и Ростислава Мстиславичей изъ Новгорода и Смоленска въ Суздальскую землю, въ 1148 году. Изяславъ съ Ростиславомъ условились соединиться на устьѣ Медвѣдицы, и для того Изяславъ изъ Новгорода пошелъ къ Волгѣ, и потомъ Волгою до устья Медвѣдицы, гдѣ, соединившись съ Ростиславомъ, отправился внизъ Волгою до Коснятина, а отъ этого города идя внизъ по Волгѣ, они сожгли шесть Суздальскихъ городовъ ⁽⁴³⁾, дошли до Углича Поля и оттуда до устья Мологи, отъ которой внизъ по Волгѣ проникли до Ярославля ⁽⁴⁴⁾. Лѣтописи неговорятъ, какіе именно города были взяты и опустошены Изяславомъ; но для насъ довольно уже и того, что отъ Коснятина до Углича Поля лежало по Волгѣ 6 городовъ; мы отсюда видимъ, что край этотъ былъ уже довольно заселенъ, и что Волга издавна была кормилицею прибрежныхъ жителей, которые спѣшили покрывать берега ея городами. Ко времени же правленія князя Юрія Владиміровича Долгорукаго относятся вѣстия о Владимірѣ-на-Клязмѣ, Переяславѣ-Залѣскомъ на Переяславскомъ озерѣ, Дмитровѣ на Яхромѣ и Юрьевѣ Поль-

⁽⁴²⁾ Истахри Lib. Clim. p. 97 Идриси (Géogr. edit. Jaubert. II, 401.)

⁽⁴³⁾ Соф. вр. I, стр. 192. ⁽⁴⁴⁾ Ипат. стр. 40.

скомъ. Владиміръ, какъ свидѣльствуютъ лѣтописи, былъ построенъ еще Юріевымъ отцомъ, Мономахомъ, но при Юріи онъ сдѣлался болѣе извѣстнымъ, особенно, когда полюбилъ этотъ городъ старшій Юріевъ сынъ Андрей Боголюбскій. Построеніе Переяславля-Залѣскаго, Юрьева-Польскаго и Дмитрова лѣтописи приписываютъ самому Юрію, и относятъ къ 1152 году первые два города, а послѣдній къ 1154 году, рассказывая, что тутъ родился у Юрія сынъ Всеволодъ — Дмитрій, во имя котораго и городъ получалъ названіе Дмитрова. Вѣроятно, ко времени же Юрія должно отнести построеніе Стародуба на Клязьмѣ, Галича-Мерьскаго при Галичскомъ озерѣ и Городца на Волгѣ, хотя лѣтописи того времени и не упоминаютъ о сихъ городахъ; но ихъ названія, одинакія съ названіями южно-Русскихъ городовъ, прямо указываютъ на Юрія Долгорукаго, который любилъ давать южно-Русскія названія Суздальскимъ мѣстностямъ; притомъ Волжскій-Городецъ встрѣчается уже въ лѣтописи подъ 1173 годомъ (41).

По смерти Юрія, при его сыновьяхъ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, географическія свѣдѣнія о Суздальской и Ростовской сторонѣ получаютъ еще болѣе развитіе. Во время княженія Андрея Боголюбскаго, подъ 1159 годомъ, упоминается о городѣ Кидекши на Нерли, на сѣверо-западъ отъ Переяславля-Залѣскаго, гдѣ Юрій выстроилъ церковь Бориса и Глѣба, въ память того, что здѣсь когда-то было ихъ становище (42). Андрей Боголюбскій построилъ Боголюбовъ и особенно украсилъ и укрѣпилъ любимый Владиміръ-Клязьменскій: выстроилъ тамъ богатую церковь Божіей Матери, и много другихъ наменныхъ церквей и монастырей; обвелъ городъ наменными стѣнами, и, подражая Кіевскимъ наименованіямъ и строеніямъ, построилъ золотыя ворота. При немъ Владиміръ сдѣлался столицею новаго Великаго Княжества Суздальскаго или Владимірскаго, а вся Суздальская и Ростовская сторона начала считаться первенствующимъ и могущественнѣйшимъ княженіемъ на Руси, предъ которымъ трепетало уже все Приднѣпровье. По свидѣтельству Ипатьевской лѣтописи, Суздальскій край при Боголюбскомъ былъ уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ Греками, Латинами, Жидами, Болгарами и другими народами, и ихъ гости или купцы пріѣзжали во Вла-

(41) Ипат., 106 (42) Ипат., 82.

дмиръ (⁴²). Суздальскія владѣнія при Боголюбскомъ граничили, на западъ съ Новгородскими и Смоленскими владѣніями, на югъ съ Черниговскими или Сѣверскими, гдѣ страна Радимичей уже принадлежала къ Суздальскимъ владѣніямъ, земля Вятчей, кажется, рѣкою Окою раздѣлилась между Сѣверскимъ и Владимірскимъ княжествомъ, а край Муромскій и Рязанскій, хотя имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Андрея, который распоряжался тамошними князьями, какъ своими подручниками; на востокъ же онъ два раза воевалъ въ землѣ Камскихъ Болгаровъ, гдѣ Суздальцы, вмѣстѣ съ Рязанцами и Муромцами, доходили до Камы и взяли Болгарскій городъ Бряхимовъ, который Татищевъ полагаетъ на Сурѣ, именно тамъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ выстроенъ городъ Василь-Сурскъ, а по свидѣтельству Никоновской лѣтописи Бряхимовъ лежалъ на берегахъ Камы. На сѣверѣ Суздальскія или Владимірскія владѣнія граничили съ Заволочьемъ, Двинскою землею и Пермью.

При Андреевомъ братѣ Всеволодѣ въ лѣтописяхъ встрѣчаются по Суздальской землѣ новые города и урочища, вѣроятно, бывшіе уже извѣстными при Андрѣе и даже, можетъ быть, при Юріѣ. Такъ, во время войны Всеволода съ Глѣбомъ Рязанскимъ, въ 1177 году, въ первый разъ упоминается городъ Коломна, кажется составлявшій границу Суздальскихъ владѣній съ Рязанскими (⁴³). Подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ названія рѣки Колахши и Прусковой Горы, на дорогѣ отъ Рязани къ Владимиру; здѣсь Всеволодъ разбилъ Глѣба Рязанскаго. Всеволодъ, подобно Андрею, желалъ распространить Суздальскія владѣнія насчетъ Болгаръ, и по сему случаю лѣтописи упоминаютъ о нѣсколькихъ Болгарскихъ городахъ, до того времени неизвѣстныхъ. Такъ Всеволодовъ походъ на Болгаръ въ 1184 году начался по рѣкѣ Волгѣ, гдѣ, не доходя до Великаго Города, войско высадилось у городка Тухчина, кажется, при устьѣ нынѣшней Цывили, ибо въ Ипатьевской лѣтописи сказано, что Всеволодъ высадился противъ острова Исадъ, при устьѣ Цевцы (⁴⁴), которая не означаетъ ли Цывили? потомъ, когда войско полемъ перешло Черемисль, оно было встрѣчено Болгарами изъ городовъ Собѣкуля, Челмата и Терцскаго (⁴⁵). Гдѣ находились означенные здѣсь города—опредѣлить нельзя, но кажется,

(⁴²) Ипат., 115. (⁴³) Лавр., 162. (⁴⁴) Ипат., 125. (⁴⁵) Тамъ же, 165.

по Волгѣ; ибо въ лѣтописи прямо сказано, что разбитыхъ Болгаръ гнали до Волги и тамъ потопили въ учаяхъ, на которыхъ они думали убѣжать. Въ Инатъевской Лѣтописи, при описаніи того же похода, мы находимъ два племени Болгаръ: Болгары Серебряные и Болгары «зювые Тетюзи.»

Во время Рязанскихъ междоусобій, бывшихъ по смерти Глѣба, въ которыхъ Всеволодъ принималъ дѣятельное участіе, какъ судья и примиритель, упоминается о многихъ, до того неизвѣстныхъ городахъ въ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣніяхъ. Таковъ Пронскъ на Геронѣ, впадающей въ Оку съ южной стороны⁽⁶⁷⁾; потомъ Колоновъ, за Окою, на рѣкѣ Ирѣ, на пути отъ Коломны въ Рязань⁽⁶⁸⁾. Подъ 1207 годомъ говорится о Рязанскихъ городахъ Ужескѣ и Ольговѣ, гдѣ-то на Окѣ, выше Пронска; ибо въ лѣтописи сказано, что когда Всеволодъ послалъ свой полкъ отъ Пронска къ Окѣ, то ратники, пришедъ къ Ужеску, услышали, что Романъ, вышедши изъ Рязани, бьется съ лодейниками у Олгова⁽⁶⁹⁾. Потомъ, на пути отъ Пронска къ Рязани, лѣтопись упоминаетъ о городѣ Добромъ, который лежалъ на лѣвомъ берегу Прона; ибо, по словамъ лѣтописи, Всеволоду на походѣ изъ Пронска къ Рязани должно было подъ Добрымъ переходить черезъ Провю⁽⁷⁰⁾, и наконецъ о Бѣлгородѣ, котораго мѣстность не означена, но вѣроятно прямо за Рязанью; ибо сказано, что Всеволодъ, зажегши Рязань, пошелъ къ Бѣлгороду и велѣлъ тоже его сжечь. При нападеніи Батый такъ же сказано, что онъ сжегъ Пронскъ, Бѣлгородъ и Ижеславецъ. Нынѣ же есть село Ижевское на Окѣ, выше впаденія Пры; следовательно, по смыслу лѣтописи, Бѣлгородъ можно положить на Окѣ же выше Ижеславца и ниже Рязани. Такимъ образомъ при Всеволодѣ Юрьевичѣ Рязанская сторона дѣлается для насъ довольно знакомою, и мы ясно видимъ, что съ втой стороны Русскія владѣнія соединялись съ Половецкими степями и граничила съ ними рѣкою Провю, гдѣ Пронскъ былъ передовымъ укрѣпленіемъ, и вѣроятно значительнымъ торговымъ пунктомъ съ Половцами и прибрежьями Чернаго и Азовскаго Морей. За Провю прямо начинались Половецкія степи, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что Всеволодъ, при осадѣ Прон-

(67) Лавр., 169. (68) Тамъ же, 171. (69) Тамъ же, 182. (70) Тамъ же, 183.

ска сталъ за рѣкою за Пронею съ поля Половецкаго ⁽⁷¹⁾. Но границу Рязанскихъ владѣнй на югъ не оканчивались географическя свѣдѣнй Суздальцовъ; ибо Всеволодъ съ сыномъ своимъ Константиномъ въ 1199 году ходилъ въ Половецкя степи на Донъ и прогналъ Половцовъ къ берегамъ моря. Походъ этотъ продолжался сляшкомъ мѣсяцъ, и Всеволодъ исходилъ всѣ Половецкя зимовища по Дону ⁽⁷²⁾. Въ войнахъ Всеволода съ Новгородомъ въ первый разъ упоминается о рѣкѣ Твери. Всеволодъ, по занятн Торжка говоритъ Новгородцамъ: «а поидѣ есмь кони Тхверью, а в Волховомъ накою.» Кажется съ перваго похода Всеволода на Новгородцовъ, или по-крайней-мѣрѣ съ войнъ Юрй Долгорукаго, должно полагать распространеніе Суздальскихъ границъ на счетъ Новгорода въ томъ краю, гдѣ впоследствии образовались владѣнй Тверскія.

Въ княженіе Всеволодова сына Георгія преимущественное вниманіе Суздальскихъ князей было обращено на востокъ, т. е, Камскую Болгарію и Мордву; а посему въ лѣтописяхъ встрѣчается еще нѣсколько подробностей объ этомъ краѣ, доказывающихъ, что географическя свѣдѣнй этого времени простираются глубоко на востокъ, до Яика или нынѣшняго Урала. Камскіе Болгары, доселѣ обезпокиваемые Суздальскими князьями, при Георгіѣ вздумали напасть на Суздальскя владѣнй и въ 1219 году захватили Устюгъ-Великій и потомъ пробрались на Унжу; но будучи отражены жителями города Унжи, не удержались в вѣ самомъ Устюгѣ. Георгію же, желая отомстить за набѣгъ, въ 1220 году отправилъ свои войска въ землю Болгарскую, подъ предводительствомъ брата своего Святослава. Его войска двинулись двумя путями: одни отъ Устюга на верхъ Камы, а другія внизъ по Волгѣ. Сн послѣднй, подъ вѣчальствомъ самого Святослава, послѣ упорнаго боя взяли Болгарскій городъ Ошель, стоявшій на Волгѣ неподалеку отъ устья Камы, а въ то же время первыя, подъ предводительствомъ Вснслава Добрынича, побрали и пожгли множество городовъ, лежавшихъ по берегамъ Камы, и сошлись съ Святославомъ въ Камскомъ устьѣ. На другой годъ Георгію собрался самъ идти въ землю Болгарскую, и уже дошелъ до Волжскаго Городца; но остановленный Болгарскимъ посольствомъ, заключилъ миръ; впрочемъ, желая впередъ имѣть

⁽⁷¹⁾ Лавр., 182. ⁽⁷²⁾ Тамъ же, 174.

уверенное и удобное мѣсто ближе къ Болгарскимъ владѣніямъ, велѣлъ построить при впаденіи Оки въ Волгу Нижній-Новгородъ ⁽⁷³⁾. Съ 1226 года Георгій началъ посылать свои войска на Мордву; въ первый разъ туда ходили братья его Святославъ и Иванъ, которые, взявши тамъ нѣсколько селъ, возвратились домой съ добычею ⁽⁷⁴⁾. Во второй разъ, въ 1228 году, онъ послалъ туда племянника своего Василька Константиновича, но воротивъ его съ границы за Нижнимъ-Новымъ городомъ, собрался идти самъ съ братомъ Ярославомъ и племянниками. Суздальскія войска прежде всего захватили владѣнія Мордвы Пургасовой, опустошили ихъ, а жителей загнали въ лѣса, а которые не успѣли уйти, тѣхъ избили, и возвратились домой. На другой годъ Мордва, подъ начальствомъ Пургаса, напала было на Нижній-Новгородъ, но была отбита, и потомъ потерпѣла сильное пораженіе въ своей землѣ отъ ротника Георгіева Пуреша, другаго Мордовскаго князя, который съ Половцами напалъ на Пургаса и избилъ все его племя. Въ этомъ же году Суздальцы въ первый разъ услышали о движеніи Татаръ къ предѣламъ Камской Болгаріи; лѣтопись говоритъ: «того же лѣта Саксини и Половцы вѣзбѣгоша изъ ншу къ Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близъ рѣки, ей же имя Якъ» ⁽⁷⁵⁾.

Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія Георгіева времени для насъ чрезвычайно важны: они даютъ вѣрныя указанія, какъ постепенно распространялись у Суздальцовъ географическія свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ на востокъ отъ Суздальскихъ владѣній. Такъ походъ на Болгаръ въ 1220 году, особенно съ Устюга Великаго на Каму, показываетъ, что Суздальцы хорошо знали всѣ дороги къ Камскую Болгарію, когда могли составить и привести въ исполненіе планъ соединенія двухъ войскъ близъ устья Камы, начавшихъ походъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. А войны съ Мордовою свидѣтельствуютъ, что Суздальцы давно уже были хорошо знакомы и съ этимъ лѣснымъ краемъ; ибо Георгій здѣсь имѣлъ между Мордовскими князьями своего ротника Пуреша. Кромѣ того въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о сихъ войнахъ мы узнаемъ, что Мордовскія земли были покрыты непроходимыми лѣсами и не имѣли городовъ. Извѣстія же о первомъ

⁽⁷³⁾ Лавр. 189. ⁽⁷⁴⁾ Тамъ же, 190. ⁽⁷⁵⁾ Тамъ же, 192.

движеніи Татаръ къ Камской Болгаріи, показываютъ, что Болгарскія границы на востокъ простирались до рѣки Яика; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Татары разбили на этой рѣкѣ стражу Болгарскую.

Въ описаніи Георгіева княженія лѣтопись также довольно представляетъ извѣстій собственно о Суздальскихъ владѣніяхъ. Мы уже видѣли, что владѣнія сіи на югѣ граничили Окою вплоть до ея устья, гдѣ Георгій построилъ Нижній-Новгородъ; на востокѣ же ихъ границею были земли Болгарскія, отдѣлявшіяся, можетъ-быть, рѣками Унжею и Волгою; а на сѣверѣ крайними предѣлами ихъ были верховья Костромы и Бѣлозеро. Для опредѣленія же западныхъ границъ подробнѣйшія свѣдѣнія представляетъ рассказъ лѣтописи о войнѣ Георгія съ Константиномъ Ростовскимъ и Мстиславомъ Новгородскимъ. Изъ этого рассказа мы видимъ, что крайними предѣлами Суздальскихъ владѣній на западѣ были Тверскія земли; ибо Мстиславъ, вышедши изъ Новгорода, первыя укрѣпленія Суздальскія встрѣтилъ на Тверцѣ и взялъ Зубцовъ; а Ярославъ, противникъ Мстислава, укрѣпился въ Твери. Здѣсь Суздальскія земли соприкасались съ Новгородскими, Смоленскими и Черниговскими. Съ Новгородской и Смоленской стороны пограничными городами были Тверь и Зубцовъ; в кромѣ того Смоленскія земли отдѣлялись рѣкою Протвою ниже Можайска; а съ Сѣверскими и Черниговскими владѣніями Суздальскія земли сходились при впаденіи Угры въ Оку и внизъ по Окѣ. При Юріѣ Долгорукомъ, въ описаніи похода Изяслава Мстиславовича, мы видѣли, уже что дорога изъ Новгорода въ Суздальскія земли лежала на Медвѣдицу къ Волгѣ; а при описаніи Мстиславова похода открываемъ еще новую дорогу отъ Зубцова на Шону и Дубну къ Кевятину на Волгѣ (*), оттуда сухимъ путемъ на Городище на рѣкѣ Саррѣ, между Переяславлемъ и Ростовомъ, и даже въ центрѣ Суздальской земли къ Юрьеву и Владимиру черезъ рѣки Кзу и Липицу. При завоеваніи Суздальской земли Батыемъ въ 1237 году, сказано, что Татары взяли въ Суздальской землѣ 14 городовъ, и прошли съ одной стороны до Галича Мерьскаго, а съ другой до Торжка. Кромѣ того, это же извѣстіе о Батыевомъ нападеніи указываетъ намъ нѣсколько на границы Муромскихъ и Рязанскихъ владѣній на

(*) Троицк., 242.

югъ. По свидѣтельству Троицкой Лѣтописи полки Батыева предъ вступленіемъ въ Муромскія и Рязанскія владѣнія остановились лагеремъ на какой-то рѣкѣ Онузѣ, вѣроятно на границахъ Муромскихъ съ Мордовою; потомъ Рязанскіе и Муромскіе князья, чтобы не впускать Татаръ въ свои владѣнія, дали имъ битву на берегахъ Воронежи ⁽⁷⁷⁾, т. е. далеко отъ Пронска въ степяхъ Половецкихъ; слѣдовательно Рязанцы и Муромцы довольно хорошо уже знали топографію Половецкихъ степей, когда по имени называли тамошнія рѣки.

При Юріѣ Всеволодовичѣ Суздальскія или Владимірскія владѣнія уже не составляли одного княженія: значительная ихъ часть, именно Ростовъ, Ярославъ, Угличе-Поле, Бѣлоозеро, Галичь и Устюгъ отошли въ вотчину наследниковъ старшаго Юріева брата Константина. Преемникъ Юріевъ Ярослав долженъ былъ еще отдавать для братьевъ своихъ — Святослава, Суздаля и для Ивана Стародубъ. А по смерти Ярослава дробленіе еще болѣе увеличилось: Тверь, Кострома, Переяславль Залѣсскій и Москва составили отдѣльныя вотчины; къ Суздалю отошли Нижній-Новгородъ и Городецъ, къ Твери Зубцовъ, Кашинь и весь край, пограничный съ Смоленскими, Новгородскими и Ростовскими владѣніями, къ Переяслави Дмитровъ. Новое соединеніе всѣхъ сихъ владѣній началось не раньше XIV вѣка, когда начала усиливаться Москва.

Завоеваніе Россіи Монголами имѣло большое вліяніе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ сѣверовосточной или Суздальской Руси. До сего времени географическія свѣдѣнія между жителями этого края, со временъ Юрія Долгорукаго, ограничивались Русскими владѣніями вообще, степями Половецкими и землями Болгарскою и Мордовскою (съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій и братъ его Всеволодъ обратили вниманіе въ эту сторону) и также, можетъ-быть, Византійскою Имперією, по случаю церковныхъ сношеній съ патриархомъ Константинопольскимъ. Но со времени завоеванія Россіи Монголами, князья и народъ сѣверовосточной Руси волей-неволей должны были познакомиться съ самыми отдаленными странами, составлявшими огромную имперію потомковъ Чингисовыхъ. Уже Плато-Карпини, посолъ папы Иннокентія IV въ 1246 году во глубинѣ

(77) Тамъ же, 221.

въ средней Азіи въ Каракорумѣ видѣлъ при ханскомъ дворѣ Русскаго князя Ярослава Всеволодовича, и даже рассказываетъ о Рускихъ священникахъ; совершавшихъ священнослуженіе по Греческому (т. е. Русскому) обряду передъ ставкою Гаюка, и о многихъ Россіянахъ, состоявшихъ на службѣ у хана и между нами объ одномъ ханскомъ любимцѣ, золотыхъ дѣлъ мастерѣ Козмѣ, который сдѣлалъ для хана печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями съ разными изображеніями ⁽⁷⁸⁾. Путешествіе свое Платон Карпинъ совершилъ чрезъ землю Половецкую до береговъ Волги, гдѣ кочевала Орда Батыева; потомъ перебрался въ безводныя степи Кангитовъ (или по-Русски Хвалисовъ) около озера Балхамъ; далѣе, въ Хиву или въ землю Бесерменовъ, оттуда въ страну Кара-Китановъ, лежавшую отъ Аральскаго Озера до Оби и Иртыша; и наконецъ за Обью вступилъ въ пустыни нынѣшней Сибири и шелъ до озера Байкала, отъ котораго вверхъ рѣкою Селенгою вошелъ въ рѣку Орханъ, по которой достигъ до тогдашняго мѣстопробыванія хана-Каракорума. Конечно, тою же дорогою, начиная отъ орды Батыя ходили и Русскіе въ далекую Татарію. А Русскихъ сюда ходило очень много; ибо по нашимъ лѣтописямъ еще прежде Ярослава сынъ его Константинъ былъ посланъ въ великую Татарію ⁽⁷⁹⁾; потомъ въ 1247 году туда же посылалъ Батый Александра Невскаго и брата его Авдрея ⁽⁸⁰⁾; въ 1256 году туда же ѣздили князь Борисъ Васильевичъ Ростовскій и послы Невскаго ⁽⁸¹⁾; въ 1268 году былъ тамъ князь Глѣбъ Васильевичъ Бѣлозерскій ⁽⁸²⁾; а въ 1269 году въ столицѣ Батыевой Сарай уже поставляется Русскій Епископъ Митрофанъ, и такимъ образомъ Сарай поступаетъ въ число Русскихъ епархій ⁽⁸³⁾. Эта епархія въ столицѣ ханской ясно говоритъ, что Русскихъ такъ много жило между Татарами, и такъ много ѣздило ихъ въ Орду, что не болѣе какъ черезъ 20 лѣтъ послѣ завоеванія Руси Татарами понадобилась въ ханской столицѣ не только священники, но и постоянный Русскій епископъ. Оно и не могло быть иначе, ибо не одни князья и Русскія посольства ѣздили къ ханамъ для засвидѣтельствованія покорности и полученія ярлыковъ; но цѣлыя полки Рус-

(78) Путеш. къ Татар. пер. Языкова. стр. 55. (79) Ник. III, стр. 18. (80) Тамъ же, 27. (81) Тамъ же, стр. 37. (82) Тамъ же, 46. (83) Тамъ же, 50.

скихъ воиновъ проживали между Татарами, состоя на службѣ ханской и участвуя въ Татарскихъ воинскихъ походахъ. Такъ, по свидѣтельству Плато Карини, Батый и Гаюкъ посылали въ Россію своего вельможу для набора воиновъ (*): отъ двухъ сыновей третьяго. Рубруквисъ, посолъ Людовика Святаго, бывшій въ Монголіи въ 1258 году, говоритъ, что въ станѣ Монгольскомъ и въ окрестностяхъ онъ видѣлъ много Россіянъ, Венгерцовъ и Ясовъ, которые скитались по степямъ вмѣстѣ съ Монголами (**). По Русскимъ лѣтописямъ мы знаемъ, такъ же что Русскіе князья съ своими полками участвовали въ Татарскихъ походахъ; такъ въ Никоновской Лѣтописи подъ 1275 годомъ сказано: «ходиша Татарове и князи Рустин на Ляту и воюаша возвратишася со многымъ полономъ» (**). Въ 1278 году ханъ Менгу-Темиръ водилъ съ собою въ Яскій походъ Русскихъ князей и ихъ дружины, при чемъ Россіяне отличились взятіемъ Яскаго города Деякова, въ нынѣшнемъ Дагестанѣ, за что ханъ отпустилъ ихъ на Русь съ честію и дарами (iv). Въ тотъ же годъ Глѣбъ Васильковичъ Ростовскій съ Феодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ снова участвовалъ въ какомъ-то ханскомъ походѣ; лѣтопись говоритъ, что онъ отъ юности своей служилъ Татарамъ и былъ защитникомъ христіанъ передъ ханомъ (v). Подъ 1279 годомъ лѣтопись еще упоминаетъ объ участіи Русскихъ князей въ Татарскомъ походѣ на Ляту; (vi) въ 1338 году Русскіе князья вмѣстѣ съ Татарскими воеводами по повелѣнію ханскому ходили на Смоленскъ (vii); въ 1389 году князь Борисъ Константиновичъ Суздальскій нѣсколько участвовалъ въ Тохтамышевомъ походѣ на Тамерлана въ Самаркандъ (Ник. IV, 191). Кромѣ того, при вступленіи на престолъ каждаго новаго хана къ нему являлись для изъявленія покорности и полученія ярлыковъ не только князья, но Митрополитъ и Епископы; такъ лѣтопись, упоминая о возшествіи на престолъ Узбека, именно говоритъ: «а новый Царь Озбакъ селъ на царствѣ, и вси обновшася, и вси приходяху во Орду, того ради, понеже тогда во Ордѣ и ярлыки имаху. койждо на свое имя, и князи и Епискупы» (viii). Ханъ пользовался не только военною службою Рус-

(*) Собр. Пут. къ Тат. пѣр. Язык., стр. 185. (**) Voyage de Rubruquis. (iii) Ник. III, стр. 59. (iv) Тамъ же, 64. (v) Тамъ же, 66. (vi) Тамъ же, 68. (vii) Тамъ же, 170. (viii) Тамъ же, 108.

сникъ, на поручали имъ и другія свои дѣла; такъ Сарайскій Енископъ Феогностъ три раза ѣздилъ въ Царь градъ посланникомъ отъ Хана Менгу-Темира ^(*). Притомъ Русскіе были обычными посѣтителями Орды и не по службѣ, а по торговлѣ и по другимъ своимъ дѣламъ. Напримѣръ лѣтописъ, при описаніи убіенія Михаила Тверскаго въ 1319 году, говорятъ: » быху тамо (въ Ордѣ, стоявшей по случаю Узбековой большой облавы за Терекомъ) мнози народи, акипесокъ собравшеся людие, и Цареградцы, и Нѣмцы, и Литва и Русь; и мнози православнии ивѣдающе елезяху» ^(**). Все сіи свидѣтельства о частыхъ путешествіяхъ въ Орду (которая, надобно замѣтить, въ лѣтнее время постоянно странствовала то около Каспійскаго Моря, то у Азовскаго, то у Чернаго, или въ Закавказьѣ и даже въ Персіи, какъ это можно видѣть изъ ханскихъ ярлыковъ и другихъ намотниковъ), очень ясно указываютъ, что Русскіе при Татарахъ широко распространяли у себя географическія извѣстія объ отдаленныхъ, прежде для нихъ почти невѣдомыхъ, земляхъ и конечно въ свое время имѣли какія либо описанія своихъ путешествій или дорожники; ибо это было необходимо какъ для частныхъ людей, такъ еще болѣе для правительства, которое по частнымъ сношеніямъ всегда имѣло нужду не только въ путеказателяхъ, но и въ свѣдѣніяхъ болѣе подробныхъ о тѣхъ краяхъ, гдѣ странствовали и жили Татары. До насъ даже дошло нѣсколько свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ, бывшихъ въ ходу у Русскихъ въ XIV столѣтіи. Такъ въ приведенномъ выше описаніи смерти Михаила Тверскаго сказано: что Орда въ это время стояла «за Терскомъ подъ великими горами подъ Яскими и Черкасскими у града Титякова, на рѣцѣ Свинцѣ близъ вратъ желѣзныхъ, у болвана мѣдяваго, у златыхъ главы, у Темяревы богатыревы могилы» ^(***). А въ Львовской Лѣтописи еще прибавлено: «иынувъ грады Свѣяскіе и Черкаскіе» (Руск. Лѣтоп. Львова II стр. 76) Слѣд. въ началѣ XIV вѣка здѣсь на дорогѣ изъ Руси въ Закавказье было нѣсколько яскихъ и черкасскихъ городовъ, о которыхъ мы теперь вовсе ничего не знаемъ, и о которыхъ даже въ концѣ XIV вѣка, по свидѣтельству Пименова Дорожника, сохранилась одна память. Далѣе, когда тѣло убитаго Михаила повезли на Русь, то должно было переѣзжать рѣку Адежъ, потому городъ Мощарыкъ

(*) Никон. III, 68. (**) Тамъ же, 118. (***) Тамъ же, 119.

и даже Бездельскъ (**) Рѣки Адежъ, мы не знаемъ; Мотарыкъ же или Мадшары, какъ объясняетъ Кармавитъ, лежалъ на рѣкѣ Кумѣ, а Бездельскъ въ землѣ Ясовѣ, на одномъ изъ рукавовъ Волги. Названія сѣмъ давно уже исчезли въ нашей географіи; о нихъ даже не упоминается въ Книгѣ Большаго Чертежа. Подъ 1346 годомъ лѣтописи, упоминая о моровой язвѣ, опустошавшей въ это время востокъ, перечисляютъ страны того края очевидно по свѣдѣніямъ, приобретеннымъ во время путешествій къ Татарамъ. Такъ Никоновская Лѣтопись говоритъ: «бысть моръ слевѣ зѣло подѣ восточною страню на Орначи, и на Азсторокани, и на Саран и на Бездежи, и на прочихъ градехъ страннихъ, на христіанехъ, и на Армевехъ и на Фрязехъ, и на Черкасѣхъ, и на Татарехъ, и на Обязехъ» (**). Въ Троицкой Лѣтописи это же извѣстіе измѣнено такъ: «и бысть моръ великъ на люди: на Бесермены, и на Татары и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы и на Черкасы (***)». Здѣсь извѣстія объ Орначи (это Орна по Плавю Карпини или Тана древняя и нынѣшній Азовъ при устьѣ Дона) Астрахани, Саранъ и Бездежъ рѣшительно получены во время путешествій къ Татарамъ, ибо во всѣхъ сихъ мѣстахъ, какъ мы уже знаемъ, кочевала Орда. То же должно сказать и объ этнографическихъ свѣдѣніяхъ: они также приобретены путешествіями къ Татарамъ: Бесерменами очевидно здѣсь называются Хивинцы, чрезъ земли которыхъ шла дорога изъ Руси въ Великую Татарію, какъ уже объяснено выше; Орманами, Черкесами и Обязами названы жители Закавказскаго края, куда ходили Русскіе во время Узбека, какъ видно изъ описанія смерти Михаила Тверскаго; подѣ жидами и Фрязами здѣсь должно разумѣть поселенія Генуэзцовъ и Венеціанъ въ Тавридѣ, куда ѣзжалъ Мамай, разбитый Тохтамышемъ въ 1381 году. При описаніи завоеваній Тамерлана, наши лѣтописи еще подробнѣе развиваютъ тогдашнія географическія свѣдѣнія на Руси о восточныхъ странахъ. Такъ о мѣстѣ рожденія Тамерлана лѣтописецъ говоритъ: «страна нѣкая есть между яко быти Индіякъ сѣвернымъ странамъ и восточнымъ, именованъ Араръ, нарицаетъся междорѣчье, занеже двоишь источниками окружающимъ ю; и въ той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины именованъ Тamarъ свирѣпъ зѣло» (****). Въ

(**) Ник. III, 122. (***) Тамъ же, 183. (****) Ист. Г. Р. IV, прим. 357. (****) Ник. IV, стр. 246.

другомъ мѣстѣ та же лѣтопись пишетъ о Тамерланѣ: «о семъ же Темирѣ Аксацѣ повѣдаша клицы, яко отъ Залцкихъ Татаръ отъ Самархинскія (Самаркандскія) страны отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными враты»⁽⁹⁹⁾. Потомъ исчисляя его завоеванія, говоритъ: Темирѣ Аксацѣ завоевавъ Самаркандъ, покорилъ Персиду, побѣдилъ Балзета, прошелъ въ Египетъ, и на возвратномъ пути покорилъ Дамаскъ и Иерусалимъ; «пріятъ же и Ассирію и Вавилонское царство, и Севастію и Арменію, и вси орды поплѣни; и пріятъ и Синюю Орду, еже есть близъ Индіи, и Сарай Великій, и Чегодан, и Тевризи, и Гурстани, Обѣзи и Гурзы, и оттуду поиде во Охтон. Пріятъ и Шамахію, Китай и Крымъ, и ополчися поиде къ Великой Ордѣ. И царя Тохтамыша побѣдивъ прогна. И пріиде близъ предѣлъ Рязанекія земли. . . . и взя градъ Елецъ»⁽¹⁰⁰⁾. Или въ иномъ мѣстѣ той же лѣтописи: «А се имена тѣмъ землямъ и царствамъ, еже поплѣнилъ Темирѣ Аксацъ: Чегодан, Горусани (Хоросанъ) Гулустани, Китай, Синія Орда, Ширязы, (Ширазъ) Аспаганы (Испаганъ), Арначи (Орначи), Гиненъ (Галанъ), Шизъ, Шибранъ или Ширбѣнъ (въротно Ширванъ), Шамахія (Шамаха), Савасъ, Арзунумъ (Арзерумъ), Тевризи (Тавриздъ), Теодизи (Тифлисъ), Гурзустани, Обеза, Гурзиз, (Грузію), Багдаты (Багдадъ), Темирѣ Баты, рекше Желѣзная Врата (Дербентъ), Ассирію, Вавилонское царство, Иерусалимъ, Севастію, Арменію, Дамаскъ великій и Сарай великій»⁽¹⁰¹⁾. Или тамъ же, о мѣстѣ битвы Тамерлана съ Тохтамышемъ, пишетъ: «и бысть имъ бой въ полѣ чистѣ, на мѣстѣ нарицаемомъ Ординскомъ, на кочевии Царя Тахтамыша близъ рѣки Севенчи»⁽¹⁰²⁾. Большая часть несомненныхъ здѣсь наименованій странамъ очевидно взята не изъ книгъ, но прямо отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ; ибо лѣтопись ясно говоритъ: *повѣдаша клицы*. Притомъ даже по немногимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ мы можемъ указать, что Рускіе въ XIV вѣкѣ бывали во многихъ странахъ, завоеванныхъ Тамерланомъ, и имѣли о нихъ географическія свѣдѣнія пріобрѣтенныя живою дѣятельностію народа, а не почерпнутыя изъ книгъ. Такъ въ самомъ описаніи родины Тамерлановой, лѣтописецъ, говоря, что она лежитъ какъ бы на сѣверъ и востокъ отъ Индіи, и называется между-рѣчьемъ, довольно ясно намекаетъ, что онъ слышалъ о ней отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ, и кото-

(99) Ник. IV, 258. (100) Тамъ же, 248. (101) Тамъ же, 259. (102) Тамъ же, 260.

рые объяснили ему мѣстность по своему. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ первоначально поприще подвиговъ Тамерлана называетъ Свиею Ордою,—это чисто народное Русское названіе Самарканда тоже показываетъ, что въ XIV вѣкѣ Русскіе были хорошо знакомы и съ этимъ краемъ. Въ лѣтописи даже есть намеки на двѣ дороги въ эту сторону: на одну отъ Урала или Яка, (лѣтописецъ говоритъ о Тамерланѣ, яко отъ Зяцкихъ Татаръ) и на другую отъ Дербента или отъ Желѣзныхъ Вратъ (отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты). И точно первый путь на Якъ былъ вѣроятно обычнымъ у Русскихъ, путешествовавшихъ въ Великую Татарію; по немъ шелъ, какъ мы уже знаемъ, и Плато Карпини; вторая же дорога на Дербентъ, должно быть, была открыта съ того времени, какъ Русскимъ приходилось посѣщать Орду, кочевавшую за Тереконъ. А если Русскіе знали дорогу въ Самаркандъ на Закавказье, то конечно имъ были извѣстны и Чегодай и Хоросанъ, Ширазъ, Испагань, Гиланъ, Ширванъ, Шамаха, Тифлисъ, Таврисъ и Гулистанъ. О посѣщеніи Русскими Гулистана мы даже имѣемъ прямое свидѣтельство; такъ Митрополитъ Алексій получилъ въ Гулистанѣ ярлыкъ отъ Тайдулы, что написано на самомъ ярлыкѣ: «когда Орда кочевала на Гулистанѣ.» Мы также имѣемъ важное указаніе на географическое положеніе Татарскихъ владѣній въ свидѣтельствахъ лѣтописей о раздѣленіи Орды; такъ по лѣтописямъ мы знаемъ Большую или Золотую Орду на Волгѣ, гдѣ главнымъ городомъ былъ Сарай; потомъ извѣстна Синяя Орда, подъ названіемъ которой Русскіе въ XIV вѣкѣ разумѣли всѣ Татарскія владѣнія за Янкомъ; далѣе Нагайская Орда между Дономъ и Волгою, Крымская Орда на западъ отъ Дона, и наконецъ Бѣлгородская Орда по сѣверному берегу Чернаго Моря.

Но кромѣ лѣтописныхъ указаній на географическія свѣдѣнія жителей сѣверо-восточной Руси въ XIV столѣтіи, до насъ дошло и чисто-географическое сочиненіе этого же времени, писанное въ сѣверо-восточной Руси—*Хожденіе Пиминаго во Царь-градъ*. Оно объясняетъ не только путь въ Византію, но описаніе самой Византіи и даже Палестины и наполнено многими весьма любопытными географическими и другими подробностями. Писателемъ этого хожденія былъ Игнатій, діаконъ Смоленскаго епископа Михаила; мы даже знаемъ, что

оно писано по повелѣнію Митрополита Пимина, або при самомъ началѣ описанія сказано: «я повелѣ Митрополитъ Пиминъ Михаилу владыцѣ Смоленскому, да Сергію архимандриту Спасскому, и вся кождо аще кто хоцетъ писати сего путешествованіе все, како поидоша и гдѣ что случися, или кто возвратится или не возвратится вспять; мы же сіа вся писахомъ» ⁽¹⁰²⁾. Вотъ сокращенное изложеніе описанія отъ начала до конца. «Бысть же начало пути тому отъ града Москвы мѣсяца Апрѣля въ 13 день (1389 года), въ великій вторникъ страстныхъ недѣль; и аще поидохомъ отъ Москвы, и прїидохомъ на Коломну въ субботу великую; а во Св. недѣлю пасхи поидохомъ къ Рязани по рѣцѣ по Окѣ, и приспѣхомъ къ Перевитску, и ту срѣте насъ Еремей Епископъ Рязанскій, и приближившася намъ къ Переяславиу срѣтоша насъ сыновѣ В. К. Олега Ивановича Рязанскаго Поидохомъ же отъ Переяслава въ недѣлю Ооину, проводихи жь съ нами и три струги да насадъ на колосѣхъ. (Отъ Переяслава до рѣки Дона В. К. Олегъ велѣлъ проводить путешественниковъ боярину Станиславу съ дружиною, на случай нападенія разбойниковъ). Въ четвертокъ же прїидохомъ къ рѣцѣ къ Дону и спустихомъ суды на рѣку на Донъ. И во вторый день прїидохомъ до Чурь Михайловыхъ, (вѣроятно городъ извѣстнаго рязанскаго Князя Кюръ Михаила), сице бо тамо тако нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ бѣше. (Здѣсь путешественники разстались съ провожатыми.) Въ недѣлю же Св. Мвроносицѣ оттуду поплѣхомъ рѣкою Дономъ на низъ. Бысть же сіе путное шествіе печально и уныливо, бѣше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же, ни града ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію пусто жь все и не населено; нигдѣ бо видѣти человека, точію пустыни велиа и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая, и бѣше вся пустыня великіа. Во вторый же день рѣчнаго плаванія минухомъ двѣ рѣцѣ Мечу и Сосну; въ третій же день проидохомъ острую луку, въ четвертый же день проидохомъ кривый Боръ, въ шестый жь день приспѣхомъ до усть Воронежа рѣки. Наутріе жь въ недѣлю, на память

(102) Ник. IV, стр. 159.

Св. Чудотворца Николая, привде къ намъ князь Юрій Елецкій съ бояры своими и со многими людьми. Оттудажъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ, и видѣхомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоятъ рядомъ, яко стови малы, бѣлжъ и свѣтлы зѣло надъ рѣкою надъ Сосною. Таже минухомъ и Черленый Яръ рѣку, и Бетюкъ рѣку и Похоръ (въ другихъ спискахъ Хоперь) рѣку. Въ недѣлюжъ пятую о Самарянинѣ минухомъ пловуще Медвѣдицу рѣку, и Горы высокия рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку. Въ понедѣльникъ же пловуще минухомъ горы каменныя красныя, во вторникъ же Терклию (въ иныхъ спискахъ Серклию) градъ минухомъ пловуще, не градъ же убо, но точію городище; таже и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло, якожъ и якоже песокъ. Въ среду же пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыховинъ улусъ; и тако отгуду нача насъ страхъ обдержати, яко внидохомъ въ землю Татарскую, ихъ же множество оба поля Донъ рѣки, аки песокъ. Въ четвертокъ же пловуще минухомъ Бекъ - Булатовъ улусъ; стадажъ Татарскія видѣхомъ толико множество, якоже умъ превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже въ пяткъ минухомъ Червленныя горы. Въ недѣлю же шесту слѣпаго минухомъ Акъ-Бугинъ улусъ, и ту многое множество Татаръ, и всякихъ скотъ стады безъ числа много. Отъ Татаръ же никто же насъ пообидѣ, точію воспросиша ны вездѣ, мы же отвѣщахомъ; и они слышавше ничтоже намъ пакости творяху и млеко намъ далху; и сице съ миромъ въ тишинѣ плавахомъ. Въ понедѣльникъ же приидохомъ Бузукъ рѣку. Въ кануи Вознесенева дни приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова. Въ недѣлю же седмую Св. Отецъ вклядшеся въ корабль на усть Дона рѣки подъ градомъ Азовымъ. Тогда же во Азовѣ живуще Фрязовѣ и Нѣмцы, владѣюще тѣмъ мѣстомъ, и отступихомъ въ море. (Здѣсь описывается остановка корабля Фрязами.) Тогда убо вѣтру добру и вособну бывшу пыхомъ по морю въ радости; таже въ третій день тяжекъ вѣтеръ въ преки быше, и прияхомъ истомленіе велие. И провдохомъ устие Азовскаго моря, и изыдохомъ на великое море; въ шестый же день въ субботу минухомъ Каенискій Лимень и Сурожъ; и мимошествующимъ плавахомъ добре четыре дни: недѣлю, понедѣльникъ, вторникъ и среду. Таже въ пятый день въ четвертокъ возвѣя вѣтеръ супротивенъ

зѣло, и поведе насъ по морю въ лѣвую страну къ Сивону граду; и впадохомъ въ Лимень близъ града Сивона и тамо пребыхомъ два дни. Таже возвѣя добръ и покосенъ вѣтръ, и поплыхомъ близъ града; бяху жъ тамо горы высоки зѣло, въ половину убо тѣхъ горъ стирахусь облацы преходяще по воздуху. Тажъ оттуда мало пришедше сице подѣтѣми же горами противу града Амастра заговѣхомъ къ Петрову дни; и сице въ токъ пловуще минухомъ Пандоракію. Въ среду же возвѣя вѣтръ супротивенъ зѣло, и пакы возвратихомся въ Пандаракію, и пребыхомъ тамо 15 дній. Таже оттуда идохомъ въ сандаліяхъ (можетъ быть въ гондолахъ) ко Царюгороду на рождество Св. Ивана Предотечи; и на утріе въ пятюкъ минухомъ пловуще Діополь градъ; въ субботу же обѣдахомъ на усть рѣка Сахара; въ недѣлюже минухомъ градъ Даенусій и Кареію градъ. Тажъ пловуще придохомъ во градъ Астравію и тамо пребыхомъ пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; бѣше бо царь Амуратъ Турскій пошелъ ратью на Сербскаго царя Лазаря (здѣсь разсказъ о походѣ Амурата), и поидохомъ отъ града Астравія въ недѣлю предѣ Петровымъ днемъ; на утріе же поидохомъ отъ Фили и минухомъ Риву; и придохомъ ко устію и минухомъ Фонарь. Вѣдру жъ добру сушу весьма присѣхомъ въ Царьградъ. Въ понедѣльникъ же канунъ Петрову дни во время вечерни придоша къ намъ Русь, живущая тамо, и ту ночь пребыхомъ въ корабли. На утріе жъ мѣсяца Іюня въ 29 день благодаряще Господа внидохомъ въ градъ Константинъ.»

Далѣе сочинитель путешествія описываетъ пребываніе въ Константинополь и тамошнія достопримѣчательности, видѣнныя путешественниками; говоритъ о храмѣ Софійскомъ, объ императорскомъ дворцѣ, объ Ипподромѣ и разныхъ колоннахъ, о церкви Іоанна Предтечи, о церкви Св. Апостоль, о гробницахъ императорскихъ, о монастырѣ Патріарха Аванасія, о монастырѣ первомученика Стефана, о церкви Павтократора, и другихъ. Описывая церковь Св. Софії, говоритъ: «ходимъ верху церкви Св. Софії и видѣхомъ 40 оконъ шейныхъ, ижъ на верху церкви Св. Софії, и мѣрихомъ окно едино со столпомъ по двѣ сажени; и сихъ 40 оконъ въ ширину иѣяху съ столпомъ по двѣ сажени въ шеѣ церковной, и сему много чудихомся, яко предив-

но и изрядно и удобрено». При посѣщеніи Пантеонаторской церкви путешественники видѣли въ сосудохранительницѣ Св. Евангеліе, писанное все золотомъ рукою императора Феодосія Малаго. Въ слѣдъ за достопримѣчательностями Константинопольскими путешественникъ описываетъ бывшее при немъ вѣнчаніе на Царство императора Мануала.

Потомъ переноситъ вниманіе читателей въ Палестину, и рассказываетъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ краѣ, которыя даютъ вѣрное понятіе о тогдашней состояніи Святыхъ мѣстъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова во Иерусалимѣ, говоритъ: « и ту гробъ Господень, а противъ гроба Господня Греческая служба, Грецы служатъ; а съ правую сторону гроба Господня Римская служба, Римляне служатъ; а на полатехъ съ правую сторону Арменская служба, Армяне служатъ; а съ правую сторону Гроба Господня на земли Фрязская служба, Фрязи служатъ; а оттуды паки Сирская служба, Сирияне служатъ; а съ лѣвую сторону гроба Господня за гробомъ Господнимъ Яковичья служба, Яковиты служатъ; а съ лѣвую сторону Господня гроба Фрязская служба, Фрязи служатъ; а оттуды паки Нѣмецкая служба, Нѣмцы служатъ; а отъ тое службы паки Фрязская служба, Фрязи служатъ. А съ правую сторону Греческія на полатѣхъ голгофа, зовомое добное мѣсто а служба тамо Грузинская, Грузины служатъ; а за нею Венеційская служба, Венецианцы служатъ; а за тѣми Угры служатъ; а за тѣми иная Фрязская служба, Фрязи служатъ; а подъ голгофою низу на земли Иверская служба, Иверы служатъ; на лѣвой сторонѣ у Фрязскія службы долѣ Блвсметры служатъ. Потомъ слѣдуютъ описанія Геосиманіи, потока Кедрекаго, Элеонской горы, Виваніи, Савина Моѣастыря, долины Иосафатовой, монастыря Феодосія Киновіарха, рѣки Иордана, Содомскаго моря, Вилеема, Назарета и другихъ мѣстъ Палестинскихъ ⁽¹⁰⁴⁾.

Путешествіе Пинина для насъ чрезвычайно важно. Съ одной стороны потому, что въ немъ въ первый разъ сообщаются сколько нибудь подробныя географическія свѣдѣнія о пути отъ Москвы до Чернаго моря; здѣсь путешественникъ представляетъ довольно живую картину при-донскихъ степей во время

(104) Ник. Лѣт. IV, стр. 158—184.

владычества Монголовъ, и нѣсколько намекаетъ о прежнемъ до-Монгольскомъ состояніи этого края; а также нѣкоторымъ образомъ проводятъ границу между кочевьями Татаръ и Русскими селеніями въ этой странѣ; мы видимъ изъ его описанія, что Русскія селенія здѣсь оканчивались Чуръ-Михайловымъ городищемъ, гдѣ-то недоходя еще до устья Мечи; потомъ шли пустынные, нѣкѣмъ незаселенныя степи до горъ, лежащихъ за устьемъ Медвѣдцы и Бѣлаго Яра, и за горами уже начинались кочевья Татаръ, гдѣ, должно быть, впереди всѣхъ стоялъ улусъ Сары хожмы. Съ другой стороны, описаніе Палестинскихъ мѣстъ, кромѣ своего внутренняго интереса, очень полезно для сравненія съ подобнымъ же описаніемъ игумена Даниила, бывшаго тамъ въ первые годы XII вѣка. Почти въ одно время съ Пименомъ былъ въ Царь градѣ дьякъ Александръ, приходившій туда по торговлѣ. Онъ оставилъ краткую записку о своемъ путешествіи, въ которой описалъ достопамятности Константинопольскихъ церквей: Св. Софіи, монастыря Монганы, монастыря Одигитрія, Церкви Св. Апостолъ, монастырей Пантократора, Продрома, Св. Николая, Козмы и Даміана, Пелеевота, Студійскаго и другихъ.

Зная хорошо страны, лежавшія на востокъ и югъ отъ Россіи, жители сѣверо-восточной Руси также были знакомы и съ Западною Европою, хотя и не были съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ и отдѣлялись отъ нея Литовскими, Польскими и частію Татарскими владѣніями. Такъ, по свидѣтельству лѣтописей, Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго, въ 1386 году, въ бѣгствѣ своемъ отъ Тахтамыша, шелъ на Подолію, Валахію и Нѣмецкую землю. Лѣтопись говоритъ: «Князь Василій Дмитріевичъ, видя себя держима въ Ордѣ, и помысли яко невозможно ему убѣжати прямо на Русь, и умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты, и побѣжа въ Подольскую землю въ Волохи къ Петру воеводѣ, и оттуду иде въ незнаемыхъ таяхъ. И пришедшу ему въ Нѣмецкую землю позна его Князь Витовтъ Кестутьевичъ»⁽¹⁰⁶⁾. Конечно, еслибы спутники Василія не имѣли свѣдѣній о Западной Европѣ и не знали туда дороги, то Василій не могъ бы идти въ эту сторону. Притомъ, кромѣ этой дороги въ Западную

⁽¹⁰⁶⁾ Ник. IV, стр. 151.

Европу, Москвичи знали еще и другой путь въ эту сторону. Такъ Василіевы бояре въ 1391 году, посланные за его невѣстою, дочерію Витовта, въ Нѣмецкую землю, ѣхали на Новгородъ и Псковъ и потомъ Балтійскимъ моремъ ⁽¹⁰⁶⁾.

Собственно о сѣверовосточныхъ земляхъ Руси по времени владычества Монголовъ мы также находимъ въ отечественныхъ древнихъ памятникахъ много географическихъ подробностей, до того времени не встрѣчавшихся. Особенно распространяются свѣдѣнія о Московскихъ владѣніяхъ. Такъ, по духовному завѣщанію, втораго Данилова сына, В. К. Ивана Даниловича Калиты, писанному въ 1328 году, уже значатся въ числѣ Московскихъ владѣній Можайскъ и Коломна съ волостями, составлявшіе удѣлъ старшаго его сына Симеона; потомъ Звънигородъ, Кремична, Руза, Тростна, Нечуча и другія волости, назначенныя второму сыну Ивану; далѣе Лопастна, Сернуховъ, Перемышль и нныя волости, причисленныя къ третьему удѣлу—Андрееву; и наконецъ Сурожицъ, Мушкина Гора, Радонезъ и другія, завѣщанныя супругѣ Ивановой съ младшими дѣтьми ⁽¹⁰⁷⁾. Въ грамматѣ В. К. Ивана Ивановича, между волостями уже упоминаются: Гжель, Кошира и Боровскъ; кромѣ того присоединенныя къ Москвѣ отъ Рязанскихъ владѣній на обмѣнъ Лопастны: Новый Городокъ на устьѣ Поротли и другія Рязанскія мѣста по сю сторону Оки ⁽¹⁰⁸⁾. Въ договорной грамматѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1371 году, въ числѣ Московскихъ городовъ стоятъ Галичъ (Мерьскій), Вышгородъ (на Протвѣ) и Кропивна ⁽¹⁰⁹⁾. Въ его же договорной грамматѣ съ В. К. Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1381 году, довольно подробно описаны границы Рязанскихъ и Московскихъ владѣній: главною границею положена Ока, по которой съ Московской стороны къ Москвѣ принадлежали: отъ Коломны въ верхъ, т. е. на западъ Почень, Новый Городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, а на низъ по Окѣ, т. е. къ востоку отъ Коломны по рѣку Цну; также къ Москвѣ причислялась Тула и Мещера ⁽¹¹⁰⁾. Въ духовной грамматѣ В. К. Дмитрія Донскаго, писанной въ 1389 году, упоми-

⁽¹⁰⁶⁾ Ник. IV, 194. ⁽¹⁰⁷⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. 1, № 21. ⁽¹⁰⁸⁾ Тамъ же, № 25. ⁽¹⁰⁹⁾ Тамъ же, № 23. ⁽¹¹⁰⁾ Тамъ же, № 32.

наются новыя мѣста: Кадуга и Роща, Товъ и Медынь, причисленныя къ Можайскому удѣлу Андрея Дмитріевича. Въ этой же грамматѣ въ числѣ Московскихъ владѣній, какъ сказано пріобрѣтенныхъ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, помѣщаются: Галичь и Кострома, причисленные къ удѣлу К. Юрія Дмитріевича; Бѣлоозеро, данное К. Андрею Дмитріевичу; Угличе Поле, завѣщанное К. Петру Дмитріевичу ⁽¹¹¹⁾. Кромѣ того въ одной жалованной грамматѣ, данной В. К. Дмитріемъ Донскимъ, упоминается о Перми и Печерѣ, какъ о Московскихъ владѣніяхъ, причисленныхъ къ Москвѣ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ ⁽¹¹²⁾. Впрочемъ, грамота сія говоритъ о нѣкоторыхъ только угодьяхъ, уступленныхъ Новгородцами Московскому князю въ Печерѣ. Въ уставной же Двинской грамматѣ, данной В. К. Васильемъ Дмитріевичемъ въ 1398 году перечислены слѣдующія Двинскія волости, полузависѣвшія тогда отъ Московскаго князя: Орлецъ, Мати-горы, Холмогоры, Курь-островъ, Чюхчелемъ, Ухт-островъ, Журья, Княжь-островъ, Лижать островъ, Конечные дворы, Новакса и Уна,—эти земли отъ Орлеца внизъ по Двинѣ; отъ Орлеца же вверхъ по Двинѣ: Кривой, Ракулы, Наволокъ, Челнахта, Емецъ, Калеа, Кирьегоры и Нижняя Тойма ⁽¹¹³⁾.

По лѣтописямъ же мы знаемъ, что Даниалъ Александровичъ въ 1302 году, по духовному завѣщанію Переславскаго князя Ивана Дмитріевича, получилъ его владѣнія Переславль и Дмитровъ; а въ 1303 году сынъ Данила Юрій завоевалъ Можайскъ и тамовскаго князя Святослава привелъ плѣнникомъ въ Москву ⁽¹¹⁴⁾. При томъ же Юріѣ Даниловичѣ подъ 1317 годомъ упоминается Клязь, какъ пограничный Тверской городъ къ Московскимъ владѣніямъ ⁽¹¹⁵⁾. Потомъ, при В. К. Симеонѣ Ивановичѣ, подъ 1348 годомъ, упоминается городъ Алексинъ, составившій владѣніе Митрополита ⁽¹¹⁶⁾. При В. К. Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ подъ 1368 годомъ упоминаются московскіе города и волости на дорогѣ въ Литву: Холохолъ, Оболенскъ и Тросна, чрезъ которые въ это время шелъ на Москву В. К. Литовскій Олгердъ ⁽¹¹⁷⁾. Подъ 1371 и 1372 годами упоминаются въ числѣ Московскихъ владѣній Молога, Угличе Поле, Кострома и Клязьма, завоеванные въ это время Тверскимъ княземъ Михаиломъ

⁽¹¹¹⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. I. 34. ⁽¹¹²⁾ А. А. Э. Т. 1, № 6. ⁽¹¹³⁾ Тамъ же, № 13. ⁽¹¹⁴⁾ Ник. III. 100. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 113. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 190. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, IV, 91.

Александровичемъ ⁽¹¹⁸⁾. Подъ 1375 годомъ въ числѣ владѣній, подчиненныхъ или союзныхъ Москвѣ, но имѣвшихъ своихъ князей, Лѣтопись упоминаетъ Суздаль, Городецъ, Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль, Бѣлоозеро, Кашинъ, Мологу, Стародубъ, Брѣнскъ, Новосиль, Оболенскъ и Тарусу ⁽¹¹⁹⁾. Подъ 1378 годомъ встрѣчается городъ Чухлома, куда въ это время былъ сосланъ въ заточеніе Митрополитъ Паминъ ⁽¹²⁰⁾. Въ войнѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Мамаемъ, окончившейся Куликовскою битвою, встрѣчается довольно географическихъ подробностей какъ о степяхъ, лежащихъ между отъ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣній, такъ и о разныхъ Русскихъ владѣніяхъ, подчиненныхъ Москвѣ. Здѣсь прежде всего мы узнаемъ, что Московскіе государи имѣли уже въ степяхъ стражи, которые наблюдали за всѣми движеніями Татаръ. Такъ В. К. Дмитрій Ивановичъ, при вѣсти о Мамаевомъ походѣ, посылалъ Радіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Туника и многихъ другихъ на Бѣлострую и Тихую Сосну наблюдать за Мамаемъ и даже ѣхать подъ самую Орду, чтобы добыть языка ⁽¹²¹⁾. Потомъ съ тою же цѣлю посылалъ воеводу Семена Меліка и съ нимъ Игнатія Брена, Ому Тыяна и многихъ другихъ, о которыхъ именно сказано въ лѣтописи: «на то устроенныхъ тамо вѣдомцовъ, да видятся съ стражи Татарскими и подадутъ скоро вѣсть» ⁽¹²²⁾. Слѣдовательно, въ степяхъ въ это время были уже постоянныя стражи, хорошо знакомыя съ топографіею степей, знавшіе мѣстность вдовъ и понерекъ, и вѣроятно жившіе тамъ въ разныхъ укрѣпленіяхъ и притвинахъ, на кои частію намекаетъ и лѣтописецъ, говоря, что на рѣкѣ Чюрь-Михайловѣ стоялъ съ кремлемъ сторожецъ Ома Кацюгей ⁽¹²³⁾. Еще легче говорятъ о Русскихъ укрѣпленіяхъ по степямъ граммати Митрополитова Феофоста и Аленова на Черный-яръ, изъ которыхъ въ первой, писанной между 1334—1353 годомъ, упоминается о городахъ по рѣкѣ Воронѣ ⁽¹²⁴⁾, а во второй, писанной около 1350 года, мы находимъ Русскіе караулы по Хопру и Дону ⁽¹²⁵⁾. Кроме того, изъ обѣихъ грамматъ видно, что эта сторона населена была Русскими еще въ концѣ XIII. вѣка, ибо Митрополиты Феофостъ и

⁽¹¹⁸⁾ Ник. IV, 30 и 33. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 42—43. ⁽¹²⁰⁾ Тамъ же, 78. ⁽¹²¹⁾ Тамъ же, 97. ⁽¹²²⁾ Тамъ же, 108. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, 109. ⁽¹²⁴⁾ Агт. Истор. Т. I. № 1. ⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, № 3.

Алексѣи осылаются на грамматы Митрополитовъ Максима и Петра, по которымъ край этотъ по рѣки Ворону и Хоперь причислялся къ Рязанской епархіи. Далѣе лѣтопись, при описаніи битвы съ Мамаемъ, опредѣленно говоритъ, что войска сошлись на Куликовѣ Полю между рѣками Непрядвой, Мечей и Дономъ ⁽¹²²⁾. Исчисляя же союзниковъ и подручниковъ Дмитріевыхъ, лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Андрей Кемскомъ, Глебъ Каргопольскомъ (вѣроятно принадлежавшихъ къ семейству Блужевскихъ князей), Львъ, князь Прозоровскомъ и о князьяхъ Андомскихъ и Устюжскихъ ⁽¹²³⁾. Это извѣстіе лѣтописи для насъ имѣетъ большое значеніе, какъ свидѣтельство что города Кемь, Каргополь, Андома и Устюгъ существовали уже въ XIV столѣтіи и составляли удѣлы разныхъ князей. Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей мы видимъ, что Москвиты имѣли географическія свѣдѣнія и о земляхъ, лежавшихъ на востокъ отъ Московскихъ владѣній. Такъ Дмитрій Ивановичъ Донской въ 1377 году посылалъ свои войска въ Мордовскую землю за рѣку Пьяну ⁽¹²⁴⁾; далѣе, по свидѣтельству Никонской Лѣтописи, В. К. Василій Дмитріевичъ Московскій въ 1396 году посылалъ своего брата Юрія на Болгарь, гдѣ Москвиты тогда завоевали города Болгары Великіе, Жукотинъ, Казань, Кременчукъ и многіе другіе ⁽¹²⁵⁾; Подъ сѣмъ же годомъ въ той же лѣтописи мы находимъ довольно подробное извѣстіе о Перми и о земляхъ, лежащихъ около ея и далѣе на сѣверъ. Лѣтопись, упоминая о кончинѣ Пермскаго Просвѣтителя и перваго тамошняго Епископа Стефана, такъ говоритъ о земляхъ, лежащихъ около Перми: «А се имена живущимъ около Перми землямъ и странамъ и мѣстомъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Выляжене, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гліяне, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Петрасы, Пермь Великая, Гамала, Чусовая; рѣка же первая именовъ Вышь впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда; обходяще всю землю Пермскую, потече въ сѣверную страну и впаде въ Двину межъ Устюга 40 верстъ; рѣка же третья Ватка, потече въ другую страну Перми, впаде въ Каму рѣку; сія же рѣка Кама обходящи всю землю Пермскую, по сей рѣцѣ мнози языцы сѣдять, и по-

⁽¹²²⁾ Ник. IV, 114. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, 98. ⁽¹²⁴⁾ Лвов. лѣт. II, стр. 160. ⁽¹²⁵⁾ Ник. IV, стр. 267.

тече на югъ въ землю Татарскую, и впаде въ Волгу рѣку ниже Казани 60 верстъ ⁽¹²⁹⁾.» Это замѣчательное извѣстіе лѣтописи служить доказательствомъ, что Москвичи въ XIV столѣтіи не только хорошо знали сѣверныя земли нынѣшней Россійской Имперіи вплоть до Океана и Уральскихъ Горъ; но имѣли, кажется, описанія тамошнихъ главныхъ рѣкъ въ родѣ тѣхъ, кои впоследствии являются въ книгѣ большаго чертежа. Лѣтопись описываетъ теченіе и устья сихъ рѣкъ съ такою же отчетливостію, какъ это писалось въ книгахъ большаго чертежа: «рѣка Вычегда обходяще всю землю Пермскую, потече въ Сѣверную страну, и впаде въ Двину межъ Устюга 40 верстъ». Не имѣя прямыхъ данныхъ, мы не можемъ утверждать что наши предки въ XIV столѣтіи имѣли чертежи своихъ и чужихъ сосѣднихъ земель, и писали къ чертежамъ книги; однакоже настоящее свидѣтельство лѣтописи и пренія указанія, что въ Москвѣ нарочно приготовлялись люди, хорошо знакомые съ степями, лежащими за Окою по Дону и Волгѣ ⁽¹³⁰⁾, наводятъ на мысль, что Московское правительство заботилось о приобрѣтеніи географическихъ свѣдѣній о сосѣднихъ земляхъ, и можетъ быть уже имѣло какія либо руководства, чертежи съ объясненіями, составленные для цѣлей чисто служебныхъ, оффиціальныхъ. Намъ еще мало извѣстны богатѣйшіе географическіе и статистическіе матеріалы, составлявшіеся у насъ оффиціально въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, которые частью и теперь еще хранятся въ архивахъ. Весьма возможно допустить, что они начались еще въ XIV вѣкѣ, особенно, если находимъ на то намеки въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

Но обратимся опять къ лѣтописи. При описаніи войны В. Князя Василья Дмитріевича съ Новгородцами за Двинскія земли, бывшей въ 1398 году, упоминаются слѣдующія мѣстности сего края. Новгородцы начали свой походъ въ Заволочье, и во первыхъ пришли къ Двинскому городу Орлецу, куда къ нимъ явился владыченъ намѣстникъ изъ Вели, вѣроятно нынѣшняго Вельша; съ Двины Новгородцы пустились къ Бѣлозеру и взяли тамъ старый Бѣлозерскій городокъ, а Бѣло-

⁽¹²⁹⁾ Ник. IV, 268. ⁽¹³⁰⁾ Тамъ же, 105.

зерскіе князья и воеводы Московскаго князи пришли къ нимъ изъ Новаго городка Бѣлозерскаго; потомъ Новгородцы пошли на Кубену, Вологду и Устюгъ⁽¹²¹⁾; далѣе дрались на рѣкѣ Сухонѣ. Это извѣстіе открываетъ намъ новыя географическія свѣдѣнія, именно о Вели или Вельскѣ, Кубенѣ и Сухонѣ, которыхъ мы до того времени не встрѣчали въ Лѣтописяхъ. Изъ войнъ Москвичей съ другими сосѣдами мы получаемъ новыя свѣдѣнія о другихъ краяхъ тогдашней Руси: такъ въ 1368 году Князь Владиміръ Андреевичъ взялъ Ржеву, принадлежавшую Тверскому княженію⁽¹²²⁾. Въ войнахъ съ Олгердомъ Литовскимъ упоминаются Московскіе города: въ 1370 году Перемышль, гдѣ К. Владиміръ Андреевичъ поджидалъ Олгерда⁽¹²³⁾; и въ 1373 году Любутскъ, гдѣ-то на границахъ Московскихъ владѣній съ Смоленскими⁽¹²⁴⁾. Потомъ въ войнѣ Москвичей съ Андреемъ Олгердовичемъ упоминаются Трубчевскъ и Стародубъ Сѣверскій⁽¹²⁵⁾.

Рядомъ съ Московскими владѣніями, какъ мы уже видѣли, въ сѣверо-восточной Руси находились другія Русскія владѣнія: на сѣверѣ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія, на востокѣ Нижегородскія или Суздальскія, на югѣ Муромскія и Рязанскія, на западѣ Смоленскія, Тверскія и Новгородскія. Изъ нихъ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія земли въ XIV вѣкѣ болѣе или менѣе уже были подчинены Москвѣ, и географическія свѣдѣнія о нихъ мы уже исчислили выше, когда говорили о Московскихъ владѣніяхъ; о земляхъ Великаго Новгорода также уже было сказано въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ остальнымъ сѣверо-восточнымъ Русскимъ владѣніямъ, и по порядку, во-первыхъ къ Суздальскимъ или Нижегородскимъ. Нижегородскія владѣнія первоначально состояли изъ Суздаля, Тороховца, Луха, Горбца и Нижняго Новгорода. Нижегородцы были въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Камскою Болгарією, Татарами и Мордвою. Въ Болгарію они ѣздили по Волгѣ, и бывали тамъ какъ для войны, такъ и для торговли; такъ въ 1370 году В. Кн. Дмитрій Константиновичъ посылалъ своего брата Бориса на Болгарь, и прину-

⁽¹²¹⁾ Новг. I, стр. 99. ⁽¹²²⁾ Лвов. II, стр. 137. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, 141. ⁽¹²⁴⁾ Тамъ же, 148. ⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, 167.

дальг темопняго князя Асава уступитъ престолъ Саатану Базову сыну ⁽¹³⁶⁾. О торговлѣ ихъ въ Камской Болгаріи дѣлопись упоминаетъ при описаніи Тохтамышева похода на Москву въ 1382 году, разказывая, что Тохтамышъ, по занятіи города Болгаръ, велѣлъ захватить тамъ суда и товары Русскихъ гостей ⁽¹³⁷⁾. Конечно, между Русскими здѣсь были и Нижегородскіе купцы, какъ ближайшіе сосѣди Болгаръ, на что некоторымъ образомъ указываетъ и то, что Нижегородскій князь первый узналъ о походѣ Тохтамыша. Нижегородцы, бывшіе въ Болгарахъ, прежде всѣхъ успѣли подать ему вѣсть. Въ отношеніи къ Моравѣ, Нижегородцы, далѣе и прежде другихъ Русскихъ проникли въ эту землю, ихъ владѣнія здѣсь далеко выдвигались къ Сурѣ и, кажется, простирались до рѣки Пьяны въ нынѣшнемъ Сергачскомъ уездѣ. Въ 1372 году, Князь Борисъ Константиновичъ выстроилъ на Сурѣ городъ Курмышъ ⁽¹³⁸⁾; въ 1376 г. Ордынскій Царевичъ Аромша опустошалъ уже Нижегородскія земли, лежашія на восточномъ берегу Суры; а еще прежде, въ 1374 году, Татары Мамаевой Орды опустошали Нижегородскія владѣнія на югъ отъ Пьяны, гдѣ, кажется, лежалъ городъ Кишь ⁽¹³⁹⁾; потомъ, въ 1377 году, сынъ Князя Дмитрія Константиновича Симеонъ, съ Можайскимъ бояриномъ Феодоромъ Андреевичемъ Свѣломъ, завоевалъ всю Мордовскую землю ⁽¹⁴⁰⁾. Подробнѣйшихъ географическихъ свидѣній о княжествѣ Суздальскомъ или Нижегородскомъ мы не имѣемъ; а о земляхъ княженія Муромскаго и вовсе ничего не знаемъ, кромѣ того что здѣсь былъ городъ Муромъ и земли Мещеры, нѣсколько южнѣе Муромъ. Но о владѣніяхъ Рязанскихъ находимъ географическія свидѣнія болѣе подробныя.

Рязанскія земли на сѣверѣ граничили съ владѣніями Московскими, Владимірскими и Муромскими; отъ Московскихъ владѣній, какъ мы уже видѣли изъ договорной грамоты В. К. Дмитрія Донскаго съ В. К. Олегомъ Рязанскимъ, они отдѣлялись рѣкою Окою, гдѣ, на сѣверномъ берегу, были уже Московскіе города Поченъ, Новый городокъ, Лужа, Верей и Боровскъ. Очевидно однако же, что эта граница подвижная, — прежде и сѣверный берегъ Оки со всѣми вычисленными здѣсь города-

⁽¹³⁶⁾ Ник. IV, стр. 24. ⁽¹³⁷⁾ Тамъ же, 131. ⁽¹³⁸⁾ Тамъ же, 34. ⁽¹³⁹⁾ Лвов. II, стр. 150. ⁽¹⁴⁰⁾ Тамъ же, 162.

ни принадлежалъ Рязани; ибо въ самой договорной грамотѣ, города сіи еще названы Рязанскими; грамота, перечисливши ихъ, говоритъ прямо: «я иная мѣста Рязанская, которая не будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ» (141). Отъ Владимірскихъ и Муромскихъ владѣній, Рязанскія земли также вѣроятно отдѣлялись Окою; ибо Московская граница по Окѣ простиралась только до устьевъ Цны; а еще далѣе къ сѣверовостоку Рязанскія земли сходились съ жилищами Мордвы. Къ востоку, по всему вѣроятію, Рязанскія границы терались въ лѣсахъ Мещеры и Мордвы и простирались до Медвѣдицы; ибо, при описаніи первого Батыева похода, въ лѣтописяхъ сказано, что Батый изъ Болгарской земли лѣсами прямо вступилъ въ Рязанскія владѣнія и сталъ подлѣ Окозы. Въ грамотахъ Митрополитовъ Θεогноста и Алексѣя на Черный Яръ Русскіе города и селенія по Медвѣдицѣ, Хопру и Воронѣ причисляются къ Рязанской епархіи, слѣдовательно, можно допустить, и къ Рязанскимъ владѣніямъ; это подтверждаетъ и лѣтописное извѣстіе о разбитіи Рязанскимъ В. К. Олегомъ Царевича Маматъ-Салтана въ предѣлахъ Чернаго Яру «въ караулѣхъ возлѣ Хопоръ и Дону» (142). На югъ же Рязанскія владѣнія по рѣкѣ Дону, вѣроятно, простирались до устья Воронежа; ибо здѣсь Рязанскіе Князья Юрій Ингваревичъ съ братьями въ 1237 году дали первую битву Батью (143); да и послѣ, въ XIV вѣкѣ во время путешествія Митрополита Пимина, Рязанскій Князь Олегъ приказывалъ Блещкому Князю Юрію проститься съ Митрополитомъ на устьѣ Воронежа; (144). На юго-западѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Дона, границею Рязанскихъ земель была уже быстрая Сосна, ибо на этой рѣкѣ стоялъ самый южный Рязанскій городъ—Блещъ. Западная же граница шла на Новосиль, Одоевъ, Тулу и Торусу; ибо Новосильскіе, Одоевскіе и Торускіе Князья происходили отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Тула же, какъ уже видно изъ приведенной выше грамоты Дмитрія Донскаго съ Олегомъ Рязанскимъ, принадлежала Москвѣ. Изъ городовъ Рязанскихъ въ лѣтописи и другихъ памятникахъ упоминаются: Переяславъ Рязанскій, столица тамошнихъ князей на Трубежѣ, какъ зна-

(141) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. 32. (142) Ник. IV, 298. (143) Лвов. II, стр. 1. (144) Ник. IV, стр. 161.

чится по книгѣ большого чертежа ⁽¹⁴⁵⁾; ниже Переслава на Оку Старая Рязань, а выше Переслава въ 40 верстахъ отъ Коломны Перевитскъ ⁽¹⁴⁶⁾, Ростиславль, при впадѣніи Осетра въ Оку ⁽¹⁴⁷⁾, Пронскъ на Пронѣ, Чюръ Михаиловъ, гдѣ-то при верховьяхъ Дона; объ этомъ городѣ упоминается въ путешествіи Памина, только уже по памяти, что тутъ былъ прежде городъ: не древній ли это удѣль Кнзя Каръ Михаила ⁽¹⁴⁸⁾? Далѣе по границамъ съ Московскими и Торусскими владѣніями, вѣроятно, частію по сѣверному, а частію по южному берегу Оки, лежали Рязанскіе города Поченъ, Лопаця, Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ и Бродничъ, упоминаемые въ приведенной выше договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Донскаго, и названные тамъ уступленными къ Рязани отъ Тарусскихъ князей. Потомъ, подъ 1387 годомъ, въ лѣтописи упоминается Рязанскій городъ Любутскъ, на который въ этотъ годъ напали Татары; городъ сей, кажется, лежалъ на западъ отъ Рязани, ибо Татары подошли къ нему уже тогда, когда опустошили Рязань ⁽¹⁴⁹⁾. Этотъ Любутскъ не одно и то же съ Любуткомъ, упоминаемымъ въ лѣтописи подъ 1372 годомъ, подъ которымъ, во время войны Олгерда Литовскаго съ Московскими княземъ, сошлись Литовскія и Тверскія войска, ибо подъ 1394 годомъ въ лѣтописи есть извѣстіе, что Рязанскій Князь Олегъ въ этотъ годъ ходилъ ратью къ Любску и со многими полонюмъ возвратился во свояси слѣдовательно было два Любска: одинъ Смоленскій, какъ мы видѣли выше, а другой Рязанскій. Самымъ южнымъ городомъ къ западу въ Рязанскихъ владѣніяхъ былъ—Елецъ, стоявшій на лѣвомъ берегу Быстрой Сосны, и составившій особый удѣль.

На западъ отъ Рязанскихъ земель лежали мелкія владѣнія разныхъ княжескихъ родовъ, происходившихъ отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго: именно по Зубѣ лежали владѣнія Князей Новосильскихъ; по верховьямъ Оки до Калуги Болховскихъ, Белевскихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ; далѣе между Калугою и Серпуховымъ—Тарусскихъ; на западъ отъ Оки по Протвѣ Оболенскихъ (почти среди Московскихъ владѣній);

⁽¹⁴⁵⁾ Кн. Бол. Чер., стр. 123. ⁽¹⁴⁶⁾ Ник. IV, стр. 159 ⁽¹⁴⁷⁾ Кн. бол. Чер., стр. 118. ⁽¹⁴⁸⁾ Ник. IV, стр. 160. ⁽¹⁴⁹⁾ Ник. IV, 155.

по Жюдрѣ—Косельскихъ; и еще Далѣ къ западу по Цѣ и Деснѣ—Карачевскихъ и Брянскихъ, и наконецъ по правому берегу Угры—Мосальскихъ, которыя уже приыкали къ владѣніямъ Смоленскимъ. За Мосальскими владѣніями начинались прямо за Угрю земли и города равныхъ князей Смоленскихъ; но мы о нихъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

На сѣверъ отъ Смоленскихъ владѣній начиналось великое княжество Тверское; самымъ южнымъ городомъ этого княжества была Зубцовъ, лежавшій на правомъ берегу Волги. По восточнымъ предѣламъ Тверскихъ владѣній, почти по Московской границѣ, были города Никулинъ на Шошѣ, составлявшій особый удѣлъ между Тверскими князьями, Клинь на Сестрѣ, Керчева; на правомъ берегу Волги до впаденія въ нее Сестры; далѣе внизъ по Волгѣ, тоже на правомъ ея берегу, Бѣлгородъ и наконецъ съ лѣвой стороны Волги Кашина на рѣкѣ того же имени, составлявшій также особый удѣлъ Тверскихъ князей, называвшихся Кашинскими и бывшихъ почти въ постоянномъ союзѣ съ Москвою. Нѣсколько выше Кашина, на Волгѣ, при устьѣ Нерли, стоялъ также Тверской городъ, уже извѣстный выше Ковятинъ или Константинъ; онъ въ 1288 году былъ опустошенъ В. К. Дмитріемъ Александровичемъ Владимірскимъ⁽¹⁰⁰⁾. На сѣверъ и западъ Тверскія владѣнія сходились съ Новгородскими пятнами, Бѣжецкою и Деревскою, гдѣ ближайшими къ Тверскимъ владѣніямъ были Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ, и наконецъ съ Смоленскими владѣніями, гдѣ пограничнымъ Смоленскимъ городомъ была Ржева на Волгѣ. Внутри Тверскихъ владѣній, по свидѣтельству летописей, были города: Старица и Тверь по Волгѣ, и Холмъ, мѣстность котораго опредѣлить прямо нельзя; но впрочемъ нѣсколько можно предположить, что этотъ городъ былъ гдѣ нибудь недалеко отъ границъ Смоленскихъ, можетъ быть, на мѣстѣ нынѣшней деревни Красный Холмъ въ Зубцовскомъ уездѣ, на востокъ отъ Зубцова; ибо извѣстные Холмскіе князья Всеволодъ и Михайлъ Александровичи были въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Литовцами, что конечно, имъ неудобно было бы дѣлать, если бы ихъ городъ Холмъ лежалъ гдѣ либо на

⁽¹⁰⁰⁾ Ник. III, стр. 87.

востокъ или на сѣверъ отъ Твери; бывшей тогда въ рукахъ ихъ противниковъ, князей Кашинскихъ. Эту же мысль подтверждаетъ и то, что Михаилъ Александровичъ имѣлъ родовымъ своимъ удѣломъ городъ Микулинъ, зависѣвшій отъ Холмскихъ князей, а мы уже видѣли, что Микулинъ стоялъ на югѣ отъ Твери. Другихъ городовъ Тверскихъ владѣній въ летописяхъ не упоминается; кромѣ города, выстроеннаго Княземъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 году, гдѣ-то на Волгѣ неподалеку отъ Твери ⁽¹⁴¹⁾. Да еще судя, по свидѣтельству родословныхъ книгъ, къ Тверскимъ городамъ должно причислить Дорогобужъ и Чернятинъ; ибо родословныя книги говорятъ, что отъ Константина, сына Александра Михайловича, произошли князья Дорогобужскіе и Чернятинскіе. Несмотря на небольшое пространство, какое занимали Тверскія владѣнія въ XIV столѣтіи, эта сторона по своей населенности и богатству жителей составляла одно изъ сильнѣйшихъ великихъ княженій въ Сѣверо-восточной Руси, которое было опаснѣйшимъ соперникомъ могущественной Москвы. Главною причиною таковой силы, кажется, была торговля; ибо Тверскія земли, находясь между владѣніями Новгородомъ и Москвою, были необходимыми перепутьемъ торговли Востока съ Западомъ, здѣсь начиналась главная дорога Азіатско-Европейской торговли — Волга. О множествѣ торговцевъ, прѣзжавшихъ и проживавшихъ въ Твери, даже изъ Татарскихъ Орды, ясно свидѣлствуютъ летописи. Такъ, подъ 1326 годомъ, Никоновская Летопись говоритъ, что Тверской князь Александръ Михайловичъ возставши на ханскаго посла Щелкана, избылъ множество Ордынскихъ гостей старыхъ и новопришедшихъ съ Щелканомъ въ Тверь ⁽¹⁴²⁾.

Собравши сколько можно было географическихъ свѣдѣній въ XII, XIII и XIV вѣкахъ о владѣніяхъ Сѣверо-восточной Руси, мы теперь обратимся къ западнымъ Русскимъ владѣніямъ, придѣпровокскимъ и заднѣпровскимъ, и рассмотримъ, какъ о нихъ говорятъ тамошніе источники. Первенствующимъ городомъ въ придѣпровьѣ почти въ продолженіе всего XII вѣка остается по прежнему Кіевъ, и около Кіева преимущественно сосредоточивается дѣятельность тамошнихъ князей; а слѣдовательно и

⁽¹⁴¹⁾ Ник. IV, стр. 15. ⁽¹⁴²⁾ Ник. III, 137.

равантїе жизни варадной. 1111 годъ, по свидѣтельству Ипатьевской лѣтописи, начинается походомъ южныхъ Русскихъ князей въ земля Половецкія. Этотъ походъ свидѣтельствуесть, что дорога отъ Кіева и Переяслава въ Половецкія степи на этотъ разъ шла на Сулу, Хороль, Пселъ и Гольту, и далѣе на Ворсклу, а оттуда прямо къ Дону⁽¹⁵⁵⁾. Замѣчательно, что лѣтопись не упоминаеть ни о Сѣверскомъ Донцѣ, ни объ Осколѣ, которыхъ нельзя бы было миновать, шедши съ середины Ворсклы къ Дону. Это умолчаніе о Донцѣ и Осколѣ ведетъ къ двумъ заключеніямъ:—или походъ этотъ былъ совершенъ ниже нынѣшней Полтавы по правому берегу Донца, слѣдовательно къ самымъ низовьямъ Дона, на орду Кончакову и Кобыкову. Но въ этомъ случаѣмѣшаетъ рѣка Сальница или Дегей, ибо, по смыслу Слова о полку Игоревѣ, Сальница впаде въ Донъ выше устья Донца; слѣдовательно Русскимъ, чтобы биться съ Половцами на Сальницѣ, нужно было переходить на сѣверный берегъ Донца; лѣтопись же не говоритъ о такомъ переходѣ. Кажется вѣроятнѣе что Русскіе въ это время перешли Ворсклу при ея верховьяхъ и потомъ направились къ Дону, придерживаясь сѣвера, а потому перешли Донецъ и Осколъ при самыхъ ихъ вершинахъ, отъ чего лѣтописецъ и не отличилъ ихъ отъ прочихъ тамъ протекающихъ небольшихъ рѣчекъ: Корени, Корочи, Нежеголя, Бѣлаго колодезя и Тихой Сосны или Потудова; и означилъ общимъ выраженіемъ: «и оттудѣ преидоша мнози рѣки». Если принять это положеніе, то должно согласиться, что въ настоящій походъ Русскіе князья ходили не къ низовьямъ Дона, а къ самой срединѣ его теченія, т. е. въ нынѣшнюю Воронежскую губернію, и слѣдовательно упоминаемыхъ въ лѣтописи Половецкихъ городовъ Шарукава и Сугрова нужно искать въ нынѣшнемъ Острогожскомъ или въ Богучарскомъ уѣздахъ, и тутъ же гдѣ нибудь должно искать рѣку Салницу или потокъ Дегей, гдѣ были разбиты Половцы. Предполагать въ сей рѣкѣ нынѣшнюю Салу очень мудро; ибо Салъ впадаетъ въ Донъ съ лѣвой стороны, въ лѣтописи же не сказано, чтобы Русскіе въ этотъ походъ переходили черезъ Донъ; по смыслу лѣтописи, она ограничилась на этотъ разъ только правымъ берегомъ Дона. О об-

(155) Ипат., стр. 2.

ратномъ пути лѣтописи не упоминаетъ, вѣроятно онъ былъ по прежней дорогѣ, т. е. держась сѣвера. Какъ бы то ни было, этотъ походъ много познакомилъ Русскихъ съ придонскими степями, гдѣ они не бывали, кажется, со временъ Владиміра Святославича. Подобный походъ повторился еще черезъ 5 лѣтъ: въ 1116 году Владиміръ Мономахъ посылалъ на Донъ сына своего Ярополка. Лѣтописи при семъ случаѣ не описываетъ ярополкова пути, но очевидно онъ шелъ по той же дорогѣ, по которой и Мономахъ въ 1111 году, ибо Ярополкъ взялъ у Половцовъ тѣ же города Шаруканъ и Сугровъ, и еще новый городъ Баднякъ⁽¹⁴⁴⁾; но кажется этотъ походъ окончился южнѣе прежняго, ибо въ лѣтописи сказано, что Ярополкъ взялъ къ плѣнѣ дочь Явскаго князя; Ясовъ же и Касоговъ наши лѣтописи относятъ къ низовьямъ Дона и къ Кавказу; слѣдовательно здѣсь, снова увеличилось знакомство Русскихъ съ придонскими странами и въ этотъ же годъ географическія свѣдѣнія Русскихъ объ этомъ краѣ распространились еще болѣе; ибо досего времени жившіе на Дону, рядомъ съ Половцами, Торки и Печенегы, послѣ двухлѣтняго боя съ Половцами, удалились къ Дибуру подъ покровительство Русскихъ⁽¹⁴⁵⁾. А въ слѣдующемъ году привлачили къ Дибуру и новые распространители свѣдѣній о Донѣ Казары, жители Бѣлой Вѣжи, прогнанные съ Дона Половцами⁽¹⁴⁶⁾. Въ 1120 году Ярополкъ снова ходилъ на Половцовъ уже за Донъ; лѣтописи не описываетъ подробностей этого похода, и мы знаемъ, былъ ли онъ совершенъ по прежней дорогѣ, или по новой (Лав. 128). При предвѣикѣ Мономаховомъ, его сынъ Мстиславъ, географическія свѣдѣнія придвѣпровскихъ Руссовъ не только перешли за Донъ, но даже и за Волгу; ибо лѣтописи говорятъ, что при Мстиславѣ Русскіе были Половцовъ на берегахъ Яика; такъ въ Ипатьевской Лѣтописи сказано: «Володимерь самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за Руськую землю; а Мстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу и за Яикъ»⁽¹⁴⁷⁾. Это извѣстіе показываетъ, что прежніе походы къ Дону, и особенно поселеніе Донскихъ и Волжскихъ старожиловъ, Торковъ, Печенеговъ и Бѣловещевъ, въ придвѣпровъ, хорошо познакомили Русскихъ съ придонскими и приволжскими

(144) Ипат., ст. 7. (145) Тамъ же. (146) Тамъ же, 8 (147) Тамъ же, 16.

степями такъ что Русскіе помки удачно могли пройти конинѣн-
наго Урала (или Яика). Но не съ одними придонскими и приволж-
скими степями знакомилъсѣ придѣпровскіе Руссы, воева съ
Половцами; ибо Половецкія кочевья были разсыпаны по всему
степному пространству отъ Урала до Дуная. На сѣверь они
соприкасались съ Рязанскими владѣніями почти до рѣки
Прони, гдѣ кочевалъ съ своею ордою князь Ельтуль⁽¹²⁸⁾.
Даже по Дону, какъ мы уже видѣли, въ нынѣшней Воронежской
губерніи кочевала орда Шаруканова, которая, начется въ 1152
году, помогала Юрью Долгорукому противъ Изяслава моль Пер-
ниговомъ, и потомъ шла назадъ домой не на перерѣзъ чрезъ
Песля и Ворсклу, но къ ихъ верховьямъ на Путиваль⁽¹²⁹⁾, гдѣ,
какъ мы замѣтили, въ 1141 году шелъ къ Дону Мономахъ. Южнее
Шарукановой орды, почти до самого берегу Азовскаго и Черна-
го морей; даже до Днѣпра и за Днѣпръ къ Дунаю, были ко-
чевныя орды Боляковой; съ этою-то ордою въ 1152 году удачно
воевалъ Изяславовъ сынъ Мстиславъ на берегахъ рѣки
Углы, нынѣшней Орскъ и Самары⁽¹³⁰⁾. Слѣдовательно, здѣсь
придѣпровскіе Руссы подвигались съ своимъ оружіемъ и съ
свидѣніями по юго-восточнѣмъ краю къ берегамъ Азовскаго и
Чернаго морей. Но въ эту сторону знакомство Русскихъ съ та-
мѣшными краемъ не ограничивалось уже Углой и Самарой; ибо
въ 1153 году Изяславъ посылалъ того же Мстислава князь до
Днѣпру за пороги до Олешья, для встрѣчи своей невѣсты, кото-
рую вела изъ Обезы⁽¹³¹⁾, т. е. изъ Абхазіи. Слѣдовательно, Рус-
скіе бывали уже и въ этой западноазовской сторонѣ; ибо иначе ка-
кнужь бы образомъ Киевскому князю выписывать себѣ невѣсту
изъ такого отдаленнаго края. Киевскіе князья XII вѣка были въ
столь близкихъ сношеніяхъ съ берегомъ Чернаго моря по Днѣ-
пру и столь дорожили снмъ путемъ, что по возможности стара-
лись держать его въ безопасности; такъ въ 1160 году Ростис-
лавъ Мстиславичъ посылалъ своихъ воеводъ Порыга Несторовича
и Якуна наказатъ Берладниковъ за взятіе Олешья⁽¹³²⁾. А въ 1170
году Мстиславъ Мстиславичъ владѣвшій тогда Киевомъ, ходилъ
со многими придѣпровскими князьями на Черноморскихъ По-

⁽¹²⁸⁾ Ипат., стр. 29. ⁽¹²⁹⁾ Тамъ же, 70. ⁽¹³⁰⁾ Тамъ же, 71. ⁽¹³¹⁾ Тамъ же, 74;
⁽¹³²⁾ Тамъ же, 86.

ловець, именно потому, что они отнимаютъ Греческій торговый и заловный путь, и въ томъ же году, до разбитія Половцовъ, навремя оставалась въ Каневѣ, подкупая греческую и заловную (112). И недаромъ князь дорожилъ этою дорогою: по ней постоянно производилась значительная торговля между Греціей и Кіевомъ и омыъ же путемъ сами князья ссылались съ Константинопольскимъ дворомъ. По Дибру ходилъ въ Кіевъ митрополитъ и Епископы изъ Греціи (113); по нему же отправлялись въ Царьградъ и Русскіе князья, ссылаемые въ Грецію Мстиславомъ Владимировичемъ, и въ 1162 году Мстиславъ и Василько, сыновья Георгія Долгорукаго (114).

Завоеваніе Кіева войсками Боголюбскаго въ 1169 году не прервало сношеній придворныхъ Руссовъ съ Половцами; они продолжались по прежнему, и съ тѣмъ выветъ распространялись и дѣлались отчетливѣе географическія свѣдѣнія о Половецкихъ степяхъ. Такъ въ 1163 году Рюрикъ Кіевскій и Святославъ Черниговскій бился съ Половцами на Угль или Орехи, и въ то же время Игорь Святославичъ сражался съ ними за Мерломъ, не вдалеки отъ Сѣвернаго Дона. Въ слѣдующемъ году Святославъ разбилъ Кончака на Хоромѣхъ; и наконецъ вышелъ за нихъ почти до береговъ Чернаго Моря (115). Игорь же Святославовичъ съ 1185 году ходилъ на Половцовъ къ Дону и былъ тамъ разбитъ Кончакомъ. Этотъ походъ довольно подробно описанъ какъ въ лѣтописи, такъ особенно въ современномъ Словѣ о полку Игоревѣ; а потому мы здѣсь воспользуемся географическими свѣдѣніями, которыхъ досель не разсуждено въ обоихъ сказаніяхъ. По свидѣтельству лѣтописи, Игорь держалъ соей путь на Донецъ, потомъ на Осномъ и далѣе къ Салинкѣ (вѣроятно нынѣшній Богучаръ), слѣдовательно шелъ нѣсколько южнѣе Мовсеха. Съ Половцами Игорь встрѣтился въ первый разъ на Сурми (должно быть нынѣшній Чаръ), такимъ образомъ прошелъ уже далѣе на югъ, но тамъ переправился чрезъ Сюрини еще южнѣе и далѣе битву на рѣкѣ Каялѣ; гдѣ и былъ разбитъ и владѣть въ плѣнѣ. Каялой должно быть называлась какая нибудь рѣчка, ближайшая къ морю; ибо далѣе въ лѣтописи сказано, что поремешан

(112) Ипат., 98. (113) Тамъ же, 92. (114) Тамъ же, 91. (115) Тамъ же, 128 и 129.

дружина Игорева частію потонула въ морѣ; но впрочемъ Кагалу все еще нельзя признать какой либо приморской рѣчкой; она вѣроятно протекала еще до впаденія Дона въ Донъ, ибо при описаніи битвы нигдѣ не говорится о вторичномъ переходѣ Русскихъ черезъ Донецъ, можетъ быть, это нынѣшній Кагальникъ. Лѣтописный рассказъ объ Игоревомъ походѣ сообщаетъ также нѣсколько подробностей о кочевьяхъ Половецкихъ; въ лѣтописи сказано, что плѣнный Игорь былъ отведенъ въ кочевья Таргловичей, которые, кажется, кочевали за Торомъ, слѣдовательно уже на южномъ берегу Дона, ближе къ морю (Игорь, собираясь убѣжать отъ Половцовъ, велѣлъ привести вояка на ону страну Тора). Всеволодъ и Святославъ были отведены въ кочевья Буревичей, Владиміръ къ Улашевичамъ ⁽¹⁰⁷⁾. Такимъ образомъ мы отсюда узнаемъ, что приморскія Половцы дѣлались въ это время на нѣсколько ордъ. По свидѣтельству Слова о Подку Игоревѣ мы узнаемъ, что Руссамъ придѣпровскимъ были уже мало знакомы Волга, Азовское побережье, Сурожъ, Корсунъ и Тмутаракань; слѣдовательно они въ концѣ XII вѣка забывали уже тѣ географическія свѣдѣнія, которыя были приобрѣтены въ X-мъ. Слово о полку Игоревѣ говоритъ: «Днѣкъ млечетъ, велѣтъ послушати земля незнаемъ, Влѣкъ и Поморію и Посулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ Тмутараканскій бѣланъ». Здѣсь они прямо названы землями незнаемыми, т. е. о которыхъ только знали по слуху, а куда почти не ходили. Итакъ Половецкія кочевья, несмотря на походы нашихъ князей въ Придонскія степи и даже къ Волгѣ и за Волгу, сильно препятствовали распространенію географическихъ свѣдѣній на востокъ отъ Дѣпра. Временные и не всегда удачные походы князей не упрочивали безопасности мирнымъ путешественникамъ и торговцамъ; мы уже видѣли выше, что и Дѣпровскій путь трудно было удерживать нашимъ князьямъ, о дорогахъ же къ Дону и Волгѣ они не могли уже и думать. Рѣдкіе походы ихъ въ эту сторону предпринимались или изъ мести за набѣги, или для того, чтобы скольконибудь обезопасить города, лежащіе по Сулѣ; торговля шла только по Дѣпру, и можетъ быть по немногимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Дѣпръ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи

(107) Ипат., стр. 130—133.

сказано, что во время Святославова похода на приморскихъ Половцовъ, въ 1184 году, встрѣтились ему за Сулою гости, шедшіе нѣтъ земли Половецкой, и объявляли, что Половцы стоятъ на Херсонѣ⁽¹⁶⁸⁾. Игоревъ походъ къ Дону былъ послѣдній; послѣ него придиѣпровскіе князья болѣе уже не ходили въ эту сторону дальше Сулы, и все ихъ вниманіе было обращено на Днѣпръ, куда сильно выдвинулись Половцы. Съ появленіемъ Монголовъ въ придонскихъ степяхъ, придиѣпровскіе Руссы уже вовсе потеряли изъ вида весь край, лежащій на востокъ отъ Днѣпра; Калаская битва была послѣдняя, гдѣ придиѣпровцы бились въ степяхъ за Днѣпромъ.

Теперь разберемъ сказанія лѣтописей о географическихъ свѣдѣніяхъ придиѣпровскихъ Руссовъ, которыя они имѣли въ XII вѣкѣ о Черноморскомъ берегу отъ Днѣпра до Дуная. Здѣсь прежде всего представляется неуспѣшный походъ Вячеслава Владиміровича въ 1116 году къ Дунаю, при чемъ Русскіе дошли до Дръстра или Доростола, и посылка Мономахомъ въ томъ же году Ивана Войтишича для посаженія по Дунайскимъ городамъ Мономаховыхъ посадниковъ⁽¹⁶⁹⁾. Потомъ, въ 1153 году, полки Изяслава Мстиславича Кіевскаго ходили за рѣку Сереть къ границамъ нынѣшней Молдавіи⁽¹⁷⁰⁾ съ Галиціею. Далѣе, въ 1159 году, кн. Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, при помощи поморскихъ Половцовъ, занялъ по-Дунайскіе города⁽¹⁷¹⁾ въ нынѣшней Бессарабіи. Сей князь передъ этимъ жилъ въ Кіевѣ, слѣдовательно придиѣпровскимъ Руссамъ была знакома дорога къ Дунаю по Черноморскому берегу, и они были въ близкихъ сношеніяхъ съ тамошними Половцами, что подтверждается и посылкою Кіевскихъ полковъ въ эту сторону въ 1160 году⁽¹⁷²⁾. Съ Дуная же Русскіе уже ходили въ Булгарію и Македонію, принадлежавшіе тогда Византійской Имперіи; такъ объ Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ сказано, что онъ умеръ въ Селунѣ⁽¹⁷³⁾. Но въ Византійскія владѣнія Русскіе въ XII вѣкѣ знали и другую дорогу, изъ Днѣпра прямо по Черному морю; по этой дорогѣ Мстиславомъ Великимъ были отправлены князья Полоцкіе, по ней же ходили и дѣти Юрія Дол-

⁽¹⁶⁸⁾ Ипат., стр. 129. ⁽¹⁶⁹⁾ Ипат., 7. ⁽¹⁷⁰⁾ Тамъ же, 73. ⁽¹⁷¹⁾ Тамъ же, 84. ⁽¹⁷²⁾ Тамъ же, 86.—⁽¹⁷³⁾ Тамъ же, 91.

горукаго, Мстиславъ и Василько, въ 1162 году ⁽¹⁷⁴⁾, и послѣдній получалъ отъ Константинопольскаго императора нѣсколько городовъ на Дунаѣ. Диѣпровская дорога въ Византию была самою обыкновенною, и купцы, ѣздившіе по ней, назывались Гречниками и Залозниками. Была и третья дорога къ Черному Морю по Диѣстру, гдѣ преимущественно производилась торговля солью, которая получалась изъ Удеча (гдѣ нибудь въ приморья) ⁽¹⁷⁵⁾. Изъ Половецкихъ ордъ, кочевавшихъ на западъ отъ Диѣпра по Черноморскому берегу, по свидѣтельству лѣтописей, придиѣпровскимъ Руссамъ были извѣстны такъ называемые Лукоморскіе Половцы, у коихъ въ 1193 году были князьями Акушъ и Тогмъй ⁽¹⁷⁶⁾, и потомъ орды Котяна и Бѣговарса, кочевавшія, кажется, ближе къ Диѣстру и Дунаю ⁽¹⁷⁷⁾. Галичае и Вольвцы изъ своего края ходили водянымъ путемъ въ Кіевъ по Диѣстру въ Черное Море, и потомъ моремъ въ Диѣпръ, которыми ия въ верхъ приходили въ Кіевъ ⁽¹⁷⁸⁾.

Страны, лежавшія на западъ отъ Русскихъ владѣній, были, кажется, особенно знакомы придиѣпровскимъ и придиѣстровскимъ Руссамъ, которые еще до Владимира Мономаха знали дорогу въ Венгрію, Богемію и разныя Германскія владѣнія. Такъ мы уже вѣдѣли, что Святополкъ Михаилъ въ 1097 году посылалъ своего сына Ярослава къ Уграмъ, возбуждая ихъ противъ Володаря Ростиславича Перемышльскаго ⁽¹⁷⁹⁾. А Владимиръ Мономахъ въ своемъ поученіи свидѣтельствуеть о себѣ, что онъ по приказу Святослава ходилъ въ Ляхи за Глоговы до Чешскаго лѣса ⁽¹⁸⁰⁾. Ипатіевская же лѣтопись подъ 1111 годомъ ясно свидѣтельствуеть, до коихъ мѣстъ простиралось знакомство придиѣпровскихъ Руссовъ съ Западною Европою; она говоритъ, что слава тогдашнихъ побѣдъ надъ Половцами распространилась у Грековъ, Угровъ, Ляховъ, Чеховъ и даже до Рима ⁽¹⁸¹⁾; вѣроятно, всѣ сіи страны были уже знакомы придиѣпровскимъ Руссамъ того времени.

По порядку мы сперва рассмотримъ свѣдѣнія Русскихъ объ Уграмахъ. Подъ 1112 голомъ лѣтопись говорятъ, что повезли въ Угры за короля Мономахова дочь Ефп-

⁽¹⁷⁴⁾ Ипат., стр. 91. ⁽¹⁷⁵⁾ Тамъ же, 92. ⁽¹⁷⁶⁾ Ипат., 142. ⁽¹⁷⁷⁾ Тамъ же, 170. ⁽¹⁷⁸⁾ Тамъ же, 164. ⁽¹⁷⁹⁾ Лавр., 115. ⁽¹⁸⁰⁾ Тамъ же, 103. ⁽¹⁸¹⁾ Тамъ же, 3.

нію ⁽¹⁰³⁾; потомъ въ 1118. году Ярославъ Свяполчичъ бѣжалъ къ Уграмъ изъ Владиміра Волынскаго ⁽¹⁰⁴⁾; а въ 1123 году этотъ же Ярославъ привелъ съ собою Угровъ, Ляховъ и Чеховъ ⁽¹⁰⁵⁾. Вячеславъ, сынъ Мономаховъ, также былъ знакомъ съ Уграми, Угорскій король присылалъ ему на помощь свои войска, въ 1139 году ⁽¹⁰⁶⁾. Но особенное знакомство съ землями Угорскою, Лядскою и Чешскою было при Изяславѣ Мстиславичѣ, которому Угорскій король былъ зять, а Чешскій князь Володиславъ и Лядскій Болеславъ были сваты ⁽¹⁰⁷⁾. Изяславъ нѣсколько разъ посылалъ туда своего брата Владиміра, сына Мстислава, и иныхъ пословъ; и король Угорскій нѣсколько разъ приходилъ на помощь къ Изяславу противъ Юрія Долгорукаго и Владиміра Галицкаго. По смерти Изяслава, братъ его, Владиміръ, въ 1155 году отправилъ въ Угорскую землю мать свою, супругу Мстислава Великаго, а на слѣдующій годъ и самъ бѣжалъ туда, преслѣдуемый племянникомъ своимъ, Мстиславомъ Изяславичемъ ⁽¹⁰⁸⁾. Потомъ почти въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Угорскими королями были князья Волынскіе и Галицкіе, особенно когда по смерти Ярослава Владиміровича Галицкаго начались въ Галицкой сторонѣ смуты, въ которыхъ Угры принимали сильное участіе. Въ то же время вступили въ сношеніе съ Уграми князья Черниговскіе; такъ въ 1189 году Святославъ Всеволодичъ посылалъ къ Угорскому королю сына своего Глѣба ⁽¹⁰⁹⁾. Изъ Угорской земли Русскіе проникали и въ Германію; такъ Владиміръ, сынъ Ярослава Галицкаго, въ 1190 году отъ Угорскаго короля ушелъ въ Нѣмецкія земли, гдѣ былъ принятъ императоромъ Германскимъ съ честію и любовію, когда рассказалъ про себя; что онъ племянникъ по матери Всеволоду Юрьевичу Суздальскому, котораго уже знали и уважали въ Германіи ⁽¹¹⁰⁾. А Даниилъ и Василько Романовичи были уже въ сношеніяхъ съ герцогомъ Австрійскимъ Фридрихомъ въ 1237 году, и хотѣли изъ Венгріи пройти къ нему на помощь противъ императора Фридриха II-го, но были удержаны отъ этого Угорскимъ королемъ, у котораго тогда были въ гостяхъ ⁽¹¹¹⁾. Въ 1252 году Даниилъ Романовичъ

⁽¹⁰³⁾ Ипат., стр. 3. ⁽¹⁰⁴⁾ Тамъ же, 8. ⁽¹⁰⁵⁾ Тамъ же, 9. ⁽¹⁰⁶⁾ Тамъ же, 14. ⁽¹⁰⁷⁾ Тамъ же, 45. ⁽¹⁰⁸⁾ Тамъ же, 79. ⁽¹⁰⁹⁾ Тамъ же, 137. ⁽¹¹⁰⁾ Тамъ же, 138. ⁽¹¹¹⁾ Ипат., 175.

ходилъ на помощь къ Угорскому королю противъ Нѣмцовъ, и былъ подъ Пожгомъ, гдѣ Нѣмцы дѣвлялись богатству вооруженія Данилова и Татарскому оружію его дружины ⁽¹⁹¹⁾. А подъ 1254 годомъ лѣтопись говоритъ, что Венгерскій король просилъ у Данила его сына Романа, обѣщая женить его на сестрѣ убитаго Австрійскаго герцога Фридриха и отдать ему Австрію и Штирію; но женивши не исполнилъ обѣта и оставилъ безъособія въ городѣ Нѣперьцѣ. Данилъ же, какъ новый родственникъ Угорскаго короля, помогалъ ему противъ Чеховъ въ землѣ Опавской, при чемъ въ лѣтописи сказано, что Данилъ шелъ въ Чешскую землю изъ Кракова черезъ рѣку Одру къ городу Коалин, оттуда къ рѣкѣ Псинѣ и далѣе къ рѣкѣ Опавѣ; потомъ по Опавѣ вверхъ къ городу Насилью, авзяши этотъ городъ, пошелъ въ Глубичичи, потомъ думалъ идти къ Особоловъ; но послѣ покоренія Герьборта, возвратился за Одру и потомъ чрезъ Краковъ домой. ⁽¹⁹²⁾ Также въ 1291 году Даниловъ сынъ Левъ ѣздилъ въ Чехи къ тамошнему королю Вацлаву, но не для войны, а посломъ, гдѣ и докончалъ съ нимъ мѣръ ⁽¹⁹³⁾. Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія ясно показываютъ, что Венгрія и Богемія болѣе или менѣе были знакомы для приднѣпровскихъ и особенно приднѣстровскихъ Руссовъ даже географически; въ Галичѣ были нѣмецкіе ворота, т. е. застава, черезъ которую шла дорога въ нѣмецкія земли; въ земли сіи ходили не только Русскіе князья и воины, но, вслѣдствіе близкихъ сношеній князей съ тамошними владѣтелями, вѣроятно и торговцы. А при началѣ владычества Татаръ чрезъ Угорскую землю даже шла дорога въ Константинополь. Такъ въ 1250 году митрополитъ Кириллъ, отправляясь на поставленіе къ Патріарху, шелъ черезъ Венгрію. Нѣмцы въ Галичѣ и Владиміръ - Волынскомъ даже составляли часть постоянныхъ жителей, какъ свидѣтельствуется лѣтопись подъ 1287 годомъ: «и созва (Мстиславъ Васильевичъ) бояры Володимерскія брата своего, и мѣстачѣ Русція и Нѣмцѣ, и повелѣ предо всеми чести грамоту братню» ⁽¹⁹⁴⁾. Подъ 1282 годомъ лѣтописецъ, говоря о смерти Владиміра Васильковича, какъ мы уже видѣли выше, упоминаетъ: «и плакахуса нѣмъ

⁽¹⁹¹⁾ Ипат., стр. 187. ⁽¹⁹²⁾ Тамъ же, 189—190. ⁽¹⁹³⁾ Тамъ же, 226. ⁽¹⁹⁴⁾ Тамъ же, 216, 185, 175.

шимъ все множество Володимерцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы, и Суражане и Новгородцы и жидове» ⁽¹⁹⁵⁾; подѣ 1151 году говорится объ Угорскихъ и Лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ ⁽¹⁹⁶⁾; слѣдовательно, изъ Кіева лежали уже извѣстныя дороги въ Австрію и Польшу, отъ которыхъ получили названіе и городскіе ворота. Все это показываетъ, что въ семъ краѣ была сильная торговля; если Суражане, Нѣмцы, Новгородцы и Жидаы не только прѣѣзжали во Владиміръ-Волинскій, но и жилали тамъ и даже составляли часть постояннаго населенія, и конечно не для чего иного, какъ для торговли; то всего вѣроятнѣе, что и приднѣстровскіе Руссы, наоборотъ, ходили для торговли въ Венгрію, въ Богемію и въ Нѣмецкую землю, на что есть указанія и въ западныхъ лѣтописяхъ.

Тенерь обратился къ знакомству приднѣпровцовъ и приднѣстровцовъ съ Польскою и Литовскою землею. Лѣтописи говорятъ, что подѣ 1123 годомъ Ярославъ Святополковичъ осаждалъ Владиміръ-Волинскій съ Уграми, Ляхами и Чехами ⁽¹⁹⁷⁾. Въ 1140 году Ляхи помогали Всеволоду Ольговичу, воевавшему противъ князей Волинскихъ и Галицкихъ ⁽¹⁹⁸⁾; въ 1144 году Владиславъ, Лядскій князь, ходилъ съ Всеволодомъ Ольговичемъ на Владиміра Галицкаго ⁽¹⁹⁹⁾. Подѣ 1146 годомъ сказано, что Болеславъ Лядскій князь былъ зятемъ Всеволоду Ольговичу ⁽²⁰⁰⁾. Въ 1149 Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій сносился съ Уграми, Ляхами и Чехами, куда отправлялъ посольства съ богатыми дарами, приглашая тамошнихъ владѣтелей помогать ему противъ Юрія Долгорукаго и Владиміра Галицкаго, при чемъ Лядскіе князи отвѣчали: «мы есмь у тебе близъ, а одного себѣ оставимъ стеречи земля своя, а два къ тобѣ поѣдетъ»; а Чешскій князь сказалъ: «а язъ готовъ есмь самъ съ полки своими» ⁽²⁰¹⁾. Ляхи или Поляки были довольно частыми посѣтителами и даже, кажется, постоянными жильцами не только въ Кіевѣ, гдѣ мы знаемъ Лядскія ворота или заставу, въ которую шла дорога изъ Кіева въ Ляхи; но даже въ Переяславѣ Русскомъ встрѣчаемъ Летьскую божицу, о которой упоминается въ лѣтописи подѣ 1154

⁽¹⁹⁵⁾ Ипат. стр. 220. ⁽¹⁹⁶⁾ Тамъ же, 60. ⁽¹⁹⁷⁾ Тамъ же. ⁽¹⁹⁸⁾ Тамъ же, 16. ⁽¹⁹⁹⁾ Тамъ же, 17. ⁽²⁰⁰⁾ Тамъ же, 20. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 21.

годою⁽²⁰²⁾. Въ 1159 году Лядскіе князи помогали Ярославу Галицкому противъ Ивана Ростиславича Берладника⁽²⁰³⁾; въ 1169 году Ляхи были въ союзѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ Волынскимъ и съ Ярославомъ Галицкимъ и вмѣстѣ съ ними ходили на Кіевъ. Здѣсь въ лѣтописи Ляхи и Ярославъ названы ротниками Мстислава, т. е. самыми близкими союзниками⁽²⁰⁴⁾. Въ 1273 году княгиня Ярослава Галицкаго, недовольная поведеніемъ мужа, бѣжала съ своимъ сыномъ Владиміромъ въ Ляхи⁽²⁰⁵⁾, а въ слѣдующемъ году Ляхи помогали Ярославу Галицкому⁽²⁰⁶⁾. Въ 1179 году Святославъ Черниговскій женилъ своего сына на дочери Лядскаго князя Казимира⁽²⁰⁷⁾. Въ 1188 году Романъ Мстиславичъ Волынскій ходилъ къ Ляхамъ за помощію противъ Угровъ и получилъ отъ Казимира полки подъ предводительствомъ Межки⁽²⁰⁸⁾; а въ 1190 году Казимиръ Польскій помогалъ, пришедшему къ нему изъ Германіи, Владиміру Ярославичу Галицкому⁽²⁰⁹⁾. Въ 1195 году Романъ Волынскій воевалъ въ Польшѣ за Казиміровичей противъ ихъ дяди Межка⁽²¹⁰⁾; и въ 1196 году опустошалъ землю Ятвяжскую за то, что Ятвяги громилы его Волыпскія волости⁽²¹¹⁾. Съ сего времени Ятвяги и Литовцы вступаютъ въ болѣе частыя мирныя и враждебныя сношенія съ Русскими князьями и лѣсная страна ихъ сдѣлалась болѣе знакомою для Русскихъ. Слово о Полку Игоревѣ упоминая про подвиги Романа, говорятъ, что Литва, Ятвяги и Дерсмела «повергли сулицы и главы своя подклонили»⁽²¹²⁾. Въ лѣтописяхъ даже сохранилась пословица: *але Романи живеши, что Литвиномъ ореши*. Эта пословица указываетъ, что Романъ сильно потѣснилъ Литовскую землю. Онъ умеръ въ 1205 году въ войнѣ съ Ляхами, въ то время, когда онъ уже проникъ до Вислы; по смерти его, супруга его съ малолѣтними сыновьями Даниломъ и Василькомъ, во время мятежа въ Галичѣ, бѣжала къ Лешкѣ Польскому и получила отъ него защиту, какъ отъ родственника. Въ 1215 году Литовскіе и Жмудскіе князья, числомъ двадцать одинъ, вступили въ союзъ съ Романовыми дѣтьми про-

⁽²⁰²⁾ Ипат., стр. 77. ⁽²⁰³⁾ Тамъ же, 83. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 96. ⁽²⁰⁵⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁰⁶⁾ Тамъ же, 108. ⁽²⁰⁷⁾ Тамъ же, 121. ⁽²⁰⁸⁾ Тамъ же, 137. ⁽²⁰⁹⁾ Тамъ же, 139. ⁽²¹⁰⁾ Тамъ же, 146. ⁽²¹¹⁾ Тамъ же, 150. ⁽²¹²⁾ Слово о Пол. Игор. изд. Грам. 52.

тивъ Ляховъ ⁽¹¹³⁾; въ 1225 году Данилъ Романовичъ приводилъ Ляховъ противъ Мстислава и Александра ⁽¹¹⁴⁾; въ 1229 году Романовичи Данилъ и Василько помогали Ковраду Лядскому противъ Володислава: при семъ случаѣ Русскіе доходили до Калиша, — ихъ путь лежалъ на Вепрь и Прѣсну. Осаждая Калишь, они между прочимъ доходили до Милича и Старогорода и нововоевали нѣсколько селъ Воротиславскихъ, т. е. еще западнѣе Калиша къ берегамъ Одера. Въ это время приднѣстровцы и Лахи такъ сблизились между собою, что, заключая миръ подъ Калишемъ, они клялись другъ другу: «аще по семъ коли будетъ межи нами усобица, не воевати (не брать въ плѣнъ) Ляхомъ Русское челяди, ни Руси Лядской» ⁽¹¹⁵⁾. Въ 1240 году, при нашествіи Батыя, Данилъ удалился въ Мазовію и до возвращенія въ Галичъ владѣлъ тамъ Вышегородомъ, даннымъ ему отъ Мазовецкаго князя Болеслава ⁽¹¹⁶⁾. Въ 1245 году Романовичи, воюя съ Болеславомъ Лядскимъ, вступили въ Польшу четырьмя дорогами; самъ Данилъ воевалъ около Люблина; Василько по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлоє (вѣроятно нынѣшняя Біала, на одномъ изъ притоковъ Западнаго Буга); дворскій Андрей по Сану (можетъ быть до впаденія его въ Вислу), а Вышата у Подгорья ⁽¹¹⁷⁾. Въ 1251 году Романовичи вмѣстѣ съ Ляхами ходили въ землю Ятвяжскую и провики за рѣку Наревъ, почти къ границамъ Прусовъ и Бортовъ. ⁽¹¹⁸⁾ Въ 1252 и 1253 годахъ Данилъ, защищая Литовскихъ князей Тевтвила и Эдоида, братьевъ своей жены, противъ Миндовга, самъ съ братомъ Василькомъ двинулся къ Новогородку, а часть своихъ полковъ, вмѣстѣ съ Тевтвиломъ, послалъ на соединеніе съ Жмудью и Рижскими Нѣмцами. Тевтвилъ съ Даниловыми полками прошелъ черезъ всю Литовскую землю до самой Риги, куда вступилъ съ большимъ полкомъ и былъ принятъ съ честью. Въ описаніи этой войны сказано, что Данилъ, при самомъ началѣ ея, послалъ Вышата въ Ригу и въ Жмудь, а Рижскіе Нѣмцы для Данила обѣщались дать помощь Тевтвилу ⁽¹¹⁹⁾; слѣдовательно, въ это время приднѣстровскіе Руссы знали уже дорогу на Жмудь и Куронію до

⁽¹¹³⁾ Ппат., стр. 162. ⁽¹¹⁴⁾ Тамъ же, 165. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 168—169. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 178. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, 181. ⁽¹¹⁸⁾ Тамъ же, 186. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 187.

самой Риги, и эта дорога шла, можетъ быть, обычнымъ путемъ придиѣстровцовъ въ Ригу и Рижанъ съ Волинію и Галичъ; иначе почему же бы Рижскимъ Нѣмцамъ знать Данила, ежели бы между ними и Волинцами не было сношеній. Подъ 1256 годомъ лѣтопись описываетъ войну Данила съ Ятвягами; изъ сего описанія мы узнаемъ, что помогавшіе Давилу Лахи раздѣлялись на Судмирцовъ, Мазовчанъ и Краковлянъ; земля же Ятвяжская была занята племенами Ятваговъ, Злиньцайтъ, Крисманцовъ и Покѣнцовъ; тамъ были селенія и города: Болкидище, Привище, Олыдикииць, Таисевичи, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, «домъ Стекинцовъ, старѣйшаго Ятвяжскаго князя»—и еще селеніе Корковичи ⁽²²⁰⁾. Такимъ образомъ придиѣпровскіе и придиѣстровскіе Руссы въ XII и XIII столѣтіяхъ знали Польскую землю до Кракова и Калиша съ одной стороны и до Балтійскаго поморья съ другой; земля же Ятвяжскую, Жмудскую и Литовскую они проходили вплоть до Риги, и были, кажется, въ близкихъ сношеніяхъ съ Рижскими Нѣмцами. Знакомство Руссовъ съ этими землями, особенно съ Литвою и Польшею, большею частію было мирное; Русскіе князья роднились съ Польскими и Литовскими князьями, помогали другъ другу въ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ внѣшними врагами. Если въ такихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу князья, то и народонаселеніе тѣхъ и другихъ владѣній было между собою связано торговыми и другими выгодами. На это мы имѣемъ даже прямое свидѣтельство лѣтописи: такъ въ 1268 году, когда Болеславъ Краиарскій послалъ свои полки воевать Холмъ, принадлежавшій Шварну Давилоничу, народъ успѣлъ укрыться именно потому, что украинскіе Лахи сами подали вѣсть о походѣ полковъ Болеслава ⁽²²¹⁾. Слѣдовательно, народъ былъ еще въ тѣснѣйшихъ связяхъ, чѣмъ самые князья.

Опредѣливши, сколько возможно, границы географическихъ свѣдѣній, которыя имѣли придиѣпровскіе и придиѣстровскіе Руссы XII и XIII столѣтій о нерусскихъ земляхъ на востокъ, югъ, западъ и сѣверъ, мы теперь обратимся къ опредѣленію географическихъ границъ собственно Русскихъ владѣній, сперва въ придиѣпровьѣ, а потомъ въ Волини и Червонной Руск.

⁽²²⁰⁾ Ипат., стр. 193. ⁽²²¹⁾ Тамъ же, 203.

По Днѣпру, на восточномъ его берегу, и къ верховьямъ Оки въ древнихъ земляхъ Сѣверянъ, Родимичей и Вятичей, лежали уже извѣстныя намъ прежде княженія Переяславское и Черниговское.

Переяславское княженіе, по раздѣлу Ярославову заключавшее въ себѣ, кромѣ собственно Переяславской области, еще земли Суздальскую, Ростовскую, Бѣлозерскую и Поволжье, по смерти Владиміра Мономаха отдѣлилось отъ сего края, которымъ владѣлъ отдѣльно меньшій Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Переяславль же съ своею областію достался второму Мономахову сыну Ярополку; и такимъ образомъ Переяславское княженіе заключалось уже только въ одаѣхъ Переяславскихъ земляхъ, прилегавшихъ къ восточному берегу Днѣпра. Границы сихъ земель вообще оставались прежнія, и послѣдующія извѣстія лѣтописей говорятъ только о временныхъ перемѣнахъ границъ и прибавляютъ нѣкоторыя географическія подробности, прежде незамѣченныя, на которыя мы теперь и постараемся указать.

Подъ 1113 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается рѣка Вырь, впадающая въ Сѣмь съ восточной стороны между Рильскомъ и Путывлемъ; сюда въ этомъ году Мономахъ приходилъ на соединеніе съ Олегомъ, чтобы вмѣстѣ идти на Половцовъ ⁽²²²⁾. Подъ 1115 годомъ говорится въ той же лѣтописи, что Ярополкъ выстроилъ для Друцкихъ пѣвниковъ городъ, Желнь ⁽²²³⁾, вѣроятно нынѣшній Жовникъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Сулы, неподалеку отъ ея впаденія; ибо въ этомъ мѣстѣ Переяславскому князю всегда нужно было имѣть большое народонаселеніе для отраженія Половецкихъ набѣговъ. Подъ 1126 годомъ лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавши о смерти Мономаха, «присунулись къ Баручю и ко Бронь-князю»—желая захватить кочевавшихъ подлѣ Торковъ; но Ярополкъ изъ Переяслава успѣлъ загнать Торковъ въ города, и Половцы ничего не успѣли. Потомъ, услышавши, что Ярополкъ возвратился въ Переяславль они бросились—было снова на Посулье, но были нагнаны Ярополкомъ и разбиты у Полкостѣна ⁽²²⁴⁾. Въ настоящее время упоминаемыхъ здѣсь городовъ уже

(²²²) Ипат., стр. 4. (²²³) Тамъ же, 7. (²²⁴) Лавр., стр. 129.

не существуетъ, и сходныя нынѣшнія названія нѣкоторыхъ урочищъ не могутъ служить надежнымъ руководителемъ; поему, для опредѣленія мѣстности сихъ городовъ, хотя приблизительно надобно взять во вниманіе извѣстіе лѣтописи о томъ, что Половцы при настоящемъ набѣгѣ имѣли цѣлю отогнать Торковъ; Переяславскіе же Торки кочевали въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Сулы въ Днѣпръ; слѣдовательно, очевидно, города Баручъ и Бронь-княжъ стояли на правомъ берегу Сулы. Здѣсь же, по свидѣтельству Ипатіевской Лѣтописи, были и другіе города, вѣроятно составлявшіе Сульскую линію крѣпостей. Въ лѣтописи сказано: «бѣже вѣсть Ярополку (о набѣгѣ Половцовъ) и повелѣ гнати люди и Торки въ Баручъ и прочая грады»⁽²²⁴⁾. Полкостѣнь былъ кажется уже за Сулою, можетъ-быть на лѣвомъ ея берегу; ибо въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: «Половцы вратившеся на посулье воевать,» Ярополкъ же, какъ свидѣтельствуесть Лаврентіевская Лѣтопись, «постиге я у Полкостена»; слѣдовательно уже за Сулою, на Посульѣ. По случаю похода Мстислава Владиміровича Кіевскаго противъ Всеволода Ольговича Черниговскаго, лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Всеволодъ пригласилъ Половцовъ, которые и успѣли прійти къ Ратмировой Дубровѣ за Выремь, и отправили въ Черниговъ пословъ съ вѣстію о своемъ приходѣ; но послы были перехвачены на Локнѣ Ярополковыми посадниками, которые сидѣли по всей Семи, и Изяславъ Мстиславичъ въ Курскѣ⁽²²⁵⁾. Настоящее извѣстіе показываетъ, что въ этой сторонѣ рѣка Семь отдѣляла Черниговскія владѣнія отъ Переяславскихъ, именно: лѣвый или южный берегъ Семи принадлежалъ Переяславлю, а Сѣверный Чернигову. Ратмирова Дуброва здѣсь опредѣляется уже самою лѣтописью за Выремь, слѣдовательно на юго-востокъ отъ Путивля и Рыльска; а Локна есть одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Семь съ южной стороны, или можетъ быть и въ Вырь. Въ настоящее время въ этой сторонѣ много рѣчекъ, имѣющихъ названіе Локни, но къ которой изъ нихъ отнести приведенное выше извѣстіе лѣтописи рѣшить нельзя, ибо названія сія очевидно позднѣйшія, — о нихъ не упоминается еще и въ книгѣ большаго чертежа. Подъ 1155 годомъ въ Лаврентіевской Лѣтописи встрѣчаемъ города Нежа-

(²²⁴) Ипат., стр. 10. (²²⁵) Лавр., стр. 130.

тинъ, Городецъ и Баручь, ограбленные Половцами, пришедшими съ Ольговичами отъ Чернигова ⁽²²⁷⁾; но въ Ипатьевской Лѣтописи объ этомъ походѣ Ольговичей и Половцовъ сказано иначе, не упомянуто о Нематинѣ и Баручѣ: «и поидоша воююще селе и города Переяславской власти и люди съкуще, даже и до Кіева придоша, в Городецъ зажгоша, ѣздаху по оной сторонѣ Дѣвпра ⁽²²⁸⁾». Сн различныя извѣстія объ одномъ и томъ же походѣ ведутъ къ тому заключенію, что ими нельзя опредѣлить мѣстности городовъ, упоминаемыхъ здѣсь въ Лаврентьевской Лѣтописи; ибо изъ разсказа Ипатьевской Лѣтописи видно, что Половцы рассыпались по всей Переяславской области; слѣдовательно, на такомъ общемъ извѣстіи нельзя утверждать мѣстности того или другаго города, или, иначе сказать, настоящее извѣстіе не измѣняетъ уже сказаннаго нами прежде опредѣленія упоминаемыхъ здѣсь мѣстъ. Подъ 1140 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается Коронь и Малотинъ: первый упоминается по случаю преслѣдованія Всеволодовыхъ войскъ отъ Переяслава къ Дѣвпру, слѣдовательно онъ лежалъ гдѣ нибудь по этой дорогѣ, т. е. на западъ отъ Переяслава; въ спискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ показываютъ гг. Надежинъ и Неволинъ, есть деревня Коронь въ пяти верстахъ отъ Переяслава ⁽²²⁹⁾. Это указаніе совершенно согласно со смысломъ лѣтописи, въ которой сказано, что Андрей Переяславскій гналъ «Всеволодовы полки до Корони, а далѣе не пусти дружины своея. И завтра мръ створи Всеволодъ со Андреемъ, и на ту ночь загорѣся Переяславъ, Всеволодъ же исполнився страха Божіа и не посла къ городу никого же. На утрѣ же Всеволодъ поча молвити къ Андрееви . . . а то ми Богъ далъ, оже са есте сами зажгли, аже бы лиха хотель, то что бы ми годно, то же бы сотворилъ» ⁽²³⁰⁾. Весь этотъ разсказъ лѣтописи прямо и ясно говоритъ, что Коронь былъ подлѣ Переяслава. О Малотинѣ лѣтопись говоритъ по случаю заключенія мира съ Половцами; вотъ слова ея: «приде Половецкая земля и вси князи Половецкіи на мръ, и ходиша къ нимъ Всеволодъ изъ Кіева, а Андрей изъ Переяслава къ Мало-

⁽²²⁷⁾ Лавр., стр. 132. ⁽²²⁸⁾ Тамъ же, стр. 13. ⁽²²⁹⁾ Пслѣд., Зам. и Лек. о Р. И. Погод. Т. IV., стр. 274. ⁽²³⁰⁾ Ипат., стр. 16.

тву⁽²²¹⁾. Очевидно, Малотинъ былъ гдѣ нибудь на Сулѣ, въ краю пограничномъ съ Половцами; Холаковскій согласно съ лѣтописью указываетъ на Малотинъ въ Пирятинскомъ повѣтѣ на Оржицѣ⁽²²²⁾, вѣроятно при впаденіи Оржицы въ Сулу, а не на западъ отъ Пирятана, гдѣ есть селеніе Малотенцы; ибо въ такомъ случаѣ всей Половецкой земли не пропустили бы такъ далеко въ глубь Переяславскихъ владѣній, устья же Оржицы находились почти на самой границѣ.

Подъ 1142 годомъ Лаврентіевская Лѣтопись говоритъ о рѣкѣ Стрѣквѣ на дорогѣ изъ Чернигова или Кіева въ Переяславль: «и вехотѣ (Игорь) ити въ Переяславль, и пришеде ста по Стрѣквѣ, и стояша два мѣсяца . . . Ростиславъ же съ Смольняны воишавъ волости ихъ (Черниговской) 4 города; и слышавше отъидоша отъ Переяславля⁽²²³⁾». Разсказъ лѣтописи прямо указываетъ на какую либо рѣчку подъ Переяславлемъ, впадающую въ Суной, если походъ Игоря вести отъ Чернигова; если же Игорь шелъ къ Переяславию отъ Кіева, какъ утверждаетъ Ипатьевская Лѣтопись⁽²²⁴⁾, то въ такомъ случаѣ Стрѣкву должно будетъ искать между рѣчками, впадающими въ Трубежъ. Ни въ какомъ случаѣ подъ Стрѣквою нельзя разумѣть города, ибо лѣтопись говоритъ: «ста по Стрѣквѣ»—это выраженіе можетъ быть отнесено къ рѣкѣ, о городѣ же было бы сказано ота на Стрѣквѣ, или въ Стрѣквѣ. Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ походѣ своемъ отъ Кіева къ Чернигову, или скорѣе къ Новгороду-Сѣверскому, перебродившись чрезъ Днѣпръ, шелъ на Альту, Нежатию и Русотину, гдѣ и остановился⁽²²⁵⁾. Настоящее извѣстіе само довольно ясно указываетъ на топографію упоминаемыхъ здѣсь городовъ; по словамъ лѣтописи Нежатию стоялъ за Альтою, можетъ быть при верховьяхъ Трубежа; Русотина же очевидно была за Трубежемъ и сѣвернѣе верховьевъ Суной, можетъ быть на южномъ берегу Остера; ибо Изяславъ, получивши вѣсть объ измѣнѣ Черниговскихъ князей, воротился отъ Русотины назадъ, и сталъ при верховьяхъ Суной, куда къ нему пришло извѣстіе изъ Кіева объ убіеніи Игоря⁽²²⁶⁾. Если

(221) Ипат., стр. 17. (222) Арцыб. Т. I, примѣч., 515. (223) Лавр., 135. (224) Ипат., 18 (225) Тамъ же; 31 (226) Ипат., стр. 34.

Русотину полагать на Трубежѣ, гдѣ нынче селеніе Русановъ, то положеніе ея противорѣчило бы смыслу лѣтописи; ибо въ такомъ случаѣ Изяславъ, переходя отъ Русотины на Суной, не отступалъ бы назадъ, именно какъ, сказано въ лѣтописи, а шелъ бы впередъ.

Подъ тѣмъ же 1147 годомъ лѣтопись, продолжая описывать войну Изяслава съ Ольговичами, упоминаетъ о городахъ Вырьѣ, Выханѣ и Попашѣ. Вырь рѣка, какъ мы уже знаемъ, была между Рыльскомъ и Путивлемъ, слѣдовательно тамъ же былъ и городъ Вырь. Это подтверждаетъ въ настоящемъ случаѣ и Ипатьевская Лѣтопись; въ ней сказано, что Святославъ Ольговичъ съ Глѣбомъ Юрьевичемъ пошли къ Курску, и по занятіи сего города «пошли къ Выреви, и посажа посадники своя Глѣбъ Гюргевиичъ по Семью за полемъ и у Выря. Половчи мнозя ту заходивша ротѣ съ нимъ. И ту приде къ нимъ Всеволодиичъ Святославъ, и послашася къ Выревцемъ, рекуче: оже ны ея не предасте, дамы вы Половцемъ на полюя; и не дашася имъ. И оттуду идоша къ Выханю, и ту неуспѣша ничтоже; а оттуду идоша къ Попашу . . . и бишася и взяша Попашъ⁽²²⁷⁾». Здѣсь мы видимъ Вырь городомъ пограничнымъ съ степями, ибо Глѣбъ посадилъ посадниковъ по семью, т. е. на южномъ Переяславскомъ берегу Семи, и потомъ за полемъ и у Выря т. е. прямо по выхолѣ изъ степи за полемъ; подъ Выремъ же явились и Половцы, слѣдовательно подошли къ первому городу, лежащему на границахъ съ степью. Далѣе Ольговичъ съ своими союзниками, не принятый Выревцами, пошелъ къ Выханю и Попашу по направленію къ Переяславу; слѣдовательно Выхань и Попашъ должно искать на юго-западъ отъ Выря, т. е. по Семи или по Сулѣ; и лѣтопись сама прямо указываетъ на Сулу, ибо по словамъ ея Изяславъ Мстиславиичъ, узнавши о походѣ Ольговичей, двинулся изъ Переяслава къ Черной Могилѣ на соединеніе съ братомъ своимъ Ростиславомъ, шедшимъ изъ Смоленска, и тамъ условился съ нимъ идти къ Сулѣ, дабы перенять дорогу стоявшимъ на Сулѣ Ольговичамъ; а мы выше оставили Ольговичей въ Попашѣ; слѣдовательно Выхань и Попашъ были по указанію лѣтописи на верховьяхъ Сулы.

(227) Ипат., 35.

Далѣе подѣ тѣмъ же годомъ лѣтопись говоритъ, что по удаленіи Ольговичей отъ Сулы и по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ, а Ростислава въ Смоленскъ, Глѣбъ Юрьевичъ занялъ городокъ отень, и оттуда нападалъ на Переяславль; но былъ отбитъ тамошнимъ княземъ Мстиславомъ, который гнался за нимъ до Носова на Рудѣ ⁽²²²⁾. Городкомъ здѣсь очевидно называется Остерскій Городецъ, или вынѣшній Остеръ при впаденіи рѣки Остра въ Десну, а тогда вѣроятно бывшій на лѣвомъ берегу Остра, ибо правый принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ; онъ здѣсь названъ отень Городъ потому, что дѣйствительно принадлежалъ Глѣбову отцу Юрію Долгорукому какъ это прямо свидѣтельствуется лѣтописью; подѣ 1141 годомъ. Въ ней сказано, что когда Новгородцы выбрали себѣ въ князья Юрьева сына Ростислава, то Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій, желая за это мстить Юрію, занялъ Городецъ Вѣстрьскій; и то же подтверждаетъ самъ Юрій подѣ 1152 годомъ, говоря: «оже есте мой Городецъ пожгли и божицю, то я ся тому отожду противу,» ⁽²²³⁾. Носовъ же очевидно находился на дорогѣ отъ Переяслава къ Остерскому Городку, на одномъ изъ притоковъ Трубежа, который притокъ и теперь еще сохранилъ за собою названіе Руды.

Подѣ 1150 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи есть извѣстіе, что въ Переяславскомъ княженіи на восточномъ берегу Днѣпра ниже Канева жили Турпен, кажется одноплеменники Торкамъ ⁽²²⁴⁾. Жилища ихъ были, по словамъ лѣтописи, должно быть около Сакова; ибо тамъ сказано, что Переяславскій князь Ростиславъ Юрьевичъ, услыхавши о движеніи Мстислава Изяславича изъ Канева черезъ Днѣпръ, оставилъ брата своего Андрея въ Переяславль; «а самъ гна къ Сакову и сгови Турпѣ у Днѣпра, и переишавъ ѣ переводѣ ѣ Переяславу.» Подѣ 1174 годомъ упоминается объ одномъ еще неизвѣстномъ прежде городѣ по Сулѣ,—Серебряномъ, названіе котораго и теперь еще сохранилось въ имени мѣстечка Сребное между Удомемъ и Сулою въ Прилуцкомъ уѣздѣ. По словамъ лѣтописи Серебряной стоялъ неподалеку отъ Боруча, гдѣ былъ и Римовъ, о которомъ мы уже знаемъ, что онъ стоялъ неподалеку отъ Су-

⁽²²²⁾ Ипат., стр. 36. ⁽²²³⁾ Тамъ же, 17 и 71. ⁽²²⁴⁾ Тамъ же, 50.

лы и былъ однимъ изъ близкихъ къ границѣ городовъ Переяславскихъ⁽²⁴¹⁾. Лѣтопись говоритъ: «Игорь Святославичъ совокупивъ полки свои и ѣха въ поле за Ворсколъ, и срѣте Половцы иже ту ловятъ языка, изъима ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шли къ Переяславию. Игорь же слышавъ то повѣха противу Половцомъ, и переѣха. Въ росколъ у Лтавы къ Переяславию, и урѣшася съ полки половецкими; блухуть бо воевали у Серебряного и у Баруча; дружина же игорева поставше овѣхъ избивше, а иныхъ изъимаша»⁽²⁴²⁾. Это извѣстiе, кромѣ Серебрянаго, упоминаетъ еще о Лтавѣ на Ворсклѣ, слѣдовательно указываетъ, что Переяславскiя владѣнiя на юго-востокъ выдвигались не только за Сулу, но даже и за Ворсклу, ибо за Ворсклою Игорь встрѣтилъ Половцовъ, которые ловили тамъ языка, т. е. искали тамошнихъ жителей, чтобы узвать отъ нихъ нужныя для себя вѣсти, или употребить ихъ проводниками; а отсюда мы видимъ, что на Ворсклѣ еще не жила Половцы, иначе бы имъ незачѣмъ было ловить здѣсь языка; другихъ же владѣнiй мы никакихъ здѣсь не знаемъ, кромѣ переяславскихъ, слѣдовательно и Ворскла причислилась къ нимъ же, и Лтава, стоявшая на Ворсклѣ, былъ переяславскiй городъ, можетъ быть въ родѣ караульной крѣпости или сторожи, какiя бывали въ XV, XVI и XVII вѣкахъ у Москвичей въ степяхъ, пограничныхъ съ Татарами. Вѣроятно къ такимъ же Переяславскимъ городамъ или сторожевымъ крѣпостямъ въ степяхъ принадлежали Лукомля, упоминаемая подъ 1179 годомъ, и также стоявшая въ степи за Сулою⁽²⁴³⁾, — и Донецъ, вѣроятно на рѣкѣ Донцѣ, куда прибѣжалъ Игорь Святославичъ отъ рѣки Тара въ 11 дней пѣшого пути⁽²⁴⁴⁾. Но города сiя, стоявшiе такъ далеко на востокъ отъ Сулы, не уничтожаютъ еще положенiя, что настоящеею границею владѣнiй Переяславскихъ была рѣка Сула; точно также какъ въ XV и XVI вѣкахъ настоящею границею московскихъ владѣнiй съ Татарами была рѣка Ока, хотя сторожевые городки Московскiе выдвигались до Сѣвернаго Донца, и даже до Тора. Лѣтопись, указывая на успѣхи Кончака, князя Половецкаго въ войнахъ съ Русскими князьями прямо говоритъ:

⁽²⁴¹⁾ Тамъ же, 87 ⁽²⁴²⁾ Тамъ же, 107—108. ⁽²⁴³⁾ Ипат., 122. ⁽²⁴⁴⁾ Тамъ же, 134.

«Кончакъ иже снесе Сулу» ⁽²⁴⁵⁾, т. е. что до Кончака Сула была границею, отдѣляющею Половцевъ отъ Русскихъ, а Кончакъ уничтожилъ и эту границу. То же самое подтверждаетъ и другая лѣтопись, свидѣтельствующая подъ 1186 годомъ, что Половцы взяли «всѣ грады по Сулѣ» ⁽²⁴⁶⁾. Послѣ этого извѣстія мы болѣе не видимъ уже свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ Переяславскихъ владѣній, вѣроятно очень стѣсненныхъ Половцами; а съ завоеваніемъ Руси Монголами и всѣ свѣдѣнія о Переяславскомъ княжествѣ прекращаются. По свидѣтельству Платона Карпини, на восточной сторонѣ Днѣпра вплоть до Дона уже кочевалъ Татарскій князь Монтій въ 1246 году ⁽²⁴⁷⁾. Такимъ образомъ вся эта сторона надолго поступила въ полное распоряженіе Монголовъ, и болѣе или менѣе сравнялась со степями, лежащими за Сулою.

Княжество Черниговское, лежавшее на сѣверѣ отъ Переяславскаго и отдѣлившееся отъ него рѣками Десною и Семью, въ XII вѣкѣ потеряло Тмутаракань и Рязань съ Муромомъ, изъ коихъ первая нахлынувшими ордами Половцовъ совершенно отдѣлилась отъ Русскихъ владѣній; послѣдніе же составили отдѣльное Русское княжество, владѣтели котораго хотя и происходили отъ рода Черниговскихъ князей, но совершенно разошлись съ своими родичами, и, какъ мы уже вѣдали, вступили въ ближайшія отношенія къ странѣ Суздальской. Остальныя за тѣмъ земли Черниговскія, хотя и дробились на разныя мелкія княженія, но тѣмъ не менѣе въ такой были постоянной связи и зависимости другъ отъ друга, что представляли одно цѣлое—землю Черниговскую. Страна сія на западѣ примыкала прямо къ Днѣпру, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Переяславскими, а на востокъ далеко входила въ Половецкія степи, особенно по рѣкѣ Семи и верхнимъ притокамъ Дона, гдѣ сходилась съ землею Рязанскою; на сѣверѣ сосѣдями Черниговскихъ владѣній были земли Суздальская и Смоленская; послѣдняя, кажется, отдѣлялась рѣками Сожею, Угрою и Протвою, при устьи которой вѣроятно находился послѣдній Черниговскій городъ Лобынскъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1146 годомъ ⁽²⁴⁸⁾. За Лобынскомъ,

⁽²⁴⁵⁾ Тамъ же, 155. ⁽²⁴⁶⁾ Ник., III., 249. ⁽²⁴⁷⁾ Собр. пут. къ Татар., стр. 17. ⁽²⁴⁸⁾ Ипац., стр. 29.

при верховьяхъ Протвы, начиналось жилища племени Гомалъ; принадлежавшія къ Смоленскимъ владѣніямъ; граница же Черниговскихъ владѣній съ Суздальскими была уже на лѣвомъ берегу Оки, гдѣ, какъ свидѣтельствуется лѣтописью подъ 1176 годомъ, отъ устья Лопасни на западъ начиналась волость Черниговская⁽²⁰⁰⁾. Главное дѣленіе всѣхъ Черниговскихъ владѣній по племенамъ, составлявшимъ основное населеніе, можетъ быть принято слѣдующее: 1) Земля Сѣверявъ—это вся страна по Деснѣ и Семи; 2) Земля Вятичей по теченію Оки и ея притокамъ съ южной и сѣверной стороны; 3) земля Радимичей по Сожѣ; кромѣ того весь этотъ край дѣлился на разные княжества, изъ которыхъ главныя были собственно княженіе Черниговское и княженіе Новгородъ-Сѣверское.

Собственно Черниговское княжество прилегало къ Дибѣру и Переяславскимъ владѣніямъ, отъ которыхъ, подлѣ Дибѣра, отдѣлялось Десною. Однимъ изъ ближайшихъ городовъ къ Переяславскимъ и Кіевскимъ владѣніямъ былъ Моривѣйскъ, о которомъ лѣтопись подъ 1139 годомъ говоритъ, что Ярополкъ Владиміровичъ, шедши изъ Кіева на Черниговъ, былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича у Моривѣйска, гдѣ и заключилъ миръ⁽²⁰¹⁾. Можетъ быть, древній Моривѣйскъ стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Моровскъ, на правомъ берегу Десны, въ Остереконъ уѣздѣ: ходъ событія, рассказаннаго въ лѣтописи, не противорѣчитъ такому заключенію. По направленію отъ Моривѣйска на сѣверо-западъ тянулись города Рѣчица и Любечъ на Дибѣрѣ и Гомель на Сожѣ⁽²⁰²⁾, одинъ изъ пограничныхъ Черниговскихъ городовъ съ Смоленскими владѣніями, какъ ясно показываетъ лѣтопись, говоря, подъ 1142 годомъ, что Ростиславъ Смоленскій, услыжавши о походѣ Черниговскихъ князей къ Переяславу, двинулся въ ихъ владѣнія и занялъ около Гомеля водостъ ихъ всю. И донынѣ еще сохранилось названіе мѣстечка Гомель на западномъ берегу Сожи въ Бѣллицкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Въ этомъ мѣстѣ мѣсто было и лѣтописный городъ Гомель; ибо книга, большаяго чертежа ирмо говоритъ: «рѣка Инутьъ дала въ рѣку Сожу выше града Гомель

⁽²⁰⁰⁾ Ипат., стр. 118. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 15. ⁽²⁰²⁾ Новг. 1, стр. 32. Ипат. 333. 35 и 18.

20 верстъ ⁽¹⁸²⁾, а нынѣшній Гомель какъ-разъ приходится на 20 верстъ ниже впаденія Ипути въ Сожъ. Еще сѣвернѣе Гомля на западъ былъ Чечерскъ, также на Сожъ, въ Рогачевскомъ уездѣ; объ этомъ городѣ лѣтопись, подъ 1168 годомъ, прямо говоритъ, что онъ былъ пограничный съ Смоленскими владѣніями. По ея словамъ, Ростиславъ, идучи изъ Кіева въ Новгородъ Великій, былъ встрѣченъ Ольгомъ Святославичемъ, однимъ изъ Черниговскихъ князей, въ его городѣ Чичьрьскѣ, и изъ Чичьрьска вступилъ въ Смоленскія владѣнія, гдѣ Смольяне встрѣтили его за 300 верстъ отъ своего города. Еще сѣвернѣе Чечерска къ востоку былъ Черниговскій городъ Ормина въ нынѣшнемъ Мглинскомъ уездѣ, который Всеволодъ Ольговичъ въ 1142 году отдалъ Давыдовичамъ; и теперь еще на сѣверѣ отъ Мглина сохранилось это названіе въ двухъ мѣстечкахъ, изъ которыхъ одно отстоитъ отъ Мглина въ 17, а другое въ 34 верстахъ. На востокъ Черниговскія владѣнія соприкасались съ Новгородъ-Сѣверскими, гдѣ въ половинѣ XII вѣка рѣка Сновъ, наметая, была границею. По крайней мѣрѣ въ 1149 году Святославъ Ольговичъ, Новгородъ-Сѣверскій князь, называлъ Посемье и Сновскую тысячу своею отчиною ⁽¹⁸³⁾; на сѣверѣ же Черниговскимъ ближайшимъ городомъ къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ былъ Ропескъ, на одномъ изъ притоковъ Снова, съ правой стороны въ нынѣшнемъ Новозыбковскомъ уездѣ ⁽¹⁸⁴⁾. На югъ Черниговскія владѣнія сходились съ Переяславскими; здѣсь границею была рѣка Остеръ и верхніе притоки Сулы съ правой стороны; пограничными Черниговскими городами были: Глѣбъ, Всеволожъ, Уненежъ, Бѣла-Вежа и Бохмичъ. Города сіи, сколько можно судить по смыслу лѣтописи и по сохранившимся частію доселѣ названіямъ мѣстностей, лежали въ такомъ порядкѣ: Глѣбъ былъ ближайшимъ Черниговскимъ городомъ на сѣверѣ отъ Сулы; ибо въ 1147 году Черниговскій князь, въ походѣ своемъ на Изяслава дошедшіе до Переяславскаго города Поша на Сулѣ, услышавши о походѣ Изяслава, пошла назадъ къ Чернигову и первый городъ на ихъ дорогѣ былъ Глѣбъ; лѣтопись прямо говоритъ: «и пойдомъ на Глѣбъ»

⁽¹⁸²⁾ К. Б. Ч., изд. 1846, стр. 85. ⁽¹⁸³⁾ Новг. 1, стр. 94 и 19. ⁽¹⁸⁴⁾ Тамъ же, 45.

къ Чернигову» (244). За Глѣблемъ слѣдовала Бѣловѣжа при верховьяхъ Остера и Удая. Здѣсь гдѣ-то была и другая Бѣловѣжа; известная въ лѣтописи подъ именемъ старой; она, кажется, лежала ближе къ Сулѣ; ибо въ 1149 году князь Юрій Долгорукій стоялъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, поджидая Половцовъ изъ-за Сулы (245). Въ книгѣ большого чертежа именно сказано: «рѣка Остръ вытекла изъ-подъ городища Бѣлая Вѣжи, отъ верху рѣки Удая» (246). Далѣе вѣсколько на сѣверъ отъ Бѣлой Вѣжи, находился Бохмачъ; это названіе и теперь еще сохранилось за однимъ селеніемъ въ Конотопскомъ уѣздѣ. Потомъ слѣдовалъ Всеволожъ, нынѣ селеніе Всеволожъ, на одномъ изъ притоковъ Остера съ сѣверной стороны или Борони въ нынѣшнемъ Берзненскомъ уѣздѣ; еще западнѣе Всеволожа лежалъ Уневежъ на Остерѣ, можетъ-быть нынѣшній Нѣжинъ или Омбичь, который лежитъ по Остеру же на востокъ отъ Нѣжина и приходится восточнѣе Всеволожа, въ Борзненскомъ уѣздѣ, что и согласнѣе со смысломъ лѣтописи (247). Такого же порядка сихъ пяти городовъ именно описываетъ лѣтописецъ подъ 1147 годомъ, говоря, что Изяславъ Мстиславичъ отъ Черной Могилы (въ Переяславскихъ владѣніяхъ), желая перехватить Черниговскихъ князей на Сулѣ, пошелъ-было въ ту сторону; но услышавши на дорогѣ, что Черниговскіе князья уже отступили отъ Сулы по направленію къ Чернигову, перемѣнилъ свое направленіе, и, желая перехватить ихъ, двинулся къ Всеволожу, ибо зналъ, что итъ отъ Сулы должно было идти на этотъ городъ; но когда и тутъ не догналъ ихъ, то взялъ Всеволожъ. Когда о семъ узнали жители Уневежа, Бѣловѣжи, Бохмача и другихъ городовъ, то бѣжали къ Чернигову; Изяславъ же, нагнавши бѣглецовъ и зажегши всѣ сіи города, пошелъ къ Глѣблю (248), не загоня Черниговскихъ князей. Но очевидно въ этой сторонѣ было и еще много городовъ Черниговскихъ, которые, такъ сказать, напирали къ Деснѣ и Днѣпру; ибо лѣтописецъ, упоминая о бѣгствѣ Уневежанъ и Бѣловѣжцовъ по вѣдѣнію Всеволожа, говоритъ: «и нѣи грады мнози бѣжаша», т. е. когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ отъ Всеволожа къ Глѣблю. И точно, подъ 1159 годомъ мы еще встрѣчаемъ въ этой сторонѣ нѣ-

(244) Невг. 1, стр. 85. (245) Тамъ же, стр. 36. (246) Тамъ же, 42. (247) К. Б. Ч. изд. 1846 г. стр. 86. (248) Ипат., стр. 36.

сколько Черниговскихъ городовъ, а именно: Лутаву съ правой стороны Десны, при впаденіи въ нея рѣчки Лутавы, следовательно на юго-западъ отъ Моравійска (здѣсь въ этомъ году былъ сѣздъ Изяслава Давыдовича Кіевскаго съ Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ) ⁽²⁰⁰⁾; потомъ Любескъ и Оргощъ. Гдѣ именно были сіи два города, прямо опредѣлить нельзя; но по смыслу лѣтописи они должны находиться между Моравійскомъ и Всеволожемъ, и были вообще городки незначительные, населенные Половцами и Псарями. Владѣвшій тогда этими городами Святославъ Ольговичъ жалуется на Изяслава Давыдовича, что онъ ему уступилъ Черниговъ «съ семью городъ пустыхъ, Моравіескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь, а въ вѣхъ сѣлятъ псаревеже и Половцы» ⁽²⁰¹⁾. Исчисленіе сихъ городовъ между Моравійскомъ и Всеволожемъ побуждаетъ думать, что они и на самомъ дѣлѣ были между ними, а населеніе ихъ псарями и Половцами, т. е. людьми небогатыми и воинственными, ведетъ къ заключенію, что они именно были городами пограничными къ Переяславскимъ владѣніямъ, и что въ нихъ не зачѣмъ искать гдѣ нибудь въ другомъ краю, и особенно ближе къ Чернигову.

Такимъ образомъ, судя по указаннымъ границамъ, пространство собственно Черниговскихъ владѣній было очень незначительно, и едва ли составляло четвертую часть нынѣшней Черниговской губерніи; но оно цвѣло народонаселеніемъ, которое особенно было густо въ углу, образуемомъ Остеромъ и Десною, а также около Любеча по Днѣпру. Самый Черниговъ былъ окруженъ множествомъ селеній и городовъ; ибо лѣтопись, описывая Изяславовъ походъ къ Чернигову въ 1148 году, говоритъ: «и пришелъ ста Изяславъ на Ольговѣ поля, и ту стояша три дни, и несмѣша изъ Чернигова выійти (тамошніе кѣзья) и поже вса села ихъ ома и до Боловаса» ⁽²⁰²⁾. Если Ольгово поле и Боловоосъ принимать вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, Погодиннымъ, Надеждинымъ и Неволянымъ за нынѣшнія селенія Бѣлоусъ на рѣкѣ Бѣлоусѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны, и за Львовъ и Льговскій (хуторы) въ 8 верстахъ отъ Чернигова, то насколько не противорѣчитъ смыслу лѣтописи; то очевидно, что въ

⁽²⁰⁰⁾ Платъ, 84. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же. ⁽²⁰²⁾ Тамъ же, 87.

настоящемъ лѣтописномъ извѣстїи говорится о краѣ, прилежащемъ къ лѣвому берегу Днѣпра. Это положеніе подтверждается свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1152 годомъ, гдѣ сказано, что Изяславъ, плучи отъ Днѣпра къ Чернигову, сталъ на Боловоеѣ. Здѣсь упоминается о Черниговскомъ городѣ Лжиць на лѣвомъ берегу Днѣпра, южнѣ Моровїйска, ибо въ лѣтописи сказано: «Вячеславъ съ Изяславомъ стояшета на сей сторонѣ (на лѣвой) Днѣпра, у Лжиць, и слышавша оже Гюрги стоять у Чернигово, поидоша отъ Лжиць полки свои къ Чернигову; и яко же быша у Моровїйска и ту узрѣша» (133). Въ этой же сторонѣ на сѣверѣ, какъ уже извѣстно, былъ и Любечъ, одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Черниговскихъ; ибо, по свидѣтельству Лѣтописи, Изяславъ говорилъ своимъ союзникамъ: «а поидемъ, къ Любчю, идежемъхъ (т. е. Черниговскихъ князей) вся живъ», т. е. лучшія мѣстна, села. На югѣ отъ Чернигова были еще города Стоянничъ, съ лѣвой стороны Десны, по впаденїи въ нее рѣчки Крырола, ниже Семи: ибо лѣтопись, подъ 1160 годомъ, рассказывая о походѣ Изяслава Давыдовича отъ Выря къ Чернигову, говоритъ, «пойде Изяславъ къ Чернигову со всею силою Половецкою на Святослава на Ольговича; и сташа подлѣ Десну во Крырову оми до устья, а внизъ до Стоянничъ» (134). За Стоянничами уже на правомъ берегу Десны находился городъ Свѣнковичи, который, очевидно, стоялъ при впаденїи Савни въ Десну, т. е. въ ближайшемъ разстоянїи отъ Чернигова, ибо лѣтопись говоритъ, что Изяславъ, отбитый отъ Десны, отступилъ къ Игореву броду, гдѣ, получивши вѣсть изъ Чернигова, что Святославъ боленъ, а дружина распущена, обратился опять къ Чернигову: «и прїѣхавъ къ Деснѣ вротизу Свѣнковичемъ, и въ зорѣ переправа полца своя черезъ Десну и пусти я воевать, перѣхалъ же баше и самъ черезъ Десну» (135). Къ востоку отъ Чернигова, ближе къ границамъ съ Новгородъ-Сѣверскими владѣніями, также было нѣсколько Черниговскихъ городовъ, таковы: Семьинъ, передъ самымъ Черниговомъ, за Семьинью Гюричевъ, и далѣе за Гюричевымъ Сливъ, на рѣкѣ Савни. Мѣстность или по крайней мѣрѣ порядокъ, въ какомъ сіи города другъ за другомъ слѣдовали, довольно отчетливо объяс-

(133) Ипат., стр. 70. (134) Тамъ же, 86. (135) Тамъ же, 87.

яется лѣтописью при описаніи Юрьева похода отъ Глухова къ Чернигову: Юрій отъ Глухова двинулся къ Березому, нынѣшняя Березна, въ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣніяхъ; съ Березны онъ пошелъ къ Свини: «и яко ста у Свини, а завтра въ недѣлю не хоти ити къ городу, но ста у Гюричева, и ставши тамъ, и пусти Половцовъ къ Чернигову воевать; Половцомъ же пришедшимъ къ городу, много полона взяша и Семьинъ пожгоша»⁽¹⁶⁶⁾. Въ Лаврентьевской же лѣтописи, при описаніи сего похода передъ Гюричевымъ еще упоминается Кавинь; вотъ слова лѣтописи: «Гюрги же пришедъ ста у Глухова, и приде къ нему множество Половецъ и Ольговичъ Святославъ; и сдумавше вси помдоша къ Чернигову, и перешедше Сновъ и стаха у Гюричева близъ города, перешедше Кавинь»⁽¹⁶⁷⁾. Здѣсь мы ясно видимъ, что Кавинь былъ за Сновомъ, не доходя Гюричева; слѣдовательно, по Ипатьевской Лѣтописи между Свинью и Гюричевымъ.

Владѣнія Новгородъ-Сѣверскія заключали въ себѣ все Подесенье и Посемье, т. е. уголь, образуемый Десною и Семью, а на правомъ берегу Десны они прикасались къ собственно Черниговскимъ владѣніямъ по рѣкѣ Снову, отъ впаденія ея до верховья. Самый крайній городъ на востокъ по Семи былъ Курскъ, лежавшій на правомъ берегу; по этому же берегу были Новгородъ-Сѣверскіе города: Льговъ, Рыльскъ, Путивль, потомъ между Семью и Десною Хороборъ, можетъ-быть нынѣшній Коропъ въ Королевскомъ уѣздѣ, и недалеко отъ впаденія Семи Сосница, нынѣ уѣздный городъ на рѣкѣ Убедѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны. Далѣе, въ углу, образуемомъ Десною и Сновомъ, городъ Березомъ, можетъ-быть нынѣшняя Березна, и наконецъ, при впаденіи рѣки Снова въ Десну, Сновскъ, самый крайній Новгородъ-Сѣверскій городъ на юго-западѣ. Такимъ образомъ, по южной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній мы находимъ семь городовъ, и показанное географическое положеніе ихъ и принадлежность къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ подтверждаются слѣдующими мѣстами лѣтописей. О принадлежности Курска къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ лѣтопись прямо говоритъ подъ 1146 годомъ; въ

⁽¹⁶⁶⁾ Ипат., стр. 70. ⁽¹⁶⁷⁾ Лавр., стр. 145.

ней сказано, что Новгородъ-Сѣверскій князь Святославъ, когда Кіевъ былъ занятъ Изяславомъ, сперва бѣжалъ въ Черниговъ и оттуда ѣха Курску устанавливать людей и оттуда Новую-Роду (Сѣверскому) приде⁽²⁶⁸⁾. Въ томъ же году тотъ же Святославъ отдалъ Курскъ со воѣмъ Посемьемъ союзнику своему, Ивану Юрьевичю, когда тотъ пришелъ къ нему на помощь противъ Изяслава⁽²⁶⁹⁾. Та же лѣтопись говоритъ далѣе о принадлежностяхъ къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ города Путяля; ибо въ ней сказано, что Изяславъ съ своими союзниками князьями Черниговскими, въ томъ же году, осаждалъ Путяль, и когда взялъ его, то находившійся тамъ дворъ Святослава (Новгородъ-Сѣверскаго князя) раздѣлилъ на четыре части⁽²⁷⁰⁾. Объ Ольговѣ или Льговѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1152 годомъ; по ея словамъ; къ Ольгову въ это время пришли Половцы, союзники Юрьевы, тогда какъ Юрій изъ земли Вятичей черезъ Мценскъ шелъ на Глуховъ⁽²⁷¹⁾. Изъ этого разказа ясно можно видѣть, что Ольговъ долженъ быть на Семи, именно тамъ, гдѣ нынче Льговъ; ибо мѣстность нынѣшняго Льгова какъ разъ приходится въ соедѣствіи съ Половецкими степями и по дорогѣ къ Глухову, гдѣ стоялъ Юрій. Подъ тѣмъ же годомъ говорится и объ Рылъскѣ. Лѣтопись рассказываетъ, что когда Юрій съ Святославомъ Ольговичемъ и Половцами былъ отбитъ отъ Чернигова, то съ союзниками своими пошелъ сперва за Свинь, потомъ за Сновъ, и оттуда Половцы пошли на Путяль въ свои степи, а Юрій съ Святославомъ на Новгородъ-Сѣверскій; а изъ Новгорода Юрій пустился къ Рылъску, дабы идти оттуда въ Суздаль черезъ землю Вятичей⁽²⁷²⁾. Конечно, это движеніе отъ Новгорода на Рылъскъ и потомъ въ Суздаль дѣлало лишній уголъ, и Юрію прямѣе было бы идти съ Новгорода на Сѣвскъ; но онъ, идя на Рылъскъ, съ одной стороны имѣлъ ту выгоду, что скорѣе удалялся отъ преслѣдованія Изяслава и его союзниковъ, а съ другой нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ и Святослава, грозя изъ Рылъска Вырю и дежась въ Сѣверскихъ же владѣніяхъ. Вѣроятно, для сихъ двухъ выгодъ лишній уголъ къ Рылъску не дѣлалъ большаго разочету; при-

(268) Ипат., стр. 25. (269) Тамъ же, 26. (270) Тамъ же, 27. (271) Тамъ же, 69. (272) Тамъ же, 70.

земь же Юрій, можетъ быть, еще надѣялся соединиться съ Половцами, что было очень удобно сдѣлать въ нынѣшнемъ Рыльскѣ, какъ городъ, сопряженномъ съ стенами. Подъ 1234 годомъ лѣтописи прямо говорятъ о Хороборѣ, Сосницѣ и Сновскѣ, что они были города, лежащіе около Десны; по словамъ Даниала Романовичъ и Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, воюя съ Михаиломъ Черниговскимъ, «придоша отъ Чернигова имаячи землю, повмаше грады мнози по Деснѣ, туже взяли и Хороборъ и Сосницу и Сновскъ» (273). Слѣдовательно, означенныхъ городовъ мы должны искать около Десны, съ правой и съ лѣвой ея стороны, какъ нами и указано. Городъ Березомъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1152 годомъ; тамъ сказано, что Юрій, пробирался къ Чернигову изъ Суздаля, черезъ Мценскъ и Спашь, пришелъ на Глуховъ, гдѣ сослался съ Святославомъ Ольговичемъ княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ, пригласивъ его также идти къ Чернигову; потомъ съ Глухова, получивъ согласіе Святослава, двинулся къ Березому и далѣе сталъ у Свищи (274). Этотъ путь отъ Глухова къ Свищи черезъ Березомъ прямо указываетъ, что Березомъ долженъ находиться гдѣ-нибудь на правомъ берегу Десны, не доходя до Свищи, и всего вѣроятнѣе гдѣ теперешній уѣздыи городъ Черниговской губерніи Березна. Подъ 1149 годомъ въ лѣтописи упоминается городъ Ярышевъ; гдѣ именно онъ находился, опредѣлить нельзя; но, судя по смыслу лѣтописи, его нужно искать на юго-восточной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній по Сема. Лѣтописи говорятъ, что Юрій Долгорукій, въ походъ своемъ на Изяслава, двинулся изъ Суздаля въ страну Вятичей и соединился съ Половцами; потомъ сослался съ Святославомъ Новгородъ-Сѣверскимъ и сталъ у Ярышева, куда къ нему пріѣхалъ Святославъ. Съ Ярышева, послѣ неудачныхъ сношеній съ Дамыдовичами, они пошли на Бѣлую Вѣжу на старую, и поджидали тамъ Половцовъ цѣлый мѣсяцъ, и оттуда пошли къ Суцію (275). Изъ разсказа лѣтописи мы ясно видимъ, что Ярышевъ былъ въ числѣ первыхъ городовъ на походъ Юрія изъ земли Вятичей къ Сема и что онъ стоялъ сѣвернѣе Бѣлой Вѣжи старой; ибо отъ Ярышева Юрій пошелъ

(273) Ипат., стр. 173. (274) Тамъ же, 70. (275) Тамъ же, 42.

на Вългу-Вѣшу; старая же Бѣлая Вѣжа, какъ мы уже знаемъ, лежала на востокъ отъ верховьевъ Удаи и Остера и на сѣверъ отъ Сулы; следовательно, Ярышевъ былъ на правомъ или на лѣвомъ берегу Семи, можетъ-быть на западъ отъ Путивля. Самъ Новгородъ-Сѣверскій былъ, гдѣ и теперь, на правомъ берегу Дѣсны выше впаденія въ нее Семи; на сѣверъ отъ Новгородъ-Сѣверскаго ближайшимъ городомъ былъ Радошь, вѣроятно Радогощъ, на правомъ берегу Судости; городъ этотъ уже не существовалъ при составленіи книги Большаго Чертежа, и названъ въ ней городищемъ: «противъ Стародуба на рѣкѣ на Судости городище Радогощъ»⁽¹⁷⁶⁾. Нынѣ здѣсь находится, по указанію Арцыбашева, заштатный городъ Погаръ, который точно приходится почти противъ Стародуба. Потомъ отъ Радогоща на сѣверо-западъ былъ городъ Сининъ-Мость. Надеждинъ и Неволнинъ указываютъ, что отъ нынѣшняго Погара по дорогѣ къ Стародубу находится и теперь еще селеніе Сининъ въ 23 верстахъ отъ Стародуба⁽¹⁷⁷⁾. За Сининымъ Мостомъ на юго-западъ находился Стародубъ. По свидѣтельству лѣтописи; Сининъ Мость былъ самымъ сѣвернымъ Новгородъ-Сѣверскимъ городомъ, ближайшимъ къ Смоленской землѣ; ибо Юрійъ шелъ Смоленскими владѣніями, и когда шествовалъ Смоленскій городъ Зарой на Ипути, то былъ встрѣченъ Святославомъ Ольговичемъ у Синина-Моста, и потомъ снялся съ нимъ у Райоща, и отсюда пошли къ Стародубу⁽¹⁷⁸⁾. Съ восточной стороны Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній, на сѣверъ отъ Семи лежали города Глуховъ, на одномъ изъ притоковъ Клевани, на сѣверъ отъ Путивля; еще сѣвернѣе Глухова Сѣвскъ на рѣкѣ Сѣвѣ; впадающей въ Нерусу; и далѣе за Сѣвскомъ Болдыжъ, Кромъ и Спашъ, и наконецъ Корачевъ, крайній сѣверо-восточный городъ сѣверскихъ владѣній, отъ котораго уже начиналась земля Вятчей, какъ о томъ лѣво говоритъ лѣтопись подъ 1146-го годомъ. По ея словамъ, Святославъ Ольговичъ, узнавши о походѣ Изяслава Мстиславича, оставилъ Карачевъ, «и ѡѣха за лѣсъ у Вятчѣ»⁽¹⁷⁹⁾. Еще восточнѣе и сѣвернѣе Карачева Мценскъ на Зушѣ, кажется уже принадлежащій землѣ

⁽¹⁷⁶⁾ Кн. Б. Ч., стр. 85. ⁽¹⁷⁷⁾ Исгѣд. Погод. Т. IV, стр. 241. ⁽¹⁷⁸⁾ Ипат., 77. ⁽¹⁷⁹⁾ Тамъ же, 28.

Вятчѣй. Въ лѣтописи подъ 1152 годомъ говорится о Юрьѣ и его союзникахъ, князьяхъ Рязанскихъ и Половцахъ: «и поидоша туда на Вятчѣ, и тако взяша я, тоже на Мценскѣ, оттуда же поидоша на Спашѣ, таже на Глуховѣ, ту и сташа»⁽²⁰⁰⁾. Подъ 1147 годомъ сказано, что Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ изъ Мценска пошли къ Крому; но, не доходя Крому, ихъ нагнаши къ Спашѣ послы отъ Владимира Давыдовича и Святослава Всеволодича⁽²⁰¹⁾. Еще же прежде, подъ 1146 годомъ, лѣтопись говоритъ объ Изяславѣ Давыдовичѣ: «иде изъ Путивля на Сѣвскѣ на Болдыжѣ, простѣ бо бѣ ему нуть Карачеву»⁽²⁰²⁾. Изъ приведенныхъ здѣсь лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что упомянутые выше семь городовъ лежали въ такомъ именно порядкѣ другъ за другомъ, въ какомъ они поставлены нами, т. е. самымъ южнымъ изъ нихъ былъ Глуховъ, ближайшій къ Путивлю; онъ, очевидно, и въ XII вѣкѣ стоялъ тамъ же, гдѣ и теперь находится—на одномъ изъ притоковъ Клевана, нарѣчкѣ Есманн. За Глуховымъ слѣдовалъ Сѣвскъ на рѣчкѣ Сѣвѣ; ибо въ 1146 году Изяславъ Давыдовичъ изъ Путивля шелъ на Сѣвскъ, какъ и приходится это по самой мѣстности, ибо по прямой дорогѣ изъ Путивля въ Сѣвскъ Глуховъ остается влѣвѣ. На сѣверо-востокъ отъ Сѣвска былъ Болдыжъ, по дорогѣ къ Карачеву, какъ это ясно указываетъ только-что приведенный походъ Изяслава Давыдовича; ибо, по словамъ лѣтописи, онъ съ Сѣвска къ Карачеву шелъ на Болдыжъ; по указанію Надеждина и Неволина, въ спискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и теперь еще существуетъ селеніе Болдыжъ, въ 4-хъ верстахъ отъ города Дмитровска, что какъ-разъ приходится по дорогѣ изъ Сѣвска къ Карачеву. Отъ Болдыжа на востокъ при рѣчкѣ Надлѣ, впадающей въ Крому, лежитъ городъ Кромъ, какъ сказано и въ Книгѣ Большаго Чертежа⁽²⁰³⁾. И наконецъ отъ Крома по дорогѣ къ Мценску лежалъ городъ Спашѣ; ибо въ 1147 году, когда Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ шли изъ Мценска къ Крому, то въ Спашѣ ихъ нагнаши послы Владимира Давыдовича; въ настоящее время въ этой сторонѣ очень много селеній съ названіемъ Спашѣ или Спасское.

⁽²⁰⁰⁾ Ипат., 69. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 30. ⁽²⁰²⁾ Тамъ же, 27. ⁽²⁰³⁾ К. Б. Ч., стр. 116.

На восточной сторонѣ сѣверскихъ владѣній, западнѣ описанной нами линіи городовъ, шла еще линія, ближайшая къ Новгороду-Сѣверскому, на югѣ начинавшаяся городомъ Зарытымъ или Зарытымъ и окончивавшаяся Вищжемъ на сѣверѣ, который стоялъ на Деснѣ выше Брянска; по этой линіи были города Воробейно, Росуса и Трубчевскъ. Въ лѣтописи подъ 1180 годомъ о сихъ городахъ упоминается съ нѣкоторыми указаціями на иѣстность; такъ о Зарытомъ сказано: «Воева Георгій Ярославичъ изъ Турова Путивлю . . . Вырепцы же затворилися отъ него, и непустиша его къ себѣ; онъ же оттуда възратиса иде въ Зарыти, и ту пребывъ иде опять вратиса у Вырь». Или нѣсколько ниже о Святославѣ Ольговичѣ говорится: «И прииде ко Выреви и пожже острогъ около герода . . . И ту стояше и шедше къ Зарытому, и ту нежегше, и много аде створивше, възвратитиса у своеса» (211). Оба приведенныя извѣстія указываютъ на Зарытый какъ на городъ, лежащій на западъ отъ Выри, а по первому извѣстію даже на сѣверѣ или сѣверо-западъ отъ Путивля; слѣдовательно, его и нужно искать около Путивля, гдѣ нынче находится рѣка Рѣть, впадающая въ Десну; а посему правильно заключаютъ Надеждинъ и Невелинъ, что Зарытымъ могъ называться городъ за Рѣтью, и слѣдовательно Зарытый или Зарытый должно искать около вышшняго Королевца. Далѣе лѣтопись говоритъ, что Изяславъ Давыдовичъ, стоявшій въ степи за Выремъ, по удаленіи Святослава Ольговича отъ Зарытаго, пошелъ съ Половцами къ Воробейнѣ и къ Росусѣ—«и туде повоевавъ иде къ сыновцю своему ко Вищжу, и оттуда началъ воевать Смоленскую волость». Когда же противники Изяславовы пошли ко Вищжу, то онъ послалъ къ Андрею Юрьевичу Суздальскому просить у него помощи, который и прислалъ къ нему Изяслава съ своимъ полкомъ и съ Муромскою силою; но прежде нежели онъ успѣлъ подоити съ союзниками ко Вищжу, противники помирились съ князюшкой его, Вищжскимъ княземъ, и Изяславъ удалися въ Вятичи. Это извѣстіе прямо говоритъ, что Вищжа должно искать на границахъ владѣній Смоленскихъ, Черниговскихъ и земли Вятичей; здѣсь дѣйствительно и теперь еще нахо-

(211) Ипат., 86—87.

дится селеніе Вщижъ, на берегу Десны, на 40 верстѣхъ отъ Брянска ввѣркъ, что именно и подтверждаетъ лѣтопись подъ 1156 годомъ, называя Вщижъ городомъ, около Десны; она говоритъ: «бѣжа Володимиричъ Сыновець Изяславъ, изъ Бѣрезового во Вщижъ и залу него всѣ города подесвенскіе, нестворивъ извѣста хрестьному цѣлованію къ стрывеву своему, и аси по Родислава по Смоленскаго князя; и приде къ нему Мстиславичъ изъ Стародуба въ засаду» (224). А когда Вщижъ несомнѣнно стоялъ на Деснѣ выше Брянска, и лѣтопись говоритъ еще о подесвенскихъ городахъ въ этой сторонѣ; то съ вѣроятностію можно допустить, что Росуса и Воробейно, лежащія на дорогѣ отъ Выря ко Вщижу, принадлежали также къ числу упоминаемыхъ влѣтъ подесвенскихъ городовъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Трубчевскъ, находящійся и теперь на Деснѣ, и въ лѣтописи подъ 1185 годомъ упоминаемый какъ удѣлъ одного изъ Сѣверскихъ князей (225).

Съ завоеваніемъ Чернигова Монголами и по убіеніи тамошняго князя Михаила Всеволодича, Черниговскія владѣнія распались. Собственно область Черниговская и Новгородъ-Сѣверская, т. е. низовья Десны и Сема, столь прежде богатыя народонаселеніемъ и усѣянныя множествомъ городовъ, запусѣли и сдѣлались сперва кочевьемъ Монголовъ, а потомъ достались Литвѣ. Русскія лѣтописи съ половины XIII вѣка совершенно потеряли изъ виду; этотъ край, послѣ Михаила онѣ упоминаютъ только объ одномъ Черниговскомъ князѣ, Михайловомъ сынѣ, Романѣ. Жизнь Русская, вытѣсненная изъ этого края, отступила къ верховьямъ Сема, Десны и Оки. Сынѣва Михайлова: старшій, Романъ, удалился въ Брянскъ, откуда владѣлъ Черниговомъ и можетъ быть Новгородомъ-Сѣверскимъ; второй, Семень, завлаъ Глуховъ, Новосиль, Олосевъ, Бѣлевъ и Воротыньскъ; третій, Мстиславъ; завладѣлъ Карачевомъ, Козельскомъ, Мосальскомъ, Звенигородомъ и кажется Ельцемъ; четвертый, Юрій, утвердился въ Торусѣхъ и Оболенскѣ. Кромѣ того изъ другихъ родовъ Черниговскаго княжескаго дома потомки утвердились въ Рыльскѣ, Курскѣ, Воргольскѣ и Ливецкѣ (227).

Обширнѣйшимъ княженіемъ изъ числа Черниговскихъ въ Монгольское время было княженіе Брянска; къ нему причисля-

(224) Ипат., 79. (225) Тамъ же, 129. (227) Родосл. Ки. Ч. I.

лись Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій; сѣдовѣтелями, на югѣ были границами его, можетъ-быть Десна и Семы; на востогѣ опять Десна въ ея верховьяхъ и вершины Угры, гдѣ Брянскія владѣнія сходились съ Карачевскими; на сѣверъ же Брянскія земли примыкали въ Смоленскимъ, на что указываетъ упоминаемая въ лѣтописяхъ войны Брянскихъ князей съ Смоленскими и даже походы подъ самый Смоленскъ; въ 1286 году Романъ Брянскій осаждалъ Смоленскъ и сжегъ его посады ⁽²⁰⁰⁾. На западѣ границею Брянскихъ владѣній, кажется, былъ Дивуръ. Это княженіе до конца своего, т. е. пока не было покорено Литовцами, не раздробилось и было въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, кажется всегда дружественныхъ; такъ, напримеръ, въ 1341 году Московскій князь Иванъ Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Брянскаго князя Дмитрія ⁽²⁰¹⁾; въ 1375 году Брянскій князь Романъ Михайловичъ помогалъ Дмитрію Донскому противъ Михаила Александровича Тверскаго ⁽²⁰²⁾. Земли Брянскаго княжества очевидно были хорошо знакомы Москвитямъ, какъ по дружественнымъ отношеніямъ князей, такъ и по тому, что на Брянскъ лежалъ путь изъ Москвы въ Кіевъ, на что указываетъ путешествіе Кіевского Митрополита Максима въ 1299 году. Лѣтопись говоритъ, что «Митрополитъ иде изъ Кіева ко Бранску; а отъ Бранска иде въ Суздальскую землю» ⁽²⁰³⁾; или въ 1310 году путешествіе Митрополита Петра ⁽²⁰⁴⁾. Но обширность Брянскихъ владѣній во всемъ объемѣ не существовала и ста лѣтъ. Гедиминъ, князь Литовскій, покоривши Кіевъ, скоро занялъ и Черниговъ, а потомъ мало по малу отошло къ Литовцамъ все южное Полесенье и Посемье; такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1379 году мы уже видимъ Стародубъ и Трубчевскъ Литовскими городами ⁽²⁰⁵⁾. Наконецъ и самый Брянскъ достался Литвѣ, и Романъ Михайловичъ, помогавшій въ 1375 году Донскому, кажется, былъ, по слухамъ Брянскимъ княземъ изъ дому Михаила Черниговскаго; абовъ сдѣлаъ съ Мамаемъ въ 1380 году, Брянскимъ княземъ былъ уже Дмитрій Олгердовичъ Литовскій ⁽²⁰⁶⁾. Лѣтопись даже подъ 1355 годомъ говоритъ: «нача обладати Бранскомъ князь ко-

⁽²⁰⁰⁾ Ник. III, 85. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 175. ⁽²⁰²⁾ Ник. IV, 42. ⁽²⁰³⁾ Ник. III, 96. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁰⁵⁾ Ник. IV, 84. ⁽²⁰⁶⁾ Тамъ же, 105.

лнкій Литовскій»⁽²⁰⁶⁾; по вѣроятю съ этого времени Брянскъ только поступилъ въ зависимость отъ Литвы, а впрочемъ еще имѣлъ своихъ князей, потомковъ Михаила.

На востокъ отъ Брянскихъ владѣній лежали земли княжества Карачевского. Принимая на западъ къ Брянскимъ владѣніямъ, Карачевскія земли на сѣверѣ сходились съ Смоленскими и Московскими, гдѣ крайнимъ ихъ городомъ былъ Звенигородъ; ибо сынъ перваго Карачевского князя Мстислава, Адрианъ, былъ княземъ Звенигородскимъ⁽²⁰⁷⁾. На востокъ Карачевскія земли граничили съ Тарусскими, Воротынскими и Бѣлевскими землями, можетъ-быть по теченію Верхней Оки и Жыздры; на югѣ же онѣ сходились съ землями Новосильскими. Карачевское княжество составляли города Карачевъ, Козельскъ, Звенигородъ, Мосальскъ и Елецъ, и можетъ-быть Болховъ, Мещевскъ, Брынъ, Медынь и Верея, какъ можно судить по родословнымъ тамошнихъ князей. Это княженіе недолго оставалось нераздѣльнымъ; ибо сынъ Мстислава Карачевского, Адрианъ, уже сдѣлался отдѣльнымъ княземъ Звенигородскимъ и можетъ-быть Вереискимъ и Медыньскимъ; а внукъ Иванъ, сынъ Тита, составилъ особое владѣніе въ Козельскѣ, и можетъ-быть вмѣстѣ съ Козельскомъ владѣлъ Перемышлемъ и Мещевскомъ; потомъ одинъ правнукъ, Феодоръ, утвердился въ Елцѣ, а другой, Юрій, въ Мосальскѣ⁽²⁰⁷⁾. Всѣ сии потомки Мстислава Карачевского вступили въ ближайшія отношенія къ князьямъ Литовскимъ и Рязанскимъ: такъ одинъ внукъ Мстислава, Святославъ, былъ женатъ на Олгердовой дочери Феодоръ, другой, Адрианъ Звенигородскій, на дочери Литовскаго князя Гаманта, и третій, Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго⁽²⁰⁸⁾.

Владѣнія Глуховскія и Новосильскія, начинаясь отъ Глухова, шли на востокъ къ Новосилу, что при Зубѣ; здѣсь они сходились съ владѣніями Елецкими; потомъ, идя отъ Новосила на сѣверъ по теченію Оки, они на западъ граничили съ владѣніями Козельскими, гдѣ къ Новосильскимъ городамъ принадлежали:

⁽²⁰⁶⁾ Ник. III, 207. ⁽²⁰⁷⁾ Родосл. Ч. I, стр. 185. ⁽²⁰⁸⁾ Тамъ же, 186.

⁽²⁰⁹⁾ Ник. IV, 50.

Иценскъ, Бѣлевъ, Воротынскъ и Одоевъ; на востокѣ они соприкасались съ владѣніями Пронскими и Рязанскими.

На сѣверѣ отъ Новосильскихъ владѣній лежали земли Торускія и Оболенскія; она съ одной стороны примыкали къ землямъ Московскимъ, а съ другихъ сторонъ были окружены: съ востока владѣніями Рязанскими, съ юга Одоевскими, и съ запада Воротынскими. Земли Торускія и Оболенскія были меньше всѣхъ удѣловъ Черниговскихъ; здѣсь были города Торуса, Оболенскъ, Тростна и Мезецкъ, какъ значитсѣ по родословнымъ. Торускіе князья были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Московскими и держались только ихъ силою.

Владѣнія Курскія и Рыльскія составляли пограничный край Русскихъ земель на югѣ; они начинались отъ Рыльска при Семи и простирались на востокъ вплоть до верховья Воронежа. Здѣсь были города по Семи: Рыльскъ, Лговъ и Курскъ, по рѣкѣ Ворголу—Ворголь и при верховьяхъ Воронежа—Липицы. Каждый изъ сихъ городовъ составлялъ отдѣльное княженіе, которые, впрочемъ, подчинены были князю Курскому; по крайней мѣрѣ Курскій князь въ лѣтописи называется великимъ княземъ ⁽²⁰⁰⁾. Долго ли существовали южныя княжества, въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій; но, вѣроятно, они особенно по Ворголу и Воронежу скоро были обращены въ пустыню, ибо всегда первыя подвергались грабительству Татаръ; по крайней мѣрѣ изъ путешествія Митрополита Пимена мы ясно видимъ, что въ XIV вѣкѣ здѣсь была уже совершенная пустыня, въ которой нрѣдка встрѣчались развалины городовъ; тутъ даже не кочевали Татары. Собственно же Рыльскъ и Курскъ поступили въ вѣдѣніе Литвы, ибо въ лѣтописи при описаніи битвы Витовта съ Едигѣемъ въ 1399 году, въ числѣ убитыхъ Литовскихъ князей упоминается князь Федоръ Патрикѣевичъ Рыльскій ⁽²⁰⁰⁾.

На правомъ или западномъ берегу Днѣпра первымъ, самымъ южнымъ Русскимъ владѣніемъ было княжество Кіевское. Оно съ востока примыкало прямо къ Днѣпру; эта граница никогда не мѣнялась; также болѣе или менѣе постоянна была граница южная, собственно для Кіевского народонаселенія оканчивавша-

(200) Ник. III, 77. (200) Ник. IV, 283.

лся дѣльнымъ берегомъ Руси, а для подчиненныхъ Кіевскимъ князьямъ Торковъ, Берендѣевъ и вообще такъ называемыхъ Черныхъ Клобуковъ, переступавшая за Русь и неопредѣленно двигавшаяся въ Половецкія степи. Но границы Кіевскихъ владѣній съ запада и сѣвера почти всегда измѣнялись, смотря по тому, который князь владѣлъ Кіевомъ; иногда они захватывали всю Волинь до Бреста-Литовскаго, а на сѣверѣ достигали до верховьевъ Нѣмана и заходили за половину теченія Березины; а иногда едва переступали предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Посему, чтобы скольконибудь яснѣе понимать западныхъ и сѣверныхъ границы Кіевскихъ владѣній въ разное время, мы должны пересматривать ихъ почти при каждомъ князѣ особо.

При Владимірѣ Мономахѣ, на западѣ къ Кіевскимъ владѣніямъ, послѣ бѣгства Ярослава Святополчича въ 1118 году принадлежала вся Волинь, куда Мономахъ сперва отправилъ сына своего, Романа, а по смерти его послалъ другаго сына, Андрея; на сѣверѣ Кіевскія границы достигали до Мнска; ибо въ 1119 году Мономахъ отнялъ этотъ городъ у Глѣба Всеславича ⁽²⁰¹⁾. Но по смерти Мономаха мы уже видимъ, что Волинь и Туровъ составляли отдѣльные княженія, и первое принадлежало Мономахову сыну Андрею, а второе другому его сыну, Вячеславу. Кромѣ того, пространство между Стыремъ и Горыню при впаденіи ихъ въ Припеть составляло княжество Городенское, гдѣ былъ княземъ Всеволодъ; а на сѣверномъ берегу Припети было и еще отдѣльное владѣніе въ Ключескѣ (около нынѣшняго Несвижа), гдѣ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ; къ сему владѣнію, можетъ быть, принадлежалъ и Слуцкъ ⁽²⁰²⁾.

Послѣ Мстислава, Волинское княжество въ 1136 году досталось сыну его Изяславу, и послѣ того постоянно оставалось въ его родѣ; а Туровское удержалось за Вячеславомъ Владиміровичемъ. Тогдашній Кіевскій князь, Ярополкъ, уже не имѣлъ вліянія на сія владѣнія и въ 1134 году Вячеславъ утвердился въ Туровѣ совершенно противъ его воли ⁽²⁰³⁾. При Ярополкѣ на югъ Кіевскихъ владѣній

⁽²⁰¹⁾ Ипат., 8. ⁽²⁰²⁾ Лавр., 130. ⁽²⁰³⁾ Тамъ же, 132.

упоминаются города Василевъ и Красенъ, на нынѣшней рѣчкѣ Краснѣ, по дорогѣ отъ Триполья къ Бѣлугороду, и Халецъ, нѣсколько ниже Триполья по Днѣпру ⁽³⁰⁴⁾.

При Всеволодѣ Ольговичѣ, когда онъ владѣлъ Кіевомъ, Туровъ и Владиміръ Вольинскій на время отошли-было отъ Вячеслава и Изяслава; но потомъ опять перешли къ нимъ. Изъ свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что при Всеволодѣ владѣнія Кіевского князя на сѣверъ, за Припетью, простирались отъ Днѣпра вплоть до Западнаго Буга; ибо Всеволодъ въ 1142 году роздалъ своимъ братьямъ: Рогачевъ на Днѣпрѣ, Клическъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Лани пониже Несвижа, Городецъ, немного выше нынѣшняго Кобрина, Берестье и Дрогичинъ по Бугу ⁽³⁰⁵⁾. Всѣхъ сихъ городовъ нельзя искать южнѣе означенной черты, или на правомъ берегу Припети, хотя названія нѣкоторыхъ мѣстностей, сохранившіяся теперь, указываютъ на противное; ибо по правому берегу Припети были владѣнія Туровскія и Вольинскія, которыя принадлежали другимъ князьямъ; притомъ же братья Всеволодовы, получившіе помянутые города, жаловались, что Всеволодъ осозался Мстиславичами около, «а намъ на безголове и безмѣстье» ⁽³⁰⁶⁾,—чего конечно нельзя бы было сказать, ежели бы города сіи были при верховьяхъ Случи на востокъ отъ Новгорода-Вольинскаго, гдѣ сохранились теперь подобныя названія, ибо въ такомъ случаѣ были бы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кіевскими владѣніями. На означенную же нами мѣстность сихъ городовъ на сѣверъ отъ Припети и до Буга указываетъ и бывший въ 1145 году походъ Давыдовичей и Игоря Ольговича въ Польшу и уступка имъ со стороны Поляковъ города Визны, стоящаго при слияніи Бобра съ Наревомъ, что какъ разъ приходится въ сосѣдствѣ съ Дрогичинскимъ и Кобринскимъ краемъ ⁽³⁰⁷⁾.

При Изяславѣ Мстиславичѣ, хотя Владиміръ и Туровъ снова присоединились къ Кіевскимъ владѣніямъ ⁽³⁰⁸⁾, но во время борьбы Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ очевидно, что они принадлежали только Кіевскому князю, а не Кіеву. Собственно Кіевское княжество ограничи-

⁽³⁰⁴⁾ Ипат., стр. 14. ⁽³⁰⁵⁾ Тамъ же, 19. ⁽³⁰⁶⁾ Тамъ же. ⁽³⁰⁷⁾ Тамъ же, 21. ⁽³⁰⁸⁾ Тамъ же.

валось на западъ теченіемъ Случи и Горыни, — Пересопица и Дорогобужъ, лежавшіе по симъ рѣкамъ, принадлежали уже къ Туровскому княжеству ⁽³⁰⁹⁾; а на юго-западъ пограничными городами были Котельница, Межибожье и Божескій, отъ верхнихъ притоковъ Тетерева къ Восточному Бугу; въ 1148 году Изяславъ, посылая Ростислава въ Божескій, говорилъ ему: «а ты постережи земли Русской отголѣ» ⁽³¹⁰⁾. На сѣверѣ за Туровскими владѣніями Слуцкъ, и Клымскъ и вся страна Дрезовичей принадлежали сперва Владимиру Давыдовичу, а потомъ Святославу Ольговичу, Новгородъ - Сѣверскому князю ⁽³¹¹⁾. Яснѣе всего опредѣляетъ границы Кіевскихъ владѣній на западъ слѣдующее извѣстіе летописи: Мстиславъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Волынскаго, провожая въ 1150 году Глѣба Юрьевича изъ Доробужа въ Корческъ, переѣхавши Корческъ, говорилъ ему: «поѣди брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину» ⁽³¹²⁾; то же говорилъ Изяславъ Андрею Боголюбскому въ Пересопицѣ: «а проси ми у отца волости по Горину» ⁽³¹³⁾. Слѣдовательно, Кіевскія владѣнія не доходили на западъ и до Горыни, и здѣсь первымъ Кіевскимъ городомъ былъ Корческъ, нынѣшній Корець, на Корчякѣ, притоцѣ Случи. За Корческомъ на востокъ слѣдовалъ Кіевскій городъ Ушескъ, гдѣ-нибудь при верховьяхъ Уши, можетъ-быть нынѣшній Ушомиръ. А на юго-западѣ прямо за Горыню на востокъ, можетъ-быть въ нынѣшнемъ Заславскомъ уѣздѣ, начиналась жилища Черныхъ Клобуковъ, завистѣвшихъ отъ Кіевского князя; ибо Изяславъ изъ Пересопицы и Дорогобужа шелъ къ нимъ на Гольско, кажется нынѣшняя Гульча, и Кувиль, нынѣшній Куневъ или Уневъ, въ Острожскомъ уѣздѣ при верховьяхъ Горыни, куда къ нему немедленно явились Черные Клобуки, съ которыми онъ и отправился къ Кіеву ⁽³¹⁴⁾. По дорогѣ изъ Галича къ Кіеву южными Кіевскими городами были Волохова, нынѣшніе Волосовцы, недалеко отъ восточнаго Буга, на сѣверѣ, въ нынѣшнемъ Хмельницкомъ уѣздѣ, — Прилукъ

⁽³⁰⁹⁾ Ипат., стр. 46. ⁽³¹⁰⁾ Тамъ же, 39. ⁽³¹¹⁾ Тамъ же, 45. ⁽³¹²⁾ Тамъ же, 49. ⁽³¹³⁾ Тамъ же, 52. ⁽³¹⁴⁾ Тамъ же, 49.

за Бугомъ, на востокъ на Деснѣ, впадающей въ Бугъ, Ярополчъ и Мунаревъ, вѣроятно при верховьяхъ Роси, или даже за Россю, т. е. на правомъ ея берегу; здѣсь въ 1160 году Владиміръ Андреевичъ и Ярославъ Изяславичъ и Галичане избили Половцовъ, возвращавшихся съ полономъ въ степи ⁽³¹⁵⁾, — Володаревъ, нынѣшняя Володарка, также на правомъ берегу Роси, въ нынѣшнемъ Таращанскомъ уѣздѣ. По направленію къ востоку отъ Володарева слѣдовало Перепетово, потомъ Ольшаница, впадающая въ Рось съ лѣвой стороны; за Ольшаницею къ Кіеву слѣдовала Стugna, за Стугною Тумащъ и далѣе Звенигородъ; всѣ сіи мѣста вѣроятно были въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ ⁽³¹⁶⁾.

Походъ Изяслава къ Кіеву въ 1150 году указываетъ на слѣдующіе по дорогѣ города. Изяславъ, двинувшись изъ своихъ Волынскихъ владѣній, прежде всего подошелъ къ Пересопицѣ, самому юго-западному городу Туровской области на Стублѣ, впадающей въ Горынь; нѣсколько южнѣе Пересопицы стоялъ Зареческъ, по сожженіи котораго Изяславъ сталъ у Мильска, въ нынѣшнемъ Острожскомъ уѣздѣ, между Зарѣческимъ и Дорогобужемъ; далѣе пошелъ на Дорогобужъ, стоявшій на западномъ берегу Горыни, недалеко отъ нынѣшняго Равно; потомъ прямо отъ Дорогобужа за Горынью было мѣстечко Хотрип, откуда шла дорога на Корческъ; отъ Корческа Изяславъ пошелъ по теченію Корчика на сѣверъ, и остановился недалеко отъ впаденія Корчика въ Случь. Потомъ, перешедъ Случь, Изяславъ пошелъ на Чертовъ Лѣсъ къ Ушеску, гдѣ переправился черезъ Ушу. Чертовымъ Лѣсомъ вѣроятно назывался лѣсъ, покрывавшій все пространство отъ впаденія Корчика въ Случь до самой Уши; ибо одинъ Галичанинъ, захваченный въ бою на Уши, говорилъ Изяславу, что Владиміръ Галицкій стоитъ прямо за городомъ въ первомъ лѣсу. Отъ Уши Изяслава дорога, по сказанію лѣтописи, шла на Святославию Крилицу, можетъ - быть на нынѣшній Святець, идя по правому берегу Уши на сѣверовостокъ. Эта дорога явно отдаляла Изяслава отъ Кіева; но онъ ее держался до времени для

⁽³¹⁵⁾ Ипат., стр. 86. ⁽³¹⁶⁾ Тамъ же, 50—51.

того, чтобы обмануть гнавшагося за нимъ по пятамъ Владимира Галицкаго; а потомъ, миновавъ переправу черезъ Иршу, вдругъ поворотилъ къ югу, чтобы соединиться съ дружинниками, жившими по Тетереву, въ чемъ вполне и успѣлъ. Своротивъ ночью отъ Святослави Кривницы на Мичьскъ, стоявшій вѣроятно на лѣвомъ берегу Тетерева; ибо Изяславъ, по словамъ лѣтописи, отъ Мичьска переправился черезъ Тетерева, и оттуда пришелъ на Здвижень, а отъ Здвижени къ Бѣлгороду, подъ которымъ, кажется, былъ Обрамль мостъ чрезъ Ирпень. Если Святослави Кривница есть нынѣшній Святецкъ, то очевидно Мичьскъ стоялъ далѣе на сѣверовостокъ отъ нынѣшняго Родомысла, можетъ-быть гдѣ нынѣшній Унинъ или Кихорье; что кажется и вѣроятнѣе, ибо по этой дорогѣ не было рѣкъ, которыя бы затрудняли путь; поворачивая же на Родомыслъ нужно было перебираться черезъ Иршу и еще двѣ три рѣчки, гдѣ на переправахъ могъ бы догнать Изяслава князь Галицкій и пересѣчь дорогу къ Киеву. Изяславу всего нужнѣе было избѣгнуть остановокъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, идя по дорогѣ отъ Святецка на Унинъ; ночной переходъ и невѣрные рѣчекъ по дорогѣ до самаго Тетерева много способствовали ему; Галицкій князь едва только могъ дойти до Мичьска, когда Изяславъ вступилъ уже въ Киевъ, по дорогѣ же на Родомыслъ переправа черезъ Иршу могла его остановить. По занятіи Києва Изяславомъ, сыновья Долгорукаго, Андрей и Владиміръ, сопровождавшіе Галицкаго князя отъ Пересопицы, разставшись съ нимъ у Мичьска, пошли на Давыдову Боженку къ устью Припети для переправы черезъ Двѣпръ къ Остерскому Городку, куда уже убрался Юрій Долгорукій⁽²¹⁷⁾. Этотъ походъ Изяслава ясно показываетъ, что ему хорошо была извѣстна вся мѣстность западной Руся. Въ походѣ Мстислава Изяславича съ Угорскими полками на помощь къ отцу въ Киевъ упоминается мѣстечко Сапогивъ, по смыслу лѣтописи неподалеку отъ Дорогобужа⁽²¹⁸⁾; вѣроятно нынѣшній Сапожинъ, на дорогѣ отъ Дорогобужа къ Корческу.

⁽²¹⁷⁾ Плат., 54—57. ⁽²¹⁸⁾ Тамъ же, 65.

Въ первый годъ по смерти Изяслава (1154 г.) упоминается доселѣ неизвѣстный городъ Пересѣчень; онъ по всему вѣроятію стоялъ между Києвомъ и Вышгородомъ; ибо преемникъ Изяславоу Ростиславъ, собирая дружину на Половцовъ, остановился въ Пересѣченѣ, выступивъ изъ Києва, и потомъ отъ Пересѣчена прошелъ къ Вышгороду, подъ которымъ началъ переходить черезъ Двѣпръ⁽³¹⁹⁾.

По смерти Вячеслава, когда Юрій Долгорукій снова утвердился въ Києвѣ, уже владѣнія Киевскія на югѣ граничили Поросьемъ, а съ запада и сѣвера къ нимъ присоединялись Туровскія земли. Юрій раздѣлилъ ихъ между своими дѣтьми такимъ образомъ: Андрею далъ Вышгородъ, Борису-Туровъ и Васильку-Поросье; а потомъ, желая, всѣ Туровскія владѣнія присоединить къ Києву, выгналъ изъ самаго юго-западнаго Туровскаго города Пересопницы Мстислава Изяславича князя Владиміра Волынскаго⁽³²⁰⁾. Между Туровскими городами около этого времени упоминается въ первый разъ Мозырь, данный Юрьемъ Святославу Ольговичу. Западная граница Киевскихъ владѣній этого времени очень ясно опредѣляется неудачнымъ походомъ Юрія подъ Владиміръ Волынскій; Юрій, возвращаясь изъ Волыни, недобывъ тамъ ни одного города для своего племянника Владиміра Андреевича, отдалъ ему Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ погорыньскіе города до Турова, который оставилъ за своимъ сыномъ Борисомъ⁽³²¹⁾. Слѣдовательно, Горынь была и въ это время болѣе или менѣе постоянною границею Киевскихъ владѣній съ Волынью.

Послѣ Юрія Долгорукаго Киевскія владѣнія на сѣверѣ значительно сократились; ибо къ нимъ уже не принадлежали нѣтолько земли за Припетью, но и самыя города по южному берегу Припети; Туровъ, Пинскъ, и другіе составляли отдѣльное владѣніе, гдѣ былъ княземъ Юрій Ярославичъ, котораго въ 1158 году не могъ выгнать оттуда тогдашній Киевскій князь Изяславъ Давыдовичъ⁽³²²⁾. Та же граница на сѣверъ осталась и послѣ Изяслава Давыдо-

⁽³¹⁹⁾ Ипат., 75. ⁽³²⁰⁾ Тамъ же, 77—78. ⁽³²¹⁾ Тамъ же, 80. ⁽³²²⁾ Тамъ же, 82.

вича ⁽²²³⁾. При Ростиславѣ Мстиславичѣ упоминаются города, отъ Котельниці (нынѣшней Котельня) къ Бѣлгороду, Митюжирь и Кучари, нынѣшніе Кочерово въ Родомысльскомъ уѣздѣ, и Мотыжинъ, близъ Бѣлгородка; лѣтопись говоритъ: Мстиславъ и Рюрикъ отъ Котельниці пошли къ Бѣлгороду на Митюжирь и прежде пришли къ Кучарѣ. Потомъ отъ Бѣлгорода къ Киеву или вообще къ Днѣпру упоминаются мѣста Желань и Буличъ, на которыя шелъ Изяславъ Давыдовичъ, бѣжавшій отъ Бѣлгорода. Буличъ можетъ-быть нынѣшняя деревня Бѣлича на сѣверо-востокъ отъ Бѣлгорода къ Днѣпру; на это прямо указываетъ лѣтопись: она говоритъ, что за Буличемъ къ Днѣпру были озера, близъ которыхъ убитъ Изяславъ Давыдовичъ; они и теперь есть за Бѣличами у Днѣпра ⁽²²⁴⁾. При Мстиславѣ Изяславичѣ Кіевскія владѣнія стѣснились еще болѣе; на сѣверъ они недоходили уже далѣе устья Припети, а на западъ Овручъ и верховья Уши не принадлежали уже Киеву; на югъ Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій уже объявлялъ притязаніе на Торческъ и все Поросье. А когда Андрей Юрьевичъ Боголюбскій прислалъ свои войска на Мстислава Изяславича; то за Кіевскимъ княземъ оставался уже почти одинъ Кіевъ съ ближайшими къ нему пригородами. По взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго и особенно по смерти Андреева братъ Глѣба, когда Кіевъ былъ переданъ Ростиславичамъ Смоленскимъ, Кіевскія владѣнія рѣшительно раздробились; такъ: Торческъ съ Поросьемъ принадлежалъ Михайлѣ Юрьевичу—брату Боголюбскаго, Кіевъ—Роману Ростиславичу Смоленскому, Бѣлгородъ его брату—Рюрику, и Вышгородъ другому брату—Мстиславу ⁽²²⁵⁾. Послѣ сего страны по правую сторону Днѣпра никогда не соединилось надолго въ одну обширную область, и границы Кіевскихъ владѣній измѣнялись и зависли отъ случая и средствъ князей, занимавшихъ Кіевъ, такъ что въ настоящее время, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы даже не можемъ слѣдить за безпрестаннымъ и совершенно

⁽²²³⁾ Ипат., стр. 86. ⁽²²⁴⁾ Тамъ же, 90. ⁽²²⁵⁾ Тамъ же, 106.

случайнымъ ихъ измѣненіемъ. Прежняго Кіевскаго княжества, со взятія Кіева войсками Боголюбскаго, уже больше не было; но по временамъ бывали болѣе или менѣе пространныя владѣнія то Ростиславичей, то Ольговичей, занимавшихъ попеременно Кіевъ; но владѣнія сіи не были уже собственно Кіевскими владѣніями: Кіевъ палъ безъ возврата и продолжалъ еще жить только чужею жизнью, а не своею, т. е. князья Кіевскіе бывали болѣе или менѣе сильными уже не Кіевскими силами, но собственными своими средствами, получаемыми или съ Волыни, или изъ Смоленска, или изъ Чернигова. Такъ продолжалось до конечнаго разоренія Кіева Монголами въ 1240 году. При Монголахъ Кіевъ сперва сдѣлался жилищемъ ихъ баскаковъ; такъ въ лѣтописи подъ 1257 годомъ говорится, что всѣ Кіевскіе города отъ Межибожья, при верховьяхъ восточнаго Буга, до Корческа и, по Тетереву, до Жидичева были за Татарами; потомъ тамъ утвердились незначительныя Русскіе князья, и наконецъ при Гедиминѣ онъ со всѣмъ припадѣпровскимъ краемъ достался Литвѣ.

Ближайшимъ сосѣдомъ Кіевскихъ владѣній на западъ и сѣверъ были владѣнія Туровскія; они, какъ мы уже замѣтили выше, то отдѣлялись отъ Кіевской области, то соединялись съ нею. Болѣе или менѣе постоянною границею ихъ на западъ была рѣка Горынь и частію Стырь въ своихъ низовьяхъ, за которыми уже начинались владѣнія Волынскія. Здѣсь были Туровскіе города пограничныя—Дорогобужъ, Мильскъ, Зарѣчскъ и Пересопица; а на сѣверѣ болѣе постоянною границею была рѣка Припеть, гдѣ лежали города—Пинскъ, Туровъ и Мозырь; но иногда Туровскія владѣнія въ эту сторону переходили и за Припеть до Слуцка и Несвижа. Восточныхъ и южныхъ границъ опредѣлить нельзя; ибо они по близкимъ связямъ Кіевскихъ и Туровскихъ владѣній измѣнялись постоянно. Впрочемъ въ послѣднее время, т. е. въ концѣ XII вѣка и въ XIII-мъ съ довольною вѣрностію можно признать Овручъ или Вручій и нынѣшній Искорость пограничными Туровскими городами съ Кіевскою землею. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ, владѣвшій Кіевомъ послѣ Романа Ростиславича, преимущественно жилъ въ Овручѣ, Туровскомъ городѣ, пограничномъ съ Кіевскими

владѣніями⁽³²⁶⁾. Посреди Туровскихъ владѣній протекала рѣка Случь; на западномъ берегу этой рѣки было Бѣлобережье, чрезъ которое шла дорога изъ Кіева въ Галичь. Бѣлобережье, по смыслу лѣтописи, вѣроятно находилось недалеко отъ впаденія въ Случь рѣки Деревной, въ южномъ краю Новгородъ-Волынскаго уѣзда; ибо въ лѣтописи сказано: «двиге рать Андрей королевичъ (изъ Галича) на Даника и иде къ Бѣлобережью, Володиславу же бѣхавшу восторожѣ отъ Даника изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи: и бившимся имъ о рѣку Случь, и говиша до рѣки Деревное и лѣса Чертова»⁽³²⁷⁾. Неподалеку отъ Бѣлобережья было и Половное, упоминаемое въ лѣтописи подъ 1234 годомъ; оно, по смыслу лѣтописи, такъ же какъ и Бѣлобережье, лежало на дорогѣ изъ Волыни и Галича въ Кіевъ, ибо здѣсь Данилъ Романовичъ изъ Галича нагналъ Александра Бѣльскаго, когда тотъ изъ Бѣльска пробирался въ Кіевъ. Селеніе Половное и теперь еще находится въ этомъ краю, именно въ южной оконечности Новгородъ-Волынскаго уѣзда, на одномъ изъ притоковъ Случи съ лѣвой стороны.

На западъ отъ Туровскихъ владѣній лежали земли Волынскія; они на востокъ сходились по рѣкѣ Горыни съ Туровскими и Кіевскими владѣніями, на югъ съ Галицкими, на западъ съ Польскими и на сѣверъ съ Литовскими. Въ XII, XIII и началѣ XIV столѣтій Волынь постоянно принадлежала потомству старшаго Мономахова сына Мстислава и преимущественно была за Изяславомъ Мстиславичемъ, его сыновьями, внуками и правнуками. Главнымъ городомъ Волынской земли былъ Владиміръ Волынскій на рѣкѣ Лугѣ, впадающей въ Западный Бугъ, потомъ на юго-востокъ отъ Владиміра Луцкъ на рѣкѣ Стырѣ, также одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ, и еще далѣе на юго-востокъ на Стырѣ же лежалъ третій Волынскій городъ Дубенъ.

Въ этомъ краю, т. е. на востокъ отъ Владиміра Волынскаго и Луцка были еще волынскіе города: Чемеринъ на Олыкѣ, впадающей въ Горынь съ западной стороны, на востокъ отъ Луцка, на сѣверъ отъ Дубна, что совершенно согласно съ извѣстіемъ лѣтописи, въ которой сказано: что Изяславъ съ своими союзниками, въ 1149 году, узнавши, что Юрій уже въ Персоп-

⁽³²⁶⁾ Ипат., 147—148. ⁽³²⁷⁾ Тамъ же, 172.

ницѣ, «подоша отъ Лучьска и шедше сташа у Чемерина на Олычѣ» ⁽²²⁸⁾. Нѣсколько южнѣ Чемерина, по дорогѣ къ Лудку, былъ городъ Муравица, у котораго въ 1149 году останавливались сыновья Юрья; по словамъ лѣтописи Муравица должна была стоять нѣсколько западнѣ Дубна, ибо сыновья Юрія не успѣвши взять этого города отступили къ Дубну ⁽²²⁹⁾. Потомъ въ этомъ же краю на Стырѣ, на сѣверъ отъ Луцка, лежали Волинскіе города Жидичинъ и Черторьскъ. Лѣтопись подъ 1227 годомъ прямо говоритъ, что Жидичинъ былъ ближе къ Лудку, ибо когда Данилъ Романовичъ пришелъ молиться Св. Николѣ въ Жидичинъ, то Ярославъ, бывшій тогда княземъ въ Лудкѣ, звалъ его къ себѣ ⁽²³⁰⁾; а о Черторьскѣ та же лѣтопись подъ 1226 годомъ упоминаетъ, что онъ былъ ближе къ Пинску ⁽²³¹⁾. Подъ 1183 годомъ упоминается о князѣ Дубровицкомъ; нынѣ есть деревня Дубровицана лѣвомъ берегу Горыни нѣсколько выше владенія въ нее Случи. Дубровица сіа не была ли Волинскимъ городомъ?

На югѣ Волинскими городами ближе къ Галицкимъ границамъ были Бѣльзъ, прямо на югъ отъ Владиміра Волинскаго на Западномъ Бугѣ, и, при его верховьяхъ, Бужескъ; а нѣсколько сѣвернѣ сихъ городовъ и ближе къ Владиміру Полонный. По свидѣтельству лѣтописи онъ былъ между Владиміромъ и Луческомъ, но нѣсколько южнѣ ихъ; ибо Владиміръ Галицкій во время осады Луческа Юріемъ, пришелъ изъ Галича «ста на Полоной между Владиміромъ и Луческомъ, и тако развѣхалъ» ⁽²³²⁾, т. е. отдѣлил Юрія отъ Изяслава, спѣшившаго съ полками изъ Владиміра на выручку къ Луческу. Далѣе на юго-востокъ отъ Бужеска стоялъ Перемиль, ближайшій къ Галицкимъ владѣніямъ, о чемъ свидѣтельствуется лѣтопись подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано, что Владиміръ Галицкій «пожегъ волость Романа Волинскаго у Перемля» ⁽²³³⁾. Арцыбашевъ находитъ деревню Перемилевъ неподалеку отъ Тереховля, и думаетъ, что здѣсь былъ древній Перемиль, но такому указанію прямо противорѣчитъ лѣтопись подъ 1283 годомъ, гдѣ сказано, что Телебуга въ

⁽²²⁸⁾ Ипат., стр. 46. ⁽²²⁹⁾ Тамъ же. ⁽²³⁰⁾ Тамъ же, 167. ⁽²³¹⁾ Тамъ же, 166.

⁽²³²⁾ Тамъ же, 47. ⁽²³³⁾ Тамъ же, 149.

своемъ походѣ на Ляховъ отъ Кременца прямо шелъ къ Перемилю, и потомъ къ Бужску, и отъ Бужска, на Владиміръ Вольнскій ⁽³²⁶⁾. Конечно ему на походѣ къ Бужску вовсе не нужно было сворачивать далеко на югъ къ Теробовлю; слѣдовательно Перемилля должно искать между Кременцомъ и Бужскомъ, гдѣ нибудь на рѣкѣ Липѣ. За Перемилемъ къ юго-востоку слѣдовалъ Выгошевъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1152 годомъ между Вольнскими города Бужскомъ, Шумскомъ и Тихомлемъ ⁽³²⁷⁾. Въ этомъ краю и теперь еще существуетъ мѣстечко Вышгородка въ Кременецкомъ уѣздѣ на юго-западъ отъ Кременца; а Карамзинъ полагалъ, что Выгошевъ послѣ былъ названъ Вышградомъ ⁽³²⁸⁾. Еще восточнѣе Выгошева нѣсколько къ югу былъ Вольнскій городъ Станковъ на лѣвомъ берегу Серети; а отъ Станкова прямо на сѣверъ Тихомль; ибо въ лѣтописи подъ 1153 годомъ сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ своемъ походѣ на Ярослава Владиміровича Галицкаго, отъ Тихомля «пойде къ Станкову; ту же и Галичскій князь вышелъ полки свои. Изяславъ же пусти Володимира Андреевича, и сына своего Мстислава и Черныи Клобуки битися съ ними о рѣку Сереть, а самъ пойде къ Теробовлю» ⁽³²⁷⁾. Сѣвернѣе Тихомля были города: къ западу Кременецъ, а къ востоку Шумскъ и восточнѣе Шумеска Гнойница. Подъ 1152 годомъ лѣтописи говорятъ: «Изяславъ посла посадники своя въ городы: въ Бужескъ, Шумескъ, Тихомль, у Выгошева и Гнойницу» ⁽³²⁸⁾. О Бужескѣ, Тихомлѣ и Выгошевѣ мы уже говорили; а о мѣстоположеніи Шумеска есть свидѣтельство лѣтописи подъ 1231 годомъ, гдѣ она говоритъ: «Данилови же снемшуся съ братомъ, и постиже я (королевича Андрея и его союзниковъ, шедшихъ изъ Галича) у Шумска, и повѣствоваста съ ними о рѣку Велью» ⁽³²⁹⁾; слѣдовательно Шумскъ былъ на лѣвомъ берегу Вельи, впадающей въ Горынь, гдѣ и теперь еще есть селеніе Шумскъ въ 35 верстахъ отъ Кременца. Прямаго указанія мѣстности Гнойницы лѣтописи не представляютъ; изъ нихъ мы можемъ видѣть только то, что Гнойница должна быть около Шумска; а въ настоящее время на востокъ отъ Шумска при Горыни дѣй-

⁽³²⁶⁾ Архив. II. 300, Ипат. стр. 212. ⁽³²⁷⁾ Тамъ же, 69. ⁽³²⁸⁾ Кар. II. 192. ⁽³²⁹⁾ Ипат., 73. ⁽³³⁰⁾ Тамъ же, 69. ⁽³³¹⁾ Тамъ же, 172.

ствительно находятся два селенія, большая и малая Гнойница, которыя, непротиворѣча смыслу лѣтописи, могутъ означать мѣстность древней Гнойницы. Самыми южными городами Волынскими были Каменецъ на рѣкѣ Смотрицѣ, недалеко отъ впаденія въ Днѣпръ, гдѣ нынѣ Каменецъ-Подольскъ, и еще южнѣе Каменца Колоджинъ, нынѣшній Лодыжинъ въ Гайсинскомъ повѣтѣ на правомъ берегу Восточнаго Буга. Оба сіи города были ближайшими къ кочевьямъ Черныхъ Клобуковъ, завистѣвшихъ отъ Кіевского князя. Въ первый разъ о Каменцѣ лѣтописъ упоминаетъ подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано: «Володимеръ (Галицкій Ярославичъ) повоева и пожже волость Романову (Волынскаго Мстиславича) около Перемиля, а отсель Ростиславъ Рюриковичъ (княжившій въ Торческѣ) съ Володимеричи и съ Чернымъ Колбукомъ, ѣхавше, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца» ⁽²⁴⁰⁾. То же подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1228 годомъ, гдѣ упоминается, что Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій «всади Котаня на конь, и вси Половци и придоша къ Каменцю» ⁽²⁴¹⁾. Оба сіи свидѣтельства ясно говорятъ, что упоминаемый здѣсь Каменецъ былъ именно тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Каменецъ-Подольскъ; особенно первое свидѣтельство прямо указываетъ на него; ибо Ростиславу Рюриковичу изъ Торческа всего ближе было подойти съ Черными Клобуками къ Каменцу Подольскому, да и для Владиміра Рюриковича, шедшаго на Волынь изъ Поросья, онъ долженъ быть также однимъ изъ ближайшихъ Волынскихъ городовъ. На ту же мѣстность Каменца указываетъ и третье свидѣтельство лѣтописи подъ 1235 годомъ, гдѣ она говоритъ: «Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховскіи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю» ⁽²⁴²⁾. Каменецъ-Подольскій былъ ближайшимъ городомъ Волынскимъ и для Галичанъ съ одной стороны, и для Болоховскихъ князей, жившихъ при верховьяхъ Восточнаго Буга съ другой стороны. О Колоджинѣ лѣтописъ упоминаетъ подъ 1240 годомъ при описаніи похода Батыева отъ Кіева къ Владиміру Волынскому; вотъ ея слова:

⁽²⁴⁰⁾ Ипат., 149. ⁽²⁴¹⁾ Тамъ же, 166. ⁽²⁴²⁾ Тамъ же, 174.

«Батью вземшу градъ Кіевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, повде самъ Володимірю и приде къ городу Колодажну, и постави порока 12 и не може рубити стѣны, и начатъ перемолвливати люде; они же послушавше злого совѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю Изяславию взать я, видѣвъ же Кременецъ градъ Даниловъ, якоже невозможно пріяти ему, и отъиде отъ нихъ, и приде къ Володимерю, и взя и коньемъ» (442). Это свидѣтельство ясно говоритъ, что Колодажнѣ долженъ быть самымъ восточнымъ Волинскимъ городомъ на югѣ, и Арцыбашевъ очень вѣрно указываетъ мѣстность его на правомъ берегу Восточнаго Буга, гдѣ нынѣ село Ладыжинъ, отъ котораго прямая дорога идетъ къ Каменцу. Здѣсь нельзя принять никакихъ другихъ указаній на Колодажну, хотя и до сего времени сохранились съ симъ именемъ мѣстечки въ Луцкомъ и Новгородъ-Волинскомъ уѣздахъ, ибо и то и другое были не на пути Батыя къ Владиміру. Если признать за лѣтописный Колодажнѣ Луцкую Колодажъ, то зачѣмъ бы Батью, бывши въ Луцкомъ уѣздѣ почти подъ самымъ Владиміромъ, сворачивать совершенно назадъ къ Кременцу; а если принять Колодажну Новгородъ Волинскую, что на Случѣ, то прямая дорога Батью отъ этой Колодажны къ Владиміру шла на Кременецъ; по лѣтописи же онъ отъ Колодажна шелъ сперва на Каменецъ, куда отъ Случи нужно было за-даваться слишкомъ далеко на югъ, вовсе не по дорогѣ къ Владиміру. Искать же Каменца гдѣ нибудь въ Ковельскомъ уѣздѣ, напримѣръ на мѣстѣ деревни Камень Каширскій, мы не имѣемъ никакого права; ибо зачѣмъ же Батью изъ Ковельскаго уѣзда идти назадъ къ Кременцу почти мимо Владиміра, къ которому онъ по всему вѣроятію очень спѣшилъ, ибо подошедъ къ Кременцу и, видя крѣпость его стѣнъ, даже не попробовалъ осадить его.

Изъ опредѣленія мѣстности перечисленныхъ нами южныхъ Волинскихъ городовъ мы явно видимъ, что Волинская граница на югѣ шла по верховьямъ Западнаго Буга и по лѣвому берегу Серети до впаденія ея въ Днѣстръ; по-

(442) Ипат., стр. 178.

томъ, пройдши по лѣвому берегу Днѣстра, можетъ-быть до нынѣшняго Могилево на Днѣстрѣ, переходила на правый берегъ Восточнаго Буга, гдѣ крайнимъ Волинскимъ городомъ былъ Колодажнѣ.

Волинскіе города, лежащіе на западъ отъ Владиміра, были слѣдующіе: Угровескѣ, Устилугъ, Володава, Берестье и Дрогичинѣ по правому берегу Западнаго Буга; потомъ Верещинѣ, Комовъ и Охажъ по лѣвому берегу Буга; и далѣе на западъ между Бугомъ и Вепремъ Грубешевъ, Грибовицы, Тернова, Ухань, Червень, Холмъ, Столпье и Пуговно. Границею Волины съ этой стороны, кажется, была во первыхъ рѣка Вепрь, которая отдѣляла Волину отъ Польши; ибо подъ 1213 годомъ лѣтопись говоритъ, что когда Ляхи стали воевать около Буга, то Данилъ выслалъ противъ ихъ свои полки, которые разбили ихъ и гнали до рѣки Вепря ⁽³⁴⁴⁾. Города Берестье, Угровескѣ, Верещинѣ, Стоянье и Комовъ, въ XIII вѣкѣ именно назывались городами украинными; такъ подъ 1213 годомъ въ лѣтописи сказано: «Данилу же возвратившуся къ домови, и ѣха съ братомъ, и прія Берестій, Угровескѣ, Верещинѣ, Столпье, Комовъ и всю крайну» ⁽³⁴⁵⁾. Наименованія сихъ городовъ и донынѣ еще сохранились въ названіяхъ мѣстечекъ и селеній на показанныхъ нами мѣстахъ; а что города сія въ древности именно были въ этомъ краю, на это мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ лѣтописи. Такъ о Берестьи съ довольною подробностію говорится подъ 1097 годомъ, гдѣ Ляхи говорятъ Давыду Игоревичу: «повиди съ нами Берестью, яко се вабитъ ны Святополкъ на снемъ, и послушавъ ихъ Давылъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу» ⁽³⁴⁶⁾. Здѣсь мы явно видимъ, что Берестье было на Западномъ Бугѣ, гдѣ и теперь Брестъ Литовскій. Объ Угровескѣ лѣтопись упоминаетъ нѣсколько разъ; такъ подъ 1204 годомъ сказано: «Александръ (при помощи Ляховъ захватившій Владиміръ Волинскій у Романовичей) прія Угровескѣ, Верещинѣ, Столпье и Комовъ» ⁽³⁴⁷⁾. Подъ 1213 годомъ Угровескѣ,

⁽³⁴⁴⁾ Ипат., 160. ⁽³⁴⁵⁾ Тамъ же. ⁽³⁴⁶⁾ Лавр., 114. ⁽³⁴⁷⁾ Ипат., 157.

какъ мы уже видѣли, былъ причисленъ къ украиннымъ городамъ; подъ 1223 годомъ лѣтопись, перечисляя Владимірскихъ епископовъ, между прочимъ упоминаетъ: «бѣ бо преже того епискупъ Асафъ во Угровскы» ⁽²⁴⁸⁾. Подъ 1229 годомъ сказано: «Данилъ и Василько идоста на войну (въ Ляхи), оставиша же въ Берестѣи Володимера Пиньскаго и Угровчаны и Берестьяны, стеречи земли отъ Ятвязь» ⁽²⁴⁹⁾; и далѣе подъ тѣмъ же годомъ: «Данилови будущю во Угровцѣ, прислаша Галичаве, рекуше: яко Судиславъ шелъ естъ въ Понизы, а Королевичъ въ Галичи осталъ; а поиди борже. Данилови же собравшу вой во борзѣ, посла Димьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичи изъ Угровска; и во третій день бывшу ему на ночь во Галичѣ» ⁽²⁵⁰⁾. Всѣ сии свидѣтельства показываютъ, что Угровскъ стоялъ неподалеку (отъ Владиміра, и былъ одинъ изъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ Воливи, ибо въ немъ жили и епископы и князья Владимірскіе, и Данилъ поручалъ Угровчанамъ и Берестьянамъ защищать Волинскую землю отъ Ятвяговъ. Изъ послѣдняго же свидѣтельства мы видимъ, что Угровскъ долженъ былъ находиться на югъ отъ Владиміра ближе къ Галицкой землѣ; ибо Данилъ изъ Угровска въ 1229 году выступилъ въ походъ къ Галичу; а второе свидѣтельство называетъ Угровскъ украиннымъ городомъ наравнѣ съ Берестьемъ и другими Прибужскими городами. Слѣдовательно Угровскъ находился при Бугѣ, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ селеніе Угрунскъ, или около этого мѣста. Подъ 1259 годомъ есть въ лѣтописи извѣстіе, что Угровскъ построенъ Даниломъ: «Данилови бо князю во Володимерѣ, созда градъ Угорескъ и постави во немъ Пискупа» ⁽²⁵¹⁾. Въ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій, изъ которыхъ бы можно было прямо опредѣлить мѣстность Верещины; но какъ оная два раза упоминается въ лѣтописяхъ между Угровскомъ, Берестьемъ, Комовымъ и Столпьемъ, и притомъ подъ 1213 годомъ названа въ числѣ прочихъ украиннымъ городомъ; то съ довольною вѣроятностію ее можно поставить тамъ, гдѣ нынче мѣстечко Верещина, т. е. неподалеку отъ Грубешева на лѣвомъ берегу Буга. На такомъ же

⁽²⁴⁸⁾ Ипат., стр. 163. ⁽²⁴⁹⁾ Тамъ же, 168. ⁽²⁵⁰⁾ Тамъ же, 169. ⁽²⁵¹⁾ Ипат. 196.

основаніи и городъ Столпье, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1213 годомъ, можно отнести къ тому мѣсту, гдѣ нынче стоитъ селеніе Столпье на сѣверо-западъ отъ Холма по дорогѣ въ Люблинъ на притокѣ рѣки Угера, какъ указалъ Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ⁽³²²⁾. Мѣстность Комова и Уханей довольно хорошо опредѣляется лѣтописью подъ 1205 годомъ, гдѣ сказано: «Литва же и Ятвѣзѣ воеваху и повоеваша Турискъ и около Комова оли и до Червена, и бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³²³⁾. Слѣдовательно Комовъ и Ухани должно искать за Бугомъ на западъ подлѣ Червена, гдѣ дѣйствительно и теперь есть селенія: Ухани на полдорогѣ изъ Грубешева въ Красныставъ, и Комовъ на сѣверъ отъ Уханей къ Холму, за Червенемъ, почти прямо противъ Туриска. Для опредѣленія же мѣстности Червена мы обратимся къ свидѣтельству Карамзина, который говоритъ, что Червень есть нынѣ простое селеніе, и называется Чернеевъ, близъ Холма на югъ. Для объясненія этого положенія приводитъ слѣдующія мѣста Вольнской лѣтописи: «Кондратови ставшу, гдѣ нынѣ градъ холмъ стоитъ, пославшю ему къ Червну воевати» и другое: «Литва же и Ятвизи бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³²⁴⁾. Сіи мѣста лѣтописей ясно указываютъ, что Червень былъ между Холмомъ и Уханами, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе Чернеевъ. Подъ 1255 годомъ лѣтописъ упоминаетъ о Грубешевѣ; по ея словамъ: Данилъ, отпуская сына своего Романа съ полками въ Галичъ (вѣроятно изъ Холма), «а самъ ѣха проводить вой овоихъ; ѣдушу же ему до Грубешева, и уби вепревъ шесть, и вдасть мяса во емъ на путь» ⁽³²⁵⁾. Изъ этого свѣстія видно, что Грубешевъ стоялъ на западномъ берегу Буга на югъ отъ холма ближе къ Галицкимъ гравцамъ, вѣроятно тамъ, гдѣ и нынче стоитъ городъ Грубешевъ. Подъ 1150 годомъ лѣтописъ упоминаетъ, что Изяславъ Мстиславичъ, находясь съ своими союзниками Уграми во Владимірѣ: «послалъ баше Угры на покормъ Устилогъ» ⁽³²⁶⁾. Очевидно, Устилогомъ называлось то мѣсто, гдѣ было устье рѣки Луга (на которой стоитъ Владиміръ Вольнскій), которое еще и теперь со-

⁽³²²⁾ Т. IV, стр. 197. ⁽³²³⁾ Ипат., 157. ⁽³²⁴⁾ Ист. Г. Р. Т. I, прим. 131. ⁽³²⁵⁾ Ипат., 192. ⁽³²⁶⁾ Тамъ же, 53.

хранило это названіе. Подъ 1248 годомъ упоминается о нападеніи Ятвяговъ на Забужье: «Воеваша ятвязѣ около Охожѣ и Бусовна, и всю страну ту поплениша, еще бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ. Гна же по нихъ Василько изъ Володиміря, угони ѣ, и бывшу ему третій день изъ Володиміря въ Дорогычинѣ, онѣмъ же бьющимся у Дорогычинскихъ воровъ, и приде на нѣ Василько; онѣмъ же възвѣхавшимъ противу и нестерпѣвшимъ отъ лица Василкова»⁽²⁵⁷⁾. Въ этомъ извѣстіи мы встрѣчаемъ города Бусовна, Охожъ, Холмъ и Дорогычинъ. Холмъ нынѣ называется Хелмъ, и мѣстность его намъ извѣстна, онъ стоитъ на западѣ отъ Буга; а лѣтопись говоритъ, что Ятвяги потому именно повоевали и поплѣнили Охожъ, Бусовну и всю страну ту, что Холмъ тогда еще не былъ поставленъ Даниломъ; слѣдовательно Охожъ и Бусовна должны находиться недалеко отъ Холма, т. е. на западномъ берегу Буга. Касательно Дорогычина, мы имѣемъ и еще нѣсколько свидѣтельствъ лѣтописи, изъ которыхъ мѣстность этого города опредѣляется довольно отчетливо; тамъ подъ 1240 годомъ сказано: «Даниалъ иде въ землю Мазовскую, и дасть ему Князь Болеславъ градъ Вышегородъ, и бысть ту дондеже вѣсть прія, яко сошли суть съ землѣ Руское безбожніи (Татары), и возвратиса въ землю свою. И приде ко граду Дорогычину, и восхотѣ внити во градъ»;—но ему и брату его тамъ отвѣчали . . . «не изволите внити въ онъ»—онъ отошелъ и отправился къ Берестю⁽²⁵⁸⁾. Подъ 1251 годомъ лѣтопись говоритъ: «Въ таже лѣта сѣде Самовитъ во Мазовши и посла къ нему Данило и Василко, рекша ему . . . изиди съ нами на Ятвязѣ; и у Болеслава помочь поуста, и снѣшася во Дорогычинѣ, и поидоша»⁽²⁵⁹⁾. Подъ 1255 годомъ «Данило же прія вѣнецъ въ городъ Дорогычинѣ, идущу ему на войну съ сыномъ Львомъ, и Самовитомъ княземъ Лядскимъ на землю Ятвяжскую»⁽²⁶⁰⁾. Всѣ сіи свидѣтельства единогласно указываютъ, что Дорогычина должно искать тамъ, гдѣ нынѣ Дорогычинъ на Бугѣ къ сѣверо-западу отъ Бреста-Литовскаго; ибо лѣтописный Дорогычинъ по всѣмъ приведеннымъ свидѣтельствамъ примыкалъ къ Мазовіи и землѣ Ятвяжской, къ кото-

⁽²⁵⁷⁾ Ипат., 182. ⁽²⁵⁸⁾ Тамъ же, 178. ⁽²⁵⁹⁾ Тамъ же, 185. ⁽²⁶⁰⁾ Тамъ же, 1916.

рыкъ примыкаетъ и нынѣшній Дрогичинъ. Посему мы не имѣемъ никакого права искать лѣтописнаго Дорогичина въ наименованіи деревни Дрогичинъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Данилъ, въ 1240 году, пришедши изъ Мозовіи къ Дорогичяну и непринятый тамъ, пошелъ къ Берестю; чтобы подойти къ Кобринскому Дрогичяну изъ Мозовіи, Данилу нужно бы было прежде идти къ Берестю, а не отъ Дрогичина переходить къ Берестю. Подъ 1243 годомъ лѣтопись говоритъ: «Данилу будущу во Холмѣ, прибѣже къ нему Половчанъ его, рекый: яко Батый воротился естъ изъ Угоръ, и отградилъ на ты два боготыра; Данилъ же затворивъ Холмъ, ѣха ко брату его Василкови; а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше»⁽²⁶¹⁾. Это свидѣтельство показываетъ, что Володаву должно искать по Бугу на сѣверъ отъ Холма, гдѣ дѣйствительно и теперь еще существуетъ мѣстечко Володаво на западномъ берегу Буга между Холмомъ и Берестьемъ, и близъ нынѣшней Володавѣ также находятся озера. Подъ 1268 годомъ лѣтопись говоритъ: «Василко поиде къ сонмови (съ Ляхами) до Тернави, и бывшу ему у Гробовцы и приде къ нему вѣсть, оже Ляхи гдѣсть учинили, къ сонмови не шли»⁽²⁶²⁾. Настоящее извѣстіе лѣтописи указываетъ, что Гробовць должно лежать на дорогѣ изъ Владиміра къ Терновѣ; Тернова же должна быть тамъ, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Терногура на восточномъ берегу Вепря на югъ отъ Красныстава; следовательно и Гробовца должно искать въ той же сторонѣ, гдѣ мы его и находимъ въ деревнѣ Гробовець на западъ отъ Грубачева на одномъ восточномъ притоцѣ Вепря прямо по дорогѣ къ Терногурѣ, или прежней Терновѣ, очевидно стоявшей на границѣ тогдашнихъ Вольнскихъ владѣній съ Польскими.

Сѣверная граница Вольнскихъ владѣній начиналась отъ Дрогичина и шла до верховьевъ Припети и низовьевъ Горыни. Здѣсь крайнимъ Вольнскимъ городомъ былъ Бѣльскъ, на сѣверовостокъ отъ Дрогичина, на одномъ изъ притоковъ Нарева, который вѣроятно вмѣстѣ съ рѣкою Нуръ служилъ границею между Вольнью и Ятвягами. О Бѣльскѣ лѣтопись

(261) Ипат., стр. 180. (262) Тамъ же, 203.

упоминаетъ подъ 1253 годомъ, говори, что Данилъ послалъ своихъ людей съ братомъ и сыномъ въ Литву, и «взяста Героленъ, а сама воротистася отъ Бѣльска» ⁽¹⁸⁸⁾. Нынешній Бѣльскъ дѣйствительно приходится на дорогѣ изъ Волыни въ Гродно. Подъ 1288 годомъ лѣтописъ говоритъ о Владимірѣ Васильковичѣ: «и у Бѣльску построи церковь иконами и книгами». О Нурѣ же, какъ о границѣ съ Ятвягами, лѣтописъ говоритъ подъ 1250 годомъ такимъ образомъ: «тоє же зныи Кондратъ присла посолъ по Василька, (брата Данилово) река пойдеть на Ятвязь; надшу сѣвгу и серену, не могоша ийти и вороташася на Нуръ ⁽¹⁸⁹⁾». На югозападъ отъ Бѣльска стоялъ городъ Мѣлиницъ недалеко отъ Дрогичина къ востоку, вѣроятно гдѣ нынѣ деревня Мѣлейчицы; подъ 1288 годомъ Юрій Львовичъ говоритъ Владиміру Васильковичю: «отець ми велеть быти въ Дрогичинѣ и Мѣлиницѣ; а бую челомъ тобѣ, дай ми Берестій, то бы ми сполу было» ⁽¹⁹⁰⁾. Это извѣстіе лѣтописи прямо показываетъ, что упоминаемый здѣсь Мѣлиницъ долженъ быть около Дрогичина и Берестья, именно подлѣ того мѣста, гдѣ нынѣ деревня Мѣлейчицы. За Мѣлиницею къ западу слѣдовалъ Каменецъ на Лоснѣ, отъ Бреста къ сѣверо-востоку, о которомъ въ лѣтописи подъ 1276 годомъ прямо сказано: «нача собѣ думати, (Владиміръ Васильковичъ) абзи кдѣ за Берестьемъ поставити городъ . . . и ѣха съ бѣлары и злюбѣ мѣста надъ берегомъ рѣки Лысны, и отереби е; и потомъ срубѣ на немъ городъ, и нарче имя ему Каменецъ» ⁽¹⁹¹⁾. На юго-востокъ отъ этого Каменца слѣдовалъ Кобринъ на Мухавцѣ, о которомъ упоминается въ Духовной Владиміра Васильковича, гдѣ онъ пишетъ: «далъ есмь нягнѣиъ своей по животѣ своему, городъ свой Кобринъ» ⁽¹⁹²⁾. На востокъ отъ Кобринна лежалъ городъ Камень, вѣроятно гдѣ нынѣ село Камень-Королевъ въ Кобринскомъ уѣздѣ. Лѣтописъ о немъ упоминаетъ два раза, въ первый разъ подъ 1262 годомъ, гдѣ сказано: «Миндовгъ посла рать на Василька и воеваша около Камени; Василько посла по нихъ

⁽¹⁸⁸⁾ Ипат., 188. ⁽¹⁸⁹⁾ Тамъ же, 185. ⁽¹⁹⁰⁾ Тамъ же, 218. ⁽¹⁹¹⁾ Тамъ же, 206. ⁽¹⁹²⁾ Тамъ же, 215.

Желислава и Степана Медушника, и гонима по нахъ омыю до Ясолны» ⁽²⁶⁶⁾; потомъ подъ 1276 годомъ: «Тройдеиій пославъ брата своего Сирпутья, и воева около Каменя; Володимеръ же противу тому пославъ взя у него Турійскъ, на рѣцѣ Пивнѣ» ⁽²⁶⁷⁾. То и другое извѣстіе указываетъ, что Камень должно искать на границѣ Литовской не владѣнъ отъ Ясолды, гдѣ и дѣйствительно нынѣ стоитъ село нѣ Камень-Королевъ. Изъ перваго извѣстія мы еще видимъ, что съ этой стороны Ясолда была границею между Литвою и Волынью; ибо войска Василька гнались за Литовцами до Ясолды. Вѣроятно, здѣсь Волынскія владѣнія сходились съ Пинскими; ибо въ 1258 году Данилъ шелъ къ Литовскому Новогрудку чрезъ Пинскія земли, насильно приказавъ князьямъ Пинскимъ идти за собою и, отъ Пинска на сѣверъ, встрѣтилъ первую заставу Литовскую на озерѣ Зьятѣ, гдѣ, разбивъ Литовцовъ, гналъ до рѣки Нцары ⁽²⁶⁸⁾. Отъ Ясолды Волынскія владѣнія спускались къ югу до Небля, въ нынѣшнемъ Пинскомъ повѣтѣ при озерѣ на лѣвомъ берегу Припечи. Небель, кажется, былъ пограничнымъ Волынскимъ городомъ съ Пинскими владѣніями; ибо, когда въ 1262 году князь Василько разбилъ Литовскую рать подъ Неблемъ при озерѣ, то Пинскіе князья явились къ нему: въ Небль;—«и прѣйхаша, по словамъ лѣтописи, къ Василькови съ питьемъ, и начаша веселити-ся» ⁽²⁶⁹⁾. Съ Небля Волынскія владѣнія шли на Дубровицу, что на лѣвомъ берегу Горыни почти при впаденіи въ нее Случи, гдѣ нынѣ село Домбровица.

Изъ внутреннихъ Волынскихъ городовъ около Владиміра въ лѣтописяхъ упоминаются на юго-востоку: Синусь, Хваличица и Житань; на сѣверо-западѣ: Люмобль и Рай; на сѣверо-востоку: Турійскъ, Мѣлища и Всеволожъ. О Синусѣхъ и Хваличицахъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1157 годомъ, гдѣ сказано, что Юрій Долгорукій на походѣ къ Владиміру «спястося съ Ярославомъ Галичьскимъ у Синусѣхъ въ селѣ, и оттуда поидоста къ Володимеру, и естаста въ Хваличи-

⁽²⁶⁶⁾ Ипат., стр. 200. ⁽²⁶⁷⁾ Тамъ же, 206. ⁽²⁶⁸⁾ Тамъ же, 188. ⁽²⁶⁹⁾ Тамъ же 200.

чакъ, и оттуда же и пустята на востокъ къ городу»⁽¹⁷²⁾. Названія Саннухи и теперь еще остается на одномъ селеніи, состоящемъ при верховьяхъ Луги на юго-востоку отъ Владиміра; Хваличичи же, по описанію лѣтописца, очевидно должны были стоять на дорогѣ отъ Саннухъ къ Владиміру, и въ близкомъ отъ него разстояніи; ибо прямо изъ Хваличичей Юрій посылалъ свои полки на приступъ къ Владиміру. О Житани встрѣчается извѣстіе подъ 1261 годомъ, гдѣ сказано, что Бурундай, идя къ Владиміру изъ Шумска на Кременецъ и Луческъ, и не дошелъ города, «ста на Житани на ночь, и завтра пріѣха въ Володимерь»⁽¹⁷³⁾. Слѣдовательно Житани была на дорогѣ изъ Луческа во Владиміръ. Подъ 1283 годомъ лѣтописецъ довольно отчетливо опредѣляетъ мѣстность городовъ Любомля и Рай, говоря: «Владиміръ Васильковичъ поѣха изъ Володиміря до Любомля, изъ Любомля поѣха до Берестья, изъ Берестья до Каменца» (т. е. на Лостынь)⁽¹⁷⁴⁾. Слѣдовательно Любомль былъ на дорогѣ изъ Владиміра въ Берестье, гдѣ и теперь есть еще селеніе Любомль во Владимірскомъ уѣздѣ. Далѣе въ лѣтописи сказано: когда Владиміръ изъ Каменца охоты вздумалъ воротиться въ Любомль, то ѣхалъ на городъ Рай, куда къ нему пріѣзжалъ и братъ его Мстиславъ; слѣдовательно Рай былъ на дорогѣ отъ Лостыньскаго Каменца къ Любомлю. О Турійскѣ, Мѣлницѣ и Всеволожѣ мы также имѣемъ довольно подробныя извѣстія въ лѣтописи. Мѣстность Турійска опредѣляется двумя лѣтописными извѣстіями. Изъ перваго, относящагося къ 1097 году, видно, что бояре Давыда Игоревича, Лазарь и Василь, бѣжавшіе-было изъ Владиміра въ Луцкъ, воротились къ Турійску⁽¹⁷⁵⁾; а во второмъ, подъ 1205 годомъ, лѣтописецъ говоритъ «Олександру сѣдючи въ Володимірь а брату его Всеволоду въ Червнѣ, Литва же и Ятвѣвъ воеваху, и повоеваша Турійскъ и около Комова оля и до Червена»⁽¹⁷⁶⁾. По обоимъ извѣстіямъ Турійскъ долженъ находиться неподалеку отъ Владиміра на сѣверовостокъ, гдѣ и дѣйствительно нынѣ

⁽¹⁷²⁾ Ипат., стр. 80. ⁽¹⁷³⁾ Тамъ же, 198. ⁽¹⁷⁴⁾ Тамъ же, 314. ⁽¹⁷⁵⁾ Лазарь, 114. ⁽¹⁷⁶⁾ Ипат., 157.

находится селеніе Трунскъ при рѣкѣ Турѣ въ Ковельскомъ уѣздѣ. О Мѣлиницѣ лѣтопись говоритъ: «посла Мишдовъ рать на Василька, и воеваша около Каменя . . . а другая рать Литовская воеваша то же мѣля около Мѣлиницѣ, Василько же съ сыномъ своимъ Володимиромъ и съ бояры и со слугами угоннша я у Небля города»⁽²⁷⁷⁾. Изъ сего извѣстія видимъ, что упоминаемая здѣсь Мѣлиница должна быть южнѣе Каменя и Небля, и дѣйствительно на выѣшшихъ картахъ находимъ село Мѣлиницы въ Ковельскомъ уѣздѣ на востокъ отъ Туриска, отъ котораго будетъ прямая дорога на Небля. Наконецъ о Всеволожи лѣтопись упоминаетъ два раза: въ первый разъ подъ 1097 годомъ говорится, что Володаръ и Василько Ростиславичи въ походѣ своемъ къ Владимиру Вольнскому «приидоста ко Всеволожу»⁽²⁷⁸⁾; а во второмъ извѣстїи, подъ 1287 годомъ, довошки говорили Владимиру Васильковичу: «братъ ти (Мстиславъ) дасть городъ Всеволожъ бояромъ и села раздаеать». Владимиръ же, огорчившись симъ, говоритъ: «се лежу въ болѣсти, а братъ мой мнѣ живу еще сушу, раздаеать моѣ города и села моя»⁽²⁷⁹⁾. По обимъ извѣстїямъ, особенно послѣднему, Всеволожа должно искать на востокъ отъ Владимира въ сторонѣ къ Луцку; ибо Мстиславъ, братъ Владиміровъ, былъ Луцкій князь, слѣдовательно городъ Всеволожъ находился около Мѣлиницы, Турійска и Черторійска, гдѣ и доселѣ еще сохранилось за однимъ селеніемъ названіе Волажки.

По смерти Василька Романовича Вольнъ была раздѣлена между его сыновьями, Владиміромъ и Мстиславомъ; послѣ Владимира (бездѣтнаго) она вся досталась Мстиславу, а дальнѣйшая участь ея въ подробностяхъ невѣстна. Подъ 1305 годомъ Густынская лѣтопись говоритъ, что Гедиминъ князь Литовскій взялъ Овручъ и Житомиръ у Кіевскаго князя Станислава, и потомъ поразилъ Льва Луцкаго, Романа Брянскаго и прочихъ князей и взялъ Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Путивль, Брянскъ и Вольнъ⁽²⁸⁰⁾. Но это извѣстіе явно невѣрно, ибо таже лѣтопись подъ 1304 годомъ говоритъ: «Гедиминъ

⁽²⁷⁷⁾ Ипат., стр. 200. ⁽²⁷⁸⁾ Лавр., 113. ⁽²⁷⁹⁾ Ипат., 314. ⁽²⁸⁰⁾ Пол. Соб. Лѣт. Т. II., стр. 348.

князь Литовскій, порази Льва Даниловича Лучскаго и Владимира Васильковича Волынскаго, и самого уби и Володимиръ градь, взять» (201). Изъ Волынской уже лѣтописи мы вѣрно знаемъ, что Владимиръ Васильковичъ скончался отъ болѣзни въ 1288 году и отдалъ половину Волыни брату своему Мстиславу. Въ одной родословной книгѣ сказано, что который-то Волынскій князь, можетъ быть Мстиславъ Васильковичъ, выдалъ свою дочь за Гедишинова сына Любарта, и не имѣя сыновей, назначилъ его своимъ преемникомъ на Волыни, и такимъ образомъ Волынь соединилась съ Литвою, — что болѣе согласно съ истинною (202). По присоединеніи Волыни къ Литвѣ, извѣстіе объ этомъ краѣ въ нашихъ лѣтописяхъ почти прекращается въ продолженіе XIV и XV столѣтій; съ этого времени извѣстія возобновляются, но уже какъ о странѣ Литовско-Польской.

Рядомъ съ Волынскими владѣніями на югозападъ отъ нихъ была владѣнія Галицкія. На сѣверѣ они отдѣлялись отъ Волынскихъ верховьями западнаго Буга, на востокъ рѣками Серетью и Днѣстромъ; послѣдняя была ихъ границею до степей, прилежащихъ къ Черному морю, по которымъ кочевали Цыганцы. Южная граница Галицкой земли также терлась въ стѣнахъ по рѣкамъ Пруту, Серету и до Дуная; на западѣ же служила границею частію Карпатскія горы, частію Висока, Висла и Сань. Старѣйшими городами Галицкой земли первоначально были Перемышль, на правомъ берегу Сана при устьѣ Вагра, и Терезовль на Серетѣ, почти на границахъ съ Волыною. Потомъ въ XII столѣтіи первымъ городомъ тамошней земли сдѣлался Галичь на Днѣстрѣ, гдѣ утвердился князь Владимиръ Володаревичъ, называемый въ лѣтописяхъ Владимиркомъ.

Во время войны Владимирка Галицкаго съ Всеволодомъ Ольговичемъ Киевскимъ, въ 1144 году, первымъ Галицкимъ городомъ, ближайшимъ къ границамъ Волынскихъ владѣній, является Терезовль на рѣкѣ Серетѣ (по лѣтописямъ Серетѣ), нижній Теребовля. Подъ симъ городомъ, по свидѣтельству лѣтописца, встрѣтились Галицкія и Киевскія войска; но какъ ихъ раздѣляла рѣка Серетъ, онѣ не вступили въ битву, и пошли каждое по своему берегу внизъ по рѣкѣ, и чрезъ недѣлю подступили

(201) Полн. Соб. Лѣт. II, 348. (202) Рук. Патр. Библ. N. 20/114, стр. 110.

къ Звенигороду, нынѣшній Давыдовскъ, въ Днѣстрѣ, на западѣ отъ Хотина, неподалеку отъ устья Серета; здѣсь войска остановились и Владиміру заняла прѣвную позицію на горахъ горахъ. Между тѣмъ союзникъ Всеволода, Исаакъ Давыдовичъ, посланный наперодъ въ Половецкія степи, пріѣхалъ Неолонцовъ сперва къ Днѣстру, чрезъ который переправился подлѣ Ушицеи, потомъ казвше Ушицу, пошелъ къ Серету и, переправившись черезъ него выше Теребовля, занялъ Микулинъ. Чрезъ послѣдней переправы, немалыя Всеволдъ и толпы Половцовъ свободно могли войти Владиміру въ тылъ и отрезать его отъ Галича и Перемышля, что они и сдѣлали, и тѣмъ принудили Владиміра просить мира ⁽¹³⁵⁾. Въ Галицкомъ краю, противъ упомянутого нами города Звенигорода, есть еще два мѣста съ тѣми же названіемъ: одно недалеко отъ Галича на рѣкѣ Стрипѣ, а другое въ окрестностяхъ Львова; но очевидно ни одно изъ нихъ не можетъ въ настоящемъ случаѣ завлечь мѣсто указанного нами Звенигорода; ибо къ обѣимъ дорогамъ влеть черезъ Серетъ. Если Кієвлане не рѣшились пересѣчь черезъ эту рѣку въ глазахъ Галичанъ подлѣ Теребовля, то конечно чрезъ тамъ нельзя было перейти ее ни выше ни ниже Теребовля, ибо Галичане, по словамъ лѣтописи, шли рядомъ съ ними по другому берегу Серета. Но совсѣмъ иное дѣло, если принять Звенигородъ, указанный нами; ибо въ такомъ случаѣ Галичане при устьѣ Серета необходимо должны были остановиться для переправы черезъ Днѣстрѣ или Серетъ; а тѣмъ временемъ Кієвлане свободно могли перейти Днѣстрѣ и подойти къ указанному нами Звенигороду. То же подтверждаетъ и переправа Исаака Давыдовича черезъ Серетъ подлѣ Микулинъ; Галичане слишкомъ далеко были отодвинуты внизъ по Серету до Днѣстра, и потому Исааковичъ Половцамъ свободно было переходить черезъ Серетъ выше Теребовля подлѣ Микулинъ, нынѣшнее Микулинце, гдѣ не было немалыхъ Галичанъ. Этого нельзя было сдѣлать ни подлѣ Стрипскимъ, ни подлѣ Львовскимъ Звенигородомъ, ибо въ такомъ случаѣ Галицкія войска были очень близко отъ Микулинской переправы и остановили бы Исааковичъ Половцовъ. О томъ, что передъ Микулинъ нужно было переходить черезъ Серетъ, и что этотъ городъ стоялъ на мѣстѣ

(135) Лавр., 135.

нынѣшняго города Микулинца, мы имѣемъ прямое указаніе въ лѣтописи подъ 1202 годомъ, гдѣ сказано: «пришедшу Рю-раку на Галичь, и срътоша и бояре Галичани и Володимерови у Микулина на рѣцѣ Серетѣ, и бившиися нна весь день о рѣку Серетѣ, а мнози людемъ быша» (224). Ушица, упоминаемая въ настоящемъ извѣстн лѣтописи, должна быть Ушица, находящаяся на Днѣстрѣ на востокъ отъ Звенигорода въ нынѣшней Подольской губерніи; ибо Изяславу, великому Новгородцу изъ степи, дорога лежала именно на нынѣшнюю Подольскую Ушицу; ему, не перешедъ Днѣстра, нельзя было подойти къ Середу. Такимъ образомъ изъ лѣтописнаго описанія Всеволодова похода мы видимъ, что по юго-восточной границѣ Галицкихъ владѣній лежали города по Середу Микулинъ (нынѣшній Микулинца) и Теребовль (Тромбовля) и по Днѣстру Звенигородъ и Ушица, одинъ направо отъ устья Серета, а другой на востокъ отъ нынѣшняго Каменица-Подольскаго. Между Теребовлемъ и Звенигородомъ въ лѣтописи упоминается мѣстность Рожне-поле. Вотъ слова лѣтописи: «блещетъ нма рѣка Серетѣ, идеша обомъ подлѣ рѣку, за недѣлю къ Звенигороду, и на Рожни поли немогешася бити» (225). Слѣдовательно, Рожне-поле должно находиться у рѣки Серета внизъ отъ Теребовля къ Звенигороду, что подтверждаетъ и другое извѣстіе лѣтописи подъ 1097 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Святополка Михаила на Володаря и Василья Галицкихъ, «ѡнъ послѣдніе встрѣтили и разбили его на Рожни, и «вобѣдиши, стаота ту, рекуща: довлѣетъ нма на земли своей оцати, и неодоота ни камоше» (226). Границею Галицкихъ владѣній, какъ мы уже знаемъ, была рѣка Сереть, слѣдовательно и Рожне-поля должно искать на Серетѣ.

Далѣе подъ тѣмъ же годомъ лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ городахъ Тисменичѣ, и о другомъ Звенигородѣ, ближайшемъ къ Галичу, можетъ быть о томъ, который на Стрпнѣ. Въ лѣтописи сказано: «на ту же зиму шведию Володимиру въ Тисмениню на лавы, въ томъ же время послатася Галичане по Ивану по Рестиславича въ Звенигородъ, и введоша къ себѣ въ

(224) Ипат., 156. (225) Лавр., 135. (226) Тамъ же, 115.

Галичь»⁽¹⁰⁷⁾. Тисменичь вѣроятно тотъ самый, который и теперь еще существуетъ подъ именемъ Тисменицы на правомъ берегу Ворона, впадающей въ Быстрицу на югъ отъ Галича. А подъ Звенигородомъ здѣсь неудобно разумѣть Дзвиньградъ на Днѣстрѣ; ибо этотъ Звенигородъ, какъ мы видели уже изъ описанія Всеволодова похода, принадлежалъ Владимірку, въ настоящемъ же Звенигородѣ княжилъ Иванъ Ростиславичъ, следовательно подъ самъ Звенигородомъ должно разумѣть или Стрипскій или Львовскій Звенигородъ; но скорѣе первый, какъ ближайшій къ Галичю, и слѣдовательно удобнѣйшій для сношенія Галичанъ съ Иваномъ Ростиславичемъ.

Въ описаніи войны Изяслава Мстиславича съ Владиміромъ Галицкимъ въ 1150 году находимъ на западѣ Галицкіе города Санокъ на рѣкѣ Санѣ, и Перемышль недалеко отъ впаденія Вагра въ Санъ. Санокъ можетъ-быть тогда былъ ближайшимъ городомъ къ Венгерской границѣ, что подтверждаютъ и слѣдующія свѣдѣнія лѣтописи: подъ 1262 годомъ сказано, что Венгерскій король «снимался съ ятровою своею въ Санокѣ»⁽¹⁰⁸⁾, слѣдовательно пограничномъ городѣ; а подъ 1234 годомъ Санокъ прямо названъ Угорскими воротами: «говяше и оли до Санока воротъ Угорскихъ»⁽¹⁰⁹⁾. О мѣстности Перемышля при Санѣ и Вагрѣ ясно свидѣтельствуетъ лѣтописъ подъ 1697 годомъ; по ея словамъ «Ярославъ сынъ Святполчъ, приде съ Угры, и Король Колеманъ и два епископа, и стаха около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ». Потомъ, когда Половцы, приведенные Давыдомъ Игоревичемъ, разбили Угровъ, то «Угра побѣгоша, и мнози истопаша въ Вагру а другіе въ Сану; и бѣжаше возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга»⁽¹¹⁰⁾. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1150 годомъ тоже сказано, что Венгерскій Король, вершеть горы, прежде всего взялъ Санокъ, а потомъ пошелъ къ Перемышлю⁽¹¹¹⁾; слѣдовательно Перемышль былъ на востокѣ отъ Санока, именно тамъ, гдѣ нынѣ находится Пржемысль. Изъ описанія второй войны Изяслава съ Владиміромъ, бывшей въ 1152 году, мы видимъ, что на сѣверозападѣ Галицкихъ владѣній на Санѣ же былъ городъ

(107) Ипат., 20. (108) Тамъ же, 156. (109) Тамъ же, 171. (110) Лавр., 115. (111) Ипат., 52.

Ярославъ, на сѣверъ отъ Перемышля; ибо въ лѣтописи сказано: «Ияславъ же приде на Санъ рѣку, яко илетъ подъ Перемышля; и якоже пребеле рѣку Санъ, и ту пригна ему посоль отъ Короля въ стѣ дружины, и рече Ияславу: зять ти ея Король кдеиеть, и тако ти молвити; се уже 5 донь сдѣ стому, жда тебѣ, а цѣди . . . Утрій же день Ияславъ поиде къ Ярославлю, помиди и, ста обѣду . . . Утрій же день приидега къ рѣцѣ Саномъ, ниже города Перемышля, ту и стаща полци своими ведами . . . Володимиръ же не даде къ свою землю вйти рати» (227). Этотъ рассказъ лѣтописи показываетъ съ одной стороны, что Ярославль стоялъ сѣвернѣе Перемышля; а съ другой, что въ это время Галицкія владѣнія на западѣ граничились Саномъ, по крайней мѣрѣ около Перемышля и Ярославля. По рассказу лѣтописи, Ияславъ и Король Венгерскій свободно соединились за Саномъ, и притомъ Ияславъ, съ цѣлію соединенія съ Венгерскимъ Королемъ, нарочно перешелъ на рѣку Санъ, т. е. въ землю, принадлежащую къ Галицкимъ владѣніямъ; а когда по соединеніи они стали приступать къ Сану ниже Перемышля, то Владиміръ старался воспрепятствовать переправѣ черезъ рѣку, именно, какъ сказано въ лѣтописи, съ тѣмъ, чтобы не пустить рати въ свою землю; слѣдовательно за Саномъ на западъ была уже не Галицкая земля.

Подъ 1159 годомъ есть извѣстіе, что Галицкія владѣнія на югѣ простарались до Дуная; въ лѣтописи сказано, что Иванъ Берладникъ съ Половцами занялъ Подунайскіе города, захватилъ тамъ двѣ кубары съ товарами и дѣлалъ обиды Галицкимъ, рыболовамъ; потомъ пошелъ къ Кучелшину и дѣлѣ къ Ушицѣ, куда Ярославъ успѣлъ выслатъ засаду; къ Ростиславичу пришли также Половцы и собралось Берладниковъ шесть тысячъ человекъ (228). То же подтверждаетъ и Слово о Полку Игоревѣ; оно, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Галичскій осмомысли, Ярославъ! высоко сѣдши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными полкъы, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дуною ворота, мечя беремены черезъ облакы, суды радя до Дуная» (229). Оба свидѣтельства ясно говорятъ, что по Дуною была Галицкіе города,

(227) Ипат., стр. 66. (228) Тамъ же, 83. (229) Слово о Пол. Игр., изд. Грам., 52.

завоеваніе отъ Галицкаго князя; но какіе именно были сіи города, по лѣтописамъ и другимъ источникамъ неизвѣстно. Въ лѣтописяхъ упоминается только одинъ Берладъ, именуемый Берладъ при рѣкѣ Берладѣ, впадающей въ Сереть, недалеко отъ Пруты; но и тотъ, судя по свѣдѣніямъ, кажется былъ населенъ воидами, на отъ кого независимую, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ⁽²²²⁾. Стены между Днѣпромъ и Дунаемъ были заняты кочевьями Половцовъ; следовательно Подунайскими Галицкими городами могли быть только приморскіе города въ устьяхъ Дуная, точно такъ же, какъ при устьяхъ Днѣпра былъ городъ Олешня; въ сихъ городахъ производилась Галичанами торговля съ Франціею и шла разныя Галицкіе промышленныя, такъ напрямѣръ лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ рыболовахъ въ Подунайскихъ городахъ. Сія города были, можетъ быть, подъ покровительствомъ Галицкаго князя, который могъ защищать ихъ и выѣздиваться въ тамошніа дѣла, посылая свои полки по Пруту и Серети, выѣздившихъ верховья къ его непосредственныхъ владѣніямъ.

Подъ 1188 годомъ упоминается городъ Прѣнескъ, или Пльснскъ, на границахъ Галицкихъ съ Волынскими владѣніями. Въ «лѣткѣ на обивки Русиямъ» говорится, что «на вѣстѣ города Пльсноска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы заросшіе дѣсомъ, недалеко отъ Полгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочому». Это указаніе вполне согласно съ свѣдѣтельствомъ лѣтописи, гдѣ именно указывается, что Пльснскъ былъ первымъ Галицкимъ городомъ по выходѣ изъ Волынскихъ владѣній; ибо Романъ Волынской, приглашенный тайно Галичанами, послалъ своей передовой отрядъ занять Прѣнескъ: «да забудутъ Прѣнескъ переди. Они же затворилася (жители Преснеска), Угрѣ же и Галичане захвата и у Прѣнескъ, вѣхъ чиниаша, а дружию утконоша»⁽²²³⁾.

Подъ 1208 годомъ упоминается о третьемъ Звенигородѣ въ Галицкихъ владѣніяхъ, котораго нельзя приурочить ни къ Стринскому, ни къ Днѣстровскому, и котораго, по смыслу лѣтописи, лежалъ на дорогѣ отъ Перемысла къ Галичу при рѣкѣ Дютой или недалеко отъ этой рѣки. Въ настоящее время есть

⁽²²²⁾ Ист. Г. Р. Т. II, стр. 290—291. ⁽²²³⁾ Вѣнокъ Рус. II, 162. Ипат., 137.

рѣчка Лютинна въ Стрыйскомъ округѣ. Вотъ слова лѣтописи: «и совокупившеса вси (т. е. Данилъ Романовичъ съ Уграми) переее приидоша на градъ Перемышля. Оттуду же (по землѣи Перемышля) приидоша ко Звенигороду. Звенигородомъ же летѣ борющимся съ ними И приѣхаша Половци Романови (Князю бывшему тогда въ Звенигородѣ) на помощь . . . Половци же узрѣвши ѣ (Угровъ), крѣпци налегоста на ня; ошвыи же ѣдущимъ напредѣ нма къ Лютѣи рѣцѣ . . . одва преврощаиша рѣку Лютую. . . . Оттудѣ же Романъ изыдѣ изъ града, помещи нща въ Русскихъ князѣхъ; и бывшу ему Шумскы на мосцѣ, ятъ бысть Зерномъ и предашася Звенигородцы. Оттуду же поидоша къ Галичу» (Данилъ съ Уграмъ) (207). Разсказъ лѣтописи прямо говоритъ, что Звенигородъ лежалъ на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, и что недалеко отъ него была рѣка Лютая, а мы уже знаемъ, что есть и нынѣше рѣчка Лютинна въ Стрыйскомъ округѣ; слѣдовательно упоминаемаго здѣсь Звенигорода должно искать въ Стрыйскомъ округѣ, можетъ-быть на самой рѣкѣ Стры, около нынѣшняго Жидичова, что какъ разъ придется на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, или на мѣстѣ нынѣшняго города Стры, что также не противорѣчатъ лѣтописи. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1235 годомъ, гдѣ сказано, что Данилъ шелъ изъ города (нынѣшняго Грудска) къ Галичу, по узнавши, что тамъ затворилось много Угровъ, поворотилъ назадъ и повоевалъ около Звенигорода. Очевидно, что поворачивалъ отъ Галича къ Грудоку, нельзя было воевать другаго Звенигорода, кромѣ того, который находился въ Стрыйскомъ округѣ.

Подъ 1211 годомъ въ лѣтописи упоминаются города, еще неопредѣленные нами: Моклековъ, Збыражъ, Быковенъ, Зъбши и Любачевъ. Лѣтопись говоритъ, что по разбитіи Галичанъ и ихъ союзниковъ, Угровъ и Чеховъ на Бебрикѣ, Лестько Польскій, союзникъ Даниловъ, не могши взять Галича, «шедъ воева около Теробова, и около Моклекова и Збыража, и Быковенъ вьзатъ бысть Ляхи и Русью, и вси плѣны великии вьретиши въ Ляхы» (208). Изъ этого разсказа видно, что Моклековъ, Збыражъ и Быковенъ должны были находиться недалеко отъ Теробова и конечно по направленію къ западъ

(207) Ипат., стр. 158, 176. (208) Тамъ же, 166.

ному Бугу, по дорогѣ въ Польшу; ибо Лестко, по разграбленіи сихъ городовъ, пошелъ домой. По этому направленію въ настоящее время нѣтъ мѣстностей съ подобными названіями, за исключеніемъ одного Збыража, который нынѣ называется Зборожъ, въ Тарнопольскомъ уѣздѣ. Но мѣстность Збаража не совсѣмъ соответствуетъ дорогѣ Лестька въ Польшу; ибо онъ лежитъ за Серетью на востокъ, и скорѣе бы принадлежалъ къ Волывокимъ, а не Галицкимъ городамъ; болѣе сообразно съ смысломъ лѣтописи мѣстность Збыража назначить при верховьяхъ Стрипа, гдѣ нынѣ деревня Зборовъ: тогда Збыражъ будетъ и въ Галицкихъ владѣніяхъ и на дорогѣ отъ Теребовля въ Польшу. Быковецъ же вѣроятно былъ на западѣ отъ Збыража, можетъ-быть при верховьяхъ Буга; ибо въ лѣтописи онъ упоминается послѣ Збыража; а Моклековъ, должно быть, стоялъ ближе къ Теребовлю, можетъ-быть на Стрипѣ или на Серети, но вообще въ этой старонѣ. Подъ тѣмъ же городомъ упоминается городъ Любачевъ. Этотъ городъ и теперь еще стоитъ на рѣкѣ Любачевкѣ, съ правой стороны впадающей въ Санъ; мѣстность его приходится на сѣверо-востокъ отъ Ярославля, что не противорѣчитъ тексту лѣтописи, гдѣ Любачевъ упоминается за Перемышлемъ. Въ это же время мы встрѣчаемъ городъ Зълиши, гдѣ Венгерскій Король Андрей имѣлъ свиданіе съ Лестькомъ Польскимъ, на которомъ было рѣшено выдать Лесткову дочь за Венгерскаго Королевича и отдать ему Галичь. Этотъ городъ очевидно былъ на границѣ Галицкой земли съ Венгерією, гдѣ и теперь направо отъ Дунайца есть мѣстечко Збишница, которое съ большою вѣроятностію можетъ означать мѣстность лѣтописной Зълиши.

Подъ 1213 годомъ упоминаются мѣстности Галицкія: Городокъ, Щарекъ, Зубры, Рогозино, Толмачъ, Онутъ, Плавъ и Кучельмишъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Венгерскій Король и Лестко подступили къ Перемышлю, откуда немедленно убѣжали Тысящій Ярунъ; Мстиславъ же Мстиславичъ Удалой, а владѣвшій тогда Галичемъ, послалъ противъ нихъ воеводъ къ Городку; но воеводы не могли удержать городка и, разбитые, бѣжали; Угры и Ляхи на главѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на Щирецѣ. Мстиславъ самъ въ это время стоялъ на Зубры, и узнавши о пораженіи своихъ воеводъ, и не надѣясь самъ выдержать битвы, просилъ зятя своего Данила затвориться въ Галичь. Угры и Ляхи бро-

смились-было на Галичъ, но встрѣченные Даниломъ отступили отъ города, и пошли за Рогожину на Мстислава и выгнали его изъ Галицкой земли. Мстиславъ отступая далъ знать Данилу, чтобы онъ вышелъ изъ Галича, который, оставивъ Галичъ, пошелъ на Толмачъ, гдѣ нагнали его воеводы, посланные Венгерскимъ Королемъ, и билъсь съ нимъ день и ночь; отъ Толмача Данилъ прошелъ въ Онуть и оттуда въ степь. «Бывшую же гладу велику, подоша возы къ Плаву, взяла возы накормишася изобильно. Оттуда же придоша ниже Кучелина, мысляще куды перейти рѣку Днѣстръ, Божією же милостію придоша лоды изъ Олешья, и прѣвхаша въ нихъ на Днѣстръ и насытишася рыбъ и вина; оттуду же прѣйха Данилъ ко Мстиславу» т. е. въ Подолію (***). Судя по разсказу лѣтописи Городка, Щирека и Зубря, мы должны искать на сѣверозападъ отъ Галича по направленію къ Перемышлю, ибо Данилъ выслалъ своихъ воеводъ къ Городку на встрѣчу Венграмъ и Ляхамъ, шедшимъ отъ Перемышля, и дѣйствительно въ настоящее время мы находимъ по этому направленію города: Грудень на сѣверъ отъ Комарно, Щерзекъ прямо на востокъ отъ Комарно, и рѣку Зубржу, которая, начинаясь у Лемберга, впадаетъ въ Днѣстръ, принимая въ себя съ правой стороны рѣчку Щерку; мѣстности сіи какъ неважно лучше соотвѣтствуютъ извѣстію лѣтописи, слѣдовательно мы почти съ полною увѣренностію должны полагать лѣтописные Городокъ на мѣстѣ Грудека, Щирекъ на мѣстѣ Щерзекъ или рѣки Щерки, а Зубрью на мѣстѣ рѣки Зубржи. Рогожину же должно по всему вѣроятію искать на сѣверѣ или сѣверовостокѣ отъ Галича, ибо Венгры и Ляхи, преслѣдуя Мстислава, отступавшаго отъ Зубря, шли отъ Галича за Рогожину и тамъ принудили его удалиться въ Подолію; слѣдовательно Рогожиной являлась одна изъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣстръ между Стрипою и Зубрью, можетъ-быть та самая, на которой нынѣ стоитъ городъ Рогатынъ, или рѣка Липа. Очевидно, Мстиславъ, отступая отъ Зубря, долженъ былъ взять направленіе къ рѣкѣ Липѣ, т. е. на сѣверовостокъ отъ Галича; ибо съ запада и юга шли Угры и Ляхи, дорога же по Липѣ давала ему возможность въ случаѣ нужды безъ большихъ хлопотъ и обходовъ отступить въ Волинь или Подолію, что онъ и сдѣлалъ; а въ случаѣ успѣш-

(***). Ипат., 161.

ной встрѣчи съ Уграми, не лишила средствъ подать помощь Галичу, въ которомъ онъ велѣлъ пока держаться Данилу. Упоминаемый въ лѣтописи въ настоящемъ разсказѣ Толмачъ, очевидно, есть нынѣшній Тлумачъ, лежащій на юговостокъ отъ Галича; ибо Данилъ, получивши отъ Мстислава приказъ оставить Галичъ, естественно могъ отступить только на юговостокъ; на западъ ему не куда было идти, а сѣверъ и сѣверовостокъ были заняты Уграми и Лихами, гнавшими Мстислава. Если же Толмачъ есть нынѣшній Тлумачъ, то и Онута должно искать по тому же направленію къ юговостоку, и нынѣшнее мѣстечко Ануты на правомъ берегу Днѣстра нѣсколько на западъ отъ Днѣстровскаго Давинограда, именно должны стоять на мѣстѣ лѣтописнаго Онута; ибо Данилу, преслѣдуемому Уграми, можно было идти только линіею между Днѣстромъ и Прутомъ, избѣгая переправъ, на которыхъ могли бы его настичь Угры, гнавшіеся по пятамъ. Преслѣдованіе такъ было сильно, что Данилъ немогъ переправиться черезъ Днѣстръ и подъ Онутомъ, и долженъ былъ идти въ степи, какъ и сказано въ лѣтописи: «и идоша въ поле». Слѣдовательно упоминаемые здѣсь Плаву и Кучелминъ должно уже искать на юговостокъ отъ Онута въ степи. Плава очевидно была степнымъ городомъ на дорогѣ отъ Чернаго моря въ Галицкую землю; ибо здѣсь Данилъ, съ своею дружиною томимый голодомъ, захватилъ проѣзжавшій обозъ съ хлѣбомъ. Кучелминъ вѣроятно лежалъ еще восточнѣе Плавы и, кажется, уже на правомъ берегу Днѣстра нѣсколько южнѣе Ушицы; ибо въ лѣтописи подъ 1159 годомъ сказано, что Иванъ Ростиславичъ, подымаясь отъ устьевъ Днѣстра вверхъ, сперва подошелъ къ Кучелмину, а потомъ къ Ушицѣ⁽⁴⁰⁰⁾. Давъ въ настоящемъ разсказѣ есть подтвержденіе, что Кучелминъ стоялъ на Днѣстрѣ; ибо въ лѣтописи сказано: «придоша ниже Кучелмина, мысляще, кудѣ перейти рѣку Днѣстръ». Здѣсь же есть указаніе, что Днѣстръ былъ торговымъ путемъ изъ Чернаго моря; ибо Данилъ, ниже Кучелмина, встрѣтилъ ладьи, шедшіе, изъ Олешья (т. е. отъ устья Днѣпра), которыя перевезли его и дружину на лѣвый берегъ Днѣстра, и снабдили его виномъ и рыбою, вѣроятно товарами, везенными на продажу. Объ этомъ пути есть и другое свидѣтельство лѣтописи, подъ 1224 годомъ, гдѣ сказано:

(400) Ипат., 84.

«а выгонцы Галичскыя придоша по Днѣпру (вѣроятно по Днѣстру) и вондоша въ море; бѣ бо людей тысяща, и вондоша во Днѣпръ и возведоша пороги, и стаща у рѣкы Хорътиці на броду у протолчи» (401).

Подъ 1219 годомъ лѣтопись упоминаетъ о городѣ Щекаревѣ; гдѣ находился этотъ городъ, въ настоящее время опредѣленно указать нельзя; но, по смыслу лѣтописи, можно догадываться, что онъ лежалъ на границахъ тогдашней Польши съ Волиныю и Галиціею, гдѣ нибудь между Саномъ и западнымъ Бугомъ; ибо въ лѣтописи сказано: «приде Лестько на Данила къ Щекареву, бороня ему нти на помощь Мстиславу тестевн своему» (402). Мстиславъ же въ это время шелъ изъ понизья или Подоліи на Галичъ, занятый Уграми и Ляхами, куда по условію долженъ былъ идти и Данилъ изъ Владиміра-Волинскаго. На то же указываетъ и другое извѣстіе лѣтописи подъ 1282 годомъ, гдѣ она говоритъ, что Болеславъ Польскій, пользуясь временемъ, когда Левъ Галицкій пошелъ съ Татарами въ Венгрію, «пришелъ во двусту воева около Щекарева и взя десять селъ, и тако идашеть назадъ съ великою гордостію. По семъ же Левъ пріѣха домовъ, и сжался о бывшемъ, оже Болеславъ воевалъ его землю» (403). Это послѣднее извѣстіе ясно говоритъ, что Щекаревъ принадлежалъ къ Галицкимъ владѣніямъ; а изъ обонхъ свидѣтельствъ замѣтно, что онъ былъ пограничнымъ городомъ съ Польшею.

Въ извѣстіяхъ 1229 года встрѣчается Галицкое мѣстечко Углиницы, которое, по опредѣленному и ясному свидѣтельству лѣтописи, должно было стоять подлѣ самаго Галича на противоположномъ берегу Днѣстра; ибо лѣтопись прямо говоритъ: «Данилови же пріѣхавшу ко Галичю . . . стояше Угльницѣхъ, на брезѣ Днѣстра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ и стрѣляшася на леду; вечеруже бывшу, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ беззаконный лыхый Семьюнко» (404). Подъ 1230 годомъ упоминается Галицкій городъ Вишня; нынѣ есть въ Галиціи городъ Сандова-Вишня при рѣкѣ Вишнѣ на подорогѣ отъ Перемышля къ Львову. Эта мѣстность не противорѣчитъ извѣстію лѣтописи, гдѣ сказано, что бояринъ Филиппъ, благорасположенный къ

(401) Ипат., 164. (402) Тамъ же, 163. (403) Тамъ же, 310. (404) Тамъ же, 169.

Александру Бѣльскому, вызывалъ въ Вишню Данила изъ Галича, думая захватить его или убить; въ Перемышлѣ же въ это время собрались Галицкіе бояре, также злоумышлявшіе на Данила, куда послѣ укрылся и Александръ, когда по Данилову приглашенію Василько двинулся съ войскомъ къ Бѣльзу ⁽⁴⁰⁵⁾.

Подъ 1231 годомъ упоминается мѣсто Голья Горы, вѣроятно на востокъ отъ Галича; ибо въ лѣтописи сказано, что по вѣстїи Ярослава Уграми, Король пошелъ къ Галичу. «Климьята же съ Гольихъ Горъ убѣжа отъ князя Данила ко Королеви, и по немъ вси бояре Галичкѣи предашася» ⁽⁴⁰⁶⁾. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1144 годомъ, гдѣ сказано: «Всеволодъ (Олговичъ) иде къ Теребовлю. И выиде противу имъ Володимеръ (Галицкій) весь совокупився къ Теребовлю; и немогаша битися, зане бѣшеть межи ими рѣка Сереть, идоша обои подлѣ рѣку занедѣлю къ Звенигороду; и на Рожни-поли немогаша бити, зане Володимеръ стоя на Гольихъ Горахъ ⁽⁴⁰⁷⁾». Слѣдовательно Гольихъ Горъ должно искать между Теребовлемъ и Днѣстровскимъ Звенигородомъ, т. е. около рѣки Серета. Потомъ, подъ тѣмъ же 1231 годомъ, при разсказѣ о войнѣ Данила съ Королевичемъ Андреемъ, занявшимъ Галичъ, упоминается Галицкій городъ Тарчево; онъ, по смыслу лѣтописи, лежалъ около нынѣшняго Тариополя при верховьяхъ Серета, или за нимъ къ югу; ибо въ лѣтописи сказано, что Данилъ, нагнавъ разбитаго на Случи Андрея у Шумска, говорилъ съ нимъ чрезъ рѣку Велью; потомъ, передшедши Велью подъ Шумскомъ, погнался за нимъ къ Торчеву, гдѣ у нихъ былъ бой, послѣ котораго Андрей бѣжалъ въ Галичъ. Данилъ же, заключивъ союзъ съ Александромъ Бѣльскимъ, обратился къ Пльснѣску и взялъ его подъ Арбузовичами, и, получивъ много плѣнниковъ, пошелъ во Владиміръ-Вольнскій ⁽⁴⁰⁸⁾.

Въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на югѣ переступили уже границу Карпатскихъ горъ и простирались до предѣловъ нынѣшней Буковны и Трансильваніи. Наша лѣтопись представляетъ ясное о томъ свидѣтельство, подъ 1235 годомъ, гдѣ говорится, что Ростиславъ, сынъ Михайловъ, услышавши на возвратномъ пути съ охоты изъ степей, что Данилъ завладѣлъ

⁽⁴⁰⁵⁾ Ипат., стр. 170. ⁽⁴⁰⁶⁾ Тамъ же, 171. ⁽⁴⁰⁷⁾ Лавр., 135. ⁽⁴⁰⁸⁾ Ипат., 172—173.

Галичскѣ: «бѣжа во Угры путемъ; имъ же идяше на Борсуковѣ дѣлѣ, и приде къ Банарѣковѣ Родна, и отгуда иде во Угры⁽⁴⁰⁰⁾»: Наименованія, подобныя лѣтописнымъ, и теперь еще сохранились за двумя мѣстами на границахъ Буковины съ Трансильваніею: они называются Borszek и Rodna, и славятся минеральными водами. И въ лѣтописи Родна названа баней; да и весь рѣсказъ указываетъ на Борсекъ и Родю. Ростиславу, возвращавшемуся съ охоты изъ степей при-Прутскихъ, ближайшая и безопаснѣйшая дорога въ Венгрію была именно на сіи мѣста. Ему не нужно было ни сворачивать въ сторону, ни обращаться назадъ: онъ тутъ могъ пройти въ Угры тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шелъ къ Галичу, какъ и сказано въ лѣтописи: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на Борсуковѣ дѣлѣ».

Подъ 1241 и 1242 годами лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ городѣхъ: Бакотѣ, Коломыѣ и Калиусѣ. Бакота лежала въ Понизьѣ, т. е. нынѣшней Подоліи на Днѣстрѣ, какъ можно судить по смыслу лѣтописи, въ которой о Бакотѣ упоминается три раза; въ первый разъ сказано: «Доброславъ (Галицкій боляринъ) вшедъ въ Бакоту все Понизье пріа»; потомъ: «Ростиславъ собра князь Болоховскые и оставокъ Галичанъ приде къ Бокотѣ»; печатникъ Кирилль, посланный туда Даниломъ, не пустилъ его въ городъ, Ростиславъ же пошелъ за Днѣстръ; и наконецъ сказано: «Данилъ же хотя уставити землю, и бѣха до Бокоты и Калиуса»⁽⁴⁰⁰⁾. Всѣ сіи свидѣтельства прямо указываютъ на юговосточный край Галицкихъ владѣній, а особенно изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ видно, что Бакота должна быть на Днѣстрѣ ниже Хотина; ибо Калиусъ и теперь еще находится на лѣвомъ берегу Днѣстра въ Ушицкомъ уѣздѣ. У Меркатора, въ его Литовской картѣ, Бакота дѣйствительно показана ниже Хотина на лѣвомъ берегу Днѣстра. Коломыя и теперь еще существуетъ подъ именемъ Коломен на лѣвомъ берегу Прута, на югъ отъ Галича. Рядомъ съ Коломыею въ лѣтописи упоминается городокъ Вотьнинъ, должно быть нынѣшнее мѣстечко Отыня, лежащее на сѣверъ отъ Коломен на полдорогѣ къ Тисменицѣ; въ лѣтописи же Вотьнинъ названъ какъ бы пригородомъ Коломыи⁽⁴¹¹⁾.

(400) Ипат., стр. 175. (410) Тамъ же, 179, 180. (411) Тамъ же.

Подъ 1241 годомъ упоминаются Галицкія мѣста Печера и Домамири. Арцыбашевъ Печерию называетъ нынѣшнюю Деревню Печерну въ Загѣчанскомъ уѣздѣ, а Домамири принимаетъ за нынѣшній Мазамполь. Точно ли нынѣшніе мѣста занимаютъ помѣнутыя древніи, доказать нельзя; но то несомнѣнно, по смыслу лѣтописи, что Печера и Домамири должны быть въ этой сторонѣ; ибо Ростиславъ, шедшій изъ Пойнзья въ Галичъ, необходимо долженъ былъ идти чрезъ нынѣшніе Загѣчанскій и Марианпольскій уѣзды. Тутъ же упоминается городъ Щекотовъ, куда, при нашествіи Данила, Ростиславъ бѣжалъ изъ Галича. Вѣроятно, этотъ городъ лежалъ на западъ отъ Галича; ибо на этотъ разъ Ростиславъ, удаляясь въ Венгрію, послалъ Константина Рязанскаго въ Перемышль для поддержанія тамошняго Епископа своего, сторонника.

Подъ 1243 годомъ упоминается городъ Брокъ, подъ которымъ Татары разбили Ростислава, и откуда онъ бѣжалъ въ Угры. Можетъ быть, это нынѣшній Бржостекъ, на Вислохѣ, впадающемъ въ Вислу, который былъ по дорогѣ Ростиславу въ Венгрію. Не вдалекѣ отъ Бржостека, на одномъ изъ притоковъ восточнаго Вислока, находится нынѣ городъ Пржеворскъ, который также упоминается въ лѣтописи почти подъ нынѣшнимъ названіемъ и очевидно въ томъ же мѣстѣ. Подъ 1281 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «иже Лысько (Польскій) на Льва (Галицкаго) и вѣя у него городъ Переворескъ»⁽⁴¹²⁾. Это прямое свидѣтельство лѣтописи о Переворескѣ подтверждаетъ вѣроятность и указанной нами мѣстности Борка. Если это вѣрно, то въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на сѣверозападѣ очевидно простирались далеко за рѣку Санъ, къ Санскому и Вислинскому Вислокамъ. Если же принять за лѣтописный Брокъ нынѣшнюю деревню Борки, на западъ отъ Вислока, почти на самой Вислѣ, что также не противоричитъ смыслу лѣтописи: то очевидно, что Галицкая граница здѣсь простиралась до самой Вислы; и такимъ образомъ догадка Зубрицкаго (основанная на томъ, что и нынѣ есть нѣсколько Русскихъ селъ и деревень между Саномъ, Вислой и Дунайцемъ), что Русское племя издавна жило по правому берегу Вислы между Дунайцемъ и Саномъ⁽⁴¹³⁾, вполне

⁽⁴¹²⁾ Ипат., стр. 209. ⁽⁴¹³⁾ Крит. Пов. Черв. Русск. Зубр., стр. 37.

оправдывается нашею лѣтописью. Посему вышесказанное Русское народонаселеніе тамошняго края вовсе ненужно принимать за Польское заселеніе береговъ Вислы Русскими палиниками по завоеваніи Казимиромъ Галича; ибо лѣтопись, какъ мы видѣли, называетъ города Брокъ у Вислы и Зьпишь у Дунаѣя Русскими городами болѣе нежели за сто лѣтъ до Казимира.

Подъ 1259 годомъ въ лѣтописи упоминается Галицкій городъ Львовъ, нынѣшній Лембергъ, построенный Даниломъ. Въ 1840 году Казимиръ Король Польскій занялъ въ одинъ походъ Львовъ, а въ другой покорилъ Перемышль, Санокъ, Любачевъ, Галичъ, Тересовль и другіе города, и такимъ образомъ присоединилъ къ Польскимъ владѣніямъ всю землю Галицкую. Съ этого времени въ нашихъ лѣтописяхъ мы болѣе не встрѣчаемъ географическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Между Галицкими, Волынскими и Кіевскими владѣніями, на югъ отъ Туровскихъ, лежала земля князей Болоховскихъ. Она образовалась, какъ отдѣльное владѣніе, въ началѣ XIII или въ концѣ XII вѣка, частію изъ владѣній Туровскихъ, частію изъ Кіевскихъ и преимущественно изъ земель, занятыхъ Черными Клобуками. Въ первый разъ князья Болоховскіе упоминаются подъ 1231 годомъ; лѣтопись говоритъ, что съ Венгерскимъ Королевичемъ Андреемъ, во время его похода къ Бѣлобережью и Случи на Давида Романовича: «были Олександръ и Глѣбъ Зереміевичъ, ивнїи князи Болоховсции и Угоръ множество»⁽¹¹¹⁾. Но, вѣроятно, Болоховскіе князья были и прежде, и кажется безошибочно можно сказать, что ихъ владѣнія сдѣлались независимыми вскорѣ послѣ покоренія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго. Болоховъ же, или Болохово, упоминается еще въ 1150 году; когда Владимиръ Галицкій шелъ на помощь къ Юрью Долгорукому въ Кіевъ, его путь лежалъ, по описанію лѣтописи, на Болохово, Мунаревъ и Володареву⁽¹¹²⁾; онъ вѣроятно тогда принадлежалъ къ владѣніямъ Туронскимъ или Кіевскимъ. Границы Болоховской земли въ томъ видѣ, какъ она была въ XIII столѣтіи, прикасались съ владѣніями: Кіевскимъ, Туровскимъ, Волынскимъ и Галицкимъ; земли сіи были расположены по обоямъ берегамъ восточнаго Буга и простирались на югъ, можетъ быть, до Днѣстра, а на

⁽¹¹¹⁾ Ипат., 172. ⁽¹¹²⁾ Тамъ же, 50.

сѣверъ до верховьевъ Случи и Тетерева. Здѣсь, по указанію Лѣтописей, были города: Волоховъ или Волохово, на одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ восточнаго Буга, гдѣ нынѣ Волобовцы на западъ отъ Хмѣлника; Деревичъ, на одномъ изъ притоковъ Случи, который и теперь называется Деревичка и находится въ югозападномъ краю нынѣшняго Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Городецъ, онъ же кажется и Городокъ, можетъ быть нынѣшній Грудскъ, на лѣвомъ берегу Смотрича, въ сѣверо-восточномъ концѣ Каменецъ - Подольскаго уѣзда; Кудинъ, вѣроятно нынѣшняя Кодня, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева въ Житомирскомъ уѣздѣ; Божскій, можетъ быть на рѣкѣ Бугѣ, или рѣчкѣ Божскъ, впадающей въ восточный Бугъ при его верховьяхъ въ Лѣтичевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Межибожья; Межибожье, между Бугомъ и Бужскомъ въ углу, гдѣ и теперь еще есть деревня Менджибожь; Дядьковъ, можетъ быть нынѣшнее селеніе Дьяковцы въ Литинскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Межибожья; Белобережье, при верховьяхъ Случи; Савочъ, на западъ отъ Волохова, гдѣ нынѣ село Самчинцы, въ юго-восточномъ углу Староконстантиновскаго уѣзда; Городескъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева, гдѣ нынѣ Ясно-Городокъ, въ юго-восточномъ углу Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Жидичевъ, на рѣкѣ Тетереви, можетъ быть нынѣшній Житомиръ; Чернятинъ, не нынѣшнее ли Чернихово на сѣверъ отъ Житомира въ Житомирскомъ уѣздѣ; Возягль, не тамъ ли, гдѣ нынѣ селеніе Ваглай, въ восточномъ углу Староконстантиновскаго уѣзда, на востокъ отъ Бѣлобережья. Кромѣ того въ чинахъ городовъ Волоховской земли упоминаются Кобудъ и Губино, вѣроятно лежавшіе въ Прибужскомъ же краю, но гдѣ именно неизвѣстно.

Подъ 1243 годомъ въ лѣтописи сказано: «Данилъ князи Волоховскіе изья отъ руку Болеславию, князи Мозовскаго, рекшу Болеславу, яко не вѣдахъ ниъ? рекый: несуть вон твои, но суть особини князи, и хотише разграбити ѣ; они же обѣщашася работѣ быти; оумъ же молящися, Данилъ же и Василько за нѣ зети съ нимъ брань створити» (*). Въ этомъ мѣстѣ лѣтописи и некоторые исследователи думаютъ видѣть указаніе на то, что Волоховская земля была въ сосѣдствѣ съ Мазовією; но лѣтопись

(*). Ипат., стр. 160.

говорить только, что Болоховскіе князья, когда-то прежде 1243 года, напали на Мазовецкую землю вѣстѣ съ Даниломъ и Василькомъ, можетъ-быть по ихъ приглашенію, или скорѣе пользуясь ихъ походомъ въ ту сторону. Потомъ, когда Данилъ и Василько помирились съ Болеславомъ, то сей послѣдній хотѣлъ ограбить ихъ и говорилъ, что они не Даниловы воины, а особные князи; но Данилъ заступился за нихъ, какъ за своихъ союзниковъ. Здѣсь нѣтъ и помину о союзнствѣ Болоховской земли съ Мазовецкою; а всѣ другія свидѣтельства лѣтописи прямо указываютъ, что она лежала въ томъ правѣ, который нами означенъ выше, т. е. въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи на сѣверовостокъ отъ Днѣстра по обоимъ берегамъ восточнаго Буга. Лѣтописныя свидѣтельства, подтверждающія указанную нами мѣстность Болоховской земли и частію объясняющія положеніе городовъ ея, упоминаемыхъ въ лѣтописи, суть слѣдующія: подъ 1231 годомъ лѣтопись говоритъ о союзѣ Болоховскихъ князей съ Королевичемъ Андреемъ и о походѣ ихъ къ Бѣлоберезью, гдѣ они бились у рѣки Случь съ Даниловымъ воеводою Володиславомъ, шелшимъ изъ Кіева ⁽¹¹⁷⁾. Потомъ подъ 1235 годомъ сказано: «придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховскіи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцу» ⁽¹¹⁸⁾. Далѣе подъ 1241 годомъ разсказывается: «Ростилавъ (Михайловичъ, княжившій въ Галичѣ) собра князи Болоховскыи и останекъ Галичанъ, приде ко Бакотѣ» ⁽¹¹⁹⁾. Тутъ же говорится, что Болоховская земля была подъ покровительствомъ Татаръ; вотъ слова лѣтописи: «оставили бо ихъ Татарове, да имъ орютъ лишеницю и проса» ⁽¹²⁰⁾. И наконецъ подъ 1257 годомъ въ лѣтописи замѣчено: «Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ, сгадавъ съ братомъ и со сыномъ посла Деонисія Павловича, взя Межбожье, потомъ воевахуть людіе Данилови же и Василькови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарскыи; веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць и на вся городы, и взя Городокъ и Самоць и всѣ городы, сѣдѣши за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жиличица. Възъязглише солгаша Шварномъ, поимше Тявуна не вѣдша ему тявунати;

(¹¹⁷) Ипат., 172. (¹¹⁸) Тамъ же, 174. (¹¹⁹) Тамъ же, 179. (¹²⁰) Тамъ же, 180.

Шварно же приде доймавъ города вси, и по немъ придоша Бѣ-
добрержцѣ, и Чернытци, и вси Болоховци къ Данилу» ⁽⁴²¹⁾.
Подъ 1150 годомъ, при описаніи похода Владиміра Га-
лицкаго на Кіевъ, лѣтопись свидѣтельствуетъ, что его путь ле-
жалъ на Болохово, Мунаревъ и Володареву ⁽⁴²²⁾. Всѣ сіи сви-
дѣтельства ясно говорятъ, что Болоховская земля была по до-
рогѣ отъ Галича къ Кіеву. Такъ, по послѣднему свидѣтельству,
Владиміръ идетъ изъ Галича къ Кіеву на Болохово; а по пер-
вымъ тремъ свидѣтельствамъ, Болоховскіе князья являются союзи-
никами Галичанъ и нападаютъ на Волынь съ юговостока, а не
съ сѣверозапада, какъ они нападали бы, еслибы жили въ
сосѣдствѣ съ Мазовіей. По четвертому свидѣтельству, Болохов-
ская земля является, подъ покровительствомъ Татаръ или за
Татарами, и жители ея ороютъ для нихъ пшеницу и просо; но въ
сосѣдствѣ съ Мазовією у Татаръ никогда не было владѣній,
и всѣ походы ихъ въ Польшу кончались ничѣмъ. Кромѣ того,
свидѣтельство 1257 года прямо указываетъ на нѣкоторые Бо-
лоховскія мѣстности, которыя частію и теперь еще сохранили
прежнія названія, и лежатъ именно на дорогѣ изъ Галича въ
Кіевъ. Такъ, по словамъ лѣтописи: «Данилъ воздвиже рать
противу Татаръ, посла Леонсія Павловича и взя Межи-
божье», которое и теперь еще извѣстно подъ именемъ Мен-
жибожа, и стоитъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Бо-
жанъ въ восточный Бугъ. Далѣе сказано: «потомъ же воевахуть
людье Даниловиче и Василькови Болоховъ, а Двои Побожье и
люди Татарскыя» — и нынѣ селеніе Болосовица лежитъ первое въ
прямомъ направленіи на сѣверъ отъ Межибожья; а Побожьемъ
очевидно названъ или городъ, лежащій за Бугомъ отъ Боло-
хова, или весь край на югъ отъ Буга, сопредѣльный въ то
время съ кочевьями Татарскими, какъ и сказано въ лѣтописи:
«пшовоератца Добожье и люди Татарскыя». Другія подробности
сего свидѣтельства показываютъ на тотъ же край; такъ, въ
томъ же году, вѣсною Данилъ послалъ сына своего Шварна
на Городокъ и Семеновъ; и теперь еще на Смотричѣ есть селеніе
Грудекъ или Городокъ прямо на дорогѣ изъ Галича къ во-
сточному Бугу. Далѣе за Грудекомъ на сѣверовостокъ,
уже за Бугомъ, къ сѣверу подлѣ Болохова или нынѣшняго

⁽⁴²¹⁾ Ипат., стр. 194—195. ⁽⁴²²⁾ Тамъ же, 50.

селенія Болосовцы, лежить селеніе Самчинцы, которое какъ разъ приходится на дорогѣ къ верховьямъ Тетерева, куда шелъ Шварнъ. Отъ селенія Самчинцы, или лѣтописнаго города Семоць къ сѣверовостоку лежить селеніе Вагай, мѣстность котораго соотвѣтствуетъ лѣтописному городу Возваглю; ибо въ лѣтописи сказано, что по взятіи Сѣмоца Возваглю не прислали къ Шварну сказать, что они принимаютъ его туна, и онъ, пославши къ нимъ туна, мнновавъ Возвагль, пошелъ прямо къ Тетереву и взялъ Городескъ, нынѣшній Ясно-городокъ, стоящій на одномъ изъ притоковъ Тетерева, потомъ покорилъ всѣ города, лежащіе по Тетереву до Жидичева; нынѣшняго Житомира. Наконецъ то же свидѣтельство говоритъ, что по занятіи городовъ по Тетереву, покорились Данилу Бѣлобережцы, Чернятинцы и Болоховцы, т. е. всѣ города Болоховскіе, лежащіе на сѣверъ отъ пройденнаго Шварномъ пути; ибо о Бѣлобержцахъ мы вѣрно знаемъ, что они жили къ сѣверу отъ Возвагля въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хомара въ Случь. Лѣтопись подъ 1231 годомъ прямо говоритъ: «Володиславу ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, гониша до рѣки Деревное и лѣса Чертова» (483). И теперь еще въ этомъ краю есть рѣка Деревичька, впадающая въ Случь. Свидѣтельство лѣтописи подъ 1241 годомъ исчисляетъ остальные Болоховскіе города, о которыхъ мы говорили выше; въ лѣтописи сказано: «слышавъ же Данилъ приходъ Ростиславль со князи Болоховскими на Бакоту, абѣ устремися на нѣ, и поима грады ихъ: Деревичъ, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городець, Божьскый, Дяльковъ» (484). Это свидѣтельство важно для насъ тѣмъ, что города сіи, очевидно лежащіе въ Прибужскомъ краѣ, называются прямо городами Болоховскихъ князей. При нападеніи Батя на Приднѣпровье, Вольинъ и Галичъ, какъ мы уже видѣли, Болоховская земля была пощажена Татарами; ибо Болоховскіе князья обязались воздѣлывать для нихъ поля. Дальнѣйшая судьба Болоховскихъ владѣній намъ не извѣстна; вѣроятно, они, какъ ближайшія къ Татарскимъ кочевьямъ, начавшимся на югъ за Бугомъ, и кажется частію населенныя Татарами, причислились въ послѣдствіи къ Бѣлогородской ордѣ, кочевавшей въ низовьяхъ Днѣстра и Буга.

(483) Ипат., стр. 172. (484) Тамъ же, 180.

На сѣверъ отъ Волынскихъ, Туровскихъ и Кіевскихъ владѣній, между западнымъ Бугомъ и Днѣпромъ, лежали земли Ятвяжскія, Литовскія, Пинскія и Полоцкія. О знакомствѣ Волынцовъ съ землею Ятвяжскою мы уже упоминали, говоря о географическихъ свѣдѣніяхъ западнорусской Руси съ своими сѣдами на сѣверозападѣ; подробнѣйшихъ извѣстій объ этомъ краѣ наши лѣтописи не представляютъ.

Первое ближайшее знакомство жителей Волыни съ Литвою, по нашимъ лѣтописямъ, начинается съ 1215 года, когда Литовскіе князья, числомъ двадцать одинъ, прислали посольство къ Данилу и Васильку Романовичамъ съ предложеніемъ мира; впрочемъ здѣсь мы еще узнаемъ только о нѣкоторыхъ племенахъ, которыя, по указанію лѣтописи, были собственно Литовцы, Жмудь, Руськовичи, Булевичи и Дяволтва. Лѣтопись говоритъ: «Бяху же имена Литовскихъ князей, се старѣйшес: Живинбудъ, Давъятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Вилкикалъ; а се Жемотьскіи князи: Ердвиль, Выкымтъ; а Руськовичевъ: Квинтубуть, Вонибуть, Бутовить, Вишвикъ и сынъ его Вишлий, Китеній, Пликосова; а се Булевичи: Вишмутъ, его же уби Минодогъ и жену его поимъ и братью его побилъ, Едввила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юльки, Пуквикъ, Бикши, Ликвикъ» (425). Гдѣ жили упоминаемыя здѣсь племена, настоящее свидѣтельство лѣтописи не указываетъ; мы узнаемъ жилища только нѣкоторыхъ изъ сихъ племенъ по другимъ источникамъ. Лѣтопись Быковца говоритъ, что жилища Жмуди были по низовьямъ Нѣмана и по рѣкамъ Дубиссъ, Юрѣ, Нѣвежѣ и Святой; потомъ по рѣкѣ Валин начиналась собственно Литовская земля (426), которая на югъ простиралась, кажется, до Ясольды и Шары, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Жилища Дяволтвы находились, кажется, на сѣверѣ отъ Литовской земли по верховьямъ рѣки Святой, около нынѣшняго Вилкомира, гдѣ и теперь еще есть селеніе Дѣвлятовъ; вѣроятно на сѣверозападѣ они сходились съ землею Латышъ. Гдѣ жили Руськовичи и Булевичи, мы не знаемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что Литовская земля вообще на западѣ граничила съ землею Ятвяжскою, на сѣверѣ съ Латы-

(425) Ипат., стр. 161—162. (426) Рѣчнiки до dz. Litew., стр. 2—3.

голою и Немодими, на востокъ съ Полоцкими и на югъ съ Пинскими и Волынскими владѣніями.

Въ лѣтописи Быковца, безъ означенія годовъ, являются древнѣйшими Литовскими городами по Нѣману отъ устья вверхъ: Юрбургъ на рѣкѣ Юрѣ, можетъ-быть нынѣшнее Цюрюжч, но очевидно не Юрбургъ на Нѣманѣ, который стоитъ слишкомъ далеко отъ Юры; потомъ Курововъ при устьѣ рѣки Нѣводи, нынѣшній Корно; далѣе, по рѣкѣ Святой, нынѣшней Срантѣ, Видкомаръ въ землѣ Дзевялтовской. Первые два города были собратенно въ землѣ Жмудской, которая, кажется, простиралась отъ устья Нѣмана на востокъ до рѣки Святой; потомъ за рѣкою Святою къ сѣверовостоку начиналась земля Дзевялтовская, или, по нашимъ лѣтописямъ, Дяволтва. Въ этой же землѣ, кажется, кромѣ Видкомира, на сѣверовостокъ отъ него былъ еще городъ Керновъ, вѣроятно нынѣшнее селеніе Кравна въ Видкомарскомъ уѣздѣ на западъ отъ Динабурга, при верховьяхъ рѣки Святой, въ ближайшемъ сѣвѣдствѣ съ Летогою. Указанная нами мѣстность Кернова совершенно согласна со смысломъ лѣтописи, которая говоритъ: «княже Куносъ (Жмудскій владѣшій въ Корно) мѣлъ двухъ сыновъ, одного Кернуса, а другого Гамбута. А пануючио ему въ земли Жмудской, початъ множити и разширати, и выхолити за рѣку Веллу, въ землю Завельскую, и прошедъ рѣку Святую вышей и нашелъ мѣстце велми хорошо, и сидобалоса ему тоє мѣстце велми, и отъ тамъ доселилъ сына своего Кернуса, и назвади тоє мѣстце до Кернусѣ Керновомъ. А потомъ Куносъ умре и по немъ сынъ его Кернусъ пановаль на всей земли Завельской, по гранциу Летыгелокую и по Завельскій Браславъ, ажъ по рѣку Дядину» (427). Потомъ Быковецъ говоритъ, что вся страна на востокъ отъ рѣки Святой и на сѣверъ отъ Веллы, нынѣшней Виляи, называлась землею Литовскою, которая на сѣверъ простиралась до западной Двины, гдѣ граничала съ Летыгою, и на востокъ до Браслава, гдѣ сходилась съ владѣніями Полоцкими. Но за Вилю на югъ Литовскія владѣнія первоначально еще не перекочили; южный берегъ Виляи и верхнее теченіе Нѣмана еще принадлежали Русскимъ князьямъ; ибо, по словамъ Быковца, Литовцы перебрались на югъ за Вилю только по нашествіи

(427) Pominiki do dziejow Litewskich, стр. 2—3.

Батый на Кіевъ. Вотъ подлинныя его слова: «а въ тотъ лѣтъ дѣялася князь великій Монтвиалъ Жомойтскій изъ Русская сторона спустѣла, и князи Русскіе розогнаны, и онъ давши вѣско сыну своему Ердивилу и послалъ съ нимъ пановъ своихъ рѣдныхъ. И зашли за рѣку Веллу, и потомъ перешли рѣку Нѣманъ, и зашли въ четырехъ мильхъ отъ рѣки Нѣина гору красную, и сподобалося имъ и вчанами на ней городъ и назвали его Новгородокъ, и вчинилъ соби князь велики Ердивилъ сталець и назоватися великимъ княземъ Новгородскимъ. И пошодши зъ Новгородка и зарубилъ городъ Городенъ, и потомъ пошолъ до Берестья, и нашелъ Берестецъ и Дрогичинъ и Меликъ отъ Батый спустошовъ и показены, и онъ тые города зарубилъ и почалъ на нихъ княжити»⁽⁴²²⁾. Это свидѣтельство Литовскаго лѣтописца, хронологически хотя неопределенное, имѣетъ нѣкоторое согласіе съ Вольнскою лѣтописью, въ которой въ первый разъ упоминается о Новгородѣ и Гроднѣ, какъ о Литовскихъ городахъ, не раньше 1253 года; гдѣ сказано: «Тевтивалъ (Жмудскій) присла Ревбу река: поиди къ Новгороду. Данило же поиде съ братомъ Василкомъ и со сыномъ Лвомъ, и съ Половцы, со оватомъ своимъ Тегакомъ, и приде къ Польшу; князи же Пиньщѣи имѣаху леств, и поа ѣ со собою неволєю на войну. И послаша сторожѣ Литва на озерѣ Зьятѣ, и гнаша перезъ болота до рѣки Щарѣ . . . На утрѣи же плѣниша всю землю Нологородскую, оттуда же возвратишася въ домъ свой. Потомъ же посла съ братомъ и со сыномъ Романомъ люди свои, и взяста Городенъ, а сама воротишася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя пѣшцы и коньницы на грады ихъ, и плѣниша всю воотчину ихъ и страны ихъ. Миндогъ же посла сына си и воева около Турьска. Того же лѣта присла Миндогъ къ Данилу, прося миру и хотя любви о святѣствѣ»⁽⁴²³⁾. Такимъ образомъ и Литовская и Русская лѣтописи согласно свидѣтельствуютъ, что Литовцы перебрались на югъ за Валию не раньше половины XIII столѣтія; до этого же времени южный берегъ Вилии принадлежалъ Русскимъ князьямъ, какъ объ этомъ прямо сказано въ лѣтописи Быховца, и что также подтверждается Вольнскою лѣтописью подъ 1235 годомъ, гдѣ упоминается о Изяславѣ, княжившемъ въ

⁽⁴²²⁾ Pomn. do dz. Lit., стр. 4. ⁽⁴²³⁾ Ипат., 196.

Новгородѣ, который по приглашенію Даниила ходилъ вмѣстѣ съ Миндовгомъ на Ляховъ⁽⁴⁰⁰⁾. Выходецъ не говоритъ, какому роду Русскихъ князей принадлежалъ южный берегъ Вислы, и въ Волынской лѣтописи также не объяснено, кто такой былъ по происхожденію Изяславъ, княжившій въ Новгородѣ; но, очевидно, онъ не принадлежалъ ни къ Волынскимъ, ни къ Пинскимъ князьямъ, ибо между Волынскими князьями въ это время не было Изяслава, какъ это заподлинно извѣстно по лѣтописи. Пинскіе же князья были въ нѣкоторой зависимости отъ Даниила; выраженіе же лѣтописи: «Даниль возведе на Конрада Литву Миндовга, Изяслава Новгородскаго», показываетъ Миндовга и Изяслава независимыми отъ Даниила, самостоятельными князьями. Посему съ достаточною вѣроятностію можно допустить, что въ началѣ XIII столѣтія южный берегъ Вислы еще принадлежалъ роду Полоцкихъ князей, старинныхъ владѣльцевъ этого края. Впрочемъ есть извѣстія, что еще въ концѣ XII вѣка Литва старалась утвердиться здѣсь и даже, кажется, дѣлала набѣги къ берегамъ Припяти; ибо подъ 1190 годомъ лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча ходилъ на Литву⁽⁴⁰¹⁾; потомъ подъ 1193 годомъ та же лѣтопись упоминаетъ, что Рюрикъ опять изъ Овруча сбарахся на Литву⁽⁴⁰²⁾; и даже въ 1195 году снова вѣдиль въ Овручъ «своихъ дѣла орудій»⁽⁴⁰³⁾. Вообще, владѣя Киевомъ, онъ часто жилъ въ Овручѣ для своихъ дѣлъ, сѣдовательно берегамъ Припяти въ это время грозилъ опасность отъ Литовцовъ; но крайней мѣрѣ ихъ набѣги удачныя или неудачныя простирались до этого края.

Такимъ образомъ, по общему свидѣтельству Литовской и Волынской лѣтописей, въ половинѣ XIII вѣка Литва владѣла всєю страной отъ западной Двины или границъ Латышска почти до Припяти, или точнѣе до верховьевъ Шары и устья Ислады, которая въ то время отдѣляла Литву отъ Волыни; какъ объ этомъ ясно говоритъ Волынская лѣтопись подъ 1253 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Даниила къ Новгородку, Литовцы выслали своихъ сторожей къ озеру Зьятъ и къ рѣкѣ Шарѣ. Въ этомъ краю по Русскимъ лѣтописямъ упоминаются

⁽⁴⁰⁰⁾ Иват., стр. 175. ⁽⁴⁰¹⁾ Тамъ же, 141. ⁽⁴⁰²⁾ Тамъ же, 143. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 147.

Литовскіе города; Зѣтговъ, на одномъ изъ притоковъ Немана, самый ближайшій Литовскій городъ къ Пинскимъ владѣніямъ; Волковыескъ, не подалеку отъ рѣчки Россы, впадающей въ Шчману съ лѣвой стороны, на западъ отъ рѣчки Зелва; Услонимъ, нынѣшній Слонимъ, на Шарѣ; и Новорородокъ на сѣверо-востока, отъ Слонима. Лѣтопись, при описаніи Данилова похода на Миндовга въ 1252 году, говоритъ: «Данило же и Василько поидоста къ Цовугороду. Данилъ же и Василько, братъ его, разгадавъ со-сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Зытгову; и поидаша грады многы и възвратихася въ домъ»⁽⁴³¹⁾. Далѣе подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаются въ лѣтописи города Ворута и Твиреметь. Нынѣ сихъ названій не сохра-нилось; но по смыслу лѣтописи, Воруту должно искать на сѣверо-западъ отъ нынѣшней Вильны; ибо въ ней сказано: «Твиреметь (изъ Жмуди) иде на Миндовга; Миндовгъ же собрался бѣ и умысливъ же собѣ небитися полкомъ, къ вниде во градъ именованъ Ворута». Очевидно Ворута была на границѣ Литвы съ Жмудью. Твиреметь уже въ самой Жмуди. Лѣтопись го-воритъ: «приде Миндовгъ, собравъ силу велику, на городъ Выкынтовъ (Жмудскаго князя) именованъ Твиреметь, въѣха же Твиреметь изъ города, Русь и Половцы Даниловы съ ними и Жемонть съ ними, и мнози пѣшцы; гонящимъ же имъ, застрѣли копь Подовцинь Миндогава въ стегно, и возвратися Миндовгъ въ землю свою»⁽⁴³²⁾. Слѣдовательно прямо называется Твиреметь Жмудскимъ городомъ, и Арцыбашевъ съ довольноимъ вѣроятіемъ, при опредѣленіи мѣстности Твиремета, указываетъ на нынѣшній Тверь въ Тельшскомъ уѣздѣ Виленской губер-ніи⁽⁴³³⁾. Въ походѣ Даниловомъ на Миндовга въ 1253 году упо-минается Литовскій городъ Городець, который взяли Даниловы людя, шедшіе отъ Бѣльска; это очевидно нынѣшнее Гродно, что подтверждается другимъ свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1260-го годомъ, гдѣ сказано, что полки Даниловы отъ Волковыеска, воз-вращи по Зелвѣ, задумали ити на Городець⁽⁴³⁴⁾; а рѣка Зелва отъ Вилковиска течетъ по дорогѣ на нынѣшній Гродно. Подъ 1260 годомъ упоминается земля Нальчанская; лѣтопись го-воритъ: «вищуцо ему (Васильку Романовичу) сыновца своего Романа

⁽⁴³¹⁾ Ипат., 187. ⁽⁴³²⁾ Тамъ же, 188. ⁽⁴³³⁾ Арц. Повѣст. о Рос. Т. II, прил. 125. ⁽⁴³⁴⁾ Тамъ же, 197.

возвраще землю Литовскую и Нальщанскую. Это обстоятельство показывает, что Нальщанскую землю должно искать подъ Литовскою, и вѣроятно за Вилией къ сѣверу, что подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1264 годомъ, гдѣ сказано: «Воишеагъ видѣвъ помочь Шварнову и Василькову, ница пристраиватися и поиде въ силѣ тяжцѣ, и нача города имати по Дивелтѣ и въ Нальщанѣхъ»⁽¹⁴⁰⁾. Дивелта же, мы знаемъ, была около нынѣшняго Вилкомира, следовательно и Нальщанскую землю должно полагать въ той же, сторонѣ. У Выховца есть извѣстiе, что Гольшанъ, сынъ Романова, князя Литовскаго, перемедъ рѣку Веллу, «нашолъ гору Красную межъ горами надъ рѣкою Вальнею, въ милѣ отъ устья рѣки Вилии, гдѣ упадываетъ въ рѣку Веллу противъ Роконтышокъ и въсчнилъ городъ, и назове своимъ именемъ Гольшаны»; потомъ «чина ловы въ луцѣ» за десять милъ отъ вновь построеннаго города, нашелъ другое удобнѣйшее мѣсто надъ рѣкою Кораблемъ, и тамъ поселился и назвался княземъ Гольшанскимъ⁽¹⁴¹⁾. Если землю Гольшанскую Выховца принять за одно съ землею Нальщанскою Вольинскою лѣтописи, что очень вѣроятно по разности языковъ того и другаго источника: то Нальщанская земля должна быть на сѣверѣ отъ Вилии въ 10 миляхъ отъ впаденiя въ нее Виленки, что не противорѣчитъ и смыслу нашихъ лѣтописей, въ которыхъ Нальщанская земля показывается между Литовскою землею и Дивелтвою.

При описанiи смерти Миндовга, въ 1263 году, Вольинская лѣтопись говоритъ, что въ это время Полоцкъ принадлежалъ уже Литвѣ; ибо Тренига, князь Жмудскiй, одинъ изъ соучастниковъ Миндовгова убiйства, какъ сказано въ лѣтописи, «послѣ по брата своего по Товтивила до Полотьска, рѣка тако: брате прiйдя сѣмо, раздѣливъ землею и добытокъ Миндовговъ»⁽¹⁴²⁾. Дошедши до того времени, когда Полоцкъ причислялся къ Литовскимъ владѣнiямъ, мы обратимся къ географическимъ свидѣнiямъ о Полоцкой землѣ за прежнее время.

Полоцкiя владѣнiя въ XI столѣтiи и въ началѣ XII были довольно обширны; на востокъ они простарались до Днѣпра, къ сѣверу граничили съ владѣнiями Новгородскими и Валуйскимъ моремъ, на западѣ терлись въ лѣсахъ Литвы и Жмуди, можетъ

(140) Ипат., стр. 202. (141) Pomniki do dz. Litew., стр. 11. (142) Ипат. 201.

обитъ, вплоть до рѣки Святой и даже далѣе, а на югѣ упирались въ Припять. Имѣя прямое сношеніе съ Балтійскимъ моремъ и прорѣзанная значительными рѣками, земля Полоцкая была одною изъ самыхъ удобныхъ странъ для торговли; на юго-востоку судоходная Вережина открывала Полочанамъ большую дорогу къ Двѣпру; черезъ самый Полоцкъ текла западная Двина, служившая прямою дорогою въ Балтійское море, и на юго-западѣ отъ Минска начинался Нѣманъ, поперекъ пересѣкавшій Литовскую землю, и также ведшій торговцевъ къ Балтійскому морю. Богатство и своеволіе жителей показываютъ, что въ XII вѣкѣ торговля Полочанъ была въ цвѣтущемъ состояніи, и что тамошній народъ былъ одного характера и образа жизни съ Новгородцами и Смоленянами.

О владѣніяхъ Полоцкихъ князей на берегу Балтійскаго моря по Двинѣ и Нѣману свидѣтельствуетъ Несторъ въ XII столѣтіи: онъ въ числѣ племенъ, платящихъ дань Руси, перечисляетъ Лягу, Зимголу, Корсь и Либь ⁽⁴⁴¹⁾. Изъ нихъ Зимгола или Жмудь, Жемондь, а съ нею и Литва, какъ уже извѣстно намъ по Бѣховцу, и въ XII вѣкѣ жили при устьѣ Нѣмана и на востокъ отъ устья по Нѣману до рѣки Невъжи и потомъ пойдя до рѣки Святой; а Корсь и Либь, племена Латышскія, или лѣтописная Лѣтыгола, по Русскимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, имѣли свои поселенія по берегу Балтійскаго моря отъ устьевъ западной Двины на сѣверовостокъ и на югозападъ. Слѣдовательно, если сіи Литовскія и Латышскія племена были данниками Руси во время Нестора, т. е. въ началѣ XII вѣка, то поэтому и берегъ Балтійскаго моря при устьяхъ Нѣмана и Двины; и на востокъ отъ устьевъ Двины, принадлежалъ Руси; изъ Руссовъ же здѣсь не кто другой могъ быть владѣтелемъ, какъ Полочане, ближайшіе сосѣди къ этому краю. Это подтверждается еще тѣмъ, что, во 1-хъ, подъ 1106 годомъ лѣтопись упоминаетъ о походѣ Полоцкихъ князей въ Зимголу или Жмудь ⁽⁴⁴²⁾; и во 2-хъ, что Нѣмцы, поселяясь въ XII вѣкѣ при устьяхъ Двины, должны были просить на то согласія Полоцкихъ князей, какъ владѣльцевъ этого края. Ливонская лѣтопись прямо говоритъ, что Полоцкій князь Владиміръ господствовалъ до устья Двины въ 1186 году, и имѣлъ на Двинѣ крѣпость Кокенойсъ (нынѣшній Кокенхузенъ); по

(441) Полн. Собр. Р. А. Т. I, стр. 5. (442) Тамъ же, 120.

томъ говорить о другомъ Двинскомъ князѣ, Всеволодѣ, который жилъ въ Герсикѣ, нынѣшнемъ Крейцбургѣ. Такимъ образомъ три лѣтописи, Руская, Ливонская и Литовская, прямо свидѣтельствуя, что Полоцкія владѣнія на западъ и сѣверозападъ простырались до Балтійскаго моря; что въ Латышской землѣ или Летыголѣ Полоцкія князья имѣли крѣпости по Двинѣ; что въ Жмудѣ, т. е. къ устью Немана, дѣлали походы, хотя не всегда удачныя, и что Литовцы начали выдвигаться за рѣку Святую на востокъ не раньше конца XII вѣка, да и то только къ сѣверу отъ Вилии, на южный же берегъ Вилии переступили не раньше половины XIII столѣтія. Все это пространство до того времени исключительно причислялось къ Полоцкимъ владѣніямъ и, кажется, большая часть городовъ въ этомъ краѣ принадлежала своимъ населеніемъ и построеніемъ Полочанамъ, на что намекаютъ ихъ названія чисто Русскія; напримѣръ: Новгородокъ, Волковыескъ, Городець, Ковно, Воруто, Вилкомиръ и другіе. То же указаніе видимъ въ названіяхъ Литовскихъ рѣкъ, напримѣръ Нѣманъ, отъ верховья, начинающагося недалеко отъ Минска до самаго устья, носитъ одно названіе и по нашимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, слѣдовательно по всему теченію этой рѣки жилъ одинъ господствующій народъ—Полочане; потомъ рѣки, впадающія въ Нѣманъ, даже въ его низовьяхъ, носятъ чисто Русскія имена, таковы: Дубина, Невѣжа, Святая и пр.

Изъ нашихъ лѣтописей XII и XIII столѣтій мы можемъ подчерпнуть слѣдующія географическія свѣдѣнія о землѣ Полоцкой. Подъ 1116 годомъ, при описаніи войны Мономаха съ Глѣбомъ Полоцкимъ, встрѣчаются ближайшіе къ границамъ Смоленскихъ и Кіевскихъ владѣній Полоцкіе города: Орша (или Рша) и Копысь на Двѣрѣ, Друць на Друцѣ и Минскъ на Свислочѣ, впадающей въ Березину. Лѣтопись говоритъ: «Володимеръ поиде къ Смоленску съ сыномъ своимъ, съ Давыдомъ Святославичемъ и Олговичи, и взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Друтескъ на щитъ, а Володимеръ самъ поиде къ Меньску» (112). Далѣе, подъ 1128 годомъ, по случаю войны Мстислава Кіевского съ Полоцкими князьями, упоминаются въ этомъ краѣ города Изяславъ, нынѣшній Заславъ, на сѣверозападъ отъ

(112) Ипат., стр. 7.

Минска при верховьяхъ Свислочи; Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнѣ на правомъ берегу Двѣпра, между устьями Друча и Березины; Борисовъ, на Березинѣ; Логожскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гнойнѣ, на сѣверовостокъ отъ Изяславля и на западъ отъ Борисова; Неклочь, на сѣверовостокъ отъ Борисова, ближе къ Полоцку, въ нынѣшнемъ Лепельскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ указываютъ Надеждинъ и Неволнинъ, по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, значится селеніе Неклочь, неподалеку отъ Ленеля на сѣверомостокъ. Указанная здѣсь мѣстность означенныхъ городовъ вполне согласна съ разсказомъ Лѣтописи о войнѣ Мстислава съ Полоцкими князьями. Лѣтопись говоритъ: «посла Мстиславъ Вячеслава изъ Турова, Авдрея изъ Володимеря (Вольнскаго), Всеволода изъ Городна, Вячеслава Ярославича изъ Клецка, тѣмъ повелѣ мати къ Изяслави» (444). И указанный нами Изяславъ, т. е. нынѣшній Заславъ, дѣйствительно находится въ той сторонѣ Полоцкихъ владѣній, куда сподручнѣе было идти изъ Волыни, Турова, Городна и Клецка. Потомъ въ лѣтописи сказано: «Всеволоду Ольговичю повелѣ идти съ своею братією, на Стрѣжевъ къ Борисову». Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнѣ, на правомъ берегу Двѣпра, на сѣверъ отъ Устья Березины, конечно для Всеволода Ольговича, шедшаго изъ земли Черниговской, долженъ быть первымъ Полоцкимъ городомъ по дорогѣ къ Борисову. А что онъ былъ Полоцкій городъ, на это прямо указываетъ лѣтопись подъ 1159 годомъ, гдѣ сказано, что Рогволодъ Борисовичъ по занятіи Полоцка отдалъ Стрѣжевъ Всеволоду сядъшему въ Изяславѣ (445). Логожскъ, по смыслу лѣтописи, также очевидно стоялъ на сѣверовостокъ отъ Изяславля, гдѣ и нынѣ на рѣкѣ Гнойнѣ есть селеніе Логойскъ; ибо, говоритъ лѣтопись, одинъ изъ Полоцкихъ князей, Изяславъ, зять Мстиславовъ, пошелъ-было отъ Логожска къ Изяслави, но вида невозможность пробраться къ городу, отдалъ въ руки шурину своему выѣсть съ Логожанами, которыхъ взялъ съ собою (446). Конечно, Изяславу не откуда было идти какъ съ сѣвера отъ Изяславля, ибо югъ и востокъ были уже заняты полками Мстислава. О Неклочѣ лѣтопись говоритъ: «потомъ же и Новгородцы придоша съ Мстислави-

(444) Ипат., стр. II. (445) Тамъ же, 83. (446) Тамъ же, 11.

чемъ Всеволодомъ къ Неклочю» ⁽⁴⁴⁷⁾. Очевидно, что здѣсь можно разумѣть только Немлочь, Лепельскій, который именно стоитъ въ сторонѣ, ближайшей къ Новгородскимъ владѣніямъ.

Настоящій Мстиславовъ походъ въ Полоцкую землю имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для сего края. Черезъ годъ Мстиславъ сослалъ Полоцкихъ князей въ заточеніе въ Грецію, всю ихъ землю присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, назначилъ въ тамошніе города для управленія своихъ мужей и потомъ, кажется, послалъ туда сына своего, Изяслава. Конечно, это присоединеніе было ненадолго, ибо, при его приемникѣ, Полочане отложились и приняли къ себѣ прежнихъ князей, возвратившихся изъ Греціи; но оно дало случай усилиться Литовцамъ, которые, пользуясь разстройствомъ Полоцкой земли, съ этого времени стали сильно напирать къ востоку и уже болѣе не удерживались ни рѣкою Святою, ни рѣкою Виліей. Лѣтопись Патріарха Гермогена прямо говоритъ, что съ того времени Литовцы отдѣлились отъ Полочанъ, и приняли себѣ въ князья бѣжавшихъ изъ Греціи дѣтей Ростислава Рогволодича, князя Давида и Брата его, князя Молкова ⁽⁴⁴⁸⁾. Да и по другимъ лѣтописямъ видно, что Литва еще при Мстиславѣ оказала свою силу; ибо черезъ два года по занятіи Полоцкихъ владѣній, Мстиславъ долженъ былъ идти на Литву съ своими сыновьями, Ольговичами и съ Всеволодомъ Городенскимъ ⁽⁴⁴⁹⁾; причемъ Литовцы побили множество Киевлянъ. Воротившіеся изъ Греціи князья Полоцкіе не могли уже подчинить себѣ всѣхъ прежнихъ своихъ владѣній, и остановили успѣховъ Литвы. Такъ подъ 1159 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что одинъ изъ Полоцкихъ князей, Володарь, долженъ былъ воевать съ Литовцами для защиты своихъ границъ, кажется при верховьяхъ Березины, гдѣ прежде вовсе не было еще Литовцевъ ⁽⁴⁵⁰⁾. Володарь же этотъ, какъ видно изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1162 годомъ, княжилъ въ Городцѣ, который стоялъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Валин, въ нынѣшнемъ Вилейскомъ уѣздѣ, на сѣверозападѣ отъ Изяслава

⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат., стр. 11. ⁽⁴⁴⁸⁾ Рук. Патр. библіот. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., стр. 12. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 83.

ля, гдѣ еще и нынѣ есть селеніе Городецъ. Слѣдовательно, во второй половинѣ XII вѣка Литва выдвинулась далеко вверхъ по Виліи, и, кажется, уже вступила въ ближайшія сношенія съ разными Полоцкими князьями, особенно владѣвшими въ западныхъ городахъ, что прямо подтверждаетъ и лѣтопись, описывая походъ Рогволода Полоцкаго на Володаря Городецкаго. Тамъ сказано: «приходи Рогволодъ на Володаря съ Пологчаны къ Городцю, Володаръ же не да ему полку въ дне, но ночь выступи нанъ изъ города съ Литвою, и много зла створися въ ту ночь» ⁽⁴⁴¹⁾. Здѣсь Литовцы, съ которыми Володаръ воевалъ въ 1159 году, уже являются его союзниками, смятъ въ его городѣ и бьются за него съ Рогволодомъ. На тѣ же сношенія Литовцевъ съ Полоцкими князьями указываетъ извѣстіе лѣтописи подъ 1180 годомъ, гдѣ, при описаніи войны Святослава Кіевскаго съ родственниками своими, Черниговскими князьями, сказано: «сдумавъ же Ярославъ съ Игоремъ, поидоста къ Дрютьску, поимше съ собою Половцѣ; и придоша Полоцкіи князи въ стрѣтеніе, помогающе Святославу: Васильковичи, Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бѣхуть, и Либь, и Литва, Всеславъ Микулючъ изъ Логожеска, Андрей Володьшичъ и сыновець его Изяславъ, и Василько Брячславичъ, сиемшеся вси поидоша мимо Дрютьскъ противу Святославу» ⁽⁴⁴²⁾. Это извѣстіе намекаетъ, что Литва пришла къ Всеславу съ сѣверозапада, ибо съ Литовцами были тутъ и Либь, т. е. Летыгола, жившая, какъ мы знаемъ, на сѣверѣ отъ Двины, къ Балтійскому морю; слѣдовательно Литовцы въ это время главнымъ образомъ жили еще на сѣверномъ берегу Виліи, гдѣ сходились около Браслава съ Летыголою. То же подтверждаетъ другое извѣстіе лѣтописи подъ 1198 годомъ; Новгородская лѣтопись, рассказывая о кончинѣ Изяслава Ярославича, говоритъ: «Изяславъ бие посаженъ на Лукахъ княжити, и отъ Литвы оплече Новгороду» ⁽⁴⁴³⁾. Здѣсь мы также видимъ, что главные поселенія Литовцевъ въ это время были на сѣверозападѣ отъ Полоцка; что Литва напирала съ востоку только въ этомъ краю, т. е. вѣсколько сѣвернѣе Полоцка и стремилась къ Новгороду и Пскову, а соб-

⁽⁴⁴¹⁾ Ипат., стр. 91. ⁽⁴⁴²⁾ Тамъ же, 124. ⁽⁴⁴³⁾ Новгород. 1, стр. 24.

ственно съ Полоцкомъ находилась въ дружественныхъ отноше-
ніяхъ, какъ и свидѣтельствуеть лѣтопись подъ тѣмъ же го-
домъ, говоря: «на ту же осень придоша Полочане съ Литвою
на Луки и пожгоша хоромы На ту же зиму ходи князь
Ярославъ съ Новгородца и съ Пльсковичи, и съ всею областю
Новгородскою къ Полоцку; и укрѣтоша: Помощяне съ Пок-
лономъ на озерѣ Касъплѣ» (444). По этому извѣстію Литовцы
опять являются союзниками Полочанъ, и идутъ съ ними на
Новгородскія владѣнія; очевидно, что здѣсь Полочане водили
Литовцевъ, а не Литовцы Полочанъ; ибо Ярославъ, въ отше-
ніе за набѣгъ, ходилъ не на Литву, а на Полоцкъ. Всѣ сіи из-
вѣстія согласно съ лѣтописью Быховца свидѣлствуютъ,
что Литовцы до самаго конца XII вѣка не переходили еще на
югъ отъ Визли, что границы Полоцкихъ владѣній, на сѣверо-
западѣ, отодвинутыя Литвою до Браслава (можетъ-быть и за
Браславъ къ востоку), на югозападѣ, оставались прежнія и
простирались до земель Ятвяжскихъ и Жмудя. Литовцы, хотя
и прорывались въ этотъ край и даже дѣлали набѣги до самой
Привпечи, какъ мы уже видѣли изъ свидѣтельствъ лѣтописа
подъ 1190, 1193 и 1195 годами, но очевидно не могли еще
утвердиться здѣсь. Граница Полоцкихъ земель на востокъ въ
концѣ XII столѣтія также оставалась прежняя, т. е. Дяборъ
и верховья Двины до впаденія въ нее съ одной стороны Усвата,
а съ Другой Каспли; ибо мы видѣли, при описаніи войны Свато-
слава, въ 1180 году, что Друцкъ и Витебскъ еще принадлежа-
ли Полоцкимъ князьямъ, а въ 1198 году Полочане выходили къ
Касплѣ на встрѣчу Ярославу, шедшему изъ Новгорода на По-
лоцкъ. Объ Усватѣ, какъ о Полоцкой границѣ, лѣтописецъ упо-
минаеть еще въ 1225 году, гдѣ сказано, что Ярославъ Нов-
городскій «былся съ Литвою на Усватѣ». Кроме того въ
этомъ же краю на сѣверозападѣ отъ Усвата въ 1165 году
упоминается Полоцкій городъ Вмевецъ, какъ пограничный
съ Новгородскими землями. Нынѣ неподалеку Невля есть
еще селеніе Емсецъ, мѣстность котораго совершенно со-
гласна съ указаніемъ лѣтописи. Слѣдательно здѣсь Полоц-
кая граница простиралась до нынѣшняго Невля (445). Изъ вну-

(444) Новг. л., стр. 24 (445) Тамъ же, 19—42.

тренихъ Полоцкихъ городовъ въ XII вѣкѣ упоминаются: Дудукъ, высѣнное селеніе Дудичи на югѣ, отъ Мяска, въ Игуменскомъ уѣздѣ, неподалоку отъ верховьевъ Нѣмана; мѣстность селенія Дудичей вполне соотвѣстна съ указаніемъ Слова о полку Игоревѣ о городѣ Дудутѣ. Въ Словѣ сказано: «Всеславъ отвори врата Новуграду разшибѣ славу Ярославу, скопчъ алъкомъ до Немига съ Дудукѣ»⁽⁴⁶⁶⁾, т. е. отъ Дудукѣ Всеславъ пустился на Нѣманъ или Немигу, а высѣнныя Дудичи именно стоятъ очень близко отъ верховьевъ Нѣмана. А подъ 1159 годомъ упоминается о мѣстечкѣ Бѣльчицѣ, мѣстность котораго рѣшительно соотвѣтствуетъ высѣнному мѣстечку Бѣльчицѣ, которое по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ указываютъ Надеждинъ и Неволнинъ, находится въ 3-хъ верстахъ отъ Полоцка за Двиною; по смыслу же лѣтописи, Бѣльчица древняя должна находиться именно подлѣ Полоцка; ибо въ лѣтописи сказано: «Начаша Полочане забити Ростислава къ собѣ, рекуче: княже! поѣди къ намъ, суть ны съ тобою речи; поѣди же къ намъ въ городъ; бѣшетъ бо князь въ то время на Бѣльчица»⁽⁴⁶⁷⁾.

Въ началѣ XIII вѣка Полоцкія владѣнія оставались въ тѣхъ же границахъ, въ какихъ были въ концѣ XII столѣтія; но послѣ нашествія Батыя на югозападную Русь, какъ сказано у Быховца, Литовцы перенесли на южный берегъ Вилии, и въ продолженіе какихъ либо двадцати лѣтъ подчинили себѣ всѣ Полоцкія земли, частію посредствомъ войнъ, а частію при помощи брачныхъ союзовъ князей, и такимъ образомъ земля Полоцкая стала называться землею Литовскою. Но владѣнія Пинскія и Городецкія, которыя лежали по обоимъ берегамъ Припяти и принадлежали особымъ Русскимъ князьямъ, еще оставались независимыми, хотя были уже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Литовскими землями въ нѣмъ новомъ объемѣ. Въ нихъ были города: Пинскъ, на правомъ берегу Припяти между Туріей и Стыремъ при ихъ впаденіи; Городея, также на правомъ берегу Припяти между Стыремъ и Горынью, тоже при ихъ устьяхъ; на лѣвомъ берегу Припяти Слуцкъ, при верховьяхъ Случа; Клеческъ, и Несвижъ, на сѣверозападъ отъ

⁽⁴⁶⁶⁾ Сл. о полку Игор. изд. 1814 г., стр. 191. ⁽⁴⁶⁷⁾ Ипат., стр. 83.

Слуцка, первый при верховьях Лани, впадающей въ Днѣпръ, а второй на Липѣ, одномъ изъ верхнихъ притоковъ Нѣмана. Весь этотъ край, кажется, былъ заселенъ племенемъ Дреговичей; лѣтопись подъ 1116 годомъ называетъ Слуцкъ городомъ Дреговичей⁽⁴⁴⁸⁾. Князья Пинскіе упоминаются еще какъ самостоятельные владѣтели въ 1253 году; лѣтопись говоритъ: «Данило поиде къ Новгородку и приде къ Пиньску; князи же Пиньскѣи имѣху дестъ, а поя ѣ со собою неволею на войну», а подъ 1292 годомъ сказано: «преставися Пинскій князь Юрѣя»⁽⁴⁴⁹⁾. А князь Несвижскій Юрїй участвовалъ въ Кальскомъ бою, какъ свидѣтельствуется Новгородская лѣтопись⁽⁴⁵⁰⁾.

По свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, Литовскія владѣнія при Миндовгѣ уже заключали въ себѣ всѣ земли на сѣверъ отъ Припечи, и на западъ отъ Днѣпра; Миндовгъ владѣлъ Зѣтовымъ, Волковѣйскомъ, Слонимомъ, Новгородкомъ, Слуцкомъ, Минскомъ и Полоцкомъ, а только Витебскіе князья остались независимыми. Литовцы даже успѣли проникнуть въ Черняговскую землю и производили тамъ большія опустошенія; въ лѣтописи подъ 1258 годомъ упоминается Миндовговъ воевода Хвалъ, о которомъ сказано: «иже велико убійство творяше землю Черняговской»⁽⁴⁵¹⁾; а подъ 1263 годомъ таже лѣтопись говоритъ, что Миндовгъ въ тотъ годъ посылалъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа Брянскаго⁽⁴⁵²⁾.

Послѣ Миндовга, по свидѣтельству Быховца, собственно въ Литовской землѣ являються города: Керновъ, неподалеку отъ Вильны, внѣшнее Кернова; лѣтопись говоритъ: «умершу Роману, мачне княжити въ Новгородѣ сынъ его старшій Наримонтъ и всчнилъ естъ городъ Керновъ, и занесе съ Новгородка столецъ до Кернова, и началъ княжити и назовется великій князь Новгородскій, Литовскій и Жомойтскій»⁽⁴⁵³⁾. Въ это же время построены городъ Гедройты, внѣшніе Гедройцы, въ Виленскомъ уѣздѣ, на сѣверъ отъ Вильны; Быховецъ говоритъ: «третій братъ Наримонтовъ, Гедрусъ, зарубилъ городъ, и назоветъ его именемъ своимъ Гедройты, и прозовется княземъ Гедройтскимъ»⁽⁴⁵⁴⁾.

⁽⁴⁴⁸⁾ Ипат. 7., стр. 226. ⁽⁴⁴⁹⁾ Тамъ же, 188. ⁽⁴⁵⁰⁾ Новг. I, стр. 41. ⁽⁴⁵¹⁾ Ипат. стр. 195. ⁽⁴⁵²⁾ Тамъ же, 201. ⁽⁴⁵³⁾ Pomniki do dz, Litew. стр. II. ⁽⁴⁵⁴⁾ Тамъ же.

Потомъ еще являются города: Роконтышки и Гольшаны, одинъ на правомъ берегу Вилии, гдѣнынѣшніе Рыконты, къ сѣверовостоку отъ Трокъ, а другой, противъ Роконтышокъ, въ одной миле отъ впаденія Вилии въ Вилию; о сихъ двухъ городахъ мы говорили уже выше. За тѣмъ является городъ Утены, можетъ-быть нынѣшніе Уцяны въ Вилкомирскомъ уѣдѣ, на сѣверовостокъ отъ Вилкомира. По словамъ Быховца: «второй братъ Наримонта Довмонтъ, слѣд на отчизнѣ своей Утынѣ, и назовется княземъ Утынскимъ» ⁽⁴⁴⁵⁾. Указанная нами мѣстность Утыни опредѣляется слѣдующимъ обстоятельствомъ: во время войны Довмонта Утенскаго съ Наримонтомъ, когда сей послѣдній осадилъ Утены, Довмонтъ, не имѣя возможности сопротивляться, бѣжалъ во Псковъ ⁽⁴⁴⁶⁾; слѣдовательно Утены были въ сторонѣ ближайшей ко Пскову, гдѣ именно находятся нынѣшніе Уцяны. Всѣ сии города являются незадолго до 1270 года, ибо по нашимъ лѣтописямъ Тройденъ сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ въ этомъ году ⁽⁴⁴⁷⁾. Потомъ, во время княженія Наримонта, слѣдовательно не задолго до 1270 года, къ Литовскимъ владѣніямъ была присоединена земля Ятвжская, и тамъ на рѣкѣ Бебрюи Наримонтовъ братъ Тройденъ выстроилъ Рай городъ. Быховецъ говоритъ: «доведался великій князь Наримонтъ што князь Ятвжскій умерли, а люди ихъ безъ господаря мешкають, и князь Наримонтъ поиде на нихъ, и они непротивешиса имъ подлалися, и поклонилися ему, и онъ оставши имъ господаремъ, и взявши ихъ, далъ брату своему Тройдену за дань, и князь Великій Тройденъ найде гору красну надъ рѣкою Бебрюю, и зарубилъ городъ и назоветъ его Рай городъ, и прозовется княземъ великимъ Ятвжскимъ и Дойновскимъ» ⁽⁴⁴⁸⁾. Утвердившись въ землѣ Ятвжской, Литовцы, по свидѣтельству Быховца, стали чинить набѣги на Лиховъ, Мазовшанъ и Вольвию, что подтверждается и нашими лѣтописями, въ которыхъ подъ 1274 годомъ упоминается, что Тройденъ посылалъ Гроднянъ на Дрогичинъ ⁽⁴⁴⁹⁾. Потомъ, въ 1276 году, Тройденовъ братъ Сирпугій воссталъ около Каменца, т. е. по Муховцу ⁽⁴⁵⁰⁾, за что Владимиръ Васильевичъ послалъ рать въ Литву къ Тройдену городу Турійску, который

⁽⁴⁴⁵⁾ Ропн. do dz. Litew. стр. II. ⁽⁴⁴⁶⁾ Тамъ же, 12. ⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат., стр. 204. ⁽⁴⁴⁸⁾ Ропн. do dz. Litew., стр. II, ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., стр. 205. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 206.

отеля на Нѣманѣ, вѣроятно выпѣшеи Турецъ въ Новогродскомъ уѣздѣ. Подъ 1278 годомъ въ нашихъ же лѣтописяхъ упоминается о войнѣ Тройдена съ Ляхами ⁽⁴⁷¹⁾. Преемникъ Тройдена, Витенъ, распространилъ границы Литовской земли на юго-западъ до самаго Буга ⁽⁴⁷²⁾ и даже ниже Буга перебрался черезъ Вислу и ожегъ Левчицу у Ляховъ въ 1299 году ⁽⁴⁷³⁾. Еще прежде, въ 1286 году, Витенъ посылалъ свои полки къ Ригѣ и въ Лѣттыголу; но здѣсь Литва не имѣла успѣха и не могла взять ни одного города ⁽⁴⁷⁴⁾. Такимъ образомъ Литовцы къ XIV вѣку распространили границы своихъ владѣнй: на западъ до Буга и до Прусской земли, откуда Пруссы, гонимые Нѣмцами, начали переселиться въ 1276 году и были посажены Тройденомъ въ Гродиѣ и Волжовыйекѣ ⁽⁴⁷⁵⁾, на сѣверѣ до владѣнй Ливонскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ; на востокѣ пригнулись почти къ самому Днѣпру, и даже прорывались за Днѣпръ въ Черниговскія владѣнй; и наконецъ на югѣ съ одной стороны проникли до устья Березины, а съ другой до Ясельды и Нарева.

Въ XIV столѣтїи границы Литовскихъ владѣнй распространились еще болѣе: на западѣ Литовцы проникли въ Пруссію, а на югѣ и востокѣ завладѣли почти всею западною Русью. Преемникъ Витена, Гедиминъ, по свидѣтельству Быховца, на другой же годъ своего правленія пошелъ на Прусскихъ Нѣмцовъ, и разбивши ихъ на рѣкѣ Отисѣ на сей сторонѣ города Жеймовъ, (Сейны, нынѣшнїи Августовскомъ воеводствѣ на западѣ, отъ Нѣмана) проникъ далѣе въ землю Прусскую и занялъ города Тылжу (нынѣшнїи Тильзитъ) и Рагнету (нынѣшнїи Рагнитъ) ⁽⁴⁷⁶⁾. Потомъ, въ 1305 году, воюя съ Русскими князьями, занялъ Овручь и Житомиръ, вѣроятно всю Туровскую землю ⁽⁴⁷⁷⁾ и въ то же время водичнилъ себѣ край Пинскїи, ибо въ одной родословной сказано, что Гедиминъ «отдалъ Пинскъ сыну своему Нарвионту» ⁽⁴⁷⁸⁾ что подтверждаетъ и Быховецъ. Ипатіевская лѣтопись еще подъ 1292 годомъ упоминаетъ о самостоятельныхъ Пинскихъ князьяхъ ⁽⁴⁷⁹⁾; слѣдовательно Пинская земля до Гедимиша не была еще завоевана Литовцами. По занятїи

(471) Ипат., стр. 207. (472) Родослов. кн. I, стр. 30. (473) Ипат., 226. (474) Тамъ же, 213. (475) Тамъ же, 206. (476) Rom. do dz. Litew. стр. 15. (477) Поля. Соб. лѣт., Т. II, стр. 348. (478) Рукоп. Патр. библ. (479) Ипат. стр. 226.

Пиньскаго и Туровскаго края, Гедимионъ приступилъ къ завоеванію земан Кіевскоіи и Переяславскоіи, и разбивши по Ирпени Кіевскаго Станислава и его союзника, Олега Переяславскаго и Романа Брянскаго, занялъ Кіевскіе города: Бѣлгородъ, Кіевъ, Вышгородъ, Черкасы, Коневъ, Шугивль, Славгородъ и, перешедъ Днѣпръ, завладѣлъ страной Переяславскою, и поселилъ на Кіевѣ и Переяславѣ княземъ Мандовгова сына Ольгимонта Гольшавскаго ⁽⁴⁰⁰⁾. Такимъ образомъ присоединилъ къ Литовскимъ владѣніямъ весь западный берегъ Днѣпра и южную часть восточнаго. Далѣе въ нашихъ родословныхъ упоминается, что еще при Гедиминѣ сынъ его, Любартъ, женатый на дочери Волынскаго князя Андрея, по смерти тестя получилъ по наследству Волынь по самую Подолію ⁽⁴⁰¹⁾, что подтверждается и договорною грамотою 1340 года, въ которой сыновья Гедиминовы, Евнутей, Кестутіи и Любартъ, говорятъ Казимиру Польскому: «а намъ держати землю Володимирскую, Луцкую, Бѣлзскую, Холмскую и Берестійскую сполна» ⁽⁴⁰²⁾. По свидѣтельству Быховца, другой сынъ Гедиминовъ, Олгердъ, также при жизни отца, получилъ по наследству отъ тестя землю Витебскую ⁽⁴⁰³⁾. Такимъ образомъ при Гедиминѣ Литовскіе князья сдѣлались чисто Русскими владѣльцами и представителями Русской жизни въ Заднѣпровьѣ; ихъ владѣнія, состоявшія изъ Русскихъ княжествъ, на западѣ граничили Бугомъ и Вепршемъ, на сѣверѣ сосѣдствовали Ливонскими, Псковскими и Новгородскими землями, на востокѣ упирались въ Днѣпръ и даже выходили за него въ землѣ Витебской и Переяславской, и на югѣ доходили до Роси и верховьевъ Случи, Горыня, Стыря и западнаго Буга.

Собственно въ Литовской землѣ, по свидѣтельству Быховца, при Гедиминѣ являются новые города, имъ построенные: Троки на югозападѣ отъ Виліи, и Вильна при Виліи; сіи два города одинъ послѣ другаго при Гедиминѣ были главными городами или столицами Литвы ⁽⁴⁰⁴⁾. Далѣе, при Гедиминѣ же, въ первый разъ встрѣчается изстаринный городъ Кривъ, вытѣшнее село Криво въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣчи

⁽⁴⁰⁰⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 15—16. ⁽⁴⁰¹⁾ Рук. Патр. биб. ⁽⁴⁰²⁾ Ак. Зап. Рос. Т. I, № 1. ⁽⁴⁰³⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 17. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 17.

Бережины, выдающей въ Нѣманъ съ правой стороны. Этотъ городъ очевидно лежалъ уже въ древней землѣ Кривской и, можетъ быть, былъ первоначальнымъ селеніемъ Кривичей, откуда они прошли къ Смоленску и Полоцку. При Гедиминѣ онъ достался въ удѣлъ его сыну Олгерду ⁽⁴⁶⁶⁾. Что онъ стоялъ именно въ томъ краю и можетъ-быть на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣшнее село Крево, на это прямо указываетъ слѣдующее обстоятельство, замѣченное въ лѣтописи: Кестутій, составивши заговоръ съ Олгердомъ противъ старшаго брата Евнутія, когда захватилъ Вильну, послалъ оттуду гонца на встрѣчу къ Олгерду, который спѣшилъ туда же изъ Витебска, и гонецъ его встрѣтилъ Олгерда въ Кревѣ. Слѣдовательно древній Кривъ лежалъ на дорогѣ изъ Витебска въ Вильну, а нынѣшнее Крево именно лежитъ въ этомъ краю.

Преемникъ Гедимина, сынъ его, Олгердъ, еще болѣе распространилъ границы Литовско-Русскаго государства. Въ 1351 году, разбивши Татаръ на Савей Водѣ, онъ завладѣлъ Подоліемъ и землею Болоховскою, бывшими до того времени за Татарами, и управлявшимися черезъ атамановъ и Татарскихъ баскаковъ; здѣсь Олгердъ посадилъ своихъ племянниковъ Каріатовичей, которые начали строить, въ этомъ опустошенномъ Татарами краю, новые города и возобновлять старые. На рѣкѣ Смотричѣ они построили городъ Смотричъ, на восточномъ Бугѣ, въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи—Брацлавъ, въ Киевской губерніи, въ нынѣшнемъ Махновкинскомъ уѣздѣ—Соконецъ, на югозападѣ отъ Смотрича, въ нынѣшней Галиціи въ Чериковскомъ уѣздѣ—Скалу, на правомъ берегу Збруча, и Черлены, можетъ-быть нынѣшнюю Чернезцы, въ Ямпольскомъ уѣздѣ, и возобновили Каменецъ и Бакоту ⁽⁴⁶⁷⁾. Потомъ около 1356 года Олгердъ, воспользовавшись безпорядками, происшедшими въ Брискѣ по смерти тамошняго князя Василія, завладѣлъ Брискомъ и всѣмъ Черниговскимъ краемъ ⁽⁴⁶⁸⁾ и въ 1358 году занялъ Мстиславъ и Ржеву въ Смоленской землѣ. Такимъ образомъ Литовскія владѣнія при Олгердѣ на югѣ простирались до Каменца-Подольскаго, Брацлава и Черкасъ; а на востокъ ихъ пограничными городами были: самымъ

⁽⁴⁶⁶⁾ Ротм. до. dz. Litew., стр. 17. ⁽⁴⁶⁷⁾ Тамъ же, 19—20 ⁽⁴⁶⁸⁾ Ник. III, стр. 207.

южнымъ Полтава, потомъ Глинскъ и Глинница, въ высшемъ Роменскомъ уѣздѣ ⁽⁴⁰⁰⁾, Путивль, Глуховъ, Рыльскъ, Трубчевскъ и Брянскъ. Въ доказательство, что Брянскъ, Путивль, Глуховъ и Трубчевскъ при Олгердѣ были уже Литовскими городами, можно представить извѣстія нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ видно, что въ сихъ городахъ княжили Литовскіе князья. Подъ 1180 годомъ лѣтопись упоминаетъ о князѣ Дмитріи Олгердовичѣ Брянскомъ ⁽⁴⁰¹⁾; а подъ 1378 годомъ того же Дмитрія Олгердовича называетъ княземъ Трубчевскимъ, и притомъ говоритъ, что рать Московская ходила въ землю Литовскую и повоевала Трубчевскъ и Стародубъ «и нныя власти и станы» ⁽⁴⁰²⁾; подъ 1399 годомъ въ той же лѣтописи встрѣчаемъ князя Федора Патрекѣевича Рыльского ⁽⁴⁰³⁾. Далѣе къ сѣверовостоку за Брянскомъ граница Литовская шла по Лесвѣ и Угрѣ, изъ коихъ первая отдѣляла Литовскія владѣнія отъ разныхъ мелкихъ княженій, каковы Карачевское, Мосальское, Козельское и другія, въ которыхъ еще княжили потомки Михаила Черниговскаго, какъ значится по родословнымъ и лѣтописямъ; вторая же была рубежомъ между Москвою и Литвою. На сѣверѣ и западѣ Литовскія границы при Олгердѣ, кажется, оставались тѣ же, какія были и при Гедиминѣ; ибо войны Олгерда съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи, также съ Орденомъ Меченосцевъ въ Ливоніи, съ Псковичами и Новгородцами, хотя иногда и были успѣшны, но никогда не доставляли прочныхъ завоеваній для Литвы.

По смерти Олгерда, сынъ его, Ягайло, выдвинулъ Литовскую границу на западъ до самой Вислы или по Бѣлую-Воду, куда иногда венадолго продвигался и прежніе Вольнскіе князья. Въ лѣтописи Быховца сказано: «Ягайло, перешедши Вислу подъ Завихвостомъ, спалилъ Завихвостъ, Опатовъ и другіе города Польскіе по самую Вислицу, и полонилъ тамъ множество жителей. И потомъ полоненію вчинилъ границу за Ляхи по Бѣлую воду, т. е. по рѣку Вислу» ⁽⁴⁰⁴⁾. Потомъ, когда Ягайла выбрали въ короли Польскіе, всѣми Литовскими землями завладѣлъ двоюродный его братъ, Витовтъ, который, при помо-

⁽⁴⁰⁰⁾ Временникъ кн. X, стр. 84., родослов. ⁽⁴⁰¹⁾ Ник., VI, 105. ⁽⁴⁰²⁾ Тамъ же, 84. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 233. ⁽⁴⁰⁴⁾ Pomink. do dz. Litew., стр. 27—28.

ши Литовскихъ и Прусскихъ Нѣмецкихъ рыцарей, побѣдилъ Ягайла и принудилъ его отступиться отъ Литовскихъ владѣнй. Причемъ лѣтонисъ въ числѣ Литовскихъ городовъ уже упоминаетъ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ княжилъ Андрей Владиміровичъ ⁽⁴⁹²⁾; потомъ Оршу, перешедшую было прежде къ Смоленскому княжеству ⁽⁴⁹³⁾. Наконецъ, въ 1396 году, Витовтъ завладѣлъ и всю Смоленскую землю ⁽⁴⁹⁴⁾. Такимъ образомъ къ концу XIV столѣтія Литовско-Русскія владѣнія обнимали собою всѣ земли, которыми когда либо владѣли прежніе Русскіе князья на западъ отъ Днѣпра; только одинъ Галицкій край не вошелъ въ составъ ихъ, ибо эту страну успѣлъ завладѣть Казимиръ Великій, Король Польскій, еще въ 1340 году. А на восточномъ берегу Днѣпра въ составъ Литовскихъ владѣнй вошли все княжество Переяславское, также Черняговское, Новгородъ-Сѣверское по Путивль, Глуховъ, Рыльскъ и Брянскъ включительно, и наконецъ княжество Смоленское. Слѣдовательно съ этой стороны Литовско-Русскія владѣнія придвинулись прямо къ землямъ Московскимъ, Тверскимъ и Новгородскимъ. А на юговостокѣ они граничили степями Татарскими, точно такъ же, какъ въ XII столѣтіи прежнія княженія Переяславское, Черняговское и Новгородъ-Сѣверское были смежны съ степями Половецкими.

Съ XV столѣтія Литовцы не дѣлали болѣе пріобрѣтеній въ Русской землѣ, или дѣлали очень незначительныя въ Псковскихъ и Новгородскихъ владѣніяхъ, и то ненадолго; а съ половины XV столѣтія мало по малу начали терять и прежнія свои пріобрѣтенія, которыя прибирала въ свои руки Москва. И посему въ слѣдующихъ столѣтіяхъ мы уже болѣе не будемъ говорить отдѣльно о географическихъ свѣдѣніяхъ въ Литовской Руси.

Сдѣлавши обзоръ Русскихъ земель, лежащихъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра, теперь остается собрать географическія свѣдѣнія о странѣ, лежащей при верховьяхъ Днѣпра. Страна сія, въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій, составляла особое, довольно значительное, княжество Смоленское, гдѣ главнымъ городомъ былъ Смоленскъ при Днѣпрѣ. Смоленскъ, съ своею обла

⁽⁴⁹²⁾ Pomn. do dz. Litew., 29. ⁽⁴⁹³⁾ Тамъ же, 30 ⁽⁴⁹⁴⁾ Тамъ же, 35.

етію, по смерти Ярослава Великаго, сперва переходилъ отъ одного княжескаго рода къ другому, а потомъ достался Ростиславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и до покоренія Литвою уже постоянно оставался въ его родѣ. На югъ Смоленскія владѣнія сосѣдями съ Черниговскими, простирались до Чечерска на Сожѣ, самаго сѣвернаго Черниговскаго города; ибо въ лѣтописи подъ 1168 годомъ сказано, что Ростиславъ Смоленскій пришелъ изъ Кіева къ Олегу Стародубскому въ Чечерскъ и оттуда уже отправился въ Смоленскую землю: «спрде Ростиславъ Чичьрьску къ вати Ольгови, ту бо бѣ Олегъ ждалъ его; наутрїи же день възва Ростиславъ къ собѣ Олга и дчерь в большими дары учредивъ всѣхъ, иде Смоленску. И начаша и срѣтати лутшіи мужи Смольяны за 300 верста»⁽⁴⁹⁶⁾. Отъ Чечерека Смоленская граница шла къ другому Черниговскому городу, Вщижу, который стоялъ при Деснѣ, въ 40 верстахъ отъ Брянска къ верху; отсюда, въ 1156 году, тамошній князь свосвеле съ Ростиславомъ Смоленскимъ и, оставя своего дядю, Изяслава Давыдовича Черниговскаго, приступилъ къ союзу съ Смоленскимъ княземъ⁽⁴⁹⁷⁾. Отъ Вщижа Смоленская граница поворачивала къ сѣверовостоку, гдѣ рубежемъ были верховья Десны, которая отдѣляла Смоленскія земли отъ Брянскихъ. Здѣсь, можетъ быть, пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Рославль или Ростиславль; ибо, по книгѣ Большаго Чертежа, Рославль значится въ 20 верстахъ отъ Десны, гдѣ она поворачиваетъ на востокъ⁽⁴⁹⁸⁾; потомъ съ Десны Смоленская граница переходила на Угру къ ея верховьямъ. Впрочемъ, кажется, были Смоленскія владѣнія и за Десною на востокъ; ибо въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, писанной въ 1150 году, упоминается Шуйская земля, а выиѣ селеніе Шуй лежитъ на востокъ отъ Десны на границахъ Мосальскаго уѣзда съ уѣдомъ Елецъ. Верховья Угры принадлежали къ Смоленскимъ владѣніямъ; объ этомъ лѣтопись ясно говоритъ подъ 1147 годомъ: «Святославъ же (Ольговичъ) прїде къ Дѣдославию, и ту придоша къ нему друзія Половци, Токсобичи, и посла я на Смольяны, и пововаша верхъ Угры»⁽⁴⁹⁹⁾. Съ Угры Смоленская граница въ сѣверовостокомъ направленіи шла къ верховьямъ Прот-

(496) Ипат., стр. 94. (497) Ипат. 79. (498) Кн. Б. Ч., стр. 83. (499) Ипат., 30.

вы и оттуда на Можайскъ, который, по крайней мѣрѣ въ XIII столѣтіи, былъ крайнимъ сѣверовосточнымъ Смоленскимъ городомъ. Въ XII же столѣтіи, очевидно, Смоленскія владѣнія далеко выдвигались на востокъ въ землю Суздальскую: въ уставной грамотѣ 1150 года Ростиславъ князь Смоленскій пишетъ: «Суждали залѣская дань, аже воротитъ Гюрчи, а что будетъ въ ней изъ того Святѣй Богородицѣ десятина» ⁽¹⁰⁰⁾. Очевидно, что западная часть Суздальской земли причислялась прежде къ Смоленскимъ владѣніямъ, и была отнята у Смоленскихъ князей, навсегда или на время, Юріемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ однако же подробностей этого происшествія мы не находимъ; тамъ только упоминается, подъ 1147 годомъ, что Святославъ Ольговичъ «ходилъ воевать область Смоленскую, и взя люди Голадъ верхъ Протвѣ» ⁽¹⁰¹⁾. Но Можайскъ, очевидно, тогда еще не былъ взятъ, ибо онъ оставался Смоленскимъ городомъ и составлялъ особый удѣлъ, еще во второй половинѣ XIII столѣтія, Можайскаго князя Теодора Ростиславича, въ 1277 году ⁽¹⁰²⁾. Отдѣленіе Можайска послѣдовало въ 1303 году, когда этотъ городъ былъ взятъ Московскимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ, который привелъ въ Москву плѣнникомъ и послѣдняго Можайскаго князя Святослава ⁽¹⁰³⁾. На сѣверѣ Смоленскія владѣнія граничили съ Тверскими и Новгородскими. Здѣсь Смоленскій рубежъ шелъ съ Можайска на Ржеву и со Ржевы въ верхъ до озера Селигера, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго мѣста Новгородской лѣтописи; при описаніи войны Мстислава Торопецкаго съ Ярославомъ въ 1216 году, въ лѣтописи сказано: «повде князь Мстиславъ на зять свой Ярослава съ Новгородци, (озеромъ) Серегеремъ, и яиде въ свою волость (Торопецкую), и рѣче Новгородцемъ: идѣте въ зажитіа, толко головъ неемлите; ядоша исполнишася кѣрма и сами и кони, и быша върху Вѣлзѣ; осѣлъ Святославъ Ржевку, городецъ Мстиславъ (въ Воскресенскомъ спискѣ: «а князь Святославъ осѣлъ городець Ржевку») съ полки въ 10 тысящъ; Мстиславъ же съ Володимиромъ съ Плесковскимъ повде бѣрае въ 5 сътъ . . . и пригони, или побѣгли прочь а Ярунъ баше затворился въ градъ въ 100, и отбился ихъ; и побѣ-

⁽¹⁰⁰⁾ Доп. къ Ипат. Т. I, № 4. ⁽¹⁰¹⁾ Ипат., стр. 29. ⁽¹⁰²⁾ Ник. III, стр. 62. ⁽¹⁰³⁾ Тамъ же, 100.

де Мстиславъ и вѣя Зубычевъ, и быша на Везуѣ»⁽⁴⁰⁴⁾. Здѣсь ясно говорится, что отъ озера Селигера прямо начиналась область Торопецкая, и шла отъ верховьевъ Волги къ Ржевѣ, которая также принадлежала къ Торопецкому удѣлу, гдѣ, кажется, Смоленская земля сходилась съ Суздальскою; ибо, по смыслу лѣтописи, Зубцовъ уже былъ не Смоленскій городъ. Отъ Селигера Смоленская граница поворачивала на западъ къ Холму при впадѣніи нынѣшней рѣки Куньи въ Ловать. Такимъ образомъ Холмъ былъ крайнимъ Смоленскимъ городомъ на сѣверозападѣ, на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями. По свидѣтельству подтвердительной Ростиславовой уставной грамоты 1151 года, Холмъ былъ отданъ во владѣніе Смоленской Епископской кафедры⁽⁴⁰⁵⁾. Отъ Холма рубежъ Смоленскій спускался на югъ рѣкою Куньей или можетъ-быть Ловатью, гдѣ пограничнымъ Новгородскимъ городомъ съ Смоленскою землею были Великіе Луки, какъ это можно заключать изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1168 годомъ, гдѣ сказано, что Ростиславъ изъ Торопца послалъ въ Новгородъ къ сыну своему, Святославу: «веля ему възвѣхати противу себе на Луки, и ту снмаса на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородци»⁽⁴⁰⁶⁾. Отъ Великихъ Лукъ Смоленская граница шла на Усвятъ, гдѣ Смоленская земля сходилась съ землею Полоцкою; здѣсь пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Лучинъ, нынѣшніе Лученки, на Двинѣ, вѣсколко выше впаденія въ нее Усвята; отсюда до Касня и Ватевска была спорная земля, принадлежащая то Полоцкимъ, то Смоленскимъ князьямъ. Потомъ съ Орши и Коньса шла западная граница Смоленскихъ владѣній по Днѣпру. Что Лучинъ принадлежалъ къ Смоленскимъ владѣніямъ и по всему вѣроятію находился на указанномъ нами мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ этой сторонѣ, на это есть прямое свидѣтельство лѣтописи подъ 1173 годомъ, гдѣ сказано: «Рюрикови идущю изъ Новгорода къ Смоленску, а и бысть на Лучинѣ, верьбноѣ недѣлѣ въ патокъ»⁽⁴⁰⁷⁾. Слѣдовательно, по смыслу лѣтописи, Лучинъ былъ на дорогѣ изъ Смоленска въ Новгородъ, гдѣ находятся и нынѣшніе Лученки. А о принадлежности къ Смоленскимъ владѣніямъ Коньса свидѣтельствуется, извѣстная уже, Ростиславова уставная гра-

⁽⁴⁰⁴⁾ Новг., стр. 34. ⁽⁴⁰⁵⁾ Доп. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 7. ⁽⁴⁰⁶⁾ Ипат., 94. ⁽⁴⁰⁷⁾ Тамъ же, 107.

мота; она Копысь считаетъ въ числѣ Смоленскихъ городовъ, и полагаетъ съ него погородную дань въ пользу Епископской каедры: «а се отъ Копысы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестя 35 кучъ» ⁽⁴⁰⁰⁾.

Изъ внутреннихъ городовъ въ Смоленской землѣ главнымъ городомъ по прежнему оставался Смоленскъ. Потомъ городами удѣльныхъ Смоленскихъ княженій были: Торопецъ, Можайскъ, Вязьма, Мстиславль, Дорогобужь и Красный. Торопецкій удѣлъ, судя по положенію Торопца и по лѣтописнымъ даннымъ, обнималъ собою сѣверный край Смоленскихъ владѣній, содѣвній съ Новгородскою землею и владѣніями Суздальскими, въ послѣдствіи Тверскими. Къ этому удѣлу, кромѣ Торопца, принадлежала Ржевка или нынѣшній Ржевъ на Волгѣ, въ содѣвствѣ съ Тверскими владѣніями, какъ это говоритъ лѣтопись подъ 1216 годомъ, гдѣ Ржевка на Волгѣ названа «городець Мстиславль» (т. е. Мстислава Торопецкаго) ⁽⁴⁰¹⁾. Кромѣ того къ Торопецкому же удѣлу, судя по мѣстоположенію, вѣроятно принадлежала Холмъ при впаденіи Купья въ Ловать, на Новгородскомъ рубежѣ, и Жижца, кажется, нынѣшнее селеніе Сидки на Волгѣ, нѣсколько выше Ржевы. О сихъ двухъ городахъ упоминаетъ извѣстная Ростиславова уставная грамота 1151 года: въ ней Холмъ назначался во владѣніе Смоленской Епископской каедры, а съ Жижцы въ пользу Епископа полагалось: «погородья пять гривенъ, а почестя гривна и лисица» ⁽⁴⁰²⁾. На юго-востокъ отъ Торопецкаго удѣла лежалъ удѣлъ Можайскій; границъ его, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, указать нельзя; но что Можайская область составляла особіи удѣлъ, это ясно свидѣтельствуется лѣтописью подъ 1303 годомъ, гдѣ она называется Можайскимъ княземъ Святослава, котораго Юрій Даниловичъ отвелъ лѣтникомъ въ Москву ⁽⁴⁰³⁾. За Можайскимъ удѣломъ на западъ лежалъ удѣлъ Вяземскій, который также шилъ своихъ князей, какъ можно видѣть изъ извѣстія лѣтописи подъ 1300 годомъ, гдѣ сказано: «князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій холя ратию къ Дорогобужу и градъ оступи . . . князь Андрей Вяземскій приведе на нихъ подъ Дорогобужь ратию и поможе

⁽⁴⁰⁰⁾ Доп. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. ⁽⁴⁰¹⁾ Новгород. I, стр. 34. ⁽⁴⁰²⁾ Дополн. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. ⁽⁴⁰³⁾ Ник. III, стр. 100.

Дорогобужцемъ»⁽¹¹²⁾. Это извѣстiе даетъ поводъ думать, что Дорогобужъ принадлежалъ къ Вяземскому же удѣлу; впрочемъ границъ сего удѣла опредѣлить нельзя, и только, судя по мѣстности, можно указать, что онъ лежалъ между Можайскимъ и Смоленскимъ удѣлами. За Вяземскимъ удѣломъ, т. е. за Дорогобужемъ, начинался удѣлъ собственно Смоленскій, который на сѣверо-западѣ сходилъ съ Витебскимъ и Торопецкимъ, а на югѣ примыкалъ къ Красенскому удѣлу, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1165 годомъ, гдѣ сказано: что Ростиславъ далъ «Роману Вячеславу внуку Васильевъ и Краснъ»⁽¹¹³⁾. Краснъ очевидно нынѣшній Красной, а подъ Васильевымъ нельзя ли разумѣть нынѣшней Василевки на границѣ Красенскаго уѣзда съ Рословскимъ? Кроме того, въ Ростиславовой уставной грамотѣ упоминаются Смоленскіе города, о которыхъ, за неимѣніемъ извѣстій, мы не можемъ сказать, составляли ли они особые удѣлы, или причислялись къ извѣстнымъ уже Смоленскимъ удѣламъ. Таковы были: Мстиславль, очевидно нынѣшній Мстиславль, уѣздный городъ Могилевской губерніи, на рѣкѣ Вехрѣ, впадающей въ Сожъ; Крупаль, можетъ-быть, нынѣшній Крупецъ, деревня въ Рославльскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣки Надвы; Вержовскъ, не нынѣшняя ли Ржева на Волгѣ? По крайней мѣрѣ на картахъ названія Вержовска не встрѣчается; а въ грамотѣ при исчисленіи Смоленскихъ городовъ не помѣщено Ржевы. По свойству же языка возможно измѣненіе Вержевска въ Ржеву, — нынѣшній Брянскъ въ лѣтописяхъ называется же Дебрянскомъ. Копосъ, вѣроятно нынѣшній Копысь на Днѣпрѣ; Поцинь, или въ другомъ мѣстѣ Пацинь, можетъ-быть нынѣшніе Пуцыки, въ Чаускомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Чаусъ на сѣверовостокъ, на рѣкѣ Прони, впадающей въ Сожъ, или, вѣрнѣе, нынѣшнее Пацинь, въ Рославльскомъ уѣздѣ, близъ Десны; Лучняъ, какъ мы уже видѣли, нынѣшніе Лученки, по дорогѣ отъ Смоленска въ Новгородъ, въ Велижскомъ уѣздѣ; Ростиславль, вѣроятно нынѣшній Рославль; Бьяна, при верховьяхъ Десны, гдѣ и теперь стоятъ уѣздный Смоленской губерніи городъ Бьяля; Иваиславль, мѣстности котораго теперь указать нельзя, ибо пока подобнаго наименованія въ Смоленскомъ краю невидно, а по древнимъ памятникамъ

⁽¹¹²⁾ Ник. III, стр. 98. ⁽¹¹³⁾ Ипат., 93.

сколько ибудь подробныхъ указаній не встрѣчается. Въ исчисленныя здѣсь мѣста, равно какъ Дорогобужъ, Торонецъ и Жижцы, въ грамотѣ прямо названы городами; они платили по-городное. Сверхъ того тутъ же упоминаются Смоленскія мѣста безъ названія городовъ, или прямо именуясь селами; таковы: Врочницы, можетъ-быть городъ или по крайней мѣрѣ цѣлая волость, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ; Каспля, вѣроятно на рѣкѣ Касплѣ; Хотшнѣвъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; можетъ-быть нынѣшній Хотимскъ, въ Рославскомъ уѣздѣ, на границахъ его съ Климовичскимъ; Жабачевъ, можетъ-быть то же городъ, ибо платилъ одинакую дань съ Хотшнымъ; Вотосовичи, Шуйская, и Дешняны. Жебачева, Вотосвичей и Дешнянъ въ настоящее время мы не знаемъ; подъ Шуйской же, какъ мы уже видѣли, кажется, можно разумѣть нынѣшнее селеніе Шуя, при верховьяхъ Десны, въ Мосальскомъ уѣздѣ. Далѣе слѣдуютъ: Вѣтская, Былевъ, Витринъ, Жидаччи, Басѣя, Миратичи, Добратино, Доброчково, Дѣдогостичи. Изъ сихъ наименованій въ настоящее время можно приурочить Вѣтское къ селенію Вѣтки, въ Медынскомъ уѣздѣ, на одномъ изъ притоковъ Угры, въ древности оно могло принадлежать или Можайскому или Вяземскому уѣдлу; Витринъ, къ деревнѣ Ведрину, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, въ древности оно могло принадлежать къ Смоленскому уѣдлу; Басѣя, вѣроятно, дѣкала при рѣкѣ Баси, въ нынѣшнемъ Копыскомъ или Чаусскомъ уѣздѣ; Миратичи, можетъ-быть нынѣшнее Мерчалово, на Протвѣ, въ Можайскомъ уѣздѣ ⁽¹¹⁾; Добратино, можетъ-быть нынѣшнее село Доброе, въ Чаусскомъ уѣздѣ на границѣ, его съ Мстиславльскимъ. Доброчково, можетъ быть, нынѣшнее селеніе Добричи, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, на Сожѣ. Потомъ грамота еще перечисляетъ мѣстности: Зарубъ, Женни, Путтинъ, Бѣняницы, Дѣдичи, Прупой, Оболва, Кречуть и Исковъ. Зарубъ очевидно на югъ отъ Смоленска на дорогѣ въ Кіевъ; ибо въ 1168 году Ростиславъ, шедши изъ Смоленска въ Кіевъ, остановленъ былъ болѣзнію въ Зарубѣ, гдѣ и скончался ⁽¹²⁾; Бѣняницы, можетъ быть нынѣшнія деревня Бѣлыковичи, въ Климовичскомъ уѣздѣ; Дѣдичи, вѣроятно нынѣшнее Дѣдово, въ Поречьскомъ

⁽¹¹⁾ Русск. Ист. Сбѣр. Т. VII, стр. 217. ⁽¹²⁾ Ипат. 95.

уѣздъ, на Каствѣ; Прупой, нынѣ можно приурочить къ Пропойску, въ Быховскомъ уѣздѣ, при впаденіи Проны въ Сожь; Оболва или Обольвь, нѣсколько приурочивается къ селенію Обольцы, въ сѣверозападномъ углу Копыскаго уѣзда; Кречуть, можетъ-быть приуроченъ къ нынѣшнему Кричеву, на Сожь, въ Черниговскомъ уѣздѣ. Наконецъ, въ той же грамотѣ упоминаются мѣстности: село Дросевское, село Ясенское, Мойшинская земля въ Погоновичахъ, Нимкорскія озера, Сверковы Луки и озеро Колодарское. Нынѣ есть деревня Ясенская, въ Осташковскомъ уѣздѣ, почти при истокахъ Волги, къ которой можно приурочить село Ясенское; Мойшинскую землю названіемъ своимъ напоминаетъ деревня Мошна, въ Духовщинскомъ уѣздѣ. По смыслу грамоты, здѣсь должно искать и Погоновичей, ибо въ ней прямо сказано: Мойшинская земля въ Погоновичахъ; Сверковы Луки, вѣроятно нынѣшняя деревня Свершково, въ Смоленскомъ уѣздѣ, на юговостокъ отъ Смоленска по дорогѣ въ Рославль. Впрочемъ, настоящее приуроченіе показанныхъ мѣстностей, кромѣ нѣкотораго сходства въ наименованіяхъ, не имѣетъ другихъ основаній; ибо, кромѣ грамоты, мы не имѣемъ на сія мѣстности никакихъ указаній въ древнихъ памятникахъ. Но для насъ уже важно и одно упоминаніе Ростиславовой грамоты: оно дозволяетъ намъ судить сколько нибудь о населенности Смоленскаго края.

Изъ очерка древнихъ Смоленскихъ границъ мы видимъ, что земля сія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ была не очень обширна и только развѣ вдвое больше нынѣшней Смоленской губерніи. Не принимая въ расчетъ той части Суздальской земли, которая причислялась къ Смоленскимъ владѣніямъ до Юрія Долгорукова, и о принадлежности которой мы знаемъ только по упоминанію уставной Ростиславовой грамоты, безъ указанія рубли, къ Смоленскому Великому княжеству, тогда принадлежали, кромѣ нынѣшней Смоленской губерніи, два юговосточные уѣзда нынѣшней Псковской губерніи (Холмскій и Торопецкій), два югозападные уѣзда Тверской губерніи (Ржевскій и Осташковскій), два западные уѣзда Московской губерніи (Можайскій и Верейскій) и можетъ-быть небольшія части западныхъ уѣздовъ Калужской, Орловской и сѣвернаго края Черниговской губерніи, почти вся губернія Могилевская, за исключеніемъ уѣздовъ Бѣлицкаго и части Рогачевскаго, ко-

торые тогда принадлежали къ Черниговскимъ владѣніямъ. Наконецъ, иногда причислялись къ Смоленскимъ владѣніямъ восточные уѣзды нынѣшней Витебской губерніи, т. е. собственно Витебской, Суражской и Велижской. Но тѣмъ не менѣе Смоленская земля въ XII и XIII вѣкахъ составляла одно изъ богатыхъ и сильныхъ княжествъ того времени; лѣтопись не одинъ разъ называетъ Смоленскъ сильнымъ и богатымъ и отчасти сравниваетъ съ Новгородомъ. Такъ, въ 1152 году, Изяславъ говорить Ростиславу: «тамо брате у тебе по Бозѣ Новгородъ сильный и Смоленскъ» ⁽⁵¹⁶⁾. Подъ 1151 годомъ тотъ же Изяславъ говорить Ростиславу: «тамо по Бозѣ у тебе сынъ твой и мой Новгородъ Ярославъ, а тамо у тебе Смоленскъ» ⁽⁵¹⁷⁾. Смольяне, имѣя въ своей землѣ истоки Днѣпра, Волги, западной Двины и часть Ловати, были самымъ торговымъ народомъ въ XII и XIII столѣтіяхъ; ихъ купцы посѣщали Кіевъ, Ригу, Новгородъ и землю Суздальскую; о чемъ мы имѣемъ прамыя указанія древнихъ памятниковъ. Такъ, Троицкая лѣтопись, подъ 1216 годомъ, говоритъ, что Ярославъ Всеволодовичъ, во время войны съ Константиномъ и Мстиславомъ, велѣлъ заключить въ Переяславскую тюрьму Новгородцевъ и Смольянъ, «ниже бяху зашли гостьбою въ землю его» ⁽⁵¹⁸⁾. Поступокъ Ярослава показываетъ, что Смольяне, какъ и Новгородцы, особенно были торговымъ народомъ; Ярославъ, вредя Смоленской и Новгородской торговлѣ, имѣлъ въ виду принудить Смольянъ и Новгородцевъ, дорожившихъ торговлею, къ скорѣйшему прекращенію войны; ибо, сажая въ тюрьму ихъ торговыхъ людей, онъ въ то же время не тревожилъ Ростовцевъ, также своихъ противниковъ, зная, что препятствіемъ торговлѣ ихъ не оставишь и не принудишь къ прекращенію войны. Въ этой же лѣтописи мы находимъ свидѣтельство, что Смольяне были одинаковаго характера съ Новгородцами: такъ одинъ опытный бояринъ говорить Ярославу и Юрію: «а мужи ихъ (т. е. Мстислава и братьевъ его) Новгородцы и Смольяне дерза къ боеви» ⁽⁵¹⁹⁾. При описаніи Липецкой битвы сказано: «Новгородцы же ссѣдше съ конь, и хорты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша, а Смольяне также поскочиша

⁽⁵¹⁶⁾ Ипат., 69. ⁽⁵¹⁷⁾ Тамъ же, 58. ⁽⁵¹⁸⁾ Полв. Собр. лѣт. Т. 1, стр. 215. ⁽⁵¹⁹⁾ Тамъ же, 212.

пѣши»⁽⁵²⁰⁾. О торговыхъ сношеніяхъ Смоленска съ Балтійскимъ моремъ довольно ясно намекаетъ лѣтопись еще подъ 1148 годомъ, говоря, что по случаю пріѣзда Изяслава Кіевскаго къ Ростиславу Смоленскому: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускихъ земель (т. е. отъ Приднѣпровья) и отъ всѣхъ Царскихъ земель, (т. е. отъ Константинополя) а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель (т. е. отъ Новгорода, земли Суздальской и Болгаріи-Камской) и отъ Варягъ» (т. е. съ Балтійскаго моря).⁽⁵²¹⁾ Изъ этого свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Смольняне были торговыми посредниками между сѣверными и южными землями Руси, что они доставляли на югъ произведенія изъ Новгорода, Болгаріи и съ Балтійскаго моря, а на сѣверъ произведенія приднѣпровья и Греціи. О сѣверной торговлѣ Смольнянъ указываютъ и самые товары, ими доставляемые: такъ, подъ 1160 годомъ, лѣтопись, рассказывая о дарахъ между Ростиславомъ Смоленскимъ и Святославомъ Черниговскимъ, говоритъ: «да бо Ростиславъ Святославу Сობольми, и горвостаіми, и черными кунами и песци, и бѣлыми вылки, рыбьими зубы; (т. е. моржовыми клыками, которые добывались изъ Югры и Печеры съ сѣвернаго Океана), а Святославъ да Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу»⁽⁵²²⁾. Еще въ XIII вѣкѣ мы уже имѣемъ ясное свидѣтельство о торговлѣ Смоленска съ Ригою, Готландією и разными Нѣмецкими городами; до насъ дошла договорная торговая грамота Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландією и Нѣмецкими городами, писанная въ 1228 году. Изъ этой грамоты открывается: что въ торговлѣ съ Смоленскомъ участвовали Рига, Готскій берегъ, Любекъ, Данцигъ, Минстеръ, Греннвгенъ, Дротмундъ и Бременъ. Западная Двина, отъ верховьевъ до устья, была свободнымъ торговымъ путемъ для Нѣмцовъ и Смольнянъ, и послѣдніе ходили съ своими товарами не только въ Ригу и къ Готскому берегу, но и въ Любекъ и другіе Нѣмецкіе города; въ Смоленскѣ и на Волокѣ были даже Нѣмецкія божицы⁽⁵²³⁾. О цвѣтущемъ состояніи и богатствѣ Смоленска и его земли, въ XII и XIII столѣтіяхъ, свидѣтельствуемъ многолюдство самаго города Смоленска: въ Троицкой лѣтописи, при опи-

⁽⁵²⁰⁾ Тамъ же, 214. ⁽⁵²¹⁾ Ипат. 39. ⁽⁵²²⁾ Тамъ же, 86. ⁽⁵²³⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., Т. II.

завія моровой язвы, бывшей въ 1230 году, есть извѣстіе, что на четырехъ Смоленскихъ кладбищахъ похоронено въ это время тридцать двѣ тысячи человекъ. Лѣтопись говоритъ: «бысть моръ въ Смоленьщѣ; створша 4 скудельницы, въ двѣ положиша 16 тысящъ, а въ третьей 7, а въ четвертой 9 тысящъ»⁽⁵²⁴⁾. Имѣя ясныя свидѣтельства о цвѣтушей и обширной торговлѣ Смольнянъ, зная изъ указанія лѣтописей о многолюдствѣ самаго Смоленска, мы не можемъ отрицать, что и вся Смоленская сторона была богата народонаселеніемъ, и, конечно, имѣла много городовъ, хотя указанія лѣтописей объ этомъ предметѣ и немногочисленны. Не должно забывать, что дошедшія до насъ лѣтописи только вскользь упоминаютъ о Смоленскомъ краѣ; притомъ по всѣмъ извѣстіямъ мы знаемъ, что въ XII и XIII вѣкахъ Смоленская сторона несравненно менѣе всѣхъ другихъ краевъ тогдашней Руси подвергалась опустошеніямъ войны; слѣдовательно имѣла первое и главное условіе для свободнаго и сильнаго развитія народонаселенія.

⁽⁵²⁴⁾ Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 220.

ГЛАВА 3-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ XV ВѢКѢ.

Москва, еще въ XIV столѣтіи получившая рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми владѣніями въ сѣверовосточной Руси, въ XV вѣкѣ дѣлается уже совершеннымъ средоточіемъ Русской жизни: къ ней, какъ къ центру, стягиваются не только всѣ сѣверовосточныя Русскія княжества, но и значительная часть западныхъ, имѣвшихъ въ XIV вѣкѣ центромъ своимъ Литву. А посему и при разсмотрѣніи географическихъ свѣдѣній на Руси за это время, мы должны обратиться прямо къ Москвѣ, какъ центру Русской жизни.

При наступленіи XV столѣтія, граница Московскихъ владѣній, на западѣ были Жиздра, гдѣ крайнимъ городомъ былъ Козельскъ (1), потомъ Перемышль (2) и Калуга, съ Калуги граница шла на Угру, съ Угры на Медынь (3), съ Медыни на Можайскъ, далѣе на Волокъ или Волочекъ близъ Берендеева, съ волока на Клинъ, который былъ пограничнымъ городомъ (4) и принадлежалъ еще къ Твери. Потомъ на Сестру и Волгу, которая отдѣляла Московскія владѣнія отъ Тверскихъ. Потомъ Волгою на Угличъ, на Бѣжецкъ и (5) до Устюжны (6). На сѣверѣ границы Московскихъ владѣній начинались Устюжною и полузависимымъ отъ Москвы краемъ Бѣлозерскимъ, далѣе отъ Вологды на востокъ по Сухонѣ шли до Устюга, который хотя еще имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Москвы; отъ Устюга Московская гра-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 70. (2) Тамъ же, 63. (3) Тамъ же, 59. Ник. V 26. (4) Новг. I, 103. 60. (5) Ник. IV, стр. 42. 253. (6) Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. I, стр. 70, 276.

ница шла на Вычегду, и потомъ въ глубокомъ сѣверовостокѣ терялась во владѣніяхъ Новгородскихъ, Пермскихъ и Вятскихъ. На востокѣ пограничными Московскими владѣніями были область Нижегородская, и потомъ Муромская, Мещерская и Мордовская земля (7), такъ что границею Московскихъ владѣній съ Казанскими была рѣка Сура, гдѣ стоялъ Нижегородскій городъ Курмышъ (8). На югѣ Московскія владѣнія сходились съ Рязанскими, гдѣ, какъ извѣстно по договорнымъ грамотамъ, границею была рѣка Ока по всему своему теченію въ верхъ до Алексина, который уже принадлежалъ къ Московскимъ владѣніямъ (9); потомъ отъ Алексина шла на Калугу, гдѣ при Устьѣ Жыздры южная граница сходилась съ западною, и шла на Казельскъ, самый крайній югозападный городъ Московскихъ владѣній, гдѣ примыкала къ мелкимъ Заднѣпровскимъ удѣламъ Литвы. Такимъ образомъ Московскія владѣнія при самомъ началѣ XV вѣка являются обширѣйшими изъ всѣхъ владѣній сѣверовосточной Руси, за исключеніемъ развѣ Новгородскихъ, и притомъ занимаютъ пространство, самое богатое народонаселеніемъ, гдѣ жизнь Русская начала развиваться и цвѣсть еще съ половины XII вѣка; гдѣ въ продолженіе почти 300 лѣтъ съ самою мѣстностію были связаны многія историческія воспоминанія, драгоценныя и близкія къ сердцу для каждаго Русскаго. Раздѣленіе этой богатой и цвѣтущей страны на удѣлы очень немного значило для Москвы, какъ для государства, ибо удѣлы были невелики: такъ по смерти Донскаго изъ пяти удѣловъ самый большой, Владиміра Андреевича, состоялъ только изъ девяти городовъ. Притомъ они такъ были разьединены между собою, что никогда не могли составить одного цѣлаго; ибо четыре города: Серпуховъ, Боровскъ, Перемышль и Козельскъ, лежали на югозападѣ отъ Москвы, и почти первые подвергались нападеніямъ Литвы, потомъ еще четыре города: Угличъ, Ярославль, Юрьевецъ и Городецъ, лежали на сѣверѣ и востокѣ отъ Москвы и раздѣлены были между собою большими пространствами, принадлежавшими частію собственно Московскому князю, частію другимъ удѣльнымъ князьямъ, и наконецъ послѣдній городъ Радовежъ былъ совершенно разобщенъ со всѣми другими городами Владимірова удѣла и находился въ

(7) Ник. IV, 276. (8) Тамъ же, 34. (9) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I.

ближайшемъ разстояніи отъ Москвы⁽¹⁰⁾. Такое же расположеніе было и въ другихъ удѣлахъ, гораздо меньшихъ Владимірова, такъ, что не смотря на видимое раздѣленіе, Московскія владѣнія составляли одно государство, народъ всѣхъ городовъ жилъ одною общою Русскою жизнію, которой главнымъ представителемъ была Москва. Притомъ же для каждаго удѣла была своя доля и въ самой Москвѣ, и такимъ образомъ этотъ городъ во всѣхъ отношеніяхъ являлся средоточіемъ интересовъ почти всей сѣверовосточной Руси, или по крайней мѣрѣ наибольшей и наилучшей ея части.

Первое двадцати пятилѣтіе XV вѣка прошло для Москвы безъ внѣшнихъ приобрѣтеній, хотя она и порывалась переступить границы, въ которыхъ ее застало настоящее столѣтіе; но попытки сіи были неудачны, и границы Московскихъ владѣній остались прежнія. Тѣмъ не менѣе географическія свѣдѣнія Московскаго народа не ограничивались предѣлами собственной земли. Положеніе Москвы, географическое жизненное и политическое, въ это время было таково, что народъ, почти по необходимости, по ходу самой жизни знакомился не только съ отдаленнѣйшими краями Русской земли, но и другими странами. Такъ, по церковнымъ дѣламъ, Москва, какъ главное мѣстопробываніе Русскаго Митрополита, была въ постоянныхъ сношеніяхъ со всею Русскою землею, гдѣ только исповѣдовалась Православная вѣра. Литовская Русь, во всемъ ея объемѣ, не смотря на отдѣльную жизнь политическую и народную, до 1416 года была по церковнымъ дѣламъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Москвою; Московскіе Митрополиты сами ѣздили въ Волынскую, Полоцкую и Кіевскую земли и посылали туда своихъ намѣстниковъ, деситниковъ и другихъ повѣренныхъ людей, для сбора доходовъ и для надзора за тамошними церковными дѣлами. Кромѣ того, всѣ тамошніе Епископы большею частію присылались изъ Москвы, или по крайней мѣрѣ въ Москвѣ принимали поставленіе въ свой санъ. Такимъ образомъ знакомство Москвитянъ съ Литовско-Русскимъ краемъ не прерывалось. Еще въ 1416 году въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ исчисленіе Литовскихъ Епархій, кои были: Владимірская на Волыни, Холмская за Бугомъ, Червенская, Галичская, Туров-

(10) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 40.

ская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая и Луцкая ⁽¹¹⁾. Съ 1416 года, по случаю избранія особаго Митрополита для Литовской Руси, сношенія Москвы съ сѣмъ краемъ по церковнымъ дѣламъ прекращаются; но это не останавливаетъ знакомства Москвитянъ съ Литовскою Русью. Какъ бы въ замѣнъ церковныхъ сношеній, усиливается сношенія княжескія: удѣльные Литовскіе князья, Олгердовичи и Гелиминновичи, тѣняемые Витовтомъ, толпами идутъ въ Москву съ своими боярами и слугами, и распространяютъ между Москвитянами свѣдѣнія объ оставленной отчизнѣ. Такъ, въ 1409 году, къ В. Кн. Василью Дмитріевичу пріѣхало вдругъ семь Литовскихъ князей: князь Свидригайло Олгердовичъ изъ Брнска, князь Патрикій Звенигородскій, князь Александръ Звенигородскій изъ Пугала, князь Федоръ Александровичъ, князь Семенъ Перемышльскій, князь Михайло Хотъваскій, князь Урустаменскій, и съ ними Епископъ Брнскій Исакій и бояре Черниговскіе, Брнскіе, Стародубскіе и Ярославскіе ⁽¹²⁾. Нѣкоторая зависимость Русской Церкви отъ Патріарха Константинопольскаго поддерживало знакомство Москвитей съ Греческою землею; продолжавшаяся еще зависимость Московскихъ государей отъ разныхъ Татарскихъ хановъ по прежнему открывала Москвитямъ пути въ разныя Татарскія земли, и къ низовьямъ Дона, на Волгу и на Яикъ. Кромѣ того караулы по Хопру, Дону, а также разѣздныя станицы по степамъ, вѣроятно продолжались при Василіи Дмитріевичѣ, такъ же какъ и при отцѣ его, Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ, и конечно годъ отъ году далѣе подвигались въ степи и знакомились съ при-Волжскими и при-Донскими краями. Войны Василья Дмитріевича съ Новгородцами, преимущественно производившіяся на Двинѣ и въ Заволочьѣ, открывали Москвитянамъ весь этотъ край до Бѣлаго моря. Такъ, мы знаемъ изъ лѣтописей, что въ 1417 году бояринъ, великокняжескаго брата Юрія Дмитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ Ватчанъ и Устюжанами, спустился внизъ по Двинѣ въ насадахъ, «повоевалъ всю Двинскую землю, и Заволочьскую, и Колмогоры, и Борокъ, и Моржъ и Емецъ» ⁽¹³⁾. Это же извѣстіе показываетъ на близкія сношенія съ отдаленною Вяткою, ибо въ походѣ

⁽¹¹⁾ Нак. V, стр. 58. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 16. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 68.

участвовали в Вятчане. Но, кроуѣ сношеній съ разными странами, по дѣламъ церковнымъ, политическимъ и военнымъ, Москвичи въ началѣ XV вѣка имѣли большое и близкое знакомство съ разными землями по торговлѣ. Имѣли въ своихъ предѣлахъ Оку, Волгу, верховья Днѣпы и ихъ многочисленные притоки. Москвичи вели дѣятельную торговлю со всѣми сосѣдами. Мы знаемъ уже по прежнимъ указаніямъ, что Московскіе купцы торговали во владѣніяхъ Татарскихъ и Литовскихъ и во всѣхъ сосѣднихъ Русскихъ княжествахъ, что еще называется посѣщеніемъ Московскими торговцами лѣтней Болгарской армарки, потомъ пребываніемъ разныхъ пріѣзжихъ купцовъ въ Москвѣ. Въ лѣтописи подъ 1414 годомъ упоминается о Литовскомъ гостѣ Ѳомѣ Лазаревѣ, пріѣзжавшемъ неоднократно въ Москву для торговли, и во время одного Московскаго пожара потерявшемъ много своего богатства. Въ то время появляется даже особый богатый классъ Московскихъ торговцевъ, извѣстный подъ именемъ Сурожанъ, т. е. купцовъ, торгующихъ съ Сурожемъ. Договорныя грамоты Московскихъ князей съ князьями другихъ Русскихъ и Литовскихъ владѣній говорятъ также, что Москвичи дорожили торговлею и провозволили ее во всѣхъ сосѣднихъ краяхъ, такъ, что великіе князья всегда въ своихъ договорныхъ грамотахъ, въ числѣ другихъ условій, помѣщали и условіе о нестѣсненіи торговли, и даже опредѣляли количество торговыхъ пошлинъ. Условія сіи обыкновенно выражались словами: «а новыхъ мытовъ намъ незамышляти, ни пошлинъ; а мыта съ воза и въ городѣхъ и въ всѣхъ пошлинъ денга, а новыхъ всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лодыи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои денга». Такъ это сказано въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ Ѳедоромъ Ольгичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1402 году⁽¹⁴⁾. Въ договорной грамотѣ съ Тверскимъ княземъ говорится: «а гостемъ и торговцемъ Новагорода великаго и Торжку и съ пригороды дати ти путь чистъ, безъ рубежа сивозѣ Тверь и Тверскія вѣлости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ незамышляти» и прибавляется о Московскихъ гостяхъ и торговцахъ: «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и тор-

(14) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 67.

говцовъ; а нуть имъ дати чисть»⁽¹⁵⁾. Или въ договорѣ съ Литовскимъ великимъ княземъ: «а межн насъ посломъ Литовскимъ и нашимъ и Смоленскимъ и торговцамъ нуть чисть»⁽¹⁶⁾. Въ другой грамотѣ съ Тверскимъ княземъ опредѣлены всѣ подробности вниманія торговыхъ и прежнихъ пошлинъ, чтобы отстранить всякое недоразумѣніе и поводъ къ стѣсненію торговцевъ: «а новыхъ ти мытовъ незамышляти; а на старыхъ ти мытехъ имати съ воза по моракѣ обѣушной, а костки съ чловѣка мортка; а поѣдетъ на веревѣ съ торговлею ино мортка же; а кто промытител, ино съ воза промыты по штидесять, а заповѣди шестдесать одна колько бы возовъ ни было: а промыта то, гдѣ обѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, мытника у завора nebudeтъ, мыта и промыты нѣтъ; а можетъ его мытника, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ. А съ людѣи пошлинъ, съ доски по два алтына всѣхъ пошлинъ, а болѣ того пошлины нѣтъ, а струга алтынъ всѣхъ пошлинъ; а тамли и осминочаго отъ рубля алтынъ; а тамли и осминочоее взятъ: а оже иметъ торговати, а поѣдетъ ино знаеть мытъ да костки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торговли съ того мыта и пошлинъ нѣтъ. А межъ насъ людемъ нашимъ и гостемъ нуть чисть безъ рубежа»⁽¹⁷⁾. Самый городъ Москва былъ уже очень обширенъ и хорошо населенъ еще въ концѣ XIV столѣтія. Въ лѣтописи подъ 1395 годомъ упоминается о Московскомъ пожарѣ, отъ котораго на посадѣ сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ⁽¹⁸⁾. Слѣдовательно въ Москвѣ дворы уже считались тысячами, что ясно говоритъ о многолюдствѣ города.

Послѣ перваго двадцатипятилѣтія XV вѣка географическія свѣдѣнія на Русь распространялись очень значительно. По сношеніямъ съ Татарами, Русскіе проникли до самаго Крыма и ознакомились съ этимъ краемъ гораздо ближе, нежели какъ знали его прежде: ибо въ 1432 году зимовалъ въ Крыму у Ширинь-Талгина князь Юрій Дмитриевичъ съ своею свитою⁽¹⁹⁾. Въ 1431 году, Московскій князь Василій Васильевичъ посылалъ своего воеводу, князя Федора Давыдовича Пестраго, въ Болгарію, который съ своими полками завоевалъ всю землю по

⁽¹⁵⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, 48. ⁽¹⁶⁾ Тамъ же, 52. ⁽¹⁷⁾ А. А. Э. Т. I, № 14. ⁽¹⁸⁾ Ник. IV, стр. 257. ⁽¹⁹⁾ Ник. V, стр. 100.

Волгѣ и Камѣ ⁽²⁰⁾. Потомъ въ 1450 году Москвичи, при отраженіи Малбердея, гоняясь за Татарами по Воронежскимъ степямъ, проникли до рѣки Битюка ⁽²¹⁾. По сношеніямъ же съ Татарами мы узнаемъ, что Москвичи успѣли придвинуть границу своихъ владѣній на югозападѣ до Бѣлева; ибо въ 1438 году при занятіи Бѣлева Ханомъ Улу-Махметомъ, Московскій князь посылалъ свои войска съ требованіемъ, чтобы Ханъ очистилъ Бѣлевъ ⁽²²⁾. Въ войнѣ В. Ки. Василья Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою особенно распространяются географическія свѣдѣнія о сѣверномъ краѣ тогдашней Руси: такъ въ 1448 году Москвичи въ первый разъ упоминаютъ о городахъ въ тамошней сторонѣ: Чухломѣ и Каргополѣ ⁽²³⁾. Потомъ въ войнѣ съ Вятчанами, помогавшими Шемякѣ, Московскіе воеводы проникли до Вятскихъ городовъ: Орлова и Котельнича, и привели ихъ въ подданство Московскому Государю ⁽²⁴⁾, и такимъ образомъ границу Московскихъ владѣній на сѣверовостокѣ поставили на рѣкѣ Вяткѣ. Въ 1452 году, Московскія войска, предводительствуемые государевымъ сыномъ, Иваномъ Васильевичемъ, преслѣдуя Дмитрія Шемяку, съ Сухоны перешли на Кокшенгу и потомъ Кокшенгою вступили въ Вагу и проникли до впаденія ея въ сѣверную Двину; побравши всѣ городки, расположенные по теченію сихъ рѣкъ, возвратился съ добычею и большимъ полкомъ домой ⁽²⁵⁾. Это извѣстіе важно для насъ чрезвычайно въ географическомъ отношеніи: оно указываетъ, что этотъ, теперь малонаселенный край тогда былъ многолюденъ, что торговля съ Бѣлымъ моремъ и разные промыслы земледѣлства и рыболовства влекли туда сперва Новгородцевъ, прежде всѣхъ проложившихъ сюда дорогу, а потомъ и другихъ жителей сѣверовосточной Руси, которые тамъ строили города, теперь уже исчезнувшіе вслѣдствіе направленія промышленности въ другую сторону. Не менѣе торговли и войны, къ распространенію географическихъ свѣдѣній на Руси способствовала и проповѣдь Христіанства. Такъ, дѣлоуись подъ 1455 годомъ упоминаетъ, что въ этотъ годъ убитъ Вогуличами одинъ изъ преемниковъ Стефана Перскаго, Епископъ Пятирмиъ ⁽²⁶⁾. Это

⁽²⁰⁾ Ник. V, 98. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 218. ⁽²²⁾ Тамъ же, 125. ⁽²³⁾ Истор. Рус. Титлд. Т. IV, стр. 575. ⁽²⁴⁾ Ник. V, стр. 265. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 221. ⁽²⁶⁾ Тамъ же, стр. 278.

извѣстіе показываетъ намъ, что знакомство Москвичей съ Сѣверною Азією или Зауральемъ, начавшееся въ XIV столѣтіи, продолжалось и теперь, и конечно распространялось все болѣе и болѣе, какъ проповѣдниками Христіанства, такъ и разными промышленниками, неоставлявшими преждепроложенныхъ дорогъ въ эту сторону, богатую звѣроловствомъ. Мы скоро узнаемъ очень любопытное описаніе этого края, составленное, по всему вѣроятію, въ концѣ XV вѣка. Но обратимся теперь къ замѣчательнѣйшему географическому памятнику временъ Василія Васильевича Темнаго, къ путешествію Митрополита Исидора во Флоренцію, начавшемуся въ 1438 году и окончившемуся 1440 г. Этотъ памятникъ представляетъ намъ довольно подробное географическое знакомство съ тогдашнею Европою, и дошелъ до насъ въ одной древней рукописи, хранящейся въ Синодальной Патріаршей Библиотекѣ. Рукопись сія хотя уже напечатана въ древней Россійской Виліюфкѣ, но тѣмъ не менѣе, для полноты обзора географическихъ свѣдѣній на Руси въ первой половинѣ XV столѣтія, здѣсь не неумѣстно будетъ выписать хотя краткое содержаніе сего путешествія.

Въ путешествіе вмѣстѣ съ Исидоромъ отправился Авраамій, Епископъ Суздальскій, Архимандритъ Вассіанъ и Митрополичьи бояре со святою изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Изъ Москвы они выѣхали 8 Сентября; 14 Сентября прибыли въ Тверь, гдѣ къ нимъ присоединился посолъ Тверскаго князя Оомы. Изъ Твери они пошли на Торжокъ, потомъ на Вышній Волочокъ, откуда рѣкою Мстою въ Новгородъ. Кто велъ журналъ путешествія по Синодальному списку, мы не знаемъ; но очевидно это былъ трудъ оффиціальныи какого либо дьяка или инока, находившагося въ Митрополичьей свитѣ; ибо вездѣ отмѣчено время пребывания путешественниковъ и разстояніе мѣстъ и ночлеги, какъ это обыкновенно водилось въ старинныхъ оффиціальныхъ бумагахъ Москвитанъ. Въ Черниковскомъ спискѣ путешествія, изданномъ Сахаровымъ, названъ составителемъ этого журнала янокъ Симеонъ изъ Суздаля. Въ журналѣ сказано: «Отъ Москвы до Твери 200 верстъ безъ двадцати; отъ Твери до Торжка 60 верстъ, отъ Торжка до Волочка 70 верстъ, отъ Волочка до Новгорода и Мстою 300 верстъ». Путешественники пріѣхали въ Новгородъ Октября въ седьмой день; изъ Новгорода отправились въ Псковъ и прибыли туда Декабра 6-го, «а отъ

Новгорода до Пскова и ту была пиры мнози и дары велицы». Во Псковѣ путешественники пробыли семь недѣль, и выѣхали оттуда въ землю Ливонскихъ Нѣмцовъ, Января 22. Первый Нѣмецкій городъ, куда они пріѣхали, былъ Каспиръ (вѣроятно нынѣшній Кастеръ, неподалеку отъ Дерпта); съ Каспира они пріѣхали въ Юрьевъ (Дерптъ). Вотъ описаніе Юрьева: «Градъ же Юрьевъ великъ каменъ, палаткижъ въ немъ вельми чудны, намъ же невидящимъ дивящися, церкви же бѣ многи и монастыри велицы. Рѣкажъ бѣ обшла съ той стороны откуда мы пріѣхали. Горыжъ баху у нихъ, поля и садовы красны. Церквижъ крестьянскіи бѣ двѣ у нихъ: Св. Николай и Св. Юрій, крестьянъ же мало. Отъ Юрьева до Риги 200 верстъ». По дорогѣ къ Ригѣ, которая шла на Волмаръ, путешественники видѣли множество городовъ, и пріѣхали въ Ригу 4 Февраля, гдѣ и пробыли до 5 Мая. Изъ Риги поѣхали моремъ къ Любеку, «сперва на Русскую землю, потомъ на Прусскую, Поморскую и Жунскую, огтоль на Свицкумъ» и наконецъ къ Любеку, куда прибыли 19 Мая. Любекъ описывается слѣдующимъ образомъ: «и видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля бяху и горы не велики, и садовы красны, полаты вельми чудны позлащенными верхи, и монастыри въ немъ вельми чудны и сильни; и товара въ немъ много волкаю; и воды приведены въ него и текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а нныя въ столповъ, студены и сладки». Далѣе описывается божище и монастырь, гдѣ путешественники видѣли удивившее ихъ изображеніе Божіей Матери. «Яко жива стовтъ Пречистая и Спаса держитъ на рудѣ младенечнымъ образомъ; и зазвѣняше колокольчикъ, и слѣтатъ ангелъ сверху, и снесетъ вѣнецъ въ рукахъ и положить на Пречистую; и поиде звѣзда яко по небу, и на звѣзду зраще вдаху волси три, а предъ ними человекъ съ мечемъ, а за нимъ человекъ съ товаромъ, и внесона дары Христу, злато и ливанъ и смарну, и пріидоша ко Христу и Богородицѣ и поклонившася, и Христосъ обратася и благослови ихъ, хотаще руками взати дары, яко дѣтя, и грая у Богородицы на рукахъ; они же поклонившася и отдаша; и ангелъ возлетитъ горѣ и вѣнецъ взя». Далѣе путешественникамъ показывали монастырскую библіотеку, гдѣ они видѣли болѣе 1000 книгъ.

Изъ Любека они отправились, въ пятницу, на Троицкой недѣли, и, отъѣхавъ четыре мили, ночевали въ городѣ

Мельнѣ (нынѣ Малленъ въ Лауенбургѣ). Около этого города путешественники видѣли — «озера, а съ другую страну приведена рѣка болѣ 20 верстъ изъ великія рѣки Елены (Эльбы). А отъ Елены рѣки Мечъ рѣка, а перевоза поперекъ ее три версты. А отъ той рѣки до Лунбрега (Люнебурга) града двѣ миль». Далѣе слѣдуетъ описаніе Люнебурга: «той убо градъ величествомъ подобенъ есть Любку, и среди града того суть столпы устроенны, въ мѣди позлащены, вельми чудны, третью сажень и выше, и у тѣхъ столповъ у коегождо люди прывражены около того же мѣдью; и истекають изъ тѣхъ людей изо всѣхъ воды сладки и студены, у единаго изъ усть, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а инаго изъ лопти, а у инаго изъ ноздрію, истекають же прытки яко изъ бочекъ». Отъ Лунбрега путешественники пошли на Брунзвигъ (Брауншвейгъ), отстоящій на 16 миль. Въ описаніи Брунзвига сказано: «что онъ величествомъ выше всѣхъ прежнихъ градовъ, и палаты въ немъ видѣти вельми чудны; и еще жъ рѣки великія приведены по всему граду тому, бреги ихъ и дна морованы каменьемъ». Отъ Брунсвика они поворотили на востокъ къ Батмеру (11 миль) вѣроятю нынѣшнему Бернбургу, о которомъ путешественники говорятъ: «той бо градъ величествомъ Любку подобенъ есть, и подъ весь градъ той улицы морованы и палаты, а воды къ нему прыведены отъ Аламанскія землі» (Нѣмецкія). Съ Батмера они пошли на Липесъ (Лейпцигъ), отъ Липеса на Аоратъ, вѣроятю нынѣшній Erfurtъ, о которомъ говорятъ: «великъ и чуденъ вмѣнѣемъ многимъ и хитрымъ рукодѣліемъ предумноженъ, и такого товара и хитра рукодѣліемъ ни въ коемъ градѣ въ предписанныхъ не видѣхомъ». Съ Erfurta они пошли на Бамбергъ, который называютъ Бембеверегъ, потомъ на городъ Поитъ, подъ которымъ рѣка Тискъ, а далѣе на Нурбергъ т. е. Нюренбергъ, о которомъ въ описаніи сказано: «вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и товара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ каменьемъ великія, чудны и хитры, тако же и рѣки приведены по граду тому великими силами хитро. А отъ Любка до Нюрберга сто миль. И той Нурберхъ градъ стовтъ среди Аламанскія землі. А Аламанская земля, то есть не иная вѣра, ни иный языкъ; но есть единая вѣра Латинская, а языкъ Нѣмецкій же, но разный яко Русь съ Сербы». Отъ Нюренберга путешественники пошли на Аусбургъ или какъ сказано, Австорокъ, на Дунаѣ въ 17 миляхъ

отъ Нюренберга. Объ этомъ городѣ составитель путешествія пишетъ: «величествомъ превзыдѣ всѣ предписанныхъ градовъ, и палаты въ немъ, и воды и иное строеніе вельми чудны, и божищны въ немъ устроенныя, съ надворья писано вельми хитро, а внутри якожь внѣя божищны подписаны; и ту писавъ Царь Юстиніанъ начальвий здатель града того, да внѣя цари Римскіе писавы, тоже и Угорскіе и Аламанскіе».

Отъ Аусбурга они пошли къ Тирольскимъ Альпамъ (Полонивы горы) на Журбрюкъ, вѣроятно Инспрукъ, о которомъ говорятъ: «городокъ не великъ, держитъ его князь зовомый Дукъ (Герцогъ Австрійскій). Отъ Инспрука къ Полонивымъ горамъ пошли на городъ Фреанду; (отъ Инспрука 24 миль), потомъ въ Фрескую (Итальянскую) землю до города Павды (Паду), и всего шла горана 60 миль». О Полонивыхъ, т. е. Аліійскихъ горахъ, путешественникъ говоритъ: «горыжь тѣ не ту суть, но отъ Чернаго моря пошли даже и до Бѣлаго моря, яко поясъ зовется земный каменный; только же высоты суть, облаца вполъ ихъ ходять, и облацы отъ нихъ ся взимають. Снѣзи же лежать на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ; въ лѣтѣ же, жаръ и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ же не таяше». Отъ Паду путешественники пошли на Феррару, куда и прибыли 18 Августа. Здѣсь тогда находился 8-й вселенскій соборъ, гдѣ уже поджидали Исидора. О Феррарѣ въ путешествіи сказано: «въ томъ же градѣ Феррарѣ на Папинѣ дворѣ возведенъ столпъ камень высокъ и великъ надъ торгомъ, и на томъ столпѣ устроены часы, колоколъ великъ, и коли ударитъ, на весь градъ слышати; и того столпа отведено крыльцо и двои двери; и коли при спѣетъ часъ ударитъ въ колоколъ, и выдетъ изъ столпа на крыльцо Ангелъ, просто видѣти яко живъ, и потрубить въ трубу, и вкочать другими дверцами въ столпъ, а людемъ всѣмъ выдающимъ ангела, и трубу выдающимъ, и гласъ его слышати; и потомъ въ тотъ великій колоколъ восходяше на всякъ часъ Ангелъ ударяше». Далѣе отмѣчаютъ цѣны на разные припасы въ Феррарѣ: «и въ томъ же градѣ бѣти купихомъ, яловца 20 золотыхъ, боровъ пять золотыхъ, а золотой по 30 грошей, а баранъ 2 золотыхъ; гусь три гроши, куря три гроши, хлѣба 9 проскуръ на грошъ, сыръ по золотому».

Потомъ Русскій Матронолитъ, съ своею свитой, 27 Января, отправился изъ Феррары во Флоренцію, куда еще прежде

уѣхали Папа и Патріархъ Константинопольскій. Русскіе рѣкою По (въ журналѣ названа Пова) «поѣхали отъ Феррары на Аржентъ (Рженги) 25 миль, потомъ на Бастію (Башты) семь миль, далѣе на Салвъ (Селжи) также семь миль». Отъ Селва путники перебрались на берегъ и пошли сухимъ путемъ на Луго (Алуги), далѣе на Фаенцу (Фепзы) и оттуда во Флоренцію. Путь до Флоренціи описанъ такъ: «подъ Береномъ рѣка Ирчець быстра вельми, черезъ ее мостъ камень, и садовъ множество масличныхъ, и мѣсто красно межъ горъ; и отъ Берена до града славнаго и прекраснаго Флоренцы 50 миль; а всѣ горы каменны высоцы, а путь тѣсень и тяжекъ вельми, навъ же возы не ходять, но на вьюкахъ ѣздать, и вино родится въ горахъ тѣхъ вельми добро и сладко, красно». Далѣе слѣдуетъ описаніе самой Флоренціи: «той же градъ Флоренза великъ зѣло, такого необрѣтохомъ во предписанныхъ градѣхъ; божицы въ немъ красны зѣло и велицы, и палаты въ немъ устроены бѣлымъ каменіемъ, вельми высоки и хитры; и по средѣ града того течеть рѣка велика и быстра вельми, именовъ Рна (т. е. Арно) и устроенъ на рѣцѣ той мостъ камень и широкъ вельми, и съ обѣ стороны моста устроены палаты. Есть же во градѣ тамъ больница велика, и есть въ ней до 1000 кроватей; тожъ устроена хасраль (богадѣльня) немощнымъ и пришельцемъ и страннымъ изъ иныхъ земель. Есть монастырь пный, устроенный бѣлымъ каменіемъ хитро и вельми твердо, а врата желѣзны; а божица вельми чудна, и есть въ ней службъ сорокъ, и мощей святыхъ множество, и ризъ драгихъ множество съ каменіемъ драгимъ, и со златомъ и съ жемчугомъ; старцовъ же въ немъ сорокъ, житіе же ихъ не изходно изъ монастыря. А погребеніе умершихъ тѣхъ старцовъ во устроенныхъ тѣхъ монастырѣхъ и гробы ихъ, новоумершаго старца выкладываютъ, а вѣтхія кости вынимають, и кладутъ въ кастеръ и на нихъ смотря поминаютъ часъ смертвый. Въ томъ же градѣ дѣлають камки и аксамиты со златомъ; товару же всякаго множество, и садовъ масличныхъ. И ту же сукна scarlatныя дѣлають. Ту же видѣхомъ древіе кедры и кипарисы, кедръ какъ Русская сосна много походила, а кипарисъ корою яко липа а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява, мягка, ашибки походиви на сосновые. И есть во градѣ томъ божица устроена велика, камень мраморъ бѣлъ

да червь; в у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, такожь бѣлый камень мраморъ, а хитрости ей недоумѣть умъ нашъ. И ходихомъ во столпъ той по лѣстницѣ, и сочтохомъ степени четьреста и пятьдесятъ. Въ томъ же градѣ видѣхомъ лютыхъ звѣрей двадцать два. А около града того стѣнъ шесть миль». Въ Черниковскомъ спискѣ, вмѣсто миль, поставлено *поприщъ большихъ*, и прибавлено еще: «въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковые; да и то видѣхомъ какъ шелкъ емлютъ съ нихъ».

По окончаніи собора, Русскіе путники отправились въ отечество другою дорогою, такъ что, начавши путешествіе изъ Пскова, воротились домой черезъ Литву. Изъ Флоренціи они уже пошли на Скорпию, т. е. Скарперію, потомъ на Кравенъ, т. е. Кавренъ и на Болонью; далѣе рѣкою Фарою въ По, и рѣкою По до города Кезы (Каза-де-Марина), откуда моремъ до Венеціи. Венеція описана слѣдующимъ образомъ: «а той градъ стоитъ въ морѣ, а суха пути къ нему нѣтъ, отъ берега 13 миль стоитъ въ морѣ; среди его проходятъ корабли и катарги; а по всемъ улицамъ воды и ѣздятъ въ баркахъ. Но вельми той градъ великъ, и палаты въ немъ чудныя а нвыя позлащены, и товара въ немъ всякого много; занеже корабли приходятъ, изъ иныхъ земель, отъ Іерусалима, отъ Царя града, отъ Азова, изъ Турскія земли, изъ Сорочинъ и изъ Нѣмецъ. Есть въ градѣ томъ церковь, святой Марко Евангелистъ, каменная, и столпы въ ней чудны, Гречинъ писалъ мусіею, и доверху видѣти вельми чудно, а внутри рѣзаны святыя, мраморъ и вельми хитро. А сама велика церковь, а надъ предними дверми изнутри поставлены четьре коня мѣдныя, позлащены великіи, видѣти яко живы, и повѣшены два змѣя великиа убиты. Ту и самъ Св. Марко лежить; а мощей святыхъ много и изъ Царя града. И монастырей много около града того по островамъ на морѣ, близъ иныхъ церквей много». Изъ Венеціи путешественники сперва пристали къ острову, гдѣ монастырь Св. Николая; потомъ шли 110 миль моремъ до города Печери, очевидно на нынѣшнемъ Истрійскомъ берегу, далѣе отъ Печери спустились моремъ еще на югъ, 30 миль, до города Пола, откуда спустились къ острову и городу Осарѣ, гдѣ простояли десять дней, и потомъ двинулись къ городу Семю, нынѣшній Сеиъ на Хорватскомъ берегу, здѣсь высадились изъ корабля

и пошли сухимъ путемъ сперва, черезъ землю Хорватскую, на городъ Брынъ, 15 миль лѣсомъ на горы, потомъ къ городу Мудруны, пришедшій Модрусь, далѣе на городъ Возоль, еще далѣе на городъ Истребискъ, откуда на Очки, гдѣ начинаются владѣнія Угорскаго царя. Съ Очкнъ на Загребъ, потомъ на Краковецъ и Крыжъ, можетъ-быть нынѣшніе Крыжевцы, на сѣверовостокъ отъ Загреба; далѣе на Вевшь, откуда на Бѣлгородъ и Булянъ, который описывается такъ: «отъ Бѣлграда до Фудва 40 верстъ, той убо градъ стольный есть Угорскаго королевства, на славней рѣцѣ Дунав, красенъ убо велвкъ, и посадь по обѣ стороны рѣки. Королевъ дворъ есть, стоятъ во градѣ велми крѣпокъ и хорошь; есть убо на посадь за градомъ кладязь, кипать въ котлѣ горячая вода въ зимѣ и лѣтѣ». Здѣсь прекращается журналъ путешествія, довольно уже краткій къ концу, особенно начиная съ дороги отъ Загреба.

Такимъ образомъ спутники Исидора, въ продолженіе путешествія во Флоренцію, прошаивъ отъ Писовадо Риги, и потомъ моремъ до Любека, а отъ Любека сухимъ путемъ долиною между Эльбою и Рейномъ до Дуная, и, пересѣкши Дунай, черезъ Тирольскія горы проникли въ Италію, которою сперва прошли по восточному берегу до Флоренціи, а потомъ, идя назадъ изъ Флоренціи, отправились на сѣверозападъ къ Болоньи и далѣе рѣкою По спустилась въ Адриатическое море. Отъ Казы-Марини перебралась въ Венецію, изъ которой перешли на Хорватскій берегъ, и потомъ черезъ Хорвацію прошли въ Венгрію и Венгріею достигли Лавты, откуда уже прѣехали въ Москву. Это путешествіе познакомило Москвитанъ съ Германіею, Италіею и Венгріею; они вывезли оттуда извѣстія объ успѣхахъ Европейской жизни, которыя, какъ увидимъ послѣ, не пропали даромъ, и привезли обильные плоды для развитія Русской жизни; ибо въ концѣ настоящаго же столѣтія Іоаннъ III-й началъ выпивсывать въ Москву разныхъ художниковъ изъ Итали и Германіи. Живое описаніе чудесъ Европейскаго искусства, привезенное спутниками Исидора, возбудило въ Московскомъ Государѣ и народѣ сильное желаніе пересадить сіи искусства на Русскую почву. Увлкательные рассказы очевидцевъ о великолѣпіи и устройствѣ Европейскихъ городовъ пришли очень кстати; ибо Москва, сдѣлавшись средо-

точіемъ обширнаго государства, удобно могла уже приступить къ работамъ о собственномъ великолѣпіи.

За осемнадцать лѣтъ до Исидорова путешествія во Флоренцію, одинъ Москвитинъ, Іеродіаконъ Зосима, совершилъ путешествіе на востокъ въ Царьградъ и Палестину, и оставилъ записки своего странствованія. Въ запискахъ онъ пишетъ, что изъ Троицкой Лавры сперва отправился на богомолье въ Кіевъ, а тамъ вздумалъ идти въ Іерусалимъ. Это новое путешествіе онъ началъ въ сообществѣ со многими купцами и вельможами. Они изъ Кіева пустились на югозападъ и, прошедши 150 верстъ, достигли восточнаго Буга, у города Браславля; отъ Браславля они вступили въ степи Татаръ Бѣлгородской Орды, и шли 250 верстъ Татарскою дорогою, «которая зовется на Великій Донъ». Прошедши этотъ путь они достигли Днѣстра подъ Митревскими Кыминами, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку и Литовская граница съ Волохами. Отъ этого перевоза они шли три дня Волошкою землею и достигли Бѣлграда; изъ Бѣлграда, прошедши девять верстъ, спустились въ устье Днѣстра—«гдѣ стоитъ столицъ, называемый Фонарь»; здѣсь сѣли на корабль и чрезъ три недѣли прибыли въ Царьградъ.

Іеродіаконъ Зосима, какъ видно изъ его описанія путешествія, былъ человекъ бывалый, много видѣвшій и умѣвшій вездѣ пройти, чтобы посмотреть замѣчательное; онъ еще въ 1414 году былъ въ Константинополѣ, въ свитѣ Княжны Анны Васильевны, отправлявшейся тогда невѣстою къ Іоанну Палеологу, сыну Императора Мануила. Знакомый съ Константинополемъ, онъ во второе свое путешествіе осмотрѣлъ и описалъ всѣ таковыя достопримѣчательности съ такими подробностями, какихъ не находимъ ни у одного изъ нашихъ путешественниковъ, и которыя въ настоящее время для насъ чрезвычайно драгоценны, какъ полная и живая картина Константинополя за какіе нибудь тридцать лѣтъ до его завоеванія Турками. Зосима началъ свой обзоръ Царьградскихъ достопримѣчательностей съ Софійскаго храма; здѣсь онъ, между прочимъ, видѣлъ образъ Спасителя Исповѣдника, передъ которымъ исповѣдають свои грѣхи. Подлѣ Софійскаго храма осматривалъ Ноевъ ковчегъ, потомъ былъ въ монастырѣ Одыгитріи, гдѣ чудотворный образъ Божіей Матери; далѣе посѣщалъ другіе монастыри. По его разсказамъ, передъ вратами Софійскаго храма стоялъ

столпъ, а на немъ Царь Юстиніанъ на конѣ—сконь мѣднѣ, и самъ мѣднѣ вылитъ; правую же руку держитъ разпростертую, а зрѣтъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацынскіе цари; а Срацынскіе цари противу ему стоятъ, всѣ болваны мѣднѣны, держатъ въ рукахъ своихъ дань; въ другой же рудѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ. Отъ памятника Юстиніану, яко въ стрѣловницѣ есть мѣсто, еже ся зоветъ подорожъ (ипподромъ) урыстанье конское, и туто поставленъ столпъ на насыпи, а насыпь есть вышныи челоуѣка съ 3, а на насыпи той четыре лодыга мраморныи, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его 6 сажень, а шарина его одна сажень, единъ камень безъ става. И возлѣ стотъ столпъ, три главы аспидовы мѣднѣны сплѣтены, вмѣсто одной главы. Есть столпъ идучи къ Студіискому монастырю весь описанъ, что на свѣтѣ есть; сей столпъ поставилъ Царь Аркадіи на память свою. Передъ вратами Апостольской церкви стоитъ Ангелъ страшенъ великъ и держитъ въ рудѣ скипетръ Царяграда, а противъ его стоитъ Царь Константіанъ, аки мужъ живой, и держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ на соблюдение тому Ангелу. А въ сторонѣ монастыря Пантократоръ, съ два стрѣлица большая, есть монастырь, еже ся зовутъ, Аполликанти; предъ враты того монастыря лежитъ жаба каменная; сія жаба при Царѣ Львѣ премудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала. Близъ стѣны монастыря Перепты стоятъ два болвана каменныи великии, иже были суть при Львѣ премудромъ правосудіи, Зосима перечисляетъ въ Константинополѣ 22 монастыря, которые были посѣщены имъ, и которыхъ достопримѣчательности онъ описалъ въ своемъ путешествіи. Представивши замѣченныи имъ подробности Константинополя, Зосима переходить къ общему очерку всего города и говоритъ: «а Царьградъ стоитъ на три угла: двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ западу, приступа дѣля ратныхъ. Въ первомъ углѣ отъ Бѣлаго моря созданъ Студіискій монастырь; во второмъ углѣ созданъ Св. Юрія монастырь, зовемый Монганъ: а сей быше первое градецъ малъ, зовемый Византія, напротивъ Скутаря. А мѣсто зовемое Скутарь, есть на оной странѣ моря, и есть ту торговища; сѣзжаются Турчане, а съ сея страны Греки и Фразове, и торгуютъ межъ собою. Въ третьемъ углѣ стотъ церковь Влахерна. Отъ Лимена повыше мало стотъ Царева па-

лѣта; а во Лимскомъ стоитъ Фражскій градъ, красенъ и добръ и гѣтъ».

Пробывъ ползими и лѣто въ Константинополѣ, Зосима отправился на Святую гору (Аеонскую). Онъ въ Цареградской пристави сѣлъ на корабль и ѣхалъ 100 миль узкимъ моремъ (Дарданеллами) до острова Мармаръ, о которомъ говоритъ: «въ томъ 60 островѣ всѣ Цареградцы колютъ мраморъ и мостятъ церкви и палаты въ Цареградѣ. Отъ Мармара 60 миль шель до Галлипола, гдѣ Турецкій перевозъ. Отъ Галлипола прошедши еще 60 миль, вступилъ въ устье и вышелъ на великое море Пантийское, которое иначе называлось Бѣлымъ . . . гдѣ стоитъ градъ Трояда въ самомъ устьѣ». Далѣе продолжаетъ рассказывать о пути на Аеонъ: «отселе выходятъ пути на великое море: на право повти ко Св. Горѣ и къ Селуню, и ко Арменской землѣ и къ Риму; на лѣво же ходять и правобѣрнн ко Іерусалиму. Идучи отъ устья десять миль, минухомъ островъ Зигрій, оттуду 300 миль островъ Лимбры; оттуду пльхомъ 100 миль и минухомъ островъ Лимпось; и оттуду пльхомъ 60 миль подъ Св. гору». На святой горѣ Зосима исчисляеть 22 монастыря, конхъ наименованія: Лавра, Ватопедъ, Хиландаръ, Монастырь Русскій, завомый Св. Пантелеймонъ, Пантакраторъ, Свимонъ, Верверскій, Зуфгри, Дохиаръ, Ксепось, Алупъ, Капакалъ, Кулдумось, Протатій, Ксеравоталъ, Филитон, Василевпиргій, Павлова пустыня, Дювасіевъ монастырь, Григоріевъ монастырь, Симона Петране, Кастомонять.

Съ Аеона Зосима ходилъ сухимъ путемъ въ Селунь, на поклоненіе Св. Димитрію Селунскому и преподобной Феодорѣ; изъ Селуны, вмѣстѣ съ тамошнимъ Митрополитомъ, отправился во Іерусалимъ. Путь его лежалъ на Лемпось и потомъ на Хіосъ, о которомъ говоритъ, что «тамъ родятся мастика, и рожки, и шелкъ и всякъ овощи». Съ Хіоса отправился на Патмось, потому 800 миль шель Пантийскимъ моремъ, наконецъ присталъ прямо къ Палестинскому берегу; въ Іерусалимъ пришелъ рано поутру въ Свѣтлое Воскресенье, и пробылъ тамъ цѣлое лѣто. Приступая къ описанію своего пребыванія въ Іерусалимѣ, Зосима прежде всего описываетъ празднованіе Воскресенія Христова, потомъ упоминаеть о посѣщеніи Іерусалимскихъ церквей, причемъ рассказываетъ о разныхъ притѣсненіяхъ,

которыя Иерусалимскіе Христіане терпятъ отъ Арабовъ. Далѣе говорятъ о своемъ путешествіи на Іорданъ до Мертваго моря, о посѣщеніи Сихема, Внолеема, Рахилина гроба, Церкви Св. Ілія, Иверскаго монастыря и села Скудельничя. Разскавъ его довольно подробнѣе и наполненѣе разными Палестинскими преданіями о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Почти въ концѣ описанія Зосима сообщаетъ любопытное извѣстіе о владѣтеляхъ Египта и Дамаска и о городахъ, принадлежавшихъ Египетскому Султану. Вотъ подлинныя слова его: «а во Египтѣ Султанъ сирѣчь Царь, имя ему Тотаръ; а въ Домасцѣ Цембакъ: се имя Серацинскія имена. А се подъ Египетс кимъ княземъ Султаномъ градовъ: 1. Египеть 2. Іерусалимъ, 3. Александрія, 4. Газа, 5. Дамаскъ, 6. Антиохія, 7. Верить, 8. Триполь, 9. Рамла въ Палестинѣ, 10. Ладла, 11. Внолеемъ».

Въ обратномъ пути изъ Іерусалима Зосима шелъ на Раму, Ладду, Яфору и Іопцію, гдѣ и сѣлъ на корабль, и, проплывъ 300 миль, прибылъ въ Кипръ. Описывая Кипръ, Зосима говорить: «въ семъ островѣ градъ великій стольный Накосія: тутъ стоитъ Рига Фряжскій, сирѣчь князь, обладаетъ вошъ островомъ тѣмъ; и братъ его Арцибургъ тутоже сѣдитъ; Греческихъ Епискупъ 4, и два мирянина и два черца. Во всѣхъ церквахъ Фряжскихъ со органы поютъ на великіе праздни ки. А второй градъ Киринія; въ семъ градѣ родится сахаръ, и рожки, и гроздія, и аспидъ, а мусть мала. Оттолѣ есть 10 верстѣ село княже, зовется Оморео, сирѣчь хорошее; ту тако же родится сахаръ, и тутъ лежитъ Св. Мамантъ. Четвертый градъ Фамагуста; а пятый градъ Ларники; а шестый градъ Пафось, а седмый градъ Кикко, идѣже былъ Лазаръ четверодневный». Въ Кипрѣ Зосима пробылъ полтора мѣсяца. Потомъ 500 миль плылъ моремъ до острова Родоса; объ этомъ пути онъ говоритъ: «и видѣхомъ землю и горы, ихъ же есма и въ писаніи не слышахъ, и ходихомъ во Лукоморью». Это замѣчаніе нашего путешественника довольно прямо указываетъ, что путь въ Палестину нашимъ предкамъ, въ XV вѣкѣ, былъ уже знакомъ по книгамъ; что они извучали его еще дома, а во время самаго путешествія преимущественно старались посѣщать мѣста, уже знакомыя по описаніямъ, замѣченнымъ въ книгахъ; слѣдовательно, ихъ внима-

за географіа, по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстъ, съ которыми связаны воспоминанія о земной жизни Христа. О Родосѣ Зосима говоритъ: «сей островъ предала Апостола ко Апостольской церкви въ Римъ; ту сидеть отъ Папы Римскаго мистръ великій, и всѣ у него крестоносцы, а церковные люди, вносятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портищахъ нашиваны; и ту есть Митрополать Греческій и Епископъ и попъ иерьянъ». Отъ Родоса нашъ путешественникъ плылъ моремъ 2500 миль, и присталъ къ острову Митилеву, оттуда пошелъ къ Константинополю, гдѣ и зимовалъ; наконецъ въ Маѣ мѣсяцѣ сѣлъ на корабль, и Чернымъ моремъ отправился въ Русь.

Путешествіе Зосимы было какъ бы прощальнымъ съ Греческимъ Константинополемъ, ибо послѣ Зосимы, до завоеванія Константинополя Турками, въ нашихъ памятникахъ нѣтъ уже никакихъ извѣстій о посѣщеніи этого города. Путешествіе сіе для насъ очень важно не по однимъ извѣстіямъ о Константинополѣ и Палестинѣ, но и по географическимъ свѣдѣніямъ о за-Днѣпровской и за-Днѣстровской Руси, отъ Кіева до самаго устья Днѣстра, какъ мы видѣли выше. Подобныхъ извѣстій мы не встрѣчаемъ въ нашихъ отечественныхъ памятникахъ; они тѣмъ для насъ замѣчательны, что свидѣтельствуютъ, что эта сторона была еще знакома сѣверовосточной Руси и въ XV столѣтіи, и что въ этомъ краѣ еще продолжалась торговля съ Константинополемъ. Зосима прямо говоритъ, что онъ отправился изъ Кіева съ многими купцами, которые шли на Бугъ и Днѣстръ и оттуда въ Черное море.

Представимъ обзоръ географическихъ свѣдѣній за первую половину XV вѣка у Москвитянъ, теперь обративъ вниманіе на жителей другихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній сѣверовосточной Руси. Кромѣ Москвы, на сѣверовостокѣ Руси были самостоятельными владѣніями: Новгородъ со Псковомъ, Тверь, Рязань и нѣкоторые незначительные удѣлы потомковъ Михаила Черниговскаго, находившіеся на югѣ отъ Московскихъ и Рязанскихъ земель. Изъ нѣхъ владѣнія князей Черниговскаго дома, стѣсненные землями Московскими, Рязанскими и Литовскими, открытыя для Татарскихъ набѣговъ съ юга и притомъ слишкомъ слабыя по своей раздробленности, едва ли могли имѣть какіе либо успѣхи

въ развитіи народной жизни и въ знакомствѣ съ сосѣдними землями, выключая развѣ Татарскихъ степей, куда иногда жители преслѣдовали набѣгавшихъ на ихъ города Татаръ, и гдѣ можетъ-быть у тамошнихъ князей были ставицы и развѣзды для наблюденія за Тарскими сакмами. Таковы были земли Торусскія, Воротыискія, Олоевскія, Бѣлевскія, Новосильскія и другія, мало по малу вошедшія въ составъ Московскихъ владѣній. Та же участь была и для земель Рязанскихъ; впрочемъ, это владѣніе, какъ довольно сильное, имѣло обширѣйшій кругъ дѣятельности, и слѣдовательно большее знакомство съ сосѣдними странами, по крайней мѣрѣ въ началѣ XV вѣка, на что есть указанія въ дошедшихъ до насъ разныхъ памятникахъ. Такъ, по договорной грамотѣ 1433 года, между В. Кн. Рязанскимъ Иваномъ Феодоровичемъ, съ тогдашнимъ Московскимъ В. Кн. Юрьемъ Дмитриевичемъ, мы находимъ, что Рязанскія земли на западъ граничили съ Торусскими владѣніями и что Тула и Берестье принадлежали къ Рязани, на востокъ же Рязанская граница сходилась съ Мещерскою и нѣсколько проникла въ земли Татарскія и Мордовскія ⁽²⁷⁾. Слѣдовательно простиралась до рѣки Суры въ ея верховьяхъ, и далѣе на юговостокъ шла на Медвѣдицу, гдѣ былъ Черленый Яръ, принадлежавшій къ землямъ Рязанскаго Епископа, и наконецъ до впаденія Медвѣдицы въ Донъ, какъ значителю по грамотамъ Митрополитовъ Феогноста и Алексѣя ⁽²⁸⁾. Впрочемъ сіи довольно обширныя земли были раздѣлены на два, почти равныя, владѣнія, изъ коихъ первое, лежавшее на сѣверъ, называлось великимъ княженіемъ Рязанскимъ, а второе, примыкавшее къ южнымъ степямъ, составляло великое княженіе Пронское ⁽²⁹⁾. Это послѣднее владѣніе было въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Татарами и преимущественно поддерживалось ихъ помощію, такъ что иногда Пронскіе князья захватывали и самую Рязань, какъ на примѣръ это было въ 1409 году, когда Пронскій князь Иванъ Владиміровичъ, при помощи Татаръ, выгналъ Рязанскаго князя Феодора Ольговича. Рязанцы, какъ ближайшіе сосѣди съ Татарами, едва ли не лучше всѣхъ современниковъ знали Татарскія степи; ибо они и по мирнымъ сношеніямъ чаще всѣхъ бывали у Татаръ, а также нерѣдко, отражая Татарскіе на-

⁽²⁷⁾ Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 48. ⁽²⁸⁾ Ак. Ист. Т. I, № 1. и 3. ⁽²⁹⁾ Ник. V, стр. 14.

объги, гонялись за нихъ полчищами по Приволжскимъ степямъ. Такъ въ лѣтописи упоминается подъ 1411 годомъ: «приходиша Татарове на Рязань изгономъ; Рязанцы жъ ходиша за ними въ погоню, и ихъ биша и полонъ отъяша»⁽²⁰⁾. Тоже повторяется подъ 1426 годомъ⁽²¹⁾ и упоминается о Татарскихъ набѣгахъ на Рязанскія границы подъ 1437, 1439 и 1442 годами. Подъ 1444 годомъ описывается битва Рязанцовъ и Москвичей съ Татарскимъ Царевичемъ Мустафою, причемъ упоминаются въ Рязанскихъ полкахъ Мордва и Рязанскіе казаки⁽²²⁾. Рязанскими казаками здѣсь, вѣроятно, названы пограничные жители, поселенные по Холму, Медвѣдицѣ и Дону, составлявшіе переводую стражу Рязанскихъ владѣній противъ Татаръ,—тѣ самыя, о которыхъ упоминается въ извѣстныхъ грамотахъ Феогноста и Алексѣя, Митрополитовъ Московскихъ, на Червленый Яръ. Въ первые годы XV вѣка Рязань, при своемъ знаменитомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ, не ограничивала своихъ сношеній Москвою и Татарами, но иногда имѣла вліяніе и на дѣла Литовскія. Такъ, въ 1401 году, Олегъ Ивановичъ, желая помочь изгнанному изъ Смоленска князю Юрью Святославичу, вооружилъ противъ Витовта князей Муромскаго, Провскаго и Козельскаго, отнявъ у Литовцевъ Смоленскъ и посадилъ тамъ прежняго князя своего, союзника Юрія Святославича⁽²³⁾. Потомъ, въ 1402 году, посылалъ своего сына Родослава на Брянскъ⁽²⁴⁾. Такимъ образомъ географическія свѣдѣнія Рязанцевъ ограничивались землями Московскими, Муромскими, Мордовскими, Мещерскими, Татарскими и частію Литовскими. Можетъ быть, у Рязанцовъ была сношенія и съ другими странами по торговлѣ; но за неимѣніемъ Рязанскихъ лѣтописей, мы объ этомъ не знаемъ.

Но совѣтъ въ другихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ со Псковомъ, соприкасаясь своими обширными владѣніями съ Литвою, Нѣмцами, Балтійскимъ моремъ, Сѣвернымъ Океаномъ, съ землями, лежащими по Оби, съ Камскою Болгаріею, составлявшею тогда владѣніе Татаръ, и съ землями Московскими и Тверскими. Притомъ, производя сильную и дѣятельную торговлю, Новгородцы, волей-не-волей, имѣли обширнѣйшія географическія свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ. Вотъ мѣста изъ

⁽²⁰⁾ Ник. V, стр. 36. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 92. ⁽²²⁾ Ник. V, стр. 192. ⁽²³⁾ Ник. IV, стр. 302. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 303.

лѣтописей, указывающія на дѣятельныя сношенія этого предприимчиваго народа съ разными землями. Въ 1401 году Новгородскіе бояре, Степанъ Ивановичъ съ товарищами, собравъ Важанъ, бѣлись съ Москвичами въ Заволочья на Колмогорахъ ⁽²⁴⁾. Въ 1406 году Псковичи сперва воевали Полоцкія волости, потомъ ходили въ Нѣмецкую землю, побѣди Нѣмцовъ подъ Новымъ Городкомъ (можетъ-быть Нейгаузенъ) и гнали за ними до Кѣрляева. Въ слѣдующемъ году они взяли у Нѣмцовъ городъ Порхъ ⁽²⁵⁾. Подъ 1410 годомъ Новгородская лѣтопись, упоминаетъ о войнѣ Литовцевъ съ Нѣмцами, говоритъ, что у Литовцевъ были три побѣды съ Прусами и Нѣмцами, что Литовцы ходили по Нѣмецкой землѣ одиннадцать съ половиною недѣль, побрали всѣ Нѣмецкіе города, за исключеніемъ трехъ, и подъ Мариннымъ городомъ (Маріенбургомъ) стояли 8 недѣль ⁽²⁶⁾. Это извѣстіе, конечно, почерпнуто лѣтописцемъ не изъ Литовскихъ или Ливонскихъ хроникъ, въ которыхъ оно рассказано не такъ, а изъ рассказовъ самовидцевъ, т. е. или отъ Новгородцевъ и Псковитянъ, бывшихъ тогда въ Ливоніи, или отъ Ливонцевъ и Литовцевъ, прѣѣзжавшихъ въ Новгородъ; слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ указываетъ на близкія и постоянныя сношенія Новгорода и Пскова съ Ливоніею и Литвою. Подъ слѣдующимъ годомъ та же лѣтопись, рассказывая о войнѣ Новгорода съ Шведами, говоритъ, что Новгородцы, съ одной стороны, преслѣдуя Шведовъ, проникли до Выбогга, а съ другой, изъ Заволочья, отъ устьевъ Двины, прошли моремъ въ сѣверныя предѣлы Норвегій ⁽²⁷⁾. Здѣсь мы ясно видимъ, что для Новгородцевъ былъ знакомъ и этотъ отдаленный край Скандинавскаго полуострова. Подъ 1414 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Новгородскомъ посольствѣ въ Литву, а подъ 1415 о нападеніи Татаръ на Емецкія земли и о сильныхъ пожарахъ въ Москвѣ и Смоленскѣ ⁽²⁸⁾. Очевидно, что Новгородцы хорошо знали всѣ событія не только въ Литвѣ, Смоленскѣ и Москвѣ, но даже въ краю, сопредѣльномъ съ Татарскими степями, въ одномъ изъ самыхъ южныхъ городовъ тогдашней Руси, Ельцѣ; слѣдовательно, всѣ сѣв страны они постоянно посѣщали, и конечно не для чего иного, какъ для торговли. Подъ 1442 годомъ лѣтописецъ рассказыва-

⁽²⁴⁾ Новг. I, стр. 101. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 103. ⁽²⁶⁾ Тамъ же 104. ⁽²⁷⁾ Тамъ же, ⁽²⁸⁾ Тамъ же, 105.

еть объ убіеніи Литовскаго князя Жилимонта Александромъ Чарторижскимъ и братомъ его, Иваномъ, объ избраніи Казимира въ Литовскіе князья, и о другихъ тамошнихъ провществіяхъ⁽³⁹⁾. Сія извѣстія опять ясно свидѣлствуютъ, что весь Литовскій край былъ хорошо знакомъ Новгородцамъ, и они такъ интересовались тамошними событіями, что вносили ихъ въ свои лѣтописи. Подъ 1443 годомъ въ третьей Новгородской лѣтописи, при описаніи голода, упоминается, что многіе Новгородцы разошлись, иные въ Литву, иные въ Латвію, и иные въ Бесерменство изъ хлѣба⁽⁴⁰⁾. Здѣсь мы имѣемъ новое доказательство, что Новгородцы были знакомы не только съ Нѣмецкою и Литовскою землею, но и съ странами Мусульманскими, подъ которыми лѣтопись, конечно, здѣсь разумѣетъ земли Татарскія. Подъ 1445 годомъ четвертая Новгородская лѣтопись говоритъ, что Ливонскіе Нѣмцы, послѣ нападенія на городъ Ямы, прислали сказать Новгородцамъ: «мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорей изъ заморія Клевскій, про своего проводника Итолка Ругодвца»⁽⁴¹⁾. Это извѣстіе, подтверждаемое и бумагами Нѣмецкаго ордена, свидѣлствуетъ, что Новгородцы знали и герцога Клевскаго, слѣдовательно бывали и въ самой Германіи, или по крайней мѣрѣ знали ее по рассказамъ прѣѣзжавшихъ оттуда купцовъ. Это извѣстіе говоритъ о знакомствѣ Новгородцевъ, съ землями, лежащими на западъ отъ Новгорода; а вотъ свидѣтельство о сношеніяхъ Новгорода съ востокомъ. По сказанію Никоновской лѣтописи, Новгородцы съ своимъ посадникомъ Аноломъ, въ 1409 году, воевали въ Камской Болгаріи, причѣмъ часть ихъ рати, въ числѣ 100 насадовъ, отправилась Камою, а другая часть, на 150 насадахъ, Волгою; но какъ Волжская часть рати опоздала прійти на соединеніе къ назначенному сроку, то Новгородцы и были разбиты Татарами⁽⁴²⁾. Четвертая Новгородская лѣтопись, подъ 1446 годомъ, говоритъ: что Василій Шенкурскій и Михайла Яковль, воеводы Новгородскіе, ходили съ Заволоцкою ратью въ трехъ тысячахъ на Югру — «и повмаше Югорскихъ людей много, и жень и дѣтей, и разплошишася; она же Югрицы доспѣша надъ ними область, а ркучи тако: мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ ста-

⁽³⁹⁾ Новг. I, стр. 113. ⁽⁴⁰⁾ Новг. III, 240. ⁽⁴¹⁾ Новг. IV, стр. 123. ⁽⁴²⁾ Ник. V, 29.

ны, и острова и урочища. А въ то время скопившеса и ударившеса на островъ Васильевъ, и много людей, дѣтей болгарскихъ и удалыхъ людей избиша, человекъ съ 80; а Василей убѣжа съ сыномъ своимъ Семеономъ въ малѣ дружинѣ, а инѣ разбѣгшася по лѣсу. А другій воевола Михайло Яковль въ то время былъ въ иной рѣкѣ; и потомъ Михайло прѣѣхалъ къ Васильеву острогу, видѣ острогъ разоренъ и своихъ побитыхъ, а иныя разбѣгшихся, и нача искати своихъ по рѣцѣ; и скопишася къ нему Василей съ сыномъ, и иныя вси, и прѣѣхаша во свою землю» (43). Изъ сихъ двухъ извѣстій мы ясно видимъ, что Новгородцы въ первой половинѣ XV вѣка не оставляли своего знакомства на востокъ ни съ Камскою Болгарією, куда звали дорогу и Камою и Волгою, ни съ Югрою, куда ходили изъ Заволочья. Разказъ о Югорскомъ походѣ Василья Шенкурскаго и Михайлы Яковлева живо характеризуетъ образъ странствованія Новгородцевъ по отдаленнымъ дикимъ землямъ; здѣсь Новгородцы являются предшественниками и какъ бы учителями позднѣйшихъ казаковъ, которые такимъ же образомъ пролагали новые пути по Сибири, и, строя въ дикихъ лѣсахъ остроги или крѣпосцы, повсему покоряли эту обширную страну Московскому государю.

Собственно о Новгородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ географическія свѣдѣнія за первую половину XV столѣтія очень немногочисленны. Новгородскія владѣнія вообще, въ XV вѣкѣ, раздѣлялись на собственно Новгородскія земли и на Псковскія; граница сихъ двухъ владѣній была недалеко отъ Дубровны. Такъ, въ Псковской лѣтописи подъ 1460 годомъ сказано: «посадники Псковскіи и бояре срътоша князя Юрья (шедшаго изъ Новгорода) за рубежомъ по Дубровнѣ» (44). Далѣе на юго-востокъ Псковская граница подходила къ Порхову и Вышгороду, какъ свидѣтельствуєтъ Псковская лѣтопись подъ 1428 годомъ (45); потомъ сворачивала на Ржеву къ западу (нынѣшній Новоржевъ на Лыстѣ), которая уже принадлежала Литвѣ, по крайней мѣрѣ въ это время; ибо въ лѣтописи подъ 1406 годомъ сказано, что «Псковичи повоевали у Литовцевъ Ржеву и Великіе Луки» (46). Въ Новгородской 1-й лѣтописи, подъ 1435 годомъ, около Ржевы

(43) Новг. IV, стр. 124. (44) Псков. I, стр. 219. (45) Тамъ же, 205. (46) Тамъ же, 197.

именно означевъ Псковской рубежъ. Отъ Ржевы граница шла къ верховьямъ рѣки Великой, гдѣ крайнимъ Псковскимъ городомъ была Опочка ⁽⁴⁷⁾; отъ Опочки Псковскія владѣнія шли къ верховьямъ рѣки Лжи, гдѣ вѣроятно былъ упоминаемый въ лѣтописи Псковской городъ Коложе ⁽⁴⁸⁾. Отсюда Псковская граница примыкала къ землямъ Ливонскихъ Нѣмцовъ, къ областямъ городовъ Мариенбурга и Нейгаузена, который въ нашихъ лѣтописяхъ называется новымъ городкомъ Нѣмецкимъ ⁽⁴⁹⁾. Немного на сѣверовостокъ отъ Нейгаузена, Псковская граница шла на рѣку Серицу ⁽⁵⁰⁾, можетъ-быть ту самую, на которой нынѣ стоитъ мѣстечко Печеры, гдѣ были Псковскія волости Лагозовица ⁽⁵¹⁾, Демянница, Залешье (нынѣшнее Залѣсье) ⁽⁵²⁾ и пригороды Изборскъ, и Выборъ, можетъ-быть на самомъ рубежѣ съ Нѣвцами, ибо въ лѣтописи сказано подъ 1434 годомъ: «того лѣта Псковичи новыя города укрѣпивше, стѣну и привалы къ стѣнѣ привалиша, одному на берегѣ во Гдовѣ, а другому въ Залѣсьи на Выборѣ» ⁽⁵³⁾. Отъ Логозовицы начинался южный и восточный берегъ Псковскаго озера, далѣе восточный же берегъ Чудскаго озера, и наконецъ рѣка Нарова, составлявшія западную границу Псковской земли. При выходѣ Наровы изъ Чудскаго озера, кажется, Псковская граница выходила даже за Нарову; ибо въ лѣтописи подъ 1460 годомъ упоминается о спорѣ Псковичей съ Нѣвцами за Озолицу и Желачко, которые уже лежали на западъ отъ Наровы ⁽⁵⁴⁾. Главныя поселенія Псковитянъ лежали по рѣкѣ Великой и ея притокамъ; тутъ находились ихъ города Псковъ, и, на югъ отъ Пскова Островъ, гдѣ-то неподалеку отъ Острова, Кателенъ ⁽⁵⁵⁾, потомъ Вороначь, нынѣшній Вороничъ, на Лѣстѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Великую ⁽⁵⁶⁾, и наконецъ Опочка, самый крайній Псковской городъ на югѣ. Между Островомъ и Вороничъ были еще города: Велья, кажется при впаденіи рѣчки Сии въ Великую ⁽⁵⁷⁾, и Вревъ, гдѣ-то въ той же сторонѣ ⁽⁵⁸⁾; на восточномъ берегу Чудскаго озера у Псковитянъ былъ городъ Гдовъ, о которомъ упоминается подъ 1431

⁽⁴⁷⁾ Пск. I, стр. 202. Новг. I, 111. ⁽⁴⁸⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁴⁹⁾ Тамъ же, 198. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же, ⁽⁵¹⁾ Тамъ же, 199. ⁽⁵²⁾ Тамъ же, ⁽⁵³⁾ Тамъ же, 207. ⁽⁵⁴⁾ Тамъ же, 218—219. ⁽⁵⁵⁾ Тамъ же, 204. ⁽⁵⁶⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁵⁷⁾ Тамъ же, ⁽⁵⁸⁾ Тамъ же, 204.

и 1434 годами ⁽⁴⁹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что Псковскія владѣнія въ первой половинѣ XV вѣка были очень необширны и едва ли составляли половину нынѣшней Псковской губерніи; но дѣятельная и обширная торговля въ прежнее и тоглашнее время дѣлала сію небольшую землю довольно сильнымъ и значительнымъ владѣніемъ того времени, что доказывалось продолжительною войною Псковитянъ съ Ливонскими Нѣмцами и съ великимъ княземъ Литовскимъ, знаменитымъ Витовтомъ. Войну сію, продолжавшуюся три года, Псковитяне рѣшительно выдерживали одни, и кончили честнымъ для себя миромъ ⁽⁵⁰⁾. Псковъ и его пригороды были еще сильны своимъ народонаселеніемъ и богатствомъ, и даже не робѣли стоять отдѣльно отъ Новгорода въ продолженіе 34 лѣтъ ⁽⁵¹⁾ противъ всѣхъ своихъ враговъ. Псковскіе города вообще были довольно хорошо укрѣплены, и при нападеніи непріятелей, почти всегда удачно отсиживались или давали за себя окупъ.

Западная граница собственно Новгородскихъ владѣній, въ первой половинѣ XV вѣка, начиналась нѣсколько сѣвѣннѣе Ржевы, ибо, какъ мы уже видѣли, Ржева и Великіе Луки, прежніе Новгородскіе города, принадлежали Литовцамъ хотя временно. Отъ Ржевы Новгородская граница шла на Вышгородъ, Порховъ, Дубровну и Ямъ-городъ, потомъ къ устьямъ Ижоры и Невы, на Лодожское озеро, гдѣ былъ Новгородскій городъ Ореховъ, нынѣшній Шлиссельбургъ ⁽⁵²⁾. Здѣсь лежали земли, составлявшія Вотскую пятину. За Невой начиналась уже спорная земля у Новгородцевъ съ Шведами. Впрочемъ, у Новгородцевъ были уже здѣсь города по западному берегу Ладожскаго озера, Тверскій и Корельскій. Отъ Орехова западная Новгородская граница шла на Узерву и по западному берегу Ладожскаго озера, на озера Пегларви, Тохмоярви, и Теласарви или Делецкое, гдѣ начиналась спорная Корельская земля, зависѣвшая то отъ Новгорода, то отъ Швеціи. Далѣе къ берегамъ Бѣлаго моря, Новгородскія владѣнія сходились съ Норвежскими, и не имѣли постоянныхъ границъ. Въ лѣтописи подъ 1419 годомъ въ этомъ краю упоминаются Новгородскія земли: Корельскій погостъ въ Варзугѣ, и Заволочскіе погосты: Не-

⁽⁴⁹⁾ Пск. I, стр. 206, 207. ⁽⁵⁰⁾ Новгород. I, 103 ⁽⁵¹⁾ Псков. I, 208. ⁽⁵²⁾ Новгород. IV, 123.

ноксъ, Корельскій монастырь св. Николы, Ковечный погостъ, Яковля Курья, Ондръяновъ берегъ, Кигъ-островъ, Кяръ-островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонимъ и Хъчпинама, на которые въ этомъ году нападали Норвежцы, пришедшіе моремъ въ бусахъ и швекахъ ⁽⁶³⁾. Отъ Бѣлаго моря владѣнія Новгородскія на сѣверо-востокъ простирались по прежнему до Сибири. Хотя Московскіе Великіе Князья старались утвердиться въ сосѣднихъ Новгородскихъ областяхъ, лежавшихъ по сѣверной Двинѣ, однако же не имѣли успѣха. За то Василию Дмитриевичу удалось завять Бѣжецкій верхъ, Волокъ Ламскій и Вологду. Его сынъ, Василій Темный, хотя въ 1435 году и обѣщадъ возвратить сія области Новгороду, но это намѣреніе осталось неисполненнымъ ⁽⁶⁴⁾. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XV вѣка Новгородъ потерялъ значительныя утраты въ своихъ владѣніяхъ: съ одной стороны, Литовцы отодвинули Новгородскія границы за Ржеву, а съ другой, Москвичи выдвинули свою границу на Мологу, Шексну и Сухону, принадлежавшія прежде Новгороду. Изъ Новгородскихъ пригородовъ въ самомъ началѣ XV вѣка лѣтопись упоминаетъ о Русѣ, Ладогѣ, Орѣховѣ, Тверскомѣ, Копорѣ, Корельскомѣ, Торжкѣ, Волокѣ - Ламскомѣ, Порховѣ, Вышгородѣ, Высокомѣ, Кошкинѣ и Городцѣ, которые въ 1404 году были отданы, временно, пришедшему въ Новгородъ Смоленскому князю Юрью Святославичу ⁽⁶⁵⁾. Подробнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о Новгородскомъ краѣ за первую половину XV вѣка мы не имѣемъ; но за то за вторую половину мы найдемъ самыя полныя географическія свѣдѣнія объ этой сторонѣ; ибо, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, до насъ дошли официальные Писцовыя книги Новгородскихъ владѣній конца XV вѣка.

Тверскія владѣнія, сколько можно судить по извѣстіямъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ, въ первой половинѣ XV вѣка имѣли прежнія границы, въ которыхъ оставилъ ихъ знаменитый тамошній князь Михаилъ Александровичъ. Тогдашнее положеніе Твери было таково, что какъ по внутреннему состоянію Тверскихъ владѣній, такъ и по разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, Тверичи, окруженные сильными сосѣдами, Литовцами,

⁽⁶³⁾ Новг. I, стр. 108—109. ⁽⁶⁴⁾ Тамъ же, 112. ⁽⁶⁵⁾ Нов. IV, стр. 107.

Новгородцами и Москвичами, ничего не могли предпринять къ распространенію своихъ границъ, а ежели когда и предпринимали что противъ Новгородцевъ, то не имѣли надлежащаго успѣха. Съ Москвою же и Литвою во все это время они оставались въ постоянномъ мирѣ, который, вѣроятно, много способствовалъ развитію Тверской торговли; впрочемъ мы не имѣемъ собственно Тверскихъ лѣтописей, а посему не знаемъ и подробностей объ этомъ предметѣ.

Сдѣлавши обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь за первую половину XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ перейти ко второй половинѣ, заключающей въ себѣ съ 1462 года правленіе Великаго Князя Іоанна III-го. Это время, по разнообразію географическихъ свѣдѣній на Русь, самое обильное и занимательное. Москва начала вступать въ болѣе близкія связи съ отдаленными государствами Европы и Азіи; прежнее знакомство Москвитянъ съ разными народами развилось въ болѣе или менѣе опредѣленные отношенія Московскаго правительства къ другимъ; самый географическій объемъ государства пріобрѣлъ болѣе опредѣленные и обширныя границы; полузависимость развѣхъ Русскихъ владѣній почти исчезла и превратилась въ полное сосавненіе съ Москвою.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на то, какія географическія свѣдѣнія пріобрѣла Русь во вторую половину XV вѣка, съ какими землями она ознакомилась. Въ западной Европѣ Москву узнала еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, именно на Флорентинскомъ соборѣ, гдѣ представителями ея были Митролитъ Исидоръ съ своею свитою; въ это же время, какъ мы уже видѣли, и Москвичи нѣсколько ознакомились съ западною Европою; это знакомство было добрымъ началомъ тѣхъ отношеній, въ которыя въ послѣдствіи Москва вступила съ нею. Путешествіе Исидора на Флорентійскій соборъ не пропало даромъ ни для Москвы, ни для Европы, хотя и не достигло ближайшей цѣли, съ которою было предпринято. Европейцы, узнавши здѣсь Москвитянъ, какъ могущественныхъ представителей восточнаго Христіанства, ухватились за мысль войти съ ними въ ближайшія сношенія для замышляемыхъ походовъ противъ Турокъ, грозившихъ покорить Европу; Москвичи же, узнавши отъ спутниковъ Исидоровыхъ о цвѣтущемъ состояніи вѣдѣнныхъ ими въ Европѣ городовъ, захотѣли воспользо-

ваться плодами Европейской опытности въ дѣлѣ искусствъ и гражданственности. Первое знакомство однако же начали сами Европейцы. Папа Павелъ II-й, думая подвигнуть Московскаго Государя противъ Турокъ, въ 1469 году отправилъ въ Москву Грека Юрія съ предложеніемъ Иоанну вступить въ бракъ съ Софіею, дочерью владѣтеля Амморейскаго Оомы, воспитывавшеюся въ Римѣ. Иоаннъ отвѣчалъ на это чрезъ свое посольство въ Римъ, отправивъ туда Ивана Фрязина, который получалъ отъ Папы ласки, чтобы посламъ Великаго Князя ходить добровольно 2 года по всѣмъ землямъ, подчиненнымъ Папѣ (*). Въ 1472 году Московскій Государь отправилъ новое посольство въ Римъ, чтобы привести оттуда Царевну Софію, посольство сіе, бывшее подъ начальствомъ того же Ивана Фрязина, Венеціанскаго уроженца, было принято въ Италиі съ большими почестями и, возвращаясь назадъ съ Царевною, шло черезъ Германію до Любека, и, по наказу папскому, вездѣ находило почетныя встрѣчи и проводы. вмѣстѣ съ Софіею пріѣхали въ Москву многіе Греки, проживавшіе въ Италиі. Все это съ одной стороны знакомяло ближе Европу съ Москвою, а съ другой еще больше знакомяло Москвичей съ Европою; ибо послы Московскіе, не зажмурившись, развѣзжали по Европѣ: кромѣ собственнаго любопытства, они, вѣроятно, имѣли и оффиціальную обязанность сколько можно болѣе узнавать бытъ Европейцевъ и о всемъ, чтѣ услышать и увѣдать, доносить Государю. Конечно, мы не имѣемъ статейныхъ списковъ Фрязина, и слѣдовательно не можемъ прямо указать, какія именно свѣдѣнія о Европѣ доставило его посольство; но что были доставлены свѣдѣнія, и довольно значительныя, въ этомъ почти нельзя сомнѣваться, ибо тогдашняя администрація Московскаго Двора была такова, что къ ней всего ближе можно отнести извѣстное правило Римлянъ о посольствахъ, отправляемыхъ къ неизвѣстнымъ народамъ: «*ut mores, instituta totamque vivendi rationem ejus gentis, apud quam legationis nomine versabantur, diligenter litteris consignarent*». Существованіе подобнаго правила въ Москвѣ доказывается многими наказами и статейными списками послѣдующихъ посольствъ, о которыхъ мы будемъ говорить

(*) Львов. III, стр. 30.

въ своемъ мѣстѣ. Еще послѣ перваго посольства **Ивана Фриз-**на въ Римъ, пріѣхалъ въ Москву посолъ Венеціянскаго дожа **Николая Трона**; но это посольство, скрытое Фризинимъ и потому открытое въ Москвѣ, навлекло Государеву опалу на Венеціянскаго посла. Вслѣдствіе чего Московскій Государь, по заключеніи брака съ Софією, отправилъ свое посольство въ Венецію; посломъ Государя былъ Россіянинъ **Семенъ Толбузинъ**. Ему, между прочимъ, наказано было привести изъ Италіи хорошаго архитектора, для построенія въ Москвѣ большой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы ⁽⁶⁷⁾, и онъ вывезъ изъ Венеціи Болонскаго уроженца **Аристотеля Фіоравантѣ**, пріобрѣвшаго уже знаменитость постройкою большой церкви и воротъ въ Венеціи ⁽⁶⁸⁾. Мы не имѣемъ статейнаго списка посольства Толбузина; но, судя по рассказамъ о Венеціанской землѣ, сохраненнымъ въ Русскомъ лѣтописцѣ **Львова**, статейный списокъ Толбузина заключалъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ подробностей о той странѣ. Такъ въ лѣтописцѣ Толбузинъ рассказываетъ о церкви **Св. Марка** и городскихъ воротахъ въ Венеціи, о палатахъ **Аристотелл**, объ избраніи Венеціянскаго дожа всею землею посредствомъ выниманія отмеченныхъ зеренъ изъ сосуда, о мощахъ **Св. Екатерины**, о городѣ, въ которомъ живетъ дожъ, и о первоначальномъ построеніи Венеціи, о которомъ говоритъ такъ: «а мѣсто де то, какъ сказывають старожители и книжники, сперва невелико было, да много де въ морѣ камнемъ прідѣлали хитроки, гдѣ Венеціа градь стоитъ» ⁽⁶⁹⁾.

Въ 1473 году былъ посланъ **Беклемишенъ** въ Крымъ. Въ дѣлахъ этого посольства упоминается, что ему приказано было между прочимъ захватить въ **Кафу** и требовать отъ тамошняго **Генуэскаго консула**, чтобы **Генуэсцы** выдали Русскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары, на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли. Это извѣстіе показываетъ, что торговля сношенія Москвитянъ съ сѣвернымъ берегомъ **Чернаго моря** продолжались по прежнему. Не смотря на то, что владѣльцы тамошняго края смѣнялись одна друими, Русскіе продолжали возить свои товары и одина-

⁽⁶⁷⁾ Ник. VI, стр. 59. ⁽⁶⁸⁾ Львов. III, стр. 41. ⁽⁶⁹⁾ Тамъ же.

жово торговали съ Крымцами, Итальянцами и Турками. При торговлѣ, постоянно продолжавшейся, конечно, и географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ годъ отъ году увеличивались на Русь. Русскіе не только знали различныя дороги въ эту страну, по которымъ было бы удобнѣе провозить товары, но также не были незнакомы съ обычаями и требованіями тамошнихъ жителей: ибо торговцамъ нельзя не знать, что требуется въ той сторонѣ, куда они возятъ свой товаръ, и откуда получаютъ тамошніе товары на обмѣнъ. Конечно, до насъ не дошло никакихъ описаній тамошняго края, сдѣланныхъ торговцами; но самый фактъ торговли служитъ прямымъ свидѣтельствомъ о географическомъ знакомствѣ съ тою страной. Этотъ фактъ подтверждается не однимъ наказомъ Беклемишеву; въ Архивской лѣтописи подъ 1475 годомъ при описаніи занятія Кафы Турками сказано: «Турковъ взяша Кафу, и гостей Московскихъ многихъ побияша, а иныхъ поймаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ даваша» ⁽⁷⁰⁾. Изъ посольствъ же между Турецкимъ Султаномъ и Московскимъ Государемъ видно, что Русская торговля не ограничивалась только однимъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, но простиралась и на прочія владѣнія султана: такъ Баязеть въ своей грамотѣ къ Иоанну, присланной съ Московскимъ посломъ Плещеевымъ въ 1498 году, говоритъ: «и гости свои въ мою землю отпускай, и пришедъ увидятъ нашу правду къ тебѣ и тобѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостѣхъ писалъ ты ко мнѣ прежь сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ правдою» ⁽⁷¹⁾. Въ дѣлахъ посольства Голохвастова въ Константинополь въ 1499 году, то же говорится объ исходатайствованіи разныхъ выгодъ Московскимъ торговцамъ въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Контарини, Венеціанскій посолъ къ Персидскому шаху Узунъ-Гассану, въ своемъ путешествіи упоминаетъ, что онъ въ 1476 г. встрѣтилъ въ Экбатанѣ великокняжескаго посланца изъ Москвы, Марка Руфа, который велъ переговоры съ шахомъ Узуномъ. Московскій посолъ отправился назадъ въ Москву вмѣстѣ съ Персидскимъ и съ Венеціанцомъ Контарини; сей послѣдній въ своемъ путешествіи говоритъ: что они ѣхали изъ Тифлиса черезъ Ша-

⁽⁷⁰⁾ Ист. Гос. Рос. Т. VI, прим. 127. ⁽⁷¹⁾ Дѣл. Крым. № 1.

маху, богатую шелкомъ, Дербентъ и Астрахань. По его словамъ, городъ сей тогда состоялъ изъ землянокъ, обвесенныхъ худю стѣною; тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани и получали оттуда мѣхъ и сѣдла. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться чрезъ рѣки, и восхваляли милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ и совершенно безопасной для путешественниковъ. По Русскимъ памятникамъ нѣтъ извѣстія о посольствѣ Руфа къ Узунъ-Гассану; но что оно было, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, ибо Контарини не могъ же и не имѣлъ выгоды выдумывать отъ себя о встрѣчѣ съ Руфомъ въ Экбатанѣ, о путешествіи своемъ въ Москву и о приѣмѣ тамошнимъ Государемъ. Мы не знаемъ причинъ, для чего Маркъ Руфъ былъ посланъ въ Персію; но для насъ довольно и того, что онъ былъ; слѣдовательно Русскіе и въ XV столѣтіи знали дорогу въ эту сторону. Описаніе Донскихъ и Воронежскихъ степей у Контарини нѣсколько сходно съ описаніемъ тѣхъ же мѣстъ въ путешествіи Пимена въ XIV столѣтіи. Контарини, какъ иностранцу, вездѣ казалось, что его ведутъ наобумъ не зная дороги; тогда какъ провожатые Руфа были безъ сомнѣнія люди бывалые, хорошо знавшіе этотъ край, что доказывалось и самымъ дѣломъ: ибо путники ни разу не встрѣтились съ хищными Татарями, о чемъ конечно и старались провожатые. Такимъ образомъ изъ путешествія Контарини мы узнаемъ, что Русскіе времяемъ Іоанна III имѣли нѣкоторыя географическія свѣдѣнія и о внутреннихъ земляхъ Персіи, по крайней мѣрѣ Ширвана. Но, кромѣ Персіи, Москвичи въ это же время вѣроятно хорошо знали всѣ земли отъ Каспійскаго моря на востокъ до Аральскаго и на сѣверъ до Иртыша; ибо въ этомъ краю кочевали союзники Іоанновы, Нагаи, съ которыми онъ очень часто сносился взаимными посольствами. Торговая предприимчивость Русскихъ еще далѣе посольствъ простиралась въ Азію. Такъ около 1470 года одинъ Тверскій купецъ Аевасіи Никитинъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Деканѣ, на берегу Малабарскомъ, въ королевствѣ Голкондскомъ, и

оставилъ очень любопытныя записки своего путешествія, содержанія которыхъ мы не можемъ не помѣстать въ настоящемъ трудѣ.

Никитинъ начинаетъ свои записки такъ: «Господи Иисусе Христе! помилуй мя раба Своего, грѣшнаго Авонасыя Никитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербентское, или дорія Хвалитская; второе море Индѣйское, дорія Индустанская; третье море черное, дорія Стембульская. Пондохъ отъ Св. Спаса златоверхаго съ его милостью отъ В. К. Михаила Борисовича и отъ Владыки Геннадія Тверскихъ; поидохъ на низъ Волгою и придохъ въ монастырь къ Св. и Живоначальной Троицѣ, Св. мученикомъ Борису и Глѣбу, и у Игумена ся благословивъ у Макарья. Изъ Колязина пондохъ на Угличь, съ Углича на Кострому ко Князю Александру съ ивою грамотою, и къ Великому Князю всея Русіи отпустилъ мя добровольно, и на плесо въ Новгородъ Нижній къ Михайлу къ Киселеву, къ Намѣстнику и къ пошланику, къ Ивану Сараеву, пропустили добровольно. А Василиій Папинъ проѣхалъ городъ, а язъ ждалъ въ Новгородѣ двѣ недѣли посла Татарскаго Ширваншина Асамбека; а ѣхалъ съ кречеты отъ Великаго Князя Ивана, а кречетовъ у него 90. И поѣхалъ съ нимъ на низъ Волгою, и Казань есмь, и Орду, и Усланъ, и Сарай и Берекзаны проѣхали добровольно, и въѣхали есмь въ Бузанъ рѣку, и ту наѣхали на насъ три Татарины поганыи и сказали намъ лживыя вѣсти: «Кайсыиъ салтанъ стережетъ гостей въ Бузани, а съ нимъ 3000 Татаръ». И посолъ Ширваншивъ Асамбекъ далъ имъ по одворядкы, да по полотну, чтобъ провели мимо Астраханъ, и они вѣсть дали въ Асторохани Царю, и язъ свое судно покинулъ, да полезъ есмь на судно послово съ товарищи. По мѣсячу ночи парусомъ Царь насъ видѣлъ, и Татарове насъ кликали: не бѣгайте! и Царь послалъ за нами всю свою орду, и по нашимъ грѣхомъ насъ постигли въ Бузанѣ; застрѣлили у насъ челоуѣка, а мы у нихъ двухъ застрѣлили, и судно наше меньшее стало на езу, и они его взяли часа того, да разграбили, а моя рухлядь вся въ меншемъ суднѣ. А большимъ есмь судномъ пошли до моря, ино стали на усть Волги на мели, и они насъ туто взяли, да судно есмь взадъ тянули до езу, и тутъ судно наше большое взяли и четыре головы взяли Русскія, а насъ отпустили годыми головами за море. А вверхъ насъ не

пропустили вѣсти дѣля; и пошли есмь къ Дербенту двѣма суды: въ одномъ судѣ посоль, а Русаковъ насъ 10 головами, а въ другомъ 6 Москвичъ да 6 Тверичъ; и встала фурставина на морѣ, да судно меньшее разбило о берегъ, и пришли Кайтаки да людей поймали всѣхъ. И пришли есмь въ Дербентъ, и ту Василей (Папинъ) по здорову пришелъ, а мы пограблены; и билъ есмь челомъ Василью Папину да послу Шерваншину, что есмь съ нимъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы (Тарки) Кайтаки. И Асамбекъ печаловался и ѣздилъ на гору къ Ширваншѣ-Бѣгу И Ширванша Бѣгъ того часа послалъ къ шурину своему Алиль-Бѣгу, Кайтаческому князю, что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди пришелъ людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы, мене дѣля, люди ко мнѣ прислалъ и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тебѣ будетъ надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ своему брату за то нестою. И Алиль-Бѣгъ того часа отослалъ людей всѣхъ въ Дербентъ добровольно, а изъ Дербента послали ихъ къ Ширвани, въ орду его Койтуль; а мы поѣхали къ Ширванѣ въ Койтуль, и били есмь ему челомъ, чтобы насъ пожаловалъ, чѣмъ дойти до Руси, и онъ намъ не далъ ничего. Ано насъ много, и мы заплакавъ да разошлись кой куды: у кого что есть на Руси, и той пошелъ на Русь, а кой долженъ, и той пошелъ куда его очи понесли; а иные остались въ Шамахѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ».

Далѣе Никитинъ говоритъ, что онъ пошелъ въ Баку, гдѣ «горитъ огонь неугасаемый»; въ Баку сѣлъ на корабль и Каспійскимъ моремъ пришелъ къ Мазандеранскому берегу, гдѣ шелъ на Бокаръ, Сару, Амоль, потомъ на Димоантъ (Демавену) и Корею (Кіеру), откуда поворотилъ направо въ Кошанъ, съ Кошана опять поворотилъ налѣво къ Нанну и Езду, отъ Езда черезъ горы пошелъ на Сырчанъ, потомъ на Таромъ, (Таремъ) къ Лару, изъ Лары на Бендеръ и наконецъ въ Ормузъ, «гдѣ взялъ первый великъ день» (Пасху). О климатѣ Ормуза онъ говоритъ: «а въ Гурмызѣ есть солнце варно, челоуѣка жжетъ». Изъ Ормуса шелъ онъ моремъ 10 дней до Моската, съ Моската на Дѣгу въ четыре дня, изъ Дѣга въ Кузрятъ (Гузуратъ), изъ Гузурата въ Коапбаатъ (можетъ-быть прежнюю Камбаію въ дельтѣ Инда); изъ Каубата въ Чувиль. Отъ Орму-

за до Чувиль онъ шелъ все моремъ 6 недѣль. Съ Чувиль, по словамъ Никитина, начинается собственно Индѣйская страна, слѣдовательно Чувиль уже стоить на лѣвомъ берегу Инда. Изъ Чувиль нашъ путешественникъ пошелъ на Пали (Пили) сухимъ путемъ и шелъ 8 дней, отъ Пали на Умри (Орманъ) къ Индѣйскимъ горамъ десять дней, съ Умри въ Чунеръ, что на острову, семь дней; съ Чунера до Бедеръ, нынѣшній Бедаръ, тогдашнюю столицу великаго султана, онъ шелъ цѣлый мѣсяцъ; изъ Бедера пошелъ въ Колонкеръ, и отъ Колонкера до Колберга, отъ одного до другаго города онъ шелъ по пяти дней. По его счету «отъ Чувиль до Чунера 20 кововъ, а отъ Чунера до Бедера 40 кововъ, а отъ Бедера до Колонкера 9 кововъ; а промежу тѣхъ великихъ градовъ, на всякъ день по три города, а иной по четыре гроды: колько кововъ, толко градовъ». О жителяхъ Индіи Никитинъ говоритъ: «а люди ходятъ вси наги, а голова не покрыта, а груди голы и власы въ одну косу заплетены; и всѣ ходятъ брюхаты, а дѣти родятъ на всякій годъ, а дѣтей у нихъ много, а мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны; изъ куды хожу, ино за мною людей много да дивуются бѣлому человекѣ». О климатѣ и произведеніяхъ земля рассказываетъ слѣдующее: «зима у нихъ стала съ Третьяка дни, а зимовали есмь въ Чунерѣ, жали есмь два мѣсяца; еже день и ночь четыре мѣсяца, всюда вода да грязь; въ тѣ же дни у нихъ роютъ да сѣютъ пшеницу, да тутурганъ, да ногуть, да все събъстное; вино же у нихъ чинятъ въ великихъ орѣхѣхъ кози Гундустанская; а брагу чинятъ въ Татпу. Кони же кормятъ пофутомъ, да варятъ кичирисъ съ сахаромъ да кормятъ кони, да съ масломъ, порану же лають имъ шешни. Въ Индейской же земли кони ся у нихъ неродятъ; въ ихъ земли родятся волю да буволь, на тѣхъ же ѣздатъ, и товаръ возятъ, все дѣлаютъ. А весна у нихъ стала съ Похвалы Св. Богородица. А празднуютъ Шихуаладину веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднуютъ 8 дни; а весну держатъ 3 мѣсяца, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму у нихъ 3 мѣсяца». Изъ Бедера Никитинъ ѣзидъ въ Индѣйскій Іерусалимъ, т. е. въ Елморъ, о которомъ говоритъ: «тамошній храмъ величиною будетъ съ пол-Твери», что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянія тамошняго божества, это божество онъ называетъ Бутомъ, и пишетъ: «въ Буханѣ Бутъ вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку пра-

вую поднялъ высоко, да простеръ ее, какъ Устеневъ Царь Цареградскій, а въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ вѣтъ ничего, а видѣнье обезьянно; а шные Буты наги, вѣтъ ничего, а жонки Бутовы наги вырѣзаны и съ соромомъ и съ дѣтьми. А передъ Бутомъ же стоитъ волъ велики великъ, а вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты». Далѣе онъ рассказываетъ о богомольцахъ, пріѣзжающихъ въ Елморъ: «къ Порвати же ѣздить о великомъ заговѣнѣ, къ своему ихъ тутю Иерусалиму (а Бесерменскы Икока, а по Русски Иерусалимъ, а по Индѣйски Порвати); а съѣзжаются всѣ наги, а жонки всѣ наги, а шные въ фотахъ, да на шеяхъ жемчугу много, да яхонтовъ, да на рукахъ обручи да перстни златы олофакъ. А внутрь въ Бухтану ѣздить на волѣхъ, а у вола рога окованы мѣдью, а на шеѣ у него 300 колоколицъ, да копыта подкованы мѣдью; а тѣ вола Аччей зовутъ». Изъ Елмора Никитинъ опять воротился въ Бедеръ, и въ этотъ разъ прожилъ тамъ болѣе года, отыскивая удобнѣйшую дорогу на Русь, потомъ пошелъ къ Келбергу, изъ Келберга въ Кулури, гдѣ пробылъ пять мѣсяцовъ, изъ Кулури въ Калики (вѣроятно Каликутъ), гдѣ большой базаръ, потомъ къ Ковобергу, далѣе къ Шихуаладину, а оттуда на Комендрію и Кивярясу къ Сурѣ (Мизоръ), а изъ Суры въ приморскій городъ Дабыль, вѣроятно на Малаборскомъ берегу, о которомъ говорить: «Дабыль же есть градъ велики великъ, а къ тому же Дабыли съѣзжается вся поморія Индѣйская и Ефіопская». Далѣе рассказываетъ о обратномъ своемъ пути въ Россію. «Туже (въ Дабыли) окаянный азъ рабище Аеонасій устрѣмился умоу пойти на Русь; и видохъ и сговорихъ отколѣ на корабленемъ, а отъ главы своея два златыхъ до Гурмыза града дойти. Видохъ же въ корабль изъ Дабыли града до Велика дени за три мѣсяца, идохъ же въ тавѣ (Индѣйскомъ кораблѣ) по морю мѣсяць, а не видѣхъ ничего, на другій же мѣсяць увидѣхъ горы Ефіопскыя (Аравійскій берегъ). Въ той же землѣ Ефіопской быхъ пять дени. А оттудова же идохъ 12 дени до Моската; въ Мошкатѣ же 6 великъ день (Пасху) взялъ, и поидохъ до Гурмыза 9 дени, и въ Гурмызѣ же быхъ 20 дени». Съ Ормуза онъ пошелъ на Лари, далѣе на Ширазъ, Вергъ, Ездъ, Испаганъ, Кашанъ, Куму, Саву, Султанію и наконецъ прибылъ въ Тавризъ; изъ Тавриза пробрался въ Ширванъ, въ орду Асанъ-Бека (т. е. Узур-

Асана); пробывъ тамъ десять дней, но не найдя пути на Русь, по случаю войны, пошелъ на Арцицару (вѣроятно Арзерумъ) и оттуда въ Тренпзонгъ; здѣсь сѣлъ на корабль и Чернымъ моремъ прибылъ въ Кафу.

Такимъ образомъ путешествіе Никитина по Индіи ограничилось только западнымъ полуостровомъ; но географическія свѣдѣнія, собранныя имъ, простирались далеко за Гангъ, даже до Китайскихъ владѣній. Вотъ записанный имъ дорожникъ отъ Ормуза до Китая: «а отъ Гурмыза ити моремъ до Голата (Келатъ) 10 дени, а отъ Голата до Дѣгу 6 дени, а отъ Дѣга до Мошката 6 дени, а отъ Мошката до Кучъарята 10 дени, а отъ Кучъарята до Камбота 4 дени, а отъ Камбота до Чювиля 12 дени, а отъ Чювиля до Дабыля 6 дени, а отъ Дабыля до Келекота 25 дени, а отъ Келекота до Сялиа (кажется Цейланъ) 15 дени, а отъ Сялиа до Шаябата (Шахабадъ) мѣсяць ити, а отъ Шаябата до Певгу 20 дени; а отъ Певгу до Чини да до Мачина мѣсяць ити (моремъ все то хоженіе); а отъ Чини до Кита, а ити сухомъ 6 мѣсяць, а моремъ 4 дени ити». Кромѣ того, Никитинъ хотя и говоритъ «моне залгали пси Бесермены», а сказывали много всего нашего товару, а во нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю»; тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ тщательно всѣ торговые мѣста и приставы въ Индіи. Такъ о Бедерѣ говоритъ: «въ Бедери же торгъ на коня, на товаръ да на камки, да на шелкъ, на все и иной товаръ, да купати въ немъ люди черные, а иные въ немъ купли нѣтъ, все товаръ ихъ Индустанской Есть у нихъ олно мѣсто Шихбъ Алуинъ на годъ единъ Базаръ, сѣзжается вся страна Индѣйская торговать, да торгуютъ 10 дени, отъ Бедера 12 ковоу, приводятъ кони до 20 т. коней продавати, всякой товаръ свозятъ; въ Индустанской земли той торгъ лучшій, всякой товаръ продають и купати, на память Шиха-Аладива, а на Рускій праздникъ на покровъ Св. Богородица». О пристаняхъ онъ говоритъ: «Гурмызъ же есть пристанище велико, всего свѣта люди въ немъ бывають, всякій товаръ въ немъ есть, что во всемъ свѣтѣ родится, то въ Гурмызѣ есть все; тамга же велики: десятое со всего емлютъ. Камбаатъ же пристанище велико Индѣйскому морю всему; а товаръ въ немъ, все дѣлають, алачи, да перстни, да киндяки, да чинятъ краску нилъ, да родится въ немъ лекъ, да ахыкъ,

да лонъ. Дабылъ же есть пристанище velmi велико, а приво-
дятъ кони изъ Мисюря, изъ Арабстаня, да ходять сухомъ мѣ-
сицъ до Бедери да до Келбергу. А Келскотъ же есть пристанище
Индійскаго моря всего, а пройти его не дай Богъ никакому коста-
ку, а кто его невидитъ, тотъ по здорovu не придетъ моремъ; а
родятся въ немъ перецъ, да зензебилъ, да цвѣтъ да мош-
котъ, да каланфуръ, да корица, да гвоздички, да прѣное коренье
въ немъ родится много, да все въ немъ дешево. А Смианъ же
есть пристанище Индійскаго моря немало, а въ немъ лежить Баба-
седимъ на горѣ на висоцѣ, да около ее родится каменіе дорогое,
да Червцы, да Фатили, да бабуруги, да бинчай, да хрусталь, да
цумбада, да слоны родятся, да продають ихъ въ локоть, да
девѣкуши продають въ вѣсь. А Шабатское пристанище Индій-
скаго моря velmi велико; а Харасаницамъ даютъ алафу по девѣгъ
на день и великому и малому, — да родятся въ Шабатѣ шелкъ, да
сандалъ, да жемчугъ, да все дешево. А въ Певгу есть пристани-
ще немало, да все въ немъ Дербыши живутъ Индійскіе, да ро-
дятся въ немъ каменіе драгое, маникъ, да кирпукъ, а продають
же каменіе Дербыши. А Чиньское же да Мачальское пристани-
ще весьма велико, да дѣлають въ немъ чини, да продаются же
чини въ вѣсь, а дешево. Въ Кузратѣ же родится краска далукъ.
Въ Орачурѣ же родится алмазъ, продають почку, по пяти руб-
левъ почка алмазу. Алмазъ родится въ горѣ каменной, а про-
даютъ же ту гору каменную локоть по 10 т. фунтовъ златыхъ;
а земля же та Амаликъ Хановова, а холопъ Салтановъ, а отъ
Бодера 30 кововъ, а сыто». Исчисливъ пристани и торговья мѣ-
ста съ ихъ товарами, вѣроятно изъ видовъ торговли, ежели не
для себя, то для своей братьи Русскихъ купцовъ, Никитинъ не
оставляетъ безъ замѣчанія и климатическихъ свойствъ каждой
тамошней страны; такъ онъ говоритъ: «въ Гундустани сильна-
ю вару вѣтъ, силенъ варъ въ Гурмизѣ да въ Кытобагрямѣ,
гдѣ ся жемчугъ родятъ, да въ Жидѣ да въ Мярѣ, да въ Ороб-
стани, да въ Лорѣ; а въ Хоросанской землѣ варно да нетаково;
а въ Чеготани весьма варно; въ Ширязѣ, да въ Езди да въ Ка-
шани варно да вѣтеръ бываетъ; а въ Гиляни душно весьма да
парше лихо, да въ Шамахею паръ лихъ; да въ Вавилонѣ вар-
но, а въ Ляпѣ (не Алеппо ли?) не такъ варно. А въ Севастіи гу-
бѣ да въ Гурмызской землѣ добро обильно вѣсмъ, да Турская
земля обильна весьма, да въ Волоской землѣ обильно и дешево,

да и Подольская земля обильна всѣмъ». Въ запискахъ Никитина также разсыпано много дѣльныхъ замѣчаній о жителяхъ प्रदेशныхъ имъ странъ, о тамошнихъ владѣтеляхъ, о ихъ силахъ и отношеніяхъ другъ къ другу и объ управленіи народомъ. Никитинъ прожилъ въ Индіи около пяти лѣтъ; онъ матеріальныхъ выгодъ отъ своего путешествія не получилъ, ибо въ Трепизонтѣ лишился всего, что успѣлъ собрать въ Индіи, какъ свидѣтельствуется самъ: «а въ Трепизонтѣ ми же Шюбанъ да Паша много зла учиниша, хламъ мой весь къ себѣ внесли въ городъ на гору, да обыскали все, что мелочь были добренькая, и оны выграбили все»; онъ даже не имѣлъ удовольствія возвратиться въ свой родной городъ, ибо, по свидѣтельству Софійскаго временника, умеръ не дошедъ Смоленска. Но записки его путешествія не попали для соотечественниковъ: ихъ гости, по свидѣтельству того же временника, привезли въ Москву и отдали государеву дьяку Василью Мамыреву. Зналъ ли объ этихъ запискахъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ мы не видимъ, по нашимъ отечественнымъ памятникамъ, никакихъ правительственныхъ распоряженій о торговлѣ съ Индією, даже мы не знаемъ и частныхъ людей того времени, которые бы ходили по слѣдамъ Никитина; но тѣмъ не менѣе записки сіи читались современниками и распространяли въ народѣ географическія свѣдѣнія объ отдаленной Индіи, о которой до Никитина знали на Руси только по рассказамъ прѣѣзжавшихъ къ намъ Мусульманъ, расхваливавшихъ Индію, какъ страну, самую прибыльную для торговцовъ, о чемъ свидѣтельствуется и самъ Никитинъ. Онъ говоритъ: «мене залгала пси босершени, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю». Что записки Никитина читались современниками, что имъ дорожили, это доказывается присылкою ихъ изъ Смоленска къ государеву дьяку Мамыреву, и помѣщеніемъ въ лѣтоискахъ; такъ одна изъ списковъ помѣщена въ Софійскомъ временникѣ, а о другомъ упоминается въ Воскресенской лѣтописи; составитель этой лѣтописи даже старается опредѣлять время путешествія. Онъ говоритъ: «обрѣтохъ написаніе Оюнаса Твератина купца, что былъ въ Индеи четыре года, а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Павынымъ. Азъ же опытахъ, коли Василой ходилъ съ кречаты посломъ отъ Великаго Князя; а сказаша ми за годъ до Казанскаго похода пришелъ изъ Орды; коли князь Юрѣи

подъ Казанью былъ, тогда его подъ Казанью застрѣлили. Се же написано, не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ, или въ кое лѣто пришелъ изъ Индѣи». Такимъ образомъ записки Накитина познакомили Русскихъ съ Индіею почти за тридцать лѣтъ до прибытія туда знаменитаго Португальца Васко-де-Гамы.

Русскіе конца XV вѣка, знакомясь съ Азіею, въ то же время еще болѣе старались узнать Европу; кромѣ посольствъ въ Италію и Венецію, Іоаннъ сносился посольствами съ Молдавіею, Венгріею, Германскою Имперіею, Даніею и Швеціею. Сношенія сія также годъ отъ году распространяли наши свѣдѣнія о Европѣ; ибо посламъ всегда давались наказы развѣдывать о всемъ, чтó дѣлается въ той землѣ, куда кого посылаютъ, чѣмъ изобилуетъ та земля, въ какихъ отношеніяхъ она къ другимъ землямъ, какіе тамъ города и тому под. Такъ около 1480 года начались сношенія съ Господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ: послы Московскіе ѣздили въ Молдавію черезъ владѣнія Крымскаго Хана, какъ объ этомъ свидѣтельствуется Государевъ наказъ, данный въ 1480 году князю Ивану Звенцу, посланному къ Менгис-Гирею; въ этомъ наказѣ сказано: «Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ ко мнѣ Стефанъ воевода Волошской о дѣлѣ, и язъ посылаю къ нему своего человека молодого, и ты бы пожаловалъ меня дѣла, вслѣлъ до Стефана моего человека до проводить; а ко мнѣ Стефанъ воевода пошлетъ своего человека, и ты бы отпустилъ его коня съ мовимъ бояриномъ». Сношенія Москвы съ Молдавіею были очень многочисленны, слѣдовательно тамошній край необходимо былъ хорошо знакомъ Москвитамъ. Волѣдъ за Молдавіею начала сноситься съ Москвою и Венгрія; первое посольство отъ тамошняго Короля Матея Корвина прибыло въ Москву въ 1482 году; на что Великій Князь отвѣчалъ въ томъ же году своимъ посольствомъ въ Венгрію, куда былъ отправленъ дьякъ Федоръ Курицынъ, которому между прочимъ велѣно было привезти изъ Венгріи: художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ; размысловъ или инженеровъ; серебряниковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной. Послѣ Курицына еще было нѣсколько посольствъ въ Венгрію; причемъ Государь наказывалъ посламъ развѣдывать о всѣхъ сношеніяхъ Венгерскаго Короля съ Турціею, Рим-

скимъ Императоромъ, Богемією и Польшею; въ сихъ наказахъ встрѣчаются иногда значительныя географическія свѣдѣнія, которыя показываютъ, что Московскіе послы старались узнавать этотъ край, и свои свѣдѣнія сообщали правительству. Первое посольство отъ Германскаго Императора Фридриха сына его Максимилиана прибыло въ Москву въ 1488 году; на него Государь Московскій отвѣчалъ своимъ посольствомъ въ 1489 году. Первымъ Московскимъ посломъ къ Императору былъ Грекъ Юрій Траханіотъ и съ нимъ товарищи Иванъ Халыпа и Костя Оксентьевъ. Послы Московскіе ѣхали на Ревель, Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ они представлялись Римскому Королю Максимилиану. Посламъ между другими дѣлами наказано было пригласить въ Россію разныхъ мастеровъ: рудокоповъ, пушечниковъ, инженеровъ, золотыхъ, серебряныхъ и другихъ; а въ первой договорной грамотѣ съ Императоромъ въ заключеніи сказано: «послы и купцы наши да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ другую». Въ 1491 году было отправлено въ Германію второе посольство изъ Москвы; на этотъ разъ Траханіотъ ѣздилъ туда съ дьякомъ Васильемъ Кулешинымъ; въ наказѣ ихъ велѣно говорить имъ къ Максимилиану, что посламъ Нѣмецкимъ и Московскимъ лучше ѣздить впередъ черезъ Давію и Швецію, для избѣжанія несприятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ Польскихъ владѣніяхъ. Это замѣчаніе ясно говоритъ, что Москвичи уже знали въ то время разныя дороги въ Германію. Въ 1492 году было третье посольство въ Германію; туда опять былъ посланъ Юрій Траханіотъ и при немъ дьякъ Михайла Яропкинъ: послы теперь ѣхали на Мекленбургъ и Любекъ, а не черезъ Давію; въ данномъ имъ наказѣ велѣно заѣхать къ курфирсту Саксонскому и благодарить его за охраненіе Московскихъ посольствъ. Они также писали письма къ герцогу Мекленбургскому, къ бургомистрамъ и ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ; въ доносеніяхъ, писанныхъ Траханіотомъ и Яропкинымъ съ пути, находится много любопытныхъ подробностей не только о главныхъ дѣлахъ Европейской политики, но и о кунечествѣ;—такъ, напримѣръ, они доносили, что во Фландріи ластъ ржи тогда стоилъ сто червонцовъ. Все это показываетъ, что Москвичи временъ Іоанновыхъ, во время своихъ официальныхъ разъѣздовъ по западной Европѣ, старались сколько можно ближе познакомиться съ состояніемъ посѣщаемыхъ ими странъ, что

они не опускали безъ вниманія ни одного полезнаго свѣдѣнiя, которое бы можно было сообщать правительству и соотечественникамъ. Но къ сожалѣнiю до насъ не дошло ни одного полнаго статейнаго списка тѣхъ посольствъ, о которыхъ мы теперь говорили; и слѣдовательно мы не можемъ указать прямо, какія именно географическiя и статистическiя свѣдѣнiя о западной Европѣ были распространены самими посольствами на Руси; но что таковыя свѣдѣнiя были дѣйствительно доставлены ежели не прямо правительству, то по крайней мѣрѣ разсѣяны въ народѣ, и что въ это время Москвичи узнали много любопытныхъ и полезныхъ подробностей о земляхъ Молдавіи, Венгрии, Италіи и Германіи, о тамошнихъ жителяхъ, о ихъ промыслахъ, о городахъ, рѣкахъ, горахъ и разныхъ произведенiяхъ земли, въ этомъ мы почти не можемъ сомнѣваться. Одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ нашего мнѣнiя объ этомъ предметѣ представляетъ знаменитый Герберштейнъ: онъ въ своей хорографіи Московскихъ владѣній передаетъ нѣсколько любопытныхъ разсказовъ о плаваніи по Ледовитому морю, и говоритъ, что разказы сіи сообщены ему разными Московскими послами въ Данію, по случаю войны съ Швеціею принужденными объѣзжать всю Норвегію. Но въ дѣлахъ посольскаго приказа, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, мы не встрѣчаемъ и помину о подобныхъ разсказахъ; а посему мы имѣемъ право заключать, что ежели Московскіе послы въ Данію сообщали много любопытныхъ географическихъ подробностей даже иностранцамъ, то безъ сомнѣнiя еще болѣе подробныя свѣдѣнiя они доставляли правительству и своимъ соотечественникамъ, и что свѣдѣнiя сіи были записываемы, но записки до насъ не дошли. Слѣдовательно то же дѣлали и послы, отправляемые въ другія государства, и немнѣе ихъ подробныхъ донесеній въ настоящее время ни мало не доказываетъ, чтобы не было сихъ донесеній въ свое время, т. е. въ XV столѣтіи. Тѣмъ болѣе нельзя допустить сомнѣнiя въ существованіи таковыхъ донесеній потому, что изъ трехъ пословъ въ Данію, приводимыхъ Герберштейномъ, двое были посылаемы въ Италію и Германію; и ежели они хорошо описывали географическiя подробности пути въ Данію, то конечно тоже хорошо знали подробности дороги въ Германію и Италію. Для болѣе очевиднаго свидѣтельства о тѣхъ географическихъ свѣдѣнiяхъ, какія

распространились на Руси въ XV вѣкѣ, чрезъ Московскія посольства въ разныя Европейскія государства, мы приведемъ здѣсь содержаніе повѣствованія Герберштейна о плаваніи по Ледовитому морю, заимствованныхъ имъ изъ разсказовъ Московскихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Данію.

Герберштейнъ говоритъ: «во время моего посольства у Московскаго Государя, я позвокомился съ дьякомъ государевымъ Истоюю, который въ 1496 году ѣздилъ отъ своего Государя посломъ въ Данію и сообщилъ мнѣ вкратцѣ разсказъ всего своего путешествія. Онъ говорилъ: мы сначала пришли въ Новгородъ, но по случаю войны Государя съ Шведами, должны были оставить знакомый и обычный путь черезъ Шведскія владѣнія и избрать другой, хотя дальнѣйшій, но болѣе безопасный; посему мы изъ Новгорода, по самой трудной дорогѣ, проѣхали 300 миль до устья Двины и Потгвала (Potivulo). Въ Двинскомъ устьѣ, мы сѣли на четыре судна и поплыли около береговъ Океана, держась правой стороны. Здѣсь передъ нами тянулись высокія и крутыя горы. Сдѣлавши такимъ образомъ 16 миль и прошедши одинъ заливъ, мы поплыли, придерживаясь берега съ лѣвой стороны и оставивъ вправо большое море, которое называется то по рѣкѣ Печерѣ, то по близъ лежащимъ горамъ, и подошли къ народамъ Финляндіи, которые хотя обитаютъ въ низкихъ хижинахъ, разсѣянныхъ по берегу моря, и образомъ жизни почти не отличаются отъ звѣрей, но все гораздо лучше дикой Лопи, и платятъ дань Московскому Государю. Послѣ того, оставивши землю Лопи и проплывши 80 миль, мы достигли Нордбода, области подвластной Шведскому Королю, у Русскихъ извѣстной подъ именемъ Каинской земли; потомъ, миновавъ излучистый берегъ, который тянется вправо, подошли къ мысу, называемому Святому Носу. Святымъ Носомъ называется огромная скала наподобіе носа, выдающаяся въ море; подъ этою скалою видна пещера съ множествомъ зрѣюльковъ; чрезъ каждыя шесть часовъ море заливаешь ее, и потомъ опять вода вытекаетъ съ большимъ шумомъ. Эту пропасть вѣсто называютъ пуномъ моря, а другія Халибдою. Сила этой пучины такъ велика, что тянетъ и поглощаетъ въ себя близнапроходившія корабли и другія вещи; мы никогда не были въ такой опасности, какъ въ то время, когда проходили мимо этой пропасти; ибо наше судно едва не втонуло пучиною. Миновавъ Святой Носъ,

мы подошли къ одной утесистой горѣ, которую должно было обойти; здѣсь противные вѣтры задержали насъ на вѣскольکو дней. Корабельщикъ сказалъ намъ: гора, которую видите, называется Семесъ, и чтобы пройти мимо благополучно, то надобно умилостивить ее какимъ нибудь подаркомъ. Я съ бранью сказалъ корабельщику, что это пустое суевѣріе, онъ замолчалъ; но когда черезъ четыре дня вѣтры стихли и мы миновали гору, то онъ сказалъ: вы смѣялись надъ моимъ совѣтомъ задобрить Семеса, а ежели бы я не задобрилъ его тайно ночью, то намъ бы и теперь не было прохода. На мой вопросъ, что же ты далъ Семесу? отвѣчалъ, что онъ насыпалъ на выдавшійся къ намъ камень овсяной муки, смѣшанной съ коровьимъ масломъ. Потомъ, плывши такимъ образомъ, мы подошли къ другому огромному мысу по имени Мотка; онъ походитъ на полуостровъ и на концѣ его стоитъ крѣпость Бартъ, гдѣ короли Норвежскіе содержатъ ратныхъ людей для защиты границъ. Мысль эту такъ далеко вдался въ море, что его едва можно обойти въ 8 дней; посему мы, чтобы не тратить столько времени, перенесли свои суда и поклажу черезъ перешеекъ въ полмили ширины. Послѣ того приплыли мы въ землю дикоіи Лопи, къ мѣсту называемому Дронтъ, которое отстоитъ отъ Двины на сѣверъ на 200 миль. Здѣсь, оставивши ладьи, мы остальной путь продолжали сухимъ путемъ на саняхъ. Въ этой странѣ мы видѣли такіа же стада оленей, какъ у насъ стада быковъ. Тамошній олень побольше нашего, и у Норвежцевъ называется ренъ; Лопь употребляетъ его вмѣсто выючнаго скота: они обыкновенно запрягаютъ оленей въ сани, сдѣланныя наподобіе рыбацкѣй лодки; человекъ, садясь въ такіа сани, чтобы не вывалиться во время скорого бѣга, привязываетъ ноги къ санямъ, въ лѣвой рукѣ держитъ ремень, которымъ правитъ оленей, а въ правой палку, которой подпирается, чтобы не опрокинулись сани, и такимъ образомъ проѣзжаютъ по 20 миль въ день; по сдѣланіи переѣзда, оленей отпускаютъ, и они по привычкѣ сами уже приходятъ къ своимъ хозяевамъ. Мы такимъ же образомъ ѣхали до Норвежскаго города Бергенъ, который лежитъ въ горахъ; а оттуда уже въ Давію окончилъ путешествіе на лошадяхъ. Въ Дронтъ и Бергенъ лѣтній день продолжается 22 часа».

Потомъ Герберштейнъ приводитъ разсказъ другаго посла о томъ же пути. «Власевъ, другоіи дьякъ Государя Московскаго,

который недавно былъ посланъ къ Цезарю въ Испанію, рассказывалъ мнѣ о томъ же пути иначе и гораздо короче. Онъ говорилъ: «когда я былъ отправленъ изъ Москвы въ Данію къ Королю Іоанну, то сперва шелъ сухимъ путемъ до Ростова; здѣсь, сѣдши на суда, пошелъ на Переяславль (должно быть Ярославль), потомъ изъ Переяславля Волгою на Кострому, и отсюда, пройдши семь верстъ сухимъ путемъ, мы вошли къ одну рѣчку, которая привела насъ въ Вологду, изъ Вологды Сухою мы прошли въ Двину и продолжали путь въ судахъ до Норвежскаго города Бергена (въ этомъ пути они выдержали всѣ тѣ опасности и труды, о которыхъ рассказывалъ Истома) и наконецъ прямо пришли въ главной Датской городъ Гафнію, который Нѣмцы зовутъ Капенгагеномъ».

Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о свидѣтельствѣ Дмитрія (можетъ-быть Ралево), того самого, который былъ посломъ въ Римъ, и изъ рассказовъ котораго Павелъ Іовій описалъ Москвію. Этотъ Дмитрій по приведенному выше пути вѣскольکو разъ ѣздилъ въ Норвегію и Данію, и подтвердилъ Герберштейну рассказы Истома и Власія. Въ нашихъ же лѣтописяхъ это путешествіе рассказано въ немногихъ словахъ: «Князь великій послалъ пословъ своихъ (1497 года) къ Датскому Королю въ Нѣмцы Дмитрея Зейцева да Дмитрея Ларева Грека; и шли на Кольваву, а назадъ тудѣ несмѣли пройти, и они пришли на Двину около Свѣйскаго Королевства, и около Мурманскаго носу моремъ Океаномъ, мимо Соловецкій монастырь, на Двину, а съ Двины, мимо Устюгъ, къ Москвѣ»⁽⁷²⁾. Наконецъ, Герберштейнъ говоритъ, что тѣ же государевы послы рассказывали ему о замерзшемъ или ледяномъ морѣ, слѣдующимъ образомъ: «мы сами видѣли, что въ приморскихъ мѣстахъ того края текутъ многія и большія рѣки; своимъ обильнымъ и сильнымъ теченіемъ отгоняютъ морскую воду далеко отъ береговъ, и на извѣстныхъ пространствахъ вмѣстѣ съ моремъ замерзаютъ, какъ это бываетъ въ Ливоніи и другихъ краяхъ Швеціи; только въ морѣ вѣтры ломаютъ ледъ, что рѣдко случается въ рѣкахъ; и сіи обломки льда, выпертые отъ береговъ сильнымъ теченіемъ въ море, плаваютъ почти цѣлый годъ, и потомъ отъ стужи снова такъ смерзаются; что тамъ иногда можно встрѣ-

(72) Арханг. лѣт., стр. 173.

тадь ледь нѣсколькихъ лѣтъ, смершіи ся вѣстѣ, какъ это легко замѣтитъ на ледяныхъ глыбахъ, силою вѣтра выброшенныхъ на берегъ». Тѣ же послы говорили Герберштейну, что въ степяхъ, занимаемой дикою Лопью, лѣтнее солнце не закатывается дѣйные сорокъ дней, и только по ночамъ на три часа заволакивается какимъ-то туманомъ, который закрываетъ его лучи, но не уничтожаетъ свѣта, такъ что во все это время пракъ не препятствуетъ работать людямъ. По свидѣтельству Москвитинъ, живущая тамъ Лопь даетъ дань Московскому Государю и выплачиваетъ ее рыбою и мѣками; вылативши годичную дань, они не знаютъ никакихъ другихъ обязанностей и управляются сама собою. Эта Лопь питается только рыбою и звѣрами, не имѣетъ ни соли, ни хлѣба и отличается особеннымъ прожорствомъ; между ними стрѣлки такъ искусны, что дорогого звѣря бьютъ въ морду, чтобы не испортить шкуры. Отправляясь на охоту, они оставляютъ купцовъ и другихъ пришельцевъ съ женами дома; возвратившись, ежели замѣчаютъ особенную веселость въ женѣ, то гости дарятъ, а ежели нѣтъ, то выгоняютъ съ безчестіемъ. Но этотъ народъ, отъ частыхъ сношеній съ пришельцами, приходящими сюда для выгодъ торговли, начинаетъ уже оставлять свою природную дикость и дѣлается мягче. Лопи теперь охотно принимаютъ купцовъ и берутъ у нихъ платя, сшитыя изъ толстаго сукна, также тоноры, иглы, ложки, ножи, стаканы, муку, горшки и тому подобное; они уже питаются вареною пищею и болѣе походятъ на людей своимъ образомъ жизни; носятъ платье, сшитое изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, и въ такомъ нарядѣ иногда приходятъ въ Москву. Очень немногіе надѣваютъ сапоги и шапки, шитыя изъ оленьей шкуры; у нихъ нѣтъ въ ходу ни золотой, ни серебряной монеты, и торговля производится мѣною товаровъ; такъ какъ они не знаютъ чужихъ языковъ, то пріѣзжимъ кажутся нѣмыми; хижины свои покрываютъ древесною корою; не имѣютъ однако же настоящихъ жилищъ, но выловивши звѣрей и рыбу въ одномъ мѣстѣ, переходятъ въ другое. Сверхъ того тѣ же государевы послы рассказывали Герберштейну, что они въ тѣхъ краяхъ видали высочайшія горы, подобно Этнѣ, извергающія постоянно пламя, и что отъ такого же постоянного изверженія пламени и въ Норвегіи провалились многія горы. Это подтверждала Герберштейну и Норвежскіе начальники областей, съ которыми

ми онъ разговаривалъ во время своего посольства къ Датскому Королю Христиану. Въ Москвѣ также слышалъ Герберштейнъ, что около устьевъ Печоры, которыя лежатъ направо отъ устья Двины, много водится въ океанѣ разныхъ большихъ животныхъ, между ними есть одно величиною съ быка, которое тамошніе жители называютъ моржемъ; у этого животного ноги короткія, какъ у бобра, грудь въ сравненіи съ прочимъ тѣломъ нѣсколько высока и широка, а два верхнихъ зуба очень длинны и спущены внизъ. Эти животныя для отдохновенія и для дѣтей выбираютъ большими стадами на горы, и тамъ, прежде нежели предадутся сну, который у нихъ очень крѣпокъ, ставятъ подобно журавлямъ сторожа, который ежели уснетъ, или будетъ убитъ охотникомъ, то остальные ловятся уже безъ затрудненій; ежели же, по обычаю, подастъ знакъ своимъ крикомъ, то все стадо, при помощи заднихъ лапъ и зубовъ, съ чрезвычайною быстротою спускается съ горъ въ море; иногда видать ихъ отдыхающихъ на плывущихъ льдинахъ. Это животное охотники преслѣдуютъ единственно изъ зубовъ, изъ которыхъ Москвичи, Татары и особенно Турки дѣлаютъ рукоятки мечей и кинжаловъ; посему у Турокъ, Москвичей и Татаръ они продаются на вѣсъ, и извѣстны подъ именемъ рыбнаго зуба. Ледовитое море простирается отъ Двины до Печоры и даже до устьевъ Оби; за нимъ, какъ говорятъ, лежитъ страна, называемая Гренландіей. Туда наши люди почти не ходятъ, по причинѣ высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и по большимъ льдамъ, постоянно плавающимъ въ морѣ». По этому о сей странѣ Герберштейнъ слышалъ только то, что она неизвѣстна (*).

Такимъ образомъ рассказы о Ледовитомъ морѣ, приведенные Герберштейномъ, не только свидѣтельствуютъ о томъ, какія значительныя и любопытныя географическія свѣдѣнія распространялись на Руси посольствами Московскихъ Государей въ разные стороны, но видѣтъ съ тѣмъ указываютъ, на какое далекое пространство Сѣверный Океанъ былъ знакомъ Русскимъ людямъ XV столѣтія. Это географическое знакомство свидѣтель-

(*). *Rerum Moscoviticarum auctores varij. Francofurt. anno M.DC. pag. 87—89.*

ставуетъ о сильномъ распространѣніи промышленности въ той сторонѣ, производимой не только тамошними прибрежными жителями, но и людьми, прїѣзжавшими изъ внутреннихъ городовъ Руси, такъ что центръ тогдашней Россіи съ берегами Сѣвернаго Океана очевидно былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ, чѣмъ теперь; тамъ лежалъ главный свободный путь къ морю. Русскіе въ то время тамъ были полными хозяевами и распоряджались своею промышленностію свободно, а въ другихъ краяхъ у нихъ много было соперниковъ. Въ послѣдствіи для Русской промышленности много открыто новыхъ и удобнѣйшихъ путей; посему сѣверный негостепримный край незамѣтно отдалился отъ центра, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Въ нашихъ вышедшихъ журналахъ нрѣдка встрѣчаются извѣстія о Ледовитомъ морѣ или о Сѣверномъ Океанѣ, иногда даже почерпнутыя изъ иностранныхъ книгъ, тогда, какъ въ XV столѣтіи, какъ видно, иностранцы собирали въ Москвѣ свѣдѣнія о Сѣверномъ Океанѣ, и выставляли ихъ своимъ соотечественникамъ какъ самыя вѣрныя и наполненныя любопытными подробностями. Впрочемъ мы объ этомъ предметѣ будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь слѣдуетъ указать на распространеніе географическихъ свѣдѣній между Русскими во 2-й половинѣ XV столѣтіи, помимо посольствъ и путешествій.

Кромѣ посольствъ и путешествій, географическія свѣдѣнія на Руси, во 2-ю половину XV вѣка, распространялись завоеваніями Московскаго великаго князя Ивана Васильевича III-го, и присоединеніями къ Москвѣ разныхъ областей сѣверо-восточной и западной Руси. Области сіи, вступая въ составъ Московскаго государства, немедленно привѣдены правительствомъ въ большую извѣстность въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: ихъ обыкновенно измѣривали и описывали по Московски; таковымъ измѣреніямъ и описаніямъ составляли особныя книги, которыя знакомили правительство съ состояніемъ вновь присоединенныхъ областей, съ ихъ естественными и промышленными средствами, указывали на выгоды или невыгоды того или другаго края и руководили при раскладкѣ податей и вообще въ дѣлахъ управленія. Въ то же время промышленность, получая болѣе простора и свободы, пролагала новые для себя пути, доселѣ иногда запертыя чуждою властію, и съ

тъмъ вмѣстѣ болѣе знакома людей съ самыми отдаленными краями.

Первые географическія свѣдѣнія отъ военныхъ дѣйствій Іоанна мы получаемъ по случаю похода въ Казанскій край въ 1468 году. Изъ описанія этого похода, по лѣтописамъ, мы видимъ, что Москвичи хорошо знали дорогу въ Казанскій край съ разныхъ сторонъ; ибо отряды Іоанновы шли туда, одни объѣзнымъ, уже извѣстнымъ намъ путемъ, Волгою, изъ Муромъ, Владиміра и Нижняго, другіе прокладывали себѣ лѣтнюю дорогу изъ Галича, пересѣкая Унжу, Ветлугу и Усту. Лѣтопись прямо говоритъ, что войска шли «лѣсами бозъ пути» (75); слѣдовательно верховья Унжи и Ветлуги тогда были еще пустынями и не имѣли жителей. Наконецъ третьи назначили свой походъ отъ Устюга, соединялись на Вяткѣ подъ Котельничымъ, и проходили Вяткою до Камы, потомъ Камою внизъ до Тамлуги, отъ Тамлуги вверхъ по Камѣ до Бѣлой Воложки, и возвращались домой уже на Великую Пермь и черезъ Пермь въ Устюгъ (76). Изъ этого похода мы также узнаемъ, что Вятка, Кама и Тамлуга въ Казанскомъ краѣ были торными путями торговцевъ; ибо, по свидѣтельству лѣтописца, Москвичи по этимъ рѣкамъ побили и пограбили множество гостей и захватили суда съ товарами (77). Туда также ѣздили в гости Московскіе; ибо лѣтопись, подъ 1469 годомъ, говоритъ: «того же лѣта Татары Казанскія пограбиша гостей Русскихъ» (78). При описаніи втораго похода подъ Казань, бывшаго въ 1469 году, лѣтописцы говорятъ, что полки Московскіе рѣкою Окою вошли въ Волгу и направились сперва на Нижній-Новгородъ старій, что на Бечевѣ, потомъ съ Бечевы пошли на Рознежу (нынѣшнее Розвежье, на лѣвой сторонѣ Волги, въ Макарьевскомъ уѣздѣ), съ Рознежи на Чебоксарь, оттуда уже прямо подъ Казань (79). Слѣдовательно въ эту сторону владѣнія Русскія выдвинулись въ то время до Чебоксарь, тогда какъ прежде оканчивались около Суры, гдѣ при Васильѣ Васильевичѣ былъ выстроенъ городъ Василь-Сурекъ. Въ описаніи того же похода мы узнаемъ изъ лѣтописей, что Казанская земля тогда раздѣлялась на земли собственно Казанскую, Черемисскую по обонимъ берегамъ Вол-

(75) Лвов. глѣт. Т. III, стр. 3. (76) Тамъ же. (77) Ник. VI, стр. 6. (78) Лвов. III, стр. 6. (79) Ник. VI, стр. 10.

зи, Камскую по Камѣ, Сылвинскую (не Сылвинскую ли по рѣчкѣ Сылвѣ, которая впадаетъ въ рѣку Чусовую), Костятскую (можетъ-быть Остякскую), Бѣловоложскую, по рѣкѣ Бѣлой Воложкѣ, которая вытекаетъ изъ Уральскихъ горъ при верховьяхъ рѣки Яика и, протекши 790 верстъ, впадаетъ въ Каму ниже Чусовой ^(*); Вотлицкую, т. е. гдѣ живутъ Вотяки, и Башкирскую по рѣкѣ Уфѣ, по обоимъ берегамъ до Уральскихъ горъ ^(**). Такимъ образомъ мы видимъ, что земли Казанскаго Царства на югъ простирались, можетъ быть, до Самары, на западъ до Чебоксаръ и Кательнича, на сѣверѣ сходились съ землями Вятскими и Пермскими, гдѣ Вотяки подходили къ истокамъ Вятки, и на сѣверовостокѣ терялись въ предѣлахъ Сибирскихъ до Оби, гдѣ жили Остяки, и наконецъ на востокѣ въ острогахъ Уральскихъ горъ, до истоковъ Бѣлой Воложки и Уфы, гдѣ жилища Башкирцевъ простирались даже за Уральскія горы.

Войны съ Волжскою или Золотою Ордою, кажется, не могли доставить случая къ распространенію географическихъ свѣдѣній, ибо они ограничивались походами хана Ахмата и его сыновей на Московскія Украины. Москвичи въ продолженіе всего княженія Ивана Васильевича, не преслѣдовали Золото-Ордынцевъ далеко, и походы на Орду не предпринимали, исключая развѣ одною случая, когда Ахматъ въ 1480 году подступилъ къ Угрѣ, великій князь Московскій послалъ Нардаулата Городецкаго и князя Василья Ноздроватова, Волгою въ Золотую Орду, которые и опустошали ее, и тѣмъ заставили Ахмата отступить отъ Угры ^(*). Даже честь уничтоженія Золотой Орды принадлежитъ лично не Москвичамъ, а Ногайцамъ; ибо Ахмата Русскіе не преслѣдовали отъ Угры, попалъ же на него и разоралъ орду Ибакъ Шибанскій съ Нагайцами ^(**). Точно такъ же противъ дѣтей Ахматовыхъ Москвичи не предпринимали походовъ, воевали же съ ними и преслѣдовали ихъ по настояніямъ Московскаго князя или Крымцы или Ногайцы. Впрочемъ разореніе Золотой Орды все-таки способствовало распространенію Московскихъ границъ въ эту сторону, вплоть до Волги, по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, знакомство же съ краемъ шло гораздо далѣе за Волгу на востокъ и югъ; ибо въ 1489 году, на-

^(*) Княг. Бол. Черт., стр. 147. ^(**) Тамъ же, стр. 147. ^(**) Казан. Лѣт., стр. 38. ^(**) Архангелогор. Лѣт., стр. 159.

иѣстникъ, Муромскій князь Федоръ Хаванскій, писалъ къ Государю, что Ногайскіе послы, плучивъ Москвѣ, перевезлись въ Волгу подъ Черемшаномъ, а провожали ихъ полемъ до Суры, «Папуды и Мордавию; а оттолѣ оказываютъ, ѣхали на князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву да на Саканы, а выаѣче Государь стоять за рѣкою (Окою) противъ города» (Мурома) ^(*). Слѣдовательно отъ устья Черемшана начинались Московскія владѣнія, ибо отсюда Ногайскихъ пословъ провожали Русскіе до Суры черезъ степи, или по крайней мѣрѣ противъ устья Черемшана стояла Русская сторожевая крѣпость. Въ это же время промышленники Московскіе проникали еще далѣе на югъ, можетъ-быть до Каспійскаго моря. Такъ великій князь пишетъ къ Янгурчею мурзѣ Ногайскому: «ваши люди изъ Асторокани и сего лѣта нашихъ людей рыболовей на Волзѣ, побили и пограбили; ино пригоже ли ся такъ дѣлаеть» ^(**). Волга была такимъ обычнымъ и знакомымъ путемъ для всѣхъ Русскихъ того времени, что еще, въ 1471 году, Вятчане Волгою проникли до самого Сарая, столицы Хаванской, и, пользуясь отсутствіемъ Ахмата, взяли Сарай и «полону множество и княгинь Сарайскихъ» ^(**).

Войнѣ съ Ногаями, Крымцами и Турками не было во все продолженіе княженія Ивана Васильевича, слѣдовательно Московскія владѣнія въ эту сторону оставались при прежнихъ границахъ, т. е. терялись въ Приволжскихъ и Придонскихъ степяхъ, черезъ которыя уже свободнѣе ходили Московскіе промышленники къ Каспійскому, Азовскому и Черному морямъ. Но за то сильно измѣнились Московскія границы на западъ и сѣверъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ у Москвитанъ много прибыло географическихъ свѣдѣній о тамошнихъ земляхъ. Приобрѣтенія Москвитянь на западъ начинаются присоединеніемъ мелкихъ Литовскихъ владѣній въ Зедлѣпровѣ. Первыми перешли отъ Литовскаго государя въ Московскому князья Одоевскіе, потомки Михаила Черниговскаго; потомъ ихъ примѣру послѣдовали князья Воротыискіе и Бѣльскіе, которые, около 1488 года, съ своими вотчинами перешли также въ Московскую службу; а въ 1490 году перешли князья Перемышльскій и Бѣлевскій, также съ своими вотчинами; кромѣ того въ 1483 году, князья Ольшанскій

^(*) Ист. Г. Р. Т. VI, примѣч. 308. ^(**) Арх. Ив. дѣлѣ Дѣла Ногайскія, листъ 31. ^(**) Арх. Лѣт., стр. 149.

да Олелковичъ да Федоръ Бѣльскій, хотѣли-было отсѣчь къ Москвѣ Литовскую землю по самую Березину (17). Всѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, копившіяся неудовольствія необходимо должны были вестя къ войнѣ съ Литовцами, которая еще болѣе распространила Московскія владѣнія на счетъ Литвы. Такъ въ 1492 году князь Федоръ Телпневъ Оболенскій взялъ Мценскъ (18); въ слѣдующемъ году князь Воротыньскіе захватили Серпейскъ и Мещевскъ (19); въ томъ же году князь Данилъ Цзєня взялъ Вязму, а князь Михайлъ Романовичъ Мезецкій самъ добровольно перешелъ въ Московскую службу съ своею вотчиною. Въ 1500 году, перешли въ Московскую службу съ своими вотчинами: князь Семень Бѣльскій, Семень Можайскій и Василій Шемекинъ (20), причѣмъ въ Московское владѣніе перешли Черниговъ, Старолубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Трубочевскъ, Мосальскъ и Бѣльскъ (21). Вслѣдствіе этого опять началась война съ Литвою, и полки Московскіе заняли Брянскъ, Путивль и Дорогобужъ (22); потомъ осадили Смоленскъ, прошли къ Березинѣ и Двинѣ, выжгли деревни до Витебска, Полоцка и Мстислава, и взяли Оршу, такъ что рубежъ Московскій въ эту сторону вытянулся на югъ до Путивля и на западъ до Чернигова, Гомеля и Дорогобужа; войска же Московскія проходили до Витебска и Полоцка. Старанія великаго князя Московскаго узнать положеніе Литовской земли, и торговая промышленность Москвитянъ, Новгородцевъ, Псковичей и Тверитянъ простирались еще далѣе. Въ перепискѣ между Россією и Польшею въ продолженіе государстванія Ивана Васильевича III-го, мы находимъ многія указанія объ этомъ предметѣ, которыя открываютъ намъ, что географическія свѣдѣнія Москвитянъ о Литовскомъ краѣ были очень обширны. Такъ, въ 1588 году, въ наказѣ Московскимъ посламъ, отправленнымъ къ Польскому королю, между прочимъ велѣно, во 1-хъ, домогаться объ отпускѣ Россійскихъ купцовъ, Фофанова и Ворошилова съ товарищи, пойманныхъ въ Пропойскѣ и отведенныхъ съ товарами въ Вильно, при возвращеніи ихъ изъ Кафы въ Москву; а также о сбавкѣ мытъ и пошлинъ, вновь наложенныхъ въ Польшѣ для Россійскихъ гостей, и о возвращеніи оныхъ назадъ; во

(17) Львов. глѣт. III, стр. 179. (18) Ник. VI, стр. 133. (19) Тамъ же. (20) Ник. VI, стр. 161. (21) Дѣла Крым. № 2, стр. 733. (22) Львов. III, стр. 164 и 165.

2-хъ, вручить, для объявленія королю, два списка: первый о прибавкѣ пошлинь, собираемыхъ съ Россійскихъ торговыхъ людей въ городахъ Польскаго владѣнія: Кіевѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Гомлѣ, Вильно, Новгородкѣ - Сѣверскомъ, Радогостѣ, Трубецкѣ, Брянскѣ, Минскѣ, Полоцкѣ и Люблинѣ; второй о обладахъ, причиненныхъ отъ Поляковъ Россійскимъ купцамъ въ разныхъ городахъ Польской державы, въ забраніи и отнятіи разныхъ шелковыхъ и прочихъ товаровъ. Въ 1490 году, Михайло Кляпикъ вторично былъ отправленъ въ Польшу съ представленіемъ о грабительствахъ, причиняемыхъ провозжающимъ черезъ Польшу и Литву съ товарами, Московскимъ, Новгородскимъ и Тверскимъ гостямъ, и о сборѣ лишннихъ мытъ и пошлинь ⁽²⁵⁾. Въ 1492 году, былъ отправленъ въ Польшу Беклешевъ Берсенъ, которому между прочимъ наказано было привести жалобу на старосту Каменецкаго, который пограбилъ много товаровъ у Московскихъ купцовъ, во время провоза ихъ черезъ Подольскую землю; также требовать, чтобы были возвращены Русскимъ купцамъ товары, пограбленные у нихъ на Тавани, Дѣйпрѣ и другихъ мѣстахъ ⁽²⁶⁾. Въ 1498 году Московскій посланникъ Алексѣй Голохвастовъ долженъ былъ ходатайствовать о свободномъ проздѣ Русскихъ купцамъ по всей Литовской землѣ ⁽²⁷⁾; о томъ же говорили въ Москвѣ Литовскимъ посланъ въ 1499 году ⁽²⁸⁾. Въ 1501 году, Московскій Государь требовалъ, чтобы были освобождены захваченные въ Литвѣ, во время размирья, гости Новгородскіе, Московскіе и Псковскіе ⁽²⁹⁾. Всѣ свидѣтельства ясно говорятъ, что Москвитчамъ хорошо были извѣстны Польскія и Литовскія земли; что они для торговыхъ дѣлъ ѣздили изъ края въ край по симъ землямъ, бывали въ Вильно и въ Люблинѣ, т. е. за Вепршемъ, въ Каменецъ-Подольскомъ и въ Тавани; что Дѣйпрѣ для нихъ былъ стариннымъ обычнымъ путемъ въ Черное море. Само правительство Московское имѣло подробныя географическія свѣдѣнія о Литовскомъ и Польскомъ краѣ и при случаѣ старалось распространять ихъ. Такъ, въ 1495 году, въ наказѣ Московскому послу Третьяку Далматову сказано, что Москов-

⁽²⁵⁾ Книга сношеній съ Польшею и Литвою въ Арх. Иностр. дѣлъ № 1, листъ 14, 102. ⁽²⁶⁾ Тамъ же, листъ 131. ⁽²⁷⁾ Тамъ же, листъ 676. ⁽²⁸⁾ Тамъ же, 693—716. ⁽²⁹⁾ Тамъ же, № 2, листы 58—61.

скій Государь, желая послать помощь Литовскому государю противъ Крымцовъ, хочеть знать, выпелъ ли Менгли-Гирей Ханъ изъ Перекопа, когда и на какія мѣста будетъ его нападеніе, и какимъ образомъ чинить Литовцамъ вспоможеніе (*). Если Московскій Государь требовалъ, чтобы его увѣдомляли изъ Литвы, на какія мѣста Крымцы будутъ дѣлать набѣги, чтобы сообразоваться удобнѣйшею присылкою помощи: то конечно онъ зналъ расположеніе тамошнихъ мѣстъ, и можетъ-быть имѣлъ карты либо чертежи, по которымъ могъ соображать движенія войскъ; въ противномъ случаѣ, подобныя требованія для него были бы вовсе ненужны. Доказательствомъ старанія Московскаго Двора распротравлять свои географическія свѣдѣнія относительно Польши и Литвы, мы имѣемъ два исныхъ указанія: первое, наказъ посланнику Григорію Путятину, вѣдвшему къ Казимиру въ 1489 году, къ которому предписано ему провѣдывать о принадлежащей къ Польшѣ Прусской землѣ, о Главскѣ, Хвойницѣхъ, Торувѣ и другихъ (**); второе, предписаніе Ступинину, вѣдвшему посломъ въ Литву, въ 1495 году, развѣдать, можно ли проѣхать Датскому послу чрезъ Жмудъ на корабляхъ или въ бусахъ въ Данію (100).

Такимъ образомъ, изъ представленныхъ здѣсь немногихъ свѣдѣтельствъ, мы ясно видимъ, что Русскіе во 2-ю половину XV столѣтія имѣли довольно обширныя географическія и статистическія свѣдѣнія о Польскомъ и Литовскомъ краѣ во всемъ его объемѣ. Московское правительство, кажется, даже имѣло чертежи или карты Литовской земли или, по крайней мѣрѣ, въ некоторыхъ ея частяхъ. Относительно сего послѣдняго предмета за время Ивана Васильевича III-го прямыхъ свѣдѣтельствъ мы представить пока не можемъ; но при его сынѣ Василя Ивановичѣ находимъ неопровержимыя доказательства въ описаніи царскаго архива, изданномъ Археографическою Экспедиціею, гдѣ сказано: «ящикъ 21, а въ немъ кнѣга, прїѣздъ Литовскимъ посламъ къ великому князю Василю въ размирицу при Максимьяновѣ послѣ . . . и списки черные и грамоты черные, и чертежъ Смоленской и рубежъ Смоленскимъ волостемъ. Ящикъ 22. А въ

(*) Тамъ же, № 1, листы 488—495. (**) Тамъ же, № 1, лист. 97. (100) Тамъ же, 409—423.

немъ книги, и списки, и грамоты при великомъ князѣ Василю Ивановичѣ съ Жигмонтомъ королемъ и чертежъ Себежской и Румянской. Ящикъ 26. А въ немъ розвъ, Списки Козлячанъ, списки дорогъ Литовскихъ ото Пскова и отъ Лукъ. «Слѣдовательно что-то въ родѣ книги большого чертежа. «Ящикъ 57. А въ немъ Чертежъ Лукамъ великимъ и Псковскимъ пригородомъ съ Литовскимъ городомъ Полоцкомъ. Ящикъ 220. А въ немъ списки дорогъ старые Литовскимъ городомъ»⁽¹⁰¹⁾.

Ко времени же вел. кн. Ивана Васильевича III-го относится слѣдующее описаніе путешествія великой княжны Елены Ивановны въ Литву, для бракосочетанія съ вел. кн. Александромъ Литовскимъ:

«Въ лѣто 7003 пошла съ Москвы великая княжна въ вторникъ, въ той же день по крещеніи, а съ нею пошли бояре князь Семеновъ Раполовскій да Михайло Русалка. Дневала великая княжна въ среду въ Дорогомиловѣ, а съ Дорогомилова пошла въ четвергъ. А первой наслѣтъ въ Луцкомъ, 2) въ Звенигородѣ, 3) въ Алексинѣ, 4) въ Можайскѣ, 5) въ Варьскомъ, 6) на Холму на Брагнѣ, 7) въ Дуброви, 8) въ Вязмѣ, 9) на рѣчкѣ на Корѣ, 10) въ городѣ въ Литовскомъ въ Дорогобужѣ, 11) на Сверговѣ Лукѣ, въ монастырѣ церковь Рождество Пречистыя 12) день пришла великая княжна въ Смоленскъ въ понедѣльникъ, а дневала два дня вторникъ и среду. А пошла изъ Смоленска въ четвергъ; а 1) наслѣтъ на рѣкѣ на Кастымѣ, 2) въ Мизульскомъ у Святого Николы, 3) въ Лешковѣ у Св. Петра, 4) въ городѣ въ Витепскомъ, а рѣка подъ городомъ Двина, а воевода въ Витепскѣ князь Михайло Юрьевичъ; 5) въ Выклатскѣ у великаго Георгія, 6) на рѣдѣ на Объя, 7) въ городѣ въ Палотскѣ. Пришла великая княжна въ среду, а въ четвергъ дневала, а пошла въ пяттокъ: а 1) наслѣтъ на озерѣ на Мотыринѣ, 2) въ селѣ въ Воръбовичѣ у Св. Николы, 3) въ селѣ въ Каменичѣ у Спаса, а рѣка подъ селомъ Велья, 4) на рѣкѣ на Вязинѣ; 5) въ селѣ въ Марковѣ у Св. Николы, а рѣка Голтя; тутъ встрѣтила великую княжну панъ Станиславъ Яновичъ Жемотскій староста, 6) въ городѣ въ Криви, 7) на рѣкѣ на Ольшини, 8) въ городѣ въ Мѣдникѣ, 9) въ селѣ отъ Вилни за шлю. А встрѣтилъ князь великій Александръ великую княжну

⁽¹⁰¹⁾ Ак. Ар. Э. I, № 269.

отъ города за три версты. Въѣхала великая княжна въ городъ въ недѣлю. А ѣхала великая княжна отъ Москвы четыре недѣли и два дни. А вѣчался князь великій Александръ съ великою княжною въ ту жъ недѣлю.

Въ лѣто 7003 провожали бояре великаго князя великую княжну въ Литву князь Семенъ Рязоловской, да Михайло Русалка и съ женами, да съ ними дѣти боярскіе; пришли со княжною за недѣлю до за говѣйна до мяснаго; а жили въ Литвѣ 11-тъ дней. А изъ Литвы пошам въ четвергъ на Масляницѣ: 1) на слѣгъ въ Шьмени отъ Вилни семь миль, 2) въ Марковѣ отъ Шьмени семь миль. А шла великая княжна дорогою отъ Смоленска на Полтескъ, а отъ Полтеска на Витепскъ, а отъ Витепска на Марково. А князь Семенъ Рязоловской шолъ изъ Вилни назадъ на Марково. А отъ Маркова пошелъ дорогою: 3) на слѣгъ въ красномъ селѣ, отъ Маркова пять миль, а рѣка подъ Краснымъ Ушъ; 4) въ Анинѣ отъ Краснаго семь миль, а тудо заговѣли заговѣино масляное; 5) въ Борисовѣ, а рѣка подъ Борисовымъ Березыня, отъ Анина девять миль, а въ Борисово пришелъ князь Семенъ въ понедѣльникъ, а тудое дивалъ два дни, а пошелъ въ четвергъ; 6) на лѣсѣ, на рѣкѣ на Бобрѣ, отъ Борисова десять миль; 7) въ Орловѣ болотѣ; 8) отъ Друцка шесть миль, въ субботу въ съборную ѣлъ хлѣба князь Семенъ у князя Василья Ивановича у Краснаго, Друцкихъ князей; 9) въ городѣ въ Рѣшѣ, а рѣка подъ городомъ Дѣлпръ, отъ Орлова болота семь верстъ, а тудъ князь Семенъ дивалъ, а держитъ Оршу князь Василій Шемичъ; 10) у Клементья Святаго отъ Орша одиннадцать миль; 11) на рѣкѣ на Катинѣ, отъ Клементья Святаго восемь миль; 12) въ Смоленскѣ отъ Катини четыре мили, приѣхалъ князь Семенъ въ Смоленскъ второй недѣли поста въ четвергъ, а поѣхалъ въ субботу, а ночавалъ въ Сватовѣ Дубровѣ, отъ Смоленска четыре мили. (Здѣсь вѣроятно въ подлинникѣ пропускъ) 5) на рѣкѣ Менцкой Иотца, шесть миль; на Сверхъ Лукъ, отъ Сватовы Дубровы шесть миль; 7) въ Дорогобужѣ; отъ Сверхъ Лукъ восемь миль, а жилъ два дни; 8) на Мстиславѣ отъ Дорогобужа шесть миль; 9) въ городѣ въ Вязнѣ, отъ Мстислава 12 миль; 10) въ Дубровѣ, отъ Вязны восемь миль, церковь Успенія Св. Богородица; 11) на Холму на Брагинѣ, отъ Дубровы тридцать миль 12) въ Варскомѣ, церковь святыхъ Богородица покровъ, отъ Холму тридцать верстъ.

(здесь очевидно въ подлинникъ пропускъ) 14) въ Олексинъ отъ Можайска двадцать верстъ; 15) на Яму, церковь Спасъ святый, отъ Олексина 50 верстъ; 16) на Москвѣ отъ Спаса тридцать верстъ. А прашаи къ Москвѣ 4-й недѣли поста». Это географическое извѣстіе конца XV вѣка, совершенно новое въ нашей исторической литературѣ, сохранилось въ современной рукописи, помѣщенной въ одномъ сборникѣ, хранящемся въ библиотекѣ Г. Погодина. Оно по складу своему принадлежитъ къ числу оффиціальныхъ источниковъ древней Русской географіи, и называется на старыи обычаи Московскаго правительства поручать своимъ чиновникамъ составленіе подробныхъ географическихкихъ описей при, отправленіи ихъ въ посольства, и вообще въ поѣздкахъ за границы Московскихъ владѣній. Таковыя описи хранились, какъ мы знаемъ; при дѣлахъ сперва у князя, а потомъ и въ приказахъ; а также вѣроятно вносились и въ оффиціальные лѣтописи, какъ прямо сказано въ надписи къ настоящему описанію: (вынято изъ Русскаго изъ лѣтописца, изъ полнаго о князехъ великихъ Русскихъ».

По порядку мѣстностей послѣ разпространенія Московскихъ владѣній въ Литовскомъ краѣ, теперь слѣдуетъ говорить о распространеніи тѣхъ же владѣній въ Тверской сторонѣ. Здѣсь дѣло присоединенія было окончено однимъ походомъ, въ 1486 году. Великій князь Московскій осадилъ Тверь 8 Сентября, а 12 дня того же мѣсяца ему отворили ворота города и вся Тверская земля всецѣло признала власть Государя Московскаго. Въ 1492 году, всѣ Тверскія владѣнія были уже описаны по-Московски въ сохи, слѣдовательно уже составлены для нихъ писцовыя и переписныя книги съ подробнымъ статистическимъ описаніемъ, съ показаніемъ земли населенной и ненаселенной, воздѣланной и невоздѣланной, пахатной, сѣнокосной, лѣсной подъ строевіями, дорогами, городами и проч. Причемъ Тверь описывалъ Федоръ Алабышъ, Старицу—Борисъ Кутузовъ, Зубцовъ и Опoki—Дмитрій Пенсковъ, Клинъ—Петръ Лобанъ Заболоткой, Новгородъ или городокъ и Холмъ—Андрей Карамышевъ, и наконецъ Кашинъ—Василій Карамышевъ⁽¹⁰²⁾. Впрочемъ это завоеваніе Твери не прибавило географическихкихъ свѣдѣній ни у Москвитянъ, ни у другихъ Русскихъ того времени; ибо Тверскія

(102) Лѣт. Нормат., стр. 6.

земли, лежавшія на дорогѣ изъ Новгорода и Пскова въ страну Суздальскую, были давно извѣстны; но конечно въ статистическомъ отношеніи Москвичи, по завоеваніи Твери, приобрѣли много дѣльныхъ и новыхъ указаній объ этомъ краѣ.

Еще прежде присоединенія Тверскихъ владѣній, великій князь Московскій, въ 1478 году, завоевалъ землю Новгородскую. Это завоеваніе, довольно трудное и многосложное, протянуло границы Московскихъ владѣній: съ одной стороны отъ Невы до Бѣлаго моря, а съ другой отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, доставило Москвитчамъ много географическихъ и статистическихъ новыхъ свѣдѣній о всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Москвичи не только исходили его какъ завоеватели, но и частію извѣдали какъ правители и промышленники; они рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ заступили здѣсь мѣсто прежнихъ хозяевъ края Новгородцевъ, и по своему обыкновенію принялись все описывать и приводить въ извѣстность, дабы знать, чѣмъ владѣютъ и какую пользу могутъ получать отъ приобретеннаго.

Вотъ географическія свѣдѣнія за вторую половину XV вѣка, которыя мы можемъ почерпнуть изъ извѣстій о завоеваніи Новгородской земли. Завоеваніе Новгородскихъ владѣній великій князь Московскій началъ съ самой отдаленной и полузависѣвшей отъ Новгорода страны Югорской. Онъ, въ 1465 году, послалъ туда Устюжанина Василья Скрыбу съ охочими людьми, къ которому присоединился Вымскій князекъ Василій Ермоличъ съ Вымичи и Вычегжаны; эта сборная рать сосѣдей выбралась изъ Устюга 9 Мая и повоела землю Югорскую, вывела много племени и между прочимъ двухъ князей, которые были преданы въ Москву, гдѣ отъ великаго князя пожалованы Югорскимъ княженіемъ и отпущены домой; съ сего времени Югорская земля объявлена Московскимъ владѣніемъ⁽¹⁰²⁾. Конечно, на самомъ дѣлѣ здѣсь не было еще завоеванія всей страны до Оби; это только первое извѣстное намъ знакомство Москвитчей съ тамошнимъ краемъ, но уже знакомство съ притязаніемъ на владѣніе. Въ 1467 году мы получаемъ еще этнографическое свѣдѣніе о Югорской землѣ, т. е. о краѣ, прилежащемъ къ Оби; въ этомъ году Ватчане вмѣстѣ съ Пермьями воевали Вогуличей, (звѣротно ближайшихъ къ Пермьямъ, т. е. живущихъ въ

(102) Арханг. Лѣт., стр. 141.

горахъ при верховьяхъ Печоры), и привели тамошняго князика Ясыку въ Вятку ⁽¹⁰⁴⁾. Весною 1471 года, Государь Московскій открылъ походъ въ Новгородскія владѣнія съ трехъ сторонъ: одну рать послалъ на Русу чрезъ Тверскія владѣнія, другую на Вышній-Волочекъ и по Мстѣ чрезъ Бѣжецкій-Верхъ, и третью съ Устюга и Вятки, на Двину. Такое распоряженіе ясно показываетъ, что въ Москвѣ хорошо знали топографію Новгородскаго края, и при составленіи плана войны умѣли выбрать дороги болѣе удобныя для движенія многочисленнаго войска. На знаніе мѣстности въ Новгородскомъ краѣ лѣтопись указываетъ прямо: въ ней сказано, что Государь въ совѣтѣ разсуждалъ: «идти ли нывѣ на нихъ (Новгородцевъ) или нейти, понеже лѣтнее уже время, а земли ихъ многи воды имать около себе и озера великія, и рѣки и болота многія зѣло непроходимы» ⁽¹⁰⁵⁾. Тройной походъ Московскаго Государя кончился, съ одной стороны, битвами подъ Русою на Шелони и у Демана, гдѣ сражались Новгородцы, а съ другой, страшнымъ боемъ на рѣчкѣ Шиленгѣ, впадающей въ Двину, гдѣ сражались Двиняне, Печеряне и повольники Новгородскіе, предводительствуемые княземъ Василиемъ Васильевичемъ Шуйскимъ и Двинскимъ воеводою Василиемъ Никифоровичемъ; бой продолжался съ четвертаго часа дня до вечера. Лѣтопись говоритъ: «бшася обои крѣпко поводася, и паде Двинлянъ, повольниковъ и Печерянъ безчисленное множество» ⁽¹⁰⁶⁾. Эта битва доказываетъ, что Двинскія области Новгорода были довольно населены, что подтверждается и Двинскими списками земель, составленными въ томъ же 1471 году по случаю уступки ихъ Государю Московскому. Списки сіи весьма важны въ географическомъ отношеніи: они даютъ довольно полное понятіе о томъ, какъ былъ извѣстенъ географически этотъ отдаленный край во 2 половину XV вѣка. Изъ нихъ мы видимъ: изъ *перваго*, что Государю Московскому была уступлена земля по Двинѣ: 1) начиная отъ Верхней Тоймы, впадающей въ Двину съ правой стороны, и иди по теченію Двины на Юмышь, нынѣшняя рѣчка Устьюмежъ, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны, потомъ Искоозера, Кодима, нынѣшная

⁽¹⁰⁴⁾ Архангел. лѣт., стр. 142. ⁽¹⁰⁵⁾ Ник. VI, стр. 21. ⁽¹⁰⁶⁾ Арханг. лѣт., стр. 149.

Кодомъ, даѣе на Емецкій погостъ, выпѣшняя Емецкая на сѣверь отъ Шенкурска, на Мехренгу и Ваймугу, и на югъ къ верховьямъ Емца, почти до рѣки Онеги, т. е. выпѣшній Шенкурскій уѣздъ. 2) Устье Пинега, Матягоры и Быстрокурья по Хурдогу рѣку и по Матягорское озеро, и рѣка Солга; сюда же причислялись: полъ-Налюстрова, полъ-Кура острова, полъ-Чухолема, Лукинъ берегъ, полъ-Ухта острова, великая Курья, Квижъ-островъ, Коневъ-островъ, Соломбала, Терпиловъ погостъ съ землями на Лисичьѣ островѣ. 3) Морской берегъ отъ устья Двины до Онеги; сюда же причислялись солонварныя мѣста въ Ноноксѣ, Унасолъ, вѣроятно выпѣшній Унской посадъ, Корела Варзунская и Умба. 4) Морской берегъ отъ устья Двины до устья Мезени, на Пивегѣ волокъ, и Пялин горы съ Немьюгой ⁽¹⁰⁷⁾. По второму списку, въ числѣ спорныхъ земель исчисляются: 1) Ешьская гора, Ледь рѣка отъ верховья до устья, по обѣ стороны, и отъ устья Ледьскаго по Вагѣ, внизъ до ея впаденія въ Двину, Шоговаръ боярской наволокъ и устье Сюмы; съ другого берега Ваги: Кошкара, Молонда, Керчала съ наволокомъ; отъ Сюмы, внизъ по Вагѣ: Сметанинъ наволокъ, Ондрошѣвъ наволокъ, Бѣлый Песокъ, Тавно озеро, Сюмачъ и Сенго со всѣми угодьями, составлявшія прежде вотчину князя Ивана Владиміровича Ростовскаго. 2) Заостровье, Соколово, сельцо по Козловскому врагу, Кадима, Пучюга, Искоозеро, Плесо, Юмышъ отъ устья до верховья, т. е. земли, лежащія въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Ваги въ Двину, составлявшія прежде вотчину князя Федора Андреевича Ростовскаго. 3) Воля и Пежма рѣки, по обѣ стороны отъ устей и до верховей и до Ярославскаго рубежа съ малыми рѣчками, которые въ нихъ втекли: Тявренга, Поноша, Подвига, Синегъ; слободка Морозова, слободка Косткова, принадлежавшія князю Ивану Александровичу Ростовскому. 4) Ему же принадлежали земли отъ усть-Кулуя вверхъ по Вагѣ до Ярославскаго рубежа, по рѣкѣ Терменгѣ вверхъ, и по Двицѣ вверхъ, Жары, Липки, Шолаты. 5) Его же Каменная гора по рѣкѣ Кокшенгѣ, по обѣ стороны Кокшенги до устья, Пукома, Савкино, Ракулка и Пустынка. 6) Слобода великая, отчина великихъ князей изъ старины оброч-

(107) Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 73.

пая. 7) Рѣка Колуѣй отъ устья и до верховья по обѣ стороны, волокъ отъ Кокшенги, бывшая отчина князя Ивана Володимировича Ростовскаго. 8) Колмогоры, Падрипъ погостъ Матигорская лука отъ Орлеца на Ольстровъ до Великаго Поля, Куръ островъ, Чюхчелема, Угтъ-островъ, великая Курія, Койдокурія, Жехта великая, Княжъ-островъ, Низовая лука вся до моря, Селонбалъ, Терпиловъ погостъ, Уна, Новокса; то все вотчина великихъ князей. 9) Волокъ Пинежскій, Пекернема, Шулонема, Кулуѣй гора, Военала, побережье отъ Великаго Двора до Великаго Двора, да въ наволоцѣ двѣ деревни, да Вонга, Чушоло, Юрела, Буела, Заозерье, да въ Чинбалѣ четыре деревни; а то вотчина великихъ князей. 10) Шасто-озеро, Моржова гора, Коскошино до устья до Емецкаго, городокъ Емецкой, Чюкчинъ Конецъ, погостъ Емецкой, Ваймуга рѣчка, отъ устья до верховья по обѣ стороны, по Емцѣ вверхъ сельцо, Мехренга рѣчка отъ устья до верховья по обѣ стороны, а за рѣкою Двиною Хавры горы, Задвинье, Пингшишь, Челмахта, рѣчка Сея; то было князя Константина Володимировича Ростовскаго. 11) У Емскія горы, по слѣ отвода, отнялъ Иванъ Васильевъ Онтонову Перевару, а въ ней семь деревень и съ луги; да при Левантинъ же отнялъ Иванъ же Онтрошевъ островъ съ пожнями и съ пашною землею; да при Левонгинъ же отнялъ Иванъ Шугору, а въ немъ 20 деревень да и дворъ становой. По третьему списку вычислены Двинскія волости великаго князя: на Пинегѣ Кегрола да Чакола, да Пермскія, да Мезель, да Выя, да Пинежска, да Немьюга, да Пилія горы; а тѣ волости отдали Новгородцы вел. князю Василью. А что Важка, то исконное мѣсто великаго князя Вычегодское Пермскія» (100). Это исчисленіе разныхъ населенныхъ мѣстъ по теченію Ваги, Онеги, Двины и Мезени показываетъ, что край сей былъ хорошо извѣстенъ въ то время и населенъ едва ли не больше нынѣшняго; кромѣ того мы видимъ, что Новгородцы, по договору 1471 года, уступили великому князю далеко не все Заволочье, или Двинскую область, но преимущественно только морской берегъ отъ устья Онеги до устья Мезени, также земли, лежащія по теченію Пинеги, а по Двинѣ только до Верхней Тоймы съ одной стороны и до Юмыша съ другой; осталь-

(100) Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 73—75.

ная же часть Двинской области, лежащая на югъ отъ Тоймы и Юмыша, собственно Заволочье, оставалась еще за Новгородомъ. Такъ говоритъ и договорная грамота: «а се волости Ноугородскія: Торжекъ, Бѣжычи, Городецъ, Палець, Шипина, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь (вѣроятно, Трапо) прежнимъ Новгородскимъ грамотамъ, т. е. западный берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печера, Югра»⁽¹⁰⁹⁾. На другой же годъ великій князь, не объявляя войны собственно Новгородцамъ, послалъ князя Ѳедора Пестраго въ Пермь, который тогда же и завоевалъ всю эту сторону и привелъ за великаго князя⁽¹¹⁰⁾, и такимъ образомъ выдвинулъ Московскую границу къ верховьямъ Мезени и Печоры. Конечно, эта страна была уже давно известна Москвитчамъ, ибо, начиная съ Св. Стефана, туда посылались Епископы изъ Москвы; но тѣмъ не менѣе совершенное завоеваніе сдѣлало ее болѣе известною, и Русскія поселенія, заведенныя тамъ прежде, теперь конечно стали распространяться. Самое уже описаніе похода, присланное княземъ Ѳедоромъ Пестрымъ въ Москву, представляетъ много географическихъ подробностей объ этомъ краѣ. Князь Ѳедоръ началъ, вѣроятно, походъ изъ Устюга и пришелъ къ устью Черной рѣки, впадающей въ Сысолу, потомъ Сысолою на плотахъ достигъ Анеалова города (вѣроятно, построеніе известнаго Новгородца Анеала). Подъ Анеаловскимъ городомъ князь Ѳедоръ раздѣлилъ свою рать; самъ пошелъ на верхнюю землю къ городу Искарю, т. е. къ предгоріямъ Уральскаго хребта, и разбилъ Пермлянъ на Колвѣ, потомъ взялъ Искаръ и другіе городки, товарища же своего Гаврилу Нелидова послалъ на нижнюю землю, на Урость, Чердынь и Почку, который также повоевалъ указанныя ему мѣста; наконецъ оба отряда сошлись при впадениі почки въ Колву, гдѣ князь Ѳедоръ построилъ городъ и засѣлъ тамъ⁽¹¹¹⁾. Въ 1478 году Новгородъ подпалъ совершенно подъ власть Московскаго Государя, и всѣ Новгородскія владѣнія, лежащія по Двинѣ и за Двиною, по договору Новгородцевъ съ великимъ княземъ, признаны независимыми отъ Новгорода. Въ лѣтописи сказано: «пригородомъ всѣмъ да и Двиняномъ и

⁽¹⁰⁹⁾ Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 100. ⁽¹¹⁰⁾ Архан. лѣт., стр. 151. ⁽¹¹¹⁾ Ник. VI, стр. 44.

Заволочаномъ крестное цѣлованье Новгородское съ себе сложи-
ти, а цѣловати имъ крестъ на великихъ князей има» ⁽¹¹²⁾. Но,
оставленные Новгородцами, Задвинскія земля не думали еще при-
знавать власти Московской и продолжали управляться своими
князьками. Посему снова начались походы Москвитей въ эту
сторону. Въ 1481 году Андрей Мишневъ изъ Устюга съ охотни-
ками и Устюжанами повторилъ походъ князя Федора Пестраго
въ великую Пермь и проникъ въ страну Вогуличей, разбилъ ихъ
подъ Чердынемъ, потомъ ограбилъ на Камѣ гостей и Тюмен-
скихъ Татаръ ⁽¹¹³⁾. Вѣроятно, этотъ набѣгъ былъ сдѣланъ не
по приказу Московскаго Государя, ибо кромѣ грабежа онъ не
имѣлъ никакихъ послѣдствій; но настоящее извѣстiе лѣто-
писи въ нѣкоторой степени можетъ служить указанiемъ, что
эту сторону посѣщали не одни повольники и завоеватели, но и
торговцы, вѣроятно изъ Русскихъ городовъ, ибо въ лѣтописи
прямо сказано, что Мишневъ ограбилъ гостей на Камѣ. Нако-
пецъ, въ 1483 году, послѣдовалъ первый походъ велико-княже-
ской рати на Вогульскую и Югорскую земля. Лѣтописное опи-
санiе этого похода сообщаетъ намъ нѣсколько географическихъ
свѣдѣнiй объ этомъ краѣ, официально сдѣлавшихся тогда из-
вѣстными Московскому правительству. По приказу государеву
собрались Устюжане, Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысо-
личчи и Пермьки, и, подъ предводительствомъ князя Федора
Курбскаго и Ивана Травниа, 9 Мая двинулись изъ Устюга на
Пермь въ страну Вогуличей, достигли устья Пельныи, гдѣ и
разбили Вогуличей; потомъ изъ Пельныи спустились въ рѣку
Тавду, и Тавдою, миновавъ Тюмень, вступили въ Сибирскую зем-
лю, воюя и забирая въ полонъ по дорогѣ; далѣе изъ Сибири, рѣ-
кою Иртышемъ, вошли въ Обь и въ Югорскую землю; пово-
евавъ Югорскихъ князей, возвратились въ Юстюгъ 1 Октября,
откуда и прислали въ Москву, взятаго въ плѣнъ, старшаго Югор-
скаго князька Молдана. На другой годъ пришли въ Москву и
другіе князьки Вогульскіе, Югорскіе и Сибирскій князь Литикъ,
и просили Государя принять ихъ подъ свою высокую руку;
просьба была уважена: вслѣдствіи князь, взявъ съ нихъ клятву
и назначивъ съ тамошней земли дань, отпустилъ ихъ во сво-

⁽¹¹²⁾ Ник. VI, стр. 100. ⁽¹¹³⁾ Арханг. лѣт., стр. 160.

лси ⁽¹¹⁴⁾. Въ 1489 году была покорена и Вятка, старинная и богатая колонія Новгородская, издавна жившая независимо, жители которой, извѣстные своего предпріимчивостію и промышленностію, хорошо были знакомы со всѣмъ тамошнимъ краемъ; они далеко разѣзжали по Волгѣ и Камѣ, и вѣроятно для промысловъ нерѣдко проникали до Оби и, можетъ быть, за Обь ⁽¹¹⁵⁾. Въ одно время съ Вяткою Московскіе воеводы покорили и землю Арскую, лежащую между Вятскими и Казанскими владѣніями; тамошнихъ князей они отпразднили въ Москву, и Государь, взявъ съ нихъ присягу, отпустилъ домой ⁽¹¹⁶⁾. Покореніе Вятки дало способъ Москвитчамъ еще болѣе познакомиться съ тамошнимъ обширнымъ краемъ, лежащимъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ вплоть до береговъ Сѣвернаго Океана. Вятскіе промышленники, исходившіе уже прежде всю эту сторону для промысловъ и грабежей, теперь сдѣлались главными путеводателями Москвитчей въ этомъ пустынномъ и дикомъ краю. Великій князь, въ 1499 году, желая воспользоваться симъ новымъ средствомъ для разузнанія и покоренія земель, лежащихъ за Уральскими горами, снарядилъ экспедицію на лыжную Югру; начальниками этого новаго похода назначилъ князей Курбскаго и Ушатаго, и съ ними Василья Бражника, а въ путеводители придалъ къ ихъ отряду болѣе тысячи члѣвъкъ Вятчанъ. Объ этомъ походѣ мы имѣемъ четыре извѣстія болѣе подробныя, не считая краткихъ упоминаній въ другихъ источникахъ. Первое извѣстіе сообщаетъ намъ Архангелогородская лѣтопись, гдѣ сказано: «лѣта 7007 князь Великій послалъ рать во Югру лыжную: Устюжанъ, да Вычаганъ, Вымичъ, Сысоланъ, Двинянъ, Пиняжанъ; а воеводы были съ ними князь Семенъ Федоровичъ Курбскій, да князь Петръ Ушатоу, да Василій Бражникъ Ивановъ сынъ Гаурилова. Они же ходише на лыжахъ пѣши зиму всю, да Югорскую землю всю повоевали, и въ полонъ ввели» ⁽¹¹⁷⁾. Потомъ Герберштейнъ, въ своей хорографіи Московскихъ владѣній, приводитъ свидѣтельство объ этомъ же походѣ самого князя Семена Федоровича Курбскаго, котораго онъ засталъ еще въ живыхъ въ быт-

⁽¹¹⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 160—161. ⁽¹¹⁵⁾ Арханг. лѣт., стр. 165—167. ⁽¹¹⁶⁾ Ник. VI, стр. 124. ⁽¹¹⁷⁾ Арханг. лѣт., стр. 147.

ность свою въ Москвѣ. Онъ рассказывалъ ему, что Государь однажды послалъ его вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Ушатымъ узнать хорошенько сторону, лежащую по ту и по сю сторону горъ, называющихся Каменнымъ Полсомъ, и покорить живущіе тамъ народцы, и что они въ продолженіе семнадцати дней переходили сія горы и не могли взойти на вершину, которая называется Столпъ ⁽¹¹⁸⁾. Далѣе, до насъ дошло подлинное разрядное росписаніе о снаряженіи сеѣ экспедиціи, въ которомъ сказано: «лѣта 7007 посылалъ князь великій въ Югорскую землю и на Гогулчи воеводъ князя Семена Федоровича Курбскаго, да князя Петра Ушатаго, да Василья Иванова сына Гаврилова. А со княземъ Семеномъ дѣтей боярскихъ Цыгора да Володю Сугорскихъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина, да Леву Иванова сына Алексѣева, да Петрушу Конова; а Устюжанъ съ ними 1304 ч. а Вязминъ и Вятчанъ (Вымянъ и Вычегжанъ) ⁽¹¹⁹⁾ 500 ч. Со княземъ Петромъ Ушатымъ дѣти боярскіе Вологжане Микита Тимофѣевъ сынъ Мотафтинъ, да Микита Кушниковъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Гаврила Сафорова да Ивашка Синксина Бобровникова, да Ивашка Юшова; а Вятчанъ съ ними и Важинъ и Пенянъ 2000 безъ 80 человекъ. А съ Васильемъ съ Ивановымъ сыномъ Гаврилова дѣти боярскіе Вологжана: Осипъ Савельевъ, да Федка Неправдинъ, да Вятчане, которые живутъ въ Московской землѣ, Якушко Татаринновъ да Гришка Татаринновъ; а Вятчанъ съ ними 200 ч., Руси 100 ч., Ярянъ (Арянъ) ⁽¹²⁰⁾ и Татаръ и Осетяковъ вѣролатно Остяковъ). И всѣхъ съ воеводами людей со княземъ Семеномъ Федоровичемъ Курбскимъ съ товарищи 4024 человекъ» ⁽¹²¹⁾. Наконецъ въ нѣкоторыхъ разрядныхъ книгахъ упомянуто и самое донесеніе о походѣ. Вотъ оно: «лѣта 7009 повелѣніемъ государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи хоженіе воеводъ князя Петра Федоровича Ушатаго, да князя Семена Федоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго Бражника въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогу-

(118) *Regum Moscovit. auctores varjii* anno M.D.C. стр. 61—62. (119) Разряд. Кн. Архива Иностранн. Дѣлъ № 131 . . стр. 16—17. (120) Разряд. Императ. Академ. Наукъ № 44. (121) Разряд. Арх. Иностранн. Дѣлъ № 129.

лпчя. Послалъ князь Ведикій Петра Фодоровича, да подалъ смудѣтей боярскихъ . . Вологжанъ, а пошли до Пиноковского (Пенежскаго) ⁽¹²²⁾ волоку рѣками 2000 верстѣ, да тутъ ся сождали съ Двинны да съ Важены; пошелъ съ Ильина дни (Колою) Колою рѣкою 150 верстѣ. Съ Оленія броду на многія рѣки ходятъ, и пришли въ Печеру рѣку до Устащу града; тутъ воеводы саждались князь Петръ со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васплемъ Ивановичемъ Гаврплова. Да тутъ остановились и городъ зарубили. Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на введеніе Пречистыя Богородицы. Отъ Печеры шли воеводы до Камени (Каменнаго поеса, какъ тогда назывались Уральскія горы) двѣ недѣли; и тутъ развелись воеводы князь Петръ да князь Семень, камень щелью; а камени въ оболокахъ невидать, коли вѣтрено ино оболока раздираетъ, а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на камени 50 человекъ Самоѣды, а взяли 200 оленей. А отъ камени недѣлю, до перваго городка Ляпина. А всѣхъ по камень верстѣ шли 4650 верстѣ. Изъ Ляпина встрѣтили Додоряня (Обдоряне можетъ-быть) на оленехъ, а рать на сабакахъ. Ляпинъ взяли и поимали 33 городы, да взяли 1009 человекъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ; и пришли къ Москвѣ на великъ день къ Государю, всѣ далъ Богъ здорово» ⁽¹²³⁾. Судя по предложеннымъ здѣсь описаніямъ, настоящій походъ былъ направленъ сперва на Печору, потомъ отъ Печоры на Камень или Каменный Поесъ въ той его части, гдѣ живутъ Самоѣды, и съ Камени на городокъ Ляпинъ, принадлежащій Обдорянамъ; это главные пункты похода. Вотъ и другіе пункты, болѣе частныя, но необходимыя для объясненія главныхъ. По разрядному расписанію, какъ мы видѣли въ походѣ, должны были участвовать Вятчане, которые живутъ въ Московскои землѣ; а по лѣтописи намъ извѣстно, что въ Московскои землѣ Вятчане были поселены въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ ⁽¹²⁴⁾. Слѣдовательно, походъ долженъ былъ начаться изъ Москвы, гдѣ получили назначеніе и сами воеводы; съ Москвы одинъ отрядъ пошелъ съ Ушатымъ Сухоною въ Сѣверную Двину, потомъ Двиною въ Пинегу, съ Пинеги во-

⁽¹²²⁾ Разряд. Акад. № 43. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, листы 23—24. ⁽¹²⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 168.

локомъ въ Колу (нынѣшній Кулой); прошедши по этой рѣкѣ 150 верстъ, онъ отъ Оленьяго броду (можетъ, черезъ Мезень) многими рѣками достигъ Печоры, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Цальма, ибо здѣсь съ Мезени почти прямой путь Пезою, Пескою, Чиркою и Цыльмой до Печеры. Другой отрядъ съ Курбскимъ шелъ на Устюгъ, гдѣ принялъ Устюжанъ, далѣе поднялся вверхъ по Вычегдѣ и, принявъ по дорогѣ Выманъ, Сысолянъ и Вычегжанъ, черезъ небольшой волокъ въ Мылву, по Мылвѣ спустился въ Печору. Третій отрядъ съ Заболоцкимъ шелъ сперва Волгою на Каму, гдѣ взялъ, по росписанію, Татаръ Казанскихъ и Арянъ, потомъ Камюю поднялся до Колвы и изъ Колвы волокомъ спустился въ Печору, по которой шелъ до устья Усы, гдѣ начинались жилища Остяковъ, которыхъ Заболоцкій, по росписанію, долженъ былъ принять въ свой отрядъ. Такимъ образомъ всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Уса, при устьѣ которой они и зарубили себѣ городокъ Усташъ. Но такъ какъ время было уже зимнее, т. е. какъ сказано въ донесеніи 21 Ноября, слѣдовательно рѣки уже покрылись льдомъ: то соединенные отряды, оставя суда, пошли къ Каменному поясу на лыжахъ, и шли до горъ двѣ недѣли, очевидно по направленію къ верховьямъ Усы, и въ продолженіе 17 дней, какъ говорилъ Курбскій Герберштейну, перешли Каменный поясъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаютъ изъ горъ рѣки Уса, Кара и Собь; ибо воеводы въ донесеніи пишутъ, что при переходѣ черезъ горы они бились съ Самоѣдами; а по свидѣтельству Книга Большаго Чертежа кочевая Самоѣдь жила именно при верховьяхъ Усы, Кары и Соби и вплоть до устья Оби ⁽¹²⁴⁾. Но направленію похода въ сію сторону сильно противорѣчитъ положеніе нынѣшняго мѣстечка Ляпина; воеводы пишутъ, что по переходѣ черезъ Камень, они недѣлю шли до перваго городка Ляпина; нынѣшній же Ляпинъ, находящійся на правомъ берегу Сысвы, заданъ слишкомъ далеко на югъ, чтобы отъ верховьевъ Соби можно было добраться до него въ недѣлю. Слѣдовательно, придерживаясь нынѣшняго Ляпина, переходъ черезъ Каменный поясъ должно предположить гораздо южнѣе, и никакъ не сѣвернѣе верховьевъ рѣчки Щугу-

(124) Кн. Бол. Черт., изд. 1846 г., стр. 189.

ра, откуда, перенравясь черезъ горы, именно въ недѣлю можно дойти до Ляпина, но здѣсь въ горахъ Русскіе встрѣтили бы Остяковъ, а не Самоѣдовъ. Притомъ сами воеводы пишутъ, что изъ Ляпина вышла къ нимъ на встрѣчу Обдоряне на оленяхъ, а нынѣшній Ляпинъ, по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа, принадлежалъ Югрѣ, а не Обдорянамъ ⁽¹²⁶⁾; Обдоряне же, какъ называется та же книга, жили при устьяхъ Оби ⁽¹²⁷⁾; слѣдовательно былъ еще другой Ляпинъ Обдорскій, гдѣ нибудь по теченію Соби, и къ нему-то подошли Русскіе по переходѣ черезъ Камень. Посему мы и не имѣемъ права отодвигать мѣсто перехода черезъ Камень на югъ отъ верховьевъ Усы, только потому, что Русскіе подошли къ Ляпину; здѣсь очевидно говорится о Ляпинѣ Обдорскомъ, а не Югорскомъ. Если это такъ, то настоящій походъ былъ направленъ къ устьямъ Оби и къ полуострову, образуемому Карскимъ моремъ и Обскою губою; слѣдовательно завоеванія и разузнаваніе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской, или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, то есть въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ завоевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода. Туда, какъ мы уже видѣли, въ 1483 году Государь посылалъ князя Федора Курбскаго и Ивана Травина, которые проникли до Иртыша и Иртышемъ вошли въ Обь.

Походъ на лыжную Югру, или страну Самоѣдъ и Обдорянь, былъ послѣдній въ этомъ краю при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III; имъ заключились завоеванія Москвитянъ въ земляхъ, принадлежавшихъ прежде Новгороду. Но присоединеніе Новгорода къ Московскимъ владѣніямъ поставило Москву въ ближайшія и непосредственныя сношенія съ западными сосѣдями Новгородскими, съ Ливонцами и Шведами; вызвало Московскаго Государя къ новымъ войнамъ на западъ, которыя естественно повела Москвитянъ къ ближайшему знакомству съ тамошнимъ краемъ и сообщили имъ много новыхъ географическихъ свѣдѣній, о которыхъ теперь и слѣдуетъ говорить, чтобы окончить обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь за XV столѣтіе.

⁽¹²⁶⁾ Кн. Бод. Черт., стр. 207. ⁽¹²⁷⁾ Тамъ же, стр. 203.

Въ войнахъ Іоанна съ Ливонскимъ орденомъ, по дѣламъ Пскова и Новгорода, Москвичи исходили всю Ливонію до Ревеля и Риги, слѣдовательно распространили свои географическія свѣдѣнія до Рижскаго залива. На здѣсь Москвичи не слѣдали никакихъ новыхъ пріобрѣтеній; они только опустошали землю, а не останавливались въ ней, даже торговля въ этомъ краѣ производилась Псковитянами и Новгородцами, а не Москвичами. Слѣдовательно, свѣдѣнія о краѣ, пріобрѣтаемыя въ сихъ войнахъ, пока оставались просто только свѣдѣніями, годными на будущее время, но безъ ближайшихъ видовъ пользоваться ими.

Совсѣмъ другое значеніе имѣли войны Іоанна съ Шведами. Здѣсь Москвичи старались утвердить и распространить свои владѣнія и въ нѣкоторой степени успѣли въ этомъ; причемъ проникли въ такой край, который еще не былъ знакомъ Русскимъ въ прежнее время. Іоаннъ, по своему обыкновенію, началъ войну съ двухъ сторонъ: одна рать его двинулась изъ Новгорода и опустошила Финляндію, или, какъ тогда называли, Гамскую землю; другая же рать, состоявшая изъ Двинянъ и Устюжанъ, подъ предводительствомъ князей Ивана Ляпуна и Петра Ушатыхъ, отправилась изъ Двины моремъ Океаномъ и, обогнувъ Мурманскій носъ ⁽¹²⁸⁾ рѣкою Полною, вступила въ землю Калевской Чуди, лежащую прямо за Лапландію и принадлежащую Шведамъ, какъ это объяснено у Герберштейна въ его разсказѣ о путешествіи Русскихъ пословъ по Ледовитому морю ⁽¹²⁹⁾. Здѣсь Русская рать прошла и поевовала девять рѣкъ, которыя по лѣтописямъ называются: Кемь, Торва, Колоконъ, Олууй (или Авлууй), Сяговая (или Сягодая), Сяѣзна, Гавка (или Головка), Путаши и Лвинга съ Полной. Присемъ жители Лвинги признали власть Московскаго Государя и отправили отъ себя посольство въ Москву ⁽¹³⁰⁾. Такимъ образомъ Московскіе воеводы въ этотъ походъ прошли далеко за предѣлы походовъ Новгородскихъ, окачивавшихся Лапландію, гдѣ была Новгородская область Тре. Мы въ настоящее время не можемъ указать всѣхъ десяти рѣкъ, поименованныхъ въ лѣтописи; но уже указаніе

⁽¹²⁸⁾ Арханг. лѣт., стр. 172—173. ⁽¹²⁹⁾ *Mer. Moscovit. auctor. varij. Francofort. anno M.D.C.*, стр. 87. ⁽¹³⁰⁾ *Ник.* VI, стр. 146.

Герберштейна, что Каанская земля лежитъ на западъ отъ Лапландіи, ясно говоритъ, въ какой сторонѣ должно искать упомянутыя рѣки. Точно, мы паходимъ между рѣками, впадающими въ сѣверовосточный уголъ Ботническаго залива, Кемь, Торнео, Лиминга, которыя названіями своими совершенно сходны съ упоминаемыми въ лѣтописи: Тарна, Кемь и Лиминго. Слѣдовательно, Русскіе въ настоящій походъ проникли почти до сѣверовосточнаго угла Ботническаго залива, гдѣ они еще никогда до того времени не бывали, и не только прошли этотъ незнакомый до селѣ край, но и успѣли присоединить часть его по рѣкѣ Лимингѣ къ Московскимъ владѣніямъ.

Сдѣлавъ обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь, приобретенныхъ распространеніемъ границъ Московскаго государства, а также путешествіями и посольствами въ чужія земли во 2-й половинѣ XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ указать на тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ тогдашнихъ памятниконъ о статистическомъ состояніи Московскихъ владѣній того времени. По сему предмету мы имѣемъ два важныхъ памятника: духовное завѣщаніе вел. кн. Ивана Васильевича, и переписныя Новгородскія книги нѣкоторыхъ уѣздовъ. Памятника сія имѣютъ различное значеніе: духовное завѣщаніе важно потому, что объѣмлетъ всѣ тогдашнія Московскія владѣнія, но статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя симъ памятникомъ, очень поверхностны и состоятъ только въ перечисленіи городовъ и волостей, и въ нѣкоторыхъ указаніяхъ на тогдашнее раздѣленіе Московскихъ владѣній въ правительственномъ отношеніи; напротивъ того, переписныя Новгородскія книги ограничиваются только нѣкоторыми Новгородскими уѣздами, но за то сія немногіе уѣзды описаны съ такими статистическими подробностями, что мы ясно можемъ видѣть состояніе описаннаго края, его народонаселеніе и средства жителей, а также получаемые правительствомъ доходы.

Въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ около 1504 года, великій князь Иванъ Васильевичъ отказываетъ своему старшему сыну Василью: 1) городъ Москву со всѣми волостями и селы Московскими и съ Радонежемъ, также съ волостями и съ селы; 2) Коломну съ волостями и съ селы; 3) Коширу съ зарѣчьемъ (что за рѣкою Окою), Тешиловъ, Веневъ, Мстиславль и Рославль и нынѣ мѣста по Рязанской рубежъ, и съ Ельцомъ и со всѣми

Елецкими мѣсты. Слѣдовательно, въ правительственномъ или административномъ отношеніи область Кошира тогда простиралась отъ Оки до низовьевъ Сосны и заключала въ себѣ, кромѣ Коширы, еще пять городовъ по западной границѣ Рязанскихъ владѣній. 4) Серпуховъ и Хотунъ съ волостями и селы; 5) Торусу съ Городцомъ, и съ Исканью, и съ Мышегою, и съ Колодною; 6) Мценскъ со всѣмъ, что къ нему потягло; 7) Ворытнеськъ со всѣмъ тѣмъ, какъ былъ за Ворытнскими князьями, и съ Мещевскимъ и съ Олексинымъ. Здѣсь мы опять видимъ соединеніе нѣсколькихъ городовъ въ одну область въ административномъ отношеніи. 8) Городъ Боровскъ съ волостями; 9) городъ Ярославецъ; 10) городъ Медынь съ Вешками по Угру и на Исаѣ слобода по Угружъ, и съ Песочною и съ другими слободами; 11) Можаяскъ съ волостями даже за Угру; 12) Вязму и Козловъ со всѣми Вяземскими мѣстами; 13) Дорогобужъ. Причемъ исчислены 32 волости Дорогобужскія: Погорѣлая, Нѣгомле, Хотомичи, Холмъ, Батано, Простъ, селцо Заопье, Волоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редьинъ, по рѣцѣ по Ужѣ, устье; Коскове, Рехты, Хомичи, Вышково, Васлево, Ескино село Климова, слободка Владычня въ Чертковѣ, селцо Путятно съ деревнями, Игумново, Мстаславецъ, Ощытовъ, Жулинъ, Мошкова гора, Лучипъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылея и Ужица, Ведрошь и Озерца, Сверковы луки. Эти города и волости Московскаго князя на югъ и югозападъ отъ Москвы. Потомъ слѣдуютъ въ томъ же завѣщаніи города на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ Москвы въ такомъ порядкѣ: 1) Переяславль съ волостями; 2) Владиміръ съ волостями; 3) Юрьевъ съ волостями и съ Великою Солью; 4) Суздаля съ волостями да Солца малая, обѣ половины; 5) Ростовъ съ волостями; 6) Ярославль съ волостями и съ Ухрою да Инопажъ съ селцомъ и съ езомъ, что на Волгѣ подъ Рыбною слободою; 7) устье Шоксны по обѣ стороны погосты съ деревнями; 8) волости Заволжскія по обѣ стороны Шоксны. Слѣдовательно, были области, и безъ городовъ составлявшія одно административное цѣлое. 9) Бѣлоозеро съ волостями; 10) Вологда съ волостями; 11) Заозерье съ Кубеною и съ волостями; 12) Устюгъ съ волостями и къ нему Вычегда, Вынь, Удара и Сысола; 13) Заволоцкая земля, въ которой исчисляется 6 волостей: Ростовщина, Пинега съ Кегролюю и Чаколою, Прымскіе, Мезень Невъ-

юга, Пильи горы, Пшешка, Вяя, Тойма, Кирьи горы, Емьская гора на Вагъ и при ней Онтонова перевара, Корбольской островъ, Шогогора, Кърчела, Сура поганая, и Лавела. 14) Югра съ Печерою; 15) Пермь Великая.—Описавши кругъ сѣверныхъ владѣній, завѣщаніе начинаетъ перечислять города по Волгѣ и ея притокамъ внизъ отъ Ярославля. Здѣсь первый городъ является Кострома, потомъ Галичъ съ Унжею и Чухломою; далѣе Нижній-Новгородъ съ тамошнею Черемисою и Мордвою; Муромъ съ Муромскою Мордвою и Черемисою; Мещера съ тамошними Мордовскими князьями и городомъ Кошковымъ, и наконецъ вся Вятская земля и Арскія владѣнія, составлявшія съ Вяткою одно административное цѣлое. Вятскою землею оканчиваются владѣнія, имѣвшія главнымъ центромъ управленія Москву. Засимъ завѣщаніе исчисляетъ владѣнія Тверскія и Новгородскія, хотя уже присоединенныя къ Москвѣ и вполнѣ подвластныя Московскому Государю, но еще имѣвшія своя мѣстные центры администраціи, Тверь и Новгородъ. Изъ Тверскихъ земель собственно Тверь, Городецъ и Клинь со всѣми волостями, какія значатся по Писцовымъ Книгамъ за которымъ городомъ, Государь назначилъ старшему сыну Василю; Кашанъ и Рузу другому сыну Юрію; Зубцовъ, Опоки и Ржеву третьему сыну Дмитрію; Старицу, Холмъ и Новый городокъ меньшему сыну Андрею. Изъ Новгородскихъ владѣній въ завѣщаніи старшему сыну назначены: 1) Новгородъ Великій со всѣми пятью пятнами и принадлежащія по управленію сюда же города: Иванъ-городъ, Яма-городъ, Копорье-городъ, Орѣшокъ-городъ, Ладога-городъ, Дѣманъ-городъ, Куръ-городъ, Порховъ-городъ, Высокій-городъ, Кошкинъ-городъ, и Руса-городъ; 2) Торжекъ со всѣми волостями и пошлянами; 3) городъ Холмъ и при немъ Велимо, Буецъ и Лоностицы, составлявшіе одно управленіе; 4) Луки Великіе съ волостями, а къ нимъ же еще волости: Пудовичи, Вязъ, Часпля, Коротай, Дубно и Комша; 5) Ржева пустая со всѣми волостями; 6) Корельская земля съ Корельскимъ городомъ и съ Долью лѣшею и дикою; 7) Заволочье, къ которому причислялись Онѣга, Каргополь, все Поонежье, Двина, Вага, Коштенга, Ведскій погостъ, Колмогоры и вся Двинская и Заволоцкая земля. Изъ Псковскихъ владѣній Псковъ съ городами, волостями и со всею Псковскою землею, безъ раздѣла весь назначенъ старшему сыну. Кромѣ того ему же назначены Торопецъ

да городъ Острее, составившіе съ своими волостями два отдѣльных управленія; и наконецъ въ Рязанской землѣ Старая Рязань и Черевитескъ. Прочимъ сыновьямъ великаго князя, кромѣ уже показанныхъ Тверскихъ городовъ, назначены въ удѣлы города съ ихъ волостями: второму сыну Юрію: Дмитровъ, Звенигородъ, Брянскъ и Серпейскъ; третьему сыну Дмитрію: Угличе поле съ Устюжною, Рожаловымъ, Велетовымъ и Кистьюмою, составившіе одно управленіе, Молога, городъ Хлепень съ Рогачевымъ и Негомиренъ и съ ихъ волостями, Месческъ съ волостями и Опаковъ съ волостями по Угрю; четвертому сыну Семену: Бѣжецкій Верхъ, Колуга и Козельскъ съ ихъ волостями; пятому сыну Андрею: городъ Верей съ волостями, Вышгородъ съ волостями, Олексинъ съ волостями и Любутескъ съ Вепринымъ ⁽¹³¹⁾. Такимъ образомъ изъ духовнаго завѣщанія великаго князя Ивана Васильевича мы узнаемъ всѣ земли и владѣнія, составившія Московское Государство въ послѣдніе годы XV столѣтія, и даже видимъ ихъ раздѣленіе въ административномъ отношеніи.

Новгородскія переписныя книги, составленныя въ 1500 и 1501 годахъ, дошли до насъ не всѣ, и въ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мы находимъ описаніе только уѣздовъ Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго, начинающагося 885 листомъ.

Описаніе Ладожскаго уѣзда начинается такъ: «въ Ладожскомъ уѣздѣ погостъ Городенской, а въ немъ великаго князя волости и деревни оброчныя; а въ Ладозѣ помѣстей не давати, окрѣчь Михайловскаго погоста на Волховѣ до Никольскаго погоста (что за Волховымъ) того дѣля, что на оброчные обжи положенъ намѣстничъ кормъ. — Деревни Федоровскія Телятева: деревни Погорелцы: Федка да Кузка Михалева, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу шло: боранъ, патоку льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику четвертка ржи, четвертка овса, лоната боранья, сыръ, овчина, горсть льну. Деревни Дуброва: Оока Ивашковъ, Оутушко Ивашковъ, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу

(131) Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. I, № 144.

шло: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боровья, овчина, горсть льну. Деревня Наволокъ: Максимко Якушовъ, дѣти его Ивашко да Тараско, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, двѣ обжи; а старого доходу: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боранья, овчина, горсть льну. И по старому писмю три деревни а дворовъ въ нихъ пять, а людей въ нихъ шесть человекъ, а обежъ пять, двѣ сохи безъ трети; а старого доходу шло: три борона, три пятки льну, а изъ хлѣба треть, а ключники пошлныи четвертка ржи, четвертка овса, три лопатки боранья, три овчины, три горсти льну, сыръ; и за тотъ доходъ и за хлѣбъ давали оброку полтву. А по новому писмю три деревни; а въ нихъ четыре дворы, а людей въ нихъ семь человекъ, а обежъ шесть, а сохи двѣ, а въ сохѣ по три обжи. А нового оброку на нихъ положено пять гривенъ, а хлѣба положено поспомъ пять коробей ржи, пять коробей овса; а въ которомъ году не взяли оброку хлѣбнаго хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено денгами, за коробью ржи десять денегъ, за коробью овса пять денегъ, и того за хлѣбъ денгами пять гривенъ и пять денегъ, и всего оброку положено денгами и за хлѣбъ десять гривенъ и пять денегъ, опричь обежные дани. А намѣстнича корму намѣстника Ладожскаго и съ тивуномъ и съ доводчикомъ кормъ съ полутретьяцати обежъ, и всего корму въ весь годъ на три праздника со шти обежъ гривна 12 денегъ. И при старомъ убыло дворъ, а прибыло человекъ, обжа, треть сохи, а оброку прибыло двѣ гривны девять денегъ. — Деревня Конецъ у Ладоги на посадѣ, Яковлевская Губина сына Селезнева: Максимко Ивановъ сынъ Поповъ Стребыховъ, сѣетъ ржи осмь коробей, а сѣна коситъ на Ладожницѣ 20 копенъ, да на Лазаревской пожнѣ коситъ сѣна 30 копенъ, что въ жару; двѣ обжи, соха безъ трети. А старого доходу нешло; пахаль Яковлевской ключникъ, а оброка давали съ тое деревни три гривны; а нового оброку положено на ту деревню денгами полтина, опричь обежные дани; а намѣстнича корму съ тое деревни, кормъ съ полутретьяцати обежъ, и того съ дву обежъ корму намѣстнику и съ тивуномъ и съ доводчикомъ въ весь годъ на три праздника девять денегъ безъ четвертци; и при старомъ убылъ человекъ, а прибыло оброку четыре гривны и десять денегъ».

Далѣе такимъ же образомъ описаны и другія деревни погоста, всего числомъ 143 деревни; онѣ были расположены по Ладожско-

му озеру и между рѣками Волховомъ, Ладжицею, Вельцей, Черной, Кабанай и Влоей; въ деревняхъ сихъ податныхъ людей мужскаго пола жило 381 человекъ, изъ нихъ 52 человекъ рыбныхъ ловцовъ и другихъ непашенныхъ людей; во всемъ погостѣ считалось: 805½ коробей (т. е. десятинъ) земли подъ пашнями, 5740 копенъ сѣнокосу, 23 тони рыбныхъ ловель; дохода въ казну получалось: 31 рубль 8 гривенъ и 11 денегъ Новгородскихъ, т. е. около 16 фунтовъ серебра, кромѣ обожной дани, которая не опредѣлена, и разныхъ мелкихъ поборовъ, которые положены натурою, а не деньгами.

Потомъ слѣдуетъ таковое же описаніе Ильинскаго погоста; въ немъ 27 деревень по рѣкамъ Волхову и Заклюкъ; въ нихъ 62 человекъ податныхъ людей, изъ коихъ 3 человекъ непашенныхъ; земли: подъ пашнею 159 коробей, сѣнокосу 975 копенъ; доходу въ казну деньгами 2 рубля 5 гривенъ 10% денегъ Новгородскихъ, кромѣ обожной дани и разныхъ мелкихъ поборовъ натурою.

Погостъ Оелоровскій - Песоцкій, въ которомъ 44 деревни по Ладогѣ и рѣкамъ Песоцкой и Кипуѣ; въ нихъ 112 человекъ податныхъ людей, изъ коихъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнею 308 коробей, подъ сѣнокосами 2275 копенъ; дохода въ казну деньгами 8 руб. 8 гривенъ 9% денегъ Новгородскихъ, кромѣ мелкихъ доходовъ натурою.

Погостъ Егорьевскій-Теребожскій заключалъ въ себѣ 129 деревень, расположенныхъ по рѣкамъ и ручьямъ Сибель, Кобонкѣ, Пелцель, Птишковѣ, Лавуѣ, Коксаря, Душетъѣ, Гваря, Войпогалѣ, Красковѣ, Яربولѣ, Сарѣ, Кобани и Теребожкѣ; людей въ нихъ было 300 человекъ; земли подъ пашнями 802½ коробы, подъ сѣнокосами 5152½ копны, казеннаго дохода 14 руб. 12 гривенъ и 11% денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ въ Лопцѣ; въ немъ 14 деревень, расположенныхъ по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Сосарѣ, Лиднѣ и Лавуѣ; людей въ нихъ 42 человекъ, изъ которыхъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнями 66 коробей, подъ сѣнокосомъ 640 копенъ; дохода въ казну 3 руб. 7 гривенъ и 9 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Потомъ слѣдуютъ погосты, которые нестаря причисля-

лись къ Новгородскому уѣзду, а съ 1501 года перечислены къ городу Ладогѣ. Погосты сіа были: Михайловскій на порогѣ и Никольскій съ городища; въ нихъ, кромѣ дворцовыхъ вѣлостей, писанныхъ въ дворцовыхъ книгахъ, состояло:

Въ Михайловскомъ погостѣ 55 деревень, расположенныхъ по рѣкамъ Сеглиницѣ, Волхову, Влоѣ и Чажечнѣ; людей въ нихъ 250 человекъ, изъ которыхъ шесть человекъ не на пашнѣ; земли подъ пашнями 500 коробей, водъ сѣнокосомъ 3410 копенъ, дохода въ казну 31 руб. 6 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Въ Никольскомъ погостѣ съ городища 8 деревень около Волхова; людей въ нихъ 30 человекъ; земли подъ пашнями 51 коробей, подъ сѣнокосомъ 410 поженъ; доходу въ казну 2 руб. 10 гривенъ и 13 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Орѣховскій уѣздъ начинается слѣдующимъ описаніемъ города Орѣшка: «Въ Вотцкой пятинѣ городъ Орѣшекъ.

А се двory на посадѣ лучшихъ людей своеземцовъ, а живутъ сами. На Корельской сторонѣ (дв): Левка Васильевъ, дѣти его Прокошъ да Нестерикъ (д), Васька Пятута (д), Бориско Оминъ сынъ Юрьева, (всего 12 дворовъ). На Лопьской сторонѣ (д), Васько Кламовъ; а городскихъ людей лучшихъ на Корельской сторонѣ (д): Иванко Кузминъ (д), Оомка Петровъ, (всего семь дворовъ). А на Лопьской сторонѣ (всего 5 дворовъ); а молодыхъ людей городчанъ, на Корельской сторонѣ (д) Ивашко Васильевъ (д), Васко да Семешко Ескины (всего 45 дворовъ). А на Лопьской сторонѣ 72 двора. А на Никольскомъ острову два двора. А внутри города пять дворовъ. А по новому числу дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ, своеземцевыхъ, и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ тяглыхъ сто и тридцать и девять дворовъ; а людей въ нихъ своеземцовъ и городчанъ сто и восемьдесятъ и девять человекъ тяглыхъ. А великаго князя оброку положено на нихъ вошь рублевъ, денегъ.

А се на посадѣ жъ и внутри города двory своеземцовы, а въ нихъ живутъ дворники. Внутри города (д) Ивашка да Никифорина Соткуевыхъ, а въ немъ дворникъ Левко Сысоевъ. (д) Якона Панкратова съ братьею, а въ немъ дворникъ Митька Домантовъ. Всего внутри города семь дворовъ, а на посадѣ десять

дворявъ. И всѣхъ дворовъ своеземцовыхъ 17, а дворянковъ въ нихъ восемнадцать человекъ; а дворники съ горожаны тянутъ.

А се на Лешьской же сторожѣ на посадѣ жъ великаго князя поземщани, Тимоѣевскіе Грузова: (а) Ермакъ Максимовъ, (а) Миватка Палинъ; а великаго князя оброку давали одиннадцать денегъ безъ четвертцы; а нивѣ приданы городчаномъ въ тотъ же оброкъ въ восемь рублевъ.

А се въ Орешкѣ жъ внутри города и на посадѣ, дворы нетяглю, а въ нихъ живутъ попы и дяки и сторожи церковные, и великаго князя холопы, пищальники и воротники. Внутри города (а) попъ Спасской Александро, (а) діакъ Спасской Палка Кузминъ; на посадѣ, на Корельской сторонѣ: (а) попъ Микула Ивановской; а на острову (а) діакъ Никольской Ивашко; а на Лопьской сторонѣ (а): попъ Мартынъ Рождества Пречистые (а), діакъ Пречистые Ковдратко Спировъ (а), сторожъ Пречистые Омоса. А се пищальники внутри города—три двора, на посадѣ на Корельской сторонѣ—три же двора. А се воротники внутри города, три же двора.

А пустыхъ дворовъ внутри города и на посадѣ: дворъ намястничъ, дворъ Андрея Федоровича (всего 12 дворовъ). А пустыхъ мѣстъ: внутри города: мѣсто Якима Оумина, мѣсто Васюка Патуты. А на посадѣ на Корельской сторонѣ мѣсто дано помѣщику Ивану Теркову съ дѣтми, подлѣ Ленка Васильева.

Послѣ описанія города по прежнему слѣдуетъ описаніе погостовъ, въ такомъ порядкѣ другъ за другомъ:

Погостъ Спасскій-Городенскій; въ немъ 91 деревня, изъ нихъ 39 деревень расположены по рѣкѣ Невѣ, и одна на Оуминѣ островѣ при устьѣ Невы въ море; прочія по рѣкамъ Охтѣ, Мойкѣ, Святой, Черной, Березовцу, Морьн, Мьн, Онтошевѣ, Тосной, Сонзорницѣ, Варимствѣ и Ладожскому озеру. На Оуминѣ островѣ, въ устьѣ Невы, находившееся село состояло: изъ 33 дворовъ напашенныхъ крестьянъ, да четыре двора непашенныхъ крестьянъ, да дворъ тиуна, который ставятъ воюю волюстью Городенскаго и Корбоселскаго погостевъ. Крестьяне Оуминскаго села съдали ржи 60 вербовъ, сѣна носили 300 кодевъ; кромѣ того у нихъ было: полпята наслѣга, и на два наслѣга льготы на три года до 1500 года. Крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 334 человекъ; земли подлѣ пащнами 571 коробей, подлѣ обывакосами 4245.

копейки, въ казну дохода 20 руб. 5 гривенъ и 11½ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погость Ивановскій-Куйвошскій, въ немъ 260 деревень, изъ нихъ 25 лежатъ по озеру Лембагалу и одна на Нѣмецкомъ рубежѣ, а остальные расположены у озеръ Ладожскаго, Синоможа, Рейкала, Перечина, Громбальскаго и Сальскаго, да по рѣкамъ Влезѣ, Куйвошѣ, Коркомѣ, Войногалу, Салѣ, Мустемо, Клеголѣ и Красной, крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 528 человекъ, земли подъ пашнями 1419 коробей, подъ сѣнокосами 7994 копы; въ казну дохода 39 рублей 13 гривенъ и 4½ деньги Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погость Воздвиженскій-Корбельскій, въ немъ 180 деревень; изъ нихъ одна волость, состоящая изъ 11 деревень, расположена на Матеромъ острову въ Коринѣ Носу, и на Лисинѣ острову на морѣ и на Кавгалѣ на Нѣмецкомъ рубежѣ; кромѣ того на Кавгалѣ расположены еще 9 деревень изъ другихъ волостей да на морѣ еще 4 деревни, на Охтѣ 10 деревень, а другія деревни еще расположены на Сестрѣ, на Лестели, на Волкосарѣ, Саркѣ, Рогинѣ, Аввалѣ, Каменкѣ, Мендосарѣ, Сироталѣ, Березовѣ озерѣ и на Глубокомъ озерѣ; крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 434 человекъ, изъ нихъ непашенныхъ крестьянъ 37 человекъ; земли подъ пашнями 1022½ коробей, подъ сѣнокосами 5900 копенъ, въ казну дохода 39 руб. 6 гривенъ 12½ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погость Келтушскій, въ немъ 86 деревень, расположенныя по озеру Тоскову и по рѣкамъ Гимокалу, Лезего и Охтѣ; людей въ нихъ 132 человекъ; земли подъ пашнями 501½ коробья, а подъ сѣнокосами 2525 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревеньшло пять рублей девять денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погость Егорьевскій-Допскій, въ немъ деревень 133. Онѣ расположены по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Лавуѣ, Нози, Покоосткѣ, Шелдахѣ, Вальи и Косткѣ; въ нихъ людей 352 человекъ; земли подъ пашнями 1073 коробья, подъ сѣнокосами 6735 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревень 31 рубль съ полтинами и три гривны съ деньгами Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Кромѣ упомянутыхъ пяти погостовъ къ Орѣховскому уѣзду великихъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ причислены были

старшiе погосты Новгородскаго уѣзда: Веленскiй, Дудоровскiй, Никольскiй-Ижерскiй и Никольскiй-Ярвосоляскiй; изъ нихъ въ Веленскомъ погостѣ 161 деревня, а людей 701 человекъ; въ Никольскомъ-Ижерскомъ погостѣ 361 деревня, а рядокъ, въ которомъ живутъ торгoвые люди, а людей 1199 человекъ, изъ нихъ 20 человекъ торгoвые люди не на пашнѣ; въ Никольскомъ-Ярвосоляскомъ погостѣ 113 деревень и 394 человекъ.

Въ Вотцкой пятинѣ: городъ Корела на рѣкѣ на Узериѣ, въ городѣ Корелѣ на посадѣ всего 222 двора; изъ нихъ 16 дворовъ принадлежали лучшимъ рядовымъ людямъ, 33 двора молодымъ рядовымъ людямъ, 15 дворовъ лучшимъ рыболовамъ, 96 дворовъ молодымъ рыболовамъ, 20 дворовъ молодымъ посадскимъ людямъ безъ промысла, 6 дворовъ принадлежавшихъ своеземцамъ, которые живутъ на городскихъ мѣстахъ на тяглыхъ, 4 двора принадлежавшихъ дѣтямъ боярскимъ Москвитчамъ, 13 дворовъ принадлежавшихъ Корельскимъ своеземцамъ, 6 дворовъ поповскихъ, 13 дворовъ принадлежавшихъ пшальникамъ и воротникамъ. Дворы сiя расположены на Спаскомъ острову за Федоровскою рѣкою, за Узераю рѣкою на Ореховской сторонѣ и въ Иломанскомъ концѣ. Собственно тяглыхъ дворовъ считалось 183, а людей въ нихъ 233 человекъ; а государева оброку на нихъ было положено пол-одиннадцати рубля денегъ; да за худостiю людей въ тотъ же оброкъ приписавъ къ посаду Сванской Волочокъ, купленный Государемъ у Валаамскаго монастыря. Въ Сванскомъ Волочкѣ по описи было 55 дворовъ рядовыхъ людей и рыболововъ, а людей въ нихъ 67 человекъ. Кромѣ того внутри города было два пустыхъ двора, дворъ напѣтичъ и дворъ владыченъ, да 28 дворовыхъ мѣстъ пустыхъ, принадлежавшихъ Корельскимъ своеземцамъ.

Въ Корельскомъ уѣздѣ семь погостовъ: Городенскiй, Михайловскiй-Сокульскiй, Васильевскiй-Ровдужскiй, это—въ передней Корелѣ; а въ задней Корелѣ остальные четыре погоста: Богородицкiй-Кирьяжскiй, Никольскiй-Сердовольскiй, Ильинскiй-Иломанскiй и Воскресенскiй-Соломянскiй. Погосты сiя описаны, какъ и въ прежнихъ уѣздахъ.

Въ Городенскомъ погостѣ 136 деревень, которыя расположены по озерамъ Ильмену, Узериѣ, Гиряѣ, Легажевѣ, Тюраскомъ и Гибалѣ, а по рѣкамъ: Тиврѣ, Ражелѣ, Валгомѣ, Салотѣ,

Каргалъ, Хмелевой и Пергъ; въ нихъ крестьянъ 280 человекъ.

Въ погостъ Михайловскомъ-Сокульскомъ 241 деревня; онѣ расположены по озерамъ: Кимервѣ, Святомъ, Сванскомъ, Петервѣ, Кириноу, Ладожскомъ и Марвѣ, и по рѣкамъ: Вваздѣ, Свани, Каменкѣ, Каргалѣ и Сокулѣ; въ нихъ крестьянъ 458 человекъ.

Въ погостъ Васильевскомъ-Ровдужскомъ 201 деревня; изъ нихъ деревни, принадлежащія къ Прасольской волости, расположены противъ Нѣмецкой волости Нурмарвы, ихъ пять деревень; деревни волости Корбы, также расположены на Нѣмецкомъ рубежѣ противъ Нѣмецкихъ волостей, Лякомы и Вѣлаго озера; ихъ шесть деревень; тутъ текутъ рѣчки Венсеа и Маселга. Также по Нѣмецкому рубежу расположены волости Маселга по рѣкѣ Маселгѣ, и Мегра у Леппикальскаго озера; въ нихъ обѣихъ 16 деревень; прочія деревни расположены по озерамъ: Ладожскому, Сванскому, Попову, Плавкову и Плавному и по рѣкѣ Вегмасу; людей во всѣхъ деревняхъ 396 человекъ.

Въ погостъ Богородицкомъ-Кирияжскомъ восемь переваръ, (такъ здѣсь названы волости); имена ихъ: перевара Кулаская, Петкольская, Кирияжская, Сорольская, Лапплашская и Сошковская, Островская, Кокольская, Очеламская на Кумбѣ озерѣ, перевара Козвелашская у Ладожскаго озера; всего въ переварахъ 149 деревень; онѣ расположены по озерамъ: Ладожскому, Гьерву, Коверу, Святому и Ярву, и по рѣкамъ: Ажелѣ, Рогалѣ, Кирияшѣ, Ярвѣ и по Нѣмецкому рубежу; людей въ сихъ деревняхъ 1057 человекъ. Здѣсь при описаніи вѣтъ раздѣленія земель на пашенныя и сѣвокопныя; но всѣ земли вмѣстѣ названы луками, луки же равнялись обжамъ, т. е. каждая четыремъ корозьямъ пахатной земли.

Въ Никольскомъ-Сердовольскомъ погостѣ, волость Китяга надъ Китяжскимъ озеромъ на Нѣмецкомъ рубежѣ; перевары: Островская и Рекальская, Лахтинская у Завчяго озера и у озеро Кокотарвы и Ускинскомъ, и по рѣкѣ Улягѣ, Арендежская при озерѣ Ладожскомъ, Вагварви и Мувандѣ; Кересюрская, по озеру Ладожскому и рѣкѣ Сумерѣ, Ундоялская, Лягольская, на озерѣ Пууроярвѣ на Нѣмецкомъ рубежѣ, Ваульваская у Ладожскаго озера и Осоская; въ сихъ переварахъ

деревень 244, а крестьянъ 1122 человека. Земли также раздѣлены на луки.

Въ Иломаньской погостѣ четыре перевары: Иломанская у озера Розарвы, Новлашская у озера Новлашки; Чапгольская по озеру Чапголь и рѣкѣ Пелецкой и по озерамъ Пелецкому, Тохмоярѣ и Койдерскому, и Пяльгярвская по Заяцкому озеру и рѣкамъ Калломѣ и Пяльгярвѣ. Во всемъ погостѣ какъ въ переварахъ, такъ и особо отъ переваръ 55 деревень, а людей въ нихъ 335 человекъ; земля считается по лукамъ, на каждую душу по луку; слѣдовательно въ погостѣ 335 луковъ земли, точно такъ же и въ прежнихъ погостахъ, гдѣ земли дѣлились на луки, т. е. сколько душъ въ какомъ погостѣ, столько и луковъ земли.

Погостъ Воскресенскій-Соломянскій, въ немъ деревень 32; онѣ расположены по рѣкамъ Ниѣ, Соломянѣ и Уксеѣ, и по озерамъ Ладожскому и Суярѣ; людей въ нихъ 519 человекъ, изъ нихъ одиннадцать человекъ непашенныхъ рыболововъ, у прочихъ же земля считается луками, безъ различія пахатной отъ сѣнокосной.

Далѣе переписная книга содержитъ подобныя приведеннымъ описанія волостей, бывшихъ прежде дворцовыми и потомъ розданныхъ въ помѣстья, въ уѣздахъ Янскомъ, Коворскомъ и въ Орѣховскомъ. Содержанія описаній здѣсь не представляю, ибо уже и изъ вышеприведеннаго видно довольно ясно, какія статистическія подробности о Новгородской землѣ были извѣстны Московскому правительству въ концѣ XV вѣка. Если же такія подробности шиблись о владѣніяхъ Новгородскихъ, недавно завоеванныхъ, то безъ сомнѣнія правительство въ такихъ же или даже большихъ подробностяхъ знало свои давнишнія владѣнія; но къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одной писцовой или переписной книги Московскаго или другихъ уѣздовъ въ XV столѣтіи. Мы по необходимости должны отложить болѣе отчетливыя указанія о географическихъ и статистическихъ свѣдѣніяхъ на Руси до слѣдующихъ столѣтій, отъ которыхъ до насъ дошло довольно писцовыхъ, переписныхъ, окладныхъ и другихъ названій книгъ по разнымъ уѣздамъ. А такъ какъ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ источники географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Русской землѣ преимущественно состоятъ изъ оффиціальныя памятниковъ старой Московской ад-

министраціи, которые дають советъ иной видъ этому дѣлу, какъ по своимъ размѣрамъ и подробностямъ, такъ и по плану: то посему и настоящій трудъ, по необходимости, должно окончить XV столѣтіемъ.

Д. Ч. О. Н. Д. Бяльскъ.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА И РѢКЪ ЕГО ОБОНЪХЪ СКЛОНОВЪ.

I.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРѢННАГО ВЪ 1847 Г.

Ученая экспедиція, снаряженная съ Высочайшаго соизволенія, Русскимъ Географическимъ Обществомъ, для изслѣдованія сѣвернаго Урала, подъ начальствомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковника Гофмана, имѣла сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ для начала дѣйствій своихъ, городъ Чердынь, Пермской губерніи. Отсюда, сдѣлавъ необходимыя приготовления для путешествія, 30 Мая 1847 года, экспедиція начала свои изслѣдованія двумя отрядами. Гофманъ съ топографомъ Брагинимъ отправились по рѣкамъ западнаго склона Урала: Колвѣ, Вишерѣ, Березовкѣ, Вогулкѣ, озеромъ Чусовымъ и чрезъ Печорскій Волокъ, по р. Волосницѣ до деревни Усть-Волосницы; далѣе по р. Печорѣ до деревни Усть-Уньи; потомъ вверхъ по рѣкамъ: Уньи, Кисуньи, до вершины р. малой Печоры на Уралѣ. Другой отрядъ, на этотъ разъ гораздо многочисленнѣйшій, подъ начальствомъ майора Стражевскаго, въ которомъ находились: астрономъ Ковальскій, естественный Брантъ и я, поднялся по р. Вишерѣ до самыхъ верховьевъ ея, на Уральскій хребетъ, по которому слѣдовалъ потомъ къ сѣверу до вершины р. малой Печоры, гдѣ соединился съ первымъ отрядомъ.

Изъ сего послѣдняго общаго пункта, вся экспедиція, вмѣстѣ, перешла по Уралу до вершины р. Большой Печоры, до 62° сѣ-

верной широты. Здѣсь снова экспедиція раздѣлялась на означенные выше два отряда: Гофманъ отправился по рѣкамъ: Егра-Лафъ, Млычу, Кожину, Подчерѣну и Шугуру, и поднялся по послѣдней опять на Уралъ къ горѣ Телпосъ-каъ, подъ 64° сѣверной широты. Отрядъ же Стражевскаго въ это время продолжалъ свои изслѣдованія постоянно по Уралу къ сѣверу, до означеннаго выше пункта на р. Шугурѣ, гдѣ вторично соединился съ Гофманомъ 29 Августа.

Затруднительное путешествіе по горамъ, не смотря на всѣ старанія ускорить его, было причиною, что мы райбе не достигли этого пункта. Потомъ уже позднее время года и недостатокъ въ провизіи не позволяли всей экспедиціи вмѣстѣ продолжать путь свой даже къ сѣверу, до нарядомъ деревни Оранца на р. Печорѣ, какъ это было предположено. Поэтому астрономъ Ковальскій отправился въ Чердынъ для зимнихъ наблюденій, а экспедиція, подвинувшись нѣсколько къ сѣверу, вновь раздѣлилась. Гофманъ, оставивъ весь багажъ, налегкъ пустился далѣе къ сѣверу по Уралу, сколько позволятъ обстоятельства, не смотря на затрудненія, успѣвъ осмотрѣть полградуса почти сѣвѣйшей дикой части Урала, до горы Квосиъ-веръ. Стрѣмительнѣе и спустились съ Уральскихъ горъ на востокъ, на р. Лампу, а по этой послѣдней и рѣкою Сосвою прибыли въ г. Деревомъ 19 Сентября; куда въ концѣ того же мѣсяца, достигнутый сѣвромъ и холодомъ, посѣпшавъ пребыть и отрядъ Гофмана.

Такимъ образомъ, съ 30 Мая по 19 Сентября, всѣ упомянутые пути экспедиціи по Уралу и рѣкамъ западнаго склона его, на протяженіи отъ 61° до $62\frac{1}{2}$ градуса сѣверной широты, свѣты глазомерно маршрутами (въ масштабѣ 3 версты въ Англійскомъ дюймѣ) въ $\frac{1}{125000}$ противъ настоящей величины. Всего свѣто въ 1847 году 13,850 кв. верстъ, въ 1848 же году, такъ означено выше, свѣто 9,660 кв. верстъ; и того 23,530 кв. верстъ.

Для опредѣленія направленія пути и измѣренія угловъ, преимущественно употреблялась отражательная буСОЛЬ Шпальманъ-дера; кромѣ того, гдѣ экспедиція останавливалась на нѣсколько дней, были употреблены и пензулы малаго устройства.

Разстоянія пути опредѣлялись по времени. При опредѣленіи пропльтаго разстоянія вверхъ по рѣкѣ, брали во вниманіе наибѣннюю степенъ быстроты ея теченія, которая измѣрилась по возможности. Въ опредѣленіи же разстояній пути въ горахъ

затрѣченось болѣе затрудненій. Путешествіе обратную часть совершали прѣшкомъ, потому считали собственныя шаги, которые по замѣченному времени равнялись обыкновенному ходу оленей; ибо проводники съ обозомъ шли тоже прѣшкомъ. Все это испытывалось по снятой предварительно мѣстности, и по вымѣреннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ днямъ; а изъ нѣсколькихъ такихъ наблюденій составлены таблицы для отладыванія линейной мѣры по масштабу.

Неудобный, мѣстами даже трудный, путь чрезъ болота и крутые каменные склоны хребтовъ, въ особенности по каменнымъ, розсыпямъ, покрытымъ лѣсомъ, заставлялъ часто останавливаться, обходить и дѣлать неправильное и непропорціональное движеніе относительно времени. Какъ этажь весьма затруднилось опредѣленіе пройденнаго разстоянія временемъ, то я бралъ во вниманіе всё отаэовка, неудобства и даже степень кругавны скатовъ и записывалъ въ журналъ орднее время, и изъ таблицы соответствующую ему линейную мѣру, направленные уже по соображенію.

Самая съемка подробностей производится обыкновеннымъ порядкомъ по способу глазомѣрной буссольной съемки. Ирипа маршрутовъ и подробность ихъ зависѣли единственно отъ мѣстности, довольно ограниченныхъ средствъ и времени.

Для показанія хода съемки и для того, чтобы имѣть полнѣе матеріалы при составленіи общей карты мѣсть, вконецъ осмотрѣнныхъ, вели топографическіе журналы (*). Въ нихъ наскоро рисовали маршруты и записывали отладываемыя разстоянія, азимуты примѣчательныхъ предметовъ, направленіе пути и краткое описаніе мѣстности, что давало возможность на мѣстѣ ночлега нанести тѣ подробности и замѣтки, которыхъ во время пути, по скорости дождю или другимъ затрудненіямъ, не возможно было нанести тотчасъ. Особное же вниманіе было обращено на направленіе и составъ водораздѣла Уральскаго хребта изъ всѣхъ пунктовъ, откуда только я могъ его видѣть.

Слѣдующій алфавитный списокъ нѣкоторымъ туземцамъ

(*) Подлинные полевые журналы находятся въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; копія—въ архивѣ Военно-Топографическаго Чина.

словенъ, я прилагаю къ сему описанію съ тою цѣлію, чтобы помнитъ довольно дикія названія мѣстностей, въ ономъ встрѣчающіеся.

Вогульскія и Остяцкія:

(Лепинскаго нарѣчія, почти общія).

Али.	Верхній.
Ахутасъ.	Камни.
Гюссень.	Холмы.
Гюсса.	Долгій, далекій.
Кѣлыкъ.	Болото.
Кѣресъ.	Каменные скалы; притѣсы.
Колъ.	Чумъ, шалашъ переносный.
Лѣнгъ.	Дорога, путь.
Мюкъ.	Курья глухой залъвъ, вдающійся въ берегъ и образующій полуостровъ.
Луи.	Нижній.
Манвспалъ.	Восточный склонъ Урала, отъ слова <i>Манси-Вогулы</i> и <i>Остяки-Лепинцы</i> .
Мынъ, Усь.	Малый, -ая, -ое.
Мюни.	Отдѣльная скала, чурокъ.
Нѣлъ.	Конецъ хребта, мысъ, носокъ, острогъ.
Нѣръ.	Цѣпь горъ, каменный кражъ, камень.
Пѣссель.	Островъ.
Пѣуль.	Юрта, зимнія жилища.
Собы.	Долина, низменность.
Сырянпалъ.	Западный склонъ Урала; въ буквальномъ переводѣ <i>Зырянская сторона</i> .
Титъ.	Устье рѣки.
Тюсемъ.	Сухой.
Тумпъ.	Отдѣльная значительная гора, если ее обходятъ вершины рѣкъ, или ограничиваютъ долины.
Турръ.	Озеро.
Убъ.	Плеса, значительное и прямое колѣно рѣки безъ острововъ, и одинокое теченіе.
Убрь.	Лѣсъ.
Убрь-урръ.	Лѣсной хребетъ.
Уръ.	Хребетъ вообще.
Чертюсемъ-уръ.	Линія раздѣленія водъ.

Чяхль.	Сопна:шии вершина на хребтѣ.
Шошь.	Малая рѣчка, ручей.
Я.	Рѣка, большая рѣчка.
Явы.	Большой, великій.
Ятбляхъ.	Вершина рѣки, истокъ.
Яхтель.	Порога на рѣкѣ и переборы.

Остацкія:

(Обскаго нарѣчія).

Ай.	Малый.
Горлъ.	Юрты, селеніе.
Юганъ.	Рѣка.
Южъ.	Дорога, путь.
Кѣу.	Камеиъ, гора, кражъ.
Ларъ.	Озеро.
Мѣнннъгъ.	Скалы.
Нѣрумъ.	Тундра.
Позъ.	Протокъ.
Сойнъ.	Рѣчка, ручей.
Ушъ.	Большой, великій.
Ягәръ, теі.	Начало, вершина рѣки, истокъ.

Самовдскія:

Пай-пѣ.	Камеиъ, гора, кражъ, хребетъ.
Сѣлья.	Мысь, носъ, носокъ.
Яла.	Рѣка.

Зырянскія:

Балбына.	Отдѣльныя скалы.
Днпъ.	Устье рѣки.
Еъ.	Рѣка.
Иакидъ.	Большой.
Ичетъ.	Малый.
Изъ.	Хребетъ, камеиъ, кражъ.
Изъ.	Вершина рѣки.
Кьрта.	Утесъ камениый, скала при рѣкѣ.
Нармѣ.	Значительная отдѣльная афскал возвышенность.
Ю.	Рѣка.

Рѣсовѣтываннныи чиганнныи:

Зибунь. Трясина или зыбкое болото.

Переборъ. Часть рѣки, покрытая подводными или выставившимися изъ воды большими каменными отломками, между которыми вода съ особенною быстротою пробирается; это исподвольство и быстрота теченія дѣлають плаваніе на *переборахъ* затруднительнымъ и даже опаснымъ. *Переборъ* не значить пороги, которыйи на р. Вишерѣ употребляется туземцами въ настоящемъ значеніи своемъ.

Старыца. Прежнее направленіе рѣки какъ рукавъ, если она промыла себѣ другое русло, которое предпочтается прежнему по глубинѣ, широтѣ и удобству къ плаванію, а иногда только потому, что гораздо прямѣе.

Сдѣра. Обширныя низменныя болотистыя мѣста, покрытыя преимущественно еловымъ лѣсомъ, и прилежащія къ берегамъ Вишеры называются *сдѣрами*. Она начинаются по этой рѣкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оканчиваются отрасли Уральскаго хребта, образующія горные берега ея.

Сорь, сорное мѣсто. Непроходимыя тѣра, прилежащія рѣкѣ. Оби и Сосѣѣ, образующія мѣстами родъ большихъ озеръ, въ особенности въ полную воду, называются *сорями*. Если же они понижаются водою только во время разлитія и высыхаютъ иногда, или по крайней мѣрѣ дѣлаются мѣстами доступными для сѣнокосовъ или пастбищъ, то они называются *сорнымъ мѣстомъ*.

Тлунь. Значительная покатость дна рѣки внизъ по теченію, какъ уступъ, усиливающая весьма быстроту теченія въ этомъ мѣстѣ. Она въ особенности ощутительна въ плаваніи противъ теченія: *нужно тлунтсѣ*.

Чѣмкосъ. Зырянская примѣрная шугенная мѣра, около 6 верстъ, которая считается по плесамъ, между примѣчательными мысами, островами и прочими предметами, для опредѣленія проплытаго разстоянія по рѣкѣ. Къ несчастію эти чѣмкосы довольно неровны и почти вездѣ выносятся болѣе 5 верстъ. Вишерцы впрочемъ не такъ строго и не вездѣ придерживаются чѣмкосовъ; но въ плаваніи по Неморѣ и рѣкамъ, въ нее впадающимъ, эти шугенная мѣра по добрымъ употребленію у зырянцевъ.

Чурокъ. Отдѣляющаяся небольшая конусообразная скала (*) или скалы подобнаго же вида на хребтѣ, называются *чурками*, например: *Алауускій чурокъ*, на лѣвомъ берегу Вижера, у подошвы Тулымскаго камня, — *Молнина чурки*, скалы на горѣ Моннигъ-тумпъ, находящейся при верховьяхъ этой рѣки.

Уральскій хребтъ, на протяженіи отъ 61 до 65° сѣверной широты, состоитъ изъ одной массы горъ, идущей въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ, въ видѣ параллельныхъ высокихъ каменныхъ хребтовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго отъ 5-ти до 12-ти верстъ. Эти хребты, находясь въ близкой или средней связи между собою, прорѣзываются рѣками, протекающими въ глубинахъ и довольно широкихъ лѣсныхъ долинахъ разделяющихъ горы. Даже самые отроги этихъ частныхъ хребтовъ, представляются въ томъ же меридіанальномъ направленіи какъ бы отдѣльными краями; поэтому ширина Уральского хребта въ общности простирается отъ 35 до 50 верстъ (*).

Верхи яракой обнажены и не весьма широки, мѣстами они скалисты и вообще покрыты разбѣившими отлошками камней и удобопроездными росылами; лишены почти отъ всякой растительности, кромѣ оленьяго мха. Верховья горъ конусообразны и достигаютъ высоты 3000 футовъ. Долины, истокъ рѣкъ, амороки и мекры; мѣстами же обрывисты и составляютъ глубокія ущелья, покрытыя снѣгомъ, или занятыя водою малыхъ озеры.

Горные долины покрыты бѣльшею частію лѣсомъ, который поднимается также довольно высоко по крутымъ каменнымъ склонамъ хребтовъ. Этотъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ: ели, пихты, лиственницы и кедра; сосна же встрѣчается рѣдко. Изъ лиственныхъ породъ попадаются только береза и на болотахъ ива. Однакожъ растительность иногда влече разбросанными и разбѣившими елками и березками на сѣный вѣтъ, и сильная линія водораздѣла къ вѣсколькимъ мѣ-

(*) Сопкою называютъ туземцы каждую высокую вершину на горномъ хребтѣ.

(*) Между верховьями рѣкъ Печоры и Илыча представляются хребты въ четыре ряда. Самая же широкая и долгая изъ горныхъ долинъ — долина р. Шугуръ, доходящая до 10 верстъ въ ширину.

отяхъ покрыта густымъ лѣсомъ, въ особенности гдѣ она проходитъ понижающимися сопками.

Многочисленныя поперечныя долины, перерѣзывающія Уралъ, образовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удобные переходы чрезъ него, посредствомъ которыхъ туземцы имѣютъ между собою сообщенія, перегоняя стада оленей и переходя зимою цѣлыми караванами для торговли.

Направленіе линій водораздѣла по Уралу весьма извилисто. Она дѣлаетъ многія колѣна, то спускаясь въ долины, то переходя съ одного хребта на другой, и не только не слѣдуетъ направленію хребтовъ, но даже нисколько не соответствуетъ высочайшимъ герамъ, а сохраняетъ лишь общее меридіальное направленіе. Замѣчательно еще, что хребты, несоставляющіе водораздѣла, вездѣ почти выше главнаго хребта, въ особенности западные отроги, между которыми находится самая высочайшая изъ Уральскихъ горъ—гера *Талосъ-изъ* или *Нелубы-неръ*, простирающаяся до 5000 футовъ высоты.

Около 64½ и 65° сѣверной широты находится самая высокая, широкая и дикая часть Урала; далѣе къ сѣверу, до 66°, она принимаетъ главное направленіе на сѣверовостокъ, становится гораздо уже и ниже, не имѣвая общаго характера мѣстности и имѣетъ довольно высокія сопки и края. Къ несчастію, это протяженіе осталось неосмотрѣннымъ въ 1848 году по описаннымъ ниже обстоятельствамъ.

Отъ 66° широты, Уралъ идетъ все въ сѣверовосточномъ же направленіи, довольно высокою и весьма скалистою цѣпью горъ, по которой путь совсѣмъ невозможенъ. Здѣсь горы совершенно обнажены отъ лѣса, который однакожъ находится вдали отъ склоновъ хребта, но и тамъ начинается рѣдѣть съ приближеніемъ къ сѣверу до предѣловъ открытой тундры. Не самымъ сѣверномъ Уралъ, подъ 66° 42' сѣверной широты; находится высочайшая въ этихъ мѣстахъ, послѣ *Талоса*, гера *Пай-аръ*, немного выше 4500 футовъ; имя ея въ буквальномъ переводѣ значитъ *Камень-хозяинъ*.

На всемъ осмотрѣнномъ протяженіи сѣвернаго Урала нигдѣ не встрѣчается настоящихъ сибѣрскихъ горъ, и только въ горныхъ ущельяхъ лежатъ огромныя массы сибѣра, не растаивающаго лѣтомъ.

Не доходя до Ледовитаго моря верстъ 40, Уральскій хребетъ

совершенно оканчивается на тундрѣ кряжемъ *Минисей*, состоящимъ изъ трехъ значительныхъ горъ: *Арко-пай*, собственно *Минисей*, в третьей, самой сѣверной, подъ $68^{\circ} 29'$, 4 сѣверной широты, $83^{\circ} 57'$, 5—долготы отъ перваго меридіана, названной *Константиновымъ Камнемъ*, по имени Августѣйшаго Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества.

Рѣка *Кара*, имѣя начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, подъ широтою $67^{\circ} 58'$, 9, и протекая къ сѣверу почти параллельно остальной части его, вливается потомъ непосредственно въ Ледовитое море. За Карою, больше чѣмъ на 40 верстѣ къ западу отъ оконечности Уральскаго хребта, тянется въ сѣверозападномъ направленіи къ острову Вайгачу рядъ невысокихъ горъ, раздѣленныхъ одна отъ другой тундрою и возвышающихся надъ послѣднею въ видѣ отдѣльной цѣпи, подъ общимъ именемъ *Пай-холя*. Эта отдѣльная цѣпь ошибочно принята на всѣхъ картахъ продолженіемъ Уральскаго хребта, съ которымъ она не можетъ имѣть никакой связи, будучи отдѣлена отъ него огромною тундрою и рѣкою Карою. Кромѣ того и самыя горы *Пай-холя* почти не составляютъ между собою одного сплошнаго хребта.

Каменистый кряжъ *Поримдинитъ-урръ*, подъ $61^{\circ} 38'$ сѣверной широты, заключающій главные истоки рѣкъ: Вишеры и Малой Уньи, текущихъ на западъ, в р. Пурмы, имѣющей начало съ восточной стороны, составляя линію водораздѣла, простирается на сѣверъ къ горамъ *Хдле-чялль* *Гордианъ-чялль*. Въ долину ихъ раздѣляющей, находится главный истокъ р. Большой Уньи, въ которую, верстѣ чрезъ 10, обойдя мысъ *Судмьялль-идль*, впадаетъ р. Малая Унья (*). Далѣе отъ *Гордианъ-чялль* линія раздѣленія водъ дѣлаетъ колено около 8-ми верстѣ къ сѣверозападу, и слѣдуетъ хребтами *Поримдине-чялль* и *Мань-Лундхусенъ-урръ* къ главному истоку р. Лозвы, текущей на востокъ изъ озера, заключающагося въ глубокомъ, обрывистомъ и каменномъ ущельѣ хребта *Яны-Лундхусенъ-урръ*. Отъ сего послѣдняго къ сѣверу водораздѣлъ идетъ каменнымъ гребнемъ, горю *Удменъ-чялль*, чрезъ сопки *Митю-чялль* и *Мань-Гатчетъ-урръ*, къ верховьямъ рѣкъ Малой Печоры и Сосвы, отдѣленнымъ

(*). Протяженія Уральскихъ горъ, выраженныхъ въ верстахъ, взяты изъ главнѣйшихъ свѣдѣній о меридианѣ.

высокимъ краемъ *Яны-Гатченъ-урръ*. Это колѣно, около 10 верстѣ, отдѣляетъ верховья р. Сольпа, притока Лозьвы, отъ истоковъ рѣкъ Ушы и Печоры. Далѣе, къ сѣверу, отъ хребта *Яны-Гатчетъ-урръ*, линія раздѣленія водъ пролегаетъ между истоками рѣкъ Печоры и Сосвы малыми извилинами около 24-хъ верстѣ, почти прямо на сѣверъ по открытому и не очень широкому хребту чрезъ, многія сопки, къ горѣ *Пѣчеръ-Ятдлльх-чялль*, у которой находится истокъ р. Большой Печоры.

Разстояніе между сходящимися истоками противоположно текущихъ рѣкъ Печоры и Сосвы у послѣдней горы; менѣе 200 сажень.

Прямо къ сѣверу, отъ горы *Пѣчеръ-Ятдлльх-чялль*, водо-раздѣлъ идетъ по довольно высокому, открытому, каменистому хребту *Еналь-нѣръ*, около 12 верстѣ, отдѣлая: на западъ верховья рѣки Ольсъ-Манья (Егра-Ляга, притокъ рѣки Илыча), на востокъ истоки Сосвы; потомъ онъ слѣдуетъ по лѣсистой сопкѣ *Кельхъ-Тумпъ*, пройдя которую, спускается въ болотистую лѣсную долину *Кельхъ-тумпъ-соры*, гдѣ расходятся одна изъ истоковъ Ольсъ-Манья в р. Сосвы. Пройдя верстѣ 6 лѣсомъ, поднимается опять на открытій каменный край *Мань-квотъ-нѣръ*, и пролегаетъ по немъ почти на 9 верстѣ, вмѣя по западному склону притока рѣки Ольсъ-Манья: *Людингъ-нелъ-соры-я*, *Ольсъ-мапъ-я* и *Мань-квотъ-нѣръ-оуль-я*, по восточному же истоки рѣки Лопчинь-Манья.

Къ предъидущему краю примыкаетъ съ сѣвера хребетъ *Яны-квотъ-нѣръ*, со многими каменными сопками и непроходимыми розсыпями. Онъ составляетъ линію водораздѣла, до вершины рѣки Няпчуръ-я, вытекающей на западъ, при сопкѣ того же имени; восточный же склонъ его заключаетъ истоки рѣки Лопчинья. Сдѣлавъ около 7 верстѣ до послѣдней сопки *Нинчуръ-чялль*, линія раздѣленія водъ спускается съ хребта *Яны-квотъ-нѣръ* на западъ, по одному изъ отроговъ его, и проходитъ поперекъ лѣсной долины, низменнымъ хребтомъ, къ другому открытому, каменистому краю *Псиленъ-тумпъ*, совершенно параллельно означенному выше *Яны-квотъ-нѣръ*. Разстояніе между послѣдними хребтами болѣе 6 верстѣ; это поперечное лѣсное колѣно Урала отдѣляетъ сѣверную вершину рѣки Ольсъ-Манья и южный истокъ рѣки Юудингъ-я. Первая, протекая болѣе 20 верстѣ въ южномъ направленіи, по широкой лѣсной долинѣ

между хребтами *Макъ* и *Яны-квотъ-нёръ*, *Ятымауъ* и *Тоссемъ-Ахутасъ-нёлъ*, и увеличившись многими притоками своими, поворачиваетъ на западъ у оконечности послѣдняго хребта, и соединяется съ своими южными вершинами.

Отъ *Нейленъ-тумпъ* линія раздѣленія водъ падетъ все почти въ сѣверномъ направленіи чрезъ многосопный камень *Аккертумпъ* и хребетъ *Пурмпата* къ сопкѣ *Янгъ-тумпъ*. На этомъ протяженіи, около 13 верстъ, она пересѣкается дважды лѣсомъ въ долинахъ между означенными горами, и отдѣляетъ на западъ притоки рѣки *Ухъи*, рѣчки *Оугень-я* и *Сѣугка-я*, а на востокъ нѣсколько истоковъ рѣки *Юудынъ-я*. Послѣдняя рѣка, увеличившись многими своими истоками сѣверными и южными, и протекши верстъ 18 съ юга на сѣверъ, вдоль подошвы хребта *Яны-квотъ-нёръ*, поворачиваетъ на востокъ, прорѣзавъ глубокое ущелье между означеннымъ хребтомъ и краемъ *Пасъ-нёръ*, составляющимъ какъ бы продолженіе къ сѣверу прорѣзаннаго хребта *Яны-квотъ-нёръ*.

Съ сопки *Янгъ-тумпъ*, левія раздѣленія водъ, измѣнивъ направленіе свое нѣсколько къ востоку, спускается въ лѣсъ и проходитъ чрезъ открытыя вершины довольно высокаго лѣснаго хребта *Сѣтанцы-урръ*, потомъ, слѣдуя нѣсколько понижающимися лѣсными сопками до открытой горы *Габартне-тумпъ*, чрезъ верховья рѣкъ *Ухъи*, текущей на западъ и *Няисъ-Манья* на востокъ. Пройдя болѣе 20 верстъ лѣсомъ до послѣдней горы, линія раздѣленія водъ слѣдуетъ опять хребтомъ *Габартне-урръ-урръ*, почти въ западномъ направленіи къ высокому, открытому, каменному хребту *Ганга-урръ*. На всемъ этомъ протяженіи по западному склону находятся нѣсколько вершинъ рѣки *Ухъи*; къ восточному же прилежатъ истоки рѣки *Яны-няисъ-я*. Первая, соединясь многими притоками своими, стремящимися съ сѣвера и юга, течетъ почти прямо на западъ около 35 верстъ, по широкой лѣсной долинѣ мимо южныхъ окопечностей параллельныхъ хребтовъ *Габартне-тумпъ*, *Ганга-урръ* и *Хамбу-урръ*, западнѣе котораго, кажется, выходитъ изъ горъ.

Рѣка же *Яны-няисъ-я*, имѣя главную вершину свою изъ хребта *Ганга-урръ*, протекаетъ болѣе 30 верстъ въ горахъ; потомъ около отдѣльной высокой сопки *Няисъ-манья-альпинъ-нёръ* соединяется съ рѣкою *Няисъ-манья*.

По каменистому хребту *Ганга-урръ*, и далѣе до горы *Саньки-*

члхль, линия раздѣленія водъ идетъ почти прямо на сѣверъ около 8 верстѣ, имѣя на восточной сторонѣ истоки рѣки Яны-ныльс-я, а на западной вершины рѣки Липка-я (Пирсю-я), подѣ различными именами: Кельхъ-я, Липка-я, Мовингъ-соры-я и Гавга-оуль-я. Последняя беретъ начало изъ скалистаго хребта *Гана-урръ*, и замѣчательна тѣмъ, что съ шумомъ пробирается по каменнымъ уступамъ, образуя озерки въ глубокой обрываистой долинѣ своей; берега этой долины при впаденіи въ рѣку Липка-я становятся гораздо положе и ниже.

Отъ горы *Санька-члхль* линия раздѣленія водъ идетъ, верстѣ 6, чрезъ скалистую гору *Гомсенъ-сорыналъ*, къ широкому, вѣтвистому и со многими сопками хребту *Липка-урръ* отдѣляющему верховья рѣкъ Липка-я и Шугура и связывающемуся съ хребтомъ *Туахленъ-урръ*, который составляетъ послѣ *Гомсенъ-сорыналъ*, продолженіе Урала.

Рѣка *Шугуръ* (Сакуръ-я) беретъ начало изъ хребтовъ *Липкаурръ*, *Туахленъ-урръ* и *Ярутъ-урръ* многими ручьями подѣ различными именами, главный же истокъ ея изъ *Туахленъ-урръ*, служащаго водораздѣломъ Шугура и рѣки Тольи, текущей на востокъ. отъ этихъ рѣкъ; ихъ истоки раздѣляются низкою лѣсною сопкою, связывающею означенный хребетъ съ *Ярутъ-урръ*, который въ свою очередь составляетъ потомъ продолженіе Урала къ сѣверу. Почти отъ самой вершины рѣка Шугуръ принимаетъ направленіе прямо на сѣверъ, и протекаетъ болѣе 60 верстѣ по лѣсной и болотистой долинѣ, доходящей шириною до 10 верстѣ. На правой сторонѣ этой долины пролегаетъ высокій, открытый хребетъ, составляющій водораздѣлъ. Онъ идетъ въ сѣверномъ направленіи каменными сопками и скалистыми вершинами, подѣ частными названіями, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Манъ-янкець*, *Яны-янкець*, *Санька-члхль*, *Госса-неръ*, *Состемъ-неръ* и *Суомьяхъ-неръ*, до 64° сѣверной широты, имѣя по западному склону своему притоки рѣки Шугура. Восточная сторона его неизвѣстна подробно, по неудобнопроходимости этого протяженія Урала. По одному изъ отроговъ послѣдняго хребта, линия раздѣленія водъ удаляется къ сѣверовостоку отъ меридіанальнаго направленія и проходитъ лѣсомъ чрезъ вершины рѣкъ *Наигъ-соры-я* (озеро-Собахъ-туръ), *Уоля* и *Туахленъ-я*; потомъ, склоняясь къ западу, пролегаетъ болѣе 25 верстѣ открытыми хребтами *Хоръ-*

Хури, *Нлдый-сам-нелъ*, *Сатакци-урръ* и *Педти-урръ* до вершинъ рѣки Хардеса, отдаляя: по западной сторонѣ истоки рѣки *Наигъ-соры-я*, по восточной—вершины рѣкъ *Турпеть-я* и *Чортанн*. Отрогъ хребта *Сатакци-урръ*, скалистый кряжъ *Ахутасы-Люльке-неръ*, со многими значительными истоками, составляетъ главный верховья рѣки *Турпеть-я*.

Далѣе, линія водораздѣла идетъ версты 20 довольно пологими и не очень высокими лѣсными хребтомъ съ нѣкоторыми открытыми вершинами, *Саука-мейка*, къ истокамъ рѣки *Хатемаль-я* (притокъ *Шугура*), и *Пуйвы*, текущей на востокъ. Восточный склонъ этого протяженія Урала заключаетъ болѣе 10 истоковъ рѣки Хардеса; а вдоль западнаго склона течетъ съ сѣвера на югъ р. *Хатемаль-я*; по правому берегу этой рѣки тянется къ сѣверу широкій, весьма высокій, скалистый и дикій хребетъ, который у вершинъ рѣки *Пуйвы* соединяется съ одною изъ высочайшихъ горъ *Шатмию*.

Отсюда линія раздѣленія водъ сѣвернѣе, идетъ описаннымъ предъ симъ скалистымъ хребтомъ, въ томъ же дикомъ и недоступномъ видѣ; чрезъ примѣчательныя горы *Ерре-урръ* и *Неръ-ойка*, до широты восточнаго отрога *Кеосмъ-неръ*, т. е. до 64½ градуса сѣверной широты. Восточный склонъ, съ огромными и не менѣе дикими и вѣтвистыми отрогами своими, заключаетъ въ ущельяхъ и въ глубокихъ долинахъ вершины рѣкъ *Явы-мудъ-гѳмсенъ-я*, *Манъ-мудъ-гѳмсенъ-я* (притока рѣки *Сукеръ-я*), и главную вершину самой рѣки *Сукеръ-я*. На западномъ склонѣ Урала, говорятъ, находятся тутъ верховья рѣки *Косъ-я*, впадающей въ *Уссу*. Далѣе къ сѣверу, почти до 60° сѣверной широты, до замѣчательной горы *Ярте*, какъ видно издали, Уралъ имѣетъ все тотъ же дикій, широкій и неприступный характеръ, но отсюда примѣтно уже измѣняетъ главное направленіе свое къ сѣверовостоку и становится гораздо уже и ниже.

Отъ вершины рѣки *Витеры* къ сѣверу по описанному протяженію до 65° сѣверной широты, отроги Урала въ совокупности, т. е. хребты, находящіеся внѣ линіи раздѣленія водъ, представляются весьма разнообразными, какъ по собственной высотѣ, величинѣ и виду, такъ и по расположенію ихъ между собою и относительно главнаго хребта, съ которымъ они состоятъ въ болѣе или менѣе связи. Путь нашего отряда экспе-

дидии пролегалъ большею частію по самой линіи раздѣленія водъ, для лучшаго изслѣдованія направленія и составныхъ частей: ея, уклоняясь отъ оной только по мѣстамъ, неудобнопроходимымъ или совершенно недоступнымъ; поэтому я имѣлъ случай сдѣлать подробную маршрутную съемку по самому Уралу, опредѣлая и описывая только тѣ посторонніе хребты, которые я могъ видѣть съ разныхъ точекъ пути, и сколько притомъ позволяли ограниченное время и средства, также и мѣстныя препятствія.

Изъ западнаго склона Уральскаго хребта на означенномъ протяженіи имѣютъ начало примѣчательныя рѣки: *Вишера, Кдлава, Унья, Печора, Ильць, Подчеремъ и Шугуръ*. Противоположно же имъ, въ восточномъ склонѣ находятся вершины рѣкъ: *Лозьвы, Сосвы и Сывы или Ляпыны*. Всѣ описанные подъ разными именами истоки рѣкъ по линіи раздѣленія водъ суть притоки поименованныхъ здѣсь примѣчательныхъ рѣкъ, или лучше, составляютъ верховья ихъ.

Разсматривая Уральскія горы отдѣльными частями, прилежащими къ водамъ означенныхъ рѣкъ, можно удобнѣе представить ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ казались мнѣ съ разныхъ пунктовъ наблюденія.

Западные отроги Уральскаго хребта на всемъ описанномъ протяженіи простираются гораздо далѣе по долготѣ, нежели восточные. Высокіе, параллельные къ линіи раздѣленія водъ края, нѣсколькими рядами представляются весьма сложными и скалистыми, со многими сопками и едва ли не вездѣ возвышающимися надъ вершиною главнаго хребта. Восточные отроги почти вездѣ оканчиваются крутымъ склономъ хребта, служащимъ линіею раздѣленія водъ. Если гдѣ и видны гряды значительныхъ лѣсныхъ хребтовъ съ нѣсколькими на нихъ открытыми каменными вершинами, то онѣ представляются болѣе какъ предгорія Урала; ибо раздѣляются между собою болотистыми долинами и почти непроходимыми топами, подобно всему низменному лѣсному долу, который простирается къ востоку отъ подошвы Уральскаго хребта на необозримое пространство.

У вершинъ рѣкъ Вишеры, Колвы и Кисуньи (притока рѣкъ Унии) находятся значительные края *Кдлавицкій* и *Лопьинскій-камни* и сопка *Гальсори-я-чхлхл*, отъ которыхъ по направленію

къ сѣверу, между рѣками Уньею и Печорою, тянутся такіе же хребты подѣ частными названіями. Къ верховьямъ рѣки Печоры прилежатъ замѣчательныя по высотѣ и виду горы: *Сьдло*, *Медвѣжьей-камень* и *Койбнъ*. Первая, состоя изъ двухъ конусообразныхъ сопокъ, образуетъ видъ сѣдла, отъ чего и получила это названіе. Вторая образуетъ на хребтѣ своемъ изъ двухъ скалъ какую-то небольшую и неопредѣленную фигуру, въ видѣ двухъ зубцовъ, въ которой туземцы воображаютъ видъ лежащаго медвѣдя. Надобно замѣтить, что слишкомъ большая фантазія нужна для того, чтобы представить себѣ очертаніе этого звѣря изъ простой и несимѣющей никакого подобія фигуры означенныхъ скалъ.

Отъ *Койбна* къ сѣверу, вдоль праваго берега рѣки Большой Печоры тянется высокій каменистый хребетъ *Яны-пѣбы-идѣръ* или *Балбано-изъ* (*), на коемъ находятся четыре высокія, острыя и отдѣльныя скалы, имѣющія видъ каменныхъ столбовъ. Западиѣ этого хребта ничего не видно; вѣроятно, еще далеко простираются разнообразныя отроги его. Отъ р. Егра-Дяги (*Ольсъ-Манья*) къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу р. Ильча, идутъ хребты параллельныя водораздѣлу, начиная отъ края *Тосемъ-Ахутасъ*. Примѣчательный между ними по высотѣ и дикому виду есть *Хамбу-урръ*, или *Укьюмзъ*, сѣвернѣе р. Ухья, выходящей изъ горъ.

Далѣе же къ сѣверу, за рѣкою Липка-я (*Пирсъ-ю*) тянется непрерывная цѣпь горъ въ видѣ одного возвышающагося къ сѣверу хребта: *Тюндѣръ-урръ*, *Мань-Паллянгъ* и *Яны-Паллянгъ*, или *Кѣжимъ-изъ*, господствующая гора у верховьевъ р. Шугура. Западиѣ этой цѣпи, вѣтвистыми и длинными отрогами ея оканчиваются совершенно Уральскія горы, къ подошвѣ которыхъ примыкаетъ низменный и лѣсной доль, составляющій долину р. Ильча. На лѣвомъ берегу р. Кожи-ма или *Манзигумъ-я*, между рѣками Шугуромъ и Кура-Халь-ею, находится примѣчательная сопка *Пырва*; на правомъ же берегу означенной рѣки Манзигумъ-я, высокіе крапи: *Лѣска-урръ*, *Салъ-урръ* и *Салъ-Сакутель-урръ*. Последній хребетъ, составляя лѣвый берегъ долины рѣки Шу-

(*) Последнее названіе Зырянское.

гура, идетъ къ сѣверу, параллельно этой рѣкѣ, постепенно возвышаясь подъ частными именами: *Хайматолоу-урръ*, *Сынтитъ-урръ*, *Хальмеръ-саль-урръ* и *Муррай-чалъ*, связывающійся съ горою *Нѣпубы-нѣръ* или *Тѣлосъ-изъ*. Этотъ общій хребетъ значительно выше хребта, служащаго линіею раздѣленія водъ, въ особенности гора *Тѣлосъ-изъ*, которая господствуетъ на всемъ осмотрѣнномъ протяженіи Уральскаго хребта.

Верхняя часть горы *Тѣлосъ-изъ* состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, острыхъ и скалистыхъ кражей, называемыхъ Остяками *Гостъе-нѣръ* и собственно *Нѣпубы-нѣръ*. На верху видѣнъ снѣгъ, который, говорятъ, растаиваетъ почти совершенно только въ жаркое лѣто, образуя, на верху между краями, озеро, называемое туземцами *Ледное*, изъ котораго вытекаютъ рѣчки *Дурная-ѣль* и *Филипъ-ѣль* или *Тѣлпась-я*, впадающія въ р. *Шугуръ* (*): Отъ горы *Тѣлосъ-изъ*, вдоль лѣваго берега р. *Шугура*, тянется огромный мягосопочный край *Удѣти-нѣръ*, сѣверную оконечность котораго обходитъ рѣка *Шугуръ*, измѣняя направленіе свое на западъ и выходя изъ горной долины.

Упомянутый выше хребетъ лѣваго берега долины *Шугура*, даетъ начало рѣчкамъ *Саль-Сакутемъ-я*, *Яккечъ-я*, *Гайматолоу-я*, *Нерцу-я*, *Хальмеръ-Саль-я*, *Сырту-я* и *Мурай-я*, впадающимъ въ *Шугуръ*. По вершинамъ ихъ растетъ лиственница, которая съ приближеніемъ къ *Шугуру* прекращается. Сѣвернѣе р. *Муррай-я*, ниже устья р. *Яхтель-я*, впадающей съ правой стороны, говорятъ, находится на *Шугурѣ* замѣчательный порогъ, называемый туземцами *Страшнымъ*. Самое названіе рѣчки происходитъ отъ слова *Яхтель-порогъ*. Западнѣе, у вершинъ рѣки *Подчерема*, за описаннымъ хребтомъ *Сале-Сакутемъ-урръ* ни откуда я не могъ ничего видѣть.

На правомъ берегу *Шугура*, по притокамъ ея, рѣкамъ *Навгъ-сѣры-я* и *Хатемаль-я*, находится тоже значительное пространство лиственничнаго лѣса, который, по мнѣнію Браата, годенъ для кораблестроенія.

О западныхъ отрогахъ Урала, начиная отъ выхода рѣки *Шугуры* изъ горъ и до 65° сѣверной широты, до горы *Яруте*,

(*) Названія этихъ рѣчекъ Зырянскія; Остяки же называютъ: первую *Нѣрцу-я*, вторую—*Эю-сесаля-я*.

я не могу ничего утвердительно сказать, ибо они заключаются высокими хребтомъ, составляющимъ на этомъ продолженіи линію раздѣленія водъ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что Уральскія горы отъ вершинъ рѣки Печоры къ сѣверу понижаются до истоковъ Шугуръ, далѣе же опять начинаютъ постепенно возвышаться до горы *Телюсъ-изъ*, въ которой достигаютъ наибольшей высоты.

Путь нашего отряда, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго, лѣтомъ 1847 года пролегалъ въ Уральскихъ горахъ болѣею частію по самой линіи раздѣленія водъ; мѣстами онъ былъ весьма затруднителенъ, потому что нужно было проходить каменными россыпями и подниматься на крутые склоны высокихъ хребтовъ. Мѣстами мы слѣдовали дикою чащею лѣса, гдѣ, прорубая себѣ дорогу или разчищая прогалины, двигались довольно медленно. Иногда болотистыя долины, глубокіе и быстрые притоки рѣкъ, заставляли насъ съ большою трудностію отыскивать переходы черезъ нихъ. Не касаясь трудностей и лишеній, которымъ естественно подвергается каждый путешественникъ въ странѣ горной и необитаемой, нельзя, однакожъ, для болѣе удовлетворительнаго понятія о странѣ Уральской, не упомянуть о мѣстныхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя исключительно ей одной свойственны. Сильные дожди въ горахъ, порывистые вѣтры, холодные и густыя пары, и вообще всѣ быстрыя перемены и непостоянства погоды суроваго климата, дѣйствуютъ здѣсь весьма ощутительно, въ особенности когда застигаютъ неожиданно. Кромѣ того, здѣсь беспокоитъ невѣроятное множество комаровъ столь мучительно, что превосходить всѣ трудности и лишенія. Нельзя представить себѣ, кто самъ не испыталъ свирѣпости этихъ наскоковъ, отъ которыхъ, къ несчастію, нѣтъ средства защищаться. Благодаря обстоятельствамъ, въ теченіе всего времени странствованія нашего въ горахъ мы пользовались довольно благоприятною погодой. Хотя въ полдень жары и превышали иногда +20 Реомюра, но по ночамъ почти всегда термометръ показывалъ +1 или 0.—Августа 4-го видно было издали, что высокій и открытый яръжъ *Хамбу-урръ* покрылся уже примѣтнымъ слоемъ снѣга.

Послѣ нѣсколькихъ сильно ненастныхъ дней, напоминавшихъ

намъ: лучшеише отдаленіе отъ всякого жианъ, и располагающихъ жиане чувствовать и цѣнить пріятность удобной городской жианъ, мы вознаграждались иногда своего рода удовольствіемъ, лобуясь прекрасными, дикими, но величественными горными ландшафтами. Не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ живописныхъ мѣстахъ, изображеніе которыхъ достойно хорошей кисти, а не робкаго и неопытнаго пера.

Особенно очаровательна мѣстность у верховьевъ р. Уныи. Представьте себѣ долину версты въ двѣ шириною, окруженную съ трехъ сторонъ высокими, открытыми и чудно обрисованными хребтами. Изъ крутыхъ свѣжныхъ лощинъ сѣвернаго скалистаго кража падаетъ нѣсколько истоковъ, которые, слившись въ потокъ, образуютъ рѣку. Съ шумомъ пробивается она по узкому и обрывистому ложу своему, между каменными обломками крутой стѣны, замыкающей долину, и, окаймляя ее голубою лентою своихъ водъ, окрывается въ чащѣ лѣса. По лѣвому отлогому берегу рѣки бѣлится длинный пластъ снѣга, а далѣе разстилается зеленый лугъ у подножія скалъ, въ видѣ столбовъ и пирамид довольно высокыхъ, рядъ которыхъ тянется параллельно рѣкѣ. На западномъ краю сначала стелется мелкій кустарникъ, потомъ видѣются группы низкихъ деревъ и наконецъ поворота заключается опушкою густаго дремучаго лѣса. Этотъ рѣзкій переходъ отъ бѣлаго снѣга къ мягкой зелени и къ голымъ дикимъ утесамъ сообщаетъ особенную прелесть картинѣ. Еще болѣе красоты придавало ей присутствіе нашего лагеря, оживлявшаго эту пустыню. Кое-какъ разбитыя нами палатки, нарты разставленныя въ разныхъ мѣстахъ, стада пасущихся оленей и наконецъ дымящіяся костры и суемящіяся вокругъ нихъ люди, различныя и по своимъ нарядамъ и по физиогноміямъ,—это невольно останавливало взоръ и оставляло въ душѣ какое-то пріятное впечатлѣніе.

Не менѣе замѣчательно, по красотѣ своей, мѣстоположеніе въ окрестностяхъ верховьевъ р. Малой Печоры, украшенное видомъ на поднимающуюся въ отдаленіи гору *Койбикъ*. Кромѣ того почти съ каждой высокой горы открывался взорамъ новый разнообразный горный ландшафтъ.—Здѣсь представлялась попеременно то удивительно дикоселѣмныя груды каменныхъ россыпей, на которыя можетъ-быть не ступала еще нога человека, то покрытыя разными родами мховъ высокія

массы скалъ, въ разблвннхъ ноторыхъ растуць кой-цкнѣ днкнѣ кусты. Къ сожалѣнню, здѣсь все лнѣтъ мертвнй и неподвнжнй видъ, ж эта мертвнннстѣ только нѣрѣдка нарушается зарываннѣмъ вѣтровъ, какъ бы снлннхнхъ ноборотъ спокѣннуо стѣнкѣстѣ каменнхъ велнжановъ, нли прѣнзнтельнмъ н жалобнмъ крнкѣмъ нарнцнхъ надъ головою орловъ, которые какъ бы обнаружнваѣтъ этнмъ свое опасеннѣ за цѣлѣстѣ гнѣздъ съ прнблнженнѣстѣ смѣлаго путннка, дерзнувшаго поднлться къ недоступнмъ вершннамъ. Отсюда вѣкѣвые дѣса, растущнѣ у подножнл, кажутѣся слнвнннмнѣ въ одну чернуну массу, а рѣка— узкою чертой. Краѣ горизонта во всѣ стороны окаймлнваются вндами отдаленнхъ возвышенностей н многосолочнхъ кражѣй. Но вотъ погода начннаетъ нахмурнваться: до слуха доходитъ глухой шумъ дѣсова долинн, волнунемыхъ вѣтромъ, раздаѣтся свнстѣ нагорнаго вѣтра н облака быстро несутѣя чрѣзъ горы; здѣсь, задержнваемнѣя высотѣю, онн сгущаются въ черннл тучн, н, обхватнвъ вершнны сопѣкъ, разражаются ослѣпнтельною молннѣю, ударяющею въ нхъ сѣдѣе, вѣкѣвое тѣмнл. Проливной дождъ н оглушнтельннѣе раскаты грома заставляють скорѣе спускаться сверху н укрынаться подъ навѣсы каменнхъ утесовъ. Мы любовалнсь подобною велнчественно-ужасною н прекрасною картинѣю съ горы *Лырен* при р. *Щугурѣ* н, не смотря на всѣ лншеннл странннческой нашей жзнн, ваходнмн въ созерцаннн прнроды прнятное удовольствнѣе.

Самая замѣчательная, по высотѣ н днкѣму внду, есть гора *Идлубы-нѣръ* нли *Тѣлпосъ-нзъ*. Она окружена группѣю сопѣкъ, отвѣсныхъ скалъ н каменнхъ розсыпей; вершнны ел состоять нзъ двухъ параллельнхъ кражѣй, подннмающнхся скалнстнмн зубцнми, н, по днкѣму обрывнстѣму внду, кажутѣся мало доступннми. Туземцы, Остякн н Зырянѣ увѣрлн насъ, что на эту гору нкто не смѣетъ взобраться; что встарнну бнлн будто смѣльчакн, увлеченннѣ любопытствомъ, но оттуда нкогда уже не возвращалнсь. Онн считаютъ мѣсто это обнталнщемъ нечнстаго духа. Смѣясь грубѣму прѣдрассудку суевѣрнхъ туземцевъ, мы нмѣлн намѣреннѣ отправнться на эту гору, какнѣ бы мѣстннѣе труды не прѣдстоялн; но наступнвшнй Сентябрь мѣсяцъ съ раннею осенью не позволнлъ тратнть 1½ сутѣкъ на подобнл прѣдврнтя любопытства, тѣмъ болѣе, что полковннку Гофману прѣдстоялъ еще путь къ сѣверу: на

полградуса широты; къ тому же сухари и прочіе припасы наши уже всѣ почти истощались.

Высокіе и почти недоступныя кряжи и сопки называются у туземцевъ *Яльпимъ-меръ*, что значать въ переводѣ по-Остяцки: недоступный, проклятый-камень или шайтанскій. Одинъ изъ такихъ находится на Уралѣ, южнѣе вершины р. Вишеры; другой, отдѣльный хребетъ на восточной сторонѣ Урала у верховьевъ рѣки Щугура: *Госса-Яльпимъ-меръ*; и третій, у впаденія рѣки Наясь-манья въ Яны-няльсь-я. Неудивительно, что самый недоступный видъ подобныхъ горъ внушаетъ уже суевѣрнымъ туземцамъ разные предразсудки; къ тому же любопытство не управляетъ ими въ той степени, чтобы она могли повѣрить нелѣпное преданіе, тѣмъ болѣе, что и самый промыселъ не влечетъ ихъ на эти любопытныя высоты.

Оленеводство, составляя главное богатство кочующихъ племенъ сѣвера, дѣлаетъ въ лѣтнее время дикій Уральскій хребетъ нѣкоторымъ образомъ обитаемымъ. Въ горахъ, сѣвернѣе 60° широты, встрѣчаются мѣстами кочевья Вогуловъ, Остяковъ и на самомъ сѣверѣ Самоѣдовъ, съ довольно многочисленными стадами оленей.

Вогулы Чердынскаго уѣзда, обитатели рѣкъ Конды, Туры и Тавды, такъ же и Остяки Лапвской и Сосвинской волостей Березовскаго округа, общіе по языку съ первыми и называющіе себя общимъ именемъ *Манзси*, имѣютъ кочевья свои въ Уральскихъ горахъ только до вершинъ рѣки Сыгвы, т. е. 65½ градуса широты. Сѣвернѣе же этого мѣста по Уралу кочуютъ Обскіе Остяки, какъ съ собственными, такъ и принадлежащими Березовскимъ и Обдорскимъ жителямъ оленями. Зимнія жилища этихъ Остяковъ находятся на рѣкѣ Оби и разсѣяны въ лѣсахъ по протокамъ и побочнымъ рѣкамъ ея; простираясь къ сѣверу внизъ по означенной рѣкѣ за Обдорскъ до Обской губы, примыкаютъ къ району совершенно-скитающихся Самоѣдовъ. Эти полудикіе обитатели сѣвера, Вогулы и Остяки, имѣя зимою постоянныя жилища при извѣстныхъ рѣкахъ, какъ сказано выше, не всѣ занимаются оленеводствомъ подобно Самоѣдамъ, всегдашнимъ скитальцамъ сѣверныхъ пустынь; но многіе изъ нихъ снискиваютъ себѣ пропитаніе преимущественно звѣриными и рыбными промыслами и птицеводствомъ. Различаясь меж-

ду собою языкомъ и одеждою, сходствуютъ болѣе или менѣе тѣлосложеніемъ, умственными способностями, нравами, обычаями и проч., смотри по тому, въ большемъ или меньшемъ сношеніи находятся она съ Русскими.

На осматрѣнномъ нашимъ отрядомъ протяженіи Уральскаго хребта и по рѣкамъ восточнаго склона его, преимущественно кочуютъ Остяки. Они раздѣляются на разныя поколѣвія, которыя различаются между собою по языку. Это раздѣленіе по языку увеличивается по мѣрѣ разстоянія между ними, и отдаленныя племена вовсе не понимаютъ другъ друга.

Жилища. Переносное жилище инородцевъ (*) *чумъ*, по удобству и несложному устройству своему, очень хорошо защищаетъ обитателей съвера отъ сильныхъ дождей, мателей и другихъ, свойственныхъ суровому климату, переменъ погоды. Въ этомъ устройствѣ, кажется, никакого улучшенія придумать нельзя сообразно обстоятельствамъ жизни и средствамъ, какими сама природа надѣлила этихъ скитальцевъ. Чумъ составляется такимъ образомъ: вѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ.

Дѣломъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитою берестою, а наверху оставляется отверстіе для дыма; зимою же жерди обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрывка шерстью внизъ, другая же вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрѣпленною берестою, или зимою оленьюю шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда полъ. вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ, зимою снѣгомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣсится на крюкѣ

(*) Инородцами называются тѣ изъ Сибирскихъ племенъ, которые платятъ государственную подать ясакѣмъ, и извѣстны подъ именемъ *ясачныхъ*.

уарфленный въ перекладниѣ котель, составляющій единственную, ихъ кухонную утварь. Прямо противъ дверей складываются съѣстные припасы и вся домашняя утварь.

Вокругъ чума стоятъ нарты (*), съ увязаннымъ на нихъ имуществомъ, менѣе нужнымъ иодъ руками. Такой чумъ раскидывается не болѣе какъ въ полчаса, и эта работа, разумѣется, относится къ прямой обязанности женщинъ, равно какъ и всѣ совершенно домашнія работы, къ которымъ Остакъ и руки не приложить. Во всякомъ чумѣ является та же нечистота и неопрятность въ высшей степени; всѣ они совершенно-похожи одинъ на другой, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго: вездѣ увидите въ дыму немытыя, нечесанныя и закопѣлыя лица, сидящія поджавши ноги вокругъ огня, безсмысленно поглядывая и поплеывая на огонь и несвязно и отрывисто разговаривая. Тутъ же съ визгомъ и крикомъ грѣются голыя ребяткиши и грязныя собаки, всѣ вмѣстѣ.

Женщины молча занимаются работами, суша оленья жилки для нитокъ, чиня одежду или растирая и выправляя зубами высушенную обувь мужчинъ и пр.; онѣ сидятъ обыкновенно поотдалѣ и, смотря по присутствію здѣсь родственниковъ, съ закрытымъ или открытымъ лицомъ, и сообразно этому обернувшись спиною къ огню или нѣтъ. Вотъ родственныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ лишаются онѣ иногда свѣта и теплоты въ чумѣ. У Остяковъ искони ведется обычай, что жена младшаго брата никогда не должна показывать лица старшему брату; точно такъже, какъ и внучка дѣду своему; этотъ обычай, равно какъ и другія тому подобныя причуды, строго наблюдаетъ она ими. Пребываніе въ чумѣ несносно отъ нестерпимаго дыма и духоты; грустно смотрѣть на эту жалкую и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную картину грязнаго быта; нечистота и неопрятность выгоняютъ изъ него, если только позволяет погода. Впослѣдствіи же свыкаешься съ этимъ образомъ жизни, дѣлаешься равнодушнымъ къ неопрятности и даже съ нѣкоторою пріятностію скрываешься въ чумѣ отъ непогоды.

Одежда. Вся одежда и обувь Остяковъ состоитъ изъ олень-

(*) Легкія сани, употребляемыя инородцами лѣтомъ и зимою для ѣзды на оленяхъ.

ихъ шкуръ, подобно всѣмъ полудикимъ обитателямъ Сибири только съ нѣкоторыми отступленіями въ украшеніяхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они находятся въ сообщеніяхъ съ Русскими.

Малица, главное платье ихъ, лѣтомъ и зимою, шьется изъ оленьей шкуры, прямого покроя въ видѣ мѣшка, длиною поколѣно, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами и съ отверстіемъ для головы. Снизу на ней дѣлается опушка изъ собачьяго, волчьаго или другаго мѣха. Надѣваютъ ее прямо черезъ голову шерстью къ тѣлу.

Короткія замшевыя брючки, съ такими же чулками выше колѣна, вмѣющимися въ ступаѣ родъ башмаковъ изъ твердыхъ частей оленьей шкуры, составляютъ всю нижнюю одежду и обувь ихъ лѣтомъ.

Малица подпоясывается довольно низко *прложю*, широкимъ коженнымъ кушакомъ съ огромною пряжкой, сдѣланною изъ мѣди или изъ оленьаго рога. Къ этому поясу, унизанному мѣдными пуговицами, какъ чешуями, привѣшивается съ боку ножъ въ коженномъ или деревянномъ чехлѣ и сумочка съ кремнемъ и огнивомъ.

Голову почти круглый годъ не закрываютъ; волосы, въ родѣ кося, обматываютъ красною шерстяною тесьмой; женщины привѣшиваютъ къ нимъ еще колокольчики и побрякушки.

Бѣлье у нихъ въ маломъ употребленіи, и то только у тѣхъ Остяковъ, которые живутъ въ Русскихъ селеніяхъ, или находятся въ частыхъ сообщеніяхъ съ ними. У сихъ послѣднихъ употребляются вмѣсто малицъ рубахи Русскаго покроя, съ воротниками и нарукавниками, равно и коймою на груди и снизу, изъ толстаго цвѣтнаго сукна. Иногда же къ рубашкамъ придѣлываются твердые откладные воротники, странно вылитые изъ олова и унизанные цвѣтными бусами и прочими прикрасами въ ихъ вкусъ. Изъ этихъ украшеній рубахи уже можно заключить, что она у нихъ употребляется не какъ бѣлье, а въ родѣ щегольской верхней лѣтней одежды, которую они изнашиваютъ до самаго нѣльзя, не мѣя и не чиня ее, покуда совершенно съ плечъ не свалтятся. Для предохраненія же малицы отъ дождя, надѣвается сверху, въ случаѣ надобности, *гусь*, изъ толстой серлагги—такой же широкой мѣшокъ съ рукавами и капшономъ для покрывки головы.

Единственная одежда женщинъ состоитъ изъ оленьей шубы шерстью вверхъ, наподобіе копита съ частыми завязками впереди, украшенная у нѣкоторыхъ кисточками и побрякушками. Снизу эта шуба подбивается песцовымъ, заячьимъ, или бѣличьимъ мѣхомъ, смотря по состоянію; надѣвается прямо на тѣло. Обувь такая же, какъ у мужчинъ. Бѣлье у нихъ еще въ меньшемъ употребленіи. Живущіе же постоянно при рѣкахъ, въ особенности близъ Русскихъ селеній, носятъ дома длинныя сорочки изъ толстаго крапивнаго холста, вышитыя снизу суковными и другими узорами. Голову Остаци покрываютъ широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ длинными нитяными бахрамами, закрывая имъ почти все лицо.

Къ описанному роду одежды нужно прибавить, что она не снимается и не перемѣняется у нихъ до самаго износа. Отъ такой неопратности и нечистоты почти всѣ онѣ бываютъ въ чесоткѣ.

Зимую какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обувь состоитъ изъ длинныхъ чулковъ, сшитыхъ изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ шерстью къ тѣлу, называемыхъ *чижами*. Сверхъ этихъ надѣваются ямки, другіе, пестрые и узорчатые чулки, сдѣланные изъ черныхъ и бѣлыхъ оленьихъ ногъ. Эта обувь защищаетъ ихъ отъ самыхъ лютыхъ морозовъ.

Кромѣ того мужчины надѣваютъ сверхъ малицы другую такую же оленью шубу, только подлиннѣе и шерстью вверхъ, называемую *паркою* или *тусемъ*, смотря по тому, изъ молодыхъ ли шкуръ или старыхъ оленей она сдѣлана. *Парка* легка и узорчата, *тусь* же изъ толстыхъ длинношерстныхъ шкуръ, проченъ и хорошо защищаетъ тѣло отъ сильнѣйшихъ морозовъ и мателей, свойственныхъ только суровому сѣверу.

Кромѣ описанной одежды, нѣкоторые въ домашнемъ быту носятъ изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ или другихъ мѣховъ шубы, въ родѣ халата, съ откладнымъ воротникомъ и шерстью вверхъ, называемыя *ля*.

Однимъ словомъ, одежда широдцевъ, хотя очень бѣдна, но вообще весьма удобна покроемъ своимъ, легка и вполне соответствуетъ ихъ климату и образу жизни; къ тому же прочная и недорогая, она шьется нитками изъ оленьихъ жилъ.

Пища. Остакамъ, занимающимся оленеводствомъ, главною пищею служитъ оленина валиная, вареная и сырая; въ послѣднемъ

видѣ она употребляется болѣе всего и составляетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ лакомство. Время, когда бьютъ оленя, составляетъ въ семействѣ Остяка праздникъ и возбуждаетъ особенное удовольствіе во всѣхъ членахъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ открывается кровавое пиршество. Вокругъ оленя, заколотога такъ, что вся кровь остается въ его внутренности, ободраннаго и вскрытаго, толпится все семейство, старій и малій; съ ножами въ рукахъ, всѣ съ жадностію вырѣзываютъ и ѣдятъ теплое мясо, обмакивая обыкновенно въ дымящуюся кровь, или запивая ею. Нужно притомъ удивляться, съ какимъ непостижимымъ искусствомъ они отрѣзываютъ ножомъ около самаго своего рта вверхъ къ носу куски мяса, захваченнаго зубами, и такъ бойко и ловко, что со стороны кажется непременно задѣветъ за носъ. Мясо глотаютъ они кусками почти не жевавши, и трудно представить себѣ, сколько каждый изъ нихъ можетъ съѣсть его.

Послѣ такого пира мужчины, приступаютъ къ уборкѣ оставшагося мяса женщины. Онѣ вытягиваютъ зубами жилки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдятъ въ свою очередь. Когда ѣдятъ мужчины, тогда онѣ почти ничего не смѣютъ трогать; въ особеннѣе, если есть тутъ гости, болѣе или менѣе почетные, которымъ представляется все лакомое.

Ребятишки, перемаранные совершенно въ кровь, долго остаются на мѣстѣ глотать коста и играть ими. Вообще всѣ они не любятъ мыться послѣ кровавой трапезы, покуда, временемъ, запекшая на лицѣ и рукахъ кровь не сотрется сама или не смоеется дождемъ.

Тѣ же Остяки, которые исключительно занимаются рыбными промыслами лѣтомъ, и живущіе постоянно при рѣкахъ, употребляютъ въ пищу рыбу сушеную, вареную, сырую, и нерѣдко протухлую предпочитаютъ даже сырой. Оленина же сырая считается у нихъ лучшею пищею, и употребляется въ особенныхъ празднествахъ.

Кромѣ того, всѣ они ѣдятъ сырую и вареную дичь, ягоды и проч., исключая только грибовъ, которыхъ не только не употребляютъ въ пищу, но даже съ удивленіемъ смотрятъ на Русскихъ, какъ они могутъ ѣсть ихъ: обстоятельство, впрочемъ довольно странное, что они не познакомились съ нѣкоторою питательностію грибовъ, употребляя все безъ исключенія въ пищу.

Хлѣбъ Остяки употребляютъ въ небольшомъ количествѣ, и болѣе муку, изъ которой варятъ густую похлебку, называемую *салымъ*, заправляемую оленьюю кровью или рыбьимъ жиромъ. Варятъ также похлебку изъ сырой рыбы безъ муки; кромѣ того, пекутъ около огня товкія лепешки изъ ржаной муки или изъ рыбьей мякоти, обращенной въ муку.

Всѣ они очень любятъ лакомства; нѣкоторые богатые пьютъ иногда чай, имѣя погребцы съ необходимымъ приборомъ. Всѣ страстно преданы горячимъ напиткамъ,—слабость, которая нерѣдко вводитъ въ нищету и разоряетъ инородцевъ. Если Остяка подпоть, то онъ по страсти къ напитку дѣлается весьма уступчивъ и, чтобы удовлетворить ей, готовъ за лишній стаканъ водки отдать лучшаго соболя. Поэтому они вообще весьма недовѣрчивы, боятся людей незнакомыхъ, которые могли бы воспользоваться ихъ слабостію, и сбываютъ добычу своихъ промысловъ преимущественно купцамъ знакомымъ, пріобрѣтшимъ ихъ довѣренность, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совѣтъ добросовѣстно пользуются ихъ простотою.

Табакъ они мало курятъ, но почти всѣ, не исключая и большей части женщинъ; кладутъ тертый табакъ за нижнюю губу въ большомъ количествѣ и также сильно нюхаютъ его. А что всего гнуснѣе: они безъ всякаго отвращенія ѣдятъ падаль, не смотря на запрещеніе Православнаго духовенства, всегда отговариваясь тѣмъ, что не все ли равно, какимъ образомъ убить скоть.

Оленеводство. Кочеваніе Остяковъ постоянно при извѣстныхъ рѣкахъ для рыбныхъ и звѣринныхъ промысловъ и значительное отдаленіе мѣстъ, удобныхъ для пастбищъ, не представляютъ возможности всѣмъ имъ заниматься оленеводствомъ, которое составляетъ главное и даже единственное средство жизни другихъ кочевыхъ племенъ сѣверной Сибири. Поэтому въ этой отрасли промышленности Остяки далеко уступаютъ богатымъ оленеводамъ Зырянскимъ и даже сѣвернымъ Самоѣдамъ, хотя и встрѣчаются между Остяками нѣкоторые богачи, имѣющіе отъ 500 до 5000 оленей, но всовокупности стада ихъ, въ томъ числѣ и принадлежащія Русскимъ промышленникамъ Березовскаго округа, едва ли превышаютъ 50,000 головъ; изъ этого числа до 20,000 истреблено повальною язвою, свирѣпствовавшею лѣтомъ 1848 года на Уралѣ. Эта язва раззорила благосостояніе многихъ ту-

земцевъ и едва ли они скоро опять поправятся. Собственнаго оленеводства Остяковъ недостаточно даже для одежды, которою отчасти снабжаютъ ихъ Зыряне и Самоѣды; они считаютъ ее лучшею потому, что сами Остяки мало занимаютъся шитьемъ и не такъ искусны.

Нужно замѣтить, что оленеводство для инородцевъ не сопряжено ни съ какими особенными трудами и заботами: олень, благородное и полезнѣйшее животное, составляя все богатство полудикаго обитателя сѣвера, служить во всемъ хозяину своему, не требуя притомъ никакого о себѣ попеченія. Лѣтомъ и зимою онъ употребляется для трудныхъ и нерѣдко отдаленныхъ поѣздокъ; на немъ гоняется за звѣремъ туземецъ; въ послѣдствіи мясо его служитъ пищею; изъ шкуры его готовится одежда, жилище и другіе предметы. Былъ бы только въ мѣстахъ пастбищъ бѣлый мохъ, составляющій главную пищу оленя, и болѣе ничего ему не нужно. Немалога удивленія достойно и то, что стадо оленей, свыше 2000 головъ, не требуетъ большаго присмотра за собою ни днемъ ни ночью, ни въ хорошую ни въ дурную погоду. При нихъ обыкновенно находится одинъ, а много два человѣка сторожей и пять, шесть маленькихъ собакъ; стадо же, менѣе 1000, днемъ почти всегда оставляется безъ пастуха при однѣхъ только собакахъ.

Олени одарены быстрымъ бѣгомъ, большими и вѣтвистыми рогами, широкими копытами, которыми крѣпко могутъ легаться; они довольно пугливы въ дикомъ состояніи и не подпускаютъ къ себѣ человѣка. Ручные олени чрезвычайно смирны и послушны и, не смотря на количество ихъ, человѣкъ можетъ дѣлать съ ними что хочетъ. Они даже боятся и повинуются нѣсколькимъ маленькимъ понятливымъ собакамъ, которыя, по звуку пастуха, съ удивительнымъ инстинктомъ собираютъ, ласкаютъ и таяканьемъ, все стадо и, бѣгая полукругомъ, загоняютъ его къ чуму. Въ случаѣ надобности выбирать оленей для упряжи или другой цѣли, нѣсколько человѣкъ окружаютъ стадо тонкою веревкою, чрезъ которую уже ни одинъ олень не покусится перескочить. На рога оленей, непопавшихъ въ кругъ, но предназначенныхъ въ упряжь, Остякъ накидываетъ орканъ мѣткою рукою и даже на всемъ ихъ бѣгу рѣдко дѣлаетъ промахъ.

Чумовище свое, мѣсто кочевья, Остяки перемѣняютъ доволь-

но часто, смотря по тому, когда въ окрестностях окажется недостатокъ въ ихѣ, нужномъ для пастбища оленей. Признакомъ этого недостатка служитъ слишкомъ большое удаленіе стада отъ чума. Тогда разбираютъ чумъ, связываютъ всё пожитки свои на нарты, запряженные по 2, 3 и 4 оленя, смотря по тяжести, и все семейство тянется потомъ длиннымъ караваномъ по горамъ, голымъ камнямъ, по чащѣ лѣса, находя вездѣ себѣ проѣздъ, чему способствуютъ чудное устройство легкихъ нартъ и ловкая упряжь оленей. Мѣста пастбищъ выбираются преимущественно при истокахъ рѣкъ, гдѣ находятся большіе пласты не растаявающаго лѣтомъ снѣга; тамъ олени могутъ находить себѣ прохладу въ жары, въ особенности въ комарное время.

Промислы. Независимо отъ оленеводства, въ зимнее время звѣриная ловля составляетъ главный и общій промыслъ для всѣхъ инородцевъ безъ исключенія; лѣтомъ же большая часть изъ нихъ занимается рыбными промыслами и птицеловствомъ. Не имѣя возможности исчислить множество разнаго рода звѣрей и птицъ, водящихся въ сѣверной Сибири, и рыбъ, которыми весьма обильны рѣки ея, упомяну здѣсь только о главныхъ орудіяхъ и снарядахъ, употребляемыхъ на этихъ промыслахъ Остяками.

Звѣрей ловятъ капканами, западнями (слапцы), отравою, самострѣлами (*), огнестрѣльнымъ оружіемъ, метаніемъ изъ лука (смотря по звѣрю), разными стрѣлами (**); не рѣдко также бьютъ дикихъ оленей и волковъ рогатинами, гоняясь за ними на легкихъ нартахъ, запряженныхъ оленями. Иногда и на медвѣдя влугъ, вооруженные рогатинами же.

Птицеловство производится силками, перевѣсомъ (***), слапцами, стрѣланіемъ изъ ружей, метаніемъ изъ лука и нѣкоторыми другими способами.

Для рыбной ловли употребляются сѣти, невода, морды (изъ

(*) Родъ большаго лука, востороженнаго въ лѣсу на замѣченномъ слѣдѣ звѣря; стрѣльба изъ лука значительно сильнѣе ручнаго.

(**) Напримѣръ: для бѣлки употребляется стрѣла съ шарообразнымъ чаконечникомъ; попадаютъ имъ въ голову, чтобы не портить шкуры.

(***) См. въ концѣ описанія рѣки Сосвы, ловля птицъ перевѣсомъ.

прутьевъ), остроги и другіе способы. Для ловли обыкновенно загораживаются протоки и въ нихъ устанавливаются разные снаряды. Лѣтомъ Остяки рыболовы съ цѣлыми семействами переходятъ изъ зимнихъ юртъ къ значительнымъ рѣкамъ, гдѣ, на удобныхъ для промысла мѣстахъ, разбиваютъ себѣ временныя берестовыя шалаши, въ которыхъ живутъ, какъ олениводы въ чумахъ. Добываемую рыбу они вялятъ на солнцѣ, сушатъ и солятъ.

Наружный видъ и умственныя способности. Остяки роста средняго, худощавы, довольно нескладны, вялы и неповоротливы; цвѣтъ лица желтоблѣдный, при маленькихъ черныхъ глазахъ, широкому носу и посредственному рту; волосы болѣею частью черныя; бородъ не имѣютъ; если же у кого и начинается волосъ, то его сейчасъ выщипываютъ или стригутъ; наружность ихъ вообще очень старообразна; вѣроятно, суровый климатъ, двкій образъ жизни, труды, нужда и лишенія имѣютъ на то вліяніе. Нерѣдко встрѣчаются лица, обезображенныя слѣдами губительной сифилитической заразы.

Кромѣ болѣзней, свойственныхъ климату и образу жизни, у Остяковъ природная оспа производитъ опустошительныя дѣйствія, не смотря ни на какія врачебныя пособія, даже прививаніе коровьей оспы.

Лѣтность и безпечность—болѣе или менѣе общая черта Остяковъ и главная причина ихъ бѣдности. Хотя они не лишены умственныхъ способностей, которыя развиты только соотвѣтственно физическимъ потребностямъ жизни; но многіе изъ нихъ очень безтолковы. О лѣтахъ своихъ, можно сказать, никто не знаетъ изъ нихъ: прибавляютъ себѣ ихъ больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Шестидесятилѣтвій *ойка* (старикъ почтенный), вѣрно скажетъ, что ему *«надо быть уже есть 100 лѣтъ»*. Да самыя повлія ихъ въ лѣтосчисленіи весьма ограничены и едва переходятъ за десятокъ лѣтъ, впрочемъ они почитаютъ даже лишнимъ знать это. Раздѣленіе времени года основано у нихъ на звѣриной и рыбной ловлѣ, на перелетѣ птицъ и проч.; мѣсяцы считаютъ по луннымъ теченіямъ и новый годъ начинаютъ съ послѣдней половины Октября мѣсяца.

Почти каждый изъ нихъ имѣетъ по два имени: одно Остяцкое, выражающее какое нибудь событіе, обстоятельство, вещь и проч., случившееся при рожденіи его; напримѣръ: *Мамъ-пыръ*

моленькій мальчикъ), *гайдма* (дикій), *лаача* (утка), *лакуръ* (неровная земля) и т. п.; другое же православное имя, и почти всегда въ уменьшительномъ видѣ: *Сенька*, *Васька* и проч. Прозваній же своихъ большая часть не можетъ упомянуть: отъ того при сборѣ ясака встрѣчаются большія затрудненія. Обыкновенно при этомъ нѣкоторые Остяки, на вопросъ чиновника о прозваніи, отвѣчаютъ сердито: «*что ты у меня спрашиваешь? развѣ сама не знаешь? посмотри въ книгу, тамъ найдешь!*» Поэтому и прозванія свои они называютъ *лѣпокъ-неме*, что значатъ въ переводѣ бумажное имя.

О нравахъ, обычаяхъ и религіи. Остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы и хладнокровны; отличительная черта ихъ честность, дружелюбіе и гостепріимство. Ревность, свойственная всѣмъ восточнымъ народамъ, не сопровождается у нихъ сильнымъ мщеніемъ, особенною враждою или злопамятствомъ; съ женами же своими обходятся сурово, поварварски, какъ съ невольницами; женщины вообще у нихъ въ большомъ пренебреженіи и даже не считаются въ числѣ людей. Только въ пьяномъ видѣ Остяки затѣваютъ большею частію между собою ссоры, которыя оканчиваются верѣдко дракою; пьянство есть общій и самый величайшій ихъ порокъ.

Большая часть изъ крещеныхъ Остяковъ, исповѣдая Православную религію только по наружности, предается грубому идолопоклонству, отправляя въ сокровенной глуши лѣсовъ и на высяхъ горъ жертвоприношенія своимъ кумирамъ.

Свѣтъ Христіанскаго ученія проникнулъ въ Березовскій край еще въ царствованіе Царя Михаила Феодоровича; но большая часть Остяковъ обращена въ Христіанство около 1714 года Преосвященнымъ Филоеемъ, Митрополитомъ Tobольскимъ и Сибирскимъ.

Ограничившись этимъ краткимъ очеркомъ быта туземцевъ, ночующихъ на осмотрѣнномъ протяженіи Урала, я перехожу къ описанію рѣки Вишеры, святой мною на путя къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка *Вишера* (Пассеръ-я по-Вогульски), имѣя начало изъ западнаго склона Уральского хребта, изъ горы *Поримдинтъ-урръ*, какъ описано выше, течетъ первоначально въ южномъ и юго-западномъ направленіяхъ малыми извилинами, огибая мысы отроговъ *Ндты-Крѣджемъ-Гдсса-пель*, *Мдинтъ-тумтъ* и *Мдласси*

сдвиг-мелъ, и, увеличившись на этомъ протяженіи многими притоками своими, идетъ по глубокой горной долинь, между послѣдними замѣчательными и скалистыми горами, около 15 верстъ, до устья рѣки *Лопы*, впадающей съ правой стороны. Берега долины по крутымъ склонамъ около версты вверхъ покрыты лѣсомъ, постепенно уменьшающимся до извѣснаго предѣла своего; выше же обнажены отъ всякой растительности. Въ эту долину, хотя не безъ малого труда, мы подвигались въ малыхъ лодочкахъ, упиралась шестью, по довольно быстрому и мелкому руслу *Вишеры*, между обнаженными изъ воды камнями. Выше устья рѣки *Лопы* на *Вишерѣ* нѣются броды для нартъ, дагѣ же нигдѣ ихъ нѣтъ.

Отъ горы *Мавсенгумъ-велъ*, дождавшись съ вершины малой *Печоры* оленей подъ тяжесть, мы пошли пѣшкомъ 5 Іюля, по отрогамъ западнаго склона *Урала*, къ горѣ *Пдри-моинитъ-уррѣ* при вершинѣ *Вишеры*.

Отъ устья *Лопы*, *Вишера* течетъ почти прямо на югъ, по лѣсной и болотистой низменности, болѣе 45 верстъ, до высокой горы *Курыксерскаго камня* (*Якдакъ* по-*Вогульски*), который скалистыми и крутыми отрогомъ своимъ примыкаетъ прямо къ рѣкѣ съ лѣвой стороны.

Версть 20 вверхъ по *Вишерѣ* отъ послѣдняго пункта въ продолженіе *Курыксерскаго* камня къ сѣверу, тянется примѣчательный по высотѣ, виду и числу сопокъ, сѣдой, каменистый хребетъ *Тулымскій камень* (*Лю-неръ* или *Яхтель-я-неръ*), отстоящій отъ рѣки на 5 и 8 верстъ, смотря по колѣнамъ рѣки, которыя она дѣлаетъ около лѣсныхъ отроговъ его. Изъ послѣднихъ примѣчательнѣе при самой рѣкѣ лѣсной курганъ *Алчускій чурокъ*.

На всемъ этомъ протяженіи отъ устья рѣки *Лопы*, *Вишера*, приливъ съ правой стороны рѣки *Лылю*, съ лѣвой рѣки *Мурасю*, *Большую* и *Сухую Мойсу* и рѣчку *Доланиху*, значительно увеличивается въ ширинѣ и глубинѣ своей: первая отъ 20 до 70 сажень, послѣдняя до 4 футовъ. Грунтъ ея каменистый, много острововъ и мелей, теченіе быстрое и непостоянное.

Отъ сѣверной оконечности *Тулымскаго* камня, версть 5 выше рѣки *Лыньи*, начинаются по *Вишерѣ* большіе и частые пороги, которые, въ связи съ мелями, каменными *переборами* и *тлунями*, непрерывно почти идутъ версть 12 до означенной рѣчки *Дол-*

гавани. Плаваніе по этому протяженію чрезвычайно затруднительно и довольно опасно, притомъ возможно не иначе, какъ въ малыхъ лодочкахъ, которыя можно подвигать противъ теченія, только упираясь веслами. По лѣсистымъ берегамъ рѣки всюду показываются каменные обнаженія, мѣстами отдѣльныя скалы и большія груды ровсыней. Такъ какъ все протяженіе Вишеры, наполненное порогами, находится при подошвѣ Тулымскаго камня, поэтому у Вогуловъ хребетъ этотъ называется *Яхтель-я-неръ*, въ переводѣ *порожнній камень*, а самая рѣка Лышья, впадающая на этомъ же протяженіи, называется *Яхтелья, порожная рѣка*, отъ слова *Яхтель-порогъ*.

Противъ Курьксерскаго камня, на правомъ берегу Вишеры, находится большая гора *Березовскій камень* (Кассепъ-нѣръ), заключающая вершины значительной рѣки Березовки, впадающей въ Колву. Это названіе гора получила вѣроятно потому, что она почти вся, кромѣ южной вершины, покрыта березовымъ лѣсомъ. Отъ послѣдней горы, Вишера принимаетъ направленіе на юго-востокъ до горы *Пронащинской* (Каластали-уоль-урръ), протекая малыми извилинами верстъ 20 по широкой и мокрой лѣсистой долинѣ.

Въ связи съ Курьксерскимъ камнемъ, по лѣвому берегу рѣки находятся горы: *Ленива-неръ*, *Чувальскій камень* (Чоуль-пауль-неръ) и упомянутая *Пронащинская*. Съ устья рѣки Чувальской, между послѣдними горами, отходитъ оленья дорога на Уралъ, чрезъ Чувальскій камень. По этому пути отдѣлились изъ нашего отряда астрономъ Ковальскій и естествоиспытатель Брантъ, которые потомъ дошли по Уралу до вершины рѣки Малой Печоры, т. е. до общаго пункта соединенія воѣхъ частей нашей экспедиціи.

Брантъ представилъ рекогносцировку этого пути, изъ которой видно, что ливія раздѣленія водъ, отстоя отъ Вишеры верстъ на 30, пролегаетъ высокими краями: *Имеримъ*, *Ялькинъ-неръ*, *Манъ-урръ* и *Муравьинскій камень*; потомъ хребтомъ, менѣе возвышеннымъ *Ошнеръ* и *Канхай-тулимъ* соединяется съ горою *Поримонитъ-урръ*, откуда началась уже непрерывная маршрутная съемка моя по Уралу.

На описанномъ предъ симъ направленіи отъ Березовскаго камня, Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣчки *Талу*, *Верхнюю Рдсю*, съ лѣвой *Большую* и *Малую Неполовную* и

рѣку *Ирдискую*. Далѣе, отъ Пропадшинскаго камня, она принимаетъ главное направленіе свое на югозападъ до деревни *Усть-Уль-суя* и течетъ болѣе 50 верстъ рѣками и довольно долгими колѣнами, между крутыми и наменными берегами горной долины. На этомъ протяженіи въ ущельяхъ и глубокихъ овраговъ Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣки: *Большую Паниху, Банюю, Дыроватиху, Юльму* и *Кедровку*; съ лѣвой стороны рѣки: *Пропадшинскую, Малую Паниху, Велю, Большую* и *Малую Расью*; наконецъ большую рѣку *Ульсуй*, выдающую въ Вишеру противъ упомянутой деревни того же имени. *Ульсуй* вытекаетъ изъ горы *Куаркуша камня* на Уралѣ, длина теченія ея до 100 верстъ, наибольшая ширина около 40 сажень; берега крутые и покрытые густымъ лѣсомъ. Она весьма удобна для сплава лѣса.

Ширина главнаго русла Вишеры, кромѣ острововъ и заостровокъ, мѣстами болѣе 50 сажень, въ межливую воду становится значительно глубже; теченіе довольно быстрое; мѣстами каменистые переборы и тагуны чрезвычайно увеличиваютъ степенъ быстроты теченія. Острововъ и мелей очень много и они довольно значительны по пространству.

На правомъ горномъ берегу Вишеры, выше устья рѣки *Дыроватихи*, выдается каменный утесъ съ развѣтливою, называемый *Дыроватый камень*. Ниже устья рѣки *Юльмы* правый горный берегъ имеетъ высокими островопечными скалами подъ именемъ *Юльмская камня*. При устьѣ рѣки *Кедровки* стоитъ острѣйшая, острая и странной фигуры скала *Камень-Кедръ*. Потомъ на томъ же берегу, верстахъ въ 3-хъ ниже, находится скала *Билый камень*. По лѣвому горному берегу отъ деревни *Усть-Ульсуй* вверхъ, при крутыхъ поворотахъ рѣки выдаются замѣчательныя скалы и утесы подъ слѣдующими названіями: *Киринаякладъ* верстахъ въ 3-хъ отъ деревни *Филиковъ-камень* противъ означеннаго *Биллаго камня*, *Дуньминъ камень* выше рѣки *Юльмы*. Ближъ послѣдней на противоположномъ берегу рѣки находится изба, казарна *Всеволожскаго*. И наконецъ осталнаго скала *Прокофьевскій камень*, находящаяся версты 4 выше рѣки *Велса*.

Самые берега рѣки окаймляются во многихъ мѣстахъ широкою полосой луга или кустарника, по мѣрѣ того, какъ горные берега отклоняются отъ нея. Мѣстами же горные берега подхо-

лечь къ самой рѣкѣ и, кромѣ поименованныхъ скалъ, идутъ каменныя обнаженныя скалами, выдающіяся изъ лѣса и торчащія надъ водою.

Лѣсъ болѣею частію хвойный: пихта, ель, сосна, кедръ, береза, ива; другія породы лиственнаго лѣса попадаются дурьма. Отъ рѣки видны каменныя края Урала верстахъ въ 10 къ востоку: *Большой и Малой Убрышкинъ-камень* и *Раскиткой-камень*.

Нужно замѣтить, что на всемъ пространствѣ отъ вершины Вишеры и до деревни Усть-Ульсуй, всѣ поименованныя выше рѣки, рѣчки, овалы, горы и проч., кромѣ Русскаго названія имѣютъ еще другое Вогульское имя. Даже самыя колѣна рѣки (плесы) на всемъ протяженіи имѣютъ двойныя имена, изъ коихъ нѣкоторыя соответствуютъ одно другому въ переводѣ, нѣкоторыя же произвольныя. Я счелъ лишнимъ вписывать сюда эти подробности изъ топографическаго журнала моего.

Деревня *Усть-Ульсуй* имѣетъ 7 дворовъ, которые расположены на скатѣ праваго горнаго берега Вишеры, противъ устья рѣки *Ульсуй*. Окрестности деревни закрыты густымъ еловымъ лѣсомъ; пахатной земли при ней почти не имѣется, кромѣ нѣкоторыхъ скудныхъ огородовъ. Это послѣдняя деревня вверхъ по Вишерѣ, выше жъ рѣка необитаема и заключается въ рубежѣ вочевыхъ Вогуловъ, такъ называемыхъ *лсачинъ*. До сихъ поръ рѣка судоходна, въ особенности въ полоую воду: мы поднялись до этой деревни въ 3-хъ довольно большихъ шиткахъ; а для дальнѣйшаго плаванія вверхъ по Вишерѣ, должны были всѣ размѣститься на 20 малыхъ лодкахъ Вогульскихъ, на которыхъ уже поднялись до самыхъ верховьевъ описываемой рѣки.

Далѣе, внизъ, до слѣдующей деревни *Алчима*, Вишера течетъ болѣе 40 верстъ тремя главными и рѣчными колѣнами, между крутыми и высокими горными берегами, почти всюду закрытыми густымъ лѣсомъ; впрочемъ, мѣстами горы значительно уклоняются отъ рѣки, образуя широкія луговые низменности; мѣстами же горы прилегаютъ къ самой рѣкѣ большими открытыми скалами и обнаженіями подъ различными именами. Первоначальнымъ почти западнымъ направленіемъ отъ Усть-Ульсуй, она протекаетъ нѣкоторыми извилинами до *Головскаго камня*, горы на правомъ берегу съ каменными обнаженными

скалами. Увершись же въ притесы послѣдней горы, она круто поворачивается прямо на югъ, образуя второе главное колѣно, и течетъ версты 15 до горы *Золотой*, находящейся на лѣвомъ берегу ея.

На этихъ двухъ колѣнахъ съ правой стороны впадаютъ въ Вишеру рѣчки: *Большая и Малая Вѣя, Гостинковская и Плещидца*. Первая изъ нихъ, Большая Вѣя, вытекающая начало изъ Березовскаго камня, послѣ 20-верстной длины теченія своего, ссырывается вся въ землѣ, не дойдя 2/3 версты до Вишеры; въ полную же воду она на этомъ пространствѣ вытекаетъ наружное теченіе и сливается съ главною рѣкою. Вишерцы утверждаютъ, что этотъ притокъ трубою проходитъ подъ самою Вишерою и, уже вышедши на противоположномъ берегу ея быстрымъ родникомъ изъ землѣ, вытекаетъ потомъ въ рѣку. Версты 2 выше устья Большой Вѣи, примыкаетъ къ водѣ дикая скала отъ горы *Вѣтринскаго камня*.

Съ лѣвой же стороны на означенномъ протяженіи Вишера принимаетъ въ себя послѣ Ульсудъ рѣчки: *Ерѣмику, Мельничный-родникъ* (съ малою на ней водяною мельницею) и три *Золотыхъ: Верхнюю, Среднюю и Нижнюю*. Послѣднія три вытекаютъ изъ довольно высокой, открытой и широкой горы *Золотой*, названной вѣроятно по желтоватому виду ея; гора эта примыкаетъ лѣвыми отрогами къ самой рѣкѣ. Противъ Средней Золотыхъ, около высокаго и скалистаго камня *Войца*, Вишера поворачивается на западъ, и протекаетъ остальное разстояніе до деревни Акчина, еще тремя малыми, почти пятиверстными колѣнами: въ западномъ, югозападномъ и въ сѣверозападномъ направленіяхъ, принявъ съ лѣвой стороны рѣчки *Малую и Большую Ябурекую* и *Акчимъ*. По правому берегу означеннаго здѣсь югозападнаго колѣна рѣки, выше рѣчекъ Ябурскихъ, тянутся почти непрерывно каменные скалы въ родѣ стѣны, подъ именемъ *Ябурскаго камня*. Выше послѣдняго впадаетъ съ правой стороны въ Вишеру рѣка *Кобыльская*.

На описанномъ протяженіи между деревнями Усть-Ульсудъ и Акчиномъ, Вишера вытекаетъ много и довольно большихъ острововъ, называемыхъ именами прилежащихъ къ нимъ рѣчекъ и скалъ, какъ то: *Ульсудскій, Вѣтринскій, Головскій, Гостинковскій, Березовскій, Кобыльскій, Вогульскій, Моговой, Пальничекъ и Еловскій*. Послѣднія одишь за другими тянутся до устья рѣки Ак-

чима. Ширина Вишеры на этомъ протяженіи различна; наибольшая ширина главнаго русла простирается до 50 сажень, глубина около 6 футовъ; здѣсь по ней встрѣчается много острововъ и мелей. Быстрота теченія въ $\frac{50}{100}$ сажень; по значительные тягучи и каменные переборы мѣстами весьма увеличиваютъ эту быстроту.

Деревня Акчимъ находится на отлогой возвышенности правого горнаго берега Вишеры, имѣеть 11 дворовъ. Поля простираются за деревню не болѣе какъ на 20 сажень; далѣе же въ окрестностяхъ сплошной лѣсъ, покрывающій берега рѣки почти на всемъ протяженіи. Въ верстѣ выше деревни впадаетъ съ противоположной стороны въ Вишеру рѣчка одного имени съ самою деревнею. Отъ Акчимской деревни Вишера течетъ прямо на сѣверъ 3 версты, гдѣ потомъ, упершись въ правый скалистый берегъ долины своей, круто поворачиваетъ на западъ; потомъ чрезъ версту, измѣнивъ главное направленіе къ сѣверозападу, протекаетъ верстѣ 12 плавными и незначительными отклоненіями отъ онаго до *деревни Силучи*, имѣя на этомъ протяженіи по правому берегу деревни: *Писанную* съ 10 дворами, въ верстахъ 6 отъ Акчима, в другую чрезъ 3 версты еще ниже, *Вордню* въ 3 двора.

Съ правой стороны впадаютъ рѣки: *Вдлимъ*, *Писанка*, *Мал. Вороня*; рѣчки *Климковская* и *Россомаца*. Съ лѣвой же стороны: р. *Большая Вордья*, противъ деревни того же имени.

Берега долины высоки и круты и попеременно возвышаются то одинъ, то другой. На версту отъ деревни Писанной, на правомъ горномъ берегу находится примѣчательная скала *Писанный камень*, примыкающая къ рѣкѣ Писанкѣ, текущей по глубокому оврагу. И вообще скалистый горный берегъ выше послѣдней рѣки извѣстенъ полъ тѣмъ же именемъ. Замѣчательно, что эта скала будто изчерчена и исцарапана какими-то довольно крупными чертами и углубленіями, что-то въ родѣ Славянскихъ буквъ, въ которыхъ однакожъ ничего разобрать нельзя. Писанный видъ скалы придалъ названія деревнѣ, рѣкѣ и всему скалистому горному берегу. У туземцевъ есть странная повѣрѣя и предразсудки относительно этой скалы. Одинъ изъ Вишерцевъ говорилъ намъ: «старики сказывали, будто бы на этомъ камнѣ въ первобытныхъ времена написаны имена всѣхъ горъ, рѣкъ и проч. здѣшняго края»; и присовокупилъ, что достовѣрность этого преданія

подтверждается тѣмъ, что еще ни одинъ человекъ не могъ прочесть этой надписи: онъ ссылаясь въ томъ на многихъ ученыхъ людей, которые тщетно пытались разобрать ее, и указывалъ на насъ самихъ. Независимо отъ этого сказа-вія, мнѣніе нѣкоторыхъ основательныхъ людей приписываетъ эту надпись путешественникамъ. Въ старину чрезъ городъ Чердынь и эти ненаселенныя мѣста пролеталъ большой эми-вій путь въ сѣверные Уральскіе заводы и въ Сибирь; по всей вѣроятности, останавливавшіеся здѣсь проѣзжіе могли дѣлать на камнѣ разныя надписи, которыя теперь искажены и стерты рукою времени.

Деревня Сипучи, имѣющая 11 дворовъ, расположена въ доли-нѣ по обоимъ берегамъ рѣки *Большой Сипучанки*, впадающей въ Вишеру съ лѣвой стороны. Отъ этой рѣчки, почти на версту ниже, тянется по берегу Вишеры огромная, крутая и возвышаю-щаяся надъ другими гора *Сипучій камень*, замѣчательная тѣмъ, что состоитъ изъ сплошной гряды каменныхъ отломковъ и розсыпей, которыя отъ малѣйшаго толчка или даже отъ одно-го случайно скатывающагося съ верху камня въ большомъ количествѣ сыплются въ рѣку. По восточному склону этой горы находятся скудныя пашни поселянъ, а остальные части, кромѣ каменнаго берега Вишеры, покрыты желкимъ ельникомъ и берзою.

Далѣе отъ описанной деревни, рѣка течетъ въ западномъ на-правленіи мимо деревень *Потаскуева*, на правомъ берегу, вер-стахъ въ 7 отъ Сипучи, и *Головской*, въ полувёрстѣ ниже предъи-дущей на противоположномъ берегу. Отсюда Вишера прини-маетъ совершенно южное направленіе; на правомъ берегу ея находятся деревни: *Гуимйи*, *Мартини* и *Велгурь*. Первые двѣ, одна подлѣ другой, въ верстахъ 6 отъ Головской, а по-слѣдняя еще версты 4 ниже первыхъ.

Отъ послѣдней деревни Вишера, круто и подъ острымъ угломъ, поворачиваетъ къ сѣверозападу и идетъ трехверстнымъ колѣ-номъ до устья рѣки *Малая Шукура*; далѣе же, слѣдуя еще не-большіе и рѣзкіе изгибы около деревни *Шукура*, на правомъ бе-регу верстахъ въ 5 отъ Велгура находящейся, принимаетъ направленіе на югозападъ и течетъ прямо безъ всякихъ изви-лигъ, долгими плесами версты 12 до деревни *Колчижа*, мимо деревни *Долноплѣсы*, въ 5 верстахъ выше первой находящейся.

Всѣ поименованныя здѣсь деревни незначительны: *Потаску-ега* имѣетъ 4 двора, *Головская* 1, *Гушминки* и *Мартини* 4, *Велгуръ* 15, *Щугуръ* 7, *Долгоплёсы* 5 и *Колчимъ* 8 дворовъ. Всѣ они лишены почти всякой пахатной земли, какъ климатомъ, такъ и свойствомъ каменистой появы горнаго берега, на которомъ они расположены; воздѣлываются только кое-какія полянки, огородики и болѣе ничего. Густыя чащи лѣса березоваго, еловаго и мѣстами смѣшаннаго, въ полномъ смыслѣ покрываютъ пустынные берега Вишеры. Кромѣ обнаженныхъ камней и мѣстами огромныхъ гарниковъ, ничего не представляется во время плаванія на всемъ протяженіи ея теченія.

На этой дистанціи съ правой стороны соединяются рѣчки: *Прилучная*, *Малая* и *Большая Шелюга*, *Члетицкая*, *Ластинская* и *Малый Щугуръ*. Съ лѣвой же стороны впадаютъ рѣчки *Малая Сипучанка*, *Гдловская*, *Дыроватиха*, *Гушеръ* рѣки *Велгуръ* и *Большой Щугуръ* противъ деревень, соответствующихъ названію; потомъ рѣчка *Маслянка* и наконецъ рѣка *Большой Колчимъ* противъ деревни того же имени. До деревни *Колчима* высокіе горные берега имѣютъ то же описанное выше свойство, возвышаясь одна надъ другою попеременно и выдаваясь обнаженными скалами къ рѣкѣ, и слѣдуютъ примкнутыми къ оной крутизнами. Только между деревнями *Сипучи* и *Гушминки* лѣвый берегъ дѣлаетъ значительныя уклоненія отъ рѣки, уступая мѣсто обширнымъ, мокрымъ, луговымъ кустарникамъ. Примѣчательныя изъ скалъ суть: на правомъ берегу *Админский камень* и *камень Забачъ* между деревнями *Долгоплёсы* и *Щугуромъ*; и *Ластинскій камень* выше рѣчки того же имени. На лѣвомъ берегу выше деревни *Гушминки*, при устьѣ рѣчки *Дыроватиха* *Дыроватый камень*; горы *Лодкинъ* и *Притонскій камни* одна подлѣ другой, противъ деревни *Велгура*. Кромѣ того на правомъ берегу находятся примѣчательныя открытыя горы *Грелучал* и *Чистинская*; первая между рѣчками *Шелюгами*, вторая выше рѣчки того же названія.

Вишера стала значительно глубже; наибольшая ширина ея въ межливую воду болѣе 60 сажень; здѣсь довольно тихое теченіе: въ $\frac{1}{4}$ сажень, въ особенности въ долгихъ плесахъ. Острововъ довольно; примѣчательныя между ими *Сипучскіе*, съ большими при нихъ отшелли и каменными переборами, весьма затрудняющими плаваніе въ этомъ мѣстѣ.

Отъ дер. Колчима, рѣка имѣетъ главное направленіе къ сѣверо-западу, протекая мимо дер. *Говорухи*, села *Говорливо*, деревень *Владѣва* и *Романихи*; потомъ далѣе посредственными двумя югозападными и юговосточными колѣнами течетъ между деревнями *Ижениновою* и *Талицею*; наконецъ, принявъ направленіе прямо на югъ, идетъ мимо деревень *Бахары* или *Пахары* и *Митрокова* до рѣчки *Морчановки*.

Эти изгибы Вишера дѣлаетъ на протяженіи какихъ нибудь 27 верстъ теченія своего. Считаая, по глазомѣрно снятому маршруту, послѣдовательныя разстоянія между ними суть слѣдующія:

Отъ Колчима до Говорухи,	6	верстъ.
— с. Говорливо, болѣе	4	— —
— Владѣва	2	— —
— Романихи, болѣе . .	1	— —
— Иженинова	3	— —
— Палицы, болѣе . .	2	— —
— Бахары	7	— —
— Митрокова	1	— —

Эти деревни расположены на правомъ берегу Вишеры, кромѣ только *Талицы*, *Митрокова* и еще, неупомянутыхъ выше, деревень *Морицнова*, *Березники* и *Никидва*, на лѣвомъ берегу находящихся. Деревня Талица въ верстѣ въ сторонѣ отъ Вишеры, на рѣкѣ того же имени; а послѣднія три находятся ниже Митрокова, отстоя почти на версту одна отъ другой и постепенно удаляясь отъ Вишеры по правому берегу рѣчки Морчановки. Населеніемъ всѣ онѣ незначительны, подобно деревнямъ, выше описаннымъ: *Говоруха* имѣетъ 6 дворовъ, село *Говорливо* 10 при небольшой деревянной церкви, *Владѣва* 10 дворовъ, *Романиха* 15 и 4 двора, по другую сторону рѣчки Большой Романихи расположенныхъ, подъ особымъ именемъ деревни *Усть-Романихи*; потомъ дер. *Иженинова* 8 дворовъ, *Талица* 8, *Бахары* 5, *Митрокова* 8, *Морчанова* 18, *Березники* 4 и *Никидва* 7 дворовъ.

Вишера на этомъ протяженіи принимаетъ съ правой стороны рѣчки: *Говоруху*, *Говорливскую*, *Большую Романиху*, *Иженинову*, *Петрукину* и *Бахаревку*; съ лѣвой—*Сторожевскую*, *Соболиху*, *Талицу*, *Ветланку*, *Митроковку* и *Морчановку*.

Высокіе горныя берега рѣки на послѣднемъ описанномъ протяженіи особенно замѣчательны тѣмъ, что они у деревень Бахары и Митрокова составляютъ предѣлъ оканчивающихся отраслей Уральскаго хребта. Кромѣ того, они отличаются видомъ, высотой и огромностію скалъ. Переходъ отъ топкихъ и низменныхъ лѣсныхъ береговъ рѣки, къ этимъ удивительнымъ каменнымъ высотамъ, поражающимъ взоръ путешественника, поднимающагося вверхъ по Вишерѣ, здѣсь весьма разителенъ. Вверхъ отъ дер. Бахары правый горный берегъ дѣлается сейчасъ обрывистымъ и тянется версты двѣ, выставлющимися изъ разбросаннаго лѣса каменными утесами и скалами, между которыми по виду особенно любопытны *Острый камень* и *Филиновъ камень*; первая имѣетъ видъ развалины высокой башни съ острокопечнымъ шпиромъ; обѣ покрыты кое-гдѣ мхомъ и дикими растеніями.

Далѣе, на слѣдующемъ колѣнѣ, примыкаетъ къ самой рѣкѣ съ лѣвой стороны *камень Ветланъ*, удивительно гладкою и бѣлою стѣною, возвышающеюся совершенно отвѣсно надъ водою почти на 20 сажень; этотъ камень простирается версты на полторы по Вишерѣ сплошными скалами до рѣчки *Ветланки*. На правомъ берегу обращаетъ на себя вниманіе скала *Кедровичъ камень*. Наконецъ самая замѣчательная возвышенность по всей Вишерѣ есть *Говорливскій камень*. Эта каменная стѣна, отъ села *Говорливо*, постепенно возвышающаяся отвѣсно изъ воды до 30 сажень, простирается вдоль праваго берега рѣки сплошною массою высокихъ скалъ болѣе 2 версты до деревни *Говорухи*; прорѣзываетъ только глубокая и дикая долина р. *Говорухи*. Ея дикое очертаніе, съ выставлющимися изъ разлоговъ большими наклонными лѣсками и гнѣздящимися кустами въ разѣлинахъ, величественно отражается въ плавномъ и чистомъ руслѣ Вишеры, которая, протекая въ этомъ мѣстѣ по прямому направленію, омываетъ гладкое основаніе этой громадной стѣны.

Кромѣ вида и величныя, *Говорливскій камень* обращаетъ на себя особенное вниманіе по удивительному эху, которымъ повторяется лаственно и даже звучнѣе не только каждое сказанное на рѣкѣ слово, но и малѣйшіе переливы звука, такъ, что забываешь, что это эхо, а не искусное подражаніе челоуѣка. Есть даже такіе пункты на рѣкѣ, откуда эхо повторяется нѣсколько

рѣку постепенно ослабѣвающими и удаляющимися звуками. Я считалъ нелишнимъ приложить здѣсь видъ этого интереснаго камня въ томъ видѣ, какъ я успѣлъ и хотѣю напечатать, калыва мнѣ его.

Видъ Говорливскаго камня. (*)

Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что суевѣріе и невѣжество могли родить много предрассудковъ и нелѣпыхъ сказаній между туземцами объ этой восхитительной вгрь природы. Плаваніе по этому протяженію рѣки весьма пріятно, тѣмъ болѣе, что противоположный берегъ Вишеры различается по виду и дѣлаетъ мѣстность еще живописнѣе; онъ также крутъ и высокъ, но далеко уступаетъ высотой правому, влеть разнообразіи лощинами, оврагами и мысами, покрытыми густою зеленою лѣса.

На сѣверозападѣ отъ деревни Бахары находится самая высокая и скалистая гора изъ отраслей Уральскаго хребта, оканчивающаяся у той деревни—*Полюдова камень*, возвышающаяся около 1500 футовъ надъ поверхностію Вишеры, по приблизительному барометрическому опредѣленію. Скалистая вершина горы открыта и оканчивается съ сѣверной и западной сторонъ отвѣсными каменными утесами, до самой лѣсной долины у ея подошвы; восточная же и южная стороны состоятъ изъ трехъ довольно крутыхъ уступовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Верхній уступъ самый крутой; на второмъ уступѣ находятся большія каменные розсыпи; третій же, нижній, не такъ крутъ и соединяется съ возвышенностію праваго берега Вишеры, у означенной деревни Бахары.

Скалистые бока *Полюдова камня* представляются во время плаванія по Вишерѣ съ разныхъ сторонъ, смотря по извилинамъ, какія дѣлаетъ рѣка. Камень этотъ, будто бы, получалъ названіе

(*) А. В. поверхность рѣки Вишеры. а) Церковь села Говорливо. б) Устье рѣки Говоруха. в) Деревня Говоруха.

по имени *Цолада*, мужа, замѣчательнаго роста; силою и крепостію тѣлесною, жившаго нѣкогда въ пещерѣ горы.

Ниже рѣчки Морчановки, Вишера течетъ 70 верстъ до устья р. Колвы, по низменной, лѣсистой и болотистой мѣстности, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ незначительные обрывистые берега, образуемые лѣсными холмами и песчаными возвышеніями, прямыкающими къ рѣкѣ. На этомъ протяженіи общее направленіе ея къ городу *Чердыню* западно-юго-западное; но она здѣсь такъ извилиста, что приходится нѣсколько разъ плыть по направленію одного и того же румба. Одна изъ извилинъ ея въ особенности замѣчательна: верстахъ въ 12 ниже дер. Митрокова, на лѣвомъ берегу рѣки, въ лѣсу находится протокъ *Волочекъ*, длиною менѣе версты; онъ служатъ въ полую воду для переволакиванія лодокъ черезъ мысъ, въ избѣжаніе плаванія по Вишерѣ 13 верстъ до противоположнаго устья Волочка. Съ правой стороны, Вишера принимаетъ только одну рѣчку *Черную*, 5 верстъ ниже Морчановки; съ лѣвой впадаютъ рѣки *Вижанка*, *Сарматиха*, выше Волочка, и *Усолку*, ниже его; конецъ большая рѣка *Язьва*, вытекающая изъ *Куаркуша камня*, впадаетъ верстъ 40 выше устья *Колвы*. Длина теченія ея до 200 верстъ (по разспросу), ширина отъ 25 и болѣе сажень.

По берегамъ Вишеры тянутся прекрасные сѣнокосы значительными полосами луга, подъ различными именами; во многихъ мѣстахъ удобно подниматься по рѣкѣ на бичевомъ тягѣ. Верстахъ въ 15 выше устья *Колвы*, извилистый рукавъ Вишеры, называемый *Криво*, образуетъ обширный островъ *Соропчихо*, состоящій изъ мокраго луга, покрытаго кустарникомъ. Вишера, принявъ р. *Колву* съ правой стороны, дѣлается значительно судоходною рѣкою во всякое время года до замерзанія, и течетъ далѣе верстъ 70, до впаденія ея въ р. *Каму*, у села *Кондратьева*. Эта остальная часть теченія не снята и не осмотрѣна мною, потому что она находится за предѣломъ пространства, предназначеннаго къ изслѣдованію нашей экспедиціи. По послѣднимъ мною разспросамъ извѣстно, что на правомъ берегу ея расположены деревни: *Остлякова*, *Кулакова*, *Аниковская*, *Чувашева*, *Сартакова* и село *Ледкери*. Противъ дер. Аниковской на Вишерѣ находятся двѣ переправы на паромѣхъ, по обѣимъ сторонамъ большаго острова, черезъ который пролегаетъ почто-

ная дорога въ городъ Чердынь. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ отлогіе и удобныя для спуска къ переправамъ.

Городъ Чердынь расположенъ на правомъ, высокомъ берегу р. Колвы, текущей съ сѣвера на югъ, въ 5 верстахъ выше впаденія ея въ Вишеру. Городъ съ прямыми и очень правильными улицами, довольно порядочно обстроенный, имѣетъ каменные церкви, казенныя и частныя каменные строенія. Почти на отдѣльной возвышенности горнаго берега, близъ соборной церкви, выстроена каменная часовня надъ могилою 85 гражданъ Чердынскихъ, убитыхъ въ сраженіи съ Нагайскими Татарами въ 1547 году. Слѣды бывшихъ земляныхъ укрѣпленій еще и теперь очень замѣтны.

Окрестность города закрыта лѣсомъ и гориста; поля, прилежащія къ оному и окрестнымъ селеніямъ, совершенно незначительны. Въ его окрестностяхъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ деревень, обращаютъ на себя вниманіе села *Сергеево* и *Панча*; оба на правомъ берегу, первое при устьѣ Колвы, послѣднее въ верстахъ 6 отъ Чердыни вверхъ по этой рѣкѣ. Противоположный берегъ рѣки низменный, луговой и покрытъ раскиданными группами и сплошными массами кустарника. Надъ этимъ обширнымъ пространствомъ луга, на сѣверо-востокѣ, верстахъ въ 29 отъ города, возвышается отдѣльною скалою гора *Полюдовъ камень*, измѣненіе цвѣта котораго предсказываетъ жителямъ перемену погоды: бѣлизна вѣщаетъ хорошую, а темносиній цвѣтъ дурную. Еще отдаленнѣе за рѣкою, видны тнушіяся къ сѣверу Уральскія горы, между которыми примѣчательнъ хребетъ *Помлѣнный камень*. Все это, вѣсть взятое, представляетъ прелестный видъ, когда смотришь изъ города. Разливъ Вишеры близъ Чердыни начинается въ первыхъ числахъ Мая, и продолжается недѣли четыре; вся широкая долина ея заливаема водою. Глубина разливовъ мѣстами превышаетъ 5 саженой. Рѣка замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ Октября, а иногда нѣсколько позже. Средняя глубина въ межливную или въ обыкновенную воду отъ 3 до 5 аршинъ; на протяженіи судходности.

Увотребляющіяся здѣсь суда называются *шамалами*, *каюками* и *навозками*. Первые, длиною отъ 8 до 12 сажень, поднимаютъ отъ 10,000 до 126,000 пудовъ; послѣднія же, каюки и на-

вошки, отъ 5 до 8 сажень, и поднимаютъ отъ 1,200 до 2,000 в болѣе пудовъ; они плоскодонны и одномачтовья, строятся преимущественно при селѣ *Вилморть* и дер. *Волмилъ* на Колѣѣ. Постройка ихъ обходится довольно дешево какъ по обилію лѣса, такъ и по недорогой платѣ за работу.

Жителей въ Чердынѣ до 3,000 человекъ, которые, вмѣстѣ съ жителями ближайшихъ селеній, занимаются торговлею на значительныя суммы. Купцовъ и торговыхъ людей вообще очень много; главный предметъ торговли ихъ сѣмга, изъ низовьевъ Печоры, и пушные товары, сбываемые на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ; иные же скупаютъ хлѣбъ въ городѣ *Сарапулѣ*, и отправляютъ его на судахъ чрезъ Чердынъ на низовья Печоры, доставляя оттуда произведенія того края. Большая часть жителей Чердынскихъ, равно какъ и крестьяне Ваширокіе и другихъ ближайшихъ деревень, занимаются звѣрствомъ, добывая въ особенности много бѣлокъ. Они очень ловко ходятъ на лыжахъ и значительно удаляются отъ жилищъ своихъ. Нѣкоторые искусно выкармливаютъ въ клеткахъ лисницъ, хотя шерсть послѣднихъ всегда хуже нѣсколько, нежели на дикой лисницѣ; но Чердынцы употребляютъ всѣ средства къ тому, чтобы шерсть была пушище и длиннѣе, на примѣръ: подъ конецъ выкармливанія они начинаютъ морить голодомъ этихъ животныхъ и, заставляя болѣе страдать ихъ, переламываютъ имъ ноги. И дѣйствительно, отъ этого ли безчеловѣчнаго удабриванія шерсти, или отъ другихъ средствъ, весьма трудно бываетъ отличить шкуру дикой лисницы отъ домашней. Дѣломъ главное занятіе крестьянъ состоитъ въ сплавокѣ дровъ съ верхняго рѣки и поставкѣ ихъ на солеваренныя заводы; многіе же занимаются строеніемъ судовъ и работою на судахъ. Зимой перевозятъ грузы въ *Ирбитъ* прямо чрезъ горы, мимо *Верхотурья*, и на *Якитинскую пристань*, оттуда опять въ *Чердынъ* и въ *Усть-Блоаскую* приставь.

Рѣки *Вашиера* и *Колва* необильны рыбою, поэтому особенныхъ рыбныхъ промысловъ не имѣется на нихъ. Неблагодарная земля, но дурной почвѣ своей и холодному климату, не смотря на частыя удабриванія, не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльцевъ; поэтому хлѣбопашество здѣсь незначительно и собираемо хлѣбъ не достаетъ на прокормленіе. Въ иной годъ ранняя осень не дозволяетъ даже и собрать хлѣбу. Многіе жители Чер-

льскаго уѣзда переселяются въ Осинскій уѣздъ; нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ ведутъ какъ бы полуосѣдлую жизнь: выстроивъ дома, проживуть и потомъ бросаютъ ихъ, переезжая на другія отдаленныя и болѣе удобныя мѣста.

Описавъ по возможности собственно въ топографическомъ отношеніи пространство, снятое и осмотрѣнное на всеиъ протяженіи, пройденномъ нами, и коснувшись поверхностно этнографіи этого края, я переходу теперь къ подробному описанію возвратнаго пути съ Урала въ 1847 году, по отрогамъ восточнаго склона его и по рѣкамъ *Сымаъ* (Дяппиъ) и *Сосваъ*, до города *Березова*, съ приискованіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о Березовскомъ краѣ.

Къ 1 Сентября вся экспедиція собралась на р. *Щугуръ*, у означеннаго выше пункта. Полковникъ Гофманъ, путешествовавшій по рѣкамъ западнаго склона Урала, встрѣтивъ кое-какія поселенія, могъ приобрести нѣсколько хлѣба и надѣлать мяса; уже болѣе надѣли путешествовавшихъ безъ сухарей. Не смотря на это незначительное приобрѣтеніе провизіи, недостатокъ былъ все-таки весьма ощутителенъ, и нѣмалъ же дозволялъ всей экспедиціи вмѣстѣ слѣдовать еще далѣе по Уралу до широты дер. *Орандца* на *Печорѣ*, куда потомъ должны были спуститься зимовать. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, а также отъ поздняго времени года, полковникъ Гофманъ долженъ былъ опять раздѣлиться съ маіоромъ *Стражевскимъ*, чтобы снова соединиться уже въ городѣ *Березовѣ*; вслѣдствіе чего Гофманъ съ естественнытателемъ *Брантомъ* и топографомъ *Брагиннымъ* отправились налегкѣ далѣе къ сѣверу по Уралу, до горы *Кослас-адъъ*, упомянутой выше въ общемъ обзорѣ путешествія. Астрономъ *Кевальскій* спустился по р. *Щугурѣ* на *Печору* и оттуда далѣе до города *Чердыня* для наблюденій. Маіоръ же *Стражевскій* спустился на востокъ со всѣмъ вмѣществомъ экспедиціи, направляя путь къ р. *Сымаъ*, а уже сею послѣднею и р. *Сосвою* до г. *Березова*. Находясь въ отрядѣ *Стражеваго*, я слѣлалъ непрерывную маршрутную съемку нашего пути съ Уральскаго хребта до г. *Березова*.

Открытый хребетъ Урала въ этомъ мѣстѣ: *Хоръ-Хурасеръ*, *Илдиъ-салъ-кель* и *Сатаниъ-урръ*, гдѣ находится много истоковъ рѣкъ *Турметъ-я*, пуская въ дѣлестои и некрѣпкія лѣсомъ отрокамъ

своим верстъ на 20 къ востоку. Изъ послѣднихъ только открыты и примѣчательны по высотѣ: *Кореджъ-урръ*, *Азутасъ-колы-урръ*, *Иджтслова-нелъ* и *Кейтальминъ-нелъ*. На этомъ протяженіи пролегающая значительными извилинами оленья дорога на р. Сыгву въ юрты Ляпвскіе, довольно удобопроходима до рѣчки *Кересъ-урръ-я*; далѣе же къ востоку отсюда отроги Урала почти совершенно кончаются, и начинается болотистая и лѣсная долина, перерѣзываемая невысокими лѣсными хребтами и возвышеніями, имѣющими нечѣ или болѣе связь съ отраслями Урала. Въ лѣсу начинается появляться сосна, которой на Уралѣ не имѣется совершенно. Путь чрезъ болота мѣстами совсѣмъ не проходимъ; только широкія и раздвоенныя копыта легкаго и стройнаго оленя, простая, ловкая и хорошо придуманная упряжь и самое устройство нарты, саней Остяцкихъ, употребляемыхъ лѣтомъ и зимою, могутъ пролагать путь чрезъ эти жидкія трясины. Однимъ словомъ, дороги, называемыя оленьими, въ полномъ смыслѣ слова удобопроходимы единственно для однихъ оленей; камни, крутвыны, кочки, чаща лѣса, кусты, топи и проч. не препятствуютъ ихъ проѣзду.

Не смотря на дикую пустыню этой страны, каждая гора, пригорекъ, рѣчка, болото и другіе, даже мелочные, предметы, всѣ имѣютъ собственное названіе у туземцевъ. Остяки не затрудняются объяснять другъ другу мѣсто на дорогѣ, гдѣ именно что побудь случилось съ ними и, кажется, нисколько не хуже нашего опредѣляютъ разстоянія между селеніями по верстамъ. Путь нашъ съ Урала и до дер. Согвы, пролегая чрезъ многія рѣчки, болота и горы, опредѣлялся вездѣ именами этихъ мѣстностей, напримѣръ: послѣ упомянутой рѣчки *Кересъ-урръ-я*, начинается болото, до 2-хъ верстъ шириною, *Голисенъ-Кдылтъ*, къ нему примыкаетъ возвышеніе *Гурсенъ-Содутъ*, потомъ р. *Кейтальминъ-урръ-я*, хребетъ *Халь-урръ*, болото *Тырымъ-Кдылтъ* и рѣчка *Сдылкъ-я*. Далѣе дорога идетъ по лѣсу чрезъ р. *Улетемъ-я*, вытекающую изъ обширнаго и открытаго болота *Улетемъ-насъ-кдылтъ*; потомъ поднимается на возвышеніе *Азутасъ-колы-урръ*, съ глубокою каменною разсѣлиною въ родѣ пещеры. Менювая это возвышеніе, покрытое почти чистымъ сосновымъ лѣсомъ, дорога спускается въ болото *Урсисъ-кдылтъ* и проходитъ чрезъ истоки рѣчекъ *Манъ* и *Акъ-урсисъ-я* на хребетъ

Нарм-м-урр; съ послѣдняго опять спускается черезъ рѣку *Нилемаль-я* въ болото *Тосем-тур* (сухое озеро въ переводѣ), простирающееся въ ширину версть 5 до самой рѣки *Ятри-я*.

Протяженіе описаннаго пути отъ р. *Кѣрест-урр-я* и до послѣдней рѣки, всего около 30 верствъ, имѣетъ направленіе почти восточное. Рѣка *Ятри-я* имѣетъ начало изъ самаго Урала, противъ истоковъ р. *Нанъ-сѣры-я*; принявъ съ лѣвой стороны р. *Турмет-я*, она становится довольно значительною, расширяясь на 12 и болѣе сажень, и впадаетъ въ р. *Чортанъ*, а сія послѣдняя въ р. Сыгву. Отъ р. *Ятри-я* до юртъ *Али-хдрумъ-пауль*, на правомъ берегу Сыгвы, дорога имѣетъ направленіе юговосточное, пролегаетъ версть 8 по лѣвой возвышенности *Ятри-оатъ-урр* до рѣчки *Нялькинъ-я*; далѣе же слѣдуетъ внизъ по этой рѣчкѣ еще около 8 верствъ до слиянія ея съ Сыгвою, принимая ручьи и рѣчки, свои притоки, подъ различными названіями.

Въ юртахъ *Али-хдрумъ-пауль* мы оставили провожатыхъ съ оленями, и наняли лодки изъ ближайшихъ юртъ для дальнѣйшаго плаванія по этой рѣчкѣ. Нельзя было, однакожь, нанять постоянныхъ проводниковъ съ лодками; Остатки весьма дорожили временемъ для рыбнаго промысла; поэтому мы плыли на перекладныхъ лодкахъ по р. Сыгвѣ и по Сосвѣ до самаго Березова.

Рѣка *Сыва* или *Ляпина* (Сакъ-я по-Остицки) беретъ начало изъ самаго Урала, около 65½ градуса сѣверной широты, изъ горы *Хула*, и, говорятъ, очень извилиста у верховьевъ. На протяженіи около 200 верствъ теченія въ южномъ направленіи до юртъ *Али-хдрумъ-пауль*, принявъ много значительныхъ притоковъ, въ особенности р. *Чортанъ*, она дѣлается уже большою рѣкою. Отсюда ширина ея отъ 50 до 100 сажень; она довольно глубока; теченіе посредственное и даже тихое; острововъ не имѣется; грунтъ болѣею частію песчаный. Берега ея на всемъ протяженіи до слиянія съ Сосвою покрыты мѣшаннымъ лѣсомъ, низменны и мѣстами очень болотисты; по самымъ окраинамъ тянутся широкія полосы тальнику. Отъ юртъ *Али-хдрумъ-пауль* она течетъ болѣе 40 верствъ большими колѣнами и извилинами въ главномъ юговосточномъ направленіи до юртъ *Луурни-пауль*. Между поименованными юр-

тамъ заводятся еще на лѣвомъ берегу юрты *Луи-хоруми-пауль*, на правомъ *Овими-пауль* и *Мѣзыми-пауль*, и потомъ ниже, на лѣвомъ же берегу, *Алмусь-пауль*, или *Допомъ-вошь* (дер. Ляпина по-Русски). Эта послѣдняя деревня расположена на рукавѣ, называемомъ *Сдрахъ*, который, отдѣлившись отъ рѣки верстахъ въ 7 выше *Али-хоруми-пауль*, образуетъ обширный островъ, и, говорятъ, течетъ верстъ 100 до слиянія ея опять съ Сыгвою при описываемой деревнѣ. Деревня Ляпина есть средоточіе Остяковъ Ляпинской волости; здѣсь живетъ ихъ старшина.

Около 1714 года, по присоединеніи къ Православной Церкви Остяковъ здѣшнякъ, была выстроена тутъ деревянная церковь; но въ концѣ прошлаго столѣтія она сожжена Остяками по той причинѣ, что недалеко отъ нея находилось и, говорятъ, даже и теперь существуетъ, въ глуши лѣса ихъ языческое капище. Впрочемъ, теперь опять предполагаютъ построить церковь въ этой деревнѣ, для раздѣленія обширнаго, по пространству, прихода Сосвинскаго на двѣ части, какъ это прежде было.

Ниже юрты Пугурви-пауль, Сыгва принимаетъ главное направленіе восточное, до впаденія ея въ Сосву; но она дѣлаетъ чрезвычайныя извилины, протекая болѣе 40 верстъ. На этомъ протяженіи по лѣвому берегу находятся юрты и лѣтніе рыболовные балаганы: *Луски-пауль*, *Тѣлли-пауль*, *Рассъязунди-пауль* и *Сакъ-сони-пауль*, при устьѣ Сыгвы.

Всѣ селенія Остяковъ, или лучше зимнія жилища ихъ, на самомъ мною пространствѣ, малочисленны и состоятъ изъ нѣсколькихъ кое-какъ расположенныхъ юртъ и маленькихъ амбаровъ, устроенныхъ болѣею частию на столбахъ. Юрты же ихъ не что иное, какъ бревенчатыя избушки, закрытыя сверху, вмѣсто крыши, бревнами и покрытыя землею. Наверху оставлено отверстіе для дыма надъ каминомъ, устроеннымъ обыкновенно въ одномъ изъ угловъ или по срединѣ юрты. Въ стѣнѣ прорубается одно небольшое четырехугольное окошко, закрываемое прозрачнымъ листомъ, склееннымъ изъ рыбьихъ шкуроекъ, или же вставленнымъ плотно толстымъ кускомъ льда; дверь дѣлается весьма маленькая. Внутри юрты кругомъ низенькія нары съ перегородками, покрытыя пружинными коврами и оленьими шкурами. Полъ земляной и рѣдко глѣ устланъ

досками; гряды, неспротивость, копыты и проч. составляют главныя принадлежности жилища Остяка.

Идородцы, отправляясь съ семействами лѣтомъ на рыбныя промыслы или кочевье по оленеводству, оставляютъ юрты свои открытыми и пустыми; пожитки и нѣкоторые запасы съфотыныхъ припасовъ они складываютъ въ анбары и не запираютъ ихъ, но просто оставляютъ притворенными или завязанными, не опасаясь похищенія, чего въ самомъ дѣлѣ почти никогда между ними не случается. Однако нѣкоторые изъ нихъ, затворяя двери, настраиваютъ большія стрѣлы съ желѣзными наконечниками, такимъ образомъ, что онѣ сильно поражаютъ неосторожно отворяющаго дверь любопытнаго или похитителя. На рыбныхъ промыслахъ по протокамъ и удобнымъ пескамъ до рѣкъ они живутъ въ берестяныхъ балаганахъ, подобныхъ чумамъ кочующихъ.

Рѣка *Сосва*, или *Тайтъ-я*, вытекаетъ изъ Уральскаго хребта противъ вершинъ р. Печоры, и, по выходѣ изъ горъ, протекая вдоль восточнаго склона его съ юга на сѣверъ, принимаетъ въ себя всѣ рѣки этого склона; кромѣ того, много значительныхъ рѣкъ южныхъ служатъ ей протоками, какъ то: *Лепид*, текущая съ Урала же, *Тансиа*, *Курыя* и другія прямо съ юга, почти отъ 61½ градуса сѣверной широты.

Принявъ р. *Сыгу* съ лѣвой стороны, она становится огромною рѣкою и течетъ величественно въ пустынныхъ берегахъ своихъ около 300 верстъ до г. *Березова*. Ширина главнаго русла ея, кромѣ острововъ и протоковъ, простирается отъ 100 до 300 и болѣе сажень. Берега, почти вездѣ низменные, покрыты лѣсомъ или сплошными кустарниками, мѣстами болотисты, мѣстами же отрасли значительныхъ лѣсныхъ возвышеній, примыкая къ рѣкѣ, образуютъ невысокіе, обрывистые берега.

Острововъ очень много и они довольно велики, вособенности ближе къ Березову. Теченіе посредственное, однако быстрое, чѣмъ въ Сыгвѣ; грунтъ кажется болѣею частью песчаный, судя по берегамъ и большимъ песчанымъ островамъ. Селенія Остяковъ, по нѣскольку юртъ видѣтъ, простираются внизъ по Сосвѣ отъ устья рѣки Сыгвы и до г. Березова въ слѣдующихъ послѣдовательныхъ между собою разстояніяхъ:

Вретахъ въ 10 *Соминскія юрты* надъ *Сама-пауль*; около 40

верста *Глань-пауль*; до 20 верста *Помкань-пауль*; потомъ село *Сосвинское* или *Сортынъ-я-пауль* въ 15 верстахъ. Последнее село лежитъ версты 4 ниже устья рѣки *Сортынъ-я* на лѣвомъ берегу *Сосвы*, съ небольшою и бѣдною деревянною церковью, заложенною почти одновременно съ церковью, бывшею въ дер. *Липинѣ*. Здѣсь, кромѣ 10 юртъ *Остакныхъ*, есть нѣсколько порядочныхъ домиковъ: домъ священника, церковнослужителей и нѣсколькихъ другихъ Русскихъ, занимающихся здѣсь торговлею. Несмотря на бѣдность, селеніе это кажется едва ли не лучше города, послѣ продолжительнаго путешествія въ совершенно необитаемой странѣ и по пустыннымъ рѣкамъ между убогими и полуоседлыми юртами *Остаконъ*, почти пустыхъ въ лѣтнее время.

Двѣ волости, *Липинская* и *Сосвинская*, составляютъ обширный приходъ этого села. Прибывъ сюда 14 Сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, мы имѣли случай быть у обѣда послѣ четырехвѣснаго кочеванія и могли воспользоваться нѣкоторыми удобствами осѣдой жизни, купить хлѣба и другіе припасы. На другой же день успѣли отправиться далѣе, видя впримѣтно приближающуюся зиму и опасаясь быть застигнутыми морозами въ плаваніи, съ довольно большимъ приномъ транспортомъ.

Внизъ по *Сосвѣ* отъ описаннаго села къ *Березову*, юрты *Остаконъ* встрѣчаются уже чаще, какъ это видно изъ послѣдующихъ между нами разстояній.

Отъ *Сосвинскаго*

до <i>Нялинъ-пауль</i>	6 верста
— <i>Тоболдинскихъ</i> юртъ, подъ частными названіями:	
— <i>Пупень-пауль</i>	20 —
— <i>Куртъ-пауль</i>	3 —
— <i>Оль-тумъ-пауль</i>	10 —
— <i>Сиппелъ-пауль</i>	7 —
— <i>Собакловъ-пауль</i>	13 —
— <i>Улетемъ-пауль</i>	5 —
— <i>Анъ-я-пауль</i>	5 —
— <i>Луй-Анъ-я-пауль</i>	4 —
— <i>Росъ-пауль</i>	5 —
— <i>Нятенъ-пауль</i>	2 —

до Юграшскихъ юртъ или Бурны пауль	10	версты.
— Росс-суи-пауль	12	—
— Дюленорскихъ юртъ, находящихся въ 3-хъ мѣстахъ еще ниже по рѣкѣ	5	—
— Дѣтнихъ Тары-соумъ-пауль	10	—
— Зимнихъ Тары-соумъ-пауль или Резиновскихъ юртъ	8	—
— Явы-Чертыхъ-я-пауль	5	—
— Виттеръ-пелъ-пауль	8	—
— Шуе-пелъ-пауль	7	—
— Шайтанскихъ юртъ или Яльпангъ - пелъ-пауль	20	—
— Нижне-шайтанскихъ юртъ	6	—
— г. Березова	20	—

Всѣ означенныя здѣсь селенія малочисленны и заключаютъ отъ 1 до 4 юртъ, исключая только Анъ-я-пауль и Дюленорскихъ, гдѣ находится по 7 юртъ въ каждой.

Сосва течетъ отъ устья р. Сыгвы плавными и большими колѣнами, въ главномъ юго-восточномъ направленіи, почти 500 около 130 веротъ, до соединенія съ рѣкою *Малюю Сосвою*, ниже Юграшскихъ юртъ, образуя только въ одномъ мѣстѣ между юртами Сиписель-пауль и Анъ-я-пауль значительное изгибленіе къ югу, и потомъ крутой поворотъ прямо на сѣверъ, всего на протяжении 30 веротъ; далѣе же, увеличившись еще въ ширинѣ, принимаетъ общее направленіе почти прямо на сѣверъ, и протекаетъ до самаго Березова.

Кромѣ многихъ малыхъ рѣчекъ и притоковъ изъ озеръ, подъ разными названіями, въ Сосву впадаютъ слѣдующія значительныя рѣки, съ правой стороны: *Сакъ-шима-я*, противъ устья р. Сыгвы; *Петкеш-я*, ниже юртъ того же имени; *Ям-Яльмикъ-я*, выше Пуппелъ-пауль; *Куртъ-я*, при юртахъ также называемыхъ; *Миккулъ-я*, ниже Оль-тумпъ-пауль; *Саксеня-я*, выше Улетемъ-пауль; потомъ означенная выше рѣка *Малая Сосва* или *Мель-таитъ-я*, вытекающая начало въ болотистой низменности между Уральскими хребтомъ и р. Обью. На протяжении почти 200 версты теченія своего съ юга на сѣверъ, на ее берегахъ много селеній Обскихъ Остяковъ, различающихся нарѣчіемъ отъ Двинцевъ и Сосвинцевъ; наконецъ Сосва впадаетъ р. *Ям-чертыми-я*, противъ юртъ того же имени.

Съ лѣвой стороны, вѣтви отъ устья Сирова; въ нее впадаютъ: *Гдань-я*, выше юръ Гогангъ-пауль; *Сортын-я*, близъ села Сосвинскаго; *Ан-я*, вѣтъ юртахъ того же имени и р. *Шайтанка* или *Яльпинь-нѣль-я*, впадающая при юртахъ Шайтанскихъ. Рѣка Сосва отъ Шуенелекинъ юръ, на протяженіи 80 верстъ до впаденія ея въ Малую Обь, покрыта многими огромными островами и, находясь въ общей неизменной долині съ повѣднею рѣкою, течетъ параллельно ей съ юга на сѣверъ, отстоя не болѣе какъ на 20 верстъ одна отъ другой. На этомъ протяженіи въ Сосву втекаютъ изъ Оби четыре замѣчательнѣйшихъ притока: *Порилонъ*, *Пирсимъ*, *Большой Кочевъ* и *Вайсова*. Первые два и Вайсова судоходны и имѣютъ ширину до 150 сажень; какъ говорятъ, неизмѣнны и плывутъ въ направленіи почти перпендикулярномъ къ обнимъ рѣкамъ; устья первыхъ двухъ протоковъ находятся по Сосвѣ вер. 25 одно отъ другого; потокъ Кочевъ въ 15 вер.; Вайсова же соединяется съ Сосвою около 3 верстъ ниже Березова. Судя, идущія изъ Оби въ Березовъ, не поднимаются прямо по Сосвѣ во избѣжаніе быстроты теченія, но дѣлаютъ обходъ по Оби, гдѣ теченіе нѣсколько умирѣннѣе, и спускаются уже по протоку Вайсову въ Сосву. Все изысченное пространство между этими огромнѣйшими рѣками покрыто разбросаннымъ лѣсомъ и кустарникомъ и не только оверами, множествомъ протоковъ и непроходимыми теплыми и разливами, низмѣстными серыми утвесцево. Рѣка Сирова и Сосва обильны рыбою; кромѣ того, около послѣдней бываетъ очень много дичи; дикія утки, гуси и татары многосотенными стадами покрываютъ рѣку, такъ что ихъ ловить здѣсь сѣтями и, при счастливой ловлѣ, одинъ человекъ можетъ добыть рыбы до 100 штукъ. Такой уловъ можетъ показаться даже новѣрожденнымъ людямъ, незнающимъ Сибиря и привыкшимъ видѣть нашихъ охотниковъ, потирающихъ груди и благо для едва вознаграждаются нѣсколькими пудама, а иногда почти ничѣмъ. Этотъ родъ ловли называется здѣсь *переканомъ добычею*, и состоитъ въ слѣдующемъ: выбираютъ на рѣкѣ выдающуюся лѣссую мысу, или протоки и заливы, закрытые лѣсомъ или тальникомъ въ рѣкѣ, и дѣлаютъ для пролета птицъ вроски, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высовія шесты, съ привѣшенными въ верху блячками и пропущенными съ нихъ тонкими веревками, привѣ-

важными же охоты, которая ложится же войлоком пролету птицъ. Свужукая съ рѣки стала нивца влущивъ въ лодкѣ человекѣмъ, или же произвольно перелетающая, поднимаясь нѣсколько отъ поверхности воды, сильно стремится въ первую прогалну дѣса, гдѣ видна вода, или значительное открытое мѣсто; въ это время лосицъ промышленникъ, лежащій на караулѣ, вдругъ поднимаетъ сѣть, и рѣдкая стада изъ цѣлой стаи на будетъ добычею его. Эта ловля производится преимущественно на утренней и вечерней зарѣ. Такихъ перевѣсовъ дѣлается много на рѣкѣ, и разумѣется, что въ иной понадеется и много и пасте, въ другіе же рѣдко и мало дичи; впрочемъ туземцы очень опытны въ выборѣ мѣста для нервѣсовъ. Благодаря этому легкому способу добыванія дичи, лущая утка въ Березовѣ дѣломъ стѣить се дороже 3-хъ копейкъ серебромъ.

Разныя стада пустынныхъ рѣкъ простираются весьма широко, но не бывають глубокіи; въ Октябрѣ почти всегда замерзають и рѣдко раньше Мая вскрываются. По самымъ рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ, и близъ береговъ ихъ, прелегаеть зимній путь изъ города Березова чрезъ Уральскій хребетъ, въ деревню Оранжевъ на Печорѣ.

Березовъ, уѣздный городъ Тобольской губерніи, лежитъ подъ 63° 55', 9 северной широты, 82° 47', долготы отъ 1-го меридіана, среди пустынныхъ дѣсовъ и тунларъ отдаленнаго сѣвера, на дѣломъ доводдо возвышенномъ берегу рѣки Сосвы, въ верстахъ 25 отъ сѣдня послѣдней съ рѣкою Обью. Этотъ древній городъ, сначала острогъ, основанъ въ 1593 году при Царѣ Теодорѣ Юдиловичѣ, близъ бывшаго Остяцкаго селенія *Сумуть-Вожъ*, означающаго въ переводѣ *березовіи городокъ*, отъ чего вѣроятно и происходитъ названіе *Березова*; въ гербѣ этого города въ серебряномъ полѣ изображены три березы.

Въ длину городъ простирается по Сосвѣ, съ сѣвера на югъ около 400 сажень, въ ширину же не болѣе полуверсты. Въ Березовѣ всего 150 домовъ, всѣ деревянные и большею частію вѣтхіе. Въ городѣ двѣ прекрасныя каменныя церкви: Воскресенскій соборъ и другая во имя Рождества Богородицы. Онѣ построены на самомъ горномъ берегу и величественно возвышаются надъ дикими окрестностями, радуя издали верхами своими утомленный взоръ приближающагося къ нимъ плавца пустынныхъ рѣкъ.

Имъ извощныхъ и общественныхъ зданий принадлежатъ: 14 деревянныхъ домовъ: 1-й вмѣщаетъ въ себя окружной и земскій суды и окружное казначейство; 2-й городскую полицію; 3-й духовное правленіе; 4-й городское хозяйственное правленіе; 5-й учебное училище, къ несчастію погорѣвшее лѣтомъ 1867 года; 6-й инородческую больницу для Остяковъ в Самѣдовѣ Березовскаго Округа (*), 7-й городской лазаретъ; 8-й почтовую контору; 9-й казенный магазинъ для складки пушныхъ товаровъ и кладовая окружнаго казначейства; 10-й казачій провіантскій магазинъ; 11-й ссудный хлѣбный магазинъ для инородцевъ; 12-й городской хлѣбозапасный магазинъ; 13-й солиной магазинъ и 14-й пороховой погребокъ.

На берегу Сосвы, у подножья и на склонахъ горнаго берега ея, выстроены для складки товаровъ сараи и амбары, съ устроенными въ нихъ 6 или 7-ю лавочками, составляющими гостинный Березовскій дворъ; зимою же, по случаю сильныхъ морозовъ, въ нихъ торговать бываетъ невозможно, поэтому всѣ товары продаются тогда въ домахъ купцовъ. Кромѣ трехъ продолжныхъ и прямыхъ улицъ, весь городъ состоитъ изъ частыхъ переулковъ, дѣлающихъ общее расположеніе города неправильнымъ и разбросаннымъ; всѣ они не вымощены, и отъ того бываютъ весьма грязны; даже посреди города, въ видѣ огромной площади, находится невысыхающее и непроходимое гнилое болото, заваливаемое мусоромъ и навозомъ; оно дѣлаетъ воздухъ невыносимо тяжелымъ въ лѣтнее время. За городскими строеніями видѣются кое-гдѣ разбросанныя землянки и чумы Остяцкіе, а начинается сейчасъ дикая чаща лѣса безъ всякихъ дорогъ; ея закрыты окрестности города на огромнѣйшее пространство.

Съ сѣверной стороны города сливается съ Сосвою значительный протокъ *Возулка*, истекающій изъ нея же, а съ юга онъ примыкаетъ къ глубокому оврагу, называемому *Колтушкинымъ буеракомъ*, по которому течетъ маленькая рѣчка того же

(*) Къ сожалѣнію, инородцы неохотно пользуются этими благотѣльными мѣрами Правительства, по собственному грубому невѣжеству, сильной нетерпимости лекарствъ и по странному предубѣжденію къ больницѣ вообще. Изъ огромнаго числа инородцевъ Березовскаго Округа, свыше 18,000 душъ, рѣдко когда бываетъ въ больницѣ болѣе 10 человѣкъ.

писки. Через рѣку изъ города представляется открытѣйшій видъ на необозримую луговую низменность, простаравшуюся до самой рѣки Оби; на ней между разбросанными кустарничками и группами деревьевъ всюду видны большія массы воды, протоковъ, озеръ и выблкихъ болотъ, въ которыхъ какъ бы плаваютъ кусты и острова.

На всемъ лежитъ здѣсь печать суроваго сѣвера. Унылая природа зимою бываетъ облечена въ снѣжный саванъ почти въ течение 7 мѣсяцевъ; въ это время постоянно стоятъ сильныя морозы, которые доходятъ иногда до 40° Реомюра; погода отличается невостоянствомъ; особенно часто случаются страшныя буряны; застигнутые этою выюгою, путешественникъ и двѣи звѣрь имѣютъ единственное спасеніе, спокойно ложась на снѣгъ, чтобы переждать выюгу. Ночи продолжительныя и мрачныя; но этотъ мракъ сокращается по временамъ сѣвернымъ сияніемъ: это величественное явленіе полярнаго горизонта, освѣщая темное царство зимы, служитъ утѣшеніемъ угрюмому обитателю сѣвера.

Продолжительныя оттепели, выпаденіе легкихъ снѣговъ, туманые туманы, непроницаемые даже для солнечныхъ лучей, частые перелеты птицъ къ сѣверу, суть признаки появленія весны, начинающейся никакъ не ранѣе половины Апрѣля мѣсяца.

Кратковременное лѣто, начинающееся въ половинѣ Іюня, почти при постоянномъ сіяніи солнца, быстро распространяетъ въ воздухѣ плодотворную теплоту и оживляетъ природу послѣ продолжительнаго омертвенія. Не смотря на то, что въ первыхъ числахъ Іюля, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, теплота доходитъ иногда до $+ 28^{\circ}$ и болѣе Реомюра, дурная почва земли, оттаивающей не болѣе какъ на поларшина, не дозволяетъ никакого земледѣлія. Поэтому въ Березовѣ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ при домахъ огородничковъ, съ нѣкоторыми, а то не всегда поспѣвающими, овощами. Въ половинѣ Августа, а иногда и ранѣе, начинается уже осень; пасмурное небо, постоянныя сѣверныя или сѣверовосточныя вѣтры, быстро увеличивающійся холодъ, туманныя и болѣе темныя ночи предвѣщаютъ приближеніе зимы. Это время года самое несподное на сѣверѣ и, кажется, вредное для здоровья. Наконецъ, нужно замѣтить, что и самая одежда Березовцовъ и

образъ жизни шлолъ соответствовать суровому климату описываемой страны.

Жителями въ Березовѣ считается вообще до 1000 человекъ; въ этомъ числѣ полный штатъ чиновниковъ удальскихъ присутственных мѣстъ, духовенство, казачье сословіе, купцы, мѣщане и разнаго другаго званія люди. Порядочныхъ ремесленниковъ вовсе не имѣется въ городѣ. Всѣ почти жители, не включая и казаковъ, занимаются болѣе или менѣе мѣтвоемъ торговлею съ швородцами, доставляя этимъ себѣ пропитаніе.

Въ началѣ весны, вскорѣ по вскрытіи рѣкъ, оживляется торговля въ отдаленномъ Березовѣ. Въ это время прибываютъ сюда изъ Тобольска досечники (*) съ разными товарами, состоящими въ хлѣбѣ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, въ желѣзныхъ вещахъ, сѣтяхъ и разныхъ снастяхъ, болѣе употребительныхъ въ швородческомъ быту; въ лыжахъ, холстѣ, сукухъ, кристаллическомъ, полуситцахъ, въ красномъ товарѣ и прочихъ Русскихъ издѣліяхъ и мелочахъ. Остающіеся здѣсь до Сентября мѣсяца Тобольскіе, Ирбитскіе и Туринскіе промышленники сбываютъ все это Березовскимъ торговцамъ и непосредственно самимъ Остакамъ, пріѣзжающимъ въ эту пору изъ зимнихъ юрты на рыбалье промыслы. Они вымѣниваютъ и покупаютъ отъ нихъ различныя туземныя произведенія, доставляемыя швородцами со всего Березовскаго округа. Вывозимыя изъ Березова произведенія суть: мавкаа рухлядь: бобровыя, собольи, лисьи, горнастаевыя, россомаховыя, выдровыя, бѣличьи, бурундучьи, медвѣжьи, волчьи, песцовыя разныхъ сортовъ, зашчи, оленьи и лосиные шкуры, на сумму около 30,000 т. рублей серебромъ; птичій пухъ и перо; мамонтова кость, кедровыя орѣхи, добываемыя въ хорошій урожаѣ до 20,000 пудовъ, на сумму болѣе 25,000 рублей; разнаго рода соленая и сушеная рыба, какъ то: осетры, муссуны, нальма, сырн и шуан, рыбій жиръ и икра, всего на сумму около 8000 рублей. Следовательно ежегодный вывозъ этихъ произведеній изъ Березова превышаетъ 60,000 рублей серебромъ и могъ бы принести значительныя выгоды жи-

(*) Однопалубныя плоскодонныя суда, поднимающія груза отъ 5 до 25 тысячъ пудовъ, и поднимающіяся вверхъ по рѣкамъ Оби и Иртышу; почти всеобщее на бечевомъ тягѣ.

телямъ, если бы все это они сами доставляли на Ирбитскую ярмарку; но теперь большею частію участвуютъ въ торговлѣ иногородные купцы. Изъ Березовскихъ же жителей только купцовъ пять имѣютъ нѣкоторую возможность непосредственно сбывать собранное на означенной ярмаркѣ, закупая тамъ разные мелочные товары и болѣе нужнѣйшія для инородцевъ вещи, которыми послѣ торгуютъ какъ въ самомъ Березовѣ, такъ и на ярмаркахъ въ его округѣ.

Звѣриною и рыбною ловлею сами Березовцы мало занимаются, находясь почти круглый годъ въ разъѣздахъ по торговымъ дѣламъ, для вымѣна и покупки произведеній отъ инородцевъ. Въ послѣднихъ числахъ Мая начинаются рыбные промыслы: купцы и всѣ достаточные казаки, мѣщане, крестьяне отдѣльно или компаниями, имѣя собственные суда, поднимающія отъ 7 до 15000 пудовъ, нанимаютъ по контракту въ работники къ себѣ Остяковъ, съ платою по способности каждаго, и сплавляютъ почти на 30 такихъ судахъ, внизъ по Оби, по протокамъ ея и на Обскую губу, къ Самоѣдамъ и Обдорскимъ Остякамъ муку, соль, разный мелочной товаръ, рыболовные снаряды и другія необходимыя въ ихъ быту вещи, табакъ, пряности и разныя лакомства. Нѣкоторые изъ этихъ торговцевъ привозятъ собственный товаръ, другіе же берутъ для оборота отъ купцовъ на порядочныя суммы подъ разными условіями, выгодными для обѣихъ сторонъ. По прибытіи на мѣсто, мѣняютъ товаръ сначала на мягкую рухлядъ и стараются какъ можно болѣе раздавать въ долгъ инородцамъ. Хотя каждый изъ торговцевъ имѣетъ почти своихъ знакомыхъ покупателей, но все-таки они стараются всѣми средствами болѣе пріобрѣсти должниковъ. Сбывши товаръ свой, торговцы остаются здѣсь до Августа мѣсяца собирать рыбу отъ туземцевъ, за розданный товаръ. Не смотря на весьма обильные рыбные промыслы, Самоѣды и Остяки не только не могутъ расплатиться, но, кажется, все болѣе и болѣе должны, потому что самые нустачные товары сбываются имъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Главная рыба *мукумъ*, *осетръ* и *мелъма*; ихъ солить сейчасъ на мѣстѣ; другая же рыба щуки, сырки и проч. вялятся и сушатся; кромѣ того добываютъ рыбій жиръ и икру. Все это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ торговца хозяина, его работниками. Когда же весь товаръ вымѣняютъ на рыбу, тогда съ нагружен-

ными судами спѣшать въ Августѣ мѣсяцѣ обратно въ Березовъ, и продають оную на дощеники Березовскимъ и многороднымъ купцамъ. Послѣ того инородцы остаются промыслять рыбу собственно для себя, сколько позволитъ осень и обстоятельства. *Муксуна* есть единица цѣнности въ этой мѣновой торговлѣ; эта рыба принимается отъ Самоѣда по мѣрѣ, и должна быть не менѣе 9 вершковъ въ длину, въ противномъ случаѣ считаютъ 3 муксуна за 2, или, что чаще случается, 2 за 1; Самоѣдъ не будетъ спорить.

Муксуна отъ нихъ принимаютъ въ 10 коп. ассигн., но Самоѣды не привыкли и не умѣютъ считать на деньги, а всё почти цѣнить товары относительно песцовыхъ шкуръ; напримѣръ, *песецъ* равняется 20 *лапкамъ песцовымъ* (изъ которыхъ также шивается особый мѣхъ), или же равняется 30 *муксунамъ*. Всѣ счеты ведутся у Березовскихъ и Обдорскихъ торговцевъ въ суммахъ песцовъ и лапокъ, перевода обыкновенно лапки въ песцы, какъ копѣйки въ рубли. Инородцы даютъ имъ палочки съ разными надрѣзами и зарубками, у каждаго по своему, въ родѣ росписокъ, въ полученіи товара, на означенное на нихъ число песцовъ и лапокъ, и по мѣрѣ выплачиванія долга срѣзають собственноручно эти знаки, уменьшая счетъ.

Нужно замѣтить, что вещи, по видимому самыя обыкновенныя, и всякія бездѣлюшки, продаваемыя на муксуны и песцы, доставляють огромный барышъ торговцамъ. Изъ цѣнъ нѣкоторымъ вещамъ можно уже заключить о дороговизнѣ остальныхъ и болѣе необходимыхъ для Самоѣда вещей; напримѣръ: за лодку нужно заплатить столько муксуновъ, сколько въ нее помѣстится оныхъ; за котель платится чистаго рыбьяго жиру столько, сколько въ него можно налить; за простой ножикъ съ деревяннымъ черенкомъ, облитый оловомъ, платится отъ 30 до 50 муксуновъ; аршинъ простаго краснаго или желтаго драдедаму стѣить 4 песца или 120 муксуновъ; даже простое мѣдное кольцо, стоющее едва ли $\frac{1}{2}$ коп. сер., продается за 1 и 2 муксуна. Сами же Березовцы получаютъ за муксуна соленаго, сдаваемаго на дощеники, не дешевле 10 коп. сер. Теперь можно судить, какой барышъ съ лодки и другихъ означенныхъ вещей имѣють торговцы. Распродавъ же на дощеники все собранное лѣтомъ, нѣкоторые изъ Березовскихъ жителей отправляются еще въ верхъ по рр. Сыгвѣ и Сосвѣ, забирать и тамъ рыбу, дичь, ке-

дровые орѣхи, перо и проч., развоза такимъ же образомъ хлѣбъ и другіе товары и раздавая болѣе въ долгъ.

Здѣсь Остяками счетъ ведется уже не на *иссы*, а на *блѣки*; бѣльчья шкура цѣнится отъ 5 до 7 коп. серебромъ. Добытыя по этимъ рѣкамъ произведенія отправляются тоже осенью на дощеникахъ же въ Тобольскъ.

Этимъ оканчиваются лѣтніе промыслы Березовцевъ, до Октября или Ноября мѣсяца, покуда рѣки не покроются льдомъ. Тогда въ странѣ пустынной, бесплодной, лишенной природою лѣтомъ почти вслѣхъ сообщеній сухопутныхъ, зимніе морозы превращаютъ непроходимыя топи тундръ въ твердую массу льда: только тогда звѣринные промыслы, торговля и проч. нужды заставляютъ полудикаго туземца и отдаленнаго промышленника Русскаго прологать путь на лыжахъ, на оленяхъ или собакахъ за нѣсколько сотъ верстъ, какъ по рѣкамъ, тундрамъ, лѣсамъ, такъ и чрезъ самый Уральскій хребетъ. Это время года, по видимому благопріятствующее сообщеніямъ необходимымъ, имѣетъ иногда свои препоны. Хотя отъ лютой морозовъ, привычка и туземная теплая одежда и обувь предохраняютъ путника, но постоянныя мятели и снѣжные бураны бывають иногда ужасны, часто долговременны и нерѣдко губельны, заставляя цѣлые караваны загребаться въ снѣжные сугробы и пережидать вьюгу; въ особенности когда буранъ застигнетъ въ горахъ, во время перехода чрезъ Уралъ. Зимой Березовцы разсѣиваются по двкимъ и лѣсистымъ мѣстамъ, внутрьотдаленныхъ юртъ инородческихъ; развоза муку и разный товаръ, вымѣнивають и покупають мягкую рухлядь. Кромѣ того съ 25 Декабря по 25 Января на Обдорской ярмаркѣ бываетъ главная торговля; сюда съѣзжаются даже купцы Тобольскіе или ихъ приказчики, Зыряне-Ижемцы изъ-за Урала съ огромными караванами и Самоѣды отдаленнаго сѣвера. Также на муку и прочіе товары, необходимые въ быту инородческомъ, вымѣнивають разныя произведенія и дорогую рухлядь, и все это отправляется отсюда на Ирбитскую ярмарку.

Предъ Обдорскою ярмаркою въ концѣ Ноября съѣзжаются въ село Мужы, на р. Оби, Зыряне изъ-за Урала, образуя тутъ малую ярмарку, откуда уже нѣкоторые возвращаются опять за Уралъ, а другіе отправляются въ Обдорскъ.

Сообщенія въ этомъ краѣ бывають пять мѣсяцевъ водою,

способствующія къ сплаву тяжестей; а семь мѣсяцевъ зимнимъ путемъ, удобны только для легкой вѣзды, но затруднительны для перевоза грузовъ.

Этотъ малозвѣстный сначала городъ, далеко удаленный къ сѣверу отъ центра Россіи, сдѣлался только въ послѣдствіи примѣчательнымъ ссылкою сюда Меншикова, Долгорукаго и Остермана. Прахъ ихъ и понышѣ похороненъ здѣсь, на восточной сторонѣ Воскресенскаго собора, внѣ ограды церковной, едва примѣтный дерновый холмъ съ деревяннымъ крестомъ и полсадомъ означаетъ убогую могилу князя А. Д. Меншикова (*), похороненнаго будто бы подлѣ гроба дочери его, княжны Маріи, несчастной невѣсты Императора Петра II. Отъ жилища Меншикова не имѣется здѣсь никакихъ слѣдовъ; только въ сѣверной части города, на песчаной возвышенности горнаго берега, осѣненной нѣсколькими вѣковыми лиственницами, у такъ называемой заручейной церкви (во имя Рождества Богородицы), показываютъ мѣсто, гдѣ былъ домъ знаменитаго изгнанника. Деревянная же церковь, выстроенная вмѣстѣ означенной каменной, сгорѣла въ 1808 году.

Тутъ же у церкви Рождества Богородицы, въ саженьяхъ 20 на сѣверозанадъ, отдѣльно отъ городского кладбища, находится могила графа А. И. Остермана, бывшая долго въ неизвестности и случайно открытая полковникомъ Гофманомъ весной 1848 года, въ бытность Уральской экспедиціи въ г. Березовѣ. Подробности этого открытія заключаются въ слѣдующемъ дописаніи Гофмана: «чтобы узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, я велѣлъ бить шурфы. При этомъ, когда взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины 10-ти футовъ, то [уперлись въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми монументами и лоскутками шелковой матеріи, и черепомъ, по-

(*) Генералиссимусъ князь Меншиковъ былъ сосланъ въ Березовъ въ 1727 году, — гдѣ и скончался въ 1729 году. Бренныя останки его были открыты въ 1820 году, Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Бятышъ-Каменскимъ.

крытыиъ прахомъ и землею. Я тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ; а затѣмъ, заключивъ по золотому повелѣнью, что тутъ была вѣроятно могила какого нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками объ этомъ къ члену-корреспонденту Рос. Геогр. Общества смотрителю здѣшнихъ училищъ, Абрамову; онъ, по собраннѣмъ свѣдѣннѣмъ, рѣшилъ, что тутъ покоится прахъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана. Тогда я приказалъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею чернѣй колоссальной величины деревяннѣй крестъ, къ которому прибита была мѣдная дощечка съ изображеннѣмъ графской короны и латинскихъ буквъ А. О.; могилу обвели простою оградой и отслужили надъ нею похвѣду» (*).

Могилы, гдѣ покоится прахъ князя Федора Долгорукаго, и понынѣ достоверно неизвѣстны. Впрочемъ, преданнѣе указываетъ мѣсто близъ могилы княжны Марнн Меншиковой, что подтверждаетъ слѣдующнѣй памятникъ: Абрамовъ, съ дозволеннѣя Тобольскаго Епархнѣальнаго Преосвященнаго и Гражданскаго Губернатора, разыскивая рукописныя и вещественныя рѣдкости Березова, сообщилъ, между прочнѣмъ, о замѣчательной рѣдкости, долго хранившейся въ здѣшнемъ Воскресенскомъ соборѣ — о золотомъ медальонѣ, въ которомъ вмѣщается свѣтъ въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ (**). Описывая этотъ медальонъ, Абрамовъ присовокупляетъ тщательнѣе-собраннѣе ннѣмъ свѣдѣннѣа, переданныя въ потомство церковными старостами и нѣкоторыми любознательными, коренными и престарѣлыми жителями Березовскими, знавшими о медальонѣ: «а) что онъ поступилъ въ Спасскую церковь (***) по смерти находившагося здѣсь князя Федора Долгорукаго, вмѣстѣ съ иконою, у которой висѣлъ на вѣнчикѣ изображеннѣе Святаго; б) что волосы, хранящнѣея въ медальонѣ, взяты Долгорукими отъ умершей, будто бы, супруги его, Марнн Александровны, дочери князя Меншикова, съ которою вѣнчанъ онъ нѣкоимъ престарѣ-

(*) Вмѣсто означенной мѣдной дощечки, были впоследствии прибнѣты къ кресту графская корона и латинскнѣа литеры Н. О. (Heinrich Ostermann), вырѣзанныя въ большомъ разнѣрѣ изъ мѣди.

(**) См. Географическнѣа Извѣстнѣа, 4-й выпускъ 1848 г.

(***) Нынѣ Воскресеннѣй соборъ.

лымъ священникомъ; в) что за вѣнчаніе этому служителю церкви, между прочимъ, былъ подаренъ дорогой барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ; г) что Федоръ и Марья, въ лѣтнее время, вмѣстѣ прогуливались по городу, причѣмъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, съ окладкою изъ серебрянаго позумента; д) что Марья Александровна, а потомъ вскорѣ и супругъ ея, скончавшись, были похоронены близъ деревянной Спасской церкви, на южной сторонѣ (на востокъ отъ нынѣшней каменной), и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, не больше какъ простые срубы въ два толстые бруса, покрытые въ двѣ доски (эти памятники еще теперь многіе старики помнятъ); наконецъ е) что медальонъ, съ 1739 былъ хранимъ въ церкви, какъ вкладъ кн. Долгорукаго.

Кромѣ этого медальона, въ Березовскихъ церквахъ показывають нѣкоторыя древнія утвари, книги, облаченія священниковъ и церковнослужителей, принесенныя въ даръ Меншиковыми и другими извѣстными лицами. Въ Воскресенскомъ соборѣ на церковныхъ книгахъ, по которымъ и теперь служатъ, подписанныхъ княжною Еленою Долгорукою, сдѣлана ею же собственноручная надпись: «*на помяновеніе родителей*». Книги эти присланы въ Березовъ по возвращеніи ея въ Санктпетербургъ.

Городъ Березовъ былъ окончательнымъ пунктомъ занятій экспедиціи въ 1847 году, до котораго сдѣлана мною непрерывная маршрутная съемка, начинала отъ города Чердыня. Дождавшись же въ Березовѣ зимняго пути, который прелегается по рѣкамъ Оби и Иртышу и по берегамъ послѣдней до Тобольска, экспедиція переѣхала чрезъ этотъ городъ и Тюмень до Екатеринбургга, гдѣ оставалась до весны 1848 года. Путь по означеннымъ рѣкамъ сейчасъ, по закрытіи ихъ, бываетъ иногда чрезвычайно затруднителенъ и даже очень опасенъ. Рѣка Обь, какъ и всѣ большія Сибирскія рѣки, не закрываются одновременно на всемъ протяженіи теченія своего, и замерзаніе восходитъ отъ устья къ вершинамъ ея довольно быстро. Отъ постепеннаго прибоа пловучаго льда и сплыванія одного съ другимъ, рѣка покрывается неровно и шороховато, мѣстами совершенно вертикально застывшими большими льдинами и горами, затрудняющими ѣзду.

По значительной ширинѣ этой рѣки, доходящей до 3 верстъ, мѣстами по срединѣ и близъ береговъ ея, въ болѣе глубокихъ

быстринахъ, она совершенно не замерзаетъ, даже и въ сильные морозы; нѣкоторыя изъ этихъ полыхъ мѣстъ, называемыхъ вообще полыньями, подергиваются тонкимъ льдомъ и бываютъ весьма опасны, въ особенности въ темноту.

Во время нашей поѣздки съ полковникомъ Гофманомъ изъ Березова, по первому пути, мы провалились въ Обь, не смотря на то, что морозъ былъ свыше 25° Реомюра. Къ счастью, образовался неширокій проломъ, и кошева наша осталась плавать надъ водою, поддерживая собою нѣсколько и лошадей, которыя только передними ногами цѣплялись за ледъ, а всѣмъ корпусомъ были погружены въ воду. Журналы и тому подобныя вещи болѣе важныя были сейчасъ спасены; остальные же, оставаясь долѣе въ водѣ, покрылись довольно толстою корою льда, равно какъ и мы сами. Выбравъ по одиначкѣ изъ саней всѣ вещи, успѣли мы вытащить и своихъ лошадей стеньгами; потеряли только походную аптеку и нѣкоторыя мелочи. Другое затрудненіе заключается въ томъ, что ледъ, иногда, почти въ продолженіе цѣлой зимы не покрывается на гладкихъ мѣстахъ снѣгомъ, который, падая, бываетъ тотчасъ смѣтаемъ вьюгою; оттого ѣзда на некованыхъ лошаляхъ туземцевъ, дѣлается до такой степени невозможною, что приходится выпрягать ихъ и самимъ, вмѣстѣ съ проводниками, катить сани на значительное разстояніе, какъ это было зимою 1848 года.

II.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СЪВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРѢННАГО ВЪ 1848 Г.

Весною 1848 года, со вскрытіемъ рѣкъ, вся экспедиція собралась въ городъ Березовъ, откуда 7 Іюня спустилась по р. Оби до устья рѣки Войкара, впадающей съ лѣвой стороны и потомъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ около 50 верстъ, сколько возможно было приблизиться болѣе къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка Обь нѣсколько выше устья Сосвы, кромѣ раздѣленія на два главные рукава, *Большую и Малую Обь*, впоследствии опять соединяющихся, дѣлится еще на множество протоковъ, образуя огромные острова, гдѣ разстояніе между крайними берегами ея доходитъ мѣстами до 30 и болѣе верстъ. Направленіе ея почти совершенно прямое съ юга на сѣверъ. Между устьями рѣкъ Войкара и Сосвы, въ верстахъ 100 ниже послѣдняго, впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны значительная р. *Симья*, вмѣющая начало изъ самаго Уральского хребта. Между Синьєю и Вайбаромъ, на лѣвомъ берегу Оби, находится село Мужы. Далѣе въ горы, отъ мѣста, гдѣ мы окончили плаваніе по Войкару, экспедиція отправилась на оленяхъ. Этотъ путь отъ Войкара на Уральскій хребетъ былъ въ то время года довольно затруднителенъ, по случаю полноводія рѣкъ, чрезъ которыя трудно было отыскать броды для нартъ. Кромѣ того на горахъ вездѣ лежалъ еще снѣгъ, отъ таянія коего быстрые потоки, наводняя все пространство, дѣлали путь нашъ чрезвычайно неудобопроходимымъ.

29-го Юня, при рѣкѣ *Кдипола* или *Мудазн-сесъ-Южемъ-Юганъ*, на Уралѣ по 66° сѣверной широты, экспедиція раздѣлилась на два отряда: сѣверный и южный. Первый, главный отрядъ, подъ начальствомъ самого полковника Гофмана, состоя изъ астронома Ковальскаго, естествоиспытателя Бранта и топографа (нынѣ прапорщика) Брагина, отправился къ сѣверу по западному склону Уральскаго хребта до Ледовитаго моря, и потомъ къ сѣверозападу по хребту *Пай-хой*, къ острову Вайгачу. Весь путь этого отряда снятъ маршрутами Брагиннымъ, всего около 8320 квад. верстъ (*).

Въ южномъ отрядѣ, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго, находился я для съемки. Намъ предстоялъ путь по Уралу къ югу до горы *Квосмъ-нѣръ*, т. е. до пункта, до котораго экспедиція дошла лѣтомъ 1847 года. За неизвѣіемъ пунктовъ астрономическихъ на означенномъ протяженіи Урала, имѣющемъ болѣе нежели полутора градуса по широтѣ, который предположено было осмотрѣть и снять нашему отряду, сдѣлана мною, кромѣ маршрутной глазомѣрной съемки, непрерывная триангуляція по всему протяженію пути отъ начала и до пункта, гдѣ дѣйствія экспедиція по несчастію должны были прекратиться. Въ случаѣ благополучнаго путешествія, я предполагалъ въ такомъ порядкѣ произвести съемку до самаго *Квосмъ-нѣръ*.

Къ несчастію, мы потерпѣли бѣдственную неудачу, и нашъ южный отрядъ не достигъ цѣли, по случаю свирѣпствовавшей въ это лѣто на Уралѣ заразной язвы, отъ которой умирали люди и падали олени. Дошедши до горы *Ялма-Кѣу*, и сдѣлавъ около 50 верстъ къ югу отъ мѣста раздѣленія экспедиція, мы лишились всякой возможности продолжать путешествіе, потерявъ всѣхъ своихъ оленей, до 400 головъ, истребленныхъ язвою въ теченіе 11 дней. Кромѣ того маіоръ Стражевскій, увѣрившись лично, что на всемъ пространствѣ къ югу отъ насъ по Уралу, откуда шла зараза, не осталось ни одного живаго оленя изъ нѣсколькихъ тысячъ, и что инородцы тоже почти на половину померли, и не остается болѣе никакихъ средствъ и возможности пробираться далѣе до предположеннаго пункта,

(*) Подробное описаніе Гофмана о дѣйствіяхъ сѣвернаго отряда экспедиція помѣщено въ Географическихъ Извѣстіяхъ, 6 выпускѣ 1848 года.

закрыль экспедицію Юля 26 дня; поэтому съ 7 Юля до закрытія экспедиціи свято только 1360 квадратныхъ верстѣ.

Обратный путь по Уралу, преимущественно по восточному склону обрекогноспированъ мною по возможности до восточнаго отрога *Дюта-кеу*. По окончательномъ же истребленіи заразою нѣсколькихъ оставшихся еще оленей, взятыхъ дзъ кочевья, съвернѣ насъ находящагося, для своа необходимыхъ вещей съ Урала, мы бросили все имущество; и 22 дня страствовали пѣшкомъ безъ дороги и проводника, по лѣскому, лѣсистому, прерываемому тундрами и непроходимыми топями, низменному пространству, между Уральскимъ хребтомъ и р. Обью; сдѣлавъ около 200 вер. съ утомительными обходами, вышла наконецъ, 28 Августа, на р. Обь въ Остяцкое село *Мужжи*.

Водораздѣль Урала къ сѣверу, отъ высокой, многосопочной и скалистой горы *Янема-кеу*, до которой мы дошли, идетъ между истоками рѣкъ *восточной* и *западной Большой Янема*, отрогами этой горы, и далѣе малыми колѣнами, имѣя главное направленіе до сходящихся съ противоположныхъ сторонъ истоковъ рѣкъ *Малыхъ Янема*, прямо на сѣверовостокъ, и спускается въ мокрую долину. Изъ каменной сопки при южныхъ вершинахъ р. восточной Малой Янема видно, что линія раздѣленія водъ, поднявшись на другой берегъ долины, идетъ хребтомъ по каменнымъ розсыпямъ прямо по направленію 50°, т. е. N O, чрезъ сходящіяся вершины рѣкъ *западной Малой Янема* и *Мурама-Юганъ* до истоковъ р. *Нань-Яха*. Здѣсь она круто поворачивается на юговостокъ, по направленію 120°, и обойдя озеро, главный истокъ послѣдней рѣки, сдѣлавъ колѣно до 2 верстѣ, поднимается еще нѣсколько выше по хребту въ направленіи 345° къ сѣверозападу, на довольно высокую сопку съ утесистымъ ущельемъ сѣвернаго истока р. *Нань-Яха*. Южное колѣно этого угла, образуемаго водораздѣломъ, называется *Монинъ* и состоитъ изъ довольно пологой возвышенности, съ разсѣянными всюду отдѣльно стоящими скалами, различными по величинѣ и виду, и отдѣляетъ истоки рѣки *Мурама-Юганъ* отъ *Нань-Яха*. Далѣе къ сѣверу, отъ описаннаго угла, направленіе водораздѣла 65°, слѣдуя пологимъ и широкимъ хребтомъ, отдѣляющимъ вершины р. *Няде-Юганъ* и *Симъи*, болѣе склоняется къ востоку и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до одной изъ вершинъ *Няде-Юганъ*, раздѣляющей-

ся отъ истока р. Пиде-Юганъ высокою каменною сопкою. Къ несчастію, это протяженіе Урала, около 6 верстѣ, пройдено ночью и въ значительный туманъ, чрезъ что вершины р. Снѣня назначены болѣе по распросу.

Отъ послѣдней высокой сопки линія раздѣленія водъ значительно поворачиваетъ къ сѣверу и спускается въ широкую и болотистую долину; переходитъ ее узкимъ и едва примѣтнымъ хребтикомъ между двумя озерами, составляющими противоположно главные истоки упомянутыхъ рѣкъ Нгаде-Юганъ и Пиде-Юганъ. Далѣе же, поднявшись на другой берегъ долины, слѣдуетъ опять высокимъ хребтомъ, отдѣляющимъ истоки рѣки Хера-Юганъ, отъ верховьевъ Нгаде-Юганъ, въ прежнемъ же сѣверовосточномъ направленіи. Далѣе на сѣверъ не видно, какъ она идетъ чрезъ вершины рѣки Няльга-Юганъ, и потомъ до истоковъ рѣкъ *Лире-Юганъ* и *Коппола*, гдѣ экспедиція переходила чрезъ Уралъ. Судя по опредѣленнымъ пунктамъ мензуральной треангуляціи, также и по распросамъ, линія раздѣленія водъ должна сдѣлать крутой поворотъ къ сѣверу или даже къ сѣверозападу до пункта, опредѣленнаго переходомъ экспедиціи чрезъ нее.

Въ заключеніе нужно сказать, что главное направленіе линіи раздѣленія водъ на описанномъ протяженіи, не смотря на колебана, дѣлаемая ею, идетъ совершенно къ сѣверовостоку около 45° . Смотря къ югу съ горы *Тумболоса*, находящейся почти въ 10 верстахъ прямо на западъ отъ водораздѣла, очень замѣтно это отклоненіе Урала къ сѣверовостоку; ибо можно видѣть съ боку почти весь Уралъ до широты хребта *Саблм* не на юговостокъ, какъ бы слѣдовало, а на югозападъ, начиная съ горы Янемакеу, которая представляется по направленію 200° ; самыя же южныя части, видимыя въ горизонтѣ, также и высокая пика *Саблм*, находятся по направленіямъ 235° , и 240° то есть SWW.

Ненужно никакихъ измѣреній и опредѣленій, чтобы убѣдиться въ болшемъ отклоненіи главнаго направленія Урала отъ истиннаго меридіанальнаго направленія; слѣдующее физическое явленіе подтверждаетъ это: находясь 23 Іюля, въ ясное утро, на Уралѣ, у вершинъ рѣки Малая Янема, откуда на большое пространство къ сѣверу ясно рассмотреть можно было Уралъ, и увидѣвъ, что восходящее солнце задолго ранѣе освѣщало западную сторону его, нежели восточную.

Западные отроги Урала, которые были видны на всемъ пространствѣ, отъ р. *Мудазы-сесъ-Юосемъ-Юоганъ* или Коппола и до горы *Янема-кеу*, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ высокой, господствующей горы *Янема-кеу* на западъ, простираются, какъ видно, довольно вѣтвистыя и значительныя отрасли, заключающія въ долинахъ своихъ, вѣроятно, многіе истоки р. Большой западной *Янема*.

Къ сѣверу отъ нея, у верховьевъ рѣки Малая западная *Янема* и *Нангъ-яха*, находятся три значительныхъ каменистыхъ и обрывистыхъ горы, расположенныхъ, относительно, въ видѣ прямоугольнаго треугольника, и вдающихся многими сопками своими и скалистыми уступами и гребнями, въ сѣверовосточномъ направленіи, почти параллельно линіи раздѣленія водъ. Двѣ восточныя изъ нихъ составляютъ будто бы одинъ кражъ, прорѣзанный долиною рѣки Малой *Янема*, имѣя на западныхъ, болѣе пологихъ, своихъ склонахъ рядъ невысокихъ скалъ, въ родѣ уступовъ, параллельно самымъ кражамъ. Третья западная, на правомъ берегу означенной рѣки, примыкаетъ съ сѣвера къ высокому открытому хребту, вдающему почти въ этомъ же направленіи до р. *Нгаде-Юоганъ*, съ восточной же она оканчивается совершенно обрывисто.

Означенный хребетъ, къ которому примыкаетъ послѣдняя гора, отстоятъ къ западу отъ водораздѣла верстъ на 8 и прорѣзывается соединившимися истоками р. *Нангъ-яха*, образуя оканчивающимся на западѣ отрогами своими глубокую горную долину этой р. и лѣвый горный берегъ долины р. *Нгаде-Юоганъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ начало нѣсколькимъ притокамъ означенныхъ рѣкъ. Далѣе же на западъ отъ него съ совершенно оканчивающимися холмообразными отраслями его, начинается лѣсистый и болотистый долъ, со многими всюду раскиданными озерами и топами. На этомъ хребтѣ и отрогахъ его видны мѣстами скалы на верху.

Между описаннымъ хребтомъ и линіею раздѣленія водъ, у вершинъ рѣки *Нангъ-яха*, выдаются отъ Урала значительные отроги.

Отъ сѣвернаго истока рѣки *Нангъ-яха*, къ сѣверо-востоку до верховьевъ р. *Нгаде-Юоганъ*, тянется высокой и скалистой кражъ *Сатъ-Мони* или *Юръ-Монитъ* (въ переводѣ на Остяцкомъ и Самоѣдскомъ языкахъ значить: сто скалъ), который оканчи-

вался у означенной рѣки, какъ бы раздвигается: западный отрогъ его идетъ высокими, каменными краями *Нгддтей-кеу*, и *Тумболова-тей-кеу*, простирающихся по ту сторону рѣки Нгдде-Юганъ въ видѣ одного хребта, въ сѣверо-восточномъ направленіи, почти до вершины р. Мулази-сесъ-Южемъ-Юганъ. Последний крайъ составляетъ истоки р. Тумболова-Юганъ, которая не доходитъ до водораздѣла. За сѣвернымъ истокомъ послѣдней рѣки выдается версты 2 къ западу хребетъ параллельный краю Тумболова-тей-кеу въ видѣ отрога, который оканчивается у самой рѣки Копшолы, составляя вверхъ по этой рѣкѣ лѣвый берегъ горной ея долины.

Версты 4 восточнѣе хребта Нгддтей-кеу, идетъ параллельно ему другой, еще выше его, каменный хребетъ *Гнддинъ-кеу* (названіе недостоверное), который южнымъ концемъ своимъ направляется къ р. Нгдде-Юганъ какъ бы на соединеніе къ восточному отрогу Сатъ-мени. Между названными параллельными хребтами течетъ въ южномъ направленіи одинъ изъ притоковъ р. Нгдде-Юганъ, который сходится почти съ главною вершиною р. Тумболова-Юганъ, у sources Тумболова-тей-кеу.

Самый же водораздѣлъ Урала за послѣднимъ высокимъ хребтомъ не видѣнъ; но по показанію проводника, онъ отстоитъ версты на 4 восточнѣе, и сѣверная вершина рѣки Нгдде-Юганъ обходитъ этотъ крайъ.

Кромѣ того, отъ р. Нгдде-Юганъ къ сѣверу, чрезъ верховья р. Тумболова-Юганъ и почти до р. Копшолы, верстахъ въ 5 еще западнѣе тянутся холмообразные отроги означенныхъ высокихъ хребтовъ, въ видѣ одного параллельнаго и не очень высокого хребта, какъ предгорія, въ связи съ которыми находится скалистая гора *Тумболова*.

Всѣ означенные отроги западнаго склона Урала открыты и совершенно безлѣсны, даже мелкаго кустарничка не имѣется на краяхъ. Долины и истоки рѣкъ во многихъ мѣстахъ покрыты толстымъ слоемъ снѣга, по показанію Остяковъ, не растаивающаго даже въ самое жаркое лѣто. Въ глубочайшихъ долинахъ рѣкъ: Нгдде-Юганъ, Нангъ-яха и Малой Янема, начинается лиственничный лѣсъ, который впрочемъ не поднимается въ горы далеко и вереть 8 не доходитъ до водораздѣла.

Восточные же отроги Урала, сколько удавалось видѣть, высоки и простираются довольно далеко; рѣки этого склона отъ

истоковъ почти сейчасъ текутъ въ глубокихъ горныхъ долинахъ. По долину р. Пиде-Юганъ, вдоль праваго берега главного истока, тянется рядъ скалистыхъ сопокъ, примыкающихъ къ высокому и также скалистому хребту, составляющему правый берегъ этой долины.

Между верховьями рѣкъ: Мурома-Юганъ и восточною Большою Янема, видны параллельно Уралу два высокихъ скалистыхъ края: ближній верстахъ въ 5 отъ него, второй дальній отстоитъ версту на 8; за нимъ восточнѣе ничего уже не видно; къ сѣверу, кажется, въ продолженіе его, тянется голый, также высокій каменный хребетъ. Эти края едва ли не выше главнаго хребта, исключая горы Янема-кеу, господствующей на осматрѣнномъ пространствѣ; отъ нея къ югу Уралъ еще возвышается. Вѣтви самаго Урала, между ближнимъ изъ означенныхъ параллельныхъ краевъ, представляются отдѣльными, довольно высокими продолговатыми горами, имѣющими направленіе параллельно линіи раздѣленія водъ.

Вообще отроги Урала отъ Янема-кеу, по западному склону до рѣки Нангъ-яха, по восточному почти до р. Пиде-Юганъ, представляются грядами открытых и каменныхъ горъ. Судя по мензурной треугольницѣ, восточные отроги простираются далѣе западныхъ по долготѣ. У рѣки Нгиде-Юганъ, кажется, опять западные отроги гораздо длиннѣе, и возвышаются въ особенности края: Сатъ-Мона и другіе сѣвернѣе. При верховьяхъ р. Лире-Юганъ, восточные далеко превосходятъ западные отроги, имѣя широкія предгорія.

Рѣки *восточная* и *западная Большая Янема* (Унъ-Янема-Юганъ) берутъ противоположно одна другой начало изъ горы Янема-кеу многими истоками; первая имѣетъ направленіе сначала юговосточное, около 10 верстъ, далѣе же по выходѣ изъ горной долины, кажется, поворачивается на югъ. Вершины и первоначальное на правленіе р. западной Большой Янема, ни откуда не были видны, исключая дальнее направленіе ея, на низменномъ и болотистомъ долѣ, можетъ-быть верстахъ въ 20 отъ истоковъ.

Рѣки *восточная* и *западная Малая Янема* (Аи-Янема-Юганъ) главными верховьями своими сходятся въ болотистой долину. Первая отъ истока своего течетъ по этой же долину незначительными извилинами почти прямо на югъ, принявъ съ правой

стороны изъ обрывистыхъ свѣжныхъ лощинъ два значительные притока, впадаетъ верстѣ чрезъ 7 въ рѣку Большую Янема съ лѣвой стороны.

Вторая же западная Малая Янема, отъ вершины своей увеличиваясь многими притоками, пробѣгаетъ по глубокой обрывистой долинѣ, между тремя значительными и скалистыми горами, въ сѣверозападномъ направленіи около 7 верстѣ, потомъ дѣлаетъ лукою поворотъ прямо къ сѣверу и, выйдя изъ горной долины, верстѣ чрезъ 5 впадаетъ въ рѣку Нангъ-яха, съ лѣвой стороны; по послѣднему направленію описываемой рѣки начинается разбросанный лиственный лѣсъ, который ниже по р. Нангъ-яхи дѣлается уже сплошнымъ.

Рѣка *Нангъ-яха* беретъ начало многими истоками изъ глубокихъ ущельевъ западнаго склона Урала; нѣкоторые же притоки ея изъ отроговъ и не доходятъ до линіи раздѣленія водъ. По соединеніи послѣдней вершинки съ правой стороны рѣки Нангъ-яха, входитъ въ довольно глубокую и широкую горную долину, покрытую разбросанною лиственницею. До мѣста перехода чрезъ нее она неширока, и мѣстами берега ея обрывисты и каменисты; по выходѣ изъ означенной долины, впадаетъ съ лѣвой стороны въ нее рѣка западная Малая Янема. Отсюда далѣе къ западу почти оканчиваются отрасли Уральскихъ горъ, и р. Янема идетъ далѣе почти прямо въ западномъ направленіи по лѣсистому и болотистому долу, гдѣ впоследствии впадаетъ въ р. Большую Янема, съ правой стороны.

Рѣка *Мурома-Юганъ*, впадающая въ р. Сибью съ правой стороны, имѣетъ начало изъ Урала, противъ истоковъ рѣкъ Малой западной Янема и Нангъ-яха, изъ значительной свѣжной лощины, течетъ по глубокой каменистой долинѣ параллельно р. восточной Малой Янема около 5 верстѣ; далѣе же круто поворачиваетъ прямо на востокъ и совершенно отходитъ отъ р. Большой Янема, и на этомъ послѣднемъ направленіи, кажется, соединяется съ сѣвернымъ истокомъ своимъ, доходящимъ также до линіи раздѣленія водъ.

Вершины рѣки *Сибьи* (Сибя-Юганъ) назначены болѣе по распросу, ибо это мѣсто Урала, на возвратномъ пути, было пройдено ночью.

Рѣка *Нгдле-Юганъ* (Гвѣдингъ-Юганъ) имѣетъ начало изъ самаго Урала, и многими истоками, которые далеко вдаютъ

ся на востокъ въ горы; главная же вершина ея изъ маленькаго озера въ болотистой долинѣ, которое отдѣляется узкимъ хребтикомъ отъ другаго озера, составляющаго противоположно главный истокъ р. Инде-Юганъ; другія же вершины ея сѣвернѣе сходятся на линіи раздѣленія водъ съ истоками р. Хера-Юганъ и будто бы подходятъ къ вершинамъ р. Няга-Юганъ и раздѣляются одною горою отъ истока р. Лире-Юганъ и въ южномъ направленіи, обходя высокій каменистый кражъ, идущій параллельно хребту Тумболова-тей-кеу, выходитъ по ущелью, между первымъ кражемъ и Сатъ-мони, скалистымъ хребтомъ въ западномъ направленіи, гдѣ, принявши съ правой стороны еще одинъ притокъ, идущій между означенными параллельными хребтами отъ высокой сопки Тумболова-тей-кеу, выходитъ изъ горныхъ хребтовъ, слѣдуетъ по довольно глубокой и широкой долинѣ своей и, принявши еще нѣсколько притоковъ, версть чрезъ 5 отсюда, становится уже большею рѣкою, шириною съ островами отъ 20 до 60 саженъ, глубиною мѣстами до 3 футовъ, не камениста; теченіе довольно быстрое; броды для нартъ глубоки и не вездѣ возможны. По долинѣ ея разбросанъ листовичный лѣсъ, который, по правому берегу, поднимается довольно высоко, въ особенности по лощинамъ идетъ почти на самый верхъ; лѣвый же берегъ долины, подверженный вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, совершенно открытъ, даже мелкой березки не имѣется на немъ. Версть чрезъ 15, по выходѣ ея изъ горъ, видно, что начинается сплошной лѣсъ по ней. Няга-Юганъ впадаетъ въ Большую западную Янема (по распросу).

Рѣка *Тумболова-Юганъ*, не доходя до линіи раздѣленія водъ, беретъ начало изъ каменнаго кража Тумболова-тей-кеу, тремя истоками; главная же вершина даже вдается въ этотъ кражъ и выходитъ изъ глубокаго ущелья; версты чрезъ 3, соединившись съ двумя другими истоками, становится довольно значительною рѣкою и, прорвавши цѣпь предгорія, течетъ почти въ западномъ направленіи, по открытой и пологой долинѣ своей, имѣя мѣстами обрывистыя мысы до крутаго заворота ея на сѣверъ; отсюда начинается по ней лѣсъ и недалеко, кажется, впадаетъ въ нее съ правой стороны большой притокъ ея (безъимянная рѣчка), имѣющій начало изъ этого же кража и на всей длинѣ теченія своего имѣетъ направленіе параллельное означенной рѣкѣ. Рѣ-

ка Тумболова-Юганъ довольно быстра, но мелка и камениста, и броды для нартъ удобны.

Рѣка *Пиде-Юганъ* (Паради-яха) главный истокъ вытекаетъ изъ озера, въ болотистой долинѣ ея находящагося, противоположно главному истоку рѣки Нгаде-Юганъ, отдѣляющихся одинъ отъ другаго едва примѣтнымъ хребтомъ; другая вершина выходитъ изъ горнаго ущелья и, кажется, также доходитъ до лини раздѣленія водъ. Верстъ 6 она течетъ по глубокой и широкой долинѣ своей почти прямо на югъ и, принявши нѣсколько притоковъ, становится довольно широкою; дальнѣйшее ея направленіе до впаденія въ р. Синью неизвѣстно.

Рѣка *Хера-Юганъ* вершинами своими отдѣляется однимъ хребтомъ отъ сѣверныхъ истоковъ р. Нгаде-Юганъ, и имѣетъ направленіе прямо на востокъ; по соединеніи съ истокомъ, сходящимся съ притокомъ р. Пиде-Юганъ, она входитъ въ широкую и открытую горную долину, берега которой, хотя не очень высоки, но покрыты по склонамъ каменными розсыпями, простирающимися до самой рѣки. Отъ розсыпей путь по берегамъ неудобопроходимъ и самая рѣка мелка, и до горы Лопта-кеу вездѣ есть на ней броды для нартъ; далѣе она болѣе склоняется къ югу и идетъ на соединеніе съ р. Синью. Верстахъ въ 20 отъ истока, на правомъ берегу этой рѣки, похороненъ находившійся при экспедиціи горный мастеровой Павелъ Вакиновъ, сдѣлавшійся жертвою свирѣпствовавшей язвы.

Между рѣками Хера-Юганъ и Лире-Юганъ имѣетъ начало изъ восточнаго склона рѣка *Няла-Юганъ* (Нялькевъ), впадающая въ р. Войкаръ, и которая, говорятъ, сходится съ вершинами означенныхъ первыхъ рѣкъ и съ сѣвернымъ истокомъ р. Нгаде-Юганъ.

Рѣка *Лире-Юганъ* беретъ начало изъ самаго Урала, гдѣ главная вершина ея отдѣляется отъ истока рѣки Мудази-сесь-Южемъ-Юганъ (текущей на западъ въ р. Ленву), весьма малою каменною сопкою. Первоначально она течетъ прямо на востокъ около 7 верстъ, дѣлая незначительныя извилины. Версты чрезъ 2, по этому направленію, она входитъ въ скалистое горное ущелье, гдѣ быстро пробирается по порогамъ и камнямъ около 5 верстъ, соединившись потомъ, съ правой стороны, съ другимъ своимъ истокомъ, который вѣроятно тоже доходитъ до лини раздѣленія водъ и, говорятъ, недалеко отстоитъ

отъ сѣвернаго истока Нгаде-Юганъ и вершинъ р. Нялга-Юганъ. Далѣе она поворачиваетъ на юговостокъ, вступая въ горную долину, и слѣдуетъ въ этомъ направленіи (мимо астрономическаго пункта, въ глубокой долинѣ рѣчки, впадающей съ правой стороны) около 3 верстъ, потомъ опять принимаетъ направленіе прямо восточное до горы *Хулэмъ-лары-кеу*, на правомъ берегу. Здѣсь она, при выходѣ изъ горной долины своей, дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ, далѣе же принимаетъ направленіе сѣверовосточное до р. Парбе-Юганъ, впадающей съ лѣвой стороны.

На описанномъ протяженіи ширина этой рѣки съ островами и протоками доходитъ мѣстами до 60 и болѣе саж. и совершенно неудобна для плаванія даже въ малыхъ лодочкахъ, какъ по порогамъ, такъ по мелкой и быстро пробирающейся между камнями водѣ. По показанію туземцевъ, отъ означенной рѣки Парбе-Юганъ, внизъ до впаденія ея въ Войкаръ, она также невозможна для плаванія. Во время лѣта, въ обыкновенную воду, вмѣются на ней во многихъ мѣстахъ броды для нартъ. Разбросанный по долинѣ ея лѣсъ начинаетъ уменьшаться по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ рѣки, подходя къ устью верхняго притока ея; встрѣчается еще кое-гдѣ раскиданная мелкая береза и рѣдко лиственница; далѣе же вверхъ за означеннымъ истокомъ совершенно прекращается.

Рѣка *Коппола* или *Мудази-сезъ-Южемъ-Юганъ*, имѣющая начало противъ истока р. Лире-Юганъ, описанной выше, сперва течетъ маленькими колѣнами прямо на сѣверъ около 2½ верстъ; по выходѣ же изъ горной долины, она принимаетъ направленіе сѣверозападное и слѣдуетъ прямо, довольно быстро, между безлѣсными и отлогими своими берегами, имѣя мѣстами каменные притесы и выдающіеся мысы.

III.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

ВЕДЕННАГО ВЪ ЮЖНОМЪ ОТРЯДѢ УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1848 Г.

Въ дополненіе къ сдѣланному мною топографическому описанію части Уральскаго хребта, снятаго въ 1848 году, неизлишнимъ считаю приложить извлеченіе изъ моего дневника, для болѣе подробнаго показанія обстоятельствъ, въ которыя мы были поставлены свирѣпствовавшю въ это лѣто на Уралѣ язвою, истребившею всѣхъ оленей, чрезъ что мы не могли достигнуть цѣли, оставя неосмотрѣннымъ и несвятымъ протяженіе Урала около 150 верстъ по широтѣ.

29 Іюня 1848 года. На Уралѣ подѣль 66° сѣверной широты, при рѣкѣ *Копполь* или *Мудази-сесъ-Южсемъ-Юганъ*, экспедиція раздѣлялась на два отряда, сѣверный и южный. Послѣдній нашъ отрядъ, подѣль начальствомъ Стражевскаго, сдѣлалъ переходъ къ югу, отъ пункта раздѣленія экспедиціи, на гору *Тумболова*.

30 Іюня. Оставались на мѣстѣ для того, чтобы я могъ взмѣрить базисъ и начать основательную мензульную триангуляцію, которую предполагалъ продолжать потомъ непрерывно на всемъ протяженіи по Уралу до окончательнаго пункта горы *Косми-меръ*. Производство такой триангуляціи мензулою болѣе затруднительно и неуспѣшно по недостатку времени и средствъ, нежели опредѣленіе какимъ нибудь малымъ инструментомъ астрономическихъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, я не былъ снабженъ подобнымъ инструментомъ, по непредвидѣнному раздѣленію экспедиціи въ 1848 году, поэтому долженъ былъ, для болѣе точ-

ной связи маршрутовъ, употреблять мензулу, не смотря на всѣ затрудненія.

1 Юля. Перешли чрезъ рѣку *Тумболова-Юганъ* къ рѣкѣ *Няде-Юганъ*. Съ 1 по 9 число, погода до такой степени была ненастная, что не было никакой возможности защититься отъ непрерывныхъ почти дождей, съ грозою по временамъ. Мы не могли подвигаться впередъ и по случаю сильнаго тумана, которымъ все пространство было обнято въ продолженіе этого времени, такъ что кромѣ мѣста, гдѣ мы находились, ничего не было видно кругомъ. Поэтому мы принуждены были на мѣстѣ ожидать пока хотя нѣсколько прояснится, чтобы на пути что нибудь могли осмотрѣть. Въ надеждѣ, что погода сдѣлается лучше, мы обманывались; одинъ день замѣнялся другимъ болѣе или менѣе ненастнымъ.

9 Юля. Къ радости нашей погода прояснилась, и даже вершина высокой сопки *Тумболова-тей-кеу*, при истокѣ рѣки *Тумболова-Юганъ*, освободилась отъ облаковъ, которыми она была обнута долѣе всѣхъ окрестныхъ горъ. Не тратя нисколько времени, майоръ *Стражевскій* и я, съ проводникомъ и талмачемъ, поѣхали на 3 нартахъ на означенную сопку, отстоявшую отъ лагера верстъ на 10, и которая по показанію проводника должна была находиться на линіи раздѣленія водъ. Около 3 часовъ мы ѣхали, или лучше мучились съ оленями: на этихъ 10 верстахъ комары и оводъ сильно свирѣпствовали послѣ ненастья; олени падали, рвали упряжь и кружились. Кое-какъ добрались наконецъ до подошвы кряжа, и потомъ, не безъ труда, поднялись на верхъ съ инструментами (я бралъ и мензулу), по крутому и каменистому склону его. Только что успѣли взобраться, какъ облака, съ востока занесимыя, опять обняли насъ и окрестныя горы, такъ что промежутками можно было видѣть только одинъ долъ, гдѣ соединялись истоки р. *Тумболова-Юганъ*. Мы не могли ничего узнать отъ проводника о направленіи и составныхъ частяхъ водораздѣла, только видно было, что истоки р. *Няде-Юганъ*, текущей на западъ же, сходятся съ вершинами *Тумболова-Юганъ*, изъ чего заключили, что этотъ кряжъ не составляетъ линіи раздѣленія водъ, какъ онъ казался, и что р. *Тумболова-Юганъ* беретъ начало не изъ самаго Урала, а изъ его отрога.

Тщетно прождали мы нѣсколько часовъ, не прояснителя ли небо;

облака сильно мешались через горы, и наконецъ начало уже темнѣть. Къ 11 часамъ вечера мы спустились съ горы къ оленямъ и поѣхали обратно въ лагерь. Такимъ образомъ поѣздка была неудачна и трудъ нашъ не вознагражденъ успѣхомъ.

Съ 10 на 11 число. Ночью, воспользовавшись нѣсколько благоприятною погодою, перейдя довольно глубокимъ бродомъ р. *Няде-Юганъ*, сдѣлали перевалъ на южный притокъ этой рѣки.

11 Юля. Оставались на мѣстѣ послѣ ночнаго перехода. Я занимался съемкою и триангуляціею по окрестнымъ горамъ, а Стражевскій отправился на скалистой кряжъ *Сатъ-Моки*, опредѣленный мною издали, съ тѣмъ, чтобы обозрѣть линію раздѣленія водъ, которую мы не видѣли уже отъ Коппола, перехода черезъ Уралъ. Погода благоприятствовала днемъ, а ночью была очень туманна, поэтому онъ не могъ возвратиться въ лагерь ранѣе утра слѣдующаго дня.

13 Юля. Мы не могли сдѣлать перехода болѣе 10 верстъ черезъ рѣку *Нанъ-Яла* къ южнымъ верховьямъ ея, по затруднительной мѣстности каменныхъ отроговъ западнаго склона Урала. Олени подъ транспортомъ выбивались изъ силъ, безжалостно мучимые комарами и оводомъ. Подрядчикъ и хозяинъ нашихъ оленей, Березовскій уроженецъ, Василій Усковъ, съ однимъ Остякомъ были того же числа вечеромъ отправлены нами для отысканія ближайшаго кочевья Остацкаго, чтобы имѣть въ виду замѣнить изнуренныхъ оленей свѣжими, въ случаѣ надобности, и купить отъ нихъ сколько нибудь хлѣба, муки или сушеной рыбы; ибо наши сухари, взятые на три недѣли, уже истощались, а пунктъ, гдѣ приготовлена была провизія на Уралѣ, отстоялъ отъ насъ еще болѣе 60 верстъ; до него мы не надѣялись вскорѣ добраться, по чрезвычайной слабости оленей. Продолжительное ненастье, потомъ сильное комарное и оводное время (*), препятствовали оленямъ расходиться для корма. Стадо наше, до 400 оленей съ телятами, по цѣлымъ суткамъ почти постоянно лежало и сжималось вмѣстѣ близъ чума. Нужно представить себѣ только, какъ это множество комаровъ беспокоитъ нѣжнаго оленя, линяющаго въ это время года: сплошною массою

(*) Такъ называется время года и дня, въ которое преимущественно свирѣпствуютъ эти насѣкомыя.

они покрываютъ все его тѣло; отъ укушенія овода течетъ кровь.

Съ оленями мы должны были обходиться какъ съ больными. Когда нужно было дѣлать значительный переходъ, то запрягая ихъ, нужно было соображаться съ тѣмъ, бѣли ли они ночью или нѣтъ, также съ состояніемъ температуры и проч. Въ полдень необходимо было всегда переждать самую жару, ибо въ это время сильнѣе свирѣпствовалъ оводъ. На пути олени при малѣйшей остановкѣ сейчасъ ложились, и потомъ трудно было поднимать ихъ. Не говоря уже о томъ, что мы сами притерпѣвали отъ этихъ насѣкомыхъ, мы затруднились скучнымъ и медленнымъ поѣздомъ нашего обоза. Самы туземцы удивлялись этому незапамятному множеству комаровъ, какое было лѣтомъ 1848 года; они приписывали это рѣдкой теплотѣ прошлой зимы. Вспомнивъ совѣты нѣкоторыхъ, будто комары не терпятъ смолиной запахъ, мы намазали платки дегтемъ и покрывали по возможности ими лицо; но ничего не помогало,—комары роємъ льнули къ намъ.

14-го Юля. Подрядчикъ возвратился съ двумя Остяками изъ отысканнаго имъ чума въ верстахъ 20 сѣвернѣ насъ на Уралѣ, при вершинѣ р. *Иде-Иганъ*. Въ стадѣ у насъ пало олень. Обстоятельство замѣчательное тѣмъ, что съ этого числа появилась язва.

15-го Юля. По собраніи свѣдѣній отъ приходшихъ Остяковъ, майоръ Стражевскій одинъ поѣхалъ въ ихъ кочевье, какъ для сдѣланія распоряженія относительно продовольствія, такъ и для того, чтобы осмотрѣть ту часть Урала, которая осталась въ сторонѣ отъ насъ. Въ этотъ день пало 3 оленя, 16-го числа еще 4. Замѣтивъ съ 14-го числа постепенно увеличивающійся падежъ оленей, мы досиѣшли скорѣе перемѣнить мѣсто, опасаясь заразы.

17-го Юля. Къ ночи перешли на вершину р. *Малой западной Янма*. У насъ почти вдругъ пало еще 7 оленей.

Съ 18 по 22 число. Пробывъ на мѣстѣ. Въ эти дни былъ совершенный бурянь: проливной дождь съ грозой, и сильнѣйшій вѣтеръ кружилъ и нѣсколько разъ валилъ и рвалъ нашу палатку, такъ что мы по очереди спали. Все время термометръ показывалъ + 2°; олени начали сильно валиваться во время ненастья. 18 числа пало ихъ 10.

19-го Юля. Язва начала еще сильнѣе дѣйствовать: въ эти сутки пало 37 оленей, и большею частію ѣзжалыхъ, т. е. изъ годныхъ въ упряжь.

20-го Юля. Погода не поправлялась. Утромъ толмачъ нашъ (*) на вопросъ маіора Стражевскаго о состояніи стада, отвѣчалъ: «Остатки счетъ потеряли уже падали, и перестали даже шкуры сдирать Ваше Высокоблагородіе». Маіоръ приказалъ перегонять стадо съ мѣста на мѣсто, дабы около упавшихъ оленей не заражались и здоровые; но это не помогало: около валяющихся всюду пропавшихъ оленей и даже раздѣтыхъ уже, лежали или бѣгали телята, отыскивая матокъ, или послѣднія около своихъ телятъ, и вскорѣ, зараженныя сами, тутъ же падали. Лишь перегонять стадо, пролежавшее около часа на мѣстѣ, на другое, 5, 6 оленей уже не встануть.

Въ первые дни падежа, проводники наши, Остатки и Самоѣды, не только снимали шкуры, но съ жадностію употребляли и въ пищу мясо. Предвидя сильную заразительность отъ этого, мы запрещали имъ не только ѣсть, даже и раздѣвать павшихъ оленей; но они не могли удержаться отъ этого, и украдкою или ночью продолжали свое, рассуждая: «гдѣ это слыхано, чтобъ отъ оленьей болѣзни умиралъ человѣкъ!» Даже два Самоѣда уже сильно заболѣли, и это не могло ихъ удержать. Впрочемъ, нельзя и удивляться ихъ невѣжеству, ибо такая язва только еще въ первый разъ у нихъ появилась; а они привыкли поступать такимъ образомъ въ обыкновенныхъ случаяхъ незначительнаго падежа оленей, отъ боли копытъ и другихъ незлокачественныхъ болѣзней.

Омерзительно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалко смотрѣть на жадность, съ какою они, переходя отъ одного павшаго оленя къ другому, съѣдаютъ лакомыя по ихъ вкусу части. Женщины по цѣлымъ днямъ просиживаютъ за раздѣтыми оленями, какъ звѣри, занимаясь обычною работою своею, вытягивая зубами жилы для нитокъ и безъ всякаго при томъ отвращенія, не разбирая, когда палъ олень. Они насушили себѣ въ первые дни большой запасъ оленьихъ.

Нельзя было видѣть предварительно никакихъ наружныхъ

(*) Кондичскій крестьянинъ.

приваковъ болѣзми скота, чтобы отѣлать больныхъ оленей отъ здоровыхъ: вдругъ опухаетъ языкъ, горло или животъ, и вскорѣ въ сильныхъ конвульсіяхъ начинается изводиться животное. Пробовали нѣкоторымъ больнымъ оленямъ вливать въ горло спирта съ табакомъ, нашатыремъ или съ порошкомъ и пускать кровь изъ ноги, но ничего не помогало. Загаза распространилась и на собакъ, которыя ѣли падали: у нихъ тоже опухало горло и появлялись прочіе припадки, какъ у оленя.

Въ теченіе цѣлаго дня дождь и вѣтеръ не переставали бушевать, безпокоя насъ донельза, и наводили уныніе среди трудныхъ обстоятельствъ нашихъ. Подрядчикъ, вида быстрое уничтоженіе своихъ оленей, составлявшихъ все имущество его, съ озабоченнымъ видомъ и въ отчаяніи выпросилъ у насъ кусокъ восковой свѣчи и пошелъ въ чумъ свой. Черезъ полчаса слуга нашъ (*), входя въ палатку къ намъ, сказалъ: «Василій Васильевичъ какую-то Божественную книгу читаетъ вслухъ, можетъ Богъ дать къ завтраму не проведется ли, и олени перестанутъ падать. Дай-то Господя Истинный Христосъ!» По слѣдствію слова его сопровождался крестнымъ знаменіемъ.

Суевѣрные Остани и Самоѣды разсуждали по своему: «это вѣрно уже такое мѣсто пропащее; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ вѣрно чумъ когда нибудь стоялъ. Старики сказывали, если чумъ поставится на старое мѣсто, то уже не миновать бѣды. Это вѣрно!» Въ отвращеніе дальнѣйшаго бѣдствія, они говорили, что «нужно непременно заколоть блага здороваго оленя въ жертву; *потомъ шерстью его окуритъ стадо*». Мы только и ждали, чтобы погода нѣсколько стихла, и могли бы перейти съ этого истинно *пропащаго мѣста*.

21-ю Юля. Ночью шелъ сильный дождь. Утромъ пастухи сказывали намъ: «уже мало осталось живыхъ оленей; если не вѣрнете, посмотрите сами». И дѣйствительно, ночью былъ страшный валежъ скота! Пополудни вѣтеръ стихъ и погода начала проясняться. Мы не могли на своихъ оленяхъ перейти съ этого отвратительнаго мѣста, не имѣя болѣе 20 оленей, оставшихся изъ 200 ѣзжалыхъ, остальные же все мелочъ, или небывшіе еще въ упряжѣ.

(*) Горный мастеровой.

Нужно было снова послать въ отысканный чумъ взять оттуда хотя 30 оленей подъ необходимый транспортъ, чтобы только добраться до пункта, гдѣ были приготовлены наши припасы.

22-го *Юля*. Погода была хорошая, теплая и безъ вѣтра; комары, вопреки нашимъ расчетамъ, не уменьшались отъ прошедшаго ненастья, но всѣ ожгли и, кажется, еще съ большимъ ожесточениемъ бѣли насъ. До полудня мы не могли дожидаться посланнаго за оленями съ вѣстію, отъ которой зависѣлъ планъ дальнѣйшаго нашего путешествія. Вечеромъ подрядчикъ возвратился только съ 10 оленями, и то Остляк отпустила ихъ не иначе, какъ съ условіемъ, въ случаѣ надежа, заплатить за каждаго по 15 рублей ассигнаціями. Въ этомъ кочевьѣ, съвернѣе насъ, зараза начала уже дѣйствовать.

Къ 11 часамъ вечера, вскорѣ по приведеніи оленей, начали готовиться къ ночному переходу на другое мѣсто далѣе къ югу. Собственно нашихъ оленей, годныхъ еще въ упряжь, оказалось только 12 изъ 200 бѣжалыхъ. Мы бросили менѣе нужныя вещи и расколотили лишніе ящики, уменьшили кладъ изъ 15 нартъ до того, что уложили все на 7 нартахъ, запряженныхъ по 2 и по 3 оленя. Сами увѣсились инструментами и сумками, люди повесили на плечахъ по вязанкѣ дровъ изъ расколоченныхъ ящичковъ и нартъ, ибо лѣсъ отстоялъ верстъ на 15 и болѣе отъ склона Урала, почему добываніе топлива было затруднительно.

Безъ оглядки мы спѣшили отъ этого мѣста, оставляя за собою до 300 валяющихся оленей въ самомъ отвратительномъ видѣ, и толпу едва переставляющихъ ноги хворыхъ оленей и малыхъ телятъ при чумѣ съ больными самоѣдами и семействомъ ихъ. Не было уже столько оленей, чтобы перевести и чумъ этотъ на другое мѣсто. Къ тому же мы не нуждались уже въ столькихъ рабочихъ-проводникахъ, по случаю совершенной потери оленей; каждый лишній человекъ уже затруднялъ дальнѣйшее путешествіе относительно продовольствія.

23-го *Юля*. Перейдя въ 2½ часа ночи черезъ Уралъ, транспортъ остановился вскорѣ лагеремъ на рѣкѣ *восточной Малой Янемы*, а мы съ майоромъ Стражевскимъ продолжали путь свой еще версты 4 далѣе по линіи раздѣленія водъ на одну изъ сопокъ *Янема-кѣу*, гдѣ онъ дѣлалъ по обыкновенію барометриче-

скія и геогностическія наблюденія, а я въ это время обрекогно-сцировалъ окрестности. Къ 5 часамъ утра мы спустились съ сонки и пошли въ лагерь.

Несмотря на усталость ночнаго перехода и ходьбы на означенную гору для наблюденій, маіоръ Стражевскій нисколько не медля собралъ оленей и, въ сопровожденіи подрячника нашего, толмача и одного проводника, на трехъ нартахъ и со всѣми оставшимися живыми 18 оленями, отправился къ югу по Уралу до горы *Тонабе-нѣль*, гдѣ надѣялся отыскать приготовленную зимою провизію, и вмѣстѣ съ тѣмъ одѣлать распоряженіе сообразно обстоятельствамъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ, оставя меня въ лагерѣ со всѣмъ имуществомъ экспедиціи при двухъ горныхъ мастеровыхъ. Отправляясь на неопредѣленное время, онъ раздѣлялъ всѣмъ поровну сухари, фунта по 1½ каждому, ваявъ себѣ такую же часть, по горсти крупы и соли.

Уѣзжая онъ говорилъ мнѣ, что если зараза не истребила оленей на Уралѣ южнѣе насъ, куда лежалъ нашъ путь, то, безъ особыхъ затрудненій, мы можемъ проѣхать, нанявъ оленей отъ кочевья до кочевья. Въ противномъ же случаѣ, если найдеть уцѣлѣвшихъ отъ язвы хотя вѣскольго оленей, достаточныхъ для 2 нартъ, подъ провизію и необходимыя вещи, то оставить до зимы въ первомъ же кочевьѣ нашихъ двухъ слугъ, горныхъ мастеровыхъ, надѣля ихъ провизіею, которую предполагалъ навѣрное отыскать и бросить всѣ вещи, и только вдвоемъ со мною, съ однимъ проводникомъ и толмачемъ, пройдетъ непременно порученную ему дистанцію Урала во что бы не стало. Добравшись же до вершинъ Сыгвы, мы должны были встрѣтить кочевье богатаго Остяка *Тѣбима*, который могъ бы свезти насъ потомъ на отдѣльный хребетъ *Саблю* (*) и до деревни Оранца на Печорѣ.

Въ случаѣ же общаго и повсемѣтнаго надежа, мы имѣли намѣреніе, хотя на этихъ же оленяхъ, если возможно будетъ, обратиться за *Тонабе-нѣль*, гдѣ, заваспась провизіею, сколотить себѣ плоты и спуститься по р. Сыгвѣ.

(*) Отдѣльный высокій кряжъ на западной сторонѣ, параллельно Уралу, верстахъ въ 40 отъ онаго. Господствующая вершина простирается до 6000 футовъ надъ поверхностію моря по опредѣленію Ковальскаго.

Эти планы давали возможность намъ обозрѣть почти всю порученную часть до горы *Дюосми-нѣръ*, также и я могъ бы сдѣлать хорошую рекогносцировку этой части Уральскаго хребта, тѣмъ болѣе, что еще съ горы *Тумболоса* я видѣлъ почти весь Уралъ съ боку до широты *Сабли* и взялъ, кромѣ магнитныхъ азимутовъ, ихъ направленія мензулою. Съ высокой горы южный *Пай-лрѣ* или *Вой-Халди*, на Уралѣ, на половинѣ всего предстоящаго пути, мы надѣялись, по показанію проводника, увидѣть всю южную часть Урала, къ сѣверу и югу. Кромѣ того высокая вершина *Сабли*, опредѣленная Ковальскимъ астрономически, служила бы мнѣ хорошимъ пунктомъ для боковыхъ пересѣчекъ на всемъ протяженіи пути нашего.

Къ полудню поднялся порядочный сѣверозападный вѣтеръ, обрадовавшій насъ облегченіемъ нѣсколько свѣрѣпость и комаровъ для оленей и ускореніемъ тѣмъ пути Стражевскаго. Къ 5 часамъ вечера погода испортилась, вѣтеръ сдѣлался порывистымъ и пошелъ сильный дождь; я приготовился встрѣтить ненастье, съ которымъ мы уже свыклись на негостеприимномъ сѣверномъ Уралѣ. Почти всю ночь продолжался ливень и промочилъ нашихъ путниковъ, поѣхавшихъ налегкѣ и нечехавшихъ подъ открытымъ небомъ безъ палатки, на голомъ и безлѣсномъ Уралѣ.

24 Июля. Воспользовавшись дополудня нѣсколько благоприятною погодою, я выходилъ окрестности съ мензулою не безъ малаго труда; былъ на двухъ ближнихъ сонкахъ.

Часа въ 4 пополудни, опять поднялась буря, вѣтръ грозилъ увести палатку нашу со всѣми кольями и шестами; мы прикрѣпились и суетились подъ дождемъ и грозой, какъ моряки во время шторма; ливень продолжался почти всю ночь. Изъ оставленнаго чума нашего пришелъ Самоѣдъ съ извѣстіемъ ко маѣ, что Остакъ работникъ Ускова померъ, послѣ двухдневной болѣзни.

25 Июля. Около 3 часовъ утра, неожиданно возвратился майоръ Стражевскій со своими свутниками пѣшкомъ, везя только на 3 уцѣлѣвшихъ оленяхъ кулъ сухарей, нѣсколько крупы и прочей мелочи. Озабоченный и изнуренный видъ его не общали радостной вѣсти.

Найденная имъ провизія хотя и казалась утѣшительною для насъ, но неблагоприятныя обстоятельства, въ которыхъ мы были поставлены заразою, заставили призадуматься. Къ югу

отъ насъ на восемь протажениі Урала, куда лежалъ путь нашъ, не осталось ни одного живаго оленя: всѣ были истреблены уже лзвою. Самы Остяки въ чумахъ, тоже почти на половину померли, или были жестоко больны. Эпидемія шла довольно быстро съ юга на сѣверъ, на встрѣчу намъ, и замѣчательно, что, съ приближеніемъ къ сѣверу, она дѣйствовала гораздо слабѣе и медленнѣе, какъ это видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній:

Къ 14 Іюля, когда только что появилась у насъ въ стадѣ лзва, чрезъ полградуса южнѣе насъ въ пяти кочевьяхъ, верстъ на 10 одна отъ другой простиравшихся далѣе къ югу, зараза успѣла истребить уже всѣ стада до 8 тысячъ, въ продолженіе какихъ нибудь 10 дней. У насъ же съ 14 по 25 число, т. е. въ теченіе 11 дней, истребила стадо, состоявшее не болѣе какъ изъ 400 головъ.

Въ кочевьѣ на р. *Лиде-Юланк*, верстъ 20 сѣвернѣе насъ, она появилась почти 5 днями позже нашего и дѣйствовала значительно медленнѣе, чѣмъ у насъ.

Еще же сѣвернѣе этого, какъ въ послѣдствіи оказалось, у верховья р. *Войкара*, въ стадѣ изъ 500 оленей, зараза не истребила и половины, далѣе же этого мѣста въ глубину сѣвера уже не проникала эпидемія; почему сѣверный отрядъ экспедиціи благополучно дошелъ до Ледовитаго моря, удаляясь болѣе и болѣе отъ заразы, а нашему южному отряду нужно было идти на встрѣчу ей.

Къ горѣ *Тонабе-нѣл* за провизіею ѣхали почти цѣлыя сутки безостановочно, не смотря на сильно ненастную погоду и усталость отъ путешествія прошедшаго дня; наконецъ, къ общей радости ихъ, они вдругъ увидѣли вдали четыре чума и лежащее на сѣвѣ огромное стадо оленей; они рѣшились дать отдыхъ выбившимся изъ силъ оленямъ, и между тѣмъ подкрѣпить себя хотя кратковременнымъ сномъ, не спавши двое сутокъ, не обращая вниманія, что нечѣмъ было укрыться отъ проливнаго дождя.

Къ утру 24 числа оказалась только половина живыхъ оленей изъ 18, на которыхъ наканунѣ выѣхали. Они и не тужили много объ этой потерѣ, увидя богатое кочевье впереди. Поѣхали версты 4 далѣе, олени вдругъ испугались, наѣхавъ на навшихъ, которые лежали въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ шкурахъ еще.

Всѣ надежды исчезли; они догадались, что и тутъ свирѣпи-

стываетъ лъва и, вѣроятно, въ сильной стонени, такъ что Остакн перестали уже и шкуры снимать. Подъѣзжая ближе и ближе къ означеннымъ чумамъ, они стали различать, что образовавшее ихъ издали стадо оленей было неподвижное поле труповъ оленьихъ. Они оставили своихъ оленей съ проводникомъ въ отдаленіи отъ этого мѣста заразы и прошли пѣшкомъ около 5 верстъ къ самымъ чумамъ, но мѣстности, всюду усыпанной палыми оленьими болѣе двухъ тысячъ. Они говорили, что воздухъ былъ такъ тяжелъ и невыносимо дуренъ, что нестерпимо было идти противъ вѣтра.

Два ближніе чума, по окончательномъ истребленіи оленей, сблизились вмѣстѣ, и въ одномъ изъ нихъ отыскались наши припасы, находившіеся на сохраненіи у Остакн Юра съ племянникомъ. Маіоръ Стражевскій распросилъ подробно у нихъ о времени появленія лъвы, продолжительности ея, о количествѣ палыхъ стадъ, о смертности людей и проч. Въ этихъ двухъ чумахъ повалилось въ теченіе 4 дней у богатаго Остакн Лара 2000 оленей и самъ онъ померъ; у другаго же 1000 оленей. Въ двухъ сосѣднихъ чумахъ еще южнѣе пало тоже не менѣе 2 тысячъ. Далѣе же еще къ югу не помню достоверно, сколько пало оленей. (*)

Остакн не знали даже, сколько осталось живыхъ еще людей южнѣе ихъ на Уралѣ, ибо безъ оленей они не имѣли уже никакого сообщенія между собою. Смертность была сильная, — если не на половину, то по крайней мѣрѣ третья часть ихъ померла отъ лъвы. У людей, какъ признакъ заразы, являлась на лицѣ болячка, въ родѣ вереда, потомъ вскорѣ лицо начинало опухать болѣе или менѣе. Кому уже было суждено сдѣлаться жертвою лъвы, тогда голова опухала до такой степени, что не видно было мѣста глазъ, носа и проч.; съ распространеніемъ же опухоли ниже къ горлу и груди, человекъ немедленно умиралъ въ сильномъ удущѣ. Къ распространенію заразы между людьми, Остакн сами способствовали своею невѣжественною, дикою привычкою употреблять въ пищу павшихъ оленей. Они сами рассказывали, что въ первые дни сильнаго валежа едва успѣвали снимать не болѣе пяти

(*) Стражевскій имѣетъ подробныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, собранныя на мѣстѣ.

шкуръ, какъ руки сильно опухали у нихъ, а нѣкоторые заболѣвали. Не смотря на эти ясные признаки заразительности, они продолжали свои занятія до тѣхъ норъ, покуда многіе изъ нихъ померли.

Остякъ, хранившій наши припасы, подалъ маіору длинную палку со многими на ней надрѣзами, дѣланными имъ ежедневно по одному, чтобы не сбиться со счета, сколько дней онъ хранитъ казенную провизію. Стражевскій награждалъ его, за исправность и отчетливость, тремя рублями серебромъ и отдалъ ему большую часть припасовъ, чего не могъ увести на оставшихся 5 оленяхъ; только не велѣлъ употреблять ихъ ранѣе 3 недѣль, изъ предосторожности, чтобы намъ самимъ не пришлось еще употребить ихъ, если по непредвидѣнному случаю заждемъ гдѣ нибудь въ горахъ, точно такъ же, какъ и Остаки, которые оставались въ этомъ жалкомъ положеніи до зимы, не имѣя средствъ съ семействами убраться съ Урала.

Этотъ трудный путь, болѣе 90 верстъ туда и обратно, маіоръ Стражевскій слѣлалъ въ 1½ сутки; онъ стоялъ остальныхъ 18 оленей, на которыхъ мы далеко бы убрался съ Урала, если бы не имѣли надобности въ провизіи и могли достовѣрно знать, существуетъ ли впередъ по Уралу зараза, и имѣются ли какія средства продолжать путешествіе, хотя бы и вавоемъ, какъ предполагая. Но нельзя было положиться на слова какого нибудь посланнаго для узнавія, не убѣдившись лично во всемъ, для лучшаго распоряженія въ пользу возложеннаго на насъ порученія.

26-ю Юл. Сообразно описаннымъ обстоятельствамъ, начальнику экспедиціи, видѣвшему, что не имѣется уже никакихъ средствъ продолжать дальнѣйшее путешествіе по Уралу, даже при возможно-ограниченныхъ средствахъ, оставалось заботиться единственно только о спасеніи ввѣреннаго ему отряда отъ явной гибели, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ слугъ нашихъ, горный мастеровой, уже заболѣлъ заразою, не смотря на всѣ мѣры осторожности, относительно сообщенія съ Остяками, пищей и проч. Обстоятельства наши были такъ трудны, что не только нельзя было думать о другомъ днѣ, но даже и о вечерѣ настоящаго. Постоянно ненастная погода не подавала никакой надежды къ прекращенію эпидеміи. Изъ возвратившихся оленей осталса

только одинъ еще живымъ. Около 2 часовъ пополудни мы спѣшили отослать этого оленя обратно въ чумъ на р. *Инде-Юганъ*, откуда мы взяли 10 оленей подъ извѣстнымъ условіемъ и навьючили ихъ сухарями, какъ необходимымъ предметомъ для ретиврады нашей съ Урала. Толмачъ и одинъ горный мастеровой повесили тоже на плечахъ что могли изъ болѣе нужныхъ вещей. вмѣстѣ съ тѣмъ подрядчикъ долженъ былъ освѣδοчиться, осталось ли тамъ хотя сколько нибудь оленей, чтобы можно было намъ перейти въ этотъ чумъ, везя необходимыя вещи и жизненные припасы хотя на 2 или на 3 нартахъ, полагая притомъ, что каждый изъ насъ понесетъ самъ не менѣе пуда на плечахъ.

Проводникъ нашъ, Сибирскій Остякъ, Павелъ взялся провезти насъ изъ означеннаго чума на восточный отрогъ *Алпта-Кеу*, съ котораго уже полагалъ въ непродолжительное время провести черезъ низменный долъ на р. Обь, въ Остяцкое село *Мужки*, если только съ удаленіемъ отъ Уральскаго хребта олени перестанутъ падать или, по крайней мѣрѣ, если ихъ доставятъ хотя на половину пути нашего, чтобы перебраться черезъ самыя непроходимыя топа трясины. Подрядчикъ тоже ручался за вызовъ проводника, зная его опытность, и кромѣ того ему самому случилось зимнимъ путемъ ѣздить изъ означеннаго селенія на Уралъ. Посланнымъ приказано было какъ можно спѣшить, дорожа малѣйшимъ временемъ. Если же къ несчастію нашему не найдется тамъ оленей, то мы предполагали бросить рѣшительно все, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и самыхъ необходимыхъ вещей по занятіямъ нашимъ, и вѣрившись опытности проводника туземца, пуститься въ путь, покуда нога будетъ служить намъ. Это было послѣднее и возможное средство къ удаленію отъ мѣста зараженнаго и опустошеннаго язвою. Впрочемъ мы льстили себя надеждою, что есть еще тамъ олени, потому что стадо у двухъ хозяевъ составляло вмѣстѣ не менѣе 2 тысячъ головъ и что надежъ начался у нихъ значительно позже нашего.

27-ю Юля. Около часа пополудни возвратились наши посланные изъ вышесказаннаго, съверивъ насъ находившагося чума, и къ величайшей радости нашей, съ 16 оленями, взятыми подъ прежнимъ же условіемъ. Мы забыли совъ и начали сейчасъ же собираться въ дорогу.

Маіоръ Страховскій передъ всѣми объявлялъ мнѣ, что онъ, убѣдившись лично въ невозможности дальнѣйшаго путешествія по Уралу, закрываетъ экспедицію, и что ему остается теперь думать только о спасеніи вѣреннаго ему отряда и всего что важно для экспедиціи. Въслѣдствіе чего требовалъ онъ отъ меня, чтобы я показалъ всѣ вещи и инструменты мои, не исключая даже самыхъ мелочныхъ, чтобы, по усмотрѣнію своему, могъ назначить, какія бросить изъ насъ и какія еще можно взять съ собою. Я повиновался. Онъ присовокупилъ еще, что дѣло въ томъ, чтобы уменьшить кладъ донселя и облегчить тѣмъ остатокъ оленей, которые безъ сомнѣнія и такъ падутъ современемъ отъ эпидеміи». Я самъ, «сказалъ онъ,» бросаю многое изъ собственныхъ вещей. Если мы теперь не примемъ предосторожности, которой требуетъ благоразуміе, то намъ послѣ придется бросить все, или нести на собственныхъ плечахъ. Намъ въ скоромъ времени обѣщается проводникъ провести на р. Обь въ с. *Мужм*. Теперь дай Богъ самимъ здоровья только, и болѣе ничего не нужно. Если же вскорѣ мы доберемся до г. Березова, то освѣдомимся сейчасъ же, можно ли достать южнѣе горы *Квозмъ-нѣръ* оленей: тогда мы вдвоемъ поднимаемся по Сосвѣ опять на Уралъ, снявъ эту рѣку и часть Урала, сѣздаимъ на *Саблю* и выйдемъ на р. Печору; а не успѣемъ, такъ нечего дѣлать: не пойдешь на перекоръ невозможности; по крайней мѣрѣ совѣсть будетъ спокойна: мы сдѣлали все, что зависимо отъ насъ и силъ нашихъ, сообразно обстоятельствамъ».

Намъ нужно было оставшуюся за разборкою кладъ уложить повемногу на 6 яртахъ, чтобы не затруднять слабыхъ уже оленей, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ приведенныхъ сейчасъ палъ. Мы очень торопились разборкою и укладкою вещей, чтобы не лишиться еще на мѣстѣ многихъ оленей, и не смотря на все это, мы не успѣли однакожь ранѣе 9 часовъ утра выступить въ путь. Къ несчастію, день былъ тихій и одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какого мы до сего времени не имѣли: + 25° Реомюра было въ полдень. Олени выбились изъ силъ, проѣхавъ по довольно трудной мѣстности около 3 верстъ; къ тому же комары и оводъ довершали ихъ мученіе, доводя сильно и насъ, даже сквозь легкую одежду. Мы остановились на одной изъ свѣжыхъ ложицъ вершины р. *Малой восточной Янма*, давъ

отдохнуть оленямъ, переждавъ жаръ, иначе они не дотащали бы обоза до мѣста. До 6 часовъ вечера стояло еще + 21°, и нельзя было пуститься въ дорогу; и то уже два оленя начали изводиться.

Потомъ, въ теченіе полчаса, температура вдругъ упала на 8°, термометръ показывалъ уже + 13° и началъ повсегому убывать; мы обрадовались, что можемъ подняться съ мѣста. Нужно сказать, что этотъ переходъ былъ истиннымъ мученіемъ: не мы оленей затрудняли, а они насъ. Мы прошли во всю ночь болѣе 20 верстъ, оставя на пути 3 палыхъ оленей и двѣ парты съ вещами, и только къ 4 часамъ утра, 28 числа, прибыли въ чумъ на р. *Ииде-Идианъ*.

28 *Юля*. Около этого кочевья повсюду валялась надалъ; изъ двухтысячнаго стада оставалось еще до 700 головъ, между которыми и третя не было годныхъ къ упражн., но и этотъ остатокъ видимо рѣдѣлъ отъ опустошительной язвы. Въ чумахъ Остяки почти всѣ были больны и двое изъ нихъ умерли. Они перемѣняли уже три раза мѣсто кочевья, дабы удалить стадо отъ палыхъ оленей, и собирались еще далѣе переѣхать, потому болѣе, что померъ Остякъ. Иностранцы ужасно боятся покойниковъ: если въ чумѣ помереть кто, то сейчасъ разбираютъ его; по погребеніи покойника, окуриваютъ верестомъ или оленьимъ саломъ, и переходятъ на другое мѣсто.

Покойниковъ Остяки хоронятъ въ тотъ же день, или не далѣе какъ на другой; одѣвши въ ту одежду, которую онъ носилъ, завертываютъ его въ оленью шкуру. Въ могилу, неглубоко вырытую, кладутъ и запасную одежду его, которую покойникъ носилъ когда нибудь при жизни. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ ружье, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ и прочія вещи, употребляемыя въ ихъ быту и на промыслахъ; въ женщинамъ: иголки, нитки, наперстокъ, ножъ и прочія хозяйственныя вещи. Одного изъ любимыхъ оленей покойника, въ особенности на которыхъ онъ всегда ѣздилъ, приносятъ въ жертву, убивая его мучительнѣйшею смертию, или престо душатъ его, дѣлая заключенія по страданію животнаго: если съ разу и безъ продолжительныхъ мученій удастся убить его, то это предзнаменуетъ, что изъ среды ихъ никто въ скоромъ времени не помереть; въ противномъ же случаѣ признадум-

наютя. Събрав оленя тутъ же, оставляютъ на огонь только голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями. Возвратившись домой, опять все окуряваютъ. Они даже боятся говорить о покойникахъ, и никогда не тронутъ вещей, съ ними положенныхъ.

Вечеромъ того же числа, отдохнувши нѣсколько отъ продолжительнаго ночнаго перехода, я былъ посланъ майоромъ Стражевскимъ, съ 12 оленями, обратно, за двумя нартами съ вещами, оставленными верстахъ въ 15 на пути. Не доходя до этихъ вещей, я оставилъ 10 оленей поодаль, и на рукахъ съ двумя проводниками и при помощи двухъ оленей отвезли нарты на $\frac{1}{2}$ версты отъ нашихъ оленей. Потомъ немедленно разложивъ я кладъ изъ 2 нарты на 3, запряженныхъ четвернями, для легкости, и сейчасъ же поѣхалъ обратно. Около полудня сильный туманъ, внезапно разливчатъ за 5 шаговъ кругомъ, задержалъ меня на пути; ибо каменистыя росыши, скалы, ущелья и проч. затрудненія мѣстныя не дозволяли ощущею ѣхать; я оставался часа на три на мѣстѣ, покуда нѣсколько прояснилось.

29-го Юлль. Къ 7 часамъ утра, я возвратился благополучно на всѣхъ 12 оленяхъ, вопреки ожиданію майора; въ дорогѣ на 30 верстахъ туда и обратно ни одинъ олень не палъ. Майоръ Стражевскій, не желая медлить въ исполненіи своего намѣренія—скорѣе переѣхать затруднительный путь въ с. Мужи, старался сколько возможно болѣе достать оленей подъ связъ нашего малаго транспорта и запасныхъ въ случаѣ постепеннаго падежа ихъ, чтобы только какъ нибудь переѣхать самыя почти непроходимыя болота, до *Мужискаго Матрика* (*). Но изъ оставшагося количества ѣзжалыхъ оленей въ стадѣ, Остьяки не могли дать намъ болѣе 22, съ прежнимъ же условіемъ, платить по 15 рублей ассигнаціями за каждого, въ случаѣ падежа ихъ. Они даже не брали денегъ отъ насъ, а просили росписку потому, что большею частію всѣ эти оленя принадлежали Березовскимъ жителямъ, которымъ впоследствии нужно было вылатить деньги.

Сообразно полученному числу оленей, мы начали еще умень-

(*) Возвышенность, простирающаяся къ Оби, образуетъ лѣвый, невысокій горный берегъ этой рѣки, на которомъ расположено с. Мужи.

шать кладь, бросая многое и расколотивъ инструментные ящики, погребцы и проч. Даже Стражевскій околачивалъ обратные ямы минералы, и бросалъ лишніе экземпляры. Однимъ словомъ, все, что могло быть оставлено, бросалось. Уменьшеніе клады было тѣмъ болѣе необходимо, что одержимый язвою, горный мастеровой Павелъ Вакиновъ сдѣлался трудно болевъ; ему нужна была особенная парта. Всякое же замедленіе на мѣстѣ имѣло бы дурныя послѣдствія, ибо зараза еще сильно дѣйствовала. Такъ какъ къ ночи не могли мы выѣхать, имѣя больного человека, поэтому мы не брали съ вечера и оленей отъ Остяковъ, опасаясь, что они пропадутъ отъ язвы еще до выѣзда съ мѣста.

30 Июля. Поутру рано мы могли уже выступить въ походъ; все было готово и съ вечера уложено на парты. Больному сдѣлалось еще хуже; мы устроили ему на партѣ постель и привязали его на ней, изъ предосторожности, чтобы не могъ упасть въ дорогѣ. Изъ полученныхъ 22 оленей, еще до выѣзда съ мѣста, уже пала 4. Мы выступили немедленно.

Переходя внизъ по берегу р. Хера-Юганъ, мы сдѣлали болѣе 20 верстѣ; надѣялись, что, быть можетъ, когда спустимся съ Уральскихъ горъ, прекратится и эпидемія.

Путь былъ чрезвычайно затруднителенъ, пролегая постоянно по большимъ каменнымъ розсыпямъ. Нужно только представить себѣ положеніе слабыхъ оленей, тающихъ сани съ кладью по голымъ камнямъ, во мѣстности, гдѣ съ большимъ трудомъ и осторожностію можно пѣшкомъ проходить. Съ какими сожалѣніемъ должны мы были смотрѣть на страдальца больного, совершенно опухшаго, въ этомъ безпокойномъ и тряскомъ пути отъ безпрестанныхъ толчковъ о каменные отломки, савей, которыя люди, поддерживая въ обѣихъ сторонахъ, избавляли отъ непрерывныхъ опрокидываній.

Мы часто останавливались, чтобы облегчить вѣсколку мученіе больного, который только жалѣлъ объ одномъ, что не можетъ уже отъ слабости и слѣпоты вати пѣшкомъ; не видно было глазъ на страшно опухшемъ лицѣ его. Нестерпима была бы и здоровому, не только больному, такая ѣзда. Хотьба пѣшкомъ; не смотря на сильную утомительность, во мѣстныхъ затрудненіямъ въ горахъ, намъ казалась всегда сносите подоб-

ной поѣздки лѣтомъ на нартахъ, потому, можетъ быть, что мы привыкли уже къ этимъ маршамъ, сдѣлавъ все путешествіе пѣшкомъ по Уральскимъ горамъ, болѣе 3 градусовъ по широтѣ, слѣдовательно всего пути, съ боковыми отлучками на сопки, около 600 верстъ, стоящихъ, относительно трудности, едва ли не тройнаго пути по хорошей дорогѣ, если это можно назвать привычкою, что Остяки очень легки на ходу, бѣгая почти цѣлый день по горамъ, гоняя стадо заводныхъ оленей.

Каждый сочувствовалъ больному, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; каждого изъ насъ могла постигнуть подобная же участь. Маіоръ предлагалъ больному, до выступленія въ походъ, остаться въ чумѣ на рукахъ Остяковъ, которыхъ хотѣлъ обязать беречь его; но больной ни за что не соглашался, думая еще вскорѣ добраться до Березовской больницы. Мы опасались, что каждая мошка, слѣтѣвшая съ заразной падали, могла привить намъ лэву, ибо унушеніе ихъ, почти всегда, сопровождается значительною опухолью того мѣста; но въ это время мы въ особенности должны были опасаться за каждую опухоль и прыщикъ, думая, не признакъ ли это заразы.

31 Июля. Больной задержалъ насъ до полудня на мѣстѣ, не соглашаясь ѣхать далѣе, прося лучше оставить одного его, нежели подвергнуться вчерашнимъ мученіямъ. Болѣзнь совершенно одолѣла его, опухоль горла и груди запирала ему дыханіе; онъ уже почти не могъ и говорить. Послѣднія слова, уже съ великимъ трудомъ произносимыя, заключали еще просьбу о женѣ и пятерыхъ малюткахъ, которыя осиротѣютъ. Маіоръ успокоилъ его. Черезъ нѣкоторое время сильнаго боренія со смертію, страдалецъ скончался въ 9½ часовъ утра. Часа черезъ полтора, мы похоронили его въ неглубокой могилѣ, но съ трудомъ и почти общимъ усиліемъ вырытой въ каменистой почвѣ земли. Безмолвно зарывая могилу бѣдняка, каждый мысленно молился сколько могъ и какъ умѣлъ.

Вещи покойника съ нартою мы оставили на его могилѣ, и уменьшивъ еще кладъ, соотвѣтственно оставшемуся числу оленей, перешли бродомъ черезъ упомянутую рѣку за гору *Лоптакеу*, спустившись совершенно, съ Уральскихъ горъ въ долину, гдѣ остановились вечеромъ на рѣчкѣ *Нижель-Юганъ*, впадающей въ р. *Няльга-Юганъ*.

До сихъ норъ я все еще дѣлалъ непрерывную маршрутную съемку, сколько позволяли время и обстоятельства.

1 Августа. Къ утру оказалось палыхъ оленей только два; мы уже думали, что въ самомъ дѣлѣ съ удаленіемъ отъ Урала переставутъ падать олени; хотя у насъ оставалось уже только 10 изъ 22, но мы оставили еще одну нарту съ мѣше необходимыми вещами, какъ то: палатками, инструментами, ружьями, котелками и проч., такъ что повезли провизію и кладъ для четырехъ человѣкъ только на 2 нартахъ, думая съ этимъ обозомъ на 10 оленяхъ переѣхать хотя самыя тонкія низменности, простирающіяся отъ Уральскаго хребта къ р. Оби.

2 Августа. Мы удалились отъ Уральскаго хребта еще на 15 верстъ къ востоку и остановились у озера безымяннаго. Хотя день былъ жаркій, безвѣтренный и способствующій комарамъ и оводамъ, но дорогою палъ только одинъ олень, кромѣ павшаго въ прошлую ночь. У насъ оставалось еще 8 оленей, составлявшихъ всю нашу надежду, и за которыми мы особенно ухаживали.

Во время пути, другому горному мастеровому приключилось колотье въ боку. А къ вечеру проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, тоже заболѣлъ крѣпко, только не лезою; другой же проводникъ, Самоѣдъ Юхкоръ, имѣя уже болѣе двухъ недѣль признаковъ заразы на щекѣ, былъ все на ногахъ, и не чувствуя никакой слабости, вечеромъ того же числа захворалъ.

Насъ это очень озабочивало. Мы дали больнымъ возможныя пособія изъ нашей походной аптеки, состоящей изъ 4 или 5 медикаментовъ: англійской соли, магнезіи, липоваго цвѣту, нашатыря и пластыря двухъ сортовъ. А какъ мы уже добрались до лѣса, поэтому можно было около больныхъ развести порядочный огонь, въ замѣну палатокъ, которыя были брошены уже на предъидущемъ ночлегѣ.

3 Августа. Мы жестоко ошиблись въ предположеніяхъ нашихъ, что съ удаленіемъ отъ Урала прекратится эпидемія; ночью пало 5 оленей. Мы имѣли еще надежду хотя на одной нартѣ свезти сахара и что нибудь необходимое, но въ этотъ день принуждены были оставаться на мѣстѣ, ибо проводники наши все еще лежали и стонали больные, а горный мастеровой поправился къ вечеру. Полагали, что и олени нѣсколько отдохнутъ, если попасутся цѣлые сутки.

4 Августа. Утромъ мы увидѣли себя совершенно безъ оленей;

остальные три ночи пали. Оставалось либо возвратиться на Уралъ ли возвратиться, или продолжать путь далье на востокъ. Въ первомъ случаѣ намъ пришлось бы питаться надалью, въ ожиданіи зимняго пути; въ послѣднемъ же мы предвидѣли безконечный и утомительный путь чрезъ непроходимыя въ лѣтнее время топи. Сухарей у насъ было дней на 7, а по малой порціи и болѣе вѣсколько; къ тому же надѣясь и на *подможный кормъ*: грибы, ягоды, мы рѣшились продолжать путь къ р. Оби, что бы ни предстояло намъ.

Таки какъ мы находились между двумя значительными рѣками *Войкаромъ* и *Симью*, въ разстояніи около двухъ дней ходу отъ той и другой рѣки, поэтому могли бы перейти на одну изъ нихъ, околотить себя плоты и спуститься по ней на р. Обь. Но этотъ рискъ казался менѣе надежнымъ въ сравненіи съ небраннымъ уже шапомъ, потому что, страдая сухари въ двухдневномъ переходѣ къ рѣкѣ, и потомъ во время устройства плотовъ, намъ не осталось бы пищи во время пути по теченію избранной рѣки. Каменное русло при верховьяхъ и значительная ширина близъ устьевъ этихъ рѣкъ, въ особенности *Войкара*, не обѣщали возможности плыть на плотехъ, кое-какъ сплоченныхъ, въ особенности въ непогоду.

Мы оставались еще на мѣстѣ, ожидая облегченія болѣзней проводника Павла. Самоѣдъ Южкоръ былъ безнадѣжно боленъ и притомъ безъ ноги, имѣя по кѣльио деревяннуу. Во всякомъ случаѣ мы предполагали оставить его: ему, въ случаѣ облегченія, возвратный путь на Уралъ былъ ближе и удобопроездимѣе, нежели подлежащій намъ.

Ночь была довольно темная; наши спутники: Ускокъ, толмачъ, слуга и проводники, до сихъ поръ довольно равнодушные къ опасностямъ, видимо привадувались, и къ тому же увеличивали общее уныніе свое суевѣрными разказами между собою о вѣрныхъ примѣтахъ несчастія, хотя негѣпыхъ, но довольно неприятныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зловѣщее надъ нами карканіе вороновъ, алчностью привлеченныхъ къ павшимъ оленямъ, увеличивало страхъ ихъ: «*Върна примѣта; не передъ добромъ!*» было эпилогомъ безконечнымъ разказамъ ихъ о приключавшихся несчастіяхъ и бѣдствіяхъ тогда-то и отъ тѣмъ-то.

Больные шерошцы проводники, охая и стоная, уѣбрали, что: «не даромъ дрова сдѣлали сильную вошапку съ необыкновеннымъ трескомъ, и распаясь къ западной сторонѣ; надо умереть комунибудь изъ насъ, сильшихъ вокругъ огня; такъ сказывали старики, это вѣрно». Спросивъ толмача о ихъ разсказахъ, я узналъ, что проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, хотя вращенный, но большой знахарь: умѣетъ отгадывать будущее, предсказывать выздоровленіе больному и проч.

В Августа. Мы впертомъ: майоръ Стрешевскій, я, горный инженеръ, толмачъ и подрядчикъ, принуждены были отправиться въ трудный и незавзотный путь безъ проводника, потому что Самойлъ Юхоръ былъ трудо-боленъ, а другому Остяку хотя в легче казалось, но онъ не соглашался идти съ нами, вѣроятно не желая оставить умирающаго товарища своего; оставаться же в намъ далѣе на мѣстѣ было не возможно, ибо малый запасъ сухарей приходилъ уже быстро къ концу, а другой пищи у насъ не было.

Я занисалъ въ свой дневникъ показанія проводниковъ о прѣятахъ мѣстности и о главномъ направленіи предстоящаго пути на р. Обь, въ Остяцкое село Мужы, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

«*Направленіе дороги:* первоначально она идетъ на юговостокъ (130°), далѣе будетъ все склоняться къ востоку и потомъ пойдетъ прямо въ этомъ направленіи до р. Хабана-Югитъ, находящейся на $\frac{1}{2}$ всего разстоянія отсюда въ с. Мужы. Отъ этой рѣки дорога принимаетъ направленіе сѣверо-восточное, до раздѣленія зимнихъ дорогъ на Мужинскомъ Материкѣ (*Вызиманскеръ*), гдѣ лѣзая отходитъ на Вейкаръ, првая въ Мужы. До р. Хабана-Югитъ 3 дни ходу, отъ нея же въ Мужы 6, всего 9 дней, если только пойдетъ какъ слѣдуетъ и останется саль перойти самыя топи до Мужинскаго Материка.

«*Примѣты льотности:* перейдя сѣвдній нашъ лѣсокъ, дорога будетъ пролегать малыми тундрицами, болотами и лѣсочками до 2 большихъ тундръ; въ концѣ первой изъ нихъ находится Соръ, (значительное озеро съ разливомъ), который останется влѣвъ; дорога идетъ правѣе. Отсюда пойдетъ къ Березовскому острову (бугорку), который тоже останется лѣвъ; далѣе дорога входить въ густой лѣсъ, гдѣ она довольно примѣтна, и мѣстами есть затесы на деревьяхъ; потомъ выходитъ уже на сто-

рую упомянутую большую тундру. На этой последней встретите *Юань-тай-юрдскую* дорогу, отходящую вправо на подовъ, въ юрты на р. Синь. Вамъ нужно держаться лѣвѣ, и если еще будутъ какія нибудь дороги, то онѣ всѣ сюда выйдутъ на Мужинскую дорогу. Пройдя вторую большую тундру, дорога выходитъ на р. Хобинь-Юганъ, съ которой въ ясную погоду можно видѣть Мужинскій Материкъ: «къ морозу высокъ кажется, къ теплу же гораздо ниже» (слова Остяка Павла).

«Отъ р. Хабина-Юганъ дорога идетъ маленькими тундрами чрезъ рѣдкій лѣсокъ, пересѣкаясь буграми, озерками, ручьями и болотами, потомъ выходитъ къ свѣтлому ручью, перейдя который, пойдетъ вдоль его (не помнитъ: вверхъ или внизъ по теченію), найдете слѣды чумовища; мимоусть его, выходятъ къ озеру *Хойне-лоръ* (въ переводѣ озеро на возвышенности).

«Еще отъ свѣтлаго ручья до этого озера начнутся по дорогѣ мѣстами *Журины-сѣзы* (ловушки для звѣрей), и продолжается далѣе. Отъ озера сейчасъ маленькая тундра до горѣлаго лѣса; за лѣсомъ, который довольно далеко тянется, начнется уже *Вамань-нѣръ*, Мужинскій Материкъ. Потомъ скоро будетъ раздѣленіе дорогъ на рѣку Войкаръ и въ Мужи; надо правѣ держаться.

«Только бы благополучно чрезъ трудныя болота прошли, и добрались бы до этого мѣста, а тамъ дорога будетъ привѣтная, древняя, вѣчная, и будетъ много малыхъ дорогъ; вы все держитесь только главной дороги и идите прямо на востокъ; тамъ уже не пропадете и выйдете въ Мужи».

Вотъ все, что могло служить намъ указателемъ пути, на пустынномъ пространствѣ между Уральскимъ хребтомъ и рѣкою Обью, по дикой и однообразной мѣстности, почти непроходимой въ лѣтнее время. Единственная надежда оставалась только на буссоль. Подрядчикъ тоже рѣшительно не зналъ дороги, привыкши дѣлать зимнія повздки на оленяхъ (*).

До полудня мы устроивали себѣ котомки съ болѣе удобными лямками, вложивъ въ нихъ необходимую одежду, сухари, взявъ

(*) Пѣшкомъ же, и еще лѣтомъ, это совсѣмъ другое дѣло, въ чемъ мы убѣдились впоследствіи горькимъ опытомъ.

съ собою журналы, и другія записки, важныя для экспедиціи; котомка составила пошу, вѣсомъ около пуда у каждаго. Потомъ, увязавъ и запечатавъ остальные вещи, обранные минералы, инструменты и проч. на двухъ нартахъ, оставили на тумарѣ, въ надеждѣ, что хотя эти вещи доставятся зимою, не говоря уже о большей части ихъ, разбросанныхъ на Уралѣ еще по мѣрѣ уменьшенія оленей. Наконецъ, оставивъ большыиъ часть сухарей, отирались благословясь въ путь, съ надеждою, что когда нибудь доберемся до жилья, если будемъ здоровы.

Въ этотъ день мы сдѣлали только около 5 верстъ, держась направленія юговосточнаго (130°) по лѣсу, гдѣ дорога была довольно примѣтная и твердая до открытаго болота, на которомъ она потерялась потомъ. Покуда ревьсквали сдѣловъ проѣзда и прохода чрезъ нея, начало смеркаться; мы остановились почевать при опушкѣ лѣса, опасаясь въ темнотѣ заесть гдѣ нибудь на означенномъ болотѣ. Этотъ первый переходъ въ охотку, и притомъ съ сухарями, показался не такъ труднымъ.

6-ю Августа. Утромъ рано мы выступили, желая до сумерокъ сдѣлать порядочный переходъ. Погода была пасмурная, а свѣжій вѣтеръ способствовалъ нашему пѣшешествію, разгоняя вмѣстѣ съ тѣмъ сопутствующій намъ рой комаровъ. Я еще пытался хотя какъ нибудь дѣлать рекогносцировку этого пути; но утомительныя и большіе обходы болотъ, кочии, чаща лѣса и прочія затрудненія пути не дозволяли опредѣлять по времени пройденнаго разстоянія.

Нѣсколько часовъ мы проходили топкими болотами, дѣлая значительныя энгажи въ отысканіи кратчайшаго и возможнаго пути по вѣдѣнному направленію. Добравшись потомъ до какой-то рѣчки, на которой сдѣлали привалъ для обѣда, мы не могли взять съ собою котелка, какъ лишнюю тяжесть; поэтому мѣдный чайникъ, стакановъ въ 6 величавую, служилъ намъ и для варенія грибовъ.

Къ 8-ми часамъ вечера, послѣ труднаго пути цѣлаго дня, вышли къ значительному озеру, правѣе котораго остановились почевать въ лѣсу. Съ вечера началъ накрапывать дождь, который шелъ цѣлую ночь и до полудня другаго дня обратился потомъ въ постоянный ливень, промочивъ дождемъ насъ, увырнн-

ниже под деревьями. Видя невозможность защититься, мы хладнокровно лежали на мѣстѣ, какъ бы желая надеяться дождю и тѣмъ заставить его перестать.

7-ю *Августа*. Дождавшись утра, мы принуждены были устроить себѣ изъ елокъ кой-какой шалаши, въ которомъ, укрывшись нѣсколько, вокругъ огня начали просушивать измокшую одежду и обувь, которая сдѣлалась вдвое тяжелѣе; а главная надежда наша в защита отъ холода суровыхъ ночей—малеца; оленья Остяцкая шуба, которую мы едва ли не болѣе всего берегли въ котомкахъ, требовала непремѣнной просушки и довольно долгой.

Намъ нельзя было всегда рѣшаться переждать невзгоды, какъ бы продолжительное оно ни было, только бы было мало и безъ сильного тумана, свойственнаго тѣмъ мѣстамъ; потому что намъ пришлось бы все равно мокнуть на мѣстѣ или въ пути. Къ тому же сухари не позволяли медлить, не зная, когда доберемся до Оби, судя по трудному пути, который мы имѣли нанинуть. Такъ и въ этотъ день были очень туманный и дождливый, поэтому мы принуждены были отсѣяться на мѣстѣ, льстя себя надеждою, что завтра, хотя въ дождь, выступить по крайней мѣрѣ съ сухою и значительно легчею пошею.

Ночь была холодною и темною. Собака наша, въ сильномъ безпокойствѣ, то укрывалась съ ворчваніемъ между нами, то по временамъ съ лаемъ выскакивала все въ одну сторону, чуя върѣяно приближеніе звѣря; но втемень ничего нельзя было различать. Поутру, отыскивая грабовъ, находили слѣды и пометъ медвѣдя. Мы вспомнили и отчасти пожалѣли, что никто не взялъ для всякаго случая съ собою ружья, да и шельва было, по началу потому, что ружья, свинець и порохъ были оставлены тогда, когда шли еще оленей и уменьшали кладь съ каждымъ переходомъ по мѣрѣ уменьшенія ихъ; повторилъ, выступая въ походъ нѣсколько и не болѣе какъ на 10 дней, по словамъ проводника, мы мало думали о пользѣ имѣть ружье при себѣ, забываясь только, чтобы сухарей было побольше и ноша за плечами возможно легче. Кроме того, торопясь выступить, чтобы выиграть время, мы не могли послать за вещами, оставленными на Уралѣ еще за два перехода, до окончательнаго истребленія всѣхъ оленей заравою.

Такъ какъ сушари не были разделены поровну, капитанъ Маюръ собралъ ихъ вмѣстѣ со всѣхъ попомомъ вынуть, и разделывалъ ихъ уже на другой день всѣмъ поровну, и не болѣе какъ фунта по 2 досталось каждому. Только въ этотъ день онъ далъ по маленькому кусочку, потому что, не сдѣлавъ перехода, мы не должны были трогать и сушари, не зная, во сколько дней доберемся до Оби съ подобными нелепыми остановками.

8 Августа. Утромъ поднялся вѣтеръ и къ радости нашей свозъ тучъ начало проглядывать солнышко. Мы начали немедленно собираться въ путь. Подрядчикъ, вылезая на высокую ответственную, для обзорѣнія мѣстности, по которой намъ предстояла путь, увидѣлъ вдаль значительное дѣеое возвышеніе, по мнѣнію его Мужинскій Материкъ, берегъ р. Оби. Я навелъ буссоль по указанному направленію; оказалось дѣйствительно возвышеніе на юговостокъ, въ главномъ направленіи котораго мы держались согласно показанію проводниковъ. Маюръ Стражевскій самъ влезъ на это дерево, желая повѣрить показаніе подрядчика, и не предполагая, чтобы это незначительное возвышеніе было означенный Мужинскій Материкъ. (*)

Въ этотъ день мы блуждали не на шутку. Войдя въ тустой лѣсъ, мы держались только направленія 130° и шли часовъ 7 по шипстому, вязкому и буроватому грунту, преобрѣясь сквозь чащу и чрезъ топкия ямки, и не находя никакого слѣда человѣческаго. Этотъ путь былъ такъ труденъ, что мы едва плелись; наконецъ, къ общей радости, вѣчеромъ, на берегу рѣчки, на которой остановились мы ночевать, нашли большой пенъ срубленного когда-то дерева, который обнадѣжилъ насъ, что мы идемъ близъ оленьей дороги, и что вѣроятно кто нибудь зимю свертывалъ сюда съ пути. Записанное же показаніе проводниковъ было почти бесполезно; мы нѣсколько не могли приѣхать его къ мѣстности, уже пройденной нами.

Остававшаяся на ночлегъ, мы не начали этихъ дневныхъ

(*) Впоследствии нѣсколько подобныхъ возвышеній прошли, но были еще далеко отъ берега Оби, или такъ занимающаго насъ Мужинскаго Материка, какъ вѣрной пристани къ спасенію и конца нашего странствованія.

зрудовъ своихъ, а должны были всѣ разбрестись для добыванія хлѣба насущнаго—грибовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскивать признаковъ ѣзды, чтобы убѣдиться въ вѣрности направленія пути къ предположенному пункту. Съ этою цѣлю мы довольно удалялись значительно отъ становища нашего, сколько позволялъ вечеръ; а иногда приходилось продолжительными скличками отыскивать одинъ другаго, и тѣмъ выводить къ сборному пункту. Образъ путешествія нашего дѣлался ежедневно затруднительнѣе и утомительнѣе.

9 Августа. Ночь была довольно холодная, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ; комары не беспокоили насъ. Утромъ подрядчакъ опять лазилъ на дерево; но окружающій насъ густой лѣсъ не позволялъ ничего видѣть: казалось, что мы находимся въ глубокой логовинѣ. Потомъ толмачъ нашъ съ подрядчикомъ были такъ счастливы, что отыскали въ верстѣ отъ насъ южнѣе затесы на деревьяхъ; насъ и это радовало, что мы не уклонились сильно отъ дороги. До полудня мы отирались отъ мѣста затесовъ по прежнему направленію, въ надеждѣ пересѣчь гдѣ нибудь ѣзжальнй путь. Мы проходили сплошнымъ и тонкимъ лѣсомъ; къ вечеру, когда уже смерклось, мы дошли до рѣчки, текущей съ сѣвера на югъ, шириною отъ 2 до 3 сажень, и которую сочли по глубинѣ за р. *Хабини-Юганъ*, означенную въ показаніи проводниковъ. Это немало насъ обрадовало, думая, что треть разстоянія пройдена уже и слѣдовательно перейдемъ вскорѣ самымъ топикъ; незначительная ширина этой рѣчки привела насъ къ заключенію, что мы много лѣвѣе взяли, что вышли болѣе къ вершинѣ этой рѣки, пройдя прямо лѣсомъ, миновали двѣ большія тундры, означенныя въ показаніи проводниковъ. Вечеромъ же еще мы устроили переправу чрезъ нее по двумъ большимъ лѣсинамъ, чтобы на той сторонѣ наткнуться гдѣ нибудь на дорогу.

Въ обыкновенномъ отысканіи корма, я воротился вскорѣ со щепками недавно срубленнаго дерева, вмѣсто грибовъ, которые радовали насъ болѣе пищи, потому что онѣ находились при довольно примѣтномъ слѣдѣ ѣзды, въ саженьхъ 200 отъ мѣста переправы.

Вечеромъ мы поспѣшно отправились съ буссолью туда, для соображенія о направленіи этой части дороги, чтобы на другой день безъ хлопотъ выступить по этому направленію.

Надежда, что мы не совсемъ сблизимся съ направлеиіа, одушевляла насъ. Маіоръ Страженскій велъ насъ по собственному усмотрѣнію; никто не могъ разсуждать о вѣрности и невѣрности дороги: всѣ были неопытны въ подобныхъ походахъ и не знали ничего. Недостатокъ въ пищѣ, довольно тяжелая ноша за плечами у каждаго безъ исключенія, топкій и вязкій путь сквозь густую чащу лѣса и утомительные обходы зыбкихъ топей (звбуновъ), или отыскиванія переходовъ чрезъ оныя, не позволяли дѣлать большихъ переходовъ. Мы были довольны, если могли подвинуться отъ 5 до 10 верстъ по долготѣ къ востоку, не смотря, что почти цѣлый день мы находились въ пути, дѣлая большія выгаги. Судя по трудностямъ, которыя мы переносили, каждый опасался только, чтобы не заболѣть гдѣ нибудь въ этой пустыни. Не вида же отвратительныхъ слѣдовъ лавы, мы начали забывать о ней и перестали опасаться о появленіи ея между нами.

10-ю Августа. Путь этого дня былъ также утомителенъ, какъ и наканунѣ, пролегая по такой же непроходимой мѣстности, лѣсомъ и открытыми болотами, безъ всякой дороги, держась только извѣстнаго направленія. Въ лѣсу встрѣтили кочковатую тундрицу, довольно обильную ягодами (морощкою), сдѣлали привалъ, снявъ котомки свои и разбрелсъ обѣдать. Имѣя поемногу еще сухарей, мы посматривали только на нихъ, стараясь чѣмъ нибудь насытитъея. Послѣ этого обѣда вскорѣ наткнулись на мѣсто чумовища—признакъ, что здѣсь останавливались когда нибудь оленеводы Обскіе, отправляющіеся весною на Уралъ или возвращающіеся осенью съ онаго. Далѣе въ лѣсу перестѣкли еще рѣчку, сочтя ее за другую вершину р. *Хдбини-Юлань*. Прямѣты мѣстности сходствовали нѣсколько съ показаніемъ провизировковъ. Выйдя на нѣкоторое возвышеніе, Уралъ казался уже далеко остался за нами, такъ что нельзя было различить извѣстныхъ намъ сопокъ, которыя мы узнавали, будучи еще въ недалеиіемъ разстояніи отъ него. Впереди синѣлась какая-то возвышенность лѣсная, которую мы считали за Мужинскій Материкъ, или по крайней мѣрѣ предѣломъ болотъ, утѣшая себя надеждою, что проберемся вскорѣ куда нибудь на р. Обь, хотя бы и не вышли прямо въ с. Мужи.

Въ 7 часовъ вечера мы остановились ночевать, не имѣя силъ брести далѣе, утоливъ голодъ только морощаю. Къ тому мы были

особенно затруднены этикетъ переходомъ побугристымъ тундрамъ и заглохшимъ озерамъ, чрезъ которые съ трудомъ пробирался, во избѣжаніе дальнихъ и утомительнѣйшихъ обходовъ. Вытаскивая одну ногу, другая глубже завязала; рѣдцы наши дѣлали насъ еще нежелане на ногу; можно сказать, что мы почти пресмыкались и проползали значительныя протяженія пути. Послѣ всего этого еще часа два бродили около ставовища, собирая грибы, которыхъ очень мало нашли. Холодный вечеръ заставилъ насъ разложить большой огонь на ночь, тѣмъ болѣе, что мы сильно перемокла, не доври объ обувь, которая уже износилась почти.

14-го Августа, Ночью была сильная холодъ, все подернулось инеемъ. Не смотря на то, что лежали въ малицахъ, мы порядочно забля, и сонные приближались болѣе и болѣе къ огню; отъ треска еловыхъ дровъ все пожгли себѣ одежду въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности майоръ Стражевскій, который сильно вожегся въ эту ночь.

Довольно темный лучъ солнца новаго утра согрѣлъ странниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ нѣкоторыхъ враговъ нашихъ, комаровъ, для увеличиванія трудности путешествія; впрочемъ ихъ не было такъ много, какъ прежде, и особенно въ первыхъ числахъ Юля.

Послѣ довольно большого перехода въ юго-восточномъ же направленіи, по одвообразной, затруднительной мѣстности, мы вышли къ 6 часамъ вечера къ довольно значительной рѣкѣ, текущей на югъ, и превосходящей шириною и быстротою двѣ прежнія. Ширина вездѣ болѣе 3 сажени; мѣстами же до 7; брода чрезъ нее отыскать не могли. Мы узнали, что эта есть настоящая рѣка *Лабини-Юганъ*, до которой, вмѣсто 3 дней, мы шли цѣлую недѣлю; следовательно могли заключить, что остальные $\frac{2}{3}$ разстоянія до с. Мужа мы не успѣемъ ранѣе двухъ недѣль пройти. Предъидущія же двѣ рѣчки, радовавшія насъ, были впадающіе въ нее притоки, которые мы перестали потому, что, держась постояннаго направленія, шли лѣсомъ нѣсколько правѣе земной оловяней дороги, которая пролегаетъ по самымъ открытымъ топкамъ. Мы отыскали довольно привѣтную дорогу, которая, выйдя изъ лѣса, переходитъ эту рѣку.

Сухари уже совершенно кончились у насъ, и мы оставались единственно на подожномъ кормѣ, аица только еще гартъ река. Майора братья се какъ лекарство отъ тошноты; которую

чувствовали мы послѣ грибовъ. Въ первые дни путешествія, мы употребляли соль довольно роскошно, привыкая къ грибамъ безъ сухарей; наконецъ пришлось в этой необходимости лишиться, усматривая впереди еще продолжительный путь, который вѣроятно будетъ съ каждымъ днемъ дѣлаться болѣе труднѣйшимъ для насъ, при недостаткѣ пшени. Сообразно этимъ обстоятельствамъ, майоръ Стражевскій предлагалъ, что не лучше ли связать и склотить себѣ цыоты и спуститься по этой рѣкѣ въ Сивью, выходящую въ Обь, думая, что этотъ путь будетъ хотя продолжительнѣе, впрочемъ такъ изнурителенъ, не дѣлая пѣшкомъ и голодомъ утомительнаго похода; всѣ раздѣляли это мнѣніе, кромѣ подрячка; тѣмъ болѣе, что люди отзывались уже самымъ изнеможеніемъ.

12-го Августа. Послѣ дождливой ночи, день былъ ясный. Мы остановились на мѣстѣ для дѣланія двухъ плотовъ. Майоръ Стражевскій самъ отправился съ толмачемъ и горнымъ мастеромъ рубить лѣсны для плота; а я въ качествѣ повара отправился собирать грибы и вмѣстѣ съ тѣмъ для соображенія мѣстности по показанію проводниковъ. Къ полудню я возвратился въ становище съ грибами для двухъ чайниковъ, отыскавъ въ лѣсу верстахъ въ 4 по слѣду ловушку (курныгъ-сезъ).

Трудившіеся полдня надъ устройеніемъ плота видѣли, между тѣмъ, невозможность сдѣлать его вкоро и махоню для продолжительнаго и труднаго плаванія, по невѣстнымъ намъ рѣкамъ; къ тому же работа шла не очень успѣшно съ слабыми силами и съ однимъ только топоромъ и большимъ ножомъ.

Послѣ обѣда плотъ, изъ 7 лѣснъ связанный, былъ готовъ и спущенъ на рѣку, который оказался довольно непрочнымъ и ненадежнымъ для плаванія нѣсколькихъ сотъ верстъ, и Богъ знаетъ въ какую погоду еще. Подрячекъ нашъ не согласился плыть съ нами, представляя всѣ опасности, и желая лучше одинъ идти пѣшкомъ.

Мы сами впрочемъ видѣли ненадежный рискъ свой, рассуждая, что плывя не менѣе двухъ мѣлъ по рѣкѣ безъ провизіи, можемъ ли отыскать близъ берега рѣки вездѣ грибы, въ особенности если непогода задержитъ нѣсколько дней на мѣстѣ насъ. Сухимъ же путемъ идя, на всемъ протяженіи прой-

денномъ, мы могли отыскивать и {цѣлый день собирать ихъ.

Рѣшились наконецъ всѣ дойти до Оби сухимъ путемъ и по-маленьку уже извѣстнымъ намъ образомъ, что бы на предсто-ло, претерпѣвая голодъ въ томъ и другомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ избавляясь опасности погибнуть въ водѣ, что очень легко могло бы случиться, если непрочный плотъ нашъ уда-рилъ бы о камень, или захваченъ былъ непогодюю.

Вечеромъ же этого дня мы надѣли котомки и переправились по два человекъ на плоту, на другой берегъ рѣки, и, не желая тратить время, выступили въ путь, сколько позволила темнота и покуда дорога была примѣтна. По переходѣ верстѣ 5, сдѣлалось совершенно темно и пошелъ дождь; мы развели огонь, и легли на котомкахъ въ ожиданіи разсвѣта. Ночь была холодная; мы жались около огня, и разумѣется не безъ того, чтобы ктонибудь не сжегъ себѣ одежду, и такъ уже изорванную до-нельзя.

15 Августа. Съ разсвѣтомъ мы уже поплелись далѣе, ра-дуясь, что дорога была довольно торная, пролегая по мѣстности нѣсколько возвышенной отъ рѣки, лѣсомъ же была не такъ извилиста и имѣла направленіе сѣверовосточное и восточ-ное.

Двѣ ненастороженныя ловушки для звѣрей (курынгъ-сега), найденныя по этой дорогѣ, еще болѣе убѣждали насъ, что она идетъ въ какія нибудь Остяцкія юрты, находящіяся вѣроятно не въ дальнемъ разстояніи отсюда, изъ которыхъ есть какое нибудь возможное лѣтомъ сообщеніе съ этимъ мѣстомъ.

Лѣсной путь нашъ дважды пересѣкался значительными, от-крытыми, топками и бугроватыми болотами, называемыми Ост-таками *нѣрумъ* (тундра гомсистая). На послѣдней тундрѣ слѣды дороги совершенно исчезли и послѣ тщательныхъ розысканій, мы принуждены были пройти по тундрѣ къ противоположному лѣсу, держась извѣстнаго направленія буссоли. Въ одномъ изъ озеръ на тундрѣ увидѣли двухъ дикихъ гусей и маленькаго гу-сенка, нелѣтающаго еще. Эта первая дичь, которую мы встрѣ-тили на всемъ протяженіи пути отъ Уральскаго хребта и до этого мѣста, по заключеніямъ нашимъ предвѣщала близость рѣки Оби. Вторично пришлось вспомнить и крайне сожалѣть на этотъ разъ о томъ, что не взяли ружья и хотя нѣсколько за-

рядовъ пороку. Голодъ становился ежедневно ощутительнѣе; мы изнурились утомительными переходами и только на подножномъ кормѣ. Забывая о дальнѣйшемъ пути, мы сняли котомки свои и всѣ приступили къ озеру, съ жадностію желая добыть гусенка. Это озеро было хотя не болѣе 30 сажень шириною, но топкіе берега не позволяли вездѣ окружить его. Пугая и кидая палками въ озеро, мы старались всѣми силами выгнать гусенка на болотистый берегъ, гдѣ въ травѣ караулили двое изъ насъ. Послѣ двухчасовой, невольной и трудной охоты, удалось подшавить измученнаго до нелзя гусенка. Въ противоположномъ лѣсу случилось набрать достаточно грибовъ, поэтому мы радовались рѣдкому для насъ и несожиданному обѣду.

Маіоръ Стражевскій, вода, какъ трудно достался намъ этотъ ничтожный гусенокъ, и не надѣясь впредь на подобный промыслъ для прокормленія насъ, къ тому же не предвидя еще конца путешествію нашему, раздѣлилъ, къ общему удивленію, гусенка на 6 частей, на три обѣда и на три ужина для 4 человекъ. Варя всегда два чайника грибочцы, одинъ за другимъ, мы опускали по $\frac{1}{2}$ доли гусенка въ чайникъ, какъ приправу къ грибамъ, которые, отъ воображенія ли, казались несравненно вкуснѣе и питательнѣе, притомъ же не такъ сильно ощущала недостатокъ соли. Имѣя только двѣ ложки, мы хлѣбали по очереди, наблюдая обыкновенно, чтобы никто не взялъ лишняго разу. Даже поочередно оскребывали и чайникъ; такъ дорога для насъ была пища! Разваренный же между грибами кусочикъ дичи, Стражевскій аккуратно дѣлилъ всѣмъ, не включая и себя, по ровной крошкѣ.

Трое слѣдующихъ сутокъ мы подвигались впередъ значительно бодрѣе, имѣя въ виду обѣдъ и ужинъ. Этотъ запасъ дичи мы вѣшали высоко на дерево, чтобы собака наша, не мѣше насъ голодная, не съѣла ночью; не смотря на удивительныя попытки ея достать съ дерева, мы успѣли-таки сохранить его.

Въ этотъ день мы сдѣлали еще болѣе 5 верстъ; возвышенная мѣстность, по которой пролегла довольно твердая и торная дорога, была прекрасная; послѣ продолжительныхъ, однообразныхъ топей, тундръ и дикой чащи лѣса, она казалась намъ хорошимъ садомъ. Вправо отъ насъ большая рѣка, съ обрывистыми берегами, выдавалась къ дорогѣ, вѣроятно притокъ

р. Хабини-Юганъ. Не смотря на усталость, мы рѣшились идти до тѣхъ поръ, куда будетъ темно; поэтому на ночлегъ мы не хотѣли и собирать грибовъ на ужинъ, пообедавши *роскошнѣе* и *плотнѣе* противъ предъидущихъ дней; чѣмъ во первыхъ надѣялись сберечь порцію гусенка, и другое, слѣлать побольше переходовъ.

Вечеромъ дорога въ лѣсу слѣлалась топкою, и перейдя возвышенность, наконецъ потерялась; мы остановились ночевать.

14-го Августа. Ночь была очень холодная; сильный сѣверный вѣтеръ принималъ насъ тѣмъ болѣе, что мы очень перемокли, а близко огня нельзя было лежать, въ опасеніа, чтобы не сжечь одежды, и то уже едва державшейся и изорванной.

Съ разсвѣтомъ я отправился съ подрядчикомъ нашимъ назадъ, на раздѣленіе дорогъ, чтобы обозрѣть и сообразить съ направленіемъ ея, не примѣтиѣ ли она той, которую мы избрали. Дорога эта, пролегая топями, была такъ же неудобнопроходима, какъ и та, на которой мы остановились; только два курьингъ-сеца, найденные на курганчикахъ, заставили предпочесть ее. Возвратясь въ становища и сообщивъ Стражевскому видѣнное мною, въ полдень мы пошли на эту дорогу прямо сквозь лѣсъ. Къ сожалѣнію, этотъ путь былъ неудаченъ: новая дорога была, какъ видно, совершенно зимняя, ибо вывела насъ къ непроходимымъ зибунамъ, чрезъ что принуждены были къ вечеру воротиться на прежде избранную дорогу. Не смотря на темноту и вязкую чашу лѣса, Маіоръ Стражевскіи вывелъ насъ прямо на старое становище наше, по удивительной опытности и привычкѣ его ходить по лѣсамъ, находясь неоднократно отъ Горнаго Правленія въ экспедиціяхъ въ этой странѣ.

Переходъ этого дня очень утомилъ насъ, потому болѣе, что былъ бесполезенъ. За то на возвратномъ пути въ старое становище мы не упустили набрать грибовъ, воображая, будто бы за грибами ходили; жаль только, что ранцы за сливою наполнили намъ походъ, а не прогулку за грибами.

15-го Августа. Такая же холодная ночь, какъ и вчерашняя; сильный сѣверный вѣтеръ продолжался уже 3-й день постоянно, продувая сквозь сожженную и изорванную одежду; намъ трудно было укрываться отъ холода. Огонь былъ единственное спасе-

ніе ночью, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе истреблялъ нашу одежду. Днемъ же мы не боялись холода: котомки наши грѣли насъ донельзя. Не смотря на то, что сдѣлались нѣсколько легче противъ прежняго, мы, изнуренные холодомъ и усталостию, чувствовали ихъ значительно тяжелѣйшими и едва брели. Дорога, по которой мы слѣдовали, потерялась на большомъ забунѣ (зыбкое болото, трясица), близъ того мѣста, куда мы заходили вчера, сдѣлавъ напрасный переходъ; мы убѣдились, что настоящая дорога есть объѣздъ весенній. Перейдя съ большимъ трудомъ и обходами этотъ забунъ, мы нашли въ противоположномъ лѣсу, дорогу, которая, пролегая около 2 версты по удобной твердой мѣстности, привела насъ опять къ большому топямъ. Смерклося; мы остановились ночевать на одномъ лѣсномъ бугоркѣ.

16 *Августа*. Погода была ясная и теплая; мы остановились на мѣстѣ до 4 часовъ пополудни. Люди отзывались слабостию и изнеможеніемъ; Маіоръ Стражевскій далъ отдыхъ. Къ удивленію нашему, комары все-еще не пропали, послѣ нѣсколькихъ холодныхъ дней и при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Послѣ 3-часоваго, труднаго и топкаго пути, съ большими обходами, мы вышли на довольно возвышенную тундру съ многими озерами, между которыми одно обращало на себя вниманіе по величинѣ (*). Дорога была непримѣтна, только слѣды многихъ чумовищъ оленеводовъ показывали близость ея. Перейдя означенную тундру, мы шли еще лѣсомъ, покуда совершенно не стемнѣло; тогда остановились ночевать.

17 *Августа*. Холодная ночь съ вечера обратилась въ дождливую, и мы мокли почти до полудня. Во время обычнаго утренняго отыскиванія пищи въ лѣсу, мы нашли въ немъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ затесы, означающіе обыкновенно оленью дорогу; не смотря на то, на землѣ никакихъ слѣдовъ ѣзды не было замѣтно. Мы не знали навѣрно о мѣстѣ, гдѣ находилась: на пути ли къ предположенному пункту на р. Обь находится эта частичка замѣтной дороги, или на р. Войкаръ, потому что ручей, пересѣченный ею, протекалъ на сѣверъ. Мы

(*) Мы полагаемъ, не оно ли *Хойне-лоръ* (въ переводѣ озеро на возвышенности), о которомъ упоминали проводники.

знали, что далеко эта дорога насъ не доведетъ; первая открытая тундра, или непроходимая топь, чрезъ которая зимою прямо ѣздить, заставятъ насъ сдѣлать большой и утомительный обходъ, чрезъ что мы опять собьемся съ направленія и должны будемъ идти по компасу прямо, и гдѣ только удобнѣе можно бы пройти. Эти признаки дороги потому и мало радовали насъ.

Вмѣсто сказанныхъ проводникомъ 5 дней, или много вѣдѣли всего пути въ с. Мужи, мы странствовали уже 12 дней безъ проводника, и никакой надежды не было на скорое окончаніе путешествія. Не смотря на порядочный дождь, мы выступили по отысканной дорогѣ, которая повела насъ въ горблый лѣсъ и становилась торнѣе и примѣтнѣе; кромѣ того, мѣстоположеніе сходствовало съ показаніемъ проводника, послѣ озера *Хойнелоръ*. Мы думали, что не переходъ ли это отъ топей къ Мужинскому Материку, потому что мѣстность становилась примѣтно возвышеннѣе. Потемнѣло и похолодѣло; остановились ночевать на рѣкѣ, текущей на сѣверовостокъ. Болѣе удобный путь и надежда, что вышли уже на Мужинскій Материкъ, сдѣлательно находимся недалеко отъ Оби, утѣшали насъ; кромѣ того, мы обрадовались, что грибовъ находили болѣе нежели прежде, между которыми въ особенности такъ называемыя *сырошки* или *силки*, находимыя нами, замѣняли намъ вполне хлѣбъ, разумѣется не питательностію, но употребленіемъ. Находя въ мшастыхъ мѣстахъ много этихъ грибовъ, мы съ жадностію начали собирать каждый собственно для себя и берегли въ котомкахъ, какъ сухари, до другаго обильнаго ими мѣста, тѣмъ болѣе, что позднее время года и холодныя ночи съ вніемъ уже попортили ихъ; онѣ высыхали на корѣ, были легче значительно и казались несравненно вкуснѣе сыжихъ; хлѣбая грибнаду, мы прикусывали ими вмѣсто хлѣба; также не имѣя сахару, мы могли по четыре стакана чаю выпивать съ сухими грибами; не чувствовали голода, хотя разумѣется ненадолго. Открывши эту новую мамму, мы уже не переставали съ тѣхъ поръ постоянно жевать ихъ; цѣлую дорогу одинъ высматривалъ у другаго въ-подъ ногъ, чтобы не упустить гриба. За годами, которыя впрочемъ изрѣдка попадались намъ, мы уже и не гнались, потому что каждая ягодка не безъ труда доставалась, нагибаясь съ котомкою при истощенныхъ донельзя силахъ. Мы стали нѣсколько веселѣе, будто бы съ хлѣбомъ идемъ; во

ободреніе нашихъ охотниковъ Маіоръ Стражевскій говорилъ, что если не завтра вѣйдемъ въ Мужы, то по крайней мѣрѣ будемъ близко этого селенія; они перекрестились, сивши шапки, и были рады. Между тѣмъ по соображенію съ записаннымъ показаніемъ проводниковъ, мы не должны были ранѣе вѣдѣли дойти до Оби, судя по утомленнымъ силамъ нашимъ.

18 Августа. Утро было ясное послѣ холодной ночи; восходящее солнце смягчало нѣсколько суровость сильнаго сѣверовосточнаго вѣтра; около полудня мы выступили, по довольно торной дорогѣ, со свѣжими признаками вѣды, вѣроятно весною; направленіе ея было сѣверовосточное, потомъ она поворотила прямо на сѣверъ, наконецъ даже на сѣверозападъ, пошла малыми колѣнами, пересѣкаясь значительными рѣчками, ручьями и болотами. Отходящей дороги на востокъ или юговостокъ не было; хотя это направленіе дороги и было несообразно съ нашею цѣлю, но мы шли по ней въ надеждѣ, что она повернетъ на востокъ. Ловушенъ на дорогѣ (куртыгъ-озеро) не встрѣчались, кромѣ одного разрушеннаго близъ ночлега нашего. Потомъ, перейдя довольно глубокимъ бродомъ значительную рѣчку, текущую почти на сѣверовостокъ, дорога повела насъ вдоль ея, гдѣ мы останавливались въ сумерки.

19 Августа. Ночью былъ морозъ нестерпимый; мокрая обувь на ногахъ начала мерзнуть; мы принуждены были разуться и кое-какъ корчиться въ нашихъ малицахъ. Утромъ солнышко пригрѣло насъ нѣсколько; а потомъ погода начала хмуриться и пошелъ сильный дождь. Подрачкякъ лазилъ на дерево, в видѣль сѣверѣе насъ поперечный лѣсной хребетъ, вѣроятно берегъ рѣки Войкара, что показывало сильное отклоненіе наше къ сѣверу отъ настоящаго направленія. Мы опасались, чтобы эта дорога не вывела насъ въ Войкарскіе курты, пустыне въ это время года, и притомъ на противоположномъ берегу.

Нашли въ лѣсу слѣды отходящей дороги въ верстахъ 3 отъ нашего становища. Пасмурный и дождливый день, склонившійся уже къ вечеру, не позволилъ намъ выступить по отысканной дорогѣ, не осмотрѣвъ предварительно ее; къ тому же сильно перемокши, мы просушивались подъ елками, у довольно большаго костра. Сдѣлали дневку.

20 Августа. Погода была хотя сумрачная, но непождливая и

нехолодная. Выступили рано. Версты через 3 пролегла через рѣку другая едва примѣтная дорога; рѣшившись держаться болѣе широкой и торной дороги, пошли по прежней; особенно потому мы не свернули съ нея, что нашли на ней опять старую ловушку.

Версть через 8, эта дорога исчезла на топкихъ и непроходимыхъ болотахъ, вывели насъ къ разливамъ большой рѣки, какъ оказалось, *Войкара*. Подрядчикъ видѣлъ съ высокой лѣтвенницы и самую рѣку, къ которой нѣтъ доступа черезъ топа безъ лодки. Принуждены были возвратиться къ отходящей дорогѣ, сбѣжавъ по пустому версть 16, и утомившись донельзя, остановились на рѣчкѣ, перебродивши ее съ вечера. Удивительно, какъ трудно было возвращаться, когда знаешь, что по пустому идешь. Однимъ словомъ трудность похода нашего увеличивалась чрезвычайно тѣмъ, что шли безнадежно, не зная, вѣрно ли идемъ и куда выйдемъ, въ особенности при трудныхъ и большихъ обходахъ збуновъ, гдѣ три шага подаемся впередъ, а два назадъ.

21 Августа. Накрапывалъ постоянно дождикъ; мы выступили довольно рано. Въ лѣсу дорога становилась примѣтнѣе и торнѣе; на открытомъ мѣстѣ она опять раздѣлялась непримѣтно, ибо въ противоположномъ лѣсу нашла двѣ дороги: одна на югъ, другая на востокъ имѣла главное направленіе; мы пошли по послѣдней, которая приняла потомъ направленіе юговосточное и поднималась все выше и выше. На этомъ пути мы встрѣтили первый кедръ и услышали карканіе вороны, признаки близости рѣки Оби и жилаго мѣста; насъ это очень радовало. Наконецъ пришли къ значительной рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ, между глубокими и лѣсистыми берегами. Остановились на ней. Съ дерева же видѣли на юговостокѣ лѣсной хребетъ, по заключенію нашему, берегъ р. Оби.

22 Августа. Послѣ дождливой ночи лучъ солнца прекраснаго и теплаго утра, какого мы давно уже не видали, обогрѣлъ и оживилъ насъ; и какъ будто бы съ цѣлю обрадовать насъ въ дикой пустынѣ, среди тяжкихъ лишений, въ Высочайшій празднѣкъ Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Мы всѣ были особенно веселы; кака-то надежда на скорое избавленіе отъ трудовъ утѣшала насъ. Желая воспользоваться отличною погодою, мы торопились

раньше выступить, чтобы сдѣлать больше перехода, тѣмъ болѣе, что, благодаря случайному обилію грибовъ, мы наѣлись поплотнѣ сырыхъ и вареныхъ. Маіоръ Стражевскій, желая по случаю праздника сдѣлать особенный обѣдъ, высыпалъ остатокъ соли въ грибницу, который онъ давно берегъ, какъ лекарство. И нужно сказать, что мы, не употребляя давно уже соли, почувствовали значительное подкрѣпленіе, не говоря уже о необыкновенномъ вкусѣ этой пищи.

Дорога, пролегая по лѣсу, была довольно торна до первой тундры, далѣе стала менѣе примѣтна и раздѣлилась; мы пошли лѣвѣе, держась восточнаго направленія. Перейдя же рѣчку, дорога повернула на юговостокъ и вывела насъ на открытое холмистое мѣсто, со многими озерами, гдѣ она рѣшительно потерялась. Часа два мы тщательно розыскивали ее на этомъ пространствѣ, но никакихъ слѣдовъ не нашли. Пошли безъ дороги по направленію 130° на юговостокъ, гдѣ видѣнъ былъ далеко высокій лѣсной кражъ, предъ которымъ параллельно находились еще два низкихъ хребта. Тогда-то мы узнали, что настоящій Мужинскій Материкъ еще впереди, не смотря, что самыя непроходимыя топи были уже перейдены за два перехода до этого пункта. Войдя въ лѣсъ по означенному направленію, мы пересѣкли довольно ѣзжалую Зырянскую дорогу, судя по найденнымъ обломкамъ нарты (*). Съ радости мы сдѣлали самыи большой переходъ, котораго никогда еще не дѣлали въ продолженіе всего нашего странствованія. Мы сочли этотъ день однимъ изъ счастливейшихъ. Потемнѣло; мы остановились на рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ.

23 Августа. Уставши послѣ большого перехода, мы выступили за полдень; шли довольно скоро, желая до темноты пройти тундры, болота и мокрая долины; добравшись же до лѣса, остановились ночевать, изъ опасенія, чтобы не потерять дороги. Спутники наши, видя опять довольно трудную мѣстность и безконечный путь, начали упадать духомъ, ссылаясь на слабость

(*) Съ первымъ зимнимъ путемъ Зыряне изъ-за Урала пріѣзжаютъ ежегодно въ село Мужы для торговли, какъ бы на ярмарку мѣстную, куда съѣзжаются въ это время Обдорскіе и Березовскіе купцы и торговцы.

въ рукахъ и ногахъ; мы ободрали ихъ; Маіоръ не приказывалъ показывать никакого вида, что мы сами уже едва ноги переставляемъ, и едва ли не хуже ихъ извурены.

24 Августа. Эти ночи были довольно теплыя. Пасмурное небо предвѣщало сильное ненастье. Мы выступили опять пополудни, промѣшкавъ и побродивши въ отыскиваніи пищи дневной. Дорога была довольно твердая и примѣтная; шли довольно скоро; мѣстоположеніе казалось веселѣе и менѣе дико. Направленіе дороги было восточное и юговосточное; пересѣкли на пути двѣ рѣчки, текущія на сѣверъ. Далѣе дорога раздѣлилась: одна на югозападъ, другая на востокъ; пошли по послѣдней. Къ вечеру слуга нашъ, горный мастеровой, упалъ на дорогѣ, отъ сильной боли въ поясницѣ. Остановились тутъ же на ночлегъ. Вечеръ вдругъ сдѣлался сильно холоднымъ, ночью вода подернулась въ лужахъ тонкимъ льдомъ. Маіоръ Стражевскій самъ срубилъ на дрова три большія ластовицы.

25 Августа. Больной задержалъ насъ на мѣстѣ нѣсколько долѣе обыкновеннаго; однако мы выступили недолго за полдень. Дорога была хорошая, ѣзжалая; пересѣкли рѣчку и начали подыматься выше, переходя видѣнные издали хребты. Не очень большой переходъ сдѣлали. Толмачъ нашъ тоже заболѣлъ животомъ; горный мастеровой поправился нѣсколько.

26 Августа. Не смотря, что ночь была холодная, день былъ прекрасный и теплый. Толмачу легче стало; только мы не соѣдовали ѣсть ему сырыхъ грибовъ. Выступили не поздно; чрезъ полверсты дорога раздѣлилась; обѣ шли въ с. Мужик и не болѣе одного дня ходу до этого селенія, подрядчикъ узналъ ихъ и увѣрялъ, что неоднократно ѣздилъ тутъ зимою, но не ручался за удобопроходимость лѣтомъ, по случаю залывовъ рѣки, чрезъ которые переправа будетъ затруднительна безъ лодки. Другая же Зырянская дорога, болѣе торная, шла на юговостокъ; онъ говорилъ, что эта дорога дѣлаетъ большой кругъ; вслѣдствіе этого онъ отдѣлился отъ насъ и пошелъ по зимней дорогѣ. Мы долго промѣшкали на раздѣленіи дорогъ, потому что много малыхъ объѣздовъ находили и опасались, чтобы не упустить главной дороги. Пошли по Зырянской дорогѣ, куда не стемнѣло и пошелъ дождь; мы остановились въ лѣсу.

27 Августа. Дождливая погода. Сдѣлали порядочный переходъ. Маіоръ Стражевскій говорилъ, чтобы мы собрали всѣ си-

лы свои и шли до самого нельзя, ибо отдыхъ приближается, и не придетъ ли сегодня еще въ с. Мужи. Не смотря на пріятную надежду кончить скоро страствованіе, ноги не слушались и сильно ослабли; кажется, мы машинально переставляли ихъ; руки просто отнялись отъ слабости и лямокъ. Поднимаюсь постепенно выше въ гору, по довольно хорошей дорогѣ, пролегающей въ восточномъ направленіи, пересѣкая мы двѣ рѣчки и проходя чрезъ значительное болото; трудный переходъ чрезъ послѣднее вознагражденъ тѣмъ, что мы нашли много моршки на немъ и сѣлали для корма привалъ на кочкахъ. Къ вечеру пришли къ довольно густому и мокрому лѣсу, при опушкѣ котораго, влѣво отъ насъ, увидѣли случайно вдоль долины рѣку Обь, верстахъ въ 8 или 10 отъ насъ. Съ радостными криками: «Обь! Обь!» мы сняли шапки и прекрестившись, искренно благодаря Бога, сподобившаго насъ на 22-й день бѣдственнаго страствованія нашего показать надежду къ вѣрному спасенію. Одеревенѣвшіе члены наши будто электричествомъ были приведены въ быстрое движеніе и получили особенную живость и крѣпость; мы забыли и голодъ, думая только о томъ, что завтра навѣрно будемъ въ теплой избѣ и увидимъ людей. Въ лѣсу остановились ночевать.

28 Августа. Довольно холодная и дождливая ночь не дала намъ покою; мы рано поднялись для сбиранія грибовъ, чтобы раньше выступить и придти къ вечеру на Обь. Удалившись версты за 1½ отъ становища нашего, въ лѣсу вдругъ услышалъ я лай чужой собаки, обрадовался и пошелъ въ ту сторону, думая встрѣтиться съ какимъ нибудь Остякомъ звѣроловомъ, который, зная дорогу, выведетъ насъ прямо въ Мужи. Подвигаясь ближе въ ту сторону, начинаю слышать сигнальные оклики изъ становища, которыми зовутъ меня; перемѣняя направленіе пути, я вскорѣ вышелъ на мѣсто, и къ невыразимой радости увидѣлъ людей, пришедшихъ къ намъ на встрѣчу—Зырянинъ Филимонъ Рочевъ, съ двумя Остяками, работниками своими. Этотъ гостепріимный и радушный человекъ, услышавъ отъ подрачника, пришедшаго вечеромъ въ Мужи, что мы отдѣлялись отъ него въ верстахъ въ 30, на раздѣленіи дорогъ, послалъ сейчасъ трехъ Остяковъ по той дорогѣ искать насъ, а самъ ночью сѣлаалъ переходъ по другой дорогѣ. Этого радостнаго дня, кажется, никто не забудетъ изъ нашихъ спутниковъ. Привнесенные

хлѣбъ, рыба, молоко, сахаръ, чай и нѣсколько вина, обрадовала насъ невыразимо. Маіоръ строго запретилъ, чтобы никто не смѣлъ безъ позволенія его кусочка съѣсть, изъ предосторожности, чтобы не заболѣть отъ неуиѣреннаго употребленія пищи, послѣ продолжительнаго голода. Самъ раздавалъ пишу по усмотрѣнію. Пообѣдавши порядочно въ первый разъ чрезъ три недѣли и отдохнувши, мы выступили къ вечеру. Никто изъ насъ не отдалъ котомки своей Остякамъ, желая сами дотащить ее еще остальные 16 верстѣ до селенія. Уже смерклося, когда мы прибыли въ с. Мужи, и не снимая ранцевъ своихъ, прямо пришли въ церковь поблагодарить Всемогущаго за счастливо перенесенные труды и опасности. Этотъ переходъ въ 16 верстѣ мы сдѣлали въ 2½ часа и кажется не чувствовали никакой усталости. Дорога была порядочная; пересѣкли на пути двѣ рѣчки; а къ самому селенію, около версты плыли въ лодкѣ по Сорѣ (залву рѣки Оби). Если бы не встрѣтилъ насъ Зырянинъ Рочевъ, то намъ пришлось бы мучиться около залива и искать обхода за нѣсколько верстѣ. Подрядчикъ вышелъ версты четыре ниже селенія и, связавъ себѣ плоть изъ двухъ лѣсницъ, перешелъ на немъ кое-какъ узкое мѣсто залива, и добрался такимъ образомъ въ село.

29 Августа; село Мужи, на рѣкѣ Оби. Послѣ трехмѣсячнаго кочеванія подъ открытымъ небомъ суроваго сѣвера, въ особенности послѣ скитальческихъ трехъ послѣднихъ недѣль, мы провели довольно безпокойно первую ночь, въ теплой и гостепріимной избѣ Зырянина Филимова. Непривычка къ комнатной теплотѣ, радостное окончаніе труднѣйшаго пути и избавленіе отъ явной гибели, была вѣроятно причиною общей безсонницы. Если и засыпали на мгновеніе, то вдругъ страшно испуганные грезами мнущихъ опасностей, немедленно вскакивали, и стараясь убѣдиться въ обманѣ, отгоняли еще далѣе сонъ.

Не смотря на постепенный и осторожный переходъ отъ грибовъ и голода къ хлѣбу, Маіору Стражевскому, сильно изнуренному, приключилась желудочная лихорадка, продолжавшаяся около 10 дней. Подрядчикъ крѣпко бредилъ въ первые два дня, какъ въ горячкѣ. Всѣ мы были какъ тѣни слабые, изнуренные, невытые, обросшіе бородами, съ страшно взорванной и обожженою одеждою и почти безъ обуви. Близна между пальцами показывала еще настоящій цвѣтъ рукъ обожженныхъ, опух-

шихъ и грязныхъ. На ногахъ ногти начали спадать, отъ постоянной сырости и холода, которымъ онѣ подвергались болѣе трехъ недѣль, не смотря на то, что однимъ изъ главнѣйшихъ занятій нашихъ на ночлегѣ и привалахъ была починка взмокшей обуви и выжиманіе воды; просушиваться же было невозможно и бесполезно, не имѣя чѣмъ переменить взмокшую одежду и обувь.

Питаясь 22 дня скудною пищею, добываемою ежедневно не въ одинаковомъ количествѣ и качествѣ, мы сильно ослабли отъ голода, который становился съ каждымъ днемъ тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что уже грибовъ не вездѣ можно было находить; ибо ранняя и холодная осень начала истреблять ихъ. Впослѣдствіи мы, не обращая вниманія на качество грибовъ, только бы не были ядовиты, все варили вмѣстѣ со ихомъ для сытости. Наконецъ же, съ увеличившимся сильно голодомъ и недостаткомъ *подножнаго* корма, мы начали уже простирать вѣды на собаку нашу, которая менѣе насъ голодала, питаясь земляными мышами. Майоръ Стражевскій неоднократно говорилъ нашимъ слугамъ, жаловавшимся на голодъ, что еще рано бить собаку, покуда можно чѣмъ нибудь питаться, и беречь этотъ вѣрный запасъ пищи на всякой случай, въ особеннѣе если къ несчастію пришлось бы кому нибудь изъ насъ заболѣть и остаться на мѣстѣ въ ожиданіи помощи. Кромѣ того, онъ хладнокровно и безъ всякаго озабоченнаго вида обнадеживалъ ежедневно, что чрезъ двое или трое сутокъ непременно будемъ на р. Оби, и въ этомъ ожиданіи проходили недѣли, едва ли не длиннѣе мѣсяцевъ казавшіяся.

Едва переставляя ноги въ ежедневныхъ переходахъ, мы только одно имѣли на умѣ и молили Бога, чтобы живыми дойти когда нибудь до жилья. Кромѣ взнуренія отъ голода и труднаго пути съ ношею, мы опасались за здоровье потому болѣе, что находясь подъ открытымъ и суровымъ небомъ негостепріимнаго сѣвера, должны были беззащитно переносить все перемѣны погоды. Сверхъ того безпрестанно подвергались сильнѣйшей простудѣ: прохладя ежедневно бродомъ рѣчки и завязая глубоко въ болотахъ, мы всегда останавливались на ночлегъ совершенно мокрые; а иногда и на мѣстѣ еще, цѣлую ночь дождь не оставлялъ насъ. Мы не имѣли средствъ и возможности ни защититься отъ мокроты, ни просушиваться, не могли переменить

мокрой одежды и обуви; болѣе потому мы принуждены бывали оставаться всегда въ мокрой одеждѣ, что съ равнымъ разсвѣтомъ и до глубокой ночи, мы бродили въ кругъ ночлега, отыскивая пищу, и не обращая вниманія на трудные переходы, отлучались иногда очень далеко вверѣяко терали мѣсто становища своего.

Маіоръ Стражевскій часто повторялъ, что если кто заболѣетъ и не употребитъ послѣднихъ силъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ р. Оби, тотъ будетъ оставленъ одинъ въ этой дикой пустынѣ, покуда мы не дойдемъ до жилаго мѣста, и не успѣемъ прислать помощи. И каждый изъ насъ хладнокровно разсуждалъ, что въ самомъ дѣлѣ изъ-за одного не должны же умирать всѣ.

Упомянувъ о трудностяхъ и лишеніяхъ нашего странствованія, не могу не замѣтить о постоянномъ и мучительномъ безпокойствѣ, сообразномъ вашему образу жизни и средствамъ, для изображенія котораго привожу слова изъ отчета Полковника Гофмана: «Насѣкомые дикіе и домашніе, летающіе и ползающіе, жужжащіе и нѣмые, мучили насъ; одно имя ихъ мнѣ страшно теперь, поэтому ихъ не называю». Днемъ мы какъ звѣри были предметомъ любопытства Остяковъ, собравшихся къ намъ изъ всего селенія, и толпившихся въ тѣсной избѣ и около ея, рассказывавшихъ одинъ другому о странствованіи нашемъ, и удивлявшихся только тому, что мы пытались три недѣли времени «*поганю травю*», присовокупляя, что они лучше съ голоду померли бы, нежели стали бы ѣсть эту траву. Сверхъ того они не очень одобряли нашъ рискъ, что мы рѣшились идти въ этотъ трудный путь лѣтомъ, безъ оленей и проводника и еще безъ пищи, остава столько тысячъ «*убитыхъ болъзнію оленей на Уралѣ*», которыми сколько угодно времени можно было бы питаться, сидя спокойно въ чумѣ. Они и слышать не хотѣли о заразительности подобной пищи. Также удивлялись и пеняли на ихъ собратовъ-оленоводовъ, оставшихся на Уралѣ, какъ они не могли найти изъ стадъ своихъ столько бѣлыхъ, красивыхъ и здоровыхъ оленей для привесенія въ жертву Богу и тѣмъ отвратить неслыханный въ ихъ странахъ падежъ, прибавляя: «Надо быть чиновники Царскіе (*)»

(*) Такъ называли ивородцы насъ, членовъ Уральской экспедиціи.

привезли эту оленью болѣзнь въ наши края; это вѣрно; старшки не выдвигали и не слыхивали такой бѣды!»

Слухи о неожиданномъ прибытіи нашемъ на рѣку Обь скоро дошли до города Березова, откуда не замедлили пріѣхать въ село Мужа исправникъ Березовскій Булыгинъ и Обдорскій застѣдатель Бекрѣвъ, для подробнаго узнанія о постигшемъ насъ несчастіи и инородцевъ, оставшихся безъ всякой помощи на Уралѣ. Маіоръ Стражевскій увѣдомилъ ихъ обо всемъ официально, какъ о мѣстахъ, опустошенныхъ язвою, такъ и о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ остались инородческія семейства, въ ожиданіи возможныхъ и зависящихъ отъ мѣстнаго начальства средствъ къ ихъ спасенію. Вслѣдствіе чего, по порученію исправника, Бекрѣвъ немедленно отправился для подавія означенной помощи, желая подняться въ малыхъ лодкахъ по рѣкѣ Сивѣ, сколь возможно выше въ Уральскія горы, къ тому мѣсту, гдѣ болѣе свирѣпствовала язва; но эта смѣлая попытка, обѣщавшая Бекрѣву большой переходъ пѣшкомъ по горамъ, не удалась ему, какъ впоследствии оказалось, по чрезвычайному мелководію и каменистому руслу этой рѣки, далеко непозволявшей подвигаться къ верховьямъ ея, не смотря на всѣ услія его.

Не имѣя другаго средства для оказанія скорѣйшей помощи, Бекрѣвъ, въ концѣ Октября, дождавшись перваго зимняго пути, поднялся изъ Обдорска на Уралъ и въ сопровожденіи фельдшера и нѣсколькихъ казаковъ, обѣхалъ на оленяхъ все протяженіе его, почти до верховьевъ рѣки Сыгвы, раздавая необходимое число заводныхъ оленей своихъ и съѣстныхъ припасовъ бѣдствующимъ инородцамъ.

Дождавшись нѣкотораго облегченія болѣзни Стражевскаго, и вообще поправившись нѣсколько силами, мы поплыли 4 Сентября въ городъ Березовъ, куда прибыли 10 числа.

Оканчивая этимъ дальнѣйшее извлеченіе изъ моего дневника, какъ неотносящагося уже къ обстоятельствамъ, бывшимъ причиною бѣдственной неудачи экспедиціи, долгомъ вмѣняю привести искреннюю признательность и благодарность Маіору (нынѣ Подполковнику) Н. И. Стражевскому, отъ имени всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ его, которые вполне обязаны ему спасеніемъ своимъ, какъ отъ свирѣпства язвы на Уралѣ, такъ и въ послѣднее труднѣйшее странствованіе съ нимъ. Благодарумы-

ми распоряженіями, неуспыннымъ попеченіемъ о каждомъ изъ насъ и хладнокровнымъ перенесеніемъ тяжелыхъ лишеній и трудовъ, онъ ободрялъ насъ, заставляя съ твердостью и надеждою слѣдовать его прекрасному и рѣдкому, сообразно обстоятельствамъ, примѣру.

Прапорщикъ Д. Юрьевъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЛѢСНАГО ПРОСТРАНСТВА

МЕЖДУ РѢКАМИ УРАЛОМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ ИКОМЪ.

I.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Горы въ юговосточной части Оренбургской губерніи раздѣляются теченіемъ рѣки Сакмары на двѣ главныя горныя системы: западную и самую значительную—составляютъ возвышенная равнина, ограниченная рѣчными долинами большаго Ика и Сакмары, восточную—хребетъ Ирyndыкъ и плоскій уваль, пролегающій между долинами рѣкъ Сакмары и Урала. Обѣ вмѣстѣ составляютъ южную оконечность гористой части Уральскаго хребта и представляютъ широкое плато, вмѣющее къ западу и къ югу крутые обрывистые скаты, къ востоку же пологіе и длинныя.

Горная возвышенность, раздѣляющая долину Ика отъ долины Сакмары имѣетъ плоскую и почти горизонтальную вершину, шириною отъ 30 до 40 верстъ (*). Она повышается постепенно на протяженіи своемъ къ югу и раздѣляется около источниковъ рѣки Касмарки на нѣсколько отдѣльныхъ хребтовъ, ограничивающихъ главныя рѣчныя долины сего пространства; далѣе же они пересѣкаются руслами рѣкъ Касмарки, Сакмары

(*) Осмотрѣнное мною пространство ограничивается къ югу и востоку теченіемъ рѣки Урала отъ Кизильской до Верхнеозерной крѣпости, къ сѣверу дорогою, ведущею изъ первой въ Каноникольскій заводъ, и далѣе теченіемъ рѣки большой Ика до Воздвиженской крѣпости.

и Урала, при поворотѣ ихъ теченія отъ востока на западъ, и теряются наконецъ отлогими покатостями въ Киргизскихъ степяхъ на лѣвомъ берегу Урала.

Западная часть горнаго пространства взволнована высокими известковыми хребтами, составляющими уступы главной возвышенности и оканчивающимися отлогими предгоріями у луговой долины большаго Ика. Восточная часть главной возвышенности представляетъ множество плоскихъ уваловъ, пролегающихъ между правыми притоками рѣки Сакмары, и образующихъ крутыми, утесистыми оконечностями своими западный ея, нагорный, берегъ.

Центръ горнаго пространства состоитъ изъ широкой, волнообразной равнины, покрытой темными лѣсами и прорѣзанной многими рѣчками и ручейками. По главному направленію послѣднихъ нетрудно заключить, что вся мѣстность должна имѣть отлогій скатъ къ западу и къ востоку, не смотря на то, что высота горъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ западу; но это нисколько не имѣняетъ общаго ея наклона.

Поверхность равнины взволнована широкими и отлогими горами, возвышающимися на плоскихъ увалахъ между рѣчными долинами; примѣчательнѣйшія изъ нихъ по высотѣ суть: горы Акъ-тау, Аркары-тау и Сугалмагышъ. Онѣ всѣ имѣютъ продолговатый плоскій гребень, покрытый неглубокимъ слоемъ растительной земли, изъ-подъ которой высовываются тонкіе пласты кварцевыхъ и сѣрвакковыхъ сланцевъ. Скаты ихъ понижаются сначала отлогими и ровными покатостями до края рѣчныхъ долинъ, гдѣ они круто спускаются на значительную глубину, образуя скалистыми подножіями своими вагорные берега рѣчекъ.

Вся горная возвышенность повышается отъ источниковъ рѣки Касмарки замѣтнымъ образомъ къ югу и раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Куруюла, Касмарки и Идаша, на четыре отдѣльныя возвышенности. Восточную, самую значительную, составляетъ хребетъ Дзуу-тюбя, раздѣляющій долину Сакмары отъ долины Куруюла. Онъ начинается отлогими возвышеніями на плоскомъ увалѣ между вершинами рѣкъ Казанъ-Булака и Узалы, простирается рядомъ высокихъ горъ до русла рѣки Сакмары, гдѣ оканчивается тремя короткими и обрывистыми отрогами противъ д. Гумеровой.

Гребень хребта состоитъ сначала изъ двойнаго ряда высотъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 3 до 5 верстъ. Отлогія, плоскія возвышенія восточной горной цѣпи отдѣляютъ къ долину Сакмаръ множество крутыхъ и скалистыхъ отроговъ, раздѣляющихъ долины ея притоковъ. Они состоятъ изъ короткихъ горныхъ отраслей, у коихъ вершины и бока взволнованы скалистыми буграми, и оканчиваются утесистыми обрывами близъ праваго берега рѣки Сакмары.

На западномъ склонѣ хребта находится второй рядъ высотъ, образующихъ нѣкоторымъ образомъ предгорія вышеописанныхъ главныхъ возвышеній. Онѣ состоятъ изъ острыхъ, продолговатыхъ горъ, прорѣзанныхъ восточными притоками рѣки Куруюла; имѣютъ узкіе, голые гребни, крутые, но ровные бока и оканчиваются отлогими предгоріями на поверхности возвышенныхъ уваловъ, образующихъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Куруюла (*).

Хребетъ Дзю-тюбя раздѣляется у горы Куюкъ-тау на три отрога; изъ нихъ восточный и самый значительный отдѣляетъ рѣку Сакмару отъ рѣки Бишкужи, средній рѣку Бишкужу отъ рѣки Бухарчу, а западный, послѣднюю отъ рѣки Куруюла.

Первый имѣетъ видъ скалистаго отрога, коего вершина обставлена рядомъ каменистыхъ и продолговатыхъ горъ; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны небольшія отрасли, состоящія изъ многихъ остроконечныхъ бугровъ, соединенныхъ узкими перешейками. На скатахъ горъ обнажаются значительные утесы и большія каменные глыбы, отторгнутыя вѣроятно отъ скалистыхъ вершинъ первыхъ; ихъ поверхность покрыта безчисленными розсыпями и отломками, образующими большія каменные груды у подножія утесовъ. Другіе два отрога хребта Дзю-тюбя состоятъ изъ плоскихъ, широкихъ возвышеній, имѣющихъ сначала отлогія и ровныя покатоги, но ближе къ рѣчнымъ лощинамъ Бухарчи и Куруюла, они становятся круче, пересекаются многими оврагами и оканчиваются

(* В геогностическомъ отношеніи эти горы примѣчательны тѣмъ, что состоятъ изъ толщей чернаго переходнаго известняка, обнаруживающаго правильнаго напластованія; подножія ихъ и вся окружающая мѣстность состоятъ изъ сланцевъ сѣрвакковыхъ и глинистыхъ.

весьма крутыми уступами близъ праваго берега рѣки Сакмары. Вторую часть южнаго склона главной возвышенности составляетъ плоскій, широкій увалъ, раздѣляющій долину рѣки Касмарки отъ долины Куруюла. Онъ состоитъ, отъ начала своего до западнаго поворота рѣки Касмарки, изъ возвышенной равнины, прорѣзанной нѣсколькими глубокими оврагами, въ коихъ протекають небольшіе ручейки, впадающіе въ рѣки Куруюль и Касмарку. Отъ устьевъ рѣки Казань-булака измѣняется характеръ мѣстности: плоская возвышенность принимаетъ видъ широко-выпуклаго увала, простирающагося къ западу между долинами Касмарки и Сакмары, взволнованнаго рядомъ высокихъ продолговатыхъ горъ, начинающихся близъ праваго берега Сакмары. Онъ повидимому составляетъ южное продолженіе высотъ, образующихъ правый нагорный берегъ рѣки Касмарки. У вершинъ уваловъ находятся источники небольшихъ ручейковъ, текущихъ частію къ сѣверу, частію на югъ; лощины ихъ широки и изобилуютъ хорошими пахатными мѣстами.

Отрогъ, раздѣляющій рѣку Идышъ отъ рѣки Касмарки, состоитъ вначалѣ изъ широкаго возвышеннаго увала, покрытаго густымъ лиственнымъ лѣсомъ; отъ него отходятъ въ обѣ стороны множество плоскихъ отроговъ, образующихъ нагорные берега вышепомянутыхъ рѣкъ. Такимъ образомъ простирается отрогъ до горы Уткармасъ, гдѣ отъ приближенія рѣки Идыша къ руслу Касмарки онъ постепенно суживается и принимаетъ видъ остраго хребта, коего гребень взволнованъ длинными плоскими горами, образующими къ сѣверу крутые, къ югу же длинныя и пологіе скаты. Бока хребта изрыты многими ручейками и лощинами, раздѣляемыми небольшими обрывистыми отрогами. Вершина послѣднихъ обставлена острыми буграми, оканчивающимися крутыми уступами близъ долины Идыша и Касмарки. Восточные скаты хребта ставятся выше и круче, по мѣрѣ приближенія къ югу, и составляютъ противъ устья рѣки Казань-булака крутой обрывъ, обнаруживающій явные слѣды насильственнаго прорыва рѣчныхъ водъ. На противоположномъ берегу находится подобная утесистая гора; ея острый гребень понижается отлогимъ скатомъ къ югу и сливается съ поверхностью возвышеннаго увала, пролегающаго между рѣками Сакмарою и Касмаркою. По прямой линіи къ югу возвышает-

ся рядъ подобныхъ высотъ, оканчивающихся на правомъ берегу Сакмары близъ д. Барангуловой.

Послѣдній изъ южныхъ отроговъ главной возвышенности образуетъ горы между рѣками Зирганшемъ и Идяшемъ; онѣ начинаются между вершинами рѣкъ Ассели и Идыша въ видѣ Чюскаго увала, отдѣляющаго ниже долину послѣдней отъ долины Зирганша и оканчивающагося на правомъ берегу Касмарки противъ д. Бикташевой. Вершина ея суживается по мѣрѣ протяженія къ югу и принимаетъ, отъ горы Урта-елги-тау, видъ остраго каменстаго гребня, взволнованнаго продолговатыми горами. На бокахъ хребта возвышаются острые отроги, раздѣляющіе лощины правыхъ притоковъ рѣки Зирганша и лѣвыхъ притоковъ рѣки Идыша; узкій ихъ гребень понижается отлогимъ скатомъ къ лощинамъ главныхъ рѣчекъ и волнуется грядями известковыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ, вмѣющихся къ оси отроговъ перпендикулярное направленіе. Бока хребта изрыты многими сухими лощинами, достигающими значительной глубины и ширины по мѣрѣ удаленія отъ гребня хребта. Подножія горъ отлогія и ровныя; они взволнованы частію небольшими буграми, происходящими отъ розсыпей горнокаменныхъ породъ, частію же каменными грядями, обнаруживающимися изъ-подъ дерновой обшивки.

Южная оконечность хребта состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ высотъ, именуемыхъ Калакъ-тау; острые гребни ихъ имѣютъ отлогіи склоны къ югу и крутой къ сѣверу. Скаты боковъ изрыты многими лощинами, придающими имъ выпуклый, неровный видъ.

Къ западу и востоку отъ горы Калакъ-тау тянутся нѣсколько отдѣльныхъ острыхъ горъ, неимѣющихъ никакой связи между собою; скаты ихъ взволнованы продольными каменными грядями.

Западный склонъ горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ высокихъ горъ, простирающихся отъ сѣвера на югъ и пересѣкаемыхъ восточными притоками Большаго Ика. Главныя высоты составляютъ горы: Солейманъ-карауль, Капчакъ, Іоанъ-тапканъ, Емашла и Капъ-сара-сарты; онѣ ограничиваютъ центральную возвышенную равнину съ западной стороны и образуютъ родъ горныхъ бастіоновъ, господствующихъ надъ окружающею мѣстностію на значительное разстояніе.

Гора Солейманъ-караулъ составляетъ высочайшую точку горнаго увала, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Иняка; она имѣетъ плоскоокругленную вершину, ровные скаты и оканчивается крутыми подножiami близъ лощины рѣки Буруль-біа. Отъ нее простирается къ югу возвышенный хребетъ, который оканчивается на правомъ берегу рѣки Иняка горою Каинъ-маякъ. Многіе боковые отроги, раздѣляющіе сѣверные притоки Иняка отъ южныхъ притоковъ Ика, придаютъ ему шарокій, выпуклый видъ.

Противъ горы Каинъ-маякъ на лѣвомъ берегу рѣки Иняка возвышается подобный хребетъ, составляющій раздѣлъ между рѣчными долинами Малаго Сюрjana и Азакли; онъ состоитъ изъ широкаго возвышеннаго увала, отъ котораго отдѣляются въ обѣ стороны не большіе, но крутые отроги, раздѣляющіе лощины боковыхъ притоковъ вышепомянутыхъ рѣчекъ. Онъ оканчивается крутыми обрывами близъ устья рѣки Азаклы, на правомъ берегу Малаго Сюрjana. На скатахъ хребта обнажаются мѣстами известковые и глинистые пласты, покрывающіе отломками своими поверхность горъ.

Группа высотъ между Большимъ и Малымъ Сюрjанами составляетъ южное продолженіе вышеописаннаго хребта; она образуетъ широкій горный увалъ, среди котораго возвышается гора Капчикъ-тау; она составляетъ центръ горнаго узла, отъ котораго отходятъ въ разныя стороны многіе боковые отроги. Вершина ея представляетъ продолговатую ровную плоскость, покрытую густымъ лѣсомъ. Отлогіе скаты изрыты глубокими лощинами, образующими вершины притоковъ обѣихъ Сюрjanъ. Примѣчательнѣйшія изъ боковыхъ отраслей суть: горный отрогъ, раздѣляющій вершины Урманъ и Капчикъ-елги отъ вершинъ Тугая и Исергапъ-уя; вѣтви, пролегающія между рѣчками Тугаемъ и Джиллею, между Большимъ и Малымъ Алабайталами; и отрогъ, раздѣляющій р. Малаго Алабайталъ отъ р. Капчикъ.

Всѣ эти вѣтви имѣютъ плоскій, широкій гребень, крутые скаты и обрывистыя оконечности; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны многія второстепенныя отрасли, раздѣляющія лощины боковыхъ притоковъ главныхъ рѣчекъ.

На широкихъ увалахъ, раздѣляющихъ притоки р. Сюрjana отъ притоковъ р. Ямашлы, возвышается продолговатая острая гора

Юанъ-тапканъ, составляющая продолженіе хребта Капчикъ; высочайшая точка ея находится около вершинъ р. Зиргаиша; она имѣетъ широкій плоскій гребень, крутые скаты и оканчивается крутыми обрывами на правомъ берегу р. Емашлы близъ устья Зиргаиша.

Къ югу отъ предыдущей возвышенности находится гора Емашла-тау, составляющая высочайшую точку горнаго увала между рр. Емашлюю и Ускалыкомъ. Она имѣетъ видъ отсѣченного конуса, стоящаго на плоскомъ треугольномъ пьедесталѣ, отъ угловъ котораго отдѣляются три горныя отрасли. Сѣверная изъ нихъ упирается круто къ лѣвому берегу р. Емашлы, противъ оконечности горы Юанъ-тапканъ; западная составляетъ продолженіе горнаго увала между рѣками Ускалыкомъ и Емашлюю, понижается постепенно до горы Сараутъ-тамъ, гдѣ соединяется со вторымъ продольнымъ хребтомъ западнаго горнаго пространства. Отъ него отдѣляются къ югу и сѣверу небольшіе отростки, пролегающіе между притоками рѣкъ Емашлы и Ускалыка. Южная отрасль составляетъ продолженіе промежуточныхъ хребтовъ, соединяющихъ главныя возвышенности западной части горнаго пространства; она оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Малаго Ускалыка, возвышается снова на горномъ увалѣ между долинами обѣихъ Ускалыковъ и простирается къ югу до горы Капъ-сара-сарты.

Хотя съ перваго взгляда трудно замѣтить общую связь между означенными возвышеніями, потому что пересекающія ихъ рѣчки придаютъ имъ видъ отдѣльныхъ горныхъ отраслей, но, по составу горнокаменныхъ породъ и относительной высотѣ ихъ къ окружающей мѣстности, нетрудно удостовѣриться въ справедливости сего предположенія.

Южныя части сего хребта составляютъ высочайшіе отроги горныхъ уваловъ, пролегающихъ между долинами рѣкъ: Ускалыковъ, Акберды и Асселя; значительнѣйшія горы ихъ находятся на гребнѣ означенныхъ уваловъ, имѣютъ шарокія выпуклыя вершины, крутые скалистые скаты и обрывистыя подножія.

Вторые и третіе уступы западной части горнаго пространства образуются высокими известковыми хребтами, имѣющими общее протяженіе отъ сѣвера на югъ; они раздѣляются теченіемъ рѣкъ Инька, Сюряней, Ускалыка, Ассели, Касмарки и Сакмары на отдѣльныя части, кои впрочемъ, по наружному виду горъ и по

внутреннему ихъ составу, немногимъ разнятся другъ отъ друга.

Въ сѣверной части осматриваемаго пространства начинается главный известковый хребетъ у д. Юллубаевой, на лѣвомъ берегу Большаго Ика; онъ состоитъ изъ двойнаго ряда продолговатыхъ высотъ, пролегающихъ по обѣимъ сторонамъ р. Арба-елги. Правый изъ нихъ оканчивается круто, близъ устья р. Акъ-ташъ; лѣвый же, самый значительный, простирается нѣсколькими отдѣльными высотами вдоль праваго берега р. Иняка до горы Кизилъ-ташъ, гдѣ оканчивается крутымъ скалистымъ обрывомъ.

Вершина хребтовъ состоитъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ возвышеній, отдѣляемыхъ небольшими впадинами или ложбинами. Бока ихъ представляютъ выпуклыя, крутыя покатости, взволнованныя продольными каменными грядами; ближе къ гребню обнажается обыкновенно невысокій пластъ известняка, проходящій по всей длинѣ хребта. Подножя горъ оканчиваются отлогими скатами у луговыхъ долинъ рр. Арба-елги и Иняка, но образуютъ крутые обрывы тамъ, гдѣ прорѣзываются ложбинами притоковъ сихъ рѣчекъ.

Отъ западнаго продольнаго хребта отдѣляются два горные отрога, составляющіе послѣдній уступъ горнаго пространства. Сѣверный изъ нихъ отдѣляетъ долину р. Майки отъ вершинъ притоковъ Ика и оканчивается близъ деревни Красной Мечети. Южный пролегаетъ между вершинами ручейковъ, текущихъ съ одной стороны въ р. Икъ, съ другой въ р. Арба-елги, и оканчивается довольно круто на правомъ берегу Иняка близъ д. Тупчановой. Обѣ эти отрасли представляютъ широкія горныя возвышенности, раздѣленные рѣчными ложбинами на множество боковыхъ отраслей и оканчиваются отлогими покатостями, близъ луговыхъ долинъ Ика и Иняка.

Вышеписанные продольные хребты продолжаются на лѣвомъ берегу Иняка въ слѣдующихъ направленіяхъ: восточный раздѣляетъ долину р. Ургени отъ долины Малаго Сюрjana, пересѣкаетъ ее выше деревни Бикбердиновой и является на пространствѣ между обѣими Сюрjанами въ видѣ невысокаго хребта, оканчивающагося отлогими скатами на правомъ берегу Большаго Сюрjana. Западный простирается между ложбинами обѣихъ Ургеней до деревни Итбоковой, оканчивается острымъ мысомъ на пра-

вомъ берегу Малаго Ургеня, возвышается снова на противоположномъ ей берегу и простирается далѣе чрезъ русло Мал. Сюрjana до р. большаго Сюрjana, гдѣ упирается крутымъ утесомъ къ луговой лощинѣ.

Первый хребетъ представляетъ возвышенную горную цѣпь, которая сѣуживается по мѣрѣ приближенія къ Малому Сюрjanу; бока ея имѣютъ сначала крутые скаты, но становятся отложе къ подножіямъ. Боковые отроги, раздѣляющіе притоки Малаго Ургеня и Сюрjana, оканчиваются у береговъ первой многими крутыми и высокими предгоріями.

Второй продольный хребетъ имѣетъ первоначально плоскій гребень, крутые скаты и отлогія подножія, взволнованныя значительными предгоріями. На протяженіи между рр. Ургеню и Мал. Сюрjanомъ гребень его становится острѣе, скаты прорѣзаны многими лощинами и взволнованы небольшими выступами; на западной сторонѣ ихъ видны значительные известковые пласты, образующіе стѣнообразные уступы.

Изъ боковыхъ его отраслей заслуживаетъ особенное вниманіе горная вѣтвь, раздѣляющая долину Большаго Ургеня отъ долины Ика. Она состоитъ изъ высокаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Каншатъ, Казырматъ и Казырбай; бока хребта круты, въ особенности къ востоку; они изрыты многими лощинами, образующими вершины притоковъ Ика и Ургеня; подножія его взволнованы небольшими отрогами, оканчивающимися высокими предгоріями на лѣвомъ берегу Ургеня, къ западу же они простираются отлогими покатостями до луговой долины Ика.

Продолженіе хребта составляютъ на лѣвомъ берегу Ургеня горы Камя-тау и Маслги-мурунъ; онѣ тянутся небольшимъ изгибомъ отъ сѣвера на югозападъ и оканчиваются у русла Большаго Ика въ трехъ верстахъ выше д. Бурулчи. Высочайшую точку хребта образуетъ гора Камя-тау, находящаяся близъ источниковъ р. Багамъ-тугана; весь хребетъ понижается отъ нее къ сѣверу и къ югу отлогимъ острымъ гребнемъ. Скаты, обращенные къ востоку, круты, къ западу же они отлоги и взволнованы небольшими отрогами, раздѣляющими притоки Сюрjana и Ика. У горы Маслги-мурунъ хребетъ возвышается снова, но не на значительную высоту.

На пространствѣ между рр. Сюрjanомъ и Ускалыккомъ

являются продольные известковые хребты: также двумя отдельными частями: восточная начинается отлогими горами на правом берегу Бол. Сюрана, возвышается постепенно до горы Сараутъ-ташь, отъ которой продолжается къ югу до русла Ускалыка въ видѣ высокаго хребта; западная простирается небольшимъ изгибомъ къ югозападу и оканчивается крутымъ обрывомъ близъ д. Андреевки. Онъ имѣетъ волнообразный гребень, шириною около 50 сажень; бока его круты, мѣстами утесисты и между главными лощинами отдѣляются небольшіе отроги, образующіе родъ контфорсовъ главной горной возвышенности. Западные подножія его оканчиваются отлогими покатоствами у лѣваго берега Ика и волнуются невысокими предгоріями.

Главную боковую отрасль сего хребта составляетъ гора Кирпы; она отдѣляется сначала отлогимъ сыртомъ, возвышающимся постепенно на протяженіи своемъ къ западу, и принимаетъ наконецъ видъ остраго стѣнообразнаго хребта, образующаго правый нагорный берегъ р. Кирпы. Восточные скаты его круты и ровны, западные отлоги, изрыты многими ямами и впадинами. Отлогіи увалъ соединяетъ гору Кирпы съ хребтомъ Солайманъ-карауломъ, который раздѣляетъ лощины ручейковъ Кайраклы и Тюраклы; гребень его обставленъ отлогими невысокими горами, отъ коихъ отходятъ небольшіе отроги къ лощинамъ Ика и Сюрана. Онъ составляетъ, въ соединеніи съ горою Маелги-муруць, послѣдній уступъ всей горной возвышенности.

Мѣстность между рѣками Ускалыкомъ и Касмаркою имѣетъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и вышеописанныя части западнаго горнаго пространства, но по причинѣ многихъ высокихъ отраслей, отходящихъ отъ главныхъ продольныхъ хребтовъ, трудно опредѣлить настоящее протяженіе послѣднихъ; соображаясь однако съ направлениемъ хребтовъ въ обратныхъ частяхъ, можно въ некоторомъ образомъ найти южное продолженіе ихъ въ пространствѣ между рр. Ускалыкомъ и Касмаркою. И такъ восточный продольный хребетъ возвышается на лѣвомъ берегу Ускалыка подъ названіемъ Кара и Аби-тау, оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу р. Ассели, продолжается далѣе въ видѣ хребта Эси-аргазы до вершинъ р. Зирганша, гдѣ поворачиваетъ небольшимъ изгибомъ къ западу, отдѣляя ниже рѣчныя лощины Зирганша и Бузана.

Второй продольный хребет возвышается надъ югомъ берегу Ус; калыкъ подъ названіемъ Аптрыанъ-тау, простирается между рр. Ассели и Касмаркою въ видѣ хребта Артышлы-тау, переходитъ у деревни Кундуровки р. Сакмару и оканчивается къ западу отъ Верхнеюверной крѣпости Геріальскими горами.

Между этими главными хребтами простирается множество промежуточныхъ отраслей, раздѣляющихъ боковые притоки Ассели и Касмарки. Приемчательнѣйшіе изъ нихъ суть горы: Янчура-тау, Кама-тау, Куйганакъ-тау, Соплаакъ-тау, Асселибей-ширма, Бердали-тау, Тыкъ-булакъ, Тышикъ-тау, Катый-ташъ-тау, Сжакъ-куранъ-тау, Ассели-дасыкъ и Бабай-тау.

Всѣ эти возвышенія имѣютъ одинаковый наружный видъ; острый продолговатый ихъ хребетъ имѣетъ протяженіе отъ сѣвера на югъ; онъ по большей части голъ и покрытъ неглубокимъ слоемъ растительной земли. Крутые скаты ихъ изрыты многочисленными сухими лощинами. Напластываніе горнокаменныхъ слоевъ явственно даже изъ-подъ дерновой покрывши; блже къ вершинамъ обнажаются во многихъ мѣстахъ значительныя известковыя толщи въ видѣ невысокихъ утесовъ. Подножія горъ оканчиваются отлогими покатолями въ лощинахъ раздѣляемыхъ ими ручейковъ, и образуютъ крутые обрывы тамъ только, гдѣ пересекаются теченіемъ главныхъ рѣкъ. Родъ предгорія хребтовъ Аптрыанъ и Артышлы-тау составляютъ отлогія возвышенія, раздѣляющія низовые притоки рѣкъ Ускадыка, Ассели, Белегужа и Касмарки. Главную возвышенность между первыми двумя рѣчками составляетъ гора Сафынъ-тау, отъ которой отходятъ небольшія отлогія увалы между лощинами ручейковъ Аптрыанъ, Суліемъ-узакъ и Каракумъ-елги.

Предгорія хребта Артышлы-тау состоятъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ горъ, понижающихся постепенно къ западу и оканчивающихся отлогими покатолями у луговой лощины большаго Ика. Задняя оконечность главнаго горнаго пространства образуется между рѣками Белегужамъ и Касмаркою хребтомъ Сагыль-тау; онъ простирается отъ сѣвера на югъ и отдѣляетъ притоки рѣкъ Белегужа и Сакмары отъ притоковъ Касмарки.

Восточныя покатоли плоской возвышенности имѣютъ ха-

рактёръ несравненно единообразнѣе, чѣмъ западные; они раздѣляются теченіемъ обѣихъ Зилаировъ на два главные уступа, раздѣляющіе, въ видѣ широкихъ уваловъ, долины рѣкъ Урманъ-зилаира, Яланъ-зилаира и Сакмары.

Первый увальъ пролегаетъ сначала между вершинами Иковъ и притоками Яланъ-зилаира, составляетъ далѣе черту раздѣла между долинами обѣихъ Зилаировъ. Гребень его представляетъ отлогую выпуклость, взволнованную плоскими возвышеніями. По мѣрѣ приближенія къ югу, онъ постепенно расширяется и принимаетъ видъ возвышеннаго плоскаго увала, покрытаго густымъ лѣсомъ. Скаты его, обращенные къ западу, имѣютъ сначала отлогую покатость, но оканчиваются, на лѣвомъ берегу Урманъ-зилаира, крутыми, утесистыми обрывами, изрытыми многими глубокими оврагами, въ коихъ протекаютъ восточные притоки означеннаго Зилаира. Скаты, обращенные къ долинѣ Яланъ-зилаира, имѣютъ паденіе отлогое и ровное; они взволнованы узкими увалами, раздѣляющими ложины правыхъ ея притоковъ и образуютъ крутыми оконечностями своими западный нагорный берегъ рѣки Яланъ-зилаира. Вся возвышенность раздѣляется близъ источниковъ рѣки Баракала на двѣ отрасли, имѣющія впрочемъ одинаковый характеръ съ главнымъ уваломъ.

Юговосточную оконечность увала образуетъ правый нагорный берегъ рѣки Сакмары между устьями обѣихъ Зилаировъ. Онъ представляетъ рядъ скалистыхъ утесовъ, возвышающихся надъ поверхностію рѣки сажень на 20; глубокіе овраги прорѣзываютъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и придаютъ имъ дикій, величественный видъ.

Второй уступъ горной возвышенности образуется уваломъ, раздѣляющимъ долину Яланъ-зилаира отъ долины верхней Сакмары; онъ простирается въ видѣ широкаго хребта въ недалекомъ разстояніи отъ русла Зилаира. На крутыхъ западныхъ скатахъ его возвышаются короткіе отроги, пролегающіе между притоками Яланъ-зилаира и оканчивающіеся на правомъ ея берегу крутыми высокими обрывами. Восточные скаты взволнованы, какъ и предъидущіе, многими боковыми отраслями, но они отложе и длиннѣе первыхъ. Не доходя версты на двѣ до русла Сакмары, они возвышаются замѣтно и образуютъ на правомъ ея, нагорномъ, берегу значительныя высоты.

III.

КРАТКІЙ ГЕОГНОСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СТРАНУ МЕЖДУ
РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ.

Разсматривая направленіе главныхъ рѣчекъ, протекающихъ въ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, нетрудно заключить, что общая геогностическая ось всей горной возвышенности проходитъ между бассейнами притоковъ верхней и средней Сакмары, то есть, раздѣляетъ вершины обѣихъ Заланровъ отъ вершинъ Ика и Касмарки. Господствующую горнокаменную породу въ центральныхъ возвышеніяхъ составляютъ широкіе пласты слюдястаго кварца, имѣющіе положеніе почти горизонтальное. Отъ примѣся полеваго шпата и слюды, они частію переходятъ въ гнейсъ, частію въ твердый слюдястый сланецъ, встрѣчаются преимущественно на увалахъ между притоками рѣки Яланъ-злаира. Объемъ центральной горной формациі необширенъ; она простирается 10-верстною полосою къ югу до источниковъ рѣки Урманъ-злаира, гдѣ торается подъ глинистыми и сѣрвакковыми сланцами южной оконечности горнаго пространства.

Горнокаменные толщи первозданной формациі покрыты слоемъ песчанистой глины, имѣющей въ долинахъ глубину отъ 2 до 4 аршинъ, на вершинахъ же горъ она не выше 1 аршина. Надъ этимъ слоемъ находится пластъ растительной земли, состоящей изъ глины, кремнезема и желѣзистыхъ частицъ, смѣшанныхъ съ растительными веществами; онъ такъ же, какъ и предъидущій пластъ, толще въ низменностяхъ и тоньше на горахъ; въ верныхъ обыкновенная его глубина до 1 аршина и болѣе, въ послѣднихъ рѣдко болѣе 1 фута. Онъ представляетъ вообще отличнѣйшую лѣсную и луговую почву, которая къ произведенію хлѣбныхъ растений менѣе удобна, частію по возвышенному положенію самой мѣстности, частію по малой ея способности удерживать теплоту. Влажность же самой почвы и изобиліе дождей и снѣговъ доказывается весьма явно тѣмъ, что вершины главныхъ притоковъ рѣкъ Ика и Сакмары находятся на скалахъ первозданныхъ горъ.

Къ югу и западу отъ вышеописанной формациі привыкаютъ горнокаменныя породы, принадлежащія къ древней переходной области; онѣ состоятъ въ восточной части изъ глинистыхъ и

тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся сланцы бѣлаго кварца въ видѣ подчиненной породы. Всѣ эти пласты простираются отъ сѣвера на югъ, весьма значительно наклоняясь къ востоку. За ними слѣдуютъ сланцы сѣрвакковые и глинистые, обнаруживающіе, въ западныхъ частяхъ области явную примѣсь извести, и тутъ встрѣчаются пласты кварцевые, но не столь часто, какъ въ предъидущихъ породахъ.

Горнокаменные породы древней переходной области занимаютъ пространство, ограниченное къ западу горами Солейманъ-карауль, Капчикъ, Емагла-тау и Капъ-сара-сарты, къ востоку предъидущею формациею и рѣкою Сакмарою.

Поверхность мѣстности представляетъ возвышенную равнину, взволнованную плоскими, широкими горами и изрытую глубокими оврагами. Почва земли вообще лучше на равнинахъ, чѣмъ въ оврагахъ; въ первыхъ она состоитъ изъ слоя чернозема, имѣющаго высоту отъ 1 до 1½ аршина и содержащаго глинистыя, кремнистыя и металлическія частицы, смѣшанныя съ растительными веществами; во вторыхъ же глубина чернозема въ половину меньше предъидущей и содержитъ множество камней и галекъ, отломившихся отъ обнаженныхъ горнокаменныхъ толщъ. Подземъ образуется каменною глиною, имѣющею толщину въ 2 и 3 аршина. Каменистая почва сей области впрочемъ несколько не препятствуетъ произрастанію лѣсовъ, даже на совершенно голыхъ утесахъ растутъ деревья очень хорошо; притомъ розовши, въ долинахъ рѣчекъ, покрыты густою травою и кустами. Физическія свойства почвы земли оказываютъ весьма хорошее вліаніе на растительность вообще. Почва здѣсь болѣе вязкая, чѣмъ рыхлая; имѣетъ способность удерживать влажность и теплоту въ большей степени, чѣмъ земли предъидущей формации, что и доказывается довольно хорошимъ произрастаніемъ некоторыхъ лѣсныхъ породъ, какъ то: дуба, липы и вяза, требующихъ почвы тучной и хорошей.

Горы на западномъ склонѣ плоской возвышенности состоятъ изъ толщъ переходнаго известняка сѣросиневатаго цвѣта и пеленчатого излома; въ главномъ хребтѣ, т. е. въ горахъ Солейманъ-карауль, Капчикъ, Юанъ-тапканъ и Емашлъ-тау, известняки сланцы перемежаются съ сланцами глинистыми и сѣрвакковыми, образуя такимъ образомъ общую границу между обѣими смежными формациями. Остальные два продольные хребта,

равно какъ и все пространство между ими, состоитъ изъ толщей угленоснаго известняка, имѣющихъ весьма правильное напластованіе. Непосредственно надъ известнякомъ находится пластъ известковой глинны желтоватаго или краснаго цвѣта, смотря по большей или меньшей примѣси желѣза; глубина слоя не вездѣ одинакова: въ долинахъ она бываетъ отъ 3 до 5 футовъ, на горахъ рѣдко болѣе 2 футовъ. Надъ глиною лежитъ тучный пластъ черной земли, состоящей изъ глинистыхъ, известковыхъ, кремнистыхъ и растительныхъ частицъ; онѣ образуютъ отличную почву для луговыхъ и хлѣбныхъ растений, особенно въ долинахъ и на отлогихъ покатостяхъ горъ. Гребень же хребтовъ, равно какъ и крутые скаты ихъ, каменисты и мало способны для произрастанія лѣсовъ, по сухости и скудости самой почвы. Исключеніе изъ сего составляетъ главный восточный хребетъ, который покрытъ сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ, произрастающимъ хорошо на восточныхъ и сѣверныхъ склонахъ горъ.

Почва земли на западномъ склонѣ горнаго пространства теплѣе почвы центральной равнины, потому что господствующія лѣсныя породы въ первой состоятъ изъ дуба и липы, требующихъ несравненно болѣе теплоты, чѣмъ сосна и береза; впрочемъ, по неимѣнію точныхъ наблюденій надъ температурою ключей и колодезъ, трудно доказать справедливость сего предположенія. Что же относится до способности почвы удерживать влажность, то вѣтъ сомнѣнія, что она на западномъ склонѣ горнаго пространства менѣе значительна, чѣмъ на возвышенныхъ центральныхъ равнинахъ.

Ближайшая къ рѣкѣ Ину мѣстность принадлежитъ къ формациі древнаго песчаника, составляющаго основаніе западныхъ предгорій плоской возвышенности. Горы Казырбай, Камла-тау, Кыры и Сагалъ-тау состоятъ изъ крупнозернистаго, твердаго песчаника, коего кварцовыя, роговиковыя и яшмовыя зерна связаны известковымъ тестомъ (*). Между песчаникомъ находятся толщи гипсовыя, въ коихъ отъ теченія подземельныхъ водъ образовались значительныя выщелы въ видѣ колодезъ.

(*) Хорошіе жерновые камни выламываются на горѣ Кыры.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Ику песчаникъ становится болѣе мелкозернистымъ и принимаетъ наконецъ сѣроватый цвѣтъ. Песчаниковые пласты покрыты въ долинахъ и на отложихъ покатосяхъ горъ слоемъ желтоватой глины, толщиною въ 3 и 4 фута; за нею слѣдуетъ пластъ чернозема, глубиною въ 1 аршинъ, и состоящій изъ кремнистыхъ, глинистыхъ, известковыхъ и растительныхъ частицъ, образующихъ весьма хорошую почву для луговъ и пашень, но менѣе удобную для лѣсовъ; она довольно вязка, суха и удерживаетъ теплоту хорошо. На вершинахъ и на скатахъ горъ почва земля несравненно хуже и гребни высотъ болшею частію голы. Луговая долина Ика имѣетъ влажную и отличную черноземную почву.

Отлогіе хребты, образующіе восточныя покатося центральнoй возвышенности, состоятъ изъ слюдястыхъ и тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся тонкіе пласты бѣлаго кварца. Они тянутся 20-верстною полосою между рѣчными бассейнами Баракала и Юлука до рѣки Сакмары и теряются на лѣвомъ ея берегу подъ зеленокаменными и сѣровакковыми породами, образующими основаніе горъ западной части Губерлинской возвышенности. Надъ слюдястыми и тальковыми сланцами находится пластъ желтой песчанистой глины, толщиною въ 1 до 3 аршинъ, а надъ нею черная земля, глубиною въ 1 и 1½ аршина. Главныя составныя части послѣдней образуютъ: слюдястый песокъ, глину, тальковую землю и металлическія вещества въ значительной примѣси растительныхъ частицъ. Почва земли вообще рыхлая, сухая и мало способна удерживать теплоту.

Горы, составляющія правый нагорный берегъ рѣки Сакмары отъ начала ея до устья рѣки Юлука, состоятъ изъ сланцевъ зеленокаменныхъ, имѣющихъ общее протяженіе отъ сѣвера на югъ и паденіе къ западу. Въ видѣ подчиненныхъ породъ являются мѣстами кварцевые, роговиковые и яшмовые сланцы. Горнокаменная толща сего пространства покрыта глубокимъ пластомъ глины, содержащей значительный процентъ песку, надъ ними находится рыхлый, сухой слой сорной земли, заключающій песокъ, глину, металлическія и растительныя частицы. Почва земли на семъ пространствѣ довольно скудна и мало удобна для произведенія хлѣбныхъ и луговыхъ растений; она удерживаетъ влажность лучше, чѣмъ теплоту, но при всемъ томъ не представляетъ хорошей лѣсной почвы.

III.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РЪКАМИ УРАЛОМЪ И САКМАРОЮ (*).

Пространство между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляется въ орографическомъ отношеніи въ трехъ главныхъ видоизмѣненіяхъ. Въ сѣверной части хребетъ Ирындыкъ и его отроги придаютъ мѣстности характеръ гористый; средняя часть представляетъ плоскую и ровную возвышенность, которая къ югу оканчивается крутыми отрогами Губерлинскихъ горъ.

А. — Хребетъ Ирындыкъ.

Ирындыкъ составляетъ съ начала черту водораздѣла между долинами Сакмары и Урала; на протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ онъ болѣе и болѣе отклоняется отъ береговъ Сакмары и отдѣляетъ ниже долину Таналяка отъ долины Урала.

Онъ имѣетъ видъ горной возвышенности, которой вершина представляетъ скалистую и вольнообразную площадь, шириною отъ 2 до 3 верстъ. Основаніе ея, считая отъ подножій главныхъ отроговъ, не шире 15 верстъ. Она понижается едва замѣтнымъ образомъ къ югу до горы Су-урганъ, оканчивается тутъ крутымъ уступомъ и образуетъ далѣе до устьевъ рѣки Таналяка плоскую, но довольно возвышенную равнину.

Геогностическая ось Ирындыка имѣетъ направленіе отъ сѣвера на югъ, сначала въ разстояніи 10 до 12 верстъ отъ Сакмары и въ 30 верстахъ отъ рѣки Урала. Ниже противъ Уртавынской крѣпости она отстоитъ верстъ на 8 отъ Таналяка и верстъ на 40 отъ береговъ Урала.

На вершинѣ горной стѣны возвышается рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, составляющихъ центръ возвышенности; онѣ отчасти расположены на геогностической оси, отчасти въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. По мѣрѣ пониженія центральныхъ горъ, понижаются и соединяющіе ихъ увалы. Къ югу отъ горы Байура-тау они состоятъ изъ отлогихъ хребтовъ, имѣющихъ высоту незначительную въ сравненіи съ высотой соединяе-

(*) Осмотрѣнное мною пространство между Ураломъ и Сакмарою ограничивается къ сѣверу горою Тарывы-тау и озеромъ Султанскимъ, гдѣ окончена съемка 1837 года.

мыхъ ими горь. Срединъ уваловъ нѣсколько вогнута въ видѣ сѣдла; перешейки, раздѣляющіе долины противоположныхъ скатовъ, составляютъ самыя низменныя части хребта, по коимъ пролегаютъ главные горные проходы.

Бока хребта, или сумма скатовъ главной горной возвышенности и ея отроговъ, представляютъ выпуклыя и неровныя плоскости, образующія нѣсколько уступовъ отъ вершины до подножія. На бокахъ хребта обнажаются мѣстами значительныя скалы, образующія частію утесы, частію зубчатыя гряды. Каменные глыбы и отломки покрываютъ большую часть поверхности скатовъ. Въ вогнутыхъ частяхъ хребта начинаются горныя лощины, по коимъ стекаютъ снѣговыя и дождевыя воды. До вершинъ рѣки Тавалыка, главные лощины имѣютъ направленіе перпендикулярное къ оси хребта; ниже онѣ отдѣляются подъ острыми углами. Главныя изъ нихъ имѣютъ начало свое на гребнѣ хребта у подножій высочайшихъ горъ, въ видѣ широкихъ и отлогихъ полей, около коихъ сосредоточивается множество второстепенныхъ лощинъ; далѣе протяженіе ихъ соразмѣряется съ видомъ и формою прилежащихъ горныхъ отраслей.

Западные скаты вообще круче и короче восточныхъ. Они спускаются отъ гребня хребта подъ значительнымъ угломъ склоненія, но становятся по мѣрѣ приближенія къ подножіямъ отлогие и ровнѣе; уступы и обрывы на бокахъ хребта придаютъ имъ видъ весьма неправильный.

Восточные скаты имѣютъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и западные, но по причинѣ многихъ и значительныхъ отраслей, отдѣляемыхъ главнымъ хребтомъ въ эту сторону, они несравненно разнообразѣе. Вся горная масса понижается къ востоку четырьмя главными уступами: первый образуется скалами центральныхъ высотъ; второй скалами высотъ, отдѣляющихъ вершины рѣкъ Кизила, Худалаза и Уртазыма; третій скалами высотъ, съ коихъ вытекаютъ степныя притоки этихъ рѣкъ, и четвертый увалами, образующими ниже раздѣла между рѣчными бассейнами Кизила, Худалаза и Уртазыма.

Подножія сѣверной части Ирыдыка отлоги и сухи; они перерѣзаны глубокими лощинами рѣчекъ и ручейковъ, впадающихъ въ Сакмару и Кизиль. Горные отроги между лощинами тянутся рядомъ не высокихъ, но каменистыхъ высотъ, окан-

чающихся въ некоторомъ разстояніи отъ рѣчныхъ долинъ. Оконечности западныхъ отроговъ образуютъ отъ озера Таналыка лѣвый нагорный берегъ рѣки Таналыка. Мѣстность между отрогами перерѣзана многими ручейками и представляетъ отчасти сухія, отчасти кочковатыя и болотистыя долины. Ниже озера Талкача западные подножія Ирындька оканчиваются у топкаго болота, виющаго протяженіе отъ сѣвера на югъ верстъ на 25.

Центръ горной массы составляютъ горы, возвышающіяся около геогностической оси; изъ нихъ самыя значительныя: Тарывли-тау, Кузимъ-ташъ-тау, Янчусей-тау, Сыкертмытау, Кашъ-тау, Токта-яргавъ-бійкъ-тау, Карсига-башъ-тау, Калябашъ-тау, Имятай-тау, Яогазлы-тау, Улакъ-башъ-тау, Байгура-тау, Зарбалта-тау, Сара-ужъ-ташъ-тау, Байгужа-тау, Кирякъ-тау и Су-урганъ-тау. Между этими горами находятся еще рядъ высотъ, составляющихъ непрерывную связь между первыми; онѣ, въ отношеніи высоты и крутизны, немногимъ уступаютъ главнымъ горамъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ гребень широкій, округленный и нѣсколько выпуклый въ видѣ купола; у другихъ, какъ то, у горъ: Янчусей, Кашъ-тау, Байчура, Байчума и Су-урганъ, гребень состоитъ изъ группы сопокъ, соединенныхъ острыми увалами; на вершинахъ ихъ высовываются значительныя горнокаменные толщи, частію въ видѣ утесистыхъ и зубчатыхъ стѣнъ, частію высокими пирамидальными шыханами, какъ то, на вершинахъ горъ: Кузимъ-ташъ-тау, Сентъ-тау и Калябашъ-тау. Гребень горъ вообще каменстъ и голъ. Скаты сначала круты и утесисты, но ниже они становятся отложе, и по большей части завалены каменными глыбами, отломившимися отъ утесовъ. Бока горъ изрыты въ разныхъ направленіяхъ многими неглубокими лощинами, изъ коихъ вытекаютъ вершины горныхъ потоковъ. Скаты горъ, имѣя въ сложности одинакую покатость со скатами всей возвышенности, составляютъ главныя выпуклости ея боковъ; отъ главныхъ горъ отдѣляется большая часть боковыхъ отраслей и отроговъ. Последніе состоятъ изъ ряда возвышеній, понижающихся по мѣрѣ удаленія своего отъ центральныхъ горъ. Составляя нѣкоторымъ образомъ продолженіе ихъ скатовъ, они образуютъ родъ контрфорсовъ, поддерживающихъ горную стѣну. Оконеч-

ности ихъ составляютъ широкія и каменистыя возвышенія, раздѣляющія лощины горныхъ ручейковъ.

Хребетъ Ирындыкъ отдѣляетъ къ западу слѣдующія боковыя отрасли:

1) У горы Кузимъ-ташь-тау отходятъ три горныя вѣтви. Сѣверная тянется въ видѣ короткаго, но высокаго скалистаго отрога, составляющаго правый нагорный берегъ рѣки Тляпъ-тарки; оканчивается круто въ 2 верстахъ отъ русла Сакмары.

Средняя раздѣляетъ лощины двухъ главныхъ источниковъ рѣки Тляпъ-тарки и оканчивается обрывистыми скатами у точки соединенія ихъ.

Южная отрасль раздѣляетъ долину рѣки Тляпъ-тарки отъ долины рѣки Сатала; она обхватываетъ вершину лѣваго ея источника и поворачиваетъ круто на югъ, отдѣляя ниже, въ видѣ отрога и крутаго хребта лощины, обонхъ источниковъ рѣки Сатала. Она оканчивается отлогими скатами у соединенія ободхъ ручейковъ. Продолженіе отрасли возвышается на лѣвомъ берегу рѣки Сатала и образуетъ главную черту раздѣла между долинами Таналыкомъ и Сакмарою.

Отъ горы Кузимъ-ташь-тау до горы Кашъ-тау хребетъ Ирындыкъ не отдѣляетъ къ западу значительныхъ отраслей. Лощины притоковъ Таналыка, какъ то, рѣки: Шугуръ, Караузьякъ, Баталь-сазъ, Актушъ, Карагаилы-сазъ, Тукмакъ, Акминзы-таллы-узьякъ и Ташъ-китъ, раздѣляются короткими отрогами, отходящими отъ центральныхъ высотъ, и составляющими въ некоторомъ образѣ пониженные уступы горныхъ скатовъ.

2) Отъ горы Кашъ-тау отдѣляется къ западу высокій и скалистый отрогъ, образующій правый нагорный берегъ рѣки Абууминъ-елги; онъ оканчивается высокою горою Ильсинбикка-тау на лѣвомъ берегу рѣки Таналыка. Возвышенія, соединяющія гору Ильсинбикку съ центральною массою Ирындыка, имѣютъ видъ продолговатыхъ, острыхъ горъ, соединенныхъ отлогими скатами. Подножія ихъ взволнованы небольшими буграми, составляющими продолженіе скатовъ; они перерѣзаны многими лощинами, впадающими въ ручейки: Абу-ульманъ и Ташъ-китъ. Высочайшую точку хребта составляетъ гора Ильсинбикка; она немногимъ ниже центральныхъ горъ; имѣетъ вершину острую, скалистую и крутые обрывистые скаты. Небольшіе отроги,

отдѣляемые ею въ разные стороны, образуютъ отлогіе уступы главной возвышенности.

Ниже сей отрасли отдѣляются четыре небольшіе отрога, составляющіе раздѣлъ между долинами рѣкъ: Абдуминъ-елги, Карсияги, Шурбамъ и Бакиръ-узьяка. Они понижаются круто и оканчиваются невысокими пригорками у лѣваго берегу Таналыка.

3) Вправо отъ вершинъ Бакиръ-узьяка отдѣляется отъ хребта Ирындыка утесистый отрогъ, оканчивающійся скалистыми обрывами Сусканъ-мураною.

Рядъ бугровъ невысокихъ и отлогіхъ, раздѣляющихъ лощины Юлалы и Бакиръ-узьяка, составляютъ продолженіе сего отрога; онъ поворачиваетъ противъ д. Буронбаевой къ югу и раздѣляется на двѣ вѣтви: восточная, возвышаясь постепенно, принимаетъ видъ остраго, высокаго хребта, составляющаго правый нагорный берегъ лощины Юлалы; высочайшую его точку образуетъ гора Сува-карышканъ. Западная составляетъ лѣвый нагорный берегъ р. Таналыка отъ устьевъ Бакиръ-узьяка до устьевъ Юлалы. Главныя возвышенности сей вѣтви составляютъ горы: Искизма-тау, Тюлкюли-тау и Карагасъ-тюбя. Между ними находятся нѣсколько промежуточныхъ горъ, соединенныхъ широкими и возвышенными увалами. Гребень высотъ представляетъ выпуклую и округленную площадь, на которой обнажаются значительныя горнокаменные толщи. Крутые скаты ихъ голы и каменисты; они изрыты многими лощинами, имѣющими начало свое на увалахъ между возвышенностями. Отроги между лощинами понижаются къ западу рядомъ невысокихъ бугровъ, составляющихъ родъ уступовъ главной вѣтви. Восточные скаты оканчиваются отлогіми подножіями у луговой долины Юлалы.

4) Между лощинами Юлалы и Шаланды отдѣляется отъ горы Вайгура-тау отлогая и невысокая вѣтвь, которая оканчивается на высокшихъ, но крутыхъ уступомъ у долины р. Таналыка.

5) Невысокій и отлогіи увалъ, отходящій къ западу отъ горы Белекей-байчура, отдѣляетъ долину Шаланды отъ долины Карагайлы-узьянъ и оканчивается у береговъ Таналыка продолговатыми высотами, отдѣляемыми небольшими лощинами.

6) Отъ горы Зоръ-балта отдѣляется къ югозападу невысокая отлогая вѣтвь, соединяющая гору Белекей-балту съ первой; она простирается далѣе рядомъ отлогіхъ высотъ, до русла Таналы-

ка, и отдѣляетъ лощину Карагайлы-узика отъ лощины Айрысаязъ. Гора Белекей-балта составляетъ высочайшую точку отрога. Продолговатая и острая вершина ея возвышается круто надъ всю мѣстностью. Она немногимъ ниже горы Зоръ-балта.

Восточныя вѣтви Ирындыка раздѣляются, какъ выше сказано, на четыре главные разряда. Къ первому принадлежатъ всѣ короткіе отроги, отдѣляющіе вершины и горныя притоки рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Они составляютъ продолженіе центральныхъ горъ, отъ которыхъ отдѣляются въ видѣ высокихъ хребтовъ. На острыхъ гребняхъ возвышаются скалистые шиханы, поддерживаемые небольшими отрогами или контрфорсами. Скалистые скаты понижаются крутыми утесами до самыхъ подножіи и образуютъ узкія горныя долины, въ коихъ протекаетъ множество рѣчекъ и ручейковъ.

Этотъ видъ имѣетъ горныя отроги перваго разряда отъ горы Тарывлы-тау до горы Байгура-тау. Къ югу отъ послѣдней они отдѣляются отлогими увалами, соединяющими центральныя горы съ восточными оконечностями Ирындыка. Подобныя увалы отдѣляются:

а) отъ горы Байзура-тау, которую соединяетъ съ группою горъ Карамалы и Уллу-тау, раздѣляя долины ручейковъ Бурулы и Карамалы-елги, впадающихъ въ Уртазымъ.

б) Между горою Сараутъ-ташъ и группою горъ Бердакай, соединяющіи ихъ уваль, пролегаетъ между долинами рр. Карамалы и Туртукая.

в) Два увала, отходящіе отъ горы Байгужи; въ нихъ сѣверный соединяется съ горами Бикберды и Акъ-кашъ, раздѣляющими лощину р. Туртукая отъ долины Тулбая. Южный образуетъ черту раздѣла между лощинами Тулбая и притокомъ ея Зылбашемъ.

г) Послѣдній отрогъ отходитъ отъ горы Кусякъ-тау и тянется горами Зылбашемъ и Усватомъ, между лощинами рр. Зылбаша и Мунчи. Этотъ отрогъ, въ соединеніи съ горою Су-урганъ, составляетъ крайній уступъ хребта Ирындыка.

Ко второму разряду восточныхъ отраслей принадлежатъ горныя вѣтви, отдѣляющія долины рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Боковыя отрога, отдѣляемые ими на сѣверъ и на югъ, составляютъ третій разрядъ горъ, отдѣляющихъ устья горныхъ ручейковъ отъ вершинъ степныхъ. Продолженіе хребтовъ втораго разряда образуетъ четвертую группу возвышеній, прости-

рающихся между устьями рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма и образующих правый нагорный берегъ р. Урала.

Горная отрасль, отдѣляющая долину Кизила отъ долины Худалаза, начинается у горы Янгузей-тау, въ видѣ высокаго и скалистаго отрога, понижающагося постепенно до озеръ Усь-куль. Она сохраняетъ въ началѣ характеръ центральныхъ горъ Ирындька: широкій гребень ея взволнованъ обрывистыми скалами, образующими родъ купола на главныхъ возвышеніяхъ. Скаты круты и утесисты; они оканчиваются къ югу отлогими подножіями у долины Худалаза. Близъ озера Усь-куль отрасль соединяется съ поперечнымъ хребтомъ, составляющимъ черту раздѣла между горными и степными притоками р. Худалаза. Онъ образуетъ, нѣкоторымъ образомъ, возвышенную вѣтвь первой отрасли, и простирается на правомъ берегу Зямъ-елги подобнымъ же хребтомъ, именуемымъ Биксагиль-тау. Поперечный хребетъ оканчивается къ югу отлогими скатами у береговъ р. Худалаза, ниже долины Ахмеровой. Западные скаты хребта коротки и круты, къ востоку же они отложе и отдѣляютъ нѣсколько боковыхъ отроговъ, до края лощины Япракы.

Первая отрасль продолжается къ западу до озера Уляндыкуль, у котораго она поворачиваетъ къ югу и образуетъ западный и южный предѣлъ его долины. На протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ, она составляетъ черту раздѣла между долинами рр. Кизила и Худалаза.

Горная отрасль, раздѣляющая долину Худалаза отъ озера Калтыбака, отдѣляется у горы Сыкертмы-тау, въ видѣ высокаго и крутаго хребта, пролегающаго сначала къ востоку до горы Карамалы, и поворачивая потомъ на сѣверъ, отдѣляетъ на правомъ берегу Худалаза долину горныхъ ручейковъ отъ долины степныхъ его притоковъ. На сѣверномъ своемъ протяженіи онъ представляетъ рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, соединенныхъ острыми и крутыми хребтами. Высочайшую точку составляетъ гора Бошлыкыр-тау. Хребетъ оканчивается круто на правомъ берегу Худалаза, противъ долины Ахмеровой.

Хребетъ, раздѣляющій озеро Калтыбанъ отъ долины верхняго Уртазыма, простирается къ западу рѣки Карайгалы и вершинами Уртазыма до горы Сарынъ-тау. Отъ нея онъ поворачиваетъ круто на югъ и подраздѣляется на двѣ отрасли, пролегающія между долинами рѣкъ: Уртазыма, Лапаси и Жулуя.

На западномъ своемъ протяженіи онъ сокращаетъ характеръ центральныхъ горъ Ирындыка; высочайшія его точки составляютъ горы Шатра-тау и Сарынъ-тау. Южная часть хребта, принадлежащая ко второму разряду горныхъ отраслей, раздѣляется двумя отрогами долины горныхъ и степныхъ притоковъ Уртазыма. Западная, отдѣляющая рѣку Уртазымъ отъ рѣки Лопасы, имѣетъ видъ остраго и крутаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Шрву-ташъ-тау, Кингыръ-ташъ-тау и Галитау. Хребетъ оканчивается нѣсколькими отрогами близъ устья рѣки Лопасы. Вершина горъ острая и продолговатая; на ней обнажаются значительныя яшмовыя толщи, въ видѣ каменныхъ грядовъ. Подножія взволнованы не большими, но высокими отрогами, составляющими нагорный берегъ рѣкъ Уртазыма и Лопасы. Главный отрогъ оканчивается высокою горою Услу-тау, на лѣвомъ берегу Уртазыма.

Вторая отрасль отдѣляетъ ложину рѣки Лопасы отъ ложины Юлуя; она во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ предъидущею и оканчивается у д. Абдерахмановой горою Муратъ-тау.

Между рѣкою Уртазымомъ и восточными подножіями Ирындыка тянется рядъ широкихъ и отлогихъ возвышеній, раздѣляющихся долинами рѣкъ: Бурулы, Карамалы, Табай и Лунча; онѣ принадлежатъ къ четвертому разряду возвышеній, отдѣляющихъ долины озеръ Акъ-кашъ и Юмуркалы отъ долины нижняго Уртазыма.

Южную оконечность хребта Ирындыка образуетъ плоская возвышенность, раздѣляющая долину Танадыка отъ долины Малаго Уртазыма. Горы Карташъ-тау, Иликъ, Сукравъ, Кашъ-тюба и Уть-ташъ возвышаются отдѣльными массами на срединѣ увала и составляютъ черту раздѣла между рѣками Танадыкомъ и Уртазымомъ. Онѣ имѣютъ значительное возвышеніе надъ окружающею мѣстностію, и принимаютъ видъ острыхъ большихъ конусовъ. У всѣхъ гребень острый и каменный, бока круты и обставлены каменными грядами, подошва взволнована невысокими уступами и буграми, образующими предгорія главныхъ высотъ. Отъ горы Уть-ташъ-тау вся возвышенность раздѣляется на нѣсколько широкихъ и отлогихъ сыртовъ, пролегающихъ между рѣками Танадыкомъ и вершинами рѣкъ Накановъ.

Западные скаты плоской возвышенности оканчиваются до-

волью крутымъ уступомъ на лѣвомъ берегу рѣки Таналыка до устья рѣки Бузаулыка. Ниже она становится отложе и ровнѣе; къ востоку же понижается нѣсколькими продольными сыр-тами, отдѣляющими долину Таналыка отъ рѣки Урала.

Горы на пространствѣ между Сакмарою и Таналыкомъ составляютъ, какъ выше сказано, продолженіе западной отроги Ирындыка, которая, отдѣляясь у горы Кузимъ-ташь-тау, образуетъ сѣверный и западный предѣлъ долины озера Талкача и перерѣзывается теченіемъ рѣки Сатала. Она простирается далѣе подъ названіемъ хребта Сакъ-тау близъ праваго берега рѣки Таналыка, которую отдѣляетъ отъ рѣки Ассели. Главная возвышенность имѣетъ видъ не высокаго, но крутаго хребта, коего острый гребень взволнованъ рядомъ продолговатыхъ горъ; скаты въ обѣ стороны круты и ровны; ближе къ подножіямъ они перерѣзываются небольшими лощинами.

На протяженіи своемъ отъ озера Толкача до горы Беркутъ-тау, хребетъ отдѣляетъ къ западу двѣ боковыя отрасли. Первая тянется въ видѣ широкаго и отлогаго увала близъ лѣваго берега Сакмары и отдѣляетъ небольшими возвышеніями рѣку Каргалы отъ рѣки Ассели. Вторую отрасль составляетъ хребетъ Куянъ-тау; онъ отходитъ отъ главнаго хребта въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣвернаго берега рѣки Ассели, русло которой перерѣзываетъ его и продолжается далѣе на противоположномъ ея берегу до горы Беркута, посредствомъ которой онъ соединяется съ хребтомъ Сакъ-тау. И такъ хребты Куянъ-тау и Сакъ-тау, въ соединеніи съ горою Беркутъ-тау, образуютъ широкую котловину, изъ которой вытекаетъ рѣка Ассели.

Хребетъ Куянъ-тау по виду своему совершенно сходенъ съ хребтомъ Сакъ-тау; отъ него отдѣляются невысокія и отлогія боковыя вѣтви, простирающіяся между рѣками Ассели, Шармою, Бекелей и Зоръ-акмурукомъ.

Отъ горъ Беркутъ-тау, Куянъ и Сакъ-тау хребты продолжаютъ далѣе верстѣ на 10 скалистыми, крутыми высотами, между коими самыя примѣчательныя горы Уварашъ и Мечеть-тау. Эта часть хребта немногимъ ниже главной возвышенности Ирындыка и имѣетъ одинаковый съ ней характеръ. Гребень горъ широкъ и каменистъ; крутые скаты перерѣзаны многими лощинами и образуютъ то высокіе обрывы, то отлогіе уступы; вся поверхность, отъ вершинъ до подножій, покрыта каменными

глыбами и отломками. Между отлогими, но каменистыми предгорьями находятся частію болотистыя поляны, частію топкія лощины, покрытыя молодымъ березовымъ лѣсомъ. Въ этомъ видѣ простирается хребетъ до деревни Мелебетевой, у которой онъ раздѣляется на двѣ отрасли. Западная составляетъ черту водораздѣла между притоками Сакмары и Таналяка; пролегаетъ отлогою, плоскою возвышенностію между вершинами рѣчекъ Мякатинъ, Лайшеберды, Карамалы, Ильгасъ и Карсыбашъ, впадающихъ въ Сакмару и между вершинами Большаго и Малаго Бузаулыка, Зирень-агача и Тиргя-мышы, впадающихъ въ Таналякъ. Она отдѣляетъ въ обѣ стороны между этими рѣчками отлогія и широкія вѣтви, оканчивающіяся къ востоку отлогими и ровными покатосями, близъ лощинъ Бузаулыка; къ западу же крутымъ уступомъ, близъ лѣваго берега Сакмары, образуя отъ устьевъ степнаго Зилаира высокіе утесистые обрывы.

Вторая вѣтвь отдѣляетъ долины рѣкъ Бузаулыка и Таналяка. Она начинается широкимъ хребтомъ между вершинами рѣчекъ Мякатинъ и Мембетей-елги; понижается постепенно до вершинъ рѣки Кузая, продолжаясь отъ нея къ югу въ видѣ высокаго и крутаго хребта до горы Сантъ-тау, у которой оканчивается нѣсколькими плоскими и отлогими отрогами, отдѣляющими лощины притоковъ Бузаулыка и Таналяка. Вершину хребта составляютъ невысокія и плоскія горы, обросшія мелкимъ березовымъ лѣсомъ; скаты ихъ въ соединеніи со скатами хребта представляютъ выпуклыя и отлогія плоскости, перерѣзанныя многими топкими лощинами. Оконечность скатовъ образуетъ отлогіе уступы и предгорія, раздѣляющіе лощины незначительныхъ притоковъ Таналяка и Бузаулыка; высочайшую точку хребта составляютъ горы Шейнякъ и Сантъ-тау.

Главныя отрасли составляютъ къ западу: а) рядъ горъ Бердубакъ и Ягизъ-каргаль-тау, у коихъ вытекаетъ рѣка Большая Бузаулыка; б) гора Камя-тау, отдѣляющая двѣ небольшія лощины, впадающія съ правой стороны въ Бузаулякъ; в) горы Каргасъ и Айдаръ-суаки-тау, составляющія правый нагорный берегъ лощины Суртавъ-узакъ. Всѣ эти отрасли представляютъ небольшіе хребты, имѣющіе одинаковій характеръ съ хребтомъ, отъ котораго отдѣляются.

Къ востоку отходитъ значительный отрогъ между рѣками Кузай и Мембетей-елги; высочайшую точку его составляетъ гора

Бакиръ-тау; подножія хребта взволнованы небольшими предгоріями, образующими правый нагорный берегъ рѣки Тавалыка. Отъ горы Шейнякъ и Сеитъ-тау отдѣляются къ востоку еще нѣсколько боковыхъ отроговъ, раздѣляющихъ болотистыя и топкія лощины, впадающія въ Тавалыкъ съ правой стороны.

По лѣвому берегу рѣки Сакмары, между устьями рѣки Шарлы и Акимуруна, тянется отдѣльными частями рядъ высотъ, которыя не имѣютъ никакой связи съ отрогами Ирындыка; онѣ, какъ кажется, составляютъ продолженіе хребта Таиръ-тау, который оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Сакмары близъ устья Шарлы. Сѣверная часть этого хребта между д. Тимясевою и Муллакаевою имѣетъ видъ острой и крутой возвышенности, отъ которой отдѣляются на западъ нѣсколько крутыхъ отроговъ, составляющихъ лѣвый нагорный берегъ Сакмары; восточные скаты и отлоги образуютъ, съ западными отрогами Ирындыка, весьма значительную продольную долину. Средняя часть хребта между д. Еткуловой и Старашецкимъ трактомъ образуетъ острую и крутую возвышенность, которая оканчивается круто у лощины Сакмары. Южная и самая значительная часть состоитъ изъ отрога и круга хребта, на которомъ возвышаются горы Карымъ и Карагайлы-тюбя, раздѣляемыя теченіемъ рѣки Ширмая. Крутые скаты хребта, обращенные къ Сакмарѣ, взрыты многими глубокими и крутыми лощинами; къ югу и къ востоку хребетъ оканчивается отлогимъ и широкимъ уваломъ.

Б.—Краткій геогностическій взглядъ на хребетъ Ирындыкъ и на боковыя его отрасли.

Господствующую въ хребтѣ Ирындыкъ горнокаменную породу составляютъ земнокаменные сланцы, имѣющіе большую частью правильное напластованіе и простирающіеся отъ сѣвера на югъ. Между ними являются, въ видѣ подчиненныхъ породъ, яшмовыя и роговакковые пласты, образующіе тонкіе, разноцвѣтные слои, въ земнокаменныхъ толщахъ. Скалистые шаханы, на вершинахъ центральныхъ горъ, состоятъ изъ плотнаго зеленого камня, въ которомъ незамѣтно никакой слоистости; въ боковыхъ же отрогахъ Ирындыка, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, обнаруживаются на гребняхъ горъ яшмовыя и роговакковыя толщи, несравненно большихъ размѣровъ, чѣмъ на

главныхъ возвышеніяхъ; онѣ простираются весьма значительными пластами по всему пространству между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Не доходя однако верстѣ на 10 до береговъ Урала, проявляются между земнокаменными и яшмовыми породами порфиридовидныя толщи, занимающія постепенно мѣста послѣднихъ и образующія, вмѣстѣ съ земнокаменными сланцами, главное основаніе горъ восточной части сего пространства. Нагорные берега Урала состоятъ изъ толщей переходнаго извѣстняка одинаковыхъ качествъ, какъ и въ горахъ на западномъ склонѣ возвышенности между Икомъ и Сакмарою; впрочемъ объемъ известковой породы здѣсь не такъ обширенъ, какъ въ рѣчномъ бассейнѣ Ика.

Центральный хребетъ, равно какъ и главныя боковыя отрасли его, покрыты густымъ, смѣшаннымъ лѣсомъ; мѣстность же, прилежащая къ долинамъ Сакмары и Урала, представляетъ гористую степь, покрытую ковылемъ и другими степными растеніями. Горная почва земли вообще лучше степной, особенно въ лощинахъ и на пологихъ покатоствахъ горъ, гдѣ черная земля состоятъ изъ разрушенныхъ растительныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ песчаными и глинистыми розсыпями господствующихъ каменныхъ породъ. На главныхъ возвышеніяхъ почва земли хотя скуднѣе и болѣе камениста, но производитъ довольно хорошіе лѣса.

Степная мѣстность покрыта здѣсь неглубокимъ слоемъ чернозема, содержащаго множество кварцевыхъ и яшмовыхъ галекъ; главныя составныя ея части суть: кремнеземъ, глина, металлическія и разрушенныя растительныя вещества, образующія довольно рыхлую, но сухую почву. Глубина чернозема на вершинахъ горъ незначительная; въ низменностяхъ же она толщею отъ 1 фута до 1½ аршина. Подземъ образуется слоемъ каменистой глины, смѣшанной съ кварцевымъ пескомъ.

Хребетъ Ирындыкъ и отрасли его изобилуютъ многими рудами, изъ коихъ заслуживаютъ особенное вниманіе мѣдныя и желѣзные рудники на горахъ Уварашъ, Шейнякъ и Айдаръ-сакка-тау; онѣ въ прежнее время разрабатывались владѣльцами Преображенскаго мѣдиплавильнаго завода, но оставлены нынѣ по немнѣвию средствъ продолжать работы.

На восточной сторонѣ хребта Ирындыка, въ рѣчныхъ лощинахъ и углубленіяхъ, находятся подъ поверхностью земли

пласть золотоснаго песку, доставляющаго впрочемъ весьма малое количество чистаго золота.

В.—Плоская возвышенность между Сакмарою и Ураломъ.

Мѣстность между рѣками Сакмарою и Ураломъ принимаетъ отъ рѣки Таналяка характеръ плоской возвышенности, понижющейся къ югу и востоку отлогими покатостями, къ западу же крутыми уступами, образующими лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары. Она раздѣляется теченіемъ рѣки Губерли на двѣ отдѣльныя возвышенности, изъ коихъ западная и самая значительная отдѣляетъ долину Губерли отъ долины Сакмары, восточная же долину Урала отъ долины Губерли.

Первая пролегаетъ сначала между вершинами притоковъ Сакмары, какъ то: Минауса, Катралы и Курагана, которыхъ отдѣляетъ отъ бассейна р. Губерли. Между источниками рѣкъ Чебаклы и Блау, она поворачиваетъ на западъ и составляетъ главный водораздѣлъ между долинами Сакмарою и Ураломъ. Ширина самой плоской возвышенности не болѣе 15 верстъ; она представляетъ открытую равнину, взволнованную широкими и плоскими возвышеніями; неглубокія, отлогія лощины перерѣзываютъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Восточные скаты плоской возвышенности состоятъ изъ отлогихъ и широкихъ уваловъ, раздѣляющихъ правые притоки рѣкъ Таналяка и Губерли. Они, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ рѣкъ, принимаютъ видъ крутыхъ горныхъ отроговъ, составляющихъ правый нагорный берегъ рѣки Губерли.

Западные скаты плоской возвышенности понижаются двумя главными увалами. Первый отдѣляется между вершинами рѣкъ Минауса и Курана въ видъ широкой отлогой возвышенности, пролегающей между рѣками Сика-кургашы и Катралы.

Онъ имѣетъ въ началѣ широкій гребень, взволнованный отлогими возвышеніями; по мѣрѣ приближенія къ долинѣ Сакмары, онъ постепенно суживается и принимаетъ видъ остраго и крутаго хребта, коего бока изрыты многими лощинами и рытвинами; подножія хребта оканчиваются круто у края лощинъ, впадающихъ въ Сакмару.

Отъ главнаго увала отдѣляется множество боковыхъ отроговъ, пролегающихъ частію между притоками Сакмары, частію между ручейками, впадающими въ рѣку Катралы съ сѣверной стороны.

Вторую оконечность западной части плоской возвышенности составляют горы на лѣвомъ берегу Сакмары между устьями рѣкъ Катралы и Курагана; онѣ тянутся въ видѣ высокаго и крутаго хребта отъ сѣвера на югъ и оканчиваются горою Уллу-тау-башъ, близъ устья Курагана. Онъ отдѣляется отъ главной возвышенности между истоками Катралы и Курагана, въ видѣ плоскаго, отлогаго увала, который постепенно преобразуется въ острый и крутой хребетъ. На гребнѣ его возвышается множество конусообразныхъ, голыхъ горъ, соединенныхъ крутыми и утесистыми покатостями. Бока хребта изрыты многими лощинами и оврагами, а между ними высовываются значительныя каменныя толщи, частію въ видѣ неправильныхъ скалистыхъ стѣнъ, частію каменными буграми и грядами. Крутыя подножія хребта взволнованы значительными предгоріями, образующими отдѣльныя возвышенности. Изъ нихъ примѣчательнѣйшія горы: Большой и Малый Шинъ, Кизляръ-тау, Канъ-галды Султанъ-гуль-тау, Бабай и Ислабегъ-тау, находящіяся близъ праваго берега рѣки Курагана.

Къ западу главный хребетъ отдѣляетъ множество короткихъ, но крутыхъ отроговъ, раздѣляющихъ лощины рѣчекъ: Ямаша, Тереклы, Кизиль-яра, Ибалыки, Азупа, Санкися, Клеймазя, Кунакъ-гичана и Кимабая, впадающихъ въ Сакмару съ лѣвой стороны. Южные отроги раздѣляютъ лощины притоковъ Курагана.

Южная оконечность плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Губерлею раздѣляется теченіемъ рѣкъ Бялу, Чебаклы, Вольшаго и Малаго Каалы на 5 главныхъ отраслей. Изъ нихъ первая простирается между рѣками Курагана и Бялу и оканчивается крутыми и неровными скатами, перерѣзанными многими лощинами и оврагами.

Вторая отрасль пролегаетъ между вершинами Чебаклы и Бялу, поворачиваетъ далѣе на югозападъ и составляетъ главную черту водораздѣла между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Она сначала имѣетъ одинаковый характеръ съ прочими отраслями плоской возвышенности, но потомъ принимаетъ на западномъ своемъ протяженіи видъ широкаго возвышеннаго увала, обращающаго короткіе и крутые скаты къ Сакмарѣ, а длинныя и отлогіе къ рѣкѣ Уралу. На немъ возвышается рядъ продолговатыхъ горъ, имѣющихъ протяженіе отъ сѣвера на югъ и составляющихъ продолженіе высотъ между рѣкъ Сакмарою и Касмаркою.

Горы понижаются отлогими покатоствами къ долинамъ Сакмарь и Уралу, и раздѣляютъ рѣчныя долины ихъ притоковъ. Онѣ имѣютъ противъ Ильинской крѣпости острые гребни и крутые скаты, изрытые многими лощинами; между крѣпостями Ильинскою и Верхнеозерною онѣ становятся шире и отложе.

Третья отрасль плоской возвышенности, проходящая къ югу между рѣками Чебаклы и Каалы, оканчивается ниже Губерлинской крѣпости острымъ и крутымъ хребтомъ. Отроги, раздѣляющіе притоки Чебаклы и Губерли, взволнованы многими каменными буграми, и обращаютъ къ востоку крутые, неровные скаты, ограничивающіе долину Губерли.

Четвертая отрасль, отдѣляющая долину Большаго Каалы отъ долины Малаго Каалы, имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и выше описанная, съ тою разницею, что она не такъ широка, потому что оба ручейка протекаютъ верстъ на 8 въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Пятая отрасль раздѣляетъ лощину Большаго Каалы отъ лощины Губерли; она тянется верстъ на 12 въ видѣ остраго, высокаго хребта, имѣющаго неровные скаты, взволнованные короткими отрогами или контрфорсами.

Восточная часть плоской возвышенности раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Сухой Губерли и Елшанки на три главныя покатоства. Первая отдѣляетъ долину Большой Губерли отъ лощины Сухой Губерли; она простирается между ними широкою и отлогою возвышенностію и оканчивается близъ лощины Большой Губерли крутыми и неровными скатами; къ Сухой же Губерли она понижается отлогими и длинными покатоствами, перерѣзанными неглубокими, сухими лощинами; отлогія подножія возвышенности сливаются въ обѣ стороны съ подошвами рѣчныхъ долинъ.

Черту раздѣла между долинами Губерли и Урала образуетъ широкій возвышенный хребетъ, отстоящій отъ береговъ Урала верстъ отъ 5 до 8. На гребнѣ хребта находится рядъ продолговатыхъ, широкихъ горъ, имѣющихъ вершину плоскую и голую; онѣ спускаются сначала крутыми и неровными покатоствами, взволнованными частію уступами, частію небольшими буграми, но ближе къ подножіямъ онѣ становятся отложе и ровнѣе. Къ востоку онѣ образуютъ правый нагорный берегъ рѣки Урала и упираются къ краю луговой его долины не высокими, но кру-

тымъ уступомъ. Скаты, обращенные къ долині Сухой Губерли, взволнованы многими короткими и крутыми отрогами, кои оканчиваются значительными обрывами у рѣчной ея лощины.

Около истоковъ рѣки Елшанки подраздѣляется хребетъ на двѣ отрасли; восточная изъ нихъ составляетъ раздѣлъ между рѣками Ураломъ и Елшанкою; она оканчивается отлогими, но довольно высокими горами близъ Орской крѣпости. Западную и самую значительную отрасль составляютъ горы Губерлинскія, раздѣляющія долину Елшанки отъ долины Губерли. Хребетъ имѣетъ въ началѣ характеръ возвышеннаго увала, коего гребень представляетъ отлогую равнину, ширною въ 4 версты; скаты, обращенные къ Елшанкѣ, отлоги, но 10 верстами короче западныхъ, Лощины ручейковъ: Краснаго, Разбойнаго, Банинаго и Климовки, раздѣляютъ ихъ на нѣсколько отлогихъ сыртопъ, оканчивающихся близъ луговыхъ долинь Елшанки и Урала. Западные скаты представляютъ безчисленное множество острыхъ хребтообразныхъ отроговъ, образующихъ глубокія лощины и крутые овраги. Гребень ихъ взволнованъ рядомъ конусообразныхъ острыхъ горъ, отъ коихъ отдѣляются въ обѣ стороны небольшіе отроги втораго разряда, составляющіе родъ контрфорсовъ главныхъ вѣтвей. На крутыхъ скатахъ возвышается множество каменныхъ грядъ и гольихъ бугровъ, придающихъ этой части хребта величественный, но весьма дикій видъ. Оконечности отроговъ образуютъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Губерли; онѣ оканчиваются крутыми и утесистыми обрывами у края рѣчной лощины, которая взволновывается, мѣстами, отдѣльно стоящими предгоріями и каменными россылями.

Подобные отроги составляютъ южную оконечность Губерлинскихъ горъ, съ тою однако разницею, что они не столь значительной высоты, какъ западные.

Г. — Краткій геогностическій взглядъ на плоскую возвышенность между рѣками Ураломъ и Сакмарою.

Земкокаменныя и яшмовыя толщи, составляющія основаніе хребта Ирындака и его отраслей, простираются въ восточной части плоской возвышенности до самыхъ Губерлинскихъ отроговъ, и оканчиваются на правомъ берегу рѣки Урала между Ильинскимъ и Хабарненскимъ отрядами; къ западу онѣ ограничиваются неширокимъ пластомъ слюдястыхъ и кварцевыхъ слан-

цевъ, начинающихся на правомъ берегу рѣки Сакмары между бассейнами обонхъ Зылаировъ и простирающихся до вершинъ рѣки Большой Губерли, гдѣ теряются подъ значительными сланцами, составляющими основаніе всей Губерлино-Кураганской возвышенности. Лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары состоитъ отъ устья рѣки Миняуса до устья Кургана изъ глинистыхъ и сѣрвакковыхъ сланцевъ, переходящихъ постепенно въ земнокаменную породу.

Вся южная часть мѣстности между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляетъ безлѣсную ровную степь, покрытую ковылемъ и другими степными травами. Лишь западная часть ея между вершинами Миняуса и Катралы представляетъ хорошую лѣсную почву, гдѣ и теперь произрастаютъ посредственные лѣса; восточная же и южная части совершенно безлѣсны и самая почва земли мало способна къ ихъ произрастанію: во первыхъ потому, что она на обширныхъ открытыхъ равнинахъ отъ вліянія воздуха и свѣта совершенно потеряла качество лѣсной почвы, и во вторыхъ, что, отъ сухости воздуха и рѣдкости дождей, травы прежнихъ лѣтъ не разлагаются въ землистое вещество, а образуютъ родъ торфа, мало способнаго для прозябанія растеній.

IV.

ОПИСАНІЕ РѢКЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всѣ воды въ юговосточной части Оренбургской губерніи соединяются въ бассейнахъ рѣкъ Сакмары и Урала, соединяющихся близъ города Оренбурга въ одно общее русло. Онѣ берутъ начало свое въ центральныхъ возвышеніяхъ Уральскаго хребта и текутъ на всемъ протяженіи своемъ параллельно въ разстояніи отъ 60 до 30 верстъ другъ отъ друга. Главная масса водъ, падающихъ въ русло рѣки Урала, протекаетъ частію по скатамъ высотъ, образующихъ раздѣлъ между нею и рѣками, вливающимися въ Ледовитое море; частію же со скатовъ хребта Ирындыка и плоскихъ уваловъ, ограничивающихъ долину рѣки Сакмары съ восточной и южной стороны. Рѣка Сакмара составляетъ въ некоторомъ образѣ главный отводный каналъ для всѣхъ рѣчекъ и ручейковъ, стекающихъ со скатовъ южной оконечности Уральскаго хребта.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи рѣкъ разсматривается: во первыхъ, рѣка Сакмара со всѣми ея притоками отъ вершинъ до Воздвиженской крѣпости; во вторыхъ, главные притоки рѣки Урала, находящіяся въ осматрѣнномъ мною пространствѣ, между Кизильскою и Губерлинскою крѣпостями.

Рѣка Сакмара.

Рѣка Сакмара беретъ начало свое съ восточной стороны Уральскаго хребта у горы Казакъ-Караула одною низменною лощиною, которал, по соединеніи нѣсколькихъ ручейковъ, образуетъ настоящее ея русло. Она протекаетъ многими извилинами до устья рѣки Курагана, по общему направленію отъ сѣвера на югъ, склоняясь нѣсколькими градусами къ западу. Поворачивается у д. Мелебетевой круто на WNW и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до впаденія въ рѣку Уралъ, ниже города Оренбурга.

Долина рѣки Сакмары пролегаетъ верстъ на 80 отъ вершинъ междуотлогими возвышеніями, состоящими въземнокаменныхъ сланцевъ; къ правому берегу отдѣляются небольшіе отроги, кои, по мѣрѣ приближенія къ руслу, становятся отложе и ровнѣе. Возвышенія же на лѣвомъ берегу, имѣя непосредственную связь съ вѣтвями Ирындыка, обращаютъ къ долиנѣ Сакмары крутые скаты. Разстояніе между обонми нагорными берегами бываетъ отъ 2 до 5 верстъ; подошва лощины представляетъ отлогую ровнину, шириною отъ 100 до 600 сажень; она имѣетъ почву глинистопесчаную, покрытую небольшимъ слоемъ черной земли. По возвышенному положенію надъ поверхностію рѣки, она рѣдко наводняется весенними водами, отъ чего не очень изобилуетъ луговыми мѣстами.

Рѣка Сакмара имѣетъ, отъ начала своего до устья рѣки Юлука, котловинистое русло, шириною отъ 2 до 6 сажень; дно ея большею частію глинистое, песчаное и топкое. Берега плоскіе, но обрывистые, мѣстами поросли мелкимъ кустарникомъ. Глубина водъ весьма различна: въ нныхъ мѣстахъ она не выше одного фута, въ котловинахъ же болѣе сажени.

Отъ устья рѣки Юлука до устья рѣки Курагана, лощина Сакмары представляетъ глубокій оврагъ, который съ лѣвой стороны обставленъ крутыми скатами плоскихъ возвышеній, составляющихъ продолженіе хребта Ирындыка; съ правой же сторо-

ны скатами высотъ, раздѣляющихъ долину Ика отъ долины Сакмары. На пространствѣ между устьями Юлука и Бирмаса основаніе прилежащей мѣстности состоитъ изъ слюдистыхъ и кварцевыхъ сланцевъ, образующихъ во многихъ мѣстахъ высокіе утесы; разстояніе между нагорными берегами превышаетъ рѣдко одну версту.

Русло рѣки Сакмары обсыяно большими каменными глыбами, которыя, удерживая илъ и песокъ, свесенные теченіемъ воды, образуютъ значительные перекаты, по коимъ вода течетъ сильнымъ стремленіемъ; они высоки и обрывисты.

Отъ устья рѣки Бирмаса до устья Курагана находятся лощины: лощина Сакмары расширяется версты на три и ограничивается съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами горъ, обвѣиваемыми во многихъ мѣстахъ высокіе утесы. Отлогая подошва лощины представляетъ хорошія луговья и пахатныя мѣста, равно какъ и значительныя колки листовнаго лѣса. Русло имѣетъ ширину отъ 6—10 сажень; оно становится болѣе и болѣе ровнымъ, такъ что глубина водъ въ рѣдкомъ мѣстѣ превышаетъ два аршина; дно вообще каменное, песчаное и твердое.

Отъ устья рѣки Курагана до устья Большаго Ика лощина рѣки Сакмары образуется возвышенными увалами, отдѣляющими ее отъ рѣкъ Касмарки и Урала. Небольшіе ручейки, протекающіе по скатамъ уваловъ, раздѣляются высокими продолговатыми горами, кои, приближаясь къ рѣкѣ Сакмарѣ, оканчиваются круто въ разстояніи одной версты отъ ея береговъ. Въ началѣ эти возвышенія состоятъ изъ различныхъ горнокаменныхъ породъ, принадлежащихъ къ формациі сѣрой вакки. Далѣе же между деревнями Янчуриною и Кундоровкою лощина Сакмары пересѣкается высокими и крутыми горами известковой формациі; онѣ простираются въ видѣ вѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ отъ сѣвера на югъ, и оканчиваются у праваго берега высокими обрывами. На лѣвомъ берегу продолженіе хребтовъ начинается отлогими высотами, которыя, возвышаясь, образуютъ подобныя хребты.

Отъ Желтаго Редута до устья рѣки Ика лощина Сакмары обставлена отлогими возвышеніями древняго песчаника, отстоящими отъ рѣчныхъ береговъ версты на полторы. По лощинѣ Сакмары отъ устья Курагана до устья р. Ика встрѣчаются отлич-

нѣйшія пахатныя и луговыя мѣста, а близъ береговъ неширокія полосы лиственнаго лѣса; ширина русла отъ 15 до 22 сажень, берега большею частію плоскіе, а дно глинисто-песчаное. Глубина рѣки весьма различная: въ иныхъ мѣстахъ она болѣе 2 сажень, въ другихъ не выше нѣсколькихъ футовъ.

Быстрота теченія рѣки Сакмары зависитъ частію отъ наклона и свойства русла, частію отъ количества воды. Въ началѣ, гдѣ она протекаетъ небольшимъ ручейкомъ по отлогому котловинистому руслу, теченіе ея вообще медленно, въ поворотахъ быстрѣе, въ котловинахъ же не замѣтно ни малѣйшаго стремленія. Отъ устьевъ Юлука до устьевъ Курагана теченіе Сакмары прерывается частыми быстROTOками, въ коихъ скорость стремленія отъ 25—40 сажень въ одну минуту. Ниже устья Урманъ-Зиланра раздвѣивается русло Сакмары мѣстами и образуетъ небольшіе низменные острова, покрытые большею частію лиственнымъ лѣсомъ. Отъ рѣки Курагана до устья Ика теченіе ея становится ровнѣе, вода пробѣгаетъ въ сложности 5 сажень въ одну минуту. Сплавъ дровянаго лѣсу возможенъ отъ дороги Тимясовой, отстоящей отъ вершинъ Сакмары верстъ около 25; строевой же лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ отъ устьевъ рѣки Юлука.

Весенній разливъ Сакмары начинается въ верхней части, около 20 Апрѣля, въ нижней же около 10 и 15 того же мѣсяца. Вода пребываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли и понижается до обыкновеннаго уровня столько же времени. Высота поллой воды зависитъ частію отъ большаго или меньшаго количества снѣга, выпавшаго въ продолженіе зимы, частію же отъ состоянія погоды во время таянія снѣговъ. Были примѣры, что высота воды при разливѣ превышала три сажени надъ обыкновеннымъ уровнемъ, но также нерѣдко случалось, что она даже не выступала изъ береговъ. По замѣчанію Башкирцевъ, наибольшій разливъ Сакмары бываетъ чрезъ каждыя 5 лѣтъ. Заливныя мѣста высыхаютъ скоро и вода застаивается лишь въ одиѣхъ ямахъ и углубленіяхъ, гдѣ образуются небольшія озера; они находятся близъ береговъ и обросли кустами или молодыми деревьями. Изъ рыбъ водятся въ Сакмарѣ: щуки, судаки, сомы, окуни, налимы, язи, подузы, сохляки и проч.

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Шарлы, Белебей, Карася, Иткуль, Аркыя, Кусяба, Яманъ-эли, Кишлаубаръ, Баткаклы и Кувашилы*. Небольшія рѣчки, имѣющія протяженіе отъ 10 до 15 верстъ, берутъ начало изъ болотистыхъ лощинъ на восточныхъ скатахъ отлогой возвышенности, отдѣляющей долину Сакмары отъ долины Яланъ-Зилавра; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару; имѣютъ низменные берега, покрытые мелкимъ лѣсомъ, частію каменистое, частію иловатое дно и ровное мелководное русло. Быстрота теченія значительная. Ширина рѣчекъ 2 и 4 аршина, глубина отъ 1 до 3 футовъ. Нагорные берега у вершинъ рѣчекъ отлоги и ровны; верстъ 8 не доходя до Сакмары, они становятся выше и круче; образуютъ небольшіе обрывы и суживаютъ рѣчную лошину. Правый нагорный берегъ открытъ, лѣвый же покрытъ лѣсомъ до самыхъ подножій высотъ. Въ лощинахъ находятся хорошіе луга.

Рѣчка *Юлукъ*. Вершины Юлука составляютъ рѣчки: *Урусъ-Сапканъ, Кара-тяки, Карагайлы, Туганъ и Магашъ*, кои вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножій отлогихъ горъ между Сакмарою и Яланъ-Зилавромъ. Онѣ соединяются въ одно русло ниже Татарской деревни Юлукъ, и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Сакмару близъ деревни Абдуль - Каримовой. Русло Юлука ровное и каменистое; въ рѣдкихъ мѣстахъ встрѣчается топкое дно; рѣчные берега ровны и покрыты молодымъ листованнымъ лѣсомъ; ширина рѣки Юлука отъ 1 до 2 сажень, глубина не свыше 1 аршина. Теченіе имѣетъ быстрое, особенно весною, когда она потопляетъ большую часть рѣчной лощины. Лощина Юлука имѣетъ ширину отъ 50 до 150 сажень; она покрыта хорошими лугами и, мѣстами, небольшими перелѣсками. Нагорные берега имѣютъ съ правой стороны открытые и отлогіе скаты, съ лѣвой же крутые и лѣсомъ покрытые. Въ Юлукъ впадаютъ: справа, рѣки: *Туганъ, Бигашъ, Таиръ-узьякъ и Тура-агъ, слѣва рѣка Яманъ-ташъ*.

Рѣка *Яланъ-Зилавръ* (см. далѣе).

Рѣка *Сакмаръ-тилл*. Небольшая рѣчка, вытекающая на восточныхъ скатахъ возвышеннаго увала, между рѣками Яланъ-Зилавромъ и Баракаломъ; впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ,

Имѣеть въ началѣ иловатое, а ниже каменистое русло, низменные берега и быстрое теченіе; ширина и глубина ея незначительныя. По обѣимъ сторонамъ рѣки Сакмары-тилли тянутся не въ дальнемъ разстояніи увалы; они имѣють близъ вершинъ отлогіе скаты, а ниже крутые и утесистые. Подошва лощины отлогая и покрыта молодымъ листовнымъ лѣсомъ. Въ Сакмарь-тилли впадаютъ справа рѣка Карамалы, слѣва рѣка Зибашка.

Рѣка *Баракаль* (см. далѣ).

Рѣчки: *Верхній Тиллякъ*, *Нижній Тиллякъ*, *Аскаразы*, *Бирмасъ* и *Танкасъ*. Вытекають нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Каракала отъ долины Урмань-Зилаира; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Сакмару. Русло имѣють ровное, каменистое мѣстами, иловатое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе. Самая значительная изъ нихъ рѣка Бирмасъ; она шириною отъ 1 до 3 сажень, глубиною отъ 1 до 4 футовъ. Текуть въ глубокихъ оврагахъ, шириною отъ 40 до 80 сажень; подошва оврага отлога и нѣсколько возвышена надъ поверхностію рѣки; близъ береговъ она поросла мелкимъ лѣсомъ и облуетъ тучными лугами. Въ Бирмасъ впадаютъ: справа, рѣки Куру-елги, Ару-адашканъ, Кабагужъ и Игинъ-елги; слѣва, множество небольшихъ безименныхъ рѣчекъ.

Рѣка *Урмань-Зилаиръ* (см. далѣ).

Рѣчка *Увязамъ*. Береть начало свое на восточныхъ скатахъ хребта Дзяу-тюбя двумя главными источниками, течеть отъ сѣверо-запада на юго-востокъ и впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ близъ д. Арслангуловой. Устья и вершины имѣють иловатое дно; плоскіе берега покрыты кустарникомъ и молодымъ лѣсомъ. Теченіе Увязамы извилистое и быстрое; глубина отъ 1 до 3 футовъ, ширина отъ 1 до 2 сажень. Лощина отлогая и ровная, скаты и часть подошвы покрыты листовнымъ лѣсомъ и хорошими лугами. Въ Увязамъ впадаютъ: справа рѣки Арабаръ, Кушманъ, Кашкатай, Ирыкъ-салукъ и Бикбай, слѣва рѣки Уллу-яра и Кши-яра.

Рѣчки: *Албашъ*, *Кара-чуръ*, *Кисе*, *Ябаль*, *Сакмалуиъ*, *Идибай*, *Тюляшъ*, *Сизякъ*, *Темлясъ*, *Турша-кузя*, *Куюкъ*, *Бишкужа* и *Бухарчинъ*. Имѣють вершины свои на восточныхъ и южныхъ скатахъ хребта Дзяу-тюбя; входя въ луговую долину Сакмары, онѣ теряются въ болотистой мѣстности; текуть по каменистому,

мѣстами иловатому дну; имѣютъ берега низменные, покрытые мелкимъ кустарникомъ и быстрое, но мелководное теченіе. Рѣчныя лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами хребта Дзю-тюба; имѣютъ ширину отъ 30 до 100 сажень и покрыты частію лиственнымъ лѣсомъ, частію хорошими покосными мѣстами.

Рѣчка *Куруюль*. Вытекаетъ двумя главными источниками на западныхъ скатахъ высокой, но плоской горы, находящейся на хребтѣ Дзю-тюба. Течетъ на протяженіи 10 верстъ отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ на югозападъ, и впадаетъ въ Сакмару однимъ топкимъ рукавомъ. На теченіи отъ сѣвера на югъ она имѣетъ песчано-каменистое дно, ровное русло и возвышенные берега. Ниже грунтъ становится глинисто-иловатымъ, берега низменными, а русло котловинистымъ. Плесы раздѣлены небольшими перекатами, по коимъ вода имѣетъ быстрое теченіе. Ширина котловинъ отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ. Нагорные берегалощины Куру-юла образуютъ отроги хребта Дзю-тюба; они въ началѣ не высоки, но круты; ширина рѣчной лощины отъ 70 до 600 сажень; она имѣетъ хорошую почву земли и изобилуетъ луговыми и пахатными мѣстами. Въ Куруюль впадаютъ: справа, рѣки Кашъ-Куль, Яргашъ, Токъ-макъ-шишмя, Кашкильды и Тутя; слѣва, рѣки Акбай-куль, Аманчукъ-Мивклибай, Ааря-саазъ, Машбетъ, Карыкабаръ, Яргашъ, Сартай, Езегугя, Ирыклы, Шишлы и Кашкильды.

Рѣчки: *Незай, Караайла, Мембетей, Янчура, Маль-килды, Карамалы, Баселя, Белекей-асы, Тетирь-манлыкъ, Тукмакъ и Зириклы*. Вытекаютъ на южныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Сакмары отъ долины Касмарки; теряются въ луговой лощинѣ Сакмары; имѣютъ частію иловатое, частію твердое дно, низменные берега и незначительное теченіе; многія изъ нихъ высыхаютъ лѣтомъ. Рѣчныя лощины узки, но ровны; онѣ обставлены острыми, невысокими увалами, простирающимися отъ сѣвера на югъ. На скатахъ и на подошвѣ лощинъ находятся отличныя мѣста для пашень и луговъ.

Рѣчки: *Сакмарка и Большой Икѣ* (см. далѣе).

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Кукъ-и дилизъ, Тляль-тарка, Сапсалъ и Карагалы*. Вытекаютъ въсколькими топкими лощинами съ западныхъ скатовъ

Ирындыка. Имѣютъ общее направленіе отъ востока на западъ и вливаются въ р. Сакмару каждая однимъ устьемъ; дно большею частію имѣютъ тинистое и топкое, берега низменные и поросшіе кустарникомъ. Котловинистыя русла имѣютъ глубину и ширину непостоянную, потому что наполняются, во время таянія снѣговъ, значительнымъ количествомъ воды, которая высыхаетъ лѣтомъ и образуетъ небольшіе плесы и болотистыя топи. Лощины рѣчекъ обставлены отлогими увалами, отходящими отъ подножій хребта Ирындыка. Подошвы лощинъ отлогія, ровныя и поросшія хорошими луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Боковыхъ притоковъ не имѣютъ, а принимаютъ множество отлогіхъ частію сухихъ, частію топкихъ лощинъ.

Рѣчка Ассели. Вытекаетъ нѣсколькими отлогими лощинами у подножій горы Беркутъ-тау въ котловинѣ, образованной хребтами Куянъ и Сакъ-тау; течетъ въ началѣ отъ юга на сѣверъ до прохода чрезъ хребетъ Куянъ-тау, гдѣ поворачиваетъ круто на западъ, протекая по сему направленію до впаденія въ рѣку Сакмару. Мелководное русло представляетъ рядъ топкихъ плесовъ, соединенныхъ узкими рыввинами; имѣетъ песчаноилватое дно, плоскіе и голые берега, близъ которыхъ встрѣчается множество солончаковъ. Лѣтомъ вся рѣчка, за исключеніемъ немногихъ плесовъ, высыхаетъ; верстъ на 8 отъ вершинъ лощина Ассели обставлена ровными, но крутыми скатами хребтовъ Куянъ и Сакъ-тау, отстоящими другъ отъ друга отъ 3 до 5 верстъ. Далѣе на западномъ своемъ теченіи она сопровождается отлогими увалами, составляющими невысокіе и плоскіе отроги хребта Куянъ-тау. Подошва лощины сухая и отлогая; она поросла ковылемъ, нрѣдко луговыми травами.

Рѣчки: Шармай-гли, Мурзибаева и Белекей-акмурунъ. Вытекаютъ изъ топкихъ и отлогіхъ лощинъ у подножій отроговъ хребта Куянъ-тау; текутъ всѣ по направленію отъ востока на западъ и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ р. Сакмару. Русло имѣютъ котловинистое, наподобіе всѣхъ степныхъ рѣчекъ; дно большею частію иловатое, мѣстами каменистое; берега плоскіе и поросшіе частію ковылемъ, частію луговыми травами; теченіе прекращается лѣтомъ и вода застываетъ въ небольшихъ плёсахъ. Русла находятся въ довольно широкихъ и отлогіхъ лощинахъ, образованныхъ невысокими и плоскими отрогами хребтовъ Куянъ и Уварить-тау; подошвы лощинъ имѣютъ мѣ-

стами хорошіе дуга. Немногія сухія лощины, начинающіяся на скатахъ прилежащихъ уваловъ, составляютъ единственныя ихъ притоки.

Рѣчки: *Акмурукъ, Мекатинъ, Карамалы, Таньсакъ-аптыкай, Алаатъ-ульманъ, Курса, Куруткасъ, Акчура, Ильясъ, Василей-ели, Яманъ-кура, Кару-ели, Кашъ-терекъ, Картусъ, Карси, Миняусъ, Карачахла, Сара-узакъ, Туратъ, Каргалла-айры, Аксаиръ, Чана-сапканъ, Большой и Малый Сикъ*. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ и топкихъ лощинахъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Сакмары отъ долины Таналяка; вливаются въ Сакмару, каждая однимъ устьемъ, которое впрочемъ у многихъ высыхаетъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ котловинистыя русла имѣютъ топкое кочковатое дно, плоскіе болотистыя берега и весьма пологое паденіе; далѣе же, по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ, онѣ болѣе и болѣе углубляются и принимаютъ видъ горныхъ ручейковъ, имѣющихъ дно каменистое, ровное, мелководное русло и плоскіе берега. Теченіе воды имѣетъ значительную быстроту до лощины Сакмары, гдѣ разливается топкими рукавами. Отлогія лощины рѣчекъ обставлены въ началѣ длинными покатостями плоской возвышенности; имѣютъ по большей части подошвы болотистыя и кочковатыя, по коимъ произрастаетъ мелкій березникъ; ближе къ устью лощины постепенно суживаются и ограничиваются крутыми, скалистыми, нагорными берегами Сакмары. Всѣ рѣчки принимаютъ множество сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ характеръ общій съ главными ручейками.

Рѣчка *Катралы*. Четыре отлогія лощины Лапакъ, Тюлку-улганъ, Букашбай-аси и Янгизъ-карагай составляютъ вершины рѣки Катралы; она протекаетъ сначала верстъ около 6 отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ круто на западъ, и слѣдуетъ по сему направленію до впаденія своего въ рѣку Сакмару близъ д. Аксюриновой. Отъ точки соединенія всѣхъ вершинъ р. Катрала имѣетъ ровное русло, каменистое дно, и плоскіе берега, обросшіе молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Она въ началѣ протекаетъ мелководнымъ ручейкомъ, который въ рѣдкомъ мѣстѣ шире одной сажени; далѣе постепенно увеличивается, такъ что ниже устьевъ Кургашлы сплавъ дровянаго лѣса можетъ совершаться безпрепятственно до устьевъ ея. По всему теченію встрѣчается множество быстротоковъ, въ коихъ стремленіе

воды весьма значительное. Долина Катралы образуется въ началѣ отлогими и длинными скатами плоской возвышенности, разделяющей долину Сакмары отъ долины Урала; далѣе отъ поворота къ западу она, болѣе и болѣе углубляясь, принимаетъ видъ крутаго утесистаго оврага, шириною отъ 50 до 300 саженъ. Подошва лоцины ровная, но возвышена надъ поверхностію рѣки, отъ чего берега тутъ обрывисты. Она имѣетъ тучную почву, въ которую впадаютъ слѣдующіе ручейки: справа, Камышлы, Кургашлы, Узьякъ-карабашъ, Мунга-гала, Муратъ-елги, Куси-елги; слѣва, Тириянь-узьякъ, Ичивъ-баръ, Кавракты, Юль-сыкканъ и Кизымъ-елги. Всѣ эти ручейки мелководны, вытекаютъ изъ лоцинъ плоской возвышенности, и имѣютъ каменистыя русла и узкія лоцины.

Рѣчки: *Япаузъ, Акташъ, Ямашъ, Тиряклы, Кизиль-яръ, Ибалькъ, Ауупъ, Малынь-чериканъ, Санъкася, Клямазай, Кура-сазъ* и *Кунакъ-кузанъ*. Имѣютъ вершины свои въ лоцинахъ между западными отрогами плоской возвышенности, отдѣляющей рѣку Сакмару отъ рѣки Губерли. Повыходъ изъ горнаго пространства, онѣ всѣ, за исключеніемъ рѣки Ямаша, теряются въ лоцинѣ Сакмары, протекаютъ по каменному руслу между плоскими берегами, обросшими кустами и луговыми травами. Русла имѣютъ въ началѣ значительную покатость, отъ чего теченіе воды быстрое; далѣе же въ лоцинѣ Сакмары оно становится почти горизонтальнымъ и вода теряется въ песчанистоволоватыхъ наносахъ. Крутые и высокіе отроги, составляющіе предѣлы между лоцинами ручейковъ, тянутся въ видѣ острыхъ утесистыхъ хребтовъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подножія взволнованы небольшими предгоріями, которыя придаютъ лоцинамъ видъ неровный; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошія луга и изрѣдко кустарники.

Рѣчка *Курганъ*. Начинается нѣсколькими отлогими и топкими лоцинами на гребнѣ плоской возвышенности, которая отдѣляетъ долину Сакмары отъ долины Губерли. Течетъ первоначально отъ сѣвера на югъ и поворачиваетъ у деревни Рысаевой на сѣверозападъ, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару у деревни Межбетѣвой. Рѣка Курганъ протекаетъ верстъ 8 отъ вершинъ рядомъ небольшихъ топкихъ плесовъ, кои не вездѣ имѣютъ постоянное между собою сообщеніе. Далѣе теченіе ея становится быстрѣе и степной ручеекъ постепенно принимаетъ

видъ горнаго потока, у котораго каменистое дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, плоскіе берега обросли мелкимъ кустарникомъ и молодымъ осокоревымъ лѣсомъ. Ширина русла впрочемъ незначительная и рѣдко превышаетъ 4 сажени. Глубина также не вездѣ одинакова, но большею частію не свыше 1 арш. Отлогіе скаты плоской возвышенности, кои въ началѣ образуютъ лощину Курагала, становятся по мѣрѣ приближенія къ устью круче и утесистѣе; они придаютъ лощинѣ видъ глубокаго оврага, шириною отъ 100 до 700 саж. Подошва лощины взволнована подножіями и предгоріями отроговъ, которые въ особенности значительны на правомъ берегу. Луговые и пахатныя мѣста находятся въ большомъ количествѣ по всей лощинѣ. Изъ притоковъ самый значительный р. Бляу, которая впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ Курганомъ. Изъ прочихъ впадаютъ: съ правой стороны, ручейки: Урмань-аятъ, Ишлаубакъ, Джирикъ-солокъ, Калакъ, Баки-ягуда, Кушъ, Уликъ, Кайтюря-псянчи, Япаръ, Тугаракъ, Таль-люзякъ, Мухдакай; съ лѣвой, ручейки: Башькалганъ, Имяны, Каты-енганъ, Тазгара, Бляу, Давлетъ-кужа, Аблеяга, Тириклы, Тунъ-гарганъ, Сюю, Каянъ-тюканъ, Айрысазъ и Оглу-елга.

Рѣчки: *Кувандыкъ, Большой и Малый Кашкуръ, Туюзакъ, Абдулла-качкакъ, Карай-сыръ, Ильчукулъ, Савакъ-калакъ, Малашъ-елги, Якупъ-елги, Таръ-елги, Аюлы, Сары-елги, Кайраклы, Кулларъ, Куперли, Джуманкулъ, Чортанды и Сиперъ.* Имѣютъ вершины въ лощинахъ на возвышенности между Сакмарою и Ураломъ. Течуть всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ, и оканчиваются въ лощинѣ Сакмары, гдѣ и теряются въ болотистыхъ топяхъ; текутъ по глинистопесчаному, частію топкому, частію каменистому дну между голыми берегами. Имѣютъ въ началѣ быстрое теченіе, но по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ становятся медленнѣе и теряются напоследокъ въ луговой лощинѣ Сакмары. Лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ поперечными хребтами, простирающимися на возвышенности между Ураломъ и Сакмарою; обѣ болѣе или менѣе сжаты, смотря по разстоянію хребтовъ, и изобилуютъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Яланъ-Зилаиръ.

Небольшой ручеекъ Кусяба составляетъ главную вершину рѣки Яланъ-Зилаира; она вытекаетъ изъ несколькими топкими лощи-

нами у подножіи отлогой возвышенности, близъ дороги, ведущей изъ Кано-Никольскаго завода въ крѣпость Кизильскую. Течетъ до устьевъ рѣки Кундуруша, поворачивается далѣе къ SSO, и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до деревни Максютовой, у которой разливается въ рѣку Сакмару однимъ рукавомъ.

Версть на 15 отъ вершинъ рѣки Зилаиръ протекаетъ мелководнымъ ручейкомъ, шириною въ одну сажень; отъ присоединенія многихъ боковыхъ притоковъ она вскорѣ увеличивается до того, что имѣетъ ниже устьевъ рѣки Шульки ширину отъ 4 до 10 сажень. Дно имѣетъ въ началѣ глинистопесчаное, топкое, изрытое многими котловинами, глубиною въ одну сажень, въ прочихъ же мѣстахъ вода не выше одного аршина. Отъ устьевъ рѣки Шульки русло становится болѣе каменистымъ, нежели иловатымъ; подводные камни и песчавые наносы образуютъ широкіе перекаты, по которымъ вода стремится значительною быстротою.

Берега рѣки Зилаира отъ вершинъ до крѣпости Зилаирской плоскіе и низменные, далѣе же они постепенно возвышаются и образуютъ во многихъ мѣстахъ яры, вышиною въ одну сажень. Рѣчные берега покрыты молодымъ листовнымъ лѣсомъ, какъ то: олкою, березою и тальникомъ. Быстрота теченія весьма неравномерна, по причинѣ многихъ перекатовъ; въ средней сложности можно принять, что вода въ одну минуту протекаетъ 6 сажень. Рѣка Зилаиръ разливается весною, около 20 Апрѣля, и затопляетъ всю лощину, кромѣ возвышенныхъ мѣстъ, по которымъ расположены Башкирскіе хутора. Вода прибываетъ быстро въ продолженіе 5 дней, достигаетъ высоты отъ 6 до 10 футовъ противъ обыкновеннаго уровня и убываетъ потомъ столь же скоро, такъ что, по истеченіи полуторы недѣли, всѣ броды опять удобопроходимы. Во время полнолія сплавъ дровянаго лѣса возможенъ отъ устьевъ рѣки Шульки, строеваго же отъ устьевъ рѣки Кундуруша.

Отъ вершинъ до устьевъ рѣки Кундуруша рѣка Зилаиръ течетъ по неизменной и ровной лощинѣ, шириною отъ 80 до 150 сажень; она обставлена съ обѣихъ сторонъ отлогими увалами, раздѣляющими ее отъ лощинъ боковыхъ притоковъ. До Зилаирской крѣпости лощина представляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ, кои ежегодно потопляются полыми водами; ниже крѣ-

пости подошва лощины возвышается, почва земли становится скуднѣе и наводненія рѣже, отъ чего и луговъ тутъ мало.

Отъ устьевъ рѣки Кунтутлу-гкана скаты прилежащихъ высотъ круты и образуютъ по всему теченію Яланъ-Зилаира обрывистые нагорные берега.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кайракъ-айры*, *Туузубай* съ притокомъ *Алабайталъ*, *Большой* и *Малый Калмакъ*, *Большой Пишады*, *Малый Пишады* и *Кундурушъ*. Вытекаютъ всѣ на восточныхъ скатахъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Большаго Ика отъ долины Яланъ-Зилаира; текутъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ и разливаются каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Зилаиръ. Имѣютъ русло котловинистое, иловатокаменистое дно и низменные берега. Вода течетъ быстро, глубина ея не свыше одного фута, а ширина отъ 1 арш. до одной саж. Во время весенняго половодія можно сплавлять дровяной лѣсъ по Калмаку, Большой Пишадѣ и Кундурушѣ, но не дагѣ какъ на протяженіи двухъ верстъ отъ устьевъ. Русло рѣчекъ находится въ узкихъ, но отлогихъ лощинахъ, шириною отъ 25 до 40 сажень; онѣ обставлены съ правой стороны крутыми и мѣстами обрывистыми покатоствами хребтовъ, составляющихъ продолженіе восточныхъ скатовъ главной возвышенности между долинами Ика и Сакмары. Съ лѣвой стороны скаты хребтовъ отлоги и открыты; подошва лощины представляетъ хорошія луговья мѣста.

Рѣчки: *Танагли*, *Балыклы*, *Ирлымышъ*, *Дехтарки-тажъ*, *Ускунушъ* и *Балушты*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Барыкала; текутъ отъ сѣверозапада къ юговостоку и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Зилаиръ. Русло и теченіе этихъ ручейковъ одинаковыхъ свойствъ съ предъидущими, съ тою разницею, что они еще мелководнѣе и незначительнѣе. Увалы, образующіе лощины ручейковъ, имѣютъ въ началѣ длинныя и отлогія покатоства; по мѣрѣ приближенія къ устью, они становятся круче и короче. Подошва лощины отлогая и поросшая листовнымъ лѣсомъ; она доставляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ *левой* стороны:

Рѣчки: *Кунтутлутканъ, Шулька, Большой и Малый Кикряуды, Большой Куся, Тимирчи, Большой Арба-елин, Аскарказы и Карасу-елин*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками съ западныхъ скатовъ возвышеній, отдѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Сакмары; текутъ по направленію отъ востока на западъ, и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Зилаиръ. Текутъ всѣ мелководными ручейками по котловинистымъ русламъ; имѣютъ дно большею частію иловатое и мѣстами каменистое, берега плоскіе и низменные. Глубина и ширина ручейковъ весьма незначительная; лощины рѣчекъ раздѣляются небольшими увалами, составляющими продолженіе главной возвышенности между долинами Сакмары и Зилаира; они имѣютъ въ началѣ отлогіе скаты, но ближе къ устьямъ становятся круче и короче. Ширина лощинъ отъ 20 до 50 сажень, онѣ поросли частію молодымъ лѣсомъ, частію луговыми травами.

Рѣка Баракала (по-Башкирски Балакаръ).

Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, у подножія возвышеннаго увала, раздѣляющаго долину Яланъ-Зилаира отъ долины Урманъ-Зилаира; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару. Русло Баракала имѣетъ въ началѣ плоскіе топкіе берега, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Иловатое дно взволновано небольшими наносами и углубленіями, придающими руслу видъ котловинистый. Отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса лощина Баракала становится шире и ровнѣе; къ ней примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ крутые скаты горныхъ уваловъ, раздѣляющихъ еѣ отъ долины обихъ Зилаировъ; на утесахъ обнажаются кварцевые и слюдястые сланцы. Ширина русла близъ устьевъ р. Кучукъ-бирмаса 2 сажени, но далѣе она увеличивается до 5 сажень. Дно становится ровнѣе и каменистымъ, въ особенности ниже хутора деревни Исагуловой, гдѣ встрѣчается множество подводныхъ камней, крайне затрудняющихъ сплавъ лѣса. Устье Баракала обставлено съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими утесами, отстоящими не болѣе пятидесяти сажень отъ береговъ; оно не мелѣетъ, потому что русло большею частію каменистое. Теченіе Баракала весьма быстрое, но не вездѣ одинаковое;

можно принимать, что вода въ одну минуту пробѣгаетъ 8 саж. Глубина водъ также непостоянна, мѣстами около 1 саж., мѣстами не болѣе фута. Разливъ рѣки бываетъ около 15 Апрѣля и продолжается 10 дней: вода прибываетъ въ продолженіе пяти дней и убываетъ столько же времени; она достигаетъ наибольшей высоты въ одну саж. Заливные мѣста изобилуютъ тучными лугами, и бываютъ лѣтомъ большею частію сухи. Если воспользоваться весеннимъ половодіемъ, то сплавъ дровянаго лѣса возможенъ по Баракалу отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса, т. е. всего на разстояніи 40 верстъ отъ устьевъ.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчки: *Кучукъ-бирмась, Ямской-ключъ, Елховой-кустъ, Улянъ-джимась, 1-й Анау, 2-й Анау, 3-й Анау, Черная, Тамакей, Купканъ, Ташекъ* и *Асетай*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ лощинъ на восточныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Баракала отъ долины Урманъ-Зилапра. Текутъ всѣ отъ запада на востокъ и юговостокъ, и впадаютъ въ рѣку Урманъ-Зилапръ, каждая однимъ рукавомъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе мелководны; имѣютъ въ началѣ топкое дно, низменные болотистые берега и неровныя русла; ближе къ устьямъ онѣ болѣе и болѣе углубляются; гальки и кругляши покрываютъ дно и образуютъ небольшіе перекаты, по коимъ вода протекаетъ быстрымъ стремленіемъ. Въ исходящихъ изгибахъ берега представляютъ небольшіе яры, вышиною въ 1 арш., глубина воды очень незначительная. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными увалами, понижающимися сначала крутыми спусками, далѣе отлогими. Подошва лощинъ шириною отъ 20 до 30 сажень; она суха и поросла молодымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошіе луга.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ *левой* стороны:

Рѣчки: *Кривой-мостъ, Кашидыкъ, Атыкъ, Бальшикъ, Пяктушканъ, Исаялы-киманъ, Уссайры* и *Карагай, Карагушъ-уланъ*. Всѣ начинаются въ отлогихъ лощинахъ, на широкомъ и плоскомъ увалѣ, раздѣляющемъ долину Баракала отъ долины рѣки Яланъ-Зилапра. Текутъ отъ сѣверовостока на югозападъ и вливаются каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Баракалъ. Близъ вершинъ русла имѣютъ иловатое топкое дно, низменные берега и отлогу, частію болотистую, лошину. Ниже по теченію онѣ по-

степенно увеличиваются, дно становится каменистымъ и русло ровнѣе. Широкія плоскія возвышенности, раздѣляющія долины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ отлогіе длинныя скаты, представляющіе хорошія пахатныя и луговыя мѣста.

Рѣчка Баракаль-тилли. Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, близъ вершины отлогой возвышенности, пролегающей между нею и рѣкою Баракаломъ. Течетъ сначала верстъ на 6 отъ сѣвера на югъ, поворачиваетъ большимъ изгибомъ на юговостокъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Баракаль. Течение Баракаль-тилли очень извилистое и быстрое, особенно въ изгибахъ, гдѣ чаще встрѣчаются пороги. Ровное русло пролегаетъ по песчаному грунту между плоскими берегами, обросшими ольховыми кустами. Въ Баракаль впадаютъ: справа, ручейки Акъ и Бинкъ и рѣка Аю-айры, слѣва рѣка Акту. Нагорные берега лощины въ началѣ отлогі, далѣе же становятся круче и обрывисте; правый нагорный берегъ открытъ, а лѣвый поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Подошва лощины отлогая, неровная, въ низменныхъ ея частяхъ находятся хорошіе луга.

Рѣка Урманъ-Зилаиръ.

Вытекаетъ двумя небольшими ключами изъ низменныхъ лощинъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину верхней Сакмары отъ долины Ика; она протекаетъ частыми и значительными изгибами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару у деревни Аюловой.

Верстъ на 15 отъ вершинъ рѣка Урманъ-Зилаиръ течетъ незначительнымъ ручейкомъ по глинистому и котловинистому руслу, между топкими берегами, покрытыми молодымъ лѣсомъ. Возвышенные увалы, пролегающіе по обѣимъ сторонамъ рѣчной лощины, обращаютъ къ ней отлогіе ровныя скаты и волнуютъ подножіями своими узкую ея долину. Далѣе по теченію лощина болѣе и болѣе углубляется; прилежащіе къ ней увалы возвышаются и оканчиваются крутыми, частію обрывистыми, скатами, близъ самыхъ береговъ, такъ что подошва ея рѣдко шире 100 сажень; наносы и розсыпи отъ обрывовъ придаютъ ей значительное возвышеніе надъ поверхностію рѣки, отъ чего берега высоки и обрывисты, особенно въ всходящихъ изгибахъ. Хорошіе луга встрѣчаются лишь въ низменныхъ частяхъ ло-

щины, наводняемыхъ весенними водами; прочія мѣста сухи и покрыты рѣдкимъ кустарникомъ. Воднообразный видъ лощины служитъ причиною тому, что ширина русла не вездѣ одинакова: въ низменныхъ частяхъ она отъ десяти до двадцати сажень, а въ другихъ не болѣе двухъ саж. ширины. Каменистое дно изрыто многими котловинами, глубиною въ 2 аршина, обыкновенная же высота не болѣе поларшина. Теченіе Урманъ-Зилаира быстро, особенно тамъ, гдѣ русло загрождено наносами; вода пробѣгаетъ въ средней сложности 5 сажень въ одну минуту. Весною она разливается, около 20 Апрѣля, выступаетъ изъ береговъ и потопаляетъ большую часть лощины, достигая наибольшей высоты въ одну саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; по истеченіи 10 дней вода опять входитъ въ русло свое и понижается въ продолженіе лѣта до того, что даже не покрываетъ поверхности многихъ наносовъ. Заливныя мѣста сухи и ровны. Осенью Урманъ-Зилаиръ замерзаетъ въ первыхъ числахъ Ноября.

Въ рѣку Урманъ-Зилаиръ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кумакъ, Тюлובה, Верхній-шаръ, Большой-шаръ, Сосновка, Чувашскій-ключъ, Атыкъ и Муси-куза*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на восточныхъ скатахъ увала, разделяющаго долину Касмарки отъ долины Урманъ-Зилаира. Течутъ многими извилинами по общему направленію отъ сѣверозапада на юговостокъ, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Всѣ эти рѣчки начинаются незначительными лощинами на отлогихъ покатокахъ плоской возвышенности и имѣютъ неровныя русла въ глинистопесчаномъ грунтѣ, низменные берега и медленное теченіе. По мѣрѣ углубленія самой лощины, онѣ получаютъ возвышенные берега, каменистое дно и быстрое теченіе, но вообще мелководны и незначительной ширины. Отлогія рѣчныя лощины принимаютъ постепенно видъ узкихъ и глубокихъ овраговъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутыми и частію обрывистыми скатами; подошвы овраговъ отлогія и ровныя; онѣ покрыты большею частію мелкимъ кустарникомъ и покосными мѣстами. Всѣ эти рѣчки принимаютъ съ обѣихъ сторонъ множество сухихъ овраговъ и лощинъ.

Рѣчка *Увала*. Вытекаетъ двумя главными источниками на

плоской возвышенности между рѣками Касмаркою и Урманъ-Зилавромъ; имѣютъ извилистое теченіе отъ сѣверозапада на юго-востокъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилаврѣ; имѣетъ въ вершинахъ топкое и котловинистое русло, низменные берега и медленное теченіе. Ниже русло ея становится ровнѣе и теченіе быстрѣе; берега въ исходящихъ изгибахъ обрывисты и возвышены надъ поверхностію воды аршина на полтора и поросли молодымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ; близъ устья въ р. Узала шириною въ 2 сажени и глубиною въ 1 аршинъ. Лощина Узалы въ началѣ болотистая и ровная; но мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, она постепенно углубляется, нагорные берега становятся круче и выше, въ особенности около устья, гдѣ они мѣстами утесисты. Подошва лощины, отлогая и нѣсколько возвышенная надъ поверхностію рѣки, шириною отъ 50 до 200 сажень, имѣетъ хорошія луговые мѣста и частію покрыта молодымъ лѣсомъ. Въ Узалу впадаютъ: справа, рѣки Бурлатъ, Байгулъ и Зирень-алатъ. слѣва Илвубаръ и Сарагайлы.

Рѣчки: *Малый Узала, Ю-тюбля, Уллу-исякли, Куру-исякли.* Не большіе ручейки, вытекающіе на восточныхъ скатахъ хребта Дзю-тюбя, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилаврѣ. Имѣютъ глинистое, а ниже каменистое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ общаго свойства съ прочими притоками Урманъ-Зилавра.

Въ рѣку Урманъ-Зилаврѣ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Инамашла, Мукайла, Ключъ-городобойной, Ключъ-рѣпшиный, Ключъ-столичный, 4* ключа безъ особыхъ названій, *Ключъ-грязный, Ключъ-самородный и Угара.* Берутъ начало въ отлогихъ лощинахъ на возвышеніяхъ, раздѣляющихъ долину Урманъ-Зилавра отъ долины Яланъ-Зилавра и Баракала; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаврѣ. Имѣютъ глинистое русло, вловатое дно и низменные берега; дажѣ по теченію онѣ увеличиваются; гальки и кругляши покрываютъ неровную поверхность дна; теченіе становится быстрѣе и рѣчки эти принимаютъ вообще характеръ горныхъ потоковъ. Отлогія лощины, по коимъ протекаютъ онѣ, углубляются постепенно и образуютъ ниже глубокіе овраги, имѣющіе узкую ровную подошву. Скаты овраговъ покрыты большею частію смѣшаннымъ лѣсомъ.

Рѣчка *Бутурузъ.* Вытекаетъ источникомъ на скатахъ возвы-

шенности, разделяющей долину Урмань-Зиланра отъ долины Баракала, течетъ небольшими извилинами по общему направленію отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ р. Урмань-Зиланръ. Имѣетъ въ началѣ медленное теченіе по глинистому, отлоному руслу верстъ около 5; отъ начала своего она постепенно увеличивается, получаетъ быстрее, перекатистое теченіе, каменистое дно и возвышенные берега. Ширина ея близъ устья около 2 сажень, глубина же очень незначительная. Лощина Бутуруза имѣетъ ширину отъ 50 до 100 саж.; она обставлена съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами возвышенныхъ уваловъ, разделяющихъ ее отъ рр. Угары и Сакмары. Подошва лощины ровная и отлогая; близъ береговъ она покрыта молодымъ листовнымъ лѣсомъ, а далѣе хорошими лугами. Въ р. Бутурузъ впадаютъ рѣки: Усмань-улганъ, Лабакъ, Карагуль и Саурай.

Рѣка Касмарка (по-Башкирски Касмартъ).

Источники ея находятся на возвышенномъ увалѣ, разделяющемъ долину Сакмары отъ долины Сюрана; она начинается нѣсколькими топкими ключами у Старашетской дороги близъ Чувашской деревни Бердашъ-ямъ; течетъ, отъ соединенія главныхъ источниковъ, многими извилинами отъ сѣвера на югъ до устья р. Казань-булака, гдѣ поворачиваетъ къ западу, протекая по сему направленію до впаденія своего въ р. Сакмару.

Отъ вершинъ до устья въ р. Казань-булака каменистое русло Касмарки имѣетъ ширину отъ 1 до 4 саж.; плоскіе, но возвышенные берега образуютъ въ нисходящихъ изгибахъ небольшіе обрывы, вышиною въ 2 арш. Грунтъ русла большею частію песчанокаменистъ; наносы и подводные камни волнуютъ поверхность дна, и образуютъ во многихъ мѣстахъ значительные пороги и быстротоки. Глубина водъ не вездѣ одинакова: во многихъ мѣстахъ она около двухъ арш., въ другихъ не болѣе одного фута. Отъ устья въ Казань-булака русло ея становится болѣе иловатымъ, нежели каменистымъ; берега имѣютъ, какъ и прежде, возвышеніе на полтора арш. отъ поверхности воды и обросли молодымъ листовнымъ лѣсомъ. Иловатое дно изрыто значительными котловинами, глубиною въ сажень; въ прочихъ же мѣстахъ глубина рѣки отъ 1 до 2 арш. Теченіе воды тутъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ выше, и быстротоки рѣже. Устье Касмарки

имѣть ширину въ 6 сажень; она не медлѣтъ отъ наносовъ и имѣть постоянную глубину въ 4 аршина.

Весенній разливъ воды начинается около 15 Апрѣля. Имѣть начало свое въ гористой, лѣсной странѣ, гдѣ талыя снѣговъ происходятъ медленно, чѣмъ на степяхъ, окружающихъ низовья ея части; разливъ же бываетъ одновременно; по всему теченію вода пребываетъ быстро: въ первые 5 и 6 дней потопляя наземную луговую долину на значительное разстояніе, и убывая потомъ медленно въ продолженіе 10 дней. Заливныя мѣста прорѣзаны многими ильменами и рытвинами, и представляютъ отличнѣйшіе луга.

Рѣчная долина Касмарки имѣтъ крутые, нагорные берега, острые отроги, раздѣляющіе долины боковыхъ притоковъ, и оканчивается утесистыми обрывами въ недалекомъ разстояніи отъ русла рѣки. Подошва долины расширяется до устьевъ Казань-булака на одну версту; она взволнована частію отлогими подножіями нагорныхъ береговъ, частію невысокими наносами, образовавшимися изъ землестыхъ осадковъ во время весеннихъ наводненій. Ниже устьевъ Казань-булака, р. Касмарка поворачиваетъ на западъ и переобъездетъ южные отроги горнаго пространства, кои продолжаются на лѣвомъ ея берегу въ видѣ острыхъ параллельныхъ хребтовъ. Рѣчная долина простирается версты въ двѣ въ ширину, имѣтъ отличнѣйшую почву, земли и изобилуетъ хорошими луговыми и пахатыми мѣстами. По долинамъ на нагорныхъ берегахъ видны небольшіе колки лиственнаго лѣса.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Карамайлы, Тузь-уланъ, Саптакъ-кискака, Большой и Малый Якин-аланъ, Шаланны, Большой и Малый Мунча-тодъ, Дзирикла, Асси-еласы и Каскыма.* Ихъ вершины на восточныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Касмарки отъ долины Ика, впадаютъ, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Касмарку. Всѣ онѣ очень мелководны; имѣютъ каменисто-песчаное русло, плоскіе возвышенные берега и быстрое теченіе; ширина ихъ рѣдко превышаетъ одну сажень. Долины рѣчекъ обставлены крутыми скатами, возвышающимися по мѣрѣ приближенія къ устьямъ. Подошва долины отлогая и ровная; близъ береговъ поросла кустарникомъ и небольшими наклонами лиственнаго лѣса, ширина ея отъ 40 до 100 сажень. Всѣ эти

рѣчки принимаютъ множество боковыхъ, безыменныхъ притоковъ.

Рѣчка *Идышъ*. Вершины ея находятся въ тонкихъ, болотистыхъ лощинахъ, на скатахъ плоской возвышенности, разделяющей вершины Касмарки отъ вершинъ Емашлы; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ близъ деревни Бибердиновой. Имѣетъ отъ начала до конца каменисто-песчаное дно, возвышенные берега и очень быстрое теченіе; ширина ея отъ 1 до 4 сажень, глубина отъ 1 до 3 футовъ; броды часты и постоянны. Узкая и глубокая лощина, по которой протекаетъ р. Идышъ, расширяется постепенно; острые отроги, разделяющіе лощины ея притоковъ, волнуютъ подошвами своими самую подошву, весьма отъ этого неровную; въ низменныхъ частяхъ имѣются хорошіе луга и небольшіе перелѣски. Въ рѣку Идышъ впадаютъ: справа, рѣки: Тюнъюкю-куль-елги, Артышлы-елги, Туслы-елги, Улу-куль-елги, Бабай-куль, Ивтыганъ, Кара-айгыръ, Аркары-биль, Сунгуръ-елги, Кусъ-тушканъ, Таллука, Улика-елги, Касы-елги, Карамалы, Кызыльманъ, Нарима-тукмакъ, Искандеръ-елги, Булакъ-башъ-елги, Тирманъ-елги и Ташъ-узакъ; а съ лѣвой: Куль-сукъ-канъ, Язаву-баръ, Магашъ, Аитъ-бія-ульганъ, Куръ-уйны-сунгуръ-куль, Кара-агъ-ульганъ, Ябты-елги, Камай-сапканъ, верхней и нижней Уткармакъ-бекышъ и Кукел.

Рѣчка *Капмакъ-зирганъ*. Вытекаетъ четырьмя источниками у подножій известковыхъ горъ, разделяющихъ долину Касмарки отъ долины Асеели; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку у деревни Старой Назаровой. Русло Зирганша имѣетъ въ началѣ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе; ближе къ устью дно ея становится болѣе иловатымъ, нежели каменистымъ; наносы и подводные камни образуютъ частые пороги и быстротоки. Рѣка Зирганшъ очень мелководна, ширина ея рѣдко превышаетъ двѣ сажени. На горные берега лощины образуютъ крутыя подножія отроговъ, разделяющихъ лощины боковыхъ притоковъ; подошва лощины имѣетъ ширину отъ 50 до 200 сажень; она покрыта частію листовитымъ лѣсомъ, частію тучными лугами. Въ Зирганшъ впадаютъ: справа, рѣки: Кара-бія, Кунъ-урганъ (Азнай-байлаганъ), Кара-угъюзъ, Яръ-су-берганъ, Айры-гувакъ, Азанкуль,

Атъ-ульганъ, Тюлагавъ-узакъ и Бузакъ; а слѣва: Куюлы, Бату, Ишитай, Еракла, Талъ-узакъ, Игвай-талаганъ, Куйлюджъ и Кудашъ-сазы.

Рѣчки: *Улкларъ, Жириклы, Тириклы, Ирабля, Киратъ и Сазла*. Небольшіе ручейки, вытекающіе у подножій известковыхъ горъ, текутъ отъ сѣвера на югъ и теряются въ луговой долиніѣ Касмары; имѣютъ мѣстами тинистое, мѣстами твердое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ облужаютъ хорошими лугами, но они нешироки и частію поросли кустарникомъ.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Пыша-юртъ, Тянакъ-баръ, Кускай, Кашка-айыръ, Ибашка, Сала-какканъ, Большой и Малый Аппакъ, Агурды-зиранишъ, Картъ-ели, Искизма, Кызъ-берлянъ, Аркады-тау-ели, Муртазай, Урманъ-аби-ели и Кара-булакъ*. Онѣ берутъ начало свое въ отлогихъ лощинахъ на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, разделяющей долину Сакмары отъ долины Касмары; текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку. Всѣ эти рѣчки имѣютъ каменистое русло, плоскіе берега и быстрое теченіе; по уступамъ дна и между подводными камнями образуются небольшіе пороги и быстротоки; глубина и ширина рѣчекъ очень незначительная. Глубокія лощины, по которымъ протекаютъ рѣчки, принимаютъ, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ, видъ узкихъ овраговъ; подошвы лощинъ отлогіи и ровныя; мѣстами встрѣчаются хорошіе луга и небольшіе колки лиственнаго лѣса.

Рѣчка *Казанъ-булакъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками на западныхъ скатахъ хребта Дзлу-тюбя, течетъ отъ сѣверо-востока на югозападъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ выше рѣки или деревни Юнуевой. Течетъ по глинистому и котловинистому грунту, между плоскими и возвышенными берегами; имѣетъ ширину отъ 5 до 14, а глубину отъ 1 до 3 футовъ. Теченіе воды быстро-стремительное въ порогахъ. Броды частые и постоянные. Казанъ-булакъ течетъ въ началѣ по кругому, неглубокому оврагу, шириною отъ 40 до 150 сажень; возвышенные увалы принимаютъ видъ острыхъ и крутыхъ хребтовъ, отстоящихъ

другъ отъ друга версты на двѣ. Подошва лощины отлогая, ровная, съ хорошимъ грунтомъ землѣ.

Рѣчки: *Барделм, Таль-узакъ, Сирь-тюбя, Якупъ, Сара-сюрпа, Уссъ-булакъ, Варь-ирлянъ* и *Сазла*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на сѣверныхъ скатахъ возвышенности, раздѣляющей долину Касмарки отъ долины Сакмары. Течутъ отъ юга на сѣверъ и теряются въ луговой долинѣ Касмарки. Имѣютъ иловатыя, топкія русла, низменные берега и незначительное течение; большая часть высыхаютъ лѣтомъ. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ небольшими хребтами, составляющими продолженіе сѣровакковыхъ и известковыхъ горъ, на правомъ берегу Касмарки. Подошва лощины отлогая и ровная, съ хорошимъ пахатыми и покосными мѣстами.

Рѣка Большой Икъ.

Вершины Ика находятся на отлогомъ сырть, составляющемъ черту раздѣла между западными и восточными покатостями южной оконечности Уральскаго хребта; онѣ начинаются въ топкихъ лощинахъ, образующихъ два небольшіе ручейка, текущихъ отдѣльно версты пять и соединяющихся послѣ въ одно русло.

Направленіе Ика, за исключеніемъ небольшихъ изгибовъ, зависитъ совершенно отъ состава и образа напластованія горнокаменныхъ толщъ, образующихъ логовище русла. Въ началѣ сѣровакковые и глинистыя сланцы окружающихъ высотъ имѣютъ направленіе отъ NNW къ SSO. Воды Ика, протекая по линіи кратчайшаго наклона слоевъ, принимаютъ направленіе отъ ONO къ WSW до устья рѣки Кушъ-елга, гдѣ сѣровакковой формаціи замѣняетъ формацію переходнаго известняка, простирающейся до деревни Красной-Мечети. На семь пространствъ Икъ имѣетъ теченіе отъ OSO къ WNW; входя близъ Красной-Мечети въ формацію краснаго песчаника, рѣка поворачиваетъ круто на югъ, продолжая теченіе свое по сему направленію до впаденія въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости.

Отъ точки соединенія вершинъ Ика въ одно русло, она протекаетъ небольшимъ ручейкомъ версты около десяти по ровному и каменистому руслу, въ отлогой и узкой лощинѣ; по мѣрѣ увеличенія количества воды расширяется и углубляется логовище рѣки. У деревни Красной-Мечети ширина Ика 8 саж., но далѣе увеличивается отъ 10 до 15 сажень. Выбѣтъ съ ши-

риною увеличивается и глубина рѣки, но впрочемъ она непостоянна по причинѣ многихъ котловинистыхъ услубленій и наносовъ, встречаемыхъ по всему теченію Ика. Глубина бродовъ нигдѣ не превышаетъ трехъ футовъ, въ котловинахъ же вода имѣетъ высоту въ полторы сажени.

Берега Ика плоски и сухи; въ исходящихъ нагибахъ они образуютъ небольшіе яры въ полторы саж. отъ поверхности рѣки, противоположныя же части отлоги и покрыты гальками и яругламами. Дно Ика до деревни Красной-Мечети болшемъ частію ровное и каменистое, далѣе оно становится глинисто-песчанымъ; встрѣчаются и песчаныя мѣста, но болѣе тамъ, гдѣ вода имѣетъ слабое теченіе. Прибрежная часть долины покрыта тучными лугами, и въ мѣстахъ влажныхъ, около краевъ озеръ и ериковъ, листовнымъ лѣсомъ; выше устья рѣки Емашлы ширина долины рѣдко превышаетъ 40 сажень, но ниже деревни Красной-Мечети она отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 верстъ. Наружный видъ нагорныхъ береговъ зависитъ совершенно отъ состава и расположенія горнокаменныхъ породъ; долина Ика отъ вершинъ до устья рѣки Кушъ-елги представляетъ узкій и глубокий оврагъ, котораго берега круты и мѣстами даже обрывисты.

Недоходя версты на три до устья рѣки Увары, начинается формація переходнаго известняка; главныя возвышенія, имѣя ту же направленіе перпендикулярное къ теченію Ика, образуютъ по обѣимъ ея сторонамъ крутые, обнаженные утесы; въ особенности примѣчательно живописное ущеліе между обрывами горъ Хабахъ-усланъ и Тукай-ташъ-ташлаганъ, гдѣ долина Ика обставлена стѣнообразными утесами, возвышающимися надъ поверхностію рѣки сажень на 40. Ниже Красной-Мечети русло Ика входитъ въ формацію краснаго неочахлака; отлоги, невысокіе хребты тянутся съ обѣихъ сторонъ параллельно теченію рѣки, и отстоятъ на правомъ берегу около трехъ верстъ отъ русла Ика, на лѣвомъ же въ пяти верстахъ отъ него.

Весенній разливъ рѣки Ика не бываетъ въ одно время по всему ея теченію: въ верхнихъ частяхъ онъ начинается около 20 Апрѣля, въ низовыхъ около 15 того же мѣсяца; вода прибываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли, подымаясь на полторы саж. выше обыкновеннаго уровня и потопляя всѣ низменныя части долины; достигнувъ до самой большой точки

высоты; она постепенно убывает до 1 Мая, когда всё броди становится удобнореходными. Притоки Ика разливаются только диким разливом и поливом: продолжается не более недели. Течение Ика весьма различно, частью от массы воды, частью от покатости дна; вследствие сего быстрота течения совершенно значительнае весной, нежели летом или осенью; среднюю быстроту течения можно принять около 7 сажень въ одну минуту. Заливные места Ика летом сухи; многие ямы и рытвины; кони перерезаны прибрежными части лощина, высыхают совершенно. Часто случается, что воды Ика во время разлива прорываютъ новые русла, которые со старыми образуютъ небольшие плавучие острова. Рѣка Икъ впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости; ширина устья не болѣе 10 сажень, а глубина около 5 аршинъ; оно не страдаетъ отъ наносовъ, вода весьма быстрое течение.

Въ рѣку Икъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Урашбелъ, Карачива, Калмычиа, Кара-сла, Омна-мича (Митсаюмъ тоже), Аси-баръ, Кишлау-баръ, Кизил-юртъ, Тюлутманъ, Аркаюртъ и Акимбетъ*. Верхи ручейковъ накладываютъ на вершинѣ плоской возвышенности, разделяющей долину Большаго Ика отъ долины Малаго Ика; онѣ начинаются въ холмистыхъ отложенияхъ и топкими лощинами; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Икъ; всё имѣютъ русло ровное, две каменистое, берега плоскія. Онѣ образуютъ въ впадающихъ изгибахъ небольшіе яры въ полтора рута выдоты. Количество воды весьма незначительное, такъ что въкоторыя изъ нихъ высыхаютъ зимой. Подошва лощинъ отлогая и не шире 50 сажень; до ней встрѣчаются хорошіе луга и лѣтвенныя лѣса; лощинъ обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и частью обрывистыми скатами, перерезанными многими второстепенными лощинами и оврагами, которые начинаются на гребнѣ возвышеній, отлогими и плоскими углублениями. Значительные притоки принимаютъ: рѣка Калмычиа, ручейки Дворянку и Кирюхицу; рѣка Омна-мича, ручейки Горбатова, Прпова, Лощенова, Долгій-мостъ и Андрюхану; рѣка Кишлау-баръ, принимаетъ, кромѣ множества овраговъ, рѣку Кушъ-баръ.

Рѣчка *Елашала*. Вытекаетъ многими знаменными и отлогими

лощинами, на плоской возвышенности, между *Больших* и *Малых* *Икомъ*, у выселка *Ивановскаго*; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ русло *Большаго Ика*. Свойства русла и теченія сходны съ вышеописанными рѣчками, съ тою разницею, что глубина и ширина его несравненно значительнѣе, такъ что отъ устьевъ *Таллумбетъ-кирагаса*, сплавъ дровянаго и строеваго лѣса бываетъ возможенъ во время весенняго половодія. Лощина имѣетъ одинаковыя свойства съ вышеописанными рѣчками. Въ *Емашлу* впадаютъ: справа, ручейки: *Таллумбетъ-кирагасъ* и *Куся*; слева же нѣсколько глубокихъ, но сухихъ овраговъ.

Рѣчки: *Большой* и *Малый Кушъ-слик*. Вытекаютъ многими топкими лощинами, между выселкомъ *Ивановскимъ* и первою казармою на *Каноникольской* дорогѣ. Русло и теченіе сходны съ вышеописанными притоками *Ика*. Во время разлива сплавъ дровянаго лѣса удобенъ по обѣимъ рѣчкамъ на разстояніи трехъ верстъ отъ устьевъ. Общія свойства лощины сходны съ лощинами вышепомянутыхъ притоковъ.

Рѣчка *Малый Икъ*. Вытекаетъ нѣсколькими болотистыми источниками въ пяти верстахъ отъ *Каноникольскаго* завода, на плоской возвышенности, между рѣками *Бѣлой* и *Икомъ*; имѣетъ общее направленіе къ югозападу и впадаетъ въ *Большой Икъ* однимъ устьемъ, близъ деревни *Ибрагимовой*. Въ началѣ своего она имѣетъ общій характеръ съ прочими ручейками, протекающими по плоской возвышенности, но далѣе ширина русла увеличивается и во многихъ мѣстахъ оно простирается до пяти сажень. Каменистопесчаное дно вырыто значительными котловинами и углубленіями. Берега плоски и поросли мелкимъ листоватымъ и хвойнымъ лѣсомъ. *Малый Икъ* удобенъ для сплава строеваго и дровянаго лѣса на разстояніи 15 верстъ отъ устьевъ. Ширина лощины измѣняется отъ 40 до 350 сажень; она обставлена крутыми и обрывистыми скатами, какъ и вообще всѣ рѣчки на семь пространствъ, и большею частію покрыта листоватыми и смѣшанными лѣсами.

Рѣчки: *Увары* и *Тассы*. Имѣютъ вершины свои у подножій горы *Акъ-тау*, гдѣ начинаются нѣсколькими топкими лощинами; первая течетъ прямо на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ *Большой Икъ*, у деревни *Мурадашовой*; вторая обтекаетъ горы *Акъ-тау* на югозападъ и впадаетъ въ *Большой Икъ*, у дере-

нии Юллубазной. Русло и течение имѣютъ свойства общія съ прочими притоками Ика. Дошины, обѣихъ рѣчекъ обтекаемы известковыми горами, особенно обрывистыми на лѣвомъ берегу рѣки Увары. Подшая дошина имѣетъ ширину отъ 80 до 700 сажень; она взволнована отложениями подводными известковыми хребтовъ и покрыта хорошими лугами и небольшими пересѣками.

Въ рѣку Икъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчка *Кувалатъ*. Вытекаетъ тремя небольшими ручейками, именуемыми 1, 2 и 3 Кувалатомъ, близъ вершинъ Ика. По соединеніи ручейковъ въ одно русло, рѣчка Кувалатъ протекаетъ по направлению къ западу, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икъ. Дошины и русла имѣютъ свойства общія съ прочими ручейками плоской возвышенности; шарина и глубина воды такъ значительна, что возможенъ сплавъ не только дровяного, но и строевого лѣса отъ устьевъ 3-го Кувалата. Въ Кувалатъ впадаютъ съ правой стороны ручейки: Мураба-иха, Девониха, Ойнасица и Канлукиятъ.

Рѣчки: *Мунахы* и *Карамлы-мляк*. Небольшіе ручейки, имѣющіе общія свойства съ вышеописанными притоками Большаго Ика.

Рѣчка *Большой Бердяшъ*. Беретъ начало свое отъ соединенія двухъ небольшихъ рѣчекъ Тутай-бердяшъ и Таусъ-бердяшъ, вытекающихъ въсколькими источниками на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Ика отъ долины Сюрдья. Рѣчка Большой Бердяшъ протекаетъ многими значительными поворотами отъ юговостока на сѣверозападъ и впадаетъ въ р. Икъ однимъ устьемъ. Рѣчка Большой Бердяшъ, отъ соединенія Таусъ и Тутай-бердяшъ, течетъ по ровному и каменистому руслу, шириною отъ 2 до 5 сажень. Глубина не вездѣ одинакова, потому что дно зарыто мѣстами значительными углубленіями, мѣстами же взволновано наносами и подводными камнями. Течение воды очень быстрое, она протекаетъ въ средней сложности около 8 саж. въ одну минуту. Рѣчные берега плоски, но довольно возвышены въ всходящихъ изгибахъ рѣки. Сплавъ дровяного лѣса можно производить безопасно отъ самаго начала рѣки Большаго Бердяша, строевого же отъ мѣста впаденія въ нее рѣки Такаль-бердя-

ра: Рѣка Бердишъ течетъ въ узкомъ и глубокомъ оврагѣ, ограниченномъ съ правой стороны крутыми обнаженными утесами, а съ лѣвой — высокими и крутыми скалами; покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Подошва мощнаго роваа и поросшая молодымъ лиственничнымъ лѣсомъ; ширина ея отъ 20 до 50 саж.; въ рѣку Бердишъ впадаютъ: справа, рѣки: Туамъ, Такъ-ульганъ, Туитканъ, Кужаканъ-калышъ-берганъ, Такаль-бердишъ, Карамалы-бердишъ и Умирталы; съ лѣвой же стороны, кромѣ многихъ сухихъ лоцивъ, рѣчныхъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Яваша*. Имѣетъ вершины на плоской возвышенности между рѣками Инкомъ и Икомъ въ тонкомъ болотѣ, именуемомъ Тумарлюю. Течетъ многими извилинами по направлению отъ юго-востока на сѣверозападъ, а впадаетъ въ рѣку Большой Идъ однимъ устьемъ. Имѣетъ въ началѣ отлогое, шоватое русло, топкіе берега и неровное теченіе. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, рѣчка Яваша постепенно превращается изъ незначительнаго ручейка въ быстрый горный потокъ: дно становится ровнымъ и каменистымъ, берега плоскими и нѣсколько возвышенными надъ поверхностію рѣки. Отъ устья рѣчки Явашей-затканъ она начинаетъ быть удобною для сплава деревяннаго ильса. Отлогая лоцива рѣчки Явашы углубляется болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ устью и принимаетъ видъ глубокаго оврага, ограниченнаго съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми скалами обрвакковыхъ возвышеній. Въ особенности крутъ правый нагорный берегъ, на которомъ нѣрѣдко видны значительные утесы. Подошва оврага имѣетъ въ ширину отъ 30 до 80 сажонъ. Она ровна и покрыта большою частію мелкимъ лиственничнымъ лѣсомъ. Въ Явашу впадаютъ: справа, рѣчки: Сагтыюртъ и Яцникай-затканъ, съ лѣвой стороны — Улуу-ели.

Рѣчки: *Сикмаклы, Арба-ели, Анчура, Катайчикъ, Бусай-узакъ, Сабаталлы, Вабай-узлякъ и Буржумъ*. Небольшіе ручейки, вытекающіе въ лоцинахъ между известковыми горами, составляющими впадинный предѣлъ горнаго пространства, текутъ отъ юга на сѣверъ и разливаются въ болотистыхъ углубленіяхъ въ лоцивѣ Ика; имѣютъ сначала каменистыя русла и возвышенные берега; по выходѣ изъ горъ онѣ теряются въ болотистой долинѣ Ика. Лоцивы рѣчекъ отлогія и ровныя; онѣ обставлены крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга версты

де холмы: Подножья лощинъ покрыты низкими кустарниками и хорошими лугами.

Рѣчки: *Майки, Большой и Малый Утары-алы, Карагъ, и Нулак.* Вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножій песчаныхъ горъ; текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ каждая одна въ устье въ рѣку Икъ. Руслу рѣчекъ неровны и котловинисты, дно глинистопесчаное, дѣлѣе иловатое; берега низменные и частію топкіе; теченіе воды очень медленное. Отлогіе увалы раздѣляютъ лощины стѣнъ рѣчекъ; скаты лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣка *Инакъ.* Беретъ начало свое двумя небольшими и топкими ручейками на плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Иномъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощины, обросшей большою частію сѣвѣрными лѣсомъ. Далѣе глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обмороженные сѣрвакковые сланцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые, скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки саженъ на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инакъ отъ востока на западъ до устья рѣки Булакъ-буялау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-караулъ, поворачиваетъ къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья рѣки Казмашевъ, отъ которыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребетъ Солейманъ-караулъ; обрывисто-скалистые скаты хребта, которые съ обѣихъ сторонъ подходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизилъташъ, простирающееся въ длину версты на двѣ.

Рѣчки: *Большой Карагъ, Дакитбулакъ, Токмакъ, Акъ-атманъ, Савалы-дакитбулакъ, Караталъ и Зириклы.* Вытекаютъ нѣсколькими источниками у западныхъ подножій известковыхъ хребтовъ, составляющихъ западный склонъ горной возвышенности. Имѣютъ всеобщее теченіе отъ востока на западъ и теряются въ луговой долині Ика. Протекаютъ въ началѣ по гористой мѣстности; имѣютъ ровное и наемистое русло, плоскіе, но возвышенные берега и весьма быстрое теченіе. Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ лощинѣ Ика, русло становится иловатѣе и отложе, теченіе воды медленнѣе и берега топкими. Они вообще все мелководны. Навысокіе и отлогіе увалы, составляющіе предгоріе главнѣйшихъ хребтовъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ

параллельно ихъ теченію. Они обращаютъ къ вышѣ длинныя отлогіе скаты, оканчивающіеся въ близкомъ разстояніи отъ самыхъ береговъ рѣчекъ, отъ чего подошва лощины незначительной ширины. Рѣка Сазалы-джитебулакъ принимаетъ съ лѣвой стороны множество боковыхъ притоковъ, изъ коихъ главные—рѣки: Уразъ-газъ-тырняганъ, Булатъ-аткашъ, Густай-туганъ, Каванъ-уй, Кульымченъ и Салабашъ.

Рѣчка *Ургень*. Вытекаетъ однимъ источникомъ съ южныхъ скатовъ известковаго хребта, раздѣляющаго долину Иника отъ долины Малаго Скряна; протекаетъ до деревни Итбаковой отъ сѣвероюстока на югозападъ, а далѣе по направленію къ западу впадаетъ въ рѣку Икъ однимъ топкимъ рукавомъ, у деревни Исангуловой. До деревни Итбаковой рѣка Ургень протекаетъ по каменистому руслу, между плоскими, нѣсколько возвышенными берегами; имѣетъ глинисто-песчаное, частію каменистое дно и весьма быстрое теченіе; при поворотѣ на западъ русло ея становится отложе и теченіе медленнѣе. Низменные берега покрыты листовымъ лѣсомъ, а дно имѣетъ шловатый грунтъ. Ширина Ургени отъ 3 до 1 саж., глубина отъ 2 до 5 футовъ. На теченіи своемъ по лощинѣ Ика, она образуетъ множество болотистыхъ озеръ и топей. На югозападномъ теченіи лощина рѣки Ургени обставлена высокими и крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи одной версты; подножія хребтовъ волнуютъ лощину, которая узка и крута. Отъ хутора деревни Девлеткуловой, она расширяется сажень на 80 и становится нѣсколько ровнѣе; у деревни Итбаковой она выходитъ изъ горнаго пространства и протекаетъ по отлогой и ровной лощинѣ, шириною отъ 200 до 600 саж. Вся лощина Ургени покрыта хорошими лугами и небольшими колками листовнаго лѣсу. Въ Ургень впадаютъ: справа, рѣки: Сунгуръ, Яныкъ, Сарраатъ, Ульганъ, Турсай-алтынъ-туганъ, Тура-алабія-ать-ульганъ съ притокомъ Сулейманъ-елги, Урманъ-елги, Нази-елги и Ишкакъ-елги; съ лѣвой стороны, рѣки: Кулуй-крылганъ, Бульръ-кашка, Малый Урганъ, Багашъ-туганъ, Тамакъ и Тирьякъ.

Рѣчки: *Каратай-саязъ*, *Караталъ-люзакъ* и *Тунурлукъ*. Небольшія топкія лощины, имѣющія вершины свои на западныхъ скатахъ неочайниковыхъ горъ. Онѣ теряются въ луговой долинѣ

Ика; имѣютъ болотистое дно и низменные берега, покрытые мелкимъ кустарникомъ и болотными травами.

Рѣчки: Кайраклы и Кирля. Вытекаютъ у подножій горы Кирпы, текутъ по направленію отъ востока на западъ, и теряются въ луговой долинь Ика. Имѣютъ глинисто-песчаное русло, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины узкія, съ хорошими покосными мѣстами.

Рѣчка Ускалыкъ. Береть начало свое отъ соединенія ручейковъ Большаго и Малаго Ускалыка, вытекающихъ у западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Космарки отъ долины Ика. Вершины Большаго Ускалыка составляютъ ручейки: Дюрлюръ, Кура, Ура, Буткасканъ, Уртайры и Тюбнайры. Вершины Малаго Ускалыка составляютъ ручейки: Етуль-касканъ, Ишжакъ-карагасъ, Батыръ-балтаканъ и Кагалъ-елги. Ускалыкъ течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большой Икъ. Русло Ускалыка имѣетъ, до деревни Андреевки, каменистое дно, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе; броды частые и неглубокіе. Ниже Андреевки она протекаетъ по глинистому грунту; имѣетъ котловинистое русло и плоскіе берега, ширина ея отъ 2 до 4 саж., а глубина значительная. До деревни Андреевки лощина Ускалыка обставлена крутыми известковыми хребтами, отъ коихъ отдѣляются небольшіе отроги въ перпендикулярномъ направленіи къ ея теченію. Подошва лощины возвышена подножіями отроговъ; она крута, но имѣетъ въ низменныхъ частяхъ хорошіе луга. Ниже деревни Андреевки рѣка Ускалыкъ выходитъ изъ горнаго пространства и лощина ея расширяется версты на двѣ. Она покрыта близъ береговъ молодымъ лиственнымъ лѣсомъ и изрыта яльменями и сухими ямами. Въ Ускалыкъ впадаютъ: справа, рѣки: Инчирсы съ притокомъ Аминъ-Инчанъ, слѣва—Акберды-мамаза, Ишютбай и Асфяганъ.

Рѣчка Ассели. Имѣетъ вершины свои въ лѣсистой возвышенности, именуемой Алпу-урманъ; течетъ отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ въ Икъ двумя устьями: нижнее изъ нихъ высыхаетъ лѣтомъ. До деревни Юллубаевой, рѣка Ассели имѣетъ быстрое теченіе по глинисто-песчаному, частію каменистому грунту. По выходѣ изъ горнаго пространства, русло ея становится пловатымъ и неровнымъ. Дно изрыто многими ямами, имѣющими значительную глубину. Берега низменные и поросли

кустарникомъ. Рѣка Ассели вытекаетъ въ горномъ пространствѣ узкую лошину, обставленную съ обѣихъ сторонъ отрогами известковыхъ хребтовъ. Подошва лощины долинообразная, вытекаетъ хорошую почву земли; она покрыта близъ береговъ кустарникомъ и небольшими колками лиственнаго лѣса. По выходѣ изъ горъ лощина Ассели расширяется на полтары версты. Въ нее впадаютъ: справа, рѣки: Авзянъ, Мустафа, Тагай, Антъ-бийлаганъ, Куся, Кара-сыръ, Аранъ - сатданъ, Улукляръ, Акъкушъ, Куй-ташканъ и Сошлакъ; съ лѣвой стороны рѣки: Янки, Турмакъ, Кабынъ-дубынъ, Улу-тау, Ажурина, Юлъ - сыкканъ, Ибракъ, Ума, Балагузъ-тугулганъ, Тамышмы-елги, Ассел-елги, Тыка-булакъ, Шишма и Бердамъ.

Рѣчка *Белегуша*. Два небольшие ручейка Имилъ-уртайры и Арга-айры составляютъ вершины Белегуша; она течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Илъ двумя сухими рукавами. Руслъ Белегуша вытекаетъ иловато-каменистое дно, плоскіе, возмашенные берега и весьма быстрое перекатистое теченіе. По выходѣ изъ горнаго пространства, она постепенно уменьшаются и теряются наконецъ въ луговой долинѣ Ика. Лощина Белегуша обставлена съ обѣихъ сторонъ рядомъ известковыхъ хребтовъ, простирающихся перпендикулярно ея теченію. Подошва ее ровная и покрыта близъ береговъ кустарникомъ. Въ Белегушѣ впадаютъ: справа, кромѣ множества безименныхъ ключей и ручейковъ, рѣки: Исамбетъ и Тамъ-елги, слѣва: Баткакъ и Сувад-дзаятъ.

Рѣка Инякъ.

Вытекаетъ двумя небольшими и тонкими ручейками на плоской возвышенности, между рѣками Саймарю и Икомъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощинѣ, обросшей большею частію смѣшаннымъ лѣсомъ. Далѣе, глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обнаженные сѣровякковые сланцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки саженъ на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инякъ отъ востока на западъ до устья р. Булакъ-буйлау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-карауль, поворачиваетъ къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья рр. Казмашевъ, отъ ко-

торыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребтъ Солой-нанъ-маруль. Обрывистые, скалистые скаты хребта, конъ съ обѣихъ сторонъ сходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизиль-ташъ, простирающееся въ длину веревы на двѣ.

По переходѣ чрезъ тѣснину, лощина Инза, расширяясь, пролегаетъ по сѣверо-западному направленію до деревни Тупчановой, бѣвъ которой поворачиваетъ на западъ, слѣдуя по сему направленію до самаго устья. Отъ Кизиль-тамской тѣсины до деревни Тупчановой лощина Инза обставлена высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ, которыя, простираясь перпендикулярно къ руслу, образуютъ преграды, чрезъ которыя вода Инза силою стремленія должны были открыть себѣ проходы. На семъ пространствѣ встрѣчается множество хорошихъ луговыхъ и пахотныхъ мѣстъ, равно какъ и березовыя тѣсныя, произрастающихъ преимущественно на скатахъ ближайшихъ горъ. Выше Кизиль-тамской тѣсины ходъ и встрѣчается хорошихъ луговыхъ мѣстъ, но, до причинъ дальняго расстоянія отъ деревень, онѣ преимущественно служатъ лѣтними кочевьями для Башкирцевъ.

На западномъ теченіи рѣки Инза, отъ деревни Тупчановой до устья, лощина ея обставлена отлогими покатостями, образующими предгорія главнаго известковаго хребта, а далѣе таковыя же скаты высотъ, принадлежащихъ къ формациі краснаго песчаника. Лощина имѣетъ восточную ширину въ одну версту и изобилуетъ хорошими лугами.

Рѣка Инза на теченіи своемъ въ горномъ пространствѣ имѣетъ дно глинисто-песчаное, устланное кварцевыми и сѣроватоконными гальками; ближе къ устью глина увеличивается и образуетъ во многихъ мѣстахъ непроходимыя топи. Русло же становится пологиватымъ и неровнымъ, такъ что высота воды въ глубочайшихъ мѣстахъ превышаетъ одну сажень, а въ низкихъ она не болѣе 2 или 3 футовъ. Берега Инза по большей части плоски и отлоги, но по выходѣ изъ горнаго пространства она возвышается и образуетъ въ изходящихъ частяхъ обрывы вышиною въ одну сажень.

Рѣка Инза впадаетъ въ Икъ двумя устьями: изъ нихъ правое по незначительной глубинѣ ороси; высыхаетъ лѣтомъ и наполняется водою во время весенняго разлива, лѣвое же имѣ-

еть постоянное теченіе: оно шлетъ отъ наносовъ, образуемыхъ при самомъ впаденіи въ Икъ перекачь, по которому вода стремится значительнымъ быстротокомъ.

Инякъ разливается весною около 15 Апрѣля, въ одно время по всему теченію; вода прибываетъ быстро въ первые пять дней и достигаетъ нѣрѣдко высоты полторы саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; послѣ же она убываетъ въ продолженіе одной недѣли, до того, что очищаются всѣ броды. Сплавъ дровянаго лѣса возможенъ по Иняку отъ устья рѣки Сарагуль-атъ-ульганъ. Заднявые мѣста изрыты многими ямами и рытвинами, кои весною наполняются водою, и образуютъ небольшія озера; впрочемъ мѣста эти сухи и доставляютъ отличнѣйшіе покосы.

Лѣтомъ воды Иняка уменьшаются до того, что края русла остаются сухими; выше устьевъ Козмашевъ шарица Иняка отъ 2 до 3 сажень, ниже до впаденія своего въ Икъ, она расширяется сажень на 8.

Въ Кизилъ-ташскомъ ущельѣ находится весьма примѣчательный ключъ, выходящій у подножія известковой скалы сильною струею, шириною въ 4 саж. Отъ сего ключа русло Иняка расширяется по крайней мѣрѣ сажени на полторы. Изъ рыбъ водятся въ Инякѣ одѣ форели (пеструшки и харлюсы).

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кизилуль, Любашъ, Абулманъ, Сюрлуль-атъ-ульманъ, Уссъ-айры, Муайлы, Абызь-сыкканъ, Буруль-бія* и притокъ ея *Нугай-бикки*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ топкихъ лощинъ, на южныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Иняка отъ долины Ика; текутъ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и разливаются въ Инякъ, каждая однимъ устьемъ. Имѣютъ въ началѣ отлогія, котловинистыя русла, глинистое дно и низменные берега. По мѣрѣ углубленія лощинъ усиливается быстрота теченія, дно становится болѣе и болѣе каменистымъ, а русло ровнѣе. Лощины рѣчекъ находятся въ глубокихъ оврагахъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутыми, частію обрывистыми скатами. Полошва лощинъ шириною отъ 20 до 50 саж.; она суха и нѣсколько возвышена надъ поверхностію рѣчекъ, отъ чего и не имѣетъ хорошихъ луговъ; мѣстами же покрыта листовымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчки: *Булашъ-Буйлау, Накитъ-улыанъ, Кизилъ-таши, Якизъ-кайиъ, Ускалы, Асси-слим, Тирмякъ, Тура-айры, Якизъ-карама, Акъ-ташъ* и *Белекей-асси-слим*. Начинаются нѣсколькими источниками въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ика; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Инякъ; имѣютъ болѣе или менѣе ровное русло, каменистое дно и плоскіе берега. Теченіе воды быстро, но глубина и ширина незначительныя; пороги и перекаты очень частыя. По обѣимъ сторонамъ рѣчекъ простираются высокіе известковыя хребты, у нихъ скаты крутые и обрывистые. Отлогія подножія волнуютъ подошву рѣчныхъ лощинъ. Множество ключей и ручейковъ, вытекающихъ у подножій известковыхъ горъ, впадаютъ въ эти рѣчки, а рѣка Акъ-ташъ имѣетъ даже значительные притоки, какъ то, рѣки: Тукмакъ, Бурчаклы, Буруль-біа и Арба-елга.

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ *левой* стороны:

Рѣчки: *Савка-юртъ, Мирзай-курыкъ-аманъ, Сунтуръ-инякъ* и *Салдаръ*. Вытекаютъ изъ отлогіхъ болотистыхъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Ика отъ долины Сюрюна; текутъ болѣею частію съ юга на сѣверъ и впадаютъ въ Инякъ однимъ устьемъ. Русла рѣчекъ, въ началѣ отлогіе и иловатыя, имѣютъ неровное дно и топкіе берега. Ближе къ устьямъ они становятся покатиствѣ; гальки и кругляши покрываютъ поверхность дна и низменные части береговъ. Теченіе быстрое, но незначительное по малому количеству воды. Отроги, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, отлогі и ровны; далѣ по теченію они становятся круче и даже обрывисты. Подошва рѣчныхъ лощинъ покатамъ и ровная, шарина ея рѣдко болѣе 40 сажень. Грунтъ земля глинисто-песчаный, отъ чего по берегамъ почти нѣтъ луговъ; кустарники и молодые деревья покрываютъ часть лощинъ и окружающихъ скатовъ.

Рѣчки: *Большой* и *Малый Казмашъ*. Первая начинается тремя, а вторая двумя источниками на плоской возвышенности, между рѣками Инякомъ и Малымъ Сюрюномъ; текутъ съ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Инякъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Рѣчка Большой Казмашъ составляетъ главный притокъ рѣки Иняка, имѣя ширину отъ 1 до 4 сажень, а глубину отъ 2 до 3 футовъ; во время весенняго половодія, она удобна для сплава дровянаго лѣса, на протяженіи

отъ 4 до 5 верстъ, выше устья; имѣютъ обѣ замѣчатое русло, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе. Скатъ плоской возвышенности, образующіе рѣчныя лощины Козмашевъ, сначала отлоги и ровны, ближе къ устьямъ они круче и выше; на пологихъ лощинахъ встрѣчаются изрѣдко посредственные луга и небольшія колки лѣсвеннаго дѣса.

Рѣчки: *Шайтанъ-сулукъ, Умаръ-сулкъ, Куль-юртъ, Каргасъ-сыртъ, Таллуи, Казанъ-сулкъ, Мукулъ, Буйялу, Усакиръ, Исламъ-уй и Кудъ-бикка.* Имѣютъ источники свои въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ургена; текутъ всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ. Многія изъ нихъ текутъ въ болотистыхъ мѣстахъ лощины Иняка; имѣютъ всѣ короткое, но быстрое теченіе, каменистое русло и плоскіе берега, очень мелководны и незначительной ширины. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими отрогами известковыхъ горъ, кои понижаются къ лощинѣ Иняка отлогими и длинными покатоствами. Подошва лощины взволнована небольшими предгоріями отроговъ; имѣетъ хорошую почву земли и озобируетъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Большой Сюрянъ.

Небольшіе ручейки Битау-куянъ и Сюрянъ со многими боковыми притоками составляютъ вершины Большаго Сюряна; они известны мѣстными жителями подъ общимъ названіемъ Сюрянъ-башъ. Первый изъ нихъ вытекаетъ нѣсколькими ключами на западномъ скатѣ плоской возвышенности, отдѣляющей вершины Большаго Ика отъ притоковъ Верхней Сакмары. Второй у подножіи горы Сузальмагыль, составляющей безъ сомнѣнія высочайшую точку всей плоской возвышенности. Оба текутъ отдѣльными ручейками на протяженіи 15 верстъ по отлогимъ и низменнымъ лощинамъ, поросшимъ смѣшаннымъ дѣсомъ; имѣютъ плоскіе берега и глинистое, котловинистое дно.

Ручейки Сюрянъ и Битау-куянъ, соединившись вмѣстѣ, у хутора деревни Нукаевой, составляютъ рѣку Большой Сюрянъ, которая протекаетъ многими значительными изгибами на протяженіи 74 верстъ отъ сѣверовостока на югозападъ до деревни Аскаревой, гдѣ впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икъ. Отъ хутора деревни Нукаевой рѣка Сюрянъ представляется

чительную рѣчку, по которой, въ весеннее время, дравной и частью строевой лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ въ Икъ.

Рѣка Большой Сюржанъ имѣетъ вообще дно каменисто-песчаное; гальки и кругляши сѣровакковыхъ и глинистыхъ сландцевъ покрываютъ не только самое дно, но и низменные части береговъ; ближе къ устью грунтъ становится болѣе глинистымъ; отъ большей или меньшей быстроты теченія образовались дельтавые наносы и значительныя углубленія, отъ чего глубина Сюрjana весьма различна: въ лимвахъ она болѣе сажени, на перекатахъ не выше одного фута. Притомъ подводные камни и потонушія лѣсныя во многихъ мѣстахъ препятствуютъ свободному теченію воды. Ширина русла также не вездѣ одинакова: она бываетъ отъ 4 до 15 сажень, смотря по большей или меньшей возвышенности рѣчной долины. Берега по большей части плоскіе и ровные; въ исходящихъ изгибахъ они образуютъ небольшіе обрывы, вышиною въ одну сажень; противоположный берегъ обыкновенно отлогъ и покрытъ гальками. Молодыя деревья и хустарники растутъ по нимъ рѣдно и не вездѣ.

Рѣчная долина Сюрjana обставлена въ началѣ крутыми обрывами плоской возвышенности, состоящей преимущественно изъ сландцевъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ; отлогая и ровная цѣпь ея имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; покрыта тучными лугами и небольшими березовыми и осокоревыми перелѣсками. Ближе къ берегамъ встрѣчаются небольшія продолговатыя озера или рытвины, наводненныя осенними водами; изъ нихъ нѣкоторыя открыли себѣ сообщеніе съ рѣчными руслами и образуютъ родъ заливовъ или боковыхъ рукавовъ. Отъ устья рѣки Бердана долина Сюрjana разширится до того, что мѣстами имѣетъ ширину въ 700 сажень; до горы, сопровождающія ее, принимаютъ направленіе перпендикулярное къ ея теченію и образуютъ весьма узкія тѣснины. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ находятся: первая выше хутора деревни Ибраевой, гдѣ лиловая и острая вѣтвь хребта Капчикъ оканчивается двумя крутыми отрогами у самаго берега Сюрjana; вторая ниже деревни Кугарчиной, гдѣ главный известковый хребетъ пересѣкаетъ долину Сюрjana и образуетъ весьма узкое, обрывистое ущелье. За исключеніемъ этихъ тѣснинъ, постоянная ширина долины отъ 1 до 2 версты; долина ея отлога и изволнована

подножіями прилежащихъ горъ; она имѣетъ хорошую почву земли и много такихъ же луговыхъ и пахатныхъ мѣстъ.

Около 20 Апрѣля начинается весенній разливъ: вода прибываетъ быстро два или три дня сряду, достигаетъ наибольшей высоты въ одну сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ въ продолженіе недѣли. По истеченіи сего времени, она опять удобна для проѣзда въ бродъ. Послѣ разлива случается часто, что вода откроетъ себѣ новое русло по озерамъ и ерикамъ, находящимся близъ береговъ, и образуетъ такимъ образомъ небольшія низменныя острова. Воды Сюряна имѣютъ весьма неравномѣрную быстроту теченія: наносы, подводные камни, бѣлая или мѣлая покатошь русла измѣняютъ ее отъ 4 до 15 сажень въ минуту. Большой Сюрянъ замерзаетъ осенью въ первыхъ числахъ Ноября. Изъ рыбъ волятся въ немъ: форели (берды, багры и пеструшки), щуки и налимы.

Въ рѣку Большой Сюрянъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчка Тулюкля. Вытекаетъ двумя источниками изъ отлогихъ лощинъ у подножій возвышенности, отдѣляющей долину Сюряна отъ долины Иняка. Протекаетъ отъ сѣвера на югъ на протяженіи 16 верстъ и вливается въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ. Ровное ея русло имѣетъ каменистое дно, плоскіе берега, обросшіе кустами и молодыми деревьями. Она протекаетъ въ началѣ незначительнымъ ручейкомъ, который постепенно увеличивается до того, что близъ устья имѣетъ ширину пять сажень и глубину отъ 1 до 4 футовъ. Въ двухъ верстахъ выше устья она удобна для сплава дровянаго лѣса. Лощина рѣчки Тулюкли обставлена крутыми, утесистыми скатами, возвышенныхъ уваловъ, прилежащихъ къ ней съ обѣихъ сторонъ; подошва ея, отлогая и большею частію ровная, имѣетъ хорошую почву земли и луговыя мѣста. Ширина ея въ рѣчномъ мѣстѣ превышаетъ 50 сажень.

Рѣчка Егшлы. Вершины Егшлы составляютъ ручейки Большой и Малый Наташлы и Мясать-баръ; отъ соединенія ихъ она принимаетъ названіе Егшлы; течетъ прямо отъ сѣвера на югъ верстъ на 18, и разливается въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ. Русло и теченіе ея тѣхъ же свойствъ, какъ у рѣчки Ту-

люди. По ней возможенъ сплавъ дровянаго лѣса, начиная версть за 8 отъ устья; лощины в притоки, какъ у рѣки Туялюкю.

Рѣчки: *Эмль-атъ-улыанъ, Нагай, Мерланды, Телланды, Тауулыанъ, Куру-сли, Сазалы* в *Ииннаръ*. Начинаются нѣсколькими отлогими лощинами на плоской возвышенности, отдѣляющей долину Малаго Сюряна отъ д. Большаго Сюряна; текутъ всѣ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и впадаютъ въ Большой Сюрянъ, каждая однимъ устьемъ. Русло и теченіе у всѣхъ рѣчекъ одинаковаго свойства; всѣ имѣютъ каменистое дно, плоскіе берега и котловинистыя русла. Ширина ихъ не свыше одной сажени, а глубина нѣсколько дюймовъ. Лощины рѣчекъ отлогія и ровныя, но ширина ихъ рѣдко болѣе 50 сажень; хорошіе луга, кустарники и перелѣски встрѣчаются часто. Плоскіе увалы, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ крутые скаты; обрывы рѣдки.

Рѣчки: *Урманъ-сли* в притокъ ея *Уллу-тау-сли, Кыска, Канчикъ, Малый* в *Большой Алабайталъ, Досиллная* в *Мубай*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками съ восточныхъ склоновъ горъ *Юанъ-тапанъ* и *Канчикъ-тау*; оканчиваются въ лощинѣ Сюряна, не доходя до самаго русла. Котловинистое русло имѣетъ вловатое дно и много подводныхъ камней; берега плоскіе, частію топки. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая не выше одного фута, послѣдняя не болѣе сажени; теченіе быстрое. Лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными отрогами, отходящими отъ горы *Канчикъ*. Ширина лощины отъ 1 до 2 верствъ, подошва же не шире 20 сажень; мѣстами тонка и поросла двудревнымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ находятя хорошіе луга.

Рѣка *Малый Сюрянъ* (см. далѣе).

Рѣчки: *Асси-сли* в *Зиркля*. Небольшіе ручейки, вытекающіе съ западныхъ и восточныхъ склоновъ горы *Кама-тау*, впадаютъ въ Большой Сюрянъ однимъ устьемъ; имѣютъ глинисто-песчаное и частію тонкое русло, плоскіе болотистые берега и незначительное теченіе. Неширокія лощины покрыты рѣдкимъ кустарникомъ и посредственными лугами.

Въ рѣку Сюрянъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Асси-баръ, Большой* в *Малый Калдыкъ*. Вытекаютъ изъ отлогихъ лощинъ со склоновъ плоской возвышенности, раздѣля-

ющей долину Урманъ-вильира отъ долины Сюрыва; текутъ по общему направлению отъ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Большой Сюривъ. Небольшіе ручейки Асеи-баръ и Калдыкъ текутъ въ началѣ по шловатому дну между пламенными берегами, далѣе они болѣе и болѣе углубляются, русло становится каменистымъ и покатымъ, отъ чего вода получаетъ быстрое теченіе. Близъ вершинъ лоциныхъ рѣчекъ отлогія и топкія, далѣе суживаются крутыми и обрывистыми скатами высотъ, кои съ обѣихъ сторонъ тинутся въ видѣ возвышенныхъ уваловъ. Подошва лоцины болѣею частію сухая и отлогая, рѣдко шире 20 сажень; лѣса и луга встрѣчаются по всему теченію ручейковъ.

Рѣчка *Тымауръ* или *Усантай*. Начинается однимъ источникомъ въ отлогій лоцинѣ на западномъ скатѣ увала, разделяющаго долину Большаго Сюрыва отъ долины Урманъ-вильира, течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ рѣку Большой Сюривъ однимъ устьемъ. Въ шести верстахъ выше устья она удобна для сплава дровянаго лѣса. Иметъ близъ вершинъ шловатое дно и топкіе берега; ниже русло становится рѣвѣе, дно каменистымъ и берега возвышенными. Ширина увеличивается постепенно отъ 1 до 2 сажень, но глубина рѣдко превышаетъ 1 аршинъ. Теченіе воды быстрое; встрѣчаются часто пороги. Лоцина имѣетъ общія свойства съ лоцинами вышеописанныхъ рѣчекъ, съ тою разницею, что она нѣсколько шире. Въ рѣчку Усантай впадаютъ: съ правой стороны, притоки рѣчекъ Сываюртъ и Джуволь-агачъ, съ лѣвой рѣчки Купай-изна и Уударъ-гигаъ. Всѣ они мелководные ручейки, протекающіе по отлогимъ и сухимъ лоцинамъ, дно имѣютъ топкое а берега низменныя.

Рѣчка *Бердяшъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ и топкихъ лоцинъ близъ Чувашской деревни Бердяшъ-ямъ на старой Исецкой дорогѣ; течетъ отъ юговостока на сѣверозападъ, и разливается однимъ устьемъ въ Большой Сюривъ. Она начинаетъ быть удобною для сплава дровянаго лѣса въ 10 верстахъ выше устья. Бердяшъ течетъ въ началѣ, въ видѣ незначительнаго ручейка, по глинисто-песчаному дну, между отлогими и частію топкими берегами. Ниже деревни Бердяшъ-ямъ, русло ея болѣе и болѣе увеличивается, такъ что обыкновенная ея ширина отъ 2 до 6 сажень; глубина въ началѣ не превышаетъ одного фута, далѣе же болѣе одного аршина; берега возвышаются также

и образуютъ въ ископающихъ нагибахъ небольшіе яры въ зрѣніи высотъ. Многіе пороги и значительная покатость два придаютъ водѣ быстрое теченіе. Отлогая и ровная лощина Бердана обставлена съ начала длинными покатостями возвышенныхъ угодьевъ, но прривыаютъ постепенно впадъ глубокаго оврага, протекающаго между высокими утесами. Подошва лощины сухая и ровная, ширина ея отъ 50 до 200 сажень; хорошіе луга находятся въ насаженныхъ мѣстахъ, ежели до впадения въ долину вода; кустарники и переигоки встрѣчаются часто. Въ Берданѣ впадаютъ: съ правой стороны, рѣчки: Кутай, Джирасъ-гогошъ, Ый-рель, Илди-баргагъ и Бурзатъ-елги; съ лѣвой, рѣчка Уртайръ-елга. Она всѣ сходила съ прочихъ притоками Сюрана.

Рѣчки: *Карсакли* съ притоками *Измабаръ-сіры* и *Кую-бара*, *Аккундузъ*, *Арту* и *Зирташизъ*. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ лощинахъ на возвышенности, отдѣляющей долину Емашлы отъ долины Большаго Сюрана. Течуть всѣ отъ востока на западъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сюранъ. Русло ручейновъ имѣетъ впаденное и котловинное дно, высшіе возвышенныя берега; ширина и глубина незначительныя. Теченіе прерывается многими перекатами, по коимъ вода стремится быстро. Плоскіе, не крутые отроги, сопровождающіе теченіе рѣчекъ съ обѣихъ сторонъ, находятся въ началѣ очень близко другъ отъ друга, къ устьямъ же они болѣе расходятся, такъ что подошвы рѣчныхъ лощинъ расширяются на 150 сажень; они болѣею частью отлоги и поросли кустарникомъ.

Рѣчка *Емашла*. Вытекаетъ двумя источниками на сѣверныхъ скатахъ плоской возвышенности, между Большимъ Сюраномъ и вершиною Каомарка. Течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Большую Сиранъ однимъ устьемъ, выше долины Кугарчиной. Отъ соединенія вершинъ рѣчки Емашла имѣетъ ровное каменное русло, быстрое теченіе и плоскіе берега. Во время доннаго полноводія она удобна для сплава дроваго лѣса версты на три выше устья. Лѣгомъ шарина и глубина ея незначительная: первая рѣдко болѣе 3 сажень, вторая не свыше аршина. Версть на 10 отъ вершинъ рѣчки Емашла претонаетъ въ узкомъ оврагѣ между крутыми и утесистыми покатостями. Подошва оврага отлогая и зарыта многими ямами и углубленіями. Ближе къ устью лощина расширяется сажень на 300; она обставлена съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ. По-

дошла лощины тутъ отлеже и ровнѣе; она покрыта близъ береговъ листовнымъ лѣсомъ и имѣетъ хорошіе луга. Въ Еманлу впадаютъ: справа, рр: Султанъ-гюганъ, Кучукъ-уалихъ, Мойлы и Зирганъ; съ лѣвой рр: Большыя, Сазъ-елги, Большыя-беръ, Каванъ-берганъ, Башъ-коршаги, Еибетъ и Корабашъ.

Рѣчки: *Кизалкъ, Карамалъ, Кара-агачъ, Тлхи-турманъ и Кай-раклы*. Небольшіе ручейки, вытекающіе у сѣверныхъ подножій известковыхъ горъ, между Большимъ Сюрьяномъ и Усалыкомъ; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Они очень мелководны, имѣютъ каменисто-песчаное русло и плоскіе берега. Лощины ручейковъ нешироки и отлоги. Въ низменныхъ частяхъ ея находятъ хорошіе луга.

Рѣка Малый Сюрянъ.

Вытекаетъ четырьмя небольшими ручейками съ западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долины рѣкъ Саянары и Ика; она протекаетъ частыми извивами по общему направленію отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Отъ точки соединенія ручейковъ, образующихъ вершины Малаго Сюряна, русло ея пролегаетъ по узкому и крутому оврагу, обставленному съ обѣихъ сторонъ утесистыми скатами плоской возвышенности; подошва оврага рѣдко шире 50 сажень. По причинѣ песчано-каменистой почвы она не очень изобилуетъ лугами и поросла большею частию сѣтчанно-лиственнымъ лѣсомъ. Отъ устья рѣки Акъ-таша лощина Малаго Сюряна ограждается крутыми отрогами известковыхъ хребтовъ, пересѣкающихъ теченіе ея и образующихъ весьма значительныя тѣнины противъ устья рѣчки Азаклы, между деревнями Бекбердиной и Аккундушемъ, а послѣднюю близъ деревни Биккужиной; въ прочихъ мѣстахъ постоянная ширина рѣчной лощины около одной версты.

Рѣка Малый Сюрянъ течетъ по ровному и каменному руслу между плоскими берегами, обросшими листовнымъ лѣсомъ. Весною она разливается, одновременно, по всему теченію, около 10 Апрѣля, и затопляетъ низменные части рѣчной лощины на значительное разстояніе. Полноводіе продолжается не болѣе 10 дней, послѣ чего вода опять входитъ въ русло. Заливные мѣста высыхаютъ скоро, вода застаивается ненадолго въ ямахъ и рыт-

вливахъ близъ береговъ. Лѣтомъ вода убываетъ до того, что рѣка дѣлается во всякомъ мѣстѣ удобопроходимою въ бредѣ. Быстрота теченія очень неровная и зависитъ отъ большей или меньшей покатости дна; въ средней сложности она протекаетъ пять сажень въ одну минуту. По Малому Сюрюну возможенъ сплавъ дровяного лѣса отъ устья рѣки Сіуртаганъ.

Въ рѣку Малый Сюрюнь впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Сырымбетъ-ели, Курумалки, Сеймуль-ели, Сіуртанъ, Сукуръ-сарта, Какмакъ и Азаклы*. Берутъ начало свое отъ соединенія нѣсколькихъ отлогихъ топкихъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Малаго Сюрюна отъ долины Ургеня; текутъ всѣ отъ сѣверозапада на юговостокъ и впадаютъ въ Малый Сюрюнь однимъ рукавомъ. Текутъ въ началѣ по глинистому, а далѣе по каменисто-песчаному грунту; имѣютъ котловинистое русло, плоскіе берега и незначительное теченіе; подводные камни и наносы образуютъ частые пороги и быстротки. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая рѣчка превышаетъ поларшина, вторая отъ 5 до 10 футовъ. Узкія лощины рѣчекъ пролегаютъ между крутыми скатами прилежащихъ уваловъ и хребтовъ; онѣ большею частію покрыты кустарниками и молодымъ лѣсомъ, въ особенности близъ самаго русла; въ лощинахъ Сукуръ-сарата, Какмака и Азаклы находится превосходныя луговыя мѣста.

Рѣчки: *Тирекля, Уллу-ели, Куруль-ели, Сунтуръ-ели, Сарай-ели, Кушъ-уй, Мяскау и Кара-атъ-джманъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками у восточныхъ подножій известкового хребта, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Сюрюна, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малый Сюрюнь. Нѣкоторые изъ ручейковъ не имѣютъ постоянного теченія и высыхаютъ среди лѣта, другіе хотя имѣютъ теченіе въ продолженіе всего года, но также мелководны. Имѣютъ каменистое русло и плоскіе берега, глубина и ширина ручейковъ очень незначительная. Съ обѣихъ сторонъ лощинъ находятся высокія и крутыя горы, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 1 и 2 версты. Пространство между подножіями имѣетъ отлогія покатости къ берегамъ и представляетъ отличнѣйшія луговыя мѣста. По берегамъ и въ сухихъ лощинахъ растутъ мелкіе лѣса и кустарники.

отъ рѣки Малый Сюрьянъ впадаютъ съ западной стороны

Рѣчки: *Херашлы, Ашташъ и Карасаклы*. Составляютъ главные притоки рѣки Малаго Сюрьяна; начинаются въ несколькихъ источникахъ на плоской возвышенности, разделяющей долину Малаго Сюрьяна отъ долины Большаго; текутъ по направлению отъ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малый Сюрьянъ. Ширина русла отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 4 футовъ. Имѣютъ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое течение. Въ 2 или 5 верстахъ выше устьевъ они удобны для сплава дровянаго лѣса, въ особенности рѣчка Ашташъ, по которой уже сдѣланы опыты. Лощины рѣчекъ обставлены крутыми, обрывистыми скатами съ боровковыхъ и глинистыхъ возвышеній; ровная подошва имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; молодые деревья и кустарники растутъ преимущественно близъ береговъ по заливаемымъ мѣстамъ; кромѣ многихъ безыменныхъ ручейковъ, рѣчка Ашташъ принимаетъ притокъ Уллу-елга.

Рѣчки: *Ширпанъ-уй, Тулай, Джиллю и Сасыкъ*. Вытекаютъ въ несколькихъ источникахъ со скатовъ горъ Котикъ и Ювъ-типканъ. Текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ въ рѣку Малый Сюрьянъ однимъ устьемъ. Проходя въ горномъ странствѣ, онѣ имѣютъ быстрое теченіе, каменистое русло и крутое дно; но приближаясь къ лошинамъ Малаго Сюрьяна, онѣ частью теряются въ небольшихъ болотистыхъ лощинахъ, частью протекаютъ медленно, по вловатому дну, между топкими берегами. Высокіеи крутые отроги горъ тянутся въ началѣ по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ въ несдальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Не доходя однако версты двѣ до Малаго Сюрьяна, онѣ понижаются отлогими и широкими скатами; подошва лощинъ вездѣ узкая и неровная, въ пныхъ мѣстахъ находятя хорошіе луга.

Однѣяніе рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Уралъ съ правой стороны:

Рѣчка *Худалазъ* (по-Башкирски *Тюлѣсъ*).

Рѣчка *Худалазъ* вытекаетъ шестью небольшими ручейками съ восточныхъ скатовъ хребта Ирындыка; примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Куся, на которой устроены золотопромывательные станки компаніи Генералъ - Лейтенанта Жемчужникова, и рѣчка Катъша, вытекающая у подножіи горы Сыкертмы-тау. Прочія вершины Худалаза носятъ общее назва-

ние Тимань и соединяются въ одно русло, ниже деревни Мукаса-
ной. Рѣка Худалазъ течетъ отъ сѣверо-запада въ юго-востокъ до
крѣпости Изимльской, гдѣ вливается однимъ устьемъ въ рѣку
Ураль; дно имѣетъ мѣстами плоское, мѣстами каменистое; низ-
менные; топяе берега порослы великими кустарниками. Теченіе
воды въ началѣ быстрое, но по выходѣ изъ горъ оно становится
медленнымъ; русло расширяется постепенно и принимаетъ видъ
степной рѣчки, представляющей рядъ продолговатыхъ озеръ,
соединенныхъ углубленными протоками. Вода хорошая, и въ озе-
ракъ водится множество рыбъ, какъ то: караси, щука, окуни и
т. п. Впадою рѣчка Худалазъ разливается около 15 Апрѣля; по-
водіе продолжается не болѣе 10 дней, но несколько не способ-
ствуетъ къ сплаву леса. Заливные мѣста орошаются лѣтомъ
посредствомъ отводныхъ канавъ, отъ чего все болѣею частью
топки и болотисты, но доставляютъ Башкирцамъ большое коли-
чество сѣна.

Ручейки, составляющіе вершины Худалаза, раздѣляются между
собой высокими и крутыми отрогами хребта Ирыдыка, отсто-
ящими другъ отъ друга не болѣе трехъ верстъ. Ниже де-
ревни Аймеровой лощина Худалаза суживается двумя острыми
хребтами; простирающимися перпендикулярно къ ея тече-
нію; по выходѣ изъ тѣсныхъ речныхъ лощинъ Худалаза обра-
зиваются отложениями возвышеніями, отдѣляющими ея отъ долинъ
рѣчекъ Кизильи и Уртазыма. Въ Худалазъ впадаетъ съ правой
стороны степной ручей Мукасъ-елга, а съ лѣвой двѣ сухія ло-
щины Япрыклы и Карыбаръ.

Рѣка *Большой Уртазыма* (по Башкирски *Уртазыма*).

Вытекаетъ изъ многихъ топкихъ ручейками уподножій горы Кашъ-
тау; главныя вершины составляютъ ручейки Исамбергъ, Куперли и
Тройникова; которые по соединеніи образуютъ истинное русло
Уртазыма. Она протекаетъ верстъ около 40; отъ сѣвера на югъ,
поворачиваетъ потомъ на востокъ и впадаетъ однимъ устьемъ
въ рѣку Уральъ близъ Уртазымской крѣпости. Дно рѣки со-
стоитъ изъ чернаго ила, изрыто многими ямами и углубленіями;
вода мутная; въ многихъ мѣстахъ, теченіе подъ землю и обра-
зуетъ на поверхности русла топки и мочковитыя болота; отъ
устьевъ же Юлу она принимаетъ видъ непрерывнаго и быст-
раго потока, и вѣщаго плоскіе и частью топяе берега.

Рѣка Уртазыма разливается обыкновенно въ половинѣ Апрѣля;

вода; прибывая быстро и одновременно по всему течению, достигает наибольшей высоты отъ одного до двух аршинъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ столь быстро, что рѣка, по истеченіи 10 дней, входитъ въ старое русло. Заливные мѣста частію сухія, частію тонкія, въ особенности тамъ, гдѣ проведены водопроводныя канавы для наводненія луговъ.

До устья рѣчки Юлуя лощина Уртазыма укал и гористая; высокіе, крутые отроги Ирындыка тянутся параллельно ея течению въ 2 или 3 верстахъ отъ береговъ; боковые отроги, отходящіе отъ главныхъ вѣтвей, оканчиваются высокими горами близъ самаго русла рѣчки и образуютъ нагорные ея берега. Отъ устья Юлуя течение Уртазыма постепенно отклоняется отъ хребта Ирындыка, лощина расширяется саженъ на 300 и становится отложе и ровнѣе.

Въ рѣку Большой Уртазымъ впадаютъ *справа*:

Рѣчка *Шуралы*. Имѣетъ вершину въ возвышенной и кочковатой лощинѣ на южномъ скатѣ горы Кушъ-тау. Небольшой ручеекъ, имѣющій вловатое дно, низменные берега и топкую узкую лощину, перерѣзанную въ разныхъ направленіяхъ водопроводными канавами, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Уртазымъ у деревни Бахтигиреевой; кромѣ незначительныхъ лощинъ, другихъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Буралы*. Вытекаетъ нѣсколькими лощинами со скатовъ горъ Большой и Малой Байчура-тау. Течетъ сначала по вловатому и тонкому дну между плоскими берегами. Лощина обставлена справа крутыми отрогами горы Байчуры, слѣва горами Улу и Карамалы-тау; по выходѣ изъ горъ она принимаетъ видъ степнаго ручейка, — рядъ продолговатыхъ озеръ, соединенныхъ небольшими рытвинами; лощина обставлена длинными и отлогими скатами возвышеній, отдѣляющихъ ее отъ долины Карамалы. Въ лощину рѣчки Буралы впадаетъ множество сухихъ и отлогихъ лощинъ. Она вливается однимъ устьемъ въ Уртазымъ.

Рѣчка *Карамалы*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножій Малаго Байчура и Зоръ-болта-тау. Имѣетъ вловатое дно, плоскіе обрывастые берега, русло до выхода изъ горъ ровное, далѣе же котловинистое. Лощина обставлена справа отрогами горъ Улу и Карамала-тау, слѣва подножіями горъ Аба

и Бердакой. Впадаетъ однимъ устьемъ въ Уртазымъ. По выходѣ изъ горнаго пространства, она принимаетъ нѣсколько ручейковъ и сухихъ лощинъ, изъ первыхъ самыя замѣчательныя—рѣчки Туртокой и Урема.

Рѣчка *Гулбай*. Вытекаетъ у подножій горы Кусякъ, отъ которой идетъ по направленію къ востоку и впадаетъ однимъ сухимъ устьемъ въ Уртазымъ. Имѣетъ до выхода изъ горъ ровное русло, шловатое и частію каменистое дно, плоскіе берега и узкую, крутую лошину; далѣе она принимаетъ характеръ степнаго ручейка; въ которомъ сообщеніе между плесами прекращается среди лѣта. Сухая лошина обставлена слѣва отложениями подножіями горъ Акъ-кушъ и Бикберды, справа крутымъ отрогомъ, отходящимъ отъ горы Бойгузы. Примѣчательнѣйшія изъ притоковъ рѣчки: Зилбашъ и Бойгуза-сазы.

Рѣчка *Мунча*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножій горъ Зилбашъ, Кусякъ и Суурголь. Впадаетъ въ Уртазымъ однимъ устьемъ, которое обыкновенно высыхаетъ лѣтомъ. Отлогая лошина обставлена подножіями горъ Зилбаша и Суурголь. Вода высыхаетъ въ началѣ лѣта и образуетъ на днѣ русла кочковатыя топи. Вся лошина обросла мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчка *Малый Уртазымъ*. Вытекаетъ изъ возвышенной и топкой лощины у подножій горы Бойдагуль. Течетъ по направленію отъ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Большой Уртазымъ однимъ устьемъ. По свойствамъ она сходна съ степными ручейками; русло состоитъ изъ множества продолговатыхъ плесовъ. Вдоль лощины тянутся невысокіе увалы въ разстояніи полверсты. Въ Малій Уртазымъ впадаютъ топкія лощины Кивлерия, Агреръ-отканъ и Козя-тыль.

Рѣка Танаалыкъ.

Начинается небольшимъ ручейкомъ изъ озера Толкача; течетъ на протяженіи 120 верстъ отъ сѣвера на югъ, до деревни Байкачкаровой, гдѣ поворачиваетъ на сѣверовостокъ; слѣдуя по сему направленію до хутора деревни Ямагузинной, она переиѣняетъ теченіе, поворачивая къ юговостоку и протекала далѣе по сему направленію до крѣпости Танаалыцкой, у которой вливается однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ.

Русло Танаалыка представляетъ въ началѣ тонкое, кочковатое

болото, по которому вода не имеет постоянного течения. Некогда деревня Абуалияевой она принимает вид степного ручейка, коего котловинастое русло состоит из продолговатых озер, соединенных между собою неширокими полками. От устья рѣки Бузудыка озера увеличиваются и получают значительное протяженіе въ длину и ширину. Размѣры русла весьма равнинныя; встрѣчается мѣстами ширина болѣе 10 сажень, а также шесть мѣста, гдѣ она не превышаетъ полусажень; глубина также не одинакова. Дно имеетъ не большей части шловоатый, тонкій грунтъ; по всему течению встрѣняются болшіе, а иногда и асеровкаменныя огломки, сносимыя теченіемъ воды съ окрестныхъ горъ. Плоскіе, топкіе берега обросли рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ. Быстрота течения въ сложности незначительна, а особенность лѣтомъ, когда сообщеніе между многими массами вовсе прекращается. Весеннее повородіе начинается въ половинѣ Апрѣля, вода прибываетъ быстро къ продолженію врѣхъ или чезырехъ ивей, выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ часть лощины на которой распространяется; время разлива продолжается не болѣе чедвѣхъ по истеченіи которой вода опять вкочитъ въ русло. Заливныя мѣста высыхаютъ скоро и представляютъ отлажѣвшія луговыя мѣста; въ ямахъ и рѣтвицахъ вода застаивается долго и многія валованы ею круглый годъ.

По всей лощинѣ Танадыка находится множество солончаковъ, придающихъ водѣ нѣсколько солончатый вкусъ, впрочемъ она годна для питья и изобилуетъ рыбою, какъ то: карасями, щуками, окунами, ливья, налимами. Рѣчная лощина Танадыка ограничивается съ правой стороны хребтомъ Сакъ-тау, простирающимся верстъ тридцать параллельно ея теченію и отстоящимъ не болѣе трехъ верстъ отъ ея береговъ. Далѣе, хребты Уваранъ, Шейнякъ и Сейтъ-тау составляютъ западный предѣлъ лощины; они хотя и отклоняются болѣе отъ рѣки, но отдѣляютъ къ ней множество боковыхъ отроговъ, оканчивающихся высокими предгорьями у самаго русла. Отъ устья рѣки Бузудыка мѣстность принимаетъ характеръ высокой возвышенности; отлогіе скаты ея въ Танадыку переоризаны глубокими лощинами. На теченіи своемъ отъ деревни Байкачкаровой до хутора деревни Ямагушовой, нагорныя берега Танадыка представляютъ отдѣльно стоящія высокія горы.

Съ лѣвой стороны долина Таналыка обставлена; отъ озера Тоу-начи до устья Бузуулыка, западными отрогами хребта Ширмай-ка, оканчивающимися каменистыми предгоріями въ одной верстѣ отъ береговъ; они образуютъ съ отрогами хребта Уварашъ, Шеймакъ и Сейтъ-тау тѣсныя, чрезъ которые воды Таналыка постепенно могли отыскать себѣ проходы. Главныя тѣсныя находятся у деревни Адицбаевой, гдѣ гора Илсавбина-тау и отрогъ хребта Сокъ-тау заграждаютъ болотистую часть долины Таналыка. Ниже деревни Буранбатарій, долина сужена горою Тюльким-тау и отрогомъ горы Уварашъ-тау. Последнюю тѣснину образуетъ боковая вѣтвь, отходящая отъ горы Сейтъ-тау и съ противоположной стороны отрогъ горы Кунакай. Впрочемъ долина Таналыка отлога и вѣтвиста; болотиста, въ особенности близъ устьевъ горныхъ ея притоковъ; отличныя луговныя мѣста и небольшіе перелѣски встрѣчаются по всему ея теченію.

Въ рѣку Таналыкъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчка *Уварашъ*, *Ширмай-саъ*, *Мембей* и *Араль-даукъ*. Вытекаютъ изъ низменными и кочковатыми долинами съ скатами хребта Уварашъ-тау, текутъ къ востоку на протяжении отъ 3 до 6 верстъ и впадаютъ въ Таналыкъ, каждая образуя сухимъ устьемъ. Имѣютъ низменные, плодкія берега, иловатокаменистое, ровное дно; долины ручейковъ образуются отлогими и невысокими отрогами, отходящими отъ хребта Уварашъ-тау; скаты ихъ перерѣзаны неглубокими, длинными, впадающими въ русла, главныхъ ручейковъ.

Рѣчка *Бузуулыкъ*. Вытекаетъ изъ длинной долины у подножія горы Тукралъ-тау, имѣетъ протяженіе верстъ на 40 отъ озера на югъ, и впадаетъ въ Таналыкъ однимъ устьемъ, близъ хутора деревни Кидицбаевой. Русло имѣетъ котловинное, какъ вообще всѣ степныя ручейки; озера и плесы соединяются небольшими ручейками. Низменные берега обросли камышомъ и кустарникомъ; встрѣчаются часто овражки, отъ коихъ вода имѣетъ вкусъ нѣсколько солоноватый. Къ долину Бузуулыка примкнута съ правой стороны, отлогими покатолями, плоская возвышенность, отдѣляющая долину Сакмары отъ долины Таналыка; она подножія горы Камъ-тау, Айдоръ-Суяка, Толпай-кочка, и, ниже, возвышенный хребетъ, составляющій юж-

ную оконечность хребтов Шейнякъ и Сейтъ-тау. Въ Бузу-лыкъ впадаютъ: справа, рѣчки: Зиркилы, Улу, Белокей, Бузу-лыкъ, Камышъ-узьякъ Куруаюллы, Аюллы; слѣва, ручейки: Сур-талъ-Узьякъ и Бурулга.

Рѣчки: *Зирекъ-Аючъ, Карсаклы и Тирлямышъ*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенности между Сакмарою и Таналыкомъ, протекаютъ по направленію къ юговостоку и впадаютъ въ Таналыкъ, каждая своимъ устьемъ. Теченіе имѣютъ неостоянное, по причинѣ котловинистаго русла, въ которомъ вода скопляется небольшими озерами среди лѣта; сообщеніе между ними прекращается и ручьи превращаются въ топкую лощину, поросшую травою, камышемъ и кустарникомъ. Лощина рѣчекъ образуется отлогими покатоками плоской возвышенности, по концы онѣ протекаютъ.

Въ рѣку Таналыкъ впадаютъ съ *левой* стороны:

Рѣчки: *Шугуръ, Караузьякъ, Куру-ели, Боталъ-сазъ, Актуши, Карайлысазъ, Тукмакъ, Акжиды, Таллы-узьякъ, Тамъ-кити, Аодулминъ, Карсыя и Бакирузьякъ*. Вытекаютъ возвышенными широкими и болотистыми лощинами съ западныхъ скатовъ Ирындака. Направленіе имѣютъ по большей части отъ востока на западъ и вливаются въ Таналыкъ болотистыми устьями, кои пересыхаютъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ всѣ имѣютъ теченіе быстрое, каменистое дно и плоскіе берега, ближе къ устьямъ дно становится иловатымъ, паденіе его уменьшается и все русло принимаетъ видъ болотистой лощины. Лощины ручейковъ образуютъ въ началѣ возвышенную болотистую поляну, въ которой сосредоточивается множество второстепенныхъ лощинъ; она обставлена высокими крутыми отрогами Ирындака, отстоящими другъ отъ друга не болѣе какъ версты на двѣ. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, лощины ручейковъ углубляются и суживаются крутыми скалистыми подножіями его отроговъ. Низменные части лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣчки: *Шуръ-узьякъ, Исмаиль-узьякъ и Юланы*. Вытекаютъ также изъ болотистыхъ лощинъ со скатовъ хребта Тюлкуюл-ташъ-тау.

Рѣчки: *Тамъ-любя-узьякъ, Карайлы-узьякъ, Адры-сазъ, Сакимъ-узьякъ и Су-узьякъ*. Вытекаютъ отлогими топкими лощинами съ западныхъ скатовъ возвышенностей, составляющихъ пре-

долженіе Ирдынка, текутъ на западъ и впадаютъ сухими устьями въ Таналькъ. Русло имѣютъ отлогое и котловинистое, берега и самое дно по большей части топки и устланы каменными отломками. Лощины ручейковъ отлогія и сухія; они обставлены отложениями скатами плоскихъ уваловъ, отходящихъ отъ главныхъ возвышеній.

Рѣчка *Махань*. Вытекаетъ тремя источниками у подошвей возвышенностей, раздѣляющихъ долину Таналька отъ долины Урала. Имѣетъ теченіе отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ Таналькъ выше деревни Исангуловой. Течетъ по котловинистому руслу небольшими озерками; имѣетъ плоскіе берега, обросшіе рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ; дно большею частью топкое, а грунтъ мѣстами глинистый, мѣстами песчаный. Лощина обставлена отложениями и длинными покатостями возвышеній, отдѣляющихъ воды Макана отъ водъ Таналька и Урала. Ширина подошвы отъ 20 до 100 сажень, она суха и обросла хорошимъ ковылемъ. Въ Махань впадаетъ небольшой степной ручей Пигизъ-каинъ.

Рѣка Большая Губерля.

Вершины ея образуютъ нѣсколько топкихъ и отлогіхъ лощинъ, имѣющихъ начало свое на южныхъ скатахъ плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Ураломъ. По соединеніи главныхъ лощинъ (именуемыхъ аячлы): Губерля, Мрязъ-аурганъ и Аби-ульганъ, общее ихъ русло составляетъ рѣку Большую Губерлю, текущую сначала по юговостоку до устья рѣки Сухой Губерли, далѣе она поворачиваетъ на югозападъ и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до Губерлинской крѣпости, близъ которой впадаетъ въ рѣку Уралъ однимъ устьемъ.

Русло рѣки Губерли находится сначала въ отлогій, неглубокой лощинѣ, имѣющей видъ неширокой впадины; по мѣрѣ удаленія отъ вершинъ она постепенно расширяется и углубляется до того, что образуетъ широкій и крутой оврагъ.

Подошва лощины представляетъ отлогую равнину, шириною отъ 50 до 200 сажень; на ней встрѣчаются хорошія луговья мѣста, покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Ближе къ руслу она изрыта небольшими углубленіями и ямами, образованными теченіемъ воды во время полноводія; многія изъ нихъ наполнены водою и образуютъ продолговатыя озера, въ особенности часто

на пространствѣ между деревнею Байгазаковою и устьемъ Сухой Губерли. Вода прорываетъ иногда сообщеніе между этими озерами и образуетъ небольшіе рукава, которые часто превращаются въ настоящія русла.

Быстрота теченія въ началѣ незначительна, но по мѣрѣ увеличиванія количества воды, она усиливается и даетъ рѣкѣ Губерлѣ характеръ быстрого горнаго потока. Глубина рѣки не вездѣ одинаковая и завиститъ большею частію отъ качества грунта, по которому она протекаетъ. Въ первой половинѣ ея теченія, глинисто-песчаное дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, имѣющими глубину отъ нѣсколькихъ футовъ до одной сажени; во второй же половинѣ оно ровнѣе и покрыто большею частію каменными отломками; глубина воды здѣсь рѣдко выше 4 футовъ, а ширина не болѣе 3 сажень.

Весенній разливъ начинается обыкновенно въ началѣ Апрѣля; отъ скорога таянія снѣговъ на прилежащихъ возвышенныхъ степяхъ вода прибываетъ быстро, выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ низменные части лощины. По прошествіи 3 или 5 дней она опять уходитъ въ русло и понижается въ продолженіе 1½ недѣли до обыкновеннаго уровня. Вода хороша и въ ней водятся рыбы: щуки, линны, налимы, сабоки и пеструшки (форели).

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчка *Зиргаишъ*. Вытекаетъ двумя отлогими лощинами у восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей вершины Губерли отъ вершинъ Курагана; течетъ по направленію къ юговостоку и впадаетъ въ Большую Губерлю устьемъ. Идетъ въ началѣ по болотистому руслу, въ которомъ вода застаивается въ небольшихъ плесахъ; ниже русло ея постепенно углубляется, дно становится каменистымъ и вода принимаетъ быстрое теченіе. По мѣрѣ углубленія русла, лощина Зиргавша принимаетъ видъ оврага, имѣющаго въ ширину отъ 20 до 250 сажень; подошва его образуетъ отлогую ровную полосу, обросшую луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Бока оврага изрыты многими сухими лощинами; изъ нихъ главныя: Аю-сазъ и Яманъ-сазъ.

Рѣчки: *Калмакъ-карауль*, *Бзау*, *Кузаканъ*, *Ускукъ*, *Итъ-сура*, *Джисракли*, *Бутъ-дэсима*, *Карманка* и *Райманъ*. Начиваются нѣсколькими лощинами изъ восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей долину Чебаклы отъ Большой Губерли; текутъ всѣ

къ востоку и оканчиваются сухими устьями въ лощинѣ Губерли. Имѣютъ по большей части сухія русла, въ коихъ ключевыя воды образуютъ мѣстами кочковатыя топи; подошва лощинъ представляетъ хорошія покосныя мѣста. Лощины по мѣрѣ приближенія къ устью образуютъ довольно крутые овраги, бока коихъ изрыты многими второстепенными лощинами.

Рѣчки: *Чебаклы* и *Каялы*. Вытекаютъ нѣсколькими болотистыми лощинами на восточныхъ скатахъ возвышеній, отдѣляющихъ вершины Кургана и Бялу отъ долины Губерли. Протекаютъ обѣ отъ сѣвера на югъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Губерлю, первая у самой Губерлинской крѣпости, вторая въ 15 верстахъ выше. Русло, теченіе и лощины во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ рѣчкою Зиргаишемъ. Въ Каялу впадаютъ, кромѣ множества незначительныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, рѣчка Малая Каяла, имѣющая вершины свои 6 верстами ниже вершинъ Большой Каялы. Рѣчка Чебаклы принимаетъ также множество безименныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ начало свое на плоской возвышенности между Губерлею и Самарою.

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Доусъбай*, *Самакъ*, *Султанкай* и *Япалакы*. Начинаются нѣсколькими топкими лощинами на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, отдѣляющей рѣчку Большую Губерлю отъ Сухой Губерли. Русла составляютъ отлогія лощины, по коимъ стекаютъ дождевыя и снѣговыя воды со скатовъ возвышеній; лѣтомъ онѣ высыхаютъ и образуютъ отличныя луговыя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ руслу Губерли лощины углубляются и принимаютъ видъ узкихъ овраговъ, коихъ скаты перерѣзаны многими сухими лощинами.

Рѣчки *Яланъ* или *Сухая Губерля*. Начинается нѣсколькими сухими лощинами на южныхъ скатахъ сырта, отдѣляющаго долину Губерли отъ долины Таналька; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большую Губерлю. По соединеніи овраговъ Кулдукачи и Киранъ-кигана, ключевыя воды образуютъ нѣсколько болотистыхъ углубленій, отстоящихъ сначала въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; ниже жъ плесы увеличиваются и соединяются небольшими ручейками. Грунтъ русла состоитъ изъ чернаго ила, смѣшаннаго гольками и камен-

ными отломками. Берега плоскіе, покрытые камышемъ и мелкимъ кустарникомъ. Лощина въ началѣ не шире 50 сажень и ограничивается отлогими скатами сыртовъ, отдѣляющихъ ее отъ Урала и Большой Губерли; ближе къ устьямъ она расширяется значительно и ограничивается скатами плоской возвышенности, кои ниже достигаютъ значительной крутизны. Подошва лощины перерѣзана многими альменами и сухими рытвинами, по коимъ вѣроятно пролегало прежнее русло рѣки. По сторонамъ встрѣчаются хорошія пахатныя и луговныя мѣста. Въ Сухую Губерлю впадаетъ множество сухихъ овраговъ и лощинъ.

Ключи: *Султанъ, Берели, Прохорова* и *Кузмина*. Небольшіе каменистые ключи, вытекающіе у подножіи Губерлинскихъ отроговъ.

▼.

ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ:
ИКОМЪ, САКМАРОЮ И УРАЛОМЪ.

Большая часть деревень въ осмотрѣнномъ мною пространствѣ расположены по луговымъ долинамъ рѣкъ: Ика и Сакмары. Онѣ представляютъ родъ постоянныхъ зимовокъ, въ коихъ Башкирцы проживаютъ часть осени и зимы, лѣтомъ же онѣ остаются пустыни и всѣ жители выходятъ съ своими стадами на дальнія кочевья.

Видъ Башкирской деревни не представляетъ ничего любопытнаго: дома обыкновенно расположены безъ всякаго порядка и правильности; около нихъ находятся хозяйственныя постройки, состоящія изъ амбаровъ и хлевовъ, для помѣщенія скота; остальное же пространство занято конопляными огородами и навозными кучами. Большая часть домовъ башкирскихъ выстроены изъ лиственнаго дѣса, по немѣвнѣю сосноваго вблизи селеній. Преимущественно выбираютъ для построекъ липовыя и осиновыя бревна, потому что они легче и мягче прочихъ. Крыши строятся обыкновенно изъ лубковъ, бересты, соломы и жердей; одни дома богатыхъ покрыты тесомъ. Внутренняя отдѣлка домовъ также не очень тщательная: окна облеиваютъ большею частію пузырями, а печи состоятъ изъ такъ называемыхъ шуваловъ, представляющихъ четырехугольный очагъ, отъ котораго проведена широкая прямая труба черезъ крышу. Клева и конюшни строятся изъ жердей и лубковъ, въ видѣ обширныхъ, угольчатыхъ изгородовъ, раз-

дѣленныхъ на нѣсколько отдѣленій; они крыты жердями, на которыхъ наваливаютъ большія кучи сѣна и соломы. Въ этомъ видѣ выстроены всѣ слѣдующія башкирскія деревни на пространствѣ между рѣками Икомъ, Сакмарою и Ураломъ:

На лѣвомъ берегу рѣки Большаго Ика находятся:

Деревня Мурадымова. 20 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 16 дворовъ, 37 душъ. Кочуютъ лѣтомъ на устьѣ рѣки Явашлы по рѣкамъ Кушъ-елги, Аксу-югалганъ, Увары и по Большому Ику.

д. Юлдубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 387 душъ. Кочуютъ на горѣ Кушъ-тау по рр. Увары, Ябурятъ, Ульганъ, Секяси и Большому Ику.

д. Тупчанова. 19 юрты, 19 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 35 дворовъ, 173 души. Кочуютъ по рр. Сагрынь, Карагай-елги, Майгъ, Беркутъ и Ику.

д. Ибраимова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 162 души.

д. Смакова, Красная Мечеть тожъ, 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 115 душъ.

д. Кашкарова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 21 дворъ и 98 душъ.

д. Якимбетева. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 76 душъ.

д. Сейткулова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 70 дворовъ и 187 душъ.

д. Бикпева. 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 81 душа.

д. Сапыкова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ, 70 душъ.

Всѣ семь деревень кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика по притокамъ рр. Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются къ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствѣ между рѣками Икомъ и Инякомъ.

д. Мукаева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 126 душъ.

д. Верхне и Нижне-Тюрюбаева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 105 дворовъ и 295 душъ.

д. Мурсалеева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 32 двора, 148 душъ.

Всѣ три кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика, по притокамъ рѣки Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются къ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствѣ между рр. Икомъ и Инякомъ.

д. Максютова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 304 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика, частію же по рр. Иняку, Ургени, Сазалы, Джитебулякъ и по Ику.

д. Исламулова. 16 юрты, 9 кантона, той же волости; находится на р. Маломъ Ику; въ ней мечеть, 126 дворовъ и 377 душъ. Кочуютъ на правой сторонѣ Ика.

На р. Маломъ Икѣ находятся:

д. Бикбулатова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 213 душъ. Кочуютъ по верхнимъ притокамъ Большаго и Малаго Иковъ.

На р. Инякъ:

д. Нукаева. 19 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 189 душъ.

д. Тюкатова. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 56 дворовъ и 189 душъ.

д. Бастубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 147 душъ.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рѣкамъ: Абысканъ, Аюбашъ, Алтынъ-касқанъ, Сурягуль-атъ-ульганъ, Усъ-айръ и по Иняку, около устья Казмаша, Кизиль-таша и Асси-елги.

На р. Джитебулякъ:

д. Давлеткулова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 40 дворовъ и 162 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика по вершинамъ рѣчки Чебенъки, частію по рр. Такмакъ, Инякъ, Маломъ Сюрянъ и Джитебулякъ.

д. Джитебулякова, Курорчино тожъ, переселилась въ 1832 году изъ 12-го Башкирскаго кантона; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 106 душъ, не кочующія.

На р. Сазала-даштебулякъ:

д. Белкей-Абизова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 70 дворовъ и 368 душъ. Кочуютъ по

рр. Ургени, Кулупъ-крылганъ, Тураала-бія-ульганъ, Ювашлъ-костейтуганъ и на Чебенькѣ.

На р. Ургени:

д. *Итбакъ*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 50 дворовъ и 253 души.

д. *Чупанова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 115 душъ.

д. *Бикбова*. 16 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 25 дворовъ и 107 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ обоихъ Сюряновъ и Ургеній.

На р. Большомъ Сюряна:

д. *Сюрмулова*. 13 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 48 дворовъ и 123 души. Кочуютъ по вершинамъ рр. Большаго Сюряна и Аштаму.

д. *Урманчина, Ибраева* тожъ; въ ней мечеть, 66 дворовъ и 302 души. Кочуютъ по Аштаму и по притокамъ Большаго Сюряна.

д. *Байтавлетсва*. 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 205 душъ.

д. *Аккундузъ, Салихова* тожъ, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 15 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ предъидущею деревнею по рр. Зиргаишу, Бердяшу и Емашлъ.

дд. *Аскарова и Аслава*. 14 юрты, 9 кантона, Тамянской волости; въ нихъ 16 дворовъ и 90 душъ. Кочуютъ въ началѣ лѣта на правой сторонѣ Ика, послѣ же около устья Большаго Сюряна и по берегамъ Ика.

На р. Большой Сюряна, ниже устья Емашлы, предположено переселить часть деревни Кугарчиной.

На р. Маломъ Сюряна:

д. *Бикбердина*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 209 душъ.

д. *Бикбова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 38 дворовъ и 152 души. Кочуютъ обѣ по вершинамъ рр. Большаго и Малаго Сюряна и по Аштаму.

д. *Бикхужина, Анкужина* тожъ. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ и по рѣкамъ: Асси-елги, Чебенькѣ и Сюряна.

На р. Ускалыкъ:

д. *Мазитова, Габбязова* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 11 дворовъ и 38 душъ. Кочуютъ по Большому Ускалыку и по вершинамъ рѣки Касмарки.

д. *Имбетова*, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 33 двора и 134 души. Кочуютъ по вершинамъ Большаго и Малаго Ускалыка и по вершинѣ р. Касмарки.

д. *Муйнакова*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, кузница, 95 дворовъ и 275 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ: Киргѣ, Емашлѣ и Ускалыкѣ.

д. *Самаза*. На рѣкѣ Самазѣ, 12 юрты, 9 кантона, той же волости. Кочуютъ по рѣкамъ: Акбердѣ, Емашлѣ и Самазѣ.

На р. Асселъ:

дд. *Алмбаева и Абзянова*. 12 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ нихъ мечеть, 53 двора и 219 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рѣкъ: Касмарки, Якши-елги, по Идышу (Алпу-урманъ), Акбердѣ и Ассели.

д. *Юлдашева, Еткулова* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 72 двора и 249 душъ. Кочуютъ по рр. Зиргаишу (Тунгъ-юртѣ), Шалаинѣ, Карабин и Ассели.

д. *Авзянова, Кузлешева* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 19 дворовъ и 62 души.

д. *Ниятулова*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 3 мельницы, 18 дворовъ 65 душъ.

Обѣ кочуютъ по вершинамъ рр. Белегуша, Бердоли и Ассели.

д. *Юлдубаева*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 20 дворовъ и 97 душъ. Кочуютъ на срединѣ рѣки Белегуша, иногда по вершинамъ Касмарки.

На р. Касмаркѣ:

д. *Актурдина*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней кузница, 22 двора и 68 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки по урочищамъ: Кысыкъ-баслѣ и Уйгызъ-суйганѣ.

д. *Шеранова*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 24 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Казакъ-булакѣ по урочищамъ Яланъ-айрѣ, Карагасъ-айрѣ, Имятъ-айрѣ, и по вершинамъ Касмарки.

д. Башлева, Уразъ тожь. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 2 кузницы, 53 двора и 168 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки и по урочищамъ Кисыкъ-башѣ и Уйгызъ-суйганѣ.

д. Юнаева. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 27 дворовъ и 80 душъ. Кочуютъ по вершинѣ рр. Курюла, Бердели и Кунтумышѣ.

д. Утлулова. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мельницы, 38 дворовъ и 112 душъ. Кочуютъ по рѣкѣ Бердели.

д. Бикбердина. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Идышѣ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 85 дворовъ и 258 душъ. Верхняя деревня кочуетъ по рр. Зиряклѣ и Зирганшу, по урочищамъ Ишапалѣ, Ботѣ, Куюлѣ и Тунгъ-юртѣ; нижняя же на р. Бердели.

д. Бурагулова. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 125 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Верхне-Бикбердиной.

д. Бикташева. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 51 дворъ и 174 души. Кочуютъ на рѣкѣ Бердели.

д. Назарова. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мечети, кузница, 50 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ по рр. Белегужѣ, Бузанѣ и Касмаркѣ.

д. Рыскулова. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 249 душъ.

д. Султанбаева. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Назаровою.

д. Сукорчина. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 63 души.

д. Биктемирова. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 40 дворовъ и 167 душъ. Кочуютъ объ на Среднемъ Белегужѣ, Сазарѣ, Касмаркѣ и Сакмарѣ.

На р. Идышъ:

д. Акташетева. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 15 дворовъ и 33 души.

На р. Казакъ-вулакъ:

д. *Идильбикова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 17 дворовъ и 94 души.

Объ кочуютъ на вершинахъ Касмарки и Идаши по урочищамъ Кумзоръ и Альту-урману.

На р. Сакмаръ:

д. *Тимлива*. 2 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 110 дворовъ и 297 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Куръ-елги, Топаръ-гузъ и Тяпъ-карли.

дд. *Ирдисева* и *Аминева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Діамбетъ и Саптаръ-ульганъ.

д. *Кульчурина*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; здѣсь находится квартира кантонаго начальника; въ ней мечеть, 41 дворъ, и 147 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гузъ и Карагай-елги.

д. *Муллакаева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 186 душъ. Кочуютъ по вершинамъ рр. Уппы и по Сакмаръ.

д. *Иткулова*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 116 дворовъ и 343 души.

д. *Якбаева*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 78 дворовъ и 227 душъ.

д. *Тавлукаева*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 кузницы, 66 дворовъ и 241 душа. Кочуютъ всѣ три по вершинѣ рр. Яланъ-Зилайра, Карагайла, Бутагали и Сакмаръ.

д. *Синизова*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 63 двора и 177 душъ. Отъ нея переселилась на р. Шулку:

д. *Мухаметова*, 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 37 дворовъ, 113 душъ. Объ кочуютъ по вершинамъ Яланъ-Зилайра, Сакмаръ и Ассели.

д. *Кизлбулатова*. 5 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 51 дворъ и 173 души. Кочуютъ по рр. Яланъ-Зилайръ, Сакмаръ, Ассели и Кункувакъ

д. *Иткулова*. 5 юрты, 6 кантона; въ ней мечеть и 58 дворовъ, 188 душъ.

д. *Адильбаева*, *Шармаева* тожь. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 55 дворовъ, 161 душа. Объ кочуютъ по рр. Яланъ-Зилайру, Сакмаръ и Акъ-мурунъ.

д. *Гумерова*. 6 юрты, 6 кантона; въ ней 24 двора, 87 душъ. Кочуютъ по рр. Камискъ, Пышадъ, Баткакля, Аншурунъ и

Сакмарѣ. Отъ нея переселилась:

д. *Ярмухаметова*, въ коей 30 дворовъ и 92 души. Кочуютъ тамъ же.

На р. Магашъ:

дд. *Мурзакеева* и *Баишева*. 6 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 184 души. Кочуютъ по рр. Пыдашѣ, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

дд. *Яратова* и *Абсаллмова*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ нихъ мечеть, 52 двора и 157 душъ. Кочуютъ по рр. Пышадѣ, Калмаку, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

д. *Юмашева*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 75 дворовъ и 217 душъ. Отсюда переселилась: д. *Зильчидина*, на р. Яланъ-Зилаврѣ; въ ней 34 двора и 107 душъ. Кочуютъ по р. Макажѣ на озерѣ Карагайкулѣ, на Пышадѣхъ и на Сакмарѣ.

д. *Аптыкаева*. 7 юрты, 6 кантона, той же волости; отъ нея переселились дд. *Ишмурзина* и *Баймурзина* на р. Куялдурушъ и Буруля; въ ней мечеть, 87 дворовъ, 249 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ Ташлѣ, Сакмарѣ и Пышадѣ.

д. *Абдуль-Каримова*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней мечеть, 44 двора и 205 душъ.

д. *Куватова*. 9 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 367 душъ. Кочуютъ обѣ на вершинахъ Таналяка, Бузаулыка и Уртазыма.

д. *Ишкюзина*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Яланъ-Зилаврѣ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 218 душъ.

д. *Гумерова*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 35 дворовъ и 162 души. Кочуютъ обѣ по рѣкамъ Бузаулыку, Таналяку, на Сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Юлдубаева*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни переселена на рѣку Яланъ-Зилаврѣ; въ ней 2 мечети, 1 кузница, 95 дворовъ и 445 душъ. Кочуютъ по рр. Бузаулыку, Таналяку, на сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Галиева*, *Лачитова* тожъ. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, кузница, 102 двора и 345 душъ. Кочуютъ на Макажѣ, Бузаулыкѣ, Таналыкѣ, Аюлѣ и Кайраклѣ.

д. Байкачкарова. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости. Она расположена отдѣльными селеніями по рр. Сакмарѣ, Тиргямышѣ, Ташлѣ и Таналыкѣ; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 278 душъ. Кочуютъ на Тиргямышѣ, Ташлѣ, Таналыкѣ и Сакмарѣ.

д. Ултракова. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 50 дворовъ и 133 души. Отъ нея переселилась *д. Уруст-Байка* на рѣку Узалу.

д. Бикбова. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 157 душъ. Обѣ кочуютъ по рр. Атъ-ингангѣ, Карсѣ и Сакмарѣ.

д. Янтышева. 5 юрты, 9 кантона; въ ней мечеть, 36 дворовъ и 119 душъ.

д. Акназарова. 5 юрты, 9 кантона, расположена тремя отдѣльными селеніями на Сакмарѣ, Бирмасѣ и Карсѣ; въ ней мечеть, кузница, 63 двора и 265 душъ.

д. Ижильдина. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ и 94 души.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рр. Таналыку, Ташлѣ, Миняузѣ, Сурѣ, Сакмарѣ и на Уралѣ, близъ Таналыкской крѣпости.

д. Акъ-Юлова. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 196 душъ. Кочуютъ на Ташлѣ, на вершинахъ Миняуза, Сашѣ и Сакмарѣ.

д. Назарчулова. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 71 душа. Кочуютъ по Кульбердѣ, по рр. Богѣ, Тукумбетѣ и Катралѣ.

д. Арсланчулова. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 45 дворовъ и 172 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ *д. Акъюловой.*

д. Абышева. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 107 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Туратки, по урочищамъ Ташъ-уйганѣ, Янсангазѣ и Сыскагулѣ, по рр. Ташлѣ и Катралѣ, на урочищахъ Тукумбетѣ, Тульку-ульганѣ, Аланъ-убазѣ, Ивукурѣ и Кузей-курганѣ.

д. Акчурина. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 22 двора и 75 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рр. Губерли, Катралѣ и по р. Сакмарѣ.

д. Сураева. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 34 двора и 100 душъ.

д. Утлулова. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней

32 двора и 122 души. Кочуютъ обѣ по рр. Губерлѣ, Катралѣ, Кураганѣ и Сакмарѣ.

д. *Бикбердинова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 31 дворъ и 86 душъ. Кочуютъ по рр. Талассѣ, Урманнъ-айрѣ, Сянь-ишѣ и по Сакмарѣ.

д. *Ибрагимова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 162 души. Кочуютъ по рр. Губерлѣ, Курагану и на Сакмарѣ.

д. *Гумерова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 22 двора и 92 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. Бикбердиновою.

д. *Мамбетъева*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 35 дворовъ и 105 душъ. Кочуютъ по рр. Курагану и Карагайлѣ.

д. *Тлугулова*. Въ ней 1 мечеть, 34 двора, 108 душъ; и

д. *Акбулатова*. Въ ней мечеть, мельница, 34 двора, 96 душъ. Обѣ 1 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; кочуютъ по рр. Ансакалѣ и Кара-елги.

д. *Баранулова*. 1 юрты, 9 кантона; квартира начальника 9 кантона; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 162 души. Кочуютъ на рѣчкахъ, текущихъ по лѣвой сторонѣ Сакмары.

д. *Кантурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 119 душъ.

д. *Янурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 45 дворовъ и 175 душъ. Кочуютъ обѣ по рр. Менетѣ, Кукрякѣ, Ясъ-таманѣ, Аколлѣ и Сакмарѣ.

д. *Купашева, Новочеркасская* тожъ. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 140 душъ. Кочуютъ по Сакмарѣ около устья р. Касмарки.

Крѣпость Воздвиженская. Часть жителей причислена къ 9 Башкирскому кантону, другая къ Оренбургскому казачьему войску; въ ней 2 мечети, 180 дворовъ и 489 душъ. Не кочуютъ.

На р. Большой Юлукъ:

д. *Юкаларъ, Муртазина* тожъ. 7 юрты, 6 кантона, Буирянской волости; въ ней 35 дворовъ и 113 душъ. Кочуютъ по притокамъ Яланъ-Зилакра и Юлука.

д. *Амазина*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней 34 двора и 194 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Абдулъ-Каримовою.

д. Исманова. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; къ ней причислена также *д. Нязгулова*; въ ней мечеть, 2 мельницы, 65 дворовъ и 221 душа. Кочуютъ на Бугаулыкъ, Лашивердъ и на Сакмаръ.

На р. Яланъ-Зилавръ:

д. Кашкорова. 8 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 128 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ *д. Иш-кузиною*.

д. Изимбетова, Имбулдина тожъ. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 30 дворовъ и 145 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Макана, Кулдаръ-кулъ и на озерѣ Ялтырь-кулъ.

д. Максютова. 7 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 89 дворовъ и 273 души. Кочуютъ по рр. Манакъ, Таналыкъ, Бузаулыкъ, Камышлѣ, Узакъ, Сакмаръ и Зилавръ.

На р. Сакмаръ-тилл.

д. Юмагузина. 7 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; часть деревни выстроена на Большикъ. Въ ней мечеть, 77 дворовъ и 176 душъ. Кочуютъ по рр. Манакъ, Бузаулыкъ, Таналыкъ, Камышлѣ, Узакъ и Сакмаръ.

На р. Баракалъ:

д. Кильчибаева. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 32 двора и 98 душъ. Кочуютъ на Манакъ, Бузаулыкъ, Ильганъ и Сакмаръ.

На р. Тяллыкъ:

д. Курбаева, Сабирова тожъ. 6 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 105 дворовъ и 506 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею *Лачиновой*.

На р. Бухорчинъ:

д. Клипова. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 4 мельницы, 13 дворовъ и 64 души. Кочуютъ на Аксаколъ и на Кара-елги.

На р. Куру-юль:

д. Мамбетчина. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 63 двора и 232 души. Кочуютъ на вершинахъ рѣки Куруюла.

д. Кужанакова. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 4 двора и 176 душъ.

д. Аскарова. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 29 дворовъ и 103 души. Кочуютъ объ на Кукракъ и Ясь-тамакъ.

На р. Кураганъ:

д. Еманузина. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 95 дворовъ и 299 душъ. Кочуютъ на р. Губерлъ по урочищамъ Карагайлъ и Тюмя-тау, на рр. Кураганъ и Инянлы-башъ.

д. Пелнина. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 13 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ, вмѣстѣ съ слѣдующими пятью деревнями, по р. Бляу, на урочищахъ Ерыклы, Уптуллу-башъ, по рр. Губерли и Чебаклъ.

д. Идилбаева. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 34 двора и 104 души.

д. Рысаева. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 29 дворовъ и 75 душъ.

д. Сарыбаева. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 24 двора и 64 души.

д. Кидрячева. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 92 души.

д. Ишмуратова. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, мельница, 24 двора и 67 душъ.

На р. Бляу:

д. Алчинбаева. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 29 дворовъ и 62 души. Кочуютъ на р. Бляу на урочищахъ Ерыклъ, Уптуллу-башъ, по рр. Губерли и Чебоклъ.

На р. Большомъ Кизилъ:

д. Булатова. 2 юрты, 6 кантона, Бурлинской волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 130 душъ.

д. Алмуюмтева. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 97 дворовъ и 269 душъ.

д. Абдряшева. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 119 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ р. Кизила и его притокамъ.

д. Исхбердина. 1 юрты, 6 кантона, Бурянской волости, выстроена на р. Еткуль-елги; въ ней 20 дворовъ и 62 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Джіямбетъ и Саптаръ-ульганъ.

д. Тактаулова. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мельница, 20 дворовъ и 62 душв. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карагай-елги, и Аксабатковъ, и на озерахъ Улянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

д. Кусьева. 1 юрты, 6 кантона, той же волости, выстроена на р. Зашъ-елги; въ ней мечеть, мельница, 53 двора и 164 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карачай-елги, Аксабатканъ, и на озерахъ: Усянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

На р. Худалазъ:

д. Исямбертева. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Анчаботкаъ, Сабсалъ и Карамалъ.

д. Балаева. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 58 душъ. Кочуютъ на р. Япрыкинъ на пространствахъ между рр. Бълюю и Сакмарою и по Худалазъ.

д. Трухменева. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 76 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Худалазу, Ункъ и Кизилу.

д. Алмерова. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 39 дворовъ и 110 душъ. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по р. Худалазъ.

д. Абыскильды. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на рр. Джіямбетъ, Корангиюртъ и по Худалазу.

д. Адильша; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по рр. Солажъ и Худалазу.

д. Даглетева. 6 юрты, 9 кантона, Бурянской волости; въ ней 19 дворовъ и 51 душа. Кочуютъ на Удунъ-совъ по рр. Зираклъ, Худалазу, Джіямбетъ и озеръ Срыкъ-кулъ.

д. Мустага. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 85 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею деревнею по озеру Срыкъ-кулъ, по рр. Сакмаръ и Худалазу.

д. Мукаева. 3 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 121 душа.

д. Назарова. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 22 двора и 99 душъ. Кочуютъ по вершинамъ Худалаза, по урочищамъ Сувокъ и Кашкайгиръ.

Около озера Колтабони:

д. Сабеева. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 96 дворовъ и 296 душъ. Кочуютъ на озеръ Якулъ, Колтыбанъ, по рр. Игебиккъ, Корогойлъ и по Худалазу.

д. Янжеситова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 39 дворовъ и 95 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею, по озерамъ Колтыбонъ и Санграу, по рр. Карагойлъ и Уртазымъ.

д. Хосялова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 12 дворовъ и 28 душъ.

По р. Уртазыму и его притокамъ:

д. Абдерахманова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 14 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ на озеръ Колтыбанъ и Сонгроу, по рр. Карагойлъ и Уртазуму.

д. Синтевлетева. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 18 дворовъ и 63 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею по рр. Уртазыму-холомы, Ясонгонъ и по Согымъ-узьякъ.

д. Фейзулина. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 8 дворовъ и 73 души.

д. Бахтырѣева. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 44 двора и 123 души. Кочуютъ по Ялыръ-кулъ по рр. Урау, Уртазыму и на Юлойлъ.

д. Галина. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 21 дворъ и 64 души. Кочуютъ на озеръ. Яу-кулъ по рр. Алаъ, Аскунъ, Губерлъ, Юсь-таккъ, Кугъ-Куркулаганъ, Косторенъ-туганъ и Куль-отъ-ульганъ.

д. Боймурзина. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 30 дворовъ и 27 душъ. Кочуютъ на рр. Уртазымъ, Юлалъ, Таналыку и Бурулъ.

д. Ишмухаметева. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 33 двора и 95 душъ. Кочуютъ на Уртазымъ, Айры-сазъ, Таналыкъ и Карамогъ.

д. Туртокаева. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаюрской волости; считается выселкомъ изъ д. Алгазиной.

д. Исламилдина. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ

ней 12 дворовъ и 40 душъ. Кочуютъ по рр. Зилбашгъ, Кундурушгъ и Байгушгъ.

На р. Танылыкъ:

д. *Ислянова*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 1 мельница, 38 дворовъ и 126 душъ. Кочуютъ между рр. Бѣлою и Сакмарою по озеру Толкачу и по р. Кошкайгиръ.

д. *Бахтырессева*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 кузница, 38 дворовъ и 116 душъ. Кочуютъ между рр. Бѣлою и Сакмарою на озерѣ Толкачъ.

д. *Мрлссва*. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 20 дворовъ и 66 душъ. Кочуютъ на верш. Яланъ-Знаира, по рр. Контутлутканъ и на Таналыкѣ.

д. *Абдулмуклисва*. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 9 дворовъ и 26 душъ. Кочуютъ на рр. Таналыкѣ и Ассели.

д. *Буранбаева*. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 35 дворовъ и 104 души. Кочуютъ по рр. Ассели, Акмурунъ, Кымакъ и Яланъ-Знаиръ.

д. *Мамбетсва*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 1 кузница, 33 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Юлодъ, на Тюбя-юртѣ, Аркарыкайнъ, на Карагайлъ-кулъ и на Акмурунъ.

д. *Мурзина*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 20 дворовъ и 54 души. Кочуютъ по рр. Уртазыму, Кунакалъ и Исквямъ.

д. *Ильсва*. 5 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; въ ней 18 дворовъ и 76 душъ.

д. *Мамбетсва*. 6 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; въ ней 1 мечеть, 1 мельница, 40 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на рр. Моканъ, на Туртакалъ и на Таналыкѣ.

На р. Губерлѣ:

д. *Халилова*. 4 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; въ ней 1 мечеть, 56 дворовъ и 152 души. Кочуютъ по вершинамъ рр. Сухой и Большой Губерлѣ.

д. *Ялчибаева*. 5 юрты, 9 кантона, Уирганской волости; въ ней 1 мечеть, 38 дворовъ и 155 душъ. Кочуютъ по вершинамъ рѣкъ Сухой и Большой Губерлѣ.

На р. Чебакль:

д. *Чебаклинская* и *Юлгутлина*. 1 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ нихъ 1 мечеть, 29 дворовъ и 121 душа. Кочуютъ по вершинамъ рр. Чебаклы и Курагана.

VI.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ, НЕВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ БАШКИРСКИХЪ СЕЛЕНІЙ.

д. *Увары*, *Багдашкина* тожъ, на р. Уварѣ. Дома выстроены въ одну лѣнью, хозяйственныя пристройки и огороды находятся сзади; крыты лубками; не имѣютъ стекольчатыхъ оконъ и отопляются обыкновенными башкирскими шувалами; въ нѣсколькихъ домахъ имѣются татарскія печи. Въ ней одна деревянная мельница объ одной поставѣ (мутовка), деревянная мечеть, 15 дворовъ и 42 души. Жители принадлежатъ къ сословію ясашныхъ Татаръ и переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Земель собственныхъ не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную гоньбу до Каноникольскаго завода.

д. *Ассель*, на лѣвомъ берегу Большаго Ика. Деревня выстроена довольно правильно; въ срединѣ находится прямая улица. Дома крыты лубками и жердями; имѣютъ татарскія печи и частію стекольчатые окна. Въ ней деревянная мечеть, 25 дворовъ и 84 души. Жители изъ сословія ясашныхъ Татаръ, переселившихся въ 1782 году изъ Казанской Губерніи, Судогскаго уѣзда.

Сельцо Петровское, на правомъ берегу р. Ассели, принадлежитъ помѣщику Крашенинникову. Дома расположены вдоль берега р. Ассели, въ срединѣ проходитъ широкая прямая улица; крыты лубками и соломой, имѣютъ русскія печи и стекольчатые окна. Въ селѣ мельницы: 1 водяная и 2 вѣтряныя, 4 кузницы и 80 дворовъ. Жители, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, переселись въ 1800 году изъ Симбирской Губерніи. Количества земли неизвѣстно.

д. *Адресека*, на правомъ берегу р. Ускалыка. Принадлежитъ Генералъ-Маіору Ціолковскому. Жители изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Количество земли неизвѣстно.

д. *Юлукъ*, на лѣвомъ берегу р. Большаго Юлука. Деревня вы-

строена по прямой линіи. Дома крыты соломою и жердями, имѣютъ частію татарскія печи, частію шувалы; въ нѣкоторыхъ домахъ стекольчатыя окна. Въ ней деревянная мечеть, 50 дворовъ и 163 души. Принадлежать къ ясашнымъ Татарамъ; 72 души записаны мѣщанами въ г. Верхнеуральскѣ, 25 душъ купцами 3 гильдіи въ г. Оренбургѣ; переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Собственныхъ земель не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную гоубу по Старолецкому тракту.

Крѣпость Зилаирская, на правомъ берегу р. Яланъ-Зилаира. Деревня, выстроенная правильными улицами, имѣетъ хорошія строенія, русскія печи и стекольчатыя окна. Въ ней мельница о двухъ поставахъ, общественный магазинъ, 42 двора и 99 душъ, изъ коихъ 57 душъ числятся въ Оренбургскомъ казначействѣ войскъ, а 42 души принадлежать къ сословію солдатскихъ малолѣтковъ и отставныхъ солдатъ.

д. Петровка, Мукайла тожъ, на р. Мукайлѣ; въ ней мельница о двухъ поставахъ, кузница объ одномъ горнѣ, 141 дворъ и 359 душъ.

д. Сосновка, Александровка тожъ, на р. Сосновкѣ; въ ней кузница, 71 дворъ и 169 душъ.

д. Аннинская, на р. Угарѣ; въ ней кузница, 57 дворовъ и 150 душъ.

Всѣ эти три деревни принадлежать къ Преображенскому мѣди-плавильному заводу; вообще выстроены хорошо и правильно; дома крыты тесомъ; имѣютъ русскія печи и стекольчатыя окна. Хозяйственные строенія хороши. Жители принадлежать къ сословію крѣпостныхъ заводскихъ крестьянъ.

Заводъ Преображенской, медиплавильный, на правомъ берегу р. Урманъ-Зилаира; въ немъ каменная церковь, мукомольная мельница о 4 поставахъ, лѣсопильная о 2 рамахъ, 2 кузницы: одна о 4, а другая объ 1 горнахъ, 433 двора и 993 души.

Всего въ заводскомъ владѣніи состоятъ: 101,119 десятинъ и 326 квадратныхъ сажень. Въ томъ числѣ: подъ селеніями, гумнами, огородами и кладбищами 546 д. 2,100 с.; земля пахотной 2,590 д., покосной 4,525 д. 1,030 с., подлѣсной 81,338 д. 566 с.; рубленнаго лѣсу 11,576 д. 1,430 с., и подъ дорогами, рѣчками и каменными мѣстами 542 десятины.

д. Бердяшъ-яшъ, на вершинахъ рѣки Бердяша. Деревня еще

не обстроена; въ ней 27 дворовъ и 103 души. Жители принадлежатъ къ сословію казенныхъ крестьянъ; всѣ Чуваша переселились въ 1833 году изъ Казанской и Оренбургской губерній, Белебеевскаго и Богорусланскаго уѣздовъ. Пущены на башкирскія земли для отправленія подводной гоньбы по Старицецкому тракту.

VII.

ОПИСАНІЕ ЛѢСОВЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Южная часть Оренбургской губерніи состоитъ изъ обширныхъ безлѣсныхъ степей, простирающихся отъ береговъ р. Урала до подножій горъ Общаго Сырта, образующихъ естественный предѣлъ между странами лѣсистыми и степными. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣшнія Оренбургскія степи въ глубокой древности изобиловали хорошими лѣсами, но они истреблены въ послѣдствіи времени полудикими Азіятскими народами, кочевавшими здѣсь до начала XVIII столѣтія.

Водвореніе Русскихъ поселенцевъ въ странѣ Заволжской и основаніе Оренбургской линіи произвели новыя оустоженія въ лѣсахъ, уцѣлѣвшихъ отъ паловъ и порубокъ кочующихъ Азіатцевъ. Суровость климата и образъ жизни новыхъ переселенцевъ увеличивали потребность въ лѣсѣ болѣе прежняго, а отъ небрежной вырубкы произошло во многихъ мѣстахъ не только совершенное уничтоженіе лѣсовъ, но и перемѣна въ свойствахъ почвы и климата.

Главныя занятія тамошнихъ жителей, нуждающихся менѣе всякой другой хозяйственной отрасли въ лѣсныхъ произведеніяхъ, состояли въ земледѣліи и скотоводствѣ. Недостатокъ въ лѣсахъ, слѣдовательно, еще не былъ такъ ощутителенъ, какъ нынѣ, когда возрастающее народонаселеніе и появленіе многихъ другихъ промышленныхъ отраслей требуютъ большихъ запасовъ лѣса. Правительство, желая отвратить всѣ неудобства, происходящія отъ столь важнаго недостатка, приняло, въ послѣдніе годы, дѣятельныя мѣры для разведенія лѣсовъ въ приливныхъ Уральскихъ степяхъ; но неблагоприятныя свойства климата и степной почвы представляютъ большія препятствія для скорого ихъ произрастенія. Поэтому необходимо

было обратить большее вниманіе на сбереженіе нынѣ существующихъ лѣсовъ, доставляющихъ потребное количество строеваго и дровянаго матеріала для странъ безлѣсныхъ.

Главныя лѣсныя заготовленія производились съ давнихъ временъ въ дачахъ 6 и 9 Башкирскихъ кантоновъ, расположенныхъ по рр. Сакмарѣ и восточному Ику. Они и нынѣ заключаютъ главный лѣсной запасъ для всей Нижне-Уральской линіи и должны были въ 1836 году обратить на себя главное вниманіе Правительства, частію по выгодному положенію самыхъ лѣсовъ относительно удобства доставки, частію по опустошительному образу заготовленій, производимыхъ до того времени, безъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, частными промышленниками.

Для приобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній о наличномъ количествѣ лѣса, произведено было обзорнѣе его въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1838 года; оно состояло въ измѣреніи и описаніи лѣсныхъ дачъ Башкирскаго войска, расположенныхъ между рр. Сакмарою и восточнымъ Икомъ, составляющими естественныя границы осмотрѣннаго пространства съ восточной, западной и южной сторонъ; сѣверный же предѣлъ образуется сначала теченіемъ р. Малаго Ика до Каноникольскаго завода, а далѣе дорогою, ведущею чрезъ д. Тавлукаеву въ Кизильскую крѣпость.

Центръ сего пространства состоитъ изъ сплошной массы лѣсовъ, произрастающихъ на возвышенныхъ равнинахъ между вершинами притоковъ Ика и Яланъ-Зилаира; они тянутся въ видѣ непрерывной лѣсной полосы, шириною отъ 40 до 60 верстъ, по направленію отъ сѣвера на югъ до источниковъ р. Сакмарки. Господствующія лѣсныя породы состоятъ изъ березы, осины и сосны, а въ западной части появляются изрѣдка лиственницы, дубы и липы. Вся мѣстность покрыта здѣсь однимъ сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ являются небольшія поляны около селеній и береговъ рѣчекъ, образуя главныя луговья и пахатныя мѣста лѣсныхъ жителей. Ни различіе въ положеніи мѣстности, ни свойство почвы не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастеніе лѣсовъ: вездѣ они принимаются одинаково успѣшно, и лишь отъ расточительнаго пользованія и отъ небрежнаго присмотра за ними произошли нѣкоторыя различія въ общихъ ихъ свойствахъ.

Лѣсныя породы въ центральномъ пространствѣ не являются чистыми полосами, состоящими изъ одной породы деревъ; всѣ они вообще смѣшаны и образуютъ на вершинахъ горныхъ уваловъ, большею частію, лиственныя перелѣски, на скатахъ же рѣчныхъ лощинъ лиственновоинойныя полосы. Относительно возраста деревъ, очевидно, что въ лѣсахъ, гдѣ владѣльцы не слѣдовали никакой хозяйственной системѣ, нельзя ожидать, чтобы деревья одного возраста образовали отдѣльныя массы; они вообще состоятъ изъ деревъ различнаго возраста. То же самое относится также къ образу насажденія лѣсовъ: въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются участки, гдѣ деревья растутъ такъ тѣсно, что дѣйствительно не могутъ достигать надлежащаго возраста, въ другихъ же они слишкомъ рѣдки, что также невыгодно для многихъ породъ.

Къ югу отъ источниковъ Касмарки измѣняются свойства центральныхъ лѣсовъ. Поляны становятся чаще и значительнѣе, въ особенности около рѣчныхъ лощинъ, гдѣ образуютъ обширныя покосныя и пастбищныя мѣста. Главная масса лѣсовъ покрываетъ вершины и скаты горъ, пролегающихъ между долинами рѣкъ Сакмары, Касмарки и Идыша. Различное положеніе мѣстности имѣетъ здѣсь значительное вліяніе на ихъ провѣтриваніе, такъ что скаты высотъ, обращенные къ югу и западу, большею частію голы и открыты; въ однихъ лощинахъ и впадинахъ встрѣчаются небольшія колки лѣсовъ; на сѣверныхъ же и восточныхъ скатахъ видны значительныя лѣсныя массы, покрывающія все пространство между хребтомъ Дзю-тюба и р. Сакмарою, равно какъ и правые нагорные берега долины Касмарки.

Въ сѣверной части сего пространства встрѣчаются тѣ же самыя породы, какъ и въ центральныхъ лѣсахъ, съ тою разницею, что сосны замѣняются лиственницами. Господствующія породы лѣсовъ въ южной части суть березы, осины, дубы и липы. Чѣмъ болѣе лѣса рѣдѣютъ, тѣмъ замѣтнѣе вредныя послѣдствія дурнаго лѣснаго хозяйства, не только въ томъ, что они всѣ безъ исключенія не полнонасаженны и очень неправильны, но еще болѣе отъ значительнаго количества валежника, препятствующаго свободному всходу молодыхъ деревъ.

Западный склонъ центральной возвышенности покрытъ так-

же значительными лѣсными массами, составляющими нѣкоторымъ образомъ боковыя отрасли сплошныхъ, центральныхъ лѣсовъ. Они различаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что поляны между перелѣсками увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ западу и что вся мѣстность постепенно принимаетъ болѣе открытій видъ. Положеніе мѣстности оказываетъ весьма различное вліяніе на произрастеніе лѣсовъ въ семь пространствъ. Не трудно замѣтить, что скаты высотъ, обращенные къ западу и къ югу, болшею частію голы и что встрѣчаемыя на нихъ колки произрастаютъ только въ однихъ лощинахъ и рытвинахъ, гдѣ почва земля болѣе влажна, чѣмъ на поверхности самыхъ скатовъ. Различіе это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что мѣста, открытыя къ западу и къ югу, болѣе подвержены сильному и продолжительному дѣйствію солнца, отъ чего самая почва весною рано теряетъ влажность, необходимую для питанія молодыхъ деревьевъ. Отъ несоразмѣрной вырубкы старыхъ деревьевъ увеличивается это вліяніе и производитъ постепенное уничтоженіе лѣсовъ на западныхъ и южныхъ скатахъ горъ.

Относительно образа произрастенія лѣсовъ на семь пространствъ, можно замѣтить, что всѣ вообще участки болѣе или менѣе неполно насажены, т. е. что не заключаютъ того числа деревьевъ, которое бы они могли производить при надлежащемъ присмотрѣ. Притомъ, во всякомъ перелѣскѣ, деревья всякаго возраста встрѣчаются, отъ чего всѣ участки получаютъ весьма неправильной видъ. Господствующія породы деревьевъ суть березы, осины, дубы и лиственницы; между ними встрѣчаются изрѣдка сосны, первыя болѣе въ восточной, а послѣднія въ западной части сего пространства.

Известковые хребты, составляющіе главные уступы горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, имѣютъ болшею частію голую поверхность. Лишь на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ: Селейманъ, Караулъ, Кипчакъ и Емашла-тау находятся обширные лѣса, состоящіе изъ березовыхъ, осиновыхъ, дубовыхъ и липовыхъ породъ; на прочихъ же хребтахъ являются небольшіе перелѣски въ лощинахъ и на скатахъ горъ, прикрытыхъ съ западной и южной стороны. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ р. Ика уменьшаются и рѣдѣютъ лѣса, такъ что мѣстность, между подножіями главныхъ предгорій и русломъ р. Ика, принимаетъ видъ безлѣсной степи.

Въ луговой долинѣ послѣдней тядется только неширокая полоса лѣсу, состоящаго изъ осокоревыхъ, вязовыхъ, ветловыхъ и липовыхъ деревьевъ, но и изъ нихъ много вырублено.

Лѣса, на пространствахъ между рѣками Яланъ-Зиланромъ и Сакмарю, составляютъ восточное продолженіе центральныхъ лѣсовъ; они тянутся значительными сплошными массами, но увалами, пролегающимъ между протоками Сакмары и Зиланра, оставая около рѣчныхъ долинъ широкія открытыя поляны, доставляющія хорошія покосныя и пастбищныя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Сакмары, лѣса болѣе и болѣе рѣдѣютъ, поляны становятся чаще, такъ что на разстояніи 2 и 5 верстъ отъ русла Сакмары мѣстность принимаетъ видъ открытой голыи степи. Главныя лѣсныя породы суть березы и осины, между коими изрѣдка встрѣчаются сосны. Положеніе мѣстности не имѣетъ большаго вліянія на произрастеніе деревьевъ; въ прочихъ отношеніяхъ качества лѣсовъ тѣ же самыя, какъ и въ предъидущихъ пространствахъ.

Описавъ въ краткихъ очеркахъ главныя свойства лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарю, считаю нелишнимъ наложить подробно образъ произрастенія и свойства каждой лѣсной породы отдѣльно.

Сосны находятся исключительно въ среднихъ частяхъ горнаго пространства около источниковъ. Ика, Сюрия и обоехъ Зиланровъ. Сосна растетъ преимущественно на крутыхъ каменистыхъ скатахъ высотъ, образующихъ нагорные берега рѣчныхъ долинъ, и требуетъ вообще почвы болѣе рыхлой; поэтому она рѣдко встрѣчается на вершинахъ уваловъ, гдѣ подзѣмъ состоитъ изъ глубокаго слоя желтой глины.

Сосны не растутъ отдѣльными чистыми перелѣсками, а встрѣчаются всегда смѣшанно съ березами и лиственницами; на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ обыкновенно въ видѣ подчиненной имъ породы, на южныхъ же и западныхъ онѣ очень рѣдки. Впрочемъ общія свойства климата и мѣстности несколько не препятствуютъ усѣбному произрастенію сосновыхъ лѣсовъ, и главныя причины, останавливающія размноженіе сей породы, состоятъ частію въ обыкновеніи Башкирцевъ очищать принадлежащія имъ покосныя и пастбищныя мѣста палами, отъ чего не только молодой всходъ, но и самыя сѣмяна совершенно уничтожаются, частію отъ сильныхъ лѣсныхъ пожаровъ, ону-

стошающихъ рѣдко значительныя пространства наилучшаго лѣса. Сосны же, какъ и вообще всѣ хвойныя породы, размножаются только посредствомъ сѣмянъ. Притомъ неправильный образъ вырубкн составляетъ столь же важное препятствіе для успѣшнаго произрастенія сосновой породы: она производится безъ всякихъ соображеній вездѣ, гдѣ только предстоить возможность для вывозки и обдѣлки бревенъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, остается ли достаточное количество деревь для обсемененія очищеннаго пространства. Изъ вышесказанныхъ обстоятельствъ нетрудно заключить, что сосновая порода современемъ совершенно уничтожится, если заблаговременно не примутъ надлежащихъ сберегательныхъ мѣръ.

Сосновое дерево доставляетъ въ лѣсномъ хозяйствѣ большія выгоды; стволъ его, обыкновенно правильный и прямой, предпочтительно употребляется на строеніе не только обыкновенныхъ зданій, но и для работъ подводныхъ и подземныхъ, потому что прочность его въ постоянныхъ сухости и сырости весьма значительная; при переменныхъ же обстоятельствахъ, оно болѣе подвержено гнилости. Сосновыя бревна употребляются также на строеніе машинъ и мельницъ, но впрочемъ онѣ, по незначительной твердости древесины, менѣе удобны на сей предметъ. Какъ подѣлочный матеріалъ, она не имѣютъ большой цѣнности, потому что древесина отъ неравномѣрной твердости слоевъ не принимаетъ красивой политуры. Сосновое дерево горитъ большимъ пламенемъ и производитъ сильный, но непродолжительный жаръ; впрочемъ горючесть его весьма различна и зависитъ частію отъ плотности древесины, частію отъ большаго или меньшаго содержанія смолы. Кубической футъ сыраго сосноваго дерева вѣситъ 62½ фунта, въ сухомъ же состояніи отъ 55 до 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ сухаго и сыраго дерева равняется 0,553 и 0,947. Сосновый уголь содержитъ къ буковому какъ 3 : 4. — Кубическая сажень корней, вѣтвей и щепокъ сосновыхъ дають 1½ четверика золы, изъ которой вываривають около ¼ фунта поташу. Смола, варъ и голландская сажа составляютъ также немаловажныя произведенія, получаемыя отъ сосновыхъ лѣсовъ.

По рѣдкости сосновой породы въ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, было бы весьма полезно не

употреблять ея на дрова и уголь, потому что она болѣе выгодна, нежели строевой матеріалъ.

Лиственница растетъ преимущественно въ западной части горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, гдѣ составляетъ одну изъ господствующихъ лѣсныхъ породъ. Она встрѣчается вездѣ, гдѣ только почва земли глинистая и неслабкомъ камениста. Верхнія части рѣчныхъ овраговъ, равно какъ и ближайшія къ нимъ увалы, обставлены почти исключительно лиственницами. Навыгоднѣйшее для нее положеніе составляютъ сѣверозападные и сѣверовосточные скаты плоскихъ возвышеній. Лиственница находится во всемъ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ, Сюрянемъ и Касмаркою, простираясь къ западу до подножій горъ: Солейманъ-караулъ, Киччакъ и Емашла-тау. Она здѣсь распространена несравненно болѣе, чѣмъ сосна, и кажется, что свойства почвы и климата вообще болѣе благоприятны для нее, чѣмъ для послѣдней.

Лиственный лѣсъ считается здѣшними промышленниками мало способнымъ для употребленія. Полагаютъ, что выстроенные изъ него дома не теплы, потому что большое содержаніе смолы придаетъ дереву свойства хорошаго проводника теплоты; притомъ тяжесть и твердость его считаются также немаловажными препятствіями для вывозки и обдѣлки бревенъ. По моему мнѣнію, не слѣдовало бы слишкомъ полагаться на справедливость этихъ причинъ: большая часть ставицъ на верхней линіи выстроены изъ лиственничнаго лѣса и, сколько мнѣ извѣстно, жители нисколько не жалуются на холодъ въ домахъ. Тяжесть же и твердость дерева, хотя точно значительныя, но это нисколько не препятствуетъ употребленію его на строенія; въ особенности первая, которая уменьшается почти въ половину, если бревны въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ сохнутъ. Всѣ кубическаго фута сыраго лиственничнаго дерева 61 фунтъ, сухаго же—46 и 32 фунта.

Для топлива лиственничный лѣсъ менѣе удобенъ: онъ горитъ съ сильнымъ трескомъ, отъ чего нерѣдко повреждаются печи; притомъ же не производитъ много жару. Достоинство угля, получаемаго отъ лиственничнаго дерева, содержится къ буковымъ углямъ какъ 7 : 10.—25 пудъ дерева даютъ $4\frac{1}{2}$ фунта золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Изъ сѣры получается значительное количество вара и скипидару. Дерево лиственницы плотнѣе и

не так сучковато, как сосна: оно меньше подвержено дѣйствіямъ влаги и сухости, чѣмъ всякое другое, и потому весьма способно для всѣхъ подводныхъ строеній. Сверхъ сего оно доставляетъ хорошій корабельный, машинный и мельничный лѣсъ.

Дубы растутъ преимущественно на западныхъ предгоріяхъ центральной возвышенности между рѣками Икомъ и Сакмарою. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются они на восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ горъ: Солейманъ-караулъ, Кипчакъ и Емашла-тау, равно какъ и на известковыхъ хребтахъ, простирающихся къ югу до устьевъ рѣчекъ Идыша и Зирганша. Въ западной части плоской возвышенности, дубъ является въ видѣ подчиненной породы между березами, осинами и лиственницами, не образуя нигдѣ отдѣльныхъ чистыхъ перелѣсковъ. Дубы требуютъ вообще глубокой глинистой почвы, содержащей значительный процентъ черной земли. Свойства же грунта въ осмотрѣнномъ пространствѣ, какъ кажется, меньше благоприятны для надлежащаго произрастенія сей породы. Рѣдко встрѣчаются дубы, у которыхъ толщина ствола превышала бы 10 вершковъ, а верхушникъ у большей части деревъ высыхаетъ уже на разстояніи 6 саженъ отъ корня. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что почва земли не имѣетъ надлежащей глубины и что каменисто-известковая подпочва удерживаетъ часть влажности, потребной для питанія деревъ. Качество древесины также нелучшихъ свойствъ: большая часть деревъ имѣютъ гнилые слои внутри, и потому мало годны на строевой и подѣлочный матеріалъ. Суровость климата оказываетъ также весьма неблагоприятное вліяніе на произрастеніе дубовыхъ деревъ, молодой всходъ въ особенности страдаетъ отъ раннихъ весеннихъ морозовъ.

При всѣхъ вышезложенныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, дубовыя деревья составляютъ одну изъ главнѣйшихъ породъ въ западной части лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, что вѣроятно происходитъ отъ небольшой потребности въ дубовомъ лѣсѣ. По значительной тяжести своей (*), онъ мало удобенъ для сплава и доставки въ

(*) Кубическій футъ сыраго дубоваго дерева вѣситъ 68 фунтовъ, въ сухомъ состояніи отъ 57 до 44 фунтовъ. Относительный вѣсъ дубоваго дерева—1, 060 и 0, 697.

отдаленныя мѣста. Дубовыя деревья употребляются рѣдко для топлива; они горятъ медленно, безъ сильнаго пламени, но доставляютъ довольно продолжительный жаръ. Получаемый отъ нихъ уголь относится къ буковому углю какъ 6 : 8. Отъ 25 пудовъ сухаго дубоваго дерева получается 23¹/₂ фунта золы и 1¹/₂ фунта поташу. Наибольшая польза дубовыхъ лѣсовъ составляетъ въ здѣшнемъ краѣ дубильное вещество, получаемое изъ коры; 460 фунтовъ молодой дубовой коры содержатъ, по изслѣдованію Профессора Деви, 32 фунта чистаго дубильнаго вещества; равное же количество коры деревъ средняго возраста содержитъ до 29 фунтовъ.

Липы растутъ вездѣ на западномъ склонѣ горнаго пространства, гдѣ только почва земли не слишкомъ влажна и гдѣ она открыта вліанію свѣта и воздуха. Впрочемъ нельзя полагать, чтобы свойства климата благоприятствовали произрастенію липовыхъ деревъ; они рѣдко достигаютъ большихъ размѣровъ и являются обыкновенно въ видѣ невысокихъ многовѣтвистыхъ кустовъ, покрывающихъ промежутки между дубовыми и основными деревьями. Наибольшій вредъ причиняется имъ глубокими снѣгами, препятствующими молодымъ порослямъ произрастать правильно и прямо. Липовое дерево имѣетъ весьма посредственныя качества: оно мягко и подвержено скорому гніенію, при переменнѣйшей сухости и влагѣ; но не менѣе того, оно Башкирцами часто употребляется какъ строевой и подѣлочный матеріалъ. Для топлива оно менѣе выгодно потому, что доставляетъ малое количество жара. Липовый уголь относится къ буковому углю какъ 1 : 3. 25 пудовъ дерева даютъ 11 фунтовъ золы и ¹/₂ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго липоваго дерева вѣситъ 54 ф., въ сухомъ же состояніи отъ 40 до 29 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,878 и 0,439.

Липовая кора весьма употребительна; изъ нее строятъ обыкновенно изгороды (карды) въ башкирскихъ деревняхъ для зимняго помѣщенія скота; ею крыты большая часть строеній; а изъ мочалы Башкирцы выдѣлываютъ хомуты, шлеи, возжи и веревки. Притомъ липовыя лѣса приносятъ большую пользу въ мѣстахъ, гдѣ занимаются пчеловодствомъ. Сухіе листья липовыя считаются хорошимъ зимнимъ кормомъ для овецъ и рогатаго скота.

Березы составляютъ господствующую породу въ лѣсномъ

пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарою; онѣ растутъ вездѣ успѣшно, несмотря на различіе въ положеніи мѣстности или въ свойствахъ грунта. Имѣетъ въ полномъ возрастѣ весьма значительные размѣры и составляетъ вообще лѣсную породу, наиболѣе свойственную здѣшнему климату. Береза размножается большею частію посредствомъ порослей, выходящихъ изъ пней или корней срубленныхъ деревьевъ; обсымянненіе же производится не столь успѣшно, потому что палы и лѣсные пожары много препятствуютъ всходу молодыхъ деревьевъ. Наибольшій вредъ причиняется березовымъ деревьямъ спираниемъ коры для ситки дегтя, отъ чего они нерѣдко совершенно увядаютъ. Навалъ снѣгу производитъ также большое препятствіе для успѣшнаго произрастенія деревьевъ, особенно въ западныхъ частяхъ лѣснаго пространства, гдѣ мѣстность болѣе гористая, и гдѣ слѣдовательно въ долинахъ масса снѣговъ достигаетъ значительной глубины.

Березовый лѣсъ употребляется преимущественно для топлива; онъ горитъ сильнымъ пламенемъ и доставляетъ много жару. Березовый уголь содержится къ буковому углю какъ 4 : 5. Изъ 25 пудовъ дерева получается 14 фунтовъ золы и 1½ фунт. поташу. Кубическій футъ сыраго березоваго дерева вѣситъ 61 ф., въ сухомъ видѣ, отъ 51 до 41 фунта. Относительный вѣсъ— 0,924 и 0,629. По неправильному росту деревьевъ и по малой прочности древесины въ перемежной сухости и влажности, они рѣдко употребляются для построекъ.

Осина встрѣчается большею частію на западныхъ и южномъ склонахъ горнаго пространства, гдѣ составляетъ одну изъ главныхъ лѣсныхъ породъ. Въ сѣверной же и восточной части она рѣдко является большими массами и находится въ незначительномъ количествѣ въ березовыхъ лѣсахъ. Положеніе мѣстности, свойство грунта и климата не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастеніе сей породы; она требуетъ вообще болѣе открытой мѣстности, чѣмъ береза, отъ чего и принимается хорошо на полянахъ и около лѣсныхъ опушекъ. Наибольшій вредъ причиняется молодому осиновому всходу палами и ранними весенними морозами; навалъ снѣга и засухи менѣе вредны для него.

Качества осиноваго дерева несравненно хуже березоваго. Для топлива оно менѣе выгодно, потому что доставляетъ малое количество жару. Осиновый уголь содержится къ березовому, какъ 3 :

4. Отъ 25 пудовъ осиновыхъ дровъ получается 11 $\frac{1}{2}$ фунт. золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго дерева вѣситъ 50 фунтовъ, въ сухомъ состояніи 26 фунт. Относительный вѣсъ—0,758 и 0,394.

Осиновыя бревна бываютъ обыкновенно прамы и мало сучковаты; и потому часто употребляются на постройку домовъ, хотя и они болѣе подвержены гніенію, чѣмъ березовое дерево.

Осокорь растетъ въ луговыхъ лощинахъ рѣчекъ и ручейковъ, выпадающихъ въ Сакмару, ниже устья рѣки Урманъ-Зилавра. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчается она въ рѣчныхъ долинахъ Сакмары и восточнаго Ика, гдѣ составляетъ весьма значительныя перелѣски около береговъ и краевъ озеръ. Она требуетъ тучной, но неглубокой почвы земли и низменнаго, сыроватаго мѣстоположенія. Суровость климата она переносятъ хорошо и достигаетъ въ полномъ возрастѣ значительной толщины и высоты.

Осокоревое дерево имѣетъ одинаковыя свойства съ липовымъ, и употребляется слѣдовательно на тѣ же предметы, какъ и послѣднее.

Вязъ растетъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и осокорь, съ которою составляетъ господствующую породу въ лѣсной полосѣ по долинамъ Сакмары и Ика. Онъ рѣдко достигаетъ такой величины какъ осокорь, потому что рано лишается своей вершины и верхнихъ порослей, которыя употребляются частію на кормъ для скота, частію же на устройство плетней и изгородь.

Вязовое дерево доставляетъ хорошій подѣлочный матеріалъ, и также изрядное топливо. Вязовый уголь содержится къ буковому какъ 7 : 8. Отъ 25 пудовъ дерева получается 23 фунта золы и $3\frac{1}{4}$ фунта поташу. Вѣсъ кубическаго фута сыраго дерева—62 $\frac{1}{2}$ фунт., сухаго—50 и 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,947 и 0,553.

Ольха растетъ по всѣмъ рѣчнымъ лощинамъ въ средней и восточной части лѣснаго пространства; она является обыкновенно въ видѣ кустарника или невысокаго дерева, которое не имѣетъ большого употребленія по дурнымъ качествамъ древесины.

Ольховыя дрова горятъ худо и доставляютъ мало жару. Получаемые отъ нихъ угли содержатся къ буковымъ углямъ, какъ 1:2. 25 пудовъ дерева даютъ 25 ф. золы и $3\frac{1}{4}$ фунта поташу. Относительный вѣсъ ольховаго дерева—0,864 и 0,455.

Вербы и ивы растут по берегамъ рѣчекъ и ручейковъ во всемъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Саммарою; онѣ рѣдко достигаютъ значительной высоты, и употребляются обыкновенно на устроение плетней и изгородъ. Ивовое дерево не составляетъ хорошаго топлива: оно горитъ скоро и доставляетъ мало жару. Получаемый отъ нихъ уголь содержится къ буковому какъ 1 : 2. Относительный вѣсъ дерева — 0,985 и 0,485.

Важнѣйшій предметъ при описаніи всякаго лѣснаго пространства составляетъ опредѣленіе палочнаго количества лѣса, годнаго для рубки въ настоящее время. Оно служитъ главнымъ основаніемъ при всѣхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ, относительно выбора мѣста для главныхъ лѣсныхъ заготовленій и представляетъ весьма важные факты для надлежащаго устройства общаго лѣснаго хозяйства.

Таксація лѣсовъ въ осматрѣнномъ мною пространствѣ основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) на опредѣленіи поверхности всего лѣснаго пространства (*); 2) на количествѣ деревь свыше 40-лѣтняго возраста въ каждомъ лѣсномъ участкѣ (**), и 3) на числѣ деревь, составляющихъ 1 кубическую сажень, не принимая въ расчетъ вершинника, корней и вѣтвей (**).

Относительно вѣрности самыхъ результатовъ слѣдуетъ замѣтить, что они не могутъ быть математически точны, потому, что краткость времени и обширность всего пространства, долженствующаго войти въ кругъ обозрѣнія, не дозволили мнѣ пронавестить таксацію такъ подробно и такъ тщательно, какъ бы оно слѣдовало по правиламъ лѣсной науки. Вообще результаты показаны нѣсколько меньше настоящаго, для избѣжанія важнѣй-

(*) Число десятинъ въ каждомъ лѣсномъ участкѣ исчислено по исправленной картѣ сего пространства. Масштабъ 250 сажень въ Англійскомъ дюймѣ.

(**) Количество высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревь въ каждомъ лѣсномъ участкѣ опредѣлено счисленіемъ деревь на нормальныхъ десятинахъ въ разстояніи отъ 5 до 5 верстъ по главнымъ дорогамъ и рѣчкамъ, гдѣ только оказывалось различіе въ образѣ насажденія и качествахъ лѣсовъ.

(***) 30 березовыхъ, осинowychъ и осокоревыхъ деревь составляютъ приблизительно 1 кубическую сажень. Липовыхъ, ивовыхъ и ветловыхъ деревь идетъ около 40 на кубическую сажень.

шихъ неудобствъ отъ недостатка въ лѣсѣ, при распредѣленіи главныхъ заготовленій.

Во всякомъ лѣсномъ участкѣ раздѣлилъ я деревья по различному ихъ возрасту на три главные разряда: 1) на высокоствольные и низкоствольные деревья свыше 40 лѣтъ; 2) на молодья деревья отъ 10—40-лѣтняго возраста, и 3) на молодой подростъ до 20 лѣтъ. Всѣ эти разряды встрѣчаются въ каждомъ участкѣ смѣшанно и почти въ равномъ количествѣ; почему и полагаю, что для отвращенія чрезмѣрнаго истребленія лѣсовъ въ пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарою, надлежало бы производить вырубку высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревь въ продолженіе 20 лѣтъ, дабы остальные разряды имѣли времени выростать до требуемой величины.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія количества лѣса въ различныхъ частяхъ пространства, раздѣлилъ я всѣ вообще лѣса между рр. Икомъ и Сакмарою на 9 участковъ по главнымъ рѣчнымъ системамъ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ показать главные пути для сплава въ городъ Оренбургъ и на Уральскую линію.

Въ приложенной присемъ Таблицѣ исчислено также количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей. По невѣрному вѣрныхъ данныхъ для опредѣленія годовой пропорціи строеваго и дровянаго матеріала, принялъ я примѣрно: что для отопляванія cadaго двора нужно по 3 кубическихъ сажени дровъ. Строевой же лѣсъ опредѣленъ по числу дворовъ, полагая, что изъ 50 строеній одно должно строиться вновь, считая для cadaго по 50 бревенъ, что составляетъ ежегодный ремонтъ по 1 бревну на дворъ.

Таблица, показывающая наличное количество лѣса на протранствѣ между рѣками: Икомъ и Сакмарою.

Названіе лѣсных участковъ.	Порода деревъ.	Наличное количество лѣса.		Ежегодная потребность лѣса для жѣст. жителей.		Остается лѣса для ежегодной продажи.	
		Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.
		Число кубическ. сажен.	Число бревенъ.	Число кубическ. сажен.	Число бревенъ.	Число кубическ. сажен.	Число бревенъ.
Лѣса по р. Большому Ику съ притоками. 46166 десят: 2020 саж:	Березовыхъ . . .	75,926	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	14,739	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	9,509	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	2,762	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . . .	880	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	143,480	2,994	1,000	2,360	6,000
Лиственныхъ . . .	—	149,660	—	—	—	7,483	
Лѣса по р. Ниюку и его притокамъ. 25493 десят: 1060 саж:	Березовыхъ . . .	37,396	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	15,781	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	12,709	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,046	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	33,000	360	120	3,151	1,530
	Лиственныхъ . . .	—	118,000	—	—	—	5,900
Лѣса по обзвнѣ Сюрдана съ притоками. 71971 десят: 1424 саж:	Березовыхъ . . .	106,071	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	29,716	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	31,028	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,141	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	61,500	939	313	7,608	2,762
	Лиственныхъ . . .	—	463,300	—	—	—	23,163
Лѣса по рр. Ускальму и Ассели. 16481 десят: 295 саж:	Березовыхъ . . .	55,614	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	10,105	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	11,618	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	823	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . . .	58	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	84	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	58	—	—	—	—	—
	Лиственныхъ . . .	—	5,054	963	321	2,955	— 70
Лѣса по р. Касмаркѣ съ притоками. 30419 десят: 615 саж:	Березовыхъ . . .	61,270	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	17,709	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	14,461	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	1,311	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . . .	740	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	740	—	—	—	—	—
Вятловыхъ . . .	740	—	—	—	—	—	

Названіе лѣсныхъ участковъ.	Порода деревь.	Наличное коли- чество лѣса.		Ежегодная по- требность лѣса для жести. жителей.		Остается лѣ- са для еже- годной про- дажи.	
		Дрова- наго.	Строе- ваго.	Дро- вяна- го.	Строе- ваго.	Дро- вяна- го.	Строе- ваго.
		Число куб.- ческ. сажен.	Число бре- вентъ.	Число куб.- ческ. сажен.	Число бре- вентъ.	Число куб.- ческ. сажен.	Число бре- вентъ.
	Лиственныхъ...	—	3,700	1,662	554	3,176	—3176
	Сосновыхъ ...	—	2,500	—	—	—	—
Лѣса по р. Урманъ- Зылапру съ прито- ками. 21895 десят: 1575 саж:	Березовыхъ...	42,606	—	—	—	3,130	—
	Осиновыхъ ...	4,228	—	—	—	211	—
	Дубовыхъ ...	1,648	—	—	—	82	—
	Лиловыхъ ...	—	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ ...	—	9,300	—	—	—	468
	Лиственныхъ...	—	71,100	—	—	—	8,555
Лѣса по р. Бара- кулу съ притоками. 22291 десят: 1875 саж:	Березовыхъ...	65,206	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ ...	7,513	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ ...	—	—	—	—	—	—
	Лиловыхъ ...	—	—	96	32	3,539	—
	Сосновыхъ ...	—	19,000	—	—	—	918
Лѣса по р. Яланъ- Зылапру съ прито- ками. 40,616 десят: 1200 саж:	Березовыхъ...	107,815	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ ...	5,559	—	630	230	—	—
	Сосновыхъ ...	—	119,000	—	—	5,038	5,720
Лѣса по р. Сакма- ръ съ прочими при- токами.	Березовыхъ...	118,339	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ ...	46,428	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ ...	26,794	—	—	—	—	—
	Лиловыхъ ...	2,044	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ...	4,470	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ ...	4,644	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ ...	3,507	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ ...	—	17,000	9,603	3,201	707	—3251
	Лиственныхъ...	—	—	—	—	—	—
Итого		962,218	1,215,594	17,247	5,771	30,857	54,836
323817 десят: 984 саж:							

Для дополненія общаго описанія лѣсовъ въ югово сточной части Оренбургской губерніи, остается еще сказать нѣсколько словъ о лѣсныхъ участкахъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ. Они представляются двумя отдѣльными массами, произрастающими частію по скатамъ Ирындыка, частію на возвышенностяхъ у лѣваго берега р. Сакмары между устьями рр. Яланъ-Зилавра и Курагана.

Гребни и скаты центральныхъ высотъ хребта Ирындыка покрыты обширными лѣсами, простирающимися къ югу до источниковъ р. Уртазыма. Они образуютъ лѣсную полосу, шириною отъ 8 до 10 верстъ, въ которой являются небольшія прогалины около скалистыхъ вершинъ главныхъ горъ, также по лощинамъ ручейковъ, текущихъ въ рр. Кизиль и Худолазъ, тянутся неширокія луговые поляны.

Господствующія лѣсныя породы въ семъ пространствѣ составляютъ березы, лиственницы и осины. Первыя и послѣднія растутъ вездѣ, гдѣ только грунтъ земли не слишкомъ каменистъ и встрѣчаются, слѣдовательно, чаще въ низменныхъ, чѣмъ въ возвышенныхъ частяхъ хребта, гдѣ свойства мѣстности болѣе благоприятствуютъ произрастенію лиственницъ. Небольшіе перелѣски, встрѣчаемые въ лощинахъ и на скатахъ горъ южной оконечности хребта Ирындыка, составляютъ продолженіе вышеописанныхъ сплошныхъ лѣсовъ. Они уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу и исчезаютъ наконецъ совершенно въ разстояніи 25 верстъ отъ р. Тавалыка. На лѣвой сторонѣ р. Сакмары, около устья р. Яланъ-Зилавра, тянется неширокая лѣсная полоса по скатамъ нагорныхъ ея береговъ; она расширяется по мѣрѣ приближенія къ югу и образуетъ около источниковъ рр. Сика и Миняуса весьма значительное лѣсное пространство, ограниченное къ югу теченіемъ рѣки Катралы. Лѣсной участокъ этотъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе лѣсовъ между рр. Икомъ и Сакмарою, съ которыми имѣетъ большое сходство, какъ по господствующимъ лѣснымъ породамъ, такъ и по образу ихъ произрастенія. Въ сѣверной части господствуютъ березы и осины, между коими изрѣдко видны отдѣльно стоящія сосны; далѣе къ югу она исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются дубы и липы, березы же и осины остаются главными породами во всемъ лѣсномъ пространствѣ. Остальная часть мѣстности, между рѣками Сакмарою и Ура-

ломъ, представляетъ голыя, ровныя степи, на конхъ не замѣтно нимальнѣйшихъ слѣдовъ прежнихъ первобытныхъ лѣсовъ (*); и даже свойства грунта измѣнились до того, что разведеніе новыхъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, должно встрѣтить большія препятствія.

По незначительному объему лѣсовъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ, нельзя ожидать отъ нихъ большихъ выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи; притомъ же самая вырубка должна производиться весьма осторожно, дабы не лишать молодыхъ деревъ надлежащей защиты отъ суровости климата и тѣмъ совершенно истребить остальные лѣсные участки. По примѣрному исчисленію можно положить, что лѣса по Ирындыку до горы Кузимъ-ташъ-тау занимаютъ пространство въ 48,000 десятинъ казенныхъ, т. е. 2400 квадратныхъ сажень на которомъ имѣется годнаго для рубки дровянаго лѣсу до 120,000 кубическихъ сажень и около 100,000 бревенъ лиственныхъ. Слѣдовательно, если въ продолженіе 20 лѣтъ производить вырубку деревъ, имѣющихъ теперь надлежащій возрастъ, то ежегодный матеріальный доходъ будетъ около 6,000 кубическихъ сажень дровъ и 5,000 бревенъ. Выключая изъ сего числа потребное количество лѣса для мѣстныхъ жителей (**), остается на продажу 2000 кубическихъ сажень дровъ и 3000 бревенъ, что почти составляетъ годовую потребность лѣса для Орской крѣпости. Доставка же можетъ производиться весьма удобно сплавомъ по рр. Кизилу и Уралу.

Объемъ лѣснаго пространства по лѣвому берегу р. Сакмары составляетъ около 13,000 десятинъ, содержащихъ до 46,000 кубическихъ сажень дровъ, годныхъ для рубки въ настоящее время. Слѣдовательно, если руководствоваться вышеозначеннымъ расчетомъ для опредѣленія ежегоднаго матеріальнаго дохода, то получатся 2,300 кубическихъ сажень дровъ, кои могутъ

(*) Многие Башкирцы рассказывали мнѣ, что лѣтъ за 50 тому назадъ, вся возвышенность между рр. Ураломъ и Сакмарою покрыта была темными лѣсами, и что они еще помнятъ, когда ѣздили съ Сакмары въ Орскую крѣпость сплошнымъ лѣсомъ.

(**) Въ деревняхъ, расположенныхъ въ сѣверной части разсматриваемаго вами пространства, считаютъ около 1161 дворовъ, для которыхъ ежегодно нужно около 4000 куб. саж. дровъ и 2000 бревенъ.

быть вырубаемы безъ малѣйшаго вреда для всего лѣснаго пространства. Количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей (*), составляетъ около 1,500 кубическихъ сажень въ годъ, слѣдовательно остается до 800 сажень для продажи.

(*) Въ южной части сего пространства находится 14 деревень, въ которыхъ считаютъ до 450 дворовъ.

А. А. Рехенбергъ.

1838 года.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

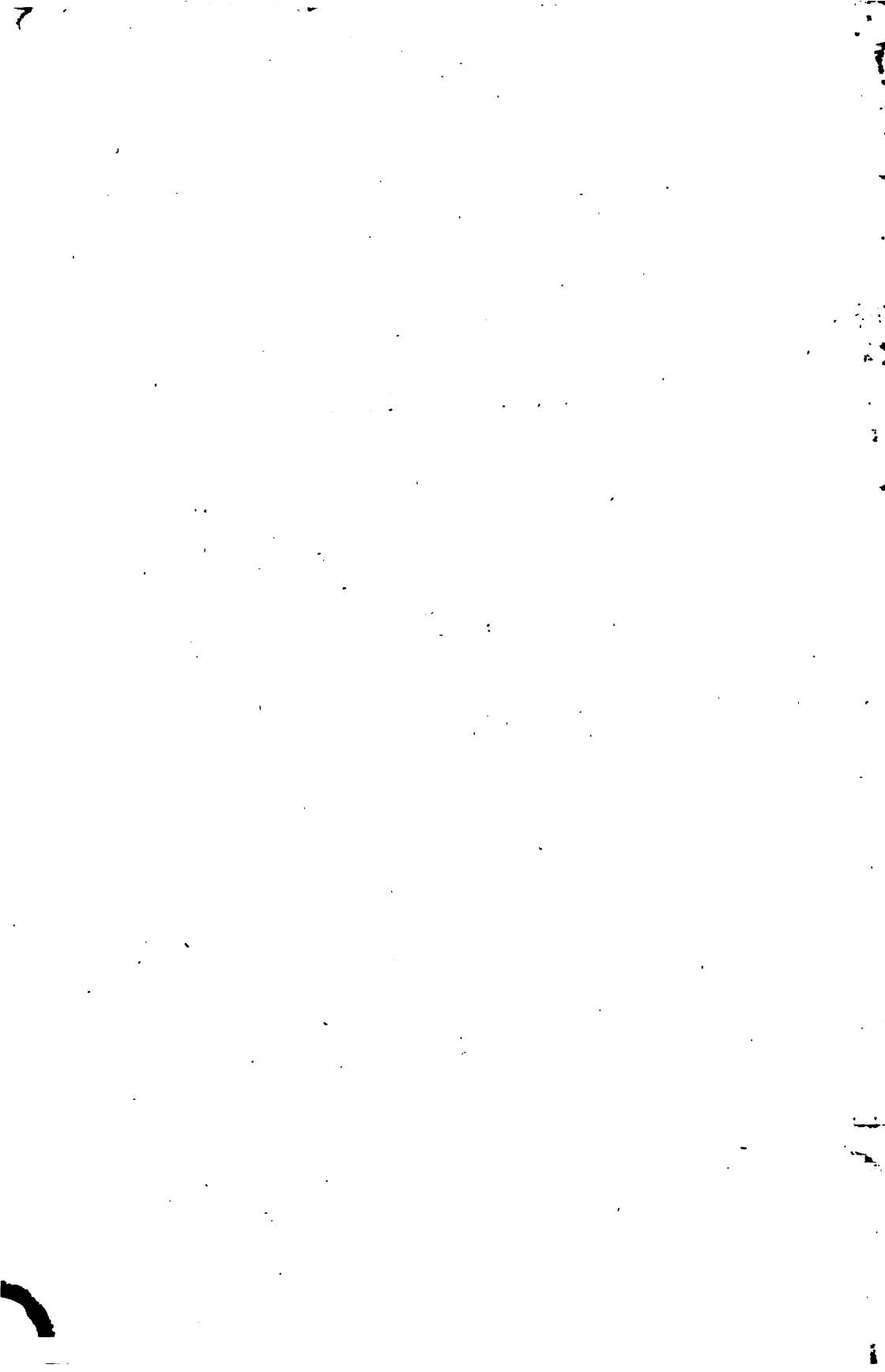
.....

Dupl.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VII.

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. Никитенко.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1853.

Star 23.35

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BY EXCHANGE, FROM THE
LIBRARY OF CONGRESS
11 MAY 1925

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

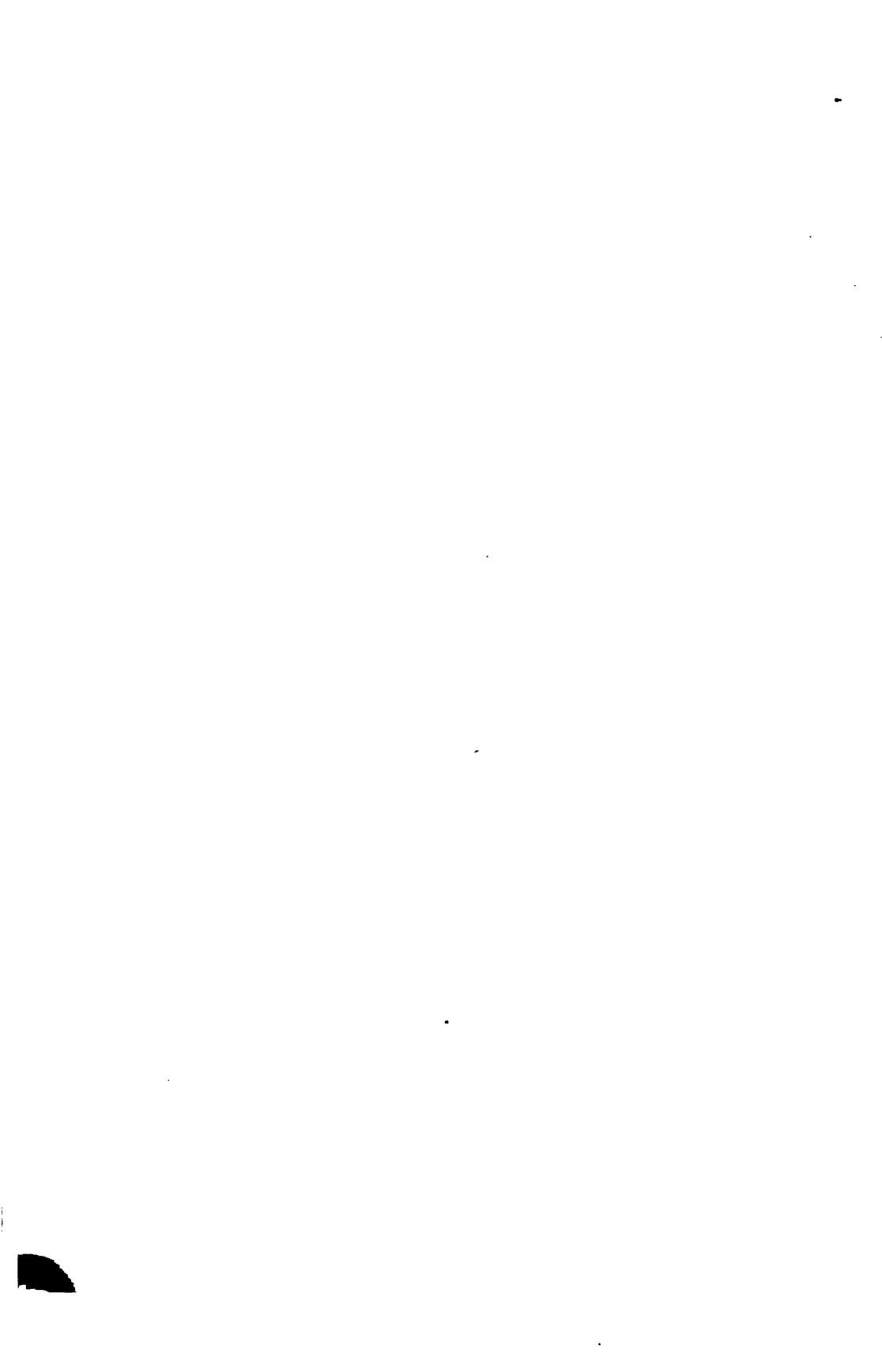
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 24. Марта, 1853 года.

Ценсоръ *Н. Пейлеръ*.

104837
107

ДНЕВНИКЪ
ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА
ЛАТКИНА,
ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПЕЧОРУ,
ВЪ 1840 И 1843 ГОДАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Дневникъ этотъ представляется публикѣ почти въ томъ видѣ, какъ онъ веденъ, съ небольшими измѣненіями. Замѣтки и наблюденія автора о краѣ отдаленномъ, малозвѣстномъ и пустынномъ весьма любопытны; онѣ сливаются съ его личными впечатлѣніями и разными путевыми обстоятельствами; отбросить ихъ и перемѣнить форму дневника на другую редакція Записокъ считала неудобнымъ: она полагала, что этимъ отниметь у нихъ многія занимательныя подробности, которыя непримѣтно сливаются съ личностью путешественника и лишитъ ихъ интереса, живости и наглядности. Читателямъ, безъ сомнѣнія, пріятнѣе будетъ, въ безыскусственномъ разсказѣ слѣдовать за самимъ путешественникомъ, переносясь съ нимъ отъ одной любопытной мѣстности къ другой и какъ-бы обозрѣвая ихъ собственными глазами, чѣмъ читать предлагаемыя имъ свѣдѣнія къ сухомъ статистическомъ перечнѣ.

ВВЕДЕНИЕ.

Есть на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи край пустынный, мало-населенный, но таящій огромныя богатства всѣхъ трехъ царствъ природы, край, куда не проникала еще промышленная дѣятельность, гдѣ мощныя начала будущаго благоденствія тысячъ людей остаются пока въ бездѣйствіи. Это—край Печорскій, сопредѣльный къ востоку съ западными склонами Урала, къ югу и западу простирающійся до истоковъ рѣкъ: Камы, Вычегды, Выми и Чайчина, или Тиманскаго Камня, съ сѣвера омываемый Ледовитымъ Океаномъ. Онъ обнимаетъ, съ островами Вайгачемъ и Калгуевымъ, до 6½ тысячь кв. географическихъ миль *).

Вся эта площадь прорѣзана рѣкою Печорою, отъ которой

*) По исчисленію графа Кейзерлинга.

самый край получилъ названіе Печорскаго. Рѣка Печора, вытекающая изъ Уральскаго Хребта въ Пермской Губерніи, на протяженіи своемъ около 2 т. верстъ, принимаетъ въ себя до 80 большихъ и малыхъ притоковъ.

Огромныя лѣсныя пространства этого края, богатые рыбныя и звѣриныя ловли, море, обильное животными, обширныя тундры, питающія многочисленныя стада оленей, неизслѣдованныя минеральныя богатства Урала и, съ тѣмъ вмѣстѣ, малочисленность, бѣдность обитателей, почти совершенное отчужденіе этого обширнаго края отъ круга торговой дѣятельности государства— издавна привлекали мое любопытство. Я стремился туда съ цѣлью —изслѣдовать и описать его и, если возможно, учредить компанію, чтобъ, съ помощью ея капиталовъ, развить тамъ промышленность, воспользоваться природными богатствами края, до сихъ-поръ какъ-будто бы забытыми и неприносящими никакой пользы. Съ этою цѣлью я былъ два раза въ этомъ краю; слушалъ рассказы разноплеменныхъ его обитателей, внимательно всматривался въ ихъ бытъ, нравы, обычаи, занятія, промыслы, собиралъ преданія, изучалъ мѣстность, вглядывался въ богатства этой страны, и такимъ образомъ собралъ много свѣдѣній, на которыхъ основалъ мои предположенія.

Повѣривши нѣкоторымъ лицамъ эти предположенія и ободренный ими, я утвердился въ своихъ убѣжденіяхъ. Такъ рѣшился я на поѣздку въ Печорскій Край въ 1840 году. Живя

тогда въ Пермской Губерніи, я черезъ Чердынь перебрался на систему водъ Печоры; но, къ сожалѣнію, обстоятельства заставили меня оставить край прежде, чѣмъ я успѣлъ окончить его обзорѣніе.

Между тѣмъ, чтобъ новыми свѣдѣніями подкрѣпить прежнія соображенія, я снова отправился, въ 1843 году, изъ С. Петербурга на Печору, чрезъ Устьсысольскъ и Печорскій Волокъ. Обзорѣвъ страну по Усѣ до Урала, по Печорѣ до ея устья и по Ижмѣ до ея вершинъ, съ которыхъ перебрался на Вычегду, и сдѣлавши верхомъ, пѣшкомъ и лодкой по горамъ разнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, болѣе 8 т. верстъ, я возвратился, поадной осенью, въ октябрѣ, въ Устьсысольскъ, а оттуда въ С. Петербургъ,

Еще осенью 1843 года началъ я приводить въ порядокъ дневникъ поѣздокъ моихъ на Печору; но разныя обстоятельства лишили меня возможности кончить тогда начатый трудъ *). Представляя его нынѣ на судъ публики, прошу снисхожденія къ нескладному, можетъ быть, разсказу моему, составленному изъ путевыхъ замѣтокъ. На литературное его достоинство я не имѣю никакого притязанія: развлеченный съ самыхъ раннихъ лѣтъ разными трудами и заботами, я не могъ получить никакого образованія, а все прибрѣтенное мною въ русскомъ словѣ есть плодъ необходимости, которая была очевидна при за-

*) Часть дневника была напечатана въ журналахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

нѣтъ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ учрежденіе Печорской Компаніи; но прошу читателей обратить благосклонное вниманіе на самую мысль, которая увлекала меня на трудъ и занимала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ моей жизни. Кто знаетъ? можетъ быть, этимъ положено начало одному изъ полезнѣйшихъ предпріятій; по - крайней - мѣрѣ утѣшаю себя этою мыслью, а потому не считаю совершенно безплодными труды мои и потраченное время.

I.

Предположенія. — Пермь. — Чердынь: проѣздъ до этого города. — Дедюхинскій солеваренный заводъ; промышленность жителей Чердынскаго Края. — Село Нырымь. — Рѣка Вшперка. — Рыбакъ. — Чусовское Озеро. — Рѣчка Березовка. — Истребленіе кедровъ при сборѣ шпшекъ. — Устьеловская Пристань. Рѣка Вогулка. — Пристань Пузовая. — Печорскій Волокъ. — Рѣка Волосяница. Печора. — Деревня Устьелосляница. — Якишнская Пристань. — Рѣка Безволосная.

Пермь. Мая 23-ю 1840 г.

Наконецъ я рѣшился ѣхать на сѣверъ Россіи, исполняя давнишнее желаніе мое — обозрѣть пустынный край Печоры. Хорошо, если бы я успѣлъ доплыть до устьевъ Печоры, потомъ достигнуть вершинъ Усы и пробраться до Соби, притока въ Обь. Нелишнимъ было бы также подняться по нѣкоторымъ истокамъ Печоры, болѣе другихъ извѣстнымъ обиліемъ лиственничныхъ и сосновыхъ лѣсовъ, растущихъ по ихъ берегамъ. Путь мой труденъ; но еще труднѣе исполненіе предположеній моихъ. Нужно немало терпѣнія, чтобъ достигнуть цѣли. И достигну ли ее? Но надежда подкрѣпляетъ меня въ моемъ предпріятіи, когда подумаю, что обширное пространство, орошаемое Печорою и ея притоками, изобилуетъ вѣковыми лѣсами; что эти рѣки, богатая рыбою, тундры, наполненныя многочисленными стадами оленей, Ледовитый Океанъ со множествомъ животныхъ, минералы Сѣвернаго Урала еще вовсе не изслѣдованы и что не даромъ ходитъ молва о возможности соединенія Оби съ Печорой. Можетъ быть, и я успѣю что-нибудь сдѣлать.

Чѣмъ чаще бываю я въ Перми, тѣмъ болѣе нравится мнѣ мѣстоположеніе этого города. Онъ расположенъ вдоль лѣваго возвышеннаго берега Камы. За рѣкой, здѣсь уже довольно-широкой, на большомъ пространствѣ зеленѣетъ темный лѣсъ; тамъ необитаемая пустыня.

Чердынь, 8 июля.

4-го июня выѣхалъ я изъ Перми. На пути въ Чердынь со станціи Веретен, я ѣздилъ въ лодкѣ по Камѣ на дедюхинскій казенный соловаренный заводъ. Здѣсь Кама уже неширока. Берега покрыты приплавленными для соляныхъ заводовъ дровами, которыхъ потребляется въ казенномъ и частныхъ промышляхъ до 160 тысячъ сажень, а соли вываривается до 7 мил. пудъ. Въ первый разъ я видѣлъ, какъ вываривается соль, которою такъ богатъ этотъ край. Въ Дедюхинѣ рассолы чрезвычайно добротны; нѣкоторые по солометру до 27%; при варкѣ мѣшаютъ ихъ съ слабыми рассолами. Мнѣ хотѣлось взять съ собой трубнаго мастера, чтобъ на Печорѣ и Вычегдѣ испытать извѣстные соляные ключи, но, къ сожалѣнію, не нашелъ охотника. Къ вечеру я возвратился на станцію, а въ 10 часовъ пріѣхалъ въ Солекамскъ. Проѣздъ изъ Солекамска до Чердыня, въ 105 верстъ, очень неудобенъ: дороги неусроены, песчаны и вся страна кажется бѣдною, неплодною, а жители—бѣдными. Во многихъ мѣстахъ деревни изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и то бѣольшая часть ихъ, а иногда и всѣ пусты, будучи оставлены бѣдными обитателями, переселившимися въ другіе уѣзды губерніи, особенно въ Осинскій и занявшими тамъ землю. Но переселенцы эти нерѣдко принуждены бываютъ оставлять и новыя жилища свои и вести полукочующую жизнь: перебираясь изъ починка въ починокъ^{*)}, они привыкаютъ къ неудобствамъ переѣздовъ и, къ сожалѣнію, занимаютъ дурныя наклонности у Башкировъ, Чердакъ (Чердынецъ) считается тамъ нелучше Башкира. Я жилъ нѣсколько лѣтъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ туземцы — Башкиры, вѣроятно, остатки воинственныхъ Монголовъ, а новыя обитатели — переселенцы изъ разныхъ губерній.

Приближеніе къ сѣверу замѣтно на каждомъ шагу. Хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ уже колосится, а здѣсь поднялся отъ земли только на двѣ четверти; яровые же едва взошли. Неблагодарная земля не вознаграждаетъ трудовъ; часто и удобреніе не помогаетъ. По пути есть корабельныя роши; онѣ окопаны и ограждены карауломъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ положеніе здѣшнихъ дрово-поставщиковъ на частныя соляные заводы. За небольшую плату

*) Новую деревню въ Осинскомъ Уѣздѣ называютъ «починокъ».

(отъ 3 руб. асс. за самень) они рубятъ дрова, длиною въ 6 четвертей, въ 5-ти и даже 10-ти верстахъ отъ рѣкъ, свозятъ ихъ на берегъ и сплавливаютъ иногда за 400 верстъ. Плоты ихъ нерѣдко разбиваются; тогда всѣ труды ихъ пропадаютъ и они остаются въ неоплатномъ долгу; а между-тѣмъ сдача дровъ, даже выгрузка ихъ на берегъ, особенно расцѣтъ — сопряжены съ большими затрудненіями.

Чердынь *) расположенъ на высокомъ правомъ берегу Колвы, которая, протекая съ сѣвера по обширной долинѣ, разрѣзываетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, потомъ теряется вдаль и впадаетъ въ Вишеру, текущую отъ самаго Уральского Хребта. Городъ довольно-хорошо обстроенъ; есть каменные дома и нѣсколько церквей. Здѣсь всегда сухо, потому-что грунтъ песчаный и порядочная покатость къ берегу. Въ соборѣ замѣчательна стѣнная живопись. Близъ него, какъ - бы на отдѣльномъ холмѣ, построена каменная часовня, надъ тѣлами 85 гражданъ, убитыхъ въ сраженіи съ Нагайскими Татарами, сдѣлавшими набѣгъ на здѣшній край въ 7,055 году. На берегу, близъ города, еще замѣтны слѣды земляныхъ укрѣпленій; но валъ, гдѣ теперь бываетъ гулянье, во многихъ мѣстахъ сравнялся съ долиной. Виды изъ города прелестны. За рѣкой, на огромномъ пространствѣ, луга, усѣянные кустарниками, а вдаль, за Вишерою, возвышаются исполины края — горы Уральского Хребта. Главная изъ этихъ горъ называется *Помаановой*. Онѣ тянутся къ сѣверу. Есть горы и ближе, на правомъ берегу Вишеры. Одна изъ нихъ отдѣлилась высокою скалою; ее зовутъ *Полидовой*; она, какъ барометръ, предсказываетъ измѣненія погоды: бѣлизна камня хорошую погоду, а синева — дурную.

Жители Чердына и ближайшихъ деревень, особенно села Починскаго, ведутъ торговлю на значительныя суммы; у нѣкоторыхъ полагаютъ капиталъ до 100 тысячъ руб. сер., даже болѣе. Главный торгъ ихъ пушными товарами въ Ирбитѣ и на нижегородской ярмаркѣ; многіе занимаются и торговлей хлѣбомъ, который везутъ изъ Сарапула и часть отправляютъ на низовье Печоры, а оттуда доставляютъ произведенія того края. Прежде многіе покупали то-

*) Названіе Чердына составлено изъ зырянскихъ словъ: Черъ (топоръ) и дынь (устье рѣки) или комель дерева. Близъ Чердына есть рѣчка Черъ, слѣдовательно Чердынь названъ по устью рѣки Черы. По-русски Усть-черскъ, что по-зырянски выходитъ Черъ-дынь.

чила и брусья изъ Печорской Горы и сбывали ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Жители Чердынскаго Уѣзда занимаются звѣроловствомъ; въ иной годъ настрѣливаютъ не одну сотню тысячъ бѣлокъ; удачно выкармливаютъ въ особьихъ клѣткахъ лисицъ^{*)}). Но главное занятіе ихъ — поставка дровъ на солеваренные заводы. Многіе крестьяне занимаются также судостроеніемъ и работою на судахъ, зимой перевозками грузовъ въ Ирбитъ, прямо черезъ горы, мимо Верхотурья, равно и на Якшинскую Пристань на Печорѣ, и оттуда въ Чердынь, и на Устьеловскую Пристань. Хлѣбопашество, по дурному грунту земли и холодному климату, мало вознаграждаетъ труды, производится слабо. Собираемаго хлѣба никогда не достаетъ, а купцы привозятъ его изъ Сарапула. Употребляемыя здѣсь суда называются шитики, каюки, павозки и тихвинки. Шитики, длиною отъ 8 до 12 сажень, поднимаютъ иногда отъ 10 до 12 тысячъ пудъ; каюки и павозки, длиною отъ 5 до 8 сажень, поднимаютъ отъ 1,200 до 2,000 пудъ и больше. Построеніе судовъ обходится очень дешево, по чрезвычайному обилію въ лѣсѣ и по недорогой платѣ за работу. Суда строятъ преимущественно при селѣ Вильгортѣ и деревнѣ Волимѣ.

Въ Чердынѣ я купилъ себѣ лодку съ каютою; но, къ сожалѣнію, ее очень долго устроивали.

Въ лодкѣ по рѣкѣ Колвѣ 15 іюня.

Вчера въ полночь я простился съ Чердыномъ. Сегодня бѣжали мы немного парусомъ; вѣтеръ намъ благопріятствовалъ.

16 іюня.

Переночевавъ въ лодкѣ у перевоза, мы заплатили дань комарамъ, которыхъ ночью было чрезвычайно много. Утромъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ мы отправились пѣшкомъ по лѣвому берегу въ село Нырѣбъ, а лодку рабочіе потянули по Колвѣ. Часа полтора

^{*)} Шерсть выкармливаемой лисицы всегда бываетъ хуже, чѣмъ на дикой; но Чердынцы такъ искусны въ воспитаніи лисицъ, что очень трудно различить шкуры дикой лисицы отъ домашней; подъ конецъ выкормки, они морятъ лисицъ голодомъ, даже переламываютъ имъ ноги, чтобъ страданія отняли жиръ у бѣднаго звѣря, послѣ чего шерсть на нихъ дѣлается длиннѣе и пушистѣе.

мы шли лугами, усѣянными кустарниками; все цвѣло и благоухало; солнце, поднимаясь на горизонтъ, усиливало жаръ. На перевозѣ черезъ рѣчку Низьву мы выкупались; отъ нея часть пути до села Изкара. Здѣсь названія рѣкъ и селеній напоминаютъ о Зырянкахъ: Вильгортъ, Изкаръ, Нырѣбъ, Колва, Низьва — все это зырянскія названія; теперь здѣсь живутъ Русскіе, или, можетъ быть, обрусѣвшіе Зыряне. Село Изкаръ, вѣроятно, было прежде городомъ, какъ можно заключить по остаткамъ вала, вѣн селенія, и по самому названію села (Изкаръ по-зырянски значить каменный городъ). Изкаръ съ каменною церковью расположенъ на косогорѣ довольно-значительной возвышенности. Былъ полдень, когда мы вышли изъ Изкара. Зной ужасный! Часа черезъ два мы завидѣли церкви въ Нырѣбѣ и, утомленные, пришли туда, пройдя до 23 верстъ по сыпучимъ пескамъ въ полуденный жаръ. Отдохнули и начали обзрѣніе съ каменной часовни, построенной надъ ямою, гдѣ содержался невинный страдалецъ — юноша Михайлъ Никитичъ Романовъ. Со свѣчей спустились мы въ яму, гдѣ было сыро, какъ въ могилѣ. Яма внутри обложена камнями; въ одной стѣнѣ устроена маленькая печь, согрѣвавшая узника; вверху небольшое отверстіе, куда подавали ему пищу. На стѣнѣ часовни надпись, что въ 7109 году, глѣтомъ, привезенъ Романомъ Пушинымъ со стражею, въ темной кибиткѣ, Михайлъ Никитичъ Романовъ, и что чрезъ годъ онъ скончался и тѣло его предано землѣ на мѣстѣ нынѣшней теплой церкви Богоявленія, а потомъ увезено въ Москву, обрѣтенное нетлѣннымъ. Въ церкви мы видѣли гробницу, устроенную на мѣстѣ могилы страдальца; тамъ же хранятся тяжелыя цѣпи, которыми былъ скованъ узникъ. Извѣстно, что Михайлъ Никитичъ Романовъ былъ богатырь и по росту и по силѣ; но едва вѣршишь, чтобъ эти наручники и навозники были на человѣкѣ: такъ они огромны; одинъ замокъ вѣситъ болѣе 10 фунтовъ. Церковь Николая Чудотворца древней архитектуры; внутри стѣнная живопись. Священниковъ не было: они уѣхали по своему обширному приходу. Въ Нырѣбѣ всегда есть богомольцы; сюда приходятъ издалека поклониться образу Чудотворца. Въ 6 часовъ вечера мы отправились пѣшкомъ ночевать въ деревню Ветланъ, куда и пришли въ 8 часовъ; около насъ собрались крестьяне и мы долго разговаривали. Тамъ я встрѣтилъ печорскихъ Зырянъ; они работаютъ почти изъ одного хлѣба. Утромъ, въ ожиданіи лодки, я взобрался на громадную

скалу, отвѣсно возвышающуюся надъ Колвою. Чудесный видъ! Къ югу извивается Колва по долинѣ, усыпанной кустарничками; вдали синѣютъ и зеленѣютъ лѣса, поднимаются холмы длинными грядами; къ сѣверу рѣка теряется между громадными горами и на нихъ, какъ гнѣзда, видны двѣ деревеньки; на востокѣ ярко сіяетъ солнце; въ пролѣскахъ едва виднѣются дома деревни Ветлагъ; вездѣ море зелени.

Колва быстра. Вода прибываетъ, а потому мы медленно поднимались вверхъ; уже ночью проходили подлѣ горы, прямою скалою возвышающейся на правомъ берегу. Говорятъ, будто въ верстѣ отъ берега есть въ горѣ обширная пещера, а внутри ея озеро. Жители увѣряютъ, что въ три дня не обойти всю окружность этого подземнаго пространства. Есть преданіе, что тамъ когда-то жила дѣва-богатырь; она садилась на вершину скалы и прѣла, а потому скала и носить названіе *Дымош*. Теперь мы на ночлегѣ. Сегодня рабочіе перемокли, утомлены работой и уже спать около огня. И внутри и внѣ каюты тѣма комаровъ. Сію минуту проплывъ мимо насъ плотъ; быстро несли его струи Колвы, и, странно, имъ никто не управлялъ; рабочіе спали подлѣ дымокура^{*)}; видно, и они устали, какъ мы, подумалъ я.

18 июля.

Въ 10 часовъ утра вошли въ рѣку Вишерку, впадающую справа въ Колву. Колвой мы шли отъ Чердына до Вишерки 23 чемкоса. Чемкосъ содержитъ, примѣрно, 5 верстѣ; но иногда эти чемкосы столь длинны, что едва дождешься урочнаго мѣста, откуда начинается другой чемкосъ. Эти урочныя мѣста означаются или устьемъ какой-либо рѣчки, или сосновою роцею, или холмомъ. Чемкосъ происходитъ отъ двухъ зырянскихъ словъ: чемъ (клѣтка) и кость (промежутокъ); пространство между клѣтками составляетъ чемкость, или чемкосъ. Рѣка Вишерка течетъ изъ Чусовскаго Озера, имѣетъ ширины около 20 саж., глубока и потому неочень быстра; вода въ ней темнаго цвѣта, но чиста; берега большею частью лѣсисты; мѣстами луга покрыты сочною травой. На одинъ чемкосъ отъ устья находится такъ-называемый перекопъ, или каналъ, сдѣ-

^{*)} Дымокуромъ называютъ зажженное гнилое дерево; оно горитъ медленно, а отъ него много дыму, который гонятъ комаровъ.

ланный бывшимъ арендаторомъ Брусляной Горы, чердынскимъ купцомъ Валуевымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вишерка заворачиваетъ къ сѣверу и дѣлаетъ кругъ около двухъ чемкосовъ; перекопомъ же надобно идти не болѣе 70 сажень. Къ сожалѣнію, каналъ сдѣланъ неудачно въ томъ пунктѣ, гдѣ теченіе рѣки не имѣетъ уже направленія къ берегу, и потому до-сихъ-поръ, въ продолженіе, можетъ быть, 40 лѣтъ, только весною лодки могутъ проходить этимъ каналомъ. Сегодня много помогалъ намъ попутный вѣтеръ и мы прошли съ устья Вишерки $4\frac{1}{2}$ чемкоса. Слава Богу, воды пока достаточно: это даетъ надежду пройти безъ затрудненія маленькими рѣчками. Теперь совершенно тихо; отъ комаровъ и въ накомарникѣ мало защиты. Я устроиваюсь въ моей каютѣ, гдѣ довольно-удобно.

19 июля.

Сегодня съ утра мелкій дождь. Мы плыли на греблѣ и потому очень медленно; о бечевникѣ въ этой пустынѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, и думать нечего. Пройдя съ ночлега $3\frac{1}{2}$ чемкоса, мы остановились въ деревнѣ Тадиной, состоящей всего изъ 12 домовъ. Она расположена на косогорѣ праваго берега. Жители занимаются рыбною ловлею въ Вишеркѣ, иногда на Чусовскомъ Озерѣ; вообще они бѣдны; хлѣбопашество ничтожно; для скотоводства было бы приволье, но имъ занимаютъ мало. Отсюда начинается уже пустыня. Теперь мы на ночлегѣ. Рабочіе раскинули палатку и спать. Темно. Съ сѣверо-запада поднялась туча; молнія озаряетъ мрачную окрестность лѣсныхъ дебрей; громъ грохочетъ; ливня льетъ дождь. Съ каждымъ переходомъ въ новый источникъ путь намъ становится тѣснѣе и тѣснѣе; трудность его увеличивается.

20 июля.

Пройдя съ ночлега 4 чемкоса, мы достигли хижины стараго рыбака Филиппа. Онъ изъ деревни Тадиной, одинъ изъ потомковъ Тадея, основателя деревни. Филиппъ зиму и лѣто живетъ большею частью здѣсь; хижина его, баня и амбаръ съ погребомъ построены на довольно-возвышенномъ и лѣсистомъ берегу Вишерки. Подлѣ избы двѣ могилы; на одной изъ нихъ большой крестъ; въ нихъ

погребены дочери прежняго рыбака. «Тебя уже мы давно ждемъ (сказалъ мнѣ рыбакъ); слухъ прошелъ, что ты ѣдешь, а все нѣтъ, да нѣтъ». Филиншу лѣтъ около 60-ти. Онъ настоящій житель лѣсовъ: загорѣлый, въ грязной рубахѣ и лузанѣ^{*)}). Онъ подчивалъ меня рыбьимъ жиромъ и удивлялся, что я отказываюсь отъ такого лакомства. Мѣсто жилья его называется Семь Сосенъ; но ихъ уже давно нѣтъ. Пройдя одинъ чемкосъ, мы миновали устье порядочной рѣчки Лариной, впадающей съ лѣвой стороны въ Вишерку. Здѣсь берега рѣки болѣе открыты и низменны; по сторонамъ вездѣ малыя озера и заливы; все это показывало близость большаго озера. Филиншъ, въ легкой набойницѣ (лодкѣ) настигъ насъ. Я поѣхалъ съ нимъ въ своемъ маленькомъ челнокѣ. Мы скоро ушли изъ виду большой лодки, и ловили рыбу изъ морды^{**)}. На мое счастье пошло до десятка лзей. Наконецъ мы подплыли къ озеру; оно въ чемкосѣ отъ р. Лариной и въ двухъ отъ Семи Сосенъ. Довольно-сильный противный вѣтеръ дулъ съ запада и мы остановились на развалинахъ Филиншовой хижинны. Здѣсь онъ жилъ лѣтомъ, но весенняя вода разрушила пріютъ его. Филиншъ платитъ въ казну оброка 20 руб. сер. за право ловить рыбу отъ устья озера по рѣкѣ Вишеркѣ на 6 чемкосовъ. Въ прошлую зиму была ему большая удача: онъ наловилъ до 1,000 пудъ лзей, щукъ, сига и проч., но это не всегда случается; все-таки здѣшнія мѣста очень удобны для рыбной ловли. Въ ухѣ изъ ершей мы сварили крупную рыбу и поужинали порядочно. Наступила ночь; вѣтеръ затихъ, и въ 10 час. мы простились съ Филиншомъ; я далъ ему пороку, дробь и соли, и онъ былъ очень благодаренъ. Мы поплыли по гладкой поверхности озера, въ которомъ отражалось ясное небо и прибрежные лѣса. Чусовское Озеро длинны до 10 верстъ, а ширины мѣстами до 3. Съ запада оно окружено горами, къ юго-востоку мѣстами низкими, а сѣверная сторона его, мимо которой мы плыли, покрыта лѣсомъ. Довольно далеко

*) Лузанъ — просто кусокъ сузива, съ дыроу въ серединѣ, чтобъ надѣвать на плечи, съ ремнями у передняго конца и съ карманомъ въ другомъ, который приходится на спину; его надѣваютъ сверхъ платья и опоясываютъ ремнями, а въ карманѣ хранится дневной запасъ звѣролова.

**) Мордоу называютъ сдѣланный изъ тонкаго шивака вѣтелъ; она бываетъ разной длины, но не больше какъ около полутора аршина. Входъ въ морду окруженъ острыми спицами, торчащими внутрь морды, такъ-что рыбѣ пройти въ нее удобно, а выйдти нельзя. Морды спускаются между кольями.

вдались въ озеро нѣсколько мысовъ, покрытыхъ сосновыми рощами. Озеро вообще неглубоко; мало мѣсть, гдѣ воды было бы до 2 саж.; оно тинисто, а потому обильно рыбою. На немъ содержитъ теперь рыбную ловлю какой-то Пермскъ, за 120 руб. асс. У него 12 работниковъ: Неводы длиною до 200 саж. Рыболовы живутъ на западномъ берегу. Налавливаемую рыбу солятъ, а часть доставляютъ въ Пермь будто бы живою. Большею частью попадаются язи, щуки, судаки, а иногда и лини. Въ устьѣ озера протянуть неводъ, чтобъ рыба не проходила въ рѣку. Каждый арендаторъ бережетъ рыбу въ своемъ владѣннн. Когда мы вышли въ озеро, слабый вѣтерокъ кольхалъ его поверхность, заря глядѣлась въ ней; въ туманѣ едва были видны отдаленные берега; часть горизонта на западѣ покрывалась опять темными облаками. Довольно быстро плыла наша лодка. Вотъ мы подошли къ мысу, потомъ къ другому; его называютъ «Срединнымъ»: онъ въ самой срединѣ озера. Въ полночь мы вошли въ устье Березовки, тутъ отдохнули часа три и поплыли дальше. Всего хода по Березовкѣ 9 чемкосовъ. Пройдя три, мы встрѣтились съ рыбакомъ Михайломъ, старшимъ братомъ Филиппа. Онъ держитъ на оброкѣ рыбныя ловли по Березовкѣ на 5 чемкосовъ, и платитъ 150 руб. асс. въ годъ. Не спрашивая кто я, Михайло ужъ знаетъ куда я ѣду: вѣсть прошла въ этихъ пустыняхъ о моемъ странствованнн. Онъ подарилъ намъ нѣсколько крупныхъ язей и щуку, а я далъ ему порошу, дрови и соли—это предметы первой необходимости въ пустынѣ.

Берега Березовки прекрасны, покрыты кустарниками, рощами; почти вездѣ высокая густая трава пырей, самая питательная для скота. Рѣка мѣстами неглубока, ширины около 10 сажень и болѣе. Здѣсь уже есть теченнн, которое становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ дальше отплываемъ отъ озера. Мы иногда охотились, но дичи мало; зато, говорятъ, весною на рѣкахъ и озерахъ множество утокъ, гусей и лебедей: пролетая далѣе къ сѣверу, они отдыхаютъ и въ чусовскомъ бассейнѣ.

Полночь на почтѣ 21 воя.

Мы не дошли только на одинъ чемкосъ до пристани Устьеловки, однакоже сегодня подвинулись на 7 чемкосовъ. Воды здѣсь пока еще довольно; что-то будетъ завтра въ Вогулкѣ? Вечеромъ плыли

между сосновыми рощами, гдѣ мѣстами есть кедръ, и, по мѣстному обыкновению, совершили преступленіе: срубили одинъ кедръ; впрочемъ, онъ и безъ насъ не избѣжалъ бы этой участи, потому что на немъ было 54 шишки. Урожай орѣховъ—гибель для кедровыхъ лѣсовъ. Здѣсь, какъ и по Вычегдѣ, тотъ же невѣжественный обычай: шишекъ не снимаютъ какимъ-нибудь орудіемъ, а рубятъ дерево. Для этого промысла крестьяне отправляются, часто съ семействами, и рубятъ вѣковыя деревья; съ много снимаютъ отъ 1,000 до 1,500 шишекъ. Во время урожая сколько этихъ деревьевъ истребляется въ одно лѣто, если вспомнить, что для пуда орѣховъ нужно отъ 800 до 1,000 шишекъ, и что орѣховъ въ иной годъ добываютъ тысячи пудъ. Когда станешь говорить крестьянамъ о сбереженіи кедровъ, они спокойно отвѣчаютъ: «Не вырубишь всѣхъ: есть ихъ много; на насъ достанетъ». И о томъ никто изъ нихъ не подумаетъ, что не каждый кедръ плодovitъ, и что оттого самыя урожан орѣховъ уменьшаются. А можно ли жаловаться на неурожай при такомъ варварскомъ сборѣ плода, составляющаго выгодный промыселъ!

На пристани Пуной 24 июля.

На другой день 22 іюня рано утромъ мы прошли послѣдній чемкъ по Березовкѣ до Устьеловской Пристанн. Здѣсь тоже нѣсколько амбаровъ. Сюда привозятъ зимой съ Якинской Пристанн печорскіе товары, доставляемые туда на судахъ, а отсюда сплавляютъ ихъ въ Чердынъ и далѣе. Товары состоятъ изъ точилъ, брусевъ, ворваннаго сала и разной рыбы. Устьеловскую Пристанъ начинаютъ уже оставлять и провозятъ товары изъ Якии прямо до Чердына гужомъ. Провозы дешевы: извозчики, доставляющіе муку на Якинскую Пристанъ, за попутъе везутъ около 7 коп. сер. съ пуда.

Войдя въ устье Еловки, мы какъ-будто своротили съ большой на проселочную дорогу. Низкіе берега ея покрыты болотной травой и ивнякомъ. Пройдя версты три, увидѣли устье Вогудки. Что это за рѣка? какъ идти по ней?— вотъ первыя мысли мои при видѣ русла рѣчки, едва замѣтной въ глуши кустарниковъ! Мы сбросили весь лишній грузъ, мачту и проч., и за всѣмъ тѣмъ съ трудомъ втянулись въ рѣчку; прошли съ версту, далѣе нѣтъ ходу. Въ ма-

ленькой лодкѣ я ѣздилъ нѣсколько верстъ, но вездѣ плохо: не пройти намъ по Вогулкѣ.

Для облегченія лодки, я приказалъ сломать мою каюту. Къ вечеру мы пошли далѣе. Пройдя двѣ или три версты отъ устья, начинаются довольно-широкія озера и тянутся верстъ пять. Въ глуши дремучихъ сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ эти бассейны имѣютъ прекрасный видъ; въ зеркалѣ водъ, невозмущаемыхъ даже и тихимъ вѣяніемъ вѣтра, отражаются и ясное небо, и летучія облака, и темныя прибрежныя лѣса. Пройдя озера, опять вошли мы въ узкое русло Вогулки; тутъ начались новыя затрудненія. Мы ночевали на Боровомъ Мысу, поднявшись около 10 верстъ отъ устья. На другой день (23 июня), при восходѣ солнца, мы были уже въ пути. Удобства каюты исчезли; весь багажъ нашъ въ грудѣ; отдыхъ только во время завтрака; обѣдъ и ночлеги въ тѣни ели или черемухи на разложенномъ коврѣ. Въ этотъ день затрудненія увеличились; мѣстами, тащили лодку по мелямъ. Было уже поздно, а мы все еще плыли къ такъ-называемому Пищальному Бору, и наконецъ увидѣли его. И точно чудный боръ! Сюда стараются добраться всѣ судовщики къ обѣду или на ночлеги. Послѣ дремучихъ лѣсовъ, здѣсь такое приволье, такъ свѣтло, такъ бѣлъ мохъ, покрывающій боръ, такія прекрасныя сосны растутъ на немъ! Развели огонь. Рабочіе ужинали, я пилъ чай, и потомъ всѣ предались отрадному отдыху. Утромъ сегодня, на восходѣ солнца, опять пустились въ путь. Было ужъ очень трудно тащиться по мелямъ; но все понемногу впередъ, да впередъ. Къ обѣду прибыли на пристань Вештомову, на лѣвомъ берегу Вогулки. Отъ нея недалеко уже до дороги, по которой зимой везутъ грузы съ Якши. Въ Вештомовой мы оставили часть багажа и одного рабочаго, и опять пустились по Вогулкѣ. Отъ Вештомовой Пристани до Пуповой сухимъ путемъ не болѣе 3 верстъ, а мы трудились цѣлый день, разбросали по берегамъ все, что было въ лодкѣ, и едва дотащились къ 9 часамъ вечера.

По Вогулкѣ, выше Пуповой Пристани, еще есть двѣ: Остожье и Свинка. Вогулка можетъ быть судоходною только весной и осенью, и то для судовъ съ грузомъ отъ 300 до 400 пудъ. Въ прежнее время, поднявшись по Вогулкѣ, перевозили суда на рѣку Волосяницу, а теперь на обѣихъ рѣкахъ есть особыя суда. Для перевозки грузовъ здѣсь живетъ подрядчикъ, который перевозитъ кладъ по

20 коп. асс. съ пуда. Перешеекъ между Вогулкою и Волосяницею извѣстенъ подъ именемъ Печорскаго Волока; длина его между Пуповою Пристанью и Волосяницею 10 верстъ, а между Остожемъ и Волосяницею только 4 версты.

На берегу Волосяницы, 26 июля.

Вчера днемъ перетаскали на телегахъ объ мои лодки, и въ 9 часовъ вечеромъ дождались обратнo коней, сложили кладъ на телеги и повезли. Мы сами шли гѣшкомъ по прекрасному бору. Веадѣ, какъ коверъ, разостланъ бѣлый мохъ. Въ сумракѣ ночи, въ этихъ лѣсахъ, такъ рѣдко посѣщаемыхъ людьми, царствовала совершенная тишина. Сосны, какъ великаны, высоко раскинули свои вѣтви. Изрѣдка испуганные тетерева слетали съ удивенныхъ ночлеговъ своихъ и быстро скрывались вдали. Вблизи послѣдней пристани (Свинокъ) открывается порядочная площадь болотъ; налѣво отъ дороги течетъ, едва замѣтнымъ ручьемъ, Вогулка; отсюда недалеко уже до ея вершины. На берегу поставлены до 20 паузковъ^{*)}; они поднимаютъ отъ 300 до 400, нѣкоторые до 500 пудъ; весной и осенью, когда отъ дождей рѣчка наполняется, въ нихъ доставляютъ грузы къ Волоку. Осмотрѣвши суда, я пошелъ далѣе. Вотъ и дома, все старыя; инѣмъ, говорятъ, болѣе 80 лѣтъ, и только одинъ занятъ подрядчикомъ. Уже спали, когда мы пришли туда. Утромъ багажъ мой взвѣсили и перевезли на Свинокъ — такъ называется мостъ, который тянется черезъ тонкое болото до канала, прорытаго отъ моста къ озерамъ, сквозь которыя течетъ рѣка Волосяница. На этотъ мостъ складываютъ товары и съ него же грузятъ ихъ въ суда. Каналъ длиною около 150 сажень, и до того запльмъ тиною, что въ маленькой лодкѣ было трудно пробираться; здѣшніе промышленники и не думаютъ объ удобствѣ.

Съ пристани мы опять шли гѣшкомъ къ Волосяницѣ по прекрасному и высокому бору. Недалекѣ отъ домовъ, на дорогѣ, стоитъ часовня, вѣроятно, уже давно построенная, во имя Николая Чудотворца, покровителя всѣхъ плавающихъ и путешествующихъ. Въ ней есть всѣ принадлежности служенія: свѣчи, ладанъ, куриль-

^{*)} Такъ называются суда, которыми сплавляютъ кладъ по Волосяницѣ и Вогулкѣ.

ница и проч. Путники съ душевнымъ умилениемъ входятъ молиться въ это святилище, воздвигнутое въ пустынь.

Полдень, 27 июля.

Вотъ мы и на берегу Волосяницы. Она извивается глубоко внизу, между камнями. Противоположный берегъ покрытъ густымъ сосновымъ лѣсомъ и березникомъ. На правомъ берегу стоитъ деревянный крестъ, поставленный 22 августа 1827 года чердынскими гражданами, и уже почернѣвшій отъ времени. Отсюда считается половина пути отъ Печоры до Волока. Лодку едва перетаскиваемъ черезъ каменистые переборы; бродимъ въ водѣ, нища фарватера; труда много.

Волосяница мѣстами очень быстра; берега чрезвычайно богаты гѣсами сосновыми и лиственничными; здѣсь мало или вовсе нѣтъ болотныхъ мѣстъ.

На ночлегъ 10 ч. вечера.

Съ нетерпѣниемъ мы ждали доплыть до устья р. Чернавки (впадающей въ Волосяницу съ правой стороны), надѣясь, что она подкрѣпитъ водой Волосяницу; но не такъ случилось. Здѣсь рѣка стала шире, зато песчанья мели длиннѣе. На Толокняномъ Бору отдохнули отъ тяжелаго труда при перетаскиваніи лодки и опять поплыли. Было уже темно, когда остановились на ночлегѣ.

Деревня Усть-Волосяница, 29 июля.

Считаютъ отъ Волока до Печоры 90 верстъ; но я думаю, будетъ гораздо больше: здѣшнія версты что-то очень длинны. Отъ устья р. Чернавки до Печоры полагаютъ 10 вер., а мы плыли, съ часу на часъ ожидая выплыть въ Печору, цѣлый день; измучились на меляхъ, такъ-что нуть по Вогулкѣ казался намъ легкимъ, въ сравненіи съ настоящимъ. Было уже темно, когда мы остановились на ночлегѣ, и все еще на берегу Волосяницы. Сильный сѣверный вѣтеръ вѣялъ холодомъ и насквозь пронималъ насъ, измокшихъ и усталыхъ; порой накрапывалъ дождикъ; но всего болѣе огорчало насъ, что мы тогда не могли доплыть до Печоры; а немнога и

оставалось, только около 4 версты. На прибрежномъ пескѣ раскинули палатку, согрѣлись у огня, поужинали, что́ Богъ послалъ, и спали до утра, какъ убитые. Сегодня утро было ясно и холодно; едва отогрѣлись работой. До устья Волосяницы я шелъ пѣшкомъ по высокому бору. Здѣсь, говорятъ, скрывались прежде разбойники; они жили въ глубокомъ оврагѣ; еще замѣтны слѣды, гдѣ былъ ихъ притонъ. Здѣсь многіе ищутъ кладовъ; много вырытыхъ ямъ свидѣлствуютъ о неудачныхъ попыткахъ легковѣрныхъ искателей. Наконецъ я увидѣлъ цѣль нашего странствованія — русло Печоры. Радостно спустились мы на лоно этой пустынной, величественной рѣки. Направленіе ея здѣсь прямо на сѣверъ; берега крутые, покрытыя лѣсомъ; русло до 70 саж. ширины и довольноглубоко. Послѣ узкихъ протоковъ Вогулки и Волосяницы, русло Печоры показало намъ широкимъ, какъ море *).

Мы теперь въ 4 верстахъ отъ устья Волосяницы, на правомъ берегу Печоры, въ деревнѣ Усть-Волосяницѣ, которая состоитъ изъ пяти дворовъ. Мы отдохнули, выпарились въ банѣ и съ полдня поплыли дальше.

За полдень 2 часа.

Проплыли мимо деревни Пожегъ, находящейся на лѣвомъ берегу Печоры. Жителей ея зовутъ Момьялами; не отъ зырянскаго ли слова омыль (худой, дрянной) произошло это названіе? Въ деревнѣ до шести домовъ. Противъ нея впадаетъ въ Печору рѣчка Пожегъ, по берегамъ которой много лиственничныхъ лѣсовъ. Здѣсь же недалеко граница Вологодской Губерніи. Вездѣ пустыня, берега покрыты лѣсами; нигдѣ нѣтъ и слѣда человѣческой дѣятельности.

30 юнл.

Проедшею ночью мы достигли Якшинской Пристанн, съ которой грузы, привозимые зимой изъ Чердына, сплавляются на устье

*) Въ описаніи Печорскаго Края графа Кейзерлинга дано слишкомъ большое значеніе рѣкѣ Волосяницѣ, будто-бы отъ Волосяницы Печора дѣлается судоходною и значительною рѣкою; но Волосяница ни болѣе ни менѣе какъ небольшой притокъ Печоры, и не могла ни увеличить русла этой рѣки, ни углубить ее небольшою массою вливающейся изъ нея воды.

Печоры, а доставленные съ низовья, перевозятся въ Чердынъ. Здѣсь около сотни мелкихъ амбаровъ, большею частью принадлежащихъ чердынскимъ торговцамъ. Есть нѣсколько домовъ; особенно хорошъ домикъ купца Мичурина. Тенерь здѣсь никто не живетъ, кромѣ караульщика съ семействомъ, и навремя прѣхавшаго сидѣльца питейныхъ сборовъ. Главныя строенія на правомъ берегу; тамъ же находится и часовня.

Отъ деревни Пожега мѣстами помогаль намъ попутный вѣтеръ. Плыдемъ, кажется, довольно скоро; но и здѣшніе чемкосы такъ же длинны; съ 10 час. утра до солнечнаго заката едва прошли 11 чемкосовъ, или 55 верстъ; а по моимъ соображеніямъ, будетъ 75 верстъ или больше. Выше деревни Пороги находятся два небольшіе порога на Печорѣ; но въ нихъ есть проходъ для судовъ; третій порогъ ниже деревни, и онъ меньше первыхъ. Въ деревнѣ Пороги всего два дома; изъ нихъ одинъ пустой, его топятъ во время зимы для проѣзжающихъ; слѣдовательно все поселеніе состоитъ изъ одной семьи. Ниже деревни Пороги на 12 чемкосовъ однообразная пустыня, высокіе берега покрыты лѣсомъ, большею частью еловымъ, но встрѣчаются и кедры. Отъ этой деревни въ 2 чемкосахъ впадаетъ въ Печору съ лѣвой стороны рѣчка Безволосная. Она вытекаетъ изъ однихъ болотъ съ Волосляницей. Прежде по ней доставляли товары съ Печоры и вывозили на Березовку.

При устью Безволосной на высокомъ берегу Печоры, замѣтны слѣды бывшей старинной пристани, которая давно уже оставлена, вслѣдствіе открытія болѣе удобнаго судоходнаго пути по Волосляницѣ и Вогулкѣ. Говорятъ еще, что прежде изъ Чердына шли суда въ систему Двины, поднимаясь по Березовкѣ до Бахонина Волока, и отъ него перевозились на одинъ изъ истоковъ Вычегды.

II.

Рѣка Ильдъ. — Преданія о разбойникахъ. — Торговля въ минушемъ и пути черезъ этотъ край. — Троицкій Погостъ. — Поѣздка на Брусляную Гору. — Поѣздка въ Печорскій Край въ 1826 году. — Пожегодской Волокъ. — Ночлеги въ зимовой избѣ. — Звѣроловы. — Промыселъ за бѣлкой. — Переходъ пѣшкомъ черезъ Печорскій Волокъ. — Путь съ Вычегды на Печору черезъ Переволокъ между мыльями. —

Утромъ 1 іюля мы плыли мимо деревни Усть-Ильдъ, состоящей изъ 13 домовъ, расположенныхъ на самомъ устьѣ рѣки Ильдъ, на правомъ высокомъ ея берегу. Ильдъ вливается въ Печору съ правой стороны; она едва ли здѣсь меньше этой рѣки; теченіе ея отъ самаго Урала полагаютъ больше 300 верстъ; въ нее вливается 14 притоковъ; по ея берегамъ много лиственничныхъ, сосновыхъ и кедровыхъ лѣсовъ. Говорятъ, что по этой рѣкѣ есть и золотоносные пески. Печора, по соединеніи съ Ильдземъ, принимаетъ наименованіе Большой Печоры; выше зовутъ ее Малою. Вчера, въ 11 часовъ вечера, проплыли мимо устья двухъ рѣчекъ, съ обѣихъ сторонъ впадающихъ въ Печору; онѣ называются Разбойничьими. Есть преданіе, что вблизи ихъ жили разбойники, и что, наконецъ, двѣ шайки, сойдясь, истребили одна другую. Полагаютъ, что на берегахъ этихъ рѣкъ схоронены клады; по крайней мѣрѣ есть охотники ихъ отыскивать. Удивительно, что въ такихъ пустыняхъ, при такой ничтожной промышленности, существовали шайки злодѣевъ и отнимали плоды тяжелыхъ трудовъ и дальнаго странствованія. Если эти преданія достовѣрны, то, основываясь на нихъ, должно полагать, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся въ дикой, безлюдной пустынѣ; имъ нечего тамъ дѣлать. Вѣроятно, въ старину, во времена участія Великаго Новгорода въ торговлѣ ганзейской, по Су-

хонгъ, Вычегдѣ и черезъ переволокъ между Мыльями, шли на Печору и въ Сибирь европейскіе товары и по этому же пути вывозились произведенія Зауралья. Такимъ же образомъ черезъ Сось, Усу, по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ, черезъ переволокъ на Вымь тянулся торговый путь по Вычегдѣ и Сухонѣ къ Великому Новгороду. Есть еще преданіе о древнемъ торговомъ пути отъ Каспійскаго Моря къ Сѣверному Океану; онъ будто бы тянулся по Волгѣ и Камѣ, черезъ городъ Чердынъ, на рѣку Вычегду, и оттуда къ устью Двины и даже Печоры; этимъ путемъ будто бы производили торговлю персидскіе и индійскіе купцы съ Швеціею и Норвегіею, или, говоря другими словами, произведенія Азіи этимъ путемъ доставлялись въ Европу. Мнѣ сказывали, впрочемъ, что съ Камы къ верховью рѣки Локчима, впадающей въ Вычегду, и гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, тоже къ истоку Вычегды, есть слѣды тележной дороги; но на ней выросли уже вѣковыя деревья и, можетъ быть, не первое поколѣніе лѣсовъ покрываетъ этотъ древній торговый путь. Полагаютъ, что Европейцы получали остиндскіе товары въ древности черезъ рѣки Каму, Двину и Печору. Если въ самомъ дѣлѣ здѣсь лежала древняя торговая дорога изъ Азіи къ сѣвернымъ народамъ Европы, то этотъ край тогда не былъ пустыней; можетъ быть, грозныя нашествія Монголовъ уничтожили мѣсту произведеній юга на произведенія сѣвера, а потому и пути изъ цвѣтущихъ долинъ Кашмира, Багдада и Дамаска, чрезъ древній Самаркандъ и холодную Біармію, къ устьямъ Двины и Печоры, заросли вѣковыми деревьями; а о тогдашнемъ плаваніи по морямъ сѣвера не осталось даже никакихъ преданій.

Вечеромъ 1 іюля мы приплыли въ Мывдинскій или Троицкій Погостъ^{*)}, гдѣ я получалъ письма, разстроившія мои планы: я долженъ былъ воротиться съ Печоры. Но прежде все-таки я хотѣлъ побывать на Брусняной Горѣ.

Мы пустились внизъ по Печорѣ. Въ числѣ спутниковъ нашихъ находился священникъ Троицкаго Погоста; изрѣдка мы заѣзжали въ деревни.

Изъ деревни Усть-Сопласа мы пошли пѣшкомъ къ Брусняноточильной Горѣ; путь нашъ лежалъ по прекрасному бору. Переночевавъ у подошвы горы, мы на другой день поднялись на гору.

^{*)} Отъ устья Волосляницы до Якши полагаютъ 12; отъ Якши до устья Илыдыя 20; отъ Илыдыя до Троицкаго Погоста 8 чемкосовъ.

Время было ясное, и передъ нами открылась великолѣпная картина: громадною грядою тянулся, отъ сѣвера къ югу, хребетъ Урала, а надъ нимъ возвышалась темная масса горы Сабля. Слабо шевелилъ вѣтеръ вершинами листовицъ; быстро и шумно, какъ горный потокъ, стремилась между скалъ рѣка Сопласъ. Внизу, подъ горой, по берегу рѣки, разбросаны хижины — временныя жилища рабочихъ^{*)}.

9 іюля я собрался въ обратный путь.

Печора и всѣ впадающія въ нее рѣки разлились, какъ весной; вода и теперь прибываетъ сильно; вѣроятно, были большіе дожди въ вершинахъ рѣкъ; поверхность Печоры покрыта гѣной.

Мы прошли мимо рѣки Вэлъ, впадающей съ лѣвой стороны въ Печору; по берегамъ Вэла, какъ всѣ увѣряютъ, чрезвычайно много листовничныхъ лѣсовъ. Теперь мы въ виду деревни Скаляна; она на правомъ берегу рѣки; въ ней есть старая часовня, воздвигнутая въ честь Чудотворца Николая.

14 іюля.

Мы прибыли обратно въ Троицкій Погостъ, на устьѣ Мыльвы.

Отсюда собираюсь идти гѣшкомъ черезъ Печорскій Волокъ; меня увѣряютъ, что будетъ трудно перейти его: что болота наводнились отъ дождей; что и привыкшіе къ гѣшеходу, часто изнемогаютъ; но я рѣшился, и тѣмъ охотнѣе, что съ пустынями Печорскаго Волока я знакомъ съ 1825 года. Любопытство привлекло меня тогда въ этотъ край. Вотъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ моемъ путешествіи.

Октябрь 1825 года, съ своими ненастями и холодомъ, уже приближался, когда я началъ просить отца моего отпустить меня на Печору. Непродолжительны были мои сборы. Трудно было проѣхать намъ до села Устьколома 170 верстъ; въ саняхъ, въ телегахъ, а иногда верхомъ, тащились мы порой по непроходимо-грязной дорогѣ, а иногда по замерзлымъ колотнямъ. Мы такъ сгѣшили, что часто даже и ночью тряслись безъ сѣдла на зырянскихъ лошадакахъ; но зато часъ отдыха былъ невыразимо-отраденъ.

Однажды, послѣ трудной верховой ѣзды, одну станцію насъ везли на саняхъ; раза три опрокидывались сани, раза два поднимали

^{*)} О промышленности брусно-точильной я расскажу дальше.

меня съ дороги, я ничего не слыхалъ; товарищъ мой и ямщикъ удивлялись богатырскому сну молодого путника. Крѣпко замерзло когда мы поѣхали верхомъ изъ Устькулома, Пожегодскимъ Волокомъ; опасно было сидѣть на неподкованныхъ лошадяхъ: онѣ скользили, паразились; того и гляди, что, вмѣстѣ съ лошадыю, упадешь на твердую кору льда, а изъ веревчатыхъ стремянъ нескоро выпутаешься. Такъ мы проѣхали около 15 верстъ, и наконецъ рѣшились взять котомки, отослать обратно лошадей съ нашимъ ямщикомъ и идти пѣшкомъ. День былъ сумрачный; мы, вдвоемъ съ моимъ товарищемъ, дотащились до зимовки, или зимовой избушки^{*)}, и расположились въ ней ночевать, въ надеждѣ, что придетъ кто-нибудь изъ звѣролововъ провести съ нами длинную осеннюю ночь. Въ нашихъ лѣсахъ нетрудно и нестрѣлявши имѣть обѣдъ изъ дичи. Мы нашли близъ зимовья пестерь^{**)} съ рябчиками, взяли двѣ пары, положили за нихъ деньги; нашли также котелъ; приготовили себѣ славный обѣдъ и съ усталости сътно поѣли. День клонился уже къ вечеру; начало смеркаться, а никто не являлся къ намъ на ночлегъ; меня беспокоила мысль ночевать двоимъ среди дремучаго лѣса, въ самую позднюю пору осени. Спутникъ мой предложилъ мнѣ идти къ другому зимовью, верстъ пять дальше; по его мнѣнію, тамъ навѣрное должны быть лѣсовщики (звѣроловы), а намъ необходимо было нанять одного нести наши вещи. Съ радостью принялъ я предложеніе моего товарища. Недалекъ былъ переходъ; но съ тяжелой ношей въ темень, по неровной лѣсной дорогѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ коренья, пни, ямы, показался мнѣ за нѣсколько десятковъ верстъ. Но вотъ достигъ до насъ запахъ дыма; потомъ мелькнулъ огонекъ; слава Богу, тамъ есть люди, подумалъ я, и мы пошли скорѣе. Вотъ мы и передъ зимовой избой; мигомъ долой котомки и я вошелъ, согнувшись, въ низкую дверь. Шесть человѣкъ звѣролововъ сидѣли передъ огнемъ и занимались обыкновенной работой: послѣ удачнаго промысла сдирали шкурки съ бѣлокъ, и весело разговаривали. До десятка собакъ лакомились мясомъ добычи и, уничтоживъ его, облизывался, слѣдили глазами за дви-

*) Зимовками называются избы, построенныя въ лѣсу, гдѣ на большое пространство нѣтъ деревень, также избы въ лѣсахъ для промышленниковъ; въ нихъ помѣщается иногда нѣсколько человѣкъ.

**) Корзина, сплетенная изъ бересты, которую носятъ за спиной какъ котому.

женіями рукъ своихъ хозяевъ, и нетерпѣливо ждали новой подачи. Въ печи, сбитой изъ глины—а это было уже большое удобство — варился ужинъ; огонь ярко пылалъ, обхвативъ смолистыя сосновыя дрова; дымъ чуть не до полу носился сѣрымъ облакомъ вплоть надъ головами собесѣдниковъ. Собаки, почуявъ чужихъ, заурчали и были готовы броситься на припелъцевъ «Видзя оланнѣдъ (здорово живете)», сказали мы, входя, или чуть не вползая въ избу. «Локтѣ видзя (идите здорово)», отвѣчали, ласково взглянувъ на насъ, временные хозяева лѣснаго жилища. «Тѣ мудзинъ, томъ - мортъ; пукси, шонтъсь (ты усталъ, молодой человекъ; садись, согрѣйся)», заботливо сказалъ мнѣ старшій изъ звѣролововъ, и отодвинулся отъ огня, давая мѣсто неожиданнымъ посѣтителемъ. Нѣкоторые изъ звѣролововъ знали меня, и потому были рады гостю. Изъ моей котомки вынули мѣдный чайникъ; одинъ молодой парень сбѣгалъ къ ручью за водою; вода скоро вскипѣла; я положилъ чай и, погода немного, съ наслажденіемъ пилъ, съ домашними сухарями, отваръ китайской травы, весело разговаривая съ моими новыми знакомцами, съ которыми случайно столкнулись мы въ темномъ лѣсу, въ осеннюю ночь. А подлѣ огня уже было не только тепло, но и жарко. Всѣмъ собесѣдникамъ я подалъ по чашкѣ чая; не знаю нравился ли вкусъ его этимъ добрымъ людямъ; но они пили, да похваливали; иные вѣрно въ первый и послѣдній разъ, на всю жизнь, полакомились теплою водою съ кускомъ сахара. Они предложили мнѣ поужинать съ ними; мы подвинулись къ столу, т. е. доскѣ, шириной вершковъ семи, плохо прикрѣпленной на четырехъ палкахъ, и принялись дѣятельно за работу: восьмеро ужинали шестью ложками. Недолго продолжалась наша трапеза; скоро огонь въ печи погасъ; всѣ улеглись на гольихъ доскахъ; каждый укутался своимъ верхнимъ платьемъ. Мы встали рано, и опять закипѣла дѣятельность: мигомъ запыхалъ огонь; дымъ опять плавалъ надъ нами облакомъ. Мнѣ надобно было напиться чаю, имъ—прибрать высохшія шкурки бѣлокъ, подкрѣпить себя на дневной трудъ завтракомъ и отправиться въ разныя стороны. Я нанялъ одного изъ ночныхъ товарищей, за рубль мѣдью, пести мою котомку до села Пожега, около 30 верстъ. Еще было темно, когда мы втроемъ оставили гостеприимный кровъ нашего ночлега и, радушно простившись съ другими звѣроловами, пошли по дорогѣ къ Пожегу. Двѣ собаки пустились въ чащу лѣса отыскивать добычу. Удивительное свойство зырян-

скихъ собакъ: онѣ издали попадаютъ по запаху на незамѣтный слѣдъ бѣлки — и тогда уже пропала она, бѣдняжка; какъ по знакомой тропѣ, бѣжить ея неутомимый преслѣдователь и останавливается только у того дерева, въ вѣтвяхъ котораго скрылась бѣглянка; не-терпѣливый лай привлекаетъ туда звѣролова; онъ старается разглядѣть маленькое животное; привычный глазъ скоро открываетъ мѣсто ея убѣжища, и какъ бы ни высоко была она, но мѣтко пущенная изъ винтовки (по-зырянски пицали), пуля рѣдко минуетъ свою жертву; бываетъ однако же, что бѣлка, завидѣвъ охотника, пускается въ дальнѣйшее бѣгство, съ дерева на дерево, дѣлаетъ удивительные прыжки съ одного на другое, сажень по десяти; ей нужно, чтобъ хоть одна тоненькая вѣточка попала въ ея лапку — и она уже въ одно мгновеніе на вершинѣ дерева; собака преслѣдуетъ ее, охотникъ настигаетъ, и бѣдняжка все-таки не избѣгаетъ пули своего проворнаго и неутомимаго врага.

Настрѣлянныхъ бѣлокъ навѣшиваютъ за поясъ. Когда промыселъ удаченъ, то онѣ составляютъ красивую кисть около талии охотника; тогда ему весело возвращаться въ зимовую избу. Рѣдкіе берутъ съ собой матку (такъ пазываютъ Зыряне маленькій компасъ); лѣсъ — ихъ стихія, и они въ глуши его ходятъ, какъ по знакомой тропѣ; въ ясный день солнце, въ ненастный — сучья и кора дерева *) указываютъ имъ дорогу; добравшись до приюта, иногда уже поздно ночью раскладываютъ огонь, поѣдятъ чего-нибудь и принимаются снимать шкурки съ бѣлокъ; инструментъ одинъ — хорошо наточенный ножъ; но привычная рука имъ лобко дѣйствуетъ; минута — и шкурка готова; мясо бѣлки принадлежитъ собакѣ — это награда вѣрному животному за дневной трудъ; немного нужно времени, чтобы кончить дѣло, т. е. снять шкурки, расправить ихъ и поднять для сушенья. Такова жизнь, проводимая на промыслѣ нѣсколькими тысячами жителей этого края, и они счастливы, когда вознаграждаются труды ихъ. Они весело бесѣдуютъ вечеромъ, сидя въ зимовкѣ передъ пылающимъ огнемъ, о приключеніяхъ того дня, о слѣдахъ другихъ звѣрей, на которые попали они, а всего больше объ удачѣ и неудачѣ промысла; вспоминаютъ своихъ домашнихъ и терпѣливо ждутъ дней возврата подъ родную кровлю. А какъ счастливъ бываетъ звѣроловъ, когда подъ

*) На деревѣ къ сѣверной сторонѣ сучья короче и рѣже, а цвѣтъ коры темнѣе.

мѣткой пулей его пищали падеть куница, или лиса, особенно чернохребетная *): такая добыча одна выкупаегь его отъ полугодовой, а иногда и отъ годовой повинности.

Въ этотъ день, когда мы шли къ Пожегу, довольно потрудились за охотой; несмотря на то, что я усталъ, мы немедля спѣшили на призывный лай собакъ, и ни одна бѣлка, на слѣдъ которой попали онѣ, не скрылась отъ пищали Григорья (такъ звали моего спутника). 11 шкурокъ было наградою за наши труды.

Пѣшкомъ шелъ я тогда и по Печорскому Волоку, и тѣмъ труднѣе было переходить его, что полузамерзлыя болота еще не поднимали человекъ. Труденъ былъ этотъ переходъ черезъ пространство до 140 верстъ; но я дошелъ счастливо, здорово, и семь недѣль жилъ тогда здѣсь. Печора и всѣ рѣки въ ноябрѣ снова вскрылись — столь сильна была необыкновенная оттепель осенью 1825 года. Въ эти семь недѣль я ходилъ съ охотниками въ лѣса стрѣлять рябчиковъ и ловилъ въ Печорѣ рыбу. У меня не было ни чаю, ни сахару; запасы были взяты не на долго и скоро вышли; я привыкъ къ крестьянскому быту; а потомъ пѣшкомъ же принужденъ я былъ еще идти и въ обратный путь.

15 толл.

На закатѣ солнца, сложили мои вещи и припасы въ двѣ котомки, каждая вѣсомъ по 46 фунтовъ — грузъ тяжелый для пѣшехода. Я взялъ ружье съ принадлежностями, всего до 25 фунтовъ, и, призвавъ Бога на помощь, мы пошли. Изъ Троицкаго Погоста и на пути до деревни Сойвы очень много грязи; мѣстами брели до колѣнъ и уже поздно ночью пришли въ деревню. Здѣшніе жители говорятъ, что болота отъ дождей крѣпко наводнились и что переходъ намъ будетъ очень труденъ; но намъ ли бояться труда? Мы не задумались отъ недобрыхъ вѣстей.

16 толл.

Съ большимъ трудомъ, къ закату солнца, пришли къ зимовой избѣ, утомленные до того, что едва тащили ноги. Разстояніе отъ

*) Лисницъ ловить больше, окармливая ихъ сушеною: онѣ рѣдко попадаютъ подъ пулю.

Соймы до зимовья около 30 верстъ, и все едва-проходимая грязь и топкія болота, на которыхъ мѣстами нельзя и пріостановиться; при переходѣ ихъ едва переводишь духъ. Нерѣдко, оступаясь на кочкахъ или между корней, мы падали. Еще труднѣе идти въ глубокой грязи лѣсныхъ дорогъ, перерѣзанныхъ корнями деревьевъ и заваленныхъ валежникомъ. Днемъ былъ проливной дождь и мы промокли до нитки.

17 июля.

Пустились въ путь въ 6 часу утра, и пройдя въ пять часовъ около 2¹/₂ чемкосовъ одними болотами, остановились отдохнуть. День сумрачный; вѣтеръ воетъ въ темномъ лѣсу; мрачность мѣстоположенія и сумракъ дня наводятъ тоску; порой слышны крики птицы кедровки, называемой Зырянами перкою, питающейся кедровыми орѣхами; кедровокъ нынѣ очень много, видно, будетъ хорошъ урожай кедровыхъ шишекъ. Перка не только осенью питается шишками, но дѣлаетъ большіе запасы на всю зиму; случилось много разъ, что лѣсовщики находили кучи шишекъ по тысячѣ штукъ и болѣе; зимою заноситъ глубокимъ снѣгомъ эти запасы, но перка помнитъ, куда сложила ихъ, и съ высоты стрѣлой спускается къ нимъ сквозь толстый слой снѣга. Но если промышленники пользуются иногда собранными шишками перки, то случается, что и она уничтожаетъ ихъ осенній промыселъ. Жители Печоры и Вычегды, для сбора кедровыхъ шишекъ, большею частью отправляются водой къ верховьямъ рѣкъ и отъ нихъ еще ходятъ иногда далеко въ сторону, гдѣ сбереглись кедровые лѣса; набравши шишекъ, складываютъ ихъ въ струги и привозаютъ за ними зимою. Если перка замѣтитъ, что стругъ неплотенъ и есть возможность попользоваться чужой добычей, то она не упуститъ случая; бывало пріѣдутъ за шишками, но въ стругѣ окажется ихъ очень мало, а много одной шелухи.

18 июля.

Вчера вечеромъ, уже довольно поздно, мы усталые пришли къ Вычегдѣ; но отъ нея прошли еще одинъ чемкосъ и остановились на ночлегъ на берегу какой-то маленькой рѣчки. Ночь была хо-

лодная; огонь, около котораго мы легли спать на голой сырой землѣ, погасъ; одѣться было не чѣмъ и мы такъ прозябли, что, проснувшись, скорѣе взяли котомки и поспѣшили идти, чтобъ согрѣться движеніемъ. Сегодня идемъ уже красивыми борамн. Проходили возвышенности, называемыя Пузва-Парма *); онѣ знакомы мнѣ, по переходу Печорскаго Волока осенью 1825 года; тогда Парма была совершенно безлѣсна; только повсюду торчали огромные пни, остатки лѣса, истребленнаго пожаромъ; теперь эти мѣста заросли березникомъ; юные кустарники прикрыли цвѣтною одеждою глѣбующіе скелеты вѣковыхъ лѣсовъ; но путникъ еще мало найдетъ тѣни въ этихъ рощахъ. Солнце палило насъ, когда мы шли по высокой Пузва-Пармѣ, а для утоленія жажды долго не находили источника, и только послѣ двухчасоваго пути спустились къ свѣтлому ручью.

Пройдя около трехъ верстъ отъ послѣдняго зимовья, мы издали увидѣли двухъ путниковъ; они шли къ намъ на встрѣчу: это былъ нарочно посланный ко мнѣ, съ своимъ проводникомъ. Пройдя нѣсколько, мы остановились на ночлегъ, отъ котораго до первой вычегодской деревни Вальдына осталось около 25 верстъ.

Село Пожега. 20 іюля, 5 ч. утра.

Вчера, съ восходомъ солнца, мы пустились въ путь, и къ полдню дошли въ Вальдынь, пройдя добрыхъ 25 верстъ, если не больше; шли скоро по сухой боровой дорогѣ.

Въ Вальдынѣ я нанялъ лодку. До Пожега плыли по Вычегдѣ; здѣсь ночевали и сей-часъ ѣдемъ верхомъ въ Устькуломъ черезъ Пожегодской Волокъ около 50, а по Вычегдѣ былъ бы кругъ до 180 верстъ.

Полдень, 22 іюля.

Не сходя съ лошади полныхъ 14 часовъ, мы, усталые донельзя, пріѣхали въ Устькуломъ вечеромъ 20 іюля, съ большимъ трудомъ перебравшись черезъ грязн и движущіеся мосты волока. Часа черезъ два, я въ моей лодкѣ поплылъ по Вычегдѣ.

*) Парма, слово зырянское, означающее вообще возвышенность, преимущественно лѣсаю. Пузвинскими называются эти возвышенности потому, что сопровождаютъ берега рѣчки Пузвы.

Мы плыли хорошо и благополучно. Вчера уже было довольно темно, когда мы съ Вычегды вошли въ проливъ, соединяющій ее съ Сысолою, около 5 верстъ выше города; его называютъ Потерлемъ. Скоро увидѣли церкви Устьсысольска и около полуночи пристали къ берегу. Такъ кончилась моя поѣздка въ край Печорскій. Къ сожалѣнню, я не достигъ цѣли моего странствованія; обстоятельства отвлекли меня отъ дальнѣйшаго обозрѣнія края; но я собралъ много свѣдѣннй; они подтвердили мои предположенія, и я съ твердою волею принимаюсь за предпріятіе, хотя и трудное, зато обѣщающее много полезнаго жителямъ этого дальняго края.

Неизлишнимъ считаю сказать здѣсь о пути черезъ переволокъ между рѣками Мыльвами, по которому лѣтомъ ѣздятъ чиновники и всѣ, кто не желаетъ идти грѣшномъ черезъ Печорскій Волокъ.

Изъ села Керчмыя, до котораго изъ Устькулома есть лѣтняя дорога; отправляются въ лодкѣ по Вычегдѣ до Мыльдинскаго Погоста, находящагося на правомъ берегу этой рѣки; выше его въ пяти верстахъ впадаетъ въ Вычегду Мыльва; поднимаясь по ней, встрѣчаете въ пяти верстахъ рѣчку Дынъ - Ель *), впадающую въ Мыльву съ лѣвой стороны. Въ пятнадцати верстахъ текутъ Мыль-Шерь-Ель, съ той же стороны, въ 30 верстахъ съ обѣихъ сторонъ двѣ рѣчки Сюмаса - Ель - Ясъ; потомъ съ правой стороны, въ 70 верстахъ отъ устья, впадаетъ рѣка Свѣтлица, имѣющая необыкновенно-свѣтлую воду, и отъ нея въ 5 верстахъ съ правой стороны рѣка Иктыль, по которой поднимаются къ переволоку 25 верстъ, оставляя Мыльву влѣвѣ. Слѣдовательно волокъ не между Мыльвами, а Иктыломъ и Печорскою Мыльвою.

Перевезя лодки черезъ переволокъ до 4 верстъ, плывутъ по Печорской Мыльвѣ. Отъ переволока въ 20 верстахъ впадаетъ въ Мыльву съ лѣвой стороны рѣчка Вилесь; здѣсь пристань и амбары для складки точилъ и брусевъ, доставляемыхъ съ Печорской Брусляной Горы, откуда ихъ привозятъ зимнимъ путемъ на Вычегду. Дальше впадаютъ двѣ рѣчки: Большая и Малая Чѣмья; потомъ

*) По-зырянски ель значить рѣчка; Ю — рѣка; шоръ — ручей.

довольно-большая рѣка Расъ-Ю и, наконецъ, съ лѣвой стороны Сойва. Теченіе Печорской Мылвы, отъ Переволока до впаденія ея въ Печору, болѣе 200 верстъ; хотя и считаютъ только 30 чемкосоу, но нѣкоторые изъ нихъ очень длинны и иногда тянутся до 15 верстъ; говорятъ, что въ Мылву вливается до 13 притоковъ.

III.

Поѣздка на Печору въ 1843 году. — Шлиссельбургъ, станція Новинская — Тотма. — Г. Устюгъ-Великій, г. Сольвычегодскъ, г. Яренскъ. — Село Устьыльнь. — Г. Устьыльськыя. — Село Небднъ. — Село Устьыльнь. — Пожегодскій Волокъ, село Пожегъ, село Помоздынь.

С. Петербургъ, 13 іюня 1843 г.

Сборы оканчиваются. Приведены кони. Черезъ часть оставляю берега Невы и направляюсь къ пустыннымъ берегамъ Печоры. Когда-то и здѣсь была пустыня; когда-нибудь, можетъ быть, и тамъ возбудится промышленная дѣятельность. Теперь надобно желать хорошей погоды, чтобъ было меньше препятствій въ этомъ трудномъ пути. Журналъ нашего Компанейскаго Собранія подписанъ 14-го мая. Теперь бы я былъ далеко, но меня задержали обстоятельства и времени потеряно много; а вѣдь я ѣду въ край, котораго огромныя пространства только мѣстами едва заселены, гдѣ нѣтъ и нутей сообщеній, гдѣ человѣкъ промышленяеть и питается почти исключительно охотою. Пустыненъ этотъ край, правда, но въ немъ есть богатыя начала для промышленности. Тамъ десятки миллионовъ десятинъ лѣсовъ растутъ и глѣютъ, въ ожиданіи, пока просвѣщеніе, объ-руку съ предприимчивою промышленностью, захочетъ разработать богатства этой пустыни. Мысль — содѣйствовать оживленію этой малоизвѣстной страны — давно занимала меня. Еще въ 1825 году, пятнадцати лѣтъ, въ первый разъ я былъ въ странѣ, омываемой водами Печоры, съ-тѣхъ-поръ прошло 18 лѣтъ, и предположенія, о возможности развитія промышленности на Печорѣ, часто занимали меня. Въ 1840 году я принялъ путешествіе, описанное въ началѣ этой статьи и еще

болѣе убѣдился въ возможности открыть торговлю печорскимъ лѣсомъ, перевозя его на Вычегду; и если откроется возможность — то и съ устья Печоры, которая, какъ слышно, доступна для прохода большихъ судовъ. Другая мысль, съ того времени сроднилась съ первою, это — отысканіе ближайшаго и легчайшаго сообщенія Сибири съ Европою посредствомъ Оби и Печоры. Предположенія мои понравились многимъ, и я уже составилъ компанію для развитія промышленности на Печорѣ. Правительство поддерживаетъ мои предположенія; но, чтобъ болѣе убѣдиться въ основательности моихъ предположеній, я снова отправляюсь на Печору, съ непремѣннымъ намѣреніемъ доплыть до ея устья, подняться въ вершины Усы, а также обзрѣть, если будетъ возможно, и другія рѣки.

Шмессельбургъ, утромъ 14 іюля.

Утро прекрасное. Такая благодатная тишина и какіе чудные виды на озеро! Въ устьѣ Невы твердыня крѣпости на мѣстѣ древняго Орѣшка. Все пробуждаетъ память о Великомъ; а гдѣ нѣтъ слѣдовъ этого дивнаго генія, коего могучею волею создавались и пути сообщеній, и города, и порты, и флотъ? Была ли гдѣ и когда такая дѣятельность, такое движеніе въ преобразованіи цѣлаго народа, съ его обычаями, повѣрьями, нравами, общественною жизнью и торговлею?

Станція Шульдижа, или Шубунга, 9 ч. утра.

Вду тихо; лошади измучены; а начинаются жары; едва ли я не ошибусь въ моихъ расчетахъ и не проѣду больше предположеннаго.

Станція Воскресенская, 6 ч. утра 15 іюля.

Вездѣ остановка: гдѣ нѣтъ лошадей, гдѣ лошади устали и по глубокой грязи едва везутъ повозку.

Станція Челизгинская 11 ч. утра.

Кое-какъ проѣхалъ эту станцію и опять остановка: лошадей нѣтъ. Ёду на вольныхъ и это не въ первый разъ.

Вездѣ жалуются на засуху: дожда не было уже давно; ростъ хлѣбовъ и травъ остановился.

Станція Новосинская, 7 ч. вечера.

Нѣсколько верстъ шелъ пѣшкомъ; рѣшился здѣсь отдохнуть и напиться чаю.

Противъ-Устюжны на берегу Мологи, 5 ч. утра 17 июля.

Сажу на берегу Мологи. За рѣкой городъ Устюжна. До 13 церквей бѣлѣются между деревянными строеніями этого стариннаго города, расположеннаго на довольно-высокомъ берегу рѣки, которая здѣсь шириною около 30 саж. Мѣстоположеніе довольно красивое. Въ городѣ не болѣе $4\frac{1}{2}$ тысячъ жителей, но церкви всѣ, содержатся очень хорошо; церковнослужители достаточно обеспечены. Это доказываетъ набожность гражданъ и даетъ хорошее понятіе о ихъ доброй нравственности.

Вологда, 18 июля, полдень.

Сегодня въ два часа пополудни я пріѣхалъ сюда; лишь только своротилъ съ ярославскаго тракта на вологодскій, поѣхалъ скорѣе. Дороги хороши, лошади лучше и остановки ни за чѣмъ не было.

Станція Золоткина, 20 июля 9 ч. утра.

Больше сутокъ пробылъ я въ Вологдѣ. Путешественники, отправившіеся на Печору, графъ Кайзерлингъ и капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ проѣхали уже въ Устьсысольскъ.

Ѣду скоро: дороги мѣстами какъ шоссе; лошади отличныя. Здѣсь почту содержатъ цѣлыя деревни компаніями, и потому на станціяхъ лошадей много.

Тотьма, 7 ч. вечера.

Грустно смотрѣть на пожарище этого города. Изъ 500 домовъ сгорѣли лучшіе и бѣольшая половина города въ пепѣ. Двѣ церкви сдѣлались жертвою пламени. Оно свирѣпствовало нѣсколько часовъ — и сколько семействъ разорилось! Многіе изъ жителей остались безъ крова и приюта, безъ средствъ къ существованію. Ужасное положеніе! Это уже второй опустошительный пожаръ въ продолженіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ. Жаль, что у насъ мало застраховываютъ недвижимыя имущества, что обезпечивало бы на случай подобныхъ бѣдствій, по-крайней-мѣрѣ, дало бы средства въ черныя дни обзавестись жилищемъ; но у насъ все еще не вывелось русское: «Авось не сгорить», а это *авось* много намъ дѣлаетъ вреда. Тамъ, гдѣ не надѣются на авось, тамъ обезпечено не только недвижимое имущество, но и движимое, и даже доходы на старость, на случай болѣзни. Семействамъ предоставлены пенсіи на случай смерти главнаго члена. Тамъ люди положительныя любятъ запастись, и этотъ запасъ не оставляютъ на произволъ случая, а стараются укрѣпить, упрочить его, чтобъ забота о немъ не тревожила спокойствія, не нарушала мирнаго счастья семейнаго быта. Это чрезвычайно благотѣльно для гражданскихъ обществъ; ибо, укрѣпляя взаимный кредитъ, между его членами, предохраняетъ ихъ отъ бѣдности, въ которую случай не-рѣдко ввергаетъ цѣлыя семейства.

Устюгъ-Великій, 22 іюля утро, 3 часовъ.

На восходѣ солнца я переѣзжалъ Сухону. Утро чудесное. Поверхность рѣки какъ зеркало. Какимъ прекраснымъ городомъ кажется старинный Устюгъ изъ-за Сухоны! Лучшія мѣста небережной заняты храмами Божіими и каменными палатами *) гражданъ велико-устюжскихъ. Вѣроятно, по богатству жителей и обширности,

*) Каменные дома здѣсь называются палатами. «Эти палаты такого-то купца», скажутъ вамъ, если вы спросите «чей это домъ?»

онъ получилъ въ старину названіе Великаго; но красивъ и теперь. Великій - Устюгъ заключаетъ въ себѣ только около 1,300 домовъ съ 9 тыс. жителей. Имя Устюга - Великаго памятно въ исторіи промышленности: нѣкогда этотъ городъ былъ на пути единственнаго торговаго сообщенія сѣверной Азіи съ Европою.

Когда запрягали коней, я сходилъ поклониться Чудотворцамъ устюжскимъ, почивающимъ въ отдѣльныхъ храмахъ въ соборной оградѣ.

Какія живописныя мѣста проѣзжалъ я вчера, на послѣднихъ станціяхъ къ Устюгу! Дорога мѣстами лежитъ подлѣ самаго берега Сухоны и по крутымъ береговымъ утесамъ рѣки Стрѣльны. По долинамъ, или омываемымъ рѣкой, или окруженнымъ горами, разбросаны деревни, а около нихъ зеленѣютъ и желтѣютъ поля, засѣяныя хлѣбомъ. Узкими полосами стелются участки каждаго селянина. Здѣсь небогаты удобною землею и особенно бѣдны лугами. Сухона течетъ между высокихъ горъ; низменныхъ мѣстъ очень мало, а потому земля раздѣлена въ иныхъ мѣстахъ на очень мелкія полосы.

Станція Березинская, 23 іюня 10 ч. утра.

Вечеромъ 22 іюня со станціи Устькурьи я переѣзжалъ Сѣверную Двину. Въ Сольвычегодскѣ (по-зырянски Совъ-доръ, т. е. соляной край) я пробылъ недолго. Здѣсь жили нѣкогда знаменитые Строгановы, обладавъ обширными землями. Памятниками того времени остались два старинные храма: соборъ и церковь въ Введенскомъ Монастырѣ, богато украшенные набожными строителями и весьма замѣчательные по архитектурѣ и обширности.

Теперь въ Сольвычегодскѣ только 240 домовъ и 1,200 обоего пола жителей. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ имѣютъ небольшія торговля дѣла въ Архангельскѣ.

Устьысольскъ, 24 іюня полночь.

Вчера вечеромъ я проѣхалъ Яренскъ, одинъ изъ самыхъ малыхъ и бѣдныхъ городковъ Вологодской Губерніи: 169 домовъ и съ небольшимъ 1,000 жителей составляютъ все народонаселеніе города. Онъ лежитъ на низменности близъ рѣки Яренги, впадающей въ

Вычегду; но здѣсь было въ старину воеводство, завѣдывавшее и нынѣшнимъ Устьсысольскимъ Уѣздомъ до предѣловъ Пермской и Вятской губерній. Въ Яренскѣ теперь нѣтъ торговцовъ, которые имѣли бы обороты на значительную сумму. Ярмарки, какъ городская такъ и бывающія въ уѣздѣ, оживляются купцами, пріѣзжающими изъ Устюга и Устьсысольска; мѣстныя же едва производятъ небольшой мелочной торгъ. На первой станціи отъ Яренска, въ деревнѣ Межогѣ, путешественникъ начинаетъ слышать зырянскій языкъ. Дальше живутъ одни Зыряне; и довольно странно это селеніе служитъ настоящею гранью между русскими и зырянскими: въ одномъ концѣ деревни говорятъ еще русскимъ, а въ другомъ уже зырянскимъ языкомъ.

Въ сѣверо-восточномъ краю Яренскаго Уѣзда протекають рѣки Удора и Важка, которыя впадаютъ въ Мезень. Обитающіе тамъ Зыряне называются Удорцами, а самый край — Удорой.

Въ 80 верстахъ отъ Яренска надобно переѣхать черезъ большую рѣку Вымь, по-зырянски Емба, впадающую въ Вычегду съ лѣвой стороны. При устьѣ ея село Усть-Вымь, по-зырянски Емдынь. Здѣсь была въ старину епархія велико-пермская, основанная св. Стефаномъ, по обращеніи въ христіанство жителей этого края. Св. Стефанъ посвященъ былъ въ епископы въ 1383 году, въ царствованіе великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго. Послѣ него еще восемь епископовъ *) возсѣдали на святительскомъ престолѣ Велико-Перміи — такъ назывался тогда этотъ край, населенный полудикими племенами Зырянъ, родичами Финновъ. Въ 1503 году епархія переведена въ Вологду, слѣдовательно существовала на устьѣ Выми 120 лѣтъ. Село Усть-Вымь и теперь походятъ на городъ. Оно расположено на красивой возвышенности, при слияніи рѣкъ Выми и Вычегды. Въ немъ четыре каменныя церкви; въ одной почиваютъ св. епископы Германъ, Питиримъ и Іона. При древнемъ храмѣ, во имя Благовѣщенія, былъ въ старину мужской монастырь. **) Усть-Вымь извѣстенъ также по ярмаркѣ, бывающей съ 24 января по 5 февраля. На нее пріѣзжаютъ купцы изъ Устюга,

*) Епископы: Исаакъ, св. Герасимъ, замученный Вогуличами, Іона, Каприанъ, св. Питиримъ, убитый вогульскимъ княземъ, св. Іона, Ѳилофей и Никонъ.

**) При св. Стефанѣ создано четыре монастыря въ разныхъ мѣстахъ Устьсысольскаго и Яренскаго Уѣздовъ; они давно всѣ упразднены.

Сольвычегодска и Устьсысольска, для закупки бѣлокъ и другихъ пушныхъ товаровъ, также сала, масла, кожъ, мѣстнаго произведенія суконъ и холста. Вверхъ по р. Выми, отъ устья около 20 вер., находится Сереговскій соловаренный заводъ гг. Витушкиныхъ, на которомъ вываривается соли больше 200 тыс. пудъ.

По рѣкѣ Выми, черезъ переволокъ около 6 верстъ, есть путь на Ижму и Печору, по которому Ижемцы ходятъ на лодкахъ, на богомолье въ Соловецкій Монастырь, и по торговымъ дѣламъ на ярмарку въ Нижній Новгородъ.

Устьсысольскъ, по - зырянски Сектывдынгъ, есть самый дальній городъ отъ Вологды, отстоя отъ нея въ 877 верстахъ. Онъ имѣетъ обширный уѣздъ, гранича къ востоку съ Хребтомъ Уральскимъ и Чердынскимъ Уѣздомъ, къ сѣверу съ Яренскимъ и Мезенскимъ Уѣздами, къ югу съ Слободскимъ и Орловскимъ, Вятской Губерніи. Мѣстоположеніе Устьсысольска довольно красивое; на высококомъ лѣвомъ берегу Сысоли, по - зырянски Сык - тывъ, которая передъ городомъ описываетъ большую дугу. За рѣкой островъ шириной версты въ три, а за нимъ рѣка Вычегда, по-зырянски Эж-ва, куда три версты ниже вливается Сысола, за нею на востокъ темнѣетъ лѣсъ; къ югу отъ города довольно низменная долина; къ западу возвышенность. Въ Устьсысольскѣ три каменные церкви, 566 домовъ и 3 тысячи жителей. Бóльшая часть гражданъ — земледѣльцы; живутъ при своихъ поляхъ, а потому и дома ихъ разбросаны по берегу Сысоли, на протяженіи болѣе 5 верстъ. Середина города около церквей обстроена довольно-хорошо. Замѣчательно, что въ такомъ дальнемъ городѣ, есть общественная бібліотека, хотя и неочень богатая книгами. Было время, когда въ Устьсысольскѣ получали почти всѣ русскія періодическія изданія. Прежде черезъ Устьсысольскъ производилась значительная торговля къ архангельскому потру. На пристани при Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ, устьвочскую и койгородскую доставляли для сплава сибирское сало, пшеницу, овесъ, сѣмя льняное и проч. въ весьма большомъ количествѣ. Но были тяжелые годы, и они уничтожили капиталы многихъ промышленниковъ, въ томъ числѣ и гражданъ Устьсысольска. Теперь здѣшніе купцы ведутъ небольшой торгъ въ Архангельскъ лѣвомъ, бѣлкой и другими пушными товарами въ Нижній Новгородъ и Ирбитъ, и рябчиками въ С. Петербургъ. До открытія города, въ Устьсысольскѣ были извѣстны здѣсь бога-

тые землевладельцы Сухановы. Академикъ Лепехинъ пишетъ, что съ трудомъ былъ допущенъ предъ лицо одного изъ этихъ зырянскихъ богачей.

Село Корткересъ, 30 июля, полдень.

Въ два часа пополудни мы выѣхали съ братомъ изъ Устьсы-
сольска, по вычегодскому тракту. На первой станціи у повозки
сломалась ось; за этимъ потеряли нѣсколько часовъ. Тутъ комары
крѣпко осаждали насъ. Началось ненастье и мы едва дотащились въ
Корткересъ, на берегу Вычегды, въ 44 верстахъ отъ Устьсысоль-
ска. Мѣстное зырянское названіе этого села Кія; въ немъ одна
каменная и двѣ деревянныя церкви, 76 домовъ и до 600 жителей.
На правый берегъ Вычегды мы переѣхали противъ села Пезмога,
въ которомъ 90 домовъ и тоже 600 жителей. По серединѣ села де-
ревянная церковь.

Село Поддѣльское, 1 июля, утро.

Вчера поздно вечеромъ пріѣхали мы въ село Небдинъ, известное
въ здѣшнемъ краю по ярмаркѣ, начинающейся въ концѣ января и
продолжающейся до половины февраля. На эту ярмарку Ижемцы
привозятъ на оленяхъ около 2 т. пудъ рыбы и покупаютъ хлѣбъ.
Съ береговъ Ижмы они ѣдутъ прямо лѣсами къ верховью рѣки
Вишеры, а оттуда въ Небдинъ. Въ селѣ одна каменная церковь,
двѣ деревянныя ветхія и 85 домовъ. Село расположено на правомъ
берегу р. Вычегды, въ 77 верстахъ отъ города. Жителей болѣе
600 человекъ.

Село Поддѣльское, въ 109 вер. отъ Устьсысольска, на правомъ
низменномъ берегу Вычегды. Въ немъ только 23 дома и 185 жи-
телей. На широкой долинѣ, на краю селенія построена каменная
церковь.

Устькуломъ, по-зырянски Кулемъ-дыль, 2 июля утро.

Изъ Поддѣльскаго мы ѣхали скоро. Около полдня на станціи
къ деревнѣ Анибъ переправились опять на лѣвый берегъ рѣки.
Въ пятомъ часу перемѣнили коней въ селѣ Деревянскомъ, въ ко-

торомъ двѣ деревянныя церкви, 79 домовъ и 580 жителей, а вечеромъ переѣхали снова Вычегду противъ Устькулома. Это большое село на правомъ берегу Вычегды и растянута по крайней мѣрѣ на 4 версты. По дорогѣ изъ села Деревянскаго, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, видѣнъ кражъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ, который называется Джемимъ-Парма, по имени деревни Джемимъ, отъ которой онѣ начинаются. Эта Парма видна изъ Деревянска, Устькулома и Керчмы. Расстояніе отъ перваго до послѣдняго болѣе 50 верстъ, а потому должно полагать, что этотъ кражъ значительно высокъ. Между Устькуломомъ и Деревянскомъ рѣка Вычегда, довольно далеко уклоняется къ сѣверу и дѣлаетъ большой сгибъ. На этомъ пространствѣ, на самомъ берегу рѣки, есть древній и давно упраздненный монастырь—Ульяновскій; тамъ деревянная церковь; при ней живутъ одни церковнослужители.

Отсюда я отправляюсь верхомъ черезъ Пожегодскій Волокъ. До села Пожега считаютъ болѣе 50 верстъ. Братъ ѣдетъ въ село Керчмью, откуда, по рѣкамъ Вычегдѣ и Мылвѣ и черезъ переволокъ переберется на Малву Печорскую и по ней поплыветъ до Троицкаго Погоста. Послѣдній путь дальній. Я спѣшу, и потому рѣшаюсь перейти пѣшкомъ пустыню Печорскаго Волока. Будетъ трудно, но черезъ это я выиграю нѣсколько дней, а они для меня дороги. Впередѣ путь еще длиннѣе и этотъ путь въ странѣ, гдѣ люди сообщаются посредствомъ рѣкъ и по тропамъ, едва замѣтнымъ въ топкихъ болотахъ и темныхъ лѣсахъ. Лошади осѣдланы; я одѣлся въ парусинное платьѣ. Черезъ нѣсколько минутъ на коней и въ путь.

Село Пожега, 8 часовъ утра, 3 бол.

Пью чай и отдыхаю съ наслажденіемъ послѣ вчерашняго переѣзда. Пожегодскій Волокъ переѣхать несовсѣмъ легко и въ хорошую погоду, не только теперь, послѣ дождей. Въ продолженіе 13 часовъ мы сидѣли на лошадяхъ. Въ добавокъ, я, не-хотя выкупался въ рѣкѣ Куломѣ. Черезъ нея нѣтъ моста, и лошадей перевели вплавь, мы же переходили по дереву, переброшенному черезъ русло рѣки. Я поскользнулся и упалъ въ воду. Можетъ быть, опасности большой не было, но ѣхать ночью въ мокромъ платьѣ — было несовсѣмъ пріятно; къ тому же ѣзда по живымъ мостамъ

утомительна; а эти мосты занимают едва ли не половину пути. Я называю их живыми потому, что подъ ногами лошади каждая мостовина движется, выскакиваетъ, открывая мѣстами довольно глубоки ямы. Это короткія, ни чѣмъ не скрѣпленныя жерди, набросанныя мѣстами на деревья, положенныя по бокамъ дороги; мѣстами эти жерди лежатъ въ порядкѣ, мѣстами набросаны кое-какъ одно на другую, и по этимъ-то мостамъ надобно ѣхать! Лошадь съ трудомъ держится на нихъ, часто проваливается въ болото, выскакиваетъ, старается пріостановиться на мосту, но жерди двигаются подъ ногами и она, спотыкаясь, идетъ дальше, снова проваливается, а иногда и падаетъ. На непривычной лошади здѣсь не проѣхать и версты, особенно при спускѣ съ крутыхъ и высокихъ горъ, такъ же грязныхъ и такъ же намощенныхъ, которыхъ много въ этой дикой пустынѣ. Сначала на опасныхъ спускахъ я сходилъ съ лошади: мнѣ казалось она неминуемо упадетъ; но потомъ усталость превозмогла опасеніе и я вполнѣ довѣрился доброму животному, которое, будто чувствуя оказываемое довѣріе, съ величайшею осторожностью ступало по движущимся мостовинамъ, въ глубокой грязи, между корней и зыбучихъ топей, въ довольно темную ночь.

Между-тѣмъ воздухъ наполнился комарами; въ глубину этихъ лѣсовъ едва ли когда проникаетъ вѣтеръ, а потому здѣсь царство этихъ насѣкомыхъ. Проѣхавши 50 верстъ, мы не видали ни птицы, ни звѣря, какъ-будто и животныя чуждаются этихъ дикихъ дебрей. Поздно ночью подѣхали мы къ рѣчкѣ Пожегъ, вблизи деревни; лошадей пустили бродомъ, а сами перешли по дереву. Доѣхавши до села, были очень рады окончанію труднаго пути.

Село Пожегъ состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, гдѣ 123 дома и 700 жителей. Въ одной изъ деревень, на правомъ берегу рѣки, бѣдная деревянная церковь. Вычегда дѣлаетъ здѣсь большой кругъ, протекая до Устькулома, мимо погостовъ Мыединскаго, Устьнемскаго и Керчмыя, пространство до 180 верстъ, тогда-какъ прямо волокомъ до Устькулома немного болѣе 50 верстъ. Здѣсь она ужъ невелика и очень извилиста. Отсюда мы ѣдемъ водою въ маленькой лодкѣ.

У Зырянина, хозяина моей квартиры, кормятся нѣсколько лисицъ. Одна изъ нихъ чернубрая. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ промысловъ этихъ звѣрей занимаются многіе. Когда весною найдутъ лисью нору, то стараются захватить все гнѣздо и лисенковъ вы-

кармливаютъ дома. Отъ опытности и умѣнья зависитъ хорошо выкормить. Имъ преимущественно даютъ сырую говядину. Шкуры кормленнѣхъ лисицъ продаются всегда дешевле полевыхъ: онѣ бываютъ не такъ пышны.

Село Помоздинъ, 9 ч. вечера.

Это послѣднее село по Вычегдѣ. Она расположено на высокомъ правомъ берегу рѣки, при впаденіи рѣчки Помесь, а потому и называется Помездинъ, т. е. Усть-Помесь. Въ Помоздинѣ порядочная каменная церковь; она построена на довольно-высокомъ холмѣ, и потому видна издали.

4 болъ 6 час. утра.

Все готово къ переходу черезъ Печорскій Волокъ. Теперь до половины можно ѣхать верхомъ, а далѣе уже путь пѣшеходный. Года три тому назадъ, Окружное Управленіе распорядилось сдѣлать черезъ болота продольные мостки. Дорога до половины волока посправлена, а далѣе — далѣе будетъ, что будетъ!

IV.

Вычегодскіе Зыряне. — Торгъ на Вычегдѣ пушными товарами. — Торгъ хлѣбомъ. — Стерлядь. — Кедровые орѣхи. — Происхожденіе Зырянъ; обряды, сохранившіеся отъ времени язычества. — Мнѣніе ученыхъ о Зырянахъ. — Преданія — Торговля. — Нравственность Зырянъ. — Рѣка Сысола и ея притоки. — Сѣверо-Екатерининскій Каналъ. — Печорскій Волокъ. — Рѣка Сордъ-Ель. — Вершины Вычегды. — Рѣка Сойма. — Троицкій Погостъ. — Звѣроловный промыселъ Зырянъ за Ураломъ. — Путь по Печорѣ. — Рѣка Велъ. — Деревня Подчеремъ.

Вычегодскіе Зыряне живутъ здѣсь въ 12 погостахъ и въ 56 деревняхъ. Изъ погостовъ Вишерскій и Локчимскій лежатъ на берегахъ Вишеры и Локчима, которыя впадаютъ въ Вычегду: первая съ правой стороны по теченію, нѣсколько выше села Небдина, а вторая — съ лѣвой, нѣсколько выше села Пезмога. Число Зырянъ простирается до 18 т. обоого пола. Главный промыселъ ихъ — звѣроловство: ловятъ лисицъ, куницъ, горностаевъ, медвѣдей, волковъ и росомахъ, изрѣдка рысей и выдръ; всего же болѣе стрѣляютъ бѣлокъ и рябчиковъ. Въ осенній и весенній промыслы настрѣливаютъ въ одномъ Устьсысольскомъ Уѣздѣ бѣлокъ отъ 500,000 до 600,000 штукъ, рябчиковъ отъ 40,000 до 80,000 паръ и преимущественно въ вычегодскомъ и печорскомъ краяхъ. На осенній промыселъ отправляются въ дальніе лѣса, иногда на лодкахъ, въ концѣ сентября, а возвращаются въ ноябрѣ; на весенній — въ январѣ и возвращаются въ мартѣ. Многіе промысливаютъ около своего жилья, оставаясь въ лѣсу отъ 2 до 4 дней. Хорошій лѣсовщикъ, при обиліи въ звѣрѣ, настрѣливаетъ въ одинъ промыселъ отъ 300

до 500 штукъ бѣлокъ. Жители береговъ Вычегды занимаются и хлѣбопашествомъ. Прежде, когда дозволено было свободно дѣлать лѣсные подсѣки для хлѣбопашества, хлѣба въ здѣшнемъ краю было такъ много, что рожь отправляли въ Архангельскъ на нѣсколькихъ баркахъ*); но такая система соединена съ опасностью для лѣсовъ: подсѣченные лѣса должно жечь и огонь, при вѣтрѣ или невниманіи крестьянъ, производилъ пожары, а потому этотъ обычай ограниченъ, и нынѣ хлѣба у Вычегодцевъ меньше. Часть его идетъ на продажу Ижемцамъ, которые привозаютъ за нимъ зимою на оленяхъ. Иногда же Вычегодцы сами перевозятъ хлѣбъ къ верховью Ижмы и весною по ней сплавляютъ къ Ижемскому Погосту. Торгъ пушнымъ товаромъ производится здѣсь слѣдующимъ образомъ: для покупки бѣлки и рябчиковъ торговцы отправляются или посылаютъ прикащиковъ по всему уѣзду. Вдучи впередъ, они оставляютъ деньги въ каждомъ селеніи, у зажиточныхъ крестьянъ, для мелочнаго сбора товаровъ, а эти крестьяне заботятся о сборѣ. Промышленникамъ нужны всегда деньги, хлѣбъ и преимущественно порохъ, свинецъ и ружья. Всѣми этими предметами крестьяне-торговцы снабжаютъ промышленниковъ за ожидаемый товаръ, и, по возвращеніи ихъ съ промысла, получаютъ свои капиталы шкурами бѣлокъ, лисицъ и другихъ звѣрей, и рябчиками, разумѣется, по невысокой цѣнѣ; а потому этотъ домашній торгъ обращается всегда къ выгодѣ крестьянина-торговца, который дорого сбываетъ товаръ, необходимый промышленнику, и дешево приобретаетъ его добычу. При недостаткѣ другихъ средствъ, и это участіе крестьянъ-банкировъ полезно для края, потому-что содѣйствуетъ безостановочному ходу промысла, доставляя возможность бѣднѣйшимъ жителямъ запастись предметами первой необходимости для стрѣлка и звѣролова. Цѣна на бѣлку и рябчиковъ устанавливается — смотря по успѣху промысла и по мѣрѣ требованія. Когда рябчиковъ много и полагаютъ, что соберется тысячъ до 70 паръ и больше, то за пару платятъ нерѣдко отъ 7 до 10 коп. сер.; когда же мало, то отъ 15 до 20 коп. сер.

Цѣна на бѣлку зависитъ часто отъ требованія и цѣнъ, существующихъ на Нижегородской Ярмаркѣ. Въ самую дешевую пору бѣлка продается по 43 коп., въ самую дорогую — по 72 коп. сер. за

*) На новизнѣ хорошій урожай ржи бывалъ самъ 30 до 80.

десятокъ. Купленный товаръ отправляется самими торговцами и черезъ крестьянъ въ Устьсысольскъ, куда, въ ноябрѣ, къ Георгіевской Ярмаркѣ, продолжающейся нѣсколько дней, подвозятъ рябчиковъ и бѣлку партіями крестьяне-торговцы и частью сами промышленники. Затѣмъ часть рябчиковъ отправляютъ въ С. Петербургъ и часть въ Москву. Пушной товаръ съ верховьевъ Вычегды и Печоры идетъ также иногда значительными партіями въ Чердынь, откуда крестьяне привозятъ на обмѣнъ соль и другіе товары.

Хлѣбъ покупаютъ такимъ же порядкомъ: торговцы даютъ мѣстнымъ крестьянамъ деньги для скупа хлѣба помелочн. Они задаютъ деньги желающимъ продать хлѣбъ, но рѣдко по окончательной цѣнѣ, а всегда условно, что заплатятъ по цѣнѣ, какая будетъ весною; это хотя весьма неудобно для торговца по неопредѣлительности цѣнъ, но такъ велось всегда, а потому трудно измѣнять обычай. Впрочемъ, этотъ странный порядокъ торга сталъ нынѣ понемногу измѣняться. Барки, строящіяся въ верховьяхъ рѣкъ, отправляются весною по теченію и пристають у каждой деревни, гдѣ производилась закупка, принимаютъ собранный въ амбары хлѣбъ и отправляются далѣе.

Барки съ хлѣбомъ изъ Устьсысольскаго Уѣзда доходятъ въ Архангельскъ въ концѣ мая, а иногда въ началѣ іюня; сплавъ отъ города продолжается отъ 10 до 25 дней, даже болѣе, что зависитъ отъ тихой погоды и хорошей воды въ Вычегдѣ и Двинѣ.

Вычегда неочень обильна рыбою; однако же около Помоздина удачно ловятъ семгу. Впрочемъ, я слышалъ отъ стариковъ, что, лѣтъ за 30 или 40, и понизовью Вычегды ловилось очень много семги, а потомъ ловъ ея годъ-отъ-году уменьшался и въ нынѣшнихъ мѣстахъ совершенно прекратился.

Въ замѣнъ семги, появилась въ Вычегдѣ стерлядь, которой прежде тамъ вовсе не было, такъ-что, при первомъ уловѣ стерляди, жители, незнакомые съ этой рыбою, бросали ее, считая нечистою; но скоро поняли, что стерлядь даже лучше семги, и принялись ловить ее сѣтями, чаще самоловами; количество стерляди не уменьшалось, а увеличивалось съ году на годъ, такъ-что въ послѣднее время налавливаютъ ее много, часто весьма крупную — въ три-четверти, въ аршинъ и болѣе. Цѣна живой стерляди въ Устьсысольскѣ отъ 3 до 5 коп. сер. фунтъ. Стерлядь, вѣроятно, перешла въ Вычегду изъ Камы черезъ Сѣверо-Екатерининскій Каналъ и

изъ Шексны по Каналу Герцога Виртембергскаго. Вѣроятно, мутныя воды Вычегды даютъ ей много питательныхъ веществъ: она быстро развелась въ этой рѣкѣ, поднявшись до самой ея вершины и по нѣкоторымъ притокамъ. Но въ Сысолѣ стерляди вовсе нѣтъ.

Въ верховьяхъ Вычегды и по нѣкоторымъ ея истокамъ есть кедровые лѣса. Иногда сборъ кедровыхъ шишекъ составляетъ изрядный промыселъ. Вѣковые же лѣса, сосиновые и еловые, произрастаютъ на огромномъ пространствѣ по берегамъ Вычегды и ея притоковъ, не доставляя ни малѣйшихъ выгодъ краю.

Недостатокъ работъ во время неудачныхъ промысловъ и неурожая хлѣба, нерѣдко приводитъ Вычегодцевъ въ крайне-стѣснительное положеніе. Крестьяне нѣкоторыхъ волостей почти постоянно ходятъ для рубки дровъ въ кажимскіе желѣзные заводы, въ разстояніи отъ низовыхъ селеній Вычегды около 300 верстъ. Скудная плата едва вознаграждаетъ эту трудную работу, сопряженную съ дальнимъ переходомъ.

Рѣка Вычегда протекаетъ по Устьсысольскому Уѣзду больше 550 верстъ.

О происхожденіи Зырянъ много писали. Нѣтъ сомнѣнія, что они принадлежатъ къ финскому племени, населявшему всю сѣверо-восточную часть Россіи, называвшуюся нѣкогда Великою Біарміею.

Зыряне на своемъ языкѣ называютъ себя Коми. Они населяютъ теперь часть Пермской, Вологодской, Вятской и Архангельской губерній. Въ послѣднихъ двухъ ихъ очень немного. Названіе Коми - Мортъ, т. е. Зырянинъ - человекъ, даетъ многимъ поводъ думать, что они пришли съ береговъ Камы. Это доказывается еще и тѣмъ, что Зыряне Устьсысольскаго Уѣзда даютъ названіе Ком-Му (т. е. земля Коминовъ *) Чердынскому Краю, лежащему по берегамъ Камы. Названіе Зырянъ едва ли не произошло отъ слова зырэдемъ, зырэды-Сны, что означаетъ: вытѣсненный, стѣснили, напали **). Можетъ быть, Зыряне въ глубокой древности, или во время переселенія народовъ и нашествія Монголовъ, въ самомъ дѣлѣ были вытѣснены другими племенами изъ своей родины, или, по какимъ-либо обстоятельствамъ, должны были оставить ее и пе-

*) Му значить земля, или страна; напр: Рочъ-Му — Русская Земля.

**). Впрочемъ, это самое можетъ быть выражено на зырянскомъ языкѣ и другими словами: дэскѣ-дысны, уседчисны.

переселиться на берега рѣкъ Печоры, Вычегды, Сысолы и другихъ. Поэтому, можетъ быть, они и назывались, или земляки ихъ на Камѣ назвали, зырадэмъ-езъ, т. е. оттѣсненные, или вытѣсненные люди. Это названіе въ теченіе столѣтій легко могло измѣниться, особенно въ русскомъ языкѣ Зырянъ. Должно также замѣнить, что пермскихъ Зырянъ называютъ Пермьяками. Все это даетъ поводъ думать, что Зыряне, обитающіе въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, происходящіе, безъ всякаго сомнѣнія, отъ финскаго племени, принуждены были переселиться сюда съ береговъ Камы въ давнія времена; ибо страна около верховьевъ этой рѣки, какъ я сказалъ уже, носитъ названіе Ком-Му, земля Коминовъ. Можетъ быть, на берегахъ Вычегды и Сысолы, обитали въ старину другія племена; но, будучи, вѣроятно, малочисленны, слились съ пришельцами и составили одинъ народъ. Преданія о Чуди, которыхъ укрѣпленные города оставили по себѣ слѣды, еще замѣтные во многихъ мѣстахъ Устьсысольскаго Уѣзда, особенно по берегамъ рѣки Сысолы, вѣроятно, имѣютъ основаніемъ былъ о существованіи здѣсь этого племени. Можетъ быть, это была вѣтвь народа, извѣстнаго подъ именемъ Заволоцкой Чуди, которая, слившись съ Зырянами и русскими переселенцами, не оставила о себѣ другой памяти, кромѣ преданій.

Не тогда ли Зыряне подвинулись съ Камы къ сѣверу, когда было общее переселеніе народовъ, при нашествіи Аларика и Аттилы? Славяне, вытѣсненные съ Дуная къ Днѣпру, стѣснили Сарматовъ, а въ числѣ ихъ и Коминовъ (Пермь). Не тогда ли и самоѣдскій народъ подвинулся съ юга къ Ледовитому Морю?

Вотяки, обитающіе въ Пермской и Вятской губерніяхъ, имѣютъ, по обычаямъ и языку, большое сходство съ Зырянами. По моему мнѣнію, Вотяки самая близкая родня Зырянамъ, по происхожденію.

Академикъ Лепехинъ, въ описаніи этого края, замѣтилъ у Зырянъ, въ селѣ Объячевскомъ, остатки старинныхъ обрядовъ. По его словамъ, въ день Пророка Іліи, они обществомъ убиваютъ быка, съ разными обрядами, и сѣдаютъ его. Въ день Святаго Прокопія тотъ же обрядъ повторяется надъ бараномъ. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ сохранились и теперь у Зырянъ и у соплеменныхъ имъ Вотяковъ, Пермьяковъ, Чувашъ и Мордвы. У Зырянъ Устьсысольскаго Уѣзда и теперь варится, изъ собранныхъ общиной муки, солода и хмѣля, пиво, которое они пьютъ, собираясь въ извѣстный день. Это называется молитны.

Едва и теперь объяснено происхождение названія Пермиковъ. Академикъ Лепехинъ слышалъ старинную сказку о богатырѣ, котораго звали Перя. Онъ жилъ будто бы на Камѣ, въ 50 верстахъ отъ села Гойна. Молва о немъ дошла до Москвы, куда и потребовали его предъ свѣтлыя царскія очи, гдѣ Перя удивилъ всѣхъ необыкновенною силою. Царь одарилъ его, пожаловалъ ему грамоту и отпустилъ на родину. Честь, оказанная Кому, не побудила ли, сначала хотя семейство его, называться Перянами, а современъ это названіе, распространяясь особенно между сосѣдственными народами, не превратилось ли въ Пермиковъ? Но это однѣ догадки. Вотъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о народѣ Пермь.

Сѣверные предѣлы нынѣшней Россійской Имперіи въ древности назывались Сарматією. Въ Сарматіи, въ числѣ населявшихъ ее народовъ, была Пермь, Печора и Самоѣды.

Болгары, обитавшіе по Волгѣ, будучи народомъ болѣе торговымъ, чѣмъ воинственнымъ, открыли къ югу пути въ Азію и Индію, черезъ моря Каспійское и Черное, а къ сѣверу—къ устьямъ Двины и Печоры. Они вели обширную торговлю. Городъ ихъ, Болгары, былъ центральнымъ торжищемъ для Европы и Азіи^{*)}. Въ старинныхъ лѣтописяхъ упоминается, что въ началѣ XIII вѣка Болгары жили по Камѣ и воевали Югровъ, подъ которыми разумѣли Пермиковъ и Зырянъ.

Ломоносовъ называетъ Мордву, Вотяковъ, Зырянъ, Черемисовъ, Коралъ и Пермиковъ остатками многочисленнаго чудскаго народа, а по мнѣнію Карамзина, даже народъ, называвшійся Печорой, былъ — Зыряне, ибо онъ считаетъ ихъ единоплеменными Чувавамъ, Вотлякамъ, Лапландцамъ и даже обскимъ Остякамъ, что едва ли справедливо. Остяки, или Манчи, какъ они сами себя называютъ, даже по наружности часто монгольскаго происхожденія, а Зыряне — европейскаго. Также и прежніе историки довольно знали о сѣверной Біарміи. Татищевъ полагаетъ, что Зыряне и Пермь были одинъ народъ. Онъ основывается на томъ, что когда, въ концѣ

^{*)} О Болгарахъ упоминаетъ Карамзинъ, въ Истор. Госуд. Россійск., какъ о народѣ болѣе торговомъ, нежели воинственномъ. По его изысканіямъ, они обитали издревле по берегамъ Камы и Волги, или переселились туда не позже VII вѣка. Они вели торговлю съ сѣверомъ, имѣя удобное сообщеніе посредствомъ рѣкъ, и на югъ, черезъ Каспійское Море, съ Азією. Въ 985 г. великій князь Владимиръ побѣдилъ Болгаровъ.

XIV вѣка, св. Стефанъ рѣшился проповѣдывать Евангеліе язычникамъ Пермїи, то началъ проповѣдь свою по Вычегдѣ и построилъ первую церковь на устьѣ рѣки Выми. Населеніе это названо Усть-Вымью, гдѣ была и епархїа новообращенной въ христіанство страны, также мужскій монастырь *).

Должно думать, что тогда по всей Вычегдѣ, до ея устья, жили одни Зыряне. Сольвычегодскъ былъ главнымъ городомъ этого народа, Яренскъ же—вторымъ. Многіе изъ Зырянъ, принявшіе крещеніе, смѣшались съ Русскими и забыли свой языкъ.

Если въ предѣлахъ нынѣшней Вятской Губерніи была земля Вотяковъ, и названіе рѣки Вятки произошло отъ имени этого народа, то нѣтъ сомнѣнїя, что названіе рѣки Камы произошло отъ народа, именовавшагося Коми; ибо на Камѣ еще нынѣ есть остатки этого народа. Главнымъ городомъ Пермьковъ былъ Чердынъ. Что Зыряне и Пермь одинъ народъ—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнїя; а судя по пространству занимаемой ими земли, должно предполагать, что они были народъ довольно-многочисленный, притомъ промышленный и богатый, въ доказательство чего я привожу факты.

Есть преданіе, что, во время обращенїа въ христіанство, многіе ревностные Зыряне-язычники закапывали себя въ землю; другіе ушли въ Сибирь, что доказывается сходствомъ сибирскихъ Вогуличей и Остяковъ, по обычаямъ и языку съ Пермьками, и сохранившимся между первыми преданїемъ, что они пришельцы въ этомъ краѣ и что родина ихъ земля Пермьковъ **). Въ слѣдствіе переселенїа значительной массы народа, сторона, омываемая рр. Печорою, Вычегдою, Сысолой и Вымью тогда нѣсколько опустѣла.

Зыряне были изстари отличные звѣроловы, чему способствовали обширныя лѣса, въ краю ими обитаемомъ, наполненныя звѣрями разнаго рода. Издавна они ходили за промыслами въ Край Зауральскій и приносили оттуда драгоцѣнныя шкуры: бобровъ, соболей, лисицъ, выдръ, куницъ, рысей и прочихъ. Идоламъ своихъ они приносили въ жертву часть наловленныхъ звѣрей, которыхъ навѣшивали на деревья. Объ этомъ сохранилось еще преданіе между

*) Ист. Госуд. Рос. Т. I, прилѣж. LXXIII. Объ Усть-Вымѣ я уже рассказывалъ выше.

**) Миллеръ, въ описанїи обычаевъ Остяковъ.

Зырянами. Св. Стефанъ какъ идоловъ, такъ и жертвы, принесенныя имъ язычниками, предавалъ пламени. Главный кудесникъ ихъ, Панъ, противодѣйствуя проповѣди Евангелія, укоряя своихъ соотечественниковъ, оставляющихъ вѣру отцовъ, говорилъ, что напрасно они слушаютъ Московитянъ.

Въ словопреніи же съ св. Стефаномъ Панъ говорилъ, что боги ихъ были главными поборниками въ ловлѣ, что дорогими шкурами звѣрей, ими (Коминнами) наловленными, хвалятся московскіе бояра, одѣваются и посылаютъ ихъ въ Орду, въ Царыградъ, къ Нѣмцамъ, въ Литву и другія дальнія мѣста.

Изъ житія же св. Стефана видно, что онъ много находилъ у зырянскихъ язычниковъ золота и серебра, пожертвованнаго идоламъ, такъ-что, опасаясь, чтобъ ученики его не вовлеклись въ любостязаніе, принужденъ былъ строго воспретить брать что-либо идоложертвенное. Кромѣ того, есть свидѣнія, что въ Пермѣ въ старину сожигали тѣла умершихъ и пепелъ всыпали въ золотыя и серебряныя урны, оставляя ихъ на кладбищѣ,^{*)} что и служитъ яснымъ доказательствомъ, что жители Пермѣ изобиловали дорогими металлами и богатство свое приобрѣтали отъ звѣриныхъ промысловъ или принимая участіе въ торговлѣ Болгаръ, проходившей черезъ ихъ землю.

Есть преданіе, что гдѣ-то въ этой странѣ было торговое мѣсто, куда, съ одной стороны, пріѣзжали Датчане, Шведы и Норвежцы, а съ другой, Болгары, и производили разнѣвъ товаровъ индійскихъ, греческихъ и персидскихъ, на европейскіе и туземные. Если не на устьяхъ Двины и Печоры находилось это торжище, то, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ вершинахъ рѣкъ Вычегды или Сысолы на переволокахъ, т. е. на тѣхъ пунктахъ, гдѣ оканчивался съ обѣихъ сторонъ судоходный путь. На берегу Печорской Мылвы есть широкая долина, которая и по сіе время называется Торговищемъ.

Дугъ этотъ находится на половинѣ пути отъ Троицкаго Погоста до переволока съ Печорской Мылвы на Вычегодскую; онъ тянется по обоямъ берегамъ Печорской Мылвы больше версты, шириной до ста сажень; но, вѣроятно, теперь большая часть его заросла лѣсомъ. На этой долиняхъ находятъ обломки кирпичей. Откуда взялись они? Полагаютъ, что тамъ были строенія. Неровность долины, не-

^{*)} Путеш. Лешкина ч. VI, въ статьѣ о Зырянахъ.

большіе бугры, образовавшіяся на ней мѣстами, не есть ли остатки развалинъ зданій, въ которыхъ производился торгъ между жителями разныхъ странъ свѣта?

Есть сказка, которую Новгородцы слыжали въ Югоріи^{*)}, что Югры, идя далеко къ востоку, дошли до превысокихъ горъ, черезъ которыя не было пути; но слышали великій стукъ, доходившій къ нимъ изъ-за горъ. Стукъ происходилъ будто бы отъ того, что люди загорные прорубали каменную стѣну хребта, и успѣли сдѣлать небольшое отверстіе, сквозь которое подавали имъ шкуры дорогихъ звѣрей, въ размѣнъ за желѣзныя вещи; но что путь къ этой горѣ едва проходимъ: зимой по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ, а лѣтомъ по тонкимъ, широкимъ болотамъ. Вѣроятно, звѣроловы этой басней старались скрыть богатство своихъ промысловъ, за каменнымъ хребтомъ Урала.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, покоряя народъ пермскій, въ 1472 году послалъ туда князя Пестраго, который близъ городка Искар^{**}) разбилъ рать пермскую и плѣнилъ воеводъ ихъ: Кача, Бурмата, Мачкана и Зыряна. Это не были ли отдѣльные князья, управлявшіе разными племенами, и Зырянъ не завѣдывалъ ли народомъ зырянскимъ?

Главными городами Пермїи были тогда два: Урусъ и Чердынъ.

Зыряне очень гостепріимны и хлѣбосольны; немногіе рѣшаются взять съ прїѣзжаго за хлѣбъ - соль, или за ночлегъ. Извѣстные примѣрною честностью, они недавно начали охранять желѣзными замками свое имущество. Воровство было чуждо даже въ предположеніи похлѣбїи. Уходя на полевые работы, они оставляли дома запертыми только особеннаго рода запоромъ, чтобъ въ нѣбу не ворвались животныя. Въ лѣсахъ я никогда не слыжалъ, чтобъ кто-нибудь рѣшился воспользоваться чужою добычею, обыкновенно оставляемою близъ зимовьевъ. Въ послѣдніе неурожайные годы нужда занесла сюда нѣкоторые пороки. Неурожай, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, лишилъ ихъ всѣхъ прежнихъ запасовъ; цѣна на хлѣбъ возвысилась неслыханно. Платили больше 3 р. асс. за пудъ, а у кого не было хлѣба, тотъ питался осиновою корой. Бѣда ведетъ

^{*)} Путеш. Лешкина ч. IV.

^{**}) Вѣроятно, изъ Каръ, что значитъ каменный городъ, гдѣ нынѣ село и еще замѣтны слѣды земляныхъ укрѣпленій.

за собой другую бѣду. Погода не благоприятствовала урожаю еловыхъ и сосновыхъ шишекъ — главнѣйшаго продовольствія бѣлки, и она переселилась туда, гдѣ надѣялась найти избытокъ въ пропитаніи; а потому въ эти годы и звѣроловная промышленность не доставляла имъ даже на необходимое. Другаго промысла здѣсь почти нѣтъ, а потому крестьянину трудно было добыть конейку. Но, слава Богу, пора эта миновалась; порядочные урожаи хлѣба обезпечили продовольствіе бѣдныхъ Зырянъ; удачные промыслы стали заглаживать слѣды минувшаго бѣдствія — и край начинаетъ оживать. Когда же явятся здѣсь капиталы, тогда страна, омываемая водами Печоры и Вычегды, процвѣтетъ, потому-что въ ней много началъ для обширной промышленной дѣятельности.

Говоря о Вычегдѣ и поселеніяхъ, находящихся на ея берегахъ, нельзя не сказать нѣсколько и о рѣкѣ Сысолѣ, по имени которой называется городъ, справедливо тамъ называемый столицей Зырянъ, потому-что даже и въ настоящей сторонѣ Коминговъ, на берегахъ Камы, нѣтъ ни одного города, котораго граждане и по сіе время были бы коренные Зыряне, какъ въ Устьсысольскѣ.

Рѣка Сысола имѣетъ начало въ Вятской Губерніи, въ Слободскомъ Уѣздѣ, близъ села Гидаева, въ ста верстахъ отъ границы Устьсысольскаго Уѣзда, по прямому направленію и очень недалеко отъ вершины рѣчки Порыша, впадающей въ Каму. Сысола протекаетъ сначала мѣстами низменными, потомъ гористыми и весьма удобными для хлѣбопашества. Всего теченія ея болѣе 500 вер. Въ Сысолу впадаетъ много рѣкъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Кажимъ, Лопья и Нюкчимъ, на которыхъ находятся желѣзные заводы Кажимскій, Нючпаскій и Нюкчимскій, принадлежащіе теперь тульскому купцу Малюкову. Кажимъ отъ Устьсысольска отстоитъ на 288 версты, водой же — до 400 верстъ. Рѣка Кай впадаетъ также въ Сысолу; на ней Кайгородская Пристань, откуда сплавлялось прежде ежегодно въ Архангельскъ отъ 12 до 16 барокъ, поднимавшихъ груза отъ 20 до 25 т. пудъ каждая.

Но рѣкѣ Тыбѣ, впадающей въ Сысолу и начинающейся въ Объячевскомъ Вологѣ, было много превосходныхъ мачтовыхъ лѣсовъ, гдѣ заготавливались мачты для архангельскаго порта. Теперь эти лѣса большею частью истреблены пожарами, какъ и во многихъ мѣстахъ Устьсысольскаго Уѣзда. По рѣкѣ Визингѣ сплавляются барки, съ хлѣбомъ изъ села Киберскаго.

Устьсысольскимъ же Уѣдомъ протекаетъ рѣка Луза, истоки которой въ Орловскомъ Уѣздѣ Вятской Губерніи. Она впадаетъ въ р. Югъ, въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ. Луза течетъ сначала около 200 верстъ мѣстами лѣсистыми и сырыми; ниже—мѣста болѣе-луговья. Всего теченія ея 800 верстъ. На этой рѣкѣ, при устьѣ рѣчки Ношулки, находится извѣстная Ношульская Пристань, на которую доставляютъ зимнимъ путемъ товары изъ Вятской Губерніи, для сплава къ архангельскому порту. Количество грузовъ, доставляемыхъ черезъ эту пристань не одинаково, но простирается отъ 60 до 150 барокъ, длиною отъ 11 до 12¹/₂, шириной отъ 6 до 7 сажень, поднимающихъ груза отъ 19 до 23 тысячъ пудъ. Сплавъ отъ Ношулы до впаденія Лузы въ Югъ около 600 верстъ.

Берега Сысолы населены болѣе чѣмъ берега Вычегды. Жители занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ. Изъ нѣкоторыхъ селеній ходятъ на работу на помянутые желѣзные заводы, строятъ барки для сплава товаровъ съ пристаней и участвуютъ въ самыхъ сплавахъ. Вообще Зыряне, обитающіе на берегахъ Сысолы, имѣютъ больше заработковъ, а потому и живутъ зажиточнѣе вычегодскихъ. Въ этомъ краю меньше бѣдныхъ и также не случается такого крайняго недостатка въ хлѣбѣ, какой бываетъ на Вычегдѣ и на Печорѣ.

Нахожу нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ. Построеніе этого судоходнаго сообщенія, назначеннаго для соединенія системы рѣки Камы съ бассейномъ Двины, было эпохою для этого отдаленнаго края, ибо требовало много рукъ и матеріаловъ, а въ томъ и другомъ здѣсь нѣтъ недостатка. Немного выше села Керчемьи впадаетъ въ Вычегду съ лѣвой стороны рѣка Кельма, по-зырянски Кат-емъ. На ней находятся двѣ пристани: Устьвочская, по-зырянски Вочъ-Вомъ, при устьѣ рѣчки Вочи, и Канавская, при сѣверномъ окончаніи Сѣверо-Екатерининскаго Канала. На эти пристани прежде вывозили изъ Соликамскаго Уѣзда Пермской Губерніи, овесъ, рожь, кожи и проч., частью также доставляемыя изъ Сарапула, пшеницу, сѣмя льняное, муку, иногда сибирское сало, закупаемое на Ирбитской Ярмаркѣ. Съ пристани отъ канала товары сплавлялись въ мелкихъ баркахъ, поднимающихъ грузу отъ 6 до 8 тысячъ пудъ; были годы, когда нагружалось тамъ до 25 барокъ. На Устьвочской Пристани строились барки большаго размѣра, поднимавшія грузу до 23 тысячъ пудъ. Движеніе торговли изъ Пермской Губерніи къ Архангельскому Порту простиралось

иногда по этому пути на значительныя суммы; ибо, при требованіи хлѣба за границу, при дешевизнѣ его въ Пермской Губерніи, находили выгоднымъ вывозить предметы требованія на Устьвочскую и Канавскую Пристани зимнимъ путемъ. Торговлю эту производили чердынскіе, соликамскіе и устьсьсольскіе купцы. Въ настоящее время по этому пути доставляются товары только въ случаѣ большихъ требованій и возвышенія цѣнъ на хлѣбъ въ Архангельскѣ, и то небольшимъ количествомъ.

Построеніе Сѣверо-Екатерининскаго Канала начато въ 1785 году, но въ 1788 было прекращено. Работы вновь начаты въ 1802 году. Въ 1809 году приостановлены и снова начаты въ 1816 году; окончены въ 1822 году.

По Сѣверо-Екатерининскому Каналу проходило судовъ съ грузами очень мало. Если и показано въ описаніи этого сообщенія г. Штукенбергомъ значительное движеніе коммерціи, особенно съ 1813 по 1819 годъ, то эти грузы шли не по каналу, но, какъ сказано выше, перевозились зимнимъ путемъ на пристани къ каналу и Устьвочскую.

Каналъ построенъ съ цѣлію — обратить сибирскую торговлю къ Бѣломорскому Порту, но она, по естественному ходу вещей, приняла то направленіе, которое, обѣщая больше выгодъ, представляло меньше затрудненій, а здѣсь торговля съ береговъ Камы или изъ Сибири не могла имѣть такого удобнаго пути, какой открытъ по Волгѣ и судоходнымъ системамъ къ С. Петербургу; на биржѣ его для сбыта произведеній представлялись всегда болѣе вѣрныя виды, чѣмъ на биржѣ Архангельска, торговля котораго, по отдаленности этого порта отъ портовъ Европы находится въ рукахъ небольшого числа негоціантовъ. Доставленіе же корабельныхъ лѣсовъ къ архангельскому порту съ береговъ Камы и ея истоковъ по этому пути производилось медленно и обходилось дорого, что, вѣроятно, и заставило оставить эти операціи, а потому соединеніе Камы съ Вычегдою, посредствомъ Сѣверо-Екатерининскаго Канала, не принесло выгоды.

Въ окрестностяхъ канала, гдѣ была деревянная церковь и теперь живутъ нѣсколько семействъ земледѣльцевъ. Мѣста для поселенія довольно-удобны. Есть хорошая земля для хлѣбопашества, луга для скотоводства, лѣса для промысловъ начинаются отъ самаго жилья — чего же лучше для людей, которымъ нуженъ одинъ

насущенный хлѣбъ и возможность заплатить повинности? Вдоль канала лежитъ путь изъ Устьесольска въ Чердынѣ, а дорога, которою доставлялись товары на Устьвочскую Пристань, проведена изъ деревни Вочи, черезъ дремучіе лѣса, въ западный край Чердынскаго Уѣзда.

Печорскій Волокъ на берегу рѣчки Серд-ель.

Въ 8 часу мы выѣхали изъ Помоадина; въ 9 часу переѣхали на лѣвый берегъ Вычегды, противъ деревни Вельдинѣ, откуда вступили въ волокъ, на пространствѣ котораго до 140 верстѣ нѣтъ обитателей. Сильный дождь промочилъ насъ порядкомъ, за тѣмъ наступилъ жаръ и тучи оводовъ окружили насъ; они въ кровь изѣбли лошадей, а при случаѣ не щадили и насъ. «Знаешь ли, изъ чего родятся оводы?» спросилъ меня проводникъ мой, старикъ лѣтъ 60-ти, проворный какъ юноша, которому, кажется, трудъ не почемъ. Не знаю, отвѣчалъ я. «А вотъ изъ чего, продолжалъ онъ: «подъ корою подсыхающихъ деревьевъ водится много червей; изъ нихъ вышлужаются оводы; а замѣтилъ это я съ-молоду. Ловилъ я, бывало, на такихъ червей рыбу. Одинъ разъ осталось этихъ червей въ бурчакѣ немного, а весной изъ нихъ вышли оводы; оттого-то ихъ и много въ подсыхающихъ лѣсахъ». Передаю замѣчаніе моего проводника, какъ оно мнѣ досталось; справедливо ли оно—не могу судить: я не естествоиспытатель.

«Зачѣмъ тебя Богъ несетъ на Печору?» говорили мнѣ крестьяне въ Вельдинѣ, «не открывать ли какой путь? Дай Богъ тебѣ устроить что-нибудь: намъ была бы работа.» Дай-то Богъ, чтобъ желанія этихъ добрыхъ, трудолюбивыхъ людей исполнилось.

Изъ лѣсовъ, около рѣчки Сердъ-ель, гдѣ мы теперь отдыхаемъ прежде заготавливали листовичный лѣсъ для архангельскаго порта и вывозили на Вычегду, которая отсюда, въ сторонѣ отъ дороги, не дальше версты. Все утро мы ѣхали прекрасными борани.

Берегъ Вычегды на половинѣ Печорскаго Волока, 8 июля 7 ч. утра.

Проѣхавъ около 80 вер., а можетъ быть, съ объѣздами болотъ, 90, усталые уже поздно ночью, мы приѣхали къ зимовой избѣ, на берегу рѣчки Вычегды. Лошади до того утомились, что одна изъ

нихъ нѣсколько разъ на пути лежала подъ сѣдокомъ; да и есть отчего. Изба была наполнена комарами, а потому мы расположились около огня, на развалинахъ старой избы. Проводникъ мой потерялъ топоръ, и мы едва достали дровъ, сварили кашу и наскоро поужинали. Множество лягушекъ прыгало вокругъ насъ, но, несмотря на ихъ сосѣдство, мы спали крѣпко. Вотъ разсвѣло; небо все въ тучахъ; дуетъ сильный вѣтеръ; накрапываетъ дождь; въ лѣсу слышно кукованье кокушки. И не въ безлюдной пустынѣ такая погода навѣяла бы грусть, особенно, когда, отъ вчерашняго переѣзда, ноютъ кости, а впереди еще дальнѣйшій переходъ гнѣшкомъ по топкимъ болотамъ.

Русло Вычегды здѣсь не шире 5 или 6 саж.; но она глубока, особенно теперь вода поднялась до края береговъ. Теченіе едва замѣтно; кругомъ еловый лѣсъ и болото. Вчера въ 9 ч. вечера отъѣхавши отъ Помозина около 55 верстъ, а объѣздами, вѣроятно, много больше, мы перебрались черезъ главный притокъ Вычегды. Мы теперь на берегу втораго притока, въ зимовье, наполненномъ дымомъ, комарами и другими насѣкомыми.

Иба у рѣчки Расъ-ель, 6 июля 7 ч. утра.

Вчера въ 10 часовъ утра началось наше пешеходное странствованіе. Насъ пятеро: я, мой человѣкъ, двое рабочихъ и одинъ попутчикъ, посланный на Печору съ бумагами изъ Усть-Кулома. Дождь лилъ словно изъ ведра. Надобно было перебраться черезъ Вычегду на плотикъ изъ жердей и двухъ досокъ, набросанныхъ на два небольшія бревна. Едва двоимъ было на немъ мѣсто. Глубина рѣки, прибывшей отъ дождей, была до двухъ саженъ, хотя ширина и не болѣе 5 или 6 саж., но шести едва доставали до дна.

При малѣйшемъ движеніи, нашъ плотъ погружался въ воду; однако жъ кое-какъ переправа совершилась благополучно. Мы вышли на противоположный крутой берегъ, и по узкой тропѣ, едва-замѣтной въ высокой травѣ, пошли одинъ за другимъ. Отъ зимовья на Вычегдѣ до рѣчки Сордъ-ель считаютъ 30 верстъ; но онѣ показались намъ очень длинными. Все это пространство однообразно-низменно, съ широкими и частью совершенно безлѣсными болотами, съ небольшими возвышеніями, поросшими еловымъ лѣсомъ, между которыми изрѣдка видны были кедръ. Повсюду топъ, грязь, мѣстами

едва проходимыя, особенно тамъ, гдѣ много валежника. Дождь лилъ цѣлый день; съ древесныхъ вѣтвей, мимо которыхъ мы проходили, насъ окачивало потоками воды; комары тучей окружали насъ. Медленно, одинъ за другимъ миновали чемкосы, которыми измѣряютъ растояніе у Зырянъ. На пространствѣ этихъ длинныхъ 30 верстъ мы не видали ни одного ручья; жажда томилла насъ и мы принуждены были пить болотную воду. Въ 8 часу вечера, усталые, въ полномъ смыслѣ этого слова, пришли къ зимовой избѣ.

Мывдинскій или Троицкій Погостъ, по-зырянски Мывдыкъ.

8 июля 3 ч. пополудни.

Вчера, пройдя отъ ночлега 4 чемкоса, мы отдохнули на берегу какого-то безыменнаго ручья; шли постоянно въ направленіи къ сѣверу; день былъ очень хорошъ; мѣстоположеніе не лучше вчерашняго: тѣ же болота и топи, но было легче идти, потому-что вѣтеръ навѣвалъ прохладу и прогонялъ комаровъ. Около 5 часовъ вечера мы подошли къ быстрой рѣкѣ Сойвѣ, впадающей въ Мыву. Въ необыкновенно-свѣтлой и холодной водѣ этого потока мы купались и перебрались по жердямъ, переброшеннымъ съ одной козлы на другую, между обоими берегами на ширинѣ 30 сажень. Мостикъ этотъ лежалъ надъ горизонтомъ быстрой Сойвы болѣе 4-хъ аршинъ; нельзя сказать, чтобъ переходъ по этому шаткому мосту былъ совершенно безопасенъ. Съ истертыми ногами едва могъ я пройти еще 3 версты до деревни Сойвы, гдѣ думалъ найти лошадей, чтобъ доѣхать до Мывдинскаго Погоста. Къ несчастію, всѣ лошади были въ лугахъ, и, отдохнувши, пришлось, хотя съ большимъ трудомъ, идти дальше, едва ступая. Такъ прошли мы еще 10 верстъ и поздно ночью кое-какъ добрали до погоста на берегу Печоры.

Переходимъ черезъ волокъ; я не мало выигралъ времени.

Рѣка Сойва протекаетъ между высокихъ горъ; вершины ея довольно-далеко; она принимаетъ въ себя до семи притоковъ; на берегахъ ея только два селенія: одно, гдѣ мы были, на пути отъ города; въ немъ 8 домовъ; другое, еще новое поселеніе, выше по рѣкѣ около 20 верстъ отъ погоста; въ немъ всего 4 дома. На мѣстѣ перваго, назадъ тому около полулѣтка, была пустыня. Одинъ изъ крестьянъ мывдинскихъ, по имени Ома, дѣятельный и трудолюбивый,

замѣтилъ, что луговые берега Сойвы представляютъ большія удобства для скотоводства, что рѣка обильна рыбой, что возвышенности около нея богаты доброй землей, и рѣшился основать здѣсь свое жилище; онъ вырубилъ лѣсъ, съ неутомимымъ трудолюбіемъ работывалъ поля и дѣвственная почва вознаграждала хорошо его труды. Скоро широко раскинулись поля и луга Оомы, появились стада домашнихъ животныхъ; необыкновеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ Оома пріобрѣлъ общее уваженіе. Для каждаго прохожаго у него былъ искренній привѣтъ, ласковое слово, жаркая баня, сытный столъ и мягкая постель изъ оленннхъ и сомомы. Едва ли кто проходилъ, или проѣзжалъ мимо его селенія не погрѣвшись въ теплой избѣ старика Оомы; за то Богъ и благословилъ его: довольство обитало въ его гостепріимномъ домѣ; сыновья, внуки и правнуки окружали его и, построивши новые дома, составляли все населеніе деревни. Я зналъ этого добраго старика, и ночевалъ подъ его гостепріимной кровлей нѣсколько ночей, проходя пѣшкомъ впередъ и обратно Печорскій Волокъ, въ октябрѣ 1825 года; тогда онъ встрѣтилъ меня какъ дорогаго гостя; онъ понималъ какъ трудно въ эту пору переходить волокъ, особенно 15 лѣтнему мальчику. Я помню этого, сгорбленнаго отъ трудовъ и лѣтъ, маленькаго старика, которой привѣтствовалъ насъ ласковымъ словомъ «видалъ локтѣ»; теперь я гостилъ у его внука; старичка уже давно нѣтъ. Поселеніе Оомы расположено на красивой возвышенности, близъ рѣки; около полей растутъ посаженные имъ, теперь уже большіе, кедръ.

Неизвѣстно, давно ли началось первое поселеніе при устьѣ Мылвы; если, какъ надо полагать, здѣсь былъ изъ Сибири судоходный путь черезъ переволокъ между обѣими Мылвами, то, вѣроятно, эти мѣста давно обитаемы. Въ настоящее время, Мыдвинскій или Тронцкій Погостъ лежитъ на обонхъ берегахъ устья Мылвы и по Печорѣ; главное поселеніе и двѣ деревянныя ветхія церкви находятся на лѣвомъ берегу; всѣхъ домовъ 112, жителей 565 душъ обоого пола. Здѣсь мало занимаются хлѣбопашествомъ, однакожъ розь иногда созрѣваетъ; скотоводство не составляетъ тоже прибыльнаго хозяйства; во всемъ погостѣ только около 100 лошадей, 116 коровъ и мелкаго скота до 270; главный промыселъ звѣроловство. Здѣшніе промышленники ходятъ на промыселъ въ зауральскіе лѣса артелями отъ 5 до 10 человекъ; вожакомъ изби-

рается бывальщій, который пользуется тѣмъ преимуществомъ, что не обременяется никакою поклажею: его припасы разложены по нартамъ товарищей.

Отправляясь вѣснца на три, каждый изъ промышленниковъ беретъ слѣдующіе припасы: сухарей 4 пуда, сушеныхъ пироговъ съ крупой 1 пудъ, ячной муки 1 пудъ, ржаной муки 1 пудъ, крупы 10 фун., ячной муки для собакъ 1 пудъ, масла 5 безменовъ^{*)} или 12½ фунтовъ, свѣжаго сала для приготовления блиновъ 1 безмень или 2½ фун., сухой рыбы 15 фун., говядины сырой 30 фун., соли 10 фун., пороха 3 фунта, свинца 4½ фун., итого 10 пудъ 7½ фунтовъ; сверхъ того, запасное платье, ружье и наконецъ часть припасовъ вожака, такъ-что на каждого наберется отъ 11 до 12 пудъ. Все это складывается на одну нарту — длинныя легкія сани. Охотникъ, на лыжахъ, или на зырянскихъ лыжахъ, везетъ нарту сотни версты, по свѣжнымъ сугробамъ, черезъ горы и рѣки — можно судить о трудѣ такихъ путешествій. На крутыхъ спускахъ, особенно при переходѣ черезъ Уральскія Горы, бываетъ, что нарта раскатится, опрокинется, соинветъ охотника и убѣжитъ отъ него версты на три; на горы поднимаются общими силами. Обыкновенное платье промышленниковъ состоитъ изъ запужа немного ниже колѣнъ, съ мѣховыми рукавами и рукавицами; лузана на плечахъ; холщевыя штаны (суконныя надѣваютъ только въ самые сильные морозы); на ногахъ суконныя онучи и кожаная, съ загнутымъ къ верху носкомъ, обувь, которую называютъ комъ; шапка у Вычегжанъ съ овчиннымъ исподомъ, у Печорцевъ — пыжиковая^{**)}; сверхъ того, берутъ вару бѣлья, и чтобъ надѣвать около огня, Вычегжане запасаются овчинными полушубками, а Печорцы — старою изношеною малицею. Промыселъ начинается на первой дневкѣ въ сосѣднихъ мѣстахъ; привалы дѣлаются, смотря по трудности пути, черезъ два или три дня. Въ мѣстахъ гористыхъ нарты тащатъ по двое; за остающимся ходятъ на другой день. На промыслѣ любятъ ѣсть блины на салѣ и кашу изъ сушеныхъ пироговъ, которая называется сюра-рокъ, т. е. рогатая каша. Собакъ кормятъ мясомъ

^{*)} Безмень — вѣсъ, равный 2½ фунтамъ. Этотъ вѣсъ уже выводится; однакожь есть мелочи, которыя и теперь продаются и покупаются на безмень.

^{**)} Пыжиковая, или пельт-ку, т. е. поганая кожа, называютъ шкуры оленятъ умерзшихъ вскорѣ послѣ рожденія.

настрѣляныхъ бѣлокъ; когда же ихъ мало, то для варять кашницу изъ ячмой муки. Въ запасахъ промышленники никогда не нуждаются и почти всегда часть привозятъ назадъ.

Когда бѣлки много, то ее настрѣливаютъ до 15 штукъ, хорошии же стрѣлокъ до 20 — 22 въ день; когда же ее мало, то небогѣе 7 — 10. Удаченъ промыселъ, промышленникъ приноситъ отъ 300 до 500 шкуръ, а не удаченъ — такъ гораздо поменьше.

Къ этому промыслу Зыряне приучаются съ ранней молодости, лѣтъ съ 11 — 12. Одинъ изъ моихъ проводниковъ началъ стрѣлять съ 12 лѣтъ. Черезъ годъ онъ приносилъ по 3 и по 4 бѣлки въ день, а рябчиковъ иногда по 10 штукъ. Въ 16 лѣтъ сталъ онъ ходить на дальнѣйшій промыселъ, и приносилъ отку по 300 бѣлокъ и больше. Шубу и суконные штаны даже въ самыя сильныя морозы онъ никогда не надѣвалъ. «Утромъ (говорилъ онъ), какъ выйдешь изъ избы — ничего, холодновато; ну, а какъ завидѣлъ бѣлку одну, другую — придется ходить скорѣе, и въ суконномъ азимѣ тогда станетъ жарко». Привыкая съ дѣтства переносить холодъ и голодъ, они укрѣпляются къ труженической жизни въ лѣсахъ — а привычка вторая натура. Эта жизнь потомъ не тяготитъ уже ихъ; удачный промыселъ радуется. Дай Богъ хорошую цѣну, охлатить бы подати, кунить чтó нужно, да хватило бы на чарку вина къ правнику — и слава Богу! При умѣренныхъ желаніяхъ они бываютъ очень счастливы.

Мы замѣтили: нынѣшній урожай еловыхъ шишекъ долженъ быть хорошъ — добрые предвѣстники обильнаго появленія бѣлки. Клесты, по-зырянски уръ-кай бѣличьи птички, уже налетѣли въ множествѣ. Промышленники увѣряютъ, что клесты всегда предшествуютъ приходу бѣлки, открывая для нея инстинктомъ обиліе запасовъ. *)

11 июля.

Три дня готовили мнѣ лодку. Вчера, простившись съ братомъ, я, съ тремя рабочими и однимъ слѣпымъ пассажиромъ, отправился въ дальнѣйшій путь. Слепой, лишенный зрѣнія съ малолѣтства, ѣдетъ на Брусляточильную Гору, заниматься шлифовкою брусевъ.

*) Въ 1843 году бѣлки было дѣйствительно необыкновенно много, какъ я узналъ послѣ.

Въ 4 часа утра сегодня проплыли мы мимо деревни Покчи-ской (по-зырянски называютъ ее иначе), на лѣвомъ берегу Печоры, въ 6 чемкосахъ отъ Троицкаго Погоста; въ ней 65 домовъ и до 300 человѣкъ жителей. Въ 7 ч. утра миновали деревню Скалягъ, на правомъ берегу Печоры отъ погоста въ 9 чемкосахъ; въ ней 90 человѣкъ жителей, 13 домовъ и часовня съ чудотворною иконою Святителя Николая Чудотворца, весьма уважаемою въ здѣшнемъ краю. Есть преданіе между жителями, что этотъ образъ привезенъ изъ села Усть-цыльмы и будто-бы судно, на которомъ находился образъ Угодника, отъ самаго села до этой деревни на пространствѣ едва ли не болѣе 800 верстъ бѣжало парусомъ и остановилось здѣсь; это сочли волею святаго, построили часовню, въ которой поставили образъ Николы Милостиваго, какъ называютъ его Печорцы. Берега Печоры здѣсь невысоки, покрыты еловымъ и мѣстами сосновымъ лѣсомъ; подлѣ рѣчки тянется боръ; острововъ мало.

Попутный вѣтеръ и течение быстро несутъ лодку, и вотъ недалеко до рѣчки Кодачь, впадающей въ нее съ лѣвой стороны; вотъ деревня Петрушино или Кодачьдинская (23 дома жителей 117 чел.), расположенная на обоеихъ берегахъ Печоры. Нѣсколько ниже, довольно-большой островъ Кодачьди, противъ котораго, на лѣвомъ берегу, кто-то строитъ домъ; заводится новое поселеніе. Разстояніе отъ погоста 10 чемкосовъ.

Мой пассажиръ слѣпецъ-шлифовальщикъ, въ то же время и музыкантъ; нерѣдко онъ выводитъ смычкомъ разныя пѣсни на инструментѣ, похожемъ на балалайку, сопровождая хриплымъ голосомъ незатѣйливыя звуки.

12 юл.

Теперь мы противъ устья рѣчки Велъ, или Велвы, впадающей въ Печору съ правой стороны, въ 13 чемкосахъ отъ Мылвы. Ширина Велвы при устьѣ отъ 15 до 20 саж.; всего теченія этой рѣчки до 250 верстъ; къ вершинамъ ея поднимаются на легкихъ лодкахъ въ 8 дней; въ нее впадаютъ порядочныя рѣчки, а главный притокъ ся Тыбъ-ю. На берегахъ Велвы растутъ отлично-хорошой листвен-ный и сосновой лѣсъ.

Въ 10 часовъ утра миновали мы деревню Митрофановскую, на

лѣвомъ берегу Печоры, въ полдень — деревню Новинякъ, на правомъ берегу, а въ 3 часа пополудни — деревню Егтюхину или Кузнель, т. е. длинную уши, названную по имени перваго поселенца, на этомъ мѣстѣ утонувшаго въ рѣчкѣ, впавшей въ Печору съ лѣваго берега. Въ первой деревнѣ 4 двора, во второй 5, въ третьей 7, построенныя по обимъ берегамъ рѣки, въ разстояніи отъ Троицкаго Погоста въ 18 чемкосахъ.

Днемъ мы бѣжали парусомъ; но вдругъ налетѣлъ шквалъ и лодку едва-едва не опрокинуло. Чтожъ дѣлать, лучшей лодки построить не умѣли! Сколоченная изъ трехсаженныхъ досокъ, она чрезвычайно узка. Я занимаю мѣсто въ длину 9 чет., дальше поклажа, припасы, и тѣсное помѣщеніе на ночь рабочимъ; а сколько съ нами еще разныхъ необходимыхъ вещей! нѣтъ пустаго угла — все занято; въ самомъ носу лодки котель; въ немъ раскладывается огонь и варится обѣдъ и ужинъ; оснастка лодки порядочная; парусъ — онъ же и палатка — порой помогаетъ намъ.

Въ 5 часовъ вечера поравнялись мы съ деревней Пашней, въ 21 чемкосѣ отъ погоста. Восемь дворовъ этой деревни разбросаны по уступамъ высокой горы, праваго берега Печоры. Мѣстоположеніе деревни Пашни живописно: одни дворы на вершинѣ горы, другіе ниже, иные на краю берега, среди кустарничковъ.

Дальше, въ 26 чемкосахъ отъ погоста, миновали мы небольшое поселеніе Дѣмина, состоящее изъ 3-хъ дворовъ.

13 июля, 10 час. утра.

Ночью проплыли мы мимо большаго селенія Сава-ягъ, или Савиноборскаго, на лѣвомъ берегу Печоры, въ 30 чемкосахъ отъ погоста; въ немъ 35 дворовъ и 200 жителей. Скотоводство у нихъ довольно-большое въ сравненіи съ другими селеніями: 42 лошади, 80 коровъ и мелкаго скота 230 головъ.

Полтора чемкоса ниже, на правомъ берегу стоитъ деревня Перединая или Везинъ; въ ней 23 двора и до 100 душъ жителей.

Около 6 часовъ утра, подплыли къ деревнѣ Кузь-ди-бѣжъ; мы встрѣтили 6 судовъ съ брусьями и точилами; они идутъ на Яццинскую Пристань.

Въ деревнѣ Кузь-ди-бѣжъ 10 домовъ; она на правомъ берегу Печоры въ 34 чемкосахъ отъ погоста.

За нею, на боровой крути праваго берега, стоятъ рядомъ семь домовъ деревни Дуговой, гдѣ хлѣба уже не сѣютъ, за недостаткомъ будто-бы удобныхъ мѣстъ. Здѣсь, на Печорѣ, много острововъ; за ними виднѣются 3 двора деревни Лемты, т. е. Черемуховое Озеро^{*)}. Сегодня ясно; вѣтеръ съ запада; мы на нѣкоторыхъ плесахъ рѣки поднимаемъ парусъ и онъ ускоряетъ ходъ нашей лодки.

3 часа пополудни.

Въ 41 чемкосѣ отъ погоста, на высокомъ правомъ берегу рѣки, видна деревня Лем-ди-бѣжъ, состоящая изъ 6 дворовъ. Противъ нея большой островъ—Лем-ди; за нимъ, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Лемъ, по которой довольно далеко ходятъ на лодкахъ.

Не доплавая около 3 чемкосовъ до большой деревни Подчеремъ, теченіе Печоры направляется съ сѣверо-востоку. Здѣсь, на юго-востокъ, чернѣется довольно-высокій кражъ горъ, называемыхъ Ыджидъ-Парма, т. е. большой лѣсъ или возвышенность. Кражъ этотъ виднѣтъ издалека и лежитъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу; онъ, вѣроятно, составляетъ отрасль уральскихъ возвышенностей, которыя подходятъ къ рѣкѣ Колвѣ. На востогѣ видна вершина одной изъ Уральскихъ Горъ—Вуктыгъ-изъ, изъ которой течетъ рѣка Вуктыгъ и впадаетъ въ Печору. Противъ ея устья стоитъ деревенька Вукты-Лыкал или Вукты-Динъ, а вслѣдъ за нею деревня Подчеремъ, на устьѣ рѣки того же имени, истекающей изъ уральской горы Подчеремъ-изъ; въ деревнѣ 26 домовъ и 125 жителей.

Здѣсь огорчилъ меня одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ случаевъ, которые набѣгая на насъ подобно шквалу, дѣлаютъ глубокое впечатлѣніе: одинъ изъ рабочихъ моихъ былъ убитъ внезапно выстрѣлившимъ ружьемъ. Итакъ, еще въ началѣ моего дальняго пути, одного изъ моихъ товарищей не стало; его оставили въ Подчеремѣ.

^{*)} По-зырянски Лемъ-черемха.

14 июля, 8 час. утра.

Сегодня утромъ мы отправились изъ Подчерема, и проплывъ одинъ часъ, увидѣли впереди высокій мысъ горной возвышенности, покрытый еловымъ лѣсомъ; онъ измѣняетъ теченіе Печоры, которая подлѣ него довольно круто поворачивается къ западу. Этотъ мысъ есть окончаніе вчера видѣнной Бджидъ-Пармы, и называется Эпъ-Кымъсъ-Парма, т. е. Парма Бычачій Лобъ; нѣсколько ниже, за островомъ, на лѣвомъ берегу, находится поселеніе, состоящее изъ одной большой семьи, теперь раздѣлившейся на три дома.

V.

Рѣка Щугоръ. — Брусняточильная Гора. — Права на нее Печорцевъ и Вычегодцевъ. — Разработка камня. — Мѣстоположеніе. — Жизнь тамъ каменоломнѣ. — Точильная Гора на рѣкѣ Воа. — Бѣдность Печорцевъ. — Общій взглядъ на верховья Печоры. — Лѣса — Лѣсные пожары. — Соображенія о вырубкѣ лѣсовъ. — Истребленіе недровъ при сборѣ шпшекъ. — Деревня Оранецъ. — Гора Сабля. — Семья Манчей. — Дер. Кожва; промыслы жителей. — Граница между губерніями Вологодской и Архангельской — Дер. Соколова.

Брусняная Гора 10 часовъ вечера.

Въ 6 вечера приплыли мы къ устью рѣки Щугоръ, одному изъ главнѣйшихъ притоковъ Печоры. Теченіе этой рѣки полагаютъ около 350 верстѣ, если не больше; она вытекаетъ съ Уральского Хребта и впадаетъ въ Печору съ правой стороны. Говорятъ, по Щугору берега очень красивы; она замѣчательна еще необыкновенно-прозрачной водой. Хотя и въ Печорѣ вода очень чиста, но, нѣсколько десятковъ верстѣ подлѣ праваго берега, можно отличить свѣтлыя воды р. Щугора отъ водъ Печоры.

Около версты ниже устья Щугора, на лѣвомъ берегу Печоры, расположена деревня Усть-Щугора; отъ нея до Троицкаго Погоста считаютъ 60, а до Пустозерска 180 чемкосовъ; въ ней 22 двора и 118 человекъ жителей. Въ Подчеремѣ и въ Усть-Щугорѣ хлѣбъ не сѣютъ; рыба составляетъ главный промыселъ жителей; ловить ее они поднимаются въ вершины этихъ рѣкъ, особенно обильныхъ рыбой. Ловъ рыбы производится общиной или компаніей; условливаются человекъ по 40 или 50 и загораживаютъ рѣку заколомъ, въ которомъ становятся морды и начинаютъ неводить съ верховья рѣки: — что не попадетъ въ неводъ, то попадетъ въ морды. Въ прошломъ (1842) году на 50 человекъ раздѣлили одной семги по 18 пудъ.

Нѣсколько ниже деревни Шугора, съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Малая Сопляса; отъ нея начинается хребетъ Брусняной Горы и тянется до рѣки Большой Соплясы и далѣе.

Въ 9 часу приплыли мы къ деревнѣ Усть-Соплясь, въ 4 чемко-сахъ отъ Шугора, состоящей изъ четырехъ дворовъ разбросан-ныхъ на обрывахъ крутаго берега Печоры. Хотя смеркалось, но я немедленно отправился пѣшкомъ къ Брусняной Горѣ, въ 8 верстахъ отъ деревни; въ 11 часу пришелъ сюда.

15 июля, на Печорѣ.

Сегодня рано утроишь ходилъ по работамъ горы, потомъ гото-вилъ письма; ихъ посылаю съ однимъ изъ Брусняниковъ, который завтра отправляется съ грузомъ здѣшнихъ издѣлій.

Въ полдень я поплылъ въ лодкѣ отъ горы по рѣкѣ Соплясь, въ два часа былъ уже у ея устья, въ деревнѣ. Теперь нѣсколько словъ о Брусняно-точильной Горѣ. Изъ Указа 25 января 1748 года, даннаго изъ Яренской Воеводской Канцелярїи, видно, что грамматой Царя Михаила Ѳеодоровича, 7146 года, ломка камня на Печорской Брусняной Горѣ предоставлена обществамъ печорскому и устьнем-скому (мыеддинское, вѣроятно, числилось при семъ послѣднемъ). Въ этомъ Указѣ объяснено, что, по челобитью посольщика отъ ска-занныхъ волостей Митрофана Габова, упомянутою грамматой Царя Михаила Ѳеодоровича, данною Волостямъ Печорской и Устьнем-ской, по челобитью крестьянъ Степана Бульшова и Ивана Гвоз-дева «за маломѣриемъ пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, а паче за недородомъ хлѣба», предоставлены права на ловъ звѣрей и рыбы по рѣкамъ: Вытегдѣ, Мывѣ, Иктылѣ, заволокомъ до Печо-ры и по ней внизъ и въ нее впадающихъ рѣкамъ и озерамъ съ прочими мѣстами, сѣнными покосамъ, рыбными ловлями и брус-нянымъ камнемъ по рѣкѣ Соплясь. Эти права были подтверждены съ увеличеніемъ мѣстностей для промысловъ грамматой Царей Ио-анна и Петра Алексѣевичей, 7198 г. августа 26 дня; а послѣднимъ Указомъ строго воспрещено въ помянутыя мѣста за промыслами ходить всѣмъ волостямъ, лежащимъ по низовью Вытегды и обы-вателямъ Чердынскаго Края, которые, какъ должно полагать, на-чали, во вредъ волостямъ Печорской и Устьнемской, пользоваться ихъ угодыми, особенно когда, въ 1745 году, «воры и разбойники

грамматы, указъ и другіе документы изорвали, а казну ограбили, «оставя изъ Указа только пять лоскутковъ»^{*)}).

Должно полагать, что разработка бруслянаго камня производится на горѣ Сопляса уже очень давно, и также издавна Чердынцы держали эту гору въ арендѣ; потомъ къ нимъ присоединились усть-сысольскіе купцы Сухановы. Въ послѣднее время крестьяне распоряжались работами сами, принимая заповяды отъ Чердынцевъ за ничтожную плату и получая, въ счетъ платы, хлѣбъ за дорогую цѣну. Поэтому вознагражденіе за работу приходилось имъ ничтожное. Съ 1840 года, по распоряженію Палаты Государственныхъ Имуществъ, гора отдана въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, со взносомъ, въ пользу крестьянъ, арендной платы въ первыя шесть лѣтъ по 4,100 руб., а въ послѣднія по 4,350 руб. ассигнаціями; сверхъ того, арендаторы обязались внести въ пользу крестьянъ одновременно по прошествіи 4-хъ лѣтъ 5000 р. ассигн. За выработываемыя точила, съ поставкой на якишскую и виленскую^{**)} пристани опредѣлена цѣна, крупныя по 61, мелкія по 72 коп. асс. за пудъ; брусля шлифованныя, то есть сглаженные — по 65 руб., нешлифованныя по 47 руб. ассигн. за тысячу. Арендаторы обязались выработывать въ первые три года точилъ отъ 30 до 40 т. пудъ и брусель до 80 т. штукъ, а въ послѣдующіе не менѣе 50 пудъ точилъ и 80 т. штукъ брусель; выработано арендаторами въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ точилъ 113 т. пудъ, и брусель 274 т. штукъ; но бѣольшая часть этихъ матеріаловъ еще не про-

^{*)} Въ этомъ Указѣ упоминаются рыболовныя мѣста по Печорѣ, которыми предоставлено пользоваться сказаннымъ волостямъ.

- 1) По большому песку ниже Щугора.
- 2) До Сопляса большой бечевникъ.
- 3) Черепихина, ниже Сопляса.
- 4) Поздиха.
- 5) Поняже оранца черной материгъ.
- 6) Поняже Чердынскаго Острова, на пескахъ.
- 7) Ниже краснаго бора выше Калинова.
- 8) Калиновскій бечевникъ.
- 9) Противу Сопляса.
- 10) Поняже берегъ Сопляса.
- 11) Квтухинской; выше Соивы на бору.

^{**)} Виленская пристань находится на рѣкѣ Мыльѣ, при устьѣ рѣки Виалесъ, отсюда надѣля перевозятъ горами на Вычегду.

дана, по причинѣ значительныхъ заготовленій въ предыдущіе годы. Прежде выработывали въ годъ до 60 и 70 т. пудъ точилъ.

Работы производятся здѣсь слѣдующимъ образомъ: арендаторы обязаны, въ ноябрѣ или декабрѣ, объявить: много ли предполагаютъ выработать точилъ и брусьевъ; крестьяне распределяютъ это количество между собою, заключаютъ условія съ арендаторами и получаютъ задаточныя деньги, или поручаютъ ихъ внести въ Уфздное Казначейство, въ счетъ податей, а потомъ объявляютъ арендаторамъ, много ли имъ нужно будетъ, при производствѣ работъ, муки, крупы, пороху и прочаго, что обязаны заготовить арендаторы. При наступленіи весны крестьяне отправляются на павозкахъ *) и каюкахъ къ Брусяноточильной Горѣ; на нихъ же подрядчики перевозятъ точила и брусья на пристани. Тѣ изъ крестьянъ, которые взяли на себя обязанность доставить точила и брусья, называются подрядчики; эти подрядчики нанимаютъ рабочихъ на своемъ содержаніи. Соразмѣрно количеству запряда, иногда нѣсколько мелкихъ подрядчиковъ складываются на одно судно. По прибытіи на мѣсто, получивъ припасы, начинаютъ разыскивать камень или на прежнихъ ломкахъ, или на новыхъ мѣстахъ. На слояхъ хорошаго точильнаго камня больше сажени земли и камня негоднаго, а въ старыхъ ломкахъ на нѣсколько аршинъ навалено обломковъ отъ работъ въ минувшіе годы.

Отысканіе камня самая — трудная работа; иногда недѣлю, двѣ, даже три, очищаютъ мѣсто и не попадаютъ на хорошій камень; если найдутъ слоистый, то безъ труда ломаютъ плиты и обдѣлываютъ точила; иногда же попадается камень хотя и хорошаго качества, но неслоистый; тогда массы разбиваютъ порохомъ. Просверливъ камень довольно-глубоко, набиваютъ въ отверстіе порохъ, забиваютъ мелкимъ камнемъ и взрываютъ. Иногда и взрывы бываютъ неудачны: вся масса разбивается на части, изъ которыхъ мало выходитъ годныхъ на издѣлія: изъ мелкихъ кусковъ дѣлаютъ брусья. У работающихъ на Брусяноточильной Горѣ есть старое повѣрье: они называютъ точильный камень веръ, т. е. лѣсъ, и ни за что не назовутъ камнемъ, въ убѣжденіи, что это названіе повредитъ всей работѣ — что они не попадутъ на хорошіе слои, или найденный камень будетъ твердъ для работы.

*) Павозки — открытыя плоскодонныя суда; поднимаютъ отъ 300 до 1000 пудъ груза.

Хорошій работникъ, при удачномъ отысканіи камня, можетъ сдать въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ до 150 пудъ точилъ, изъ которыхъ негодныя бракують и ломають. За этимъ наблюдаетъ повѣренный арендаторовъ. Работы оканчиваются въ июлѣ, въ августѣ, а иногда и въ сентябрѣ. Выработанный камень грузится въ павозки на рѣкѣ Соплясь и по ней сплавляется до Печоры. Иногда въ Соплясь мало воды, и тогда перевозъ камня до Печоры бываетъ весьма затруднителенъ, потому-что только съ третью груза едва могутъ вылавить павозки. Оставшіяся издѣлья вывозятъ въ мелкихъ лодкахъ. Разстояніе отъ горы до якутской пристани около 500 верстъ, до виленской, на рѣкѣ Мылъ, почти столько же. Успѣшность хода зависитъ отъ вѣтровъ: при попутныхъ доходятъ въ нѣсколько дней, при противныхъ — идутъ долго. Тамъ издѣлья сдають и расчитываются. Выгодность этого промысла для крестьянина зависитъ: во 1-хъ, отъ количества подряда: чѣмъ больше заодрядъ, тѣмъ больше достанется прибыли на часть каждаго; во 2-хъ, отъ успѣха въ отысканіи камня; но, во всякомъ случаѣ, эта работа для нихъ чрезвычайно-выгодна, потому-что она постоянная. Если заработки и не такъ велики, то арендною платою оканчивается пособіе во взносъ подати.

Мѣстоположеніе Брусляточильной Горы очень красиво. Когда подойдешь къ ней по тропинкѣ отъ деревни Усть-соплясь, то она является довольно-высокимъ хребтомъ, покрытымъ лиственничнымъ лѣсомъ; стройно тянется этотъ лѣсъ къ югу отъ самаго берега рѣки, оканчивающагося отвѣсною скалой. Рѣка Соплясь съ шумомъ прорывается черезъ этотъ горный хребетъ между тѣсными и высокими утесами. На правомъ берегу ея производится добыча точильнаго камня, на низменномъ уступѣ этого берега построены жилища временнаго поселенія, отъ котораго идутъ вверхъ много горныхъ тропинокъ. Жилища эти состоятъ изъ избъ, или, правильнѣе, изъ бревенчатыхъ шалашей; ихъ до 120; они разбросаны безъ порядка на разстояніи двухъ верстъ и построены безъ всякаго удобства, даже безъ печей; пищу варятъ на открытомъ воздухѣ передъ избами. Для прикащиковъ выстроены арендаторами удобный домъ. Рабочихъ здѣсь бываетъ отъ трехъ до шести сотъ человѣкъ, а иногда и болѣе. Сюда приходятъ изъ ближайшихъ деревень женщины, старики и дѣти: кто ищетъ работу — шлифовать

брусья, кто мьтъ бѣлье, шить, торговать калачами и пряниками. Это временное поселеніе живетъ необыкновенно — дѣятельно: здѣсь работаютъ, пируютъ, веселятся, играютъ; вечеромъ вездѣ около огней передъ избами многочленные кружки людей — идутъ толки объ успѣхѣ работъ, раздаются пѣсни, или слышатся рассказы — въ иное время сказка съ прибаутками, въ иное былъ безъ прикрасъ.

Подъемъ на гору довольно-крутъ и заваленъ обломками разбитаго камня; почти на вершинѣ горы стоитъ бѣдная часовня, куда ходятъ молиться и приносятъ въ даръ церкви свои издѣлія каменоломы. Пожертвованныя точила и брусья продаются и обращаются въ церковный доходъ Троицкаго Погоста. Съ вершины горы, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, ясно видны громадныя выси горы Сабля и часть Уральскаго Хребта, который тянется отъ сѣвера къ югу верстахъ въ 80 или 90. На противоположномъ утесѣ рѣки Сопласъ тоже темный лѣсъ и по крутизнамъ вьется тропинка — это путь къ другой точильной горѣ, на рѣкѣ Воѣ; виды отсюда очаровательны, но кругомъ пустыня.

Въ поѣздку мою по Печорѣ, въ 1840 году, бывши на Брусняно-точильной Горѣ, я рѣшился сходить и къ другому краю ея, на берегу Вои. Въ одно прекрасное утро съ двумя проводниками переправившись черезъ рѣку Сопласъ, я поднялся на крутизну высокаго противоположнаго берега. Сначала верстъ пять шли мы борами, потомъ дремучимъ лѣсомъ, потомъ тонкими болотами, гдѣ не было даже тропинки; направленія пути мы искали по затесямъ на деревьяхъ, и только къ полдню пришли къ Воѣ. Точильная Гора на берегахъ Вои невысока; камень хороше и удобно разрабатывается; но сплавъ до Печоры труденъ, потому-что онъ по р. Воѣ возможенъ только во время дождей, поэтому здѣсь не было большихъ работъ, да и тѣ ужъ нѣсколько лѣтъ какъ оставлены. Отъ Сопласа до Вои считаютъ около 18 верстъ, но мы, вдоволь побродивши въ болотахъ, едва притащились поздно вечеромъ къ Сопласѣ и обрадовались, увидѣвъ съ вышины горы, между хижинъ, бивачные огни; до насъ доносился уже веселой говоръ отдыхающихъ работниковъ.

Начало работъ на горѣ есть счастливая эпоха для всѣхъ ближайшихъ деревень въ этомъ краѣ. Зимой у бѣдныхъ жителей Печоры хлѣбъ — рѣдкость; тѣ считаются богатыми, у кого есть корова

и немного муки, для пригнѣся въ кашу — такъ называютъ они кашу, сваренную изъ осинової коры, которую сушатъ, толкутъ, превращаютъ въ крупу и употребляютъ въ пищу.^{*)} Рыба подкрѣпляетъ силы бѣдняковъ, истощаемыхъ такою пищею. За всѣмъ тѣмъ они здоровы: лѣтомъ хлѣбъ покрываетъ ихъ и они запасаются силами на зиму.

Въ 1840 году я обрадовалъ крестьянъ деревни Усть-Сопласа, одолживъ имъ на каждое семейство по кулю муки, которой, вѣроятно, достало имъ съ избыткомъ на 9 мѣсяцевъ, т. е. съ сентября до юня. По прибытіи каменоломовъ на гору Сопласа и по сплаву чердынскихъ барокъ, край оживаетъ: тогда мѣстные жители начинаютъ дакормиться хлѣбомъ, получая его за работу и развѣсивая на рыбу, на молоко, на шкуры звѣрей, и проч.; это лучшее время для нихъ въ году. По рѣкѣ Сопласъ со мною плывъ здѣшній крестьянинъ бѣдный старикъ, у котораго семейство состояло изъ 12 человекъ и старшему изъ его семи сыновей было 13 лѣтъ — какъ же ему такую семью прокормить дорогимъ хлѣбомъ, когда нѣтъ работы въ продолженіе 9 мѣсяцевъ? Всѣ они это время питались кашей, и всѣ были здоровы. Одинъ десятилѣтній мальчикъ особенно обратилъ мое вниманіе: онъ былъ свѣжъ и румянь. «Ну-жеш, спросилъ я, и зимой онъ былъ такъ же здоровъ? — «Нѣтъ, отвѣчалъ печально старикъ, онъ былъ худъ зимой, а теперь на хлѣбѣ поправился».

Крестьяне вѣрнѣе прокормиваютъ здѣсь послѣднюю корову для поупки хлѣба на поправку. У одного изъ прокормившихъ корову Печорцевъ, у котораго семья жила молокомъ этой коровы, я спросилъ: «Какъ же дѣти его останутся безъ молока? Онъ отвѣчалъ: «Будетъ житье, такъ наживемъ корову; а теперь хлѣбъ надо.» — Каша во многихъ деревняхъ по Печорѣ составляетъ необходимую пищу; онъ горекъ, не питателенъ, но поддерживаетъ существованіе бѣдныхъ людей, особенно, когда есть рыба, или хоть немного молока.

Не всѣ, однакожъ, печорскіе крестьяне въ такомъ положеніи; въ нѣкоторыхъ деревняхъ удачно занимаются рыбною ловлей,

^{*)} Въ пищу употребляютъ и березовую кору, содрать съ нея бересту. Нынѣ, по случаю урожая хлѣба, положеніе крестьянъ Печорскаго края нѣсколько улучшилось (1849 года).

какъ въ Подчеронѣ и Щугорѣ; такъ есть достаточные крестьяне, также и въ низовье Печоры до границы Архангельской Губерніи.

Въ населеніи у Брусной Горы я встрѣтилъ мужика съ двумя огромными горбами, съ ногами уродливо-стянутыми; бѣднякъ ползалъ если куда ему нужно двинуться. Въ дѣтствѣ онъ остался сиротой и жилъ у родныхъ; съ ними обходились какъ съ невольникомъ, и однажды столкнули съ полатей, вслѣдствіе чего онъ сталъ уродомъ. Теперь ему 40 лѣтъ; онъ торгуетъ холстинками, дешевыми ситцами; покупателямъ своимъ шьетъ рубахи, трудомъ наживаетъ копейку и ведетъ свою горькую жизнь безбѣдно.

Но Печорѣ живетъ много раскольниковъ. Рассказываютъ, что въ старину нѣсколько семействъ изъ нихъ, укрываясь отъ преслѣдованій, переселились даже на новую землю и Каагуевъ Островъ, гдѣ и поселились на берегахъ рѣки Гусиной; но всѣ погибли отъ суровости климата. Подобныя переселенія въ лѣса Печоры и Вычегды были нерѣдки; они завели сюда расколъ, который удобно распространился между Печорцами. Не разъ въ этихъ лѣсахъ охотники находили небольшія общины, вовсе неизвѣстныя. Еще недавно двое промышленниковъ, бродя по дремучимъ лѣсамъ въ верховья Печоры, попали на едва-замѣтную тропу, которая привела ихъ къ порядочному домику, построенному въ чащѣ кустарниковъ, на берегу маленькой рѣчки. Они удивились, открывъ это пустынное жилище въ мѣстахъ гдѣ, вовсе не ожидали найти человѣческаго жилища. Жители—двое мужчинъ и одна женщина—приняли промышленниковъ ласково, угостили съ радушіемъ, но, отпуская, дали клятву никому не говорить о нихъ.

Лѣтъ за десять до этого происшествія, въ селеніи при Сѣверо-Екатерининскомъ Каналѣ, пропала безъ вѣсти дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати, дочь унтеръ-офицера. Она пошла въ лѣсъ брать ягоды съ своими родителями, отстала отъ нихъ въ лѣсу и исчезла. Всѣ поиски были тщетны. Одни полагали, что она утонула, другіе думали, что лѣпній утащилъ ее; послѣднему предположенію охотникъ вѣрилъ: лѣпній играетъ здѣсь важную роль. Что жъ? въ женщинѣ, обитательницѣ лѣснаго жилища, одинъ изъ промышленниковъ узналъ пропавшую дѣвушку, но поговорить съ нею ему не удалось. Они ушли, замѣтивъ, однакожъ, тропинку. Дѣло скоро огласилось. По распоряженію земскаго начальства, сдѣланъ поискъ и бѣглецовъ

поймали; но женщины уже съ ними не было; оказалось, что это были раскольники.

По словамъ промышленниковъ, пустынники жили въ обилии, сѣяли хлѣбъ, занимались огородничествомъ, скотоводствомъ, и по видимому были въ сношеніяхъ съ другими обществами.

Подобные случаи нерѣдки, частью отъ малолюдья здѣшняго края, но преимущественно отъ обширности прихода. Троицкій Погостъ завѣдываетъ селеніями вверхъ по Печорѣ на значительное пространство и по низовью на 500 вер. Хотя два священника прихода поочередно и посѣщаютъ свою обширную паству, но, конечно, они не въ состояніи постоянно наблюдать въ ней за исполненіемъ христіанскихъ обязанностей. Многіе изъ здѣшнихъ жителей не видали храмовъ Божіихъ, не слышали звона колоколовъ; одинъ только обрядъ вѣчанья заставлялъ ихъ идти къ погосту черезъ сотни версты. Нелишнимъ считаю поговорить о лѣсахъ, которыми такъ богатъ этотъ край.

По примѣрному исчисленію, лѣсовъ въ Устьсѣсольскомъ Уѣздѣ считается 14.982,068 десятинъ. По берегамъ рѣкъ Вытегды, Сысолы и Печоры было много лѣсовъ лиственничныхъ, сосновыхъ и еловыхъ, но едва ли не бѣльшая часть истреблена и истребляется пожарами, и много гибнетъ отъ перестоя и бурелома.

На мѣстахъ прежнихъ дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ почти вездѣ вырастаетъ березнякъ или осиннякъ. Здѣсь не проходитъ года безъ лѣсныхъ пожаровъ; тушить же ихъ нѣтъ никакой возможности, по обширности лѣсовъ и часто по отдаленности отъ поселеній. Пожары часто происходятъ отъ молніи, отъ огня, разлагаемаго звѣроловами, отъ выжиганія новинъ безъ надлежащей предосторожности и т. п. Страшно смотрѣть на хвойный лѣсъ, когда онъ горитъ: пламя волнами хлещетъ отъ одной сосны, или ели, на другую, быстро перебѣгаетъ по хвоѣ, обвиваетъ разомъ смолистую кору деревьевъ и стремится все дальше и дальше, оставиваясь только на рубежѣ лѣса, или сдерживаясь проливнымъ дождемъ. Бываетъ, что пожары продолжаются недѣлю, двѣ и больше. Въ то время дымъ на нѣсколько десятковъ версты, какъ темная туча, заслоняетъ горизонтъ. Съ гибелью лѣсовъ гибнутъ нерѣдко и звѣри, ихъ обитатели. Въ 1841 году было необыкновенно жаркое лѣто и пожары повторялись часто; тогда даже въ Устьсѣсольскѣ, центрѣ населенія этого края, въ продолженіе нѣсколькихъ

дней дымъ до того сгустился, что на небольшомъ разстояніи нельзя было различать предметы. Въ одинъ день (кажется, 30 августа), среди полдня, было такъ темно, какъ въ сумерки; люди едва не задыхались; но пошелъ дождь — и пожаръ погасъ. Можно ли исчислить, сколько истреблено и истребляется лѣсовъ такими пожарами? При обзорѣнн лѣсовъ на Печорѣ и Вычегдѣ часто находилъ я пространные боры съ посохшимъ крупнымъ лѣсомъ; тамъ вѣковыя деревья сгниваютъ безъ употребленія и пепелища зарастаютъ кустарникомъ; несмотря на эти опустошенія, лѣсовъ все еще много, особенно по берегамъ Вычегды, Печоры и рѣкъ, въ нихъ выпадающихъ. Вотъ нѣсколько собранныхъ мною свѣдѣній объ лѣсахъ Печоры.

На берегахъ Печоры, близъ рѣки, хорошихъ лѣсовъ мало, но нѣсколько въ отдаленіи встрѣчаются отличные боры. По рѣкѣ Лягѣ, выпадающей съ правой стороны, много лиственничныхъ лѣсовъ, и длинная гряда лѣсовъ называемыхъ лага-ляг^{*)}, которые тянутся и по правому берегу рѣки Ильдзя, до рѣчки Мортъ-юръ (человѣческая голова), отходя иногда отъ рѣчки верстъ на пять. Протяженіе этихъ боровъ полагаютъ больше чѣмъ на сто верстъ. По лѣвому берегу рѣки Ильдзя тоже есть хорошіе сосновые и лиственничные лѣса, пересѣкаемые болотами и рѣчками: Полюю, Челачемъ и рѣкою Когилемъ.

Въ бору, начинающемся въ 30 верстахъ отъ устья Ильдзя, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега и по рѣкѣ Когилю, выпадающей съ правой стороны, есть отлично-хорошій лѣсъ и вообще по этой рѣкѣ и нѣкоторымъ изъ ея притоковъ много нетронутыхъ роцъ, лиственничныхъ и сосновыхъ лѣсовъ. Въ верховьяхъ Ильдзя начинается Большая Парма, въ которой лѣсъ больше кедровый, частью еловый со смѣсью лиственничнаго.

Вверхъ по Печорѣ есть также отличныя сосновыя роцця, мѣстами не толстаго, но очень длинностволаго лѣса, въ которомъ есть деревья до 13 и 14 сажень вышины. Большіе непрерывные боры и лиственничныя роцця хорошо сохранились противъ острова Вранди и около якинской пристани. Ниже Троицкаго Погоста, говорятъ, есть большой кражъ боровой возвышенности, покрытой хорошими лѣсами, которая тянется по правому берегу около сотни

*) Боръ по-зырянски называютъ лягъ.

версты, но нигдѣ не подходитъ къ рѣкѣ ближе 3 и даже 5 версты: эта возвышенность называется хребетъ Ягъ.

Въ верховьѣ Печоры, по берегамъ нѣкоторыхъ изъ ея истоковъ, еще сохранились лѣса, особенно по рѣкѣ Волосяницѣ.

По рѣкѣ Велъ большіе боры истреблены пожарами и сохранились только мѣстами лиственничные лѣса, въ которыхъ есть немало хорошихъ деревьевъ; особенно въ верховьѣ этой рѣки находятсѣ крушныя лиственницы. Здѣсь производилось заготовленіе лѣсовъ для архангельскаго порта.

Лиственничные лѣса, заготовляемые прежде для архангельскаго порта на Печорѣ, сплавали до устья Мышмы и по ней поднимали въ плотахъ до устья рѣки Иктыгъ; иногда же перевозили ихъ отъ Троицкаго Погоста на Вытегду гужомъ, черезъ волокъ въ 65 версты. Поставка по обоимъ путямъ шла чрезвычайно-медленно и обходилась дорого, а потому прекращена. И теперь въ Мыдвинскомъ Погостѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чердынскаго Уѣзда лежатъ большіе мѣрныя лиственничныя деревья, заготовленные нѣкогда для архангельскаго порта. Этими неудачными заготовленіями, да постройкою небольшого числа промышленныхъ барокъ, ограничивалась и доселѣ ограничивается здѣшняя лѣсная промышленность. Лѣса гибнутъ безъ употребленія, а между-тѣмъ какой богатый матеріалъ заключается въ нихъ для доходовъ края, государства и казны, если бы здѣсь водворилась лѣсная промышленность, для отпуска лѣса за границу, но промышленность, подчиненная контролю и соединенная съ правильнымъ пользованіемъ, дабы не истощить богатства запаснаго вѣками! Тогда уменьшились бы и пожары, потому-что усилались бы средства для сбереженія лѣсовъ; а при отпускѣ заграничномъ, изъ опустошенныхъ пожарами боровъ лѣсы годились бы для вырубкы и распиловкы въ продолженіе трехъ лѣтъ, слѣдовательно промышленность сберегла бы, что можно, даже изъ оборѣванныхъ лѣсовъ, доставя пользу краю и государству.

Въ лѣсахъ Устьсыольскаго и Мезенскаго Уѣздовъ считается, по описаніямъ, до 36 милліоновъ десятинъ; но положимъ, что оказалось бы всего только сотая часть, т. е. 360 т. десятинъ хорошихъ лѣсовъ въ мѣстахъ, доступныхъ для вырубкы и сплава. Раздѣля вырубку этихъ 360 т. дѣсятинъ на 50 лѣтъ, въ которыхъ можетъ подрасти молодой лѣсъ, и предоставляя на вырубку 7,200 десятинъ въ годъ, съ тѣмъ, что на каждый вырублено будетъ по

50 деревъ, изъ которыхъ было бы годныхъ для приготовленія досокъ 100 бревенъ, то и тогда отпускъ лѣсовъ можно бы довести до 700 т. бревенъ. Заготовленіе и сплавъ ихъ доставили бы много выгоды бѣднымъ обитателямъ этого края, а съ этимъ выгѣстъ здѣсь развились бы и другіе промыслы.

Если же — и что всего вѣроятнѣе — лѣсовъ годныхъ откроется изъ 36 милліоновъ десятинъ пятидесятая часть, т. е. 720 т. десятинъ, то какія огромныя выгоды представляетъ этотъ, теперь дикій край, на пользованіе въ будущемъ, и сколько источниковъ доходовъ можетъ быть открыто въ немъ, когда проникнетъ сюда промышленность, когда проложитъ она пути свои черезъ болотныя дебри и откроетъ плаваніе по широкимъ рѣкамъ этихъ пустынь!

Солнце уже закатилось, съ сѣвера дуетъ холодный и противный вѣтеръ и мы по теченію рѣки тянемся бечевой.

Въ семь часовъ прошли мимо устья рѣки Вои; она въ трехъ чехмосахъ отъ Сомяса; въ деревнѣ, при ея устьѣ, нѣсколько домовъ.

Здѣсь по берегу мало кедровъ, но въ 10 и 15 верстахъ, говорятъ, есть большіе кедровые лѣса; вѣроятно, ближайшіе лѣса уже истреблены при сборѣ шишекъ. Кстати о кедрахъ. Я слышалъ на горѣ, что рабочіе стараются скорѣе окончить свои подряды и спѣшатъ домой, чтобъ воспользоваться добычею кедровыхъ шишекъ: носятъ слухи, что урожай ихъ хорошъ. Объ истребленіи кедровыхъ лѣсовъ, при сборѣ съ нихъ плода, я рассказывалъ въ статьѣ о поѣздкѣ моей на Печору въ 1840 году. Въ минувшемъ 1842 году былъ превосходный урожай кедровыхъ шишекъ, и сборъ ихъ до того былъ удаченъ, что нѣкоторые набрали до 20 т. шишекъ; съ тысячи выбиваютъ около пуда орѣховъ. Орѣхи продавали довольно-высокой цѣной, отъ 2 до 2 руб. 30 коп. сер. за пудъ, а потому многіе выручили порядкомъ суммы. Конечно, въ здѣшнихъ пустынныхъ лѣсахъ надзоръ за цѣлостью лѣсовъ труденъ; однакожъ, воспрещеніе вырубки кедровъ для сбора шишекъ, вѣроятно, ограничило бы хотя нѣсколько ежегодное истребленіе нѣсколькихъ тысячъ деревьевъ. Въ Сибирѣ собирается тысячи пудъ кедровыхъ орѣховъ, однакожъ деревья для этого не рубятъ. Мыъ рассказывали, что, послѣ богатыхъ урожаевъ въ концѣ минувшаго столѣтія, въ нѣсколько лѣтъ такъ истребили кедровые лѣса, что потомъ много годовъ не было шишекъ. Это весьма естественно:

когда вырублены лучшія плодовые деревья, то на чемъ же родиться кашкамъ?

Выше я говорилъ о прозрачности воды въ р. Щугорѣ, которая долго не смѣшивается съ водою Печоры. Вотъ ужъ 40 верстъ отплыли мы отъ устья Щугора, а все еще свѣтлая вода ея довольно-рѣзко отдѣляется отъ водъ Печоры.

Въ шести чемкосахъ отъ Сошляса миновали мы устье р. Березовки, впавшей въ Печору съ правой стороны. Острововъ давно ужъ нѣтъ; рѣка глубока; теченіе ея довольно-тихо.

Оранецъ, 4 ч. утра, 16 июля.

Около полночи мы проплыли мимо большой деревни—Позорихи, на лѣвомъ берегу Печоры; въ ней 24 дома; она отъ устья Щугора въ 12 чемкосахъ. По-утру миновали новое поселеніе Борись-ди-Костъ, состоящее изъ 4 домовъ, на правомъ берегу Печоры; потомъ проплыли мимо устья рѣки Верхней; она течетъ изъ горы Сабля. Недавно мы приплыли сюда. Я сижу на берегу Печоры и люблюсь окрестностями: передо мной чудная картина! И сѣверная природа имѣетъ свои красоты, достойныя кисти художника. Вотъ широкая свѣтлая рѣка, окаймленная мѣстами густымъ боромъ, мѣстами—зелеными лугами; направо выдается въ рѣку крутой мысъ, покрытый высокими соснами; подлѣ него вливается въ Печору рѣчка Оранецъ; вдали за рѣкой нѣсколько-низменныхъ острововъ, дальше—темный лѣсъ пустыни; налѣво, надъ холмами, покрытыми лѣсомъ, возвышается гора Сабля, за ней къ югу тянется темной полосой Уральскій Хребетъ и терлется въ синей дали; за мной, по косоугроу високаго берега, разбросаны до 20 хижинъ деревни Оранца; нѣсколько коровъ ходятъ между кустами; на берегу нѣсколько рыбацкихъ лодокъ; въ рѣкѣ рыбаковы закидываютъ неводъ. Картина эта мѣстами освѣщена, прорывающимися сквозь тучи, утренними лучами солнца; они падаютъ на снѣжные сугробы, покрывающіе крутизну горы Сабля и отражаются въ зеркальной поверхности Печоры.

Изъ Оранца зимой ѣздятъ на оленяхъ въ Зауралье за хлѣбомъ, переѣзжаютъ черезъ Саблю по южной ея оконечности, потомъ переваливаются черезъ Уральскій Хребетъ и въ нѣсколько дней доѣзжаютъ до первыхъ селеній.

Привозимый оттуда хлебъ всегда обходится дешевле чердынского, но немногіе имѣютъ средства предпринимать такую поѣзду.

Деревня Концеборская. 8 часовъ утра.

Мы теперь гостимъ здѣсь у одного изъ крестьянъ, торговцовъ печорскихъ, Прокопья; онъ поселился здѣсь съ своими зятьями и живетъ на привольѣ; его поселеніе состоитъ изъ 4 домовъ,

Деревня Красноборская. 7 часовъ вечера.

Сегодня совершенно тихо; плывемъ между низкими и песчаными островами; здѣсь много отмелей, и для незнающихъ мѣстности плаваніе довольно-трудно. Печора очень широка.

Медленно отдаляемся отъ горы Сабля; теперь она отъ насъ на восточномъ горизонтѣ. Облака разсѣялись; завѣсы, скрывавшей вершины этого исполина-края не стало, и мы цѣлый день смотримъ на него. Солнце, склоняясь отъ полудня къ западу, измѣнилъ направленіе лучей, измѣняло и цвѣтъ и тѣни горы; передъ нами безпрестанно являлись новыя картины. Теперь цѣнь Урала свѣтѣтъ, какъ дальнее облако, и Сабля одиноко стоитъ на горизонтѣ, какъ дымный замокъ исполиновъ. Фантазія ли создавала, или въ самомъ дѣлѣ казалось такъ, но мы видѣли, что-то похожее на колоссальныя башни со шпицами, на массивныя колоннады, поддерживающія громадные своды. Можетъ быть, эти картины рисовались лучами солнца, которое сіяло чуднымъ блескомъ и, бросая тѣнь и свѣтъ на отдѣльные камни и на долины снѣга, чаровало насъ. Глядя на красоты природы и не наглядываясь.

Говорятъ, гора Сабля тянется на двадцать пять верстъ, мѣстами не шире 3-хъ и 4-хъ верстъ. Не потому ли она и названа Саблей, что длиннымъ, узкимъ, нѣсколько-загнутымъ хребтомъ лежитъ отдаленно отъ Урала? Есть повѣрье, что, при восхожденіи на эту гору, отъ звуковъ человѣческаго голоса поднимается вихрь, гибельный для путешественниковъ; поэтому здѣшніе жители, переходятъ черезъ нее въ совершенномъ безмолвіи.

Въ шести чемкосахъ отъ Оранца, на лѣвомъ берегу Печоры, есть лѣтнее жильё рыбакова Федора; съ весны удаляется онъ въ это уединеніе и возвращается домой уже въ глубокую осень. Изба

его на довольно-высокой крутизнѣ, среди кустарничковъ; трудно было бы найти ее, если бы свѣти и другія орудія его промысла не указывали, что тутъ не пустырь, а пріютъ рыболова. Я былъ у старика; онъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ свѣжей рыбы подарить намъ; ловъ семги еще не начинался. У здѣшнихъ рыболововъ есть обычай дарить проѣзжихъ рыбой. Несмотря на то, что Федору уже за 60 лѣтъ, онъ свѣжъ, здоровъ, дѣтеленъ, какъ человекъ, только достигшій лучшей поры жизни. Съ нимъ живетъ дѣвочка лѣтъ семи; я далъ ей сахару, ему—водки; оба были очень довольны и мы расстались друзьями.

Теперь мы у деревни Красный Боръ, послѣдней въ Устьсы-
сомскомъ Уѣздѣ. Она справедливо названа этимъ именемъ, будучи
окружена красивымъ, высокимъ боромъ лѣваго берега Печоры,
близъ оконечности мыса, при заворотѣ теченія ея къ западу; жаль,
что семь бѣдныхъ жилищъ не соотвѣтствуютъ красотѣ мѣстопо-
ложенія. Во всей деревнѣ не нашли мы пердочнаго молока, а между-
тѣмъ кругомъ превосходныя пастбища; на островахъ трава въ два
аршина; приготовленіе сѣна не потребовало бы большихъ усилій;
скотскіе падежи сюда не заходятъ, а скота мало. Съ постоянными
недостатками, не привилась ли къ характеру жителей беззабот-
ность, лѣность? вначѣ какъ же не пользоваться бы сколько-
нибудь выгодами мѣстности? Здѣсь мы настигли шестерыхъ Чер-
дынцевъ; они плывутъ на встрѣчу Каюковъ, которые идутъ отъ
устья Печоры съ рыбой. Плата за работу на судахъ съ устья
до Якши 50 руб. ассигнаціями, а время работы длится иногда мѣ-
сяца три и больше.

Печора повсюду прекрасно-судоходна; есть, правда, мелкія, низ-
менные острова, но, въ сравненіи съ мелкими Вычегды и Двины и
даже Волги, она несравненно удобнѣе для сплава судовъ. Проник-
нетъ ли сюда когда-нибудь цивилизація? думалъ я часто. Не ужели
эта большая рѣка, пересѣкающая площадь на двѣ тысячи верстъ,
останется еще надолго въ такомъ бездѣйственномъ положеніи,
какъ теперь? Повсюду на Руси промышленность болѣе или ме-
нѣе развиваетъ природныя богатства, повсюду трудъ, движеніе,
дѣятельность и почти вездѣ съ ними объ-рѣбу проникаютъ благо-
состояніе, довольство, просвѣщеніе; здѣсь же видна только дѣя-
тельность природы, здѣсь кругомъ пустыня. Какая польза была
бы для бѣдныхъ жителей края, еслибъ на берегахъ Печоры осно-

залась торговая фактория съ предприимчивостью и капиталомъ! Получая огромныя выгоды отъ предпріятія, она ожидала бы край — и тогда о печальномъ бѣломъ осталось бы одно грустное преданіе. Пожелаемъ, чтобы это совершилось.

Деревня Соколова, 17 июля 8 часовъ утра

Сегодня дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ; съ сѣверозапада нашла дождевая туча; погода словно осенью; она тѣмъ не пріятнѣе, что не плывемъ внизъ по теченію, а танемся бечевой.

Зато вчера былъ чудесный вечеръ; порой вѣтерокъ надувалъ парусъ и лодка быстро неслась по гладкой поверхности рѣки. Разнообразныя виды береговъ отражались въ ней какъ въ зеркалѣ; дѣтъ, три вершинны горы Сабли едва видѣлись вдали на горизонтѣ, верста за сто отъ насъ; въ сторонѣ, на берегу, въ тѣни кустарниковъ мелькалъ огонекъ и дымъ застилаг часть берега. Мы повернули къ незнакомому бивалу и скоро увидѣли берестяную юрту или чумъ и толпившихся около огня бѣдныхъ его обитателей. «Откуда взялся тутъ Ёгра? видно, пришелъ изъ-за камня хлѣбъ искать», сказалъ одинъ изъ проводниковъ монхъ, когда мы водились на крутой, обрывистый берегъ и по тропинкѣ подходили къ кочевому жилью; собаки зачули приближеніе чужихъ и сердитый лай ихъ смутилъ тишину вечера; старый Манча встрѣтилъ насъ привѣтливо; мы кое-какъ объяснились по-зырянски. Это была семья зауральскихъ Остяковъ; сами себя они называютъ Манчами; Зыряне же называютъ ихъ Ёграми. Все богатство этого Остяка, Манча или Ёгра, заключалось въ чумѣ, или кругломъ шалаши, крытомъ дѣтомъ берестомъ, а зимою оленьими кожами, и въ нѣсколькихъ оленяхъ. У богатыхъ Остяковъ и Самоѣдовъ чумы или, по-самоѣдски, мяманы, укрываются двойными оленьими кожами и внутри выстилаются или цыпошками изъ разныхъ растений, или тѣми же кожами; такое жильё немного хуже киргизскихъ кибитокъ, съ тою только разницею, что послѣднія выше и просторнѣе. Чумъ Остяка представлялъ бѣдное кочевое жильё, да и самъ онъ едва прикрывался лохмотьями малицы; на загорѣлыхъ ногахъ не было обуви; длинныя, черныя волосы, до которыхъ никогда не касался гребень, прядями висѣли до плечъ; ему было около 50 лѣтъ, но нужда и, вѣроятно, голодъ избороздили плоское и желтое лицо бѣд-

няка. Подлѣ него лежалъ у огня полунагой мальчикъ; двое дѣтей выглядывали изъ-за рѣдины, которою завѣшенъ былъ входъ въ чумъ (жена и дочь ушли работать въ деревню); два оленя съ теленками паслись въ сторонѣ за дымомъ, отгонявшимъ комаровъ. Тутъ были всѣ радости, все богатство стараго Манчи, для котораго хлѣбъ — рѣдкость. Сегодня у него варился сытный ужинъ изъ терева; но что будетъ завтра, что будетъ зимой, когда завернетъ морозъ въ 40 градусовъ, или мятелица занесетъ всѣ лѣсныя травы, когда и звѣрь съ трудомъ защищается отъ холода въ этой пустынной сторонѣ?

Манча давно окрещенъ; христіанское имя его Дмитрій, но онъ держится и своихъ родовыхъ обычаевъ. Лѣтомъ онъ ловитъ рыбу въ Печорѣ, ловитъ тетеревей, рябчиковъ; жена ходитъ на работу въ деревни; зимой онъ живетъ въ землянкѣ на правомъ берегу. Когда Ижемцы съ стадами оленей прикочевываютъ на лѣвый берегъ Печоры, то житье бѣдной семьи становится лучше: они помогаютъ ей скудной милостыней; и когда, на ихъ счастье, изъ многочисленныхъ стадъ Ижемцевъ останется большой олень, то существованіе семьи хоть ненадолго обезпечено. Назадъ тому около десяти лѣтъ (въ точности онъ не помнитъ); въ отчизнѣ его, на берегахъ Оби, свирѣпствовала ужасная болѣзнь и истребляла цѣлыя семьи. Это побудило его оставить родной край и откочевать черезъ Уралъ къ берегамъ Печоры. Я далъ дѣтямъ по куску сахару, а ему — чарку водки и немного хлѣба; онъ былъ счастливъ и безпрестанно повторялъ, провожая меня до лодки: «а тѣ кучемъ буръ езь!» (Ахъ, какіе добрые люди!), желалъ намъ всевозможнаго счастья и долго стоялъ на берегу, пока сумракъ вечера и даль не скрыли его отъ насъ.

Мнѣ рассказывали, что въ прошломъ (1842) году Манчи зауральскіе пообидѣли промышленниковъ на звѣриномъ промыслѣ; говорятъ, это и прежде случалось. Бываетъ, что промышленники платятъ кочевымъ племенамъ за Ураломъ, въ родѣ оброка, свинцомъ и порохомъ за право промышлять въ ихъ лѣсахъ. Порой бываютъ и драки и наслія; не встрѣчу ли гдѣ-нибудь и я этихъ властителей пустыни?

Проплывши версты четыре отъ чума Манчи, мы пристали къ лѣвому берегу, и я пошелъ глѣшкомъ въ деревню Кожву. Мнѣ нужно было найти бывалаго проводника на Усу. Эта деревня хотя и

подлѣ рѣки, но за островами, и не всегда можно плыть по мелко-водному протоку Печоры, на берегу котораго лежитъ она. Была полночь, когда я пришелъ въ деревню. Здѣсь уже Архангельская Губернія, и это селеніе принадлежитъ къ Ижемской Волости Мезенскаго Уѣзда. Я остановился у богатаго крестьянина Силы Артѣва, хорошаго рыболова и оленевода; у него порядочный домъ, состоящій изъ нѣсколькихъ горницъ съ большими окнами. Здѣсь начинается другой край. Построеніе домовъ, чистота въ нихъ, большія свѣтлыя окна, довольно-крупный домашній скотъ, много рыбныхъ бочекъ около избъ — даютъ понятіе о привольѣ, о значительномъ рыбномъ промыслѣ и что осиновоіи качъ едва ли здѣсь въ употребленіи.

Сила Артѣвъ, дородный крестьянинъ, вышелъ ко мнѣ въ ситцевой узорчатой рубахѣ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на ночныхъ пришельцовъ; лѣтомъ въ эту сторону немногіе заворачиваютъ; какъ же удивленъ былъ онъ, узнавъ, что я не больше какъ мѣсяцъ выѣхалъ изъ С. Петербурга! Пространство отдѣляющее его родину отъ столицы, казалось ему такъ велико, что для переѣзда его нужно много—мѣсяцевъ, можетъ быть, даже годъ. Онъ до того занятъ былъ этою мыслью, что часто не отвѣчалъ на мои вопросы и предлагалъ мнѣ свои. «Все ли благополучно въ Россіи? Что тамъ дѣлается? Здравствуетъ ли Великій Государь и Его семейство? Нѣтъ ли какихъ войнъ съ врагами-супостатами; не дерутся ли они между собой, окаянныя? Каковъ городъ Питеръ? долго ли я живу тамъ? видалъ ли я тамъ православнаго Царя? Какъ скоро ѣхалъ я и черезъ какія мѣста? зачѣмъ плыву по Печорѣ?» и много тому подобныхъ вопросовъ. Разумѣется, я отвѣчалъ сколько можно короче, дѣлая свои вопросы, и вотъ что узналъ. Жители Кожвы занимаются рыбною ловлею по рѣкамъ Сыиѣ и Косьѣ по большимъ притокамъ Усы и по рѣкѣ Кожвѣ, впадающей въ Печору, близъ ихъ деревни. Сыиѣ имѣетъ теченіе до 300 верстъ и начинается изъ-за горы Сабля; рѣка же Косья больше Сыиѣ и течетъ до 400 верстъ, впадая выше устья Усы въ 250 верстахъ. Обѣ рѣки чрезвычайно свѣтловодны, особенно одна рѣчка, впадающая въ Косью, въ которой видны камни на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Во всѣ эти горныя рѣки много поднимается семги, и Кожвинцы отправляются туда для лова въ іюнѣ и возвращаются въ концѣ іюля и въ августѣ; рыбы привозятъ иногда до

50 пудъ на человѣка; всей же семги въ уловный годъ продають до 2,000 пудъ; кромѣ того, много ловятъ сигаговъ и другой рыбы*). Кожвинцы, поднимаясь по рѣкѣ Сынѣ до горы Сабля, въ хорошую погоду зажигаютъ на горѣ огни; дымъ бываетъ видѣнъ въ Кожвѣ и служитъ знакомъ благополучнаго прибытія къ мѣсту и удачной ловли. Этого добраго знака съ нетерпѣніемъ ждутъ на родинѣ. Сила недавно возвратился съ рѣки Кожвы; по ней поднимаются лодками до 300 верстъ; онъ привезъ до 20 пудъ сигаговъ. На Печорѣ у Кожвинцевъ тоже богатые тони. Много было спору за нихъ съ краснорборскими крестьянами: тѣ и другіе признають ихъ своими. По мнѣнію однихъ, тони находятся въ Вологодской губерніи, по мнѣнію другихъ въ Архангельской, потому каждая сторона считаетъ законными свои права. Говорятъ, на тонахъ бывали драки, и это ведется изстари. Хотя Сила тоже Зырянинъ, но о Зырянахъ верховыхъ относится дурно, какъ о людяхъ совершенно другаго племени, называя ихъ безсовѣстными, безнравственными. Въ Кожвѣ хлѣба не сѣютъ. Сила говоритъ, что онъ начиналъ сѣять ячмень, но онъ не доходилъ, то есть не дозрѣвалъ. Да и для чего имъ хлѣбопашество, когда рыбные промыслы и олени доставляютъ доброе вознагражденіе за трудъ, какое поселянинъ въ южныхъ губерніяхъ отъ плодоносѣйшей земли едва ли получить? Есть предметы мѣны — есть и хлѣбъ и все, что нужно.

Отъ Оранца до Кожвы 60 верстъ, а до Ижмы водой больше 400 верстъ, зимнимъ же путемъ около 180 верстъ. Сила бывалъ тамъ и говоритъ, что Ижма настоящій городъ. Впрочемъ, понятія его о городахъ могутъ быть несовсѣмъ вѣрны; онъ не видалъ даже своего уѣзднаго города Мезени, а Мезень едва ли чѣмъ отличается отъ порядочнаго села.

Деревня Кожва расположена на красивомъ лѣвомъ берегу Печоры, за которой начинаются широкія болота и тянутся до самой Усы; въ деревнѣ 24 двора и до 150 жителей. Здѣсь изстари ведется обычай принимать проѣзжихъ, сколько бы ихъ ни было, не

*) По Косью и Сынѣ ловится лоховина. Думаютъ, и весьма основательно, что лоховина та же семга подымавшаяся въ верховья рѣчекъ и искудавшая въ пути, а потому становится не такъ жирна, и блѣднѣе мясомъ.

требуя ни за что платы. На основании этого правила, Сила угощал насъ съ привѣтливостью и добродушіемъ. Въ Кожвѣ говорятъ позырянски, но другимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ всѣми Ижемцами; произношеніе ихъ мягче и при окончаніи рѣчи они повышаютъ голосъ; нарѣчіе Вычегжанъ самое грубое изъ нарѣчій зырянскихъ.

Я нанималъ проводниковъ на Усу; но изъ Кожвинцевъ никто не бывалъ въ верховья этой пустынной рѣки. По словамъ хозяина, я найду бывалыхъ въ Усть-Усѣ или въ Колвинскомъ Погостѣ.

Въ 3 часа по полуночи я простился съ радушнымъ Печорцемъ. Была совершенная тишина; около лѣса, гдѣ стояла мая лодка, туча комаровъ наполнила воздухъ. Товарищи мои были рады моему приходу, чтобъ скорѣе пуститься въ путь; они не заснули ни на минуту; ни курево, ни укрыванье, ничто не помогало: комары тянули свою заунывную немолчную пѣсню и жалили, пробираясь подъ накомарники. Скоро подулъ вѣтеръ и избавилъ насъ отъ нихъ. Но вѣтеръ усмился, мы съ трудомъ плыли и только къ 7 часамъ утра добрались до деревни Соколовой, въ 20 верстахъ отъ Кожвы. Въ ней семь дворовъ; она расположена на высокомъ лѣвомъ берегу Печоры. Назадъ тому лѣтъ 70, промотавшійся писарь села Устьцыльмы, Соколовъ, первый поселился здѣсь, и вотъ явилось уже цѣлое поселеніе изъ его потомства, которое занимается рыбнымъ промысломъ, и въ иной годъ продаетъ семги до 400 пудъ; только одинъ изъ Соколовыхъ имѣетъ въ тундрѣ до 300 оленей.

Нѣсколько выше деревни, съ правой стороны, впадаетъ въ Печору рѣчка Лохань; она течетъ изъ болотъ зарѣчныхъ. Нѣсколько ниже, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Лиственичная, получившая это названіе отъ лиственичныхъ лѣсовъ, растущихъ по ея берегамъ. Далѣе впадаютъ изъ тундры съ правой стороны двѣ порядочныя рѣчки—Вятки, которыхъ устья недалеко одно отъ другаго. Въ 40 верстахъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Печору рѣка Лыжа, которая имѣетъ значительное теченіе; при ея устьѣ деревня Усть-Лыжская; въ ней небольше пяти или шести домовъ.

Здѣсь Печора течетъ между островами, изъ которыхъ нѣкоторые до 10 верстъ въ длину. На нихъ приволье для скотоводства: накосить 40 копенъ травы ни почемъ; это дѣлается въ одинъ день,

или, какъ говорятъ здѣсь, въ одинъ уповодъ, а 40 копенъ сѣна достаточно, чтобъ въ продолженіе зимы прокормить одну корову.

17 юнн, 7 ч. вечера.

Цѣлый день вѣтеръ наносилъ тучи; слышанъ былъ въ сторонѣ громъ, но дожда не было. Мѣстами мы бѣжали парусомъ; теперь тянемся противъ вѣтра бечевою, вдоль крутаго, высокаго лѣваго берега, въ которому подошли, не доплывя устья рѣки Лыжи; деревню видѣли издали; она осталась за островами. Отъ Лыжи, около 5 верстъ, въ одномъ мѣстѣ отъ береговой скалы оторвало, вѣроятно льдомъ, порядочную глыбу песчаника; часть этой глыбы лежитъ въ рѣкѣ, и водой такъ округлило ее, что она совершенно похожа на опрокинутый котель огромнаго размѣра. Въ другомъ мѣстѣ, на вершинѣ глинистой крутизны, обмытой ручьями, имѣющей видъ узкой пирамиды, стоятъ двѣ большія красивыя лиственни, выросшія отъ одного корня; эти братья лиственни, вѣроятно, уже не одно столѣтіе красуются на этомъ мысу и воюютъ съ бурями и непогодами полярнаго края. Мѣсто очень красиво, а потому у корня ихъ поставленъ капканъ. Дорога, по которой ставятъ такіе капканы, называется чесь-туй. Тетерева любятъ такіа мѣста, а ловцы пользуются ихъ привычкой смотрѣть на окрестности съ высокаго берега Печоры; и я думаю, уже много бѣдныхъ пернатыхъ положили свои головы у корня вѣковыхъ братьевъ-лиственней.

Вечеромъ мы встрѣтили 3 лодки кожвинскихъ рыболововъ, на обратномъ пути съ рѣки Сыни; ловъ ихъ былъ удаченъ: они везутъ по 18 пудъ лоховины на пай; обыкновенная цѣна ея по 5 рублей за пудъ, слѣдовательно, каждый наловилъ рыбы на 90 р. ас.

VI.

Деревня Усть-Усывская. — Промыслы. — Гостеріиство. — Печора и Уса. — Колва. — Колвинскій Погостъ. — Г. Кастренъ. — Колвинскіе священники. — Начало погоста. — Мезенскіе Самоѣды; Происхожденіе ихъ; Число; языческія вѣрованія Самоѣдовъ; обряды; жрецы; принятіе христіанской религіи; промышленность. — Большеземельская Тундра. — Тиманская Тундра. — Канинская Тундра. — Права Самоѣдовъ на тундру. — Преобладаніе Ижемцовъ въ тундрѣ. — Положеніе Колвинскаго Погоста. — Ловъ гусей. — Губа Хайпудырская.

Деревня Усть-Уса, за полночь.

Вечеромъ вѣтеръ усилился; часу въ 11 нашла туча, было много дождя и мы остановились на полчаса у берега; долго раздавался громъ и молнія ярко блистала во мракѣ ночи. Когда стало тише, мы опять поплыли, хотя плыть противъ вѣтра работа была не легкая; но надобно было добраться до деревни на устьѣ Усы, гдѣ мы теперь, чтобъ отдохнуть покойнѣе. Долго тянулось время въ темнотѣ, но наконецъ съ радостью увидѣли мы вдали высокій мысъ праваго берега Печоры, у котораго впадаетъ Уса; при порядочномъ волненіи переѣхали эту широкую рѣку и добрались до жилья.

Въ эти сутки, при противномъ вѣтрѣ, мы проплыли едва ли не болѣе 100 верстѣ. Какъ пріятно отдохнуть въ теплой и чистой избѣ, на мягкой постелѣ изъ соломы и оленьихъ кожъ послѣ тяжелаго пути и тогда, какъ бушуетъ буря и льетъ дождь! Воспоминаніе о мнѣйшей невзгодѣ и трудѣ еще болѣе увеличиваетъ наслажденіе отдыха. Насъ принялъ радушно крестьянинъ деревни Теофанъ Даниловъ; онъ, какъ говорится въ сказкѣ, насъ накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Въ лодкѣ на рѣкѣ Усь, 18 іюля 6 ч. пополудни.

Въ 10 часовъ утра, сегодня я простился съ моими новыми знакомцами усть-усинскими и отправился по Усѣ вверхъ.

11 домовъ деревни Усть-Усы расположены на уступѣ горы, на правомъ берегу Усы, въ полуверстѣ отъ ея устья. По крутизнѣ, обращенной на полдень, позади домовъ, лежитъ нѣсколько десятинъ обработанной земли, на которой сѣютъ немного ячменя и иногда рожь. Теофанъ сказывалъ мнѣ, что однажды пудъ посѣянной ржи далъ ему 24 пуда, а 10 пудъ ячменя — 65 пудъ. Такіе урожаи, хотя они и рѣдки, при дороговизнѣ хлѣба, могли бы заохотить здѣшнихъ жителей заниматься хлѣбопашествомъ; но бѣда въ томъ, что мало удобной земля: по горѣ, почти отъ самаго берега, начинаются болота. Правда, не трудно былобы осушить ихъ и работа вознаградилась бы однимъ урожаемъ (мука теперь продается по 70 к. серебромъ за пудъ); но для этого нуженъ непривычный трудъ; а для удобренія земли скота достаточно. Нѣкоторые держатъ до 10 коровъ и по 4 лошади; они могли бы держать и больше, потому что луга здѣсь обильны кормомъ; но Усть-Усинцы привыкли къ рыболовству и занимаются имъ около Устья-Усы, гдѣ есть добрыя тони, и ни одинъ изъ нихъ не бывалъ вверхъ по Усѣ даже за 100 верстъ.

Въ весенній промыселъ продаютъ бѣлой рыбы около 1,000 пудъ въ осенній красной *) до 400 пудъ; первой цѣна около 60 коп., второй — 1 р. 30 к. и 1 р. 70 к. серебромъ за пудъ. Меньше улова, выше цѣна.

Въ числѣ мѣстныхъ промысловъ, ловля куропатовъ считается однимъ изъ выгоднѣйшихъ; огромными стадами выводится эта птица въ тундрахъ, и зимой, когда обледенѣетъ тамъ почка растѣній керчи и ивняка, составляющихъ ея единственную пищу, она перелетаетъ въ прибрежные лѣса, опоясывающіе тундры; особенно, если перелету ея содѣйствуютъ сѣверные вѣтры. Южными бурями стада куропатовъ уносятся далѣе къ сѣверу, къ морю, и погибаютъ. Въ хорошій годъ ихъ бываетъ такъ много, что прибрежные кустарники покрываются этими бѣлоснѣжными гостями широкихъ

*) Бѣлою рыбою называются: щука, сигъ, пеляди, чирь, пельма; красной — сема, лоховина.

пустынь сѣверной тундры. Ихъ ловятъ капканами, какъ тетеревей, а нѣкоторые и силками.

Замѣчательно обилень былъ куропаткой 1841 годъ: тогда одинъ Теофанъ въ продолженіе зимы наловилъ ихъ до 6,000 штукъ; были дни, въ которые онъ съ своей семьей приносилъ до 300 куропатокъ. «Куда же дѣваете вы такое количество дичи?» спросилъ я моего хозяина.—«Осенью прѣзжаютъ покупать ихъ въ города» сказалъ онъ, зимой ѣдимъ ее вмѣсто хлѣба: тогда продать некуда; къ лѣту солимъ и бережемъ въ погребахъ; между собой продаемъ по 3 к. штуку, а когда продать можно по 4 по 5 к., то и слава Богу, это ужъ цѣна добрая!»— Въ томъ году Теофанъ продалъ однихъ перьевъ 23 пуда: по 4 р. ассигн. за пудъ. Лучшій ловъ бываетъ въ февралѣ и мартѣ; но тогда продать ихъ не куда. Много налавливаютъ здѣсь и зайцевъ; въ иной годъ, хотя это и рѣдко, хозяинъ мой добывалъ ихъ отъ 600 до 800 штукъ; мясо ихъ ѣдятъ Самоѣды. Довольно - выгодную промышленность составляетъ выкармливанье лисицъ; теперь ихъ въ Усть-Усѣ до 90 штукъ; иногда лисицы даже плодятся въ домахъ; хозяева стараются сводить самокъ съ чернобурьими самцами, и это изрѣдка удается имъ.

Деревня Усть-Уса основана за 75 лѣтъ тому назадъ. Дома порядочные; печи вездѣ съ трубами, окна большія, полы чисто вымыты, что не всегда увидишь и въ самыхъ богатыхъ краяхъ Россіи. Жители крайне-добры, трудолюбивы и гостепріимны. Прохожій или проѣзжій для нихъ дорогой гость: хозяева сами останутся безъ ужина, но накормятъ гостя и ничего не возьмутъ ни за ночлегъ, ни за обѣдъ, если бы онъ пробылъ у нихъ и не одинъ день, а проводя въ путь, усердно зовутъ завернуть на возвратъ. Угощеніе это бываетъ не нероскошно; сегодня мнѣ съ моими товарищами приготовили у Теофана щи изъ жирной оленины, пироги съ крупой, блины изъ ячной муки съ творогомъ и густое молоко. Зимой прохожихъ и проѣзжихъ, какъ говорятъ, бываетъ много — и всѣмъ приемъ радушный съ доброй, ласковой рѣчью.

Поутру едва ли не всѣ мужики деревни перебували у меня. Много было спросовъ и разспросовъ и съ ихъ и съ моей стороны. По ихъ словамъ, на путь до верховьевъ Усы надобно неменьше пяти недѣль. Проводниковъ я и здѣсь не нашелъ; совѣтуютъ поискать между Самоѣдами въ Колвинскомъ Погостѣ. Меня увѣряли,

что на берегахъ рѣки Усы и Сыни много хорошихъ лѣсовъ лиственничныхъ, сосновыхъ и еловыхъ.

Здѣшніе жители Печору считаютъ меньше Усы, потому-что, при слияніи этихъ рѣкъ, русло первой едва-ли шире 500, а послѣдней до 700 саженъ. Къ-тому же глубина Печоры до впаденія Усы, бываетъ на меляхъ не больше 5, и ниже Усы нигдѣ не меньше 12 и даже 13 четвертей. Уса впадаетъ въ Печору съ востока, почти подъ прямымъ угломъ, и это даетъ первенство Печорѣ; она принимаетъ мутныя воды Усы въ свое широкое ложе. Уса, по-самоѣдски Сабре-яга, имѣетъ, какъ говорятъ туземцы, около 15 большихъ и малыхъ притоковъ; но я думаю, едва-ли всѣ рѣки и рѣчки замѣчены; въ такой огромный бассейнъ водъ притоковъ должно вливаться больше.

Прощаясь съ Усть-Усинцами, я совѣтовалъ имъ усилить хлѣбопашество и разводить картофель. Этотъ совѣтъ я давалъ вездѣ по пути, но всѣ сомнѣваются въ питательности картофеля и не вѣрятъ, что онъ можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣнить хлѣбъ. Если бы подать имъ примѣръ и доказать пользу разведенія картофеля, то, разумѣется, они послѣдовали бы примѣру, убѣдившись на дѣлѣ. Въ Усть-Сысольскомъ Уѣздѣ противъ разведенія картофеля, вооружится суевѣріе раскольниковъ; но должно надѣяться, что, со временемъ, польза возьметъ верхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ питаются однимъ качемъ.

Теперь я сижу въ лодкѣ, въ густомъ дымѣ, чтобъ спастись отъ комаровъ; но и это несовсѣмъ помогаетъ — такъ ихъ много. Въ нынѣшнемъ году долго не было комаровъ и уже полагали, что ихъ не будетъ; но неожиданно настала теплая погода съ дождями, и они явились съ такимъ множествѣмъ, какое рѣдко бываетъ. Усинскіе комары пользуются особенной славой по всей Печорѣ по величинѣ и назойливости. Видно, придется испытать на себѣ ихъ отвагу, а у меня и сѣтки нѣтъ; здѣсь же безъ сѣтки никто не выходитъ изъ деревни.

На половинѣ пути до Колвы мы встрѣтили лодку; въ ней сидѣлъ старикъ Самоѣдъ. По словамъ его, я не найду и въ Колвѣ проводника къ вершинамъ Усы.

Цѣлый день былъ противный вѣтеръ; мы поднимались тихо; въ 5 часовъ вошли въ рѣку Колву, по-самоѣдски Тодш-яга, которая впадаетъ въ Усу съ правой стороны, въ 20 верстахъ отъ устья.

Колва не шире 100 или 120 сажень, но имѣеть длинное теченіе, около 500 верстъ. Начинаясь изъ озеръ Сыръ-Яръ, отъ хребта, называемаго Вангуротъ, она принимаетъ въ себя до десяти большихъ и малыхъ притоковъ. Берега ея по низовью покрыты довольно-хорошими сосновыми строевыми лѣсами. Говорятъ, и въ верховьяхъ есть небольшіе еловые и лиственничные лѣса. Теперь подходимъ къ Колвинскому Погосту, расположенному на лѣвомъ берегу рѣки, за мысомъ. Вотъ видѣнъ боръ съ мелкимъ сосновымъ лѣсомъ и самоѣдскій чумъ; подлѣ него разложенъ огонекъ. Вотъ показались дома; ихъ всего семь; вотъ и церковь и два каменные дома священниковъ. Мѣстоположеніе погоста красиво. На берегу стоятъ люди; видно, приближеніе моей лодки съ парусинной крышей и мачтой заняли жителей погоста.

Въ лодкѣ на Усь. 19 июля 11 часовъ утра.

Вчерашнее мое прибытіе удивило Колвинцевъ; все небольшое народонаселеніе встрѣтило меня на берегу. Еще больше удивились они, когда я заговорилъ съ ними по-зырянски; здѣшніе Самоѣды знаютъ этотъ языкъ.

Изъ жителей колвинскихъ никто не бывалъ въ верховьяхъ Усь; только одинъ молодой Самоѣдъ, Миклей, по-русски Иванъ, въ дѣтствѣ кочевалъ въ верховьяхъ Ельца, около озеръ. Онъ рѣшился ѣхать со мной.

Пока я толковалъ съ жителями, ко мнѣ подошелъ младшій изъ мѣстныхъ священниковъ звать на чай. Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе, несмотря на дорожный парусинный костюмъ мой, носившій на себѣ слѣды путевыхъ трудовъ и бивачной жизни. У почтеннаго хозяина я нашелъ старшаго священника, благочиннаго печорскихъ приходовъ, отца Иннокентія, и ученаго Филянда г. Кастрена. Вокругъ кипѣвшаго самовара бесѣда закипѣла о краѣ. Она была и любопытна и поучительна; я не видалъ какъ пролетѣло время и наступилъ вечеръ.

Отецъ Иннокентій живетъ здѣсь двѣнадцатый годъ, почти съ начала основанія прихода. Когда онъ пріѣхалъ, тогда здѣсь не было еще никого, кромѣ нѣсколькихъ церковнослужителей. Изучивъ совершенно край, онъ могъ сообщить мнѣ много свѣдѣній.

Вечеръ незамѣтно прошелъ у насъ въ бесѣдѣ; немало спо-

рили. Разговоръ былъ о сродствѣ языковъ финнскаго и зырянскаго, а также и самоѣдскаго. Для изслѣдованія этого сродства, Г. Кастрень, ученый Финляндецъ, отправился нарочно въ тундры сѣвера. Онъ говоритъ, что больше сотни словъ финнскихъ нашель въ языкѣ Самоѣдовъ; и немудрено: Самоѣды находятся въ непрерывномъ сношеніи съ потомками Финновъ; Зыряне, безъ сомнѣнія, родные братья обитателямъ Финляндіи. Умные священники колвинскіе поддерживали споръ, говорили и рассуждали о составителяхъ русскихъ грамматикъ, которымъ, я думаю, и во снѣ никогда не видѣлось, что объ ихъ трудахъ позволяли себѣ рассуждать, и притомъ несовсѣмъ одобрительно, въ тундрѣ самоѣдской, на берегахъ пустынной Колвы. Г. Кастрень, говоря о созвучіи, сидѣлъ на своемъ конькѣ: кажется, это его любимый предметъ. Онъ съ живостью объяснялъ ошибки русскихъ грамматикъ, неправильность произношенія словъ и т. п.

На другой день съ священниками пришелъ я въ квартиру г. Кастрена. Онъ стоялъ у искусственной конторки, составленной изъ двухъ столовъ, углубясь въ свои филологическія соображенія; тутъ же былъ его переводчикъ, колвинскій пономарь, коренной Самоѣдъ. Мать отдала его въ дѣтствѣ Ижемцамъ за 9 р. асс., но черезъ нѣсколько времени, узнавъ, что ребенка везли мимо ея кочевья, бросилась на проѣзжихъ и отняла его у нихъ обратно. Прошло нѣсколько лѣтъ, мальчика опять нашли въ тундрѣ, замѣтили его способности и мать снова охотно промѣняла его на оленя. Вотъ образчикъ материнской любви Самоѣдокъ! Молодой Самоѣдъ выучился хорошо читать, и его сдѣлали причетникомъ въ Колвинскомъ Погостѣ; теперь онъ служитъ переводчикомъ г. Кастрену. У этого молодца лицо чисто-самоѣдское, и довольно недурное.

Прошло ужъ полтора года, какъ г. Кастрень оставилъ свою родную Финляндію и пустился на сѣверо-востокъ для филологическихъ разысканій о языкѣ своей родины. Сначала онъ былъ у Лопарей, потомъ навѣстилъ Самоѣдовъ Малоземельской Тундры; оттуда переѣхалъ въ Усть-Цыльму, и потомъ въ Ижемскій Погостъ, къ Зырянамъ. На берегахъ Печоры и Ижмы неочень привѣтливо приняли ученаго. Суевѣрные Усть-Цылемцы, по какой-то странной огласкѣ, считали его кто колдуномъ, кто зажигателемъ, кто лекаремъ, который отравляетъ колодцы. Привычка Кастрена гулять вечеромъ, а иногда и ночью, подтверждала эти негѣныя слухи.

Дѣло едва ли не доходило до Волостнаго Правленія. Мужики собирались толковать, что дѣлать съ чародѣемъ? раза два останавливали его на дорогѣ, и Богъ знаетъ, до чего бы довело ихъ глупое предубѣжденіе и нелѣпыя подозрѣнія, если бы не успѣлъ успокоить ихъ князь Палавандовъ, чиновникъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, проживающій въ Усть-Цыльмѣ, уважаемый всѣми жителями въ низовыхъ селеніяхъ Печоры. Такимъ образомъ г. Кастрень благополучно уѣхалъ въ Ижму. Но молва предупредила его и тамъ. Съ опасеніемъ ждали Ижемцы страшнаго колдуна-нѣмца. И что же? Въ самую первую ночь его пріѣзда, демоны, послушные чародѣю, начали гѣшиться надъ мирными жителями береговъ Ижмы: въ одномъ домѣ невидимая сила сбросила съ печи малыцу; въ другомъ, полетѣли на полъ дрова, въ третьемъ, вода въ ушатѣ начала колыхаться. Последнее чудо всего болѣе поразило суевѣрныхъ. Приняты были разныя мѣры къ прекращенію очарованія; вода все колыхалась. «Тутъ непремѣнно сидитъ чортъ», думали простодушные Ижемцы, «да какой еще нетруславый! не смотреть ни на что и не оставлять потѣшаться!» Наконецъ пришелъ помощникъ окружнаго начальника, проживающій въ Ижмѣ. Съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ событія, рассказывали ему очевидцы страшное чудо, которое видѣли собственными глазами. Къ счастью г. Кастрена, чиновникъ не убѣдился рассказами и началъ искать другихъ причинъ колыханью воды, независимо отъ шалостей чорта. Оказалось, что доски пола, на которомъ стоялъ ушатъ, тряслись, когда кто-нибудь шелъ по нимъ. Это, никѣмъ дотогѣ незамѣченное обстоятельство, испытывали потомъ неоднократно въ присутствіи всѣхъ: и мужики, полуубѣжденные, разошлись, впрочемъ, почесывая затылокъ и все еще съ недовѣрчивостью поглядывая на страшнаго чародѣя.

Изъ Ижмы г. Кастрень прибылъ въ Колвинскій Погостъ. Здѣсь намѣренъ онъ заниматься до сентября и потомъ отправится по Усѣ къ Зауральскимъ Самоѣдамъ, а тамъ, далѣе, по сѣверному берегу Сибири, до крайнихъ восточныхъ ея предѣловъ, предполагая все путешествіе кончить въ шесть лѣтъ и надѣясь гдѣ-нибудь въ Сибири встрѣтиться съ г. Шегреномъ. Теперь онъ составляетъ зырянскую и самоѣдскую грамматики. Труды этого ученаго заслуживаютъ полнаго уваженія. Странствованіе въ этихъ пусты-

нихъ сопряжено со многими лишеніями, а иногда даже съ опасностями. *)

Г. Кастрену двадцать-восемь лѣтъ. Онъ нѣгль хорошее мѣсто въ Гельсингфорсѣ, и оставилъ его, увлекшись любознательною страстью къ филологіи языковъ финнскихъ. Въ его комнатѣ было два-три стула; въ одномъ углу, преобладающая печь; въ другомъ, надъ постелью, пологъ — необходимая принадлежность здѣшнихъ спаленъ для защиты отъ комаровъ; по стѣнамъ комнаты географическія карты края.

Вчера былъ я здѣсь въ банѣ. Настоящая самоѣдская баня черна, темна, со всѣми неудобствами и ни малѣйшаго, даже деревенскаго комфорта!

Сегодня я всталъ рано и сидѣлъ у отца Иннокентія. Меня угощали съ искреннимъ радушіемъ, съ пріязнью, и гдѣ же? на берегахъ Колвы, о которой я почти никогда не слыхивалъ. Священники живутъ здѣсь хорошо, получая жалованья — до 1,000 р. асс. въ годъ. Можетъ быть, есть еще и доходы отъ кочевыхъ прихожанъ; это истинные отшельники, отдѣленные отъ всего образованнаго міра. Свѣдѣнія объ Архангельскѣ доходятъ къ нимъ иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; послѣдняя почта получена въ началѣ апрѣля, и вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ они не знаютъ ничего даже о Мезени. Иногда чуть не черезъ годъ получаютъ отвѣтъ изъ родины, съ береговъ Двины; еще въ началѣ ноября прошлаго года, отецъ Иннокентій выписалъ кое-что нужное для себя, и все еще не получалъ. Оттого всѣ припасы по необходимости должно заготовлять на цѣлый годъ, и въ этомъ услуживаютъ имъ чердынскіе купцы, которые, плывя по Печорѣ въ Пустозерскъ, заѣзжаютъ въ Колву и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ ея обитателей.

Хлѣбъ могъ бы иногда здѣсь доходить, но заниматься земледѣіемъ некому. Жители Колвы еще недавно сдѣлались осѣдлыми. Притомъ же Самоѣды ужасные флегматики, до безконечности лѣ-

*) При послѣднемъ конкурсѣ, «Зырянская Грамматика», уже составленная г. Кастреномъ, удостоилась демидовской преміи.

нивы и беззаботны: только одна крайняя нужда приневольиваетъ ихъ браться усердно за работу; а если есть кусокъ хлѣба, Самоѣды не думаютъ о завтрашней нуждѣ. Это, по замѣчаніямъ всѣхъ, ихъ природный характеръ. Впрочемъ, вообще они миролюбивы между собою, и тѣмъ болѣе съ сосѣдями, отъ которыхъ весьма терпѣливо сносятъ даже притѣсненія и несправедливости. Иногда крайность принуждаетъ ихъ приниматься за воровство, которое, говорятъ, недавно только проникло въ тундру.

Находясь теперь въ землѣ, принадлежащей Самоѣдамъ, считаю великимъ сказать нѣсколько объ этихъ кочевыхъ племенахъ, ихъ происхожденіи, обычаяхъ, нравахъ, бытѣ и вообще о землѣ самоѣдской.

Съ 1825 по 1830 годъ, сійскій архимандритъ Веніаминъ, назначенный быть благовѣстителемъ Евангелія этимъ полудикимъ племенамъ, подвизался съ неутомимомъ ревностью на поприщѣ своего апостольскаго служенія, и большая часть Самоѣдовъ приняли св. Крещеніе. Число обращенныхъ обоюга пола простиралось до трехъ тысячъ человѣкъ. Трудолюбивый миссіонеръ, желая бытъ для новой паствы, привлеченной имъ подъ сѣнь Церкви Христовой, тѣмъ же, чѣмъ былъ св. Стефанъ для Зырянъ и Пермьковъ, изучилъ языкъ Самоѣдовъ, составилъ для него грамматику и перевелъ на него нѣсколько книгъ.

Въ канинской землѣ воздвигнуть храмъ при рѣкѣ Нѣси; въ тундрѣ же Большой Земли, устроена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, при рѣкѣ Колвѣ. Эта послѣдняя, оконченная совершенно въ 1830 году, снаружи обита тесомъ и выкрашена желтою краской. Внутренность ея довольно - обширна, по числу осѣдлыхъ прихожанъ. Два священника, дьяконъ и два причетника, изъ туземцевъ, составляютъ клиръ Колвинскаго Погоста. Заселеніе со стороны мрянъ идетъ пока еще медленно. До сихъ - поръ осѣдлыхъ Самоѣдовъ, основавшихся здѣсь, всего - на все только семь или восемь семей. Впрочемъ, всѣхъ кочующихъ прихожанъ числится до 1,400 мужчинъ, и около того же числа должно быть женщинъ. Некрещеныхъ остается еще довольно - много.

Если лѣтомъ мало бываетъ молящихся въ храмѣ Божиѣмъ, то зимой стекается ихъ очень много; особенно въ праздникъ Крещенія, 6-го января, церковь бываетъ полна народомъ. Къ тому времени на превосходныя моховыя пастбища по берегамъ рѣки Колвы *) прикочевываютъ съ стадами Самоѣды, а иногда и Ижемцы. Самоѣды вообще очень усердны къ церкви и особенно вѣруютъ предстательству Святителя Николая, которому посвящена церковь. Даже некрещеные, въ какой-нибудь бѣдѣ, или уходя на промыселъ, дѣлаютъ обѣты, и, при счастливомъ оборотѣ обстоятельствъ, или при удачномъ ловѣ, приносятъ дары Угоднику. Они издавна привыкли вѣровать «великому Николѣ», какъ называютъ Чудотворца, и въ своихъ языческихъ понятіяхъ помѣщали его въ число боговъ. Обѣты, данныя «Николѣ», исполнялись ими свято; за нарушение ихъ они боялись страшной кары.

Черезъ каждые четыре года пріѣзжаетъ въ предѣлы своей отдаленной паствы епископъ архангельскій, и живетъ на Колвѣ дня три, а иногда и четыре, отдыхая отъ неудобствъ и трудовъ продолжительнаго пути.

Самоѣды нерѣдко женятся на Русскихъ. Но Русскіе не берутъ Самоѣдокъ. Во время послѣдняго пребыванія въ Колвѣ преосвященнаго епископа Георгія, какъ-будто нарочно, пріѣхалъ молодой, красивый Ижемецъ съ невѣстой, предурной Самоѣдкой. Говорятъ, онъ женился по склонности, даже противъ воли родителей. Любовь вездѣ дѣлаетъ чудеса. Тутъ должно искать и объясненія странной привязанности Ижемца къ безобразной Яранкѣ. **) Преосвященный приказалъ немедленно обвинчать юную чету, и для такой рѣдкой свадьбы Зырянина съ Самоѣдкой, послалъ своего протодиакона и пѣвчихъ совершить обрядъ со всевозможною пышностью.

Я спрашивалъ, почему мѣсто для постройки церкви избрано

*) На берегахъ Колвы чрезвычайно много моховыхъ рывангъ. Особенно замѣчательна одна, куда зимой собирается множество чумовъ; она называется Лаптою.

**) Зыряне называютъ Самоѣдокъ Яранами.

именно здѣсь, въ такой глуши? Миѣ не сказали на это ничего опредѣлительнаго. Гораздо приличнѣйшее мѣсто основанію осѣдлаго водворенія Самоѣдовъ съ храмомъ Божиимъ представляетъ слияніе двухъ большихъ рѣкъ, Усы и Печоры; тутъ погостъ былъ бы на пути, по которому производится промышленность края; тутъ не одни кочевые прихожане могли бы посѣщать его, но заходили бы всѣ торговцы, рыболовы и проѣзжіе.

Священники поочередно объѣзжаютъ свой обширный приходъ рѣдко водой по Колвѣ, но всегда зимой и лѣтомъ на своихъ оленяхъ, и все на саняхъ, съ тою только разницею, что зимой два оленя легко везутъ одного сѣдока, а лѣтомъ нужно для одного двѣ пары; за то они такъ же, какъ и по снѣгу, быстро мчатъ путника черезъ сотни верстъ по безлѣсной холмистой тундрѣ. Священники говорятъ, что Самоѣды крайне бѣдны: немногіе имѣютъ оленей, и самыя богатые насчитываютъ ихъ въ своихъ стадахъ небогѣ пяти сотъ. Тундра особенно знакома отцу Иннокентію. Я довольно подробно узналъ о ней отъ колвинскихъ священниковъ и Самоѣдовъ.

Самоѣды уѣзда Мезенскаго, изъ которыхъ кочующіе въ Больше-земельской Тундрѣ назывались прежде Самоѣдою Пустозерской, а Мало-земельскіе, или Тиманскіе, звались собственно Мезенской Самоѣдою, сами себя именуютъ «Хасово», точно какъ и Самоѣды, кочующіе въ восточномъ и западномъ краю Сибири.) Это доказываетъ, что они составляютъ отрасль одного многочисленнаго племени, занимавшаго нѣкогда въ Сибири большія пространства. Фишеръ, въ «Исторіи Сибири», Красноярскихъ Остяковъ и Томскихъ Камашей признаетъ за настоящихъ Самоѣдовъ, и утверждаетъ это сходствомъ въ языкѣ, въ вѣрѣ и въ именованіи Бога. Потому землю, занимаемую Самоѣдами въ уѣздѣ Мезенскомъ, должно бы называть «Хасовіею», а Самоѣдовъ — «Хасовіянцами». Но никто опредѣлительно не объяснилъ еще, откуда произошло названіе Самоѣдовъ.

Въ старину, Русскіе называли этотъ край Печорою по имени рѣки, протекающей черезъ все его пространство: названіе же рѣки Печоры происходитъ, вѣроятно, отъ народа Печоры, обитавшаго въ пещерахъ. Нѣсколько подземныхъ жилищъ, въ родѣ пещеръ, еще сохранились на берегахъ рѣки Коротанки, впадающей въ Ледовитое Море, и въ другихъ мѣстахъ по берегамъ озеръ и рѣкъ.

*) Каннскіе же Самоѣды называютъ себя Ненецъ или Ненца.

Въ нихъ находятъ обломки желѣзной и глиняной посуды и человѣческія кости. Академикъ Лепехинъ полагалъ даже, что и народъ Печенѣги, кочевавшій въ старину на берегахъ Днѣпра, едва ли не былъ остаткомъ народа Печоры, о существованіи котораго въ Больше-земельской Тундрѣ свидѣлствуютъ донынѣ эти земляныя жилища.

Названіе Самоѣдовъ одни производятъ отъ финнскаго слова «соома» (болото) и «ово» (единъ); но едва ли не справедливѣе предполагать, что названіе Самоѣдъ, попрежнему Самоядь, произошло отъ господствовавшаго въ старину мнѣнія, будто бы эти дикари пожираютъ другъ - друга. Самоѣды и теперь иногда ѣдятъ сырое мясо, а прежде, вѣроятно, и рыбу и мясо ѣли не иначе, какъ сырыми: мудрено ли было тогдашнимъ Русскимъ, выдавшимъ ихъ рѣдко, вывести отсюда такое мнѣніе?) Полагаютъ, что настоящее отечество Самоѣдовъ находится около верховья рѣки Енисея, что они оттуда распространились сначала по Сибири, затѣмъ нѣкоторые племена ихъ, во время переселенія народовъ и нашествія Монголовъ изъ степей Азіи, будучи тѣснены пришельцами, подались далѣе къ сѣверу и заняли пустынные мѣста по берегу Сѣвернаго Океана, а потомъ широкія моховыя пастбища привлекли нныхъ на западную сторону Уральскаго Хребта, гдѣ они заняли тундры нижняго уѣзда Мезенскаго, можетъ быть, вытѣснивъ и истребивъ прежнихъ обитателей. Что Самоѣды не коренные жители края, это доказывается русскими именами многихъ рѣкъ и урочищъ.

Съ Іоанна III началось покорѣніе Обскихъ Самоѣдовъ. При Іоаннѣ IV построены у нихъ городъ Березовъ; при Федорѣ Іоанновичѣ наложенъ на нихъ ясакъ, а потомъ постепенно приводились въ подданство и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ кочующія племена этого народа. Печорскіе Самоѣды издавна и долго платили дань Новгородцамъ: Печорскій Край составлялъ ихъ Двинскую Область; уже послѣ паденія Новгорода, великіе князья русскіе сдѣлались властителями и этой отдаленной стороны. Впослѣдствіи, правительство положило первое начало устройству Самоѣдовъ постановленіемъ правилъ о сборѣ съ нихъ ясака. Первое распоряженіе о томъ послѣдовало въ 1745 году. Въ 1822 и 1835 годахъ, новыми

*) Обскіе Остяки называютъ Самоѣдовъ Ърганъ-Ягъ; Тунгусы — Дянгалъ, Вогуличи — Юрранъ-Кумъ, а Зыряне — Яранами.

установлениями, Самоѣды, въ числѣ прочихъ инородцевъ сибирскихъ, обезпечены разными особыми правами. Они освобождены навсегда отъ рекрутской повинности, съ дозволеніемъ вступать въ общества городскія и сельскія, управляться чрезъ своихъ родоначальниковъ собственными законами, по прежнимъ обычаямъ, которые приведены въ извѣстность и порядокъ. Сборъ ясака определенъ правилами, примѣненными къ мѣстности; причемъ допущенъ взносъ, деньгами вмѣсто звѣриныхъ шкуръ. Занимаемыя ими земли, предоставлены имъ въ собственность, съ строгимъ воспрещеніемъ Русскимъ вновь на нихъ селиться; а чтобъ кончить споры о землѣ съ осѣдлыми жителями, поселившимися уже въ тамошнемъ краѣ, повелѣно, сколько сочтено послѣднихъ по 8 ревизіи, на каждую душу, чрезъ уѣздныхъ землеѣровъ, отмежевать въ окружности селеній по 60 десятинъ, со всѣми угодьями, имѣющимися заключаться въ томъ пространствѣ, и затѣмъ всѣ прочія остающіяся земли въ тундрахъ Тиманской, Канинской и Больше-земельской, утверждены въ потомственномъ владѣніи Самоѣдовъ. Впрочемъ, для производства промысловъ, Самоѣдамъ не воспрещено ходить и въ предѣловъ своихъ владѣній, какъ въ уѣздѣ Мезенскомъ, такъ и за Уралъ. *)

Сколько я могъ узнать, Самоѣды уѣзда Мезенскаго происходятъ отъ семи племенъ, которыя называются: Лохейскій, Тыссей, Ванюта, Валейскій, Хатащейскій, Ваучейскій и Ноготосскій. Многочисленное племя Самоѣдовъ Карачейскихъ обитаетъ отъ Оби къ востоку по берегу Сѣвернаго Океана, между губами сибирскихъ рѣкъ Оби, Енисея и другихъ. Это самое безпокойное племя. Оно часто дѣлало набѣги на Пустозерскую Самоядъ и даже на Острогъ Пустозерскій. Послѣднія извѣстныя нападенія были въ 1719, 1730, 1732 и 1746 годахъ, но едва ли не были еще и послѣ. **)

Кромѣ того, Самоѣды уѣзда Мезенскаго называются, по занимаемымъ ими мѣстамъ: Канинскими, въ тундрѣ Канинскаго Носа, — Тиманскими, въ Тиманской или Малой-Землѣ, по лѣвому берегу Печоры, близъ устья, — Больше-земельскими, въ такъ называемой Большой-Землѣ, гдѣ по мѣстамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились

*) Свода Законовъ тома IX р. V. «О состояніи инородцевъ».

**) Извѣстно о походѣ на Самоѣдей, бывшемъ въ 1499 году, въ слѣдствіе ихъ набѣговъ на пермскія селенія.

и куда вносили ясакъ, подраздѣляются еще на нѣсколько частныхъ названій, какъ-то: Пустозерскіе, Устьцѣлемскіе, Ижемскіе,*) Югорскіе (при Югорскомъ Шарѣ или Карскихъ Воротахъ) и Карскіе (на берегахъ рѣки Кары).

Вообще, въ уѣздѣ Мезенскомъ, по свѣдѣніямъ 1841 года, считалось всѣхъ Самоѣдовъ:

	м. п.	ж. п.
въ тундрѣ Канинской	431	357
» » Тиманской	384	296
» » Больше-земельской:		
Пустозерскихъ (въ томъ числѣ такъ называемые Югорскіе и Карскіе)	934	918
» » Устьцѣлемской	161	145
» » Ижемской	480	389

Итого 2,390 2,105

Самоѣды издревле владѣли тундрами, пользовались на нихъ промыслами рыболовными и звѣринными и имѣли участіе даже въ тоняхъ Болванской Губы, какъ видно изъ грамматъ, хранящихся въ Мезенскомъ Земскомъ Судѣ, гдѣ двѣ тони въ сказанной губѣ называются самоѣдскими. Вслѣдствіе жалобы Самоѣдовъ на пригѣсненія, дѣланныя имъ жителями Печоры, и отнятіе тоней въ губѣ, одной на себя, а другой на церкви пустозерскія, грамматкою, данною царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 7053 (1545 году), права ихъ на тундру и промыслы утверждены, но мелкая тоня предоставлена церквамъ пустозерскимъ. Второю грамматкою 7196 (1688) года, данною царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами на имя мезенскаго воеводы Воейкова, снова подтверждена безспорность правъ Самоѣдовъ на владѣніе тундрами; въ этой послѣдней грамматѣ упоминается еще о дани съ нихъ по 5 алтынъ съ лука. Право владѣнія тундрою признано вотемъ закономъ, которымъ за Самоѣдами утверждены всѣ земли, безспорно владѣмыя ими до 1763 года. Самоѣды кочевалъ изъ тундръ сотни лѣтъ и никто на владѣніе дикою пустыней сѣвера не предъявлялъ никакого спора; слѣдовательно и тундра, бывшая родовою собственностью и нынѣ оставшаяся

*) Ижемскіе Самоѣды называются также Лѣсными, по кочевью ихъ болѣею частью въ лѣсныхъ мѣстахъ, по берегамъ Усы и ея истоковъ.

въ пользованіи этихъ бродячихъ племенъ, за владѣніе которою они платили ясакъ Великому Новгороду съ давнихъ временъ, а потомъ и самодержцамъ Руси. Эту дань составляли шкуры песцовъ, соболей, бѣлокъ, горностаевъ, лосей и оленей, или деньги, если не было звѣриныхъ кожъ: за песца по нѣскольку алтынъ, за бѣлку по одной или по двѣ деньги. Ясакъ взимался съ каждаго, кто владѣлъ лукомъ, и распредѣлялся по мѣстностямъ, гдѣ кочевали Самоѣды: приморскіе возносили шкуры песцовъ и другихъ звѣрей, а лѣсные— бѣлокъ и горностаевъ. По 5 ревизіи платящихъ ясакъ было больше 1,500 луковъ; по послѣдней, въ уѣздѣ Мезенскомъ сочтено ясачныхъ Самоѣдовъ мужскаго пола 2,390 человекъ. Впослѣдствіи сборъ звѣрями замѣненъ оборомъ по 26 к. асс. съ души, который взимался лосинными и оленьими кожами по оцѣнкѣ; а потомъ увеличенъ до 3 р. 30 к. асс.

Самоѣды, до принятія св. Крещенія, были послѣдователями древней шаманской вѣры, неимѣющей никакой разницы съ вѣрою другихъ инородцевъ сибирскихъ. Они имѣли понятіе о Богѣ, котораго именовали Нумъ, почитая его существомъ высшимъ, творцомъ неба и земли; но вѣрили и въ Тадешцевъ, то есть злыхъ духовъ, сатану и дьявола, которыхъ должны были умилостивлять жертвами и мольбой. Идолы называли они хегами. По мнѣнію Самоѣдовъ, злые духи имѣли на людей вредное вліяніе противъ воли Нума, котораго считали они милостивымъ и имя его произносили съ величайшимъ благоговѣніемъ, не иначе какъ въ случаѣ крайней нужды или радости, благодаря и умоляя. Идолы ихъ были изображенія людей самой грубой работы, часто же простой, заостренный колъ съ двумя или тремя зарубками, или даже дикій камень какой-нибудь особенной формы. Но они никогда не представляли въ нихъ самого Нума, ибо считали его неизобразимымъ — такъ высоко было ихъ вѣрованіе о Богѣ. О будущей жизни имѣли они самое слабое понятіе.

Обряды богослуженія Самоѣдовъ состояли главнымъ образомъ въ боѣ въ «пезерь», инструментѣ, въ родѣ барабана, сопровождаемомъ криками: «гой! гой! гой!» Жертвоприношеніе Нумѣ совершалось на высокихъ холмахъ; причемъ обыкновенно употреблялся бѣлый олень, котораго они давили и потомъ мясо съѣдали сырымъ. Дьяволу и духамъ приносились къ жертву олени и собаки.

Главнымъ мѣстомъ общественнаго богослуженія былъ у Боль-

ше-земельскихъ Самоѣдовъ Болванскій Мысъ на островѣ Вайгачѣ, куда стекались всѣ племена Самоѣдовъ, даже изъ губерніи Тобольской. Бури, воюющія въ пещерѣ Болванскаго Мыса, наводили на дикарей суевѣрный страхъ и внушали особенное благоговѣніе къ главному идолу, стоявшему на этомъ пустынномъ мѣстѣ среди множества другихъ. Англійскій капитанъ Барро, пристававшій къ Вайгачу въ 1556 году, нашелъ на Болванскомъ Мысу множество идоловъ съ окровавленными глазами и ртами: это происходило оттого что Самоѣды, во время жертвоприношенія, намазывали кровью оленей ротъ и глаза своихъ хеговъ. Штурманъ Ивановъ, въ 1824 году, на томъ же мысу нашелъ, сдѣлавшійся уже негоднымъ къ употребленію, принесенныя въ жертву идоламъ разныя металлическія и деревянныя вещи, обрывки веревокъ, и т. п.

Второе мѣсто общественнаго богослуженія Самоѣдовъ находилось на Канинской Землѣ. Это былъ священныя мѣсто, на деревьяхъ котораго навѣшено было множество разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

Въ ученія Самоѣдовъ, которое, какъ преданіе, передавалось изъ рода въ родъ, было много чистыхъ нравственныхъ правилъ, можетъ быть, сообщенныхъ имъ христіанами. Если они строго исполняли эти изустные законы, то были людьми весьма добродѣтельными. Имъ запрещалось воровать, обижать другъ друга, отнимать чужую собственность; предписывалось быть воздержными, благоговѣть предъ Богомъ, почитать духовъ, уважать родителей и старшихъ, быть заботливыми о семействѣ, оказывать пособіе бѣднымъ, и проч.

Жрецы или кудесники самоѣдскіе назывались Тадибеями. Это званіе было родовое. Тадибеи очень искусно обманывали своихъ простодушныхъ соотечественниковъ, увѣряя ихъ, что имѣютъ непосредственное сношеніе съ духами, могутъ провидѣть будущее, имѣютъ силу наводить и исцѣлять болѣзни. Во время жертвоприношеній, они одѣвались въ особія одежды.

Въ брачныхъ союзахъ строго соблюдался законъ не жениться на дѣвушкѣ одного племени. Впрочемъ, по женской линіи у нихъ не признавалось никакого родства. Вообще, женщина считалась существомъ нечистымъ. Выкупъ за невѣсту, вносимый въ пользу родителей, по общему обычаю всѣхъ азіатскихъ народовъ, платился оленями. Дозволено было многоженство.

Умершихъ, надѣвъ на нихъ лучшее платье, выносили черезъ

нарочно сдѣланное въ чумѣ отверстіе, въ сторонѣ отъ дверей; потомъ увозили и клали, если былъ лѣсъ, то въ струбѣ, а въ мѣстахъ безлѣсныхъ, въ яму, и тутъ же, на могилѣ, поражали ножами оленя, на которомъ привезенъ былъ умершій.

Клятва произносилась надъ остроконечнымъ кускомъ земли или снѣга, отъ котораго клянущійся долженъ былъ отрѣзать часть ножемъ. Это значило, что клятвоприступникъ долженъ рассыпаться какъ земля, растаять какъ снѣгъ. Клялись также и надъ головой медвѣдя, приговаривая: «если я лгу, то пусть онъ меня съестъ».

Въ настоящее время, свѣтъ истинной Вѣры мало-по-малу разгоняетъ глубокій мракъ невѣжественныхъ понятій этихъ кочевыхъ племенъ, съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаютъ у нихъ постепенно и прежніе суевѣрные обычаи и обряды.

Въ промышленности Самоѣдовъ самая главнѣйшая и выгоднѣйшая отрасль есть оленеводство. Олени кормятъ ихъ своимъ мясомъ; шкурами доставляютъ одежду, обувь, кровъ и постель; живые, перевозятъ тяжести, замѣняютъ лошадей и всѣхъ прочихъ домашнихъ животныхъ. Безъ оленей Самоѣдъ все равно, или хуже, чѣмъ бездомный сирота: онъ принужденъ или просить милостыню, или наниматься въ работу къ богатымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ промыслы звѣроловные, рыболовные и птицеловные. Самоѣды, кочующіе въ прибрежныхъ къ морю мѣстахъ, промышленяютъ нерпъ, тюленей, морскихъ зайцевъ, частью же моржей, бѣлугъ и бѣлыхъ медвѣдей; въ тундрѣ ловятъ песцовъ, лисацъ, волковъ и дикихъ оленей. Тѣ, которые ближе къ лѣсамъ, стрѣляютъ бѣлокъ, горностаевъ, зайцовъ, росомахъ и черныхъ медвѣдей. Прежде были у нихъ выдры и даже бобры; но теперь не слышать объ этихъ дорогихъ звѣряхъ. Въ рѣкахъ и озерахъ ловятъ рыбу, какъ красную, т. е. семгу и кумжу, такъ и бѣлую, то есть нельму, чирювъ, пелядей, омулей, щукъ, налимовъ, окуней и проч. Изъ птицъ, добываютъ гусей, утокъ, гагаръ, лебедей, но всего болѣе куропатокъ. Въ тундрахъ рождаются ягоды: брусника, черника, голубица и въ особенности морошка.

Для примѣра, въ какомъ порядкѣ идутъ здѣсь приморскіе промыслы, возьмемъ Югорскій Шаръ, куда приходятъ для промысловъ и Самоѣды и Постозеры, и гдѣ было до десятка промысловыхъ избъ и часовня Николаю Чудотворцу. Здѣсь солнце съ 8 мая по 20 іюля не закатывается. Съ Егорьева дня (23 апрѣля) начинается

на льдахъ звѣринный промыселъ и продолжается до Иванова-дня (24 июня). Это время самое гибельное для тюленей: ихъ стрѣляютъ выманивая на льды сквозь сдѣланныя проруби. Между-тѣмъ вскрываются рѣки и начинается въ нихъ рыбная ловля; затѣмъ слѣдуетъ промыселъ птицъ, что бываетъ уже около половины юля; лян-лыхъ гусей ловятъ, загоняя въ сѣти, стрѣляютъ, даже неводятъ въ озерахъ. Въ это же время производится и морскіе промыслы. Смѣлые моряки побережья Сѣверной Тундры отважно борются съ волнами океана, пускаясь въ открытыя небольшихъ карбасахъ въ дальнія плаванія по бурной пучинѣ. Въ концѣ августа опять принимаются за ловъ рыбы въ рѣкахъ, и оканчиваютъ его только тогда, какъ рѣки покроются уже льдомъ. Послѣ того начинается обратный походъ съ крайнихъ предѣловъ сѣвера и производится ловъ лѣсныхъ звѣрей, кочеванье въ тундрѣ, сбытъ товаровъ и размѣнъ ихъ на немногія необходимыя потребности бродячаго народа.

Почти такимъ же порядкомъ идутъ промыслы въ Тундрахъ Тиманской и Канинской. Но Самоѣды Лѣсной Тундры, кочующіе около побережья въ Усы, не занимаются промысломъ морскихъ звѣрей; они ловятъ только рыбу, да лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Прежде Ижемскіе или Лѣсные Самоѣды зимой выгѣзжали иногда на берега Ижмы, Кедвы, Ухты, Яюги и другихъ рѣкъ. Проходитъ зима, и въ исходѣ ея, начинается новый походъ къ сѣверу. Такъ идутъ годъ за годомъ, такъ проходили вѣка. Общежитіе и гражданственность, съ своими усовершенствованіями, медленно проникаютъ въ дикую глушь этихъ отдаленныхъ, малопосѣщаемыхъ пустынь.

Пространство тундръ, гдѣ кочуютъ Самоѣды, весьма значительно. Самая обширная изъ нихъ тундра Больше-земельская. Длина ея отъ запада къ югу простирается въ прямой линіи по-крайней-мѣрѣ отъ 1,000 до 1,150 верстъ, дорогою же, по которой ѣздятъ, еще дальше; ширина, отъ 300 до 450 верстъ. Полагая, примѣрно, хотя 1,100 верстъ въ длину и 400 верстъ въ ширину, выйдетъ всего пространства до 440,000 квадратныхъ верстъ.

Сѣверный, а частью и сѣверо-восточный край Большой Земли окруженъ Ледовитымъ Моремъ и его частями, называемыми Печорской Губой, Югорскимъ Шаромъ и Карскимъ Моремъ; съ запада и частью съ юга служитъ ей границею рѣка Печора, съ востока же и съ юго-востока ограничиваютъ ее рѣка Кара и хребетъ Павдинскаго Камня или Уральскій.

Каменные Горы, известныя подъ именемъ Самоѣдскаго Хребта, отдѣляясь отъ Урала, пересѣкаютъ сѣверо-восточную часть тундры съ вершины рѣки Кары до Югорскаго Шара на пространствѣ около 400 верстъ; онѣ являются высокими, грозными утесами, и тянутся, какъ всѣ предполагаютъ, черезъ помднутый Шаръ и Вайгачскій Проливъ на острова Вайгачъ и Новую Землю. Въ разстояніи отъ Печоры около 40 верстъ, начинается Земляной Хребетъ, называемый также Хребтомъ Больше-земельскимъ, который, простираясь во всю длину тундры до Уральскихъ Горъ, съ изгибами составляетъ гряду по-крайней-мѣрѣ около 1500 верстъ, или даже и больше. Отъ него во всѣ стороны идутъ другіе хребты, такъ-что большая часть этой тундры представляетъ безпрерывный рядъ холмовъ, мѣстами очень высокихъ, покрытыхъ растеніями и разноцвѣтными мхами, которые, разстилаясь по ихъ склонамъ на большое пространство, представляютъ ихъ издали покрытыми предѣстнѣйшимъ ковромъ.

Часть тундры, ближайшая къ Печорѣ, особенно гдѣ эта рѣка дѣлаетъ заворотъ къ юго-западу, покрыта во многихъ мѣстахъ топями и болотами; сопредѣльная же рѣкѣ Усь, довольно-лѣсиста. Есть небольшіе лѣса и въ другихъ мѣстахъ тундры; они, какъ острова, являются среди безлѣсной пустыни. Лѣса эти произрастаютъ даже около рѣки Хайпудырки и возлѣ нѣкоторыхъ озеръ; въ нихъ больше еловыя деревья; есть и лиственничныя. Они служатъ кладбищами Самоѣдамъ.

Въ долинахъ, образовавшихся между холмами, а иногда и на возвышенностяхъ, находится безчисленное множество озеръ. Однихъ большихъ, изъ которыхъ самое малое въ окружности около 15, а другія больше 30 верстъ, считается до двадцати-пяти.*) Эти водоемы — тундры, въ которыхъ вода необыкновенно чистая и прозрачная, наполнены рыбою. Въ нихъ ловятъ нельму, чировъ, пельдеи, сига и другую рыбу.

Въ хребтахъ Самоѣдскомъ и Земляномъ и въ озерахъ начинается множество рѣчныхъ истоковъ, которые потомъ превращаются въ значительныя рѣки. Главнѣйшія изъ нихъ: Кара, Коро-

*) Главнѣйшія изъ нихъ: Сыръ-Яры (нѣсколько озеръ); хоромыги — Войнуиково, Торомье, Ватеры, Сундуй, Болванско, Сѣтно, Хоры, Лонково и Нижній Хорбей.

танха и Хайпудырка, впадающія въ океанъ и въ Карское-Море; за тѣмъ, Шапкина, Колва, Азьва или Хырморъ, Роговая или Хурморъ, Елесуд, Лѣмва, Косья, Ольховая, Сыня и множество другихъ, вливающіяся въ Печору прямо, или черезъ главный притокъ ея Усу. Эти рѣчные бассейны прорѣзываютъ тундру во всѣхъ направленіяхъ и изобилуютъ рыбою. Кара и Коротанха славятся особенно ловомъ омулей. Рѣки, впадающія въ море, вскрываются въ половинѣ и въ концѣ сентября. Уса вскрывается большею-частью въ половинѣ мая, замерзая въ концѣ октября, но въ верховьѣ ея лѣто еще короче.

Что сказать о климатѣ подъ широтою 70°? Гдѣ находится сѣверный предѣлъ тундры, не можетъ быть климатъ благопріятельный. Но если въ непрерывномъ почти мракѣ продолжительной зимы природа здѣсь вообще сурова и негостепріимна, зато лѣтомъ — приволье. Съ 10 мая до половины іюля солнце не скрывается за горизонтомъ; часто вѣютъ теплые южные вѣтры; бываютъ даже жары, но всегда съ прохладными ночами, а это-то и нужно кочевымъ обитателямъ Сѣвера: оттого почти не бываетъ тамъ во-все комаровъ, которыхъ неочень жалуютъ необходимыя краю олени.

Тиманская или Малоземельская Тундра, начинаясь отъ лѣваго берега Печоры, съ сѣвера и сѣверо-запада омывается волнами океана и Чешской Губы, съ запада она сопредѣльна съ Канинскою Землею, отъ которой раздѣляется рѣкою Пезою, къ югу же служатъ ей гравью бассейны рѣкъ Цыльмы и Пезы. Она занимаетъ пространство меньше Больше-земельской. Длина ея отъ Пезы до Печоры около 400, ширина отъ 200 до 250 верстъ, слѣдовательно, она содержитъ въ себѣ только около 80,000 квадр. верстъ. Отъ океана, въ направленіи къ рѣкѣ Цыльмѣ, прорѣзываетъ ее хребтъ Каменныхъ Горъ, называемый Тиманскимъ или Чайчинымъ Камнемъ, по мысу, выдавшемуся въ море, именуемому Чайчинымъ или Чайцынымъ, по множеству, какъ говорятъ, чаекъ, гнѣздящихся около его утесовъ. Тиманскій Камень едва ли не есть отрасль Уральскаго Хребта; мѣстами онъ покрытъ лѣсомъ. Отъ него идутъ нѣсколько грядъ земляныхъ хребтовъ съ довольно-высокими холмами. Но большую часть Тиманской Земли составляютъ широкія долины, изобилующія моховыми пастбищами, изрѣзанныя по всѣмъ направленіямъ бассейнами многихъ рѣкъ и усѣяныя многими озе-

рѣки, изъ которыхъ есть нѣсколько довольно-значительныхъ, изгибающихся въ окружности отъ 10 до 15 верстъ. Какъ рѣки, такъ и озера чрезвычайно обильны рыбою. *)

Самая малая изъ тундръ Каннинская Земля, сосѣдственная Тиманской. Съ трехъ сторонъ ее омываютъ моря: съ запада Бѣлое, съ сѣвера Океанъ, съ востока Чешская Губа, къ югу служатъ ей границею рѣки Мезень и Пеза. Длину ея полагаютъ около 300, а ширину мѣстами около 60, далѣе же къ сѣверу отъ 130 до 160 верстъ. Кромѣ хребта Каменныхъ Горъ, называемаго Каннинскимъ, который идетъ отъ Чешской Губы до Бѣлаго Моря, черезъ всю тундру тянутся нѣсколько земляныхъ, довольно-высокихъ хребтовъ, которые, развѣтвляясь, холмятъ поверхность ея, особенно въ сѣверной сторонѣ. Изъ нихъ берутъ начало весьма много рѣчныхъ истоковъ, прорѣзывающихъ тундру по всѣмъ направленіямъ. Онѣ покрываются льдомъ въ началѣ и половинѣ октября, вскрываются же въ половинѣ и въ концѣ мая. Множество большихъ и малыхъ озеръ находятся между горными хребтами и въ долинахъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ въ окружности отъ 20 до 30 и болѣе верстъ. **)

Суровость климата въ сѣверной части всѣхъ тундръ почти одинакова, съ тою разницею, что чѣмъ ближе къ Уральскому Хребту, тѣмъ лѣто короче, рѣки покрываются льдомъ раньше и вскрываются позже; въ полосѣ же южной нѣсколько - умѣреннѣе, особенно гдѣ гдѣса останавливаютъ стремленіе грозныхъ бурь полуночнаго борея.

Тундра уѣзда Мезенскаго принадлежитъ пользованію Самоѣдовъ. Изъ записокъ академика Лепехина видно, что въ 1800 году жители мезенскіе начали присвоивать себѣ часть этихъ земель съ платою въ казну оброка, и селились по берегамъ рѣкъ Каннинской Земли: Вижаса, Ома, Пезы, Индеги и другихъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, было много споровъ о правѣ владѣнія во всѣхъ тундрахъ; но эти споры должны были кончиться постановленіемъ, по которому велѣно отмежевать Русскимъ, поселившимся уже къ краю, по 60 десятинъ на душу. Въ Ижемской Волости жителей мужескаго по-

*) Главнѣйшія изъ нихъ: Острогисто, два Лебяжьихъ, Омзово, четыре Индегскихъ: Щучье, Пятово, Сорваны, Иксуя и Мыши.

**) Главнѣйшія изъ нихъ: Курпичино, Адексѣвско, Конюшенско, Дѣсницинско, Долго, Каменно, Новиношно, Волосовско, Буторкино, Криво, Щучье, Выляково, Болванско, Богато и Самново.

ла считается 3,140 душъ, слѣдовательно имъ приходится около 188,400 десятинъ, или около 1,809 квадратныхъ верстъ, что составляетъ поперечникъ въ длину и ширину около 43 верстъ. Только этимъ пространствомъ они и должны пользоваться, не трогая другихъ мѣстъ, принадлежащихъ Самоѣдамъ, или доставшихся на часть Устьцылемцевъ и Пустозерцевъ, которые имѣютъ на тундру такое же право, какъ и Ижемцы. Въслѣдствіе того, главнѣйшими владѣльцами тундры, ея озеръ, рѣкъ и многочисленныхъ стадъ оленей должны бы быть Самоѣды; но на дѣлѣ выходило другое.

Благодѣтельныя послѣдствія провзвела эпоха — крещеніе бѣдныхъ кочевыхъ племенъ сѣвера!

Ижемцы, дѣятельные, сметливые, жадные къ приобрѣтенію, производя прибыльный торгъ съ полудикими Самоѣдами, особенно чрезъ привозъ къ нимъ крѣпкихъ напѣтковъ, очень хорошо поняли выгоду собственнаго обзаведенія оленьими стадами въ тундрѣ. Въ концѣ минувшаго столѣтія они едва-ли имѣли 10,000 своихъ оленей, тогда какъ Самоѣды Больше-земельской Тундры владѣли многочисленными стадами, число которыхъ простиралось до 150,000 головъ. *) Но съ того времени, какъ въ тундрѣ начали усиливаться Ижемцы, стада туземцевъ постепенно стали уменьшаться. Въ настоящее время у Самоѣдовъ считаютъ не болѣе 30,000 оленей, а у Ижемцевъ, около 124,000, а можетъ быть и гораздо больше. Такой быстрый переходъ однихъ отъ изобилія къ бѣдности, другихъ отъ бѣдности къ богатству, не могъ произойти отъ причинъ естественныхъ, безъ ошибокъ и упущеній съ одной стороны и безъ крайнихъ усилій съ другой. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ стада переходили изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ къ новымъ, большая часть и самихъ владѣльцевъ подверглась той же участи. Потерявши оленей, многіе Самоѣды обѣднѣли. Необходимость въ жизненныхъ потребностяхъ, всего же болѣе непреодолимая страсть къ вину, вовлекли ихъ въ долги, которые, не оплачиваясь никакою работою, никакимъ усердіемъ, переходили отъ отца къ дѣтямъ и предавали всю семью въ зависимость.

Но вотъ внезапно во мракъ холодныхъ степей сѣвера проникаетъ немерцающій свѣтъ Вѣры, достигаетъ благовѣстіе Евангелія. Крестъ, символъ спасенія, водружается въ дикой пустынь. Кочевой

*) Еще въ 1803 году многіе изъ Больше-земельскихъ Самоѣдовъ имѣли по 1,500 и больше оленей. «Путешествіе Лепехина» часть IV.

храмъ переносится быстроногими оленями съ одного конца тундры до другаго; къ нему собираются дикіе жители сѣвера; святое Крещеніе присоединяетъ ихъ къ сонму христіанъ, и два блага совершаются надъ ними: они извлечены изъ тмы язычества и съ тѣмъ вмѣстѣ становятся свободными отъ притѣсненія пришельцевъ, противъ которыхъ они находятъ защиту въ своихъ духовныхъ пастыряхъ. Можетъ быть, обычаи, водворенные издавна, несовершенство еще истребились и теперь, по-крайней-мѣрѣ положено доброе начало къ ихъ искорененію; а будетъ время, когда посѣянное созрѣетъ и принесетъ прекрасный плодъ.

Въ настоящее время бѣдные жители тундры, и съ небольшими стадами оленей, едва имѣютъ свободный просторъ на своей родовой собственности. Стада Ижемцевъ многочисленны. Они уже понеобходимости должны были завладѣть лучшими пастбищами, и не однимъ Самоѣдамъ нанесли и наносятъ вредъ, безъ всякаго права на тундру, передвигая по ней своихъ оленей и вытравляя моховыя пространства Устьцылемцевъ и Пустозерцевъ. Мнѣ сказывали о какомъ-то условіи Самоѣдовъ съ Ижемцами, заключенномъ будто бы въ 1803 году; но въ чемъ состоитъ оно, я не могъ узнать. И въ Мало-земельской тундрѣ дѣйствуютъ Ижемцы; но до Капинской, какъ богѣ отдаленной и сопредѣльной городу Мезени, не простирается ихъ вліяніе. Почему тамъ, какъ я слышалъ, Самоѣды и по сіе время довольно богаты: нѣкоторые имѣютъ у себя до 3,000 оленей.*)

Дальше, при случаѣ, я расскажу подробнѣе о дѣйствіяхъ Ижемцевъ, сметливыхъ и ловкихъ производителей промышленности въ этомъ дальнемъ краѣ.

Въ Колвинскомъ Погостѣ огородные овощи растутъ плохо; говорятъ, будто старались развести картофель, но безуспѣшно; по всей вѣроятности, оттого, что не умѣли взяться за дѣло. Къ тому же въ этой полярной странѣ огородничество должно быть подчинено другимъ правиламъ, чѣмъ на югѣ. Капуста растетъ хорошо, но не коченится; огурцы тоже растутъ, цвѣтутъ, даютъ богатую завясь, но не дозрѣваютъ; даже рѣпа и рѣдка растутъ худо, и потому всѣ овощи получаютъ изъ Ижмы. При недостаткахъ во многомъ, природа щедро надѣлила эту страну разными ягодами и гри-

*) Г. Самельевъ въ путешествіи на Калчувъ Островъ въ 1841 году былъ въ Капинской Тундрѣ. По его замѣчанію, нѣкоторые Самоѣды этой тундры имѣютъ до 3,000 оленей и богѣ.

бами. Морошка, смородина, черемуха, брусника родятся и, годомъ, бываетъ ихъ очень много, особенно морошки; грибы всѣхъ родовъ растутъ въ большомъ изобиліи. Рыбой и дичью край вообще обилуетъ. Замѣчательнъ способъ, употребляемый для ловли дикихъ гусей. Въ іюлѣ гуси линяютъ и летать не могутъ; тогда нѣсколько человѣкъ, отыскавъ стаю, сгоняютъ ее осторожно въ рѣку и вмѣстѣ плывутъ до сборнаго мѣста. Весь трудъ состоитъ въ наблюдѣніи, чтобъ стая не разъединилась; мѣстами, останавливаются на раздыхъ и кормятъ гусей. По прибытіи на сборное мѣсто, обставляютъ бока дороги тенетами и такимъ образомъ подгоняютъ всю стаю къ подостамъ, постепенно поднимающимся, съ которыхъ гуси соскакиваютъ въ загонъ; тамъ ихъ колютъ. Мясо дичи, битой на мѣстѣ ловли, бываетъ очень жирно и вкусно; мясо пригонныхъ гусей хуже, но зато трудъ описанной ловли легче и притомъ убитыхъ гусей на мѣстѣ ловли сберегать труднѣе. Иногда подобная охота бываетъ такъ удачна, что въ продолженіе часа загоняютъ отъ 500 до 700 штукъ. На гусиній промыселъ ѣздятъ вверху по Колвѣ. Зимой ловятъ много куропатокъ, также, какъ и въ Усть-Усѣ, по тысячѣ, но двѣ и больше на семью. Ловятъ также и звѣрей. Медвѣдей много; ихъ видятъ нерѣдко близъ домовъ; иногда кормятъ лисицъ и стрѣляютъ зайцовъ и бѣлку. Рыбы много и въ Колвѣ и Усѣ.

Привычка къ кочевой, привольной жизни въ тундрѣ не оставила еще жителей Колвинскаго Погоста; они преданы праздности и любятъ потолковать расхаживая въ бездѣльѣ около своихъ новыхъ домовъ. Меня увѣрили, что лѣтомъ они часто ложатся спать съ восходомъ солнца, когда трудолюбивые земледѣльцы встаютъ и принимаются за работу. Не даромъ говорить пословица: «Что городъ, то норовъ, что деревня то обычай».

По словамъ отца Иннокентія, Губа Хайпудырская называется по имени впадающей въ нее рѣки Хейвы-де-Педеры^{*)}, что значитъ по-самоѣдски страшный лѣсъ, который получилъ это названіе оттого, что служитъ кладбищемъ кочующимъ около него Самоѣдамъ; слѣдовательно губа эта должна именоваться не Хайпудырскою, а Хайвы-де-Педерскою.

^{*)} Лепехинъ называетъ эту рѣку Хайвыдесы.

VII.

Слѣдованіе по Усѣ. — Мѣстности по берегамъ этой рѣки. — Р. Азьва. — Горы Адакъ. — Олень. — Рыболовы. — Р. Косья. — Р. Роговая. — Оленеводство. — Разсказъ Самоѣда. — Слѣды медвѣдей. — Р. Лѣмва. — Торговля на устьѣ Лѣмвы. — Путь на Обь изъ Карскаго Моря. —хлопоты съ комарами. — Р. Кэчъ-Пель. — Рыболовы.

Въ 10 часовъ утра я простился съ моими колвинскими знакомыми. Отецъ Иннокентій и г. Кастрень проводили меня до рѣки Колвѣ и желали мнѣ счастливаго пути, предполагая, что я ранѣе 30 дней не возвращусь къ нимъ съ верховьевъ Усы. Около часа плыли мы по Колвѣ, и теперь потянулись бечевой по Усѣ. Она здѣсь очень широка, едва-ли не больше версты, а потому никакъ не вѣрится, чтобъ до истоковъ такой рѣки было ближе тысячи верстъ. Привыкнуши къ свѣтлой водѣ Печоры, какъ-то неприятно плыть по грязной водѣ Усы, которая такъ мутна, что на глубинѣ въ четверть аршина не видно ничего. Гдѣ брать воду для чая? подумалъ я, а изъ воды Усы нельзя надѣяться сдѣлать его, даже изъ лучшихъ цвѣтковъ ханскаго чая. Но проводникъ нашъ сказалъ, что у лѣваго берега вода чище. Въ Усу съ правой стороны впадаютъ рѣчки, текущія по болотистой почвѣ, а съ лѣвой — горные потоки. Мы убѣдились въ этомъ при первой надобности въ водѣ.

Вѣтеръ дуетъ съ востока, намъ претивный. На бечевой двое рабочихъ; чрезъ каждые 4 часа одному смѣна.

10 часовъ вечера.

Здѣсь нѣтъ и чемкосовъ для исчисленія разстояній. Богъ знаетъ, много ли мы проплыли; но, рассчитывая ходъ по $3\frac{1}{2}$ версты въ часъ, въ 11 часовъ мы проплыли около 40 верстъ. По разсказу

проводника, я записываю известныя ему рѣки; въ какой степени справедливы его слова — не знаю.

Отъ устья Колвы въ 7 верстахъ, проплыли мы устье истока изъ 4-хъ озеръ, весьма обильныхъ рыбой, впадающаго въ Усу съ лѣвой стороны. Въ 15 верстахъ съ той же стороны впадаетъ рѣчка Седь-ю, т. е. Черная Рѣка; она течетъ изъ болотъ. Затѣмъ мы шли около 7 верстъ параллельно съ высокими, глинистымъ материкомъ, на которомъ видны высокія и здоровыя лиственницы, и съ котораго стекаютъ двѣ маленькія рѣчки; теченіе рѣки постоянно съ SW.

Я былъ увѣренъ, что по Усѣ совершенно нѣтъ лѣсовъ, а теперь вижу, что ошибался. Въ 35 верстахъ отъ устья Колвы начинается большой островъ; за нимъ устье рѣки Сыни, впадающей съ лѣвой стороны; она течетъ изъ-за горы Сабли, до которой считаютъ отсюда около 300 верстъ. Отъ Сыни, въ отдаленіи отъ берега тянутся горы, мѣстами довольно-высокія покрытыя лѣсомъ.

20 іюля 4 часа пополудни.

Не останавливаясь, шли мы всю ночь; утромъ, я едва успѣлъ выкупаться, какъ подняли парусъ и западный вѣтеръ понесъ насъ довольно-скоро. Хорошо, что такъ, а то рабочіе начинали жаловаться на боль ногъ, съ непривычки.

Небо покрыто сырými облаками; порой накрапываетъ дождь. Сегодня мы шли вдоль лѣваго берега.

Вчера въ 11 часовъ вечера подошли мы къ высокому острову, называемому Базанъ-ди*); онъ довольно-высокъ и покрытъ лѣсомъ.

Здѣсь впала съ лѣвой стороны рѣчка Таблядъ, шириной до 20 саж. и съ правой — двѣ маленькія; онѣ называются Базанъ-Ель.

Не доходя до острова, отъ праваго берега выдались въ рѣку нѣсколько плоскихъ каменныхъ мысовъ, или отмелей; особенно одинъ замѣчательнъ: за нимъ образовалась глубокая покойная гавань.

Около полуночи подошли мы къ лѣвому матеріку, и вдоль его тянулись до рѣки Макарихи, текущей изъ тундры; она шириной до 50 саж. Къ ней мы подошли въ 8 часовъ утра. Горы около нея называются Макариха-Щелья; подлѣ нихъ ровный, прекрасный бечевникъ.

*) Ди, по-зырянски — островъ.

Въ 10 часовъ вѣтеръ усилился; рѣка порядочно волновалась; мы довольно быстро неслись по ней; со всѣхъ сторонъ представлялись прекрасныя виды. Горы, которыя мы миновали и къ которымъ подходимъ, отлогими холмами тянулись по обоимъ берегамъ, мѣстами покрытыя порядочнымъ сосновымъ лѣсомъ, мѣждѣ мелкимъ ельникомъ; на горахъ зеленѣли кустарники, которые казались издали полями, засѣянными хлѣбомъ.

Въ 11 часовъ плыли мы немного въ направленіи къ N., а потомъ къ NW., но скоро поплыли по настоящему румбу на NO.

Въ 12 часовъ обошли крутой мысъ; подлѣ него широкая песчаная отмель; въ 2 часа вѣтеръ сталъ еще крѣпче; между высокими берегами материка русло рѣки сдѣлалось нѣсколько уже; обходили мысъ лѣваго берега. Здѣсь встрѣчаются довольно-крутыя завороты съ NO къ NW, и обратно; мѣстами подлѣ рѣки лежатъ луга, а возвышенности тянутся въ отдаленіи. Въ 3 часа вѣтеръ началъ стихать. Теперь подошли къ рѣкѣ Пангъ - Пянъ - ю (рѣка Павловыхъ-Дѣтей); она течетъ изъ тундры; ширина ея до 20 сажень; при устьѣ рыболовная изба.

Мы плыли прямо, съ мыса на мысъ, по широкому раздолью Усы; волны покачивали лодку, разбиваясь о борты ея, и несли насъ все дальше и дальше въ пустыню. Меня радовало вѣянье попутнаго вѣтра; мнѣ казалось, Богъ благословляетъ трудъ мой на пользу общую и споспѣшествуетъ моему странствованію. Эта свѣтлая мысль навѣваетъ неизъяснимое спокойствіе, отгоняющее темныя думы.

Утромъ рабочіе сѣвѣлись: двое спали, а двое были въ дѣлѣ; одинъ у руля, другой у паруса; послѣднюю должность исправлялъ Самоѣдъ Иванъ и съ любопытствомъ посматривалъ на меня, когда я писалъ мой дневникъ; казалось, онъ хотѣлъ спросить меня, для чего я мараю бумагу черной палочкой? между-тѣмъ онъ человѣкъ отлично-образованный для тундры: онъ свободно говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, хорошо по-зырянски, по-остяцки, языкомъ Ёгровъ или Манчей и порядочно по-русски. Знать пять языковъ — не бездѣлица. Днемъ долго лилъ дождь.

11 часовъ вечера.

Въ 5 часовъ опять подняли парусъ; вѣтеръ сталъ крѣпче; плыли

подлѣ высокаго сѣвернаго материка; белевникъ очень хорошъ; въ дали видны возвышенности.

Въ 7 часовъ плыли къ N и къ NW. На южномъ низменномъ берегу есть озеро, въ версту длинны; оно называется Заостровское, богато рыбой, которая заходитъ въ него въ большую воду; но зато сѣверный берегъ, и особенно мысъ его, покрытый темнымъ сло-вымъ лѣсомъ, очень высокъ.

Въ 8 часовъ плыли мы къ NW и все еще парусомъ. Уса замѣтно стала уже. Мѣстоположеніе сѣвернаго берега чрезвычайно красиво; по всему протяженію его рядъ отлогихъ холмовъ, обращенныхъ къ югу. Здѣсь течетъ рѣчка Панъ-ю, по которой видны такіе же холмы; нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, послѣ недавняго пожара, обнажены, другіе поросли березнякомъ и издали кажутся полями, за которыми невольно ищешь селенія.

Эти холмистыя мѣста должны быть сухи; почва хороша и, вѣроятно, удобна для хлѣбопашества. Южный берегъ луговой; трава на немъ въ два аршина; въ лѣсахъ дичь, въ рѣчкахъ и озерахъ рыба; луговъ много. Для поселенія здѣсь приволье, только нужны трудъ и дѣятельность.

Въ 9 часовъ стихло и мы пошли бечевой. Сегодня, слава Богу, подвинулись далеко безъ труда рабочимъ; они хорошо отдохнули, что очень порадовало меня: въ случаѣ усталости или болѣзни, въ дикой пустынѣ ожидать пособія неоткуда.

Теперь идемъ къ NO. Между красивыхъ холмовъ сѣвернаго берега впадаетъ рѣчка Кушъ-шоръ. Слово кушъ значитъ голое или безлѣсное; шоръ — ручей; и дѣйствительно, мѣсто это безлѣсно. Окрестность похожа на обработанную землю; и невольно заходитъ въ голову мысль, что тутъ когда-то было поселеніе. Теперь тутъ слышенъ только вой волковъ и видны повсюду слѣды медвѣдей; приставая къ берегу, только ихъ и видишь — это настоящіе обитатели края.

2 часа пополуночи.

Въ 11 часовъ шли къ NO. Здѣсь выпала изъ тундры рѣчка Миронъ-ю.

Въ 12 часовъ прошли мимо устья рѣки Азь-вы или Хырмора, которая течетъ изъ тундры; ширина ея въ устьѣ около 100 саж.

течетъ же она, какъ говорятъ, нѣсколько сотъ верстъ, начинаясь отъ озера Вашуткина, которое въ окружности будто бы нѣсколько десятковъ верстъ. Въ Азь-ву впадаютъ рѣчки: въ 150 верстахъ отъ устья Средняя Нядей-ты, т. е. Моховая-Рѣка, а въ 40 верстахъ—Харуть. По берегамъ Азь-вы превосходныя пастбища, покрытыя разноцвѣтными мхами, на которыхъ пасутся тысячи оленей.

Ночь довольно-темна; небо въ тучахъ; едва ли не будетъ дождя.

Нѣсколько дней какъ мы въ пути, а уже не стало нѣкоторыхъ припасовъ. Правда, я не позаботился запастись мясомъ и хлѣбомъ; перваго почти не было, когда мы пошли по Усь; втораго взяли мои товарищи одинъ коровай; но у насъ ѣсть сухари, крупа, масло и квашеное молоко — шема евъ по-зырянски; изъ сухарей и крупы варимъ кашу; молоко замѣняетъ квась, вино и все, что угодно. Мы обѣдаемъ послѣ труда прекрасно, съ удовольствіемъ, какъ едва ли обѣдаютъ за роскошнымъ столомъ, составленнымъ изъ множества фантастическихъ кушаньевъ: трудъ и слѣдствіе его — аппетитъ, чудная прापрава; а чай — это наша роскошь; я съ наслажденіемъ сижу за чаемъ въ моей маленькой лодкѣ, подъ парусинной крышей. Чай я пью утромъ послѣ купанья въ 7 часовъ; вечеромъ — въ 6 часовъ и никогда не нарушаю этого порядка. Изъ немногихъ оставшихся намъ привычныхъ удовольствій — питье чая лучшее, и я берегу его.

21 июля, полдень.

Въ 5 часовъ утра, недоходя трехъ верстъ до горы Адакъ, мы прошли мимо Каменнаго Острова. Онъ отстоитъ, отъ сѣвернаго берега не далѣе 100, отъ южнаго около 200 саж. Этотъ островъ, длиною до 80, а шириною до 15 саж., возвышается надъ горизонтомъ воды около 4 аршинъ. Средина его выпуклая, края отлогіе; онъ состоитъ изъ сплошной массы известняка; въ полноводье Усы онъ бываетъ глубоко подъ водой, которая поднимается отъ 4 до 5 сажень, что видно по чертѣ на береговыхъ горахъ. Идемъ прямо къ О и скоро поворотимъ на SO.

Въ 6 часовъ прошли мимо устья рѣчки Адакъ-бежъ-ель, впадающей съ сѣвернаго берега; отъ нея начинается круть горы Адака. Здѣсь Уса не шире 300 сажень; дно каменистое. Противъ горъ

мѣста очень глубокиа. Гора Адакъ служитъ рубежомъ, котораго дальше не поднимается, сельдь, по-зырянски зельдь, которой очень много въ Усѣ, и ловъ ея составляетъ немаловажную статью промысла. Ижемцы нарочно прїѣзжаютъ сюда ловить ее.

Утромъ мы видѣли въ ущельяхъ высокихъ береговъ глубокие слои снѣга.

Всю ночь комары не дали спать—такъ было ихъ много; иногда сидишь въ такомъ густомъ дыму, что едва можно дышать, но и это отраднѣе, чѣмъ борьба съ безчисленной ватагой назойливыхъ насѣкомыхъ. Спасибо отцу Иннокентію: онъ подарилъ мнѣ сѣтку, которая порой защищаетъ меня отъ нихъ.

Уса измѣнилась здѣсь во многомъ: берега болѣе каменисты, вода свѣтлѣе, особенно у южнаго берега; это, видно, вода рѣки Косьи, или Косвы.

Въ 7 часовъ подошли къ Адаку. Прорвавши каменный хребетъ этихъ горъ, рѣка течетъ между высокихъ скалъ; онѣ известковой породы, цвѣта сѣраго, бѣловатаго и краснаго; нѣсколько каменныхъ глыбъ, отдѣлясь отъ горы, стоятъ какъ колонны; въ скалахъ лѣваго берега есть пещеры; между лѣсовъ, покрывающихъ горы, виднѣн бѣлый мохъ. Въ верхнемъ концѣ горъ, съ праваго берега течетъ маленькая рѣчка Адакъ-Шоръ, а немного выше съ той же стороны — рѣчка Адакъ.

Хребетъ Адака, вѣроятно, отрасль Урала. Направленіе его отъ сѣвера къ югу и отъ русла Усы прямо къ верховью рѣки Косьи и къ Уральскимъ Горамъ, изъ которыхъ она истекаетъ. До него Уса течетъ въ направленіи къ сѣверу, въ горахъ заворачивается къ западу, а потому, пойдя скалы Адака, мы пошли почти прямо на S; передъ нами открылось предлинное плесо, верстъ на 15; вдали на южномъ горизонтѣ виднѣлись выси Уральского Хребта. Оба берега рѣки состояли изъ прекрасныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и березовыми рощами. Въ одномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, мы видѣли слѣды цѣлаго стада оленей. Самоѣдъ, рассмотрѣвъ эти слѣды, увѣрялъ, что стадо было здѣсь не больше какъ за часъ до нашего прихода. Хребетъ Адака тянется вблизи отъ лѣваго берега Усы; мѣстами скалы его бѣлѣютъ среди темнаго еловаго лѣса и зеленыхъ кустарниковъ. Около трехъ верстъ выше мѣста, гдѣ Уса прорывается черезъ Адакъ, на лѣвомъ берегу есть ручей, въ которомъ течетъ тепловатая, мутная вода, имѣющая очень дурной запахъ и

будто-бы вредное вліяніе на здоровье. Миклей рассказал мнѣ, что когда-то онъ, кочуя съ своими одноземцами, остановился чумомъ у этого ручья; олени съ жадностью пили изъ него воду и вскорѣ многіе пали. «Мы бережемся этого ручья», прибавилъ мой проводникъ: «это худое мѣсто».

Въ эти мѣста, около сентября мѣсяца, прикочевываютъ много Самоѣдовъ и Ижемцевъ; здѣсь есть хорошія моховыя пастбища для оленей.

Плыва вдоль берега, мы издали увидѣли питомца тундръ — бѣлаго оленя, который, не замѣчая насъ, преспокойно пилъ воду. Мы подошли къ нему довольно-близко; его легко было застрѣлить, но мнѣ не хотѣлось лишить жизни это прекрасное животное. Лишь только онъ увидѣлъ насъ, поднялъ голову, быстро понесся по косогору, нѣсколько разъ останавливался, смотрѣлъ на насъ и наконецъ скрылся изъ виду.

Довольно-крѣпкій вѣтеръ съ 80 дугъ намъ почти на встрѣчу; мы поднимаемся вдоль праваго берега. Кругомъ прекрасныя виды; мѣстами горы и холмы, покрытыя зеленью; порой видны скалы Адака; впереди темнѣютъ возвышенности, изъ которыхъ течетъ рѣка Косья. Такихъ ландшафтовъ на Печорѣ немного; но кругомъ безжизненность, пустыня. Вдругъ Миклей прервалъ мои думы: «Вонъ лодка видно!» — сказалъ Самоѣдъ. Я едва въ трубу разсмотрѣлъ ее вдали. Зрѣніе Самоѣдовъ удивительно: ихъ узкіе глаза видятъ далеко. Мы видѣли только чернѣющую точку, а онъ различилъ лодку и сосчиталъ число проѣзжихъ. Лодка — необыкновенное явленіе на Усѣ — привлекла наше общее вниманіе. Скоро темное пятно стало принимать и для насъ форму лодки. Мы думали, что плывутъ Самоѣды; но когда они поравнялись съ нами, мы узнали въ проѣзжихъ Ижемцевъ, возвращавшихся съ рыбаго промысла отъ устья Косьи, и они давно замѣтили насъ и давно перестали грести, увидя лодку съ парусинной крышей. Ихъ четверо. 27 іюня выѣхали они изъ дому, и по Косьѣ въ двѣ недѣли успѣли выловить и посолить до 100 пудъ чировъ, сиговъ и пелядей; ловъ идетъ удачно. На обратномъ пути они будутъ еще неводить у горы Адака. Еслибъ имъ поймать еще столько же рыбы — то они и довольны. Въ половинѣ августа они надѣются быть дома; по Косьѣ они видѣли до 30 рыболововъ. Я купилъ у нихъ свѣжей рыбы и икры и попотчивалъ виномъ. Затѣмъ мы простились съ взаимнымъ

желаніемъ успѣха. Разстоянія по Усѣ у нихъ измѣрены по-своему; близко ли къ настоящему ихъ измѣренію, повѣрить трудно, но должно думать, что они едва-ли ошиблись во многомъ: отъ устья Усы вверхъ до Косья считаютъ путь на 7 дней, отъ Косья до Лѣмвы на 4 дня и отъ Лѣмвы до Ельца на 4 дня; стало - быть, устье Косья почти на половинѣ пути. Мы шли до него безостановочно бечевой и парусомъ 52 часа; полагая средній ходъ по 5 верстѣ въ часъ, значитъ мы прошли 260 верстѣ. Ижемцы считаютъ 250. Мы сходимся въ исчисленіи довольно-близко. Здѣсь видимъ много большихъ съ голубыми крыльями чаетъ.

10 часовъ вечера.

Сегодня раза три шелъ сильный дождь; рабочіе перемокли, но тепло и тихо — лучшая пора для комаровъ, нашихъ недруговъ.

Въ часъ пополудни начали заворачиваться къ О, въ 2 часа къ NO, а въ три часа уже къ NNO. Здѣсь впадаетъ, съ лѣвой стороны по теченію Усы, которую я называлъ южной, большая рѣка, Косья, вытекающая изъ Уральскихъ Горъ; она шириной едва-ли менѣе 150 сажень. Утромъ видны были вдали горы хребта, подлѣ которыхъ она течетъ съ юга. Отъ устья Косья Уса становится гораздо уже. Съ заворотомъ къ NO, мы начали отходить отъ высокихъ мѣстъ, между которыми текутъ свѣтлыя воды Косья и отъ хребта Адака. Здѣсь берега Усы низменные, луговые. Какое обширное скотоводство можно бы имѣть на этихъ пространныхъ настищахъ!

Нѣсколько верстѣ выше устья Косья, съ той же стороны, впадаетъ рѣчка Малая-Кочьма; еще немного выше — Большая-Кочьма, которая шириной около 50 сажень; обѣ онѣ текутъ изъ горъ.

Сегодня мы сдѣлали большой обходъ, думаю около 40 верстѣ, а прямымъ путемъ было бы не больше 10. Сначала долго шли къ S и къ SO, потомъ къ O и къ NO и даже къ NNO, а въ 9 часовъ заворотили опять къ O. Здѣсь встрѣтили мы острова и отмели. Уса разливается широко. Слава Богу, начинаетъ выяснивать; не будетъ ли холоднѣе? это отгонитъ комаровъ.

22 июля, полдень.

Въ три часа пополуночи прошли мимо устья рѣки Малой, а въ

4 часа Большой - Роговой, текущихъ въ Усу съ праваго берега; Большая называется по-самоѣдски Хурморъ; она неменьше Колвы; устье ея въ 3 верстахъ отъ Малой. Эта рѣка образуется довольно-далеко въ тундрахъ; изъ озеръ, вблизи одной изъ отраслей Большае-земельскаго Хребта. По берегамъ ея много моховыхъ равнинъ; противъ устья есть изба, принадлежащая одному изъ богатѣйшихъ ижемскихъ оленеводовъ. По словамъ Миклея, у него до 8000 оленей; кромѣ того, значительный наличный капиталъ. Въ концѣ ноября стада подходятъ къ устью Хурмора, гдѣ часть ихъ бьютъ. Назначеніе — сколько убить, зависитъ частью отъ приплода, частью отъ здоровья оленей. Говорятъ, бывали годы, что у этого оленевода убивали здѣсь больше тысячи оленей. Мясо идетъ въ продажу или въ мѣну Самоѣдамъ на пушные товары; обыкновенная цѣна отъ 3 до 4 р. за тушу. Языки и сало везутъ въ Ижемскій Погостъ, откуда отправляютъ въ Архангельскъ или на ярмарки; изъ кожъ въ Ижиѣ дѣлаютъ замшу, которую продаютъ Галичанамъ и въ Москву, а часть употребляютъ на перчатки, приготовляемыя для продажи. Полагая все въ цѣну, выходитъ, что олень даетъ до 10 р. ассигн., а именно: мяса на 4 р., сала до 10 ф. по 15 к. — на 1 р. 50 к., языкъ — 20 к., кисы, т. е. кожа съ ногъ — 30 к., кожа — 4 р.; слѣдственно, отъ 1000 оленей можно выручить до 10,000 р. асс. Сверхъ того, мѣна даетъ еще значительныя прибыли промышленникамъ отъ привозныхъ товаровъ въ тундру и вымѣниваемыхъ отъ Самоѣдовъ; а содержаніе стадъ стоитъ имъ очень немного, да и за трудъ они платятъ оленями, или мясомъ, но рѣдко деньгами. Разумѣется, и въ этой промышленности бываютъ черные годы: иногда распространяются въ стадахъ болѣзни; иногда много оленей гибнетъ отъ недостатка корма.

Мѣста все еще низменны; идемъ въ направленіи къ NO и порой къ N. Въ 8 часовъ подняли парусъ; вѣтеръ отъ SW; но вотъ забѣжали за острова въ мелководный протокъ и должны версты двѣ спуститься обратно. Въ 9 часовъ вѣтеръ крѣпче; берега однообразно-низки, только мѣстами есть небольшіе боровые мысы.

Въ 11 часовъ видѣли на сѣверномъ берегу рыболовную избу: здѣсь и промышленная хижина привлекаетъ вниманіе. «Что это за изба?» спросилъ я Миклея по-зырянски. Съ флегматическимъ спокойствіемъ Самоѣдъ отвѣчалъ: «Изьватасъ лѣтъ керка» т. е. Ижемцевъ изба, и замолчалъ. Его нескоро вызовешь на разговоръ.

Въ 12 часовъ спустили парусъ; обходимъ мысъ южнаго берега по направленію къ О, но скоро пойдѣмъ къ Н и, кажется, къ NW. Сѣверный берегъ высокъ, и такимъ ровнымъ крутымъ скатомъ склоняется къ гладкому, чудесному бечевнику; рѣки и кустарники такой красивой аллеей расположены на немъ, что невольно подумаешь, не набережная ли это, устроенная искусствомъ челоуѣка?

22 июля, 9 ч. вечера.

Въ часъ пополудни рабочіе отдыхали. Мы опять бѣжали подъ парусомъ. Самоѣдъ Миклей сидѣлъ на носу лодки и мы разговаривали съ нимъ по-зырянски о тундрѣ. Передаю въ переводѣ его разсказъ.

«Въ тундрѣ намъ весело (говорилъ онъ); зиму откочевавши въ лѣсахъ, или около камня, гдѣ боръ и мохъ, тамъ и житъе зимой со стадомъ; лѣтомъ идемъ въ тундру, на сѣверъ. На одномъ мѣстѣ живемъ день, иногда два, три и даже пять, пока есть кормъ для оленей. Зимой олень добываетъ бѣлый мохъ изъ-подъ снѣга, а лѣтомъ иногда питается травой и листьями керча,*) котораго въ тундрѣ много. Зимой тамъ бываютъ страшныя вьюги и метели, а потому жить нельзя; но лѣтомъ хорошо: днемъ тепло, даже иногда жарко, а ночью прохладно. Ну, и одѣнешься потеплѣе, да за тебѣ комаровъ: не обидно ни намъ, ни оленямъ. Въ тундрѣ мы почти всѣ знаемъ другъ друга; бываемъ рады встрѣчѣ съ родными и пріятелями. Лѣтомъ берестяныя чумы видны далеко; иногда на виду по холмамъ нѣсколько чумовъ; мы даже по дыму узнаемъ кочевья не за одинъ десятокъ верстъ, и знаемъ чей долженъ быть тамъ чумъ. Богатымъ, вѣстимо, вездѣ лучше. Иной только встанетъ, запряжетъ въ легкія сани отличную тройку быковъ**) и летитъ по тундрѣ къ чуму друга; тамъ его принимаютъ радушно; иногда для дорогаго гостя заколютъ жирнаго оленя, полакомятся его теплымъ мясомъ и кровью (мы ѣдимъ сырое и пьемъ кровь: это намъ кажется очень вкуснымъ); пируютъ и ѣдятъ цѣлый день, иногда два, три; гостей собирается много, до десятка, и больше. Если есть вино — такъ ужъ полный пиръ. Да, богатые живутъ весело;

*) Растеніе, не выше 3 четвертей аршина съ мелкими листьями.

**) Быками называютъ кландныхъ оленей.

и о чемъ имъ думать, когда есть сотъ пять оленей? Для присмотра у нихъ наняты работники; обыкновенная плата въ годъ пять и шестъ оленей, готовая пища и платье; то и другое отъ оленя. Для присмотра за стадомъ людей нужно немного: на пятьсотъ, даже на тысячу довольно двухъ человекъ, а троякъ можно управиться и съ двумя тысячами, потому-что настоящие-то сторожа — сабаки. Зато ихъ и цѣнятъ дорого: за лучшую собаку даемъ два, три и даже четыре оленя. Къ тысячѣ оленей довольно трехъ добрыхъ собакъ. Олени, на которыхъ мы ѣдимъ, цѣнятся дороже: за много не возьмутъ пяти простыхъ, особенно за передоваго; такихъ ходятъ какъ лошадей. Зимой пара, а лѣтомъ тройка, или четверка одного съдока несутъ довольно-быстро, безъ остановки, верстъ по пятидесяти. Большими стадами кочевать неудобно, и потому раздѣляютъ ихъ. Лѣтомъ въ одномъ стадѣ ходитъ оленей по тысячѣ и больше, а зимой меньше: тогда трудно находить кормъ. Жены и дочери наши дѣлаютъ чумы, приготавливаютъ изъ жилъ оленя нитки, шьютъ платья и обувь, готовятъ пищу; есть такія, которыя только и живутъ шитьемъ. Да, лѣтомъ въ тундрѣ очень весело! Иногда подвигаешься понемногу впередъ и вдругъ видишь вдали, на высокомъ мѣстѣ дома; подумаешь, деревни—откуда взялась? Знаешь, кругомъ нѣтъ жилья; вотъ и подойдешь ближе и увидишь одни бугры. Тундра неровна, все холмы; нныя крутыя, другіе отлоги, а есть и высокія горы; виды красивы; почти вездѣ сухо; иногда ѣдешь цѣлый день—и олень копыта не замочитъ. Мѣстами бѣлый, черный и красный мохъ. Сырыя и болотистыя мѣста покрыты бѣлоголовчатомъ травой^{*)}, издали словно снѣгъ лежитъ. Правда, и его есть немало на холмахъ, въ рываннахъ и подъ крутыми берегами рѣкъ. Озеръ у насъ много; нныя очень велики и глубоки. Мы спускали въ одномъ озерѣ камень на веревкѣ до 100 саж. и не достали дна, а вода такъ свѣтла, что на двѣ сажени видѣнъ песокъ. Въ одномъ мѣстѣ на большомъ озерѣ есть островъ; онъ весь, я думаю, изъ мѣдной руды разныхъ цвѣтовъ: зеленаго, чернаго и мѣдилистаго. А сколько въ озерлахъ всякой рыбы—и сига, и пелядей, и чировъ! Ловимъ большими неводами. Бывало, закинешь и столько вытянешь, что достанетъ рыбы не на одинъ день; иногда мелкую дѣвать некуда: соли у насъ нѣтъ. Крупная рыба жирна и вкусна. Ну, хлѣ-

*) Болотный пухъ.

богъ мы небогаты; иногда муку привозимъ отъ Ижемцевъ. Да можно и безъ нея жить. Рѣкъ по всей тундрѣ много; есть быстрыя и съ каменными берегами. Множество гусей и утокъ прилетаютъ на рѣки и озера; но и кромѣ ихъ, въ тундрѣ много разныхъ птицъ; кажется, тамъ птицы всѣхъ родовъ, какія есть на свѣтѣ. После этого, какъ же не весело въ тундрѣ! То кочуешь, то остановившись у озера неводишь рыбу, или кулемами ловишь песцовъ; проворный промышленникъ поймаетъ ихъ много, до сотни и больше. Лѣтній звѣрь недорогъ; отдаемъ песца по рублю, а зимнiе по три рубля; голубыхъ мало; за нихъ - то платятъ по 7 руб. и дороже. Годомъ родится морошка; мы запасемъ ее на зиму. Когда самъ и стадо здорово, да промыселъ удаченъ — гдѣ же можно жить веселѣе, какъ не въ тундрѣ?

Зачѣмъ же ты переселился къ Колвинскому Погосту, когда такъ весело въ кочевьѣ по тундрѣ?» спросилъ я.—«Да, такъ, и самъ не знаю зачѣмъ. Женился; а жена хочетъ жить въ деревнѣ — и я отъ того не прочь. Можетъ быть, и здѣсь будетъ хорошо» — отвѣчалъ онъ. «Въ ностѣ, разумѣется, будетъ лучше» сказалъ я: — тамъ и благовѣсть слышишь, тамъ и въ церковь — помолиться сходишь. — «Да, правда, веселѣе, веселѣе», съ выраженiемъ удовольствiя отвѣчалъ Миклей.

По рассказамъ Миклея и другихъ, тундра представляется пространствомъ неровнымъ, топкимъ и болотистымъ. Это безлѣсная степь сѣвера, богатая птицами и животными, по которой тянутся высокіе хребты, холмы и горы; она усѣяна множествомъ свѣтловодныхъ озеръ, прорѣзана рѣками и рѣчками, изобилующими рыбой, покрыта разноцвѣтными моховыми коврами, гдѣ пасутся сотни тысячъ оленей и кочуютъ коренные обитатели страны, Самоѣды, и дѣятельные пришельцы съ береговъ Ижмы, завладѣвшіе всѣми выгодами края, богатаго, по своему положенiю, дарами природы. Развѣ не богатство — мохъ, питающій оленей, дичь и рыба, обезпечивающія существованіе полудикихъ обитателей тундры?

Въ 2 часа открылось передъ нами, въ направленіи къ О, предлинное плесѣ, версть около 13. Оба берега становятся высоки; холмы доходятъ мѣстами до самой рѣки; они покрыты еловымъ лѣсомъ; паденіе воды довольно-сильно. Вдали на горизонтѣ видны выси Урала. Въ 4 часа мы прошли мимо устья рѣки Ольховой, впадающей съ южной стороны. Противъ нед, по сѣверному берегу

тнется прекрасный боръ. Въ 5 часовъ миновали устье рѣки Безъимянной. Она впадаетъ между высокихъ горъ южнаго берега, покрытыхъ мѣстами лѣсомъ и бѣлымъ мохомъ. Эта рѣчка около 25 саж. ширины. Идемъ къ Н. Довольно-долго шелъ я пѣшкомъ по высокому моховому бору, покрытому рѣдкимъ лѣсомъ, но попалъ на свѣжій слѣдъ большого медвѣдя, и не рѣшился отдалиться отъ берега, чтобъ не встрѣтиться съ косматымъ обитателемъ пустыни. Медвѣдей здѣсь очень много; слѣдовъ ихъ пропасть.

Съ берега чудные виды; на восточномъ горизонтѣ, въ туманѣ облаковъ, порой видны громады Урала; противоположный берегъ уравниенъ какъ-будто по ватерпасу и обсаженъ ельникомъ.

Въ 6 часовъ прошли мы мимо устья рѣки; это едва ли не Большая Ольховая; она впадаетъ съ южной стороны, а на сѣверномъ берегу въ этомъ мѣстѣ изба рыболововъ.

Если бы не было облачно, то хребетъ Урала постоянно былъ бы видѣнъ на SO.

Здѣсь Уса неширока, едва ли больше 200 саж.; иногда высокій материкъ подходитъ къ самой рѣкѣ, иногда даетъ мѣсто низменному берегу съ каменистымъ бечевникомъ. Въ 10 часу такъ стемнѣло, что я досталъ огня. Идетъ дождь; вѣтеръ съ востока.

Въ 11 часовъ стало тихо; комаровъ опять тма. Идемъ въ направленіи къ О.

Около полуночи прошли устье рѣки Лѣмвы, впадающей съ южной стороны; она едва ли здѣсь не больше Усы. Лѣмва течетъ изъ Уральскихъ Горъ; на протяженіи 50 верстъ отъ Устья въ нее впадаютъ три довольно-большія рѣки, названія которыхъ не могли мнѣ сказать. На низменномъ мысу, при слияніи Усы и Лѣмвы, стоитъ нѣсколько избъ, временно обитаемыхъ; вокругъ до десятка амбаровъ, занятыхъ товарами и припасами Ижемцевъ. Зимой здѣсь бываесть порядочный торгъ — размѣнъ произведеній тундры на потребности ея жителей. Самоѣды и Егры тогда прикочевываютъ къ этимъ мѣстамъ, или пріѣзжаютъ сюда, какъ на рынокъ, съ плодами своихъ промысловъ; они привозятъ сало, оленье кожи, шкуры звѣрей, рыбу, кожи морскихъ животныхъ и проч. Ижемцы вымѣниваютъ эти товары на хлѣбъ, иногда на оленье мясо и разныя мелочи и покупаютъ на деньги. Прежде они привозили вино — самый выгодный товаръ для размѣна, потому-что на чарку водки Самоѣды охотно промѣнивали иногда шкуру песца, или лисицы. При-

страстіе къ рѣпкимъ навиткамъ, свойственное всѣмъ дикимъ племенамъ, объясняетъ такой невыгодный для нихъ торгъ; но оно также есть одинъ изъ источниковъ нынѣшняго благосостоянія ижемскихъ оленеводовъ и быстрого разстройства въ этой промышленности Самоѣдовъ.

Здѣсь живутъ иногда и рыболовы. Известно, по преданіямъ, что въ старину по Усѣ доставлялись произведенія Зауралья къ торговцамъ Великаго Новгорода. Тогда, можетъ быть, развѣвъ дѣлался на значительныя суммы; можетъ быть, здѣсь былъ огромный базаръ, куда стекались тысячи кочующихъ Уральцовъ, потому что это былъ едва-ли не единственный путь изъ Сибири; но теперь проложены другіе пути, и здѣсь сбываются только одни избытки сѣверныхъ тундръ.

Кромѣ судоходнаго пути по Усѣ и Собѣ, были еще за Уралъ пути по Щугорѣ и Ильдѣ къ рѣкамъ Сосвѣ и Вогулкѣ, которыя современемъ замѣнились морскимъ путемъ на судахъ, называвшихся кочами. На нихъ отправлялись изъ самаго Архангельска, мимо Острова Калгуева черезъ Вайгачскій Пролівъ в Карское Море, изъ котораго входили въ устье Рѣки Мутной. Бассейнъ вдоль этой рѣки перерѣзываетъ мысъ Емалъ. Пройдя пять дней по Рѣкѣ Мутной и черезъ два овера, въ окружности каждое отъ 10 до 12 верстъ, доходили до волока, гдѣ, чрезъ перешеекъ около 2 версты, перетаскивали кочи въ Озеро Зеленое, изъ котораго истекаетъ Рѣка Зеленая, и по ней спускались въ Обскую Губу. Сколько известно, на этомъ пути имѣлъ дѣла жители города Архангельска, но также производили торгъ Англичане и Голландцы, которымъ, однажды, въ 1620 году, плаваніе по Сѣверному Океану было воспрещено, въ томъ предположеніи, что, покупая пушные товары отъ кочующихъ инородцевъ, они затрудняли сборъ ясака.

Предпримчивый торговецъ, изъ гражданъ устьесольскихъ А. Л. Сухановъ производилъ много лѣтъ торговлю съ Самоѣдами; онъ неоднократно зимовалъ на Лѣмвѣ; изба его и теперь еще существуетъ въ трехъ верстахъ отъ устья; иногда тамъ живутъ Ижемцы. Въ дѣтствѣ я слышалъ о его поѣздкахъ на Усу. Какъ отдаленны казались мнѣ тогда эти мѣста! Теперь случай самого привелъ посѣтить ихъ. Нынче я не заѣхалъ въ Лѣмву; побываю на возвратномъ пути.

Торонлюсь, чтобъ не остановить ходъ лодки даже и на полчаса.

Рабочіе ужинають попеременно. Ночь темна; на очагѣ пылаеть огонекъ.

10 часовъ утра 23 июля.

Отъ Лѣмвы Уса стала уже на половину. Ночью были мѣста, неудобныя для хода бечевой; но это случилось рѣдко: бечевникъ вездѣ почти хорошъ, а оттого идемъ довольно-успѣшно.

Направленіе постоянно къ О, съ небольшими отклоненіями къ NO, и иногда къ N. Теперь Уса течетъ въ твердомъ руслѣ; берега каменисты и довольно-высоки; ни острововъ, ни мелей нигдѣ нѣтъ вромѣ устья Лѣмвы. Въ 9 часу обошли крутой каменистый мысъ; по берегамъ мелкій еловый лѣсъ, разсѣянный по красивымъ возвышенностямъ, мѣстами покрытымъ мохомъ. Теченіе воды тихо; рѣка очень глубока. Подняли парусъ. Отъ берега тянутся длинныя косы, усѣяныя булыжникомъ; на нихъ теченіе довольно-быстро. Продолжается дождь. Здѣсь уже рѣдки длинныя плѣсы; рѣка становится извилистой; вода цвѣта зеленоватого.

Проводникъ мой когда-то былъ ниже Лѣмвы, по Усѣ, по этимъ мѣстами всѣ мы идемъ въ первый разъ; угадаемъ ли устье Ельца? Не своротимъ ли вмѣсто этой рѣки въ другую? — иногда думаю я.

Часъ за полночь.

Съ полднѣнъ шли мы къ N и даже нѣсколько къ NNW; берега каменисты; теченіе становится быстрѣе. Въ 2 часа, подлѣ каменной косы, круто поворотили къ SW. Уса начинаетъ походить на горный потокъ; берега и дно устланы камнемъ. Нерѣдко наша утлая ладья испытываетъ сильныя толчки. Днемъ на юго-восточномъ горизонтѣ, между облаковъ, были видны Уральскія Горы. Одинъ отрогъ возвышался надъ массой; его называютъ Самоѣды Лагорта, какъ говоритъ Миклей, по имени богатаго оленевода изъ племени Егровъ, котораго постоянное кочевье у подошвы этой горы.

Часто льетъ дождь. Двойная досада на ненастье: во-первыхъ, идемъ медленно; рабочіе, промокши скорѣе устаютъ; во-вторыхъ, сколько прекрасныхъ картинъ скрыли отъ насъ эти темныя тучи! Уральскія Горы цѣлый день были въ виду.

Рабочіе гонялись за линялыми гусями, но ни одного не поймали, а эта добыча-улучшила бы нашу провизию: каша надоѣла.

Въ 3 часу проходили мимо прекраснаго крутаго берега, мѣстами поросшаго то мелкимъ ельникомъ, то бѣлымъ мохомъ. Здѣсь лѣсовъ уже меньше и притомъ они негусты.

Въ 4 часу опять шли нѣсколько къ NW; направленіе рѣки безпрерывно измѣняется; чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться каменные косы. Выдаваясь въ рѣку, онѣ образуютъ не большія, но очень глубокія гавани. Берега отчасти красивы, мѣстами опушены березникомъ; въ рѣкѣ подлѣ берега большіе камни.

Въ 9 часовъ было тихо; нельзя пробытъ и 5 секундъ, не отмахиваясь отъ комаровъ; они насъ замучали. Подлѣ меня поставленъ котелъ съ угольемъ, на него безпрерывно подкладываю можжевельникъ; сажу въ густомъ дыму. Рабочіе мои изъ мѣстъ, обильныхъ комарами, но и они удивляются множеству ихъ по Усѣ.

Здѣсь очень много бѣлыхъ небольшихъ чаекъ; только онѣ и оживляютъ безмолвіе пустыни; голубокрылыхъ уже нѣтъ.

Часу въ 11 я шелъ по берегу и любовался прелестно-чудною картиною горъ, на которыхъ играли лучи заходящаго солнца. Мѣстами тянулись блестящія бѣлыя полосы свѣжнихъ сугробовъ; мѣстами казалось, что цѣлыя скалы были покрыты свѣтлорозовыми, темными и синими цвѣтами; вершины нѣкоторыхъ горъ видѣлись въ блескахъ. Я шелъ по безлѣсной, холмистой долинкѣ; вдали кое-гдѣ торчали группы елей — это уже тундра; кругомъ холмы; ихъ перерѣзываетъ свѣтлая полоса рѣки — это нашъ путь въ невѣдомую для насъ пустыню. Берегъ покрытъ камнями; въ одномъ мѣстѣ складена изъ нихъ колонна, вышиной около сажени; вѣроятно, въ память чьего-либо ночлега. Множество птичекъ, въ родѣ воробьевъ, порхали въ мелкихъ кустарникахъ. Вѣтеръ съ N вѣетъ холодомъ, и немудрено: мы уже вблизи полярнаго круга и не вдалекѣ отъ Уральскихъ Горъ.

Въ 12 часу прошли мимо устья рѣчки, впадающей съ южной стороны; шириной она до 20 сажень.

11 часовъ утра, 24 июля.

Ночью былъ вѣтеръ. Холодно, но зато давно не наслаждались такимъ спокойствіемъ: комары исчезли. Мы теперь среди настоящей тундры; рѣдко видимъ лѣсъ; всюду мѣста открытыя, холмы и долины. Берега такъ красивы, какъ — будто нарочно выровнены,

сглажены, выстланы дерномъ и индѣ усажены кустарниками. Вы не успеете полюбоваться однимъ мѣстомъ, какимъ-нибудь дальнимъ холмомъ, и вотъ, по направленію рѣки, нѣсколько далѣе, показываются новыя долины, рощицы; возвышенности еще красивѣе прежнихъ. Ручьи и рѣчки разрѣзываютъ тундру, образуютъ овраги; берега ихъ опушены кустарниками, кой-гдѣ даже елями, а они здѣсь становятся рѣдкостью.

Сегодня прекрасная погода; небо ясно.

Часовъ въ 11 я вышелъ на берегъ посмотрѣть не видно ли горъ. У самаго берега замѣтили, сажени на двѣ квадратныхъ, измятую траву: нетрудно было рѣшить кто покоился здѣсь въ эту ночь; потомъ мы увидѣли и слѣды большого медвѣдя. Говорятъ, что комары и медвѣдямъ не даютъ покоя; отбиваясь отъ нихъ, медвѣдь валется по травѣ и губить назойливыхъ насѣкомыхъ. Когда я поднялся выше, передо мной открылась широкая долина, усѣянная холмами, взрѣдка группами елей и кустарниковъ и прорѣзанная широкимъ русломъ Усы. Вдали на горизонтѣ, какъ темная туча, тянулся хребетъ Урала; на южныхъ склонахъ рѣчнаго берега пестрѣло множество цвѣтовъ; вдали кое-гдѣ группы елей покрывали отдѣльные гребни возвышенностей, похожихъ издали на небольшіе хребты горъ; мѣстами лежали сугробы снѣга — здѣсь будто все еще начало весны.

12 часовъ ночи.

Въ полдень шли прямо къ N. Впереди отъ запада въ направленіи къ востоку тянулся высокой хребетъ горы; подлѣ нея русло Усы заворачивается къ O.

Миклей увѣряетъ, что мѣстоположеніе Больше-земельской Тундры точно таково, какъ мы видимъ здѣсь. Если это правда, то удивительно, что онъ съ восторгомъ говоритъ о своихъ кочевьяхъ. Жаль, что въ эту пору Самоѣды откочевываютъ къ сѣверу и мы не увидимъ ихъ переходныхъ поселеній съ многочисленными стадами, оживляющими мертвенность этой пустыни; да, мы не увидимъ того, что составляетъ жизнь края.

Въ 1 часу встрѣтили мы у сѣвернаго берега стадо гусей, которые торопливо тянулись на гору. Мы пристали къ берегу и пустились за ними въ погоню; четыре гуся были добычею нашей ловли.

Въ часть пополудни подошли мы къ устью рѣки Сейда-ю, или Сю-юго. Она течетъ изъ озера Хорвел, или Харвел, и впадетъ въ Усу подлѣ сказаннаго кряжа горъ отъ W. Вода въ этой рѣкѣ такъ мутна, что едва ли можно употреблять ее въ пищу: это гуща грязи. Изъ русла этой рѣки вѣяло холодомъ; истоки ея, говорятъ довольно-далеко. Въ устьѣ она шириной около 40 сажень.

Вотъ и по берегамъ Усы показались снѣжные сугробы.

Немного бѣжали парусомъ; но здѣсь плёсы рѣки уже не длинны; рѣдко идемъ версту по одному направленію.

Въ 4 часа круто поворотили къ N и потомъ къ NNW; миновали нѣсколько каменныхъ косъ. Мѣстоположеніе также красиво; виды непрерывно измѣняются. Здѣсь уже лѣсъ не достигаетъ полнаго возраста; самыя высокія деревья не больше 4 и много уже 3 сажень; часто видишь грушвы посохшихъ елей.

6 часовъ.

Ближе и ближе подходимъ къ Уральскому Хребту; почти постоянно видимъ его на югѣ. Я шелъ по сѣверному берегу рѣки и поднялся на вершину одного холма. Мнѣ кажется, отъ русла рѣки онъ возвышается неменьше ста сажень. Долго я стоялъ на немъ — такъ прекрасны казались мнѣ окрестности! Съ южной стороны, противъ холма, впадаетъ въ Усу рѣчка Кэчъ-пель, что значитъ позырянски залъче-ухо. Она, какъ горный потокъ, шумѣла и пѣнилась по довольно - крутому скату въ каменистомъ руслѣ, окруженномъ высокими берегами. До меня доносился шумъ ея стремленія. При устьѣ Кэчъ-пелы, на лѣвомъ берегу ея, среди еловой рощи и березника, находится рыбацья изба; подлѣ нея амбаръ. Здѣсь порой живутъ промышленники. Кэчъ-пель обильна рыбой.

По берегу много пѣвтовъ, особенно незабудокъ. Здѣсь мѣстами берегъ покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ, но между нимъ много посохшихъ деревь.

Въ 9 часовъ шли къ NO; и въ той сторонѣ показались на горизонтѣ горы Урала, ближе и ближе подходимъ къ нему, быстрѣе и быстрѣе становится Уса, особенно, гдѣ есть каменные косы. На бечевѣ работаютъ уже двое.

Въ 10 час. прошли мимо устья рѣчки Воркоты. Она течетъ изъ болотъ и впадаетъ съ сѣверной стороны. Противъ устья этой рѣки большой островъ.

Въ полночь мы увидѣли на сѣверномъ берегу огонь и вокругъ него людей. Это были ижемскіе рыболовы; я обрадовался встрѣчѣ съ ними, въ надеждѣ узнать что-либо отъ нихъ объ Ельцѣ, о пути къ Уральскимъ Горамъ и къ порубежнымъ озерамъ. Немедля мы пристали къ берегу. Рыболововъ было пятеро; они надняхъ приплыли отъ Ельца; тамъ у нихъ другая артель. Прежде до этихъ мѣстъ рыболовы рѣдко поднимались; но хорошій промыселъ въ прошломъ году одной артели, которая наловила до 200 пудъ рыбы, возбудилъ охоту и въ другихъ. Теперь ловъ еще неудаченъ; ждутъ хода харьозовъ.

• По нашему соображенію, мы прошли по Усѣ около 500 верстъ; а какъ отъ Ижмы до Усы до 400, слѣдовательно Ижемцы за 900 верстъ отъ своего дома ходятъ на рыбныя промыслы.

Отъ этого мѣста начинается большой островъ. Рыбаки совѣтовали намъ идти подѣ лѣваго берега. По одному руслу до Ельца около 20 верстъ, по другому — больше 30.

Они подарили намъ на дорогу рыбы, а я попотчиваю ихъ водкой. Ночью густыя тучи скрыли горизонтъ; поднялся сильный вѣтеръ; пошелъ дождь.

VIII.

Чумъ рыбаковъ на устьѣ р. Ельца. — Рыбакъ Никита. — Путь по Ельцѣ. — Видъ по берегамъ Ельцы. — Пороги. — Охота за гусями. — Пѣшеходный путь къ Уралу. — Раздѣльный пунктъ. — Озера. — Лебеди. — Богородская трава. — Мѣстность въ ложбинѣ. — Возвращеніе къ лодкѣ. — Возвратъ въ чумъ на Усѣ. — Предположеніе о судоходномъ пути съ Оби къ Печорѣ. — Рѣка Чусовая. — Искусственные пути къ Петербургу съ Волги. — Промышленность въ Сибири. — Встрѣча съ рыболовами. — Чумъ на устьѣ Лѣмвы. — Разсказъ Самоѣда о Карачахъ, объ Ижемцахъ. — Разсказъ ночью. — Усиѣнный сплавъ по Усѣ. — Возвратъ въ Колванскій Погостъ.

10 часовъ утра 28 июля, въ чумѣ рыбаковѣ, на устьѣ рѣки Ельца.

Какъ тепло и хорошо въ берестяномъ чумѣ, хоть и дымно! Огонекъ нѣмаетъ въ срединѣ; на таганахъ висятъ котлы; кругомъ и хозяева и гости; кто сидитъ, кто лежитъ, кто готовить обѣдъ. Всѣхъ насъ 11 человекъ. Шумно воетъ кругомъ буря въ бездѣльномъ пространствѣ; порой крупныя капли дождя стучать въ бересто чума, а дымъ, встрѣчая отъ дождя препятствіе къ выходу, густымъ облакомъ стелется внутри нашего пріюта. По привычкѣ, дымная атмосфера кажется намъ уже небольшимъ неудобствомъ. Всю ночь лилъ дождь и уже въ 4 часа утра мы подошли къ устью Ельца и увидѣли противъ него, на сѣверномъ берегу Усы, чумъ рыбаковъ. Они еще спали; двѣ собаки сторожили ихъ жилище. Какъ же удивились Ижемцы, когда пришли и разбудили ихъ нежданные гости! Скоро достали огня, съ лодки принесли самоваръ — и мы расположились въ чумѣ какъ у себя дома.

Сегодня воскресенье, и рыбаки отдыхаютъ. Вообще только по нуждѣ они рѣшаются въ воскресный день идти на работу.

Одинъ изъ рыбаковъ, старикъ Никита, прежде имѣлъ до тысячи оленей и кочевалъ около Урала; онъ разорился отъ невоз-

держной жизни. Онъ бывалъ въ здѣшнемъ краю человѣкъ. Мѣстность около озеръ у истоковъ Соби и Ельца ему была знакома въ старые годы, а потому я убѣдилъ его отправиться со мной.

Къ обѣду сварили двухъ гусей и подали невареныхъ сигаговъ. Здѣшніе рыболовы любятъ ѣсть невареную рыбу, и подчивали меня и моихъ рабочихъ. «Сѣй-буръ-мортъ», непрерывно повторяли мой хозяева, что значить: «кушай добрый человѣкъ». Ласково и привѣтливо услуживали они: кто подавалъ соль, кто хлѣбъ, другой подчивалъ сырцомъ молокомъ. Такое радушіе нечасто встрѣтишь. Для себя они еще приготовили саламату изъ ячной муки, на маслѣ. Саламатъ составляетъ у нихъ самое лакомое блюдо; но я довершилъ пиръ, предложивъ имъ по стакану чаю и водки. Зато они говорили, что сегодня у нихъ настоящій праздникъ: и гости и гостинцы. Между-тѣмъ Никита то-и-дѣло потягивалъ табачокъ изъ огромной берестяной тавлинки, а рассказамъ его и конца не было. Онъ старый холостякъ и, какъ видно, былъ гуляка безсемейный. Теперь онъ рѣдко ѣздитъ на Ижму, почти постоянно проживая на устьяхъ рѣкъ Лѣмвы, или Кѣчь-пеля. «Отчего же не ѣздишь на родину?» спросилъ я его, «неужели одному въ лѣсу жить лучше, чѣмъ въ селѣ?» Онъ отвѣчалъ, что домикъ съ елкой поглотилъ все состояніе его и что онъ не можетъ удержаться, чтобъ не посѣщать этого домика. Бѣднякъ пилъ запоемъ и отъ соблазна удалился въ пустыню. Встрѣча Миклея и старика Никиты взаимно обрадовала ихъ. Разговорившись, они узнали, что они нечужіе другъ-другу; наконецъ и для меня объяснилось это странное родство Самоѣда съ Ижемцомъ: радость и ласки старика выказывали ясно его родственную связь съ Самоѣдомъ. Онъ одарилъ, чѣмъ могъ, дорогаго нежданнаго гостя.

Рыболовы сказали, что по рѣкѣ Ельцѣ есть значительныя быстрины; что вода была очень велика, но теперь сбываетъ; что Уса отъ этого мѣста постепенно заворачиваетъ къ N, къ NW и даже нѣсколько къ W, а потомъ уже вершина ея идетъ прямо къ NO, къ горамъ Урала и находится въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Кары, по берегамъ которой кочующіе Самоѣды называются Карскими; что теченіе Усы еще верстъ на 200.

Дождя теперь нѣтъ; сильный вѣтеръ разнесъ тучи и передъ нами открылась на большое пространство громада Уральскаго Хребта; казалось, до него не дальше двухъ-трехъ верстъ, а едва ли еще

не больше 50. Уса на прибыли и потому очень быстра. Скоро отправляемся въ путь; но и новый проводникъ мой никогда не бывалъ на Ельцѣ. Онъ знаетъ, по словамъ другихъ, путь къ озерамъ, гдѣ кочевалъ съ своими стадами. Хорошо было бы встрѣтить около горъ хоть одинъ чумъ Самоѣдовъ; на оленяхъ я могъ бы съѣздить до Оби.

4 часа пополудни.

Въ 3 часа мы сѣли въ лодку; двое рабочихъ пошли бечевою; но лишь только отчалили отъ берега, кормщикъ зазѣвался, быстриной лодку заворотило, бечева натянулась, и еслибъ, по нашему крику, рабочіе не успѣли въ ту же секунду отпустить ее, лодка неминуемо опрокинулась бы; спасеніе въ кипящемъ потокѣ было бы трудно и сомнительно. По срединѣ Усы торчатъ нѣсколько камней; около нихъ шумитъ рѣка какъ въ водоворотѣ. Моя лодка крайне-узкая, и я убѣдился, что она негодится для быстрыхъ мѣстъ, особенно въ порогахъ Ельца. Рыбаки посовѣтовали мнѣ ее оставить и предложили свою, и я рѣшился взять ихъ некрытую, небольшую лодку. Припасовъ взяли на одну недѣлю, а прочее все оставляемъ, и сложили въ бочку, поставленную на берегу близъ чума, покрыли парусной и берестомъ; украсть здѣсь некому. Рыбаки-хотѣли на два дня спуститься по Усѣ и въ чумѣ никого не будетъ.

Дай Богъ хорошей погоды, а то въ ненастье, безъ крыши, будетъ несовсѣмъ удобно, тѣмъ больше, что здѣсь нѣтъ и лѣсовъ, не найдешь нигдѣ пріюта.

10 часовъ утра 26 іюля, по рѣкѣ Ельцѣ.

Вчера съ трудомъ поднимались по рѣкѣ Ельцѣ: она быстра; есть пороги, въ нихъ сильное стремленіе; лодка наша широка и потому хотя и менѣе опасна, но неудобна для хода. Мы шли въ направленіи къ NO. Русло рѣки почти прямое, съ небольшими уклоненіями къ O, и иногда къ SO; берега постоянно высоки и каменисты, изъ плитняка темнаго цвѣта; вода такъ чиста, что на глубинѣ больше сажени видны малѣйшіе камешки. Часовъ въ 9 вечера мы пристали къ лѣвому берегу, сварили рыбы, расположились на камняхъ вокругъ котла и порядочно поужинали.

Въ 10 часовъ остановились на ночлегѣ у праваго берега и раскинули кое-какъ палатку; всѣ улеглись въ ней на голой, сыроватой землѣ, и спади крѣпко.

Въ 4 часу утра встали и опять за работу. Теперь ужъ нѣтъ съ нами ни очага, ни другихъ удобствъ, какими пользовались въ моей лодкѣ. Въ 9 часу прошли подлѣ скалистыхъ береговъ. Русло рѣки мѣстами довольно-широко, больше 50 саж. Пройдя черезъ пороги, мѣстами встрѣчаются тихіе и глубокіе плёсы.

Я долго шелъ пѣшкомъ по длиннымъ склонамъ холмовъ, покрытыхъ мѣстами кустарниками, между которыми есть сырыя низменности, усѣяныя колокольчиками, купальницей, бѣлыми и розовыми цвѣтами и множествомъ незабудокъ, мелкихъ и крупныхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, особенно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; много и керчи — это родное растеніе тундры. Кругомъ холмы выше и выше, а за ними хребетъ Урала, съ бѣлыми, снѣжными долинами, вершины котораго скрыты въ облакахъ и въ туманѣ. Иногда взоръ обманывается: видишь цѣлую деревню, нѣсколько домовъ, наводишь трубу — а это или бугры, или группы кустарниковъ. Кажется недалеко до хребта, но еще долго надобно идти къ нему. Теперь ближе къ намъ одна отдѣльная гора, столь же высокая, какъ и другія; ее по-самоѣдски называютъ: Энгильпай, т. е. сторонній камень: пай — гора или камень. Сильно шумятъ свѣтлыя струи Ельца, встрѣчая преграду въ камняхъ, разбросанныхъ по самому руслу и въ узкихъ проливахъ между островами, стѣсняющихъ рѣку въ небольшой каналъ. Въ такихъ мѣстахъ медленно поднимается лодка, волны крутятся и брызжутъ около нея, а потому на кормѣ и на носу надобно дѣятельно и осторожно дѣйствовать шестами, съ желѣзными наконечниками.

11 часовъ.

Отъ устья Ельца мы отошли около 20 верстъ и перетянулись черезъ два значительные порога. Въ одномъ мѣстѣ, среди рѣки, образовался каменный островъ, который почти заперъ ея теченіе. Мы проходили по узкому, но глубокому каналу и едва-едва, съ помощью шестовъ и бечевы, тянулись противъ страшной быстрины: волны, крутятся и пѣнясь готовы были, казалось, залеснуть лодку. Другой порогъ былъ такъ же быстръ; теченіе рѣки стѣснено низ-

менной каменной косой, которая тянется отъ лѣваго берега. Здѣсь ходъ, подлѣ высокой скалистой крутизны праваго берега каналомъ, не шире 6 или 7 саженъ. Борты лодки скрывались въ гѣнистыхъ волнахъ; нужна была величайшая осторожность при управленіи ею. Въ большую воду въ обоихъ порогахъ плаваніе могло быть довольно-удобно, потому-что и камни и острова покрываются водой и теченіе, небудучи стѣснено, должно быть покойнѣе.

Противъ перваго порога небольшая еловая рощица, какъ-будто нарочно разсаженная по кособору; это уже послѣдній лѣсъ къ Уралу, а потому замѣтна и сотня невысокихъ елей.

8 часовъ вечера.

Въ полдень мы достигли мѣста, гдѣ Елецъ раздѣляется на два русла; однимъ течетъ рѣка съ горъ отъ SO и S. Мы пошли по другому въ направленіи къ N и NO; мы теперь уже среди горъ; впереди и направо горы, изъ которыхъ течетъ протокъ Ельца; въ лѣвой сторонѣ, почти противъ насъ, гора Энгль-пай; онѣ испещрены покрывающими ихъ снѣжными сугробами, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ. Вѣтеръ отъ NO. Комаровъ меньше, но все же они есть, что удивляетъ насъ: здѣсь и комары привычны къ дыханію сѣвернаго борея.

Горы, слитыя издали въ одинъ хребетъ, начинаютъ отдѣляться одна отъ другой: вотъ Энгль-пай, вблизи гора Гусей-пай, дальше еще и еще. Поднялся сильный вѣтеръ и разнесъ облака; на нѣкоторыхъ вершинахъ хребта держатся еще обрывки тучъ.

Остановивались сварить обѣдъ, но съ трудомъ отыскали дровъ; кое-гдѣ попадался сухой сукъ ивняка, или какого-нибудь другаго дерева. Какъ дорогую вещь, складывали мы ихъ въ лодку для ночлега. По берегамъ очень много цвѣтовъ; но всего больше незабудокъ; я не звалъ, что незабудка настоящій цвѣтокъ Сѣвера.

Проводникъ нашъ сказывалъ, что въ горахъ бывають ужасныя ураганы, такъ - что тогда надобно спастись въ пещерахъ или за камнемъ, ибо вихри уносятъ все, что попадаетъ на пути. На горахъ опасность еще больше.

Путемъ - дорогой мы еще разъ поохотились за гусями; стадо было большее; мы поймали 11 штукъ; теперь у насъ много свѣжей провизіи.

Часа въ три пополудни проходили подлѣ скалы изъ темнаго сланца, который колется на тончайшія пластинки; его много по всему Ельцу. Рѣка становится уже, пороги чаще, теченіе быстрѣе; но въ большую воду сплавъ долженъ быть удобенъ: нигдѣ нѣтъ крутыхъ заворотовъ; мѣстами рѣка очень широка, глубока и тиха, какъ озеро, и вездѣ хорошій бечевникъ.

9 часовъ.

Мы рѣшились остановиться на ночлегѣ; дальше идти довольно-трудно, хотя русло рѣки широко; индѣ оно устьяно островкамъ, такъ - что рѣка въ иномъ мѣстѣ раздѣляется на нѣсколько мелко-водныхъ протоковъ. Не всегда попадешь на фарватеръ и надобно останавливаться, перетаскивать лодку, терять время и тратить силы напрасно. Завтра собираемся идти пѣшкомъ къ горамъ. Можетъ быть, по указанію, хотя и нерѣшительному, нашего новаго проводника, мы попадемъ на раздѣльный пунктъ водъ Печоры и Оби. Къ сожалѣнію, Никита, по старости и слабости здоровья, самъ идти съ нами не можетъ. Мнѣ кажется, до хребта не дальше 5 или 6 верстъ — такъ онъ повидимому недалеко отъ насъ; но старикъ увѣряетъ, что едва ли завтра успѣемъ вернуться, если пойдемъ до него.

Къ сѣверу отъ насъ гора Энгель - пай, а въ направленіи къ О въ хребтѣ Урала видна ложбина, хотя дальше и замыкаютъ ее горы. Не въ ней ли истокъ Соби и озера? Старикъ думаетъ то же. Къ S и къ SW видны холмы тундры и за ними горы, такъ - что мы теперь со всѣхъ сторонъ окружены ими. Облака облегаютъ нныя вершины и спускаются между ними въ видѣ густаго тумана.

Солнце закатилось въ 8 часовъ 10 минутъ.

Сегодня и мнѣ приходилось работать немало. Мы всѣ утомлены и рады отдыху; разбили палатку. Сухихъ сучьевъ едва достало приготовить чай и ужинъ. Ночь будетъ холодная, вѣтеръ дуетъ прямо изъ ложбины хребта; комаровъ какъ не бывало. Теперь я вблизи рубежа, раздѣляющаго Европу и Азію, вблизи цѣли моея поѣздки: что если мой трудъ откроетъ новый торговый путь въ Сибирь!

27 июля, утра 7 часовъ.

Мы встали въ 4 часа. Ночью было очень холодно; чаемъ и кашей согрѣлись и вчетверомъ идемъ въ путь. Припасовъ беремъ

на два дня; у нашего станова остаются двое работников и старикъ Никита; онъ ночевалъ у палатки, по-самоѣдски, закутавшись въ совикъ.

На зарѣ было совершенно-ясно; красоты горныхъ видовъ привлекали наше вниманіе; но вдругъ изъ-за горъ принеслось густое облако тумана и мгновенно скрыло всѣ окрестности, такъ - что не знаемъ куда идти. Не будетъ ли еще дожда? не порадуетъ же онъ насъ, странниковъ въ пустынь, всѣмъ намъ незнакомой.

Утро 11 часовъ.

Сидимъ на одномъ изъ холмовъ, составляющихъ хребетъ Урала. Шли безъ отдыха $4\frac{1}{2}$ часа; для обѣда у насъ одни сухари; воды нѣтъ. Мы поднялись уже высоко; истокъ рѣчки Ельца, отъ впаденія въ нее другой рѣчки, по направленію которой мы идемъ въ горы, отошелъ къ SO.

Сильный вѣтеръ съ Урала вѣетъ холодомъ; хотя мы шли довольно-скоро, но онъ проникаетъ и сквозь платье. Далеко ли до озера, никто не знаетъ; кругомъ насъ горы; до ложбины еще недалеко, а ужъ прошли навѣрное около 17 верстъ. На холмъ мы поднимались очень долго, едва ли не больше часа. Кажется, недалеко до вершины, идешь-идешь, а все она еще впереди; едва перевели духъ, добравшись до нея.

Здѣсь уже все камень, мѣстами прикрытый дерномъ или мохомъ, мѣстами обнаженный; видѣ множество камней набросано горами по большому пространству. Они какъ-будто пережжены въ вулканы, имѣютъ цвѣтъ красноватый и большею частью круглы. Отъ этого - то издали нѣкоторыя мѣста горъ имѣютъ розовый отливъ что насъ нерѣдко удивляло.

Но вотъ яснѣетъ — пора въ путь. Доселѣ я былъ въ лѣтнемъ платьѣ, а теперь пришлось надѣть ватный сюртукъ; но и въ немъ не могу согрѣться — такъ прохватилъ меня вѣтеръ изъ ущелья.

4 часа пополудни.

Вотъ мы и на раздѣльномъ пунктѣ, на западномъ берегу главнаго озера, при истокѣ изъ него рѣчки Симарухи. Грѣмся у небольшого огонька; между-тѣмъ буря шумитъ въ ложбинѣ и волну-

еть поверхность этого замѣчательнаго горнаго бассейна водъ; волны плещутся въ юго-западный берегъ; облака быстро несутся изъ-за Урала; нѣкоторыя останавливаются на вершинахъ горъ и особенно на одной; эту гору называютъ Пад-яга, по имени потока, образующагося изъ снѣговъ, которые покрываютъ ея отлогости и наполняютъ глубокія разсѣлины, отдѣляющія ее отъ другихъ горъ. Этотъ потокъ Русскіе называютъ Собью.

Теперь расскажу о моемъ путешествіи съ ночлега.

Въ половинѣ 8 часа мы перенѣли въ бродъ проливъ, отдѣляющій материкъ отъ острова, на которомъ ночевали, и пошли въ направленіи къ О, стараясь не отдаляться отъ рѣки, а потому часто должны были проходить низменности между холмовъ, продирались сквозь густыя кустарники, покрывающіе болотистыя мѣста, усыпанныя высокими кочками, между которыми топъ и вода. Поднявшись выше, на гребни холмовъ, мы едва ли встрѣтили бы болота, а они утомили насъ до крайности. Въ 2 часа пути, мы какъ-будто ни сколько не приблизились къ горамъ, онѣ, казалось, были въ одномъ разстояніи отъ насъ; только гора Гусей-пай стала къ намъ ближе. Скоро мы поравнялись съ ея южнымъ скатомъ, усыпаннымъ длинными сугробами снѣга. Не зная навѣрное, гдѣ должны быть озера, мы пошли въ направленіи къ ней по курсу къ NO; спустившись къ рѣкѣ, мы перешли ее въ бродъ на правый берегъ. Ширина русла около 20 саж.; она мѣстами до 1½ аршина глубины; теченіе быстро. Долго мы шли по низменностямъ близъ берега рѣки, перешли нѣсколько рѣчекъ, ручьевъ, топей съ густымъ ивнякомъ, сквозь который едва продирались, и мягкихъ моховыхъ мѣстъ; потомъ начали подниматься по отлогому скату на высокій холмъ и, чрезвычайно утомленные, добрались до его вершины. Къ сѣверу возвышалась гора Гусей-пай; у подошвы ея былъ видѣнъ небольшой лиственничный лѣсъ; къ юго-востоку гора Пад-яга, съ высокими вершинами, на которыхъ постоянно висѣли облака; между этими горами холмистая низменность, къ востоку замкнутая горами, болѣе или менѣе высокими. Къ югу тянулся на необозримое пространство Хребетъ Уральскій, а къ западу холмы, которые, сливаясь въ одну массу, составляютъ безпредѣльную долину, по которой въ глубинѣ тонкой струйкой мѣстами была видна рѣка Елецъ, вытекающая съ юга изъ горы, называемой по-зырянски Елецъ-изъ.

Русло рѣчки, по направленію которой мы шли, протекающей сквозь два озера, едва было можно различить въ глубинѣ долины.

Отдохнувши около $\frac{1}{2}$ часа, мы пошли дальше, по направленію къ О; пройдя нѣсколько, поднялись выше на другой холмъ, съ котораго виды открывались еще шире. Отсюда мы увидѣли среди горъ небольшое озеро, и начали спускаться въ ложбину. Камни огромными грудами лежали по скату холма; мѣстами они взгромождены буграми, мѣстами какъ - будто набиты въ глубокую рытвину. Надобно было идти съ камня на камень, кое-гдѣ по крутымъ уступамъ. Около часа шли мы до озера и, подойдя къ нему, увѣрились, что это должно быть то самое, которое лежитъ на раздѣльномъ пунктѣ; оно длиною около версты, шириной до 300 сажень, окружено довольно-высокими берегами, такъ-что, если запереть его у истока рѣчки, которая должна быть Симаруха, то можно поднять горизонтъ воды сажени на три. Два порядочные ручья впадаютъ въ него изъ горъ съ юга.

Здѣсь хребетъ Урала какъ-будто раздвинулся, чтобъ дать мѣсто этому бассейну, отъ котораго текутъ воды въ Елецъ и близъ котораго истокъ Собя.

Мы остановились у истока Симарухи, хотѣли сварить обѣдъ, но нигдѣ не нашли дровъ, чтобъ развести огонь. Я послалъ работниковъ поискать хоть сухаго тростника, а самъ пошелъ далѣе по сѣверному берегу озера; пройдя его, я увидѣлъ за небольшою возвышенностью еще два озера и русло рѣки Собя. Она текла съ юга изъ-за самыхъ горъ; принявъ нѣсколько ручьевъ, она становится порядочной рѣчкой, впадаетъ въ одно изъ сказанныхъ озеръ, переливается въ другое и въ крутыхъ, довольно-высокихъ берегахъ, течетъ дальше. Около шести верстъ ходилъ я отъ большаго озера. Къ сѣверу отъ него, нѣсколько выше, еще порядочное озеро и много мелкихъ.

Осмотрѣвши всю эту мѣстность, я по другому берегу воротился къ товарищамъ, утомленный продолжительною ходьбой по камнямъ, и крайне обрадовался, увидавъ еще издали разведенный огонекъ, и торопился уже, увѣренный, что найду готовый обѣдъ. Не надѣясь, чтобъ товарищи мои нашли дровъ, я тащилъ съ собою большой кусокъ сухаго дерева, который нашелъ на берегу Собя. Для этого огня и обѣда должно было нарушить право собственности — разорвать одинъ капканъ, по-самоѣдски кулёму, которыми здѣсь ловятъ

лисицъ и песцовъ. Товарищи мои рѣшились на это только въ крайности. Такихъ двѣ кулёмы я видѣлъ за озерами; онѣ сдѣланы изъ толстыхъ и тяжелыхъ досокъ лиственничнаго дерева, длиной до двухъ сажень.

Полночь, 27 юл. Становище на берегу Елцы.

Сегодня прошли едва ли не больше 50 верстъ, и еще недавно, крайне-утомленные, возвратились къ нашему становью.

Послѣ обѣда у озера я напился чаю и хотѣлъ - было остаться здѣсь ночевать, чтобъ утромъ идти дальше по берегу Соби, но дулъ порывистый холодный вѣтеръ; у насъ не было ни теплаго платья, ни дровъ; укрыться негдѣ; это заставило насъ подумать о возвратномъ пути. Я надѣялся около горъ найти Самоѣдовъ: тогда, на оленяхъ, не трудно было бы обозрѣть все течение Соби до впаденія ея въ Обь; но, не имѣя проводника и никакой возможности взять припасовъ по-крайней-мѣрѣ на 10 дней, я, къ сожалѣнію, не могъ исполнить своего желанія.

Только временно оживляются эти мѣста переходомъ черезъ нихъ кочевыхъ племенъ въ тундру въ началѣ юля и обратно въ сентябрѣ. Тогда десятки тысячъ оленей пасутся по отлогимъ косогорамъ Урала; тогда, закутанный съ ногъ до головы въ оленью кожу, житель пустыни быстро несется на легкихъ санкахъ, запряженныхъ тройкой оленей, въ дальній чумъ пріятеля на разгульную бесѣду кочевыхъ товарищей, изрѣдка приправленную чаркой водки и трубкой табаку; тогда бываютъ здѣсь и бивачные огни и слышно гиканье погонщиковъ, крикъ пастуховъ при поимкѣ оленей, лай собакъ и шумъ перехода многочисленныхъ стадъ; тогда оживаетъ эта пустыня, но ненадолго; потомъ воцаряется опять безмолвіе; только свистъ вѣтра въ ущельяхъ, только шумъ горныхъ потоковъ и крикъ какой-нибудь пустынной птицы возмущаютъ ея мертвенную тишину.

Бродивши по каменнымъ грудамъ береговъ Соби, и обозрѣвая кругомъ громады такихъ же камней, мѣстами будто - недавно извергнутыхъ изъ жерла огнедышащаго волкана, мѣстами поднимающихся до облаковъ грозными утесами, я удивлялся величію видовъ этой пустыни. Вдали отъ людей, среди страны необитаемой, невольно мысль, отчуждаясь отъ земнаго, предается созерцанію див-

наго строенія вселенной. Здѣсь больше чувствуешь присутствіе непостижимой разуму Воли, устроившей все видимое нами.

Я шелъ по берегу Соби и вдругъ слуха моего коснулся гармоническій звукъ, раздавшійся въ вышинѣ: это былъ голосъ лебедя; онъ долго леталъ и выше и ниже, порой оглашая окрестность звуками своей пѣсни и скрылся въ горахъ. Вѣроятно, на одномъ изъ озеръ было его гнѣздо.

По утесамъ и между камней на Уралѣ много растетъ богородской травы; одни собираютъ ее какъ лекарственное растеніе, другіе употребляютъ вмѣсто чаю; промышленники привязываютъ ее къ ловушкамъ, увѣренные, что эта трава, будучи набрана на истокахъ рѣкъ, гдѣ находятся ловушки, привлекаетъ къ нимъ птицъ и звѣрей, и что утки и гуси, пролетая съ юга на сѣверъ, удержанныя таинственною силою этого растенія, невольно останавливаются, и промыселъ бываетъ обильнѣе.

Въ 5 часовъ мы пошли обратно по правому берегу Симарухи и, пройдя второе озеро, перебрались на лѣвый берегъ; чрезъ два часа хода, перешли бродомъ порядочную рѣчку, которую называютъ Серединой; она текла отъ горы Елецкаго Камня. Черезъ часъ послѣ того дошли до Ельца. Солнце уже закатилось, когда мы, усталые, взобрались на высокій холмъ, гдѣ и отдохнули, любуясь чудно-прекрасною картиной. Небо было ясно, только на горѣ Падягѣ, какъ было и во весь день, висѣло темное облако. Въ густѣвшемъ вечернемъ сумракѣ яснѣе выказывался свѣтлый шаръ полной луны и наводилъ матовый свѣтъ на выси хребта; русло Ельцы темною лентою извивалось внизу долины, а къ западу свѣтлая заря окаймливала холмистую степь тундры.

Дорогой мы видѣли много куропатокъ: онѣ порхали въ кустарникахъ; иногда вылетали изъ-подъ самыхъ ногъ нашихъ и своимъ крикомъ оглашали окрестность. Здѣсь много также зѣригъ — такъ называется небольшая птица, немного меньше рябчика; вездѣ было слышно ихъ насвистыванье.

До нашего станова было еще далеко; ночью нельзя идти скоро по кочковатымъ топямъ, въ которыхъ мы нерѣдко спотыкались и падали. Уже въ 11 часу добрались мы до стана, перешли бродомъ на островъ и нашли товарищей въ глубокомъ снѣ. Черезъ минуту запылалъ огонь, разкипѣлъ чайникъ, заварили кашу, и едва успѣлъ

я записать дневныя замѣтки, какъ каша была готова и, поужинавъ наскоро, мы, утомленные, предались покою.

Утро 28 июля.

Сегодня мы встали съ восходомъ солнца и отправились внизъ по Ельцу. Хотя лодка требовала воды около 2 четвертей, однакожъ мы вездѣ прошли хорошо; мѣстами лодка летѣла стрѣлой по узкимъ каналамъ, мимо грудъ камней. Почти на половинѣ пути до Усы, встрѣчается хребетъ горы, черезъ который прорывается Елецъ. Здѣсь берега высоки, скалисты, но рѣка широка и глубока. Гусей ливалыхъ и молодыхъ попадаетъ много; мы поймали 6 большихъ и 8 молодыхъ.

Около полудня поднялся противный вѣтеръ и затруднилъ наше плаваніе.

Въ чумъ на устьѣ Ельцы, 6 часовъ пополудни.

Днемъ было такъ холодно, что мы должны были остановиться, чтобъ отогрѣться около огонька и чайника. Въ три часа пополудни мы завидѣли знакомый намъ берестяной чумъ рыболововъ, скоро остановились на пристани усть-елецкой и немедля занялись устройствомъ собственной лодки. Рыболововъ не было въ чумѣ: они спустились по Усѣ неводить рыбу; но едва мы расположились въ ихъ жилищѣ, какъ явились хозяева; промыселъ ихъ былъ неудаченъ; вода все еще велика, а потому рыба не ловится. Теперь они будутъ ждать, пока вода сбудетъ на межень, т. е. до нормальной глубины, и затѣмъ опять немного прибудетъ; тогда рыба начнетъ спускаться изъ маленькихъ рѣчекъ въ большія и промышленники надѣются воспользоваться этимъ. Вообще Эльца необильна рыбой и постоянного рыболовства здѣсь нѣтъ. Рыбаки прѣзжаютъ сюда навремя и наудачу.

Здѣсь я имѣлъ случай убѣдиться, что свѣжепросоленная сырая рыба очень вкусна: я съ удовольствіемъ участвовалъ въ паужнѣ *) рыбаковъ.

По берегамъ Усы я замѣчалъ много подсыхавшихъ деревь, что

*) Паужною называютъ вду между обѣдомъ и ужинкомъ — подлункъ.

немало удивляло меня. По увѣренію Ижемцовъ, это случилось въ послѣдніе годы и по Ижмѣ и, какъ думаютъ, отъ весеннихъ морозовъ, случившихся тогда, какъ деревья пошли уже въ ростъ.

По обзорѣннѣ рѣки Ельцы, озеръ находящихся въ горахъ на раздѣльномъ пунктѣ, бассейновъ Усыи Оби и начала Собн, а равно по даннымъ, собраннымъ мною прежде, я вполне убѣдился въ возможности устройства водянаго сообщенія Оби съ Печорою. Мысль объ устройствѣ судоходнаго сообщенія между западными рѣками Сибири и восточными рѣками Европейской Россіи давно занимала Правительство. Изыскивали, гдѣ бы провести этотъ путь; но хребетъ Урала всегда являлся непреодолимымъ препятствіемъ къ исполненію этого полезнѣйшаго предпріятія. Предполагали соединить рѣки Чусовую, вливающуюся въ Каму, и Исеть, впадающую въ Тоболъ. Эта мысль и теперь занимаетъ многихъ; но, даже и при возможности соединить каналомъ эти рѣки, здѣсь представляется трудность побѣдить чрезвычайно крутое паденіе водъ Чусовой и въ устройствѣ постоянного судоходства. Нерѣдко для сплава судовъ и весной по этой рѣкѣ встрѣчается недостатокъ въ водѣ, и тогда только одновременнымъ открытіемъ заводскихъ прудовъ помогаютъ спуску каравановъ; лѣтомъ же она чрезвычайно мелководна. Тѣмъ болѣе истощается въ ней вода, что почти на всѣхъ притокахъ ея устроены заводскіе пруды, которые запираются для скопа воды на все лѣто; къ устройствѣ же резервуаровъ въ верховьяхъ Чусовой едва ли есть возможность.

Допустивъ, что и эти препятствія были бы преодолены, то какая была бы польза отъ соединенія Оби съ Камой посредствомъ рѣкъ Исети и Чусовой! Для вывоза недорогихъ произведеній сибирскаго края и чтобъ было возможно отпускать ихъ за море, нуженъ путь удобный, т. е. скорый и дешевый; а черезъ Чусовую грузы изъ Сибири должны пройти огромное пространство, плыть по Оби до впаденія Иртыша около 1,000 верстъ, подниматься противъ теченія по Иртышу до устья Тобола около 500 верстъ, и потомъ идти немало времени по Тоболу и Исети. Весьма вѣроятно, что, при обиліи водъ въ этихъ рѣкахъ, онѣ будутъ приходить къ каналу въ концѣ августа или въ сентябрѣ, а при мелководьи рѣкъ едва ли дойдутъ и до Исети. Затѣмъ остается еще ходъ по каналу, сплавъ по мелководью Чусовой и Камѣ побольше 1,000 верстъ, потомъ Волгою противъ теченія около тысячи и изъ Рыбинска до

Петербурга Волгою и Вышневолоцкою судоходною системою отъ 1,200 до 1,500 верстѣ. Мнѣтъ сомнѣнія, что такое сообщеніе потребуетъ не менѣе двухъ навигацій. Наконецъ, во что обойдется доставка? Теперь за грузы съ чувсовскихъ пристаней къ С. Петербургу, при сплавѣ ихъ весенней полной водой, платятъ по 23 р. 32 к. сереб. съ пуда, а доставка грузовъ въ двѣ навигаціи по Оби и противъ теченія по Иртышу, Тоболу и Исети, вѣроятно, удвоитъ и утроитъ издержки; дороговизна же поставки нисколько не поощритъ отпуска дешевыхъ произведеній земли сибирскаго края.

Я не могъ самъ изслѣдовать теченія Соби, но мнѣ сказывали, что, не дальше 10 верстѣ отъ первыхъ видѣнныхъ мною озеръ, она соединяется съ значительною рѣкою Пайпыденою, впадающею въ Соби съ сѣвера, и что отсюда она становится уже судоходною, а далѣе тиха и глубока; при впаденіи же въ Обь, въ 25 верстахъ выше Обдорска, ширина ея около 200 сажень. До соединенія съ Пайпыденою паденіе Соби довольно-сильно; мѣстами есть пороги, но зато обиліе воды, и въ ней и во впадающихъ въ нее горныхъ потокахъ, даетъ возможность устроить судоходное сообщеніе. Берега ея круты, каменисты; русло рѣки сначала не очень широко, такъ-что, построивъ нѣсколько шлюзовъ, можно превратить ее въ прекрасный каналъ. Отъ русла Соби до Большаго Озера, изъ котораго вытекаетъ Симаруха, впадающая въ Ельцу, разстояніе не больше версты; и на этомъ пространствѣ два порядочныя озера и только небольшая возвышенность отъ горизонта воды въ упомянутомъ озерѣ до четырехъ сажень. Рѣчка Симаруха, по крутизнѣ около 2 сажень, изливается изъ этого озера и на разстояніи около 2 верстѣ впадаетъ въ другое, довольно-большое озеро. Если устроить судоходное сообщеніе, то, по моему мнѣнію, надобно начать каналъ изъ послѣдняго озера, подлѣ южной стороны главнаго черезъ другія четыре озера, находящіяся на пути. Разстояніе отъ озера, гдѣ долженъ начинаться каналъ, до русла Соби не больше 3 верстѣ, и на этомъ пути сказанныя четыре озера имѣютъ протяженіе до 300 саж.; слѣдовательно, прокопать нужно немного болѣе двухъ верстѣ. Горизонтъ воды во второмъ озерѣ ниже чѣмъ въ Главномъ около 3 сажень, а противъ горизонта воды въ рѣкѣ Соби едва ли больше одной сажени. Всѣхъ озеръ на этомъ мѣстѣ до 25 (по описанію инженеръ-полковника Попова, 28). Нѣкоторые изъ нихъ значительны, особенно одно, черезъ которое течетъ

рѣчка Симаруха, и другое, находящееся къ NO отъ главнаго озера, на довольно-высокомъ уступѣ холма; они, при нѣкоторомъ устройствѣ, могутъ служить значительными резервуарами воды, которыя увеличиваются непрерывно горными потоками, текущими съ снѣжныхъ сугробовъ по отлогостямъ и между горъ Урала. Резервуары могутъ быть также устроены по рѣчкамъ, впадающимъ въ Ельцу и Симаруху. Шлюзы нужны будутъ по Соби до Пайпыдены, по Симарухѣ и частью по Ельцѣ, всего, какъ я думаю, на протяженіи 35 верстѣ, нѣбольше. Рѣка Ельца во многихъ мѣстахъ имѣетъ тихое, глубокое и довольно-широкое теченіе; крутыхъ поворотовъ, неудобныхъ при сплавѣ, очень мало; быстрыя мѣста въ большую воду, когда рѣка не стѣсняется, какъ теперь, въ узкихъ каналахъ, будутъ неопасны. Вообще кажется, что эта рѣка для сплава гораздо удобнѣе Чусовой, которая въ малую воду чрезвычайно опасна, по множеству камней, а въ большую потому, что затопляетъ низменности и заноситъ на нихъ суда. Сверхъ того, по ней много крутыхъ заворотовъ около отвѣсныхъ каменныхъ скалъ. По руслу Ельцы тоже есть камни, но ихъ можно или срыть или сдѣлать отводы; впрочемъ, высокыхъ камней нѣтъ, а потому въ большую воду плаваніе по Ельцѣ не должно быть сопряжено съ большою опасностью. Надобно замѣтить и то, что въ продолженіе здѣшняго короткаго лѣта вода въ рѣкахъ прибываетъ нѣсколько разъ на аршинъ, на два, а иногда на три; небольшой дождь въ горахъ и снѣгъ таетъ и русло рѣкъ наполняется какъ весной; движенію судоходства это будетъ доставлять большое пособіе. Отъ озеръ по Симарухѣ разстояніе немного больше 10; по Ельцѣ же до Усы около 50; всего до 60 верстѣ. Бечевникъ вездѣ очень хорошъ; нужно только въ немногихъ мѣстахъ ничтожное исправленіе.

Изъ всего этого я заключаю, что устройство здѣсь судоходнаго пути совершенно возможно и едва ли будетъ стоить дорого. Возвышенность, съ которой стекаютъ эти рѣки, незначительна; особенно, если взять въ сравненіе судоходную тихвинскую систему, по которой спускъ отъ озера Эглина до Ладоги, на разстояніи 200 верстѣ, около 850 футовъ; равно маріинскую систему, по которой спускъ отъ озера Матки до Вытегры на разстояніи около 70 верстѣ больше 200 фут. и, наконецъ, сплавъ боровицкими и волховскими порогами вышневолоцкой системы, по которымъ, отъ озера Мсти-на до потерпельской пристани, на разстояніи 130 верстѣ спускъ

до 350 футовъ. Здѣсь и половины нѣтъ тѣхъ препятствій, какія должно было преодолѣть при устройствѣ помѣнутыхъ путей сообщенія. — Но пусть найдутся и препятствія, да зато и выгоды будутъ чрезвычайныя; ибо грузы, въ одну навигацію, отъ вершинъ Оби, Иртыша и Тобола, прорѣзывающихъ плодороднѣйшія мѣста западной Сибири, могутъ приходить къ устью Печоры и отправляться за море, потому-что доставленіе будетъ по теченію рѣкъ, и только по Соби, на разстояніи около 100 верстъ, будетъ противъ теченія; и обошлось бы не дороже четвертой части провоза къ С. Петербургу черезъ Чусовую. Тогда произведенія Сибири: пшеница, сѣмя льняное и даже рожь, теперь запертыя для Европы, сдѣлаются ей легко доступны; возможность сбыта возбудитъ промышленную дѣятельность, выгоды разовьютъ соревнованіе между промышленниками и цѣнность земель и лѣсовъ, теперь почти несуществующая, возвысится; избытокъ въ трудѣ привлечетъ въ этотъ богатый край переселенцовъ — и страна, омываемая водами Оби, Иртыша и ихъ притоковъ оживетъ, обогащаемая коммерческою дѣятельностью, съ Европою, и современемъ отпускная торговля изъ Сибири могла бы увеличиться на десятки милліоновъ рублей. Давно ли приволжскія степи въ Саратовской Губерніи были почти незаселены; давно ли оттуда отпускалось въ Рыбинскъ не болѣе 100 т. четвертей плохой русской пшеницы? И еще недавно узнали тамъ свойство земли, произрастающей пшеницу бѣлотурку, чѣмъ этотъ край обязанъ одному изъ саратовскихъ помѣщиковъ. Едва ли 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, а край этотъ заселенъ и отпускаетъ до полутора милліона четвертей пшеницы, которая цѣнится несравненно дороже русской; земля, продававшаяся тамъ по 2, по 3, по 5 р. асс., теперь черноземная, цѣнится 25, 50 и 75 рублей за десятину. Въ Самарѣ, главнѣйшемъ рынкѣ для закупки пшеницы, еще недавно было два-три покупателя; теперь сотни торговцовъ ведутъ значительные обороты съ этимъ краемъ. И все это измѣнилось въ 25, 30 лѣтъ. Когда же устроится болѣе-дѣятельное пароходство по Волгѣ, то край между Волгой и Ураломъ приобрететъ еще болѣе важности.

Другой примѣръ. До открытія одесскаго порта, отпускъ хлѣба изъ южнаго края Россіи производился большею частью черезъ Таганрогъ, откуда пшеницы и теперь отпускается неменьше прежняго — ежегодно до 400 т. четвертей; когда же, въ концѣ минувшаго столѣтія, открылся новый портъ на берегу Чернаго Моря и черезъ

него удобный путь для сбыта хлѣба, то изъ губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Харьковской, частью Екатеринославской, Бессарабской и Таврической, отпускъ пшеницы, постепенно возрастающая, достигъ въ 1817 году огромнаго количества, и въ настоящее время ежегодно отпускается отъ 900 до 1.300,000 четвертей^{*)}, тогда какъ подвозъ оной къ Одессѣ производится сухимъ путемъ. Быстрое возрастаніе этого города и цвѣтущее состояніе его виѣшной торговли есть слѣдствіе неусышной заботливости Правительства о пользѣ края, которое, дарованіемъ особенныхъ правъ и учрежденіемъ порто-франко, ежегодно жертвуетъ значительными суммами. Милліоны рублей, полученные въ пользу города, прежде съ питейныхъ сборовъ и пошлины съ привозныхъ товаровъ, дали огромныя средства къ его устроенію, а льготы привлекли народонаселеніе.

Безъ Одессы едва ли бы могъ быть изъ этого края почти ежегодный отпускъ пшеницы на сумму отъ 5 м. до 7., и другихъ товаровъ на сумму отъ 4 м. до 5 м. рублей серебромъ; а давно ли па мѣстѣ этого города была небольшая татарская деревня? То же самое можно сказать и о Петербургѣ: что бы могла сдѣлать эта мѣстность безъ путей сообщеній? а теперь С. Петербургъ главнѣйшій пунктъ нашей отпускной торговли. Въ быстромъ увеличеніи населенія, при возможности сбыта произведеній, можетъ служить примѣромъ Оренбургская Губернія и завожскіе уѣзды Губерніи Саратовской. Назадъ тому около 30 лѣтъ, въ Оренбургской Губерніи было 500,000 жителей; теперь тамъ болѣе 1.800,000; завожская сторона саратовской мѣстами была необитаема; теперь заселилась сотнями тысячъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ.

Одесса, низовье Волги и С. Петербургъ служатъ неоспоримымъ доказательствами, что проведеніе удобныхъ путей сообщеній и открытіе возможности къ сбыту продуктовъ содѣйствуютъ быстрому населенію края и увеличенію массы его произведеній.

Какое огромное вліяніе имѣло всегда на населеніе края и его производительность устройство путей сообщеній—объ этомъ, думаю, извѣстно каждому. Гдѣ бы ни устроивали пути сообщеній, каналы или дороги, всегда они наполнялись и путешественниками и грузами

^{*)} Свѣдѣнія эти простираются по 1843 годъ. Отпускъ хлѣба черезъ Одессу въ 1847 году простирался до 3.240,000 четвер. на сумму около 23 мил. руб. сер., въ томъ числѣ одной пшеницы 2,798,000 четвертей.

и пустыми оживали, какъ по мановенію волшебника. Такъ во многихъ мѣстахъ Англіи, прорытой каналами, опасались, что желѣзныя дороги, раскинувшіяся подлѣ нихъ, отнимутъ дѣло у судоходныхъ путей; но и дороги и каналы, не мѣшая одни другимъ, имѣютъ достаточно работы. Вотъ еще фактъ, подтверждающій это. Для соединенія рѣки Гудзона въ Сѣверной Америкѣ съ озеромъ Эріо, Американскіе капиталисты предприняли сооруженіе канала. Компанія, рѣшившаяся на это предпріятіе, хотя и предполагала, что капиталъ будетъ не напрасно истраченъ, но не ожидала, чтобъ дѣло пошло слишкомъ хорошо; мѣста были еще пустынные. Сооруженный въ теченіе 8 лѣтъ каналъ, шириною 40 и глубиною въ 4 фута, съ своими отраслями прорѣзывалъ пространство на 640 миль (960 верстъ) На этомъ огромнѣйшемъ пространствѣ построено 894 шлюза, 72 во. допровода, 165 мостовъ и употреблено до 12 мил. долларовъ (болѣе 16 мил. руб. сер.). Движеніе промышленности вскорѣ обратилось къ этому пути до такой степени, что компанія должна была каналъ углубить до 7 и расширить до 70 футовъ. Но впоследствии и этого оказалось недостаточно; вблизи этихъ же пунктовъ провели желѣзную дорогу на 318 миль, и каналъ и дорога запружены и грузами и пассажирами. На устроенныхъ удобныхъ путяхъ вездѣ увеличивается число путешественниковъ въ большой прогрессіи. До построенія желѣзной дороги между Брюсселемъ и Антверпеномъ было до 200 проѣзжихъ въ день, а по устроеніи ея, число ихъ увеличилось до 3,000 человекъ^{*)}). Много ли было проѣзжихъ въ Царское-Село изъ Петербурга до построенія желѣзной дороги? а теперь за дѣломъ и безъ дѣла зимой и лѣтомъ ежедневно сотни, тысячи человекъ летятъ впередъ и обратно по этому, даже и некоммерческому пути.

Съ открытіемъ удобнаго пути для сбыта сибирскихъ произведеній — вѣроятно Сибирь населится такъ же скоро и въ той же мѣрѣ увеличитъ государственный доходъ посредствомъ отпускной торговли.

Сибирь, какъ сказано выше, и теперь развиваетъ свое хозяйство: тамъ мѣстами засѣваются большія пространства пшеницей, льномъ, коноплей; во многихъ мѣстахъ выдѣлывается полотно.^{**)} Когда

^{*)} Коммерч. Газет. 1842 года № 4.

^{**)} Въ одномъ Ишимскомъ Уѣздѣ, Тобольской Губерніи, высѣиваютъ на 2,200 десятинахъ 1,900 четвертей льнаго сѣмени и на 1,260 десят. 2,000 четв. конопли; изъ одного этого уѣзда ежегодно отпускается полотна до 200,000 аршинъ. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1843 годъ № 5.

проведенъ будетъ удобной путь для сбыта — и носѣны по теченію Оби, Иртыша и другихъ рѣкъ увеличатся во сто, въ тысячу разъ; тогда и желѣзо наше, котораго дѣна такъ высока, частью отъ провоза, удешевится, пойдетъ за границу и съ выгодною выдержитъ соперничество съ Швеціею, которая отпускаетъ его миллионы пудъ; тогда и обширное скотоводство Сибири, неизмѣняющее теперь надлежащаго значенія и развитія, получитъ другой видъ; ибо сало, кожи и шерсть легче могутъ быть отправляемы за границу.

Заведеніе мериносовыхъ овецъ въ Сибирь съ 1832 года доказало полную возможность разводить ихъ съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ ихъ разводятъ въ южной и средней Россіи. Къ сожалѣнію, недостатокъ требованія на шерсть подорвалъ компанію, которая занималась этимъ въ Енисейской и Иркутской Губерніяхъ; но будь сбытъ — и овцеводство распространилось бы тамъ такъ же быстро.

Трудно исчислить всѣ выгоды отъ устройства здѣсь сообщенія Запада съ Востокомъ. Можетъ быть, каналъ и пугаетъ своими издержками, затрудненіями провести его черезъ хребтъ Урала; въ такокъ случаѣ можно устроить желѣзную дорогу, то или другое, лишь бы воспользоваться сосѣдствомъ Оби съ Печорою, по которымъ вплоть до океана суда пойдутъ по теченію.

Средства для исполненія этихъ предложеній найдутся: въ Россіи много капиталовъ, которые лежатъ безъ употребленія и приносятъ по 4% своимъ владѣльцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ капиталистовъ найдутся многіе, которые рѣшатся употребить часть своихъ капиталовъ на подобное предпріятіе.

Подобными мыслями занято было мое воображеніе, когда я обзрѣвалъ площадь на рубежѣ двухъ частей свѣта; гдѣ Уралъ какъ нарочно раздвинулъ свою громаду, чтобъ облегчить сообщеніе между этими странами, отдѣленными его каменною гранью.

Мнѣ предстоитъ еще поѣздка къ устьямъ Печоры и я возвращусь къ настоящему предмету съ новыми фактическими доказательствами.

Пообѣдавши въ чумѣ, мы сложили наши вещи и припасы въ мою лодку и отправляемся въ обратный путь по Усѣ, напутствуемые добрыми желаніями рыболововъ. Теперь я опять въ своемъ кочевомъ жильѣ, къ которому привыкъ, и уже не замѣчаю неудобствъ его.

11 часовъ вечера, въ лодкѣ.

Когда мы поплыли отъ чума, вѣтеръ дулъ съ NO; бѣжали парусомъ; въ 8 часовъ стало холодѣть. Проходя мимо становья другой артели рыболововъ, мы купили большаго чира, фунтовъ въ 9. Чирь считается на Печорѣ лучшей рыбой послѣ семги; и справедливо: они очень вкусны и жирны. Въ 9 часовъ мы встрѣтили еще рыболововъ, ѣхавшихъ вверхъ на ловъ харьозовъ. Рыбный промыселъ здѣсь выгоденъ: на пай почти всегда приходится пудъ отъ 30 до 40, даже до 50, т. е. на 75 — 125 р. асс. за двухъ или трехмѣсячный трудъ, не считая того, что рыболовы почти даромъ прокормятся на промыслѣ. Здѣсь они не скупаются на рыбу, сберегая хлѣбъ. На сегодняшній ужинъ 4 человекъ употребили сначала пять сырыхъ сигаговъ, потомъ шесть вареныхъ харьозовъ, а затѣмъ уху съ сухарями. У Ижемцевъ свой обычай: они ѣдятъ уху послѣ рыбы; у другой артели рыболовы сварили на ужинъ двухъ большихъ чировъ. Цѣна рыбы и хлѣба одинакова; потребляя больше первой и сберегая хлѣбъ, они лакомятся свѣжей пиццей и сберегаютъ соль.

Небо совершенно безоблачно; только лишь теперь закатилась полная луна.

Вечеромъ мы поймали еще троихъ гусей.

Холодно; вѣтеръ усиливается. Бѣжали немного парусомъ. Ночь похожа на осеннюю.

29 июля, 8 часовъ вечера.

Плыдемъ уславно; крикии сѣверный вѣтеръ съ утра нагналъ такой холодъ, что мы перезаблн; но зато онъ натянулъ парусъ и забавилъ насъ веселой работой. Только одинъ изъ рабочихъ бодрствуетъ на кормѣ, прочіе спятъ. И ночь и сегодняшній день мы не спускали паруса, кромѣ двухъ или трехъ разъ на поворотахъ рѣки. Это очень сокращаетъ путь и радуетъ меня; потому-что, надѣюсь, достанетъ времени на поѣздки къ устью Печоры.

Недавно проплыли мы устье Лѣмвы, гдѣ не надолго оставались, чтобъ обозрѣть зимній рынокъ пустыни. Въ избахъ никто теперь не живетъ; но въблизи ихъ чумъ, занятый семьей Самоѣда. Этотъ Самоѣдъ въ работникахъ у одного изъ Ижемцовъ, и теперь

замѣняетъ караульщика. Когда мы вошли въ чумъ, вся семья, только-что возвратясь съ рыбной ловли, отдыхала; между-тѣмъ хозяйка разводила огонь и ласкала годоваго черномазаго ребенка, которага въ берестяной люлькѣ возила съ собой на ловлю; малютка улыбался на ласки матери. Вся семья состояла изъ 7 человекъ: молодаго и красиваго Самоѣда съ полурусской физиономіей, жены, четверыхъ дѣтей—чистыхъ Самоѣдовъ, и еще молодой Самоѣдки, которой отецъ въ тундрѣ у Ижемцовъ; а она предпочла сообщество съ ними житью съ земляками. Съ ними было до 10 собакъ, и всѣ люди и собаки лежали вмѣстѣ на пространствѣ какихъ-нибудь 4 или 5 квадратныхъ сажень. На вопросъ мой: почему не живутъ въ избѣ, Самоѣдъ отвѣчалъ, что хотя тамъ просторнѣе и удобнѣе и что хоть они было тамъ и поселились, да скоро наскучило и они переехали въ чумъ. «Есть ли у васъ хлѣбъ?» спросилъ я. «Есть немного, для примѣси въ уху и въ щи» отвѣчалъ онъ; «да и на чтѣ намъ хлѣбъ? Мы привыкли жить безъ него; если есть рыба, то и слава Богу». Одна изъ избъ на устьѣ Лѣмвы довольно-просторна, но стара и покосилась. Возлѣ нея, на небольшой площадкѣ, поставленъ деревянный крестъ, вышиной около 2½ сажень.

Подъ навѣсами у амбаровъ сложено много оленьихъ саней и лямокъ для упряжи изъ кожи бѣлаго медвѣдя, что составляетъ цѣльность ѣздоковъ Тундры. Невдалекѣ отъ избы и амбаровъ баня. Пространство между стросеніями порасло высокою травой, почти въ ростъ человека; только отъ чума караульщика въ рѣкѣ Усѣ проложена узкая тропа.

Можетъ быть, въ старину не такъ пустынно было здѣсь, какъ теперь, и мѣстность на устьѣ Лѣмвы не зарастала такой высокою травой, а вытаптывалась торговцами и производителями промышленности, собиравшимися на этомъ торжищѣ кочевыхъ племенъ.

Отъ устья Ельцы до Лѣмвы считаютъ около 150 верстъ. Мы плыли съ небольшимъ сутки; цѣлый день былъ видѣнъ хребетъ Уральскихъ Горъ.

11 часовъ вечера.

Ужинать останавливались у берега. Вѣтеръ съ Н свѣжѣетъ; рѣка порядочно волнуется. Ночь очень похожа на осеннюю.

Сегодня вечеромъ только на короткое время появлялись комары; погода не по нимъ, они не замедлили скрыться.

30 июля, 9 часовъ вечера.

Ночью былъ сильный вѣтеръ; однакожъ мы плыли безостановочно.

Въ 8 часовъ утра стало тихо; накрапывалъ дождь.

Вскорѣ послѣ полдня проплыли мимо устья рѣки Роговой или Хырморъ. Немного ниже, на лѣвомъ берегу видѣли двухъ дикихъ оленей, большого и недоростка. Замѣтивъ насъ, они побѣжали нѣсколько разъ останавливались и скрылись въ кустарникахъ.

Сегодня проводникъ мой, Миклей, рассказывалъ мнѣ о событiи, будто бы случившемся назадъ пому лѣтъ десять. Разумѣется, оно прикрашено баснями, преувеличено, и я, не ручаясь за вѣрность рассказа, передаю его изъ слова въ слово. «За рѣкою Обью есть камень, за этимъ камнемъ живутъ Карачи, племени Манчи, народъ злой, хищный, крайне-бѣдный. У нихъ очень мало оленей, а потому они живутъ грабежемъ и приходятъ иногда къ нашему камню, вооруженные длинными луками, изъ которыхъ мѣтко стрѣляютъ. Если нападутъ на какой чумъ, то верѣдко убиваютъ Самоѣдовъ и уводятъ стада. Въ послѣдней разъ, передъ весной, приходило ихъ человекъ 60; одни изъ нихъ шли пѣшкомъ, другіе ѣхали на оленяхъ; вели ихъ двое самые злые Карачи, которыхъ не беретъ ни пуля, ни ножъ: пули отскакиваютъ отъ нихъ какъ отъ камня, ножи упираются въ нихъ словно въ дерево. Проходили они даже до Ельцы, стояли и тамъ, у озеръ, гдѣ мы были. Самоѣды, зная ихъ злость, добровольно давали имъ десятую часть стада. Они перебили много людей въ землѣ около моря; тамъ вздумали имъ противиться. Когда попадетъ оленей немного, они тутъ же и съ ѣдятъ ихъ, и пускаются дальше. Мясо они ѣдятъ всегда сырымъ; на пирушкахъ часто ссорятся и убиваютъ другъ друга; они такъ злы, что имъ все равно свой, или чужой, лишь бы убить кого-нибудь. Много, много они разорили и убили Манчей! За Карачеями живутъ еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе, они скроются, а куда, никто не знаетъ, видно, въ землю уходятъ.»)

*) Не преданье ли это о древнихъ жителяхъ Печоры, которые жили въ пещерахъ и пещерахъ?

Къ морю за камнемъ есть богатые Манчи; у нихъ оленягъ и счету нѣтъ; много и сала, и масла, и хлѣба; они даже и чай пьютъ и живутъ въ привольи; нзбъ не строить, а лѣто и зиму проводятъ въ чумахъ.»

Миклей жаловался также на Ижемцовъ. Они, по его словамъ, немного лучше Карачеевъ, хотъ и не убиваютъ. «Я зналъ одного Остяка за камнемъ» говоритъ Миклей, «который часто кочевалъ близъ кочевья моихъ родныхъ; у него оленей было безъ счету; бѣднаго много обманывали Ижемцы, пошли впопыхъ и довели до того, что у старика ни одного оленя не осталось и носелъ онъ жить по чужимъ чумахъ; а у моего дѣда силой отняли сотню оленей. Да, у Ижемцевъ была своя политика, и они твердо, постоянно шли къ цѣли и уже достигли ее: стада Самоѣдовъ перешли въ ихъ руки, а сами Манчи превратились въ пожизненныхъ работниковъ у своихъ смѣлыхъ, предприимчивыхъ сосѣдей.»

Вечеромъ работникъ былъ на берегу и видѣлъ свѣжіе слѣды медвѣдя. Сегодня тихій и теплой вечеръ, небо облачно, а комаровъ опять тма. Теперь стало такъ темно, что едва-видны берега рѣки, но мы будемъ плыть всю ночь.

31 юлл, 3 часа пополудни.

Вчера около часа за полночь проѣхали устье рѣки Косыи, а въ 6 часу утра прибыли къ горѣ Адакъ. Всю ночь былъ противный вѣтеръ, а потому подвигались впередъ неуспѣшно.

Сумракъ вчерашняго вечера расположилъ моихъ товарищей къ воспоминаніямъ фантастическихъ событій, и они долго тѣшили меня наивными разказами о мертвецахъ, колдунахъ и проч. Трусливые жались другъ къ другу, оглядывались, вдрагивали; но все чудесное такъ заманчиво, что разказы не прерывались до полуночи. Между-прочимъ, Миклей рассказывалъ, какъ мертвецы напугали Ижемцевъ. У Самоѣдовъ и Манчей мертвыхъ не всегда закапываютъ, а кладутъ въ струги изъ тонкихъ бревенъ. «Однажды» началъ Миклей, «человекъ въ 20 Ижемцевъ проходили ночью между горъ, и вдругъ слышатъ шумъ, крикъ и пѣнье; пошли на голоса, думали, что тамъ самоѣдскіе чумы, а нашли нѣсколько струговъ съ покойниками и кругомъ все тихо. Ижемцы, въ испугѣ, ушли отъ

такого страшнаго вѣста, но долго гналось за ними гнѣе мертвыхъ и слышна была снова ихъ пляска. Манчи вѣрятъ, что мертвые встають. Чтобъ воспрепятствовать этому, ставятъ только поворотить неугомоннаго покойника въ струбъ ничкомъ и сдѣлать заговоръ.»

Сегодня разбудило меня веселое гнѣе одного изъ работниковъ, Филиппа; онъ безъ милосердія повержалъ русскія гнѣси на зырянскій ладъ. У Зырянъ нѣтъ своихъ гнѣсень, они дакъ понало затвердываютъ русскія; гнѣси, переходя отъ одного къ другому съ нольми ошибками; наконецъ дѣлаются не русскими и не зырянскими, такъ — что добраться нельзя до смысла. Многіе и сами не понимаютъ, что поютъ. Филиппъ не говоритъ по-русски, а поетъ много гнѣсень и псалмовъ, которыхъ научился въ Троицкомъ Погостѣ.

Подъ горой Адакъ, у праваго берега рабочіе завтракали. На этомъ берегу есть пещеры; одна изъ нихъ въ утесѣ, сажень на десять выше рѣчнаго горизонта воды. Я поднимаюсь къ ней; во внутренности ея можетъ помѣститься человѣкъ 45; вышина сажени полторы. Нѣсколько ниже по рѣкѣ есть другая пещера, обширнѣе первой; къ ней подниматься круче, однакожъ мы взобрались. Мездѣ пещеры узкое отверстіе; глубоко ли оно — неизвѣстно. Говорятъ, что тутъ живетъ черная лисица; ирочемъ, это частью и доказывается оглоданными костями, которыхъ много при вхождѣ. До свода пещеры сажени двѣ; въ стѣнахъ глубокія норы, какъ нарочно устроенныя для гнѣздъ птицамъ. Можетъ быть, онѣ и жили здѣсь, но опасная соседка изгнала ихъ изъ покойнаго убѣжища.

Не служили ли эти пещеры жилищами первобытныхъ обитателямъ края? подумалъ я.

Въ разсѣлинахъ скалъ много богородской травы, а по берегу растетъ дикій лукъ.

Остатывались у каменнаго острова, о которомъ я говорилъ прежде.

Къ 10 часу проплыли мимо устья рѣки Аазыи или Хырмара; оттуда направленіе Усы къ SW, и потомъ къ S; вѣтеръ дуетъ съ N; подняли парусъ и шлыми довольно-скоро.

Завтра начнется успенскій постъ, а потому рабочіе рѣшились съѣсть сегодня всѣхъ наловленныхъ гусей, и уже во второй разъ варятъ щи.

По всѣмъ Усѣ много крупныхъ гадарь. Я видѣлъ ихъ стоями штукъ по десятку и больше; утромъ и вечеромъ онѣ иногда поднимаютъ такое завыванье со всѣхъ сторонъ, что кажется, будто шурь сотни кругомъ.

6 часовъ вечера.

Въ часъ пополудни спустили парусъ и плыли до 3 часовъ на веслахъ; въ 5 часу подулъ попутный вѣтерокъ и лодка, при пособіи паруса, быстро поплыла по мутнымъ струямъ Усы. Если вѣтеръ не стихнетъ, то къ утру надѣемся быть въ Колвинскомъ Погостѣ, куда рѣдѣюсь опять захватить. Съ самаго отправленія моего изъ Троицкаго Погоста вѣтеръ помогалъ намъ и сокращалъ пространство пути.

Видя кругомъ по островамъ и по берегу огромныя пространства густой и высокой травы, я не могу понять, какъ эти мѣста остаются незаселенными; при обширномъ скотоводствѣ рыболовная промышленность помогала бы добывать деньги. Отчегоже люди живутъ по Печорѣ до самаго устья и въ Мезени, которая сѣвернѣе этой полесы? не оттого ли, что берега Печоры и Мезени ближе къ мѣстамъ сбыта?

Въ тундрѣ и въ лѣсахъ здѣшнихъ множество оленьихъ роговъ; никто ихъ не собираетъ. Кость оленьяго рога годна на подѣлки, а изъ остатковъ можно приготовить клей, который продается вдвое дороже шубнаго. Олени каждый годъ рожаютъ рога: сколько же должно быть здѣсь этихъ роговъ? Вотъ еще капиталъ безъ употребленія.

10 часовъ вечера.

Въ началѣ 9 часа солнце закатилось, вѣтеръ сталъ свѣжѣе и порядочно взбугрилъ поверхность рѣки. Лодка моя, покачиваясь, быстро неслась по волнамъ, которыя съ шумомъ разбивались объ ея борты. Въ это время мы прошли устье рѣки Макарихи, впадающей съ правой стороны. Теперь небо заносится горами облаковъ, изъ-за которыхъ порой выглядываетъ луна. Вѣтеръ шумитъ въ лѣсу и кустарникахъ, покрывающихъ острова; темно; крѣпко надулся парусъ, спущенный до половины мачты; порой надобно подбирать его, чтобъ не опрокинуло лодку; для этого одинъ рабочій сидитъ у паруса. Плыдемъ прямо съ мыса на мысъ; мѣстами изъ-

рядно качаетъ. Рабочіе сътно поѣли въ четвертый разъ гусиныхъ щей, и двое крѣпко спятъ.

Полночь.

Ночь стала темна, какъ осенью; вѣтеръ съ сѣверовостока крѣпко дуетъ. Желаніе воспользоваться попутнымъ вѣтромъ заставляетъ забывать объ опасности — бѣжать парусомъ въ темную ночь по волновавшейся рѣкѣ, въ маленькой лодкѣ.

7 часовъ утра, 1 августа, на Колы.

Въ 2 часа ночи проплыли устье рѣки Сыни, отъ которой направленіе Усы перемѣнилось и сѣверный вѣтеръ сдѣлался боковымъ; поэтому пришлось плыть медленнѣе и мѣстами работать веслами. Съ трудомъ перѣехали мы рѣку, отъ лѣваго берега къ устью Колы.

Пространство отъ устья Косыи, отъ котораго считаютъ до 200 верстъ, мы проплыли въ 28 часовъ, тогда — какъ противъ теченія, до этого пункта шли безостановочно 57 часовъ.

Теперь поднимаемся по Колыѣ къ погосту; итакъ обратный путь нашъ по Усѣ совершился.

Что значитъ привычка: когда отъ Троицкаго Погоста я пошлыгъ въ моей лодкѣ, она показалась мнѣ до того мала и опасна, что я, при случаѣ, готовъ былъ ее перемѣнить. Съ большимъ опасеніемъ въ первые дни поднимали парусъ, а теперь въ темную ночь, при сильномъ и частью боковомъ вѣтрѣ, по срединѣ большой рѣки, спокойно бѣжали на парусѣ, какъ въ безопасномъ суднѣ, и я, укачиваемый зыбью, крѣпко спалъ подъ звуки вѣтра и всплески воды. Черезъ часъ надѣмся быть въ погостѣ.

8 часовъ пополудни, въ лодкѣ по Усѣ.

Почти 11 часовъ пребылъ я въ Колвинскомъ Погостѣ, удерживаемый радушными священниками. Они сказывали, что здѣсь во все время моей поѣздки на Усу были постоянно сильныя бури.

По прибытіи моемъ въ погостъ, скоро заговорѣли къ обѣднѣ, по окончаніи которой пошли съ святыми хоругвями на воду;

до десятка прихожанъ, въ малицахъ, нѣскольکو женщинъ и семки священниковъ сопровождали крестный ходъ. Когда совершилось водосвященіе, двѣ Самоѣдки троекратно погрузились въ рѣку; ихъ примѣру послѣдовали дѣти и началось общее купанье.

Радупшные хозяева подчивали меня, чѣмъ Богъ послалъ, и, между прочимъ, моронкой. Этой ягоды нынѣше мало, а бываесть такъ много, что жители для зимы запасаютъ пудъ по 25 на семейство, а иногда и больше. Болота въ полуверстѣ, и въ нвой день набираютъ по пуду.

Послѣ обѣда я простился съ моими колвинскими пріятелями, г. Кастреномъ, который еще здѣсь, и проводникомъ моимъ; Миклеемъ. Почти все народонаселеніе погоста провожало меня до берега.

Такъ я кончилъ поѣздку мою въ верховье Усы и скоро и счастливо; попутные вѣтры помогали намъ и ускорили наше плаваніе по этой пустынной рѣкѣ. Времени истрачено немного на довольно-дальній путь (около 1,200 верстѣ), и я частью достигъ цѣли. Я обозрѣлъ раздѣльный пунктъ между Печорою и Обью, хотя и не имѣлъ возможности проплыть до устья Соби. Теперь буду стремиться ко второму пункту — къ устью Печоры, обозрѣніе котораго считаю такъ же необходимымъ, какъ обозрѣніе перваго.

ДНЕВНИКЪ
ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА
ЛАТКИНА,

ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПЕЧОРУ,
ВЪ 1840 И 1843 ГОДАХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Деревня Усть-Уса. — Пассажиръ Самоѣдъ. — Ловъ семи поплавищъ. — Одежда жителей. — Деревня Андрюшино. — Деревня Прасканъ. — Деревня Сазонова. — Рѣка Ижма. — Ижемскій Погостъ. — Село Усть-Цыльма. — Лѣтопись. — Преданія. — Грамматы Царя Юанна IV. — Ивашка Ластка. — Церковь Усть-Цыльмы.

1 августа 8 часовъ вечера, по Усу.

Скоро простимся съ мутными водами Усы и поплывемъ по широкому лону Печоры. Вдали уже видѣнъ высокій мысъ, образовавшійся при сляніи этихъ пустынныхъ рѣкъ, и чернѣеть въ туманѣ лѣсистый лѣвый берегъ Печоры. Свѣжій вѣтеръ съ NW произвелъ волненіе и покачиваетъ нашу лодку, которой грузъ теперь увеличился однимъ пассажиромъ — Самоѣдомъ. Мы нашли его на берегу Усы и взяли съ собой. Служа работникомъ у одного Ижемца, онъ былъ съ нимъ въ тундрѣ. Оттуда хозяинъ вздумалъ послать его домой, т. е. въ Ижемскій Погостъ, а на дорогу далъ ему только топоръ, огниво и хлѣба дня на два, хотя пути предстояло, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, дней на десять. Бѣднякъ не смѣлъ ослушаться своего хозяина, и пошелъ одинъ съ своей шершавой собакой. У верховьевъ рѣки Азь-вы онъ сдѣлалъ плотикъ и поплылъ по теченію; голодъ начиналъ уже томить его, когда, по счастью, онъ встрѣтилъ Самоѣдовъ на гусиномъ промыслѣ. Они взяли его съ собой. Ловъ былъ довольно — удачный, и на его часть досталось до 40 гусей. Съ этой добычей Самоѣдъ поплылъ опять по Азь-вѣ на своемъ плотикѣ, вычистилъ гусей и сталъ сушить ихъ на солнцѣ; нѣкоторые начали скоро портиться; попорченныхъ онъ ѣлъ и кормилъ ими собаку, а сухіе берегъ въ запасъ. Часто сильныя вѣтры захватывали и задерживали его;

часть II.

одинъ разъ большой медвѣдь неотступно слѣдилъ его вдоль берега неширокой рѣки Азь - вы. Бѣдняга - Самоѣдъ думалъ уже, что насталъ его послѣдній часъ, однакожь рѣшился поугаать медвѣдя: началъ кричать, стучалъ топоромъ, а медвѣдь шелъ, да шелъ рядомъ съ плотомъ Самоѣда. Наконецъ косматый житель пустыни, видно, сжалился надъ бѣднякомъ, или наскучило ему: посмотрѣлъ на пловца и поднялся на берегъ. Самоѣдъ много разъ былъ въ опасности во время сильныхъ вѣтровъ, на своемъ утломъ плотѣ, но судьба хранила его. Однажды донеслись до него звуки человѣческихъ голосовъ изъ-за острова... онъ обрадовался; но крику его никто не услышалъ, и онъ опять остался одинъ въ пустынѣ. Издали онъ видѣлъ нашу лодку, когда мы бѣжали парусомъ; надѣялся вернуться въ погостъ, да не нашелъ устья Колвы. Онъ сидѣлъ на берегу у огня, когда мы плыли, и просилъ насъ остановиться и взять его съ собой. Мы приняли его съ условіемъ, чтобъ онъ бросилъ полугнилыхъ, вонючихъ гусей, и обѣщались кормить его. Онъ долго не рѣшался на такое пожертваніе; наконецъ необходимость заставила согласиться; онъ взялъ одного гуся въ запасъ, другого въ руки — глотать, и сѣлъ въ лодку; но долго съ грустью поглядывалъ на свой плотикъ, гдѣ остались гнилые гуси. Павлу, такъ звали Самоѣда, было около 25 лѣтъ; онъ хорошо говоритъ по-русски, знаетъ языкъ Манчей и зырянскій. Все платье его состояло изъ плохой малицы, худыхъ штановъ и обуви; рубахъ онъ давно не знаетъ; шапкой служатъ ему густые черные волосы. Жалованья онъ получаетъ по 11 рублей серебромъ въ годъ.

Но каковъ же хозяинъ Павла — послать бѣднаго Самоѣда пустыней, черезъ сотни верстъ, и не дать даже хлѣба! Поступокъ этотъ не лучше грабежей Карачеевъ.

2 августа пополудни 2 часа. Деревня Усть-Уса.

Вчера противный вѣтеръ такъ затруднялъ насъ, что, при всѣхъ усиліяхъ, едва въ 10 часовъ вечера мы добрались до деревни Усть-Усы. Непогода продолжается здѣсь уже нѣсколько дней и не пускаетъ за Печору; надобно ждать, пока вѣтеръ стихнетъ — и я рѣшился остаться на это время въ Усть-Усѣ.

Крестьяне заняты сѣнокосомъ; они завасюють немало сѣна и

для себя и для проѣзжихъ, которыхъ зимой бываетъ много. Хозяинъ мой ставитъ до 22 вытей (такъ опредѣляютъ здѣсь количество сѣна въ 44 конны; 22 выти составляютъ 880 большихъ копенъ).

Скоро начнется ловъ семги поплавами: это рѣдкія, прямыя сѣти, длинной около 100 сажень и вышиною три и четыре аршина. Лучшій ловъ въ ненастные и бурные ночи; въ пять или шесть ночныхъ тоней налавливаютъ иногда рыбъ по 10, иногда и по 20, а бываетъ, и ни одна не попадетъ. Въ этомъ промыслѣ соблюдается очередь: выѣзжаетъ лодка съ поплавнемъ на середину рѣки къ мѣсту, гдѣ начинается тона, и бросаетъ одинъ конецъ сѣти, къ которому прикрѣпленъ кусокъ дерева — поплавень, чтобъ сѣть не тонула; потомъ лодку направляютъ поперекъ рѣки и поспѣшно выбрасываютъ весь поплавень, оставляя въ лодкѣ другой конецъ его. Такъ проплывъ известное пространство (всю тона), версты двѣ или три, начинаютъ собирать поплавень въ лодку вмѣстѣ съ поиманной рыбой. Пока эта лодка возвращается назадъ, другая тѣмъ же порядкомъ закидываетъ сѣть; потомъ третья, четвертая. . . На промыслѣ выѣзжаетъ здѣсь лодокъ до семи; если же ихъ больше, то одна артель ловить полныя сутки, потомъ столько же времени работаетъ другая.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей имѣютъ въ тундрѣ оленей; но малыми стадами держать ихъ считаютъ невыгоднымъ дѣломъ; потому-что самому крестьянину, для небольшого числа оленей, нельзя оставить другихъ промысловъ; надобно довериться Самоѣдамъ, а эти, платя за притѣсненія Ижемцевъ, не всегда добросовѣстно берегутъ оленей: часто стада, вмѣсто приращенія, убываютъ. Теперь же въ тундрѣ, какъ говорятъ, большое воровство. Пороки проникли и въ пустыню сѣвера.

Въ Усть-Усѣ есть хорошая пристань, образовавшаяся въ заливѣ; въ ней теперь стоитъ чердынской каюкъ, нагруженный рыбой лѣтнаго промысла Усть-усинской деревни; всего рыбы скуплено до 600 пудъ, по 2 рубля ассигнаціями за пудъ; на соленье употребляется лѣтомъ по 5, а осенью по 3 и по 4 фунта соли на пудъ рыбы.

При богатствѣ здѣшнихъ промысловъ, крестьяне живутъ въ довольствѣ: рыбы, птицъ, разнаго рода пушнаго звѣря здѣсь много; для скотоводства—приволье... не полѣнись только жители, былъ бы и картофель, и хлѣбъ свой.

Обыкновенную одежду жителей здѣшняго края Самоѣдовъ и Ижемцевъ составляютъ: малица, совикъ, пимы, люнты и шапка. Малицу шьютъ изъ шкуръ полугодовыхъ оленей, шерстью внутрь; она въ родѣ мѣшка съ отверстіями внизу и сверху, чтобы просунуть голову, и съ двумя рукавами. По подолу обшиваютъ оборкою тоже изъ оленьихъ шкуръ, черныхъ и бѣлыхъ, шерстью вверхъ; у рукавовъ и на шеѣ отвороты изъ пыжиковъ; чѣмъ чернѣе пыжки на отворотахъ, тѣмъ дороже и щеголеватѣе малица. Въ морозы, а иногда и въ обыкновенное время, сверхъ малицы, надѣваютъ совикъ, который шьютъ изъ старыхъ и молодыхъ оленей; совикъ шьется такъ же, какъ малица, только шерстью наружу и съ капишономъ, который надѣвается на голову. Совикъ носятъ и безъ малицы. На ноги надѣваются пимы — длинные сапоги, едва не до пояса; ихъ шьютъ изъ шкуръ оленьихъ ногъ; подошвы дѣлаютъ изъ мягкихъ обрѣзковъ, щетки оленьихъ копытъ. Люнты, родъ чулокъ; шьются изъ пыжиковъ и надѣваются на босую ногу, шерстью къ тѣлу. Шапка дѣлается тоже изъ пыжиковъ; она бываетъ обыкновенно двойная. Наконецъ рукавицы также изъ оленьихъ; онѣ пришиваются къ рукавамъ малицы или совика.

Одежда Самоѣдовъ готовится тоже изъ оленьихъ шкуръ, съ тою только разницею, что малица ихъ разнѣная и украшается лоскутками зѣбрыныхъ шкуръ и сукна разныхъ цвѣтовъ. На женскихъ шапкахъ тѣ же прикрасы. Подъ малицу надѣваютъ онѣ, спитыя изъ пыжиковъ, янды, въ родѣ рубахи, шерстью къ тѣлу. Женщины Зырянъ носятъ сарафаны и мужскія малицы.

Платье это шьется нитками изъ оленьихъ жилъ, или верхней перенонки кишокъ; онѣ готовятся искусно и очень крѣпко.

Надѣвши на ноги люнты и пимы, а на себя малицу и совикъ, и подпоясавшись ремнемъ съ пряжкой и мѣдными прикрасами, Самоѣды и Русскіе переносятъ самый ужасный морозъ, не чувствуя холода, и могутъ ночевать въ снѣгу. Это платье, однакожъ, портится отъ дождя и, будучи промочено разъ, легко принимаетъ сырость.

Лѣтомъ носятъ тоже малицы, только легкія, изъ самыхъ молодыхъ оленей, или поношенныя; кто богаче, тотъ въ праздники, или отправляясь въ гости, надѣваетъ сверхъ малицы ситцевую, или холстинковую рубашку. Вчера въ церкви Колвинскаго Погоста всѣ Самоѣды были въ малицахъ, съ надѣтыми на нихъ рубашками.

Зыряне и Ижемцы лѣтомъ носятъ парки, сшитыя изъ сукна, покрая совька или малицы. Зипунъ, или халатъ, попадаются здѣсь рѣдко. Форма одежды, хотя однообразна, надобно согласиться, что она очень удобна. У Самоѣдовъ другой одежды, кромѣ шитой изъ оленей, никогда не бываетъ; бѣлая часть не знаетъ бѣлья, надевая малицу на голое тѣло.

При мнѣ въ деревню на Усть-Усы приплыли 10 человекъ Печорцевъ; они спѣшатъ на встрѣчу чердынскимъ каюкамъ наняться въ работу.

Несмотря на то, что все еще очень вѣтрено, мы сейчасъ отправляемся въ дальнѣйшій путь.

7 часовъ вечера, на львомъ берегу Печоры.

Едва мы вышли на средину Печоры, какъ встрѣтилъ насъ сильный сѣверный вѣтеръ; нѣсколько дней бурливой непогоды развели большое волненіе, и мы съ трудомъ переѣхали рѣку. Высоко вздымались волны надъ лодкой. «Сынѣна, локтѣ-ыджыдѣ-гы!» (гребите сильнѣе, идеть большой валъ!) кричалъ мой лопчманъ; валъ подходилъ и вода заплескивалась въ лодку, между-тѣмъ облакомъ несло песокъ съ широкихъ косяхъ Печоры. Это еще первая буря, встрѣтившая насъ на этой рѣкѣ и мы долго боролись съ ней, пока пристали къ берегу. Въ 4 часа ходу мы проѣхали только 12 верстъ. Теперь мы стоимъ противъ новой деревушки Новикъ - бѣжъ, построенной на правомъ берегу.

Лодка моя въ спокойной гавани, только немного покачивается рѣчною зыбью. Мы поужинали кашей; Самоѣдъ Павелъ гложетъ остатки полугнилаго гуся. Буря грозно бушуетъ, гвѣнитъ рѣку и гнетъ деревья.

Здѣсь, на Печорѣ, много острововъ. Весной рѣка разливается на большое пространство, поднимаясь сажень на пять и больше.

3 августа, утро 11 часовъ.

Сегодня и холодно и ненастно; дождь льетъ ливнемъ; въ 4 часа утра, когда мы поплыли съ ночлега, было нѣсколько тише.

Теперь подымваемъ къ мысу, отъ котораго теченіе Печоры начинаетъ склоняться къ NW, потомъ къ W, и наконецъ къ SW.

Не знаю, почему этот уголь называется Андриушино. Здесь считается половина пути от Троицкаго Погоста къ Пустозерску, или, как говорятъ, вторая четверть: первая считается при устьи Шугора, вторая въ Андриушинѣ, третья въ Усть-Цильмѣ и четвертая въ Пустозерскѣ.

Утромъ противный вѣтеръ заставилъ насъ тянуться бечевой; очередной работникъ шагаль по берегу; за нимъ, склонивъ голову, шла самоѣдская собака. Вдругъ она залаяла, бросилась къ лѣсу... работникъ подумаль, что тутъ медвѣдь и закричалъ. Произошла тревога. Хотя никого не видали, но мы всѣ увѣрены, что собака даромъ не залаезъ.

По высокому берегу мѣстами сосновый и еловый лѣсъ; по руслу рѣки множество острововъ и мелей; материкъ лѣваго берега остался за песками и заливами; нѣкоторые изъ нихъ шириной около полуверсты. Вѣтеръ опять засвѣжѣлъ, сильно волнуеть широкую рѣку, и мы съ трудомъ переплывали заостровья; потомъ опять тянулись бечевой, а гдѣ нельзя, плыли на веслахъ. Мы спѣшили добраться до деревни Прасканъ; были бы рады пріютиться въ тепломъ жильѣ — платье на рабочихъ перемокло; полуночный вѣтеръ навѣлъ холодъ.

В часоѣ вечера. Деревня Прасканъ или Новикъ-Божская.

Деревню Прасканъ мы нашли по указанію рыболововъ: она за островами, состоитъ изъ 6 домовъ, изъ которыхъ одинъ пустой, и расположена на низменномъ полуостровѣ; съ одной стороны рукавъ Печоры, съ другой — озеро до трехъ верстъ въ длину. Около 50 лѣтъ навадь тому, одинъ изъ Ижемцевъ, Оома, переселился сюда; у него было пять сыновей, изъ которыхъ живъ одинъ, но осталось много внуковъ; и только года два, какъ померъ основатель деревни.

Во время его переселенія рукава Печоры еще не было; она текла вдали подлѣ праваго материка, и только въ послѣднія 20 лѣтъ рѣка устремилась къ деревнѣ, прорвала острова, образовавъ рукавъ шириной около версты, и въ каждую весну тревожить жителей, затопляя низменности на большое пространство, а нерѣдко и деревню. Въ иной годъ груды льда несутся мимо домовъ — жители того и ждутъ, что разломаеть и снесеть ихъ дворы. Минув-

шей весной вода была очень велика и ледяныя массы угрожали гибелью поселенію; а проливъ съ каждымъ годомъ становится шире. Прасканцы думаютъ уже переселиться куда-нибудь.

Нельзя не удивляться рѣшимости перваго переселенца на эти пустынные берега Печоры. Деревня Усть-Уса отъ Праскана въ 75 верстахъ, а по низовью Печоры ближайшее селеніе въ 60 верстахъ, но зато здѣсь приволье для промысловъ. Куропатокъ бываетъ чрезвычайно много: въ иной годъ налавливаютъ на семью по нѣскольку тысячъ. Въ продолженіе зимы 1842 года, пять семей деревни поймали до 43,000 штукъ; въ томъ числѣ, на одно изъ людныхъ семействъ досталось до 12,000. Сюда пріѣзжаютъ для ловли куропатокъ даже изъ Ижмы; въ 1842 году и Ижемцы поймали около 15,000 штукъ. Разумѣется, такое обиліе бываетъ не часто, но каждый годъ добыча этой птицы бываетъ все-таки довольно велика. Весь промыселъ, какъ говорятъ, производится на пространствѣ не болѣе 7 или 10 верстъ. Цѣна куропаткамъ въ богатый годъ бываетъ не выше 1 к. сер. за штуку. Близость тундры и множество острововъ, покрытыхъ кустарниками, привлекаютъ сюда стаи пернатыхъ въ такомъ множествѣ. У нѣкоторыхъ крестьянъ до 800 левушекъ. Куропатки зимой составляютъ ихъ ежедневную здоровую пищу и дѣлаютъ большое подспорье въ хлѣбѣ; тетеревей и рябчиковъ бываетъ мало. Скота рогатаго и овецъ у жителей довольно; скотъ, какъ и по всей Ижемской Волости, хорошей породы; руно овецъ очень мягкое и тонкое. Рыболовство здѣсь тоже прибыльно. По Печорѣ есть удобныя тони, и особенно въ озерѣ много рыбы. Хлѣбопашества и огородничества не существуетъ; за пудъ хлѣба платятъ по 3 р. асс. что составляетъ цѣнность почти сотни куропатокъ; за соль та же цѣна, что и за пудъ хлѣба, а бываетъ и дороже. Въ томъ и другомъ жители часто нуждаются. Дома въ Прасканѣ построены худо, хотя сосновый лѣсъ и недалеко отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи въ Прасканцахъ замѣтна кака-то небрежность: отдались отъ людей, они сдѣлались настоящими жителями лѣсокъ и не думаютъ объ удобствѣ, лишь бы было тепло. На лугу, близъ двора Оомы, поставленъ деревянный крестъ. Неприятно было слышать, что, живя въ такой пустынѣ, вдали отъ другихъ селеній и на привольѣ для промысловъ, жители Праскана ссорятся между собой и, по возможности, стараются вредить одинъ другому.

11 часовъ вечера.

Въ 6 часовъ отравились мы изъ Праскана; часа четыре плыли между островами, пока добрались до Печоры. Она здѣсь широка; прямые плёсы очень длинны. Теперь тихо, но крайне-темно: едва можно различить высокій берегъ праваго материка, подлѣ котораго плывемъ на веслахъ.

3 часа пополудни, 4 августа.

Сегодня съ утра опять ненастье, словно осенью; дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ. Мы плывемъ съ пособіемъ паруса въ направленіи къ SW.

Кажется, никогда съ такимъ удовольствіемъ не пьешь горячій настой китайской травы, какъ въ подобное ненастье, на водѣ и въ безлюдьи; я всегда съ удовольствіемъ сижу за самоваромъ, въ своей тѣсной каютѣ, и длю время въ этомъ занятіи.

Недавно встрѣтили мы 7 чердынскихъ каюковъ; они тянутся бечевой съ низовья Печоры съ грузомъ рыбы, ворваннаго сала и другихъ товаровъ.

Около полудня вѣтеръ усилился такъ, что мы съ трудомъ двигались впередъ. Здѣсь начинается ловъ сельдей, но ненастная погода неблагоприятствуетъ промыслу. На берегу Печоры видѣли рыболововъ изъ деревни Кыдзь - Кыръ, т. е. березовая гора, или Сазонова: она отъ Праскана въ 160 верстахъ; мы до нея на половинѣ пути.

9 часовъ вечера.

Холодно, но бѣжимъ парусомъ. Вечеромъ встрѣтили еще шесть чердынскихъ каюковъ и видѣли много рыбацкихъ артелей на берегахъ Печоры. Рыбаки ожидаютъ тепла, и видно, въ надеждѣ на удачный ловъ, привезли много бочекъ для сельдей.

Соленыя сельди продаются въ Ижемскомъ Погостѣ по 2 р. за пудъ, а иногда и дешевле; если на артель, изъ 5 человекъ, доставится пудовъ 150, то ловъ считается удачнымъ. Сельдей ловятъ неводами, причемъ иногда попадаетъ и семга.

2 часа пополудни, 5 августа.

Вчера поздно вечеромъ мы проплыли деревню Кыдзь - Кыръ, или Сазонову. Около 50 домовъ этого селенія расположены на высокомъ правомъ берегу. Жители занимаются лѣтобонашествомъ; но главный промыселъ ихъ — рыболовство лѣтомъ и звѣриная охота зимою. Ловкій охотникъ продаетъ здѣсь отъ 300 до 500 заячьихъ шкуръ. Куропатокъ мало, потому-что тундра далеко. Скотоводство большое: нѣкоторые изъ крестьянъ выкармливаютъ отъ 5 до 10 быковъ, другіе имѣютъ въ тундрѣ оленей. Вообще жители довольно-зажиточны.

Вечеромъ встрѣтили еще одинъ чердынскій каюкъ и нѣсколько рыбацкихъ лодокъ. Здѣсь замѣтно уже нѣкоторое движеніе промышленности.

Противъ деревни Сазоновой выдалась большая песчаная отмель, отъ которой рѣка начинаетъ склоняться опять къ WSW. При сильномъ вѣтрѣ, мы едва обогнули эту широкую отмель, съ трудомъ перегребли чрезъ заливъ къ правому берегу, и расположились ночевать за вѣтромъ.

Сегодня въ 9 часу утра проплыли мимо деревни Няша - божь, или Полигорской; въ ней до десятка домовъ, расположенныхъ на весьма красивомъ косогорѣ праваго берега при устьѣ рѣчки Вольмы. Въ часъ пополудни миновали большое селеніе Щелья - Юръ, въ которомъ 60 домовъ и до 300 человекъ жителей; оно на лѣвомъ берегу. Нѣсколько ниже его крутыя горы, а потому и деревня названа Щелья - Юръ, т. е. въ головѣ горъ.^{*)} По Печорѣ много острововъ; отсюда направленіе рѣки еще больше къ W и WNW; берега очень высоки и покрыты еловымъ лѣсомъ, мѣстами и сосновымъ.

11 часовъ вечера. Деревня Уотъ-Ижма.

Въ 8 часовъ вечера приплыли къ устью Ижмы и пошли по ней въ направленіи къ S; отъ устья до перваго селенія около пяти верстъ.

^{*)} У Ижменцевъ гора называется щелья, тогда-какъ Зыряне на Вычегдѣ называютъ горы — кыръ.

Я рѣшился подняться до Ижемскаго Погоста: можетъ быть, возвращаясь осенью по Печорѣ, не успѣю захватить въ это богатое село.

9 часовъ вечера, 6 августа.

Идемъ тихо. Ижма крайне — мелководна, хотя и считаютъ около 30 большихъ и малыхъ притоковъ, въ нее впадающихъ: или косы во всю рѣку, или каменистыя отмели и одинокіе камни непрерывно затрудняютъ ходъ; кромѣ того, много остановокъ при обходѣ заколовъ, сдѣланныхъ для рыбной ловли. Заколы состоятъ изъ часто-набитыхъ кольевъ, которыми перегораживаютъ рѣку отъ берега иногда до середины и дальше. Къ заколамъ прикрѣпляютъ сѣти, чтобъ рыба не проходила между кольями, а въ отверстіяхъ между ними становятъ морды; но рыбы попадетъ мало: на небольшой мелководной рѣкѣ и при сотнѣ ловцовъ, гдѣ же и быть рыбѣ? Мѣстами заколы тянутся отъ обоихъ береговъ, и средю отъ 5 до 10, на небольшомъ пространствѣ; бечевника вовсе нѣтъ; по берегу грязь, валежникъ, или крутизны, покрытыя лѣсомъ, а потому во многихъ мѣстахъ мы шли на веслахъ и больше къ S и иногда къ SSO. Миновали уже шесть деревень и одно село, и всѣ онѣ находятся на правомъ, довольно-высокомъ берегу; лѣвый берегъ низменный; мѣстами попадаются хорошіе луга.

Во всѣхъ деревняхъ дома шарабочные, а у нѣкоторыхъ крестьянъ даже очень хорошіе; вообще всѣ избы съ трубными печами и большими окнами; внутри соблюдается большая опрятность. Лѣсъ на постройку идетъ съ верховьевъ Ижмы и ея притоковъ; такъ, говорятъ, строевыхъ лѣсовъ много; здѣшніе лѣса идутъ иногда на продажу въ Пустозерскъ.

Погода начинаетъ поправляться: днемъ было ясно и тепло. Ненастье и холода продолжались долго, что, кажется, имѣло вліяніе на сѣнокосы: вообще мало видно сѣнныхъ стоговъ, да и хлѣба повсюду зелены.

Проходимъ вымovou избу; она на лѣвомъ берегу рѣки. Отсюда до погоста 25 верстъ. Въ цѣлый день прошли только 35 верстъ. По берегамъ Ижмы мѣстами много листовничныхъ лѣсовъ.

9 часовъ утра, 7 августа.

До погоста остается недалеко. Теперь идемъ противъ деревни

Жересь или Салабской; сикты, или околотки *) этого поселения разбросаны на большомъ пространствѣ по отлогимъ возвышенностямъ лѣвато берега Ижмы. Говорятъ, многіе изъ жителей этой деревни очень богаты; несмотря на то, что отъ нихъ недалеко Ижемскій и Мокчинскій Погосты, они собрали значительную сумму денегъ, до 8,500 р. сер., на построение церкви.

3 часовъ вечера 8 августа. Ижемскій Погостъ.

Сегодня, въ 11 часовъ утра, прибыли мы въ Ижемскій Погостъ, находящійся на правомъ берегу рѣки, въ 60 верстахъ отъ ея устья. Въ серединѣ села, состоящаго изъ 120 домовъ, двѣ церкви: каменная и деревянная. Здѣшніе жители усердные христіане и дѣлаютъ много приношеній храму Божію, а потому въ церкви есть нѣсколько иконъ съ дорогими ризами и довольно-богатая ризница.

За рѣкой противъ Ижемскаго Погоста село Мокчинское, съ большою каменною и богато - украшенною церковью. Въ немъ до 100 домовъ. Я собралъ кой-какія свѣдѣнія объ Ижемской Волости, но помѣщу ихъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ Ижмѣ живетъ помощникъ окружнаго начальника, заведывающій всѣми селеніями Мезенскаго Уѣзда Печорскаго Края. **)

Сейчасъ отправляюсь обратно; погода благопріятная, и я съѣзжу ея воспользоваться.

Полночь, 9 августа.

Сегодня въ 3 часовъ утра я былъ въ селѣ Красный-Боръ, заходилъ въ церковь; въ это время въ ней совершалась заутреня;

*) Многія зырянскія селенія состоятъ изъ нѣсколькихъ околотковъ, или группъ домовъ, стоящихъ отдѣльно одно отъ другаго; околотокъ называется сиктъ; ему прадается названіе часто по имени верныхъ поселенцевъ, или по мѣстности, чѣмъ-нибудь замѣтной, или по ручью, на берегу котораго лежитъ сиктъ.

**) Здѣсь я узналъ случайно превосходное средство отъ обвара: надобно прикладывать пепелъ пережженного мочала, смѣшаннаго со сливками. Сиктъ помощника окружнаго начальнаго вымазалъ себѣ на лицо котелъ горячей воды и леченіе сказаннымъ способомъ шло такъ успѣшно, что не осталось ни малѣйшаго знака отъ обвара.

народу въ церкви было много и много усердно молившихся. Около полудня мы были уже на устьѣ Ижмы; кружкій вѣтеръ отъ Н волновалъ Печору, и мы съ трудомъ переходили за вѣтеръ, къ правому берегу, и медленно плыли подлѣ него. Вечеромъ стало тише. Въ 30 верстахъ отъ устья Ижмы, на отдѣльномъ холму правого берега, находится деревня Полушина; въ ней до 25 домовъ. Отсюда начинается Усть-Цылемская Волость. Въ Полушинѣ говорятъ уже по-русски. Отъ нея до Усть-Цылемскаго Погоста прощляли еще мимо двухъ небольшихъ деревень въ пяти и въ трехъ верстахъ отъ погоста. Цѣлый день шумѣлъ сильный вѣтеръ, и только въ 11 часу мы пристали въ Усть-Цыльмѣ. Ночь темная. Я рѣшился остаться ночевать и помѣстился у добраго и гостепріимнаго князя Палавандова, занимающаго здѣсь должность лѣсничаго.

Утро, 10 августа.

Народонаселеніе Усть-Цылемской Волости состоитъ изъ 2,655 обоюга пола жителей; въ ней много деревень, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ Печоры, Цыльмы и Пижмы, и число ихъ, кажется, ежегодно увеличивается; изъ погоста и другихъ селеній переселяются на приволье по пустыннымъ берегамъ рѣкъ, гдѣ, не стѣсняясь, могутъ усиливать скотоводство — промышленность, на которую теперь, какъ на самую выгоднѣйшую, они обратили большое вниманіе.

Село Усть-Цыльма находится на правомъ, довольно-низменномъ берегу Печоры, противъ устья впадающей въ нея съ лѣвой стороны рѣки Цыльмы. Въ немъ 240 домовъ, которые растянуты на пространствѣ по-крайней-мѣрѣ четырехъ верстъ. По низовью рѣки къ нему примыкаетъ еще нѣсколько деревень.

Домы крестьянъ порядочны и много есть очень хорошихъ съ нѣсколькими комнатами; въ срединѣ поселенія деревянная, ветхая церковь; вблизи ея дѣлается фундаментъ для новой, деревянной же. Усть-Цыльма самое многолюдное селеніе въ Печорскомъ Краѣ. Здѣсь живутъ двое чиновниковъ: становой приставъ и лѣсничій, завѣдывающіе всѣми селеніями и лѣсами Мезенскаго Уѣзда по Печорѣ и ея истокамъ. Желая узнать о преданіяхъ края, я разспрашивалъ, нѣтъ ли чего письменнаго? Мнѣ сказали, что церковно-служителями ведется лѣтопись. По просьбѣ моей, принесли отъ

священника довольно-толстую тетрадь. Изъ нея узналъ я, только что при устьѣ рѣки Цыльмы поселились, въ 1542 году, двое Новгородцевъ: Ивашка Дмитріевъ Ластка и Власко; потомъ къ нимъ присоединились пришельцы изъ разныхъ мѣстъ. Для большаго удобства, они переселились за Печору, противъ Устья Цыльмы на гари (т. е. на мѣста, гдѣ выгорѣлъ лѣсъ); что это поселеніе наименовали они Усть-Цыльмскою Слободкою и завели небольшое хлѣбопашество. Что жители ловятъ рыбу, бѣлую и красную, и звѣрей, продаютъ ихъ торговцамъ, покупая на эти деньги хлѣбъ и другіе припасы, что дѣлается и понынѣ; что первая церковь построена на гари Ивашкой Ласткой и Власкомъ, во имя Чудотворца Николая, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1547 году, и сгорѣла вмѣстѣ съ деревней въ 1745 году; и что неизвѣстно, первоначальная ли это была церковь, или уже другая; что если это была первая, то она существовала 198 лѣтъ; что послѣ пожара новая церковь построена на другомъ мѣстѣ, тоже во имя Святителя и Чудотворца Николая, деревянная, одноэтажная, теплая; что на ней поставленъ деревянный восьмиконечный крестъ; выстроена же на казенное иждивеніе съ помощью прихожанъ; освящена на антиминсѣ бѣлаго полотна, который священнодѣйствованъ Венедиктомъ, епископомъ архангельскимъ и холмогорскимъ въ 1751 году. Кромѣ этихъ свѣдѣній, сократилось въ памяти, что прежнія церкви и дома жителей были ближе къ Печорѣ, и есть преданіе, что, послѣ перваго церковнаго пожара, образъ Святителя не разъ переносился на мѣсто нынѣшняго храма, хотя его относили обратно на мѣсто сторѣвшаго, предполагая тамъ же начать постройку новой церкви. Наконецъ рѣшились, повинувшись волѣ Святителя, построить храмъ на новомъ мѣстѣ. Скоро и все поселеніе перешло сюда подъ защиту Божіаго храма, между-тѣмъ, какъ отъ стараго мѣста остался небольшой холмъ: все размыло и унесло напоромъ рѣки.

Образъ Святителя, находящійся въ церкви, весьма уважается въ здѣшнемъ краѣ: рѣдкіе проплываютъ мимо Усть-Цыльмы, не отслужив молебна и не помолитвись Угоднику.

Въ волостномъ правленіи я нашель двѣ грамоты, изъ которыхъ видно, что основателемъ здѣшняго поселенія былъ дѣйствительно Новгородецъ Ивашка, Дмитріевъ сынъ, Ластка съ товарищемъ Власкомъ. Чтобъ обезпечить благосостояніе новой колоніи и упрочить права свои на окрестныя земли и воды, смѣлый пере-

селенецъ поѣхалъ въ Москву. Годъ перваго путешествія его неизвѣстенъ; видно, однакожъ, что тогда самодержцы Руси именовали себя только Великими Князьями, безъ царскаго титула, ибо и вторая грамота, въ которой упоминается о прежней, дана ему Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ 7053 (1545) году.

При первомъ путешествіи своемъ онъ былъ челоуъ Великому Князю, и сказалъ, «что по Печорѣ до Усы, по Цылымъ до рѣки Косыи, по Ижмѣ и Пижмѣ до Великой Ножки пески, рыбныя ловли, малыя рѣчки, и озера, дѣсь, дичь, или, болота, соколы и кречеты садѣница; а нашенъ, покосовъ и рыбныхъ ловей на чьихъ вѣстари нѣтъ; и что отъ нашенныхъ людей двинскихъ и пинежскихъ эти мѣста отоманъ верстъ на 500 и больше, и просилъ позволить ему поселиться въ этихъ мѣстахъ и пользоваться ихъ угодыми.» Вслѣдствіе этой просьбы, ему разрѣшено: «конить слободу» т. е. солиться, принимая переселенцевъ и со всѣхъ угодысъ давать оброка въ годъ: «по кречету или по соколу, или по рублю деньгами.» При переѣздѣ съ этими оброкомъ въ Москву, съ Иванки новгородскаго новсюду «мытчики, мостовщачи и перевозчики брали: мытъ, мостовщичину и за перевозы;» а потому онъ просилъ Великаго Князя освободить его отъ этихъ тягостныхъ повинностей. Великій Князь не только исполнилъ просьбу, вновь подтвердивъ права его, и въмѣсть оброка, назначенный преждею грамотою, но, чтобъ какими-либо притязаніями напѣствияки пинежскіе и тѣуны ихъ не затруднили производства промысловъ, Иванкѣ предоставлено надъ всѣми слобожанами судъ и расправа «кромѣ душегубства и татѣбы съ поличнымъ», а слобода освобождена отъ взноса кормовыхъ, отъ присылки къ нимъ «ни почто предвѣдчиковъ и доводчиковъ», которыхъ даже не велѣно въѣзжать въ слободу. За судъ позволено Иванкѣ взимать съ виноватаго по 5 денегъ новгородскихъ; если же случится имѣть тяжбу слобожанамъ съ людьми городскими, или волостными, то Иванкѣ предоставлено быть судьей вмѣстѣ съ напѣстинниками и ихъ тѣунами, и защищать своихъ; если же кто будетъ имѣть претензію на самомъ Иванкѣ, то судъ его Великій Князь предоставлялъ себѣ или своему сокольничему; еслиже кто поселится въ слободѣ, не являсь Иванкѣ, съ того назначено высылывать на В. К. рубль московскій. Подлинная грамота въ 1769 году взята въ Правительствующій Сенатъ.

Обеспеченный въ своихъ правахъ еще прежнею грамотою, дѣ-

ительный Иванка увеличил народонаселение слободы новыми переселенцами, пригласил их из своей родины, и построил церковь на правом берегу Печоры, против Цымы, на гарн.

В этой второй грамоте *) не упоминается еще о построении церкви; но известно по преданиям, что она построена в 1547 году, и этот первый храм на пустынных берегах Печоры посвящен Святителю и Чудотворцу Николаю.

Вролотно, поселение Иванки, обеспеченное столь важными правами и преимуществами, вышепомнятой второй грамотой; ему предоставленными, быстро увеличивалось, и он уже был человеком в краю томъ именитымъ, потому — что имелъ власть судить надъ переселенцами, будучи самъ подчиненъ суду только Великому Князю.

Изъ третьей грамоты, данной ему Царемъ и В. К. Иоанномъ Васильевичемъ, видно, что Иванка, названный в этой грамоте Ласткою, по правамъ, присвоеннымъ прежними грамотами, «Населялъ слободу и поставилъ церковь и попа устроилъ, въ чемъ ему убытки учинились великіе»; и потомъ, «что были челомъ Царю и В. К. Керволицы, Чакольцы и Мезенцы, Вахрамейко Яковлемъ, да Иванка Семеновъ Бѣляевы, отъ всѣхъ волостей, что — будто бы Иванка Ластка платилъ всего оброку по полтигѣ, а они соглашались надбавить полтретья рубля (2 р. 50 к.)», вследствие чего и имъ, вѣроятно, дана была жалованная грамота; но Иванка Ластка оправдался, а потому сказано в грамотѣ, «что Керволицы, Чакольцы и Мезенцы обогали его, сказавъ, что Иванка платитъ оброку по полтигѣ, а притомъ же, что они живутъ отъ Печоры больше тысячи верстъ»; почему жалованная грамота отъ нихъ отобрана и слободкой вѣдать попрежнему велѣно Иванкѣ. Однакожъ противники колониста не унимались, и 2 марта 7060 года (1554 года) опять были челомъ царю дать имъ его промысла, уверяя «что объ Иванкѣ Ласткѣ нѣтъ никакой вѣсти». Имъ повѣрали и просьбу исполнили: по приказу царскому, дьякъ Василий Ступа Андреевъ отдалъ имъ промыслы на два года на 7061 и 7062 съ оброкомъ по три рубля въ годъ; но въ апрѣлѣ неожиданно пріѣхалъ въ Москву Иванка и былъ челомъ, «что съ оброкомъ на срокъ не поспѣлъ потому, что на Печорѣ при промыслахъ Вахрамейко съ товарищами

*) Первой грамоты, о которой упоминается во второй грамотѣ — нѣтъ.

нарочно его задержали», и просилъ, чтобъ оныя отдали ему промыслы Печорскіе, надавая оброку, противу своихъ противниковъ, еще рубль. Царь вновь утвердилъ его въ прежнихъ правахъ, а Ивашка Ластка обязался оброкъ по четыре рубля московскихъ привозить въ Москву на Срѣтеневъ-день, начавъ платить его (вѣроятно, съ прибавкой) съ 7063 г. (1545 г.). Граммата дана въ Москвѣ, 7062 года, въ 28 день апрѣля, за подписью царя и съ печатью.

Но Ивашку Ластку и засимъ не оставили въ покоѣ, потому-что въ надписи на оборотѣ грамматы видно, что изъ Двинскаго Уѣзда Пинежане: староста Куземка, Ѳедоровъ сынъ, Кудреватой да Михайко Терентьевъ, въ 63 (1555) году въ 30 день марта, были челомъ казначею Ѳедору Ивановичу Сукину, да хозяину Юрію Юрьевичу Тютину, «что они платили по жалованной оброчной грамматѣ за промыслы по рѣкамъ Цыльмѣ и Печорѣ по 3 рубль; но что эти ихъ ловли взялъ на оброкъ Ивашка Ластка, Дмитріевъ сынъ, надавъ рубль, а они соглашаются надать еще по 2 рубль». Послѣ же ихъ, въ апрѣлѣ, вѣроятно, желая кончить дѣло дома и не доводить до Москвы, Ивашка Ластка былъ челомъ Сукину и Тютину, прося оставить за нимъ промыслы, надавая уже 6 рублей, и казначей велѣлъ отдать ему; эта надпись скрѣплена дьякомъ Васильемъ Ступой Андреевымъ сыномъ и подписана такъ: «приказалъ окольничій, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ»). И въ эту даль дошелъ приказъ умнаго совѣтника Царя Грознаго, Адашева!

О дальнѣйшемъ ходѣ прежней промышленности въ Усть-Цыльмѣ и объ остальной жизни дѣятельнаго Ивашки Ластки болѣе ничего неизвѣстно.

Нынѣшняя церковь построена вскорѣ послѣ пожара и освящена въ 1751 году, слѣдовательно существуетъ около вѣка.

Сегодня утромъ я пошелъ въ этотъ старинный храмъ; вокругъ его старая деревянная ограда и нѣсколько могильныхъ крестовъ; наружная крытая лѣсница ведетъ къ двери. Я постучался желѣзнымъ кольцомъ, привѣщеннымъ къ ней: старикъ, сторожъ, изъ отставныхъ солдатъ, отворилъ ее. Черезъ сѣни я вошелъ въ просторную паперть, или трапезу, занимавшую главнѣйшую часть строения; въ ней на лѣвой сторонѣ поставлена преобладающая печь, на право столъ, въ углу какія то вещи, около стѣнъ и печи лавки.

*) Для списка съ жалованныхъ грамотъ приложены къ нему двѣники.

Изъ паперти я вошелъ въ церковь: иконостасъ самый простой, бѣдный и старинной формы; окна въ церкви и паперти только съ южной стороны, а съ сѣверной одно, и то не больше четверти въ диаметрѣ. Старые люди любили, чтобы было тепло въ Божьемъ храмѣ и, опасаясь бурь полуночныхъ, освѣщали его только со стороны полуденной. Мнѣ понравилась сельская простота церкви; но бѣдность украшеній и ветхость покосившагося зданія ясно показываютъ, что жители Усть-Цыльмы не заботились о благолѣпнн храма. Два большіе образа Святителя Николая поставлены въ иконостасѣ, а явленная икона Угодника, длиною не больше шести вершковъ, покрыта серебряною ризою со стразами. Старый ветеранъ Трофимъ Чупровъ, посвятившій церкви послѣдніе дни своей жизни, рассказывалъ мнѣ, что онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, вступилъ въ военную службу въ концѣ минувшаго столѣтія и оставилъ молодую жену; много ходилъ въ чужихъ земляхъ, много разъ былъ въ сраженіяхъ и чрезъ 26 лѣтъ возвратившись на родину, не нашелъ ни кого родныхъ: всѣ уже умерли и онъ поселился въ церкви, подлѣ которой покоятся его ближніе и гдѣ онъ питается подаваніемъ прихожанъ.

О промышленности, занятіяхъ и нравахъ Устьцылемцевъ скажу послѣ, когда побольше узнаю ихъ.

Вечеръ провелъ я въ бесѣдѣ съ добрымъ княземъ; онъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ; но говорили также много и объ Грузіи, его родинѣ, съ которой несчастнымъ случаемъ разлучилъ его, можетъ быть, навсегда.

10 августа, 11 часовъ утра.

Въ 4 часу утра мы уже плыли по Печорѣ. Сѣверный вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу; было очень холодно; едва ли сегодняшній утренникъ не сдѣлаетъ вреда хлѣбу. Противъ погоста большой островъ, а за нимъ рѣка Цыльма, которая, неподалеку отъ впаденія, сливается съ рѣкою Пижмою.

Въ 5 часовъ останавливались на тонѣ рыболововъ; я купилъ 10-ти фунтовую семгу и 10 крупныхъ сига въ за 80 к. сер.

На удобныхъ пескахъ начался уже ловъ семги, но еще нѣтъ ходу рыбы, какъ выражаются здѣсь о неудачномъ промыслѣ.

часть II.

2

Проплывъ 30 верстъ, мы видѣли на одной тонѣ до 30 лодокъ. Семгу Усть-Цыльмы ловятъ тоже поплавнями: для этого собираются въ артели отъ 10 до 30, а иногда до 50 лодокъ и бросаютъ поплавни поочередно; въ одни сутки работаютъ пять, шесть или восемь лодокъ, завтра другія, и такъ далѣе; смѣняются не иначе, какъ чрезъ сутки. Случается, что въ большой артели на лодку достанется не больше 14 или 15 дней во все время промысла, который продолжается пять и шесть недѣль; но если ловъ успѣшнѣе, то наваливаютъ отъ 30 до 40 пудъ; но это довольно-рѣдко. У поплавни работаютъ два человѣка взрослыхъ и одинъ небольшой, на кормѣ. Я видѣлъ мальчишекъ и дѣвчонокъ лѣтъ десяти, которые правили рулемъ: одинъ бросаетъ поплавень, другой работаетъ веслами, а малютка сидитъ на кормѣ у руля. Поплавни здѣсь такіе же, какъ и въ верховьяхъ Печоры, только нѣсколько шире, потому что плѣса глубже.

Отъ села Усть-Цыльмы проплыли мы уже нѣсколько деревень, и всѣ онѣ больше на правомъ берегу рѣки. Со стороны лѣвой впаля рѣка Путь; но ней, говорятъ, есть порядочные гѣса. На Печорѣ много острововъ и мелей.

10 часовъ вечера.

Въ часъ пополудни миновали устье рѣки Кабарихи. Она впадаетъ въ Печору съ правой стороны, въ 40 верстахъ отъ села; на устьѣ деревня, въ коей 8 домовъ.

Въ 6 часовъ вечера проплыли боръ, называемый «Бѣлая-Слуда»; онъ тянется на нѣсколько верстъ по правому берегу; ближе къ лѣвому большой Бугаевъ Островъ; за островомъ три дома деревни Бугаевой; нѣсколько выше ея, столько же домовъ деревни Лавриной. Въ концѣ бора Бѣлой-Слуды впадаетъ рѣчка Сосья; недалеко отъ нея зимовая изба—это третья станція на разстояніи 65 верстъ по зимнему пути изъ Усть-Цыльмы въ Пустозерскъ. Зимой дорога прокладывается по рѣкѣ; вѣдять всегда на однѣхъ лошадяхъ и на каждой станціи кормятъ часа три, четыре, а въ худую погоду и больше. Здѣсь по берегамъ мѣстами некрупный сосновый и лиственничный лѣсъ. Течение Печоры постоянно къ N, а иногда нѣсколько къ NNO. Плѣса очень длинны; иногда вперед и назадъ воды Печоры сливаются съ горизонтомъ. Заострова, или проливы,

которые по Двинѣ и Вычегдѣ называются полями, по Волгѣ и Камѣ — волжками, здѣсь зовутъ — шарами.

Подплываемъ къ высокому материку: онъ въ 70 верстахъ отъ Усть-Цыльмы; нѣсколько ниже много острововъ, которые называются Мѣщанскими; никто не знаетъ, отчего произошло такое названіе.

Теперь тихо, но становится темнѣе и темнѣе; густой мракъ ночи скрываетъ окрестности; кругомъ совершенная тишина, которая въ пустынѣ наводитъ невольное уныніе на душу, а потому и весь экипажъ моей лодки безмолвствуетъ въ какомъ-то раздумьи: только слышны всплески воды подъ веслами и, порой, крикъ какой-нибудь ночной птицы.

Полночь.

Выяснѣло. Горизонтъ сіяетъ множествомъ звѣздъ. Еще несомнѣнно потухла вечерняя заря на сѣверозападѣ, какъ показались въ сторонѣ полуночи носящіяся струи свѣта, сѣвернаго сіянія, то ярче, то блѣднѣе переливались онѣ по лазури яснаго неба, а на востокѣ медленно всходилъ серпъ новой луны; но ярче всего сіяетъ звѣзда вечерняя, отражалась на гладкой поверхности рѣки.

Въ 90 верстахъ отъ Усть-Цыльмы впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Крестовка; высокій берегъ этого мѣста называютъ Крестовскимъ Материкомъ, гдѣ, между вѣковыми соснами, охотники до легкихъ приобрѣтеній ищутъ клада, будто бы скороненнаго «Чудами», какъ говорятъ здѣшніе жители; но никто еще ничего не нашелъ.

II.

Мольское Озеро. — Рѣка Шапкина. — Селенія Пустозерскія. — Пустозерскъ. — Церкви. — Хромогъ. — Деревня Устье. — Павловъ. — Деревня Тильмиска. — Деревня Куя. — Деревня Никитцы.

11 августа, 9 часовъ утра.

Довольно-холодно: дуетъ свѣжій вѣтеръ отъ SO. Мы бѣжимъ парусомъ; проплыли уже 130 верстъ. На лѣвомъ берегу Печоры видны два поселенія, и оба называются: Колотолковыми, по имени переселенцевъ; нѣсколько выше, на томъ же берегу, находится Мольское Озеро, которое около пяти верстъ длины и двѣ ширины; оно чрезвычайно рыбно. Говорятъ, въ продолженіе зимы налавливаютъ въ немъ не одну тысячу пудъ: щуку, чировъ, нельмы, сига и другой рыбы; оно принадлежитъ Усть-Цылемцамъ. Въ минувшую осень ловили въ немъ 174 человекъ: на пай доставалось около двѣнадцати пудъ; ловъ продолжался только съ 1 октября до половины ноября. Кромѣ Мольскаго, есть много другихъ рыбныхъ озеръ по обоямъ берегамъ Печоры. О владѣніи нѣкоторыми Усть-Цылемцы ведутъ споръ съ Пустозерцами; тяжба тянется, а между тѣмъ на промыслѣ нѣрѣдко дерутся.

Теперь мы между Шапкинскими Островами; порой открывается пять, шесть рукавовъ рѣки. То плывемъ наудачу, то по примѣтамъ попадаемъ на фарватеръ. Миновали устье рѣки Шапкиной, по-самоѣдски «Пиль-воръ-яга» (т. е. очень глубокая рѣка), впадающей съ правой стороны въ Печору; по ней Ижемцы поднимаются на лодкахъ далеко въ Больше-Земельскую Тундру.

Весной вода въ Печорѣ прибываетъ отъ 4 до 5 сажень и больше, разливаясь мѣстами на 20 и болѣе верстъ. Тогда какое раздолье

воду представляет эта сѣверная рѣка! По всему пространству ея луга: сколько превосходныхъ пастбищъ для скотоводства!

Въ 11 часовъ проплыли съ правой стороны материкъ, называемый Замаксимовымъ; на немъ порядочный лиственный лѣсъ.

Вообще меня удивляетъ, что такъ далеко къ сѣверу есть лѣса, годные для домашнихъ нуждъ жителей. Я полагалъ черту растительности лѣсовъ гораздо южнѣе, чѣмъ оказывается теперь.

8 часовъ вечера.

Днемъ видѣли много рыбаковъ; принимаются порядкомъ за ловъ семги, для чего и здѣсь употребляютъ одни поплавни; только бѣлую рыбу ловятъ неводами.

Сегодня, слава Богу, много бѣжали парусомъ, и это подвинуло насъ впередъ; около 12 часовъ за насъ работалъ вѣтеръ; теперь парусъ спустили и плывемъ на веслахъ.

Послѣ материка Замаксимова не видали горъ и плыли между островами. Нѣкоторые изъ нихъ даже не поросли кустарниками, а покрыты густою высокою травой (пыреемъ), весьма питательной для скота.

Полночь.

Въ 9 часовъ вечера подплыли къ высокому матерiku правого берега. Здѣсь уже тундра; лѣсовъ, кромѣ мелкаго кустарника и елей недоростковъ, нѣтъ. Въ 10 часу небо занесло тучами. Стало темно; накрашивалъ дождь и вѣтеръ до того усилился, особенно когда мы отошли отъ материка, что едва-едва не унесъ насъ въ широкое раздолье волнующейся Печоры отъ печаной косы, подлѣ которой мы плыли. Съ величайшимъ усиліемъ мы добрались до острова, въ концѣ отмели, и остановились на ночлегъ за вѣтромъ; очень рады, что нашли покойное убѣжище; а буря завываетъ, рѣка кипитъ и волнуется. Всѣ снятъ, и я послѣдую примѣру моихъ товарищей. Мы не оставляемъ сторожеваго: положивъ якорь на берегу, спимъ покойно.

12 августа, 9 часовъ утра.

Сегодня сильный вѣтеръ произвелъ большое волненіе въ широкомъ руслѣ Печоры; мы рано утромъ съ трудомъ переѣхали къ

лѣвому берегу. Отплывъ версть 10, мы увидѣли деревню и были увѣрены, что это село Великовисочное, отъ Усть-Цыльмы первое селеніе Пустозерскаго Края; но, удивляясь, что не видно церкви, мы узнали, что это деревня Лабазская, а село Великовисочное проплыли вчера въ сумеркахъ: оно въ сторонѣ, на небольшомъ рукавѣ Печоры. Деревня Лабазская находится на островѣ Лабазскомъ; въ ней 25 домовъ; жители ловятъ семгу и для этого ѣздятъ къ устью Печоры, потому, будто бы, что здѣсь нѣтъ мѣстъ удобныхъ; что прежде была богатая тоня подѣ самой деревней, на которой рыбы ловилось много, и въ иной разъ попадало въ одинъ замѣтъ по 20 семгъ; но, къ несчастію, песокъ, гдѣ была тоня, смыло. Отсюда до Пустозерска побольше 30 версть. Холодно; сѣверный вѣтеръ усиливается.

2 часа пополудни. Деревня Пылемецъ.

Цѣлые четыре часа мы плыли 10 версть до деревни Пылемецъ. При переѣздѣ черезъ Печору къ правому берегу, лодку едва не залило — такъ было сильно волненіе! Еслибъ не устье рѣчки, которая впадаетъ въ Печору выше деревни, то негдѣ бы поставить лодку у берега: волны ей не подѣ-силу.

Въ деревнѣ Пылемецъ всего шесть домовъ, изъ которыхъ два порядочные, а остальные похожи на лачуги. Она на правомъ берегу среди безлѣсной тундры. Отсюда русло Печоры заворачивается къ NW, и дѣлаетъ большой сгибъ, а потому до Пустозерска водой около 70, а горами не больше 25 версть. Нѣсколько ниже Пылемца прежде былъ шаръ, или проливъ къ Городецкому Озеру, по которому ходили суда; но ужъ давно его занесло пескомъ, и теперь во время лѣта онъ обсыхаетъ.

Въ деревнѣ, кромѣ слѣпой женщины и ребятъ, всѣ жители на сѣнокося. Изба слѣпой очень плоха; у нея былъ мужъ, родомъ изъ Мезени, и давно ее бросилъ; она осталась съ двумя дѣтьми: дѣвочкѣ 12, а мальчику 11 лѣтъ. Съ ней живетъ еще старуха-мать. 70-ти лѣтъ, которая съ двумя внуками - малютками пошла убирать сѣно. Я удивился, когда слѣпая сказала мнѣ, что ея дѣти уже третій годъ ходятъ на работу съ своей бабушкой: нужда заставляетъ равно приниматься за тяжелый трудъ. Слепая тоже живетъ не безъ дѣла:

она беретъ себѣ чужихъ дѣтей, няньчится съ ними и за это получаетъ небольшую плату; но и это подкрѣпляетъ скудныя средства бѣдной, оставленной семьи. «Здѣсь не просятъ милостыни», говорила слѣпая, «хлѣбъ дорогъ, какъ-нибудь надобно пропитываться! Слава Богу, у насъ есть лошадка и коровка: онѣ и кормятъ насъ, сиротъ — зимою на лошадкѣ возимъ проѣзжихъ; корова даетъ молочко; сѣна на двѣ выти дѣти со старухой понемногу уберутъ. Часто у насъ нѣтъ хлѣба — ну, есть мережа, такъ ребята же со старухой ловятъ рыбу, то мы и безъ хлѣба пробиваемся! только мнѣ, слѣпой, тяжело возиться съ чужими ребятишками; теперь у меня ихъ четверо, да нужда неволить». — Но гдѣ же матери этихъ дѣтей? почему онѣ отдаютъ своихъ ребятъ въ чужіе люди? спросилъ я. «Да вѣдь, батюшка, имъ нельзя имѣть дѣтей у себя: это такія матери» сказала, улыбаясь, слѣпая.» Понятно, кто матери этихъ сиротъ: слѣпая растятъ дѣтей любви.

Отсюда я поѣду въ Пустозерскъ сухимъ путемъ. Запрагаютъ лошадей въ простые дроги; одинъ изъ моихъ рабочихъ будетъ кучеромъ. Хорошо, если найдемъ дорогу.

10 часовъ вечера. Пустозерскъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Пустозерскѣ, въ бывшей резиденціи Печорскаго Края, или городкѣ, какъ называютъ его Чердынцы, Сарьдорѣ, какъ говорятъ Зыряне. Въ половинѣ 3-го я сѣлъ на плохіе роспуски, кучеръ мой — на лошадь, и мы поѣхали. Вѣтеръ завывалъ въ широкой тундрѣ; туча за тучей неслись по небу; порой накрапывалъ дождь. «Поѣзжайте сначала по берегу, потомъ отъ бѣлаго песка своротите направо, и тутъ видна будетъ уже дорога» сказала слѣпая, «да поберегите мою лошадку и покормите ее въ городкѣ. Дай Богъ счастливо» прибавила она. Вотъ мы и поѣхали; дороги вовсе не было; отъ бѣлаго песка замѣтили тележный слѣдъ направо: поворотили на него, и рысью понеслись по тропѣ. Долго ѣхали; грязнѣе и грязнѣе стала дорога; пошли болота: чѣмъ дальше, тѣмъ мягче топь; наконецъ заѣхали въ настоящую трясику, лошадь вязла, слѣдъ пропалъ — куда ѣхать? Думали, думали, и вернулись опять къ берегу; едва выбрались изъ болота, поѣхали подлѣ рѣки; скоро попали на настоящій слѣдъ, и больше уже не теряли его.

Скучна была эта дорога: кругомъ мелкія озера, мѣстами песчаные, довольно-высокіе бугры; на нихъ изрѣдка стоятъ одиноко и группами лиственни, рѣдко стройныя, а болѣе уродливыя; индѣ эти бугры окружаютъ какое-нибудь небольшое озерко, или глубокую рытвину, и издали кажутся городками, или укрѣпленіями съ башнями странной формы; на нихъ едва держатся оконечностями корней малорослыя деревья, какъ стражи этихъ городковъ, воздвигнутыхъ прихотью сѣверныхъ бурь, которыя когда-то занесли песокъ съ береговъ Печоры, въ даль тундры, изрыли глубокія ямы и подкопались подъ корни бѣдныхъ полярныхъ растений.

Начало смеркаться, а мы все еще не видимъ церковей Пустозерска — не заблудились ли мы, подумалъ я? Не совсѣмъ-то весело было бы провести такую ненастную ночь въ пустынѣ! Вѣтеръ пробиралъ насквозь; а чтобъ развести огонь и согрѣться около него, нужны дрова—здѣсь же не сыщешь и куска сухаго дерева. Наконецъ съ одного холма увидѣли вдали что-то похожее на поселеніе и церкви, и обрадовались; но еще долго ѣхали, пока достигли городка. Я остановился на квартирѣ у Ф. Г. Хромова, извѣстнаго своимъ гостепрѣимствомъ. За самоваромъ, въ теплой комнатѣ, долго говорили мы съ добрымъ старикомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ про свою молодость, про труды своей несовсѣмъ покойной жизни и о край, въ которомъ наконецъ поселился, чтобъ провести на покоѣ остатокъ дней.

11 часовъ утра, 13 августа. Пустозерскъ.

Я всталъ сегодня рано. Буря и дождь не утихали во всю ночь, но, не смотря на ненастье, я уже обходилъ городокъ.

Пустозерскъ расположенъ на довольно-возвышенномъ полуостровѣ, который съ трехъ сторонъ окруженъ пустынью, или, какъ нынѣ называютъ, Городецкимъ Озеромъ. Ширина полуострова около 700 сажень, со стороны сѣверозападной онъ засыпанъ песками, другая половина — болото и цѣлыя озера грязи; здѣсь-то расположены 21 домъ этого стариннаго городка, въ которомъ считается 117 человекъ жителей^{*)}. Невдалекѣ винный и провіантскій магазины, а къ сѣверу отъ поселенія четыре деревянныя церкви;

^{*} Въ 1800 году въ Пустозерскъ было около 47 домовъ. Записки Лепехина.

пятая, по ветхости, недавно сломана. Между домами, через болота и грязь устроены деревянные мостки, которые, говорят, ведутся со временъ воеводства. Видно, и въ старину грязи было не меньше. Старый домъ Воеводской Канцеляріи еще существуетъ; отсюда воеводы Пустозерскіе вѣдали здѣшнимъ обширнымъ краемъ и чинили судъ и расправу. Старики еще помнятъ воеводъ Орѣховцова и Тимоея Ивановича Нелюбовтина, при которомъ воеводство переведено въ Мезень *). Тогда 120 человѣкъ солдатъ находились при Пустозерскомъ Острогѣ. Вся эта команда солдатъ, породнившаяся съ коренными жителями, весной отѣхала на судахъ въ Мезень, оставивъ въ памяти жителей замѣчательную эпоху прощанья, которое разорвало много сердечныхъ связей, и выразилось горькими слезами; разставались друзья и родные надолго, иные навсегда; и теперь путь въ Мезень считается путемъ дальнимъ, но тогда, вѣроятно, казался путемъ безъ возврата.

Въ Пустозерскѣ есть порядочные домики, особенно Хромова, съ выходами, или балкономъ, почти кругомъ всего строенія; дома для церковнослужителей построены прихожанами, но всѣ стоятъ безъ порядка, то тамъ, то сямъ, по старинному обычаю.

Заблаговѣстили къ часамъ, и мы пошла въ новую церковь. Она построена въ 1837 году, почти вся изъ лиственничнаго дерева, приготовленнаго для церкви въ Тиманской Землѣ, или Малоземельской Тундрѣ; въ ней два теплые придѣла, во имя Введенія Божіей Матери и святыхъ Аѳанасія и Кирилла; холодная, во имя Преображенія Господня, еще не освящена. Церковь эта довольно обширна и хорошо украшена; иконы: Введенія Божіей Матери, Георгія Великомученика и Николая Чудотворца покрыты богатыми серебряными съ позолотой ризами. Много и другихъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ и окладахъ, серебряныхъ сосудовъ и другихъ дорогихъ вещей, что доказываетъ усердіе прихожанъ къ церкви. Изъ храма виды очень красивы: онъ находится на сѣверномъ краю полуострова; передъ нимъ лежитъ Городецкое Озеро, за нимъ песчаные мысы и боръ, покрытый мелкимъ сосновымъ лѣсомъ; вдали видна деревня Устье. По окончаніи службы, мы пошла въ Никольскую церковь, которая построена въ 1780 году; она много осѣла на нетвердомъ грунтѣ; видно, что этотъ храмъ уже соору-

*) Это было, вѣроятно, вскорѣ послѣ открытія города Мезени.

женъ для небольшого числа прихожанъ, оставшихся послѣ переѣзда въ Мезень воеводы съ солдатами и канцеляріей, и сообразно съ ограниченными средствами жителей. Въ трапезѣ огромная печь, кругомъ лавки, а въ переднемъ углу большой столъ; нѣсколько мелкихъ оконъ съ южной стороны освѣщаютъ ее; но ни одного окна нѣтъ на сѣверъ. Служба зимой совершается здѣсь потому, что церковь очень тепла. Потомъ мы прошли мимо церкви Преображенія, построенной въ 1685 году. Въ ней уже не служатъ; невдалекѣ развалины церкви Введенія, построенной въ 1734 году. Были церкви и прежде Преображенской, ибо въ грамматѣ Царя Іоанна IV, данной Самоѣдамъ въ 1545 году, упоминается о церкви пустозерской съ двумя придѣлами, въ пользу которой предоставлена была рыбная тона мелкая.

Нѣсколько въ сторонѣ къ сѣверозападу отъ селенія, среди песчаныхъ бугровъ и могильныхъ крестовъ, одиноко стоитъ кладбищенская церковь во имя Великомученика Георгія, построенная въ 1706 году, и до-сихъ-поръ хорошо сохранившаяся. Есть преданіе, что она построена изъ лиственничнаго лѣса, вырубленнаго въ содѣднихъ борахъ. Этотъ небольшой храмъ полузанесенъ песками, а старики еще помнятъ, что здѣсь песку не было. Нынѣшней весной церковь была затоплена необыкновеннымъ разливомъ воды; крыльцо, выходы и полъ большею частью разломаны, и потому вся утварь вынесена въ новую церковь; три маленькія окна, прорубленныя на разной высотѣ стѣнъ, освѣщаютъ ея внутренность съ полуденной стороны. Трапезы нѣтъ; но два большія крылоса поставлены почти въ серединѣ церкви. Сильныя сѣверныя бури разрываютъ могилы и нерѣдко обнажаютъ гробы. Ходя по кладбищу, я видѣлъ много обломковъ гробовъ, много костей человѣческихъ; а въ нынѣшнее лѣто уже два раза собирали и хоронили ихъ. Невольно рождаются грустныя думы при видѣ этихъ останковъ нашихъ отжившихъ собратій. Чьи эти кости и черепы валяются съ обломками изгнившихъ гробовыхъ досокъ, разбросанныя полуночными вихрями по уединенному кладбищу? подумаю я. Отдаленный Пустозерскъ былъ часто мѣстомъ ссылки. Здѣсь жилъ благородный другъ Царя Алексѣя, бояринъ Матвѣевъ; здѣсь влачылъ бѣдственную жизнь любимецъ царевны Софіи, сильный временщикъ, князь Васалій Васильевичъ Голицынъ со всѣмъ семействомъ *) и, въ-

*) Голицынъ жилъ въ Пустозерскѣ больше 20 лѣтъ; тамъ онъ и умеръ, а похороненъ въ Красногорской Обители, близъ города Никиты.

рогато, много другихъ менѣе извѣстныхъ; можетъ быть, здѣсь лежатъ кости знаменитыхъ изгнанниковъ, которыхъ жизнь текла подъ лучезарною звѣздою счастья, среди богатства, величія и славы, и погасла въ полярной, холодной сторонѣ, въ горькомъ сѣтованіи.

Весною Печора заливаеъ кругомъ всѣ окрестности Пустозерска, и здѣсь образуется островъ, а иногда довольно долго сообщеніе съ твердой землей производится на лодкахъ. Городецкое Озеро длиною верстъ семь, шириною мѣстами больше версты; мѣстами оно глубиной сажень на пять и на шесть; оно обильно рыбой, которую ловятъ неводами и веталями. Но въ нынѣшній годъ рыбы меньше; полагаютъ, что большой водой, затопившею тундры, рыба прошла и въ другія озера. Это замѣчаніе довольно основательно.

Полагаютъ, что Пустозерскъ выстроенъ въ усторонѣ, и довольно далеко отъ Печоры, во-первыхъ, потому, что мѣстность эта выше и, во-вторыхъ, при озерѣ, обильномъ рыбой, которое въ старину удобно соединялось съ Печорой проливомъ, теперь почти несуществующимъ.

Хозяева мои живутъ въ довольствѣ. Бури сѣвера, холодъ зимы суровой и всѣ неудобства климата не лишаютъ покоя и счастья, доступнаго намъ по нашимъ нравственнымъ качествамъ. Старикъ Ф. Г. Хромовъ, родомъ изъ Вельска, Вологодской Губерніи, живетъ здѣсь 30 лѣтъ; служилъ сначала по дѣламъ откупа, потомъ устроился въ Пустозерскѣ, завелъ домъ и женился. У него была дочь—его радость, любимица; нашелся хорошій женихъ, крестьянинъ изъ деревни Куи; отдала замужъ; свадьба была послѣ Пасхи. Былъ еще зимній путь; съ открытіемъ Печоры родители съ нетерпѣніемъ ждали въ гости свое любимое дѣтище; но проходили дни за днями, рѣка очистилась отъ льда—и вотъ она, давножданная гостя приѣхала, но какъ? въ гробу, на вѣчный покой къ родному кладбищу. Всего 20 дней она была замужемъ, захворала и умерла. Вѣсти дать въ распутицу не могли, и привезли къ погосту гробъ съ умершею, когда оказалась возможность ѣхать въ лодкѣ. Старика поразилъ этотъ ударъ; онъ цѣлый годъ былъ боленъ, чуть не отправился за дочерью, но понемногу горестъ обратилась въ тихую скорбь, и здоровье медленно возвратилось. Вчера, рассказывая мнѣ объ этомъ, онъ не могъ удержать слезъ; онъ текли по блѣдному, доброму лицу его, а уже прошло полтора года, какъ случилось не-

счастье. У него еще есть сынъ семи лѣтъ — надежда его преклонныхъ дней. Хромовъ ведетъ небольшую торговлю, участвуетъ въ ловлѣ семги, покупая пай, и извѣстенъ въ здѣшнемъ краю честностью, кротостью, добрыми правилами и радушнымъ гостепріимствомъ. Къ нему ходятъ просить совѣтовъ, и слушаютъ ихъ, въ полной увѣренности, что Хромовъ не посовѣтуетъ на худое; къ нему заѣзжаютъ всѣ, кого случай, или обязанности по службѣ занесутъ въ эту сторону, и 67 лѣтній старикъ доживаетъ дни въ покоѣ, пользуясь уваженіемъ своихъ соотчичей.

Теперь сидимъ около самовара. Собесѣдниками моими хозяинъ и здѣшніе священникъ и дьячокъ; они знакомятъ меня съ краемъ.

Работника своего я отправилъ въ Пылемецъ съ приказаніемъ, чтобъ въ лодкѣ моей сплыли до деревни Тельвиски, куда я поѣду горами.

9 часовъ вечера. Деревня Тельвиска.

Протившись съ добрымъ старикомъ Хромовымъ, я съѣлъ на распуски; возницей былъ дьячекъ; его маленькая лошадка довольно скоро помчала насъ мимо кладбища. Здѣсь обратилъ мое вниманіе большой осьмиконечный крестъ съ развалившимся навѣсомъ, стоящій нѣсколько въ сторонѣ отъ Георгіевской церкви. На вопросъ: для чего поставленъ этотъ крестъ? дьячокъ отвѣчалъ. «Здѣсь крестовъ поставленомного (прибавилъ онъ), а въ память чего поставлены иные—неизвѣстно; но лишь только какой крестъ истлѣетъ и упадетъ, то жители немедля ставятъ новый. Вотъ, напримѣръ, есть крестъ за озеромъ, на высококомъ, песчаномъ бугрѣ; тамъ были чудскіе истуканы. Когда проникла сюда христіанская вѣра, ихъ низвергли и поставили крестъ». И точно, мы видѣли нерѣдко въ сторонѣ отъ дороги деревянныя кресты. Мы ѣхали въ направленіи къ сѣверу по низменностямъ и лугамъ, и черезъ полчаса были уже на берегу протока, или виска, изъ озера *) впадающаго въ Малый Шаръ Печоры. За проливомъ деревня Устье, въ которой 22 дома. Меня перевезъ чердынскій работникъ, а дьячокъ остался переправлять

*) Здѣсь, и даже между Зырянки Вологодской Губерніи — протокъ изъ озера называется — вискъ.

телегу и лошадь. На берегу встрѣтилъ я высокаго старика въ малицѣ и обратился къ нему съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ домъ Михайла Павлова? «Я и есть Михайла Павловъ» — отвѣчалъ онъ: — «Милости просимъ! Меня, старика, не проѣзжаетъ никто; ко мнѣ однажды изволилъ пожаловать и губернаторъ. Слава Богу, добрые люди не чуждаются моего двора.

Домъ Павлова большой, въ два этажа; помѣщеніе, хоть бы и не для крестьянина; комнаты убраны порядочно. Старикъ снялъ малицу и надѣлъ полукафтанье. Столъ накрыли бѣлою, чистою скатертью и поставили на немъ пять тарелокъ съ чердынскими калачами, пряниками, орѣхами разныхъ родовъ; вскипятили самоваръ и подали чай. Михайлу Павлову около 90 лѣтъ; онъ живетъ съ своею старухой болѣе 60, а она и сегодня еще ткала холстъ. У старика только одинъ сынъ, и тотъ на промыслѣ въ морѣ, куда ѣздитъ сряду 35 лѣтъ. Павловъ и самъ занимался этимъ дѣломъ около 30 лѣтъ; много разъ боролся съ бурями океана, часто ѣздя въ Югорскій Шаръ и къ Новой Землѣ, до Костина, и даже Маточкина Шара. Однажды, на возвратномъ пути домой, буря увлекла его карбасъ съ рабочими къ берегамъ Новой Земли; 12 дней сидѣли они безъ хлѣба, на безлюдномъ берегу; питались остатками моржеваго сала, и не могли выйти въ море; но отчаяніе придало имъ силы, и они пустились въ бурный океанъ; долго еще носили ихъ ураганы, долго не имѣли они надежды на спасеніе и, обезсиленные, кое-какъ достигли большеземельскаго берега, гдѣ наткнулись на рыбаковъ, и пѣшкомъ пришли домой. Бывая на Новой Землѣ, замѣчалъ онъ тамъ много песцовъ и оленей, а лѣтомъ — огромныя стада гусей и утокъ; въ рѣкахъ же и озерахъ чрезвычайно много рыбы, называемой гольцами. Дѣятельный Павловъ два раза пробовалъ отправляться туда съ оленями чрезъ Карскія Ворота (проливъ этотъ иногда замерзаетъ), чтобъ зимовать и провести тамъ лѣто; но оба раза льды не пустили его. Этотъ проливъ, какъ нарочно, во время его попытокъ былъ полонъ льду; не могли ни проѣхать, ни перевести оленей. Павлова всѣ уважаютъ за честность и за пособія, которыя онъ не разъ оказывалъ нуждавшимся. Между прочимъ, экспедиція штурмана Иванова, посланнаго для описанія устья Печоры, много обязана ему: онъ далъ въ распоряженіе экспедиціи три карбаса безъ всякой платы, и, какъ опытный морякъ, знающій мѣстность, снабдилъ путешественника

разными свѣдѣніями и совѣтами: Павловъ помнитъ отставнаго солдата Сергѣя Кузьмина Ладмина, умершаго 125-ти лѣтъ, при которомъ жили въ Пустозерскѣ сосланные за расколъ. Жители усть-печорскіе отчасти придерживаются старинны; но это не мѣшаетъ имъ быть усердными къ церкви.

Нынѣшней весной вода въ Печорѣ поднималась очень высоко, такъ - что почти всѣ деревни пустозерскія были затоплены *). Въ деревнѣ Устьѣ между домами вода поднималась на сажень; жители были въ страхѣ; лёдъ быстринной Печоры несло черезъ деревню; они ожидали разрушенія домовъ; но бѣда обрушилась только на одномъ: его снесло быстринной Печоры.

У Павлова есть свои примѣты, основанныя на полувѣковыхъ наблюденіяхъ. По его замѣчаніямъ, лѣто бываетъ по зимѣ: нынѣче была зима теплая, дули южные вѣтры, за то лѣто холодное, и вѣтеръ дуетъ постоянно съ сѣвера; какъ зима, такъ и лѣто, подобныя нынѣшнимъ, здѣсь рѣдки. Если въ Духовъ-день есть вѣтеръ, то все лѣто бываетъ бурное; какой вѣтеръ дуетъ 1-го сентября, на томъ вѣтрѣ становится лёдъ въ Печорѣ. Но у старика есть и предразсудки: не даромъ у него сорѹка щебечетъ у дома; не даромъ прилетаетъ вѹронъ и каркаетъ.

«Вчера (сказалъ онъ) смотрю: прилетѣла бѣлобокая, и ну щебетать! Откуда ждать гостя? думалъ я, ни о комъ не слышно, а вотъ тебя и принесъ Богъ! Грѣшно угадывать будущее, а вѣрится». По словамъ старика, по дорогѣ изъ Пьемца въ городокъ былъ порядочный лѣсъ; но его ужъ давно разломало льдомъ и смыло весенней водой, какой давно не бывало — «тогда и дѣрнѣ - то въ тундрѣ во многихъ мѣстахъ содрало» — сказалъ старикъ. Нынѣшнія лиственницы и ивы выросли вновь; около 1815 года было то же наводненіе, но не столь-сильное.

Погостивъ у добраго старика, а поѣхалъ къ-вечеру въ Тельвиску. По дорогѣ, на чертѣ, до которой поднималась вода, вышло множество наноснаго лѣсу, большею-частью годнаго только на дрова; изъ него заготовляютъ Пустозерцы топливо, покупая его очень немного у Устьцѣмцевъ, которые приплаваютъ сюда и строевой лѣсъ съ Цѣльмы и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Пе-

*) Только Пустозерскъ и Тельвиска не затоплялись весенней водой въ 1843 году.

чору, а изрѣдка съ рѣки Ижмы. Сосновыя бревна, толщиною въ отрубѣ отъ 4 до 6 вершковъ, длиною 3 и 4 маховыхъ сажень (которая около $2\frac{1}{2}$ аршинъ), приплавленные въ Пустозерскія деревни, продаются отъ 25 до 30 р. асс. сотня; дѣсь толще и ровнѣе — дороже. Недавно доставленъ въ деревню Оксину на построение церкви дѣсь вершковъ отъ 5 до 7 въ отрубѣ, по 40 р. за сотню. Сажень аршинныхъ дровъ продается здѣсь по 1 р. 50 к.; дѣсь сплавляютъ плотами, по тысячѣ деревь, но не въ самую большую воду.

На пути къ Тельвискѣ тѣ же виды, что и по пути къ Пустозерску: повсюду большія и малыя озера, множество песчаныхъ бугровъ и рытвинъ съ мелкимъ кустарникомъ, который, скрѣпляя корнями подвижной грунтъ, образуетъ нѣдѣ довольно-высокія кучки, похожія на колонны разныхъ размѣровъ; мѣстами видны нанесенные льдомъ большіе пласты дѣрна; кругомъ безлѣсье. Не доѣзжая Тельвиски, издали видна на пригоркѣ деревня Макарова. Деревня Тельвиска видна тоже издали; въ ней всего 21 домъ, но здѣсь волостное управленіе, въ вѣдомствѣ котораго двѣ Сельскія Управы — одна въ Пустозерскѣ, а другая въ деревнѣ Никитцѣ; Тельвиска расположена на довольно-высокомъ берегу залива, близъ устья Малаго Шара.

Бура не утихаеъ. Едва ли можно будетъ завтра отправиться къ устью Печоры, потому-что волненіе на Печорѣ велико; вѣтеръ дуеъ ужасными порывами и порой песеъ снѣгъ.

Въ комнатѣ, которую я здѣсь занимаю, нагѣцлено много лубочныхъ картинъ, и двѣ изъ нихъ съ поучительною надписью: «Если въ то время людямъ помогать хочешь, когда дождешься большаго богатства, то людямъ вспоможенія отъ тебя никогда не видать». «Если въ то время хочешь учиться, когда досугъ тебѣ придетъ, то, конечно, раскаяваться будешь во весь свой вѣкъ».

Полночь. 14 августа. Деревня Кул.

Погода не переиѣнилась; но я рѣшился спуститься до послѣдней деревни, если не найду возможности плыть до Болвановскаго Носа. Съ трудомъ нашли рабочихъ; пятеро бойкихъ рыбаковъ согласились плыть со мной въ ихъ широкой, пузатой лодкѣ, способной для плаванія даже и въ заливѣ. Долго мы боролись съ волнами, тяну-

лись бечевой, а гдѣ нельзя, работали веслами. Сначала мы миновали деревню Якущитскую, на лѣвомъ берегу Малаго Шара, въ трехъ верстахъ отъ Тельвиски; въ ней девять домовъ; потомъ въ 17 верстахъ деревня Никитцы, на правомъ берегу Большой Печоры. Это одно изъ лучшихъ поселеній Усть-Печорскихъ; хотя въ ней всего 19 домовъ, но здѣсь бѣольшая часть крестьяне зажиточны, а потому и строенія очень хороши.

На Печорѣ мы встрѣтили нѣсколько рыбацкихъ лодокъ; онѣ возвращались съ тоней и бѣжали на парусахъ съ полнымъ грузомъ, несмотря на сильное волненіе. Рабочіе мои догадывались, что промыселъ былъ удаченъ и что молодцы, на радости, завернули въ деревню Кую, гдѣ ихъ, вѣроятно, порядкомъ поподчивали. И въ самомъ дѣлѣ, видно, такъ: волненіе захлестывало ихъ лодки, а они бѣжали на парусахъ, весело напѣвая пѣсни. Даже Пустозерцы удивлялись ихъ смѣлости. Недаромъ говорить пословица: «пьяному море по колѣно». Съ большимъ трудомъ обогнули мы отмель, при заворотѣ съ Большой Печоры въ Куйскій Шаръ; здѣсь порядкомъ поработали и въ три часа приплыли въ деревню Кую, отъ которой получилъ наименованіе этотъ Шаръ. Деревня Куя на правомъ берегу Шара и состоитъ изъ 31 дома. По Печорѣ много вездѣ гагаръ и и особенно крупныхъ чаекъ; ихъ можно встрѣтить вездѣ, гдѣ ловятъ рыбу и гдѣ больше водится рыбы; но въ Куйскомъ Шару и на берегу возлѣ деревни ихъ такъ много, что онѣ покрывали песчаную отмель залива.

Мы остановились на квартирѣ у опытнаго моряка Михаила Карпанова: онъ еще старше Павлова и тоже нѣсколько десятковъ лѣтъ занимался звѣрловнымъ промысломъ; сынъ его недавно возвратился съ моря. Они сообщили мнѣ много любопытнаго объ этой промышленности, подчуд, между-тѣмъ, по здѣшнему обыкновению, чаемъ, орѣхами, пряниками и калачами.

Деревня Куя извѣстна по удобной гавани въ Куйскомъ Шарѣ, въ которомъ совершенно безопасно отъ бурь и шкваловъ. Поѣтому сюда приходятъ за сборомъ семги отъ рыболововъ всѣ чердынскіе каюки; здѣсь же опредѣляется и цѣна рыбы. Чердынскій купецъ Алинъ строитъ уже амбаръ для складки привозимыхъ сюда товаровъ; его примѣру, можетъ быть, послѣдуютъ и другіе, и Куя, вѣроятно, скоро будетъ центромъ, общимъ базаромъ торговли для произведеній края.

Рѣчка Куя впадаетъ въ Печору близъ деревни; она имѣетъ два притока: рѣчку Бѣлую и Кернъ-ягу.

Ниже Куи, въ 7 верстахъ, на правомъ берегу есть еще деревня Поимово, въ которой всего 6 или 7 домовъ.

Отсюда хотѣлъ я съѣздить до Болванскаго Носа, еще 80 верстъ ниже Куи, но помѣшала буря, которая продолжается ужъ двѣ недѣли, и Богъ - вѣсть когда прекратится; къ тому же, имѣя полныя свѣдѣнія объ устьяхъ Печоры отъ опытныхъ моряковъ, здѣшнихъ жителей, я считаю это излишнимъ; личнымъ обозрѣниемъ нельзя повѣрять этихъ свѣдѣній, а осень не за горами: пора домой.

Дойдя до предѣловъ Печорскаго Края, надобно сказать о его обширности. Печорскій Край, гранича къ сѣверу съ Ледовитымъ Океаномъ, къ востоку съ цѣпью горъ Уральскаго Хребта, къ югу съ вершинами притоковъ Камы, къ западу съ кряжемъ Тиманскихъ Горъ и возвышенностями, образующимися между притоками Печоры, Выми и Вычегды, составляетъ пространство, по мнѣнiю ученыхъ путешественниковъ, съ островами Камгуевымъ и Вайгачемъ до 6,500 географическихъ миль, съ населенiями отъ 15,000 до 16,000 человекъ. Вся эта обширная площадь омывается водами Печоры и ея притоковъ; болѣе 80 рѣкъ и рѣчекъ вливаются въ этотъ огромный бассейнъ.

Завтра большой праздникъ. Добрый старикъ Корепановъ засвѣтилъ нѣсколько свѣчъ и лампаду предъ иконами въ комнатѣ, гдѣ я находился, а самъ со всей семьей ушелъ молиться въ другую; моление это продолжалось часа полтора. Женѣ Корепанова 85 лѣтъ; а живутъ вмѣстѣ старики около 70 лѣтъ, и она еще бойкая хозяйка; но меня удивило, что у этой старушки жива мать, которая поселилась у правнучекъ, за пять верстъ, въ деревнѣ Никитцѣ, и нерѣдко навѣщаетъ пѣшкомъ чуть не 90 лѣтнюю дочь свою. Примѣры такой долгой и здоровой жизни здѣсь не рѣдкость.

15 августа. Тельмска.

Вчера въ 11 часовъ отправился я изъ Куи и, лишь только выбрались изъ Шара на Большую Печору, подняли парусъ. Рыбаки, особенно печорскiе, смѣлы: для нихъ не страшна буря и въ открытомъ морѣ. Лодка наша была безъ груза, и когда находилъ порывъ вѣтра, часто такъ накренивалась, что едва не зачерпывала воду.

часть II.

3

Волны яростно гѣнили около нея; туча за тучей проносились надъ нами; порой лялъ дождь и порошилъ снѣгъ. Ночь была очень темна; только небольшое сѣверное сіяніе озаряло часть полуночнаго горизонта. Мы быстро неслись до деревни Никитцы, гдѣ и остановились. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на бытъ нѣкоторыхъ изъ ея жителей.

Противъ этой деревни вѣтъ удобной пристани, а потому останавливаются здѣсь ненадолго; но если приходится, въ крайности, ночевать, то оттягиваются въ рѣку подальше отъ берега, у котораго прибой очень силенъ. Здѣсь Печора и глубока и широка, а бури съ океана разыгрываются иногда страшныя, и волненіе бываетъ большое — каюкамъ чердынскимъ не под силу.

Я пошелъ въ домъ Хайминыхъ, которые считаются изъ самыхъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ Пустозерскаго Края. Хозяева спали уже, но встали и приняли меня радушно. Хайминыхъ три брата и два племянника; дома только одинъ младшій, женатый на внучкѣ старика Павлова, прочіе на промыслахъ и въ тундрѣ у оленей. Все семейство помѣщается въ одномъ домѣ, но у каждого своя комната. Молодой хозяинъ принялъ меня въ своей свѣтлицѣ, которая была не велика, но тепла, чиста, оклеена обоями розоваго цвѣта и убрана порядочно. Все въ ней такъ удобно помѣщено, что всего много, но не тѣсно. Въ переднемъ углу стоитъ кіѣта съ образами, изъ которыхъ нѣкоторые въ серебряныхъ ризахъ; предъ нею горѣла лампада; вокругъ стѣнъ лавки, два стола, нѣсколько стульевъ, кровать за занавѣской, и шкафъ съ посудой, въ коемъ блестяло и серебро; у печки мѣднѣй рукомойникъ и тазъ, свѣтло вычищенные; надъ дверьми посудникъ съ фаясовыми тарелками, подносы и порядочное зеркало на стѣнѣ; полы устланы коврами — все такъ хорошо, что лучше и желать нельзя на устьѣ Печоры. Конечно, подробности эти могутъ показаться излишними; но если принять въ соображеніе, что я описываю житье крестьянина близъ устья Печоры, то рассказъ мой получить нѣкоторую цѣну, особенно если вспомнить образъ жизни поселянъ цѣлой Россіи, не исключая и самыхъ промышленныхъ и самыхъ хлѣбородныхъ губерній. Пусть также подробности моего описанія послужатъ доказательствомъ благодарной памяти моей добрымъ обитателямъ Усть-печорскаго Края, которые принимаютъ странника радушно, не съ однимъ хлѣбомъ-солью, но и съ ласковымъ словомъ, съ

привѣтомъ. Кто не скажетъ спасибо, когда усталого, промокшаго подъ дождемъ ночнаго путешественника напоить хорошимъ чаемъ, поподчиваютъ привозными калачами, пряниками, орѣхами, хотя, конечно, не всегда свѣжими. Кто же не выразитъ удивленія, вида въ этомъ отдаленномъ и пустынномъ краѣ тихое счастье, посреди довольства и нѣкоторой роскоши, добытыхъ честнымъ трудомъ, промышленной дѣятельностью, или смѣлою предприимчивостью. Вскорѣ подали самоваръ, свѣтлый, какъ золоченый. Хозяйка подавала чай; часа два длилась наша бесѣда — и опять въ путь. Вѣтеръ шумѣлъ попрежнему, и мы во мракѣ ночи быстро неслись по волнамъ Печоры. Въ 4 часа прибыли въ Тельвиску.

Сегодня вѣтеръ не утихаетъ; волнение на Печорѣ сильное; поутру шелъ снѣгъ. Рыбаки всѣ съѣхались домой къ празднику, на разговорѣе, тѣмъ болѣе, что праздниковъ три дня сряду: 15 августа Успеніе Божіей Матери, 16 — память Нерукотвореннаго Образа Спасителя и 17 — праздникъ мѣстный, установленный издавна, но въ память чего — я не могъ добиться, вѣроятно, въ воспоминаніе какого-нибудь важнаго событія. 17-ое августа здѣсь уважается: никто безъ крайней нужды не станетъ работать въ этотъ день, а въ постъ успенской нѣкоторые Печорцы не ѣдятъ даже рыбы. Отпраздновавъ эти дни, они отправляются снова на тони.

Въ Тельвискѣ я живу въ квартирѣ волостнаго головы, крестьянина деревни Никитцы, Сазонова. Онъ хоть и молодъ, но разуменъ и усерденъ въ исправленіи своихъ обязанностей; кромѣ того, гостеприименъ и радушенъ, какъ всѣ пустозерскіе жители.

III.

Свѣдѣнія о прежнихъ промыслахъ. — Новая Земля. — Открытіе ея. — Русскіе путешественники: Родіонъ Ивановъ, Савва Лошкинъ, Кротовъ и Пахтусовъ. — Пашинъ. — Островъ Калгуевъ. — Промыслы въ Болвановской Губѣ. — Участіе въ промыслахъ. — Скупъ участковъ. — Морскіе промыслы: моржи, киты, бѣлуги. — Ошкун, или бѣлые медвѣди. — Промыслы въ тундрѣ. — Оленеводство. — Торгъ съ Чердынцами. — Официальныя свѣдѣнія о промыслахъ. — Бытъ Пустозеровъ.

О промышленности въ здѣшнемъ краѣ я собралъ довольно - подробныя свѣдѣнія; но считаю излишнимъ коснуться и прошедшаго. Еще въ началѣ XII столѣтія Новгородъ платилъ дань великимъ князьямъ Руси за свои сѣверныя владѣнія, и эта дань называлась Печорскою.^{*)} По сохранившемуся списку съ указа, даннаго Пустозерской Воеводской Канцеляріи, видно, что въ 1574 году въ здѣшній край приходили Двиняне, Устюжане и Пинежане промышлять моржей и акулъ, за чтó вносили великому князю оброка десятую часть моржеваго зуба; оброкъ взимали съ нихъ пустозерскіе цѣловальника.

Въ 1601 году наложенъ былъ оброкъ на Самоѣдовъ за пользованіе водами рѣкъ Колоколкой, Песчаницы и другихъ по 2 р. 50 к., значить, постоянныхъ жителей на устьѣ Печоры тогда еще не было, а край заселился уже впоследствии; иначе какъ же бы мѣстные жители не участвовали въ промыслахъ, производимыхъ пришельцами съ береговъ двины и Пинеги? Для разработки серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ въ новооткрытомъ заводѣ, на берегу рѣки Цильмы еще въ концѣ XV столѣтія взяты были рабочіе изъ Устюжанъ 60, Двинянъ 100, и Пинежанъ 80 человекъ.^{**)} Если

^{*)} Исторія Гос. Росс. Карамзина, часть II стр. 207.

^{**)} Двинскій Лѣтописецъ.

бы здѣсь были поселенія, то не могли бы не участвовать въ такомъ важномъ, по тогдашнему времени, предпріятіи. До Устюга отъ Усть-Цыльмы вчетверо дальше чѣмъ до Пустозерска.

По мнѣнію автора, описавшаго Архангельскую Губернію, пусто-зерскій острогъ заложенъ въ началѣ XVI столѣтія; но тогда, вѣроятно, тамъ жили необходимая стража городка, цѣловальники, или сборщики оброковъ и ясака съ кочующихъ инородцевъ; они же и наблюдали за краемъ и отражали набѣги Карачейскихъ Самоѣдовъ (часто производимые и продолжавшіеся даже и въ XVIII столѣтіи.) Уже послѣ мало-по-малу стали селиться пришельцы съ береговъ Ильменя; а съ увеличеніемъ народонаселенія увеличивался и оброкъ. Въ окладной книгѣ записано, что въ 1684 году получено оброка съ самоѣдской тони 6 рублей, съ дресвянской 4 руб. 6 алтынъ и 4 деньги; а въ 1691 году въ Болвановской Губѣ, съ самоѣдской и дресвянской тоней получено оброка тоже 10 руб. 6 алтынъ 4 деньги, и новоприбылаго оброка съ крестовой, прилучной и носовой тоней, съ рѣкъ: Усы, Косыи и Лѣмвы 4 р. 16 алт. 4 деньги, всего 14 рублей 23 алтына и 2 деньги, и что всѣ эти деньги получены сполна. Въ 1698 году всѣ здѣшніе промысловыя уголья отдавы были въ оброкъ Устюжанину, переселившемуся на Ижму, Ивашкѣ Гаврилову, на пять лѣтъ за 16 р. 23 алт. и 2 деньги въ годъ съ пошлиною по 10 денегъ съ рубля, а всего за 17 р. 17 алт. и 5 денегъ. Эта значительная, по тогдашнему времени, сумма должна была, что видно изъ того же Указа, обезпечиться поручною записью съ добрыми поруками, и съ другими доходами отсылаться сполна въ Москву съ надежными людьми. Однакожъ въ 1699 году Пустозерцы, видно, не допустили оброкосодержателя, вѣроятно, опасаясь, чтобъ Ивашка не завладѣлъ навсегда ихъ промыслами; и заплативъ прежній оброкъ, отправили въ Москву ходатаевъ посадскихъ: Абрамку Кожевина и Ваську Шевелева бить челомъ Государю, «чтобъ пожаловалъ имъ Болвановскую Губу съ угольями, съ рыбными ловлями, съ тонями: крестовой, носовой, прилучной, дресвянской, самоѣдской, вмѣсто пашенной земли, обѣщавъ платить попрежнему 14 р. 23 алт. и 2 деньги въ годъ, и объясняя, что хотя въ прошломъ

*) Въ I части Дневника сказано: что племя Карачейской Самоѣды дѣлало набѣги на Самоѣды Пустозерскую, а вѣроятно, и на Пустозерскій Острогъ очень часто. Известны послѣднія нападенія въ 1710, 1739, 1732 и 1746 годахъ.

году Ивашка Гавриловъ и просилъ Государя, но что онъ живетъ теперь въ Ижемскомъ Уѣздѣ, будучи пришлецъ изъ иного города, ложно назывался Ижемцемъ и взялъ на оброкъ промыслы для передачи, и тѣмъ бы ихъ разорилъ; ибо они выгодною отъ этихъ промысловъ платили всѣ повинности, и что они съ Ижемцами и Устьцыземцами угоды по рѣкамъ раздѣлили полюбовно». Просьба Пустозерцевъ была исполнена; но оброкъ наложенъ не 14 р. 23 алт. и 2 деньги, какъ они желали, а увеличенъ до 17 р. 17 алт. и 5 денегъ, какъ предлагалъ Ивашка Гавриловъ, которому велѣно отказать. Что угоды и промыслы были раздѣлены между тремя волостями полюбовно, то упоминается въ записи, учиненной ижемскими крестьянами 16 июля 1782 года, по указу Мезенскаго Земскаго Суда.

Теперь рождается вопросъ: гдѣ доставали хлѣбъ эти поселенія? Въроятно, хлѣбопашества въ низовѣ Печоры и тогда не существовало; а если и было въ Усть-Цыльмѣ и по Ижмѣ, то все-таки не могло удовлетворять потребности всего края. Производили ли тогда торговлю съ Чердынцами? По-крайней-мѣрѣ ни въ грамотахъ, данныхъ Ивашкѣ Ласткѣ, ни въ указѣ объ этомъ ничего не упомянуто. Не доставляли ли сюда хлѣбъ съ устья Двины? или, можетъ быть, и тогда уже торговцы Чердына, снабжая хлѣбомъ Край Пустозерскій, вымѣнивали на него произведенія дальняго сѣвера? Но въ настоящее время все переимѣнилось: теперь тони въ Болвановской Губѣ и Печорѣ цѣнятся уже дорого; и не алтынами, не рублями стали бы надавать за нихъ, но сотнями рублей. Теперь эти тони даютъ доходъ, достаточный на пропитаніе, даже съ избыткомъ, всему населенію Усть-Печорскаго Края. Еще недавно, какъ рассказывали мнѣ въ Пустозерскѣ, тони въ Болвановской Губѣ отдавались на оброкъ Мезенцамъ и Пинежанамъ съ платою за нѣкоторые по 1,400 и 1,700 р. ас. въ годъ.

Вотъ свѣдѣнія, собранныя мною о Новой Землѣ.

Новая Земля отдѣлена отъ материка островомъ Вайгачемъ и двумя проливами: Югорскимъ Шаромъ и Проливомъ Вайгачскимъ, называвшимся въ старину Желѣзными Воротами. Югорскій Шаръ шириной около пяти, мѣстами до 15 верстъ, а проливъ Вайгачскій отъ 60 до 70 верстъ. Какъ островъ Вайгачъ, такъ и Новую Землю считаютъ продолженіемъ Уральскаго Хребта. И дѣйствительно, отрасль горъ, называемая Хребтомъ Самоѣдскимъ, отдѣляющаяся

отъ Уральскаго Хребта, тянется къ Югорскому Шару, который его перерѣзываетъ. Островъ Вайгачъ, по своему положенію, представляетъ дальнѣйшее протяженіе хребта, также, какъ и Новая Земля. Каменистое дно сказанныхъ проливовъ и одинаковое минеральное образованіе горныхъ хребтовъ, проходящихъ по всему Вайгачу и Новой Землѣ, убѣждаютъ въ этомъ изслѣдователей. Новую Землю раздѣляетъ надвое Маточкинъ Проливъ; *) южная часть ея, оканчивающаяся Кусовымъ Носомъ, находится подъ 71°; съверную же оконечность, никѣмъ, впрочемъ, неизвѣданную, ставятъ подъ 77° широты.

Новая Земля — необитаемая пустыня; тамъ царство зимы суровой, продолжающейся около 9 мѣсяцевъ. Промышленники пріѣзжаютъ сюда на лѣто и нерѣдко остаются на зимовку. Въ Пустозерскѣ много встрѣчаешь людей, которые, въ продолженіе своей жизни, провели 10 — 15 зимъ на Новой Землѣ. Зимовки предвѣдѣнныя сходятъ съ рукъ довольно-счастливо; но бываютъ зимовки неожиданныя: разобьетъ судно, затретъ льдомъ — тогда, при недостаткѣ припасовъ и тепла помѣщенія, несчастные рѣдко спасаются, и спасаются только немногіе. На Новой Землѣ свирѣпствуетъ цынга — болѣзнь, истребительница смѣлыхъ промышленниковъ и путешественниковъ. Уже многіе заплатились ей жизнью въ глубокихъ снѣговыхъ сугробахъ этого дальняго острова.

Несмотря на ужасный климатъ этой страны, каменистой и почти лишенной всякой растительности, въ ней водится множество оленей, песцовъ, волковъ и бѣлыхъ медвѣдей; на короткое лѣто прилетаетъ туда безчисленное множество птицъ: гусей, лебедей, утокъ, гагаръ и чаекъ. Изъ путешествія г. Пахтусова видно, что тамъ моховыя пространства мѣстами покрыты множествомъ незабудокъ — это цвѣтокъ Сѣвера.

Долго думали, что на Новой Землѣ есть серебряная руда и что названіе губы Серебрянки произошло отъ серебра, которое въ ней находили. Преданіе говоритъ, что Славяне новгородскіе, посѣщая Югорію за дорогими звѣринными шкурами, доставали въ Новой Землѣ чистое серебро. Другое преданіе гласитъ, что отъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго было повелѣніе искать серебряную руду на

*) Мѣжъ сказывали, что названіе Маточкина Пролива произошло отъ обилія въ немъ норжевыхъ матокъ.

берегахъ губы Серебрянки. Но всего вѣроятнѣе, что эта губа получила названіе по обманчивому виду береговыхъ горъ, содержащихъ много сѣрнаго колчедана, сланца и слюды, блескъ которыхъ и привлекалъ неопытныхъ надеждою открыть тамъ серебряную руду. Теперь уже достовѣрно извѣстно, что на Новой Землѣ нѣтъ этой руды, а преданія — чего не рассказываютъ они, переходя изъ рода въ родъ!

Многіе полагаютъ, что двинскіе мореходцы первыя открыли Новую Землю; это доказывается тѣмъ, что англійскіе мореплаватели XVI вѣка, стараясь открыть путь въ Индію черезъ Сѣверный Океанъ и попадая на Новую Землю, находили на ней кресты съ славянскими надписями. Открытый Русскими, этотъ островъ названъ Новою Землей, и это названіе осталось за нимъ. Что обитатели Двинской Области съ давнихъ временъ упражняются въ мореплаваніи, и что Новая Земля была имъ извѣстна задолго до открытія ее Англичанами — въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Въ любопытномъ обзорѣннн путешествій, Ф. П. Литке, составляющемъ введеніе къ описанію четырехкратнаго путешествія его въ Сѣверный Океанъ, изложены въ порядкѣ попытки двинскихъ мореплавателей.

О поѣздахъ на Печору и въ Югрь, или Югорию, Новгородцевъ XI столѣтія, даже за Желѣзныя Ворота, или Вайгачскій Проливъ, говоритъ преподобный Несторъ, *) который полагаетъ, что чудскій народъ, называемый Печорою, былъ подвластенъ Славянамъ еще до Рюрика. Когда Новгородцы ходили въ Вайгачскій Проливъ, то нѣтъ сомнѣнія, что тогда же знали и посѣщали Новую Землю.

Итакъ, Новая Земля, издавна извѣстная Двинянамъ, открыта Англичанами въ 1553 году. Общество Англійскихъ купцовъ, обольщаемое выгодами Португальцевъ отъ торговли съ Индіей, снарядило въ этомъ году экспедицію подъ командою Виллоби для отысканія пути въ богатую страну Индовъ черезъ Сѣверный Океанъ. Они наткнулись на Новую Землю, остались зимовать на ней и поплавились за то гибелью начальника экспедиціи съ многими товарищами; немногіе, спасенные Лапландцами, рассказали на родинѣ о Бѣломъ Морѣ, объ устьяхъ Двины и, вслѣдствіе этихъ рассказовъ, капитанъ Борро, отправленный компаніею, составившеюся для тор-

*) Печатный списокъ Несторовой Лѣтописи. Исторія Г. Р. Карамзина 2 части, прилѣч. 64.

говли съ вновьоткрытыми странами, въ 1556 году, прибылъ въ Колу и нашелъ тамъ многихъ мореходцевъ, готовыхъ отправиться къ устью Печоры на звѣроловный промыселъ. Одинъ изъ нихъ, Гаврило, взялся быть у нихъ кормщикомъ. Голландцы въ 1595 году тоже пытались открыть здѣсь путь въ Восточный Океанъ для ближайшаго сообщенія съ Китаемъ. Корнелій Най, командовавший экспедиціею, прибывъ къ острову Вайгачу, встрѣтилъ тамъ русскихъ промышленниковъ, которые сказывали ему, что изъ Холмогоръ ежегодно нѣсколько ладей отправляется моремъ не только къ устью Оби, но даже къ устью Енисея, гдѣ торгуютъ разными товарами. Эти извѣстія были подтверждены Самоѣдами, которыхъ встрѣчала экспедиція. Въ слѣдующій годъ извѣстный мореплаватель Баренцъ счастливо прозимовалъ на Новой Землѣ, принужденный къ тому поврежденіемъ своего корабля. Въ XVIII столѣтіи Голландцы еще производили около Новой Земли китоловные промыслы; въ этомъ свидѣлствуютъ салотопняныя ямы на Оленьемъ и Бритвиномъ Островахъ.*)

Всѣ эти свѣдѣнія путешественниковъ, посѣщавшихъ Ледовитый Океанъ, почти за 3 вѣка до настоящаго времени, доказываютъ, какъ давно Русскіе производятъ здѣсь промыслы и упражняются въ мореплаваніи.

Русскіе ходили черезъ Карское Море къ устьямъ Оби и Енисея въ кочахъ и карбасахъ, и всегда Югорскимъ Шаромъ въ Обь; иногда ходили, о чемъ я уже говорилъ, и чрезъ мысъ Ельмалъ, по рѣкѣ Мутной, впадающей въ Карское Море, и перетаскивались въ рѣку Зеленую, по которой спускались въ Обь. Плаваніе изъ Архангельска до Оби продолжалось не болѣе трехъ или четырехъ недѣль, а отъ Оби до Енисея — двѣ и три недѣли. Нерѣдко промышленники отправлялись отъ Оби прямо на Новую Землю, для чего строили суда на этой рѣкѣ.**) Говорятъ, этотъ путь былъ также извѣстенъ Англичанамъ и Голландцамъ.

Для изслѣдованій края, первое путешествіе предпринято было въ 1690 году кормщикомъ Родіономъ Ивановымъ. Судно его разбилось у восточнаго берега Карскаго Моря на отмели Шараповой Комкѣ, и онъ принужденъ былъ остаться на зимовку на одномъ

*) Путешествіе Лепехина IV часть.

**) Обзоръ Морскихъ путешествій г. Литке.

изъ холмовъ этой отмели. Тутъ смастерили они избу изъ глины, связанной моржевою и тюленьей кровью и шерстью; питались мясомъ этихъ животныхъ, а иногда морской капустой и мясомъ бѣлыхъ медвѣдей. Большая часть товарищей Иванова померли отъ недостатка въ пищѣ и движеніи; оставшихся спасли промышленники, случайно открывъ ихъ весной слѣдующаго года.

Съ 1734 по 1739 годъ продолжалось путешествіе большой экспедиціи, отправленной для описанія всего сѣвернаго берега Сибири до Америки. Командирами судовъ въ разное время были: Муравьевъ, Павловъ, Скуратовъ, Сухотинъ, Мальгинъ и Головинъ. По недостатку средствъ и по разнымъ непреодолимымъ препятствіямъ, они описали только часть береговъ до Обской Губы.

Въ 1757 году директоръ Шуваловской Конторы, Князь, отправлялъ Лодмана Юшкова на Новую Землю отыскивать серебро; но предпріятіе кончилось смертью Юшкова.

Въ 1760 году новоземельскій кормицкъ, Олончанинъ Савва Лошкинъ, въ надеждѣ найти на восточномъ берегу Новой Земли, рѣдко посѣщаемомъ звѣроловами, больше звѣрей, рѣшился отправиться туда для промысла. Онъ прошелъ въ Карское Море Вайгачскимъ Проливомъ, или Карскими Воротами, и пустился къ сѣверу. Несмотря на безпрерывныя препятствія отъ льдовъ и на страшныя опасности, которымъ подвергался въ плаваніи по неизвѣстному морю и отъ недостатка въ припасахъ, онъ первый прошелъ мимо сѣверной оконечности Новой Земли до ея западнаго берега. Это отважное путешествіе продолжалось двѣ зимы и три лѣта; но, къ сожалѣнію, сохранилось только извѣстіе о смѣломъ путешествіи Лошкина въ сочиненіи г. Крестянина, безъ дальнѣйшихъ подробностей. Въ 1833 году г. Пахтусовъ на восточномъ берегу Новой Земли нашелъ старую, сгнившую избу и возлѣ нея крестъ съ надписью, «что оный поставленъ въ 1742 году Саввой Фофановымъ.» По мнѣнію г. Пахтусова, это было зимовье отважнаго Лошкина въ первыя поѣздки его въ Карское Море, назвавшагося Фофановымъ, звѣроотно, по отцѣ.

Въ 1768 году архангельскій купецъ Баршинъ отправилъ на Новую Землю кочмару, *) подъ командою штурмана Розмыслова, для отысканія металловъ. Эта экспедиція, пройдя Маточкинъ Шаръ, принуждена была зимовать въ двухъ избахъ на восточномъ берегу

*) Кочмарами назывались суда, поднимающія грузы до 800 пудъ.

Бѣлузьей Губы; на другой годъ она возвратилась въ Архангельскъ, не найдя ничего. Въ 1806 году государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, на собственномъ иждивеніи, поручилъ бѣломорской компаніи снарядить экспедицію подъ командою штурмана Поспѣлова, съ тою же цѣлью; но она возвратилась безъ всякаго успѣха.

Въ 1819 году, подъ командою Лазарева, вновь снаряжена экспедиція для описанія Новой Земли; но она не могла дойти и до Маточкина Шара, и возвратилась въ сентябрѣ въ Архангельскъ.

Съ 1821 по 1825 годъ продолжалось замѣчательное путешествіе къ Новой Землѣ Ф. П. Литке; подъ его же распоряженіемъ производилось описаніе устья рѣки Печоры. Въ это путешествіе описаны многіе острова, гавани и рейды по берегу Лапландіи, западный и южный берега Новой Земли до Нассавскаго Мыса, Маточкинъ Шаръ, устье Печоры и берегъ океана до устья рѣки Оби.

Совѣтникъ Сѣвернаго Округа Клоковъ составилъ проектъ о возобновленіи мореходства изъ Архангельска къ рѣкѣ Енисею. Нужно было убѣдиться опытомъ: въ какой степени безопасно плаваніе Маточкинымъ Шаромъ и Карскимъ Моремъ? Для изслѣдованія этого пути снаряжена была въ 1832 году экспедиція, въ которой дѣятельно участвовалъ коммерціи совѣтникъ Вильгельмъ Брандтъ. Экспедиція, состоявшая изъ шкуны «Енисей», подъ командою лейтенанта Кротова, и изъ карбаса «Новая Земля», подъ командою подпоручика Пахтусова, должны были — первая идти чрезъ Маточкинъ Проливъ къ устью Енисея, и измѣрить его; второй же предписано заняться описаніемъ восточнаго берега Новой Земли. На случай зимовки на Новой Землѣ, отправлены были, на особомъ суднѣ, подъ управленіемъ крестьянина Гвоздарева, въ Маточкинъ Шаръ двѣ избѣ. Экспедиція отправилась изъ Архангельска 1 августа 1832 года; но конецъ ея былъ несчастливъ: шкуна «Енисей» пропала безъ вѣсти и только обломки ея видѣлъ Пахтусовъ въ 1835 году на берегахъ губы Серебрянки. Другое судно, не достигнувъ восточнаго берега Новой Земли, принуждено было зимовать въ губѣ Каменкѣ въ старой избѣ, случайно найденной и кое-какъ исправленной выкиднымъ лѣсомъ; она служила путешественникамъ жилищемъ въ продолженіе 297 дней. На другой годъ г. Пахтусовъ описалъ восточный берегъ до Маточкина Шара, и на обратномъ пути принужденъ былъ войти въ устье Печоры; оттуда возвратился въ Петербургъ. Второе путешествіе Пахтусова и зимовка на Новой

Землѣ совершены въ 1835 и 1836 годахъ. Засимъ слѣдуетъ путешествіе г. Цыволки, который уже въ 1835 и 1836 годахъ сопутствовалъ г. Пахтусову и въ слѣдующемъ году ѣздилъ снова на Новую Землю. Впрочемъ, поѣздки и особенно зимовки въ холодной пустынѣ сѣвера, разстроили здоровье этихъ замѣчательныхъ путешественниковъ. По возвращеніи своемъ съ Новой Земли, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ ихъ, они оба вскорѣ умерли.

За тѣмъ посѣщалъ Новую Землю ученый естествоиспытатель г. Беръ, и привезъ о ней много любопытныхъ свѣдѣній.

Къ числу отважныхъ двинскихъ мореходцевъ можно причислить архангельскаго гражданина Пашина. Въ бѣломорской ладѣ, непрочной постройки, съ плохимъ рангоутомъ, въ 1837 году онъ приходилъ изъ Архангельска въ С. Петербургъ съ грузомъ трески. Но, къ сожалѣнію, пустившись во второе путешествіе, въ 1839 году, онъ погибъ со всѣми товарищами. Еслибъ Пашинъ имѣлъ средства обзавестись прочнымъ судномъ, еслибъ у него былъ хотя незначительный капиталъ на производство промысловъ и сбытъ рыбы кромѣ рынковъ своей родины, онъ бы много полезнаго могъ сдѣлать при своей предприимчивости для промышленности Бѣломорскаго Края. Сограждане его не помогли этому отважному мореходу; въ крайности онъ рисковалъ, чтобъ приобрести что-нибудь—и погибъ. А жаль его, и сограждане должны бы пожалѣть о немъ.

Прежде бѣломорскіе мореходцы не имѣли способовъ учиться мореплаванію; ихъ училъ опытъ съ дѣтства; но теперь, благодаря попечительности Правительства, открыты училища мореплаванія въ Архангельскѣ и Кемі. Для моряка необходимъ опытъ, но не менѣе того необходимы и знанія, которыя руководили бы въ борьбѣ съ бурями моря.

Большая часть путешественниковъ, проходя изъ Бѣлаго Моря къ Новой Землѣ, шли мимо Острова Калгуева. Этотъ островъ знакомъ также Пустозерцамъ, Мезенцамъ и Поморянамъ. Онъ лежитъ подъ 69° сѣверной широты, имѣетъ въ окружности около 300 верстъ; около него нѣтъ ни одной гавани, въ которой могло бы укрыться порядочное судно; устья его рѣкъ мелководны, особенно во время отлива; постоянныхъ жителей и на этомъ островѣ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ семей Самоѣдовъ, нанимаемыхъ Мезенцами и Пустозерцами для производства промысловъ рыбныхъ, звѣринныхъ и птичьихъ. Хозяйка, приѣзжая туда весной, привозитъ припасы и

все нужное для зимовщиков и вместе съ ними ловить лебедей, утокъ, гусей. Въ иной годъ одного чистаго пуху добывали пудовъ до 60. Птиць прилетаетъ туда и теперь чрезвычайно много, хотя и меньше прежняго. Дѣятельность производимыхъ промысловъ составляетъ пернатыхъ гостей искать болѣе-покойныхъ убѣжищъ на дальнихъ островахъ Сѣвернаго Океана. Говорятъ также, что на островѣ Калгуевѣ было прежде много и оленей, но теперь и они тамъ почти перевелись.

Обращаюсь къ промысламъ усть-печорскимъ.

Семга ловится преимущественно въ Болвановской Губѣ; но въ иной годъ довольно-много ея попадаетъ въ полавни и въ самой Печорѣ; это бываетъ тогда, когда сѣверные вѣтры задержать рыболововъ и они не могутъ попасть въ губу до хода семги, которая въ такомъ случаѣ безпрепятственно входитъ въ устье рѣки. Напротивъ, если вѣтеръ дуетъ по направленію къ губѣ, и если рыболовы вовремя поставятъ въ ней сѣтя, тогда лучший ловъ на тамошнихъ тоняхъ, и въ Печорѣ семги попадетъ мало. Въ губѣ Болвановской считается 9 тоней, изъ которыхъ 7 принадлежать Пустоверцамъ, а двѣ — церковно-служителямъ. Названіе тоней: Селезневская, Крестовая, Прилучная, Носовая, Дресвянка, двѣ Самоѣдскихъ, Мелкая и Іевка. Лучшими тонями считаются три: Крестовая, Носовая и одна изъ Самоѣдскихъ. Первые семь тоней расположены по западному берегу губы, а двѣ, Мелкая и Іевка, по восточному берегу. Дальше по берегу материка есть еще четыре тони: Двойникъ, у Двойничнаго Носа, Погорѣлка, Алексѣвка и Черная, при устьяхъ рѣкъ Алексѣвки и Черной; но въ нихъ ловъ не всегда удаченъ. Да и Болвановскія тони не одинаковы: на одной ловится больше, на другой несравненно-меньше; на одной придетъ на паи иногда 70, на другой едва 15 пудъ. Во всѣхъ этихъ тоняхъ ловъ производится съ точнѣйшимъ и замѣчательнымъ соблюденіемъ правъ всѣхъ и каждого; а права имѣютъ всѣ одинакія, какъ богатые, такъ и бѣдные; даже вдовы и сироты имѣютъ участіе въ паляхъ; разница только въ томъ, что одни дѣйствуютъ капиталомъ денежнымъ, а другіе капиталомъ труда. Тони ногодно переходятъ въ пользованіе отъ одной деревни къ другой; причеиъ каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ хорошую и худую тону. Порядокъ этотъ необходимъ, потому — что здѣсь преимущественно живутъ рыбнымъ промысломъ.

Тони Болвановской Губы дѣлятся на участки по числу душъ волости; $13\frac{1}{2}$ душъ имѣють пай. Желающіе, продають свои пай, или участіе въ пай; скупають ихъ особенно тѣ, которые имѣють всѣ нужныя орудія, лодки и необходимыя запасы. Скупъ производится осенью; скупать позволено другъ отъ друга людямъ одного пятисотка т. е. общества. *) Плата за пай бываетъ разная, смотря по улову предшествовавшихъ лѣтъ: такъ, въ минувшіе годы, рыбы попадало много и потому платили по 3 рубля за участокъ, т. е. по 40 р. 50 к. за пай, а бывали годы, что участокъ продавался по рублю и по два. Цѣна зависитъ также и отъ тони, на которую скупаются пай: за пай въ хорошей тонѣ платять дороже, въ худой — дешевле. Имѣеть вліяніе на цѣны также число покупателей — промышленниковъ; большая конкуренція въ скупѣ паявъ поднимаетъ на нихъ цѣну, малая дешевитъ ее. Разумѣется, отпустить на промыслы, какъ говорятъ здѣсь, т. е. скупать участки, имѣють возможность люди зажиточные, потому — что это сопряжено съ рискомъ; бѣднякъ рисковать не смѣетъ, да и не можетъ; а продавши участокъ, нанимается къ скупщику въ работу и больше не изъ платы деньгами, а изъ части; слѣдовательно, не жертвуя ничѣмъ, можетъ иногда много выиграть. Условливаются работать изъ четвертой и третьей части и даже иногда изъ двухъ пятыхъ частей промысла. Въ хорошей ловъ наживають много и хозяева и работники. Первые выручаютъ расходы, приобрѣтають хорошіе проценты на капиталъ, трудъ и рискъ, а послѣдніе, не жертвуя, кромѣ труда, ничѣмъ, получаютъ на часть 10 — 20, а иногда и 30 пудъ. Въ худой годъ откупатели терпятъ убытокъ и разоряются.

Ловъ въ тоняхъ производится слѣдующимъ образомъ: отъ берега набивають колья одинъ отъ другаго въ четырехъ и пяти ручныхъ саженьхъ; на каждый пай дается 300 сажень, въ иной тонѣ двѣнадцать паявъ, а потому она простирается въ губу на 3,600 ручныхъ сажень или около 6 верстъ. На эти колья прикрѣпляютъ переметь или порѣдникъ **) вышиной около сажени. Каждый пайщикъ на свой, или купленный имъ участокъ, обязанъ наколотить колья и приготовить переметь. Рыба съ одной тони дѣлится поровну между пайщиками. Переметы осматривають, смотря

*) 1,000 жителей Пустоверска дѣлятся на два пятисотка.

**) Рѣдкая сѣть, сдѣланная изъ крашкыхъ конопляныхъ нитокъ.

по погодѣ и лову рыбы, а обыкновенно, одинъ разъ въ день; когда же ловъ худой, то однажды въ три дня. Если промышленникъ не досмотритъ, то на запутавшуюся въ переметѣ семгу, во время отлива, нападаютъ тучи чаекъ, которыя, слѣдуя за рыбаками, стараются при каждомъ случаѣ поживиться рыбой.

На тони Болвановской Губы отправляются около 20 июня; ловъ продолжается до 14 сентября.

Полагаютъ, что семга, слѣдуя изъ моря по фарватеру подлѣ восточнаго материка, заходитъ въ Болвановскую Губу и попадаетъ преимущественно въ тѣ тони, въ которыя въ это время бываетъ большее направленіе вѣтра. По примѣтамъ рыбаковъ, рыба идетъ по направленію стремленія воды и буръ и попадаетъ въ тони больше не при входѣ въ губу, а при выходѣ изъ нея; а потому въ тони западнаго берега губы попадаетъ больше рыбы.

Въ минувшемъ 1842 году, въ нѣкоторыя тони Болвановской Губы попало семги на пай отъ 60 до 75 пудъ, а всего въ губѣ больше 8 тыс. пудъ; но такой обильный ловъ бываетъ нечасто.

Ловъ семги поплавнями въ рѣкѣ раздѣленъ тѣмъ же порядкомъ между всѣми жителями на участки и на пай, которые также скупаются. Число поплавней на каждомъ плѣсѣ опредѣляется заранее; всѣхъ считается до 45. Плѣсы Печоры неодинаково рыбны, а потому въ пользованіи ихъ наблюдается та же очередь, какъ и въ пользованіи тонями Болвановской Губы. Здѣсь, какъ и тамъ, успѣхъ зависитъ отъ счастья: иногда, на хорошемъ плѣсѣ ловъ неудаченъ, и неожиданно-хорошъ на худомъ. Цѣна участковъ зависитъ также отъ достоинства плѣса и отъ удачи предшествовавшихъ лѣтъ; она бываетъ отъ 2 р. до 6 р. асс. Замѣчательно, что при этомъ соблюдаются такая правота и такой порядокъ, что ни споровъ, ни жалобъ никогда не бываетъ: все придумано и распоряжено съ самою строгою и благоразумною справедливостію.

Ловъ семги поплавнями въ Пустозерскѣ производится такъ же, какъ описалъ я выше ловлю въ Усть-Усѣ, только съ тою разницею, что здѣсь поплавни несравненно - длиннѣе — отъ 9 до 10 аршинъ; а потому въ каждую лодку садятся пять взрослыхъ рыбаковъ, чтобъ могли бороться съ бурями, которыя высоко вздымаютъ волны Печоры. Я говорилъ уже, что ловъ поплавнями бываетъ удачнѣе въ ненастье и въ бурныя, темныя ночи, а потому въ осенній холодъ и въ дождь рыбаковы много терпятъ:

иногда, промокши, какъ говорится, до костей, они излябнуть до того, что едва могутъ отогрѣться.

По моему мнѣнію, поплавни едва-ли такъ удобны для ловли семги, какъ неводъ; во-первыхъ, потому, что въ поплавень попадаетъ только та рыба, которая въ быстромъ ходу насунется на прямую сѣть его, переброшенную черезъ рѣку и въ ней запутается; а такъ-какъ семга, по замѣчанію рыбаковъ, въ тихое время очень осторожна и, подошедъ къ сѣти, или возвращается, или обходитъ ее, то попадается только небольшая часть рыбы; потому и лучший ловъ въ ненастное и вѣтряное время; во-вторыхъ, поплавни не выше 7 и 10 аршинъ, а ловятъ ими на мѣстахъ, гдѣ глубина въ нѣсколько сажень, слѣдовательно они захватываютъ рыбу только на этой глубинѣ — глубже рыба проходитъ свободно.

Неводъ—другое дѣло: можно приготовить неводъ шире и длиннѣе поплавни. Лодка, отправляясь съ неводомъ отъ тони, охватываетъ извѣстное пространство рѣки и увлечаетъ всю рыбу, въ этомъ пространствѣ находящуюся; покуда его вытягиваютъ на берегъ, отправляется другой неводъ и ловитъ на томъ же пространствѣ; три, четыре невода могутъ дѣйствовать рядомъ, безпрерывно чередуясь и не пропуская рыбу. Тутъ, мнѣ кажется, нужно и меньше труда и меньше рабочихъ силъ. Опытные рыбаки совершенно съ этимъ согласны. Но какъ для этого нужно общесогласіе, нуженъ трудъ расчистки удобныхъ для тоней мѣстъ и приготовленіе неводовъ, а главное — измѣненіе привычной работы, то улучшение это едва-ли войдетъ въ употребленіе, тѣмъ болѣе, что многіе находятъ выигъшій способъ болѣе удобнымъ. Измѣнить понятія людей, привыкшихъ заниматься промысломъ по старинѣ—не маловажный трудъ.

Въ 1843 году Пустозерцы отправились на рыбный промыселъ 20 іюля и возвратились къ 15 августа; одни наловили нудъ по 10, другіе по 20, по 30 и даже по 40 пудъ, это, говорятъ, «густая семга», Проведя дома праздники, они снова выгъзжаютъ на ловъ и продолжаютъ его до половины сентября; эта вторая половина промысла бываетъ и хуже и лучше.

Вѣлюю рыбу, какъ въ Пустозерскѣ, такъ и въ Усть-Цыльмѣ ловятъ неводами, съ тою только разницею, что въ Пустозерскѣ соблюдается опредѣленная и строгая очередь, а въ Усть-Цыльмѣ ловъ производится безъ всякихъ правилъ.

Кромѣ семги, Пустозерцы ѣздятъ ловить омулей въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ море. Въ Печорѣ омулей немного.

За промысломъ рыбнымъ слѣдуютъ звѣринные и морскіе промыслы, которыми здѣсь занимаются издавна. Это видно по грамматамъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ первыми путешественниками въ этомъ краю. Свѣдѣнія, сообщаемыя мною, я собралъ отъ старыхъ моряковъ печорскихъ, которые были въ море отъ 30 до 40 разъ.

Изъ Печоры за промыслами отправляются въ море въ первыхъ числахъ іюля и нѣсколько позже. Прежде Пустозерцы откочевывали на оленяхъ по тундрѣ къ Югорскому Шару, откуда отправлялись на промыслы; нынче они, и кажется, по недостатку оленей, начинаютъ выходить въ море съ устьевъ Печоры.

Карбасы промысловые дѣлаются изъ досокъ, толщиной около вершка; длина карбаса отъ 6 до 7 сажень, ширина отъ 4 до 6 аршинъ, глубина до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; они совершенно открыты; на рѣдкихъ есть маленькія каюты для припасовъ; они всегда объ одномъ прямомъ парусѣ; поднимаютъ грузу отъ 200 до 500 пудъ, а иногда и больше; при полномъ грузѣ углубляются на 8 четвертей; тогда къ бортамъ прикрѣпляютъ еще по одной доскѣ. На карбасахъ садятся отъ 8 до 12 человекъ; припасовъ берутъ мѣсяца на три. На этихъ - то утлыхъ ладьяхъ промышленники смѣло выходятъ въ Сѣверный Океанъ, идутъ мимо острова Ворондеа, къ Югорскому Шару, на острова Вайгачъ, Долгій, Матвѣевъ и другіе, часто на Новую Землю по Карскому Морю, или подлѣ западнаго берега этого острова до Костина и до Маточкина Шара. Нерѣдко бури носятъ ихъ между льдами въ продолженіе многихъ дней, черезъ большія пространства; нерѣдко затираетъ ихъ между льдовъ, выбрасываетъ на необитаемые острова, гдѣ они должны бывать зимовать; иногда гибнутъ они. Несмотря на это, выгоды промысла, привычка, природная смѣлость превозмогаютъ труды, лишенія и опасность, и морскіе промыслы не уменьшаются. Къ-тому же, зная мѣстность и направленіе вѣтровъ, они счастливо отдѣляются отъ бурь, и рѣдко возвращаются безъ добычи: развѣ затретъ ихъ неожиданно между льдами, или буря заставитъ выбросить грузъ, или противный вѣтеръ заброситъ на берегъ на зимовку. Въ 10 лѣтъ бываетъ три и четыре года удачныхъ, когда возвращаются съ полнымъ грузомъ; два посредственныхъ, два неудачныхъ и два и три несчастныхъ,

когда, въ буре, грузъ принужденъ бывать выкидывать въ море. Удача цѣнится не по числу добытаго звѣря, но по величинѣ его: иной моржъ даетъ сала 25 и 27 пудъ, роговъ 20 и 30 фун., а другой 6 и 7 пудъ сала, и роговъ 5 и 6 фунтовъ; кожа одного моржа стѣитъ 10 и 15 р., другого 35 и 40 р. Лучшіе промыслы считаются около Югорскаго Шара. Прежде было чрезвычайно много звѣря около Костина Шара, гдѣ будто бы водятся моржи съ большими кльками.^{*)} Часто попадаются стада моржей въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячами штукъ. Случается, что ловъ бываетъ такъ счастливъ, что нѣсколько карбасовъ добываютъ полный грузъ на одномъ мѣстѣ, а бываетъ и то, что количество сала не помѣщается въ суда, и тогда его оставляютъ на берегу. Моржей бьютъ больше на берегу и на льдахъ: замѣтивъ издали стадо, подходятъ къ нему съ наветренной стороны, потому — что моржи надѣлены тонкимъ обоняніемъ, и зачуявъ близость человѣка, немедленно опускаются въ воду. Если удастся подойти къ нимъ незамѣтно, то промышленники стараются загородить дорогу къ морю и съ крикомъ: тару, тару, или тпру тпру бросаются на стадо, и покуда испуганные моржи, въ страхѣ, ища спасенія, бросаются другъ на друга, громоздятся одинъ на другого, ихъ колютъ пиками, или, поздѣшнему, спицами. Эти спицы состоятъ изъ желѣзнаго, длиною въ 6 вершковъ, хорошо отпущеннаго острія, которое прикрѣпляется къ древцу въ $4\frac{1}{2}$ аршина. Ими стараются бить въ грудь, подъ пазуху, или въ бокъ около почек: другія части звѣря, трудно пробить. Отъ удачнаго удара моржъ тотчасъ издыхаетъ; но неудачный ударъ часто бываетъ опасенъ для промышленника, потому — что моржъ, хотя неповоротливъ, но одаренъ большою силою и вооруженъ кльками, которыми нерѣдко проламываетъ карбасъ. Бой съ моржами — зрѣлище страшное, хотя неочень опасное. Когда охотники бросаются на нихъ съ крикомъ, моржи отвѣчаютъ имъ страшнымъ ревомъ, тѣснятъ другъ друга, ища свободнаго выхода въ море, или вступаютъ въ борьбу съ нападающими; между-тѣмъ кровь льется ручьями, трупы издыхающихъ звѣрей перегораживаютъ дорогу живымъ; разъяренные, они сами идутъ на смерть.

^{*)} Мнѣ сказали, что въ Костиномъ Шарѣ моржи съ особенно — большими кльками, и потому промышленники считаютъ ихъ моржами другого рода, который будто живетъ только въ этомъ проливѣ.

Когда много звѣря, хорошо подойдуть къ нему и стадо спутается, ища выхода, то бьютъ по выбору, однихъ большихъ. Моржей бьютъ спицами и на водѣ, и потомъ втаскиваютъ въ карбасъ большими острыми крючками. Иногда вхъ и стрѣляютъ, когда не находятъ на берегахъ или на льдахъ. Чтобъ застрѣлить моржа, надобно попасть въ лобъ, или въ високъ; отъ раны въ другомъ мѣстѣ моржъ не скоро умретъ. По словамъ промышленниковъ, я заключаю, что моржей чрезвычайно много въ Карскомъ Морѣ, на которомъ льды иногда препятствуютъ промысламъ.

При удачномъ промыслѣ, промышленники, нагруживъ карбасъ, иногда и нѣсколько карбасовъ, укладываютъ остальное сало въ моржевыя шкуры, которыя привязываются къ карбасу и тянутъ за собой. Разумѣется, что эта добыча рѣдко доходитъ до пристани, потому-что первая буря оторветъ мѣшки; да въ бурю промышленникъ готовъ выбросить весь свой грузъ, что и случается нерѣдко.

Одинъ промышленникъ рассказывалъ мнѣ случай, доказывающій какъ моржи стоятъ другъ за друга. Въ Маточкиномъ Шарѣ промышленники поймали двухъ моржей; плѣнники подняли страшный ревъ, на который явилось цѣлое стадо ихъ собратій на выручку, и они такъ ступились около карбаса, что, несмотря на всѣ усилія рабочихъ, оны не могъ сдвинуться съ мѣста; скоро въ карбасѣ показалась течь: моржи сдѣлали въ немъ восемь проломовъ своими клыками и тогда только удались, когда промышленники отпустили пойманныхъ звѣрей. Промышленники считали себя погибшими, дѣлали объѣты и спаслись, добравшись кое-какъ до берега, гдѣ починили карбасъ и снова отправились на промыселъ, который кончился весьма удачно.

Моржевой промыселъ, ограниченный теперь нѣсколькими тысячами пудъ, могъ бы занять важное мѣсто въ промышленности русской, еслибы капиталисты захотѣли обратить на него свою дѣятельность. Моржей въ сказанныхъ мѣстностяхъ немовѣрное множество. Мнѣ сказывали промышленники, что однажды стадо ихъ заходило въ Печору верстъ на двѣсти. Но промыселъ этотъ будетъ тогда только обѣщать выгоды, когда безпалубные карбасы будутъ замѣнены большими палубными судами, поднимающими грузу до 3 или 4 тысячъ пудъ, и всѣми необходимыми орудіями и принасами. Моржъ даетъ сало, кожу и цѣнные клыки. Объ этомъ стѣбитъ по-

думать: суда строить легко на Печорѣ, а рабочихъ, сильныхъ и опытныхъ нетрудно найти въ пустозерскихъ селеніяхъ.

Тогда можно подумать и о китоловномъ промыслѣ, который теперь вовсе не существуетъ здѣсь, хотя китовъ очень много. Присутствіе китовъ доказывается трупами этихъ огромныхъ животныхъ, нерѣдко находимыми на отмеляхъ. Въ 1835 году крестьяне деревни Куи, Иванъ Корпановъ съ товарищами, нашли на отмели близъ острова Вайгача двѣнадцать выброшенныхъ изъ моря китовъ, которые были длиною отъ 11 до 13 сажень, вышиной до 3 аршинъ; промышленники нарѣзали сала волиный карбасъ и воротились домой, не только не позаботившись сбересть такую богатую находку, но даже опасались, годно ли будетъ китовое сало. Оно однакожъ, оказалось очень хорошо; пошли на другой годъ, но волны моря уже унесли добычу. Привезенные ими китовые языки вѣсили до 18 пудъ; сколько же сала можно было бы добыть, еслибъ, вмѣсто карбаса, у промышленниковъ было порядочное палубное судно! На лапландскомъ берегу есть небольшая гавань, извѣстная поморцамъ подъ именемъ озера и названная г. Литке гаванью Новой Земли, въ которой ежегодно выкидываетъ отъ 1 до 10 китовъ; нѣкоторые бывають длиною до 15 сажень. Берега этой гавани покрыты костями и остатками этихъ животныхъ. Все выброшенное моремъ Ловари считаютъ своимъ, и китовъ продають поморцамъ очень недорого.*)

Въ Югорскомъ Шарѣ ловятъ бѣлугъ. Промыслы эти тоже даютъ большія выгоды. Бѣлугъ ловятъ неводами, которые тянутъ вѣртомъ, или крюками (гарпунами). Большая бѣлуга, заключенная, или загарпленная, долго водить за собою большіе карбасы, пока устанетъ, или изойдетъ кровью; тогда ее подтягивають и убивають спицами. Отъ одной бѣлуги получаютъ сала до 30 пудъ. Бѣлуги попадаются иногда и въ Болвановской Губѣ, но мало. Сверхъ того, промышленники ловятъ морскихъ зайцевъ, тюленей, нерпъ и другихъ мелкихъ звѣрей. Отъ нерпы получается сала фунтовъ 30 и до 2 пудъ, а иногда и больше; цѣна кожи отъ 50 к. до рубля.

На этихъ промыслахъ нерѣдко попадаются бѣлые медвѣди. Ихъ бьютъ на сало и для кожъ; сала добываютъ изъ одного звѣря отъ 7 до 10 пудъ; кожа продается отъ 10 до 15 руб. асс. Опшун —

*) Третье путешествіе г. Литке въ Сѣверный Океанъ.

такъ называютъ здѣсь бѣлыхъ медвѣдей—бываютъ иногда длинной около сажени, даже нѣсколько больше; они чрезвычайно сильны. Случается, что медвѣдь, поймавъ довольно большаго моржа, вытаскиваетъ его на льдину, хотя средній моржъ вѣсу отъ 20 до 40 пудъ. Ошкуи умѣютъ отыскивать спрятанное на становищахъ моржевое сало и вышиваютъ его; одинъ ошкуй можетъ вышить до 10 пудъ. Если его захватятъ на дѣлѣ, то убиваютъ и сало вычерпываютъ изъ его желудка обратно въ бочку. Бѣлаго медвѣдя безопасно нѣе убивать, когда онъ на водѣ, а моржей, когда они на берегу; а потому у промышленниковъ есть присловіе: «Дай Богъ промышленлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ».

Сало, какое бы оно ни было, т. е. моржевое, нерповое, китовое и проч. продавалось здѣсь прежде по 1 р. 50 к. асс. за пудъ; въ Мезени за него платятъ по 5 р. за пудъ, но до Мезени далеко. Съ нѣкотораго времени цѣна на сало поднялась до 6 руб., потому что явилось требованіе изъ Чердына для кожевенныхъ заводовъ Пермской Губерніи. Всего добываютъ здѣсь сала отъ 6 до 8 тысячъ пудъ.

Всѣ эти промыслы, къ сожалѣнію, не одушевлены присутствіемъ значительныхъ капиталовъ, а потому размѣръ ихъ не широкъ. Но если и въ настоящее время промышленники съ плохими карбасами, поднимающими небольшой грузъ, въ борьбѣ съ страшными опасностями и лишеніями, выручаютъ большіе барыши, то какія выгоды ожидаютъ тѣхъ, которые станутъ посылать на промыселъ большія суда. Еще разъ повторю, что за рабочими ходить далеко незачѣмъ. Пустозерцы и сосѣди ихъ, Самоѣды, славные и ловкіе моряки; послѣдніе служатъ первыми, получая припасы, хлѣбъ, порохъ и пр. и дѣятельно промышленляютъ въ морѣ звѣрей; осенью Пустозерцы ѣздятъ въ тундру забирать произведенія морскаго промысла Самоѣдовъ и дѣлаютъ въ ними расчетъ. Самоѣды служатъ также и въ качествѣ работниковъ на звѣроловныхъ судахъ и считаются отличнѣйшими моряками; иногда бѣольшая часть экипажа состоитъ изъ рабочихъ этого племени.

Независимо отъ этихъ промысловъ, стороннихъ или на сторонѣ производимыхъ, промыслы домашніе доставляютъ жителямъ порядочныя выгоды: здѣсь есть и лисоводство, т. е. откармливанье лисицъ. Во всѣхъ пустозерскихъ селеніяхъ и въ нынѣшнемъ году растятъ нѣсколько сотъ лисицъ; но Пустозерцы не большіе ма-

стера въ этомъ дѣлѣ: Чердынцы выкормленныхъ Пустозерцами лисицъ не хвалятъ. Въ тундрѣ ловятъ кулемами песцовъ и другихъ звѣрей, и много звѣриныхъ шкуръ забираютъ отъ Самоѣдовъ. Куропатокъ налавливаютъ по 50, по 1 тыс. и даже по 2 тыс. штукъ на семейство. Ловля гусей и утокъ довольно значительна по рѣкамъ и озерамъ; мясо солить и употребляютъ сами, или вмѣстѣ съ пухомъ и перьями птицы эти идутъ въ продажу Чердынцамъ. Впрочемъ, лучшій ловъ гусей производится, какъ сказано выше, на островахъ, и особенно на островѣ Калгуея. Заводятъ также рогатый скотъ, для котораго вездѣ почти приволье, потому-что травы по теченію Печоры превосходныя; скотъ хорошей породы, съ красивыми рогами, что составляетъ мѣстную особенность, потому-что въ Устьцыльмѣ рѣдко встрѣчается корова или быкъ съ рогами. Но значительною прежде промышленностью было оленеводство. Нѣкоторые изъ Пустозерцевъ имѣли ихъ по 1 по 2, а нѣкоторые по 3 и даже по 4 тысячи оленей. Тогда Пустозерцы, вмѣстѣ съ Самоѣдами, были главными дѣйствителями въ этой промышленности, и жалобъ на нихъ въ тундрѣ не было. Ижемцы еще только начинали обзаводиться стадами. Несчастные случаи лишили Пустозерцевъ большей части стадъ, и всѣ обвиняютъ въ этомъ Ижемцевъ, утверждая, что они захватили мѣста въ тундрахъ, принадлежавшія Пустозерцамъ, и не разъ вытравляли и выгантывали ихъ мохъ, который сберегался для зимняго кочевья; недостатокъ въ необходимомъ кормѣ зимою для оленей производилъ болѣзни и падежи. Теперь у Пустозерцевъ немного оленей: счастливы, кто сохранилъ четвертую часть. Всѣхъ считаютъ только до 30 тыс. головъ.

Надобно при этомъ замѣтить, что лѣтнія кочевья въ тундрахъ надолго оставляютъ по себѣ слѣды: гдѣ побываетъ стадо оленей, тамъ земля будто вспахана и мохъ, втоптаннй ими, вновь появляется не ранѣе 30 или 40 лѣтъ; слѣдственно, легко повѣрить, что Ижемцы, съ умноженіемъ своихъ стадъ, должны были искать и новыхъ пастбищъ. Они дѣйствительно подкочевывали какъ къ Усть-Цыльмѣ, такъ и къ самому Пустозерску, остававливаясь иногда въ 15 и 20 верстахъ съ чумами и стадами оленей, хотя не имѣли на это никакого права; препятствовать же имъ было некому, потому-что лѣтомъ жители Печоры бывають на дальнихъ промыслахъ. Вытоптавъ моховыя пастбища Пустозерцевъ, выловивъ рыбу

въ озеряхъ Тундры, Ижемцы откочевывали къ зимѣ въ обширныя лѣса на берега Печоры, Усы и Ижмы, и такимъ образомъ Пустозерцы лишались возможности прокормить оленей зимой. Эти захваты повторяются часто; на нихъ жалуются и Устьцылемцы и, какъ сказано выше, Самоѣды; но усмотрѣть за ними невозможно, или, по-крайней-мѣрѣ, очень трудно въ этомъ обширномъ и малонаселенномъ краѣ. Въ лѣсахъ своеволие Ижемцевъ влечетъ за собою нарушение правъ собственности въ другихъ отношеніяхъ: стада ихъ, ломаютъ канканы, разставленные для поимки звѣрей и тетерея ловушки, по-зырянски чесь-туй, и тутъ теряютъ многіе.

Замѣчательно, что Пустозерцы не держатъ домашней птицы, потому, какъ говорятъ они, что кормить ее покупнымъ хлѣбомъ накладно; дичь замѣняетъ дворовую птицу.

Чердынцы или Усолецы, какъ ихъ называютъ въ Пустозерскѣ, издавна производятъ мѣновой торгъ на Печорѣ.^{*)} Впрочемъ, старики еще помнятъ, что Усолецы имѣли мелкія и очень плохія суда; но теперь они съ каждымъ годомъ улучшаютъ устройство своихъ каюковъ,^{**)} и даже нѣкоторые начинаютъ строить прочныя суда, нѣсколько похожія на волжскія разшивы съ удобными каюками и поднимающія грузу отъ 3 до 5 тысячъ пудъ. Выгодная торговля увеличиваетъ число торговцевъ; въ настоящее время съ якутской пристани отправляется иногда до 30 каюковъ; на нихъ сплавляютъ хлѣбъ, соль, чай, сахаръ, медъ, крупчатку, разныя крупы, красныя товары, холстъ, цвѣтныя сукна для Самоѣдовъ, веревки, коноплю, лань, посуду разныхъ сортовъ и металловъ, орѣхи, калачи, пряники, свѣчи салныя, коженный товаръ, однимъ словомъ все, что нужно для бѣдныхъ и богатыхъ жителей селеній и чумовъ Печорскаго Края. Товары эти составляютъ предметъ довольно-значительной торговли. Были годы, когда одной ржаной муки отпускали съ якутской пристани на Печору до 150 тысячъ пудъ; въ нынѣшнемъ году муки отпущено только около 60 тысячъ пудъ, почему и цѣна держалась на хлѣбъ высокая—отъ 2 р. 60 к. до 2 р. 90. к. ассиг. за пудъ. Каюки Усолецкіе представляютъ родъ малень-

^{*)} Въ описаніи Архангельской Губерніи Козьмы Молчанова сказано, что прежде въ Пустозерскѣ торговали и устьсыольскіе купцы; но это едва ли справедливо. Я слышалъ только о торговлѣ Суханова съ Самоѣдами на Лѣмвѣ.

^{**)} Нынѣшніе каюки Чердынцевъ длины отъ 8 до 9 сажень.

ихъ походныхъ магазиновъ, гдѣ Печорецъ, или Самоѣдъ можетъ, найдти все, что́ нужно для его потребностей. Усолицы торгуютъ очень искусно, не вредя одинъ другому и не сбывая цѣнъ на свои товары, не возвышая на произведенія мѣстныхя. Они заранѣе распределяютъ, кому гдѣ остановиться для торговли; одинъ пристаеъ въ Тельвискѣ, другой въ Куѣ, третій въ Никитцѣ и такъ далѣе. Товары отпускаютъ на вѣру, въ долгъ; покупателя большею частью берутъ не спрашивая о цѣнѣ; цѣна обнаруживается при расчетѣ, когда оканчивается лѣтній промыселъ. Приплыль давно-ожидаемый каюкъ и товары разбираются очень скоро. До расчета половина ихъ съѣдена или употреблена въ дѣло; но вотъ появились промысловыя лодки съ бѣлой рыбой, и начинается добросовѣстная расплата съ одной стороны и часто несовѣтъ совѣстная съ другой. Но когда, съ одной стороны, есть желаніе упрочить кредитъ, пользоваться и впредь довѣріемъ, а съ другой, полное сознаніе, что довѣріемъ сдѣлано одолженіе, добро, то при расчетѣ неминуемо проявляется сильная и слабая сторона, и особенно, когда чай выпить, хлѣбъ вполонину съѣденъ, холстинки и ситцы пошли на платья и рубахи, изъ пеньки дѣлаются сѣти и канаты, солью засолена рыба споръ—коротокъ: «не нравятся цѣны, заплати долгъ, а рыбы не надо» скажутъ торговцы; иногда немного поспорятъ, и дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что бочки съ рыбой переходятъ въ каюки Усолицевъ и отправляются вверхъ по Печорѣ. Между-тѣмъ дѣлаются новые заборы хлѣба и другихъ товаровъ, за которые расплата производится семгою. Ждутъ Успенева дня: тогда оказывается, каковъ промыселъ; хорошъ — слава Богу, худъ — и торговцы и промышленники почесываютъ затылокъ; однимъ надобно получить деньги, другіе думаютъ, какъ бы заплатить заборъ; цѣна семгѣ устанавливается по количеству улова. Вотъ поторгуются, поторгуются и дѣло какъ-нибудь сладятъ. Такъ было прежде и въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ.

Въ 1842 году ловъ семги былъ необыкновенно-удачный; цѣна состоялась около 3 р. 50 к. асс. за пудъ. Нынче ловъ былъ хуже и цѣна возвысилась до 4 р. асс.; когда же семги бываетъ очень мало, то цѣна поднимается до 7 р. и дороже. Вообще неоплаченныхъ долговъ остается мало, развѣ совершенная неудача въ промыслѣ помѣшаетъ расплатиться.

Изъ Пустозерска отпущено было въ 1842 году сала морскихъ

звѣрей, бѣлой и красной рыбы, звѣринныхъ и оленьихъ кожъ на 163 тысячи руб. ассиг.). Присоединя къ этой суммѣ доходъ отъ скотоводства, т. е. отъ продажи сала, масла и кожъ, а равно отъ продажи кожъ моржей и другихъ морскихъ животныхъ, выручку за мясо и сало оленей, за перья и пухъ птицъ, все это, безъ сомнѣннн, составитъ сумму болѣе 250 тысячъ руб. асс., часть которыхъ идетъ Самоѣдамъ Приморской Тундры. Если на долю Пусто-

*) По оцѣнчальнымъ свѣдѣнннмъ за послѣднне четыре года, изъ Пустозерска отпущено прощцловыхъ товаровъ:

Въ 1839 году:	Семги	до 10,000 пудъ.
	Омулей	« 1,200 «
	Сиговъ	« 2,000 «
	прочей мелкой рыбы	« 15,000 «
Въ 1840 году:	Семги	« 12,500 «
	Омулей	« 1,500 «
	Сиговъ	« 2,900 «
	прочей мелкой рыбы	« 17,000 «
Въ 1841 году:	Семги	« 12,000 «
	Омулей	« 1,600 «
	Сиговъ	« 4,800 «
	прочей мелкой рыбы	« 18,000 «
Въ 1842 году:	Семги	« 13,000 «
	Омулей	« 2,000 «
	Сиговъ	« 3,000 «
	прочей мелкой рыбы	« 20,000 «

Въ 1840 году было поймано морскихъ звѣрей: моржей 44, нерпъ, сѣрокъ и зайцевъ до 350 головъ. Изъ нихъ вытоплено сала чистаго:

Изъ моржей	до 440 пудъ.
Изъ другихъ звѣрей	« 400 «
Лѣснаго звѣря поймано:	
Волковъ	25 штукъ.
Лисицъ	150 «
Песцовъ	50 «
Зайцевъ	300 «

Свѣдѣннн за прежнне годы нѣтъ, да и кому какая надобность собирать ихъ.

По свѣдѣнннмъ частнымъ, болѣе вѣрнымъ, отпущено къ 1843 году:

Семги	18,000	по	3 р. 50 к.	за пудъ	на 52,500 р.
Бѣлой рыбы	30,000	«	2 «	«	60,000 «
Ворваннаго сала	6,000	«	5 «	«	30,000 «
Лисицъ	1,500	штукъ	10 «	за штуку	15,000 «
Песцовъ	4,000	«	3 «	«	12,000 «
Оленьихъ кожъ	3,000	«	4 « 50 к.	«	13,500 «
					Всего на 183,000 р.

зерцевъ достанется и 150 тысячъ руб., то, при раздѣлѣ на 344 двора всѣхъ жителей этой волости, на каждый дворъ придетъ около 440 р. асс. Такимъ доходомъ можно бы жить безбѣдно, особенно при оленеводствѣ, при изобиліи въ рыбѣ, мясѣ и дичи; но, при большихъ доходахъ, у Пустозерцевъ много и нуждъ и расходовъ. Они любятъ потратить деньги на лакомство, на щегольство, на прихоти, а потому постоянно остаются въ зависимости отъ Усольцевъ. А надобно было бы беречь деньги про черный день, т. е. на случай неудачи въ промыслахъ. Неудачи случаются, правда, не часто, но бываютъ. Были, напримѣръ, годы, хотя и давно, около 1815 года, что семги не было почти вовсе; это продолжалось четыре года сряду. Передъ этою несчастною эпохою, которая оставила въ этомъ краѣ грустное воспоминаніе, церковнослужители пустозерскіе отдали свои тони на откупъ на четыре года, по 800 р. асс. въ каждый, какому-то Шомчину — и арендаторъ разорился.

Отпускъ товаровъ дѣятельнаго промысла, какъ сказано было, производится чрезъ посредство Чердынцевъ или Усольцевъ; затѣмъ промыселъ осенній, получаемый послѣ 1-го сентября, или перевозится самими Пустозерцами на ярмарки въ Пинегу и въ Вашку, куда еще недавно начали ѣздить Пустозерцы, частью же закупается зимою на мѣстѣ пріѣзжими Ижемцами и Мезенцами.

Такимъ образомъ весь этотъ торгъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ производится безъ денегъ, мѣною товара на товаръ, а монеты и ассигнаціи къ обороту мало; иногда оканчивается расчетъ отдачей въ долгъ части товаровъ, подъ расписку, на условіяхъ, свято соблюдаемыхъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь расписка, по добросовѣстности должниковъ, вѣрнѣе многихъ векселей и обязательствъ съ громкими прилагательными къ имени подписавшихся.

Прежде, когда Пустозерцы были побогаче, говорятъ, они производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби, куда ѣздили на оленяхъ къ крещенской ярмаркѣ; иногда тамъ покупали хлѣбъ и другіе нужные имъ товары; теперь только Ижемцы имѣютъ небольшія дѣла съ Зауралемъ. Однакожь, дѣла Пустозерцевъ нехуды и теперь; но, повторю, не обстоятельства, а они сами подчиняютъ себя тѣсной зависимости отъ Усольцевъ, которые, въ настоящемъ положеніи, истинные кормильцы того края, какъ иногда и называютъ ихъ Пустозерцы. Дѣйствительно, Чердынцы содѣйствуютъ

сбыту ихъ товаровъ, хотя это содѣйствіе обходится иногда довольно-дорого. Впрочемъ, кто же, на мѣстѣ Чердынцевъ, поступилъ бы иначе? Безъ обиха на мѣстѣ произведеній края, пришлось бы производителямъ везти ихъ самимъ, употребляя для этого удобное для промысловъ время. Это было бы хуже: посредство Чердынцевъ въ торгѣ, въ сбытѣ произведеній, содѣйствуетъ правильному ходу промысловъ. Я сказалъ выше, какъ возвысилась цѣна на ворванное сало, когда начали покупать его Чердынцы. Конечно, будь у Пустозерцевъ деньги, они могли бы имѣть прикащиковъ и вести торгъ, отправляя семгу въ столицу, сало на пермскіе заводы, и закупаая для себя потребные товары, гдѣ они дешевле; при этомъ они выиграли бы много; но для этого нуженъ капиталъ, нуженъ коммерческій духъ, нужно умѣнье, навыкъ; Пустозерцы же не умѣютъ даже солить свою превосходную семгу какъ слѣдуетъ, хотя въ Архангельскѣ это дѣлается весьма хорошо, а это одно увеличило бы ихъ доходы десятками тысячъ рублей.

Нынѣшній (1843 годъ) считаютъ годомъ тяжелымъ, потому-что 1) осенній разливъ водъ надѣлалъ много страха, а отчасти и убытковъ: луга занесены пескомъ, вода простояла на нихъ долго и травы низки; сѣнокосы начались только съ 1 августа; 2) лѣтніе холода уничтожили надежду на сборъ ягодъ — черники, брусники, и особенно морошки — которыя составляютъ здѣсь существенную часть зимняго продовольствія; ибо всѣ семейства набираютъ ягоды, а нынѣ запасаютъ на зиму морошки отъ 30 до 40 пудъ, и часть ея продается Чердынцамъ по 1 р. 50 к. ас. за пудъ; 3) сильные вѣтры задержали рыбаковъ въ рѣкѣ, и потому тони въ губѣ поставлены поздно; 4) снѣга зимою были необыкновенно-глубоки: оленя съ трудомъ доставали мохъ, отчего много ихъ погибло; 5) по причинѣ холоднаго лѣта, мало наловлено бѣлой рыбы.

Должно полагать, что устье Печоры было давно знакомо Новгородцамъ, предприимчивымъ и дѣятельнымъ производителямъ тогдашней торговли. Я упомянулъ уже о печорской дани, извѣстной еще въ XII столѣтїи; они владѣли Задвинскимъ Краемъ; заселеніе здѣсь началось позже и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода. Сюда шли селиться, частью, можетъ быть, по выгодности промысловъ, частью для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега роднаго Волхова во время разгрома новгородскаго. Позже, въ XVII столѣтїи, сюда и за Онегу бѣжали раскольники,

укрывая свои заблужденія въ непроходимыхъ пустыняхъ и гѣсахъ; ибо не только здѣсь, но на Новой Землѣ и на островѣ Калгуевѣ есть признаки поселеній новгородскихъ, погибавшихъ тамъ отъ суровости климата. Но развалины ихъ избѣ, ихъ могильные кресты съ надписями гласятъ о ихъ горькомъ существованіи въ пустынѣ. У Пустозерцевъ передается преданіе; что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно эти люди сохранили типъ сѣверныхъ Славянъ: ихъ обычай и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ Устьцѣльцевъ и Ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ. Пустозерцы любятъ жить просторно; у нихъ нѣтъ своего лѣса, но они строятъ большіе дома съ нѣсколькими комнатами, хорошо убранными; вездѣ порядокъ, опрятность, чистота, даже въ бѣдныхъ избахъ; а гдѣ есть маленькій достатокъ, тамъ непременно встрѣчаешь самоваръ для собственнаго употребленія и чтобъ угостить пріятеля, потому — что чай здѣсь — предметъ первой необходимости. Прежде нѣкоторые чай покупали мѣстами, или цѣбиками, издерживая въ годъ до 60 фунтовъ; теперь, когда доходы поубавились, покупаютъ фунтами. Одинъ изъ жителей Пустозерска говорилъ мнѣ, что, при недобротности нынѣшнихъ чаевъ, онъ находитъ лучше покупать его фунтами, тогда — какъ прежде всегда покупалъ цѣбиками. Невозможность жить попрежнему они стараются прикрыть, и какъ — будто не отъ недостатка, а отъ осторожности поступаютъ такъ.

Входитъ гость, въ какое бы ни было время — и тотчасъ на столѣ является чайный приборъ и при немъ калачи и разныя закуски. Не поподчивать чаемъ здѣсь считается обидой, разрывомъ дружбы и Богъ знаетъ чѣмъ; а потому чаю выходитъ все еще очень много, въ томъ числѣ немало цвѣточнаго.) Пусть бы только чай бралъ деньги у Пустозерцевъ, но ихъ губить роскошь. Прежде былъ и тотъ грѣхъ, что любили попить французскую водку и виноградныя вина, но эти времена миновали, и Пустозерцы ведутъ трезвую жизнь, будучи обязаны этимъ уменьшенію расходовъ. Но сколько денегъ у нихъ выходитъ на ненужныя мелочи, на

*) Конецъ Аллинъ увѣрялъ меня, что онъ продалъ нынѣ въ Пустозерскѣ до 400 фун. чаю, а привезли его и другіе; сверхъ того, зимою привозятъ много чаю изъ Нижны. Пустозерцы закупаютъ чай и сами на ярмаркахъ.

черствыя калачи и пряники, на гнилыя орѣхи, на ситецъ, холстинки и проч.! Здѣшнія женщины неохотно показываются въ сарафанѣ изъ крашенныя — дай ей ситецъ или холстинку; только крайность заставляетъ отказываться отъ щегольства, а когда есть излишки, то они немедля переходятъ въ каюки Усольцевъ.

Мнѣ сказывали про жену одного смѣлаго моряка - звѣролова, который сорокъ лѣтъ сряду ежегодно пускался въ Карское Море или на Новую Землю. Ему теперь 70 лѣтъ, но онъ и нынче, по обыкновенію, на дальнемъ промыслѣ. Чтожъ? онъ постоянно въ борьбѣ съ страшными опасностями и лишениями, а жена дома проматываетъ его заработки на чаѣ, ситцахъ и т. п. Однажды вѣсть о немъ запала; полагали, что онъ погибъ; жена, какъ слѣдуетъ, совершила поминки о покойникѣ, продала домъ въ Пустозерскѣ, выдала дочь и стала на послѣднія деньги запивать чаемъ свое горе, одинокое, горемычное вдовство — какъ вдругъ, въ февралѣ, мужъ явился чуть не съ того свѣта. Карбасъ его разбило и онъ съ товарищами долго скитался по берегамъ океана, пока не наткнулся на чумы Самоѣдовъ и, съ ихъ помощью, дошелъ до дому.

Гостепрѣимство здѣсь самое радушное: едва ли кто возьметъ деньги за ночлегъ, за обѣдъ, или за ужинъ, несмотря на то, что все потребное для жизни покупается дорогѣй цѣной. Таковъ обычай, изстари заведенный. Такъ проживали и проживаютъ теперь свои избытки жители Пустозерскаго Края; но за это-то только и заслуживаютъ они нареканіе; въ семейномъ же быту, въ уваженіи старшихъ, въ доброй нравственности, въ гостепрѣимствѣ, въ набожности, въ усердіи къ церкви — они премѣрно-хороши.

Пустозерцы довольно-высокаго роста, красивы, особенно женщины; всѣ говорятъ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. Продолжительная жизнь, до 80 и 90 лѣтъ здѣсь не рѣдкость, и потому стариковъ и старухъ много, вообще крѣпкихъ и бодрыхъ. Мужикъ въ 60 и 70 лѣтъ еще ѣздитъ на морскіе промыслы, требующіе силы и проворства. Я говорилъ уже о старухѣ, которая ходитъ пѣшкомъ за пять верстъ къ своей любимой 85 лѣтней дочкѣ, занимающейся и теперь хозяйствомъ. Такихъ примѣровъ не мало. Труды и воздержная жизнь поддерживаютъ и укрѣпляютъ ихъ силы.

Пустозерскія селенія разбросанныя на холмахъ, безъ огородовъ подлѣ домовъ или за домами, безъ полей кругомъ деревни, съ нѣсколькими чумами Самоѣдовъ, необходимою принадлежностью при

концѣ поселенія, имѣютъ особенный характеръ. Кругомъ безплодная и безлѣсная тундра; нѣтъ ни зеленѣющихъ кустарниковъ, ни рощицъ, ни привольно растущихъ вѣковыхъ деревьевъ — всюду голые холмы, надѣ упизанные мелкими лиственницами и низкими, кривоствольными березниками, да песчаные бугры, изрытые полудночными бурями.

Чумы расположены всегда около деревень, въ почтительномъ разстояніи отъ домовъ; какъ-будто кочевой пріютъ отдаетъ первенство ностоянному жилищу человѣка, который, только лишь съ нѣкоторымъ образованіемъ, мѣняетъ пастушескую, бродячую жизнь на осѣдлую, общественную.

У многихъ пуустозерскихъ крестьянъ около домовъ поставлены большіе деревянные кресты, такъ-что въ иной деревнѣ ихъ больше десяти, и это тоже мѣстная особенность.

Вотъ списокъ здѣшнихъ селеній, взятый изъ Тельвисскаго Волостнаго Правленія:

Пуустозерское Сельское Общество:

		число душъ по 8 ревиз.		
		домовъ.	м. п.	ж. п.
1.	Деревня Городецкая	22	63	65
2.	« Устинская въ 3 верст.	23	83	88
3.	« Бѣдовская « 15 «	17	45	49
4.	« Соточная « 18 «	12	37	49
5.	« Голубковская « 18 «	5	15	30
6.	« Оксинская « 20 «	36	88	95
7.	« Пылемская « 20 «	6	6	11
8.	« Лабазская « 30 «	23	64	73
9.	« Великовисочная « 40 «	60	178	189
Итого		204	579	649

Никитцынское Сельское Общество:

		домовъ	м. п.	ж. п.
1.	Деревня Тельвисочная въ 18 верст.	23	62	64
2.	« Екушевская « 21 «	13	30	27

3.	«	Никитцынская	«	35	«	19	69	58		
4.	«	Куцкая	«	40	«	33	69	75		
5.	«	Пойловская	«	48	«	7	37	41		
6.	«	Андѣевская	«	60	«	12	46	48		
7.	«	Норьганская	«	40	«	26	76	93		
8.	«	Макарьевская	«	25	«	7	29	26		
							Итого	140	418	432

Всего же въ обоихъ обществахъ 344 997 1081

По свѣдѣнiямъ церковнымъ, считаются 1,014 мужск. и 1,163 женск. пола.

IV.

Пахтусовъ. — Пути изъ Пустозерска. — Предположенія мон. — Рыбный промыселъ. — Саловареніе. — Открытіе порта. — Соображеніе о торговлѣ сибирскимъ саломъ. — Фарватеръ устья Печоры. — Гавань. — Мореплаваніе въ другихъ странахъ. — Поощренія къ развитію мореплаванія. — Польза отъ мореплаванія. — Екатерининская гавань. — Путь съ Оби къ устью Печоры. — Торговая дѣловъ. — Доставленіе товаровъ черезъ устье Печоры въ Сибирь.

Утро, 16 августа. Деревня Тальменская.

Буря продолжается. Лодки моей еще нѣтъ.

Долго сегодня сидѣлъ у меня 90-ти лѣтній старецъ Кожинъ, Отецъ его былъ богатъ, имѣлъ до 1,000 оленей; а онъ, какъ опытный морякъ, при описаніи устья Печоры Пахтусовымъ, былъ лоцманомъ и получалъ по 100 р. въ мѣсяцъ жалованья; но послѣ пришелъ въ крайнюю нужду, и теперь питается подаваніемъ. Здѣсь еще многіе помнятъ экспедицію Пахтусова и хвалятъ его за благопріеміе, трудолюбіе, доброту. Похвала этихъ простыхъ людей нелицемѣрна и пріобрѣтается только истиннымъ достоинствомъ. Г. Пахтусовъ, двукратнымъ путешествіемъ и зимовками на Новой Землѣ, и отважностью въ мореплаваніи доказалъ, что онъ отличный морякъ; но что онъ, притомъ, и добрый человѣкъ — говорятъ всѣ Пустозерцы, знавшіе Пахтусова во время его четырехлѣтняго здѣсь пребыванія.

Въ деревнѣ Куѣ я купилъ совику изъ черныхъ молодыхъ оленей. Замѣчательно, что въ Большеземельской Тундрѣ, какъ сказывали мнѣ оленеводы, олени больше бѣлые, тогда-какъ на тиманской землѣ больше черные. Зимній щегольской нарядъ здѣшней молодежи состоитъ въ совикѣ изъ самыхъ бѣлыхъ оленей, а у Ижемцевъ — изъ самыхъ черныхъ.

Мнѣ сказывали, что въ 10 верстахъ отъ Пустозерска, или немного дальше, есть еловые и лиственничные лѣса, годные на дрова; но рубить ихъ не позволено. Здѣсь, по климату, лѣсъ не можетъ имѣть порядочнаго роста.

Пустозерскъ, находясь подъ 67° сѣверной широты, отстоитъ въ 1,000 верстахъ отъ Архангельска, въ 650 вер. отъ Колвинскаго Погоста, въ 350 отъ Ижемскаго, въ 300 вер. отъ погоста тиманской земли и въ 250 вер. отъ Устьцылемска.

Почта въ уѣздный городъ изъ Пустозерска отправляется черезъ Усть-Цыльму: лѣтомъ водою по Печорѣ, а зимою, по той же Печорѣ, по льду. Зимній путь по ней крайне труденъ, особенно когда вьюги заносятъ глубокими сугробами едва пробитую въ снѣгу тропу. Товары на ярмарки перевозятъ прямо черезъ Малоземельскую Тундру на оленяхъ; за доставку до Пинеги берутъ около рубля асс. съ пуда. Конный путь въ Пинегу и на Вашку лежитъ черезъ три волока: первый къ Устьцыльмѣ 210, второй до Мезенской Пижмы 230, третій къ Вашкѣ больше 100 верстъ.

Огородничествомъ здѣсь не занимаются. Судя по Колѣ, гдѣ, подъ 69° сѣверной широты, хорошо растетъ рѣпа, я думаю, что здѣсь могли бы съ успѣхомъ разводить рѣпу, рѣдку и, можетъ быть, картофель: при покупномъ дорогомъ хлѣбѣ овощи были бы большимъ подспорьемъ.

Въ ожиданіи лодки, изложу предположенія мои о торговой компаніи для развитія промышленности въ здѣшнемъ краѣ и открытія порта на устьѣ Печоры.

Если бы компанія, между другими предпріятіями, приняла на себя развитіе и улучшеніе рыбнаго промысла, то, для засоленія и копченія превосходной печорской семги, должно бы вызвать опытныхъ мастеровъ изъ Риги: тогда рыба, хорошо приготовленная, нашла бы вѣрный сбытъ за хорошую цѣну на многихъ внутреннихъ рынкахъ, особенно же копченая. Въ настоящее время солятъ ее рыболовы, какъ водилось въ старину, безъ умѣнья; иногда, по недостатку соли, солятъ только слегка и привозятъ на ярмарки съ запахомъ, стараясь сбытъ по какой-нибудь цѣнѣ. Такъ было въ 1842 году: часть семги самаго поздняго осенняго лова, т. е. самая лучшая, продавалась на Пинежской и Вашкинской ярмаркахъ по рублю серебромъ за пудъ, и дешевле. Чердынцы только недавно начали брать семгу; но они поступаютъ осторожно, а принимая часть II.

рыбу, пересматриваютъ ее; нерѣдко пересаливаютъ, и привозимую прямо съ тонею иногда и сами солятъ, употребляя хорошую пермскую соль. Приготавливаемая ими семга несравненно лучше отправляемой Пустозерцами въ другія мѣста.

Усиленіе этой отрасли промышленности могло бы значительно увеличить доходы жителей, владѣющихъ богатыми тонями.

Соединяя здѣшній край съ краемъ, лежащимъ за Ураломъ, можно бы обратить вниманіе компаніи на рыбный промыселъ въ низовьяхъ Оби. Извѣстно, какъ обильны рѣки Сибири рыбою разнаго рода; къ сожалѣнію, это все еще непочатые источники богатства дальнаго края, которыхъ еще не коснулась предпринимчивость. Крупная рыба, вылавливаемая въ рѣкахъ Сибири, продается тамъ за безцѣнокъ; на Оби, около Обдорска, цѣна на рыбу крайне дешева; тамъ осетры продаются не вѣсомъ, а счетомъ: за трехпудоваго осетра охотно берутъ 5 р. асс.; но попадаютъ осетры и пятипудовые.

Если бы компанія устроила солотоваренные заводы, то это доставило бы краю большія выгоды, ибо онъ тогда имѣлъ бы въ избыткѣ хорошую и дешевую соль, между тѣмъ, какъ теперь терпитъ нужду даже въ дурной, которая иногда обходится дорого.

Здѣшняя дичь доставила бы много бульона и приобрѣла бы настоящую цѣну, между тѣмъ, какъ теперь она отдается почти даромъ.

Съ устройствомъ же портовой торговли въ устьяхъ Печоры всѣ произведенія здѣшняго края приобрѣли бы значительную цѣнность на мѣстѣ. Отсюда могутъ идти въ русскіе порты или за границу: мясо, шерсть, рога оленей, перья и мясо дичи, кожи, сало и мясо рогатаго скота, сало и кожи морскихъ животныхъ, а изъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ и дебрей — дерево, солома, деготь и поташъ. Развитіе промышленности привлекло бы сюда жителей, которые развили бы еще болѣе промыслы, особенно рыбные, звѣринные и скотоводство. Для рогатаго скота по Печорѣ и Усѣ и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ, то же приволье, что въ Холмогорахъ, что въ Мезени; но нѣтъ цѣны ни на мясо, ни на живой скотъ, потому — что некуда ихъ продавать. Если мясо идетъ изъ портовъ петербургскаго и архангельскаго, то пойдетъ и отсюда.

Затѣмъ, если бы состоялось предположеніе объ устройствѣ на счетъ компаніи канала или желѣзной дороги между Усой и Обью, сюда же потекли бы богатства Сибири, неизмѣющія настоящей цѣны по недостатку дешеваго и легкаго провоза. Теперь скотъ изъ степей Сиб-

ри гонится тысяча версть, пока достигнетъ Петропавловска, въ Тобольской Губерніи, откуда, по продажѣ, перегоняется въ Екатеринбургъ и Шадринскъ, гдѣ его бьютъ и сало перевозятъ на чувовскія пристани для сплава по Чусовой, Камѣ и Волгѣ къ Рыбинску, откуда судоходными системами маринской и тихвинской оно идетъ въ Петербургъ. На пригонъ скота, а доставку товара надобно около двухъ лѣтъ, и несмотря на то, сибирскаго сала идетъ до 600 тысячъ пудъ ежегодно; но при этомъ сколько утрачивается и мяса и сала, потому что скотъ худѣетъ при прогонѣ черезъ такіа пространства! Нынѣ сало вывозится изъ дальнѣйшихъ предѣловъ Сибири гужомъ, а не перегонкою стадъ, и провозъ стоитъ въ Петербургъ изъ Шадринска и Екатеринбурга отъ 40 до 43 коп. сер., изъ Тобольска и Петропавловска отъ 60 до 63 коп., изъ Томской Губерніи отъ 90 к. до 1 р. сер.; средняя цѣна со всѣхъ пунктовъ т. е. самыхъ ближайшихъ и нѣсколько отдаленныхъ, отъ 60 до 65 к. сер.; сплавнымъ же путемъ по Оби къ Устью Печоры доставка съ пуда можетъ стоить не дороже 12 и 15 к. сер. Цѣна фрахта отъ печорскаго порта къ иностраннымъ портамъ будетъ, конечно, немногимъ дороже, чѣмъ теперешній изъ С. Петербурга. Полагая эту передачу въ 5 и 10 к. на пудъ, доставленіе грузовъ съ верховьевъ Оби и Иртыша къ устью Печоры, съ передачею во фрахтѣ, обходилось бы около 23 к. сер. на пудъ, т. е. около 40 к. сереб. дешевле настоящаго, не считая выигрыша во времени. Полагая цѣнность сала безъ провоза въ 2 р. 30 к. серебромъ пудъ, сбереженіе 40 к. сер. на пудъ простирается до 17%, что въ торговлѣ на большіе капиталы составляетъ огромное сбереженіе. Но передача въ провозѣ на дорогой товаръ не дѣлаетъ еще его недоступнымъ для сбыта. Другія же произведенія, менѣе цѣнные и потому недоступныя къ перевозкѣ въ настоящее время, выиграли бы болѣе, потому что и для нихъ открылся бы сбытъ. Край, сопредѣленный Оби, обширенъ. Обь, начинаясь изъ Алтайскаго Хребта, протекаетъ около 4000 верствъ до впаденія въ Обскую Губу, принимая на пути много большихъ рѣкъ и, въ томъ числѣ, Иртышъ, вытекающій изъ степей средней Азіи. Воды Оби, Иртыша и побочныхъ рѣкъ орошаютъ губерніи: Томскую, Тобольскую, зауральскіе уѣзды Пермской, Оренбургской, часть Енисейской Губерніи и Киргизской Стени, на пространствѣ болѣе 90 тысячъ квадр. миль, на которомъ раскинуты плодородныя долины южной Сибиріи съ безчисленными

стадами рогатаго скота и овецъ; здѣсь же богатство минераловъ хребта Уральскаго; народонаселеніе этого края простирается до 3 милліоновъ.

Одинъ путешественникъ въ Киргизскихъ Степяхъ сказалъ: «Стада овецъ взумляютъ здѣсь своею многочисленностью, и едва ли есть въ мірѣ такая страна, гдѣ было бы ихъ болѣе. Многіе изъ Киргизовъ имѣютъ до 20 тыс. овецъ, а другіе не знаютъ числа своихъ стадъ». Другой путешественникъ изъявилъ удивленіе слѣдующими словами: «Кто исчислитъ огромныя стада, которыми владѣютъ народы Азіатской Россіи?»

Важность сообщенія сего края съ моремъ понятна сама собою, и средства къ тому представляетъ сама природа близостью боковыхъ истоковъ Усы и Оби и удобствами устьевъ Печоры. Я сказалъ уже, что, для промѣра ихъ, въ 1821 году снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ штурмана Иванова; промѣръ и описаніе береговъ производились до 1826 года. Г. Ивановъ измѣрялъ фарватеръ самой Печоры отъ деревни Куи до Болвановскаго Носа. Глубина фарватера въ рѣкѣ оказалась отъ 20 до 45 футовъ и больше; не доплывая Болвановскаго Носа, фарватеръ, или, какъ говорятъ Пустозерцы, сувой, раздѣляется на два: малый идетъ къ Болвановскому Носу, а отъ него къ Двойничному; по малому встрѣчаются въ рѣкѣ мели, на которыхъ вода не болѣе 8 футовъ, а въ Болвановской Губѣ около 11 футовъ. Главный фарватеръ идетъ прямо въ губу въ направленіи къ русскому завороту. Отойдя довольно-далеко отъ носа въ губу, встрѣчается мель; глубина на ней, во время отлива доходитъ до 12, 13 и 14 футовъ; обыкновенный приливъ $2\frac{1}{2}$ фута, но при вѣтрахъ отъ NW возвышается отъ 4 до 6 футовъ; пройдя эту мель, фарватеръ идетъ направо, въ направленіи нѣсколько сѣвернѣе Двойничнаго Носа; дойдя же до устья рѣки Каменки, надобно повернуть прямо къ сѣверу; по фарватеру между Гуляевыми Кошками глубина вездѣ достаточная — отъ 20 до 45 футовъ; но этотъ путь, особенно между Кошками, должно означить баканами, вѣхами и даже нужно нѣсколько маяковъ.

Промышленники ходятъ малымъ сувоемъ, мимо самаго Болвановскаго Носа, черезъ губу того же имени; къ Двойничному Носу идутъ, придерживаясь берега, до выхода въ море.

Разумѣется, еслибъ здѣсь когда-либо открытъ былъ портъ, то необходимы будутъ пароходы для буксированія судовъ изъ

гавани до Сѣвернаго Океана, особенно во время неблагопріятныхъ вѣтровъ.

Въ Пустозерскѣ Печора вскрывается въ маѣ, а иногда въ началѣ іюня, но свободный путь въ море открывается съ половины іюня и продолжается до 1 октября; слѣдовательно навигація отъ 3 до 3½ мѣсяцовъ, и въ это время нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій отъ льдовъ. *)

Ходъ съ устья Печоры въ западные порты Европы нисколько неотдаленнѣе архангельскаго, а еще удобнѣе, потому что можно идти однимъ вѣтромъ до Сѣвернаго Мыса, или Нордъ-Капа, тогда какъ для хода изъ Архангельска Бѣлымъ Моремъ и Сѣвернымъ Океаномъ нужно два вѣтра, что нерѣдко замедляетъ плаваніе кораблей. Можетъ быть, встрѣтится вопросъ: поѣдутъ ли сюда иностранцы? Въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя; но зачѣмъ же намъ не пожелать развитія собственнаго мореплаванія, почему намъ не ѣхать къ нимъ самимъ? Этотъ край изобилуетъ корабельнымъ лѣсомъ, немѣющимъ никакого употребленія, и отличными морями, которые тратятъ жизнь въ опасностяхъ мелкаго морскаго промысла на утлыхъ карбасахъ. Я говорю не объ однихъ Пустозерцахъ, но и о Бѣломорцахъ. Тѣ и другіе съ дѣтства знакомятся съ ремесломъ моряковъ, тѣ и другіе знакомы съ опасностями и лишениями, привыкли бороться съ бурями моря среди льдовъ полярныхъ. Многіе будутъ ходить въ Англію и другія страны. Это положило бы, можетъ быть, начало къ развитію русскаго торговаго мореплаванія, которое существуетъ и быстро развивается у всѣхъ другихъ народовъ. Тамъ купеческіе флоты растутъ, крѣпнутъ, усиливаются сотнями, тысячами кораблей; а у насъ, на сѣверѣ, ихъ почти вовсе нѣтъ, потому что небольшое число кораблей нашихъ торговцевъ, выходящихъ изъ архангельскаго порта, нельзя назвать торговымъ флотомъ. Въ старину, бывало, и у насъ дѣятельно работали на купеческихъ верфяхъ; каждый годъ являлись новые корабли; были даже годы, когда на русскихъ верфяхъ, именно завчугской, на Двинѣ, въ 80 верстахъ отъ Ар-

*) Мнѣ сказывалъ Павловъ, что однажды — это было ужъ довольно давно и едва ли не въ 1812 году — Печора покрывалась льдомъ такъ рано, что 8 сентября черезъ рѣку ѣздили по льду; но это единственный примѣръ на памяти здѣшнихъ старожиловъ.

хангельска, принадлежащей издавна холмогорскимъ купцамъ го-
стиной сотни, Баженинымъ, строили корабли Голландцамъ. Петръ
Великій удостоивалъ эту верфь неоднократно своимъ посѣщеніемъ,
а Бажениныхъ — милостію за ихъ кораблестроительную дѣятель-
ность. Онъ любилъ мореплаваніе и не даромъ говорилъ иногда,
что «за каждый квадратный футъ моря, пріобрѣтенный для моего
государства, я готовъ отдать цѣлую квадратную милю земли.» Онъ
зналъ, что мореплаваніе однимъ годомъ не подвинешь, нѣтъ; для
этого нужны многіе годы и терпѣніе.... Великій Государь, поощряя
мореплаваніе, старался возбудить торговлю на своихъ корабляхъ.
Примѣръ былъ хорошъ, да послѣдователей оказалось мало; правда,
и были послѣдователи, да дѣло что-то не поладилось — такъ и пе-
рестали; а развитіе мореплаванія содѣйствовало бы развитію нашей
внѣшней торговли, познакомило бы производителей съ торговлею
заграничною. А что всего болѣе развиваеетъ умъ, предпримчивость
и дѣятельность, какъ не сближеніе одного народа съ другимъ, какъ
не размѣнъ мыслей, наблюденій и опытовъ.

Посмотрите, что дѣлается въ торговомъ мірѣ.

Еще въ 1840 году, напримѣръ, французскій купеческій флотъ
состоялъ изъ 15,600 судовъ (въ 662,500 тоннъ), конечно, большею
частью мелкихъ, для каботажнаго мореплаванія, но частью и боль-
шихъ, для дальнихъ поѣздковъ. *) Въ томъ же, 1840 году, прусскій
купеческій флотъ состоялъ изъ 695 кораблей, въ 90 тыс. ластовъ,
а въ 1842 году число это возрасло до 790, въ 106,152 ласта, и
быстро увеличивается отъ поощреній. Австрія, почти неморская
держава, имѣла въ 1841 году до 3,231 мореходныхъ судовъ, въ
186,000 тоннъ. Подъ флагомъ Голландіи находилось купеческихъ
кораблей въ исходѣ 1839 года до 6,179 въ 949,000 тоннъ, въ томъ
же году построено вновь 123 корабля. Каждый изъ торговыхъ го-
родовъ Германіи имѣетъ свои корабли: Гамбургъ имѣлъ въ 1840
году 200, Бременъ 180, Любекъ около 100 кораблей; Швеція,
Норвегія и Данія, государства небольшія, слѣдуютъ общему стрем-
ленію и дѣятельно занимаются перевозною промышленностью. Въ
1839 году Швеція имѣла купеческихъ кораблей 912, въ 59,000
ластовъ, а въ 1840 году уже больше тысячи въ 87,537 ластовъ.
Въ Норвегіи, еще въ 1838 году было 2,165 судовъ въ 71,900

*) 11,948 судовъ отъ 30 до 60 тоннъ и 3,652 суда отъ 60 до 800 тоннъ.

ластовъ; въ Дании въ 1839 году купеческій флотъ состоялъ изъ 3,854 кораблей, въ 68,700 тавновъ. Даже въ Финляндіи, въ 1826 году было около 250 кораблей, въ 17,000 тавновъ, а въ 1834 году число ихъ увеличилось до 365, въ 29,000 тавновъ; теперь ихъ еще больше. А говорить ли объ Англіи? Тамъ мореплаваніе составляетъ жизнь народа; тамъ въ исходѣ XVII столѣтія считалось кораблей только на 95,000 тавновъ, въ половинѣ XVIII возрасло на 600,000 тавновъ, а въ концѣ этого столѣтія до 1½ милліона; въ 1838 году купеческій флотъ простирался до 25,000 кораблей въ 2.700,000 тавновъ, а въ 1842 году состоялъ уже изъ 28,000 кораблей съ двумястами пятидесятью тысячами матросовъ, 130,000 каботажныхъ судовъ и изъ 940 пароходовъ; въ одномъ 1840 году построено въ Англіи и ея колоніяхъ 2,001 корабль въ 330,000 тавновъ. Для улучшенія и для удобства этой промышленности, Англія не жалѣла капиталовъ: посмотрите на ея пять доковъ въ Лондонѣ, на построеніе которыхъ съ огромными магазинами компаніи капиталистовъ употребили 7.271,000 ф. с. (больше 50 млн. руб. сер.). Эти великолѣпные доки занимаютъ пространство до 73 десятинъ; сколько кораблей находятъ въ нихъ безопасное помѣщеніе и удобную погрузку товаровъ! Зато въ порты Ливерпуля и Лондона приходятъ ежегодно десятки тысячъ кораблей.

Кто жъ и угонается за Англіею? Но примѣръ, достойный подражанія, и Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Въ концѣ минувшаго столѣтія они имѣли кораблей на 300,000 тавновъ; въ 1825 году число ихъ увеличилось на 1.700,000 тавновъ, а теперь корабли Сѣверо-американскихъ Штатовъ вмѣщаютъ груза больше чѣмъ на два милліона тавновъ. *) На мореплаваніе тамъ обращено бдительное вниманіе и, подкрѣпляемое поощреніями, оно быстро усиливается. Въ 1811 году первый пароходъ началъ свое плаваніе по Миссиссипи, а около 1842 года было уже до 600 пароходовъ на этой рѣкѣ.

Обозрѣніе состоянія въ настоящее время торговаго мореплаванія европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ Америки доказываютъ, какъ быстро стремятся они къ усиленію этой

*) Всѣ эти свѣдѣнія собраны въ 1843 году. Теперь ужъ вездѣ большія перемены къ лучшему. Я не подкрѣпляю доводы мои новыми, потому-что результатъ будетъ тотъ же, что хорошо имѣть торговой флотъ!

промышленности, содѣйствующей движению внѣшней торговли и благосостоянію народному.

Со времени великаго Преобразователя Россіи многіе изъ архангельскихъ купцовъ производили торговлю на собственныхъ корабляхъ: коммерціи совѣтникъ В. А. Поповъ имѣлъ 27 кораблей; г. Брандтъ до 16, въ числѣ которыхъ нѣкоторые были въ 1,000 тоннъ. А давно ли еще Великая Императрица Екатерина II въ Высочайшемъ Манифестѣ, 15 іюня 1781 года, изъявила свое удовольствіе, что «русское купеческое мореплаваніе усилилось и что торговый флагъ нашъ находится въ уваженіи у всѣхъ народовъ». Въ концѣ минувшаго столѣтія въ Архангельскѣ, въ числѣ 48 торговыхъ домовъ, въ одно время было болѣе половины русскихъ негодіантовъ. Теперь торговлю заграничную производятъ почти одни иностранцы. Въ настоящее время если наши соотечественники и имѣютъ нѣсколько кораблей, *) то большею частью покупаютъ ихъ съ чужеземныхъ верфей.

Польза отъ мореплаванія очевидна: построеніе кораблей, заготовленіе для нихъ дѣса и другихъ матеріаловъ займетъ тысячи рукъ; между предпринимателями явится соревнованіе; оно будетъ способствовать улучшенію въ построеніи судовъ, завлекать въ отдаленныя плаванія, возбудитъ любознательность, охоту къ путешествіямъ, а наконецъ выгода—этотъ могучій двигатель во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ—довершитъ остальное. Тогда молодые люди коммерческаго сословія образованіе, начатое въ училищахъ, будутъ оканчивать въ путешествіяхъ, въ мореплаваніи, въ сближеніи съ другими образованными народами, приобрѣтутъ практическую опытность въ дѣлахъ торговыхъ, будутъ гордиться своими путешествіями въ отдаленныя страны всѣхъ частей свѣта и такимъ образомъ приготовятся у насъ свои предпримчивые опытные негодіанты и банкиры. Усилившись коммерческимъ флотомъ, мы безъ участія иностранцевъ будемъ вывозить свои товары туда, гдѣ замѣтимъ для нихъ выгодный сбытъ; чрезъ это увеличится отпускъ нашихъ произведеній, чѣмъ будетъ поощряться и внутренняя промышленность; тогда выгоды отъ мореплаванія, коммиссіонныя за трудъ исполненія порученій будутъ переходить къ

*) Сколько русскихъ кораблей — я не знаю; но, не считая финляндскихъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ Моряхъ, ихъ очень мало.

намъ изъ рукъ иностранцевъ; *) духъ торговой предпріимчивости возбудится дальними плаваніями, сближеніемъ съ другими странами, а производители русской коммерціи, ознакомившись практически съ дѣлами торговли всемірной, займутся улучшеніемъ всѣхъ отраслей отечественной промышленности, упрочатъ кредитъ своихъ заграничныхъ пріятелей и пріобрѣтутъ уваженіе согражданъ.

Мореходовъ у насъ, какъ я сказалъ уже, много въ архангельскомъ поморьѣ. Они, въ случаѣ устройства судоходнаго или дорожно - желѣзнаго сообщенія съ Сибирью, охотно бы стали перевозить грузы съ устья Печоры въ екатерининскую гавань, которая находится близъ города Колы, въ Архангельской Губерніи, и представляетъ много удобствъ. Она закрыта со всѣхъ сторонъ высокими горами, имѣетъ достаточную глубину, хотя бы для линейныхъ кораблей, удобные берега для выгрузки и погрузки товаровъ и, что всего важнѣе, открыта по-крайней-мѣрѣ въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ, иногда и больше. Устроить здѣсь складочное мѣсто чрезвычайно удобно; только съ устья Печоры надобно спѣшить доставить грузы въ екатерининскую гавань, а оттуда, когда угодно, можно отпускать ихъ. Въ екатерининскую гавань охотно будутъ приходить и иностранные корабли, потому - то она находится на пути къ Архангельску, а заходитъ въ Бѣлое Море, и особенно осенью, и далеко и опасно; поэтому, избѣгая излишняго и опаснаго плаванія, они уступятъ треть фрахта, теперь существующаго, изъ Архангельска, тѣмъ болѣе, что и въ нагрузкѣ, въ расходахъ, во времени и въ страхованіи товаровъ тамъ будетъ значительная экономія. **)

Теперешній (1843 г.) фрахтъ на помѣстительные товары въ порты Англіи изъ Петербурга отъ 12 до 22 шил.; изъ Архангельска отъ 18 до 28 шил. за тоннъ; средняя цѣна изъ Петербурга 17 шил.; изъ Архангельска 23: значитъ, петербургскій фрахтъ дешевле на 6 шиллинговъ, что составляетъ около 3 к. сер. на пудъ. ***) Если

*) Плата за фрахтъ съ отпускаемыхъ изъ Россіи товаровъ, въ общей сложности, простирается едвали не болѣе 10 милліоновъ рублей серебромъ въ годъ.

**) Подробное описаніе екатерининской гавани находится въ «Путешествіяхъ въ Сѣверный Ледовитый Океанъ» г. адмирала Ликте, стр. 291. Длина гавани $1\frac{1}{2}$ мили, ширина отъ 200 до 350, а глубина отъ 9 до 28 саж. По мнѣнію его, трудно найдти стоянку спокойнѣе и безопаснѣе, какъ въ этой гавани.

***) Свѣдѣнія эти собраны и соображеніе составлено въ 1843 году.

съ печорскаго порта фрахтъ будетъ еще дороже, хотя бы на 6—7 к. сер., то дешевизна и скорость доставки Обью и Печорою дасть возможность уступать товары гораздо дешевле, почему должно ожидать, что здѣсь торговля можетъ быть не менѣ дѣятельна и выгодна.

Слѣдовательно, къ открытію порта на устьѣ Печоры нѣтъ такихъ препятствій, которыя бы дѣлали это предпріятіе невыгоднымъ. Конечно, отдаленность этихъ мѣстъ отъ путей, гдѣ теперь дѣятельно производится промышленность, холодъ сѣвера, почти безлюдье возбуждаютъ сомнѣніе въ успѣхѣ; но развѣ Канада не была холодной лѣсной пустыней, пока ее не оживила торговля? Это же самое можно сказать и о другихъ пустыняхъ Америки. Гдѣбы ни устроивали пути сообщеній, содѣйствующія мѣнѣ произведеній мѣстныхъ на произведенія другихъ странъ, тамъ немедленно являлись дѣятели; масса произведеній и сумма оборотовъ быстро увеличивались, и кругъ дѣйствій коммерціи расширялся. Могутъ сказать, что этотъ путь далеко: у Ледовитаго Океана; что навигація продолжается тамъ не болѣе трехъ или трехъ съ половиною мѣсяцевъ—это и правда; а потому скажутъ, трудно доставить въ одну навигацію произведенія Сибири къ печорскому порту чрезъ такое огромное пространство. Въ опроверженіе этого замѣчу, что навигація и по Волгѣ, главнѣйшей торговой артеріи нашего отечества, продолжается съ мая до октября, не болѣе пяти мѣсяцевъ, и главнѣйшія партіи товаровъ проходятъ съ низовья Волги и отъ Урала къ петербургскому порту въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ. Слѣдованіе этой огромной массы грузовъ производится большею частью противъ воды, нерѣдко замедляется мелководіемъ, такъ-что ходъ судовъ, среднимъ числомъ, нельзя полагать болѣе 30 верстъ въ сутки,^{*)} а по каналамъ и коноводными машинами по Волгѣ иногда и менѣе. Но эта перевозка грузовъ на сотни миллионовъ рублей оканчивается тѣмъ, что значительная часть ихъ успѣетъ погрузиться въ корабли и отправляется въ море. Изъ Сибири же, напротивъ, съ верховьевъ Оби и Иртыша къ печорскому порту путь сплавною 200 верстъ хода по Оби и предполагаемому каналу, а потому въ благопріятное

^{*)} Съ устья Камы до Рыбинска разстояніе до 900 верстъ. Коноводными машинами идутъ около 50 дней; по вышневолоцкой и наришской системамъ отъ 1,000 до 1,300 вер. суда идутъ два и три мѣсяца.

времени можно рассчитывать, что суда по течению воды могут проплыть въ сутки, среднимъ числомъ, до 80 верстъ, слѣдовательно путь къ печорскому порту, по успѣшности доставленія грузовъ сплавомъ по течению рѣкъ несравненно ближе, чѣмъ съ низовья Волги или съ Чусовой къ С. Петербургу. Трехмѣсячной навигаціи было бы весьма достаточно для отпуска сибирскихъ товаровъ за границу, тѣмъ - болѣе, что въ верховьяхъ Оби и Иртыша весна начинается въ началѣ мая и раньше, и грузы, слѣдующіе оттуда, могутъ достигнуть къ устью Соби въ началѣ іюня, къ самому вскрытію рѣкъ, слѣдовательно и короткой сѣверной навигаціи останется на сплавъ товаровъ отъ устья Соби до Усы и печорскаго порта. Предположимъ, что сибирскіе грузы приплывутъ къ устью Соби въ началѣ іюня; на подъемъ по Соби и на ходъ шлюзный до Усы нужно будетъ не болѣе 10 дней, на сплавъ по Усѣ и Печорѣ на разстояніи 1,250 верстъ не больше 15 дней, а весь этотъ путь можно будетъ совершить въ 25 или, много уже, 30 дней; значитъ, сибирскіе грузы могутъ приходить къ устью Печоры не позже первыхъ чиселъ іюля.

Возможностью сплавлять грузы изъ Сибири, какъ я сказалъ уже, откроется путь для вывоза самыхъ дешевыхъ произведеній этого обширнаго края; тогда будутъ доступны съ береговъ Оби и ея истоковъ превосходные лиственничные и сосновые (мачтовые) лѣса (которыхъ, впрочемъ, и на берегахъ Печоры не мало), на построеніе при устьѣ Печоры кораблей, чѣмъ много обдешевится построеніе судовъ для нашего флота, не говоря уже о лѣсной торговлѣ съ береговъ Печоры, Вычегды и Сысолы, въ чемъ состоятъ первоначальныя предположенія Печорской Компаніи. Корабельные лѣса и съ этихъ рѣкъ доставили бы значительную выгоду.

Торговля лѣсами и отпускъ ихъ въ Англію и другія государства Европы въ доскахъ и въ издѣліяхъ, кромѣ выгодъ правительству, принесла бы величайшую пользу жителямъ края работами. Печорская Компанія предполагала отпускать съ Печоры, Вычегды, Сысолы и ихъ истоковъ до 150,000 дюжинъ *) лѣсовъ, что составляетъ

*) Численная дюжина состоитъ изъ трехъ досокъ, длины 24 фута, ширины 11 и толщины 3 дюйма, что составляетъ 12 кубическихъ футовъ, вѣсомъ отъ 13 до 14 пудъ; доски изъ Россіи отпускаются большею частью длины 21 футъ и меньше; но расчетъ производится по вышесказанному размѣру.

по цѣнамъ, существующимъ въ настоящее время въ Архангельскѣ, болѣе чѣмъ на 450,000 руб. сер. Эта промышленность оживила бы край, доставя жителямъ постоянную работу; въ сбытѣ же лѣсовъ нельзя сомнѣваться.

Въ настоящее время перевозка иностранныхъ товаровъ въ Сибирь производится изъ С. Петербурга, черезъ Москву, или судами до Перми, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и обходится отъ 2 до 3 р. серебромъ за пудъ и дороже; *) эти же товары, будучи отправлены съ устья Печоры, положимъ, хоть въ концѣ юна, или въ первыхъ числахъ іюля, могли бы, съ помощью гребныхъ пароходовъ, доходить до Тобольска въ 40 или 50, до Томска въ 55 или 60, до **) Красноярска въ 80 или 90 дней, особенно если принять за образецъ въ ихъ устройствѣ татаршиновскіе кабестанные пароходы, которые буксируютъ противъ воды, по двѣ и по три тысячи пудъ на каждую силу паровой машины, по 40 верстъ въ сутки и болѣе. Буксированіе пароходами Татаринова обходится по Волгѣ на сто верстъ около $1\frac{1}{2}$ к. сер. на пудъ; полагая на расходы доставленія по Печорѣ, Оби и Иртышу втрое, потому что здѣсь недостаточно было бы грузовъ для буксировки большими пароходами т. е. по $1\frac{1}{2}$ к. сер. на сто верстъ, доставка обходилась бы до Тобольска не дороже 40 к., до Томска 50 к., до Красноярска 90 к. сер. съ пуда.

По устроеніи этого пути не возбудится ли дѣятельность нашей торговли въ Сибири и чрезъ это не успѣшнѣе ли проникнетъ она въ предѣлы средней Азіи: въ Бухару, Туркестанъ, Хухеноръ и другія ханства? Однимъ словомъ, открытіе порта на устьѣ Печоры и устроеніе къ нему судоходнаго пути отъ Оби доставитъ огромныя выгоды краю и произведетъ послѣдствія весьма важныя. Но довольно, я заговорился о моихъ предположеніяхъ.

*) Лѣтняя перевозка въ Красноярскъ обходится до 4 р. сер. пудъ.

**) Расстояніе отъ устья Печоры до Тобольска около 2,300, до Томска до 3,500, до устья рѣки Кети около 3,000 отсюда до Маковского Острога 500 верстъ. Далѣе товары могли бы перевозиться сухопутно на кеменскую пристань или въ Енисейскъ, на разстояніи 90 или 100 верстъ, откуда судами можно поднимать до Красноярска около 400 или 500 верстъ, хотя теперь и нѣтъ на этомъ разстояніи судоходства.

V.

Возвращеніе по Печорѣ. — Деревня Оксина. — Село Великоисочное. — Лѣсъ подъ 66° сѣверной широты. — Медвѣди у лодки ночью. — Путь по Цыльмѣ. — Деревня Филипова. — Горный заводъ на Цыльмѣ. — Проводникъ Бабкинъ. — Рѣка Пижма. — Скитъ въ верховьѣ Пижмы. — Промышленость Усть-Цылемцевъ. — Бытъ Усть-Цылемцевъ; нравственность; сравненіе съ Нѣмцами и Пустозерцами. — Оленеводъ Каневъ.

17 августа. Утро, въ лодкѣ.

Вчера, около полудня, приплыла моя лодка: волнами ее не разъ чуть не залило; однажды люди едва спаслись у берега. Къ-вечеру стало тише, и мы немедленно отправились въ путь по Верединому Протоку. Деревня Куя есть крайній сѣверный пунктъ, до котораго я былъ по Печорѣ. Отъ Троицкаго Погоста до Пустозерска считаютъ 1,200 верстъ, слѣдовательно, до Куя водой 1,300 по Усѣ и Ельцѣ впередъ и обратно больше 1,000, по Ижмѣ 1,300 верстъ, слѣдственно доселѣ по системѣ водъ Печоры я проплылъ уже около 2,400 верстъ; но впереди еще путь далекъ, особенно если обстоятельства заставятъ ѣхать по Печорѣ черезъ Троицкій Погостъ.

Недавно прошли мимо деревни Голубковской; 5 домовъ этого поселенія расположены на небольшомъ песчаномъ холмѣ праваго берега. Въ весеннюю воду всѣ деревни пустозерскія среди широкаго пространства водъ представляютъ небольшіе островки, а въ иныхъ видны одни дома, чуть не до половинны затопленные. Не могу надивиться смѣлости здѣшнихъ жителей.

Недалеко до деревни Оксина; впереди ужъ видѣтъ высокій материкъ Малоземельской Тундры.

Полдень.

Останавливались въ деревнѣ Оксинной. Это одно изъ богатыхъ усть-печорскихъ поселеній: 36 домовъ его тоже на правомъ, крайне-низменномъ берегу Серединнаго Пролива. Въ нынѣшнюю весну вода стояла въ деревнѣ на $2\frac{1}{2}$ аршина глубины; одинъ домъ подмыло и онъ развалился. Еще хорошо, что льду мало несло по этому острову, а то могло бы случиться много несчастій. Несмотря на это, жители Оксина въпросили позволеніе построить церковь, хотя у нихъ и есть просторная часовня во имя Святителя Николая. Лѣсъ готовъ, и скоро начнутся работы.

Я зашелъ къ 90-лѣтнему старику Воропаеву, и съ нимъ ходилъ въ часовню. Въ ней, на мѣстѣ царскихъ вратъ, поставленъ образъ Угодника въ богатой серебряной, позолоченной ризѣ; на лѣвой сторонѣ, тоже въ дорогой ризѣ, образъ Благовѣщенія; предъ иконостасомъ много большихъ лампадъ и въ срединѣ прекрасное паннакадило. Наружность зданія не соответствуетъ богатству внутренней утвари. Убѣждаюсь еще больше, что Пустозерцы очень усердны къ храмамъ Божиимъ.

Воропаевъ проводилъ меня до лодки. Онъ проворенъ и ловокъ не по лѣтамъ, а такихъ стариковъ нѣсколько въ этой деревнѣ.

Изъ Оксина ѣдутъ на островъ Калгуевъ, на гусиный промыселъ. Путь туда лежитъ черезъ Малоземельскую Тундру на оленяхъ; тамъ садятся въ карбасы и переѣзжаютъ на островъ. Мнѣ сказывали, что противъ Оксина, въ Малоземельской Тундрѣ, гдѣ-то есть соленый ключъ, но ни кто не объяснилъ, гдѣ онъ находится; есть также слухъ, что и въ верховьяхъ рѣки Куи соляной источникъ.

Утромъ былъ дождь, но теперь выяснѣло и тихо; идемъ ужъ по Большой Печорѣ.

18 августа. Утро.

Вчера вечеромъ останавливались въ деревнѣ Пыльмецъ. Я сѣлъ на мою знакомую слѣбую: ея хижинка была набита малолѣтнимъ народомъ; дѣти ея съ бабушкой недавно еще пришли съ сѣнокоса и отдыхаютъ. Ночлегъ мы имѣли противъ деревни Лабазской, и около 9 часовъ утра сегодня остановились противъ села Великовисочнаго. Оно построено на широкой, низменной долинѣ,

на лѣвомъ берегу Печоры, подлѣ узкаго протока. Это самое многолюдное селеніе въ Пустозерскомъ Краѣ; въ немъ 51 домъ и недавно построена здѣшними богатыми крестьянами, Дитятевыми, небольшая деревянная церковь на каменномъ фундаментѣ; она еще не освящена и внутреннія украшенія не всѣ кончены. Я былъ у В. П. Дитятева. У него большой новый домъ на каменномъ фундаментѣ; ежегодно отправляетъ онъ на звѣриный промыселъ одинъ, а иногда и два карбаса на Новую Землю и островъ Калгуевъ; у него есть одинъ большой карбасъ, построенный на Двинѣ и поднимающій грузу до 700 пудъ. По словамъ Дитятева, на Калгуевѣ гусей бываетъ такъ много, что иногда загоняютъ въ сѣти тысячь по пяти въ день и, наловивши сколько нужно, занимаются другими промыслами.

Въ Вискѣ, какъ называютъ село Великовисочное, ловятъ силками очень много куропатокъ, подманивая ихъ къ ловушкамъ чучелами: куропатки подлетаютъ къ своимъ мнимымъ землякамъ и попадають въ силки. Въ Пустозерскомъ Краѣ куропатки очень легко ловятся: нѣкоторыя семьи налавливаютъ до двухъ, а иногда до трехъ тысячъ штукъ; цѣна на эту дичь при изобиліи та же, что и въ Прасканѣ,^{*)} отъ 1 до 2 к. сер. Хотя здѣшнія куропатки крупнѣе и жирнѣе верховыхъ и вѣсятъ около 2 фун.; но какъ покупщики не ѣздятъ такъ далеко за ними, то цѣна на нихъ низка и промыселъ куропаточный не прибыленъ, и немногіе занимаются имъ. По берегамъ Печоры, и особенно въ Вискѣ, я видѣлъ множество пѣтушковъ, называемыхъ здѣсь зулами. Пустозерцы ихъ не стрѣляютъ, а потому они не боятся людей. Мы шли около огромнаго стада зуевъ и не потревожили его. Говорятъ, ближе къ морю ихъ безчисленное множество. И здѣсь я вздумалъ явиться распространителемъ посѣвовъ картофеля, но, увы! краснорѣчіе мое было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Крестьяне не понимаютъ, какъ можно питаться картофелемъ, когда есть хлѣбъ; тому, что и богатые люди любятъ этотъ овощъ, они не вѣрили: «Мы не ѣдимъ картофъ; что намъ изъ нея! — отвѣчали они на мои совѣты — да и кто добрый человекъ будетъ ѣсть его? Коли ужъ сѣять, такъ лучше же рѣпу.» Думаю, что ближайшій способъ для распространенія здѣсь картофеля — примѣръ священниковъ.

^{*)} Деревня на заворотѣ Печоры къ юго-западу.

Нѣсколько выше села Виски впадаетъ въ Печору рѣчка Сула. Есть преданіе, что въ старину на берегахъ ея были найдены мѣдныя руды и былъ построенъ мѣдиплавленный заводъ.

19 августа.

Вчера вечеръ былъ довольно холоденъ. Въ 10 часовъ мы остановились на ночлегѣ, пройдя отъ Виски около 50 верстъ. Сегодня я слышалъ, что проплыли печорскіе путешественники г. К. и Кр.; видно, мы разѣхались въ островахъ.

Сегодня тепло и тихо; немного было такихъ прекрасныхъ дней во все лѣто, и я начинаю жалѣть, что поторопился въ обратный путь.

Въ полдень мы заѣзжали въ новое поселеніе крестьянина Дуркина изъ Усть-Цыльмы; оно на правомъ берегу Печоры, въ 70 верстахъ отъ деревни Великовисочной. Дуркинъ недавно еще построилъ себѣ домъ и переѣхалъ сюда съ большимъ семействомъ. Имѣя порядочное скотоводство, онъ заготавливаетъ до 200 возовъ сѣна. Хорошій сосновый лѣсъ на постройку дома нашелся по рѣчкѣ Созьвѣ, впадающей въ Печору изъ Большеземельской Тундры, въ восьми верстахъ отъ его поселенія. Рѣчка Созьва должна быть подъ 68° сѣверной широты: вотъ доказательство, какъ далеко къ сѣверу есть строевые лѣса. Что скажутъ на это гг. теоретики, полагающіе, что у насъ, какъ въ Америкѣ, растительность строевыхъ лѣсовъ оканчивается 61°? Впрочемъ, пусть съѣздятъ они только на рѣку Мезень, гдѣ, подъ 65 и 66°, они найдутъ превосходные лиственничные лѣса, употребляемые для строенія линейныхъ кораблей въ Архангельскѣ.

Пройдя верстъ десять отъ поселенія Дуркина, мы увидѣли рыбаковъ. Ловъ семги идетъ порядочно; нѣсколько очередныхъ лодокъ плаваютъ, другіе отдыхаютъ. Одни рыбаковы сварили въ изрядномъ котлѣ свѣжей семги и начинаютъ обѣдать. Эту рыбу они варятъ, разрѣзавъ на мелкіе кусочки, и потомъ, когда она порядкомъ уварится, вынимаютъ на лотокъ, солить и расколаживаютъ, а въ уху прибавляютъ нѣсколько горстей муки и снова варятъ. Непровареная семга нездорова, свѣжая же скоро пріѣдается.

Теперь прошли мимо устья рѣчки Енвы, отъ которой 110 верстъ до Усть-Цыльмы. Эта рѣчка течетъ изъ обширнаго озера. крайне

обильнаго рыбой. Говорятъ, озеро чрезвычайно глубоко, окружено высокими песчаными холмами, поросшими здоровыми, большими лиственями.

Постоянно идемъ мимо острововъ, покрытыхъ густой травою; Чѣмъ пропадать этой травѣ даромъ, не лучше ли бы обращать ее въ мясо, сало и кожи, и отправлять за море?

20 августа.

Вчера поздно остановились на ночлегъ; сегодня встали рано; постоянно идемъ подлѣ лѣваго берега.

До Усть - Цыльмы осталось около 90 верстѣ. На берегу мы видѣли свѣжіе слѣды трехъ медвѣдей; одинъ изъ этихъ слѣдовъ принадлежалъ повидимому медвѣдо необыкновенной величины: ширина слѣда его была пять вершковъ; онъ глубоко прорывалъ сырой, прибрежный песокъ. Много здѣсь чаекъ и гагаръ; утромъ только и слышенъ ихъ крикъ. Около полудня переправились къ правому берегу и шли мимо прѣкраснаго бора.

Вчера на ночлегъ остановились тоже довольно поздно; утромъ прошли мимо деревни Быковской; она на правомъ берегу Ичоры и состоитъ изъ трехъ домовъ.

Путру мы увидѣли около мѣста, гдѣ ночевали, слѣды большого медвѣда и двухъ медвѣжатъ: видно, запахъ мяса привлекъ ихъ къ лодкѣ; они ночью долго ходили около нея, но не рѣшились на похищеніе — а надѣлали бы намъ суматохи эти косматые непрощенные гости въ темную осеннюю ночь, забравшись въ лодку, куда попасть имъ было нетрудно.

Въ полдень прошли устье рѣчки Незевы; она впадаетъ съ правой стороны; отъ нея до села 25 верстѣ.

По всей Печорѣ производится уже ловъ семги поплавами; на иной тонѣ 10, на другой до 25 лодокъ и больше; рыбаки наловили уже отъ 12 до 16 пудъ на поплавию. Пройдя верстѣ пять отъ рѣчки Незевы, увидѣли послѣднюю зимовую избу, отъ которой тянется лиственничный боръ.

Въ 8 часовъ вечера пришли въ село Усть - Цыльму; завтра отправляюсь вверхъ по Цыльмѣ. Мой проводникъ по этой рѣчкѣ, крестьянинъ Бабкинъ, довольно замѣчательный человекъ по своимъ путешествіямъ; онъ ходилъ въ море на какомъ-то иностранномъ

кораблѣ, былъ въ Данцигѣ и въ другихъ балтійскихъ портахъ; онъ также усердный рудоискатель, но до сихъ - поръ не нашелъ еще ничего; знаетъ названія разныхъ породъ минераловъ и, кромѣ того, смѣлый промышленникъ.

22 августа.

Въ три часа пополудни переѣхали мы Печору и при попутномъ вѣтрѣ парусомъ вошли въ Цыльму. Пройдя верстъ 12, остановились на ночлегъ. Цыльма, при впаденіи въ Печору, соединилась съ рѣкою Пижмою, довольно - широка и имѣетъ видъ большой рѣки; въ нее вливаются, какъ говорятъ мѣстные жители, до восьми притоковъ.

23 августа.

Мѣстами бѣжали на парусъ. По Цыльмѣ мало длинныхъ плѣсъ; къ тому же частые завороты не вездѣ позволяютъ пользоваться благоприятнымъ вѣтромъ; идемъ больше въ направленіи къ SW; берега рѣки довольно - высоки, покрыты еловымъ лѣсомъ; есть и боровыя мѣста. Въ 25 верстахъ отъ устья направо впадаетъ рѣчка Усица; недалеко отъ нея, въ красивомъ мѣстоположеніи лѣваго берега, расположена деревня Рочева; въ ней всего шесть домовъ. Жители преимущественно занимаются скотоводствомъ и держатъ инье по 20 и больше коровъ.

Въ полдень пришли къ деревнѣ Меговой, на лѣвомъ берегу рѣки, въ 40 верстахъ отъ устья. Она состоитъ изъ четырехъ домовъ. Крестьяне всѣ на сѣнокосѣ; время самое благоприятное для работы: тепло и ясно.

Къ вечеру подошли къ деревнѣ Трусовой. Шесть домовъ этого поселенія построены на очень красивомъ мысу лѣваго берега, среди лиственничной рощи. Отъ Трусовой считаютъ до устья около 50 верстъ; но едва ли вѣрно опредѣлены разстоянія; по моему мнѣнію, мы прошли по-крайней-мѣрѣ 80 верстъ, или даже больше. Близъ деревни Филипповой, куда мы добрались къ ночлегу, съ правой стороны впадаетъ рѣчка Уса, по берегамъ которой, говорятъ, есть порядочный лѣсъ. Деревня Филиппова на лѣвомъ берегу, названа по имени перваго поселенца, переѣхавшаго сюда назадъ тому около

60 лѣтъ. Старикъ умеръ недавно. По словамъ его семьи, онъ былъ большой чудакъ: выросилъ пять дочерей и ни одной не хотѣлъ отдать замужъ, употребляя ихъ въ работу вмѣсто работниковъ. Онъ пахалъ землю, рубилъ лѣсъ и дрова, возили сѣно, ловили рыбу и дѣлали все, что было нужно при первомъ обзаведеніи хозяйствомъ въ темномъ лѣсу. Старикъ неуспѣшно смотрѣлъ за ними, но одна ускользнула отъ надзора и обвѣнчалась съ знакомымъ парнемъ. Филиппъ гнался за ней, но не настигъ: сестры были въ заговорѣ съ бѣглецами, дали старику худую лошадь, запрягали ее медленно, и онъ кое-какъ доташился до села. Долго упрямый старикъ не хотѣлъ видѣть дочь; но прошелъ годъ или два, и онъ просталъ зятя и дозволилъ построить домъ въ его поселеніи. Теперь эти двѣ семьи благоденствуютъ; у нихъ довольно хлѣба, много скота, есть въ тундрѣ олени, дома построены хорошіе, въ избахъ чистота и порядокъ — недостаетъ одного: у сына Филиппова нѣтъ дѣтей; у зятя одна дочь — наследница всего имѣнія. Остальныя дочери старика Филиппа еще живы, но завали въ дѣвствѣ, уже старухи; одной больше 60 лѣтъ. Вспоминая молодые годы, онъ скорбитъ, что не видалъ до старости красныхъ дней, не бывали ни на посидѣлкахъ, ни на играхъ, а всю жизнь только работали.

24 асиута.

Погода переѣнилась; льетъ дождь. Немного выше деревни Филипповой есть еще одно поселеніе, состоящее изъ одного двора и носить названіе деревни Артемьевой; это послѣднее селеніе на берегахъ Цильмы. Верстахъ въ пятнадцати отъ этой деревни впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Тобынгъ; по ней лодки идутъ вверхъ верстъ на сто; берега боровые съ сосновымъ лѣсомъ. Отсюда Цильма становится уже небольшою рѣкой; непрерывно каменистыя мели препятствуютъ успѣшному ходу.

Отъ устья рѣки Тобынгъ я шелъ пѣшкомъ по лѣвому берегу Цильмы; на скалистой крутизнѣ его видѣлъ тонкія прослойки мѣдной руды, мѣстами много сѣраго колчедана и разноцвѣтной глины: желтой, зеленоватой, бѣлой и черной.

Въ полдень прошли мимо устья рѣки Мьлы, впадающей въ Цильму съ лѣвой стороны; на Мылѣ въ трехъ верстахъ отъ устья есть деревня, состоящая изъ четырехъ домовъ. Это поселеніе со-

ставилось изъ одной раздѣлившейся семьи. Дальше около ста верстѣ, въ дикой пустынѣ, на берегу этой рѣчки еще живеть одна семья давно поселившася тамъ Устьцѣмца Саввы.

На рѣкѣ Цыльмѣ, противъ устья Мылы, довольно-большой порогъ и отъ него пошли глубокіе плёсы.

Здѣсь ужъ нѣтъ ни луговъ, ни низменностей; берега покрыты лѣсомъ и только подлѣ рѣки неширокіе ласты, какъ называютъ здѣсь береговья луговины; траву на нихъ выкашиваютъ Мыльскіе жители.

Поднявшись верстѣ восемь отъ рѣки Мылы, прошли мимо высокихъ крутыхъ горъ, называемыхъ Красная Щелья, а къ 5 час. вечера подошли къ горѣ Щитовитая Щелья, которая тянется около версты подлѣ рѣки, въ направленіи къ NW, возвышаясь надъ нею отвѣсной скалой; на ней сосновый лѣсъ, а на низменности хорошии лиственничныя деревья. Въ 20 верстахъ отъ Мылы впадаетъ въ Цыльму съ правой стороны рѣчка Номбуръ; немного далѣе съ лѣвой стороны рѣчка Черная, которая течетъ изъ озера Чернаго. Цыльма становится болѣе и болѣе мелководной, мѣстами еще довольно-широка, но едва можно пробраться на лодкѣ между камнями, которыми устлано все ея русло; часто надобно подниматься черезъ пороги, гдѣ теченіе очень быстро. Въ двухъ мѣстахъ Цыльма раздѣляется на два и на три русла большими островами изъ мельчайшей гальки. Берега рѣки вездѣ лѣсисты, луговъ нѣтъ, а потому она похожа болѣе на прекрасный каналъ, проведенный въ этой пустынѣ.

Сегодня шли больше по направленію къ западу; уже довольно поздно остановились на ночлегѣ и, при свѣтѣ луны, расположились уживать на берегу вокругъ артельного котла; усталые рабочіе скоро уснули. Ночь была прекрасная.

25 августа.

Сегодня до полудня поднимались крайне-медленно: воды въ Цыльмѣ необыкновенно-мало; почти нѣтъ возможности ѣхать дальше даже на нашей маленькой лодкѣ; мѣстами по обонмъ берегамъ высокія каменныя скалы темнозеленаго цвѣта.

Я шелъ по берегу и замѣтилъ въ скалахъ тонкія жилы мѣдной руды; можетъ быть, при тщательныхъ поискахъ, открылись бы рудни-

ки металловъ. Въ этомъ мѣстѣ проходитъ черезъ рѣку отрасль горнаго хребта; можетъ быть, это отрасль Тиманскаго или Чайчина Камня. Здѣсь вовсе не видать никакихъ птицъ; по Печорѣ непрерывно слышны крики гагаръ и чаекъ, а по Цыльмѣ только изрѣдка въ полночную пору нарушаетъ пустынное безмолвіе этого лѣснаго края дикій крикъ филина. До мѣста, гдѣ былъ прежде мѣдилавильный заводъ, осталось около 20 верстъ; но едва ли можно дойти до него на лодкѣ: надобно идти пѣшкомъ. Сегодня все утро льетъ дождь и я рѣшился возвратиться, хотя и сожалѣю, что не доѣхалъ до развалинъ перваго горнаго завода въ Россіи.

Вотъ прежнія свѣдѣнія объ этомъ заводѣ.

Въ Двинскомъ Лѣтописцѣ сказано, что еще въ 6936 году (1428 г.) Грекъ Манойла Ларіевъ съ товарищами ѣздилъ нарочно къ Печорѣ и нашелъ около рѣки Пылмы или Шылмы мѣдную руду. Незвѣстно, Цыльма, или другая какая рѣка называлась Пылмою; теперь я не слыхалъ ничего о Пылмѣ, а потому думаю, что такъ называли тогда Цыльму.

Въ 1491 году Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III послалъ въ Печорскій Край двухъ Нѣмцевъ, Ивана и Виктора съ Андреемъ Петровымъ и Васильемъ Болтинымъ искать серебряную руду. Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли мѣдную руду на пространствѣ 10 верстъ, на берегу рѣки Цыльмы, въ 20 верстахъ отъ рѣки Космы, въ 300 отъ Печоры. «Это открытіе сдѣлало Государю величайшее удовольствіе.» *) Немедленно началась разработка мѣди, а также, вѣроятно, и серебра, ибо, по словамъ историка, съ того времени начали чеканить монету изъ своего серебра.

Я ужъ сказалъ въ описаніи Пустозерска, что для разработки здѣшнихъ рудъ взяты были рабочіе изъ Устюжанъ, Двинянъ и Пинежанъ 240 человекъ.

Въ путешествіи Лепехина, въ статьѣ о минералахъ въ Мезенскомъ Краѣ, есть свѣдѣнія, что въ началѣ XVIII столѣтія устраивался какимъ-то пріѣзжимъ Нѣмцемъ въ окрестностяхъ Печоры мѣдный заводъ; но жители, въ опасеніи, что попадутъ въ число заводскихъ крестьянъ, старались скрыть отыскиваемую руду, а потому со смертью заводчика производство было оставлено: это свѣ-

*) Исторія Государ. Россійск. Караванна. Часть VI стр. 266.

дѣііе не о заводѣ ли близъ Великовисочной деревни? О заводѣ Цыльменскомъ есть преданіе, что въ старину, отъ неосторожности заводчика, шахты провалились и землей завалило до 30 человѣкъ рабочихъ, и что, въ слѣдствіе этого несчастія, работы были прекращены. Другіе говорятъ, что шахты залило водой и продолжать работы не было возможности. Вообще неизвѣстно, когда оставлена разработка металловъ по Цыльмѣ и долго ли продолжалось производство. Около 1840 года повѣренный вятскаго купца Рязанцова Калашниковъ искалъ по Цыльмѣ мѣдной руды; главнѣйшіе поиски онъ произвелъ на мѣстѣ стараго завода, гдѣ еще видны прежнія копи и развалины строеній. Онъ нашелъ образчики богатѣйшей руды, но въ небольшомъ количествѣ. Если находили выгоднымъ разработку мѣди, а можетъ быть, и серебра на Цыльмѣ въ XV столѣтіи, когда горное искусство было еще неусовершенствовано, то почему бы не испытать теперь, когда находятъ выгоды въ работѣ даже и небогатыхъ рудъ?

Вверхъ по Цыльмѣ ходятъ на маленькихъ лодкахъ версты за 400.

По Цыльмѣ лежитъ лѣтній путь въ городъ Меzeńь. Сегодня мы встрѣтили почту. Отставные солдаты но найму замѣняютъ почталыоновъ. Встрѣтившійся намъ плывъ въ маленькой лодкѣ, изъ экономіи, только съ однимъ рабочимъ. Почтовый путь по Цыльмѣ лежитъ до устья рѣки Пезы; по ней поднимаются до волока, и черезъ него переходятъ въ другую рѣку, Пезу, впадающую въ рѣку Меzeńь; путь отъ Усть-Цыльмы продолжается отъ 15 до 20 дней. Почту отправляетъ становой приставъ, иногда черезъ двѣ недѣли, иногда черезъ три и даже четыре, смотря по важности представляемыхъ имъ дѣлъ.

Сегодня при силѣ лодки непрерывно стучали дномъ о камни особенно въ быстрыхъ мѣстахъ; порой лодка получала такіе толчки, что я иногда невольно думалъ, выдержитъ ли она подобныя въ дальнѣйшемъ плаваніи, тѣмъ болѣе, что она ужъ много потеряла по Усѣ и Ижмѣ. Мѣстами ходилъ я въ прибрежныя сосновыя рощи, въ которыхъ есть порядочныя деревья. Говорятъ, что по рр. Тобашу, Усицѣ и въ верховьяхъ Цыльмы лѣса лучше.

Сегодня ненастный день, непрерывно идетъ дождь, бушуетъ сильный вѣтеръ, такъ-что и по водѣ часто тянемся бечевой.

Вечеромъ мы спустились черезъ два порога; особенно быстръ

одинъ, между низкими островами изъ гальки: лодка стрѣлой неслась по узкому каналу мимо отдѣльныхъ камней; въ одномъ мѣстѣ едва не случилась бѣда: носъ лодки попалъ на камень, корму быстро заворотило и насъ чуть не опрокинуло.

Сегодня одинъ изъ жителей, Бабкинъ, рассказывалъ мнѣ о борьбѣ своей съ медвѣдемъ. Въ лѣсахъ Цильмы ихъ особенно много. Въ прошломъ году онъ шылъ; товарищемъ его былъ мальчикъ лѣтъ 13. Медвѣда они подиѣтили недалеко отъ берега. Бабкинъ смѣло пошелъ бороться съ нимъ, подкрался изъ-за лѣса и выстрѣлилъ изъ винтовки, но только ранилъ медвѣда. Звѣрь заревѣлъ и сталъ озираться. Бабкинъ успѣвши зарядить ружье, по пороку едва достало на зарядъ; подойдя ближе, онъ сдѣлалъ другой удачный выстрѣлъ, попалъ въ голову медвѣда и убилъ его. Бабкинъ увѣряетъ, что онъ никогда не видывалъ такого огромнаго медвѣда; но немного выручилъ за его шкуру съ рѣдкою, короткою и рыжеватою шерстью. Медвѣдъ былъ старикъ. Отецъ Бабина убилъ на своемъ вѣку много медвѣдей. На охоту онъ всегда ходилъ одинъ. Въ послѣдній разъ, услышавъ о звѣрѣ, онъ будто предчувствовалъ, что не воротится, печально простился съ семьей, пошелъ и не воротился: чрезъ нѣсколько времени нашли убитаго медвѣда и недалеко отъ него сидѣлъ подъ деревомъ мертвый звѣроловъ; въ-рѣдню, онъ померъ отъ ранъ и изнеможенія.

26 августъ.

Вчера плыли до 12 часовъ ночи. Было ужъ очень темно, а потому часто попадали на мель и наконецъ принуждены были избрать мѣсто ночлега. Сегодня цѣлый день плыли безостановочно; въ 9 часовъ вечера благополучно спустились черезъ Поповскій Порогъ, откуда до устья Цильмы только 9 верстъ. Здѣсь по берегу выстроено нѣсколько избъ, занимаемыхъ только лѣтомъ сѣнокосцами и пастухами. На здѣшніе прекрасные луга многіе пригоняютъ скотъ изъ-за Печоры. Въ 11 часовъ мы приплыли къ устью Пижмы. Ночь была чудесная, свѣтлая и тихая.

Въ полноводье сплавъ по Цильмѣ долженъ быть весьма удобенъ: повсюду довольно-высокіе берега; разливамъ быть не гдѣ; острововъ мало, однимъ словомъ, это прекрасный каналъ; но теперь въ немъ мало воды.

Пижда тоже довольно большая рѣка: теченіе ея больше 300 верстъ; насчитываютъ до 10 притоковъ, вливающихся въ эту рѣку. По ней разсыпано нѣсколько селеній.

Отъ устья Цыльмы до мѣднаго завода считаютъ 250 верстъ; я не доходилъ до него около 25 верстъ, слѣдовательно, поднимался по Цыльмѣ больше 200 верстъ.

27 августа.

Въ Усть-Цыльмѣ я опять остановился у добраго князя Палавандова. Вотъ свѣдѣнія, составленныя мною о промышленности Устьцыльемской Волости на основаніи показаній крестьянъ. Выше сказано, что въ деревняхъ Усть-Цыльемской Волости считается 397 дворовъ, въ которыхъ живетъ 1,261 душа мужскаго и 1,394 женскаго пола.

Въ 1842 году они промыслили лѣсныхъ птицъ до
3000 паръ на 450 р. сер.
звѣря 3,914 штукъ, на 1,962 « *)
рыбы 2,870 пудъ, на 2,392 « **).

288 домохозяевъ имѣютъ рогатаго скота 2,850
головъ, изъ которыхъ продано 100 цѣною отъ 10
до 33 р. сер., на 2,150 р. сер.
коровьяго масла 150 пудъ по 2 р. 50 к. 3 р. за пудъ, на 386 « «

Изъ 2,395 овецъ продано 250 головъ по 50 к.
сер., на 100 « «
Овечей шерсти продано 8 п. по 5-6 р. за пудъ, на . 40 « «

Выдѣлано и продано изъ овечей шерсти чулковъ,
головокъ и перчатокъ 1,350 паръ по 10—30 к. пара, на. 165 « . «

Изъ 966 лошадей продано 16, на 230 « «

Изъ 3,543 оленей продано и убито 175, по 1 р. 70
к. — 2 р. 30 к., на 350 « «

Всего же въ 1842 году выручено Устьцыльемцами 8,145 р. сер.

*) Въ томъ числѣ:

16 медвѣдей	цѣна отъ 5 до 10 р. сер.
23 волка	« « 2 « 3 « «
155 лисицъ	« « 2 « 7 « «
3,000 зайцевъ	« « 3 « 5 к. «
200 горностаевъ	« « 8 « 12 « «
550 бѣлокъ	« « 3 « 5 « «

**) 100 пудъ семги цѣна отъ 1 до 1 р. 20 к. за пудъ.
1,870 « бѣлой рыбы « « 30 « 90 к. за пудъ.

Вѣрность этихъ данныхъ, однакожь, подвержена большому сомнѣнiю. Напримѣръ, по недостатку собственнаго хлѣба, котораго, при очень хорошемъ урожаѣ, собрано въ 1842 году 1,427 четвертей, но и за всѣмъ тѣмъ прикушено, по тѣмъ же свѣдѣнiямъ, 7,450 пудъ по 71 к. сер., на 5,390 р. сер., а при неурожаѣ хлѣба покупается несравненно-больше. Употребивъ такую сумму на одинъ хлѣбъ, осталось бы отъ всего промысла 1842 года 2,855 р. сер., тогда — какъ нужна значительная сумма на право посѣщенiя дома съ ёлкой, куда очень любятъ заходить Устьцымцы и гдѣ пропивается въ годъ отъ 5 до 6,000 р. сер.; а откуда же Устьцымцы берутъ деньги на уплату податей, на одежду, домашнiя надобности, орудiя, порохъ, соль и т. п.? Многiе изъ нихъ зажиточны; у многихъ есть крупнаго скота отъ 20 до 40 головъ; на зиму оставляютъ по нѣскольку десятковъ овецъ: а у нѣкоторыхъ на дворѣ около сотни.*) Тотъ, у кого три, четыре или пять коровъ и десятокъ овецъ, считается небогатымъ. Изъ этого видно, что показанныя свѣдѣнiя о скотѣ и промыслахъ вовсе невѣрны.

Многiе изъ крестьянъ заготавливаютъ сѣна до 1,500 копенъ, т. е. до 300 возовъ и больше; здѣшнiй скотъ довольно-хорошъ, породы, вѣроятно, мезенской; а потому мяса, масла, сала и овецъ шерсти должно продаваться на значительную сумму. Руно овецъ довольно-хорошо; въ пастбищахъ и въ сѣнѣ приволье; лугъ въ 50 копенъ т. е. въ 10 или 12 возовъ сѣна, охотно отдають въ оброкъ до 80 к. сер. въ годъ; овецъ, по вскрытiи рѣки, перевозятъ за рѣку, на острова, и онѣ тамъ пасутся цѣлое лѣто въ лѣсу мягкой травой. Загонъ овецъ осенью бываетъ въ родѣ общественнаго дѣла, охоты, забавы. Женщины и дѣвки здѣшнiя отличныя наѣздицы. Одичалыхъ овецъ надобно ловить; дѣвки и бабы садятся на лошадей безъ сѣдла и за овцами пускаются во весь опоръ. Это — бабья кавалерiя. На всемъ скаку онѣ захватываютъ овецъ, полуодичалыхъ барановъ, и отводятъ на сборное мѣсто. Я самъ видалъ не разъ этихъ наѣздицъ, когда онѣ во весь галопъ неслись на лошадахъ по берегу Печоры; мимо квартиры князя. Здѣсь нѣтъ телегъ; если что нужно перевезти, то и лѣтомъ употребляютъ сани или вьюки.

*) Волостной голова рассказывалъ мнѣ, что у него было крупнаго скота до 100 головъ; но въ послѣднiе годы посѣтила бѣда — скотъ выпалъ; теперь осталось только до 30 головъ. Онъ живетъ въ деревнѣ Бугаевой, гдѣ столько луговъ, что доставить не на одну тысячу скота; онъ надѣется скоро развести число своего скота до прежней цифры.

Обращаюсь къ промысламъ Устьцѣмцевъ.

Занимающихся рыболовствомъ считается больше ста семей, которыя высылаютъ на ловъ семги до ста пятидесяти лодокъ.

Въ 1842 году было наловлено отъ 30 до 40 пудъ, на каждый поплавокъ; нѣкоторые наловили даже и до 50 пудъ, а потому весьма вѣроятно, какъ мнѣ сказывали, что во всей волости одной семги было наловлено до 5,000 пудъ, а можетъ быть и больше. Цѣна на нее стояла около 1. р. 15 к. сер., слѣдовательно продано на сумму около 5,750 р. сереб. Бѣлой рыбы налавливается здѣсь несравненно больше семги: я говорилъ ужъ, что на одномъ Мыльскомъ Озерѣ попадаетъ ея не одна тысяча пудъ. Кромѣ этого, есть много другихъ озеръ. Для лова рыбы отправляются нѣкоторые крестьяне въ верховья Цѣльмы и впадающей въ нее рѣки Космы, которая течетъ изъ большихъ рыбныхъ озеръ; а потому тоже весьма вѣроятно, что бѣлой рыбы налавливается ежегодно не менѣе 10,000 пудъ, а иногда и больше; въ лѣто 1842 года однихъ сига въ было послано до 5,000 пудъ. Крупная и мелкая рыба продается въ сложности около 58 к. сер. за пудъ, слѣдственно и ее продано тысячъ на шесть рублей серебромъ. Здѣсь рыболовство производится не такъ, какъ въ Пустозерскѣ: нѣтъ ни очереди, ни правилъ, какъ и гдѣ плавать и неводить, ни павъ, въ которыхъ имѣли бы участіе бѣдныя; здѣсь кто можетъ завести поплавокъ и невода, тотъ и плаваетъ, и неводитъ гдѣ захочетъ; только на тоняхъ есть очереди. Многія большія семейства имѣютъ по три поплавокъ и ловятъ въ одно время на двухъ тоняхъ; но многіе не имѣютъ никакого участія въ этомъ промыслѣ.

Немало налавливается здѣсь рябчиковъ и особенно куропатокъ, которыхъ одна семья усердныхъ охотниковъ поймаетъ въ иной годъ отъ 500 до 1,500 штукъ и больше. Цѣна на нихъ бываетъ осенью отъ 5 до 10 к. сер. за пару, а зимой и весной отъ 1 до 2 к. Для лова куропатокъ отправляются въ тундру верстъ за сто. Изъ пушнаго звѣря, Устьцѣмцы больше бьютъ зайцевъ; нѣкоторые изъ охотниковъ добываютъ до 300 штукъ, а на берегахъ рѣки Пижмы отъ 1,000 до 2,000 штукъ. Тамъ ихъ очень много.

Оленеводство доставляетъ также значительную выгоду; теперь эта часть промысла упадетъ: число оленей у Устьцѣмцевъ простирается только до 4,000 головъ.

Въ послѣднее время начали вывозить отсюда оленью шерсть,

ежегодно до 300 возовъ. Полагая въ каждомъ по 20 пудъ, оказывается, что ее ввозится отъ 5 до 6,000 пудъ; вывозятъ также небольшую партію оленьихъ роговъ.

Многіе изъ Устьцылемцевъ занимаютъ во время зимы перевозкою товаровъ на ярмарки; путь изъ Пустозерска и Ижмы лежитъ черезъ это село. Цѣна провозовъ отъ Ижмы до Устьцыльмы отъ 4 до 6 к. сер., отсюда до Мезени отъ 10 до 17, на Вашку до 25, до Москвы провозъ рассчитывается по 85 к. сер. съ пуда; разстояніе до Мезени 600, куда путь лежитъ черезъ волокъ до Мезенской Пижмы въ 230 верстъ. На этомъ пространствѣ семь зимовыхъ избъ, гдѣ путешественники и извозчики останавливаются на отдыхъ.^{*)} Дорога на Вашку проложена прямо отъ Пижмы еще чрезъ стоверстный волокъ; но здѣсь путь крайне трудный: дорогу дѣлаютъ не съ осени, а только къ ярмаркѣ и едва могутъ проѣзжать по глубокимъ сугробамъ снѣга. Товаровъ на Вашку идетъ много; главнѣйшіе изъ нихъ: разная рыба, мясо, сало, масло, шерсть, рога и языки оленей, шкуры звѣрей и проч.

По всѣмъ этимъ даннымъ, доходъ устьцылемскихъ крестьянъ простирается до 20 тысячъ руб. сер.; сумма, конечно, порядочная, но она едва достаточна для продовольствія жителей. Хлѣба, и при отличномъ урожаѣ, достаетъ здѣсь только на полгода; хлѣбъ покупной дорогъ и на него, даже при урожаѣ, выходитъ большая часть доходовъ. Бѣдное хлѣбопашество здѣшнихъ жителей выгодно только по дороговизнѣ хлѣба и возможности удобривать землю, а потому и скудный урожай вознаграждаетъ трудъ.

Въ самомъ селѣ пахотной землей надѣлены жители на каждую душу для посѣва 5 пудъ ячменя. Я замѣтилъ поля съ рожью только по Цыльмѣ. Хлѣбъ нерѣдко не дозрѣваетъ: его уничтожаютъ ранніе морозы. Жаль, что жители не увлекаются прекраснѣе примѣромъ лѣсничаго, князя Палавандова, который, для убѣжденія окрестныхъ поселенъ, разводитъ въ своемъ огородѣ разныя овощи: свеклу, рѣдьку, морковь, горохъ и, между прочимъ, картофель. Въ поляхъ ячмень еще не созрѣлъ, а картофель и рѣдька уже готовы и употребляются въ пищу. Въ прошломъ же году овощи были

^{*)} Къ будущей (1844 года) зимѣ, по распоряженію мѣстнаго начальства, назначено на каждой станціи имѣть по три лошади для ѣзды на переѣздахъ: это укоротитъ время, потребное на переѣздъ черезъ Волокъ.

лучше. Нынѣшнее лѣто началось поздно и было постоянно-холодно. Огородничество, при короткости лѣта, должно быть здѣсь важнѣе хлѣбопашества, потому что свой хлѣбъ можетъ быть замѣненъ хлѣбомъ покупнымъ; но свѣжихъ овощей и овощей, приготовляемыхъ на зиму, ничѣмъ не замѣнишь. Думаю, однакожъ, что примѣръ уважаемаго начальника подѣйствуетъ, если при этомъ облегчить крестьянамъ покупку сѣмянъ. Въ особенности должно желать распространенія картофеля, который можетъ родиться здѣсь порядочно. Я совѣтовалъ князю на будущее лѣто посѣять картофель въ полѣ и изъ урожая раздать часть поселянамъ; можетъ быть, убѣжденные въ возможности разведенія этого овоща, крестьяне займутъ его немудреною обработкою.

Слободка Устьцѣльма, основанная въ половинѣ XVI столѣтія Ивашкой новгородскимъ, заселялась сначала родичами колониста. Случайно просматривая ревизскія сказки Устьцѣльмы, я немало удивился, когда замѣтилъ, что въ народонаселеніи, въ числѣ 1,261 души мужскаго пола, записано незаконнорожденныхъ 250 душъ одного мужскаго же пола; вѣроятно, и женскаго столько же.

Устьцѣлемцы рѣзко отличаются отъ другихъ жителей Печоры. У сосѣдей ихъ, Ижемцевъ и Пустозерцевъ, вы не подмѣтите ни пьянства, ни разврата; невыгодное сравненіе пойдеть дальше, если заглянуть къ нимъ въ домъ и приглядѣться поближе къ ихъ образу жизни. Дома у большей части Устьцѣлемцевъ неопрятны, тѣсны; въ нихъ мало слѣдовъ порядочной жизни, служащей вѣрнымъ признакомъ доброй нравственности.

Наблюдая нравы и обычаи печорскихъ жителей этого края, встрѣчаешь рѣзкія особенности въ каждой волости. Печорцы Устьсысольскаго Уѣзда, обитающіе въ верховьяхъ этой рѣки, во многомъ похожи на Устьцѣлемцевъ, хотя тѣ и другіе принадлежать къ двумъ различнымъ племенамъ по происхожденію — одни Зыряне, другіе Русскіе. Тѣ и другіе одинаково негостеприимны, чуждаются сообщенія съ людьми; мѣжду-тѣмъ эти же самые люди удивляютъ Чердынцевъ исправною аккуратностью въ уплатѣ долговъ по простымъ распискамъ; они употребляютъ всѣ усилія къ окончанію расчетовъ. Но, можетъ быть, не это нравственное ихъ качество, а необходимость заставляетъ заслужить кредитъ на будущее время. Безъ Чердынцевъ у нихъ ничего нѣтъ, что нужно каждый день, отъ нитки, которою шьютъ они свое бѣлье изъ гру-

баго привознаго холста, до сукна на праздничный кафтанъ, или ситца на рубашку, на малицу — и все это отпускается на счетъ до уплаты рыбой и другими продуктами. И между этими-то людьми живутъ Ижемцы, дѣятельные, трудолюбивые, бережливые, люди съ хорошею правственностью, набожные; гостеприимные, предприимчивые, со всѣми качествами добрыхъ гражданъ, разумѣтся, нѣсколько эгонистичные, т. е. думаютъ больше о своихъ пользахъ. Но кто же и не думаетъ объ этомъ въ настоящій вѣкъ? А дальше Устьцылемцевъ Пустозерцы со всѣми тѣми же качествами, какъ Ижемцы, и вмѣстѣ съ тѣми, какъ потомки богатыхъ Новгородцевъ, роскошные, любятъ жить просторно, любятъ полакомиться, угощать радушно. Это, правда, и истощаетъ ихъ средства, но все же лучше тратиться хоть бы и неумѣренно на удовольствія, неунижающія достоинство человека, а не какъ Устьцылемцы, которые любятъ посѣщать питейный домъ.

Въпротивно, безвравственность причиною также, что жители Устьцылемской Волости большею частью малорослы и некрасивы; тамъ рѣдко встрѣтишь порядочное лицо. Въ нарѣчїи ихъ съ Пустозерцами большая разница: Устьцылемцы говорятъ нехорошо, растягиваютъ слова и къ концу рѣчи возвышаютъ голосъ, особенно женщины.

«Зачѣмъ вы не покупаете ленъ, не ткете холстъ: это заняло бы васъ зимой и сберегло бы деньги, которыя вы платите Чердынцамъ?» говорилъ я Устьцылемцамъ. — «Не умѣемъ: матери не учили насъ ни ткать, ни прятать», отвѣтять вамъ съ прищѣвомъ.

Вотъ зимнее рукодѣлье здѣшнихъ женщинъ: вяжутъ изъ шерсти чулки, перчатки, прядутъ изъ конопли нитки для сѣтей. Первое составляетъ изрядный промыселъ; произведенія изъ шерсти вывозятся изъ Устьцыльмы.

Удивительно, какъ здѣсь все дорого: цѣна соли за пудъ 75 и нерѣдко 85 к. сер.; за порохъ въ тундрѣ охотно платятъ отъ 60 к. до 1 р. сер. за фунтъ, такъ-что иногда за пудъ соли—пудъ муки, пудъ семги, два пуда бѣлой рыбы, и фунтъ пороху платятъ одно количество денегъ.

Печора противъ Устьцыльмы покрывается льдомъ недѣлей позже Пустозерска, около половины октября, и вскрывается недѣлей раньше, около половины, а иногда и въ началѣ мая.

Сегодня утромъ были у князя гости: богатый ижемскій олонецъ

водъ Каневъ съ товарищами; у него, говорятъ, едва ли не больше 4,000 оленей. *) Теперь онъ ѣдетъ въ тундру на сѣвѣну брата, который находится при стадѣ. Собственный надзоръ за этимъ бродячимъ капиталомъ необходимъ. По словамъ Ижемцевъ, Пустозерцы и Устьцѣльемцы потеряли стада отъ небрежнаго присмотра. «А отъ чего же потеряли стада Самоѣды? лучше ихъ никто не присмотритъ за оленями» спросилъ я Канева. На этотъ вопросъ, я не получилъ опредѣлительнаго отвѣта отъ Ижемца; да и въ трудно отвѣчать на него.

У Канева большой крытый карбасъ, наполненный разными припасами, необходимыми для кѣны и для собственнаго продовольствія въ тундрѣ; у него есть и ромъ и добрая водка. Ижемцы отправляются въ сѣверную часть тундры по Печорѣ до устья рѣки Шапкиной и поднимаются по ней до вершинъ, куда на урочное мѣсто въ условное время, прикочевываютъ съ стадами родные и знакомые, въ ожиданіи дорогихъ гостей изъ родины. Каневъ заводчивалъ насъ и мы едва вырвались изъ его лодки.

29 августа.

Вскій день хожу гулять по берегу Печоры. На рѣкѣ дѣятельность замѣчательная: непрерывно скользятъ по ней рыбачьи лодки, изъ которыхъ одни отправляются на тони, другіе съ неводами, третьи на сѣнокосъ, четвертые возвращаются съ рыбой. Ниже села на тонѣ лодокъ десять ждутъ очереди; около десяти лодки разбрасываютъ поплавы или собираютъ ихъ; въ этомъ плесѣ плаваютъ до 65 лодокъ. Рыбы, говорятъ, мало, а между-тѣмъ многіе привозятъ съ суточной ловли пуда по четыре и больше. Здѣсь стараются скрывать свои доходы.

Здѣшніе лѣса занимаютъ пространства 8.441,425 десятинъ, изъ которыхъ въ дачѣ ижемской считается 4.809,000, въ устьцѣльемской 3.112,000 десят., остальные находятся въ тельвисочной или пустозерской. Разумѣется, не вездѣ хорошіе лѣса, но все же ихъ очень много. Весь Мезенскій Уѣздъ составляетъ площадь болѣе 40 мил. десятинъ, а всѣхъ лѣсовъ считается до 15 милліоновъ. Эти

*) Каневы продаютъ въ иной годъ тысячу и больше оленячьихъ кожъ, переланивъ въ зимну или родугу, какъ говорятъ здѣсь.

лѣса идутъ только на постройки здѣшнихъ жителей; большая же часть гибнетъ отъ пожаровъ. Еслибы состоялась моя завѣтная мысль о компаніи, то много полезнаго устроилось бы здѣсь и, навѣрное, всѣ стороны т. е. и компанія, и жители, и казна приобрѣли бы надолго прочныя выгоды.

31 августа.

Сегодня пришли изъ Пустозерска Чердынцы съ рыбой. Опасенія тамошнихъ рыбаковъ сбылись: семга прошла въ рѣку до постановки тоней и потому ловъ въ Болвановской Губѣ былъ неудаченъ: попало на пай отъ 20 до 25 пудъ. Чердынцы закупили семги до 9,000 пудъ; высшая цѣна была 4 р. 50 к. асс. за пудъ.

6 сентября. Утро.

Въ ожиданіи гр. К., я прожилъ здѣсь немало времени. Думаю ѣхать по Ижмѣ, но боюсь, чтобъ гдѣ-нибудь въ мѣстахъ необитаемыхъ не захватилъ холодъ: оттуда трудно выбраться къ селеніямъ. Однажды, осенью, повѣренные питейнаго откупа ѣхали по Мыльвѣ; стало морозить, а они не добрались еще до переволока; тихая рѣка въ одно утро покрылась льдомъ; пѣшкомъ идти черезъ лѣсныя дебри, заваленныя поломанными лѣсами, и черезъ незамерзлыя болота такъ трудно, что они едва не умерли съ голоду. Подобные случаи бывають нерѣдко; а верховья Ижмы на большое пространство — пустыня.

Полдень. 7 сентября.

Гр. К. здѣсь, и мы завтра отправляемся вмѣстѣ. Пора! Сентябрь — здѣсь уже довольно-поздняя осень. Хотя и тепло еще, но на это тепло въ здѣшнихъ мѣстахъ надѣяться нельзя: я даже опасаюсь, доберемся ли мы до Вычегды. Плохо, если гдѣ захватитъ насъ морозъ: тогда, до возстановленія настоящаго зимняго пути, не попасть въ Устьсысольскъ.

Извѣстія, которыя я получилъ сегодня, подкрѣпили мое предположеніе ѣхать по Ижмѣ.

VI.

Путь изъ Устьцыльмы. — Ижемскій Погостъ, или Слобода. — Первые поселенцы на берегахъ Ижмы. — Число жителей. — Промыслы: земледѣіе. — Олешеводство. — Торговля. — Бытъ жителей. — Храмы ижемскіе. — Князь Палавандовъ. — Слѣдованіе по Ижмѣ. — Деревня Кадваомъ. — Биваки на берегу Ижмы. — Пороги Ижмы. — Деревня Усть-Ухта. — Путь по Ухтѣ на Выгъ. — Деревня Лачевская. — Деревня Чулки. — Деревня Ревъ-дымъ. — Рѣчка Черъ. — Путь по этой рѣчкѣ. — Волокъ. — Рѣка Черъ-вычегодская. — Порогъ Иждъ Изъя-костъ. — Рѣка Вычегда. — Деревня Ваполака. — Погостъ Ульяновскій. — Устьсысольскъ.

8 сентября.

Вчера послѣ обѣда наконецъ собрались въ дорогу. Князь отправился съ нами до Ижемскаго Погоста. Вечеромъ, не доѣхавъ до устья рѣки Ижмы, остановились на ночлегъ. Кто спалъ въ лодкахъ, а кто въ рыбачей избѣ, которую нашли на правомъ берегу Печоры. Сегодня цѣлый день помогалъ намъ попутный вѣтеръ. Не будь вѣтра, по необыкновенному мелководью Ижмы и по множеству заколовъ въ рѣкѣ, мы не прошли бы половины того, сколько пробѣжали на парусахъ. Порой порывы вѣтры были довольно-сильны. Ужъ поздно вечеромъ остановились мы на ночлегъ. Ночь была крайне темна.

Листья на деревьяхъ желтѣютъ, прибрежныя дубравы становятся разноцвѣтными; особенно красивъ видъ лиственн: ярко отдѣляются ихъ стройныя группы между темною зеленью еловыхъ лѣсовъ и боровъ сосновыхъ. Одни поля въ окрестностяхъ деревень, засѣяныя озимовой рожью, еще зеленѣютъ среди повсюду блѣднѣющей растительности.

9 сентября. Село Ижма.

Сегодня утромъ мы прѣехали сюда и, кажется, пробудемъ до завтра. Когда приставали къ берегу, толпа народа встрѣтила насъ: молва о путешественникахъ, небывалыхъ въ здѣшнемъ краѣ, предупредила насъ; здѣсь ужь давно насъ ждали.

Утро было ясное. Г. Кр..... немедля принялся за наблюденія.

Теперь надобно разсказать объ этомъ поселеніи, замѣчательномъ въ здѣшнемъ краѣ какъ промышленною дѣятельностью, такъ и богатствомъ нѣкоторыхъ изъ его жителей. Первыми поселенцами на берегахъ Ижмы были Зыряне, которые перебрались сюда изъ Яренскаго, а частью, можетъ быть, и Устьсысольскаго уѣздовъ; они поселились въ верховьяхъ Ижмы и Ухты. Есть преданіе, что обиды казаковъ, ходившихъ черезъ эти мѣста съ верхотурскою казною, заставили ихъ соединить разбросанныя поселенія и сосредоточиться на мѣстѣ нынѣшняго погоста. Къ нимъ присоединялись пришельцы изъ другихъ мѣстъ, а частью крестившіеся Самоѣды. Пришельцы смѣшались съ главнымъ зырянскимъ народонаселеніемъ; впоследствии, когда жителей собралось ужь много и не стало простора ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства, то многіе начали селиться ниже и выше по Ижмѣ, а потомъ и по Печорѣ, такъ - что теперь самое дальнее поселеніе Ижемской Волости по Печорѣ — Кожва, въ разстояніи отъ погоста, водой дальше 400, а зимнимъ прямымъ путемъ до 180 верстъ. Есть также преданіе, которое записано въ памятной книжкѣ одного Ижемца,*) что первый поселился здѣсь крестьянинъ изъ деревни Глотовой, Яренскаго Уѣзда, наречіемъ Зыряннинъ, и что къ нему присоединились пять человекъ, братья Чупровы, изъ Устьцыльмскаго прихода. Полагаютъ, что права, данныя жалованными грамматами Ивашкѣ Ласткѣ, распространялись и на Ижемцевъ. Можетъ быть, первые поселенцы Ижмы были въ вѣдѣніи дѣятельнаго новгородскаго колониста, потому мѣстности собственно Ижемцевъ подтверждены грамматами Царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича и исходатайствованы, первая, Ивашкомъ Бабиновымъ въ 7135 (1627) году, вторая — Филькой Семеновымъ въ 7157 (1649) году.')

*) Василія Попова.

*) Эти грамматы взяты чиновникомъ губернатора и съ нихъ вѣтъ списка въ Ижмѣ.

Въ Ижемской Волости считается 36 селеній, въ которыхъ 3,140 душъ одного мужескаго пола, а обоего около 6,500. Изъ нихъ по Ижемѣ, въ 24 деревняхъ, считаютъ до 5,000 душъ; прочія деревни по Печорѣ и очень немного по рѣчкѣ Неричь. Главнѣйшія изъ селеній этой волости: 1) деревня Сизябская, или, какъ называютъ Ижемцы, Кересь, *) въ которой 173 дома, въ семи верстахъ отъ погоста; въ ней предположено построить церковь, на что собрано ужь около 8,500 р. сер.; 2) Ижемскій Погостъ, или Слобода, въ которой 120 домовъ и двѣ церкви — одна каменная двухэтажная, а другая деревянная; 3) село Мокчинское за рѣкой, въ трехъ верстахъ отъ погоста; оно состоитъ изъ 110 домовъ, и въ немъ построена большая каменная церковь; 4) село Красноборское, въ 40 верстахъ ниже погоста, на правомъ берегу; въ немъ 60 домовъ и деревянная церковь.

Столь значительное народонаселеніе въ этомъ уголкѣ Печорскаго Края, вѣроятно, привлечено сюда привольемъ для скотоводства и удобной землей для хлѣбопашества. Хотя послѣднее не обезпечиваетъ ихъ въ продовольствіи на цѣлый годъ и не избавляетъ отъ необходимости покупать привозный хлѣбъ, но, при дороговизнѣ его, все же доставляетъ хорошее вознагражденіе за трудъ. Когда селенія по Ижемѣ были не такъ многочисленны, то земли пахотной и сѣнокосной было достаточно; но теперь приходится ее только отъ 800 до 1,000 квадратныхъ сажень, а покосовъ отъ 50 до 75 волоковыхъ кучъ на ревизскую душу. Пахотныхъ земель считается только 1,211, а сѣнокосныхъ 5,750 десятинъ; это заставляетъ нѣкоторыхъ переселяться съ береговъ Ижмы на привольные берега Печоры.

Вотъ извлеченіе изъ отчета о земледѣліи Ижемцевъ, составленнаго въ Волостномъ Правленіи за 1842 годъ. Посѣяно было

озимаго хлѣба	148 четв.
яроваго	823 «
снято въ томъ же году озимаго	468 «
яроваго	2,809 «

Если полагать, что эти свѣдѣнія хотя приблизительно - вѣрны, и если озимаго въ 1841 году посѣяно столько, какъ въ 1842 году, то урожай ржи оказывается довольно плохъ — не больше какъ самъ-

*) Кересомъ называютъ мѣста возвышенныя.

третей; урожай ярового немногимъ выгоднѣе. Рѣпы родилось въ 1840 году 200 ушатовъ (ушатъ вмѣщаетъ около трехъ или четырехъ ведръ), картофеля выкопано 35 четвертей.

Ижемцы изстари были хорошіе скотоводы. Масло ижемское извѣстно отличнымъ вкусомъ. *) Въ настоящее время Ижемцы имѣютъ рогатаго скота: бѣдные до 5, средніе до 10, богатые до 30 головъ и больше; держать также и овецъ десятка по три. Всего скота считается по Ижмѣ:

рогатаго	3,125 головъ.
лошадей	1,220 "
овецъ	2,500 "

Но въ этихъ цифрахъ я сомнѣваюсь: по моему мнѣнію скота на Ижмѣ больше.

Самый прибыльный изъ промысловъ Ижемцевъ—оленоводство; оленей у нихъ считается, какъ я говорилъ уже въ статьѣ о Самоѣдахъ, по свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, до 124,000. Полагаютъ, однакожъ, что это число далеко не опредѣляетъ всего числа оленей, которыхъ, вѣроятно, до 200,000. Оленеводствомъ занимаются 244 семейства; иные имѣютъ по сотнѣ, по двѣ и по три; пятьсотъ оленей составляютъ порядочное стадо, но многіе имѣютъ до 1,000; богатыми считаются тѣ, которые насчитываютъ въ своихъ стадахъ отъ 2 до 4,000 и больше. Въ статьѣ о Самоѣдахъ я говорилъ уже какъ скоро Ижемцы усилились въ оленеводствѣ, эта промышленность обогатила ихъ, и теперь доставляетъ большіе доходы. Въ замшу передѣлывается ежегодно на двѣнадцать заводовъ, отъ 30 до 35,000 оленьихъ кожъ; часть ихъ употребляется на перчатки, которыя вывозятся отсюда на ярмарки; но много еще продается и невыдѣланныхъ кожъ. Оленина въ этой сторонѣ, особенно между Зырянami, составляетъ лучшую постель; много оленьихъ кожъ употребляется на платье и на чумы; малицы продаются на ярмаркахъ цѣной отъ 6 до 10 р. сер. каждая. Судя по этому, я полагаю, что ежегодно, въ разныхъ видахъ, продается оленьихъ кожъ болѣе 50,000. Невыдѣланныя оленины кожи продаются отъ 8 до 10 р. сер. за десятокъ, а лучшія—и дороже. Выдѣлка стобитъ отъ 2¹/₂ до 3 р.; выдѣланныя продаются разными цѣнами, отъ 17 до 20 р. сер. и

*) Молчановъ, описатель Архангельской Губерніи, и другіе, полагаютъ, что здѣсь можно было бы дѣлать сыры, не хуже голландскихъ.

дороже, смотря по добротѣ; впрочемъ, цѣны и на этотъ товаръ непостоянны: иногда цѣна возвышается, иногда падаетъ, смотря по требованію. Замшу покупаютъ преимущественно Галичане и большею частью въ кредитъ. За полученіемъ денегъ и по другимъ торговымъ дѣламъ, Ижемцы ежегодно ѣздятъ на нижегородскую ярмарку.

По собраннымъ мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣніямъ, мяса оленьего потребляется и поступаетъ въ продажу до 70,000 пудъ; обыкновенная цѣна на него отъ 28 до 43 к. сер. за пудъ.

Рыболовная промышленность жителей Ижмы тоже весьма значительна. Я встрѣчалъ ихъ въ верховьяхъ Усы и на устьѣ Ельцы; они неводятъ на истокахъ рѣкъ Кечъ - пели, Лѣмвы, Косыи, Сыни и ловятъ во всѣхъ почти рѣкахъ и озерахъ обѣихъ тундръ, а равно на Печорѣ и Ижмѣ. Поэтому доходъ, получаемый ими отъ рыбы, долженъ быть довольно значителенъ. Ижемцы вывозятъ рыбу на Небдинскую ярмарку, въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ и на Вашкинскую въ Яренскомъ; сбываютъ и въ другія мѣста: въ Мезень, Пинегу. вмѣстѣ съ печорскою рыбою, они привозятъ рыбу вауральскую, т. е. обскую, осетровъ и шиповъ (тоже родъ осетрины).

Многіе изъ Ижемцевъ занимаются и звѣроловствомъ.

Зажиточные Ижемцы производятъ значительную торговлю, покупая товары на ярмаркахъ и у Чердынцевъ, и сбывая ихъ въ Слободѣ, въ погостахъ, въ деревняхъ, въ тундрѣ, на устьѣ Лѣмвы, въ Устьцыльмѣ и Пустозерскѣ; продаютъ на деньги, размѣниваютъ на произведенія края, ссужаютъ въ долгъ, съ условіемъ заплатить рыбой, шкурами звѣрей, дичью и прочимъ; и въ этой мелкой коммерціи дѣйствуютъ дѣятельно, неутомимо, съ толкомъ и осмотрительностью опытныхъ торгашей. Вѣроятно, самый выгодный ихъ торгъ прежде былъ въ глуши тундры, гдѣ за чарку водки, порой, вымѣнивали шкуру какого-нибудь звѣря.

Въ настоящее время нѣкоторые изъ Ижемцевъ имѣютъ значительные капиталы, живутъ съ избыткомъ, имѣютъ хорошіе дома, съ чистыми комнатами, любятъ пить чай, водку, даже ромъ и виноградныя вина; одѣваются щеголевато; обыкновенное, ежедневное платье ихъ лѣтомъ и зимой большею частью малица, съ ситцевой цвѣтной рубашкой, а въ праздники надѣваютъ сюртуки и кафтаны изъ тонкаго сукна, лисья и мерлушчатая шубы. Въ домашнемъ быту у нихъ есть свои особенности: ижемскія женщины не щего-

леваты, какъ пустозерскія, но и не похожи на неопрятныхъ Усть-цылемокъ, а къ тому же очень прилежны къ работѣ. Въ Ижмѣ женщины не допускаются въ дружескую бесѣду мужчинъ, за общее питье чая и т. п. Часто случается, что женщины исправляютъ мужскія полевыя работы съ наемными работниками, вывозятъ на поля навозъ, убираютъ скотъ или заняты другими хозяйственными дѣлами, мѣжду-тѣмъ, какъ мужа ихъ сидятъ за самоваромъ, распивая чай, часто съ надбавкой коньяка или рома. У Пустозерцевъ, напротивъ, работаютъ больше мужа, когда ихъ супруги пьютъ чай. Ижемскія женщины трудолюбивы и хорошия хозяйки, чему доказательствомъ служитъ отличный порядокъ въ домахъ. Сверхъ того, онѣ отличаются доброю нравственностью и строгостью правилъ. Здѣсь рѣдки примѣры дурнаго поведенія; и только, какъ говорятъ, въ послѣднее время пошли слухи объ этомъ, а прежде было «не-слыхано.»

Здѣсь огородничество довольно развито. Ижемцы разводятъ капусту, рѣпу, рѣдку и лукъ; всѣ эти овощи сажаютъ въ огородахъ; хоть и немного, но часть идетъ на продажу, довольствуя жителей печорскихъ даже до Колвинскаго Погоста. Между прочимъ, когда отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ было приглашеніе къ распространенію посѣвовъ картофеля, трои ижемскихъ крестьянъ посылали нарочно въ Устьысьольскъ за картофелемъ, посадили его въ своихъ огородахъ и изъ урожая роздали картофель родственникамъ и знакомымъ, употреба на это доброе дѣло около 150 р. сер. — пожертвованіе не маловажное для деревенскихъ торговцевъ! Это начало имѣло полезныя послѣдствія: хорожіи урожай убѣдилъ многихъ, что въ посѣвѣ картофеля труды не пропадаютъ, и потому разведеніе его усилилось.

Дѣятельность Ижемцевъ проникаетъ повсюду: они и фабриканты, и торговцы, и оленеводы, и рыболовы, и хлѣбопашцы, сколько возможно по климату; никакое прибыльное дѣло имъ нечуждо; они разсѣяны въ верховьяхъ рѣкъ и дальнихъ предѣлахъ тундръ, на армаркахъ и въ Архангельскѣ; они вездѣ дѣйствуютъ, торгуютъ и промышленяютъ. Вотъ еще замѣчательная черта жителей Ижмы — усердіе къ Церкви: ежегодно одинъ, или два карбаса съ богомольцами отправляются по Ижмѣ, Ухтѣ, Выми, Вычегодѣ и Двинѣ въ Архангельскъ и оттуда въ Соловецкій Монастырь. Церкви ижемскія хорошо украшены, особенно въ селѣ Мочинскомъ. Въ Слободѣ, въ

каменной церкви во имя Преображенія Господня, есть нѣсколько большихъ образовъ съ дорогими серебряными ризами подъ золотомъ; особенно богата риза на образѣ Иліи Пророка; есть дорогіе сосуды и евангелія; недавно куплены два облаченія для священника и діакона, за которыя заплачено 430 р. сер.; на колокольнѣ въ Слободѣ довольно-большіе колокола; одинъ въ 300 пудъ. Я говорилъ ужь, что жители деревни Кересь, или Сизабской, несмотря на то, что живутъ вблизи двухъ погостовъ, вознамѣрились построить церковь и собрали ужь на сооружеііе ея значительную сумму.

Давно ли построены здѣсь первыя церкви — свѣдѣній нѣтъ; но сохранились грамматы слѣдующаго содержанія:

1) 1728 года холмогорскаго архіепископа Варнавы на построение новой церкви, намѣсто сгорѣвшей, во имя Преображенія Господня съ придѣломъ Иліи Пророка.

2) 1744 года грамота архангельскаго архіепископа Варсоноія на освященіе церкви во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ Святителя Николая.

3) 1774 года архіепископа Веніаміна на освященіе новой церкви, намѣсто сгорѣвшей Преображенской.

4) 1791 года его же на построение церкви намѣсто сгорѣвшей Успенской.

5) 1803 года епископа Евлампія на построение каменной церкви, которая освящена въ 1821 году и существуетъ понынѣ.

Есть также свѣдѣніе, что до 1821 года въ Ижмѣ было послѣдовательно 14 священниковъ. Неизвѣстно, когда пять первые управляли этимъ отдаленнымъ приходомъ, а шесть послѣдніе поступили съ 1730 года. Церковнослужителямъ даны луга на 300 копенъ. Изъ памятной книжки крестьянина Попова я буквально выписалъ слѣдующее оригинальное замѣчаніе:

«Въ 1837 году, мѣсяца сентября 13 числа Поповъ уѣхалъ въ Петербургъ по довѣренности отъ Общества. Головою Пращенія былъ тогда Іовъ Никифоровичъ Поповъ. Путешествіе было долгое за распутицей; индѣ шли пѣшкомъ и на лыжахъ; въ Петербургъ пріѣхали ноября 26 дня; товарищемъ былъ Евтропій Ивановъ Филишовъ. Въ 1838 году мѣсяца ноября 26 числа пріѣхали, по нашимъ просьбамъ, слѣдователи, большіе чиновники, которые въ Ижмѣ не бывали отъ начала міра.» Это замѣтки жителя Ижемскаго.

Я говорилъ уже, что своего хлѣба здѣсь никогда не доставало

на годовое продовольствіе; его покупаютъ отъ Чердынцевъ и часть привозятъ съ Вычегды, съ которою этотъ край имѣетъ непрерывное сношеніе. Ижемцы, отправляясь на Небдинскую ярмарку съ рыбой, привозятъ съ Вычегды рожь и ячмень на сѣмена, а также и муку Въ нынѣшнюю весну одинъ крестьянинъ съ береговъ Вычегды, изъ села Керчемы, вывезъ къ верховью Ижмы муки до 10,000 пудъ и оттуда сплавилъ ее на плотахъ въ Слободу. Я слышалъ, что къ будущему году подрядили его на поставку муки до 15,000 пудъ. И въ -самомъ - дѣлѣ, ни откуда выгоднѣе нельзя доставлять сюда хлѣбъ, какъ съ Вычегды, гдѣ иногда излишекъ продать некуда, особенно когда нѣтъ требованія въ Архангельскѣ.

Ижемцы говорятъ чистымъ зырянскимъ языкомъ. Я говорю— чистымъ, потому - что они меньше употребляютъ русскихъ словъ, чѣмъ другіе Зыряне; кромѣ того, ихъ выговоръ и произношеніе мягче. Впрочемъ, у нихъ есть слова, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Вычегодцевъ. Ижемцы, тоже какъ Устьцылемцы, при окончаніи рѣчи возвышаютъ голосъ; не знаю, кто изъ нихъ у кого перенялъ рѣчь съ припѣвомъ.

Такъ - какъ рѣка Ижма по - зырянски называется Изъва, *) то Ижемцевъ въ Устьсысольскомъ Уѣздѣ называютъ Изъ-ватасъ.

Изстари Ижемскую Слободу посѣщали торговцы изъ разныхъ мѣстъ. Говорятъ, что прежде пріѣзжали сюда купцы изъ Мезени, Пинеги, также изъ Холмогоръ, Архангельска и даже Вологды и Москвы; но такъ-какъ теперь Ижемцы находятъ уже сами сбытъ произведеній края, то съѣздъ торговцевъ уменьшился. За всѣмъ тѣмъ число пріѣзжихъ въ продолженіе 1842 года, по свѣдѣніямъ мѣстнымъ, простиралось до 450 человекъ; въ числѣ ихъ были: Мезенцы, Пинежане и частью Зыряне изъ Устьсысольскаго Уѣзда.

10 сентября.

Погода удивительно-хороша; тепло какъ въ июлѣ; вчера вечеромъ было даже много мошекъ.

По наблюденіямъ г. Кр., Ижемская Слобода находится подъ 65° сѣверной широты.

*) Чтѣ, вѣроятно, произошло отъ слова изъ-ва, т. е. каменная рѣка.

Сегодня принесли намъ оленій рогъ, который былъ вышиною около 5 четвертей и вѣсомъ 12 фунтовъ. Говорятъ, бываютъ рога вышиной до 2 аршинъ. Удивительно, какъ олень — это слабое животное, можетъ носить на головѣ такую тяжесть!

Въ 5 часовъ пополудни мы отправились въ путь. Здѣсь я простился съ добрымъ княземъ Е. О. Палавандовымъ. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ. Родина его Грузія. Обстоятельства забросили его, жителя юга, сначала въ Прибалтійскій Край, а потомъ на берега Печоры. Проживъ большую часть жизни подъ небомъ полуденнымъ, онъ нескоро привыкъ къ сѣвернымъ вьюгамъ; къ длиннымъ зимнимъ ночамъ полярнаго края. Но теперь онъ примирился ужь съ своей судьбой — и тоска по родинѣ меньше тяготитъ его.

Ласковымъ обращеніемъ со всѣми, справедливостью, радушіемъ онъ приобрѣлъ самое искреннее уваженіе жителей береговъ Печоры; каждый идетъ къ нему за совѣтомъ или разбираться въ спорѣ, и никто не уходитъ ни безъ совѣта, ни безъ пособія; рѣшеніемъ его спорщики всегда остаются довольны. Онъ помогаетъ бѣднымъ въ покупкѣ хлѣба; трудолюбивымъ крестьянамъ и Ижемцамъ у него самый радушный приемъ; пришелъ, или пріѣхалъ гость — тотчасъ подаютъ чай и иногда съ подбавкой. Всегда спокойный, благоразумный и радушный, онъ приобрѣлъ искреннюю привязанность и довѣріе. Совѣту князя охотно слѣдуютъ самые грубые изъ жителей края, а тѣмъ болѣе Ижемцы, въ нравахъ которыхъ много добраго и похвальнаго; хорошее находитъ онъ даже и въ Устьцылемцахъ. Всѣ торгующіе по Печорѣ считаютъ обязанностью проѣздомъ завернуть къ князю, увѣренные въ добромъ приемѣ. Князю около 40 лѣтъ. Много любопытнаго сообщилъ онъ мнѣ о своей гористой родинѣ и о нравахъ жителей своей отчизны. Онъ получилъ азіатское воспитаніе: ловко сидѣтъ на конѣ, стрѣляетъ въ цѣль на всемъ скаку, искусно владѣтъ саблей — было главнымъ упражненіемъ его въ молодости. Для изученія арабскаго языка онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Константинополѣ и, конечно, не воображалъ, чтобъ судьба заброситъ его когда-нибудь съ береговъ Босфора на пустынные берега Печоры.

11 сентября.

Почевать остановились мы на пустомъ берегу. Поутру прохо-

шли мимо деревни Мошг-Ельской и Щельи. Первая въ 16, а вторая въ 18 верстахъ отъ погоста. Теперь ужъ мало встрѣчаемъ песчаныхъ мелей; берега становятся каменисты и круты; дно устлано камнемъ. Вдоль рѣки, вмѣсто луговъ, неширокая ласта, а дальше лѣсъ. Идетъ дождь; чрезвычайно темно: нельзя различать русла рѣки въ густомъ мракѣ осенней ночи.

12 сентября.

Останавливались ненадолго въ деревнѣ Карта-Ельской, въ 70 верстахъ отъ погоста. Въ ней 16 домовъ. Сегодня ясно. Вдоль Ижмы постоянно тянется узкая ласта и видѣ довольно высокія боровья мѣста. Въ половинѣ сентября здѣсь ужъ поздняя осень; повсюду обнаженные кустарники, завядшая трава, покрытая ковромъ изъ желтыхъ листьевъ; только лиственничныя рощи ярко отличаются между темною зеленью елей и сосенъ своимъ желтозолотистымъ цвѣтомъ.

Около полудня были при устьѣ рѣчки Очъ-ю, гдѣ пробывши довольно-долго. Г. Кр. дѣлалъ наблюденія. Вечеромъ прошли мимо устья рѣчки Кай-ю; эти истоки впадаютъ въ Ижму съ правой стороны. На ночлегъ остановились довольно-поздно.

13 сентября.

На ночлегѣ, по неосторожности рабочихъ, моя лодка прошедшею ночью накренилась къ одному борту и начала наполняться водою; хорошо, что холодная вода разбудила рабочихъ; немало перемочили разныхъ вещей, а могло быть еще хуже.

Погода прекрасная. Утромъ прошли мимо устья порядочной рѣчки — Кедвы, впадающей въ Ижму съ лѣваго берега; Ижма больше и больше мелѣетъ и уменьшается съ отходящими притоками, что немало замедляетъ нашъ ходъ. На устьѣ Кедвы есть деревня, окруженная лиственничными рощами, или, лучше сказать, деревня находится въ крупномъ лиственничномъ лѣсу. Говорятъ, что въ прошломъ году 14 сентября здѣсь выпалъ снѣгъ больше чѣмъ на поларшина и не стаялъ: не весело будетъ, если случится подобное и въ нынѣшнемъ году. Берега однообразны; подлѣ рѣки повсюду тянется кайма ласты. Сегодня проходили мимо значительныхъ возвышенностей, покрытыхъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Въ деревнѣ Кедва - вомъ по - зырянски, или Усть - Кедвинской, крестьяне, вѣроятно, узнавъ отъ рабочихъ, что я ѣздилъ на устье Печоры съ предположеніями о развитіи торговли, наивно обратились ко мнѣ съ просьбою объ устройствѣ канала. «Устрой, пожалуйста, каналъ и вози къ намъ хлѣбъ» — говорили они. Нынѣшній годъ морозъ убилъ у нихъ всѣ посѣвы и они питаются рѣпой, молокомъ и остатками прошлогоднихъ запасовъ; а что будетъ зимой, Богъ знаетъ! Бѣдные — промысловъ здѣсь мало! Я совѣтовалъ имъ разводить картофель, какъ подспорье въ хлѣбѣ, на случай неурожаевъ, но они, покачивая головами, съ видомъ недовѣрчивости отвѣчали: «На картофкѣ не долго проживешь.»

Недалеко еще прошли мы по Ижмѣ отъ погоста, а здѣсь ужъ жители бѣднѣе низовыхъ, потому-что мѣстность менѣе выгодна.

Теперь мы на ночлегѣ. Огни на берегу разведены во многихъ мѣстахъ. Ночь темна, хоть глазъ выколи; вокругъ лиственничный боръ; лучи свѣта, падая на ближайшія деревья, ярко освѣщаютъ ихъ; искры несутся къ ихъ вершинамъ, дальше — сумракъ, а еще дальше — темная сѣнь дремучаго лѣса.

Кругомъ пылающихъ костровъ толпятся и хлопчутъ люди; нѣсколько котловъ висятъ на огнѣ; рабочіе сушатъ платье и грѣются; для насъ готовъ самоваръ; скоро испекутся блины; всѣ рады отдыху. Пустыня ожила съ приходомъ людей; огни озарили мракъ осенней ночи; въ глубинѣ же лѣса тѣнь стала еще мрачнѣе; порой слышны заунывная русская пѣсня и говоръ разсказовъ бивачныхъ. Пройдетъ еще часъ — и все умолкнетъ вокругъ потухшихъ огней. Давно ужъ всѣ ждутъ покоя. Сегодняшній бивакъ нашъ разнообразится нѣсколькими изъ мѣстныхъ жителей; они пришли къ намъ съ рыбной ловли; внимательно и неподвижно смотрятъ они на пришельцевъ.

Придетъ ли пора, когда жизнь промышленная озаритъ богатства здѣшней пустыни и богатства эти принесутъ пользу человѣчеству? Впрочемъ, на все есть своя пора: рано ли, поздно ли, а придетъ она. Предположенія, кажушіяся теперь инымъ несбыточными, осуществляются, упростились для понятій, и люди, можетъ быть, возьмутъ на себя трудъ воспользоваться выгодами этого обширнаго края. Вѣдь недавно еще Сибирь имѣла одностороннее значеніе и нога образованнаго человѣка не заходила въ лѣсистыя болота и горы прибрежьевъ средней и верхней Тунгуски; но слу-

чайно нашлось золото — и промышленники оживили страну, являсь въ нее тысячами, пренебрегая жестокимъ климатомъ, недостаткомъ припасовъ, удаленіемъ отъ населенныхъ мѣстъ. Такъ и сюда, можетъ быть, случай привлечетъ промышленность и для края придетъ его счастливая пора.

Въ темную осеннюю ночь видъ огней радуетъ человѣка и какъ-будто озаряетъ и мракъ мыслей. Часть плаванія нашего до этого становища совершилась сегодня въ темнотѣ; безмолвно плыли лодки въ руслѣ темной рѣки, подлѣ береговъ, гдѣ мракъ былъ еще гуще. Однакоже ли дѣйствовали на всѣхъ эти темень и безмолвіе—не знаю; но что касается до меня, то грусть тяжелымъ свинцомъ налегла на мою душу. То казалось мнѣ, что я одинъ въ этой пустынѣ, что изъ нея нѣтъ выхода туда, гдѣ живутъ мои родные и друзья и гдѣ тихо пронеслась моя молодость; то не вѣрилось мнѣ, что я совершилъ полезный трудъ, за который люди скажутъ спасибо; то не довѣрялъ я себѣ въ произведенныхъ изысканіяхъ, въ основательности предположеній моихъ, или упрекалъ себя, что не обозрѣлъ уральскій притокъ Оби до ея русла, забывая, что недостатокъ припасовъ и отсутствіе проводниковъ воротили меня отсюда; то, наконецъ, думалось, что плоды тѣхъ лишеній, которымъ я добровольно подвергался, созрѣютъ не для меня, или потонуть въ Ледѣ. Но вотъ мы пристали къ берегу; запылали огни и тяжелыя мысли улеглись. Пустыня ожила и трудъ мой представился мнѣ съ благодатными его послѣдствіями; на упреки нашлись извиненія, и наконецъ мечта, разогрѣтая стаканомъ ароматнаго чая и живою картиною дѣятельности людской, радушно рисовала будущее. Пусть же будущее рѣшитъ, кто былъ правъ въ настоящемъ случаѣ: мракъ или свѣтъ являлъ мнѣ истину неизбежнаго грядущаго.

14 сентября.

Утромъ прошли мимо деревни Винлинской, въ 150 верстахъ отъ погоста; она на лѣвомъ берегу Ижмы; въ ней всего четыре двора. Здѣсь мы останавливались ненадолго; потомъ, проходя мимо деревни Ужь-пель, или Порожской, въ 10 верстахъ отъ деревни Винлинской, на лѣвомъ же берегу Ижмы, завернули въ нее ненадолго. Основатель этой деревни восьмидесятилѣтній старикъ

Рачевъ, поселившійся здѣсь, около полуѣвка назадъ, живетъ въ ней съ пятью сыновьями въ четырехъ дворахъ. По словамъ его, въ Ижмѣ прежде было много рыбы, но теперь заколы въ устьяхъ рѣки не пускаютъ рыбу къ нимъ въ верховья.

Отсюда начинаются по Ижмѣ пороги, а потому мы взяли одного изъ внуковъ старика въ проводники. Подъемъ между камнями, по быстринѣ, опасенъ. Первый порогъ называется по-зырянски Ужь-Пель-Косьтъ.^{*)} Мы поднялись на него съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что удобный проходъ для лодки по срединѣ рѣки, а бичева едва хватила до берега. Мою лодку чуть не залило: стремленіе воды чрезвычайно быстро, и тѣмъ труднѣе подниматься, что проходъ съ извилинами. Черезъ второй порогъ, называемый Гырьсь-изъ-Косьтъ (порогъ большіе камни) мы поднялись въ сумерки; большіе камни торчатъ по всему руслу рѣки на довольно большомъ протяженіи: Это множество камней, едва покрытыхъ водой, стѣсняетъ ее, и она стремится между ними съ страшною быстротою.

Уже было темно, когда подходили къ третьему порогу, Селемъ-косьтъ (Сердечный порогъ). Шумъ отъ него издали доносился къ намъ; Селемъ-Косьтъ главный порогъ по Ижмѣ. Въ сумракѣ вечера мы не рѣшились подниматься черезъ эту кипящую стремнину и расположились ночевать немного ниже его, на правомъ берегу. Когда мы сидѣли у пылавшихъ огней за стаканомъ чая, гр. Кр. дѣлалъ астрономическія наблюденія. Было ясно; яркосіявшія звѣзды на темномъ горизонтѣ привлекли его вниманіе; издали едва видѣнъ свѣтъ фонаря, куда удалился онъ для созерцаній свѣтъ небесныхъ. Онъ былъ радъ, что удалось ему очень хорошо взять высоты полярной звѣзды. Г. Кр. дорого цѣнитъ успѣхъ своихъ наблюденій; неменѣе того графъ доволенъ находками окаменѣлостей въ этомъ неизслѣдованномъ краѣ; особенно по Ижмѣ мѣстами чрезвычайно много полиповъ, которыхъ въ просторѣчій называютъ чортовы палцы, а Зыряне — куль-чунь. Миѣ кажется, можно было бы нагрузить наши лодки только тѣми полипами, которые лежатъ на поверхности земли — такъ ихъ здѣсь много.

Обширный Печорскій Край — богатая жатва для ученыхъ путешественниковъ.

^{*)} Порогъ — жеребачье ухо: ужъ значитъ жеребецъ, пель — ухо, косьтъ — порогъ.

Дно рѣки — сплошной камень; все показываетъ, что Ижма въ этомъ мѣстѣ прорывается сквозь горный хребетъ.

15 сентября.

Мы встали рано и благополучно поднялись черезъ Сердечный Порогъ; вскорѣ потомъ прошли четвертый порогъ, Бобренокъ, пятой—Эшъ-Горшъ, что значитъ: бычье горло; шестой—Разливной, седьмой—Грива, восьмой—Дресвянка и девятый—Стрѣгаловъ; особенно послѣдній для подъема очень труденъ: работали всѣ до усталости. Берега Ижмы здѣсь возвышенны, особенно въ порогахъ, которые всѣ находятся не болѣе какъ на протяженіи 15 верстъ; повсюду лиственничные лѣса, хотя вездѣ большею частью некрупные.

Немного позже полудня, пройдя всѣ пороги, мы останавливались въ деревнѣ Якимовой, на лѣвомъ берегу рѣки. Первый переселенецъ сюда былъ Якимъ, теперь очень зажиточный крестьянинъ; у него довольно скота, порядочная пашня. Говорятъ, что трудно было сначала обзаводиться на новомъ мѣстѣ, особенно во время неурожайныхъ годовъ, которые средъ семь лѣтъ тяготили этотъ край. На берегу рѣки построена маленькая часовня; въ ней поставлены образа, передъ ними виситъ лампада, на полкѣ — свѣчи, курильница, ладанъ. Сюда набожный старикъ ходитъ молиться Богу; здѣсь они встрѣчаютъ всѣмъ семействомъ праздники.

Купили и велѣли зарѣзать барана; припасы начинаютъ истощаться. Неуддя около пяти верстъ до деревни Усть-Ухтинской, принуждены были остановиться на ночлегъ. Ночь необыкновенно темна, и какъ ни старались добраться до этого поселенія, не было возможности; рабочіе падали, идя по неровному берегу. Теперь сильный вѣтеръ шумитъ и качаетъ деревьями; скрипъ и вой раздаются въ глухой пустынѣ дремучаго лѣса; быстро несутся тучи; порой вихри разрываютъ ихъ и тогда видны звѣзды; порой падаютъ крупныя капли дождя; бивачные огни наши нѣсколько озарили мрачную окрестность.

Мы расположились подъ навѣсомъ сѣннаго стога и пьемъ чай. Гр. Кр. страдаетъ отъ нарыва, а въ такомъ пути и въ такую пору это не находка.

Говорили объ Устьсысольскѣ; это теперь завѣтный пунктъ для всѣхъ насъ: мѣсто отдохновенія послѣ неудобствъ и трудовъ дальняго пути; но до этого-то завѣтнаго Устьсысольска еще очень далеко: если Богъ дастъ теплую погоду, то и тогда добрыхъ недѣли двѣ пути, а въ морозы не добраться и въ два мѣсяца; а всѣ желанія и мысли теперь сосредоточиваются на одномъ: какъ бы выбраться изъ пустынь, какъ бы прибыть въ Устьсысольскъ: тамъ ждутъ насъ вѣсти отъ нашихъ ближнихъ, съ которыми мы не имѣли сношеній нѣсколько мѣсяцевъ; мы были совершенно отчуждены отъ нихъ. Трудно имѣть сношенія съ Запечорскимъ Краемъ; ни о комъ и ни о чемъ не знали мы; никто не зналъ и о насъ, какъ - будто цѣлая часть свѣта раздѣляла насъ съ отчизною — положеніе грустное, особенно когда есть заботы о семьѣ, о ближнихъ.

Между-тѣмъ беспокоитъ насъ и позднее время; а пустыня, которую предстоитъ намъ проѣхать, пространства не на одну сотню верстъ; случись заморозы гдѣ-нибудь въ верховьяхъ Ухты, или на истокахъ Выми, а тамъ нѣтъ селеній на пространствахъ 300 верстъ и придется или жить тамъ, или оставить всю поклажу (которой у насъ довольно) и выбираться налегкѣ, пѣшкомъ, черезъ незамерзлыя болота непроходимыхъ дебрей, а не то, можно умереть съ голоду. Поэтому многіе изъ жителей не совѣтуютъ подниматься по Ухтѣ, которая, говорятъ, очень мелководна и камениста: по ней ходу, по ихъ измѣренію, разумѣется, всегда невѣрному, немного больше ста верстъ, но считаютъ до ста пороговъ; заволочныя рѣчки очень малы, кругомъ широкія болота и нигдѣ нѣтъ селеній. Говорятъ, ближе идти къ верховью Ижмы, потомъ по рѣчкѣ Черѣ, отъ нея волокъ на Черу Вычегодскую; если тамъ рѣка еще меньше, то по - крайней - мѣрѣ есть изрѣдка поселенія, возникшія въ этой пустынѣ недавно больше 200 верстъ. Озабоченные предстоявшимъ путемъ чрезъ истоки маленькихъ рѣкъ и волока въ позднюю пору осени, мы часто говоримъ объ Устьсысольскѣ, откуда уже открытый путь всюду и во всякое время, и этотъ маленькой городокъ теперь цѣль желаній нашихъ, предметъ ожиданій и толковъ; а въ какой дали еще отъ насъ и когда мы доберемся до него!

16 сентября. Деревня Усть-Ухта, по-зырянски Вуква-Вожь.

Сюда прибыли сегодня утромъ. Это селеніе на лѣвомъ берегу

Ижмы и состоитъ изъ десяти домовъ; до Устья Ухты около версты. Здѣсь встрѣтили крестьянъ Ижемскаго Погоста: они плывутъ съ верховья этой рѣки въ двухъ осиновыхъ стругахъ и везутъ нѣсколько кулей хлѣба съ Вычегды. Совѣтовали и намъ отправиться по этому пути, какъ болѣе удобному; было не мало разсужденій, и потомъ рѣшились: графъ, налегкѣ, въ моей лодкѣ поѣдетъ по Ухтѣ; мы съ гр. Кр. по Ижмѣ и рѣчкѣ Черъ. Сегодня цѣлый день были хлопоты; большая лодка отсылается въ Ижемскій Погостъ; купили новыя три лодки и одинъ стружокъ; крыли берестомъ, перекладывались. На берегу кипитъ необыкновенная дѣятельность: кто работаетъ, кто смотритъ на небывалое многолюдство и увеличиваетъ группу народа. Короткій осенній день незамѣтно прошелъ; остались ночевать въ домѣ двухъ братьевъ, которыхъ довольно-многочисленная семья состоитъ изъ 22 человекъ и всѣ они помѣщаются въ одной избѣ, не находя въ этомъ никакого неудобства.

Отъ устья Ухты до Ижемскаго Погоста считаютъ до 200 верстъ, а мнѣ кажется много больше.

17 сентября.

Сегодня встали очень рано; утра уже довольно холодна. Часовъ въ 9 отправился гр.; мы ждали пока испекутъ хлѣбъ и въ 11 часовъ сѣли въ лодки. Наша эскадра состоитъ изъ четырехъ лодокъ съ 13 человекъ экипажа.*) Рѣка Ухта впадаетъ въ Ижму съ лѣвой стороны по направленію отъ Н.

Въ полдень прошли мимо устья рѣчки Ай-ю, впадающей съ правой стороны; верстахъ въ восьми отъ нея, на правомъ берегу, поселеніе Пожня, состоящее изъ двухъ домовъ. Эта деревенька находится на границѣ Мезенскаго и Устьсольскаго Уѣздовъ; отъ нея вступили мы въ Вологодскую Губернію.

Выше устья рѣки Ухты по Ижмѣ поднимаются одни рыболовы и иногда по этому пути Ижемцы ходятъ на Вычегду за хлѣбомъ; а настоящій древній путь лежитъ по Ухтѣ; отъ нея волокъ около восьми верстъ; Нашомъ-Ухту, которая впадаетъ въ рѣчку Яю, а эта — въ Вымь. По этому пути Ижемцы отправляются на богомолье въ Соловки и на нижегородскую ярмарку. Должно полагать,

*) Двѣ лодки, крытыя берестомъ, одна парусомъ, одна вовсе непокрыта.

въ старину была значительная торговая дѣятельность на этихъ рѣчкахъ, когда товары Печоры и зауральскіе находили по нимъ единственный путь сбыта на Русь.

Отходящіе истоки Ижмы значительно уменьшаютъ ея воды: Ухта убавила наполовину. Послѣ Ай-ю, на закатѣ солнца прошли мимо устья рѣчки Седь-ю (Черная Рѣчка). По рѣчкѣ Ай-ю поднимаются рыболовы до 200, а по рѣчкѣ Черной до 150 верстъ; послѣдняя вливается въ Ижму съ лѣвой стороны, въ четырехъ чемкосахъ отъ Ухты; потомъ съ правой стороны еще выпала безыменная Ёль и Ижма превратилась въ небольшую рѣчку, протекающую въ темномъ лѣсу по каменному руслу. Чаше и чаше встрѣчаются отмели, но берега ея мало измѣняются; только мѣстами ластва становится уже и является больше неизменностей, покрытыхъ лиственничными деревьями и изрѣдка сосновыми рощами.

На ночлегъ остановились опять у сѣннаго стога и довольно-рано, опасаясь, что впереди, можетъ быть, нескоро найдемъ такое удобное пристанище. Въ лодкахъ спать помѣщаются немногіе, а потому стогъ сѣна необходимъ на нашемъ ночлегѣ; подъ нимъ укрываются рабочіе, особенно во время дождя, который и теперь накрапываетъ порядкомъ. Сегодня мрачная, ненастная и вполне осенняя ночь.

18 сентября.

Утромъ прошли мимо устья рѣкъ Нижней и Верхней Эдасъ, впадающихъ въ Ижму съ правой стороны; между ними два чемкоса, а до Нижней отъ Ухты восемь. Эти два истока значительно уменьшили Ижму. Близъ устья Верхней порядочный порогъ, черезъ который лодки перетаскивали съ большимъ трудомъ; небольшія работы были уже во многихъ мѣстахъ. Берега красивы, преимущественно боровые; мѣстами довольно-хорошій лѣсъ, около полудня встрѣтили въ лодкѣ двухъ рыболововъ и присоединили ихъ къ каравану, сгрузивъ къ нимъ кое-какую лишнюю кладь; впереди едва ли не приведется и еще увеличить число лодокъ. Разказы о рѣчкахъ Чераяхъ, или Топорныхъ, различны: одни говорятъ, что пройдемъ безъ затрудненій, другіе — что наши лодки и порожня невозможна будетъ протащить; также говорятъ и о разстояніи: одни считаютъ по нимъ около 150, другіе больше 200 верстъ; не знаешь, чему вѣрить.

Къ ночлегу кое-какъ добрались до деревни Лачевской, которая состоитъ изъ двухъ домовъ; въ одномъ живетъ первый переселенецъ съ береговъ рѣки Вишеры, впадающей въ Вычегду, Лука Габовъ. Онъ оставилъ родину назадъ тому лѣтъ десять: приволье для скотоводства привлекло его на пустынные берега Ижмы, и онъ уже обзавелся порядочнымъ хозяйствомъ; до 25 головъ рогатаго скота, до 75 овецъ и до десятка лошадей дѣлаютъ его зажиточнымъ поселенникомъ. Недавно къ нему переселился тоже съ Вишеры другой крестьянинъ. Деревня Лача на правомъ, довольно-высокомъ берегу; близъ домовъ построена небольшая часовня; оба дома порядочные, особенно у Луки, съ горницей, въ которой мы теперь находимся. Семья Луки состоитъ изъ 20 человѣкъ — это все его дѣти и внуки; какъ богатый мужикъ, онъ запасается чаемъ; самовара нѣтъ, но чай варятъ, постаринному, въ мѣдномъ чайникѣ.

Не доходя около версты до поселенія, мы поднимались на длинный, чрезвычайно крутой порогъ, называемый Лачь - Косьтъ; это былъ бы самый большой изъ всѣхъ ижемскихъ пороговъ, еслибы здѣсь текла такая же масса воды, какъ въ низовыхъ порогахъ; рѣка стремится тутъ по довольно-крутому скату, заваленному большими камнями, между которыми съ трудомъ проходили лодки. Когда въ рѣкѣ больше воды, то плыть здѣсь очень опасно.

Гр. Кр. страдаетъ отъ нарыва; здѣшніе мужички-медики посоветовали ему прикладывать листы лапушника, которыми они лечатся въ подобныхъ случаяхъ. Совѣтъ этотъ принять съ благодарностью; лапушникъ отысканъ и приложенъ къ нарыву.

19 сентября. Деревня Чулки.

Лишь только заря занялась, мы, простились съ Лукой, отправились въ путь. Ночь была холодная; мы опасались мороза, но къ утру пошелъ дождь, а потомъ выяснѣло и день былъ какъ лѣтній — это даетъ намъ надежду выбраться на Вычегду. Утромъ видѣли много тетеревей; нѣсколько изъ нихъ застрѣлили. Пройдя два чемкоса, остановились для обѣда рабочихъ. За рѣкой, на высокой лиственнѣ, видно было большое орлиное гнѣздо — это дворецъ царя птицъ.

Утромъ шли подлѣ широкихъ луговъ, на которыхъ наставлены большіе стоги сѣна: это были еще владѣнія богатаго Лу-
часть II.

ки, которыя довольно - далеко простираются по Ижмѣ. Ему здѣсь приволье, особенно для скотоводства. Мѣстами мы шли подлѣ высокихъ горъ, покрытыхъ порядочнымъ лиственничнымъ и сосновымъ лѣсомъ; видны уже и кедры, хоть ихъ здѣсь еще немного. Около 10 часовъ утра нѣсколько не доходя до большого луга, у котораго считаютъ отъ деревни Лачи три чемкоса, мы прошли устье рѣчки Буръ - Кемъ, что значитъ: добрая обувь. Она впадаетъ съ правой стороны; потомъ вскорѣ прошли устье маленькой рѣчки Нямодъ (Онучи), впадающей съ лѣваго берега. Въ три часа пополудни прошли еще рѣчку Лѣкъ - кемъ (дурная обувь), впадающую съ лѣваго берега. Эти истоки еще много убавили воды въ Ижмѣ: дно лодки почти непрерывно терлось по каменистому руслу рѣки. Уже было поадно и стало темно; рабочіе устали, нѣсколько разъ хотѣли остановиться на ночлегъ, но желаніе добраться до деревни подкрѣпляло насъ, и мы снова принимались за дѣло. На меляхъ весь караванъ собирался въ кучу: шумѣли, перетаскивали лодки съ усиліемъ, между - тѣмъ было довольно - холодно: шесты обмерзли, а мракъ ночи сгущался; время шло; казалось, прошло нѣсколько часовъ въ этой ночной работѣ; наконецъ издали услышали лай собакъ и едва - едва добрались до деревни Чулки, гдѣ съ удовольствіемъ расположились почевать. Это поселеніе находится на лѣвомъ берегу Ижмы, состоитъ изъ четырехъ домовъ и называется, по имени маленькой рѣчки, Чулки, впадающей въ Ижму. Жители Чулковъ еще не очень давно переселились сюда съ Вычегды изъ деревни Вальдынь.

Названіе нѣсколькихъ рѣчекъ произошло здѣсь отъ обуви: то добрая и дурная обувь, то онуча и чулки; это смѣшило насъ, какъ будто жители этихъ мѣстъ только и думаютъ о томъ, какъ бы что надѣть на ноги и, занимаясь этою заботою, притоки Ижмы назвали именемъ различныхъ ножныхъ надобностей.

Деревня Чулки находится, по прямѣнному измѣренію крестьянъ, въ одномъ разстояніи (на два дня пѣшеходнаго пути, или около 90 верстъ) какъ отъ Помодина, такъ и отъ Печорскаго, или Троицкаго Погоста; а по прямому направленію къ Печорѣ, или къ деревнѣ Петрушиной, лежащей на берегу Печоры, только на одинъ день пути.

Въ деревнѣ Чулки начинается возникать пристань, отъ которой сплавляютъ хлѣбъ, вывозимый зимнимъ путемъ съ Вычегды. Про-

возы зимой очень дешевы — отъ 25 до 30 к. асс. съ пуда изъ села Устькуломскаго; отъ 16 до 20 к. асс. изъ Помоздина, или Вельдина. Здѣсь дѣлаютъ плоты и на нихъ грузятъ хлѣбъ. Сплавъ по Ижмѣ, когда есть достаточно воды, весьма удобенъ: нѣтъ ни проливовъ, ни острововъ; это прекрасный каналъ. Одно небольшое затрудненіе — въ порогахъ; но весной, въ большую воду, они не такъ опасны.

Въ прошломъ году сюда было вывезено хлѣба до 7000 пудъ. Говорятъ, что Ижемцы и нынче уже ѣздили на Вычегду закупать хлѣбъ къ будущему году.

Намъ представили такъ много неудобствъ въ ходу по рѣчкѣ Черамѣ, что мы было рѣшились идти отсюда на Вычегду пѣшикомъ чрезъ волокъ, а кладъ везти съ собой на нартахъ; но перемѣнили намѣреніе; берегъ отсюда, или изъ деревни Розъ-динъ, которая еще впереди, маленькія лодки, а между — тѣмъ г. Кр. послалъ нарочнаго въ Помоздинъ, приготовить тамъ лодки для сплава по Вычегдѣ. Намъ тревожитъ опасеніе, что заморозы захватятъ насъ въ этомъ захоластвѣ и заставятъ прожить нѣсколько недѣль въ ожиданіи зимняго пути.

Къ чести зырянскихъ лекарей, лапушнякъ помогъ г. Кр.: воспаление прекратилось и теперь ему лучше.

Въ деревнѣ Чулки случилось довольно странное происшествіе. Вчера, приближаясь къ ней, издали мы слышали дикое мычаніе быка; потомъ, идучи въ темнотѣ изъ лодки въ деревню, я замѣтилъ, что люди чего-то оберегаются, и мнѣ издали кричали, чтобъ я былъ осторожнѣе. Отчего же этотъ страхъ? думалъ я, и оказалось, что огромный быкъ бѣгалъ по деревнѣ съ страшнымъ ревомъ. Я едва безъ встрѣчи съ нимъ успѣлъ войти во дворъ, и тамъ мнѣ сказали, что этотъ дикій быкъ прибѣжалъ изъ другаго селенія, что онъ бросается на людей и что ужъ нѣсколькихъ порядкомъ ушибъ, но, къ счастью, онъ безъ рога, а то промазель бы еще больше тревоги. Жители боязливо выходили изъ домовъ и желали, чтобъ кто-нибудь избавилъ ихъ отъ безспокойнаго животнаго. Утромъ быка убили; три большія пули, пущенныя въ него, только усмирили его, а обухъ топора и ножъ закончили дѣло. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ невѣроятностей: одинъ изъ моихъ товарищей былъ крѣпко ушибенъ; теперь въ нашемъ караванѣ ужъ трое больныхъ.

20 сентября. Деревня Розь-дынь, или Усть-Розкал.

Въ деревнѣ Чулки мы взяли еще двѣ небольшія старыя лодки; одна необходимость заставила это сдѣлать — такъ онѣ ненадежны; оставили одну изъ большихъ своихъ лодокъ. Кончивъ перегрузки и хлопоты съ устройствомъ лодокъ, мы отправились дальше. Ходъ до деревни Розь-дынь, находящейся на правомъ берегу Ижмы, при устьѣ маленькой рѣчки Розь, былъ такъ затруднителенъ, что съ величайшимъ трудомъ прошли восемь верстъ разстоянія между этими двумя поселеніями. Ижма такъ стала мелка, что мѣстами цѣлую версту тянуть лодку бродомъ; дно рѣчки — сплошной камень; берега довольно возвышенны и окаймлены неширокой ластой.

Здѣсь опять остановились на ночлегѣ. День клонится къ вечеру. Беремъ только одну большую лодку, чтобъ самимъ помѣститься въ ней; припасы же всѣ разгружены въ мелкихъ челнокахъ. Хлопотъ много: лодки крайне плохи; надобно было ихъ поправлять, крыть, потомъ разложить вещи, припасы, которыхъ теперь нужно немало: свита наша увеличивается каждый день. Между-тѣмъ началось ненастье; льетъ дождь и воеетъ сильный вѣтеръ во мракѣ темной осенней ночи. Мы теперь въ избѣ одного изъ жителей Розь-дына, Петра Уляшева — и тепло и покойно; завтра съ разсвѣтомъ пустимся въ путь.

Деревня Розь-дынь на правомъ берегу Ижмы и состоитъ изъ четырехъ домовъ; поселеніе это основано не больше какъ пять или шесть лѣтъ. Жители Розь-дына переселились сюда тоже съ береговъ Вычегды, изъ деревни Вэль-дына, и живутъ довольно-хорошо; занимаются скотоводствомъ, ловятъ въ борахъ много тетеревей, стрѣляютъ бѣлку. Для нихъ въ томъ нѣтъ неудобства, что далеко отъ погоста, что кругомъ ихъ пустыня; для ихъ счастья немного нужно: было бы въ избѣ тепло, былъ бы кусокъ хлѣба, скотъ въ загонѣ, да податъ была бы оплачена — и они счастливы въ этой глуши.

21 сентября. 11 часовъ утра. На устьѣ рѣчки Черъ.

Сегодня мы отправились съ ночлега въ 7 часовъ утра; караванъ нашъ состоитъ ужъ изъ 7 лодокъ. И вотъ наконецъ мы добрались до рѣчки Черъ: она впадала въ Ижму съ лѣвой стороны, въ 12 вер-

стахъ отъ деревни Розь-дынгъ. На берегахъ Ижмы темный, еловый лѣсъ; сильный вѣтеръ воетъ въ чащѣ этой дебри. Теперь мы остановились для обѣда; рабочіе варятъ кашу, я собираюсь пить чай — чувствую себя несомнѣнно здоровымъ, а г. Кр. за рѣчкой дѣлаетъ наблюденія; какъ-будто нарочно для него, изъ-за облаковъ открылось солнце, и этотъ пунктъ устья рѣки Черъ будетъ определенъ. Рѣчка Черъ одна изъ самыхъ малыхъ протоковъ Ижмы; не знаю, какъ мы пойдемъ по ней и проберемся ли съ нашей большой лодкой?

На ночлегъ 5 часовъ вечера.

Вскорѣ послѣ полудня оставили русло рѣки Ижмы, по которой поднимались отъ Ижемскаго Погоста 11 дней, и ужъ болѣе четырехъ часовъ тянемся по узкому руслу рѣчки Черъ, а только еще недавно миновали первый чемкость — такъ длинны и здѣсь чемкосы, или мы ужъ очень медленно идемъ впередъ; да и нельзя скоро подвигаться: почти треть пути работники тянутъ наши лодки бродомъ. Здѣсь рѣчка стала шире, а это еще хуже; небольшая масса воды тонкимъ слоемъ стелется по каменному дну и не поднимаетъ нашу флотилію. Работники устали, иззябли; у другихъ уже болятъ ноги, потому-что и по Ижмѣ работали немало бродомъ.

Остановились на ночлегѣ. Ужъ темно; пора согрѣться и высушиться гнѣмъ, кто цѣлый день бродилъ въ холодной водѣ.

22 сентября. 2 часа пополудни.

Сегодня долго я шелъ по возвышенностямъ, между которыми течетъ рѣка Черъ; онѣ мѣстами покрыты мхомъ, мѣстами мелкимъ еловымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, видѣ холмы сближаются и стѣсняють русло рѣчки; въ такихъ мѣстахъ она течетъ подлѣ крутиковъ и скалъ; теченіе вездѣ довольно быстро, потому-что вездѣ пороги. Много хлопотъ съ большой лодкой; мѣстами и мы работаемъ. Накрапываетъ дождь. Жаль было смотрѣть вчера на нашихъ рабочихъ — такъ переиззябли они въ мокромъ платьѣ! но лишь только запылали бивачные огни, они согрѣлись, поужинали, и начались толки о быломъ, о минувшемъ; въ толпѣ появился бывалый — и рассказы его полились рѣкой; слушали его, дивились

ему, забыть и трудъ и сонъ. Интересъ разсказываемыхъ событій увлекъ всѣхъ до того, что и я до 11 часовъ слушалъ этого молодца; вскорѣ потомъ всѣ улеглись кто подъ деревомъ, кто около огня, и во мракѣ осенней ночи воцарилось безмолвіе.

До обѣда сегодня прошли мы только два чемкоса, въ теченіе шести часовъ, а третій чемкосъ кончили теперь ужъ, въ 2 часа пополудни. Длиннень, видно, будетъ нашъ путь до Вычегды.

На ночь 9 часовъ вечера.

Вотъ и другой ночлегъ на берегу рѣчки Черъ, а всего прошли еще четыре чемкоса; здѣсь, однакожъ, считается половина пути до волока. Постоянно шли между высокихъ холмовъ. Миѣ кажется, рѣчка Черъ прорѣзываетъ здѣсь горный кракъ — не остроги ли это Тиманскаго Камня? Паденіе воды весьма крутое, дно рѣки — сплошной камень; говорятъ, еще немного больше чемкоса идти горами, а тамъ будутъ луга.

Вечеромъ донесся до насъ дымъ; много было догадокъ: кого мы встрѣтимъ здѣсь, въ эту позднюю пору осени? Черезъ полчаса увидѣли три лодки, въ нихъ восьмеро Вычегжанъ; они отправились на осенній промыселъ въ вершины рѣки Ай-ю и пробудутъ тамъ до ноября; а за весь этотъ трудъ дальняго пути каковъ еще будетъ промыселъ—Богъ-вѣсть. Они добираются въ гѣса Ай-ю по слухамъ, что тамъ хорошъ урожай еловыхъ шишекъ, слѣдовательно, должно быть, и бѣлки много. Кто разноситъ эти слухи и вѣрны ли они? а они ѣдутъ въ надеждѣ на удачу, основываясь на (буръ-ю-Эрѣ) добромъ слухѣ. Ошибаясь, они теряютъ дорогую пору промысла, а это влечетъ за собою горькія послѣдствія и безденежье на всю зиму.

Мы напились чаю; большая часть нашихъ товарищей ужъ поужинали и, послѣ обычныхъ разсказовъ и болтовни подлѣ огня, гдѣ бываетъ весело, иные ужъ спать; другой бивакъ недалеко тухнетъ; недавно тамъ было еще очень шумно. Вчерашній сказочникъ забавлялъ ватагу усталыхъ работниковъ: и царевичи и богатыри и Яги-бабы попеременно дѣйствовали въ его разсказѣ, приравляемомъ прибаутками и русскими словами къ зырянской рѣчи «ну корошо, ну корошо». Картины и наши немногочисленные биваки среди гѣсовъ, въ глухую пору осенней ночи, кружокъ, оживленной грѣющейся, отдыхающей и слушающей толпы, около

пылающихъ костровъ; порой выраженіе удивленія, порой страха, проявляющіяся на простодушныхъ физіономіяхъ работниковъ; на огнѣ котлы съ ихъ ужиномъ, недалеко́ наше чаеванье на разостланныхъ коврахъ, и все это въ рамѣ темнаго лѣса.

Нынѣшній нашъ ночлегъ, въ чащѣ крупныхъ елей, подъ ихъ широкими вѣтвями — лучшій приютъ въ пустынѣ.

23 сентября. 2 часа пополудни.

Сегодня пошли въ путь рано и вскорѣ подошли къ скаламъ, вышиной до шести саженъ; ихъ называютъ Зыряне Изъ, т. е. камень; рѣчка Черъ течетъ между этими скалами недолго; съ полчемкоса далѣе горы оканчиваются, гдѣ и выпала съ праваго берега рѣчка Бадья - ёль; отсюда рѣчка Черъ превратилась изъ горнаго потока въ рѣчку, текущую по долинамъ, стала уже; дно тивистое, берега луговье, течение тихое; идемъ успѣшнѣе.

Въ 11 часовъ останавливались для обѣда; здѣсь настигъ нашъ крестьянинъ Уляшевъ съ двумя лошадьми, для перетаскиванья лодокъ черезъ волокъ, между вершинами рѣчекъ. Вскорѣ послѣ обѣда прошли мимо устья рѣчки Таръ - Кость - ёль т. е. рѣчки Тетерьтоковщице, выпавшей съ правой стороны.

Сегодня встрѣтили еще четыре лодки вычегодскихъ промышленниковъ; двѣ добрыя лодки мы вымѣняли у нихъ; наши уже стали совсѣмъ плохи.

Въ 5 чемкосахъ отъ устья рѣчки Черъ выпала въ нее тоже справа рѣчка Нія-ёль, т. е. лиственничная. Отъ нея три чемкоса до волока. Мы идемъ по такому узкому руслу, что порой едва не задвигаемъ берега бортомъ большой лодки.

Ночлегъ въ вершинѣ рѣки Черъ.

До 2-го часа пополудни мы плыли между еловыми лѣсами, потомъ среди березовыхъ рошцъ; въ четыре часа прошли мимо устья рѣчки Парма - ёль, выпавшей съ лѣвой стороны. Теперь проходимъ подлѣ возвышенностей, покрытыхъ лиственничными рощами; огнѣ начались отъ рѣчки Нія-ёль.

Рѣчка Черъ прихотливо называется по долинѣ; мы дѣлаемъ круги, завороты, а впередъ подвигаемся мало.

Завтра остается идти еще два чемкоса; сегодня въ цѣлый день прошли два; а кажется, около 30 верстъ подвинулись впередъ; долго добирались до бивака Уляшева. Онъ уѣхалъ впередъ и устроилъ станове; дымокъ виденъ былъ издали, да добраться до него было нелегко. Трудились изъ всѣхъ силъ. Чера превратилась въ ручей, текущій между крутыми и довольно-высокими берегами. Мѣстами большая лодка не проходила въ русло: должны были срубать дернъ, и опять шли дальше.

Усталые, теперь отдыхаемъ и наслаждаемся. Небо ясно, воздухъ холоднѣе. Что если будетъ морозъ утромъ и рѣчки замерзнутъ, а особенно рѣка Черъ-Вычегодская? Она, говорятъ, тиха и въ одно утро покрывается льдомъ: не краснѣ тогда будетъ намъ заосновать здѣсь; даже и въ селеніяхъ здѣшнихъ небольшая была бы радость прожить дней 30 или 40. Г. Кр. пользуется яснымъ небомъ и навелъ свой секстанъ на полярную звѣзду — и этотъ пунктъ нашего ночлега будетъ опредѣленъ. Какъ не подивиться уму человека! Изобрѣсть способъ слѣдить за ходомъ отдаленныхъ свѣтилъ небесныхъ; по ихъ движеніямъ вычисленіями опредѣлять пункты на нашей планетѣ — не дивно ли, не чудно ли это? Недаромъ мужички, не постигая занятій г. Кр., ломаютъ голову, «для чего онъ, удалясь отъ бивачнаго огня, въ мракѣ ночи смотритъ въ трубу и не на небо и не на землю, а на что-то свѣтлое, какъ зеркало (ртутный горизонтъ), что онъ увидитъ тутъ и какой будетъ изъ этого толкъ?» а другой его товарищъ собиралъ все камешки по берегу, да везетъ ихъ цѣлые ящики, какъ-будто такихъ камней нигдѣ нѣтъ; да еще сидитъ да разсматриваетъ другой камешекъ чуть не цѣлый день». Какъ объяснить имъ это, что одинъ смотритъ хоть и не на небо, а видитъ очень много на небѣ; что другой, любясь камешками, находками на берегахъ ихъ родной рѣки, дѣлаетъ выводы объ отдаленномъ быломъ.

Передъ огнемъ играютъ два песченка; они куплены въ тундрѣ; путешественники везутъ съ собой этихъ звѣрьковъ Сѣвера. Рассказываютъ, что матки песцовъ чрезвычайно чадолюбивы; у иной своихъ до 12 дѣтенышей, но бываетъ и этимъ недовольна и, при случаѣ, украдетъ дѣтей у другой матки, такъ-что въ иномъ гнѣздѣ промышленники находятъ отъ 18 до 20 песчанковъ. Матка усердно заботится о продовольствіи своей большой семьи, ловитъ гусей, утокъ и всего больше мышей, которыхъ много въ тундрѣ; но всего

удивительнѣе, что matka, радѣя о дѣтяхъ, собираетъ множество яицъ изъ гнѣздъ гусей и утокъ: говорятъ, иногда, даже больше тысячи находятъ ихъ въ логовищѣ песцовъ, и ими - то лакомятъ она своихъ и приемныхъ дѣтеньшей. Около двухъ градусовъ холода — это озабочиваетъ насъ.

24 сентября 8 часовъ вечера. На берегу рѣки Черъ-Вычегодской.

Сегодня мы трудились много; вслѣдствіе этого труда теперь на берегу рѣки Черъ - Вычегодской. Мы перебрались черезъ волокъ съ системы водъ Печоры на систему водъ Сѣверной Двины. Мы рѣшились съ мѣста ночлега везти по сушѣ нашу большую лодку; въ ночь воды въ рѣкѣ стало еще меньше. Рано утромъ началась работа: одни дѣлали сани изъ еловыхъ корней для большой лодки; другіе выпружали ее и вытягивали на берегъ; послѣ окончанія этой работы, позавтракали и отправили караванъ мелкихъ лодокъ рѣкой, а большую потащили лошадьми, при пособіи 15 человекъ. До волока надобно было тащить лодку около восьми верстъ; путь лежитъ по довольно-возвышеннымъ мѣстамъ лѣваго берега рѣчки, потомъ по правому и наконецъ мы добрались до Черскаго Волока. Отсюда переволокъ до Вычегодской Черы, около 1800 шаговъ или около 600 саж. Достигнувъ этого желаннаго пункта, людей отправили къ каравану, который съ трудомъ пробирался по рѣчкѣ, потомъ начали перевозить лодки съ кладью, а это продолжалось долго; послѣ починивали лодки, грузили ихъ, укрывали грузъ: только въ позднія сумерки вечера кончили всю работу и остались ночевать. Такой караванъ и такое многолюдство едва ли было когда на пустынныхъ берегахъ рѣчки Черъ. Четыре бивака широко освѣщаютъ лѣсныя окрестности; раздаются веселья пѣсни работниковъ. Да и мы всѣ потрудились сегодня порядочно, каждый словомъ и дѣломъ содѣйствовалъ успѣшнѣйшему ходу перевозки. Сначала съ трудомъ подвигалась наша лодка и мы не думали перебраться черезъ волокъ раньше двухъ дней; но потомъ какъ-то работа пошла лучше, и хотя не безъ усилія, но лодка подвигалась успѣшнѣе. Между верховьями рѣчекъ, на мѣстности, называемой «Волокомъ,» довольно-большая возвышенность: вотъ тутъ - то было трудно подвигаться впередъ; но шагъ за шагомъ, и мы добрались до вершины горы, а спускаться было ужъ и легко и весело:

Такимъ образомъ мы наконецъ перешагнули черезъ Черскій Волокъ, и теперь ужь путь нашъ идетъ по теченію воды. Рѣка Черъ довольно - значительный притокъ Вычегды, и больше рѣки Черъ Печорской; истокъ ея, вѣроятно, неближе ста верстъ, и чѣмъ далѣе будемъ подвигаться, тѣмъ безопаснѣе будемъ мы отъ заморозовъ; большія рѣки нескоро замерзнутъ.

25 сентября, 8 часовъ утра.

Около двухъ часовъ мы ужь въ пути и оканчиваемъ по рѣкѣ Черъ отъ переволока первый чемкосъ, который считается при устьѣ рѣчки Чемкоса-ѣль; она вынала съ лѣвой стороны; проплыть чемкосъ въ два часа, уже довольно - успешное слѣдованіе. Здѣсь рѣка Черъ около трехъ сажень ширины; есть мелъ, и лодки черезъ нихъ тащимъ бродомъ; но тащить лодки по теченію рѣки труда несравненно меньше.

Сегодня сильный сѣверный вѣтеръ и довольно - холодно, едва можно писать; порой льетъ дождь; порой порохить снѣжокъ — ужь поздняя осень.

7 часовъ вечера. На почлегъ.

Остановились на почлегъ, чтобъ дать рабочимъ обсушиться; всѣ перемокли и перезябли. Выясивается. Полная луна порой выходитъ изъ - за облаковъ и наводитъ чудный свѣтъ на мрачную пустыню; сквозь сѣнь елей проникаютъ ея лучи въ глушь темнаго лѣса, гдѣ мы находимся; рабочіе рубятъ дрова и мѣстами ужь пылаютъ огни; дымъ долго не могъ пробиться сквозь сгустившійся воздухъ въ чащѣ вѣтвей вѣковыхъ деревьевъ; а какъ бываетъ весело, когда темная сѣнь пустыни озарится бивачнымъ огнемъ и распространится въ ней струя тепла! какъ-будто оживетъ тогда мертвая дебрь лѣсной глуши; мракъ отступитъ въ глубь лѣса предъ пламенемъ костровъ, безмолвіе огласится рѣчью человѣка и пустыня заживетъ на эту пору!

Отъ волока плыли между довольно - широкихъ луговъ; на второмъ чемкосѣ начались горы и иногда довольно - высокія, скалистыя, покрытыя погорѣлымъ и изсохшимъ лѣсомъ. Въ такихъ мѣстахъ были пороги; дно рѣки каменисто и теченіе ея быстрѣе. На вер-

шинѣ одного обрыва, въ трехъ чемкосахъ отъ волока, увидѣли мы промысловую избу, завернули въ нее, нашли въ ней звѣролововъ и кунши у нихъ тетеревей и рябчиковъ. Въ этихъ горахъ выпала съ праваго берега рѣчка Чепакъ - ю; отсюда рѣка Черъ стала нѣсколько глубже и даже шире; потомъ вышли въ темные еловые лѣса; недалеко отсюда выпала изъ скалистыхъ береговъ рѣчка Иджидъ-шоръ (большой ручей). До становья сегодня подвинулись пять чемкосовъ. На разостланной лосинной кожѣ и коврахъ лежимъ теперъ близъ бивачнаго огня; самоваръ кипитъ и мы съ наслажденіемъ пьемъ чай.

Барометръ успокоиваетъ насъ: ртуть упала, слѣдовательно должно быть ненастье; намъ еще нѣсколько дней — и мы наконецъ въ Устьсысольскѣ, этомъ завѣтномъ пунктѣ нашихъ желаній.

26 сентября. Полдень.

Теперь остановились на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки, въ избѣ промышленниковъ, проплывъ съ ночлега три чемкоса; отсюда остается до Вычегды еще 6 чемкосовъ, до деревни Вадынъ — 10 и до села Помоздина — 12. Промышленники принесли намъ рябчиковъ и семги. Въ рѣку Черъ семги въ иной годъ входитъ много, а теперъ начала попадаться тамъ и стерлядь, на удивленіе здѣшнимъ рыболовамъ. На Вычегдѣ стерлядь ловится ужъ нѣсколько лѣтъ, а сюда дошла только еще въ нынѣшній годъ; однакожь рыболовы скоро поняли, что это добрая рыба, хоть и не умѣютъ еще ловить ее.

По рѣкѣ Черъ мы встрѣтили много лодокъ съ промышленниками, отправившимися въ лѣса Ижмы, и все на Буръ-юэръ (добрый слухъ) о хорошемъ урожаѣ еловыхъ шишекъ. Нелегко же достается имъ копейка!

Сегодня плыли мы большею частью мѣстами мелкими и иногда подлѣ высокихъ горъ; мѣстами спускались съ крутыхъ пороговъ. На седьмомъ чемкосѣ отъ волока есть замѣчательный Иджидъ-изъ-косъ (порогъ съ большими камнями). Около трехъ верстъ спускались мы довольно-замѣтно по скату, гдѣ между камнями течетъ рѣка; смотря назадъ, верхове рѣки казалось незначительной возвышенностью, а впередя теченіе ея видѣлось въ глубинѣ долины, и мы плыли въ этотъ долъ, гдѣ русло рѣки скрывалось въ

чащѣ темнаго лѣса. Лодка наша быстро неслась стремленіемъ потока; берега, покрытые крупными слями и валежникомъ, какъ будто бѣжали отъ насъ къ вершинѣ рѣки. Послѣ этой замѣчательной мѣстности, на рѣкѣ Черѣ больше не было пороговъ; мы плыли ужъ въ спокойномъ руслѣ и встрѣчали мало мелей. Близъ порога Иджидь-изъл-косытъ лежитъ зимній путь изъ Помоздина на Ижму.

Къ обѣду жарятъ намъ на вертелѣ двухъ только - что застрѣленныхъ рябчиковъ.

8 часовъ вечера.

Вотъ, наконецъ, мы и близъ устья рѣки Черѣ; послѣдніе шесть чемкосовъ проплыли довольно-успѣшно. До Вычегды одна верста. Остановились для ужина рабочимъ. Порой между облаками проглядываетъ луна; рѣшаемся плыть ночью на двухъ лодкахъ, которыя понадежныѣе. Необходимость спѣшить заставляетъ забывать опасность плаванія во мракѣ ночи по рѣкѣ, наполненной во многихъ мѣстахъ валежами и хламомъ, на которые можно попасть и опрокинуться. Теперь довольно-холодно; кто знаетъ, что будетъ утромъ? Окрестности бѣлѣютъ отъ тонкаго слоя выпавшаго снѣга.

Въ четырехъ чемкосахъ отъ устья рѣки Черѣ впала въ нее съ лѣвой стороны рѣчка Яга-черѣ; она течетъ черезъ мѣстности, покрытыя лиственничными лѣсами; до вершинъ ея считаютъ около ста верстъ. Ниже ея три чемкоса вытекаетъ рѣчка Вэра - черѣ, т. е. Лѣсная Черѣ; она течетъ черезъ низменные мѣста, заросшія темнымъ слевымъ лѣсомъ, а потому и названа Лѣсною.

По берегамъ видѣли нѣсколько избъ промышленниковъ.

27 сентября, 7 часовъ утра. Село Помоздинъ.

Со дня отплытія изъ Ижемскаго Погоста (10 сентября) до прибытія въ первый Вычегодскій Погостъ прошло 15 дней; въ это время мы поднялись до вершинъ Ижмы и Черѣ, перебрались черезъ волокъ и проплыли по рѣкамъ Черѣ и Вычегдѣ, всего, я думаю, около 700 верстъ. Ночью снѣгу выпало довольно-много; бѣлая пелена зимы покрыва и лѣса и горы. Готовимъ лодки для сплава по Вычегдѣ и сегодня же пустимся дальше. До Устьсысольна изъ Помоздина водой считаютъ около 350 верстъ.

28 сентября, 10 часов утра. Деревня Ваполка.

Вчера въ 6 часовъ вечера кончили приготовленія и отправились по Вычегдѣ тремя лодками. Засвѣтло проплыли деревни Скородумскую и Кырнышъ.

Ночь была холодная; вышавшій вчера снѣгъ не стоялъ. Мы еще счастливы, что длится осень. Въ прошломъ году снѣгъ, выпавшій въ первыхъ числахъ сентября, остался до зимы и Вычегда покрылась льдомъ около 20 числа. Плыли ночью часто въ направленіи къ N, а больше къ O и къ SO.

Мимо села Пожегъ проплыли передъ утромъ. Мы теперь грѣмся и отдыхаемъ въ деревнѣ Ваполкѣ, которая отъ Помоздина въ разстояніи около 85 верстъ; деревня Ваполка находится на правомъ высокомъ берегу Вычегды въ 35 верстахъ отъ села Пожега и въ 40 верстахъ отъ села Мыелдинскаго, куда надѣмся приплыть ночью. Въ деревнѣ Ваполкѣ мы остановились у одного изъ жителей, Маркела. Все поселеніе состоитъ теперь изъ трехъ дворовъ, а еще недавно здѣсь было до 17 дворовъ. Въ тяжелые годы неурожаевъ на Вычегдѣ нѣкоторые изъ жителей, доведенные до послѣдней крайности, переселились въ разныя мѣста, другіе умерли — и деревня опустѣла. Маркель оставался одинъ съ своей семьей, а по времени отъ него отдѣлились братья; одинъ еще живъ; у другаго остались дѣти — и поселеніе опять начало возрастать. Теперь здѣсь живутъ хорошо, имѣютъ порядочное хлѣбопашество и скотоводство; въ землѣ и лугахъ приволье.

Эта деревня извѣстна во всемъ Зырянскомъ Краѣ по отличныиъ кремнямъ, называемымъ по-зырянски ваполка, бива-изъ (ваполскіе кремни). Ихъ добываютъ изъ кремневой горы по рѣчкѣ Биваизъ-ю, впадающей въ рѣчку Ваполку. Эта гора отъ Ваполки въ трехъ чемкосахъ. Кремень, добываемый тамъ, отлично огнисть.

Полночь.

Теперь я записываю румбы; г. Кр. отдыхаетъ.

Ночь свѣтлая; луна во всемъ блескѣ свѣтитъ на ясномъ горизонтѣ, потому только мы и можемъ продолжать наше плаваніе. Во многихъ мѣстахъ рыболовные заколы часто по серединѣ рѣки Каржи, заставили бы остановиться на ночлегъ: плыть въ темнотѣ здѣсь опасно.

Въ 8 часовъ вечера проплыли устье рѣки Мылвы, гдѣ и остановились ненадолго, для ужина работникамъ. Отъ устья Мылвы одинъ чемкость до Мыеддинскаго Погоста, мимо котораго проплыли въ 11 часу. Село Мыеддинъ лежитъ на правомъ и красивомъ берегу Вычегды; особенно живописно мѣсто, гдѣ построена церковь.

Совершенная тишина при чудномъ блескѣ луны; непрерывное измѣненіе береговыхъ видовъ; порой доносится заунывное пѣніе рабочихъ на другихъ лодкахъ и однозвучный всплескъ воды отъ весель — все это плаваніе наше въ такую пору, особенно послѣ трудовъ въ прошедшемъ, дѣлаетъ очаровательно-пріятнымъ.

26 септлбра.

Въ три часа пополудни мы проплыли село Усть-немъ. Это село расположено на довольно-высокомъ правомъ берегу Вычегды; старья деревянныя церкви и новая каменная колокольня построены на самомъ берегу; противъ этого мѣста вливается въ Вычегду рѣка Немъ; она развѣ немного меньше Вычегды; до вершинъ ея поднимаются въ лодкахъ больше восьми дней. Вычегда до впаденія рѣки Немъ неширока, а отсюда дѣлается значительною рѣкою, мѣстами больше 60 сажень ширины.

Въ 9 часовъ утра проплыли мимо деревни Леблжной. День сумрачный; поднялся вѣтеръ и мѣшаетъ плыть. По Вычегдѣ много крутиковъ съ торчашими въ нихъ валежниками, много каржей среди рѣки, а въ вѣтерѣ нетрудно попасть на нихъ. Останавливались, чтобъ дать отдохнуть рабочимъ.

Въ три часа пополудни проплыли мимо деревни Джежингъ; она на правомъ берегу Вычегды. Отъ этой деревни начинаются возвышенности, называемыя Джежингъ Парма; онѣ видны верстѣ за 50 и больше.

30 септлбра.

Въ полночь проплыли мимо устья рѣки Келькмы, съ вершинъ которой проведенъ Сѣверокатерининскій Каналъ, въ часъ пополудни мимо села Керчемъ; оно лежитъ на лѣвомъ берегу Вычегды, на протяженіи около восьми верстѣ. Керчемъ одно изъ самыхъ большихъ селеній въ этомъ краѣ.

Въ 8 часу въ селѣ Устькуломѣ останавливались ненадолго; вскорѣ послѣ полудня проплыли мимо деревни Кужь; она на очень высокой горѣ праваго берега Вычегды.

Въ 4 часа миновали Ульяновскій Погостъ, находящійся тоже на правомъ берегу, въ верстѣ отъ рѣки. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Вычегодскомъ Краѣ. Святый Стефанъ Великопермскій, управляя вновь-приведенною въ христіанство паствою, основалъ здѣсь мужской монастырь. Два древніе деревянные храма стоятъ на широкой равнинѣ среди пяти или шести домовъ, изъ которыхъ два принадлежатъ священнику и причетникамъ, три или четыре — крестьянамъ, еще недавно сюда переселившимся.

Къ-вечеру вѣтеръ сталъ крѣпче и мы принуждены были остановиться. Теперь полуночной холодный вѣтеръ шумитъ въ вѣтвяхъ вѣковыхъ елей, подъ темною сѣнью которыхъ мы сидимъ близъ бивачнаго огня.

1 октября.

Около полуночи вѣтеръ стихъ. Хотя ночь была очень темна, но мы рѣшились продолжать путь. Черезъ 2 часа миновали село Деревянское, на лѣвомъ берегу Вычегды, въ 5 часу — большое поселеніе Руча, на томъ же берегу, въ 7 часу — деревню Аньбъ и потомъ село Поддѣльское; къ-ночи будемъ въ Небдинѣ. Теперь вѣтеръ опять крѣпчаетъ; мы плывемъ, хотя съ трудомъ.

2 октября, полдень. Село Корткеросъ.

Въ прошедшую ночь принуждены были остановиться; но лишь нѣсколько вѣтеръ сталъ тише, опять поплыли и въ три часа полуночи миновали деревню Вижурью, на правомъ берегу Вычегды; въ 8 часу проплыли мимо села Пезмогъ и до полудня остановились здѣсь. Сегодня тепло и ясно, какъ бываетъ рѣдко въ это время въ здѣшнемъ краѣ.

3 октября. Устьсысольскъ.

Цѣлый день довольно-сильный вѣтеръ препятствовалъ плыть, и мы ужь только за полночь пришли въ Устьсысольскъ. Въ 23

дня совершили путь изъ Ижемскаго Погоста черезъ Черской Волкъ. Желаніе наше исполнилось: заморозы не захватили насъ, и мы достигли Устьсысольска, совершивъ путь довольно-успѣшно и до наступленія зимы. Остается сдѣлать переѣздъ до Петербурга; но этотъ трудъ, хотя путь осенній и не находка, все же не сопряженъ съ такими затрудненіями, какъ странствованіе по Ижмѣ и Черамъ.

Много радостнаго по возвращеніи изъ дальнаго странствованія и въ покоѣ, который ощущаешь, и въ мысли, что затрудненія пути кончились, и въ вѣстяхъ отъ ближнихъ, съ которыми не имѣлъ сношеній нѣсколько мѣсяцевъ и о которыхъ забота тяготила насъ. А грустно быть отчуждену на такой длинный промежутокъ времени отъ родныхъ! привычка слышать о нихъ, получать вѣсти часто—сдѣлана, и намъ тяжело отрѣшиться отъ нея. Чего не могло случиться съ нами въ нѣсколько мѣсяцевъ! Въ Устьсысольскѣ я узналъ, что одного изъ моихъ малютокъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ, а я воображалъ его здоровымъ, развивающимся—печальная ошибка!

12 октября.

Спѣшу выѣхать. Кое-какія затрудненія остановили меня здѣсь на нѣсколько дней; но, слава Богу, все кончилось; скоро сяду въ почтовую кибитку — и въ путь.

14 октября. Станція Слуцкая.

• Полное осеннее ненастье; постоянно льетъ дождь, или идетъ слякоть (мокрый снѣгъ); по всей дорогѣ страшная грязь; ночи такъ темны, что, какъ говорится, ни зги не видно; когда садишься въ почтовую повозку, то едва разглядишь лошадей, и потому путешествіе это тоже несовсѣмъ пріятно; но теперь, хоть медленно, да подвигаемся впередъ. Иногда, правда, подумываешь, какъ бы не опрокинуться въ какую-нибудь яму, или глубокую канаву, особенно въ здѣшнихъ горахъ это можетъ случиться; рѣчки всѣ наводнились и шумятъ какъ въ водополе; ручьи бѣгутъ съ горъ по срединѣ дороги и прорыли мѣстами глубокія рытвины; мосты расшатались; по иному едва можно проѣхать. Пять-шесть часовъ приводится иногда просидѣть въ тѣсной кибиткѣ на осеннемъ дождѣ—и радъ, когда доберешься до станціи. Думаешь отогрѣться, успо-

коится, а иногда и это не удается. Вотъ и здѣсь въ одной комнатѣ вымораживаютъ таракановъ, а потому станціонная квартира въ тѣсной избѣ; а для услажденія слуха усталыхъ путешественниковъ, у одной стѣны помѣщается шерстобитъ и брякаетъ безъ милосердія; его и винить нельзя: съ каждымъ ударомъ по струнѣ увеличивается количество перебитой имъ шерсти, слѣдовательно увеличивается и его заработокъ (шерстобиты получаютъ плату съ фунта шерсти); съ каждымъ ударомъ его по струнѣ взлетаетъ столбъ пыли, да и самые звуки его инструмента несовсѣмъ - то усладительны для слуха, особенно кому хотѣлось бы отдохнуть.

18 октябр. Устюгъ-Великій. Утро.

Проѣхалъ я и Яренскъ и Сольвычегодскъ — и вотъ уже въ Великомъ Устюгѣ. Теперь слышенъ благовѣсть къ заутрени; какъ въ Москвѣ бѣлокаменной, гудитъ звонъ колоколовъ въ Великомъ Устюгѣ, и особенно благовученъ звонъ соборный. Колокола тамъ хорошо подобраны, звонятъ ими искусно и слышишь какой-то мотивъ музыкальный, производимый громаднымъ инструментомъ.

10 часовъ утра. Ст. Поникаровская.

Въ Устюгѣ я пробылъ недолго. Проѣзжая къ первой станціи, я встрѣчалъ много людей, идущихъ и ѣдущихъ на приходскій базаръ. Женщины здѣшнія довольно - красивы; почти каждый изъ мужиковъ шель и ѣхалъ съ коротенькой трубкой въ зубахъ: видно, Устюжане большіе охотники до табаку.

20 октябр. Ст. Чучковская.

Понемногу двигаюсь впередъ. Вотъ ужъ до Вологды осталось только около ста верстъ. Повсюду страшная грязь; колеса повозки тонутъ въ разжиженной землѣ. Мѣстоположеніе здѣшнихъ селеній очень красиво; деревни разбросаны по возвышенностямъ; почти каждый холмъ заселенъ; иногда на небольшомъ пространствѣ, открывающемся предъ глазами, съ какой-нибудь горы видны отъ шести до десяти деревень; вотъ и отсюда въ виду почти вся Мольская Волость; она состоитъ изъ многихъ деревень, съ двумя тыся-

чами душъ жителей, а недалеко въ видно еще и село Никольское. По скатамъ холмовъ поля, въ глубинѣ долины течетъ рѣчка Мола, а потому мѣстность здѣсь очень живописна; все пространство долины занято полями. «Гдѣ же заготавливаете вы сѣно? спросилъ я ямщиковъ: въдѣ лугами — то вы, кажется, не очень богаты» — «Да, это такъ, отвѣчали мнѣ мужички: — мы косимъ сѣно верстъ за десять, за пятнадцать и дальше; луга достаются намъ нелегко: мы подъ нихъ чистимъ лѣсъ, собираемъ травку около рѣчекъ по ко-согорамъ и набираемъ нрзядно: другой возовъ до ста и больше на-ставить сѣнца.»

Необходимость — лучший наставникъ, какъ, гдѣ и что сдѣлать.

На склонахъ холмовъ, подлѣ рѣки, вездѣ построены сараи для складки сѣна, которое достается здѣсь съ трудомъ, а потому и берегутъ его. Сѣно въ стогахъ терется въ овершнѣ, иногда и стога прогниваютъ, а въ сѣновалахъ сохраняется всё. Цѣна сѣна здѣсь равна труду его приготовления: въ прошломъ (1842) году продава-лось 20 и 23 к. сер. пудъ.

Ст. Воробьевская.

Здѣсь довольно-дѣятельно производится обработка льна. Теперь всѣ женщины заняты уборкой этого растенія: однѣ чешутъ, другія треплютъ ленъ; подлѣ крыльцомъ каждой избы устроены льнотрепальни; нѣкоторыя семейства готовятъ здѣсь льна отъ 25 до 30 пудъ, и продаютъ отъ 1 р. 70 к. до 2 р. серебромъ за пудъ. Пора бы развиться на сѣверѣ этой промышленности даже и въ бѣльшемъ размѣрѣ, чѣмъ теперь; да пора бы усилить тканье по-лотенъ, чѣмъ здѣсь занимаются еще слабо, и нангъ ленъ возвра-щается къ намъ дорогимъ полотномъ голландскимъ, тогда-какъ мы сами могли бы цѣлыми грузами отправлять эту ткань во всѣ стра-ны свѣта. И капиталы, которые вывозятся отъ насъ за полотно заграничное, остались бы дома, и промышленность тканья полотно заняла бы много рукъ; это дѣло сручное намъ и по положенію нашему на сѣверѣ, и по житью-бытью жителей русскаго сѣвера. Зимною, когда такъ мало дѣла, въ иномъ околоткѣ чѣмъ выгоднѣе могли бы заняться цѣлыя семьи, какъ не прядь ленъ и не ткать полотно? притомъ же теперь изобрѣтены превосходныя станки для тканья и шелка и льна, такъ-что нужно только напрясть нитокъ, а полотно ужъ само вытѣтся и ровно и чисто.

25 октября. Ст. Клопузова.

Теперь я среди самой Уломы, какъ называютъ здѣсь прибрежья рѣки Уломы. Вообще Улома извѣстна путешественникамъ какъ мѣсто бѣдное, гдѣ жители нуждаются во всемъ, гдѣ проѣзжому и поѣсть и купить нечего, гдѣ только и знаютъ что куять гвозди. Точно, жители прибрежья рѣки Уломы неочень богаты, помѣщаются плохо, живутъ плохо; и какъ главный ихъ промыселъ — кузнечество, то и ходятъ въ сажѣ, какъ люди, которые никогда не моются. Кузнечная работа здѣсь состоитъ въ дѣланіи гвоздей, въ чемъ Уломцы навькли и работаютъ весьма успѣшно. Мнѣ сказывали, что одинъ кузнецъ съ работникомъ можетъ выковать въ день безъ усилія тысячу штукъ гвоздей и даже больше. Въ ковкѣ гвоздей они очень проворны, и, какъ говорятъ, два гвоздя еще красно-горячи, когда готовъ ужъ и третій; зато и цѣна гвоздямъ здѣсь невысока: изъ первыхъ рукъ продается тысяча дюетеса около 1 р. 50 к., дюетеса — около рубля серебромъ.

Ночи становятся холодны; порой десятиградусный морозъ съ непривычки такъ пробираетъ, что едва доберешься до станціи.

Часто съ думой я возвращаюсь въ край Печорскій, часто воображеніе уноситъ меня въ будущее и вопрошаю я его о грядущемъ для моихъ начинаній! Сомнѣніе въ успѣхѣ уже вкрадывается въ мои думы, и тяготятъ меня эти горькія сомнѣнія!

26 октября. Деревня Кошкино.

Остановились пообѣдать у содержательницы здѣшней харчевни. Это очень толстая и очень добрая баба и ласкова и радушна: откуда берутся у ней привѣтливыя слова для гостей! У ней и обѣдъ сытный, и вкусный, и прекрасныя густыя сливки. Три пребольшіе самовара, побольше чѣмъ ведерныя, вычищены какъ къ празднику и служатъ украшеніемъ ея харчевни; стѣны исписаны мѣломъ; вездѣ цифры: видно, это счеты на скорую руку въ отпускѣ ящичкамъ овса и сѣна. Въ большомъ углу много образовъ; въ числѣ разныхъ картинъ по стѣнамъ приклеенъ и красный листъ, взятый въ цыбикѣ чая, написанный въ Китаѣ порусски со строкой китайскихъ буквъ; а сколько другаго прочаго хлама, какъ иногда говорятъ здѣсь, не пересчитаешь: и крынки съ молокомъ, и булки

только - что вынутыя изъ печи; а бабка Фіона, какъ извѣстна она кругомъ на много верстъ! бѣгаетъ и угощаетъ, распоряжается и забрасываетъ инымъ гостямъ ласковыя слова. Она такъ хорошо поджарила для меня картофель въ маслѣ, что на любой французской кухнѣ не отказались бы признать это блюдо со своего очага. Спасибо бабкѣ Фіонѣ, ласковой и словоохотливой: привѣтливо угощала она меня и привѣтливо проводила до повозки. «Прощайте батюшка, впередъ заѣзжайте къ бабкѣ. Бабку здѣсь всѣ знаютъ и не проѣзжаютъ ея теплую избу» сказала она мнѣ, пожимая руку. Бабкѣ уже 65 лѣтъ, а трудится; дѣятельна какъ пчела.

27 октябля. Сомина.

Едва добрались до Соминь. Ужь давно ѣхали шагомъ, да и тому были рады, что хотя шагомъ идутъ.

Теперь немного позже полночь; постоялой домъ набитъ проходящими и проѣзжими: и на лавкахъ и на полу—вездѣ спятъ люди, а содержатель двора еще жалуется, что мало доходу, что, мало гостей. Говорятъ, иногда ночуютъ у нихъ человекъ 70, а въ сутки угостить до ста пятидесяти, а иногда и больше; жалуется, что при платѣ за квартиру и за дворъ до 150 р. сер. въ годъ, безъ гостей и оброка не заплатишь; можетъ быть это и правда. Такъ - какъ въ Соминѣ большая пристань тихвинской системы, то это село и походитъ на городъ: здѣсь нѣтъ деревенскаго простора; дома стѣснены, потому - что мѣста дороги. Одинъ мужикъ купилъ мѣсто для двора и для дома въ 400 квад. сажень и заплатилъ 2,300 р. сер., да домъ обошелся ему до 2,000 р. сер., и это имѣніе въ селѣ стоитъ ему въ 4,300 р. сер., а приноситъ дохода только 350 р. сер. въ годъ.

Село Сомина принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ; каждый дорожить мѣстомъ, и потому - то тамъ нѣтъ простора—все сплошь застроено. Бѣда, если случится пожаръ въ Соминѣ: трудно спасти эту груду строеній.

28 октябля. Пристань Колчановская на берегу рѣки Сяси.

Какая была сегодня ночь! проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ; темень, глубокая грязь; а что за дорога! о ней и говорить нечего; едва можно ѣхать.

Пристань Колчанова на берегу рѣки Сяси, 15 версть выше сяскихъ рядковъ. Здѣсь не товарная, а народная пристань; рабочіе и служащіе, отправляясь изъ Петербурга на родину, нанимаютъ лодки до пристани Колчановой; *) обыкновенная плата отъ 60 до 70 к. сер. съ человѣка. Отсюда они отправляются въ дальнѣйшій путь большею частью пѣшкомъ, а нѣкоторые нанимаютъ лошадей, потому-то здѣсь всегда стоятъ извозчики и ждутъ лодки съ пассажирами; больше охотниковъ ѣхать — плата выше, больше пѣшеходовъ — ямщики берутъ что дадутъ проѣзжіе; за довольно-большую дистанцію плата бываетъ отъ 70 до 85 к. сер. съ человѣка; въ телегу садятся три-четыре, а иногда и пять пассажировъ, смотря по погодѣ и карману проѣзжихъ. Сюда же прибываютъ и отправляющіеся въ Петербургъ съ ярославскаго и вологодскаго края, отсюда путь до Шлиссельбурга или и до Петербурга въ лодкахъ, а потому и дешево и покойно.

Харчевня колчановская стоитъ надъ Сясю, на красивой мѣстности и всегда биткомъ набита народомъ: одни идутъ въ столицу потереться между людьми, пажить копейку; другіе возвращаются на родину, и съ нажитой копейкой, а иные съ нажитыми недугами и пустымъ карманомъ; тутъ и рассказы новостей; тутъ передаются вѣсти и съ родины и изъ столицы; тутъ нерѣдко и встрѣча родныхъ и пріятелей — потолкуютъ, побесѣдуютъ за чашкой чаю — и прощаются, нересылая поклоны и въ ту и въ другую сторону; одни ѣдутъ съ надеждами, другіе уже потеряли надежду и, повѣся носъ, бредутъ домой. Но всѣ прибывающіе въ знаменитую колчановскую харчевню считаютъ необходимымъ напиться чайку. Слѣдуя этому народному обычаю, и я здѣсь пью чай, усталый, измоченный дождемъ, избитый на ярославской дорогѣ, не выходя изъ кибитки полные девять часовъ! Мы подъѣхали къ колчановской харчевнѣ на разсвѣтѣ осенняго туманнаго утра; въ это же время остановились у харчевни лодки съ пассажирами изъ Питера, а въ харчевнѣ и безъ того на ночлегѣ было много и прохожихъ и проѣзжихъ; всѣ комнаты харчевни наполнились армяками и сивими кафтанами, нагольними и лисьими шубами; нагромоздились кучи

*) Въ настоящее время изъ Петербурга почти всѣ рабочіе, которымъ нужно идти въ эту сторону, ѣдутъ на пароходѣ, и ужъ изъ Шлиссельбурга нанимаютъ до Колчановой.

чемодановъ, котомокъ, тюковъ и въюковъ съ платьемъ и разнымъ скарбомъ; и забѣгала челядь харчевни въ свѣтцовыхъ рубашкахъ и передничкахъ сомнительнаго цвѣта; столы покрылись чайными приборами и громадными самоварами, а гдѣ недостало ихъ, то чайниками съ кипяткомъ; и началась бесѣда русскаго народа съ игривыми разсказами, въ память добрыхъ и недобрыхъ хозяевъ и подрядчиковъ, съ поговорками, на которыя товарищи порой отвѣчали общими хохотомъ. Нерѣдко слышались требованія: «подбавь водицы, прибавь сахарку, да поторопись, любезный».

Между-тѣмъ продавцы кренделей и баранковъ привозныхъ, которыхъ много въ колчановской харчевнѣ, чуть не насильно навязывали свой товаръ проѣзжимъ. «Да возьми ты у меня, добрый человекъ, баранковъ свѣжихъ, самыхъ лучшихъ; въ дорогѣ пригодятся и съ чайкомъ покушать хороши». Какъ могли, добрые люди отпѣкивались отъ покупки, а иные убѣждались доводами торгашей и покупали, и торгъ баранками шелъ довольно успѣшно.

Молодежь, ѣхавшая въ Питеръ, обращалась къ опытнымъ дядѣ Степану или къ дядѣ Ивану, третьимъ мужикамъ: тѣ учили молодыхъ ребятъ куда идти въ Питеръ, какъ оберегаться плутовъ на Толкучкѣ; не водиться съ такими - то, не якшаться съ такими - то. Парни слушали дядю Степана, или дядю Ивана, и мотали на усь, какъ жить въ большой многолюдной столицѣ, какъ нажить денегу на черныи день и прочіе разные нужные совѣты.

И забился въ уголокъ съ моими чемоданами и наблюдалъ эту живую картину русскаго быта.

Настоящее названіе Колчановой пристани Рождественско-сясская. Она основана отцемъ нынѣшняго содержателя харчевни, Соколовымъ. Старикъ, управляя имѣніемъ своего господина, Капустина, замѣтилъ, что рабочіе и судовники, возвращаясь изъ Петербурга, до этого мѣста идутъ въ лодкахъ, а отсюда отправляются или пѣшкомъ, или нанимаютъ подводы, и въ 1814 году построилъ харчевню. Вскорѣ эта харчевня сдѣлалась центромъ сбора людей, мѣняющихъ путь судоходный на горный; сюда начали съѣзжаться и извозчики, чтобъ отвозить путниковъ. Повремени помѣщикъ отказался отъ промысла харчевней и передалъ ее основателю ея, Соколову; Соколовъ принялся за дѣло съ толкомъ: построилъ большой новый домъ надъ самою рѣкою; пять комнатъ отдѣлилъ для посѣтителей и нѣсколько покоевъ устроилъ для себя. Старикъ

Соколовъ уже померъ; теперь промъшляеть сынъ его, толстый, дородный, краснощекій дѣтина, и платитъ своему барину въ годъ 800 р. асс. Когда я вошелъ въ его харчевню, онъ, въ красной рубахѣ, въ короткомъ плисовомъ, поднявшемся на грудь жилетѣ, съ преисправно возвысившимся животомъ, лежалъ на диванѣ и читалъ книгу — и что же онъ читалъ? Ивана Выжигина.» И въ харчевню къ Колчанову дошла литература!

Въ Колчановой, кромѣ путешественниковъ, есть и промышленныя дѣла. Немного выше этой пристани начинаются сляскіе пороги, а потому тихвинки, слѣдующія по этой рѣкѣ, здѣсь разгруживаются наполовину; если въ суднѣ положено клади 1,000 пудъ, то идутъ отсюда порогами только съ половиной груза, т. е. съ 500 пуд.; сплывающіе же съ верховьевъ Сяси здѣсь догружаются для дальнѣйшаго хода къ Петербургу.

Отсюда ѣду лодкой до Ладоги; надобно плыть по Сяси 13 вер., а тамъ Сяскимъ Каналомъ.

Чемоданы мои уже сложены въ лодку. Хорошіе русскіе люди еще чаюють и, вѣроятно, прочитають долго; инымъ только — что подбавили и скипятили водицу въ самоварахъ, иные еще только — что раскраснѣлись и поразгладили свои длинныя бороды и выпили чайку по тринадцатой чашкѣ.

2 часа пополудни. Ладога.

Вотъ, наконецъ, я и въ Ладогѣ; какъ-нибудь въ эти сутки доберусь до Шлиссельбурга, а тамъ ужъ на пароходѣ три часа пути до Петербурга.

Отъ пристани Колчановой по Сяси мы хоть и по водѣ плыли, но теченіе въ рѣкѣ едва замѣтно, и должны были тануться бечевой; лошадь шла полнымъ шагомъ и мы хорошо подвигались впередъ.

Мы проходили между прекрасныхъ береговъ рѣки Сяси; по нимъ разбросаны дачи, деревеньки; вездѣ видна дѣятельность; на обоехъ берегахъ сложены десятки тысячъ сажень дровъ, сплавленныхъ съ верховьевъ рѣки, а отправить въ Питеръ эти дрова не успѣли, и они остаются здѣсь до будущей навигаціи. Тутъ груды и короткихъ семи-вершковыхъ березовыхъ дровъ и длинныя фабричныя дрова и среднія, сосновыя и еловыя; всю эту массу дровъ согрѣвающую петербургскихъ жителей, сплавляютъ не въ плотамъ

и не въ судахъ, а прямо спускаютъ ихъ въ рѣку и дрова плывутъ подь наблюдениемъ плывущихъ по рѣкѣ рабочихъ и прикащиковъ; когда же дрова подплываютъ къ мѣсту, назначенному для выгрузки ихъ на берегъ, то дѣлаютъ изъ бревенъ плотъ и запруживаютъ дрова, потомъ ихъ вытаскиваютъ и складываютъ въ поленищъ. Но странно то, что сплаваются такимъ образомъ дрова многихъ дровоторговцевъ и партій ихъ не мѣшаются въ рѣкѣ, особенно въ бурю! Говорятъ, что количество каждой партіи дровъ извѣстно и ни одинъ изъ дровопоставщиковъ не рѣшится присвоить себѣ чужой товаръ, потому-что его не дадутъ ему, ибо могутъ усчитать количество его товара, а за несправедливое присвоеніе только пристыдить его: такъ барыша было бы немного, а потому-то никто и не пускается въ эту продѣлку.

Полное осеннее ненастье; вѣтеръ верховой и довольно-силень, а перевозные карбасы плохи; мы съ трудомъ переѣхали Волковъ: едва не унесло насъ порывами бури въ Ладожское Озеро.

29 октября 7 часовъ утра. Шлиссельбургъ.

Въ ночь я переѣхалъ пространство отъ Ладоги до Шлиссельбурга. Сегодня холодно, льетъ дождь и во всю ночь такъ было. Начинаетъ свѣтать. Пароходъ отходить въ 9 часовъ. Я радъ, что нашелъ его здѣсь; по-крайней-мѣрѣ, окончаніе моего странствованія будетъ пріятное — на пароходѣ и по прекрасной рѣкѣ.

Приѣхавъ сюда, я хотѣлъ-было отдохнуть, но уснѣшь ли въ гостиницѣ? Еще было темно, какъ пришли судовщики, а послѣ нихъ, съ легкой руки, начались посѣщенія и требованія чая, «горячей водицы и прибавить сахарку». Половой покорно выслушивалъ приказы гостей и стремглавъ, какъ угорѣлый, каждый разъ бѣжалъ исполнить ихъ — такъ до отдыха ли тутъ усталому путнику! Немного погодя пришли трое молодцовъ; не то, чтобъ они были очень молоды, но и не стары, и расположились пить чай; выпили чашекъ по семнадцати на брата, и, напрощанье, начали оканчивать счетъ; двое плыли по каналу въ лодкѣ третьяго, такъ надо же и расплатиться. Видно, они не нанимали мѣста, а сѣли въ лодку попріятельски, а потому и рядной платы не было. «А что, братуха, вѣдь довольно съ насъ по пятачку?» — и вынули деньги. «Нѣтъ,

Ваня, мало». — «Ну такъ ужъ по гривенничку довольно, братуха?» — «Полно, Ваня, маловато; какія деньги гривенникъ!» — «Ну хорошо, дадимъ по пятиалтынному; ужъ, братъ, этого-то довольно; не говори». — «Полно ты, маловато; вотъ бы по два двугривенничка надо, сказалъ лодочникъ. Но пассажиры требованіе его нашли несоразмѣрнымъ и оба въ одинъ голосъ сказали: «Что ты! много, много!» однакожь прибавили, и вручивъ по двугривеннику, распростылись. Теперь и мнѣ пора на пароходъ.

На пароходъ. Полдень.

Въ 10 часу утра я нетерпѣливо ждалъ отправленія парохода. Пассажиры собирались медленно, а въ озерѣ шумѣла буря: зыбь волнъ, проходя мимо крѣпости, доходила до пристани и покачивала пароходъ; но ожиданіе кончилось — пустили пары, колеса завертѣлись и пароходъ двинулся по теченію рѣки. Быстро мы неслись мимо прекрасныхъ береговъ Невы; туманъ и ненастье осени хотя и лишили ихъ многого, все же глядишь и не наглядишься. Но мнѣ эти три часа казались длинными, очень длинными: ожиданіе встрѣчи съ ближними сердцу растягивало каждую минуту на какой-то длинный періодъ времени. Вотъ миновали и Александровскую Мануфактуру, вотъ, наконецъ, засинѣлъ и дивный куполъ Собора Смоленскаго Монастыря, вотъ и пристань, вотъ и конецъ пути моего съ береговъ Печоры и отъ дальней грани Урала въ дикой пустыни!

С. Петербургъ.

Что за чудное изобрѣтеніе пароходъ! какимъ вѣчнымъ спасибомъ мы, всѣ путешествующіе, обязаны умному Фультону! Вы не сетесь по волнующейся рѣкѣ и морю; васъ не держитъ ни буря, ни противное теченіе: могучая сила паровъ работаетъ для васъ, несетъ васъ къ желанной цѣли — а вы спокойный только зритель, созерцатель мимолетныхъ видовъ; вы требуете только, чтобъ въ извѣстный часъ быть въ опредѣленномъ мѣстѣ — и больше ничего; вамъ ужъ все кажется обыкновенно, что казалось еще такъ недавно необыкновеннымъ. Да, пароходъ — дивное изобрѣтеніе ума человѣческаго! передъ вами онъ сократилъ пространства, путь неопре-

дѣленный обратилъ въ опредѣленный, и вы можете сказать, что въ такомъ-то часу вы будете тамъ-то. Благодаря этой штуцѣ Фултона, и мы, странствователи, почти въ опредѣленную минуту остановились у пристани Смольнаго Монастыря; я сѣлъ на извозчика и чрезъ нѣсколько минутъ былъ ужъ въ кругу дорогихъ мнѣ; я нашелъ ихъ здоровыми и только одного малютки не было съ нами: онъ похороненъ на Волковскомъ Кладбищѣ.

Итакъ, 29 октября кончилось мое странствованіе. Возвратясь домой, къ родному очагу, невольно скажешь слова поэта: «когда постранствуешь, воротисься домой — и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.» Да, и для меня, наконецъ, насталъ возврата часъ желанный.

Списки съ жалованныхъ грамматъ Царя Іоанца IV, данныхъ

Ивашкѣ Ласткѣ.

Се Язъ, Князь Великій Иванъ Васильевичъ Всея Руссіи, пожаловалъ есми слободчика Ивашка Дмитріева сына Наугородцева по старой его жалованной грамматѣ, что мнѣ былъ челомъ, а сказывалъ, что на Устьцьльмѣ рѣкѣ отъ нижнаго конца Чухчины горы отъ островковъ вверхъ по Печоры рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки да по обѣ стороны Цыльмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижемѣ рѣкѣ, да по Ижмѣ рѣкѣ, по обѣ стороны до великой Пожни, да по Печорѣ рѣкѣ пески рыбные ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, соколы и кречаты садбища, а пашень, де ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ изстари нѣтъ ни чьихъ никакихъ и отъ пашенныхъ людей, отъ Двинскихъ и отъ Пинежскихъ, тѣ рѣчки и соколы садбища отошли далече, верстъ за пятьсотъ и больше, и на тѣ же рѣки и на пески, на рыбы ловища и на соколы и кречаты садбища у того Ивашки граммата слободская копити ему на Мена на Великаго Князя слободу, а съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ соколыхъ и съ кречатыхъ садбищъ Мнѣ Великому Князю дасть згуду на годъ оброку по кречату или по соколу, а не будетъ кречата или сокола, ино за кречата или за сокола оброку рубль, и какъ де тотъ слободчикъ Ивашко съ тѣмъ оброкомъ къ Москвѣ поѣдетъ или съ Москвы, и Наши мытчики и мостовщики и перевозчики съ него мытъ и перевозъ и мостовщину емлютъ, а въ той его грамматѣ отъ нашихъ пошлинниковъ мытъ и перевозъ и мостовщина не написаны. А Мнѣ Ивашка пожаловать, коли онъ поѣдетъ къ Москвѣ съ Нашимъ оброкомъ, или съ Москвы къ себѣ поѣдетъ, мыта и иныхъ пошлинъ съ него имати не велѣти и онъ будетъ

такъ какъ мнѣ Ивашка Дмитріевъ билъ челомъ и сказывалъ, что по тѣмъ рѣчкамъ лѣсъ, дичь и пашень и покосовъ и рыбныхъ ловищъ изстари нѣтъ ничьихъ и отъ людей далече, и Язъ Князь Великій Ивашка Наугородцева пожаловалъ: велѣлъ есмн ему на томъ лѣсу и впредь жити и дворъ ставити и людей призывать, жити и копити на Меня на Великаго Князя слободу, а давати ему Мнѣ Великому Князю съ тѣхъ сокольныхъ и кречатыхъ садбищъ згуду на годъ оброку по кречату, а не будетъ кречата, и ему за кречата по рублю, по старой его жалованной грамматѣ, до тѣхъ мѣстъ, чего его впредь нашъ писецъ напишетъ, а намѣстные Наши Пинежскіе и ихъ тѣуны, того Ивашка и тѣхъ его слобожанъ не судятъ ни въ чемъ опрнич душегубства и татбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не высъмаютъ къ нимъ ни почто, а придвечики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ слобожанъ Ивашко самъ во всемъ, а съ суда у нихъ емлетъ съ виноватаго пять денегъ Новгородскихъ, а случится судъ сместной, и тѣмъ его слобожанамъ съ городскими людьми или съ волостными, ставовыми и Наши намѣстницы Пинежскіе и ихъ тѣуны тѣхъ его слобожанъ судятъ, а Ивашко Дмитріевъ судятъ туто жъ и бережетъ въ сулѣ своего, а предъ судомъ дѣлятся на полы, а кому будетъ чего искать на Ивашкѣ на самомъ, ино его сужу Язъ Князь Великій или нашъ сокольникій, а коли тотъ Ивашко поѣдетъ къ Москвѣ къ Намъ Великаго Князя съ оброчнымъ кречатомъ или съ Москвы къ себѣ поѣдетъ, и по городамъ тамошники и по мѣстамъ Наши мытчики, и по рѣкамъ мостовщики и перевозчики съ того Ивашка тамги оброку и мыта и перевозу ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ не емлютъ; а кто у того Ивашки въ слободѣ прѣвзжихъ людей учнетъ житъ сильно, а ему не явля, и онъ съ того емлетъ промыты на Меня Великаго Князя рубль Московской, а на коли явить сію граммату Нашему Пинежскому намѣстнику и его тѣуну однова при его сидѣнье и онъ съ ее явки даетъ алтынъ. А дана граммата на Москвѣ лѣта 73 пятьдесятъ третьяго марта въ 61 день.

Копія эта, по резолюціи Правительствующаго Сената 1-го Департамента, и по прошенію архангелогородской провинціи отъ Черносошныхъ крестьянъ депутата, Устьцдылемской Слободки жителя, Ивана Чупрова, дана ему съ представленныхъ отъ него въ Пра-

вительствующій Сенатъ при челобитной подлинныхъ жалованныхъ грамматъ, о возобновленіи которыхъ онъ просить, а потому оныя и оставлены въ Сенатъ до собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній и рѣшительнаго по его прошенію опредѣленія. Января 16 дня 1769 года.

Се Язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ Всея Россіи пожаловалъ есми Ивашка Дмитріева сына Ластку, былъ челомъ, а сказываетъ, что есми пожаловалъ его напередъ сего далъ ему на оброкъ на Печорѣ на Устьцльмѣ лѣсъ черной, а велѣлъ есми ему на томъ мѣстѣ людей зазывать и пашни пахати, а оброку было ему давати въ нашу казну на годъ по рублю, да и грамату Нашу жалованную въ день на Москвѣ предъ Нами положилъ и въ грамматѣ Нашей жалованной пишетъ: пожаловалъ есми слободчика Ивашка Дмитріева сына Наугородцева по старой его жалованной грамматѣ, что Мнѣ былъ челомъ и сказывалъ, что на Усть-цльмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухчины горы отъ островковъ вверхъ Печоры рѣки пески, рыбныя ловища и всякія угоды, и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки и соколы и кречатыя садбища, а пашень въ тѣхъ мѣстахъ верстъ и за пятьсотъ и больше нѣтъ ни чьихъ, да и граммата у него Наша слободская есть, почему ему на Меня на Великаго Князя слобода копити и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и соколыхъ и кречатыхъ садбищъ мнѣ Великому Князю съ году на годъ оброку давати по кречату или по соколу, а не будетъ кречата или сокола, ино за кречетъ или соколъ оброку рубль; а Ивашка Ластка по той Нашей грамматѣ лѣсъ дичъ росчищалъ и въ слободку людей призывалъ и церковь Николѣ Чудотворцу въ той слободѣ поставилъ и попа устроилъ, какъ ему у той церкви мочно прожити и въ томъ ему убытки учинились великіе, и лѣта 34 били Мнѣ челомъ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ да Ивашко Семеновъ сынъ Бѣляевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ волостей, а сказывали намъ, что Ивашка Ластка съ слободки даетъ Намъ въ казну съ году на годъ оброку за соколъ по полтнѣ да надали Намъ надъ Ивашковымъ оброкомъ полгтретья рубля и они Насъ тѣмъ обогали, что Ивашка Ластка даетъ Мнѣ Царю и Великому Князю въ нашу казну на годъ за соколъ по полтнѣ, а тѣ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы отъ тое слободки и отъ Печоры живутъ болѣе тысячи верстъ, а Ивашка Ластка напередъ сего на тѣхъ Кеврольцевъ, Чакольцевъ и Мезенцевъ къ

Намъ битъ челомъ на нихъ прїѣзжалъ же, а ѣхали къ Намъ на Москву съ ними же вмѣстѣ и тѣ Мезенцы, ѣдучи съ нимъ дорогою подкинули его нарядною грамматою, и положили въ колодки въ его сумку, и Мы того сыскавъ здѣсь на Москвѣ, того Ивашка Ластку пожаловали велѣли ему ту слободку вѣдати по его старой грамматѣ, а у Кеврольцевъ, и у Чакольцевъ и у Мезенцевъ граммату есми свою жалованную велѣли взять назадъ, потому что тѣ Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы живутъ отъ той слободки и отъ рѣки отъ Печоры больше тысячи верстъ и лѣта 34 втораго Марта били намъ челомъ тѣ же большіе Пинегы, Кеврольцы и Чакольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ да Ивашко Семеновъ сынъ Бѣляевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ волостей, чтобы Намъ ихъ пожаловати велѣти имъ отдать ихъ жалованную граммату и оброкъ бы на нихъ велѣти взяти въ нашу казну по ихъ жалованной грамматѣ, а про Ивашку про Ластку сказали, что его безвѣсти нѣтъ, и мы ихъ пожаловали ту имъ граммату велѣли отдать и оброкъ нашъ по ихъ грамматѣ Дялку своему Василью Ступѣ Андрееву сыну на два года на прошлой лѣта 34 первой да нынѣшней лѣта 34 второй годъ по три рубли денегъ на годъ велѣли взяти. И послѣ того въ Апрѣлѣ прїѣхавъ на Москву Ивашка Дмитріевъ сынъ Ластка, да намъ билъ челомъ о той слободкѣ и о рыбной ловлѣ, о пескахъ по Печорѣ рѣкѣ и о всякихъ угодыяхъ пожалованной нашей грамматѣ на ту слободку, а сказывалъ, что онъ къ намъ на Москву съ нашимъ obroкомъ на срокъ не успѣлъ, потому что его на Печорѣ на промыслу Вахрамейко да Иванковы Бѣляева товарищи Кеврольцы и Чекольцы и Мезенцы задержали нарочечи своимъ товарищамъ, и Мы бы его пожаловати дати ему на ту слободку и на тѣ соколы мѣста своя жалованная граммата и вѣдати бы ему велѣти по старинѣ та слободка и соколы и кречатыя садбища и по Печорѣ рѣкѣ рыбныя по старинѣ по сей нашей грамматѣ и по старой какъ напредъ сего Ивашка Ластка вѣдалъ, а надъ тѣмъ obroкомъ надалъ въ Нашу казну рубль. И Азь Царь и Великій Князь Ивашка Ластку пожаловалъ велѣлъ ему ту слободку и соколы и кречатыя садбища и на Печорѣ рѣки рыбныя ловли и по мелкимъ рѣчкамъ и озеркамъ вѣдати по прежней нашей жалованной грамматѣ и по слободской и по сей нашей грамматѣ потому, что насъ тѣ Кеврольцы и Чекольцы и Мезенцы Вахрамейко Яковлевъ съ товарищи обогнали, что Ивашки Ластки безъ вѣсти нѣтъ, и давати ему

оброку Миѣ Царю и Великому Князю на годъ въ Нашу казну по четыре рубля Московскіе, а привозити ему тотъ оброкъ въ нашу казну на срѣтеневъ день и дати ему тотъ оброкъ въ первые на срокъ на срѣтеневъ день лѣта 34 третьяго. Писана на Москвѣ лѣта 34 втораго Апрѣля въ кн день.

При подлинной грамматѣ при концѣ печать. На подлинной грамматѣ на оборотѣ на главѣ подпись: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи.

На той же грамматѣ на оборотѣ написано: лѣта 34 Марта въ 1 били челомъ Казначеймъ Ѳедору Ивановичу Сукину да хозяину Юрью Юрьевичу Тютину изъ Двинскаго уѣзда Пинежана Староста Куземка Ѳедоровъ сынъ Кудреватой да Михѣйко Терентьевъ, что они платили по жалованной оброчной грамматѣ за рыбную ловлю на Устьцѣльмѣ по Печорѣ рѣкѣ на годъ по три рубли съ наддачею, и тѣ ихъ рыбные ловли на оброкъ взялъ Ивашка Ластка Дмитріевъ сынъ, а надъ ихъ оброкомъ наддалъ рубль и они надъ его оброкомъ наддавали два рубли, да сами съ Москвы съѣхали, а граммату свою оброчную оставили на Москвѣ; и послѣ ихъ Апрѣля въ Ѳ. Ивашка Ластка билъ челомъ намъ Казначеймъ, чтобы ему тѣ рыбные ловли на Цѣльмѣ по Печорѣ рѣкѣ велѣли дати на оброкъ, по его жалованной грамматѣ на тотъ же оброкъ съ наддачею на шесть рублей что давали Пинежане Куземка Ѳедоровъ да Михѣйко Терентьевъ, а про Пинежанъ Ивашка Ластка сказывалъ Казначеемъ, что они отъ Печоры рѣки и отъ Цѣльмы живутъ за тысячу верстъ и ловятъ рыбные ловли наѣздомъ, а самъ Ивашка Ластка живетъ на рѣкѣ на Печорѣ противъ Цѣлемскаго устья и Казначей велѣли Ивашкѣ Ласткѣ тѣ рыбные ловли на тотъ оброкъ отдать по его жалованной грамматѣ, а дати ему тотъ оброкъ съ наддачею въ первѣе на нынѣшней шестьдесятъ третій годъ, а подписалъ Дьякъ Василій Ступа Андреевъ.

Приказалъ Окольнічій Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ.

На подлинной по листамъ скрѣпилъ Секретарь Петръ Нипрахинъ.

Съ подлиннымъ читалъ Канцеляристъ Александръ Брызгаловъ.

Съ подлиннымъ свѣрлялъ Регистраторъ Илья Ивановъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ ПЕРСІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ

Подполковником И. Ф. Бларамбергом.

въ 1841 году.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемыя здѣсь публикѣ свѣдѣнія о Персіи были собраны мною во время пребыванія моего въ этомъ краѣ, съ 1837 по 1840 годъ. Имѣвъ случай обозрѣть разныя страны этого государства, я былъ въ состояніи лично собрать вѣрныя свѣдѣнія о немъ. Подробности относительно персидской торговли я получилъ отъ консуловъ въ Тавризѣ и въ Гиланѣ, и отъ иностранныхъ купцовъ, торгующихъ въ Тавризѣ; что же касается до торговли портовъ Персидскаго Залива, то нѣкоторыя подробности были мнѣ сообщены Армянами, служащими въ таможи Бендеръ-бушра и Бендеръ-Абасы.

Я не говорю ничего о нравахъ и характерѣ Персіянгъ, столь часто описанныхъ многочисленными путешественниками и разными авторами; въ ихъ сочиненіяхъ можно найти также болѣе подробностей о естественныхъ и другихъ произведеніяхъ и о животнословіи этого края.

Едва ли найдется государство, которое бы потерпѣло столько потрясеній то отъ внутреннихъ переворотовъ, то отъ вторженій завоевателей, поочередно имъ обладавшихъ, какъ Персія. Предѣлы ея подвергались такимъ же измѣненіямъ; они расширялись или стѣснялись сообразно съ могуществомъ ея владѣтелей. Во время величія Персіи, Индъ, Аму и даже Сыръ-Дарья, Кавказъ, Евфратъ и Океанъ Индійскій опредѣляли пограничную черту Персіи съ востока, сѣвера, запада и юга; но съ того времени силы ея весьма истощились и настоящія границы Персіи значительно сжались, хотя Персіане, изъ тщеславія, никакъ не соглашались съ этимъ. Мы постараемся очертить ихъ съ возможной вѣрностью.

На сѣверѣ Араксъ отдѣляетъ ее отъ русскихъ владѣній; далѣе Каспійское Море омываетъ берега Гилана, Мазандерана и Астабада, и наконецъ неопредѣленная черта идетъ между степями Харезма и Бухары. Герирудъ и степи Сеистана и Белуджистана могутъ быть приняты за границы ея съ востока; съ юга она омывается водами Индійскаго Океана и Персидскаго Залива; наконецъ Шатъ-эль-Арабъ и горы Загросъ ограничиваютъ Персію съ запада.

Эти обширныя страны, лежащія на пространствѣ 18 градусовъ долготы и 14 широты, весьма разнообразны по своей почвѣ, климату и произведеніямъ. Вообще, онѣ образуютъ большую возвышенную равнину (plateau), пересѣкаемую множествомъ возвышеній, хребтами скалистыхъ горъ и неплодными степями. Слова Кира-младшаго, сказавшаго Ксенофону: «Владѣнія отца моего такъ обширны, что люди въ одномъ концѣ погибаютъ отъ холода, а въ другомъ впадаютъ отъ зноя» могутъ быть примѣнены къ нынѣшней Персіи, особливо къ тѣмъ жителямъ, которые, задыхаясь

спачала горячею атмосферою песковъ, окружающихъ Персидскій Заливъ, были бы передвинуты потомъ къ сѣверу въ суровый климатъ Азербайджана.

Низменные части Персїи, называемыя Даштистанъ, или плоская страна, тянутся вдоль Индїйскаго Моря и Персидскаго Залива, и представляютъ рядъ песчаныхъ степей, гдѣ взоръ изрѣдка останавливается на купахъ финиковыхъ деревьевъ или поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, и то въ мѣстахъ, близкихъ къ ручью или колодезю. Берега р. Тигра не такъ бесплодны и Хузистанъ прежде славился богатствомъ своихъ произведеній. Между горами Альбурзъ и Каспійскимъ Моремъ снова низменная равнина, но уже роскошью своей растительности поражающая путника; далѣе къ востоку богатство ея мало-по-малу истощается и наконецъ совершенно исчезаетъ въ страшныхъ пустыняхъ Хорасана.

Промежутокъ между упомянутыми двумя низменными равнинами составляетъ возвышенную плоскость собственно такъ-называемой Персїи; высота ея надъ поверхностью моря измѣняется отъ 2500 до 3500 футовъ. Надъ нею поднимаются горы различной высоты, иногда достигающія до 7 и 8000 футовъ. Между вѣтвями этихъ горъ лежатъ болѣе или менѣе обширныя долины; иногда же онѣ поднимаются, подобно островамъ, посреди этихъ огромныхъ равнинъ. Самый отличительный характеръ Персїи, это — скалистые горы, пространныя бесплодныя и безводныя долины и обширныя, песчаныя или солонцеватыя степи. Одинъ изъ высочайшихъ ея хребтовъ отдѣляется отъ Кавказскихъ Горъ, идетъ вдоль р. Куры, пересѣкается ею на западной сторонѣ Моганскихъ Равнинъ и покрываетъ весь Карабагъ и Карадагъ группами утесистыхъ высотъ; отъ Ардебилъ онъ тянется параллельно южному берегу Каспійскаго Моря до Астарабада. Отсюда, пуская къ югу многія отрасли, онъ направляется на СВ. до Мешеда; другія отрасли расходятся къ востоку отъ Мешеда и наполняютъ область Гезаре и Багай - Мургабъ. Главная цѣпь между-тѣмъ соединяется къ востоку съ горами Парпомизскими, которыя, въ свою очередь, соединившись съ Хиндо - Кушемъ, теряются въ гигантскомъ хребтѣ Гималайскомъ.

Отъ огромной цѣпи этой, проходящей непрерывно почти 20 градусовъ долготы, отходятъ въ разныя стороны многія вѣтви, изъ коихъ однѣ теряются въ песчаныхъ равнинахъ или солонцева-

тыхъ степяхъ Восточной Персіи, а нѣкоторыя соединяются съ другими отраслями. Одна изъ нихъ, называемая Сагендъ (Sahend), беретъ начало на восточной сторонѣ озера Урміи и наполняетъ весь Азербайджанъ высокими горами; другая, идущая на Ю. и ЮВ. отъ мѣстосоединенія горъ Кафлангъ-Ку съ горами Курдистана, была извѣстна древнимъ подъ именемъ горъ Загросъ. Она отдѣляетъ древнюю Ассирію отъ Мидіи и, изрѣзавъ Курдистанъ множествомъ долинъ и кражей, направляется на ЮВ. подъ названіемъ горъ Лористанскихъ или Бахтіарскихъ; далѣе, пройдя черезъ Фарсъ, тянется, въ различномъ разстояніи отъ береговъ, вдоль Персидскаго Залива до Гомбруна, гдѣ она сначала какъ-бы исчезаетъ, но, поднявшись потомъ опять на югъ отъ Кермана, тянется на востокъ черезъ средину Мекрана и Белуджистана, и теряется наконецъ въ степяхъ Синди, или въ отрасляхъ, отдѣляющихся отъ горъ Афганскихъ. *)

Отъ этого главнаго кража именно отходятъ множество вѣтвей, покрывающихъ цѣлую Персію скалистыми хребтами наподобіе сѣти, между которыми находятся связь долинъ **) и равнинъ, различествующихъ обширностью и произведеніями, смотря по климату и относительному ихъ положенію. Тамъ, гдѣ вода въ изобиліи, почва плодородна; но природа именно наиболѣе отказала Персіи въ водѣ. Отъ устьевъ Инда до устьевъ Евфрата, на пространствѣ почти 2000 верстъ, нѣтъ ни одной рѣки, которая была бы судходна, кромѣ при устьѣ своемъ въ океанъ. Даже малыя рѣки рѣдки, и потому воздѣлываніе земли весьма ограничено.

Тигръ, составляющій частью западную границу Персіи, не должно считать принадлежащимъ къ этой странѣ, хотя онъ беретъ

*) Самыя высокія вершины этой цѣпи:

Въ Азербайджанѣ:

- г. Саваланъ, къ западу отъ Ардебилъ, 12197 ф.
- г. Сагендъ, къ югу отъ Тавриза, 8600 ф.
- г. Герасель-Дагъ, къ ЮЗ. отъ Хоя, 9000 ф.
- г. Эрланъ-Дагъ къ западу отъ Хоя 8400 ф.
- г. Кумъ-Ко, на правомъ берегу Аракса, напротивъ Урдабада 8000 ф.

Въ остальной части Персіи:

- г. Эльвендъ или Эрвендъ, при Гамаданъ, 10,000 ф.
- г. Балказъ къ СЗ. отъ Сенне въ Курдистанѣ, 7500 ф.
- г. Демавендъ въ горахъ Албуръ, къ СЗ. отъ Тегерана, болѣе 12000 ф.

**) Общее направленіе этихъ долинъ отъ запада къ востоку.

начало свое въ западныхъ покатостяхъ горъ Загросъ и принимаетъ нѣкоторыя впадающія рѣки, выходящія изъ горъ Бахтіарскихъ, Лористана и Курдистана. Важнѣйшія суть:

1) Карунъ или Куранъ (Eulaeus у Геродота), имѣющій начало къ ЮЗ. отъ Испагана изъ горы Куги - Сердъ; онъ течетъ черезъ г. Шустеръ и, принявъ съ правой стороны р. Дизфуль, нѣсколькими устьями впадаетъ въ Персидскій Заливъ на востокъ отъ Шатъ-эль-Араба, съ которымъ одно изъ нихъ соединяется посредствомъ канала.

2) Кера, Керха, Кара-су (Choasres у древнихъ), выходитъ двумя истоками изъ Эльвендскихъ и Негавендскихъ Горъ, и соединяется съ Тигромъ ниже Корны. Важнѣйшіе притоки съ лѣвой стороны Кашаганъ и Аби-Заль, съ правой же Керендъ.

3) Діиенга (Ghyndes у Геродота, Delas у Тацита) беретъ начало въ горахъ Загросъ въ Зохабъ двумя рукавами Аби - Ширванъ и Голванъ Зохабъ, соединяющимися при Кизилъ-Робаншъ, и впадаетъ въ Тигръ ниже Багдада.

4) Адгемъ (Phykon древнихъ).

5) Малый Забъ, Забъ-Асфалъ, Алтунъ-су (древній Каргос).

6) Большой Забъ, Забъ-Аала (древній Лусис), всѣ три имѣютъ начало въ горахъ Загросъ, но только верхнія ихъ части находятся въ предѣлахъ Персіи.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Персидскій Заливъ, стоять вниманія еще:

Табъ (древній Agosis), выходитъ двумя рукавами изъ Бахтіарскихъ Горъ, соединяющихся при Зейтунъ. Джераи или Ераи также выходитъ двумя рукавами изъ упомянутыхъ горъ, течетъ къ западу; одинъ изъ его рукавовъ, Доракъ, впадаетъ прямо въ заливъ, другой же соединяется при Саблѣ съ Каруномъ.

Восточный рукавъ Евфрата также имѣетъ начало свое въ западныхъ покатостяхъ горъ Загросъ.

Араксъ выходитъ изъ Арменіи, въ персидскихъ владѣніяхъ, составляетъ частью ихъ сѣверную границу и принимаетъ съ правой стороны многіе притоки, раждающіеся въ горахъ Курдистана и Азербайджана.

Кызылъ-Узень беретъ начало въ горахъ Балкасъ на сѣверѣ отъ Сеинѣ въ Курдистанѣ, пересѣкаетъ хребетъ Албурзь и на востокъ отъ г. Решта впадаетъ въ Каспійское Море, ко-

торое, кромѣ того, принимаетъ множество потоковъ и рѣчекъ, вытекающихъ изъ Албурза; важнѣйшія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, Гюргенъ и Атрекъ, текуція съ востока, оросивъ часть Туркменской Равнины.

Что касается до рр. Гильменда съ притоками и Герируда, то онѣ находятся нынѣ внѣ предѣловъ Персіи.

Изъ рѣкъ, теряющихся въ степи (Кавиръ), главнѣйшія:

1) Кереждъ, имѣетъ начало въ горахъ Албурза, течетъ къ ЮВ. и теряется въ пескахъ въ равнинахъ Вералитскаго Уѣзда (булука).

2) Кара-Су, беретъ начало изъ Гамаданскихъ Горъ, течетъ къ В. и теряется въ пескахъ въ СВ. отъ Кума.

3) Зендерудъ, имѣетъ начало свое въ Куги-Зердъ, течетъ мимо Испагани; далѣе онъ теряется въ пескахъ Кавира.

Многочисленныя рѣчки текутъ еще съ Албурскихъ Горъ и исчезаютъ всѣ въ огромныхъ пескахъ Хорасанской Пустыни.

Вотъ главнѣйшіе водостоки Персіи; и если принять въ соображеніе, что объемъ ихъ слишкомъ малъ въ сравненіи съ пространствомъ земли, ими орошаемомъ, то согласиться должно, что свойство безплодія ему приписываютъ не безъ основанія.

Отличительный характеръ топографіи Персіи заключается въ множествѣ соленыхъ озеръ, тамъ встрѣчаемыхъ, и ручьевъ, насыщенныхъ солью, что доказываетъ особенное преобладаніе этого минерала. Изъ озеръ сихъ важнѣйшія:

Урмій или Шаи (Spranta у Страбона, Martiane у Птолемея) въ Азербайджанѣ, имѣетъ до 500 верстъ окружности. Возвышенность его надъ поверхностью моря считается до 4500 футовъ. Вода чрезвычайно солена и берега покрыты накипями соли; многія рѣчки и ручьи впадаютъ въ озеро—всего 14. Изъ нихъ замѣчательнѣйшія:

Джагату или Ягаты, съ притокомъ Сурахъ съ ЮВ., и Айжи или Уджанъ съ СВ. Зато ни одна рѣка и ни одинъ ручей не вытекаютъ изъ него. Посрединѣ озера находятся до 56 острововъ, почти всѣ мелки и необитаемы. Рыба, по причинѣ солености воды, не можетъ въ немъ существовать. Вода имѣетъ или темно-голубой цвѣтъ или съ зелеными отливами, смотря по преломленію лучей свѣта, и къ-тому же чрезвычайно прозрачна. Глубина воды переменяется отъ 3-хъ, 5-ти до 22 футовъ. Говорятъ, что съ нѣкотораго времени вода въ этомъ озерѣ убыва; по-крайней-мѣрѣ одно селеніе,

стоявшее прежде на самомъ берегу, нынѣ находится отъ него въ разстояніи болѣе версты.

Озеро Бахтеганъ, въ Фарсистанѣ, къ востоку отъ Шираза, гораздо меньше предъидущаго, но также чрезвычайно солено, хотя многіе потоки вливаютъ въ него свои воды. Между ними замѣчательны Куръ или Бендъ-амиръ.

Озеро Гамоунъ, иначе Зерра, лежитъ внѣ нынѣшнихъ предѣловъ Персіи.

Но что болѣе всего поражаетъ при взглядѣ на физическое положеніе Персіи, это—общія ей съ большей частью Средней Азіи и Африки — обширныя песчаныя и солонцеватыя степи. На сѣверѣ степи эти начинаются у подножій Альбурза и во многихъ мѣстахъ такъ сказать, проникаютъ между его вѣтвями. Кавиръ, или Соленая Степь, простирается къ югу на большое пространство Ирака, и неправильною, но весьма рѣзкою чертою идетъ вдоль округовъ Тегерана, Кашана, Испагана, Мургаба и Дарабгирда въ Фарсѣ, включаетъ оазисъ Езда и сливается съ Керманскою Пустынею; на востокѣ же она покрываетъ значительную часть южнаго Хорасана и примыкаетъ наконецъ къ пескамъ Сеистана и Белуджистана. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ областяхъ, равно какъ въ Мекранѣ на обитаемыхъ мѣста должно смотрѣть болѣе какъ на оазисы посреди песчанаго, совершенно бесплоднаго океана, чѣмъ на непрерывное пространство земли, которое могло быть улучшено и приносить пользу.

Свойство степи этой различно, смотря по мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ поверхность ея суха, песчана и производитъ даже растенія, сродныя солонцеватому грунту; въ другомъ она растрескана и покрыта солонцеватыми накипями. Бѣлая часть почвы болотиста; тающіе снѣга и ручьи, вливающіеся въ степь, образуютъ весной въ низкихъ мѣстахъ большія лужи. Во время лѣтнихъ жаровъ вода испаряется и на вязкомъ и иловатомъ днѣ остается соль въ видѣ пластинокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песокъ преобладаетъ и представляется взорамъ то въ видѣ печальныхъ равнинъ, то въ видѣ бугровъ, легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто вѣтромъ; песокъ этотъ иногда бываетъ такъ легокъ и неосязаемъ, что дѣлается опаснымъ для путешественниковъ и погребаетъ ихъ подъ своими наносами. Весь Гермусиръ (теплая страна) или Даштистанъ принадлежитъ къ этому разряду, и онъ, равно какъ и значительная

часть Баба (южной Хузистана), могут быть причислены къ пустынямъ Персiи. Большiя равнины, простырающiяся у сѣвернаго склона горъ Альбуръ, на В. отъ Каспiйскаго Моря, и тѣ, которыя тянутся вдоль береговъ Аму - Дерьи (Оксузъ) сходны съ южными пустынями; т. е. они представляютъ также большiя пространства, напiтанныя солью и пересѣкаемыя мѣстами песчаными полосами, изъ которыхъ выказываются иногда обнаженныя скалы. Надобно предполагать, что обѣ эти пустыни соединяются дикими и безплодными мѣстами, лежащими между Мешедомъ и Балаи-Мургабомъ, тѣмъ болѣе, что горы Куистана и области Гезаре также изобилуютъ солью.

Ничто не можетъ быть печальнѣе этихъ степей. По мѣрѣ того, какъ путникъ углубляется въ нихъ, необразимое пространство, его окружающее, ужасающая нагота обожженной почвы, покрытой горькою солью, растопленной и блестящей отъ палящихъ лучей солнца, пересѣченной мѣстами черными скалами, самыхъ странныхъ и разнообразныхъ формъ, отъ дѣйствiя миража и сильной рефракцiи — все составляетъ самую грустную картину, о которой трудно составить себѣ понятiе.

Со стороны Персидскаго Залива видъ края этого такъ же мраченъ и угрюмъ, потому-что, обогнувъ мысы Джаскъ и Массендомъ, взору представляются одни скалистые и голые островки, и сѣрыя утесистыя горы, окаймленныя у подножiя своею узкою полосой песку. Таковы Даштистанъ въ Керманѣ и Фарсѣ, съ своими горами, отдѣляющими его отъ Сиргада (Sirhad) или возвышенной и болѣе холодной плоскости.

Бендеръ-Буширъ (Abov-Shega) производитъ подобное ощущенiе своими бѣдными хижинами, изъ грязи построенными, фантастическими бадгирами, или башенками для провѣтриванiя, неопытными базарами, извилистыми, узкими уллицами, вдуцими между хижинами, построенными изъ финиковыхъ листьевъ. «Ужась, безмолвiе и невыносимый жаръ, (говоритъ одинъ англiйскiй путешественникъ), суть отличительныя черты не только этого города, но вообще береговъ Персидскаго Залива. Хотя Бендеръ-буширъ важнѣйшiй портъ по этому берегу, въ немъ, однакожь, незамѣтно того движенiя, которое неразлучно съ торговою дѣятельностью».

Непрiятное впечатлѣнiе, производимое Персiєю на путешественника, особливо если онъ вступитъ въ нее послѣ богатыхъ и пло-

дородныхъ долинъ Индіи, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ углубляется въ середину страны этой. Горы вообще имѣютъ самый отвратительный видъ. Онѣ представляютъ взору группы сѣроватыхъ скалъ, исчерченныхъ и расторгнутыхъ дѣйствіемъ атмосферы, и большею частью выдаются изъ равнинъ утесами. Даже тамъ, гдѣ горы покрыты слоемъ земли, происшедшей отъ разложенія скалъ, бока ихъ обнажены; на нихъ нѣтъ ни лѣса, ни зелени, потому-что весенняя трава послѣ двухъ мѣсяцевъ стараетъ и бѣстравя, но мгновенная растительность ея не оставляетъ по себѣ сѣваго листа. Равнины являются не въ лучшемъ видѣ. Онѣ состоятъ больше изъ хряща и валуновъ, отмытыхъ дождевыми потоками отъ горъ, и наносная почва эта, покрытая камнями или глинистою землею, будучи лишена влажности, такъ же бесплодна, какъ и камень. Взоръ путника не останавливается ни на одномъ деревѣ, исключая высокаго тополя или великолѣпнаго чинара (восточнаго платана), возносящихся надъ крестьянскими хижинами, или плодовыхъ деревьевъ ихъ садовъ, или, наконецъ, нѣсколькихъ ивъ, посаженныхъ у берега текучей воды, чтобъ, въ случаѣ нужды, доставить лѣсъ для строенія. Деревья эти, разстилая тѣнь свою по обширной равнинѣ, производятъ на душу болѣе грустное, нежели пріятное ощущеніе. Таковъ общій характеръ видовъ всѣхъ обитаемыхъ мѣстъ южной, восточной и средней Персіи. На сѣверѣ, на западѣ, вдоль береговъ Каспійскаго Моря, въ Курдистанѣ, Лористанѣ и частью въ Хузистанѣ лѣсъ и зелень въ большомъ изобиліи. Даже нѣкоторые округа Фарса заключаютъ въ себѣ долины несовсѣмъ обнаженныхъ отъ лѣса. Все же это составляетъ, однако, только малѣйшую часть Персіи. Чтобъ дать понятіе о мѣстоположеніи въ Персіи, должно исключить все, служащее ему украшеніемъ въ Европѣ. Здѣсь нельзя встрѣтить луговъ, испещренныхъ цвѣтами и зеленью, береговъ водъ съ коврами душистыхъ травъ, рѣкъ, извилисто терпящихся по плодороднымъ долинамъ. Тамъ нѣтъ ни величественныхъ лѣсовъ, ни парковъ, ни замковъ, ни вѣковыхъ деревьевъ, ни хижинъ, освѣщенныхъ тѣнистыми рощами, на которыхъ бы могъ успокоиться взоръ, или которые бы наполняли душу чувствомъ спокойствія, довольства и счастья. Усталый взоръ путешественника, съ трудомъ взшедшаго до вершины горы, или блуждающаго по необозримому, однообразному пространству, разстилающемуся окрестъ него, или останавливается на синеватыхъ, голыхъ и скалистыхъ высотахъ, подобныхъ той,

на которой онъ стоитъ самъ. Если на пространствѣ, объемлемомъ взоромъ его, находятся обработанныя мѣста, то можно ихъ различать только весною; а селеніе и городъ отличаются черной полосой или пятномъ, едва означенномъ садами, обыкновенно окружающими такія мѣста, и безъ которыхъ ихъ трудно было бы различить отъ обширныхъ развалинъ, разбросанныхъ вездѣ вокругъ. Полуразрушенный каравансарай съ почернѣвшими сводами, четырехугольная крѣпость, построенная изъ сушеной грязи съ зубчатыми башенками, замокъ полуутощенный, принадлежавшій когда-то хищному предводителю—вотъ предметы, встрѣчаемые тамъ и соответствующіе мѣстности; они рождаютъ самыя тягостныя и печальныя, но справедливыя мысли о несчастной участи жителей. Вотъ картина, видимая обыкновенно путешественниками, проѣзжающими по различнымъ частямъ Персіи. Огромныя пустыни, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ глубокое впечатлѣніе, но всеобщая бесплодность Персіи такая, что разность между этими пустынями и остальною частью почвы этого государства почти незамѣтна.

Путникъ, опечаленный картиною, которую представляетъ ему природа, напрасно ищетъ утѣшенія, бросая взглядъ на большой городъ. Создавъ въ воображеніи своемъ плѣнительное изображеніе знаменитыхъ городовъ Испаганя, Шираза, Тегерана, Тавриза и проч., украшенные вызолоченными куполами, минаретами, мечетями и великолѣпными строениями, онъ сильно огорчается, встрѣтивъ наконецъ эти огромныя массы развалинъ и нечистотъ, которыя находятся даже въ самомъ лучшемъ изъ вышеупомянутыхъ городовъ; между-тѣмъ, какъ всѣ богатства и удобства, дѣйствительно заключенныя въ немъ, тщательно скрыты отъ его взора. Персидскій городъ особливо является въ однообразномъ и неблагопріятномъ видѣ, если его осматриваютъ съ возвышеннаго мѣста. Дома, выстроенные изъ сушеной грязи, не различаются цвѣтомъ отъ земли, на которой они находятся, и, по малому возвышенію ихъ и неправильности, кажутся болѣе неровностью мѣстоположенія, нежели жилищами людей. Даже дома вельможъ рѣдко имѣютъ болѣе одного этажа, и высокія стѣны, скрывающія ихъ, производятъ печальный и мрачный эффектъ. Что касается до публичныхъ зданій, тамъ найдутся только мечети, медресы или училища и каравансарай, которые не отличаются слишкомъ много величиною своею отъ другихъ строеній, и обыкновенно окружены развалинами и сжаты другими

зданіями. Общій взглядъ обнимаетъ собраніе плоскихъ крышъ, маленкихъ круглыхъ куполовъ и длинныхъ стѣнъ изъ сушеной грязи, перемѣшанныхъ съ множествомъ развалинъ, показывающихся вездѣ. Минареты и куполы значительной величины весьма рѣдки, и малое число изъ нихъ отличается великолѣпіемъ и изящностью. Даже дымъ, обыкновенно поднимающійся надъ крышами европейскаго города и возбуждающій жизнь и семейное счастье, не оживляетъ здѣсь нечальной картины; только одни сады смягчаютъ однообразіе ея: они украшены кипарисами, чинарами, тополями и фруктовыми деревьями, и ихъ встрѣчаютъ на большемъ или меньшемъ разстояніи около всѣхъ городовъ и селеній Персіи.

Приближаясь къ этимъ городамъ, даже къ бывшимъ прежде столицамъ Персидскаго Государства, взоры путника ищутъ признаковъ движенія и шума заботливой толпы, предвѣщающихъ многочисленное народонаселеніе, но онъ ищетъ и вслушивается напрасно. Въмѣсто шоссе, хорошо содержаннаго, опушеннаго деревьями, заборомъ, оградой, веселыми дачами и ведущаго прямо въ широкую улицу съ великолѣпными зданіями, путешественникъ, приближаясь къ восточному городу, принужденъ пройти черезъ узкія и грязныя улицы, кочковатыя какъ русло потока, обсаженныя съ обѣихъ сторонъ полуразрушенными стѣнами, или оградами изъ сыраго кирпича, скрывающія всю зелень и деревья, тамъ находящіяся; онъ долженъ продолжать путь свой черезъ ямы и возвышенія, черезъ остатки прежнихъ зданій и рывины, доставляющія матеріалы для новыхъ. Наконецъ онъ достигаетъ ограды города, стѣна котораго обыкновенно полуразрушена и окружена сухимъ ровомъ; онъ входитъ черезъ ворота, гдѣ онъ встрѣчаетъ нѣсколькихъ оборванныхъ караульныхъ солдатъ, и находится послѣ на бѣдномъ базарѣ, или въ среднѣй кучи развалинъ и щебня. Напрасно онъ ищетъ улицъ; даже дома едва видны между громадами развалинъ и грязи; часть ихъ построена въ рывинахъ и походитъ болѣе на огромныя гнѣзда муравьевъ, нежели на человѣческія жилища. Дома вельможъ и богачей, не зирая на ихъ внутреннее великолѣпіе и роскошь, тщательно скрыты посредствомъ высокихъ стѣнъ изъ сушеной грязи, и вокругъ ихъ стѣсняются хивины бѣдныхъ. Между этими строеніями странникъ продолжаетъ путь свой черезъ проходы и переулки, до того узкіе и заваленные нечистотою, что часто навьюченный оселъ едва можетъ пройти; въ подобныхъ случаяхъ пут-

никъ долженъ спускаться въ ямы, карабкаться черезъ кучи развалинъ и разной дряни, спотыкаться черезъ надгробные камни, которыхъ множество въ каждомъ городѣ, и наконецъ онъ рискуетъ сломать себѣ шею, особливо ночью, потому-что правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ для освѣщенія этихъ узкихъ и нечистыхъ переулковъ. Всѣ нечистоты, даже падалъ, бросаются на улицы, и вредныя испаренія ихъ производили бы заразительныя болѣзни, еслибъ воздухъ Персiи не былъ чрезмерно сухъ. Въ лѣтнее время пыль задушаетъ въ этихъ извилистыхъ улицахъ, а зимою или во время сильныхъ дождей, онѣ превращаются въ вонючіе клоаки, и тогда почти невозможно проходить чрезъ нихъ пѣшкомъ.

Вотъ общій взглядъ на Персiю въ нынѣшнемъ ея состояніи. Тамъ все разорено, или подвергается разрушенію; ибо тамъ ничего не дѣлается для поддержанія дорогъ; не только каравансарай и мосты рушатся одинъ послѣ другаго, но даже дворцы въ Султанѣ, Сулейманѣ и Касри-Каджарѣ, построенные Фетхъ-Али-Шахомъ большими издержками, разваливаются. Единственное исключеніе суть базары главныхъ городовъ: они построены обыкновенно изъ жженого кирпича, просторны, особливо испаганскіе, и всегда наполнены многочисленною толпою.

Перейдемъ теперь къ описанію болѣе подробному этого государства.

Очень затруднительно собирать статистическія свѣдѣнія о странѣ, подобной Персiи. Въ этомъ государствѣ нѣтъ ни одной отрасли управленія, основанной на постоянныхъ правахъ; провинціи рѣшительно предоставлены жадности своихъ губернаторовъ; тамъ не знаютъ ни поземельной книги (кадастръ), ни контроля таможенъ и доходовъ вообще, ни ревизіи народонаселенія, потому-что вездѣ господствуетъ совершенный безпорядокъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя удастся собрать относительно этого предмета, могутъ быть только приблизительны; но не менѣе того за симъ слѣдующія должны быть довольно-вѣрны: ибо они собраны лицами, имѣвшими способы пользоваться всѣми источниками и владѣвшими болѣе средствами постигнуть истину, нежели всѣ писатели, занимавшіеся до сихъ поръ статистическими изысканіями, топографическими и этнографическими описаніями Персидскаго Государства.

ПЛЕМЕНА,

населющія Персію, ихъ раздѣленіе, жилище, число и проч.

Жители, имѣющіе постоянныя жилища.

1) Таджики или Татъ, смѣсь первоначальныхъ жителей Персіи, изъ Медовъ и Парсовъ съ Аравитянами, Курдами и Турками.

2) Парсы или Гебры, около 15 или 20,000 жителей, живутъ по-большой-части въ Ездѣ и Керманѣ и занимаются хлѣбопашествомъ; многіе изъ нихъ переѣхали въ Бомбѣй.

3) Гилеки, потомки древнихъ Гелэ (Ghelae), живутъ въ Гиланѣ въ числѣ около 20,000 семействъ; занимаются преимущественно шелководствомъ.

4) Армяне, около 4,000 семействъ, живутъ въ Иракѣ и Персіи собственно, а 6,000 семействъ въ Азербайджанѣ; они занимаются торговлею.

5) Жиды, около 10,000 жителей, живутъ въ городахъ, какъ то: въ Индостанѣ, Ширазѣ, Тегеранѣ, Кашанѣ, Мешеди, Сари, Барфрушѣ, Гамаданѣ, Керманшахѣ и Хорамабадѣ (въ Лористанѣ); занимаются торговлею и разными ремеслами.

6) Сабии или Сабей, около 6,000 жителей, живутъ теперь въ Кусистанѣ; они происходятъ изъ Сиріи и говорятъ по-сирійски.

ВОЧУЮЩІЯ ПЛЕМЕНА, или ИЛЯТЫ,

раздѣляются на четыре языка.

1) Иляты турецкаго происхожденія.

а) Афшары, подраздѣляются на Казелу и Эреклу, живутъ въ Азербайджанѣ, особливо около Урміи; главное ихъ жилище между

Гамаданомъ и Керманшахомъ, въ урочищахъ Ассадабадъ и Ке-
новеръ, числомъ около 30,000 семействъ.

в) Каджары, живутъ въ Мазандеранѣ (главное мѣсто ихъ Астра-
бадъ), Мервѣ въ Хорасанѣ и около Ганджи (въ Грузіи). Хотя нынѣ
царствующая фамилія изъ Ашагабашъ, но отрасль Юхарибашъ
считается благороднѣе; число ихъ около 20,000 семействъ. Кад-
жары принадлежатъ къ племени Джелавръ нѣкогда сильному въ
исторіи Востока.

а) Ашагабашъ.

б) Юхарибашъ.

с) Муккадемъ, около 5,000 семействъ, живутъ близъ Мараги
въ Азербайджанѣ.

д) Думбали, 5,000 семействъ, около Салмаса и Хой въ Азер-
байджанѣ.

е) Талышъ, отъ 5 до 8,000 семействъ, живутъ въ Гилянѣ, осталь-
ная часть въ Талышахъ (русской провинціи, приобрѣтенной отъ
Персіи послѣ гюлистанскаго трактата).

ф) Кара - гѣзлы, 10,000 семействъ, около Гамадана, большая
часть изъ нихъ имѣютъ осѣдлость.

г) Баіеты, 7,000 семействъ, родомъ изъ Эривани, живутъ въ
Нишапурѣ, въ Фарсѣ, Азербайджанѣ и въ Тегеранѣ.

в) Шахсевены, 8,000 семействъ, около Ардебилъ и въ
Казвинѣ.

і) Джеванширы, 5,000 семействъ, прежде жили въ Ширвани,
и теперь въ Прати и часть ихъ находится въ Кабулѣ.

к) Фарсъ-Моданлу, около 4,000 семействъ, живутъ въ Фарсѣ.

л) Кошавенды или Косавенды въ Гилянѣ и Мазандеранѣ, въ
числѣ около 2,000 семействъ.

м) Шагаги (Shahahi), имѣютъ постоянныя жилища, занимаются
хлѣбопашествомъ и ремеслами, живутъ въ Азербайджанѣ въ числѣ
10,000 семействъ.

2) Иллы лорійскаго происхожденія.

Находятся въ центрѣ Ирана, происходятъ, вѣроятно, изъ Индо-
стана, откуда Афганцы или другая нація прогнали ихъ въ тепереш-

нія ихъ жилища; они живутъ въ палаткахъ; цвѣтъ лица и тѣла ихъ темнѣе нежели у другихъ номадовъ.

- a) Зендъ, 8,000 семействъ, живутъ къ сѣверу отъ Фарса.
- b) Лекезъ 10,000 семействъ, живутъ въ Фарсѣ.
- c) Хошилу 8,000 семействъ, живутъ въ Фарсѣ.
- d) Зенгене, 4,000 семействъ, живутъ въ окрестностяхъ Керманшаха.
- e) Фейлы, болѣе 50,000 семействъ, въ Лористанѣ или Луристанѣ (древній Elumais).
 - a) Пишку, 38,000 семействъ.
 - b) Пуштяку, отъ 12 до 16,000 семействъ.
- f) Бахтіары, около 30,000 семействъ, живутъ тоже въ Луристанѣ, въ горахъ Бахтіарскихъ.
 - a) Чеарленгъ.
 - b) Хефлетъ.
- g) Геррузъ, 5,000 семействъ, живутъ около Хамзѣ.

3) Илматы, курдистанскаго происхожденія,

- a) обитающіе Курдистанъ.

- a) Мекризы, около 2,000 семействъ, независимые, не повинуются ни Персіанамъ, ни Туркамъ.
- b) Билбасы или Билбазы, дикіе разбойники, совсѣмъ независимые, 5,000 семействъ.
- c) Джіафы, около 3,000 семействъ, независимые.
- d) Гураны, въ окрестностяхъ Сеппѣ.
- e) Баразы или Борекси, около 1000 семействъ.
- f) Зунсуры или Сурсурнъ, около 1,200 семействъ.
- g) Лекзы, около 1000 семействъ.
- h) Кочанлу, около 8000 семействъ.
- i) Калхуры, около 10,000 семействъ, близъ Керманшаха.

- к) Хаурамани
л) Гяшки
м) Мандели
н) Тилеку
- } около 10,000 семействъ.

Всѣ эти племена признають болѣе или менѣе верховную власть Персiи; но народонаселенiе ихъ весьма трудно опредѣлить.

β) Живущiе внѣ Курдистана.

- а) Реджевенды, около 5000 семействъ, въ уѣздѣ Тарунѣ, между Иракомъ и Мазандераномъ.
б) Пазеки, 2000 семействъ, около Тегерана.
в) Зафферанлу, 5000 семействъ, въ Хорасанѣ.
г) Эрделани въ Хузистанѣ.
д) Буджнурды, 6000 семействъ, въ Хорасанѣ.
е) Моданлу, 2000 семействъ, въ Мазандеранѣ.
ж) Енбарлу или Амбарлину въ Гилянѣ.

4) *Иляты, аравiйскаго происхожденiя.*

Живуть по - большой - части въ южномъ Иранѣ и около Персидскаго Залива, хотя нѣсколько племенъ были переведены Теймуръ-Ленгомъ во внутрь Персiи. Первые — рыбаки и мореходцы, послѣднiе номады, похожiе на Бедуиновъ, собратьевъ ихъ. Часть сихъ послѣднихъ позабыла даже говорить по-арабски; но первые говорятъ этимъ языкомъ и они совершенно удержали обычай и нравы Аравитянъ.

А) Пастухи.

- а) Бостандже, 5000 семействъ, въ Хорасанѣ.
б) Туни, 5000 семействъ, въ Хорасанѣ; часть ихъ живеть въ Афганистанѣ.

- с) Джендаги, живутъ въ Ездской Пустынѣ.
- д) Агаханы, 5000 семействъ, въ южномъ Фарсѣ.
- е) Хавизы, въ Хузистанѣ, имѣютъ шейха изъ потомокъ Мухаммеда.
- ф) Атуллаги, 4000 семействъ, живутъ въ Керманѣ.

В) Рыбаки.

- а) Белуджи, живутъ въ южномъ Керманѣ, вдоль морскаго берега.
- б) Бени-Хуле, около Персидскаго Залива. Часть сего племени называется Бени-Харрамъ.
- с) Бени-Саабъ, живутъ около Бендеръ-Бушира.
- д) Бени-Кіабъ, около устья Шатъ-эль-Арабъ, и въ Хузистанѣ. Земля ихъ богата финиками, сарачинскимъ пшеномъ и пастбищами. Они большіе морскіе разбойники.

ЯЗЫКИ.

А) Древніе языки.

- а) Зендъ, священный языкъ древнихъ Парсовъ, писался съ лѣвой руки къ правой; есть еще другое писаніе—клинообразное.
- б) Пэльви (Péhelevi), простой языкъ жителей Гиляни, Мазандрапа и Хорасана; пишется съ лѣвой руки къ правой. Въ персеполійскихъ надписяхъ сохраняются остатки этого языка.

В) Персидскій языкъ.

- а) Фарсъ или древне-персидскій, съ разными діалектами, нынче потерянными, какъ то: Гиреви, Согдъ, Забули, Хузи, Марвази, и т. д.
- б) Ново-персидскій языкъ, раздѣляется на нѣкоторые діалекты, по странамъ. Онъ имѣетъ разнаго рода почерки какъ-то:
 - 1) Насхъ-тáлійкъ, или простой, употребляемый въ печатъ, въ литографіи и въ рукописныхъ сочиненіяхъ.

2) Шикестè, употребляется въ частной и политической перепискѣ, равно и въ рукописныхъ сочиненіяхъ.

3) Сііоге, употребляется въ счетахъ.

4) Насхъ, или священное писаніе Корана.

с) Курдскій языкъ, имѣеть почти столько діалектовъ, сколько племень.

Сверхъ того, существуютъ:

1) Сабейскій языкъ, имѣеть особенныя литеры; онъ есть діалектъ сирійскаго языка, имъ говорятъ Сабен.

2) Арабскій языкъ.

3) Армянскій языкъ.

4) Турецкій или туркменскій языкъ; имъ говорятъ всѣ турекія (татарскія) племена въ Персіи.

5) Лорійскій языкъ; онъ не имѣеть собственныхъ литеръ, а пишется арабскими буквами; онъ, кажется, діалектъ Тата - Гинду языка.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВА

НА ГУБЕРНІИ ИЛИ ОБЛАСТИ.

—

Въ таблицѣ, слѣдующей присемь, относительно нынѣшняго раздѣленія Персіи, примѣнялись къ реестрамъ, находящимся въ Диванѣ (Государственной Канцеляріи), по которымъ правительство собираетъ, или по-крайней-мѣрѣ должно собирать, налоги съ областей. По этимъ реестрамъ Персія раздѣлена теперь на 29 областей, правители которыхъ непосредственно завясятъ отъ шаха. Города и уѣзды каждой области, имена которыхъ означены въ 2-мъ столбцѣ упомянутой таблицы, завясятъ прямо отъ губернатора; но выборы и опредѣленіе начальниковъ этихъ уѣздовъ и городовъ также по большей части завясятъ отъ шаха. Въ третьемъ столбцѣ означены доходы каждой области, въ 1836 году, въ деньгахъ и въ разныхъ продуктахъ; послѣ этого года безпорядки въ управленіи такъ увеличились въ Персіи, что никакъ нельзя было опредѣлить хоть приблизительно ежегодные доходы этого государства.

Во время Фетхъ - Али - Шаха всѣ области Персіи всегда были продаваемы акціонерамъ, и тотъ и кто давалъ больше, имѣлъ преимущество. Хотя эта система, разоряющая край, частью уничтожена, но неменѣе того и до-сихъ-поръ каждый правитель области, при назначеніи его къ новому мѣсту, долженъ впередъ вносить въ казну часть годоваго дохода своей области, въ видѣ подарка, а потомъ старается вознаграждать себя, притѣсняя несчастныхъ жителей и особливо земледѣльцевъ вѣрнной ему области.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить съ точностью народонаселеніе края, обитасмаго мусульманами. Ненарушимость

гаремовъ и предрасудки народа препятствуютъ каждой правительственной ревизіи народонаселенія; кромѣ того, не существуетъ никакихъ реестровъ родившимся и умершимъ, могущихъ служить основаніемъ приблизительнаго исчисленія, такъ - что всѣ старанія опредѣлить число народонаселенія въ Персіи могутъ только быть основаны на однѣхъ догадкахъ. Самое правительство не имѣетъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній относительно сего предмета, и нынѣшній шахъ давно ужъ намѣревается произвести общую ревизію въ своемъ государствѣ, чтобъ привести наконецъ въ порядокъ распределеніе налоговъ. До сихъ поръ придерживаются правилъ, постановленныхъ въ царствованіе Ага-Мухаммедъ-Хана, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ даже во времена Аббаса II-го. Если случится, что жителямъ одного селенія (доля котораго въ налогѣ опредѣлена въ собирательномъ смыслѣ) невозможно пещись о сохраненіи своихъ канавъ орошенія, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, или по другимъ обстоятельствамъ, то они переходятъ въ сосѣднее селеніе и тѣмъ облегчаютъ тяжесть налоговъ жителямъ послѣдняго. Можно вообразить, сколько эти переселенія препятствуютъ точному опредѣленію числа жителей какого-нибудь уѣзда, не говоря уже о кочующихъ племенахъ, безпрестанно перемѣняющихъ свои кочевья.

По разсказамъ государственныхъ людей, народонаселеніе Персіи простирается до 9 милліоновъ жителей, но по другимъ свѣдѣніямъ, и особливо по наблюденіямъ одного католическаго монаха, живущаго въ Испагани, оно не превышаетъ 5 милліоновъ. Аббать этотъ въ продолженіе 13 лѣтняго пребыванія своего въ Персіи, замѣтилъ также ужасное уменьшеніе въ народонаселеніи. Онъ увѣрялъ, что въ одномъ Испоганѣ и его окрестностяхъ оно простиралось до половинны. Если принять въ уваженіе всѣ бѣдствія, опустошавшія Персію въ послѣднее время, что правительство не только не приняло мѣръ, для облегченія края, но, напротивъ того, народъ былъ болѣе и болѣе угнетаемъ въ продолженіе послѣднихъ годовъ царствованія Фетхъ-Али-Шаха, что война, чума и холера неоднократно уменьшали народонаселеніе, то можно утвердительно полагать, что наблюденія, сдѣланныя относительно Испагани и его окрестностей, относятся и до Персіи вообще. Съ другой стороны, если основывать вычисленія на собираемыхъ налогахъ, то нашли бы, считая по одному томану съ cadaго жителя, три милліона для осѣдлыхъ

обитателей, платящих подати, и столько же для кочующих племенъ, невоспавшихъ повинности; такимъ образомъ цѣлое народонаселеніе простиралось бы на 6 милліоновъ. Повторяемъ, однакожъ, что упомянутыя налоги основаны на старинныхъ росписяхъ, безъ вниманія къ уменьшенію народа; слѣдовательно счисленіе это не можетъ быть вѣрно. Графъ Симоничъ, бывъ русскимъ полномочнымъ министромъ при тегеранскомъ дворѣ, слышалъ однажды отъ самого перваго министра Хаджи-Мирзы-Агасы, что Персія въ послѣднія 15 лѣтъ потеряла до семи куруровъ, или $3\frac{1}{2}$ милліона жителей. Сходство это съ наблюденіями испаганскаго аббата заставляетъ насъ согласиться съ мнѣніемъ послѣдняго, т. е., что нынѣшнее народонаселеніе этого государства не превышаетъ 5-ти милліоновъ *).

Жители Персіи раздѣляются на осѣдлыхъ (Татъ или Таджики) и кочующихъ (Иляты), какъ уже выше было сказано; но раздѣленіе это ложно во многихъ мѣстахъ, потому-что часть номадовъ обитаютъ въ селеніяхъ, а другіе упражняются въ разныхъ ремеслахъ по городамъ. Впрочемъ, замѣтить должно, что это случается только съ Илютами тогда, когда потеря скота или другія случайныя обстоятельства принуждаютъ ихъ прибѣгать къ этимъ средствамъ; окончивъ ученичество, они по большей части возвращаются въ свои племена, гдѣ ремесло, въ которомъ они усовершенствовались, даетъ имъ болѣе выгоды и независимости. Иляты считаютъ себя гораздо выше Таджиковъ; каждое племя имѣетъ свое преданіе и свою родословную, доходящую часто до самыхъ отдаленныхъ временъ. Между этими кочующими народами есть племена, почти независимыя отъ шахской власти, какъ то: Бахтіары и Фейлы, живущіе въ горахъ, къ которымъ доступъ весьма труденъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПРОЗВАННЫЯ.

Между естественными произведеніями, произрастающими на почвѣ Персіи, одно изъ примѣчательнѣйшихъ, это — огромные

*) Шарденъ, основываясь на ревизіи, сдѣланной во время царствованія Аббаса II-го, полагалъ народонаселеніе въ Персіи до 40 милліоновъ жителей; Фразеръ, неоднократно посѣщавшій этотъ край, опредѣлилъ его въ 1821 году отъ 8-ми до 9-ти милліоновъ, наконецъ сэръ Джонъ Малкольмъ, бывши въ Персіи английскимъ посланникомъ, исчислилъ до 10-ти милліоновъ.

лѣса мазу, или дерево, доставляющее чернильные орѣшки. Продуктъ этотъ весьма важенъ въ торговлѣ и, кромѣ Далмаціи, кажется, въ другихъ мѣстахъ не растетъ, а потому и заслуживаетъ особаго вниманія.

Дерево мазу (родъ дуба, *quercus cerris*), дающее чернильные орѣшки, растетъ въ западномъ Курдистанѣ, преимущественно на востокѣ отъ горъ Загросъ, хотя находится также въ Керманшахѣ и Зохабѣ. Всѣ части этого полезнаго дерева имѣютъ свое употребленіе и идутъ въ продажу.

1) Мазу или мазуджъ, собственно чернильные орѣшки, темнубураго цвѣта, собираются весною. Одно дерево даетъ иногда цѣлый выюкъ мазу, иногда только нѣсколько батмановъ. Мазу продается въ Тавризѣ по 45 и 50 шаевъ за батманъ.

2) Брادرъ мазу и хурнукъ, тѣ же орѣшки, но цвѣта зеленоватаго; продаются вмѣстѣ съ первыми; пропорція зеленыхъ къ бурнымъ при продажѣ обыкновенно 26 на 100 батмановъ.

3) Зирси, бѣлые орѣшки, съ проточенной червякомъ дырой; въ вѣсѣ они легче двухъ первыхъ сортовъ и цѣна вполовину противъ нихъ. Ихъ собираютъ осенью.

4) Кельковъ, иначе гуліанъ, имѣетъ видъ мелкой гранаты, красноватаго цвѣта; продаются кожевникамъ для приготовленія кожъ. Цѣна его по 10 шаевъ за батманъ тавризскій.

5) Ханса-бегъ, собственно шишка дубовая,

6) Люска и

7) Сейска, всѣ три покупаются гамаданскими кожевниками для изготовленія кожъ, вмѣстѣ съ бѣлыми орѣшками.

8) Балутъ, жолудь, изъ котораго бѣдный народъ въ неурожаи печетъ хлѣбъ, превративъ его сперва въ муку.

9) Джафъ, внутренняя оболочка жолудя или перепонка; употребляется для изготовленія кожъ для бурдюковъ.

10) Гязу или гязиги, смолистое вещество, добываемое съ дерева лѣтомъ. Курды употребляютъ его въ лекарство: разводя въ водѣ, даютъ больному пить при началѣ оспы, для возбужденія сыпи выйдти наружу. Изъ него также готовятъ гезенгебенъ — лакомыя конфекты у Персіянъ.

11) Мокури, огромная кисть ягодъ, желтаго цвѣта, висящая съ дерева. Внутри оболочки ягоды клейкое вещество, употребляемое Курдами для излеченія ранъ, особенно оспенныхъ.

Каждый может свободно собирать въ лѣсахъ мазу, съ тѣмъ только, чтобъ начальники уѣзда (булаки), внесли по 1-му батману тавризскому мазу по окончаніи уборки. Село Сооухъ-булакъ (въ Азербайджанѣ) есть складочное мѣсто для чернильныхъ орѣшковъ, откуда часть отправляется прямо въ Турцію, а другая въ Тавризь. Тавризскіе купцы и наши тифлисскіе Армяне ѣздятъ въ Сооухъ-булакъ для заключенія контрактовъ съ откупщиками мазу; нѣкоторые иностранные купцы въ Тавризь также занимаются этою торговлею. Привозъ мазу изъ разныхъ мѣстъ въ Сооухъ-булакъ простирается до 2000 вьюковъ въ годъ; полагая вѣсъ вьюка 10 пудовъ, выходитъ, что въ Сооухъ-булакъ привозится ежегодно до 20,000 пудовъ. Ежегодный вывозъ изъ Тавриза этого продукта простирается, приблизительно, до 8 или 10,000 пудовъ; цѣна въ Сооухъ-булакѣ за батманъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 сабкорана. Въ Константинополѣ продается по $2\frac{1}{2}$ и 3 томана.

Въ сел. Сакизѣ также производится складка чернильныхъ орѣшковъ и другихъ произведеній дерева мазу. Туда привозятъ до 1000 вьюковъ въ годъ при хорошемъ урожаѣ и до 500 въ обыкновенные годы. Отсюда развозятъ ихъ въ Гамаданъ, Тегеранъ и проч.

Между деревьями главнѣйшія въ Персіи: клѣнъ, чинаръ (*Platanis orientalis*), тополь, вязъ (Кара агачъ), мастиковое дерево (сакызъ) и синджитъ; такъ обыкновенно называется дикое финиковое дерево.*) Дерево этихъ двухъ послѣднихъ весьма тяжело, смолисто и служитъ преимущественно для отопленія. Плодъ синджита похожъ на финикъ, но гораздо меньше, не такъ сладокъ и мучнистъ. Самые лучшіе финики Персіи производятъ Фарсъ и Арабистанъ, и они-то составляютъ важный предметъ торговли; качества керманскихъ финиковъ гораздо ниже. Что касается до персиковъ, абрикосовъ, яблоковъ, грушъ, вишенъ, сливъ, кизильниковъ, винограда и другихъ фруктовъ, въ Персіи они растутъ почти сами собою, и могли бы быть гораздо вкуснѣе и лучше, если бы Персіяне имѣли болѣе познанія въ садоводствѣ. Однакожъ, испанскіе киты (айва) отличаются величиною и превосходнымъ запахомъ.

Персидское желтое сѣмя употребляется какъ красильное вещество; но, по замѣчаніямъ г-на Гагемейстера, оно качествомъ ниже

*) У другихъ синджитъ есть грудная придорожная игла (le Jublier).

нежели турецкое желтое сѣмя. Растеніе это находится въ большомъ изобиліи въ Карадагѣ.

Корень Галаганъ есть также произведеніе Персіи, и ѣдкость его служить къ употребленію въ красильномъ искусствѣ. Тамъ растеть также мясной клей (Sarcocolle), дикая марена, извѣстная на Востокѣ подѣ названіемъ ализари (по-турецки кекъ - буязы), равно хмѣль и конопля.

Ассафетида (ангуссѣ по-персидски) собственно хорасанское произведеніе. Ривазъ или Рауашъ, т. е. дикій ремень, находится изобильно въ Курдистанѣ, равно какъ въ Хорасанѣ. Кунжутъ даетъ масло, употребляемое во всей Персіи.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИСКУПАЕМЫЯ.

Въ мазандеранскихъ горахъ открыли недавно слѣды золотыхъ и серебряныхъ рудъ, но до-сихъ-поръ правительство не приняло мѣръ для надлежащаго ихъ изслѣдованія. Персіи имѣеть также мѣдныя и желѣзные рудники, но добываніе ихъ маловажно. Англичанинъ Бетюнъ (Линдзай) занимался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обработываніемъ карадагскихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ рудниковъ; для сего предмета онъ выписалъ мастеровыхъ изъ Англіи; но въ 1838 году работы были имъ остановлены, по неполученію никакихъ пособій со стороны персидскаго правительства. Въ горахъ Кафланку при Міянѣ, находятся богатѣйшія мѣдныя руды; добываніе мѣди, однакожъ, тамъ невыгодно, по немнѣнью дровъ. Желѣзные рудники въ Мазандеранѣ (при Амолье) служатъ для отлитія ядеръ и полосъ для артиллеріи и находятся подѣ надзоромъ Чяфаръ-Кули-Бега, бывшаго воспитанника Горнаго Института въ С. Петербургѣ. Въ окрестностяхъ Кермана и Испагана также находятся желѣзныя руды. Вообще качества персидскаго желѣза гораздо ниже русскаго, исключая хорасанскаго желѣза, добываніе котораго, однакожъ, почти прекратилось по причинѣ смуть и безпорядковъ, продолжающихся уже нѣсколько лѣтъ въ этой области.

Свинецъ находится въ Керманѣ, въ Бахтіарскихъ Горахъ, въ окрестностяхъ Казируна, около Нетенса и Кашана; привозятъ также изъ Индіи.

Оперментъ (сюрмѣ) въ большомъ употребленіи въ Персіи и добывается въ Карадагѣ. Женщины имъ красять брови и рѣсницы.

Оперментомъ красятъ также фаянсъ и фарфоръ въ желтую краску, наподобіе золота. Большое количество сюрмѣ ввозятъ въ Турцію.

Сѣра добывается изъ горы Демавенда, близъ Тегерана, гдѣ ея неисчерпаемые рудники, и изъ курдистанскихъ горъ; она находится также въ окрестностяхъ Кума. Здѣсь есть и селитра, равно какъ около Демгана и Семнана; вообще Хорасанская Пустыня изобилуетъ селитрой.

Каменный уголь, употребляемый въ тегеранскомъ арсеналѣ, добывается изъ Демавенда, изъ Суджбулака и изъ Рудбара, что на рѣкѣ Кизиль-Узенѣ; послѣдній качествомъ самый лучший. До-сихъ-поръ Персіяне употребляли его въ маломъ количествѣ, невзирая на то, что онъ находится въ изобиліи и почти на уровнѣ земли въ упомянутыхъ мѣстахъ.

Нишапурскіе рудники бирюзы, составлявшіе прежде важную отрасль доходовъ Персіи, даютъ нынѣ ежегодно едва 500 томановъ правительству, отдающему руды эти жителямъ на откупъ. Главная и самая богатая изъ этихъ рудъ провалилась въ 1832 году, и съ-тѣхъ-поръ жители обрабатываютъ только окрестности и выкапываютъ мелкую бирюзу, цѣны и доброта которыхъ незначительны. Вывозъ бирюзы производится черезъ Бухару въ Россію и оттуда во Францію и другія европейскія государства, и чрезъ Бендербушвръ въ Индію; туда, въ 1836 году, вывозили ея на 4000 томановъ.

РЫБОЛОВСТВО.

При обзорѣни естественныхъ произведеній Персіи нельзя не сказать о рыбахъ, равно и о жемчугѣ, добываемомъ въ Персидскомъ Заливѣ. Рыбный промыселъ на Каспійскомъ Морѣ раздѣленъ между двумя откупщиками. Персіанинъ Миръ - Абуталибъ - Миръ - Багировъ, астраханскій купецъ 1-й гильдіи взялъ на откупъ отъ персидскаго правительства рыбную ловлю р. Сефидруда въ Гилянѣ, равно и Астрабадскаго Залива отъ р. Шакилы вдоль туркменскихъ береговъ до устья Гюргени. Прежде онъ платилъ за первую ежегодно 1,600 томановъ персидскому правительству, а вторая стоила ему 500 томановъ, считая и подарки, дѣлаемые имъ Туркменамъ, чтобы они ему не мѣшали

въ рыболовствѣ вдоль ихъ береговъ. Доходы одного гиланскаго рыбнаго промысла составляли около 140,000 рублей ассигнаціями въ годъ, но издержки Багирева также простирались до 80,000 руб. ассиг. ежегодно. Мазандеранская рыбная ловля отдана на откупъ астраханскому Армянину Суджаеву за 480 томановъ въ годъ. Теперь персидское правительство уничтожило прежніе контракты и требуетъ суммы гораздо значительнѣе за откупъ рыбнаго промысла вдоль упомянутыхъ береговъ; но Багиревъ и Суджаевъ опять заключили новые контракты съ первымъ министромъ Хаджи - Мирза-Агасы, и удержали за собою упомянутыя воды.

Всѣ суда, употребляемыя при этомъ промыслѣ, построены въ Астрахани, и имѣютъ русскихъ лоцмановъ и матросовъ (мусуровъ); они приходятъ къ персидскимъ берегамъ въ началѣ зимы, чтобъ начинать ловлю весною. Каждое судно отъ 150 до 200 тоннъ величиною и снабжено сѣтями, удами и проч. для ловли; на каждомъ суднѣ находится до 50 человѣкъ рабочихъ съ нужными для нихъ сѣстными припасами. Они привозятъ также разные товары для продажи, количество которыхъ, однако, довольно-ограничено, по причинѣ малаго размѣра судовъ, заваленныхъ снастями и припасами.

ЛОВЛЯ ЖЕМЧУГА.

Цѣна жемчуга, добываемаго ежегодно въ Персидскомъ Заливѣ, довольно-значительна. Во время царствованія Фетхъ - Али - Шаха, Остиндійская Компанія предлагала взять на откупъ острова Барейна (гдѣ производится главное добываніе жемчуга) за 250,000 томановъ ежегодно; но шахъ уклонился отъ предложенія, боясь, что Англичане распространять владѣніе свое вдоль прибрежнаго Персидскаго Залива. Барейнскіе Острова принадлежатъ теперь владѣтелю Маската, и продажа жемчуга тамъ менѣе значительна съ тѣхъ-поръ, какъ начали добывать его при островѣ Цейлонѣ; но персидскій жемчугъ гораздо лучше добротой. Для добыванія жемчуга при Островахъ Барейнскихъ употребляютъ ежегодно до 1,500 лодокъ; каждая изъ нихъ имѣетъ отъ 12 до 15 рабочихъ, включая туда и отъ 5 до 6-ти водолазовъ. Издержки для каждой лодки стоить спекулятору ежемѣсячно до 50 рублей ассигн. Различаютъ два рода жемчуга: желтый, посылаемый въ Индостанъ, и бѣлый, который

вывозятъ черезъ Басру и Багдадъ въ Европу; большая часть его остается въ Константинополѣ. Жемчугъ Персидскаго Залива теряетъ ежегодно одинъ процентъ своего цвѣта и воды, а по истеченіи 50-ти лѣтъ перестаетъ терять; жемчугъ же острова Цейлона теряетъ гораздо болѣе. Мелкій жемчугъ толкутъ и онъ входитъ въ составъ электуарія, называемаго маджомъ — крѣпительнаго свойства, по мнѣнію Персіянъ. Этотъ составъ въ большомъ употребленіи во всей Азіи.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Въ Персіи земледѣліе весьма ограничено, несмотря на плодородность почвы тамъ, гдѣ находится вода, и на старательность, съ которою проведены орошенія. Произведенія земли могли бы быть гораздо изобильнѣе и не только удовлетворяли бы потребностямъ жителей, но и служили бы для вывоза, еслибъ только собственность была болѣе обезпечена.

Персіяне отличаются искусствомъ орошать свои поля; *) но они не знаютъ или не умѣютъ употреблять способовъ для улучшенія и удобренія земель; почва, однакожъ, плодородна и зерно даетъ въ сѣверной Персіи часто самъ-25 и даже самъ-40. Въ южной же Персіи обыкновенный урожай считается 100 на 7, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропорція эта еще болѣе. Орошенія замѣняетъ навозъ, и послѣдній употребляется для тошенія, послѣ высушки его предварительно на солнцѣ. Земледѣліе ограничивается двумя или тремя родами хлѣбныхъ зеренъ, нѣсколькими огородными овощами и, смотря по мѣстностямъ, генною, табакомъ, макомъ, хлопчатую бумагою и клещевиною. Картофель почти не извѣстенъ въ Персіи, исключая окрестностей Тавриза и Тегерана, и хлѣбонашество тѣмъ лишается средствъ дать, въ случаѣ неурожая, пропитаніе жителямъ и скоту. Вся надежда на урожай полагается

*) Они имѣютъ два рода орошенія: одинъ искусственный (абн), посредствомъ каналовъ и подземныхъ канавъ или керизъ, приведенныхъ часто издалека. Этотъ родъ орошенія употребляется въ цѣлой Персіи тамъ, гдѣ дожди рѣдки и почва сухая. Въ горахъ, напротивъ, и особливо въ западной Персіи, жители ожидаютъ поливанія своихъ полей отъ однихъ дождей, и этотъ родъ орошенія называется у Персіянъ деиъ.

на таяніе снѣговъ и періодическіе дожди; и если случается засуха, то не минуешь голодъ, тѣмъ легче, что земледѣлецъ, боясь лишиться избытковъ своихъ, никогда не имѣетъ запасовъ. Сверхъ того, перевозъ хлѣбныхъ зеренъ и муки затруднителенъ, ибо, исключая большихъ городовъ, самыя населенныя уѣзды обыкновенно отдалены отъ главныхъ дорогъ, сосѣдство которыхъ подвергаетъ жителей непрерывнымъ притѣсненіямъ со стороны проѣзжающихъ хановъ и особливо сарбазовъ; наконецъ, зимою часто случается, что дороги завалены снѣгомъ, а это еще болѣе препятствуетъ сообщеніямъ.

Для молотья хлѣба употребляютъ деревянный цилиндръ, покрытый острыми камешками (родъ кремня) и движимый кругообразно парю воловъ; но обыкновенно это дѣлается просто двумя парами воловъ, которые топчаты колосья. Избитая такимъ образомъ въ мелкіе куски солома называется саманъ; ею кормятъ лошадей и скотъ вообще. Въ сѣверныхъ частяхъ Персіи разводятъ преимущественно пшеницу и въ особенности ячмень, ибо внѣшняя и внутренняя торговля употребляетъ огромное количество лошадей и лошаковъ, а ячмень, смѣшанный съ саманомъ, составляетъ единственную ихъ пищу.

Сарачинское пшено растетъ въ Гиланѣ, въ Мазандеранѣ и въ Астрабадской Области; въ послѣдней существуетъ особенный родъ его, называемый амбербу, весьма цѣнный въ Персіи. Вышепомянутыя провинціи снабжаютъ остальные части государства этимъ зерномъ, потому-что сарачинское пшено, разведенное внутри Персіи, недостаточно для потребности жителей. Изъ Гилана вывозятъ его также въ Астрахань, въ Баку и Ленкорань. Южныя провинціи также производятъ сарачинское пшено, и Аравитяне, населяющіе Багдадскій Пашалыкъ и берега Персидскаго Залива, покупаютъ въ Фарсѣ и Лористанѣ потребное имъ количество пшена. Вообще въ Персіи вездѣ можно разводить зерно это, гдѣ только довольно воды, чтобъ съ шобиліемъ орошать поля, имъ засѣянные; ни одно изъ всѣхъ хлѣбныхъ зеренъ не требуетъ такъ много воды, какъ сарачинское пшено: поля должны быть не только непрерывно наводнены, но слѣдуетъ также каждыя восемь дней поливать ихъ снова.

Туркменцы разводятъ особенный родъ проса, называемый ими джогенъ или зорра, джугара (*Holcus saccharatus*): каждый колось даетъ до 700 зеренъ и болѣе. Онъ двухъ сортовъ: одинъ послѣ-

ваецъ въ три, а другой въ пять мѣсяцевъ; оба сорта яровые. Стебель колоса имѣетъ часто до 2-хъ и болѣе сажень вышиною, а его толщина $1\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ; онъ содержитъ въ себѣ много сахарныхъ частей; рубленный, онъ составляетъ отличный и питательный кормъ лошадямъ и служитъ также для топлениа, замѣняа дрова. По разсказамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, растеніе джогенъ или зорра (Zorgath) есть то же самое, что дурра въ Египтѣ и Нубіи.

Клещевинное дерево (Ricinns) преимущественно разводятъ въ сѣверной Персіи; масло, извлеченное изъ него, въ большомъ употребленіи какъ на фабрикахъ, такъ и для освѣщенія, и оно часто замѣняетъ нефть.

Разведеніе хлопчатой бумаги (памбѣ) также распространено во всей Персіи. Обыкновенно она короткаго волокна, но бываетъ разныхъ сортовъ, смотря по мѣсту, гдѣ разводится. Хойская хлопчатая бумага считается самою лучшею. Волокно по большей части имѣетъ высокое и крѣпкое, но грубое. Растеніе это годовое; а такъ-какъ мало стараются возобновлять сѣмя, то оно скоро перерождается. Сверхъ того, хлопчатую бумагу собираютъ прежде нежели она поспѣетъ, чтобъ высушить ее на солнцѣ; въ этомъ состояніи сѣмя приростае крѣпко къ волокну (а его много, ибо каждая маковка содержитъ до 40 зеренъ), слѣдовательно бумага повреждена уже масломъ, выходящимъ изъ зеренъ, сверхъ того, выбита съ небреженіемъ, и оттого при перевозѣ весьма легко портится. Здѣсь совершенно не знаютъ попеченія и издержекъ, нужныхъ при укладкѣ и имѣющихъ столько вліянія на качество и цѣну хлопчатой американской бумаги. Зато большая часть употребляется жителями на мѣстѣ, для ткани болѣе или менѣе грубой. Ее прядутъ и ткнутъ здѣсь женщины, безъ того празднія, а оттого-то работа почти ничего не стоитъ. Персидская хлопчатая бумага равно и американская короткой шерсти, имѣетъ ту выгоду, что она принимаетъ и сохраняетъ довольно-долго краски. Эта ткань вообще довольно-крѣпка, но для нея нужно болѣе бумаги нежели для другой.

Шафранъ (зафранъ) разводится въ разныхъ частяхъ Персіи и служитъ для потребностей самаго края; сверхъ того, привозятъ его еще изъ Баку. Самый лучший шафранъ находится въ Кайтѣ (въ Восточномъ Хорасанѣ). Лепестки цвѣтовъ употребляютъ для кра-

шенія въ желтую краску, высушивъ ихъ предварительно на солнцѣ, а изъ зеренъ выдавливаютъ родъ масла.

Виноградъ персидскій даетъ вино превосходнаго качества; особливо отличаются вина ширазскія и испаганскія, приготовляемыя тамошними Армянами; издержки для сего предмета почти ничтожны. Изъ выжимокъ гонятъ водку, а тамъ, гдѣ дрова дороги, дистиллируютъ водку изъ изюма. Самый лучший изюмъ вывозятъ изъ Испагани и Шираза: онъ можетъ сравниться съ малагскимъ и гораздо дешевле. Виноградъ безъ зернышекъ, или кишъ - мишъ, въ Персіи вездѣ растетъ изобильно и составляетъ важный предметъ торговли. Вина тегеранскія и тавризскія, хотя довольно хороши, но далеко уступаютъ испаганскимъ винамъ. Изъ сока неспѣлаго винограда готовятъ отличный шербетъ (аби - гурра, abi-houga).

Макъ (хашхашъ), дающій опиумъ (теріакъ), разводится въ разныхъ частяхъ Персіи; качество его различно, смотря по мѣстамъ произведенія. Желтый опиумъ бываетъ въ Ездѣ, Керманѣ и Кашанѣ; въ Испаганѣ и Мазандеранѣ онъ темный, а въ Хорасанѣ совершенно черный. Чтобы получить опиумъ, дѣлаютъ легкіе горизонтальные надрѣзы на каждой маковой головкѣ, находящейся еще на стебелькѣ, т. е. покуда макъ еще не поспѣлъ. Бѣловатый сокъ, показывающійся тотчасъ на поверхности, дѣлается темнымъ послѣ сгущенія, и тогда осторожно снимается посредствомъ деревяннаго ножа. Вещество это, не требуя другаго приготовленія, есть опиумъ и поступаетъ въ этомъ видѣ въ торговлю. Вышеописанную операцію можно повторять до трехъ разъ. Чтобы дать опиуму цилиндрическій видъ, какъ этого требуютъ китайскіе курители, мѣсятъ его руками и катаютъ послѣ на столахъ посредствомъ досокъ, покрытыхъ желѣзомъ, а палочки приготовленныя такимъ образомъ, рѣжутъ въ различную величину. Изъ маковыхъ головокъ Персіяне готовятъ также сиропъ, одинакаго свойства съ опиумомъ, т. е. онъ опьяняетъ и усыпляетъ. Сиропъ этотъ въ большомъ употребленіи у любителей опиума: они пьютъ его вмѣстѣ съ чаемъ или шербетомъ, или просто его кушаютъ.

Индиго (ниль) разводится только въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи, преимущественно въ окрестностяхъ Шустера. Его раздѣляютъ на три разные сорта, а именно: 1) бурмуда, дающій краску темно-синяго цвѣта; 2) хуруджа, свѣтлѣе перваго, и 3) чамуръ

грязно - синяго цвѣта; только послѣдній сортъ приготовляютъ въ Шустерѣ. Вотъ способъ, употребляемый для приготовления индиго:

Бассейнъ, каменной работы, устроенный на открытомъ воздухѣ, наполняется вполонину водою и вполонину листьями индиго; смотря по времени года, смѣшеніе это остается болѣе или менѣе на солнцѣ, покуда оно не дойдетъ до извѣстной степени броженія. Потомъ спускаютъ воду, напитанную красящимъ веществомъ во второй бассейнъ, расположенный нѣсколькими футами ниже перваго. Здѣсь производится главная операція, ибо красящее вещество, бывши до-сихъ-поръ зеленымъ, приобретаетъ синій цвѣтъ только чрезъ прикосновеніе кислотвора изъ воздуха. Чтобъ достигнуть этого результата, нѣсколько рабочихъ спускается въ бассейнъ; они лопатками мѣшаютъ жидкость непрерывно и бросаютъ въ воздухъ, покуда атмосфера не совершитъ своего дѣйствія. Потомъ, давъ устояться нѣсколько часовъ жидкой массѣ, выпускаютъ воду, а осадокъ сушатъ на протянутомъ холстѣ, покуда онъ не приметъ вида глинистаго тѣста, которымъ наполняютъ небольшіе холстинные мѣшки; послѣдніе кладутъ подъ прессъ, чтобъ выдавить сырость, содержащуюся еще въ индиго.

Растеніе, производящее индиго, сѣютъ послѣ весеннихъ дождей, и если оно достаточно орошается, то производитъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, не нуждаясь въ возобновленіи. Оно похоже на конопель. Листья рѣзутъ три раза ежегодно: въ маѣ, августѣ и октябрѣ. Говорятъ, что листья перваго рѣзанья даютъ индиго 1-го сорта; втораго рѣзанья—индиго втораго качества, и такъ далѣе; индиго 1-го сорта, какъ выше сказано, имѣетъ цвѣтъ самый темный и блестящій. Чтобъ узнать эти разные цвѣта, ломаютъ кусокъ тѣста. Впрочемъ, опыты, сдѣланные европейскими химиками, доказали, что можно извлечь индиго 1-го качества изъ всѣхъ листьевъ безъ исключенія, если только поступать по принятымъ правиламъ при приготовленіи его. Персія должна ежегодно привозить большое количество индиго изъ Индіи, чтобъ удовлетворить своимъ потребностямъ въ этомъ веществѣ.

Сахарный тростникъ (шекеръ - камышъ) растетъ также въ окрестностяхъ Шустера и въ Хузистанѣ вообще, гдѣ прежде производилось много сахару; но теперь промыселъ этотъ почти прекратился. Изъ Индіи привозятъ ежегодно огромное количество индійскаго сахару для потребности края. Только въ Мазандеранѣ

занимаются еще разводкою сахарнаго тростника; но тамошній сахаръ не кристаллизуютъ, а добывается только въ видѣ сиропа, годнаго для приготовленія вареньевъ и конфектовъ. Однакожъ, сахарный тростникъ могъ бы употребляться для приготовленія рома, если бы религиозныя предразсудки Персіанъ не препятствовали этому.

Гена растеть въ южной Персіи, въ Ездѣ, Керманѣ, Ширазѣ и Шустерѣ; самый лучший, однако, привозятъ изъ Индіи. Его употребляютъ для крашенія волосъ и ногтей; большое количество вывозятъ въ наши закавказскія провинціи.

Окрестности Шираза производятъ самое лучшее качество табаку для кальяна, столь любимаго Персіанами. Его вывозятъ во всю Персію, въ Индію, Турцію и Аравію. Различаютъ три сорта, изъ коихъ калмедъ самый лучший. Цѣна вывозимаго ширазскаго табаку простирается ежегодно до 500,000 томановъ. Въ Хорасанѣ также производятъ табакъ, особливо въ Біаръ-Чуманъ, и покойный Фетхъ-Али-Шахъ предпочиталъ этотъ табакъ ширазскому.

Лёнъ разводятъ въ маломъ количествѣ въ Мазандеранѣ и въ Азербайджанѣ, особливо въ Салмазскомъ Уѣздѣ, но только для сѣмянъ, чтобъ дѣлать масло, ибо тамъ не знаютъ способа какъ выдѣлывать волокно. Конопель, какъ ужъ выше сказано, растеть, дикій, въ Персіи.

Вишневое дерево окрестностей Шираза и Шустера доставляетъ самыя лучшія чубуки въ цѣлой Азіи. Прежде вывозили ихъ ежегодно въ Турцію на значительную сумму; но съ-тѣхъ-поръ, какъ турецкое правительство ограничило число трубокъ, позволенныхъ имѣть каждому въ своемъ домѣ, вывозъ чубуковъ значительно уменьшился, такъ-что промыселъ этотъ въ большомъ упадкѣ.

При соединеніи рѣкъ Кызылъ-Узена и Шахруда, въ гористой части Гиланской Провинціи, находятся обширныя сады, имѣющіе до 250,000 оливковыхъ деревьевъ (зеитунъ). Каждое дерево приноситъ въ годъ до 25 или 35 мена шаги (11 пудовъ) оливокъ; а изъ 4-хъ пудовъ туземцы выжимаютъ одинъ пудъ деревяннаго масла. Въ Рештѣ 15 фунтовъ лучшаго масла продается по 3 руб. ассиг. Оно частью употребляется туземцами для освѣщенія, частью раскупается Армянами для пищи, но болѣе всего жители дѣлаютъ изъ него мыло, употребляемое преимущественно въ персидскихъ баняхъ; часть этѣхъ оливокъ также солятъ и продаютъ на базарахъ гиланскихъ. 15 ф. лучшаго мыла продаютъ по 3¹/₂ до 4 руб. ассиг.

а 15 ф. съѣстныхъ оливокъ стоить 20 коп. ассиг. Все это, масло, мыло и оливки, вырабатываютъ способами, нуждающимися въ усовершенствованіи и дошедшими до свѣдѣнія туземцевъ по древнимъ преданіямъ. Предпріимчивый промышленникъ могъ бы здѣсь доставить себѣ большія выгоды, еслибъ онъ нашелъ содѣйствіе персидскаго правительства при обработываніи этихъ оливокъ.

Въ Мазандеранѣ растутъ горьковатые померанцы отличнаго аромата и очень годные къ приготовленію ликеровъ и сироповъ; но они мало извѣстны въ Россіи. Лимонный сокъ, приготовленный изъ лимоновъ Фарской Провинціи, вывозятъ изъ Шираза по всей Персіи. Сушеные фрукты составляютъ важный предметъ вывоза изъ этого края.

Въ Персіи бываютъ огромные огороды; но тамъ разводятъ только дыни, арбузы и огурцы; особливо испаганскія дыни отличаются вкусомъ, величиною и ароматомъ; дынные гряды удобряютъ тамъ голубинымъ навозомъ. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ разводятъ свѣклу, морковь, капусту, кольраби, разнаго сорта бобы, горохъ, лукъ, чеснокъ, салатъ и проч. Вообще всѣ эти овощи очень хороши; но свекла преимущественно отличается сладостью и вкусомъ; бываютъ корни вѣсомъ до 30-ти фунтовъ и болѣе.

ШЕЛКОВОДСТВО.

Между произведеніями Персіи изъ царства животныхъ, шелкъ играетъ самую важную роль. Одинъ Гиланъ производитъ ежегодно до 100,000 мени шаги (360,000 пудовъ) шелка, изъ коихъ 80,000 мени шаги вывозятъ за границу. Произведеніе шелка (абришимъ) уменьшилось тамъ послѣ чумы въ 1831 — 32 годахъ; но теперь оно опять умножилось. Жители Гилана, угнетенные и разоренные тяжелыми налогами, самые бѣдные Персидскаго Государства, хотя край, ими обитаемый, богатъ всѣми дарами природы. (При описаніи Гилана будемъ подробнѣе говорить о тамошнемъ шелководствѣ). Шелкъ производится еще въ Мазандеранѣ, около Туршиза (Хорасана), въ Ездѣ, Керманѣ, Фарсѣ и Испаганѣ, но гиланскій шелкъ предпочитается всѣмъ.

ШЕРСТОНОСИЯЯ ЖИВОТНЫЯ.

Шерсть (пешмъ) также важное произведеніе Персіи. Хотя тамъ не употребляютъ никакого старанія относительно выбора шерсти и усовершенствованія породъ овецъ, но есть много мѣстъ, гдѣ добываемая шерсть та же самая съ незапамятныхъ временъ и всегда также хороша для выдѣлыванія ковровъ, войлоковъ, тканей и суконъ низшаго качества, для которыхъ ее обыкновенно употребляютъ. Ковры хорасанскіе, керманскіе и ферагунскіе извѣстны яркостью цвѣтовъ и прочностью; а гамаданскіе войлоки — тонкостью. Міанскіе ковры хотя далеко уступаютъ вышеупомянутымъ коврамъ, но неменѣе того они также удивительно прочны и крѣпки.

Овцы Азербайджана и Ирака походятъ на крымскихъ, особливо но толстымъ хвостамъ (курдюкъ); мясо ихъ отлично, весьма бѣло и даетъ много жиру; но въ шерсти онѣ уступаютъ хорасанскимъ и керманскимъ овцамъ. Кочующія племена окрестностей Гамадана, Керманшаха и особливо Курды славятся своими огромными стадами овецъ, коихъ ежегодно гоняютъ на продажу во внутрь Персіи. Цѣна имъ на мѣстѣ не превышаетъ 3, 4 и 5 сайбкيرانовъ (отъ 4 до 6 руб. ассиг.); но, по мѣрѣ удаленія, цѣнность возвышается, такъ-что въ Испаганѣ продаются по 8 и 10 рублей, а въ Тегеранѣ иногда и дороже. Главный доходъ гамаданской таможни состоитъ изъ пошлины, собираемой съ прогонныхъ стадъ овецъ изъ Курдистана. За 1000 головъ пастухъ обязанъ вносить 20 томановъ (200 руб. ассиг.). Считаютъ, что черезъ Гамаданъ проходятъ до 60,000 овецъ въ годъ. Въ Азіатскую Турцію, въ Константинополь, и даже въ Египетъ также гоняютъ огромныя стада барановъ изъ Курдистана; число которыхъ простирается до 500,000 головъ въ годъ.

Козій пухъ также важное произведеніе Персіи. Козы Езда, Кермана, Хорасана, окрестностей Кучана, Мешада, Капана и Хоія даютъ самый мягкій пухъ, изъ котораго дѣлаютъ шали, носки и разнаго рода ткани, подъ названіемъ барэка, падука и проч.; нѣкоторыя изъ этихъ тканей, по мягкости своей, подходятъ къ гератскимъ и даже кашмирскимъ. Въ Азербайджанѣ есть порода козъ, шерсть которыхъ употребляютъ для выдѣлыванія тканей подобно кашмирскимъ.

РОГАТЫЙ СКОТЪ.

Рогатаго скота вообще мало въ Персіи, исключая нѣсколькихъ долинъ въ Лористанскихъ Горахъ и болотистыхъ равнинъ Гилянъ и Мазандерана, гдѣ влажная почва и густые лѣса препятствуютъ разведенію овецъ. Самые кочующіе народы разводятъ преимущественно овецъ, молоко которыхъ предпочитаютъ коровьему, и сверхъ того, они употребляютъ съ пользою шерсть, шкуру, сало и мясо. Персіане мало ѣдятъ говядины; и надобно замѣтить, что въ жаркомъ климатѣ, гдѣ трудно сохраняется мясо, пища эта неспособна къ ежедневному употребленію для народонаселенія, такъ разбросаннаго. Орошаемое хлѣбопашество, раздѣленное по мелкимъ частямъ, почти не допускаетъ плуга; сверхъ того, у Персіанъ недостаетъ главныхъ заведеній нашего сельскаго хозяйства, чтобъ замѣнить пастбища, слѣдовательно содержаніе рогатаго скота тамъ очень трудно. Другая причина содѣйствуетъ еще къ убавленію скота. Доля поземельнаго налога установлена по числу паръ воловъ, принадлежащихъ земледѣльцу и представляющихъ количество пахатныхъ полей, имъ обработанныхъ; этотъ самый обычай оцѣнки произведеній принятъ владѣльцемъ земли при взятіи десятой части, собираемой имъ отъ земледѣльца, и вотъ причины, препятствующія къ умноженію рогатаго скота въ Персіи. Въ Мазандранѣ и въ Гилянѣ, однакожъ, находится превосходная порода скота; скотъ этотъ не крупенъ, но весьма красивъ и отличается хрящеватой вышуклостью на холкѣ.

ЛОШАДИ.

Персидскія лошади, знаменитыя нѣкогда своими отличными качествами, много переродились съ-тѣхъ-поръ, какъ арміи персидскія не составлены болѣе изъ огромныхъ массъ кавалеріи, какъ это бывало до вступленія вынѣпшей династіи на престолъ. Надиръ-Шахъ много старался, чтобъ улучшить породу персидскихъ лошадей; для сего предмета онъ послалъ самыхъ лучшихъ арабскихъ жеребцовъ, взятыхъ изъ Неджа (въ Аравіи) въ Хорасанъ, чтобъ перемишать ихъ съ туркменскими лошадьми, и изъ нихъ вышла отличная порода лошадей, неутомимыхъ, терпѣливыхъ, бойкихъ и прекрасныхъ стѣтей. Но теперь хорошія лошади довольно-рѣдки въ

Персія. Персидскій дворъ, равно какъ и вельможи, слишкомъ бѣдны, чтобъ держать многочисленныя табуны, какъ это водилось еще во время Фетхъ-Али-Шаха. Цѣна ихъ перемѣняется отъ 100 до 400 томановъ. Простыя и выучныя лошади (ябу) весьма крѣпки иносливы на большія тяжести; ихъ продаютъ отъ 10-ти до 30-ти томановъ.

Персіане много ухаживаютъ за своими верховыми лошадьми, и ихъ конюхи (мехтеръ) отличны во всѣхъ отношеніяхъ. Когда лошадь не осѣлана, всегда покрыта двумя одѣлами: одно, поменьше (поланъ), изъ шерстяной ткани, завязано на груди лошади; надъ нимъ находится большой войлокъ (намедъ), покрывающій лошадь отъ головы до конца хвоста. Когда чистятъ лошадь, то конюхъ, кончивъ чистку скребницею, беретъ кусокъ бумажнаго бархата и нѣсколько разъ третъ все тѣло; шерсть, и безъ того ужъ мягкая и короткая, дѣлается блестящею, что приписываетъ частью и сѣчкъ (саману), которою кормятъ лошадей въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ, прибавляя туда ежедневно отъ 7-ми до 10-ти фунтовъ ячменю. Весною пускаютъ ихъ на траву и кормятъ шесть недѣль хазыломъ, или зеленымъ ячменемъ, и потомъ юнджою, (родъ трилистника). Персіане держатъ только жеребцовъ; каждое изъ этихъ прекрасныхъ животныхъ привязано за заднія ноги веревкою, длиною въ сажень, къ желѣзному колу, который вбиваютъ въ землю посредствомъ молота; такимъ образомъ жеребцы не могутъ ни лягаться, ни драться между собою.

Лошадей куютъ плоскими подковами съ дырою въ серединѣ; подковы эти покрываютъ все основаніе копытъ; гвозди, въ числѣ восьми, имѣютъ пирамидальныя головки, препятствующія лошадямъ скользить; ихъ куютъ всегда холодными подковами, которыя держатся довольно-долго, не требуя перемѣны. Этотъ образъ кованья употребляется на всемъ Востокѣ.

Сѣдло персидское отлично и никогда не повредитъ спину лошади, потому - что между сѣдломъ и хребтомъ есть большой промежутокъ. Сѣдельная лука очень высока и служитъ для привѣски переметныхъ суммъ (хуражинъ), и ружья, когда слѣзаютъ съ лошади, равно и уздечки, принуждающей лошадь стоять смирно, поднимая голову. Персіане не знаютъ мундштуковъ и употребляютъ одну уздечку. Сбруя и чечраки (зинпушъ) болѣе или менѣе богаты, смотря по состоянію хозяина. Вельможамъ, во время путешествія,

всегда предшествуютъ нѣсколько хорошихъ жеребцовъ (едежъ), управляемыхъ конюхами и покрытыхъ богатыми чапраками, вышитыми по сукну; каждый стоитъ отъ 5 до 20 и болѣе томановъ.

Не взирая на хорошія качества персидскихъ лошадей, онѣ нѣжны и не въ состояніи вытерпѣть труды и непогоды, какъ русскія лошади. Около Персидскаго Залива есть порода мелкихъ лошадей, но весьма крѣпкихъ. Что касается до туркменскихъ лошадей, мы о нихъ будемъ говорить при описаніи туркменскихъ племенъ.

ЛОШАКИ (КАТЫРЪ).

Персидскіе лошаки извѣстны своею крѣпостью и неутомимостью. Они небольшого роста, но сила ихъ необыкновенна. На нихъ вьючатъ отъ 8-ми до 10-ти пудовъ и эти тяжести носятъ они ежедневно, совершая 50, 60 и болѣе верстъ, смотря по возможности найдти мѣсто для ночлега. Они ровнымъ шагомъ и большею частью иноходью идутъ черезъ каменистыя равнины, черезъ ущелья, по косягорамъ, по узкимъ тропинкамъ и по самымъ ужаснымъ дорогамъ. Обыкновенно ходятъ китарамъ т. е. по семи лошаковъ, привязанные одинъ къ другому цѣпочками, такъ-что недоуздокъ перваго прицѣпляютъ къ вьюку втораго, и такъ далѣе; шею ихъ увѣшаны колокольчиками и гремушками. При каждомъ китарѣ находятся по два погонщика; послѣдніе никогда не снимаютъ вьючныхъ сѣделъ съ лошаковъ, исключая, когда ихъ чистятъ. Если спина лошака повреждена или ранена, то они вынимаютъ немного шерсти изъ вьючнаго сѣдла надъ мѣстомъ, покрывающимъ рану, и потомъ опять кладутъ сѣдло, ибо опытность доказала, что подобныя раны должны быть лечимы подъ вьюкомъ, иначе онѣ снова открываются. Лошаки бываютъ также высоки ростомъ и весьма красивы: цѣна этимъ лошакамъ отъ 60 до 80 томановъ; шагъ ихъ — иноходь очень спокойная и пріятная; на нихъ ѣздятъ муллы и богатые купцы, тѣмъ охотнѣе, что лошакъ имѣетъ шагъ весьма верный и никогда не спотыкается. Цѣна простымъ лошакамъ отъ 10 до 30 томановъ.

ОСЕЛЫ (ХЭРЪ).

Это смирное и терпѣливое животное находится въ безчисленномъ множествѣ въ Персіи. Оселъ здѣсь малой породы. Безъ него

земледѣльцы не могли бы существовать; ибо всѣ перевозки съѣстныхъ припасовъ, углей, дровъ и проч. совершаются посредствомъ ословъ; они носятъ отъ 30 до 46 батмановъ (отъ 5-ти до 6-ти пудовъ). Тѣ, которые побольше ростомъ, служатъ бѣднымъ мулламъ и купцамъ для верховой ѣзды.

ВЕРБЛЮДЫ (ШЕТОРЪ).

Полезное животное это также находится во всей Персiи въ огромномъ количествѣ. Здѣсь оно средняго роста и одnogорбое, т. е. дромадеръ. Самка носитъ одиннадцать мѣсяцевъ. Молодыхъ верблюдовъ рано учатъ уже ложиться, сгибая ноги подъ себя для выючки. Для сей цѣли, положивъ молодаго верблюда такимъ образомъ на землѣ, покрываютъ его ковромъ или войлокомъ, а на концы того или другаго, лежащiе на землѣ, кладутъ камни, дабы препятствовать верблюду вставать; послѣ непродолжительнаго учения, онъ дѣлается очень послушнымъ и ложится и встаетъ, когда ему прикажутъ. По прибытiи каравана на ночлегъ, всѣ верблюды, принадлежащiе одному хозяину, ложатся въ кругъ, потомъ развязываютъ веревки, поддерживавшия выюки, такъ-что они скользятъ и падаютъ тихо по обоимъ бокамъ верблюда. Если надобно опять навьючить, то тотъ самый верблюдъ ложится между своими выюками и, навьюченный, встаетъ медленно; все это дѣлается скоро и безъ шума. Когда верблюды развьючены, ихъ пускаютъ въ степь, чтобъ они искали себѣ пищу; при захожденiи солнца они сами возвращаются, и тѣхъ, которые заблудились, зовутъ особеннымъ крикомъ. Воротаясь, они всѣ ложатся въ кругъ и каждому изъ нихъ суютъ въ ротъ шарикъ тѣста изъ ячменной муки, величиною въ два кулака. Животное это, хотя много работаетъ, но весьма умѣренно въ пищѣ и довольствуется нѣсколькими колючками; оно преимущественно любитъ харишоторъ (*Hedysarum alhagi*), колючее растенiе, изобильное въ Персiи. Во время спуска онъ мало ѣстъ и пьетъ; тогда онъ золь и кусаетъ каждаго, а изъ рта его выходитъ бѣлая пѣна. Весною верблюдъ теряетъ шерсть и кожа остается почти голая; тогда мажутъ его всего нефтью, чтобъ мухи его не беспокоили. Если верблюдъ раненъ подъ выючнымъ сѣдломъ, то моютъ рану мочею, и при чисткѣ верблюдицы употребляютъ, вмѣсто скребни-

цы, палку, выбивая шерсть верблюда, какъ выбиваютъ у насъ ковры, чтобъ отчистить ихъ отъ пыли.

Персидскій верблюдъ носить отъ 10 до 12 пудовъ; онъ совершаетъ отъ 3-хъ до 3¹/₂ версты въ часъ; но если дорога грязна, то онъ не можетъ совершать большихъ переходовъ и часто ломаетъ себѣ заднія ноги. Въ караванѣ они ходятъ по семи вмѣстѣ, одинъ за другимъ, что называется китаръ; они привязаны тонкою веревкой, въ сажень длиною, такъ-что одинъ конецъ прицѣпленъ къ вьючному сѣдлу предъидущаго верблюда, другой же идетъ черезъ ноздри слѣдующаго. Веревки эти легко рвутся, и онѣ нарочно такъ сдѣланы, чтобъ, если одинъ изъ верблюдовъ случайно упадетъ, предъидущій не оторвалъ бы у него ноздрей. Чтобъ верблюдчикъ, ведущій обыкновенно перваго верблюда, могъ знать, всѣ ли остальные слѣдуютъ за нимъ, то на шеѣ послѣдняго привязанъ колокольчикъ: если этотъ не слышенъ, то значить, что одна изъ веревокъ оторвалась и что часть верблюдовъ отстала или остановилась. Седьмой верблюдъ обыкновенно навьюченъ стѣстными припасами; и надобно замѣтить, что если купецъ нанимаетъ шесть верблюдовъ, то ему даютъ, сверхъ того, седьмаго, для поклажи; при трехъ нанятыхъ верблюдахъ ему даютъ полвьюка въ прибавку. Изъ верблюжей шерсти дѣлаютъ разныя ткани, очень крѣпкія и довольно-мягкія; равно ковры и войлоки; послѣдними покрываются палатки кочующихъ народовъ. Цѣна верблюду перемѣняется: отъ 10-ти до 25-ти томановъ, смотря по росту и крѣпости.

ОБРАЗЪ ПОМѢСТНАГО ИЛИ ПОЗЕМЕЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Разсмотрѣвъ произведенія Персіи, надобно сказать нѣсколько словъ объ образѣ помѣстнаго управленія.

Помѣстья бываютъ 3-хъ родовъ: 1) Халиссэ или помѣстья казенныя, происходящія по-большой-части отъ конфискованныхъ земель въ продолженіе царствованія Ага-Мухаммедъ-Хана и Фетхъ-Али-Шаха; 2) Эрбаби т. е. помѣстья, принадлежащія частнымъ людямъ или духовенству; 3) Туюлъ, или помѣстья, доходы которыхъ отданы правительствомъ частнымъ лицамъ. Послѣднія двухъ родовъ: или они составляютъ часть государственныхъ вотчинъ, или принадлежатъ другимъ частнымъ людямъ. Въ первомъ случаѣ особа, получившая такую милость, имѣетъ права на ²/₃, и

во второмъ случаѣ — на $\frac{2}{5}$ всего дохода. Поземельный налогъ включенъ въ этотъ доходъ. Мало есть особъ, принадлежащихъ ко двору, которыя не получили бы подобныхъ далий (туюль); но можно себѣ вообразить, сколько злоупотребленій выходитъ отъ подобнаго рода управленія помѣстьями. Земледѣлецъ большею-частью не въ состояніи платить оброка въ опредѣленный срокъ; онъ принужденъ уступать помѣщику, или сборщику податей, за низкую цѣну, еще несжатія произведенія свои; или же прибѣгать къ займамъ у ростовщиковъ. За ссуду берутъ въ селеніяхъ часто до 5% ежемѣсячно; а какъ отъ времени сѣянія (время, въ которое земледѣлецъ имѣетъ больше нужду въ деньгахъ) до жатвы проходитъ обыкновенно 6 мѣсяцевъ, то надобно прибавить еще 30% къ издержкамъ на произведенія земли и безъ того уже обремененныя столь тяжкими налогами. Оброкъ, собираемый помѣщикомъ отъ земледѣльца или отъ арендатора, простирается отъ 3-хъ до 4-хъ томановъ съ cadaго семейства, изъ которыхъ $\frac{2}{5}$ наличными деньгами, а $\frac{3}{5}$ въ натурѣ. Сумма эта представляетъ пятую долю общаго итога произведеній земли, половина которой вносятся помѣщикомъ въ казну подъ именемъ поземельной подати. Подушныя простираются отъ 7-ми до 8-ми саибкорановъ съ cadaго женатаго человѣка, исключая стариковъ и хаджи (совершившихъ путешествіе въ Мекку). Въмѣсто поземельныхъ податей платятъ казнѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по одному томану съ cadaго джероба земли (джеробъ имѣетъ около 13 квадратныхъ сажень), Малейатъ называется налогъ, требуемый казною съ cadaго земледѣльца натурою. Сверхъ того, платятъ съ барана 4 шаи, съ коровы 10 шаи, съ быка по саибкорану, съ cadaго буйвола, верблюда и съ кобылы по $2\frac{1}{2}$ саибкорана; наконецъ каждый дворъ обязанъ давать ежегодно по курицѣ помѣщику. Здѣсь не упоминается о чрезвычайныхъ налогахъ, происходящихъ при проходѣ сарбазовъ, при проѣздѣ хановъ и чиновниковъ съ своею свитою, которые, подъ видомъ сурсата, *) берутъ отъ сельскихъ жителей

*) Сурсатомъ называются състные припасы, которыми сельскіе жители должны снабжать проѣзжающихъ чиновниковъ; они получаютъ за то расписки, отдаваемые ими потомъ сборщику податей въ счетъ малейата; но послѣдній часто не принимаетъ расписокъ этихъ и, сверхъ того, проѣзжающіе чиновники, и особливо ханы со своими людьми, берутъ силою гораздо болѣе отъ земледѣльца, нежели имъ слѣдуетъ, и тѣмъ разоряютъ бѣдныхъ сельскихъ жителей.

нужную имъ провизію для себя, для служителей и своихъ лошадей и муловъ. Слѣдовательно не удивительно, что, при подобномъ порядкѣ вещей, земледѣліе и вообще всѣ отрасли сельскаго хозяйства въ большомъ упадкѣ; а какъ, сверхъ того, Персія не имѣетъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудъ, ни торговли, то она должна совершенно обѣднѣть, что и случилось съ этимъ несчастнымъ краемъ.

ПСЕДНЕВШАЯ ПИЩА ЖАРОДА.

Персидскій крестьянинъ питается обыкновенно пшеничною кашею, приготовляемою слѣдующимъ образомъ: обваривъ слегка зерно, высушиваютъ и потомъ толкутъ его въ ступкѣ или мелаютъ жерновымъ камнемъ; каша эта варится въ водѣ или въ молокѣ, а вареную мѣшаютъ съ кислымъ молокомъ. Хлѣбъ крестьянина — смѣсь пшеничной и ячменной муки. Въ деревняхъ ѣдятъ баранину, но тогда только, если тотъ, который зарѣжетъ барана, увѣренъ, что продастъ лишнее для него мясо. Тамъ, гдѣ водится рогатый скотъ, молочное составляетъ любимую пищу жителей. Весною они ѣдятъ разныя травы, собираемыя женщинами на поляхъ. Осенью питаются фруктами, арбузами и дынями, а для зимы запасаются жаренымъ бараньимъ мясомъ (ибо, какъ выше сказано, Персіане, исключая Мазандеранцевъ и Гилянцевъ, не ѣдятъ говядины); мясо это рѣжутъ въ мелкіе куски и сохраняютъ въ глянцныхъ кувшинахъ; изъ этого мяса готовится бозбашъ родъ соуса. Пловъ изъ сарачинскаго пшена слишкомъ дорогъ, чтобъ употреблять его часто, исключая гилянскаго крестьянина, который ѣстъ сарачинское пшено по немѣнѣю хлѣба. Въ городахъ рабочіе и ремесленники ѣдятъ хлѣбъ довольно-хорошаго качества; ибо правительство смотритъ за приготовленіемъ дешеваго и хорошаго хлѣба. Въ продолженіе цѣлаго года молочнымъ изобилуютъ базары; бѣднымъ служатъ весною лукъ, салатъ и крессъ; лѣтомъ и осенью фрукты, а зимою сухая трава, овечій сыръ и сушеные фрукты. Въ городахъ бываютъ многочисленныя харчевники, продающіе пловъ и разныхъ родовъ вареное мясо, равно и бродящіе повара, приготовляющіе на маленькой сковородѣ хэбабъ или вкусное жаркое изъ баранины; другіе выставляютъ на столахъ чашки разной величины

съ кислымъ молокомъ, шербетомъ и жидкими пастилами. Но лѣтомъ Персіане преимущественно любятъ ледъ; каждый бѣдный работникъ жертвуетъ половною дневнаго барыша, чтобъ купить себѣ леду; во всѣхъ улицахъ продаютъ воду со льдомъ, особливо въ Тегеранѣ и Испаганѣ; однакожь, ледъ дешевле и находится въ изобиліи въ городахъ и даже въ селеніяхъ. Чтобъ сберечь ледъ для лѣта, наполняютъ зимою большіе, но неглубокіе бассейны ежедневно водою; при нихъ устроены глубокіе крытые подвалы; каждую ночь вода въ бассейнѣ покрывается слоемъ льда, который снимаютъ утромъ и бросаютъ въ подвалъ. Эта операція ежедневно повторяется, покуда подвалъ ни наполнится льдомъ, потомъ его запираютъ и замазываютъ входъ до лѣта.

ФАБРИКИ И МАНОФАКТУРЫ.

Въ Персіи не существуютъ большія мануфактурныя заведенія, какъ у насъ, въ Европѣ. Каждый частный чловѣкъ, предаваясь какому-нибудь ремеслу или искусству, упражняется въ немъ у себя съ семействомъ. Заведеніе у него всегда соразмѣрно съ числомъ рукъ, которыми онъ можетъ располагать, не прибѣгая къ наемнымъ рабочимъ. Въ Міанѣ, напрямѣръ, нѣтъ дома, въ которомъ не занимались бы выдѣлываніемъ ковровъ. Это работа женщинъ, занимающихся цѣлый годъ этимъ ремесломъ. Ковры эти вывозятъ большею частью за границу.

Въ Тавризѣ готовится шелковая ткань, извѣстная подъ названіемъ канауса и вывозимая въ большомъ количествѣ въ Грузію и Россію; обыкновенно она одноцвѣтная, но бываетъ также клѣтчатая, нарочно приготовленная для одѣялъ, занавѣсовъ и внутренней обивки палатокъ. Тамъ дѣлаютъ тоже бѣлую бумажную матерію, называемую бэзъ, изъ которой Персіане шьютъ себѣ бѣлье, равно какъ изъ той же матеріи, сянго цвѣта и худшаго качества, называемой бурметъ; послѣдняя выдѣлывается особливо въ Азхорѣ, въ Карадагѣ, для нашихъ мусульманскихъ провинцій. Теперь дѣлаютъ также шали въ Тавризѣ, неуступающія хорошимъ керманскимъ шалямъ; онѣ ткутся изъ шерсти особеннаго рода козь, находящихся въ Азербайджанѣ. Наружность этихъ козь гораздо красивѣе обыкновенныхъ, а шерсть ихъ весьма длинна

и курчава, какъ у барановъ. Козъ этихъ можно бы безъ труда завести въ Россію, гдѣ онѣ, безъ сомнѣнія, принесли бы большую пользу фабрикантамъ, Въ Тавризѣ также находится нѣсколько кожевенныхъ заводовъ, приготовляющихъ шагринъ дурнаго качества. Есть еще литографія, и правительство имѣетъ тамъ арсеналъ, пороховой заводъ и литейную, но они въ маломъ размѣрѣ.

Въ Тегеранѣ выдѣлываютъ разныя бумажныя матеріи; есть тамъ также кожевенные заводы. Прежде были типографія, бумажныя фабрики и литографія, но онѣ остановили свою работу, по неимѣнію капитала. Правительство имѣетъ въ Тегеранѣ большой арсеналъ, литейную и пороховой заводъ, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Испаганъ славится своею бумажною матеріею, называемою кадэкъ; тамъ дѣлаютъ хорошія лакированныя вещи изъ картона (*papier maché*) съ разными рисунками, какъ-то: зеркала, каламданъ (чернильница) шкатулокъ и проч.

Кашанъ извѣстенъ своею мѣдною посудою, весьма прочною, своими шелковыми тканями разныхъ родовъ, коверчиками и проч.

Гамаданъ славится своими кожевенными заводами, въ которыхъ приготовляютъ кожи отличной доброты; тамъ же дѣлаютъ также мягкіе превосходные войлоки.

Хорасанъ доставляетъ славныя ковры съ яркими и нелиняющими цвѣтами; однакожь ферагунскіе ковры, выдѣланные въ Иракѣ, не уступаютъ хорасанскимъ.

Въ Ездѣ выдѣлываютъ шелковыя ткани, подъ названіемъ терманема, отличной доброты и прочности. Кашанская терманема далеко уступаетъ ездскимъ.

Хорошіе клинки для кинжаловъ и сабель выдѣлываютъ въ Хорасанѣ, въ Тегеранѣ, въ Испаганѣ и въ Тавризѣ.

ДУХОВЕНСТВО И ВЛИЯНІЕ ЕГО НА НАРОДЪ.

При первомъ взглядѣ на нынѣшнюю Персію можно было подумать, что введеніе регулярныхъ войскъ, частое сообщеніе съ иностранцами и особливо распространеніе суфизма, потрясли уваженіе и власть, которыми до-сихъ-поръ тамъ пользовалось

духовенство; напротивъ того, эта власть надъ народомъ вообще очень значительна; ибо она основана на уваженіи, распространенномъ въ этомъ краѣ къ постановленіямъ пророка и къ исполненіямъ уставовъ вѣры и наружныхъ обрядовъ. Благоговѣніе народа къ своему богослуженію распространяется, естественно, къ особамъ, представляющимъ хранителями этой вѣры. Сеиды, или потомки пророка, равно какъ всѣ особы, происходящія отъ потомковъ имамовъ, считаются въ народѣ святыми, и эти особы съ имуществомъ своимъ не подвержены никакому нарушенію правъ ихъ. Правительство принуждено щадить ихъ, и не рѣшилось бы открыто дѣйствовать противъ нихъ. Съ другой стороны, законъ обычая (урфъ), равно всѣ гражданскіе и уголовные законы основаны на уставахъ и заповѣдяхъ Корана, слѣдовательно, при спорахъ и тяжбахъ надобно всегда прибѣгать къ священному закону (шаръ) т. е. къ судилищу, составленному изъ духовныхъ особъ; а приговоры этихъ главъ закона не имѣютъ апелляціи. Преимущество духовенства освящено вѣрою и вѣковыми обычаями, даетъ ему огромный перевѣсъ въ дѣлахъ и вліяніе не менѣе важное надъ цѣлымъ народомъ. Ему же исключительно поручено попеченіе воспитанія юношества обоеихъ половъ; но самая главная причина, по которой духовенство до-сихъ-поръ сохраняетъ столько уваженія и довѣрія въ обществѣ, есть та, что оно составляетъ единственную преграду противъ произвольныхъ поступковъ хановъ. Надѣясь на ненарушимость священства и на святость мечетей, муллы принимаютъ каждаго, желающаго избѣгнуть преслѣдованія законовъ. Самые большіе преступники находятъ убѣжище въ этихъ бѣствъ или священныхъ пристанищахъ, изъ которыхъ рука правосудія не въ состояніи ихъ выгнать. Оттого-то духовенство такъ привязано къ этимъ привилегіямъ, дающимъ ему столько вѣсу въ народѣ; а послѣдній радъ имъ, потому-что онѣ служатъ къ ограничиванію власти хановъ и уничтожаютъ часто произвольное дѣйствіе частныхъ правителей. Духовенство не только защищаетъ особъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, но оно покровительствуетъ также имѣнію ихъ противъ похищенія и грабежа жадныхъ хановъ. Богатые кушцы всегда стараются совершить путешествіе въ Мекку, чтобъ приобрести званіе хаджи (паллиgrimъ) и тѣмъ сблизиться съ духовенствомъ; этимъ способомъ они сами съ своими капиталами избавляются отъ разнаго рода притѣсненій. Равнымъ обра-

вомъ ханы и вельможи, имѣющіе деньги и боясь за цѣлость ихъ, имѣютъ обыкновенно осторожность отдавать капиталы свои въ руки муштейда, или кому другому изъ званія высокаго духовенства.

Подпора, которой каждый ищетъ въ покровительствѣ духовенства, оказывается послѣднимъ всегда охотно, дабы этимъ сдѣлаться необходимымъ и служить побудительною причиною, что персидское духовенство еще на долгое время сохранить довѣріе и уваженіе, которыми оно пользуется въ народѣ.

Секта Суфи исповѣдуетъ правила, различныя съ установленіями Корана, и старается освободиться отъ строгихъ предписаній закона Мухаммеда; но, невзирая на это, Суфи также поддерживаютъ власть духовенства, чтобъ, въ случаѣ надобности, найти покровительство противъ притѣсненій хановъ.*)

Чтобъ возвыситься къ разнымъ степенямъ духовенства, простой мулла старается быть первоначально пишъ-жамазъ, т. е. предводителемъ публичной молитвы въ какой-нибудь мечети; потомъ онъ отправляется въ Кербелу или въ Испагань и учитъ тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ богослуженію, обрядамъ и законамъ Корана; потомъ старается имѣть покровителей и приверженцевъ, подвергается экзаменамъ въ тезисахъ вѣры, выпрашиваетъ себѣ свидѣтельство отъ двухъ или трехъ муштегидовъ, а наконецъ самъ дѣлается муштегидомъ, если только народъ согласится довѣриться ему; ибо здѣсь народное мнѣніе имѣетъ важное значеніе при возвышеніи особы въ это достоинство. Первая особа духовенства теперь испаганскій муштегид Сейдъ-Багиръ, умный старикъ, вліяніе котораго сильнѣе дѣйствуетъ на народъ, нежели власть самого шаха. Онъ весьма богатъ, хотя притворяется бѣднымъ; ибо онъ получаетъ огромные доходы, равно и подарки не только изъ цѣлой Персіи, но даже изъ Индостана, отъ тамошнихъ шитовъ, которые во смерти своей часто оставляютъ ему свое мнѣніе. Онъ считается самымъ ученымъ

*) Любопытныя подробности о сущемъ въ Персіи можно найти въ сочиненіи Малькольма: *Sir John Malcolm Histoire de Perse, 4 volumes.*

человѣкомъ и первымъ толкователемъ Корана, и при важныхъ спорахъ всегда прибѣгаютъ къ нему.

**ВЛАДѢНІЯ ПЕРСІИ ВЪ ПЕРСИДСКОМЪ ЗАЛИВѢ И СНОШЕНІЯ ЕЯ
СЪ МАСКАТСКИМЪ ИМАМОМЪ.**

Персидское правительство считаетъ Персидскій Заливъ своею собственностью, но не имѣетъ тамъ никакой морской силы, чтобъ поддерживать власть свою. Суда, которыя ходятъ по этому заливу, или англійскія, или принадлежатъ приморскимъ Аравитянамъ, почитаемымъ отважными мореходцами. Изъ всѣхъ прибережныхъ владѣтелей Арабистана одинъ имамъ Маската Сейдъ-Сейдъ имѣетъ сношенія съ Персією и признаетъ власть персидскаго шаха потому только, что онъ взялъ на откупъ острова Кипимъ и Ормузь и городъ Бендеръ-Абасы или Гомрунъ, за которые платитъ ежегодно 4000 томановъ. Въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ имамъ совершенно независимъ отъ Персіи, хотя послѣдняя не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ надъ Маскатомъ и надъ берегами Арабистана вдоль Персидскаго Залива, нѣкогда ей принадлежавшими, но которые отложились отъ Персіи во время смутеній, случившихся послѣ смерти Керимъ-Хана зѣндскаго.

Сейдъ-Сейда уважаютъ какъ святаго въ племени Харидждъ, надъ которымъ онъ начальникъ духовный и свѣтскій; онъ человѣкъ умный и весьма любимъ подчиненными своими, по твердости своего характера, мудрости и справедливости, оказываемыми имъ при рѣшеніи дѣлъ. Англійскіе путешественники, посѣщавшіе Маскатъ, хвалятъ его гостепріимство и хорошее обхожденіе съ Европейцами вообще. Онъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ англійскимъ правительствомъ съ Индостанъ, которое ему даже позволяло строить корабли на верфяхъ Бомбѣя и Гузерата; онъ же владѣетъ островомъ Занзебаромъ, при восточномъ берегу Африки къ СЗ. отъ Мадагаскара, гдѣ онъ выстроилъ крѣпость. Число его кораблей простирается до 15-ти, между которыми одинъ 74 пушечный корабль и 44 пушечный фрегатъ; морская сила эта служитъ для защиты отъ джевасимовъ (пиратовъ), и этими судами онъ же ведетъ торговлю весьма дѣятельную; часть судовъ своихъ

отдаетъ онъ въ наемъ индійскимъ и персидскимъ купцамъ. По рассказамъ знающихъ Персіанъ, сухопутная его сила въ военное время простирается до 20,000 человекъ; слѣдовательно имамъ макатскій опасный сосѣдь для Персіи, тѣмъ болѣе, что повиновеніе арабскихъ племенъ, обитающихъ берега Персидскаго Залива къ Персіи, весьма сомнительно.

ВЛАДѢНІЯ АНГЛИЧАНЪ ВЪ ПЕРСИДСКОМЪ ЗАЛИВѢ.

Англичане съ давняго времени имѣютъ военную стоянку въ Бассадорѣ, на островѣ Кишмъ, гдѣ держатъ эскадру отъ 8-ми до 10-ти военныхъ судовъ, чтобы покровительствовать своимъ купеческимъ кораблямъ противъ нападенія пиратовъ Персидскаго Залива; послѣдніе, подъ именемъ джеवासимовъ — ужасъ купеческихъ судовъ, плавающихъ въ этомъ заливѣ. Джеवासимы — арабское племя, секты Вегаббитовъ, предались исключительно ремеслу морскихъ разбойниковъ; главный ихъ притонъ Рас-алъ-Геймѣ, около мыса Муселдома, находящагося при входѣ въ Персидскій Заливъ. Англичане уже не разъ почти уничтожали джеवासимовъ; и весьма любопытныя подробности относительно этихъ разбойниковъ и экспедиціи, предпринятой противъ нихъ, можно найти въ путешествіи Фрезера.^{*)} Селеніе Бассадора находится при восточной оконечности острова Кишмъ; здѣсь хорошій портъ, служащій точкой соединенія кораблей, крейсирующихъ въ заливѣ. Тамъ и живетъ начальникъ эскадры и находятся военные магазины для снабженія флота съѣстными и другими припасами. Съ 1838 года Англичане завладѣли островомъ Каракомъ, лежащимъ недалеко и къ ЮЗ. отъ Бендербушира; онъ имѣетъ 20 квадрат. верстъ поверхности, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва земли довольно хороша. Въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія Каракъ былъ занятъ Голландцами, подъ начальствомъ барона Квингаузена бывшаго голландскимъ агентомъ въ Бассорѣ. Островъ этотъ владѣетъ навигаціею рѣки Бассоры (Шать-ель-Араба) и сообщается въ нѣсколько часовъ съ берегами Персіи и Арабистана; онъ въ скоромъ времени сдѣлался важнымъ складочнымъ мѣстомъ, гдѣ купцы были увѣрены въ безопасности своихъ това-

^{*)} J. B. Fraser Narration of a voyage into Khorasan. London 1825. 1 V. in 4.

ровъ; сверхъ того, Каракъ имѣетъ еще двѣ выгоды: хорошую воду и здоровый климатъ; при этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не удивительно было, что въ продолженіе 11-ти лѣтняго занятія Карака Голландцами, народонаселеніе увеличилось тамъ до 12,000 человекъ. Владѣніе это было впоследствии пренебрежено голландскимъ правительствомъ и отнято, наконецъ, свирѣпымъ Миромъ - Магаммадъ, шейхомъ арабскимъ, который и разорилъ его совершенно. Теперь островъ этотъ въ рукахъ Англичанъ, давно уже умѣвшихъ цѣнить важность Карака въ коммерческихъ и политическихъ отношеніяхъ и пожертвовавшихъ много денегъ, чтобъ укрѣпиться тамъ, такъ-что, по всей вѣроятности, онъ, подобно Адену, будетъ новымъ звеномъ огромной цѣпи владѣній, которою Англичане обвили цѣлый земной шаръ. По восстановленіи дружественныхъ сношеній съ Персією, Англичане совершенно очистили островъ Каракъ.

ВОЕННАЯ СИЛА ПЕРСІИ.

Съ 1809 года Аббасъ - Мирза сформировалъ регулярное войско въ Персіи посредствомъ французскихъ и впоследствии англійскихъ офицеровъ. Войска эти могли съ успѣхомъ сражаться съ Азіатцами, но не противостояли Русскимъ, такъ-что, послѣ туркманчайскаго трактата, регулярную армию должно было сформировать вновь. Она существовала въ довольно-хорошемъ состояніи до смерти Аббасъ - Мирзы, въ 1834 году; и хотя она до-сихъ-поръ называется регулярною (низами), но экспедиціи, предпринятія нынѣшнимъ шахомъ противъ Туркменовъ, въ 1836 году, и особливо противъ Герата въ 1837 и 1838 годахъ, уничтожили ее почти до основанія; такъ-что, невзирая на то, что составъ ея существуетъ и донинѣ по прежнимъ уставамъ и постановленіямъ, войска называется только регулярными, и число ихъ на бумагѣ только простирается до 110,000 человекъ, между-тѣмъ, какъ налицо нѣтъ и третьей доли. Здѣсь излагается составъ персидской арміи, какъ она существовала въ 1837 году, когда она собиралась идти противъ Герата.

Регулярная персидская армия составлена изъ 50-ти пѣхотныхъ полковъ или фауджовъ; каждый состоитъ изъ одного батальона; гвардейскихъ полковъ считается четыре. Именной списокъ полковъ слѣдуетъ ниже, въ прибавленіи I. Число офицеровъ и нижнихъ чиновъ каждаго полка должно быть по составу 1097 человекъ (смотри прибавленіе II). Два полка составляютъ бригаду, подъ начальствомъ сержанта, или генералъ-маіора. Нынешній шахъ учредилъ чинъ эмиръ-томана, долженствующій командовать 10-ю полками; но раздѣленіе войскъ по этому новому образованію не приведено еще въ дѣйствіе. Сардаръ, или главнокомандующій, есть званіе, которое Мухаммедъ-Шахъ только въ 1840 году пожаловалъ въ первый разъ Баба-Хану. Преніе сардары или умерли, или не состоятъ въ дѣйствительной службѣ при арміи. Эмиръ-низамъ есть самое важное званіе; но Мухаммедъ-Ханъ, которому оно пожаловано, имѣетъ только вліяніе надъ войсками Азербайджана, гдѣ онъ военнымъ губернаторомъ.

Въ 1835 году сформировали эскадронъ улановъ изъ 120 человекъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны и вооруженныхъ пиками, и 200 шахскихъ гуламовъ (шахскихъ служителей) были собраны, сверхъ того, подъ начальствомъ англійскаго маіора Ферранда, который училъ ихъ ѣздить правильно верхомъ, фронтовой службѣ и хотѣлъ изъ нихъ составить кадры одного драгунскаго полка; но, во время экспедиціи въ Туркменію, въ 1836 году, кавалерія эта почти совершенно уничтожилась.

Всю артиллерию составляетъ одинъ корпусъ безъ исключенія; ибо тамъ не знаютъ раздѣленія артиллеріи по бригадамъ, батареямъ и проч. Она имѣетъ главнаго начальника подъ названіемъ эмиръ-тонъ-хана, и состоитъ изъ одной конной артиллеріи, хотя нѣтъ довольно лошадей, чтобъ всѣ артиллеристы могли дѣйствовать верхомъ, болѣе половины пѣшкомъ. Прибавленіе III покажетъ, сколько по уставамъ должно быть въ строю офицеровъ и нижнихъ чиновъ; а какъ въ упомянутыхъ таблицахъ также назначено жалованье и содержаніе войскъ вообще, то мы перейдемъ къ образованію и внутреннему устройству персидской арміи, какъ она существуетъ и теперь.

Рекрутскій наборъ производится по востребованію или завербованіемъ волонтеровъ. Наборъ каждаго уѣзда (улуса) и каждаго селенія остался тотъ же самый, какъ во время Ага-Мухаммедъ-

Хана, съ тою разницею, что нынѣшній шахъ требуетъ однихъ только людей для своихъ сарбазовъ, вмѣсто прежнихъ всадниковъ, съ своею лошадыю. Старшины селеній опредѣляютъ самопроизвольно въ рекруты и означаютъ число ихъ, потому что не существуетъ никакихъ правилъ по этому предмету. Въ Азербайджанѣ, соразмѣрно съ народонаселеніемъ, рекрутскій наборъ гораздо сильнѣе нежели въ остальной Персіи; онъ простирается тамъ на десятого человѣка, не считая волонтеровъ, число которыхъ весьма значительно. Покойный Аббазъ - Мирза поощрялъ послѣднихъ посредствомъ 3-хъ томанной преміи, заплаченной одновременно. Гвардейскіе полки почти всѣ составлены изъ волонтеровъ.

Персіане не имѣютъ, подобно Туркамъ, отвращенія отъ нововведеній. Если военная служба не въ большомъ уваженіи между вельможами и дворянствомъ, зато персидскій крестьянинъ повинется охотно своей судьбѣ и радостно, даже съ гордостью надѣвается военный мундиръ; впрочемъ, онъ имѣетъ всѣ качества, требуемыя для отличнаго солдата: онъ хорошо сложены, приученъ къ трудамъ, проворенъ, воздерженъ, терпѣливъ и отличный пѣшеходецъ. Съ подобными качествами можно было бы имѣть хорошую армию, если бы только умѣли ими пользоваться. Но большое неудобство въ Персіи — недостатокъ хорошихъ офицеровъ. Военныя школы или кадетскіе корпуса не существуютъ въ Персіи, и невзирая, что Мухаммедъ-Шахъ весьма любитъ военныхъ, онъ до-сихъ-поръ не думалъ объ этомъ важномъ предметѣ, а оставляетъ назначеніе оберъ-офицеровъ выбору бригадныхъ генераловъ. Весьма странно видѣть также, что въ продолженіе 30-ти-лѣтняго существованія регулярной армии въ Персіи, не вышло ни одного писаннаго или печатнаго военного устава, ни одного сочиненія, которое могло бы служить руководствомъ и наставленіемъ. Въ Персіи дѣлается все преданіями и навыкомъ.

Пѣхотный полкъ (фауджъ) строится въ двѣ шеренги и раздѣляется на дѣсять отдѣленій. Солдатамъ никогда не даютъ времени усовершенствоваться въ фронтовой службѣ до соединенія ихъ на полковое ученіе; а часто случается, что цѣлый полкъ, составленный весь изъ новыхъ рекрутъ, упражняется въ линейномъ ученіи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о приемахъ ружьемъ и

о вышравкѣ: можно себѣ представить, какая суматоха изъ этого выходитъ.

Всѣ маневры ограничиваются тѣмъ, что изъ линіи строятся въ отдѣленія или взводы и маршируютъ на взводныхъ дистанціяхъ. Если нѣсколько полковъ соединены вмѣстѣ, то строятся всегда въ одну линію, и когда не достанетъ мѣста, прибавляютъ колѣно; но въ колонны никогда не строятся. При стрѣльбѣ первая шеренга падаетъ на колѣно, невзирая на то, что стоятъ только въ двѣ шеренги. Вѣроятно, обычай этотъ остался у нихъ отъ французскихъ учителей, при которыхъ строй былъ въ три шеренги, а англійскіе офицеры, перестроивъ послѣ полки въ двѣ шеренги, не обратили вниманія на нецѣльность этого маневра. Впрочемъ, исключая гвардейскихъ и нѣкоторыхъ старыхъ азербайджанскихъ полковъ, остальные едва только знаютъ, которымъ концомъ опускать зарядъ въ стволъ ружья.

Одежда регулярныхъ персидскихъ войскъ извѣстна: суконная куртка, бѣлая широкая шаравары изъ холста, застегнутыя выше лодыжки посредствомъ сапога съ длиннымъ носкомъ, и понахъ, или персидская шапка изъ бараньей шкуры. Сарбазы носятъ обыкновенно подъ курткою свои мужицкія платья, и прячутъ полы кафтана въ упомянутыя широкая шаравары. Нѣтъ уставовъ насчетъ цвѣта мундира; это зависитъ отъ возможности доставить себѣ сукно, слѣдовательно полки одѣты въ разноцвѣтные мундиры; только гвардейскіе полки обыкновенно носятъ красный мундиръ. Сумá, маленькая и подобно нашей, имѣетъ перевязь и пересѣкается на груди съ другою, съ ножами штыка; широкий ремень съ пряжкой служитъ полсомъ и удерживаетъ перевязи, чтобы онѣ не могли шататься. Равцы до-сихъ-поръ неизвѣстны въ Персіи, или по-крайней-мѣрѣ не употребляются. Ружья англійскія со штыками безъ чашекъ; ихъ держатъ въ большой неисправности, такъ-что большая часть испорчена.

У офицеровъ не водится мундира определенной формы. Штабъ-офицеры обыкновенно носятъ красные кафтаны, въ родѣ сюртука (ивзамъ), хотя мундиръ ихъ полка другаго цвѣта; воротники и обшлага на рукавахъ обшиты золотомъ; шитье это привозятъ изъ

Грузіи, равно и эполеты. Впрочемъ, штабъ-офицеры носятъ чаще мундиръ, когда они въ службѣ, при своихъ полкахъ. Оберъ-офицеры отлчаются отъ солдатъ тонкимъ шелковымъ поясомъ пунцового цвѣта, или только тѣмъ, что они безъ ружья; однако, въ послѣднее время большая часть ихъ также носятъ эполеты разнаго рода, выписанные изъ Россіи.

Такова-то персидская армія у себя, дома. Теперь послѣдуемъ за ней въ походъ.

ПЕРСИДСКАЯ АРМІЯ ВЪ ПОХОДѢ.

Сомнѣнія, относительно правдивости древнихъ историковъ исчезаютъ для зрителя, провожающаго персидскую армію въ какую-нибудь экспедицію. Тогда легко можно изъяснить немоѣрный успѣхъ европейскихъ завоевателей, припомнивъ незначительную силу въ сравненіи огромныхъ массъ, съ которыми приходилось имъ сражаться. Это—побѣда дисциплины и порядка надъ неустойчивостію; ибо персидская армія въ походѣ, равно какъ въ лагерѣ, и донинѣ представляетъ картину настоящаго хаоса. Впрочемъ, надобно замѣтить, что нынѣ по-крайней-мѣрѣ часть каждаго полка идетъ вмѣстѣ и, прибывъ на ночлегъ, строится въ боевой порядокъ, т. е. въ линію, но вотъ и все. Обоза не знаютъ въ Персіи. Армія преслѣдуется огромнымъ множествомъ вьючнаго скота, отнимающимъ пропасть людей изъ фронта и образующимъ безконечный хвостъ. При выступленіи въ походъ, снабжаютъ каждый полкъ опредѣленнымъ числомъ ословъ, за которыми сарбазы сами должны смотрѣть. Солдаты, не имѣя ранцевъ, всѣ платья, провизію и даже палатки перевозятъ на этихъ терпѣливыхъ и смиренныхъ животныхъ. Мѣра эта, увеличивая число вьючнаго скота, имѣетъ еще то неудобство, что много людей выводитъ изъ строя; но настоящее разореніе персидской арміи — мирзы (секретари и писаря), челядь и червадары или погонщики вьючнаго скота. Эта сволочь, неподвергнутая никакой дисциплинѣ, помѣщается гдѣ захочетъ, идетъ куда ей вздумается, обгоняетъ авангардъ или остается назади. Въ лагерѣ еще хуже: каждый привязываетъ лошадей и катяревъ возмъ своей палатки; а какъ послѣднія поставлены въ беспорядкѣ, то персидскій лагерь образуетъ настоящій

лабиринтъ. Зато опытъ доказалъ, что печальныя нападенія на персидскій станъ всегда были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Персіяне помнятъ это; но вмѣсто того, чтобъ отыскать причину зла и пособить ему, они думаютъ предохранить себя, усиленіемъ своихъ карауловъ, весьма близко поставимыхъ одинъ отъ другаго, и находящихся почти въ самомъ лагерѣ воелѣ первыхъ палатокъ. У нихъ нѣтъ ни кавалерійскихъ форпостовъ ни передоваго караула, ни патрулей; караульная цѣпь безпрестанно реветъ во все горло «слушай!» до-тѣхъ-поръ, покуда не заснетъ отъ усталости, такъ что за полночь весь станъ находится въ глубокомъ снѣ. Во время подъема или по прибытіи арміи въ новый станъ, ржаніе жеребцовъ и муловъ, крики погонщиковъ, звонъ колокольчиковъ, привязанныхъ на шею верблюдовъ и муловъ, громкій разговоръ сарбазовъ — все это составляетъ такой ужасный шумъ, что не слышно было бы и пушечнаго выстрѣла. Надобно быть зрителемъ подобной суматохи, чтобъ имѣть ясное понятіе о картинѣ персидскаго стана при подъѣмѣ арміи.

Недостатокъ полиціи, нечистота, производимая огромнымъ количествомъ лошадей и вьючнаго скота, наконецъ нѣкоторыя привычка, свойственныя магометанамъ, дѣлаютъ персидскіе лагеря отвратительно-грязными. Послѣ восьмидневной стоянки, надобно перемѣнять лагерное мѣсто, по причинѣ вредныхъ испареній, наполняющихъ воздухъ. Въ походѣ при арміи не имѣется подвижныхъ лазаретовъ и нѣтъ даже способовъ для перевоза больныхъ. Тѣхъ, которые не могутъ тащиться ибшкомъ, кладутъ на ословъ, на верблюдовъ и муловъ вмѣстѣ съ вьюками и оставляютъ на произволъ судьбы. Невзирая на это, должно удивляться, что въ персидской арміи обыкновенно весьма мало больныхъ и смертность очень умѣренна.

Нѣтъ ни офицеровъ генеральнаго штаба, ни инженеровъ. Одинъ мирва, подъ названіемъ адъютантъ-баши, передаетъ приказанія шаха, другой же имѣетъ титулъ начальника инженеровъ; есть еще нѣсколько особъ, бывшихъ учениками посольства генерала Гардона и Англичанъ, но безъ всякаго употребленія въ арміи.

Счетная часть также въ рукахъ мирзъ, безъ пощады и стыда грабящихъ бѣдныхъ сарбазовъ и даже полковыхъ командировъ; послѣдніе же также обираютъ, повозможности, своихъ подчиненныхъ. Солдаты, не имѣя посредника между собою и высшимъ на-

частьством, признаютъ только своего непосредственнаго начальника, который обыкновенно избранъ ими начальникомъ въ своихъ селеніяхъ, когда они были еще мужиками. Изъ этого слѣдуетъ, что подчиненность не простирается далѣе круга каждой бригады; офицеръ или солдатъ 1-ой бригады, напримѣръ, не признаетъ офицера другой бригады и не повинуется ему. Между высшими начальниками вѣчное соперничество, и злоба ихъ простирается до сарбазовъ разныхъ полковъ и племенъ, споры которыхъ оканчиваются всегда кровавымъ боемъ. Въ лагерѣ они дерутся обыкновенно древками отъ палатокъ; но я былъ свидѣтелемъ, что два полка завели перестрѣлку изъ-за одного спорнаго барана.

Полковые командиры нерѣдко бываютъ 12-ти лѣтнія дѣти потому-что сарбазы признаютъ только сына прежняго начальника, бывшаго въ то самое время и главою племени, изъ котораго собранъ полкъ; слѣдовательно у кочующихъ народовъ званіе полковаго командира наследственно и переходитъ отъ отца къ сыну. Само собою разумѣется, что эти полковники не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о своей службѣ. Если сарбазы недовольны начальникомъ, назначеннымъ отъ правительства, или не получаютъ долго слѣдуемаго имъ жалованья, то употребляютъ странный способъ, чтобы быть удовлетворенными: весь полкъ вступаетъ въ бѣсъ т. е. въ мечеть и остается въ этомъ священномъ и неприступномъ мѣстѣ, покуда не удовлетворятъ требованія его или не смѣнятъ начальника.

Вотъ главныя недостатки въ образованіи персидской арміи. Улучшенія состоятъ преимущественно въ убавкѣ вьючнаго обоза и равной сволочи, слѣдовавшей прежде за арміею. Восточная роскошь, о которой такъ много говорили, если она даже существовала въ персидскихъ станахъ, теперь совершенно исчезла. Тамъ нѣтъ болѣе великолѣпныхъ палатокъ, ни танцовщицъ, ни гаремовъ, слѣдующихъ за арміею. Въ 1836 году только одинъ шахъ возилъ съ собою своихъ двухъ женъ, и свита послѣднихъ состояла изъ 10-ти женщинъ. Въ 1837 и 38 годахъ вовсе не было женщинъ въ персидскомъ лагерѣ. Но можно еще много передѣлать въ этой арміи, потому-что, какъ выше сказано, есть хорошіе элементы въ персидскомъ солдатѣ, довольствующемся хлѣбомъ и водою и безъ ропота претерпѣвающимъ жажду и жары. Правительство отпускаетъ

или должно отпускать сарбазу ежедневно по $3\frac{1}{2}$ фунта пшеничной муки; въ походѣ онъ самъ себѣ печетъ хлѣбъ, не нуждаясь ни въ печкахъ, ни въ дрожжахъ, ни въ разныхъ посудахъ, нужныхъ въ нашихъ пекарняхъ. За неимѣніемъ дровъ, онъ довольствуется сухой травой, навозомъ коровьимъ или верблюжьимъ, который можно вездѣ найти въ степи. Каждое капральство имѣетъ желѣзный листъ, въ 12 или 13 дюймовъ въ діаметрѣ, которымъ покрываютъ яму, вырытую въ землѣ и гдѣ зажигаютъ огонь; когда листъ горячъ, мажутъ его тонкимъ слоемъ тѣста — и въ нѣсколько минутъ хлѣбъ готовъ. Мясо и сарачинское шено — роскошь для сарбаза; онъ очень счастливъ, если усладитъ хлѣбъ свой кускомъ овечьего отвара, фруктами, лукомъ или сушеными травами. Сарбазамъ позволяютъ заниматься мелочной торговлей; каждый можетъ промышленяты; и нерѣдко случается, что на ружьяхъ, поставленныхъ въ козлы, вывѣшена четверть баранины для продажи. Такъ-какъ персидское правительство весьма рѣдко выдаетъ жалованье сарбазамъ, то оно должно поневолѣ смотрѣть сквозь пальцы эти безпорядки и злоупотребленія, которыхъ и нельзя запретить сарбазамъ, живущимъ своимъ промысломъ и частью грабежомъ.

АРСЕНАЛЫ И ПРОЧ.

Къ регулярной арміи принадлежатъ арсеналы и разные другія заведенія, о которыхъ надобно сказать нѣсколько словъ. Литейный дворъ для пушекъ и ядеръ находится въ Тегеранѣ, другой существуетъ въ Тавризѣ, третій, для пушекъ, въ Анзели въ Гилянѣ, наконецъ, четвертый, для ядеръ, въ Амоли, въ Мазандеранѣ; въ послѣднемъ употребляютъ чугуны изъ окрестныхъ желѣзныхъ рудъ. Произведенія всѣхъ этихъ заведеній не отличаются особенною добротою. Что касается до тегеранскаго арсенала, то онъ устроенъ въ масштабѣ, несоразимѣрномъ съ нынѣшними доходами Персіи и поглощаетъ большія суммы. Въ немъ находятся 8 духовыхъ печей (*fours à reverbère*) для литья пушекъ, 4 доменные печи (*hauts fours*) для ядеръ, заведенія для сверленія пушекъ и ружейныхъ стволовъ, для дѣланія трубъ конгревовыхъ ракетъ, мастерская для приготовления сбруи артиллерійскихъ лошадей, лафетная и проч. Всѣ заведенія въ большомъ безпорядкѣ и рабочіе рѣдко получаютъ жалованье. Въ 1839 и

40 годахъ были тамъ трое русскихъ мастеровъ, подъ надзоромъ офицера гвардейской артиллеріи; но, невзирая на ихъ старанія, они въ продолженіе цѣлаго года могли только изготовить два зарядные ящика для артиллеріи, и въ августѣ прошлаго 1840 года воротились въ С. Петербургъ. Мѣдь получается изъ Турціи и изъ Россіи черезъ Реннъ. 29,000 ружей выписано изъ Англіи еще въ 1837 году, но до-сихъ-поръ не получены, хотя англійскій подрядчикъ, обязавшійся доставить эти ружья, ввѣлъ 30,000 томановъ въ задатокъ.

Порохъ приготавливаютъ нехорошій и шахскій пороховой заводъ близъ Тегерана былъ долго въ бездѣйствіи, по недостатку денегъ. Онъ учрежденъ Итальянцемъ Барбіери, который оставилъ теперь персидскую службу не получивъ жалованья. Впрочемъ, жителямъ не запрещено дѣлать порохъ, и каждый можетъ заниматься этимъ промысломъ у себя дома. Что касается до кремней, то хотя они и находятся въ этомъ краѣ, но Персіане не умѣютъ отдѣлывать ихъ и получаютъ кремни изъ Англіи и Россіи. Во время туркменской экспедиціи, въ 1836 году, многія ружья сарбазовъ были безъ кремней. Заряды перевозятъ на вьюкахъ, въ маленькихъ деревянныхъ ящикахъ, покрытыхъ клеѣнкою или холстомъ, намоченнымъ нефтью, что не предохраняетъ ихъ отъ сырости. Въ 1836 году построили сотню двуколесныхъ повозокъ (арба), которыя гниютъ или сохнутъ на солнцѣ и стоятъ въ тегеранскомъ арсеналѣ, небывъ употреблены. Муниционный паркъ перевозится верблюдами и мулами, и въ лагерѣ ставятъ зарядные ящики въ кучу. При нападеніи непріятеля на персидскій станъ, этотъ паркъ бываетъ первый оставленъ, потому что погонщики тотчасъ спасаются бѣгствомъ съ своими верблюдами и мулами.

ИРРЕГУЛЯРНАЯ КАВАЛЕРІЯ.

Огромныя массы иррегулярной кавалеріи, составлявшія прежде большую часть персидской арміи, исчезли съ-тѣхъ-поръ, какъ Аббасъ-Мирза и послѣ него, Мухаммедъ-Шахъ увеличивали регулярную пѣхотную армію, которая пополняется рекрутами и изъ кочующихъ племенъ. Теперь армія, выступая въ походъ, имѣетъ малочисленную иррегулярную кавалерію, на дурныхъ лошадяхъ, худоодѣтую и еще хуже вооруженную. Она собрана между кочую-

цкими племенами Персін, и всадники каждаго племени имѣють своихъ собственныхъ офицеровъ и начальниковъ. Они должны получать жалованье каждый по чину. Всадникамъ назначено ежегодно отъ 6-ти до 9-ти томановъ. Каждый всадникъ обязанъ имѣть свою собственную лошадь и быть вооруженъ на своемъ издвигеніи. Во время похода онъ получаетъ, или долженъ получать паёкъ для себя и фуражъ для своей лошади.

Кавалерія эта, худо вооруженная и съ дурными лошадьми, приноситъ мало пользы во время войны, потому что, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за арміей, она разсыпается въ скоромъ времени и образуетъ шайки разбойниковъ и мародеровъ, грабящихъ и пріятеля и непріятеля.

Хорасанъ славился прежде своею отличною кавалерією; но тогда край этотъ былъ почти независимъ отъ Персін. Съ-тѣхъ-поръ какъ Аббасъ - Мирза и нынѣшній шахъ покорили начальниковъ Хорасанскаго Курдистана и смѣнили ихъ, военный духъ жителей, поддерживаемый непрерывными грабежами, много упалъ и хорасанская кавалерія теперь не лучше остальной кавалеріи персидской арміи.

Милиція (туфенгджи).

Милиція составлена изъ вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ мужиковъ, назначенныхъ для сохраненія внутренняго порядка, а въ прибрежныхъ провинціяхъ Каспійскаго Моря—для стражи противъ набѣговъ Туркменцовъ; она же провожаетъ караваны, курьеровъ и путешественниковъ черезъ страны, обезпокоиваемыя разбойниками. Мазандеранская и хорасанская милиція вооружена ружьями съ фитилями; первая славится храбростію; въ ней есть хорошіе стрѣлки. Покойный Фетхъ - Али - Шахъ имѣлъ большое довѣріе къ своимъ каджарскимъ туфенгджіямъ и окружилъ себя стражею изъ этой милиціи. Двѣ тысячи изъ нихъ были въ экспедиціи противъ Герата, ибо Мазандеранъ не даетъ регулярныхъ войскъ, а только поставляетъ внутри и внѣ Мазандерана 14,000 туфенгджи (смотри Прибавленіе V.) Милиція всегда находится подъ непосредственною командою начальниковъ, взятыхъ изъ своихъ собственныхъ племенъ. Вообще туфенгджи Хорасана дурно вооружены и трусы, такъ-что бѣгутъ при первомъ выстрѣлѣ, особливо

если имъ придется защищаться противъ Русскихъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ не болѣе пяти зарядовъ, а при ружьяхъ съ фитилями выстрѣлы ихъ очень медленны; ружья эти большею частью снабжены сошками.

КРѢПОСТИ.

Настоящихъ крѣпостей не существуетъ въ Персіи, развѣ можно дать это названіе только цитадели Ардебилля, правильно построенной изъ жженого кирпича Англичаниномъ Монтисомъ. Остальные главные города, какъ - то: Тавризь, Тегеранъ, Испагань, Кавбинъ, Нишапуръ, Мешедъ и проч., окружены только глиняною стѣной, вышиною отъ 18 до 25-ти футовъ и отъ 4 до 8-ми футовъ толщины, фланкированной башнями въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, и выстроенными также изъ сушеной глинѣ; передъ стѣной находится ровъ отъ 3-хъ до 6-хъ саженъ ширины, и отъ 3-хъ до 4-хъ саженъ глубины. Эти стѣны охраняютъ городъ отъ нечаяннаго нападенія, но не выдержатъ правильной атаки непріятельской арміи. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ находится гарнизонъ, обыкновенно состоящій изъ кадровъ полка сарбазовъ, вятыхъ изъ области или уѣзда, гдѣ городъ этотъ считается главнымъ мѣстомъ. Только въ хорасанскихъ городахъ находятся гарнизоны изъ азербайджанскихъ войскъ. Въ 1835 году хотѣли смѣнить сарбазовъ въ ихъ гарнизонахъ; напротивъ, послали испанскій баталіонъ или фауджъ въ Ширазъ и ширазскій въ Испагань; но многіе изъ сарбазовъ бѣжали и воротились въ свои дома, такъ что правительство должно было отказаться отъ своего намѣренія.

ИНОСТРАННЫЕ ОФИЦЕРЫ ВЪ ПЕРСИДСКОЙ СЛУЖБѢ.

Уже съ 1809 года, т. е. въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ, большое число англійскихъ офицеровъ было попеременно послано Остиндскою Компаніею изъ Индостана въ Персію, сначала, чтобъ образовать тамъ регулярную пѣхоту, а потомъ, чтобъ обучать сарбазовъ фронтовой службѣ. По трактату, заключенному между Персіею и Остиндскою Компаніею, послѣдняя обязалась посылать каждый разъ, по требованію персидскаго правительства, определенное число офицеровъ и сержантовъ. Жалованье было назначено

Персію этимъ иностранцамъ во все время пребыванія ихъ въ персидской службѣ. Имена и жалованье английскихъ офицеровъ, поступившихъ въ 1835 году въ службу Мухаммедъ-Шаха, можно найти въ Прибавленіи IV. Офицеры эти не могли или, лучше сказать, не хотѣли обучать сарбазовъ какъ слѣдуетъ, невзирая на то, что они получали хорошее жалованье и отъ шаха и отъ Ост-индской Компаніи, и, по приказанію англійскаго министра, при тегеранскомъ дворѣ, сэра Джонъ-Макнилья, они въ 1836 году рѣшительно отказались слѣдовать за персидскою арміею, назначенною тогда уже противъ Герата. Англія весьма косо смотрѣла на походъ этотъ и англійскій министръ употреблялъ всѣ средства, чтобъ помѣшать ему. Англійскіе офицеры даже старались возмутить персидскіе полки противъ правительства, и подполковникъ Раллисонъ успѣлъ въ этомъ намѣреніи съ керманскими фанджами; впоследствии самъ министръ поѣхалъ въ шахскій лагерь подъ Гератъ, но, не получа тамъ желаемого успѣха, онъ оставилъ Персію въ концѣ 1838 года, и всѣ офицеры воротились черезъ Багдадъ въ Бомбей. Въ мартѣ 1840 года прибыли въ Испаганъ 10 французскихъ наставниковъ (instructeurs), подъ начальствомъ капитана Боассье; французское посольство, находившееся тогда въ Персіи, выхлопотало имъ жалованье, каждому по томану и Боассье по $1\frac{1}{2}$ томана въ сутки. Въ концѣ 1840 года прибылъ еще въ Тегеранъ генералъ Дамасъ съ нѣсколькими офицерами; но врядъ ли Французы могутъ обучать сарбазовъ при нынѣшнемъ разстройствѣ персидской арміи и Персіи вообще. Въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, до моего отъѣзда изъ Персіи, они по-крайней-мѣрѣ были безъ всякой должности и ничего не дѣлали.

Мѣры и мѣры, употребляемыя въ Персіи.

Мѣры ёмкости для сыпучихъ и другихъ тѣлъ.

1 Халвари-шаги = 50 мени шаги.

1 Мени-шаги = $14\frac{1}{2}$ русск. фунтамъ.

1 Халвари-тебризи = 100 мени-тебризи.

1 Мени-тебризи или, батманъ = $7\frac{1}{4}$ русск. фунт., слѣдовательно эти два рода халваровъ равны между собою.

1 Халвари-рей (употребляемый только въ Тегеранѣ) = 100 мени-рей.

1 Мени-рей = 29 русск. фунт.

Путевыя мѣры.

1 Парасангъ, ферсенгъ или ферсехъ имѣеть 4 англійскія мили или 6 верстъ.

Агачъ есть часть верховой ѣзды и считается обыкновенно 5-ю верстами.

Линейныя или погонныя мѣры.

Заръ или персидскій аршинъ = 16 герé = 23½ русск. вершкамъ = 41 англійскимъ дюймамъ.

Поземельныя мѣры.

Джерибъ = 13 □ саженамъ.

Мѣры ёмкости для жидкихъ тѣлъ, настоящему, нѣтъ въ Персiи, гдѣ вина и другіе горячіе напитки запрещены. Тамъ знаютъ и употребляютъ, однако, русскій штофъ; впрочемъ, всѣ жидкости — молоко, уксусъ, деревянное масло и проч., продаются на вѣсъ, батманами, а батманъ подраздѣляется еще на 7 гервенга или фунтъ; 1 гервенга = 96 мискаламъ, 1 мискаль = 20 нахуламъ, т. е. горохамъ.

Денежныя цѣны.

Внутреннее достоинство персидскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ уменьшено попеременно правительствомъ, и послѣдній разъ, въ 1839 году, такъ-что теперь раздѣленіе монетъ слѣдующее:

1 Куруръ = 500,000 томановъ.

1 Томанъ = 3 руб. серебромъ или = 1 голландскому червонцу = 8 реаламъ.

1 Томанъ = 10 сайбкранамъ.

1 Сайбкранъ = 2 панабадамъ.

1 Панабадъ = 10 шайямъ (schahi).

1 Шай = 2 карапуламъ.

4 Карапула = 1 абасу.

Хотя величина персидскаго томана, который во время Фетхъ-Али-Шаха оцѣненъ былъ еще въ 4 рубля серебромъ, уменьшенъ теперь такъ, что внутреннее достоинство его не выше 3-хъ рублей серебромъ; но все-таки золотая и серебряная монета Персiи самая чистая и безъ примѣси серебра или мѣди.

Всѣ монетные дворы въ Персіи находятся въ распоряженіи сундукъ-дара (казначей) шахскаго, и имъ отдаются на откупъ. При Фетхъ-Али-Шахъ таковыхъ дворовъ считалось 18, какъ для чеканки серебряной, такъ и золотой монеты. Число ихъ въ 1840 году было ограничено до 4-хъ для золотой монеты, а именно: въ Испаганъ, Ширазъ, Тегеранъ и Тавризъ, и 8 для серебряной монеты, т. е., сверхъ означенныхъ, еще въ Мешедъ, Рештъ, Ездъ и Керманшахъ. Если примемъ въ разсужденіе, что Персія не имѣетъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ, что, въ слѣдствіе послѣдней войны съ Россією и невыгодной торговли съ Англією, огромныя суммы золота вывезены были за границу, то должно удивляться что до-сихъ-поръ еще не все золото и серебро исчезло изъ этого государства; впрочемъ, надобно прибавить, что изъ Россіи ежегодно привозятъ въ Персію болѣе 2-хъ милліоновъ золотомъ и серебряною монетою, равно изъ Багдада, Басры и Бендербушира также привозятъ серебро въ слиткахъ и чеканной монетою.

И С Ч И С Л Е Н И Е

**29 областей Персиа, съ показаніемъ уѣздовъ, главныхъ
городовъ и ихъ доходовъ.**

Названія областей.	Областные подраздѣленія и главные города.	Доходы
1. Азербайджанъ.	1) Тавразъ (съ Софіаномъ, Декарганомъ и Гюне). 2) Оурмія или Урмія. 3) Хой. 4) Марага. 5) Маранда. 6) Карадагъ. 7) Ардебиль. 8) Мешкинъ. 9) Халхалъ. 10) Салмасть. 11) Саухъ - Булакъ. 12) Серабъ. 13) Гешт-рудъ (главное мѣсто Серезкендъ). 14) Герм - рудъ (Міана). 15) Маку.	Деньгами. . . . Ячмень и пшеница. Сарачинское пшено. Саманъ (сѣчка).
2. Гилянъ.	1) Талышъ содержитъ въ себѣ: Киргенерудъ, Эсалимъ, Гезкьеръ, Талышъ-долабъ и Тамръ - Герабъ 2) Шефъ. 3) Рештъ. 4) Фуменъ. 5) Тулимъ. 6) Ланджанъ. 7) Делиманъ. 8) Рудбари-Зентунъ. 9) Рустемабадъ. 10) Эшкенеръ. 11) Ранску. 12) Шельманъ. 13) Ленгерудъ. <i>Примѣчаніе: сравадкою именами означаютъ уѣзды Гиляна.</i>	Деньгами. . . . Шелкъ.
3. Мазандеранъ.	1) Сари. 2) Барфурушъ. 3) Эшресъ. 4) Амоль. 5) Феррабадъ.	Деньгами. . . . Сарачинское пшено. Шелкъ. Топленое масло. Угли. Воскъ.
4. Астарабадъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пшеница.
5. Зенганъ и Гамза.	Тарунъ.	Деньгами. . . . Переводъ.
6. Казвинъ.	Деньгами. . . .

за 1886 годъ.			Замѣчанія.
Мени шагн.	Халвары.	Томаны.	
.....	515,689	
.....	48,669		
.....	2,297		
.....	6,284		
.....	200,000	изъ которыхъ 40,000 томановъ пошлинъ, остальные 160,000 томановъ вмѣсто малиата, шелкомъ и сарачинскимъ пшеномъ.
80,000		
.....	44,029	Сумма эта не поступаетъ въ казну, а издержана въ самомъ Мазандеранѣ.
.....	7,800		
8,080		
44,090		
3,000		
1,000		
.....	50,000	
.....	9,000		
.....	53,000	
136,170	73,550	862,718	

Названіе областей.	Областные подраздѣленія и главные города.	Доходъ
7. Тегеранъ.	1) Вероминъ. 2) Пашови. 3) Шаріоръ. 4) Сауджъ-Булахъ. 5) Рубаръ-Казрунъ. 6) Лавасунъ. 7) Лауро-Шарестонекъ. 8) Аренге-Рубаръ. 9) Сулейганъ. 10) Шемирунъ.	<p style="text-align: center;">Переводъ</p> Тегеранъ съ доходами городской таможни; съ доходами окружающихъ уѣздовъ. Деньгами. . . .
8. Семнанъ и Харъ.	Семнанъ: Деньгами. . . . Ячмень и пшеница. Харъ: Деньгами. . . . Ячмень и пшеница. Сарач. пшено..
9. Дамганъ.		Деньгами. . . . Ячмень и пшеница.
10. Хорасанъ.	1) Мешедъ. 2) Нишапуръ. 3) Келати - Надири. 4) Кучанъ (Хорасанскій Курдистанъ), 5) Джовейнъ. 6) Эфферайнъ. 7) Бомъ. 8) Теббесъ. 9) Торунъ. 10) Кайнъ. 11) Каранъ. 12) Туршизъ. 13) Себзеваръ. 14) Бостамъ. 15) Турбетъ. 16) Мезинанъ.	Деньгами. . . .
11. Курдистанъ.	Бабанъ (съ городомъ Сулейманіе.) Арделапъ (съ городомъ Сенна.)	Деньгами. . . .
		Переводъ.

за 1836 годъ.			Замѣчанія.
Мени шаги.	Халвары.	Томаны.	
136,170	73,550	862,718	
.....	80,000	
.....	14,000	
.....	100,000	
.....	8,045	
.....	5,890	
.....	515	
.....	8,050	
.....	1,050	
.....	130,000	Доходы Хорасана простираются до курура или 500,000 томановъ, часть деньгами, часть произведеніями и малеіагомъ; но ничего изъ этой суммы не поступаетъ въ казну: все израсходывается въ самомъ Хорасагъ.
.....	30,000	
136,170	181,005	1,132,813	

Названія областей.	Областные подраздѣленія и главные города.	Доходы
		Переводъ
12. Гамаданъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница.
13. Керманшахъ. къ ней принадлежатъ	Деньгами. . . .
а) Арабистанъ.	1) Хорсмабадъ. 2) Пуштку.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница.
б) Лористанъ.	1) Шустерь. 2) Дизфуль. } 3) Гавизе.	Сарач. пшено. .
14. Фарсъ.	1) Ширазъ. 2) Казерунъ. 3) Феридунъ. 4) Бабаганъ. 5) Фирузабалъ и гавани морскія. 6) Бендербуширъ. 7) Бендеръ - Абасы или Гомрунъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница. Саманъ.
15. Испаганъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница. Сарач. пшено. .
16. Мелайръ и Тузеганъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница.
17. Неговендъ.	}	Деньгами. . . .
18. Гулпейганъ и Хонсаръ.	
19. Буруджиръ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница. Саманъ.
		Переводъ

за 1886 годъ.			Замѣчанія.
Мени шагг.	Халвары.	Томаны.	
136,170	181,005	1,132,813	
.....	46,923	
.....	7,811	
.....	80,000	
.....	70,000	
.....	4,843	
.....	1,040	
.....	311,212	Съ 1838 года налоги день-
.....	7,200	гами увеличены шахомъ
.....	3,000	до 350,000 томановъ.
.....	246,053	
.....	26,500	
.....	10,000	
.....	18,500	
.....	7,500	
.....	81,500	
.....	35,223	
.....	2,800	
.....	53,000	
136,170	304,699	2,022,226	

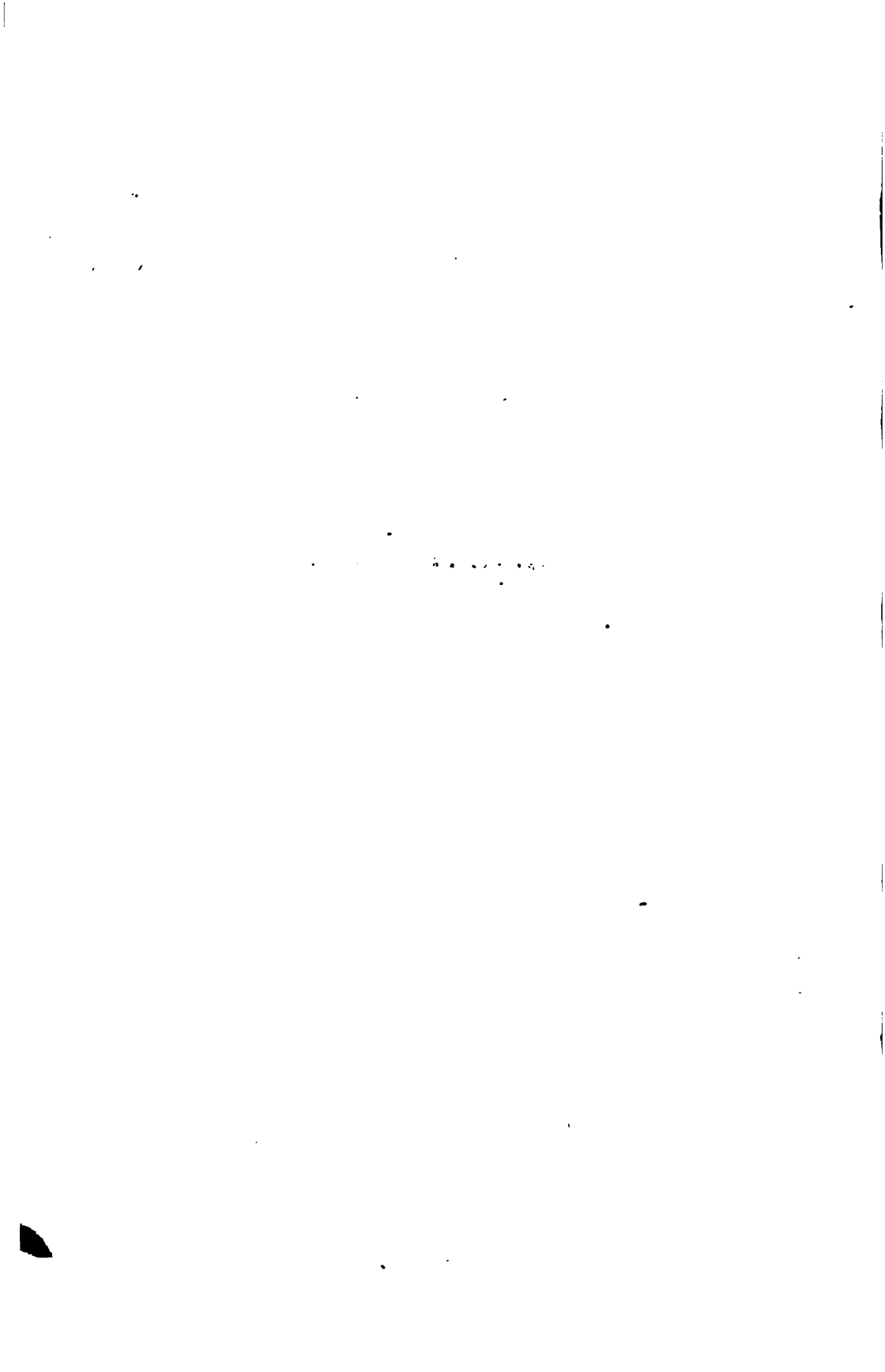
Названія областей	Областные подраздѣленія и главные города.	Доходы
		Переводъ
20. Калемраумли Кезазъ.	1) Кезазъ. 2) Султана- бадъ (Шаренау). 3) Фера- гунъ. 4) Варзи. 5) Бутчалу.	Деньгами. . . .
21. Кумъ.	Деньгами. . . .
22. Кемере.	Деньгами. . . .
23. Ездъ.	Деньгами. . . .
24. Керманъ.	1) Крукъ. 2) Нонмабадъ. 3) Раюнгъ. 4) Телегутъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница. Финики. Генне.
25. Хеледже- станъ.	Деньгами. . . . Ячмень и пше- ница.
26. Кашанъ.	}	Деньгами. . . .
27. Нетенсъ.		Деньгами. . . .
28. Талаханъ.	Деньгами. . . .
29. Геррузъ.	Деньгами. . . .
		И того въ 1836 г.

за 1836 годъ.			Замѣчанія.
Мена шаги.	Халвары.	Томаны.	
136,170	304,699	2,022,226	
.....	30,000	
.....	30,000	
.....	12,000	
.....	60,000	
.....	75,300	Въ 1839 году налоги возвышены шахомъ до 150,000 томановъ.
.....	14,000	
.....	30	
.....	20	
.....	10,000	
.....	10,000	
.....	58,000	
.....	15,000	
.....	40,000	
136,170	328,749	2,352,526	

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ЗАПИСКЪ О ВОЕННЫХЪ СИЛАХЪ ПЕРСІИ.

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

ИСЧИСЛЕНІЕ

**пѣхотныхъ батальоновъ (фауджъ), составляющихъ регулярную
персидскую армію.**

Гвардія.

1	»	Багалуръ
1	»	Хассѣ.
1	»	Доіюмъ-Хассѣ
1	»	Вели-Ахде (наслѣдника).

Армія.

2	»	Карадагъ.
2	»	Хой.
2	»	Марага.
3	»	Тебризъ.
2	»	Шагаги (Shahahi).
1	»	Маранда.
2	»	Афшаръ.
2	»	Гамаданъ или Кара-гѣзу.
• 2	»	Хамза.
1	»	Казбинъ.
2	»	Хеледжъ.
1	»	Мелайръ.
1	»	Геррузъ.

2	Фаджъ	Испаганъ.
1	»	Ширазы.
1	»	Демавенди.
1	»	Фирузкуй.
2	»	Семнанъ-Дамганъ.
1	»	Лари-Джанъ.
1	»	Нишануръ.
1	»	Тегеранъ.
1	»	Кезазъ.
1	»	Шереноръ или Шеренау (Иракъ).
1	»	Рудбаръ.
1	»	Фараганъ-Аштанъ.
1	»	Кемеръ-Джапула.
1	»	Ульджерть.
1	»	Бегарлу.
1	»	Гулпейганъ.
1	»	Сурбендъ-Небай.
1	»	Хезаръ-Джерибъ.
1	»	Керманшахъ.
1	»	Гуранъ.
1	»	Бахтиръ.

Всего 50 фаджесъ или батальоновъ.

Примѣчаніе: Число этихъ фаджесъ можетъ быть удвоено, въ случаѣ нужды; по-крайней-мѣрѣ первый министръ Хаджи-Мирза-Агасы увѣрялъ насъ, въ 1840 году, что число арміи простирается теперь до 110,000 человекъ; но это имъ увеличено, ибо малочисленное народонаселеніе и разстроенныя финансы Персіи не въ состояніи набрать и содержать столь значительную армію.

ПРИБАВАЛЕНІЕ II.

Штабъ персидскаго батальона (фаужъ), съ означеніемъ жалованья, пайковъ и фуража.

Наименованіе чиновъ.	Число		Жалованье, пайки и фуражные для одного человека.						Итого жалованья, пайковъ и фуража.			Бѣлье и обувь.				
	Дня	Третьяк.	Ежегодно томановъ.		Ежедневно батмановъ.		Саманъ.	Ежегодно томановъ.		Дня	Третьяк.	Хлѣбъ.	Пчельн.	Саманъ.	Для одного человека.	Всего ежегодно.
			Дня	Третьяк.	Хлѣбъ.	Пчельн.		Дня	Третьяк.							
Штабъ-офицеры:																
Сергенгъ (полковникъ).	1	500	300	10	20	30	30	300	500	300	10	20	30	30	—	—
Яверъ (майоръ).	2	200	150	4	10	15	15	300	400	300	8	20	30	30	—	—
Оберъ-офицеры:																
Султанъ (капитанъ).	10	100	60	2	4	6	6	600	1000	600	20	40	60	60	—	—
Альтюангъ.	1	80	40	1	2	3	3	40	80	40	1	2	3	3	—	—
Найбъ-Овалъ (поручикъ).	10	80	40	1	2	3	3	800	400	400	10	20	30	30	—	—
Найбъ-Дутомъ (подпоручикъ).	10	60	30	1	2	3	3	600	300	300	10	20	30	30	—	—
Бегъ-Зале (дворяне).	10	30	28	1	—	—	—	300	300	280	10	—	—	—	—	—
Портуней-праторщикъ.	1	70	40	1	2	3	3	40	70	40	1	2	3	3	—	—
Унтеръ-офицеры, барабанщи- ни и рядовые:																
Векльгъ-Баши (фельдфебель).	1	50	30	1	—	—	—	30	50	30	1	—	—	—	—	—
Векльгъ (унтеръ-офицеры).	50	16	9	1/2	—	—	—	450	860	450	25	—	—	—	1	50
Давъ-Баши (фрейторы).	50	14	8	1/2	—	—	—	400	700	400	25	—	—	—	1	50
Барабанъ-Баши.	1	50	30	1	2	3	3	50	50	30	1	2	3	3	—	—
Барабанщикъ.	50	12	8	1/2	—	—	—	400	600	400	25	—	—	—	1	50
Сарбазовъ.	900	12	7	1/2	—	—	—	6,370	10,800	6,370	459	—	—	—	1	900
Всего вообще.	1,097	1,274	780	25	44	66	66	9,870	16,810	9,870	897	126	189	4	4	10,30

Обновка мундировъ назначена каждые два года, а новыя шинели выдаются каждые три года унтеръ - офицерамъ , барабанщикамъ и солдатамъ ; они же получаютъ ежегодно по двѣ пары сапоговъ , или, вмѣсто ихъ, 2½ саибкранъ (3 рубли ассиг.). Солдатскія жены тоже получаютъ паекъ: каждые три дня по батману.

Пайки и фуражъ отпускаются круглый годъ если войско въ сборѣ , и семь мѣсяцевъ , когда сарбазы распущены зимою по домамъ ; но , во всякомъ случаѣ , жалованье должны получать за круглый годъ.

Примѣчаніе. Не надобно полагать , чтобъ жалованье и пайки , означенные въ вышеупомянутыхъ таблицахъ , были бы правильно отпускаемы сарбазамъ . Жалкое состояніе финансовъ , равно какъ и лихоимство мирзовъ и начальниковъ причиною , что сарбазы часто не получаютъ жалованья въ продолженіе болѣе года . Зато случается , что цѣлые батальоны разбѣгаются и толпами возвращаются домой , ограбивъ по дорогѣ всѣ селенія . Въ Персіи не существуютъ магазиновъ или транспортовъ съ съѣстными припасами , слѣдующихъ за арміею во время войны ; она живетъ одними поборами (requisitions) и жители селеній , лежащихъ на дорогѣ , по которой проходятъ армія , бываютъ разорены или спасаются , при приближеніи войскъ , въ горы съ семействами и имуществомъ . Сарбазы грабятъ тогда и разоряютъ все , что осталось въ селеніяхъ .

ПРИНАДЛЕЖИЕ III.

Штатъ персидской артиллеріи, съ означеніемъ жалованья, пайковъ и фуража каждому чину.

Наименованіе чина	О Ч С М Р	Жалованье, пайки и фуражъ для одного человека.			Итого жалованья, пайковъ и фу- ража.			Для одного человѣка.	Всего ежегодно		
		Ежегодно томановъ.	Ежедневно батмановъ.		Ежегодно томановъ.	Ежедневно батмановъ.					
			Хлѣбъ.	Ячмень.		Хлѣбъ.	Ячмень.			Саманъ.	
Главный начальникъ:											
Эмиръ-Топъ-Ханъ.....	1	3000	30	80	100	3,000	30	80	100	—	—
Штабъ-офицеры:											
Сергентъ (полковникъ).....	2	600	10	20	30	1,200	20	40	60	8,8	11,6
Яворъ (майоръ).....	8	400	4	12	24	3,200	32	96	192	8,8	46,4
Оберъ-офицеры:											
Сутанъ (капитанъ).....	8	128	2	3	10	1,000	16	40	80	3,9	34,2
Наибъ-Оналъ (поручикъ).....	8	70	1	1	6	860	8	24	48	3,9	34,2
Наибъ-Аюкль (подпоручикъ).....	8	80	1	3	6	400	8	24	48	3,9	34,2
Абютантъ 1-го класса.....	4	128	2	3	10	128	2	3	12	2,3	4,6
Абютантъ 2-го класса.....	2	70	1	3	6	140	2	6	12	2,3	4,6
Ветъ-Заде (людине).....	19	28	1	2	4	432	19	38	76	2,3	43,7
Унтеръ-офиц., трубочей и артиллер.											
Векиль-Ваши (вахтмейстеръ).....	8	28	1	—	—	224	8	—	—	2,3	20,4
Векиль (унтеръ-офицеръ).....	24	24	1/2	—	—	876	12	—	—	1—	24—
Сарджуа.....	48	18,71	1/2	—	—	900	24	—	—	1—	48—
Караванъ (трубочей).....	60	12	1/2	—	—	720	30	—	—	1—	60—
Артиллеристовъ.....	2987	12	1/2	—	—	34,644	1,443 1/2	—	—	1—	2,987—
Нестроевые:											
Мира-Ваши.....	1	200	2	8	10	200	2	8	10	—	—
Мира (писарей).....	8	28	1	2	4	204	8	16	32	—	—
Всего вообщемъ.....	3093	4970,71	88	110	210	47,828	1,664 1/2	344	608	88,1	3,292,2

Персидская артиллерія славилась прежде хорошимъ своимъ состояніемъ и устройствомъ, но теперь она много упала, по неимѣнію надлежащаго надзора. Старыхъ офицеровъ осталось мало и половина изъ артиллеристовъ рекруты, незнающіе своего дѣла.

Артиллеристы на той же ногѣ, какъ и сарбазы относительно обмундированія и пайковъ; жены ихъ такое же имѣютъ право на паёкъ.

Въ гератскомъ походѣ находилось болѣе 60-ти орудій разнаго калибра. Впослѣдствіи первыйъ министръ Хаджи - Мирза - Агасы велѣлъ перелить всѣ старыя пушки, лежавшія на большомъ Мейданѣ въ Тегеранѣ; онъ же закупилъ много мѣди, велѣлъ лить пушки въ Анзали и въ Тавризѣ, такъ - что въ 1840 году вылиты болѣе 150 пушекъ; но артиллерія эта не приноситъ пользы Персид, ибо никто не умѣетъ владѣть пушками.

ПРИБАВЛЕНИЕ IV.

Именной списокъ английскихъ офицеровъ, находившихся въ персидской службѣ съ 1834 по 1838 годъ, съ означеніемъ жалованья и другихъ выгодъ, полученныхъ ими отъ Мухаммедъ-Шаха.

	Годовое жалованье. Томановъ.	Пайки и фуражъ ежедневно. Батмановъ.
1) Генералъ сэръ Генри Бетюнъ (Джоржъ Линдсей) бывши вначалѣ въ военной службѣ у шаха, но потомъ завѣдывалъ желѣзными рудами въ Карадагъ. (Квартира въ Тегеранѣ; въ походѣ казенныя палатки и 40 муловъ)	3000	60
2) Полковникъ Ши (Shee) начальникъ офицеровъ наставниковъ (Instructeurs) Остиндской Компаніи. (Казенная квартира; въ походѣ 20 муловъ).	1000	30
3) Подполковникъ Ралисонъ (отъ пѣхоты).	400	20
4) Майоръ Тоддъ (отъ артиллеріи).	400	15
5) Майоръ Феррендъ (отъ кавалеріи).	360	12
6) Подполковникъ Вуильбрамъ (Wilbraham), служилъ въ войскахъ королевны (въ стрѣлкахъ) Riflemen.	360	12
7) Незбитъ, смотритель тавризскаго арсенала.	140	8
Сверхъ того:		
8) Докторъ Рейхъ, въ службѣ Шаха. . .	700	10
9) Докторъ Бель при инструкторахъ.	360	12
NB. Въ городѣ всѣ эти господа получили еще казенную квартиру въ натурѣ или, въ замѣнъ, 50 томановъ и 40 томановъ за дрова.		
Наконецъ.		
10) 14 сержантовъ английскихъ, каждый по 1 писарь.	50 70	3 8
Каждый офицеръ получилъ еще во время новруза (новаго года) шаль отъ шаха, цѣною по-крайней-мѣрѣ 30 томановъ..		
11) Подполковникъ Стодартъ причисленъ къ англійской миссіи, и давалъ уроки въ военномъ искусствѣ нѣсколькимъ бегъ-заде или молодымъ дворянамъ.		

Примѣчаніе. Чины, получаемые англійскими офицерами отъ своего правительства, при вступленіи въ службу шаха, только временные (brevets de Commission). При обратномъ вступленіи въ армію Остиндской Компаніи, они лишаются ихъ и остаются опять при своихъ прежнихъ чинахъ.

Кромѣ упомянутыхъ англійскихъ офицеровъ, были въ персидской службѣ еще слѣдующіе иностранцы:

	жалованья еже- годно томановъ.
Баровскій, изъ Галиціи, съ названіемъ генералъ-лейтенанта, находился при особѣ шаха.	2,500
(Онъ убитъ при гератскомъ приступѣ.)	
Баронъ Эммерихъ, Пруссакъ, кавалерійскій офицеръ.	400
(Умеръ подъ стѣнами Гуряна въ 1837 году.)	
Капитанъ Семано, Французъ, инженеръ.	500
(Послѣ гератскаго похода онъ получилъ отъ шаха чинъ сертина или генералъ - маіора съ 1000 томанами жалованья, и до - сихъ - поръ находится въ Персіи.)	
Дотервейсъ, Баварецъ, находится въ Ширазѣ.	365
(Былъ послѣ ограбленъ, требовалъ слѣдующее ему жалованье за два года, не получилъ его и, вѣроятно, погибъ отъ голода.)	
Барбіери, Итальянецъ, начальникъ порохово- ваго завода.	365
(Оставилъ персидскую службу, по неполученію жалованья.)	

ПРИБАВЛЕНИЕ V.

Мазандеранскіе Туфенгджи.

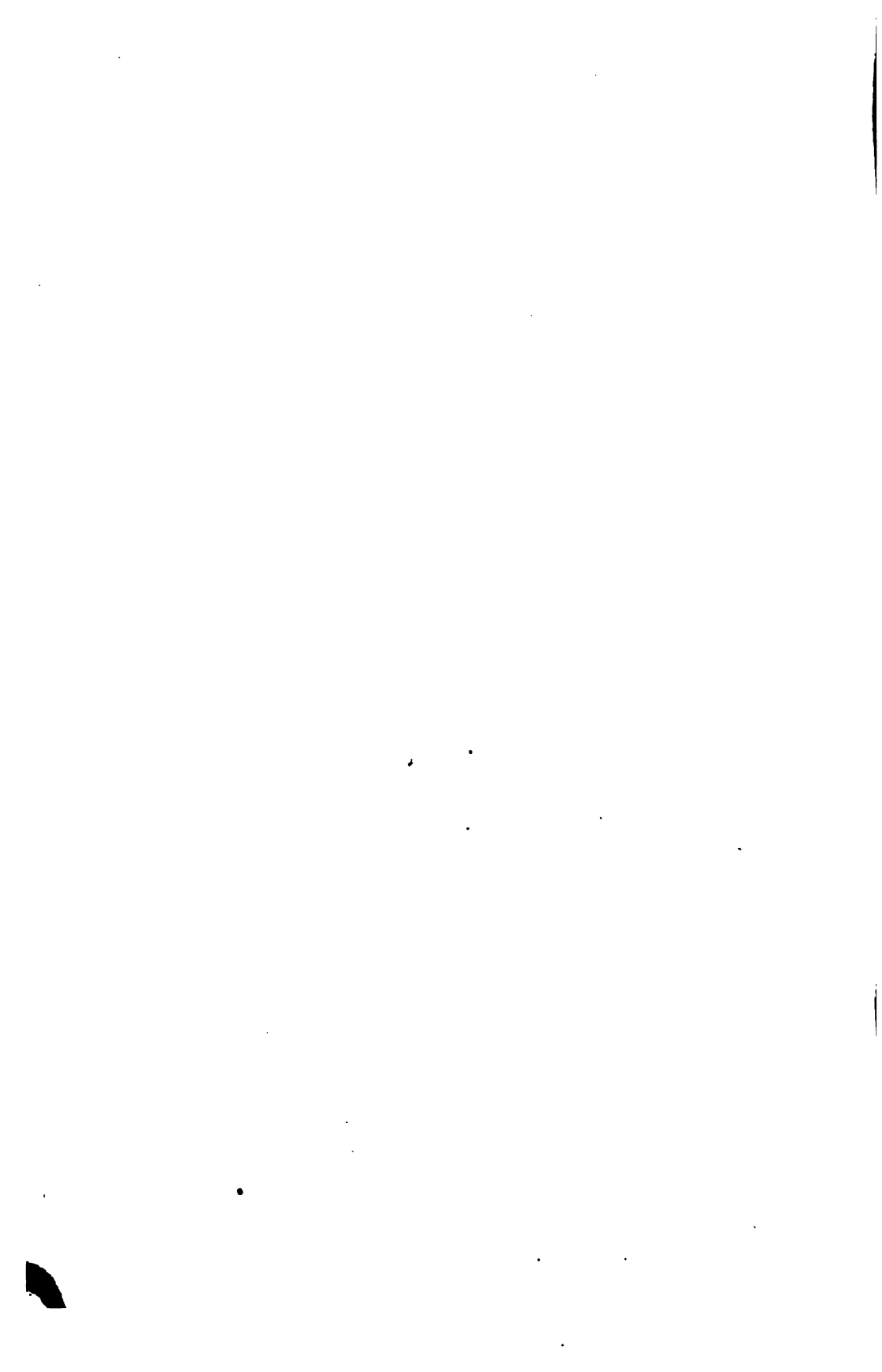
Милиція эта сформирована Каджарами и потомками военных кантонистовъ, поселенными Ага-Мухаммедъ-Ханомъ въ Мазандеранѣ. Послѣдніе смѣшались съ Каджарами и поставляютъ вмѣстѣ съ Астрабадомъ 14,000. Туфенгджи извѣстны подъ названіемъ Мазандеранскихъ Туфенгджи. Вотъ ихъ составъ:

Астарабадъ.	Человѣкъ.
Кіетугъ и Финдерискъ.	пѣшихъ 1000
Гезаръ-Джерибъ.	» 1000
Анезагъ.	» 500
Сарн.	2,500
Кулбадъ и Ехъ-Кіешъ.	» 1000
Герайлу и Усарлу.	всадниковъ 1000
Джанбеглу и Меданлу.	» 1000
Афганцы и Килиджей.	» 1000
Сареви и Белуджа.	пѣшихъ 1000
	5,000
Савадку.	даютъ пѣшихъ 500
Бенди-пей.	» » 500
Нуръ.	» » 700
Каджавенды и Абдулъ-Мелики	даютъ всадниковъ 2000
Грузины въ Эшрефы.	даютъ пѣшихъ 500
Максудлу	даютъ всадниковъ 500
Фирузкуи и Каранчай, хотя кочуютъ на почвѣ те- геранской, но принадлежатъ къ Мазандеранскимъ	
Туфенгджи и даютъ пѣшихъ.	1,800
Всего. . .	14,000

ПУТИ СООБЩЕНІЯ.

Большія дороги въ Персіи вообще удобопроходимы, невзирая на то, что правительство ничего не дѣлаетъ для поддержанія ихъ. Отъ береговъ Аракса черезъ Тавриздъ, Тегеранъ, Шарудъ, Нишапуръ, Мешедъ до Герата съ одной стороны, а съ другой отъ Тегерана, черезъ Кумъ, Кашанъ, Нетенсъ и Испаганъ до Ши-раза и отъ этого города черезъ Фирузабадъ до Бендеръ-Бушира артиллерія и обозы не найдутъ большихъ препятствій въ лѣтнее время. Напротивъ, дороги, ведущія изъ Гиляна и Мазандерана, области, отдѣленныя отъ остальной Персіи высокими хребтомъ горъ Ахбуру, весьма трудны, даже для вьюковъ; однѣ тропинки ведутъ прямо изъ Тегерана въ Мазандеранъ, и отъ Бостамы въ Астерабадъ; однакожь послѣдняя лучшая и съ трудомъ можно даже провести на ней легкую артиллерію. Въ западной Персіи дороги не такъ удобны для прохода артиллеріи, по причинѣ гористаго мѣстоположенія этой части края. Вышеупомянутыя дороги удобопроходимы въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, но въ остальные четыре мѣсяца, т. е. съ ноября по мартъ, онѣ портятся. Между Тавризомъ и Тегераномъ, напримѣръ, глубіе снѣга препятствуютъ свободному сообщенію; проѣздъ черезъ равнины Уджанъ и Султаніе бываетъ тогда часто опасенъ, по причинѣ метелей. Въста дорогъ, бываетъ только тропинка, назначенная для каравановъ, и отъ которой опасно отдаляться; тропинка эта наконецъ чѣмъ-то дѣлается въ родѣ лѣстницы, весьма труднопроходимой для лошадей и верблюдовъ. Въ концѣ февраля неудобства эти увеличиваются: снѣгъ таетъ, грязь дѣлается ужасною, рѣки разливаются и глубокіе и быстрые потоки показываются тамъ, гдѣ во время лѣта не бываетъ ни капли воды; но, благодаря сухости климата и почвы, вся влажность въ скоромъ времени входитъ въ землю или испаряется, такъ что въ концѣ марта и въ апрѣлѣ русла потоковъ сухи и пыль — эта пятая стихія Персіи — поднимается уже вихремъ. Подробное описаніе главныхъ дорогъ въ этомъ государствѣ слѣдуетъ въ особенномъ прибавленіи.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ
НА
ПЕРСИДСКУЮ ТОРГОВЛЮ,
ВЪ ОСОБЕННОСТИ
НА ТОРГОВЛЮ ТАВРИЗСКУЮ И ГИЛЯНСКУЮ.

Съ недавняго времени торговля Тавриза развилась до высокой степени. Важность, приобретённая этимъ городомъ въ коммерческихъ отношеніяхъ, произошла менѣе отъ направленія, принятаго торговлею въ послѣднихъ восьми годахъ, нежели отъ самаго мѣстоположенія Тавриза. До этой эпохи товары были привозимы изъ чужихъ краевъ въ Персію черезъ Багдадъ и Персидскій Заливъ. Индостанъ снабжалъ тогда Персію своими произведеніями въ гораздо-большемъ количествѣ, нежели теперь; отсюда же привозили и англійскіе ситцы и кисею. Но пути эти были слишкомъ отдаленны и чрезъ это убыточны, такъ-что, рано или поздно, торговля должна была открыть себѣ другія дороги, близость которыхъ должна была имѣть и вліяніе на цѣну товаровъ. Торговля Персіи подвергалась тогда общимъ и неизбѣжнымъ законамъ, отъ которыхъ она вездѣ не въ состояніи освободиться; т. е. если торговля стѣснена, сжата или ограничена въ своихъ разныхъ движеніяхъ и сложныхъ сношеніяхъ, она должна наконецъ взять другое направленіе. Въ это время сообщенія съ Европою черезъ Константинополь были еще не такъ распространены, какъ нынѣ. Смирна, главная пристань въ Левантѣ, была, 15 лѣтъ тому назадъ, первымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній Азіи и Европы; торговля и мѣна были тогда тамъ весьма значительны. Персіане вѣдѣвъ съ другими Азіатцами привозили туда произведенія своей страны; и ихъ чернильные орѣшки, прекрасныя ткани и сырцовый шелкъ имѣли самый лучший сбытъ въ этомъ городѣ. Послѣ того торговля Леванта сосредоточилась почти въ Константинополь. Персидскіе купцы оставили мало-по-малу Смирну и прибывали въ столицу Турецкой Имперіи гдѣ они выгоднѣе могли сбыть свои товары и купить ситцы, стеклянныя, целозныя и другія произведенія Европы. Пересылка этихъ товаровъ производилась черезъ Сидутари, отсюда выюки были отправляемы прямо въ Арзерумъ и потомъ въ Тавризъ. Новый путь этотъ былъ ужъ важнымъ подвигомъ персидской торговли съ

Европою, относительно сокращенія разстоянія между этими странами, и значительно облегчилъ путевыя издержки товаровъ, назначенныхъ въ Персію, издержки, которыми они были прежде слишкомъ обременены по причинѣ огромнаго разстоянія изъ европейскихъ портовъ въ Персидскій Заливъ, или отъ Смирны до персидскихъ границъ; послѣдній путь, хотя короче, но менѣе подверженъ былъ большимъ издержкамъ. Впослѣдствіи торговыя сношенія Персіи съ Константинополемъ должны были гораздо болѣе облегчиться, по причинѣ непредвидѣнныхъ или рассчитанныхъ обстоятельствъ.

Въ то время, когда древній обычай одѣваться въ шелкъ и драгоценныя ткани вышелъ почти изъ употребленія въ среднемъ классѣ персидскаго народа, когда роскошь и пышное чванство прежнихъ временъ исчезли, по причинѣ обѣднѣнія частныхъ людей и цѣлаго края вообще, каждый Персіанинъ, не исключая даже хановъ и вельможъ, начали употреблять ситцы, дешевизна которыхъ пригодилась всѣмъ и каждому. Но, съ другой стороны, надобно согласиться, что введеніе ситцевъ въ Персію имѣло пагубныя послѣдствія для самаго края, фабрики котораго пришли мало-по-малу въ совершенный упадокъ, не бывъ въ состояніи поддержать соперничество съ дешевыми произведеніями европейскихъ фабрикъ.

Россія еще прежде Англіи начинала снабжать сѣверную Персію ситцами, сукнами, мѣдными мелочами и другими товарами, произведеніями своихъ фабрикъ. Ситцы съ рисунками, большею частью нехорошего вкуса, были, однако, отличнаго качества, и продавались на всѣхъ персидскихъ рынкахъ чрезвычайно дорого. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Россія имѣла почти монополію на продажу ситцевъ въ Персію, и выгоды, полученныя русскими и армянскими купцами, были весьма значительны.

Открывая закавказскіе порты иностраннымъ товарамъ, тамошніе народы и, между ними, Персіане были въ состояніи оцѣнить дешевизну ихъ и предпочесть русскимъ. Грузины и Армяне должны были соображаться со вкусомъ требователей и привязаться болѣе къ нѣмецкимъ и особливо англійскимъ ситцамъ, нежели къ русскимъ.

Трапезундъ сдѣлался главнымъ пунктомъ для персидской торговли. Суда, нагруженныя европейскими товарами, мало-по-малу приставали въ трапезундскую гавань, невзирая на опасность тамош-

наго рейда, незащищеннаго противъ вѣтровъ и столь частыхъ буръ Черваго Моря. Но, къ счастью, нѣсколько миль къ западу отъ Трапезунда, находится мѣстечко, называемое Платана, гавань котораго служить убѣжищемъ судамъ, выгрузившимъ товары свои въ Трапезундѣ.

Городъ этотъ, незначительный прежде въ торговомъ отношеніи, сдѣлался вдругъ весьма важнымъ. Положеніе его оказалось превосходнымъ для транзита товаровъ, назначенныхъ въ Персію и въ восточную часть Малой Азіи. Съ этого времени сообщенія съ Константинополемъ умножились. Персидскіе купцы выбрали этотъ путь, имѣвшій несравненную выгоду съ сухопутной дорогой черезъ Скутари, и стали посылать свои чернильные орѣшки, табакъ и сырецъ въ Константинополь черезъ Трапезундѣ, получая обратно англійскіе ситцы, сахаръ, сукно и проч.

Всегдашнее сообщеніе между этими двумя городами, посредствомъ четырехъ пароходовъ, чрезвычайно способствовало къ распространенію обоюдныхъ коммерческихъ сношеній и ускорило благоденствіе Трапезунда, который прежде существовалъ только въ своихъ развалинахъ. Теперь два австрійскіе и два англійскіе парохода, подъ турецкимъ флагомъ, перевозятъ въ трое сутокъ письма изъ одного города въ другой, и соперничаютъ съ парусными судами, относительно болѣе и болѣе увеличившагося перевоза тюковъ и пассажировъ. Всѣ эти пароходы обязаны мимоходомъ приставать въ Синопе и въ Самсоня, чтобъ сдать или взять товары или пассажировъ, желающихъ съѣздить то въ Константинополь, то въ Трапезундѣ.

Когда совершенно убѣдились въ коммерческой важности послѣдняго города, то каждый хорошій купеческій домъ въ Константинополѣ хотѣлъ имѣть въ Трапезундѣ свою контору или по-крайней-мѣрѣ прикащика. Англійская торговля съ Персією этимъ путемъ тоже приобрѣла удивительное приращеніе. Огромное количество бумажныхъ тканей, привозимыхъ ежегодно изъ Англіи въ Константинополь, имѣло лучший сбытъ въ Персіи, и, слѣдовательно, не удивительно, что Трапезундѣ въ скоромъ времени наполнился конторами и коммерческими заведеніями. Умноженіе взаимныхъ отправокъ товаровъ требовало учрежденія страховаго общества въ Трапезундѣ, чтобы ручаться за безопасную пересылку денегъ и персидскихъ произведеній въ Константинополь, такъ-какъ по-

добное общество уже существуетъ въ послѣдней столицѣ относительно товаровъ, посылаемыхъ въ Трапезундъ.

Европейскіе купцы, Греки, Армяне, Турки даже, торгующіе въ этомъ городѣ, получаютъ большіе барыши, хотя не всё торгуютъ для себя, а исправляютъ только должность комиссіонеровъ или отправляютъ товары во внутрь Персіи.

За товары платятъ 3% пошлины въ Константинополь; пошлина эта платится въ Трапезундѣ, если товары прямо туда привозятся, не выгружая ихъ въ Константинополь. Товары, отправляемые въ Персію, всегда проходятъ черезъ Арзерумъ, разстояніемъ отъ Трапезунда около 300 до 350 верстъ. Есть два пути сообщенія: одинъ зимній, другой лѣтній; первый менѣе труденъ зимою, потому-что тамъ не такъ много снѣгу и онъ не такъ гористъ; второй, пройдя черезъ Гюмьшъ - Хане, короче, но зато непроходимъ во время дождей и морозовъ. Оба соединяются въ равнинѣ, пролегающей къ Байбуртскому Уѣзду. Лѣтомъ караваны идутъ въ 5-ть дней отъ Трапезунда до Байбурта, и еще 3 дня до Арзерума; но вообще считаютъ всего 10 дней ѣзды.

Разстояніе отъ Арзерума до Тавриза больше и считается отъ 15 до 20 дней ѣзды. Дорога почти вездѣ ровная и разнится съ дорогою изъ Трапезунда въ Арзерумъ, которая чрезвычайно гориста и кочковата.

За товары, привезенные или посланные Европейцами въ Тавризмъ платятъ 5% пошлины; русскіе подданые, хотя имѣютъ другія привилегіи, подвержены той же пошлинѣ, сколько для привозныхъ, столько для вывозныхъ товаровъ; но рѣдко пошлина эта простирается до 5%; ибо купцы согласуются всегда съ таможенными чиновниками, такъ-что обѣ стороны имѣютъ выгоды. Что касается до персидскихъ купцовъ, они избѣгаютъ половины издержекъ, которыя Европейцы, Грузины и Армяне подвержены.

Большая часть (около $\frac{2}{3}$) англійскихъ и другихъ товаровъ, прибывшихъ въ Тавризмъ изъ Константинополя, отправляются персидскими купцами, поселившимися съ давняго времени въ этой столицѣ; они всё товарищи или прикащики 8-ми или 10-ти тавризмскихъ купцовъ. Тѣ и другіе мало знакомы съ честностью; они худо исполняютъ свои обязательства и неоднократно были причиною разоренія хорошихъ кунеческихъ домовъ въ Константинополь, что, однакожъ, не мѣшаетъ имъ требовать продолжительныхъ сроковъ

для своихъ покупокъ. Вообще они имѣютъ малые капиталы, но такъ хитро умѣютъ дѣйствовать, что имъ удается обманывать и самыхъ осторожныхъ европейскихъ купцовъ, Грековъ и даже Жидовъ. Большое соперничество этихъ купцовъ, торгующихъ ситцами и кисеями, частое скопленіе этихъ товаровъ непрерывными посылками изъ Лондона, наконецъ преимущество, отдаваемое персидскому золоту, которымъ Персіяне платятъ за всѣ покупки, по своему отличному внутреннему достоинству, предпочитаемому дурнымъ турецкимъ деньгамъ — всѣ эти причины принудили, такъ сказать, купцовъ довѣряться Персіанамъ. Въ 1837 году, однакожъ, многіе изъ этихъ Персіанъ дѣлали ложныя банкротства или просрочивали расплаты, что произвело переломъ, потрясши, болѣе или менѣе, всѣ купеческіе дома въ Константинополѣ, и особливо тѣ, которые имѣли сношенія съ Персією. Въ 1838 году, по прибытіи мирзы Джафара (персидскаго посланника при Оттоманской Портѣ) въ эту столицу, долги персидскихъ купцовъ, тамъ торгующихъ, простирались почти до 3-хъ милліоновъ рублей серебромъ. Съ-тѣхъ-поръ купцы стали осторожнѣе, продавая Персіанамъ только на чистыя деньги и на очень короткіе срони.

Кромѣ персидскихъ купцовъ, имѣющихъ осѣдлость въ Константинополѣ, есть другіе, которые каждый годъ отправляются изъ Тавриза съ деньгами, чтобъ закупать въ Константинополѣ ситцы и кисею. Эти купцы-путешественники, кромѣ своихъ собственныхъ денегъ, имѣютъ въ рукахъ еще деньги 30-ти или 40-ка таврійскихъ купцовъ, для которыхъ они также покупаютъ товары, и за труды получаютъ бездѣлицу. По прибытіи ихъ въ Константинополъ, купцы, торгующіе ситцами, отдають имъ всегда преимущество передъ другими Персіянами, потому-что они покупаютъ на наличныя деньги.

Перевозъ тюковъ въ Тавризъ стоитъ имъ гораздо-менѣе, нежели Европейцамъ: они никогда не застраховываютъ ни товаровъ, ни денегъ; укупорка ихъ подешевле, потому-что она не такъ прочна, и наконецъ въ таможнѣ они платятъ только рахтаръликъ, т. е. пошлину за проваздъ, собираемую въ Хойѣ; она простирается только до 2-хъ реаловъ съ тюка. Между этими купцами Дильманли и Леки отличаются дѣятельностью, смѣшленостью, воздержностью и неутомимостью. Они сами ѣздятъ въ Константинополъ и скоро оканчиваютъ свои покупки, сами улаживаютъ тю-

ли, на судахъ помѣщаются въ трюмѣ или на палубѣ и, возвратясь наконецъ въ Тавризъ, сейчасъ сбываютъ товары свои хотъ съ однимъ процентомъ барыша, чтобъ немедленно пуститься опять въ дорогу. Но если цѣна ситцевъ слишкомъ низка въ Тавризѣ, они безъ замедленія вычатъ тюки свои на мулы и развозятъ ихъ въ Казвинъ, въ Рештъ, въ Тегеранъ, Испаганъ и во внутрь Персін. Таврійскіе купцы не имѣютъ соперниковъ опаснѣ этихъ разнощиковъ, которые портятъ имъ всегда цѣны дешевизною своихъ товаровъ.

Между персидскими купцами, обитающими въ Тавризѣ, только 3 или 4 имѣютъ капиталъ отъ 30 до 40,000 томановъ; другіе могутъ быть еще богаче, но имѣнія ихъ состоятъ въ садахъ, домахъ и каравансерахъ. Остальные притворяются богатыми, живутъ роскошно и безсовѣстно пожираютъ капиталы бѣдныхъ константинопольскихъ купцовъ. Но въ послѣдніе годы нѣсколько изъ кредиторовъ сами пріѣхали въ Тавризъ и собственными глазами убѣдились въ бѣдномъ состояніи персидскихъ купцовъ, невзирая на ихъ богатые дома и гаремы. Съ-тѣхъ-поръ они сами стали торговать въ Тавризѣ и не довѣряютъ болѣе своихъ капиталовъ Персіанамъ.

Грузины порядочно торгуютъ въ Тавризѣ; они преимущественно занимаются продажей нѣмецкихъ и русскихъ товаровъ; между ними есть торгующіе и англійскими произведеніями, и выписываютъ товары свои изъ Манчестера, Лондона или изъ Константинополя.

Русскими ситцами тамъ мало торгуютъ; они не могутъ соперничать съ англійскими. Изъ Россіи привозятъ нанку, желѣзо, стеклянную, фарфоровую и тульскую мѣдную посуду, равно и мѣха. Русское сукно, хотя хорошаго качества, не можетъ еще сравниться съ англійскимъ, и особливо съ французскимъ, которое гораздо дешевле и въ болшемъ употребленіи. Только русское сѣрое солдатское сукно имѣетъ довольно-большой сбытъ въ Персін. Товары русскаго издѣлія, привозимые Грузинами и Армянами въ Тавризъ въ концѣ октября, отправляются изъ Нижняго-Новгорода, и цѣна ихъ простирается до 100,000 томановъ.

Русскій сахаръ превосходенъ и отлично очищенъ, но дорогъ, и оттого менѣе его употребляютъ нежели англійскій, голландскій, нѣмецкій и французскій; послѣдній весьма посредственъ. Число ящиковъ, привозимыхъ ежегодно въ Тавризъ, простирается до

3,000. Простой народъ покупаетъ сахаръ, приготовленный въ самой Персiи, подъ названiемъ ездскаго сахара, или сахарный песокъ, привозимый изъ Индiи.

Число тюковъ ситцевъ и кисей разныхъ сортовъ, привозимыхъ изъ Англiи черезъ Трапезундъ въ Тавризъ, простирается ежегодно до 25,000; каждый тюкъ стбитъ среднею цѣною 80 томановъ, слѣдовательно привозятъ всего ежегодно на 2 мил. томановъ.

Ситцы пятицвѣтные, называемые Персiянами Бендеръ - Гю, двуцвѣтные, одноцвѣтные, также трехцвѣтные въ большомъ употребленiи. Средняя цѣна первыхъ отъ 27 до 28 сайбкорановъ, вторыхъ $13\frac{1}{2}$ до 14, третьихъ 12 до $12\frac{1}{2}$ и послѣднихъ отъ 20 до 21 сайбкорана за каждую штуку.

Ситцы съ большими и маленькими цвѣтками, шестицвѣтные, извѣстные въ Рештѣ подъ названiемъ Зитъ-Лешъ; оба англiйскаго издѣлiя и въ довольно-большомъ употребленiи.

Разные роды кисей съ выгодною сбывались въ Персiи; но стѣтъхъ - поръ, какъ привозъ ихъ запрещенъ въ Закавказскiй Край, сбѣтъхъ ихъ въ Тавризъ уменьшился.

Персiя имѣетъ малое количество своихъ собственныхъ произведенiй, вывозимыхъ за границу. Первый и самый важный предметъ — шелкъ. Число тюковъ, отправляемыхъ изъ Тавриза въ Константинополь или въ Россiю, простирается ежегодно до 6,000. Черпальные орѣшки, привозимые Курдами изъ Саухъ-Булака въ зимнее время, продаются въ самомъ Тавризѣ отъ 44 до 48 шаевъ за батманъ, и цѣна вывозимаго за границу количества простирается ежегодно на 50,000 томановъ. Половину его отправляютъ въ Константинополь, другую же покупаютъ Армяне и Грузины для вывоза въ Россiю.

Желтое сѣмя, называемое авиньонское или персидское, изобильно растеть въ Карадагѣ и въ предѣлахъ Курдистана; но Персiяне и Курды обращаютъ мало вниманiя на этотъ предметъ, который могъ бы вывозиться въ гораздо-большемъ количествѣ, хотя красильное вещество это уступаетъ турецкому желтому сѣмени.

Въ лѣтнее время привозятъ въ Тавризъ желтый воскъ изъ Ардебилля. Воскъ этотъ одно изъ лучшихъ произведенiй сѣверной Персiи; но также пренебреженъ Персiянами; вывозъ его за границу простирается только на 8,000 томановъ въ годъ. Обыкновенно требуютъ отъ продавца, чтобъ воскъ былъ предварительно

очищенъ: безъ этого нельзя его вывозить за границу съ пользою.

Другіе предметы вывоза суть: табакъ ширазскій, ассафетидъ, разные сушеные фрукты, бирюза, жемчугъ, кайскій шафранъ въ маломъ количествѣ, чубуки и проч.; цѣну этихъ предметовъ въ вывозѣ нельзя съ точностью опредѣлить.

Тавризская торговля имѣетъ опредѣленные времена года дѣятельности и бездѣйствія. Отъ сентября до навруза (9 марта) на базарахъ толнится народъ и сбытъ товаровъ производится весьма скоро. Иракскіе купцы также пріѣзжаютъ зимою въ Тавризъ и покупаютъ за наличныя деньги нужные имъ товары. Отъ апрѣля до августа торговля почти прекращается; только въ іюлѣ, хаджи, ѣдущіе на богомолье въ Мекку, покупаютъ тамъ на 30,000 или 40,000 томановъ ситцевъ и кисей, и послѣ отъѣзда торговля ихъ опять прекращается до сентября.

Бинахтарамъ называютъ главныхъ купцовъ Тавриза; они составляютъ родъ цеха и сильны не по капиталамъ своимъ, но по общему союзу и согласію, управляющему всѣми ихъ предпріятіями. Когда купеческій домъ Ралли поселился, въ 1837 году, въ Тавризѣ, онъ потерпѣлъ тысячу неприятностей отъ Бинахтаровъ, бывшихъ подрыва со стороны этого богатаго дома. Воспользовавшись вліяніемъ, которое они имѣли надъ купцами 2-го разряда, они запретили имъ покупать какіе-нибудь товары отъ дома Ралли, надѣясь этими мѣрами принудить домъ этотъ оставить Тавризъ и воротиться въ Константинополь. Хотя мелкіе купцы знали, что они могли бы купить товары гораздо дешевле у Ралли, нежели у Бинахтаровъ, имѣющихъ, такъ сказать, монополію всѣхъ иностранныхъ надѣлъ, но, невзирая на это, они повиновались волѣ первыхъ, и согласіе, бывшее между ними, при этомъ случаѣ было въ-самомъ-дѣлѣ удивительно. Мѣсяцъ спустя, Бинахтары позволили наконецъ торговать съ вышеупомянутымъ домомъ.

Весьма рѣдко случается, чтобы большое количество товаровъ, превышающихъ 30 или 40 тюковъ, было продано одному Бинахтару. Послѣдніе, зная, что кредитъ ихъ невеликъ у Европейцевъ, вступаютъ въ товарищество съ другими и вокупаютъ такимъ образомъ гуртомъ всѣ товары у Европейца. Купецъ этотъ предоставляетъ себѣ раздѣлять товары свои между покупателями, соразмѣрно съ кредитомъ, который они имѣютъ въ Тавризѣ, съ состояніемъ ихъ

и проч. Раздѣленіе это между нѣсколькими покупателями принуждаетъ каждого изъ нихъ давать вексель на опредѣленный срокъ. Часть этихъ Бинахтаровъ продаетъ товары свои оптомъ и по мелочамъ въ самомъ Тавризѣ, другіе же посылаютъ ихъ въ Гамаданъ, Казвинъ, Тегеранъ и во внутрь Персін.

Сроки на заплату покупаемыхъ товаровъ очень длинны въ Тавризѣ, что и доказываетъ отсутствіе большихъ капиталовъ. Дисконтъ обыкновенно 12% въ годъ; но денежные проценты эти еще низки въ сравненіи съ гиланскими. Въ этой области земли приносятъ 50, 60 и болѣе процентовъ дохода — неслыханное дѣло, но оно весьма достовѣрно. Доходы эти имѣютъ непосредственное вліяніе и на проценты отдаваемыхъ въ заемъ денегъ. Указные тамъ проценты 24% въ годъ; но купцы часто берутъ отъ 30 до 35%. Въ остальныхъ частяхъ Персін высокіе проценты причиною недостатка капиталовъ, употребленныхъ въ торговлѣ.

Срокъ въ Тавризѣ на бумажныя иждѣлія простирается во время дѣятельности въ торговыхъ оборотахъ отъ 3-хъ до 7-ми мѣсяцевъ; въ остальное время онъ отъ 8-ми до 12-ти мѣсяцевъ. На наличныя деньги въ настоящемъ смыслѣ не продаютъ въ Тавризѣ; подъ этимъ названіемъ надобно всегда подразумѣвать 20-ти или 30-ти-дневный срокъ до заплаты должной суммы.

Шелкъ продается на 10-ти и 24-хъ мѣсячный срокъ; по обыкновенно дисконтируютъ все или одну часть. Напримѣръ: тюкъ хорошаго шелка, называемый шербавъ, продается 100 томановъ на 12-ти или 14-ти мѣсячный срокъ, что составляетъ одинакую цѣну съ 88 или 86 томанами наличными деньгами. Шелкъ средняго и низкаго качества, покупаемый купцами въ Рештѣ, для вывоза въ Константинополь или для продажи въ Тавризѣ, оцѣняютъ такъ, какъ хорошій шелкъ, т. е. 100 томановъ съ тюка; но онъ продается на 20-ти или 24-хъ мѣсячный срокъ, что составляетъ отъ 86 до 76 томановъ наличными деньгами, и представляетъ настоящую цѣну его.

Денежные переводы въ Константинополь или въ какой-нибудь другой городъ весьма трудны въ Тавризѣ. Для этого надобно всегда ожидать отъѣзда путешественника, отправленія Татарина (т. е. курьера) или надежнаго червардара (погонщика муловъ), чтобъ чрезъ нихъ послать деньги въ Константинополь. Переводы эти, хотя рѣдки и медленны, но они безопасны; ибо нѣтъ примѣра, чтобъ деньги, порученныя Татарину или червардару, были потеряны; деньги эти под-

вержены только двумъ опасностямъ: грабительству Курдовъ и разлитію рѣкъ, въ которыхъ поклажи могутъ утонуть.

Персидскіе купцы въ Тавризѣ ежегодно пересылаютъ большія суммы въ Константинополь, все наличными деньгами, но никогда векселями, потому-что они не довѣряютъ другъ другу, а безъ довѣрія, не могутъ существовать вексельные обороты.

Деньги, вывозимыя въ Константинополь, состоятъ изъ голландскихъ (русскихъ) червонцевъ, серебряныхъ рублей и другихъ иностранныхъ монетъ. Вывозъ персидскихъ монетъ за границу запрещенъ правительствомъ. Грузины и Армяне привозятъ съ собою изъ Тифлиса множество червонцевъ и рублей, потому-что продажа этихъ денегъ доставляетъ имъ 8 и даже 10% барыша. Русскія деньги всегда требуются на базарѣ, и при отправленіи курьера или при отъѣздѣ каравана въ Константинополь; цѣна иностранныхъ денегъ возвышается на 2%.

Невзирая на запрещеніе персидскаго правительства вывозить за границу персидскія деньги, ежегодно отправляютъ въ Константинополь большое количество томановъ. Русскіе червонцы и рубли достаточны только для половины денежныхъ переводовъ, сдѣланныхъ ежегодно въ Константинополь. Количество персидскихъ денегъ, вывозимыхъ ежегодно за границу, было бы еще гораздо значительнѣе, еслибъ не было выгоднѣе для купцовъ предпочитать для вывоза русскія деньги, которыя, невзирая на высокій курсъ свой въ Тавризѣ, приносятъ обыкновенно еще отъ 2-хъ до 2½% барыша въ Константинополѣ.

Торговые обороты въ Тавризѣ простираются, по сдѣланнымъ приблизительнымъ вычисленіямъ, ежегодно отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ томановъ.

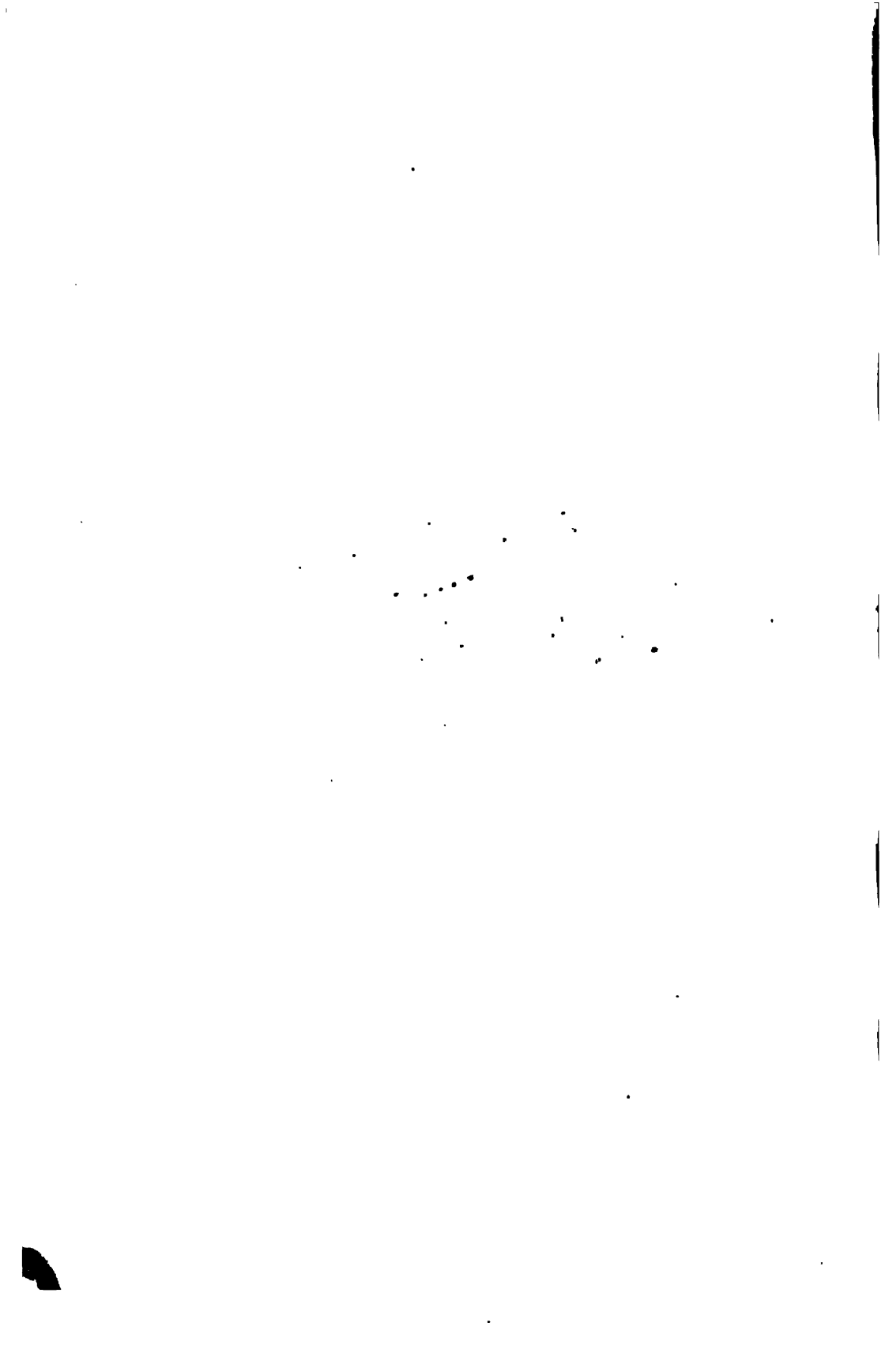
Присемъ слѣдуетъ сравнительная таблица общаго привоза въ Тавризъ товаровъ въ продолженіе семи годовъ, т. е. съ 1833 по 1840 годъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

ОБЩАГО ПРИВОЗА ТОВАРОВЪ ВЪ ТАВРИЗЪ

СЪ 1833 ПО 1840 ГОДЪ.

Годы.	Русскими поданными.				Персиянами.				Иностранцами.				Всего.				
	Изъ Россіи.		Изъ Кон- стантинол.		Изъ Лейпцига.		Изъ Россіи.		Изъ Констан- тинополя.		Изъ Кон- стантинол.		Изъ Англіи и част. изъ Лейпц.		Руб. ас.	К.	
	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.	Руб. ас.	К.			
1833	1,088,225	50	263,110	40	432,060	—	—	—	—	13,040,000	—	—	—	523,200	—	15,346,535	90
1834	1,506,217	52	20,592	—	478,282	—	176,000	—	14,975,144	—	—	—	—	780,800	—	17,997,985	52
1835	600,924	48	38,400	—	2,124,578	16	86,000	—	28,286,240	—	—	—	—	1,812,000	—	32,953,742	64
			Изъ Трапе- зунта по 5,600														
1836	904,592	—	19,200	—	2,959,892	—	—	—	33,488,000	—	—	—	—	2,718,400	—	40,090,084	—
1837	1,037,600	—	1,736,000	—	4,312,592	—	729,600	—	2,000,000	—	688,000	—	—	2,352,000	—	12,855,702	—
					(частью изъ Гамбурга).												
1838	235,080	—	1,423,121	4	3,838,096	80	270,000	—	6,720,000	—	788,790	—	—	1,464,000	—	14,739,087	84
1839	159,777	95	932,782	26	1,067,427	36	—	—	4,500,000	—	243,360	—	—	466,740	—	7,406,087	57
																141,329,315	47

И того привезено въ Тавризъ въ продолженіе семи лѣтъ товаровъ на

Товары, привезенные изъ Константинополя въ Тавризъ русскими подданными, состояли изъ бумажныхъ шалей, американскаго холста, машиннаго ситца, коленкора, миткаля, кембрика, сукна, саржи, кисей, бархата, шелковыхъ матерій и сахара.

Товары, привезенные русскими подданными изъ Лейпцига, состояли изъ сукна, бархата, гроденапля, камлота, бумажныхъ шалей, ситца, коленкора, миткаля, кисей, каламкера, нанки, плиса, полосатаго холста, американскаго холста, драдедама, чая, сахара и рома.

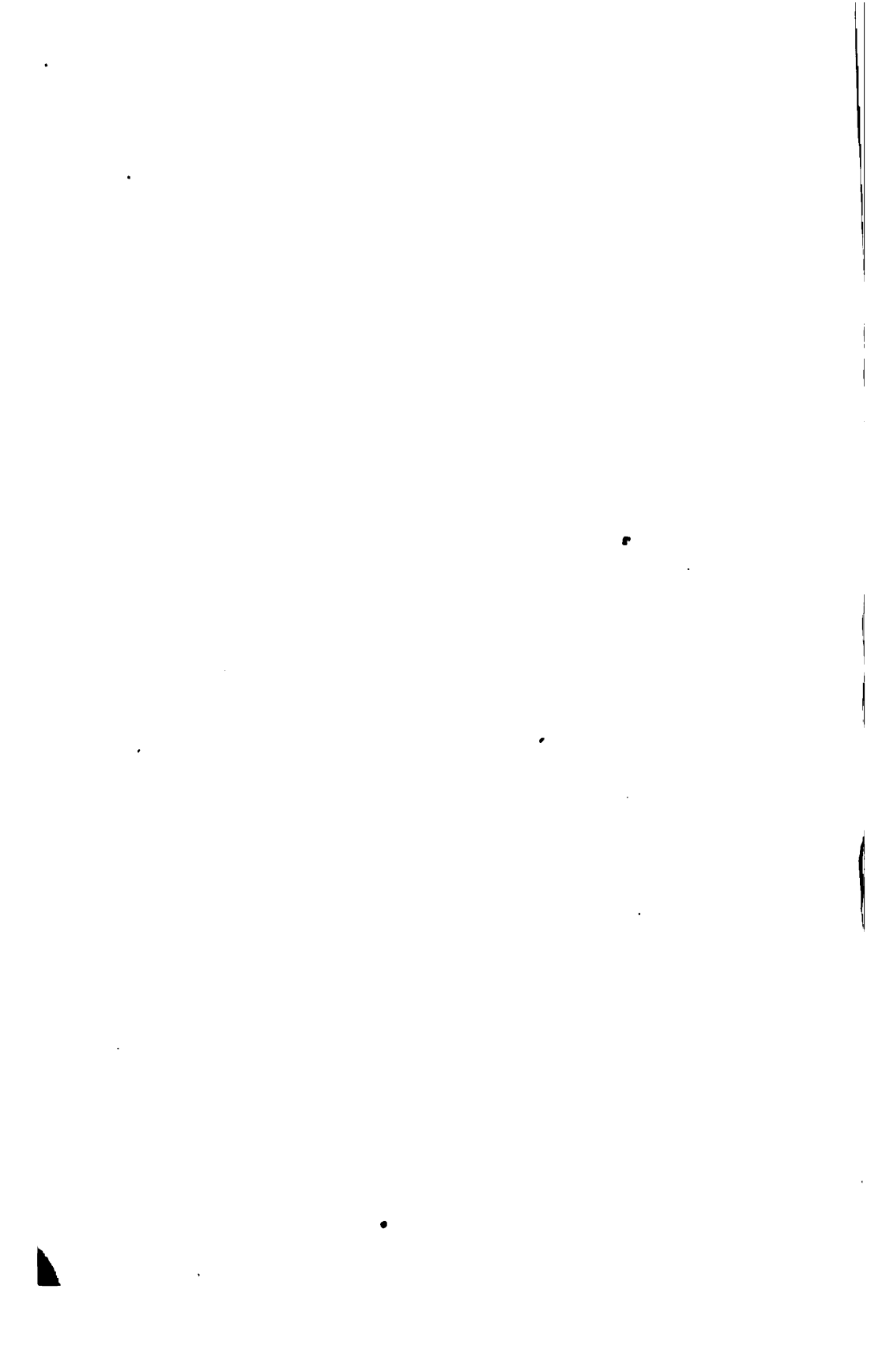
Иностранцы привезли изъ чужихъ краевъ, сверхъ того: газъ, ленты, англійскій тюль, чулки женскіе, бумажные, фланель, стѣнные часы, зеркала и проч. Фарфора и хрустала вовсе не было въ 1839 году изъ чужихъ краевъ.

Вывозъ изъ Тавриза состоялъ изъ хлопчатой бумаги, шалей кашемирскихъ и керманскихъ, шелка, курительнаго табаку, чубуковъ, жемчуга, драгоценныхъ камней, индиго и чернильныхъ орѣшковъ.

Общее количество вывоза товаровъ въ 1839 году изъ Тавриза можно, безъ большой погрѣшности, опредѣлить въ 4,893,732 рубля и 89 копеекъ ассигнаціями.

ГИЛЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

1880 года.

1) Привозъ въ Гиллянъ русскихъ товаровъ и другихъ произведеній.

а) Нефть изъ Баку.

}	въ Энзели	60,300 пудовъ.
	въ Ленгерудъ	13,000 »

Всего на 1,800 томановъ или на 207,000 рублей ассигнаціями
 Въ 1838 году привозъ нефти въ Гиллянъ простирался на 76,300 пудъ и былъ проданъ за 34,820 рублей серебромъ. Торговцы покупали оную въ городѣ Баку отъ казны по 3 рубля серебромъ за каждый халваръ (20 пудовъ), а продавали по 18 рублей серебромъ.

б) Кромѣ нефти, привозились также на бакинскихъ лодкахъ прочіе русскіе товары, и проданные здѣсь за 603,913 рублей ассигнаціями; какъ то: желѣзо, мѣдь, сталь, юфть, чугуныи и мѣдныи издѣлія, сандалъ и проч., именно тѣ товары, доставка которыхъ стоила бы слишкомъ дорого Англичанамъ.

с) Товары съ Нижегородской Ярмарки привозили на 885,555 рублей ассигнаціями, а именно:

Въ Астаринскую пристань (Ардебильскаго Уѣзда) на руб.	342,342 —
Въ Энзелинскій портъ.	» » 254,684 25
Въ Мазандеранъ (противъ устья р. Бабула) . . .	» » 255,987 25
Въ Астрабадскій портъ.	» » 32,541 50
	И того. . . 885,555 —

Они состояли изъ полоснаго желѣза и лома, красной мѣди, чугуныихъ, мѣдныихъ, желѣзныихъ, бумажныихъ, шелковыихъ и шерстяныихъ издѣлій, мелочнаго товара, стали брусчатой и томлянки.

2) Вывозъ изъ Гилана.

а) Шелкъ изъ Гилана. Выработано всего 80,000 мени-шаги по 15 фунтовъ каждый, и проданъ отъ 12-ти до 13¹/₂ томановъ за мени-шагъ.

Русскіе купцы вывезли въ Россію черезъ Тавризь,	
Шелковъ первой руки (Еаля)	1,402 тюковъ.
черезъ Астрахань	228 »
«	«
Всего	1,630 тюковъ.

Персидскіе купцы вывезли въ Константинополь

Еаля или первой руки	4,687 тюковъ.
» » въ Индоу черезъ Иракъ	1,273 »
» » въ Багдадъ для тамошнихъ	
фабрикъ	548 »
Шелка Лясъ второй руки	60 »
» Нехъ третьей руки	20 »
» Еаля въ Астрахань	80 »

Слѣдовательно въ 1839 году вывезено за границу гиланскихъ шелковъ еаля 8218 тюковъ, по 1¹/₂ пуда каждый, или 49,308 мени-шаги, и 80 тюковъ второй и третьей руки, годныхъ только для приготовленія женскихъ персидскихъ платковъ и мужскихъ плащей (аба), всего 18,490¹/₂ пудъ. Полагая круглымъ числомъ доинъ мени-шаги въ 12 томановъ, получается всего 601,776 томановъ, или 6,650,424 рублей ассигнаціями. Въ Гиланѣ осталось не-вывозимыми до 30,692 мени-шаги.

б) Транзитъ чрезъ Гиланъ въ Закавказскій Край персидскихъ надѣлій Хамхалатъ, т. е. товаровъ кашанскихъ, ездскихъ и проч. всего на 505,425 рублей ассигнаціями.

Шкуръ выдровыхъ, кунныхъ, шакаловыхъ вывезено изъ Гилана до 500 штукъ, равно и птичьего пера.

И того въ 1839 годъ привезено въ Гиланъ русскихъ товаровъ на 1,065,597 рублей ассигн., вывезено въ Россію на 1,855,065 р. а., а весь торговый оборотъ этой области простирается на 8,221,546 рублей ассигн., не считая въ томъ числѣ рыбныхъ товаровъ.

Въ другія же (кромѣ Гилана) лежація при Каспійскомъ Морѣ персидскія области въ 1839 году привезено нашихъ товаровъ всего на 630,870 рублей 25 коп. ассиг.

с) Рыбные товары. — Въ 1839 году было поймано и приготовлено

въ Астрабадскомъ Заливѣ, въ Сюфидрудѣ, въ Керганерудѣ и въ Энзелинскомъ Заливѣ:

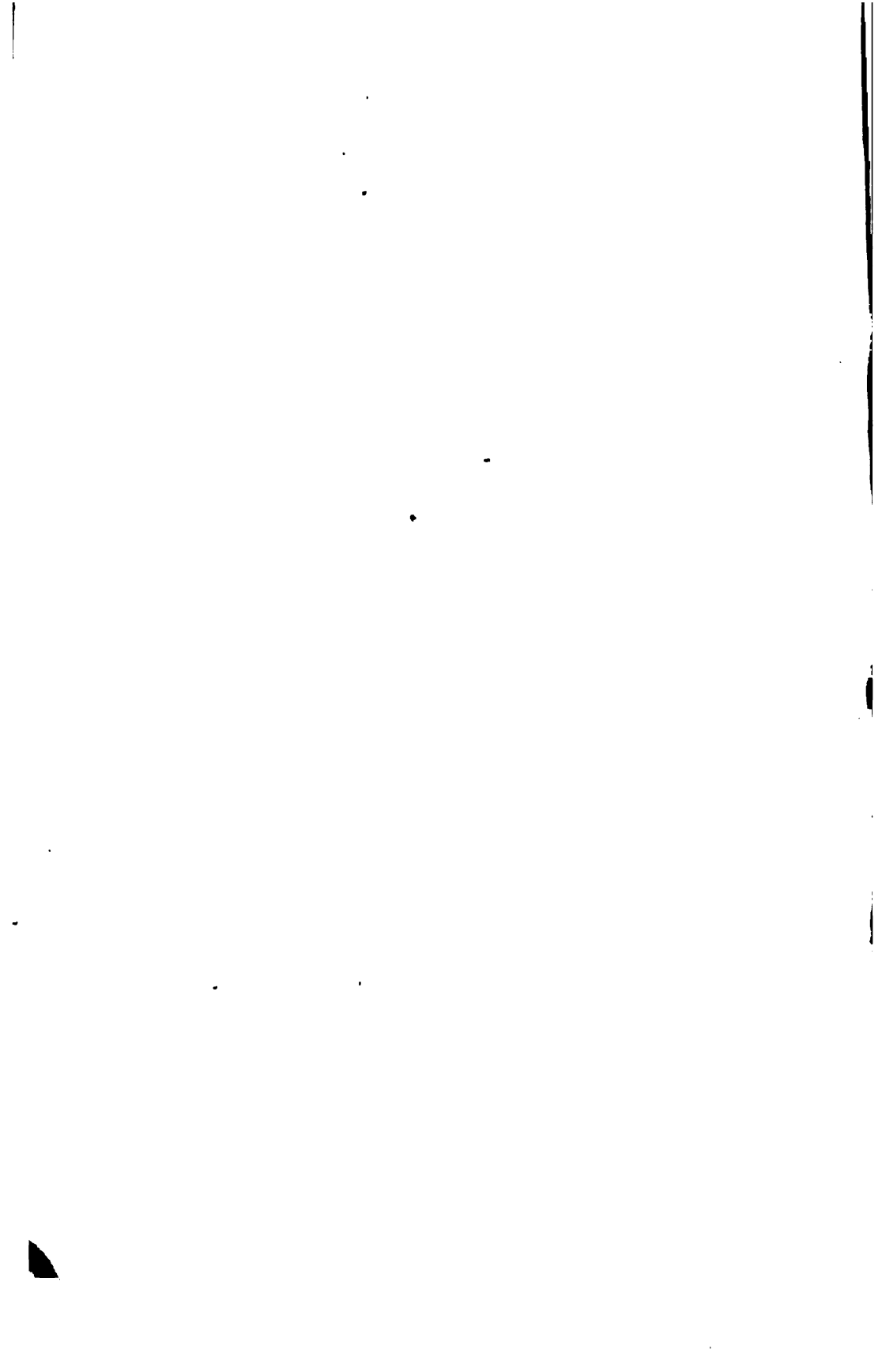
Бѣлугъ	11,625	штукъ.
Осетровъ	89,000	»
Сомовъ	15,100	»
Севрюгъ	1,500	»
Икры 232 бочки	13,280	пудъ.
Клею краснаго	131	»
Клею сомоваго	52	»
Вязиги	150	»

Занимались всего 280 русскихъ ловцовъ и работниковъ съ 70,000 рублей ассиг. содержанія. (О цѣнахъ рыбы можно узнать въ Астраханскихъ Вѣдомостяхъ.

Примѣчаніе. Въ Гиланъ были привезены еще 700 тюковъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій, на 49,000 томановъ, и ихъ можно было только продавать съ потерю отъ 8 до 12%. Причиною этому было излишнее ихъ количество на всѣхъ персидскихъ базарахъ.

Перевозъ товаровъ изъ Россіи и Баку въ Гиланъ и обратно производится на русскихъ шкоутахъ, расшивахъ, такъ называемыхъ бакинкахъ, и для плаванія возлѣ береговъ на киршимахъ или плоскодонныхъ судахъ. 500 этихъ киршимовъ, и 3 расшива принадлежатъ однимъ энзелинскимъ жителямъ.

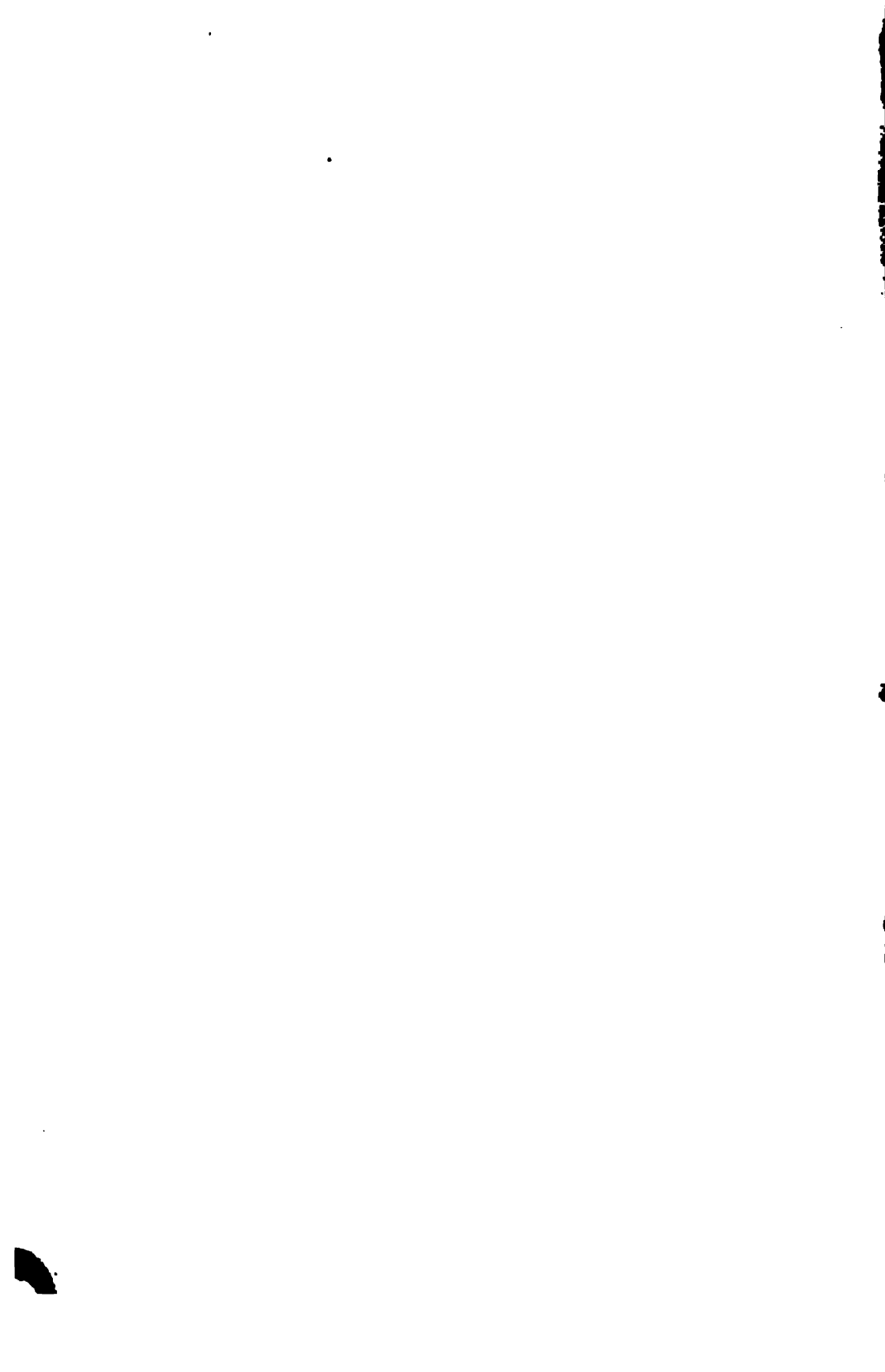
ПРИВОЗЪ И ВЫВОЗЪ ТОВАРОВЪ

черезъ

БЕНДЕРЪ-БУШИРЪ и БЕНДЕРЪ-АБАСЫ,

ПОРТЫ ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА.

А

ПРИВΟΣЪ ВЪ БЕНДЕРЪ-БУШИРЪ.

Ежегодно 2 или 3 судна приходятъ изъ Калкутты въ Буширъ и Бассору съ сахаромъ, индиго, индйскими тканями, французскими и англйскими издѣлiями, оловомъ, равно и нѣсколько суденъ съ произведенiями Индостана, назначенными собственно для Бушира.

Батмановъ.		Цѣна о-	Цѣна въ
		ного батм.	томанехъ.
		сайбрановъ.	
средн. числомъ.	Изъ Калкутты привозятъ ежегодно въ Буширъ слѣдующiе предметы:		
100,000	Индйскаго сахара	2	20,000
50,000	Индиго	50	250,000
15,000	Сурьми	6	9,000
10,000	Ивбирю	3	3,000
10,000	Желтаго воска	1 1/2	1,500
	Индйскихъ тканей на	—	40,000
	—		
	Изъ Мусалипатана (Мучли-Бендеръ) привозятъ ежегодно отъ 500 до 800 тюковъ съ индйскими ситцами (калемкаръ), считая 100 томановъ за каждый тюкъ	—	80,000
	—		
	Изъ Бомбѣя приходятъ ежегодно 3 или 4 судна и 15 до 20 мелкихъ судовъ (лахали); которыя привозятъ:		
80,000 до 100,000	Леденцу	2 1/2	25,000
10,000	Олова	2 1/2	2,500
100,000 до 150,000	Сiямскаго и китайскаго сахару	2 1/2	30,000
25,000	Перцу	4	10,000
10,000	Корицы (дарчинъ)	5	5,000
1,500	Кардамова (хиль)	20	3,000
	Англйскихъ тканей на	—	50,000
	Англйскихъ кисей на	—	50,000
25,000	Желтаго ивбирю (зерчубѣ)	6	15,000

Батмановъ.		Цѣна од-	Цѣна въ
		ного батм.	томановъ.
		сайбкрановъ.	
15,000	Гвоздики, мускатныхъ-орѣховъ.	15	22,500
1,500 до 3,000	Камфоры.	10	3,000
	Желѣза и свинца на.	—	1,500
	Чаю чернаго и зеленаго на. . .	—	3,000
	Индійскихъ тканей на.	—	30,000
	Китайскаго фарфору на.	—	5,000
	Китайскихъ варений.	—	1,500
	Шелковыхъ тканей на.	—	2,000
	5,000 кашмирскихъ шалей, сред-		
	нею цѣною каждая.	600	300,000
	отъ 4 до 500 Арановъ и Негри-		
	тлянокъ изъ Габеша (Абис-		
	синнн:		
	за мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтъ		
	10 до 14 томановъ.		8,000
	за дѣвочекъ отъ 12 до 14 лѣтъ		
	12 до 15 томановъ.		
	{ Мальчиковъ изъ Габеша оцѣ-		
	няютъ 20 томановъ.		
	{ Дѣвочекъ изъ Габеша оцѣня-		
	ютъ 30 томановъ. }		
	Таможня въ Бендеръ-Буширѣ бе-		
	ретъ за каждаго невольника		
	по 3 сайбкорана.		
	Привозъ невольниковъ этихъ		
	продолжается отъ іюня до		
	конца октября.		
	Сукно привезено изъ Калкутты и		
	изъ Бомбѣя до.	—	3,000
	Всего на. . .	—	973,500
	или круглымъ числомъ на 10		
	милліоновъ руб. ассиг.		
	Бендеръ - буширская торговля		
	много уменьшилась въ по-		
	слѣдствіи 18 лѣтъ.		

ВЫВОЗЪ ИЗЪ БЕНДЕРЪ-БУИРА

въ 1888 году въ Бассору, Еменъ и въ Индостанъ.

	Цѣна въ томанахъ.	
Миндалю. на	1,250	—
Шелку. »	21,600	—
Воску. »	40	—
Теріяку (опіумъ). »	90	—
Краснаго дерева. »	16	—
Кожн. »	80	—
Сарачинскаго пшена. »	46	—
Али-бухара (сливы). »	100	—
Табаку. »	20,160	—
Чернильныхъ орѣшковъ (мазу). »	10	—
Сушеныхъ фруктовъ (анжутжекъ). »	200	—
Бехореку (родъ фисташекъ). »	348	—
Розовой воды. »	100	—
Гена. »	100	—
Желѣза. »	149	—
467 лошадей по 50 томановъ каждая. »	23,350	—
Пшеницы. »	174	—
Ячменя. »	100	—
Старыхъ ружей. »	560	—
Изюма. »	27	$\frac{1}{2}$
Анису. »	47	$\frac{1}{2}$
Муки. »	38	—
Хлопчатой бумаги. »	1,290	—
Котловъ. »	100	—
Свинцу. »	30	—
Всего на	70,006	—
Сверхъ того, вывозятъ еще:		
Золото и серебро,		
Вино,		
Сушенныя розы,		
Ассафетидъ (ангусекъ),		
Шафранъ и драгоценныя камни.		
Съ Барейнскихъ Острововъ вывозятъ ежегодно въ Барейнъ жемчугу на 50,000 томановъ.		

ПРИВОЗЪ ЧЕРЕЗЪ БЕНДИГЪ-АБАСЪ.

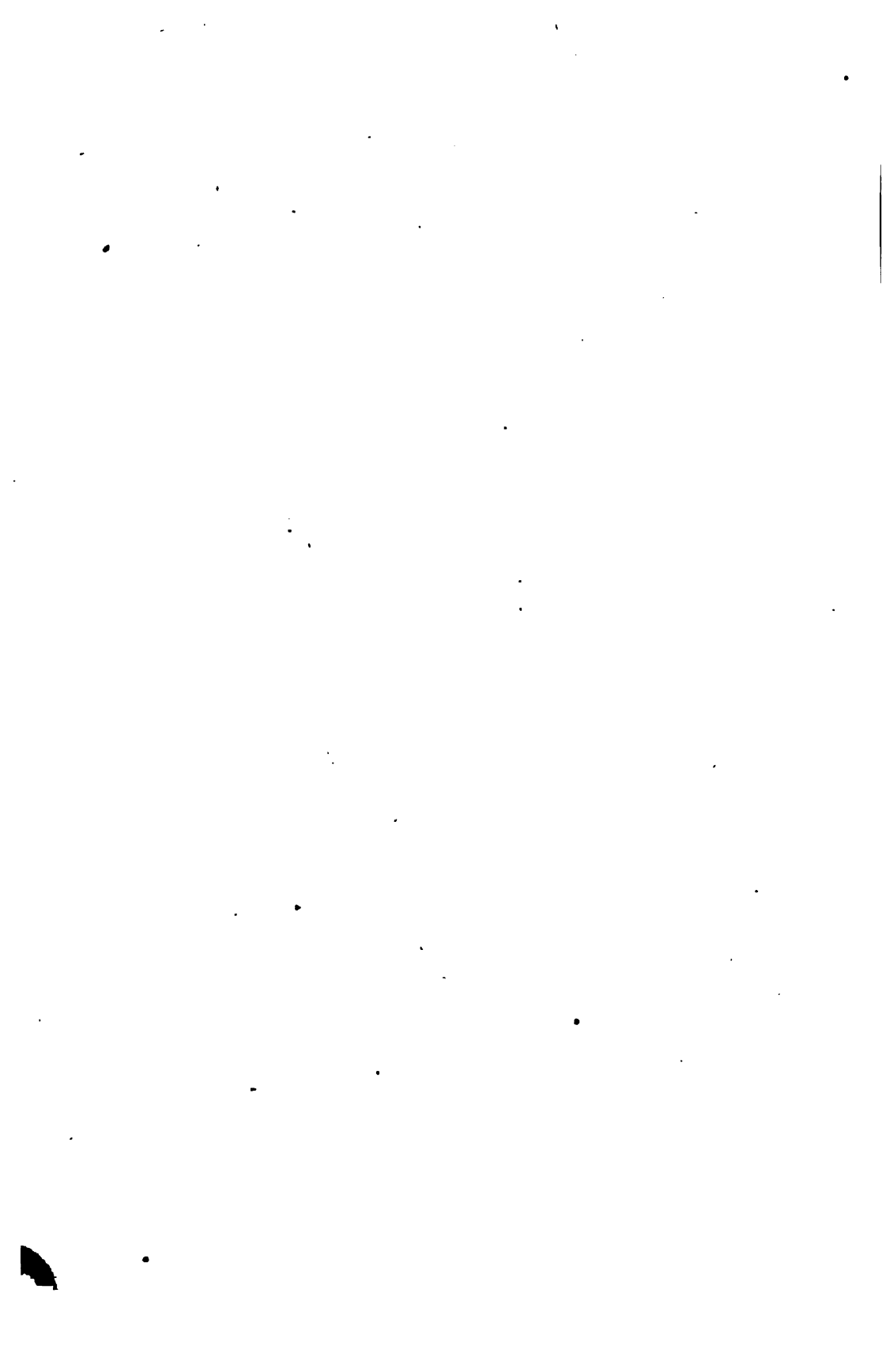
Товары изъ Индостана и Маската отъ 15 февраля до конца сентября 1837.

Батмановъ.		Цѣна одно- му батману.		Всего томановъ.	
		Сайбк.	Шаги.		
185,500	Сахару.	2	—	37,100	—
76,934	Леденцу.	2	10	19,233	5
6,900	Кардамону.	20	—	13,800	—
5,400	Гвоздики.	15	—	8,100	—
25,000	Корицы.	5	—	12,500	—
33,000	Перцу.	4	—	13,200	—
1,200	Корени мускатныхъ орѣ- ховъ.	3	—	360	—
9,000	Олова.	2	10	2,250	—
2,000	Сурьми (нашатъръ).	6	—	1,200	—
800	Фаянса.	1	1	1,000	—
1,000	Сарачинскаго пшена.	2	—	200	—
42,500	Инбирю.	3	—	12,750	—
5,100	Индиго.	50	—	25,500	—
51,000	Кофе.	6	—	15,300	—
25,000	Фулусъ (родъ москатыль- наго товара).	2	—	5,000	—
	112 Арапокъ.	150	—	1,600	—
	38 Араповъ.	150	—	570	—
	183 Взрослыхъ Араповъ и Араповъ.	100	—	1,830	—
300	Слоновыхъ костей.	5	—	150	—
6,000	Чернаго дерева.	1	—	600	—
10,500	Краснаго дерева.	3	—	3,150	—
850	Лунгъ (фартуковъ для бани).	2	10	212	5
17,700	Лимоновъ.	2	—	4,550	—
	8 Лошадей.	400	—	320	—
	Сверхъ того: ситцевъ, кисей, батиста, платковъ на.	—	—	151,535	5
	Всего на или на миллионъ руб. сер.			332,011	5

ВЫВОЗЪ ИЗЪ ВЕНДЕРЪ-АБАССЫ.

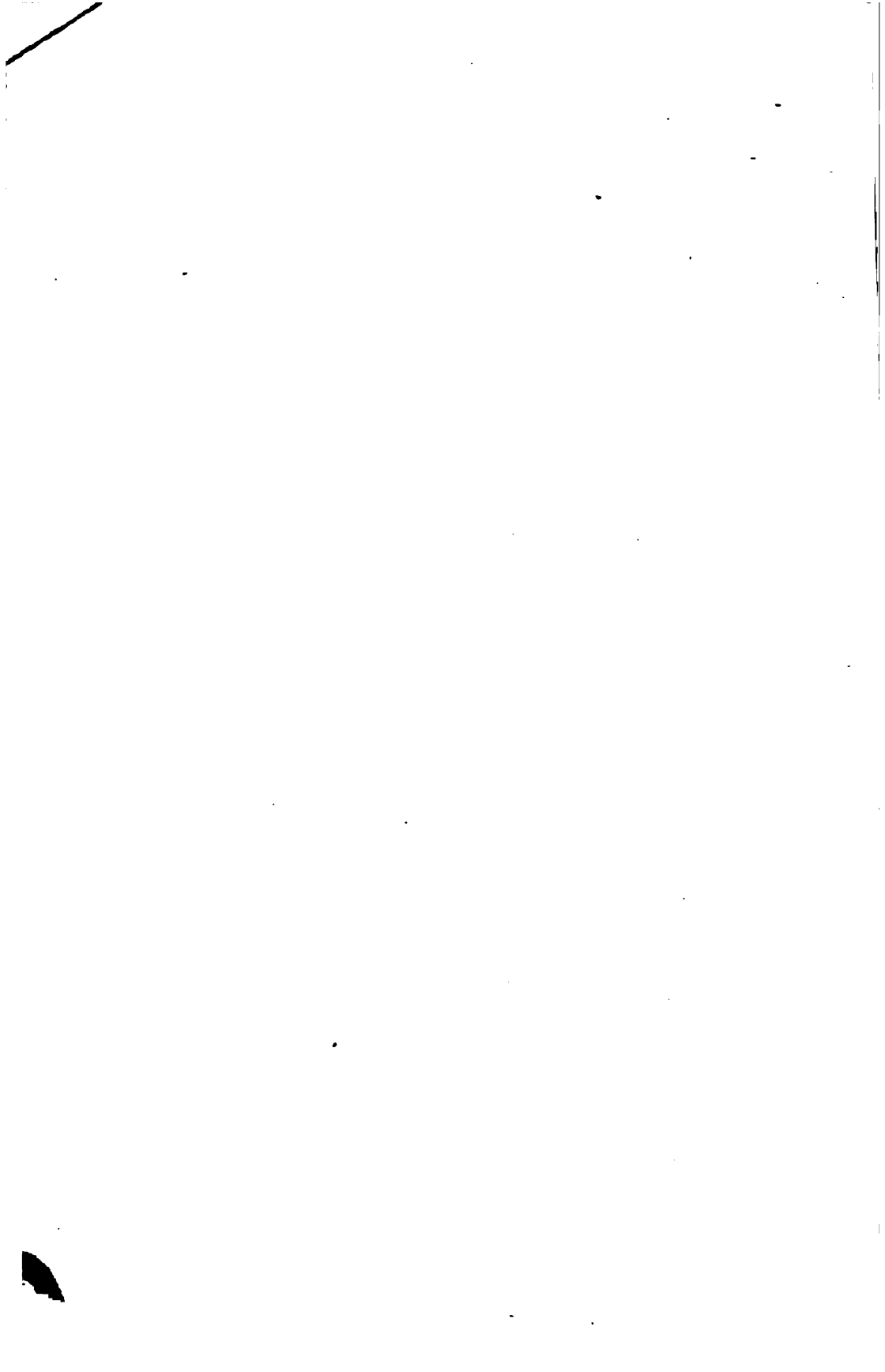
отъ 13 февраля по 21 сентября 1837 года.

Батмановъ.	Товаровъ.	Цѣна одно-го батмана.		Всего томановъ.	Сайкорангъ. Шаги.
		Сайбк.	Шаги.		
	Деньгами. на			89,449	8 10
19,000	Миндалю. »	1	—	1,900	—
1,750	Миндалю безъ скорлупы. . . »	2	10	447	5
600	Гератскихъ фисташекъ. . . . »	2	10	150	—
14,520	Аби-бура (сокъ неспѣлаго ви- нограда. »	5	—	7,260	—
400	Манны. »	5	—	200	—
2,500	Асъ-форекъ (родъ травы). . . »	2	—	500	—
19,200	Хлопчатой бумаги. »	5	—	9,600	—
153,000	Ширазскаго табаку. »	2	—	30,600	—
12,000	Сушеныхъ финиковъ. »	—	10	600	—
200,000	Свѣжихъ финиковъ. »	—	2	2,000	—
150,000	Пшеницы изъ Лористана. . . »	—	4	3,000	—
8,500	Изюма. »	2	—	1,700	—
300	Гюль-ренгъ (краска). »	4	—	120	—
910	Простаго шелка. »	60	—	5,446	—
235	Хорошаго шелка. »	150	—	3,525	—
	Издѣлій изъ Езда. »	—	—	550	—
	Издѣлій изъ Кермана. »	—	—	1,655	—
	85 лошадей. »	400	—	3,400	—
2,500	Листовъ геннѣ. »	1	—	250	—
	Деньгами 100 реаловъ. . . . »	1	—	10	—
	Винныхъ ягодъ. »	—	—	5	—
2,500	Марены (роннасъ). »	2	10	625	—
	Всего на или на 500,000 рублей серебр.			162,993	3 10

ОПИСАНІЕ

**ГИЛЯНА, МАЗАНДЕРАНА, АСТРАБАДСКАГО ЗАЛИВА, ХОРАСАНА
И СМЕЖНЫХЪ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ОБЛАСТЮ ЗЕМЕЛЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ.**

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ЮЖНЫЯ ПРИБРЕЖЬЯ КАСПІИ.

Узкіе и низкіе южные берега Каспійскаго Моря, поверхность котораго около 9 $\frac{1}{2}$ футовъ ниже горизонта Чернаго или Средиземнаго Моря, поднимаются со стороны юга скоро, весьма круто и съ уступами въ видѣ полукруга къ плоской возвышенности Ирана. Пространство это между южнымъ берегомъ Каспійскаго Моря и сѣверной покатостью Албурзскихъ Горъ представляетъ разительную противоположность съ остальною частью Персіи. Здѣсь, внутри континентальнаго климата средней Азіи, является вдругъ полоса съ морскимъ воздухомъ, съ влажнымъ климатомъ, чрезвычайно сырая и жаркая вмѣстѣ, и гдѣ встрѣчаются самыя рѣзкіе контрасты, гдѣ низменные и болотистыя мѣста съ огромными полями, засѣянными сарачинскимъ пшеномъ, чередуются съ густыми, почти непроходимыми лѣсами, фруктовыми садами, представляющими необыкновенное богатство въ произведеніи, но гдѣ господствуютъ также лихорадки и дурной воздухъ съ туманами, морскими бурями и облачнымъ небомъ. Это составляетъ рѣзкую противоположность каменистыми и неплодными почвами Ирана и его всегда чистымъ, съ голымъ, лазурнымъ небомъ. Полоса эта, составляющая сѣверный край Ирана, включаетъ въ себя три области: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, на которыхъ мы бросимъ сперва общій взглядъ и потомъ ужъ приступимъ къ подробному описанію каждой изъ нихъ.

Прибрежная страна эта — огромная лѣсная полоса, простирающаяся черезъ Гилянъ, Мазандеранъ и далѣе къ востоку вверхъ по рѣкѣ Гюргени до границы Хорасана, а къ западу до возвышен-

ной плоскости Азербайджана, протяженіемъ около 600 верстъ (между 49° и 56° восточной долготы отъ Гринича) и съ неодинаковою шириною. Въ Мазандеранѣ полоса эта отъ подошвы горъ до морскаго берега не превышаетъ отъ 20 до 30 верстъ, а въ Гиланѣ она еще уже и горы подаются часто до самаго берега. Къ югу отъ Астрабада горы отступаютъ далѣе отъ моря. Самыя высокія вершины Албурза выдаются голыми, обрывистыми скалами изъ разныхъ породъ, какъ то: гранитъ во многихъ мѣстахъ, известковыя скалы и мраморъ, фельдшпатъ съ хлоритами и въ окрестностяхъ горы Демавенда, порфиръ и трахитъ съ другими вулканическими произведеніями. Частныя землетрясенія производятъ неоднократно обрушенія въ этихъ горахъ.

Подошвы горъ и равнины покрыты роскошною растительностію, которую человѣческая рука не въ состояніи остановить или ограничить. За великолѣпными дремучими лѣсами, покрывающими верхнія покатости горъ, слѣдуютъ на нижнихъ уступахъ и террасахъ богатые фруктовые и виноградныя сады, равно и плантаціи тутовыхъ деревьевъ, которыя вездѣ перемѣнены съ вѣтвистыми и сильно разрасшимися растеніями. За ними въ низменныхъ мѣстахъ разстилаются богатые поля, засѣянные сарачинскимъ пшеномъ и сахарнымъ тростникомъ; наконецъ, болота вдоль морскаго берега покрыты густымъ камышомъ и разными кустарниками, а самый берегъ оканчивается отмелями въ морѣ.

Великолѣпныя эти лѣса удивляютъ путешественника; но жители не умѣютъ воспользоваться ими: вмѣсто того, чтобъ употребить вѣковыя деревья на мачты и доски для кораблестроенія, для мостовъ и другихъ потребностей, они довольствуются ими для своихъ грубыхъ жилищъ, построенныхъ съ большими навісными крышами, противъ дождей и снѣговъ, въ родѣ швейцарскихъ хижинокъ. Вѣтви этихъ деревьевъ опускаются и густо запутываются надъ ущельями и оврагами надъ берегами рѣкъ, надъ садами и огородами. Отъ этого лодки съ мачтами и парусами, часто запутываются въ этихъ вѣтвяхъ. Туркменскіе разбойники неохотно отваживаются изъ своихъ песчаныхъ пустынь проникать въ эти дремучіе, непроходимыя лѣса, въ которыхъ главное оружіе ихъ—длинныя копья, дѣлаются бесполезными.

Въ гиланскихъ и мазандеранскихъ лѣсахъ растутъ преимущественно: дубы (*Quercus castaneaе, fal*) изъ которыхъ нѣкоторыя

вѣютъ сажень въ поперечникѣ, букъ (*Fagus sylvatica*), клѣнъ, ясень (*Fraxin. excelsior*), вязъ, ольха, платанъ или чинаръ (*Platanus orientalis*) бываютъ 20 сажень вышины, и другіе роды чернаго лѣса; однакожь тамъ находятся и кедры, кипарисы и самшитъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ растутъ въ роскошномъ изобиліи: смоквы, гранаты цѣлыми рощами, тутовья дерева, грецкіе орѣхи, князьники, яблоки, груши, персики и многіе роды фруктовъ. Оливки растутъ лѣсами около Рубара, въ защищенныхъ отъ вѣтровъ долинахъ рѣки Кизыль-Узена, а лимоны и померанцы въ дикомъ состояніи близъ Барфуша и на берегахъ рѣки Бабула, въ Мазандеранѣ. Виноградныя лозы, толщиною отъ 4 до 8 вершковъ, безчисленными вѣтвями обвиваютъ деревья до верхушки и опускаютъ лозы отъ вѣтви до вѣтви, отъ дерева до дерева, покрывая густыя короны ихъ виноградными листьями и огромными кистями ягодъ, которыя никто не собираетъ, и отъ большей части гниютъ или сохнутъ на самыхъ лозахъ. Къ сожалѣнію, искусство винодѣлія неизвѣстно здѣшнимъ жителямъ, и что называется виномъ, есть питье кислое и непріятное для вкуса. Дикій хмѣль и плющъ переплетаются въ этихъ дремучихъ лѣсахъ и съ ними ежевика и другія вьющіяся растенія, которыя поднимаются до самыхъ верхушекъ деревьевъ. Здѣсь встрѣчаются также ясмины съ благоуханными цвѣтами, а на высотахъ многочисленныя аліійскія травы. Въ долинахъ растетъ вездѣ дикая конопля въ тѣни деревьевъ; великолѣпный чинаръ часто задушенъ въ этихъ густыхъ лѣсахъ, но недостатку свободнаго мѣста для развитія; зато прекрасный самшитъ находится здѣсь въ своей стихіи. Множество деревьевъ тлѣютъ на своихъ корняхъ въ этихъ непроходимыхъ лѣсахъ, гдѣ земля завалена сотнями бревенъ и пнями, и въ которыхъ дороги весьма затруднительны по причинѣ густыхъ, опускающихся вѣтвей и влажности почвы. На песчанномъ грунтѣ возлѣ береговъ поднимаются цѣлыя рощи папоротниковъ (*Polypodiaceae filix mas*), и дикій уронъ покрываетъ низменныя мѣста между болотами.

Задержанное обращеніе горячаго воздуха, при излишней влажности, производитъ изъ этой изобильной растительности особенную атмосферу, распространяющую на дальное разстояніе вредныя испаренія съ особеннымъ запахомъ и причиняющую всегда головную боль, біеніе сердца, лихорадки и опасныя болѣзни какъ чужестранцамъ, такъ и тамошнимъ жителямъ. Единственныя открытыя мѣ-

ста въ этой странѣ — большіе лагуны, которые занимаютъ почти круглый годъ великое пространство и уменьшаются или высыхаютъ только во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ.

Всегда разбросанныя жилища селеній находятся въ лѣсахъ и отдаленныхъ долинахъ, такъ - что они незамѣтны для проѣзжающаго, который блуждаетъ по узкимъ и тонкимъ тропинкамъ и не найдетъ дороги безъ проводника. Сверхъ того, страхъ отъ нападенія морскихъ разбойниковъ (Туркменцевъ) принудилъ жителей отыскивать себѣ убѣжища далеко отъ берега моря въ глуши дремучихъ лѣсовъ и въ отдаленныхъ долинахъ. Расположеніе селеній можно узнать только по многочисленнымъ фруктовымъ деревьямъ и винограднымъ лозамъ, окружающимъ жилища эти, и по густымъ плантаціямъ тутовыхъ деревьевъ для шелководства, отъ которыхъ воздухъ дѣлается еще вреднѣе, равно какъ отъ полей, засѣянныхъ сарачинскимъ пшеномъ, хотя послѣднія расположены въ дальнемъ разстояніи отъ селеній. Отъ этого жители этихъ странъ отличаются отъ другихъ Персіянъ своею желтою и темною кожею; они вообще весьма худощавы; однакожь женщины красивѣе мужчинъ, которые страдаютъ частыми кожными и другими болѣзнями.

Климатъ этой страны совершенно противоположенъ съ климатомъ безлѣсной, сухой, плоской возвышенности Ирана. Зимой тамъ бываютъ страшныя бури, а лѣтомъ вредныя испаренія раждаютъ лихорадки и другія болѣзни. Отъ сентября до января дожди продолжительны и бури съ громомъ и молніей весьма сильны. Господствующіе сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры гонятъ тучи къ высокимъ снѣжнымъ горамъ Албурза, гдѣ они скопляются и причиняютъ проливные дожди, наводняющіе въ нѣсколько часовъ большія пространства. Часто случается, что подобные дожди уносятъ деревянныя строенія тамошнихъ жителей, рѣки разливаются, всѣ дороги наводнены, такъ - что проходящимъ вода доходитъ до пояса; деревянные мосты не могутъ противостоятъ упору воды и бываютъ унесены. Воздухъ дѣлается тогда такъ сыръ и влаженъ, что всѣ металлы ржавѣютъ и даже вещи въ домахъ и сундукахъ покрываются плѣсенью. Въ равнинахъ зима начинается въ январѣ, но въ горахъ гораздо раньше; тамъ въ концѣ октября снѣгъ падаетъ до 10 футовъ вышины и покрываетъ дома до кровель. Жители оставляютъ осенью дома свои въ горахъ и переселяются въ города на равнины, гдѣ народонаселеніе тогда весьма умножается.

Весна самое пріятное и здоровое время года; снѣгъ скоро таетъ и, какъ горы круты и русло рѣкъ коротко, то вода скоро истекаетъ и не дѣлаетъ много вреда; а зеленѣющія апельсинныя, лимонныя и гранатовыя деревья, быстро бѣгущіе съ горъ потоки придаютъ въ эту пору странѣ видъ очаровательный.

Безчисленныя рѣки вытекаютъ изъ сѣверной покатости Албурзскихъ Горъ и орошаютъ береговую полосу Гиляна, Мазандерана и Астарабада; но только рѣка Кизыль-Узенъ, имѣя начало свое въ горахъ Курдистана, можетъ назваться рѣкою; остальные—болѣе прибрежныя рѣчки; онѣ прибываютъ вдругъ весьма сильно и опустошаютъ тогда окрестности; но скоро убываютъ и опять дѣлаются незначительными. Немногіе изъ нихъ судоходны, и то только при устьяхъ.

При этихъ устьяхъ, вдоль морскаго берега, въ болотахъ и камышахъ водятся огромныя стада водяныхъ птицъ, какъ то: бабъ, баклановъ, красныхъ гусей (*phoenicopterus ruber*), фазановъ, зеленыхъ пѣтушковъ, колпиковъ; тутъ также есть разнаго рода утки, дикіе гуси, цапли и проч. Надъ горными утесами парятъ орлы, соколы, коршуны и другія хищныя птицы, находящія добычу въ многочисленныхъ звѣрькахъ, которыми изобилуютъ лѣса. Въ болотахъ находятся, кромѣ тмы лягушекъ, черепахи, водяныя змѣи и проч. Рѣки изобилуютъ форелями, лососями, сазанами и другими мелкими рыбами, а изъ моря поднимаются ежегодно цѣлыя стаи осетровъ, бѣлугъ и сомовъ для метанія икры; но рыбу эту вывозятъ по-большой-части въ Россію, ибо Персіане мало употребляютъ ее въ пищу.

Въ лѣсахъ водятся олени, дикія козы, также тигры и барсы, рыси, волки и медвѣди, дикія кошки, и шакалы и множество кабановъ. Изъ лѣсныхъ птицъ находятся коноплянки, дрозды, зяблицы и другіе роды пѣвчихъ птицъ. Само собою разумѣется, что надъ болотами и въ камышахъ вьется тма насѣкомыхъ изъ которыхъ комары самыя нестерпимыя.

Овцы, по причинѣ сырыхъ пастбищъ, находятся только на высшихъ покатостяхъ горъ; зато многочисленный гилянскій и мазандеранскій рогатый скотъ отиѣнно-красивъ и отличается хрищева-тою выпуклостью надъ зашейкою. Лошади, лошаки и ослы находятся въ довольно-большомъ количествѣ въ этихъ странахъ; они одни могутъ ходить по топкимъ тропинкамъ черезъ лѣса и болота;

но верблюды не могут существовать въ этомъ влажномъ климатѣ, и не въ состояніи идти по этимъ непроходимымъ для нихъ, дорогамъ.

Южный берегъ Каспія омывающій сѣвероподножье Албурэчъ вообще негостеприименъ для кораблей и раздѣляется на три разнохарактерныя части. Западную, до Ензелинскаго Залива, гдѣ прибрежье довольно-круто и море на сто шаговъ отъ него, хотя не имѣетъ болѣе 3-хъ футовъ глубины, но потомъ вдругъ пріобрѣтаетъ 6-ть, а въ недалекомъ разстояніи 10-ть и болѣе футовъ. Переходы эти образуются крутыми уступами и дно морское твердо, такъ-что якорная стоянка въ этомъ отношеніи удобна, но убѣжище отъ бурь и вѣтровъ, здѣсь очень частыхъ, нѣтъ почти вовсе.

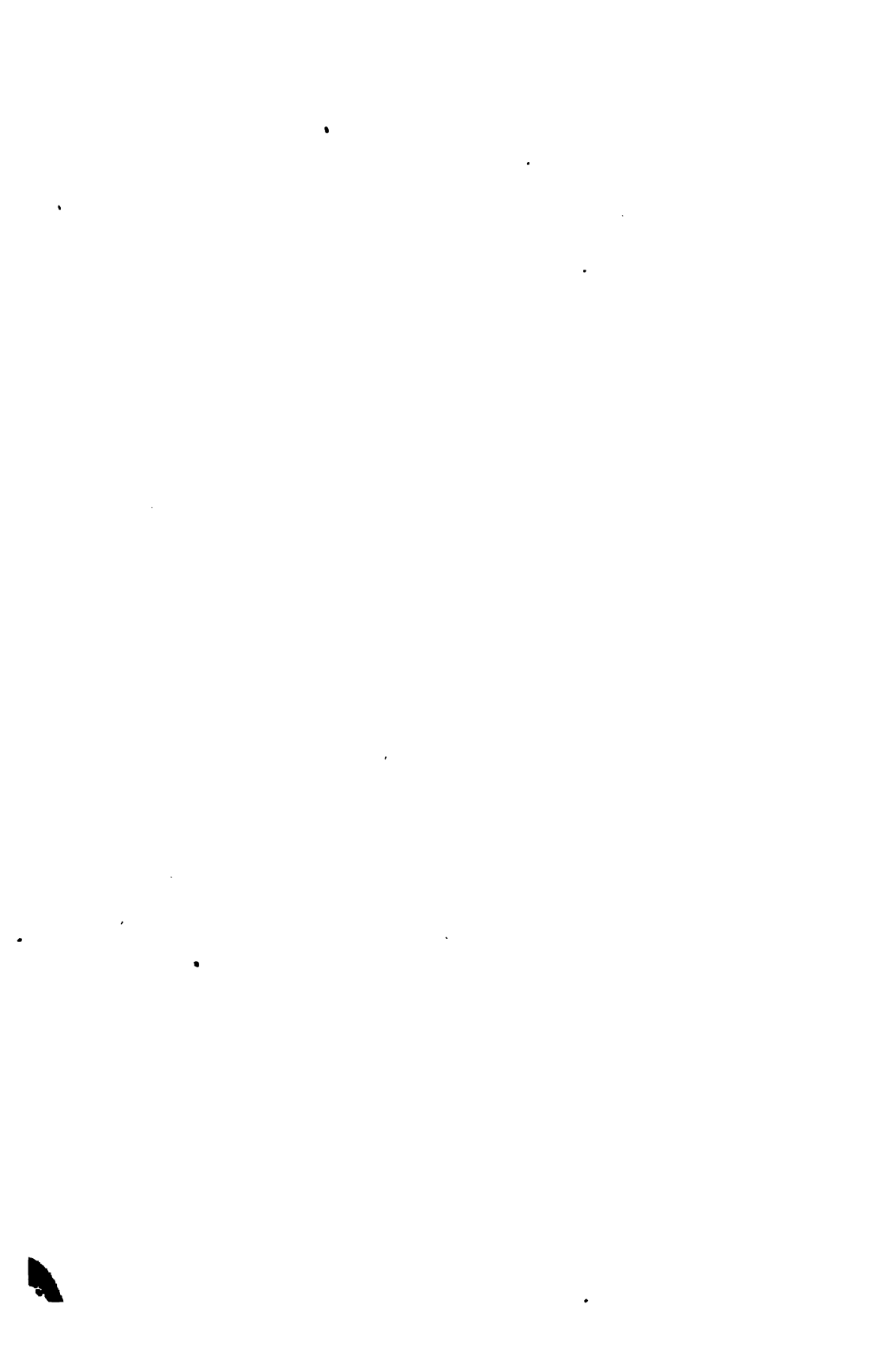
Отъ Ензелинскаго Залива до устьевъ рѣки Хераза простираются болотистыя примѣлыя и поросшія лѣсомъ лагуны содѣлывающія приступъ судовъ къ берегу почти невозможнымъ. Самыя устья рѣки Зефируда, по причинѣ противолежащей имъ банки, довольно-мелки.

Далѣе къ востоку до Астрабадскаго Залива берегъ опять становится круче и приглубъ, а устья рѣкъ Мешеда и Тедженда могли бы даже служить гаванями, если бы не окраены были со стороны моря банками.

Заливовъ на всемъ этомъ пространствѣ собственно только два: Ензелинскій и Астрабадскій, о которыхъ слѣдуетъ ниже подробное описаніе.

Г И Л Я Н Ъ .

ГИЛЯНЪ.

Гилянъ, или болотистая страна (отъ персидскаго слова гиль— грязь, болото) — область, занимающая юго-западную часть при брежья Каспія отъ рѣки Астары къ востоку до рѣки Пулнруда, составляющей границу Мазандерана. Съ запада и съ юга она окаймлена высокими Албурзскими Горами; протяженія имѣетъ 32 ферсенга, а средняя ширина ея около 14 ферсенговъ, считая ферсенгъ въ 4 англійскія мили, или 6 верстъ.*)

Безчисленныя рѣчки стремятся съ Албурзскихъ Горъ и орошаютъ гилянскую равнину; но послѣдняя, почти не имѣя покатоки къ морю, напитана влажностью и покрыта болотами и лагунами, отчего страна эта и получила свое названіе. Вотъ имена главныхъ, потоковъ Гиляна, считая ихъ съ запада къ юго-востоку съ означеніемъ глубины ихъ при устьяхъ и разстояній, до которыхъ могутъ ходить суда.

*) Бальби, въ своей Географіи, опредѣляетъ мѣры версты и ферсенга слѣдующимъ образомъ:

1 верста = 1,067,130 километра
1 ферсенгъ = 5,005,125 »

слѣдовательно одинъ ферсенгъ равенъ нашимъ 5-ти верстамъ. Это справедливо относительно длинны гилянскихъ и мазандеранскихъ ферсенговъ; но хорасанскій ферсенгъ должно считать не менѣе 6-ти верстъ, ибо Персіане сами говорятъ, что ферсенгъ въ Хорасанѣ гораздо длиннѣе, нежели въ остальной Персіи.

НАЗВАНІЕ.	Глубина якорна-го мѣста напро-тивъ устья.	Глубина устья въ лѣтнее время.	Расстояніе, до ко-торого судно въ 40 ластовъ мо-жетъ плыть вверхъ по рѣкѣ.
	Саженой.	Футовъ.	Верстъ.
1) р. Астара, состав-ляющая границу между Россією и Персією.....	12	отъ 3 до 5	3
2) р. Ходжа-Керимъ.	12	4	2
3) р. Кергенерудъ...	12	3	2
4) р. Езальмъ.....	16	2½	4
5) р. Дивечаль.....	13	3	30
6) р. Ширерудъ....	14	3	6
7) устье Ензелинска-го Залива.....	отъ 14 до 16	отъ 4 до 6	Рейдъ имѣеть отъ 2 до 5 саженой глу-бины.
8) р. Емелькиендѣ... ..	11	отъ 1¼—2½	2
9) р. Везиръ-Бекіенди.	12	высыхаетъ	лѣтомъ.
10) р. Гассанъ-Киадѣ..	12	отъ 3½ до 5	15 до Леш-тенша.
11) р. Дэка.....	9	» 2 — 5	1½
12) р. Сефидрудъ или Кизылъ-Узенъ....	18	» 4½—5	180 до с. Менд-жила и далѣе.
13) р. Ленгерудъ или Чемкале.....	7	» 4 — 5	18
14) р. Лелерудъ.....	8	» 3 — 4	3
15) р. Рудезеръ или Кейанрудъ.....	7	» 2 — 4	12
16) р. Пулирудъ (гра-ница Мазандерана).	7	» 3 — 4	6

Изъ вышеупомянутыхъ рѣкъ и потоковъ замѣчательна только Сефидрудъ или Кизылъ-Узенъ.

Рѣка эта (древній *Mardus* или *Amardus*), единственная значи-тельная рѣка Персін, имѣя болѣе 450 верстъ теченія, выхо-дитъ изъ горъ Курдистана на ССЗ. отъ города Сенне и до Міаны бѣжитъ на сѣверъ въ плодородной, изрѣдка ущелистой, но боль-шею частью открытой ложинѣ. У города Міаны она, поворачивая

на юго-востокъ, втекаетъ въ узкое, скалистое ущелье горы Кааланъ-Ку и бѣжитъ отсюда до устья рѣки Шаруда, среди высокихъ и на сѣверномъ берегу сѣвѣнныхъ горъ, въ весьма глубокой долины, имѣющей всего до 800 футовъ высоты надъ горизонтомъ моря и поросшей лѣсомъ и оливковыми деревьями. На этомъ пространствѣ Кизыль-Узенъ (красная рѣка) переходится въ бродъ въ самую жаркую пору и течетъ около 3-хъ верстъ въ часъ. Принявъ съ правой стороны рѣку Шарудъ при Менджила, рѣка поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и входитъ во второе узкое ущелье, именуемое Вратами Рудбарскими (Pylae Rudbar, Pylae Hucaniae). Въ этой глубокой и жаркой долины, защищенной отъ вѣтровъ, находятся цѣлыя лѣса оливковыхъ деревьевъ, и здѣсь единственная страна Персін гдѣ свободно растутъ эти нѣжныя деревья, обработываніе которыхъ могло бы быть гораздо обширнѣе въ рукахъ европейскихъ промышленниковъ. Вырвавшись изъ Рудбарскаго Ущелья р. Кизыль-Узенъ втекаетъ въ низменную долину Гиляна, подъ именемъ Сефидъ-Руда или Бѣлой Рѣки и между г. Рештомъ и Лагиджаномъ, впадаетъ въ море тремя главными рукавами. Она въ нижнихъ частяхъ имѣетъ около 35 сажени ширины и до 24 футовъ глубины. Долина дельты болотиста и поросла дикимъ гранатовымъ и другимъ лѣсомъ. Рѣка эта много способствуетъ къ обогащенію края: безчисленныя каналы отведены отъ нея и орошаютъ окрестности Решта, Фумена и Лагиджана, которыя безъ нихъ остались бы необработанными, невзирая на сильныя и частые дожди; послѣднихъ не было бы достаточно для полей, засѣянныхъ сарачинскимъ пшеномъ: они должны быть наводнены съ начала мая до конца августа. Оба берега Сефид-руда усѣяны селеніями, изъ которыхъ главнѣйшія: Шаганъ, Келаіе, Бениъ-Келаіе и Бельшегане.

Климатъ Гиляна весьма вреденъ для человѣческаго организма; отъ него рождаются злая лихорадка, водяная болѣзнь, ипохондрія, сыпь на тѣлѣ, изнуреніе, опухоли и другіе недуги. Персіане имѣютъ даже пословицу, которая говоритъ: «кому надоѣла жизнь, пусть отправляется въ Гилянъ». Однакожъ, климатъ этотъ бываетъ вреденъ только часть времени года: отъ половины мая до конца сентября; тогда воздухъ насыщенъ гнилыми испареніями, выходящими изъ болотъ и полей, засѣянныхъ сарачинскимъ пшеномъ. Въ это время зажиточныя семейства удаляются въ горы Албурза, гдѣ воздухъ чистъ и здоровъ. Лѣто обыкновенно довольно-жарко

но бывают также годы, въ которые жары умеренны. Такъ, напримѣръ, въ 1835 году термометръ Реомюра показалъ только одинъ разъ 26° въ тѣни; и въ Рештѣ считали съ 19 июня до 31 августа, т. е. въ 10 недѣль, 44 ясныхъ, 18 пасмурныхъ и 12 дождливыхъ дней. Дурная и дождливая погода начинается съ сентября, хотя и послѣ бываютъ еще прекрасные дни. Высокія горы окружаютъ Гилянъ съ запада и юга и удерживаютъ облака, которыя обращаются въ проливные дожди. Сильные вѣтры и бури съ сѣвера и сѣверо-востока господствуютъ осенью и зимою, отъ которыхъ всѣ верхушки деревьевъ нагнуты. Воздухъ бываетъ тогда столь влаженъ, что часы ржавѣютъ въ карманѣ; случается, однакожъ, что зимою подымается вдругъ съ юга горячій вѣтръ, дующій 24 часа, и болѣе, отъ котораго все сохнетъ.

Сырой и вмѣстѣ съ тѣмъ жаркій климатъ Гиляна способствуетъ къ удивительному развитію прозябенія. Въ болотахъ растетъ великолѣпный индійскій ледвенецъ (*Nymphae nelumbo*), покрывая своими листьями и альми цвѣтами большое пространство. Гилянцами это растеніе названо салабагала; сѣмена его ѣдятъ какъ орѣхи и дѣлаютъ изъ нихъ чотки. Въ низменныхъ мѣстахъ растутъ еще безчисленные роды дынь и арбузовъ, равно какъ и сарачинское пшево и тутовое дерево, которыя оба не поспѣваютъ на высотахъ. Огромное количество камыша, которымъ покрытъ морской берегъ, употребляютъ для строенія, для заборовъ, для выдѣлыванія цыновокъ, рогожъ и корзинъ; здѣсь также встрѣчается дикое гранатовое дерево въ большомъ изобиліи. На высотахъ, въ густыхъ лѣсахъ, растутъ кипарисы, чинары, желѣзное дерево, смоковница, айвовое, каштановое, абрикосовое, персиковое, грушевое и сливовое деревья; тамъ есть тоже вишня и виноградныя лозы. Всѣ эти дикія фруктовыя деревья пересажены изъ лѣсовъ въ сады; но фрукты ихъ кислотаты, а виноградъ мелокъ и безъ вкуса. Померанцовыя и лимонныя деревья рѣдки въ Гилянѣ. Обработываніемъ сахарнаго тростника и хлопчатого бумагой здѣсь вовсе не занимаются.

Зоологія Гиляна раздѣляется на три части: 1) животныя, живущія въ горахъ и дремучихъ лѣсахъ, 2) въ долинахъ и болотахъ, 3) вдоль морскаго берега. Бенгальскій тигръ довольно-часто встрѣчается въ горномъ Гилянѣ, и говорятъ, что число этихъ звѣрей весьма умножилось послѣ чумы, бывшей тамъ въ 1831 году. Онъ никогда не сходитъ на равнину, и замѣчательно, что его вовсе нѣтъ

въ Мазандеранѣ, хотя климатъ и почва этой страны сходны съ гиланскими. Медвѣди малой породы, волки, бѣлки разныхъ видовъ — въ безчисленномъ множествѣ; куницы, дикіе бараны (*ovis orientalis*), дикія козы (*capra hircus*), олени, туры, коршуны, орлы, куропатки находятся въ горахъ и въ лѣсахъ; ниже, въ долинахъ, встрѣчаются дикобразы (*hystrix cristata*), кабаны, барсуки, шакалы, зайцы и т. п.; фазаны, журавли, кулики, разные породы утокъ, гуси, ггары, каравайки и перепелки наполняютъ болотистыя мѣста и равнины; чайки, лебеди, бабы, бакланы, красные гуси, колпицы и другія водяныя птицы покрываютъ безчисленными стадами берега моря и особливо устья потоковъ и рѣкъ, гдѣ онѣ находятъ изобильную пищу въ рыбахъ, лягушкахъ, водяныхъ змѣяхъ и проч. Путешественникъ удивленъ множествомъ и разнообразіемъ этихъ птицъ. Бѣдные люди находятъ пропитаніе отъ продажи перьевъ, роняемыхъ ими. Вдоль морскаго берега находятся еще выдры, шкуры которыхъ очень красивы. Въ Гиланѣ бываетъ еще ночная птица, названная тамошними жителями тулкумъ или додъ-мени-тутильеръ, крикъ которой лѣтомъ въ ночное время похожъ на іа - хакъ (о, праведный Богъ); а какъ слова эти — обыкновенное восклицаніе дервишей и факировъ, то Персіяне думаютъ, что птица эта нарочно кричитъ ночью, чтобъ напоминать имъ полуночную молитву.

Край этотъ не имѣетъ хорошихъ лошадей, по причинѣ чрезвычайно-дурныхъ и грязныхъ дорогъ, портящихъ самыхъ лучшихъ лошадей, равно какъ и по недостатку фуража. Хотя растительность болотъ весьма изобильна, но травы эти негодны для лошадей; есть, однакожъ, исключеніе: растеніе, называемое суруфъ, даетъ превосходное сѣно. Съ іюня мѣсяца его привозятъ въ большомъ количествѣ на базары. Лошадь съѣдаетъ ежедневно на 25 копеекъ серебромъ. Лошаки и ослы водятся также въ этой странѣ и прекрасная порода рогатаго скота съ бугромъ на спинѣ находитъ изобильную пищу въ тучныхъ травахъ, покрывающихъ низменныя, болотистыя мѣста. Въ открытыхъ долинахъ на высотахъ роятся дикія пчелы, хранящія медъ свой въ дуплахъ, а тма мошекъ, комаровъ и другихъ насѣкомыхъ жестоко мучатъ и людей и животныхъ.

Гиланъ можно назвать населеннымъ лѣсомъ. Тамъ не существуютъ настоящія селенія. То, что называютъ здѣсь мегеллэ

(кварталомъ), состоятъ въ нѣкоторомъ числѣ разбросанныхъ жилищъ, построенныхъ безъ плана и отдѣленныхъ другъ отъ друга полями и лѣсами, такъ - что каждое изъ нихъ можно считать отдѣльнымъ строеніемъ. Маленькіе хутора эти всѣ имѣютъ одинакое внутреннее расположеніе. Тамъ находятся слѣдующія строенія:

1) Главный домъ (ханѣ) обитаемый хозяиномъ съ семействомъ его. Онъ построенъ на сваяхъ или иногда на толстыхъ бревнахъ, лежащихъ на землѣ такимъ образомъ, чтобъ оставить подъ домомъ свободное мѣсто для стока дождевой воды. Онъ не имѣетъ оконъ и свѣтъ проходитъ въ двери. Острая, чрезвычайно большая кровля сдѣлана изъ соломы сарачинскаго пшена и доходитъ часто до земли; края ея опираются на деревянныхъ столбахъ. Пространство между этими столбами и стѣнами дома составляетъ родъ открытой галереи, гдѣ семейство проводитъ дня. Домъ обыкновенно внутри совсѣмъ заокоченъ дымомъ, ибо жилища эти безъ трубъ. Во время жаровъ они наполнены безчисленнымъ множествомъ блохъ и мошекъ, и семейство переселяется тогда въ

2) Кетамъ. Жилище это просто соломенная кровля поставленная на толстыхъ отесанныхъ брускахъ, въ серединѣ которыхъ проходятъ горизонтальныя бревна, поддерживающая полъ; туда влѣзаютъ по лѣсницѣ. Строеніе это, открытое со всѣхъ сторонъ, даетъ свободный проходъ воздуху; а какъ полъ находится около 15 футовъ отъ земли, то можно зажечь огонь внизу, дымъ котораго служитъ для отогнанія мошекъ, если вѣтръ недовольно-сильенъ, чтобъ прогнать ихъ. Занавѣсъ изъ камыша, или кусокъ толстаго холста повѣшенъ со стороны солнца и охраняетъ жителей отъ лучей его; другая, подобная же занавѣсъ, служитъ для укрытія женщинъ отъ взоровъ проходящихъ. Кетамъ этотъ похожъ на клетку, поставленную на сваяхъ.

3) Тилембаръ, или домикъ, въ которомъ держатъ и кормятъ шелковичныхъ червей, построенъ подобно кетаму, но гораздо меньше. Строеніе это имѣетъ обыкновенно 18 футовъ длины и $3\frac{1}{2}$ ширины. Полъ поднять на нѣсколько футовъ надъ землею, и неплотенъ, чтобъ воздухъ могъ свободно проходить снизу. Туда кладутъ вѣтви шелковичника, листьями которыхъ насыщается этотъ полезный червь; послѣ онъ дѣлается куколкой подъ крышею тилембара.

4) Кендуджъ или гумно (житница), гдѣ гиланскій земледѣлецъ

сохраняетъ свое немолоченное сарачинское пшено. Строеіе это, выше всѣхъ другихъ, состоитъ изъ одной огромной кровли въ видѣ сахарной головы и поставлено на 4-хъ столбахъ.

3) Ранѣ, или курятникъ, покрытъ соломою и подержапъ 4-мя брусьями, которые дѣлаются обыкновенно очень длинными, чтобъ шакалки не могли войти. Гилянскіе каплуны извѣстны своею величиной и превосходнымъ вкусомъ; ихъ во множествѣ вывозятъ въ Тегеранъ и во внутрь Персіи.

Два различныя племена населяютъ Гилянъ. Въ горахъ живутъ люди высокаго роста, крѣпкіе и стройные; изъ нихъ выбираютъ туфенджи или милицію, которая храбра въ своемъ отечествѣ, но труслива и подвержена болѣзнямъ въ другихъ мѣстахъ. Жители нижняго Гиляна, напротивъ, малорослы, худощавы, темнаго цвѣта, но трудолюбивы и превосходные пѣшеходцы. Женщины отличаются тамъ бѣлизною и красотою, которая долго сохраняется, несмотря на тяжелыя работы, которыми онѣ заняты. Народъ этотъ вообще невѣжественъ и упрямъ. Можно полагать, что оба племена одинаковаго происхожденія, и что различіе ихъ въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ произошло отъ различной мѣстности, ими занимаемой, и отъ ихъ занятій. Впрочемъ, кажется, что жители горнаго Гиляна татарскаго происхожденія, ибо турецкій языкъ извѣстный въ Нижнемъ Гилянѣ, въ употребленіи въ Гезкерскомъ Магалѣ и близъ границъ Тальша. Кромѣ этихъ племенъ, находятся еще въ этой странѣ еврейская колонія, расположенная въ сел. Сіаккель, и нѣсколько семействъ Армянъ въ Рештѣ и Ленгерудѣ.

Число народонаселенія можно опредѣлить только приблизительно. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ нашимъ консуломъ въ Гилянѣ, оно простиралось до 500,000 жителей; но, въ слѣдствіе чумы 1831 года, число это значительно уменьшилось.

Языкъ гилянскаго народа — испорченное нарѣчіе древняго Песелгви, и названъ гилекъ. Кто знаетъ по-персидски, можетъ понять по-гилянски, если только ухо его привыкнетъ къ особенному произношенію тамошнихъ жителей. Нарѣчіе это въ употребленіи также въ Мазандеранѣ съ незначительною только разностью произношенія въ разныхъ магалахъ.

Изъ произведеній Гиляна самое первое мѣсто занимаетъ шелкъ — неисчерпаемый источникъ богатства этого края. Шелкович-

никъ, названный Персіанами тутъ, бываетъ двоякаго рода: бѣлый и чернѣй; растутъ въ Гилянѣ, въ дикомъ видѣ въ лѣсахъ. Оттуда жители пересаживаютъ ихъ ближе къ своимъ домамъ и такимъ образомъ составляется огромная плантація этихъ деревцевъ, которыя ежегодно обрѣзываютъ. Они посажены весьма часто такъ - что едва можно пройти между ними, и самому дереву не даютъ расти выше шести футовъ, чтобъ работникъ могъ ловко захватывать всѣ вѣтви и обрывать листья. Бѣлая шелковица сладка, а черная кисловата.

Яица червяка желтоватаго и оранжеваго цвѣта, величиной съ маковое сѣмя. Около половины марта гилянскіе жители обоюго пола берутъ эти яица, обертываютъ ихъ въ бумажные платки и носятъ подъ мышками или на груди, чтобъ выводить ихъ. Способъ этотъ, по причинѣ всегда одинаковой температуры, весьма вѣренъ и удобенъ. Послѣ 8 или 12 дней червячки выходятъ и черезъ 40 или 60 дней они совершенно созрѣваютъ. Въ продолженіе первыхъ 10-ти дней ихъ кормятъ самыми молодыми и вѣжными листьями одинъ разъ въ сутки въ вышеупомянутыхъ строеніяхъ (гилембаръ), покрытыхъ сѣтями, для предохраненія отъ птицъ; въ другіе 10-ть дней ихъ кормятъ два раза въ сутки подобными листьями; въ слѣдующіе 10-ть дней они получаютъ три раза свѣжія листья ежедневно, но ужъ безъ выбора; потомъ, когда приближается время обвиваться, имъ даютъ 5 и 6 разъ въ сутки свѣжія листья. Гилянцы всегда стараются, чтобъ листья были самыя сухіе. Грозы червямъ весьма вредны, когда они обвиваются, и многіе тогда издыхаютъ; но и другія разныя причины уменьшаютъ число ихъ до того, что часто случается, что хозяинъ, надѣясь получить 20 батмановъ шелка, получаетъ только одинъ батманъ. Изъ этого видно, что столько же мало можно полагаться на доходъ шелководства, какъ и на доходъ виноградниковъ. Куколка шелковаго червячка величиною въ голубиное яйцо; чтобъ совершенно ее окончить, червячокъ употребляетъ отъ 3-хъ до 5-ти дней. Большія куколки откладываются для сѣмянъ: изъ нихъ выходятъ бабочки, и прорванныя такимъ образомъ, куколки негодны для мотанія и даютъ самый низкій шелкъ. Остальныя затѣмъ куколки составляютъ настоящій доходъ шелководца. Собранныя куколки кладутъ въ большія бочки и окачиваютъ нѣсколько разъ кипяткомъ, отчего личинки мрутъ, потомъ начи-

нается мотаніе шелка — работа, которою занимается весь народъ нижняго Гиляна около конца мая. Шелкъ этотъ бываетъ бѣлый, желтоватый и красноватый. Первый сортъ названъ сага; онъ бѣлъ, крѣпокъ и блеститъ какъ серебро; второй сортъ названъ ласъ, а третій, и самый низкій, гечъ. Оба сорта эти вывозятъ въ южный Иракъ, особливо въ г. Шустеръ, въ Лористанъ, и въ Багдадъ, гдѣ выдѣлываютъ изъ нихъ плащи (аба) и платки для нижняго класса народа. Количество шелка (сырецъ), вывозимое ежегодно изъ Гиляна, считается около 100,000 мени-шаги (въ 15 русскихъ фунтовъ каждый), изъ которыхъ 38,000 вывозятъ въ Константинополь, 25,000 въ Россію, 22,000 въ Багдадъ и 15,000 во внутрь Персіи. Продажа шелка у мужиковъ производится въ Гилянѣ круглый годъ; но въ Рештѣ привозятъ его только въ августѣ и сентябрѣ. О выдѣлываніи шелковыхъ матерій въ этомъ краѣ слѣдуютъ ниже подробныя свѣдѣнія.

Сарачинское пшено занимаетъ второе мѣсто между произведеніями Гиляна. Зерно это входитъ во всѣ части хозяйства гилянскаго земледѣльца; ему оно такъ необходимо, какъ ржаной хлѣбъ русскому мужику, или картофель Нѣмцу. Имъ онъ самъ питается, кормитъ лошадей свою вмѣсто овса и даетъ своимъ каплунамъ и курамъ. Гилянецъ не терпитъ хлѣба и никогда его не ѣстъ, такъ-что есть пословица, взятая изъ отвѣта непокорнаго сына, говорившаго своей матери, неисполнившей желанія его: «такъ я пойду въ Иракъ и буду ѣсть тамъ хлѣбъ». Во всемъ Гилянѣ нѣтъ ни одной мельницы. Незначительное количество пшеничной муки, для богатыхъ людей и иностранцевъ, привозятъ изъ Ленкорана и Астрахани. Солома отъ сарачинскаго пшена служитъ для разныхъ потребностей: ею кормятъ скотъ въ зимнее время, покрываютъ крыши и выдѣлываютъ изъ ней корзины. Пшено въ Гилянѣ разнаго рода, самое лучшее: амбарлу, съ бѣлымъ и мелкимъ зерномъ, подобно пейшаверскому, и акулѣ, съ толстыми и длинными зернами. Ленкоранъ въ Русскомъ Тальшѣ, окрестности Гезкера и Кергенеруда въ Гилянѣ и Тункабинъ въ Мазандеранѣ производятъ самое лучшее сарачинское пшено. Невзирая на неимовѣрное количество этого зерна, засѣваемое ежегодно Гилянцами, потребность его такъ велика, что они принуждены покупать еще въ другихъ мѣстахъ, особливо въ Ленкоранѣ. Поля, засѣяныя сарачинскимъ пшеномъ, наводнены въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и испаренія этихъ стоячихъ

воду заражаютъ воздухъ и причиняютъ тѣ болѣзни, которыми Гиллянъ такъ страшенъ для иностранца.

Маслинами, какъ выше сказано, изобилуетъ магалъ Рудбаръ-Зейтунъ, но жители не умѣютъ готовить изъ нихъ хорошаго масла; извлеченное ими, большею-частью мутно и служитъ только для приготовления мыла, продаваемого въ публичныхъ баняхъ, въ Рештѣ.

Что касается до фруктовъ Гилляна, они не могутъ сравняться съ фруктами Ирака: они всѣ кислотоваты. Однакожъ, благовонные лимоны (*cédrats*), горькіе померанцы и смоквы отличнаго вкуса. Изъ неспѣлаго двкаго винограда выжимаютъ сокъ, называемый абигуръ, весьма употребляемый въ персидскихъ кухняхъ. Хмѣлемъ изобилуютъ также лѣса, но его вовсе не употребляютъ.

Мы уже выше говорили объ огромномъ количествѣ рыбы при устьяхъ гиллянскихъ рѣкъ; но какъ законъ запрещаетъ употребленіе въ пищу рыбы безъ чешуи, то вся рыба этого рода вывозится въ Астрахань. Въ озерахъ много сазановъ и лещей; въ устьяхъ рѣкъ — семги и, выше, форели.

Того, что называется фабрикамъ въ Европѣ, ни въ Гилляне, ни въ Персіи нѣтъ вообще; въ первой области находится множество людей, занимающихся, каждый у себя и на свой счетъ, выдѣлываніемъ товаровъ, которые они же сами продаютъ. Фабриканты-купцы эти нуждаются весьма рѣдко въ помощи другихъ. Вотъ главные предметы, приготовляемые ими на продажу:

1) Шелковыя ткани разныхъ сортовъ и много употребляемыя въ Персіи и въ Закавказскомъ Краѣ, именно:

а) Кассабъ, шелковая матерія очень крѣпкая, полосатая, пунцового и бѣлаго цвѣта. Достаточные люди обоего пола употребляютъ ее для панталонъ.

б) Лунгъ, кусокъ ткани, которымъ обертываются привходѣ въ баню. Одежда эта строго предписана закономъ, и употребленіе ея такъ велико, что часто не успѣваютъ заготовлять ее.

в) Перден - сарай, занавѣсы разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, которые висятъ надъ дверьми; эта вещь необходима въ домахъ богатыхъ Персіянъ.

г) Бокче, клѣтчатая матерія, для обертыванія бѣлья, платья сѣделъ и проч.

д) Алндже, полосатая матерія для рубашекъ, платьевъ, халатовъ и проч.

е) Рун-душекъ, толстая цвѣтная матерія для тюфяковъ.

ж) Куршакъ, шелковые одноцвѣтные поясы; ихъ выдѣлываютъ въ магалѣ Лештенша, и всѣ посылаются въ Тифлисъ, гдѣ они необходимы въ грузинскомъ костюмѣ.

з) Кеджинэ, платки изъ простаго шелка (ласъ) для низшаго класса народа.

Всѣ эти ткани уступаютъ европейскимъ относительно тонкости и совершенства работы, но имѣютъ то преимущество, что онѣ крѣпче и прочнѣе; ибо гиланскія ткани употребляютъ въ половину болѣе шелку, сколько нужно, не жалья его вовсе; сверхъ того, краски ихъ блестящи и нелиняютъ.

2) Ковры, выдѣланные въ видѣ мозаики. Такіе ковры спиваются изъ мелкихъ кусковъ сукна и испещрены разнаго рода рисунками, какъ то: арабесками, цвѣтами, птицами; швы обыкновенно покрываютъ шелковымъ шитьемъ, украшая или оканчивая рисунки, и такимъ образомъ подражаютъ и кашмирскимъ шаламъ съ удивительнымъ успѣхомъ. Искусство это изобрѣтено и производится преимущественно въ Репитѣ. Главные предметы, выдѣлываемые этимъ способомъ:

а) Каличе-пичъ, маленькіе ковры, $3\frac{1}{2}$ арш. длины и отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ арш. ширины. Ихъ продаютъ отъ 18 до 35 томановъ каждый.

б) Ферши-отагъ, или ковры изъ сукна разныхъ цвѣтовъ и изъ одного куска въ величину комнаты.

в) Зинпушъ, чапракъ, носимый конюхомъ на плечѣ, когда господннъ его ѣздитъ верхомъ, и которымъ онъ каждый разъ покрываетъ лошадь, когда тотъ съ нея слѣзаетъ. Чапраки эти продаются до 40 червонцевъ каждый.

г) Джайнамазъ, ковры, употребляемые во время пятикратной молитвы, предписанной Кораномъ. Женщины употребляютъ ихъ также въ баняхъ.

д) Цердеи-гульдусы, или занавѣсы для дверей. Шахскіе покои въ Тегеранѣ украшены этими занавѣсами.

Кромѣ того, въ Гиланѣ вышиваютъ башмаки, сапоги, женскія сѣдла, подушки и проч., дѣлаютъ галуны разнаго рода и золотую работу, особливо чубуки для калъчановъ.

Въ Гезкьерѣ выдѣлываютъ ткани изъ грубой шерсти, весьма крѣпкія и непроницаемыя водою. Портные покупаютъ ихъ для плащей (бурмѣ), кафтановъ. Она много требукдся во внутрь Персіи, и цѣлые караваны вывозятъ эти одежды изъ Гилана.

Мыла дѣлаютъ низкій сортъ, чернаго цвѣта, изъ деревяннаго масла, вмѣсто сала.

Гиланъ раздѣляется на шесть магаловъ:

- 1) Талышъ, съ селеніями Кергенерудъ и Эсалимъ.
- 2) Гезкьеръ, селенія: Талышъ-Долабъ и Таиръ-Герабъ.
- 3) Рештъ, Ензели.
- 4) Фуменъ, сел. Массаула.
- 5) Ланджанъ, сел. Ленгерудъ, Делманъ, Рудбари-Зейтунъ.
- 6) Ранеку, Эмлешъ, Эшкеверъ, Шельманъ и Семамъ.

При семъ слѣдуетъ краткое описаніе главныхъ этихъ городовъ и мѣстечекъ.

Рештъ, главный городъ Гилана, расположенъ между двумя не широкими, но быстрыми рѣчками, впадающими въ Энзелинскую Бухту. Одна, Сіа-рудбаръ, течетъ къ западу отъ города, а другая, Гусръ-рудъ — къ востоку и югу. Рештъ построены въ серединѣ лѣса, безъ цитадели, безъ вала, рва и воротъ; можно вездѣ войти въ него; часто коровы пасутся на кладбищахъ и ночью шакалы приходятъ вскачь добычи подъ самыми окнами жителей. Путешественникъ, выдавшій въ другихъ городахъ Персіи только сѣрые дома изъ глины или сушеной грязи, узкія и грязныя улицы, найдетъ Рештъ пріятнымъ и чистымъ городомъ. Дома тамъ построены изъ жженого кирпича, покрыты черепицею и окружены открытыми галереями и балконами. Улицы украшены деревьями и зеленью, и вообще Рештъ имѣетъ видъ европейскаго города. Хотя Персіяне любятъ имѣть вездѣ въ своихъ жилищахъ текущую воду, однакожъ жители Решта лишены этого удобства, ибо городъ находится на возвышенномъ мѣстѣ, и весьма трудно было бы провести воду изъ обѣихъ рѣкъ, орошающихъ окрестности его; жители принуждены довольствоваться колодезною водою, часто нездоровою; каждый домъ имѣетъ одинъ или два колодца. На восточномъ краѣ города замѣтны еще остатки водопровода, который сообщается съ р. Гусръ-рудомъ и построение котораго стоило большихъ издержекъ; теперь онъ въ развалинахъ. Въ этомъ городѣ множествому-

сульманскихъ священниковъ (муллы). Тамошніе муштейды (муфти) имѣютъ большое вліяніе на народъ и дворянство цѣлой провинціи; но, невзирая на это вліяніе, секта суфи существуетъ здѣсь, какъ въ остальной Персіи, и распространяется болѣе и болѣе, а цѣль ея — ослабленіе исламизма.

Решть, такъ-какъ и другіе города Гилана, потерялъ двѣ трети своихъ жителей отъ чумы, свирѣпствовавшей въ этомъ краѣ въ 1831 и 1832 годахъ. Въ немъ считается до 6,000 домовъ, раздѣленныхъ на 7 магаллѣ (кварталовъ). Двѣ улицы заняты лавками и, сверхъ того, существуютъ еще 5 базаровъ. Во время ножанъ т. е. убиранія шелка, начиная съ конца іюля, базары представляютъ живописный видъ: шелководцы собираются тамъ для продажи, спекуляторы и купцы толпятся со всѣхъ сторонъ и Решть оживленъ группами разныхъ націй. Всѣ дѣла устроиваются по мѣрѣ высокой или низкой цѣны шолка. Астраханскіе купцы привозятъ желѣзо, мѣдь, сталь, зеркала, стеклянную посуду, бумагу, чай, галантерейныя вещи и мелочныя товары; а вывозятъ сарачинское пшено, чернильныя орѣшки (изъ Курдистана), шкуры выдръ, бумажныя товары и преимущественно сырецъ и шелковыя издѣлія.

Чтобъ имѣть понятіе о сырости воздуха въ этомъ городѣ, довольно сказать, что въ іюлѣ и августѣ необходимо высушивать у огня барабанныя шкуры, въ которыя бьютъ ежедневно въ домъ губернатора. Кремортартаръ и другія соли совершенно расплываются и платяя плѣсневѣютъ въ сундукахъ.

Въ началѣ царствованія Софійской династіи, Решть былъ только незначительнымъ мѣстечкомъ. Выгодное расположеніе его, относительно торговли, не ускользнуло отъ проникательнаго взгляда Аббаса-Великаго. Въ то время, когда онъ велѣлъ построить большую мостовую дорогу (Хейабанъ), начиная отъ Гезкьера, вдоль болотъ Гилана и Мазандерана и оканчивая внутри Хорасана, онъ поднялъ Решть, во вредъ бывшему главному городу Ланджана. Онъ же имѣлъ большіе выходы относительно Каспійскаго Моря, но преемники его не поняли ихъ. Отъ этой большой дороги остаются теперь только нѣкоторые слѣды, остальная же часть вовсе потоплена въ грязи; однакожь Решть сохранилъ то состояніе, въ которомъ былъ оставленъ Аббасомъ, и даже подвинулся впередъ съ того времени. Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ другаго мѣста на южномъ берегу Каспійскаго Моря, представляющаго столько выгодъ для

торговли; оно имѣетъ четыре пути сообщенія, изъ которыхъ два сухопутные и два водою съ египетскимъ портомъ, равно какъ караванную дорогу, ведущую въ 6 сутокъ въ Казвинъ, главное складочное мѣсто персидскихъ и другихъ товаровъ; но Персіяне не умѣютъ пользоваться этими выгодами и само правительство пренебрегаетъ ими.

Въ 1722 году Рендъ былъ занятъ Русскими и оставленъ ими въ 1732 году. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1735 году съ Надиръ-Шахомъ, опредѣлено, что Россія имѣетъ право имѣть тамъ своего консула; однакожь статья эта оставалась безъ исполненія цѣлѣйшій вѣкъ, и русскій консулъ находится тамъ только съ 1835 года; съ этого времени наша торговля весьма увеличилась въ этомъ краѣ и оборотъ русскихъ купцовъ простирался въ послѣднихъ годахъ до трехъ милліоновъ рублей ассиг. ежегодно.

Египетскій Заливъ. Туземцы называютъ этотъ заливъ мертвой водою (Мурдъ-абъ). Какъ онъ почти образованъ стеченіемъ нѣсколькихъ рѣчекъ, то вода въ немъ совершенно прѣсна большую часть года; во время сильныхъ морозовъ поверхность покрывается льдомъ. Средняя его ширина 22 версты, а длина отъ ДжиФаруда къ востоку до Коперчала къ западу около 45 верстъ; глубина перемѣняется отъ двухъ до семи сажень. Берега залива покрыты большими лѣсами, но, невзирая на то, заливъ подверженъ сильнымъ и частымъ бурямъ. Тамъ, гдѣ онъ соединяется съ моремъ, есть проливъ въ полверсты длины и отъ 350 до 400 шаговъ ширины; входъ въ этотъ проливъ опасенъ, по причинѣ банокъ и отмелей, находящихся вдоль морскаго берега; глубина фарватера отъ 6-ти до 9-ти футовъ; туда могутъ войти только купеческія суда; однакожь, буруны весьма сильны при входѣ, по причинѣ упомянутыхъ отмелей. Кромѣ этого фарватера есть еще сообщеніе залива съ моремъ посредствомъ незначительнаго ручья; но онъ такъ узокъ и мелокъ, что судно только съ трудомъ можетъ пройти. Изъ двухъ мысовъ, образуемыхъ моремъ, проливомъ и заливомъ, восточный принадлежитъ къ магалу Ланджанъ; мысъ этотъ покрытъ густымъ лѣсомъ, въ серединѣ котораго находится селеніе Газіанъ, извѣстное по своимъ красивымъ цыновкамъ изъ камыша, которыя тамъ плетутъ; онѣ употребляются во всей Персіи. Западный мысъ принадлежитъ магалу Гевкьеръ и образуетъ длинную, узкую и песчаную косу, необитаемую со стороны моря, но вдоль берега,

прилежащаго къ заливу, находится превосходный рейдъ и касабъ (мѣстечко) до 400 домовъ: это — Энзели. Суда, приходящія съ Каспійскаго Моря, пройдя проливъ, бросаютъ якорь на нѣсколько шаговъ только отъ самаго Энзели, гдѣ они находятъ отъ 5-ти до 7-ми саженой глубины и совершенно укрыты отъ дурной погоды. Напротивъ Энзели и около трехъ-сотъ шаговъ отъ берега находится островъ Мянъ-пуштѣ, простирающійся параллельно съ материкомъ и образующій каналъ, который вездѣ имѣетъ вышеупомянутую глубину, такъ-что нѣсколько сотъ судовъ могутъ тамъ стоять въ одно время. Рейдъ для большихъ кораблей внѣ залива весьма опасенъ. Дурное дно моря и переменчивая глубина принуждаютъ корабли приставать далеко отъ берега; буруны страшныя, и рейдъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ, такъ-что почти каждое судно оставляетъ въ немъ одинъ якорь, которыми дно моря какъ нашпиковано. При устьяхъ р. Сіардубара, впадающаго въ заливъ, къ западу отъ Решта, находится сел. Пери-базаръ, гдѣ пристань для товаровъ, назначаемыхъ въ Энзели. Рѣка при Пери-базарѣ имѣетъ отъ 10 до 13 саженой ширины, и отъ 12 и 15 футовъ глубины; она протекаетъ по низкимъ и болотистымъ мѣстамъ, совершенно покрытымъ лѣсомъ. Короткая дорога сухопутная только отъ Решта до этой пристани и всѣ товары должны быть перевозимы на вьюкахъ; дорога эта неизмовѣрно-дурна по причинѣ болотъ и тонкихъ мѣстъ, и лошади по брюхо тонуть въ грязь, но жители Пери-базара не позволяютъ чинить ее и даже сами портятъ ее нарочно, чтобы сохранить для себя монополію перевозки товаровъ.

Энзели. мѣстечко, имѣющее 400 домовъ и 2,500 жителей, нѣсколько базаровъ и три каравансера. Правительство содержитъ тамъ 150 туфенгджи, которые смѣняются въ опредѣленные сроки; тамъ находится даже артиллерія, но пушки не могутъ служить, по ихъ ветхости. Кромѣ Персіянъ, тамъ живетъ нѣсколько семействъ Армянъ, занимающихся выдѣлываніемъ вина для русскихъ матросовъ. Жары въ Энзели гораздо сильнѣе нежели въ Рештѣ; отъ желчныхъ и другихъ лихорадокъ много умираетъ людей во время лѣта, особливо Русскихъ.

Ланджанъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Гиліана; онъ долгое время былъ его столицею. Улицы, мостовыя и дома построены изъ кирпича, а кровли изъ черепицы. Мечети его наружностью своей не различаются здѣсь отъ домовъ; главная мечеть въ

Ланджанъ, называемая Джумэ, построена на развалинахъ древняго храма Гебровъ. Городъ этотъ много потерпѣлъ отъ чумы въ 1831 и 1832 годахъ; теперь онъ имѣетъ только 2,500 домовъ обитаемыхъ. Базары невелики и торговля незначительна; жители преимущественно занимаются шелководствомъ. Ланджанъ окруженъ садами, тутовыми деревьями и полями, засѣянными сарачинскимъ пшеномъ; въ окрестностяхъ видны еще слѣды двухъ русскихъ укрѣпленій, построенныхъ во время занятія Гилана Русскими въ 1722 — 1732 годахъ. Городъ расположенъ на высокомъ мѣстѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ горъ, и оттого климатъ тамъ лучше нежели въ Рештѣ. Правитель этого города управляетъ еще 336 селеніями и платитъ въ казну ежегодно 40,000 томановъ.

Ленгерудъ построенъ въ двухъ ферсенгахъ отъ моря, но имѣетъ сообщеніе съ нимъ посредствомъ рѣчки того же имени; онъ принадлежитъ къ магалу Ланджанъ; мѣстоположеніе его довольно-выгодно для торговли, и тамъ находится таможня, которая имѣетъ съ таможеню Ланджана ежегодно даетъ 15,000 томановъ. Ленгерудъ имѣетъ около 1,000 домовъ, 3 каравансера, 3 бани, 4 мечети и базаръ съ 150 лавками. Туда привозятъ товары прямо изъ Астрахани, а именно: ситцы, фарфоръ, фаянсъ, желѣзо въ полосахъ, красную и желтую мѣдь, сундуки съ рисунками, во вкусѣ Персіанъ, зеркала и мелочные товары. Городъ этотъ съ его окрестностями платитъ въ казну ежегодно 18,000 томановъ.

Между Ленгерудомъ и Рештомъ тянется вдоль моря дельта р. Кызылъ-Озена, или Сефидруда, которая въ 22-хъ верстахъ отъ моря раздѣляется на два главные рукава. Ланджанъ лежитъ на самой дельтѣ. Отъ южнаго или праваго рукава отдѣляется еще третій рукавъ, который течетъ параллельно съ морскимъ берегомъ черезъ лагуны и болота до Ленгеруда; прежде онъ былъ судоходенъ, но теперь засоренъ. Главное устье лѣваго рукава впадаетъ въ море къ сѣверо-востоку отъ Решта. Отъ этого города до устья дорога покрыта плантаціями тутовыхъ деревьевъ и полями съ сарачинскимъ пшеномъ; болотистая дорога, въ 33 версты длиною, ведетъ къ Лашгенашу.

Остальныя мѣстечки этого края будутъ упомянуты при описаніи гиланскихъ дорогъ.

Въ Гиланѣ учреждены четыре таможни: въ Рештѣ, Ензелі, Ланджанѣ и Ленгерудѣ. Говорятъ, что двѣ первыя да-

ють ежегодно казнѣ 56,000 томановъ; треть этой суммы получается изъ пошлины на вывозимый въ Россію шелкъ. Послѣднія двѣ таможи даютъ ежегодно до 15,000 томановъ. Вообще доходы Гиліана простираются ежегодно до 200,000 томановъ. Это единственная провинція Персія, доходы которой поступаютъ въ казну наличными деньгами, а не «баратами», какъ въ остальной Персіи. Главное произведеніе Гиліана — шелкъ, продается всегда на мѣстѣ и на чистыя деньги. Мухаммедъ-Шахъ самъ себѣ предоставилъ доходы Гиліана; онъ же возвысилъ ихъ отъ 150,000 до 200,000 томановъ ежегодно, и жители этого края угнетены налогами, такъ-что, при всемъ богатствѣ произведеній этого края, гиліанскій мужикъ самый бѣдный и несчастный, и ему остается лишь малое количество сарачинскаго пшена для пропитанія.

Вооруженная сила Гиліана состоитъ изъ горскихъ пѣхотинцевъ, названныхъ туфенгджи, т. е. оруженосцы. Они вооружены длиннымъ ружьемъ и кинжаломъ (гкаме), но понятія не имѣютъ о военной дисциплинѣ. При нападеніи и отступленіи они разсыпаются подобно нашимъ стрѣлкамъ; каждый изъ нихъ располагается за первымъ предметомъ или ложится на землю и стрѣляетъ въ неприятеля. Одежда ихъ та же самая, какъ вообще у жителей горнаго Гиліана. Они находятся въ непосредственной зависимости отъ начальниковъ племенъ, къ которымъ принадлежатъ. Начальники эти должны поставить, при первомъ требованіи правительства, слѣдующее число людей:

Начальникъ Кергенеруда	даетъ	600	человѣкъ.
» Неваруда	»	300	»
» Гезкіерскаго Уѣзда	»	2,000	»
» Фумена	»	1,200	»
» Ланджана	»	800	»
» Шефта	»	500	»
» Решта	»	800	»
» Ранеку	»	600	»

Всего 6,800 человѣкъ.

Число это весьма умѣренно въ сравненіи съ народонаселеніемъ Гиліана. Люди эти получаютъ жалованье отъ правительства изъ доходовъ, поступающихъ ежегодно въ казну отъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ. Въ мирное время милиція употребляется для провозанія

князей и хановъ во время пути, или на охоту; она также служить въ видѣ стражи по городамъ и по морскому берегу.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о главныхъ дорогахъ, ведущихъ по Гилянѹ.

А) Береговая дорога отъ Энзели къ западу до Астары, границы Россіи; всего 125 верстъ.

1-й переходъ.— Отъ Энзели дорога ведетъ вдоль морскаго берега по песчаному грунту, покрытому частью камышомъ, до западной оконечности Энзелинской Бухты (22 версты), гдѣ находится селеніе Коггеръ-Чала. Здѣсь, какъ выше сказано, былъ еще проходъ въ бухту, но теперь онъ почти совершенно заросъ камышомъ и занесенъ пескомъ. Путь оттуда все ведетъ вдоль морскаго берега, въ 100 шагахъ отъ котораго тянутся густые кустарники съ дикими гранатовыми деревьями. Вообще кажется, что здѣшній береговой климатъ весьма благопріятствуетъ развитію этого дерева. Кожицею или шелухою гранатовъ жители ведутъ незначительную торговлю съ Россіею. Влѣвъ отъ дороги находятся болота, покрытыя частью лѣсомъ, гдѣ водятся огромныя стаи лѣсныхъ и болотистыхъ птицъ. Дорога вообще хороша, но затруднительна, по причинѣ переправы черезъ многочисленныя береговыя рѣчки.

2-й переходъ.—Послѣ 10-ти верстъ ѣзды находится р. Мала-рудъ, гдѣ ловятъ множество сѣмги. Рыба эта бываетъ только въ чистой и прозрачной водѣ горныхъ протоковъ; въ р. Сефидъ-рудѣ же, котораго нижнее теченіе уноситъ за собой илъ въ большомъ количествѣ, сѣмги нѣтъ. Рѣчка Мала-рудъ при устьѣ имѣетъ только 4 фута глубины, далѣе кверху глубина простирается до 12-ти футовъ; девять верстъ далѣе, должно переправиться черезъ р. Шефидъ-рудъ, на паромѣ, и еще пять верстъ дальше, черезъ рѣчку Нукан-данъ, бродомъ; потомъ тянется рядъ лагуновъ вдоль морскаго берега, вода которыхъ проходитъ черезъ пески, очищается и дѣлается довольно прѣсною. Три версты далѣе находится широкій протокъ Алякамъ, черезъ который должно переправиться на паромѣхъ.

3-й переходъ.—Послѣ 22 верстъ ѣзды, должно переправляться черезъ рѣчку Динечалъ, составляющую границу уѣзда Эзалимъ; она при устьѣ имѣетъ 4 ф. глубины. Возлѣ находится селеніе Кала-сарай, лежащее въ среднѣмъ лѣса.

4-й переходъ.— Дорога ведетъ вдоль морскаго берега черезъ по-

токи Нараранъ и Гиндаканъ и по болотистымъ, лѣсистымъ мѣстамъ до сел. Минарабинъ и 15 верстъ далѣе до р. Кергене-рудъ, самой значительной рѣки изъ береговыхъ протоковъ, текущихъ между Рештомъ и Астарою. Въ устьѣ его стоятъ обыкновенно множество бакинокъ, т. е. барокъ изъ г. Баку, для торговли и рыболовства. Верхъ по этой рѣкѣ идетъ дорога черезъ ущелье Аллеберъ или Акевелоръ до г. Ардебилъ, лежащаго уже на возвышенной плоскости Азербайджана. (О дорогѣ этой слѣдуетъ ниже подробное описаніе.) Море вдоль сѣверо-западнаго берега Гиляна имѣетъ только 3 фута глубины; далѣе глубина увеличивается вдругъ до 6-ти и потомъ до 10-ти футовъ. Во всѣхъ устьяхъ упомянутыхъ протоковъ ловится рыба, особливо сѣмга (кызыль), лещи и сазаны. Что касается до шамаи (царской рыбы Shamahi или каспійскія селедки), онѣ не встрѣчаются ниже устья р. Куры.

5-й переходъ. — Путь все идетъ вдоль морскаго берега къ сѣверу и черезъ нѣкоторые горные потоки до крѣпосцы Лисаръ (20 верстъ). Когда море не взволновано, то можно ясно замѣтить многочисленныя прѣспыя родники, вытекающіе изъ дна моря въ недалекомъ разстояніи отъ берега. Прибрежный лѣсъ находится на сухомъ грунтѣ; около прекрасныхъ деревьевъ вьются дикіи хмѣль и виноградныя лозы; множество фруктовыхъ деревьевъ находятся въ этихъ лѣсахъ, но они всѣ дикіи. Крѣпосца Лиссаръ лежитъ на высотѣ въ 4-хъ верстахъ отъ моря; она, какъ говорятъ, построена еще до времени Мухаммеда, и водохранилище ея находится и теперь въ хорошемъ состояніи. При рѣкѣ того же имени лежитъ незначительное селеніе Нумендамъ. Далѣе 12 верстъ течетъ быстрый потокъ Хутвасера.

6-й переходъ. — Отъ этого протока до рѣчки Хевей считается 21 верста; далѣе къ сѣверу находится р. Астара, составляющая границу между Персією и Россією. Тальшинскія Горы тянутся отъ сѣвера къ югу на западъ отъ морскаго берега и окаймляютъ восточную часть азербайджанской плоской возвышенности. По астаринской долинѣ ведетъ горная дорога отъ сел. Астары до Ардебилъ.

ПОДЪЕМЪ ОТЪ АСТАРЫ ДО АРДЕБИЛА.

Послѣ шести верстъ ѣзды, дорога ведетъ черезъ мостъ Пюли-

деллакъ, т. е. Мостъ Цырюльника (потому-что онъ былъ построенъ какимъ-то цырюльникомъ); потомъ она безпрестанно подымается на протяженіи 22 верстѣ до разоренной горной крѣпости Шинданъ, лежащей на высокой голой скалѣ, въ 7,000 футовъ выше моря. Отвѣсная скала эта составляетъ юго-западную оконечность цѣпи Тальшинскихъ Горъ, принадлежащихъ Россіи. Изъ этой скалы, Шинданъ, вытекаетъ рѣчка Кала-куши, притокъ р. Астары, раздѣляющій здѣсь оба государства. Крѣпость Шинданъ доступна только съ западной стороны, но стѣна ея и постройки почти всѣ въ развалинахъ. Отъ высшей части цитадели взоръ опускается на горизонтъ Каспійскаго Моря, бѣлые буруны котораго замѣтны съ этой высоты. Городъ Ардебиль отсюда лежитъ къ юго-западу на 4691 футовъ выше моря, а за нимъ подымается исполинская гора Севеланъ (12000 футовъ) — высочайшая точка цѣпи того же имени. 6 верстѣ къ западу отъ Шиндана находится сел. Ханъ-Ага, а оттуда дорога ведетъ черезъ плоскую возвышенность, покрытую зеленою до г. Ардебилъ (22 версты).

**ТАЛЬШИНСКИЯ АЛЬПЫ ВЪ ЗАПАДНОМЪ ГИЛЯНѢ И АДЕРБАЙДЖАНѢ,
ТАМЪ ОБИТАЮЩИЯ.**

Ущелья Масаула и Аглеберъ.

На западѣ отъ г. Решта подымаются Саманинскія и Дилемскія Горы, составляющія продолженіе Албурза; онѣ тянутся отъ западнаго берега р. Кызыль-Узена до плоской возвышенности Азербайджана. Часть этихъ горъ принадлежитъ еще къ Гилянѣ. Ширина плоскости нижнаго Гиляна къ западу отъ р. Кызыль-Узена различна; горы вначалѣ отстаютъ отъ морскаго берега отъ 50 до 60 верстѣ; потомъ онѣ приближаются почти до самаго моря. Хребетъ ихъ составляетъ границы Гиляна и Азербайджана въ неопредѣленномъ направленіи, такъ-что Гилянъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ 60 до 100 верстѣ ширины; въ другихъ же онъ сжимается весьма узко. Жителей этой цѣпи, отъ Рудбарскихъ Ущелій къ сѣверу до русской границы и далѣе до Моганской Стени, носятъ общее названіе племенъ Тальшинскихъ или Тальшъ, и имѣютъ одинакое происхожденіе, равно какъ одни и тѣ же нравы и характеръ. Они похожи на горскихъ жителей Кавказа; но хотя образъ жизни

ихъ сходствуютъ съ послѣдними, они не грабятъ сосѣдей своихъ и живутъ спокойно въ своихъ ущельяхъ, гдѣ, однако, опасно путешествовать безъ конвоя или безъ покровительства начальниковъ ихъ племенъ. Народонаселеніе горъ этихъ нельзя опредѣлить съ какою-нибудь точностью; между селеніями замѣчательнѣйшія: Фоменъ, у подошвы горъ, съ 1200 жителями, и Масаула, на высотахъ съ 2000 жителями и 500 домами.

Отъ города Решта ведетъ горная дорога черезъ ущелье Масаула до Геру въ Халхалскомъ Уѣздѣ (Азербайджанъ).

1-й переходъ. — Позади Решта, первыя 24 версты ведутъ по равнинѣ, покрытой полями, засѣянными сарачинскимъ пшеномъ, и болотами до мѣстечка Фоменъ; далѣе путь дѣлается весьма дурнымъ, по причинѣ топкихъ и болотистыхъ мѣстъ, которыя продолжаются 12 верстъ, до селенія Зедикъ.

2-й переходъ. — Здѣсь и въ недалекомъ разстояніи отъ сел. Шали-ма начинается трудный подъемъ черезъ дикое ущелье, ведущее къ Масаулѣ. Ущелье это гораздо труднѣе проходить нежели Рудбарскія Ворота; но, невзирая на трудность подъема, путникъ предпринимаетъ его охотно, и радъ, что онъ избавился отъ лѣсовъ и болотъ нижняго Гиляна. Тропинка ведетъ мимо нѣкоторыхъ желѣзныхъ заводовъ, и послѣ 30 верстъ ѣзды достигаетъ сел. Масаула съ 500 домами и 2000 жителями. Оно лежитъ 3500 ф. выше горизонта моря и построено у подошвы отвѣсныхъ скалъ. Въ окрестностяхъ живутъ цыгане (Каулы), народъ, презираемый Персіянами.

3-й переходъ. — Послѣ 10 верстъ подъема, путникъ достигаетъ наконецъ вершины ущелья, лежащей въ 7000 футахъ выше моря. Отсюда взоръ обнимаетъ великолѣпное зрѣлище. Со стороны Гиляна все покрыто лѣсомъ, надъ которымъ лежитъ густой туманъ, между-тѣмъ, какъ возвышенная плоскость Азербайджана ярко освѣщена солнцемъ; но зато страна эта безлѣсна и трава сгораетъ скоро отъ лѣтнихъ жаровъ. Отсюда путь ведетъ по отлогому спуску къ сел. Баджиланъ, окруженному фруктовыми садами, славившимся своими яблоками. Мѣстоположеніе его находится въ 5300 ф. выше моря, и тутъ жители должны уже орошать свои поля и сады искусственно, посредствомъ каналовъ.

4-й переходъ ведетъ по отлогимъ спускамъ къ р. Шарудъ (8 верстъ), одному изъ лѣвыхъ притоковъ р. Кызылъ-Узена; и

оттуда, вверхъ по той же рѣчкѣ Шарудъ, черезъ многочисленныя селенія съ садами, лежащія въ очаровательной долинѣ, до сел. Деру, построеннаго надъ обрывистымъ берегомъ упомянутой рѣчки.

5-й переходъ.—Отъ этого селенія дорога ведетъ еще 24 версты вверхъ по р. Шарудъ, а потомъ уже мимо цѣпа горъ 12 версты до Геру, главнаго мѣста горнаго уѣзда Халхалъ, и оттуда черезъ сел. Амедъ - Аіа и Теркъ до Туркманчая, лежащаго уже на большой дорогѣ, ведущей отъ Міяны до Тавриза. Разстояніе отъ Решта до Туркманчая, по вышеозначенной дорогѣ черезъ ущелье Масаула, считается 210 версты. Путь этотъ проходимъ только для верховыхъ и вьюковъ.

Что касается до дороги, ведущей отъ долины рѣчки Кергенеруда черезъ ущелье Аглаберъ въ городъ Ардебиль, то она гораздо удобнѣе, нежели вышеозначенный путь. вмѣсто опасной и узкой тропинки, ведущей по обрывистымъ скаламъ и вдоль пропастей черезъ ущелье Масаула, этотъ путь, хотя также удобопроходимый только для верховыхъ и вьючнаго скота, подымается отлого, частью по устроенной искусствомъ дорогѣ; скалы здѣсь или высѣчены или навѣсны, такъ-что вьюки вездѣ проходятъ. Тамъ, гдѣ нужно, сдѣланы деревянныя подпоры, или каменныя стѣны для безопасности путника. Вѣроятно, это остатки военной дороги, устроенной шахомъ Аббасомъ, ведущей отъ Гиляна въ Азербайджанъ. Она сохранилась по причинѣ весьма рѣдкаго сообщенія съ этой стороной и сухаго горнаго климата. Грунтъ земли здѣсь сначала известковый, потомъ слѣдуетъ порфиръ и наконецъ, на высотахъ азербайджанскихъ, опять известковыя скалы. Верхней Кергенерудъ падаетъ съ шумомъ въ долину Гиляна черезъ лѣсную рывину Аглаберскаго Ущелья. Высоты азербайджанской плоскости безлѣсны и покрыты тучными пастбищами, и здѣсь показываются опять верблюды, которыхъ нѣтъ въ Гилянѣ и Мазандранѣ. Разнообразіе этихъ высотъ съ чистымъ воздухомъ, освѣщенныхъ ярко солнцемъ, разительно въ сравненіи съ лѣсистыми и болотистыми долинами Гиляна и ихъ влажною атмосферою. Отъ вершины Аглаберскаго Ущелья остается еще 60 версты до Ардебиля, и дорога ведетъ сначала по обрывистымъ скаламъ, а потомъ уже по глубокой долинѣ, орошаемой нѣсколькими рѣчками съ незначительнымъ озеромъ. Здѣсь прекращаются тучныя пастбища тальшанскихъ альповъ, составляющихъ точно полукругъ, по-

крытый зеленью вокруг Гиляна, и начинается сухая степь плоской возвышенности Азербайджана, плодоносная только съ искусственнымъ орошеніемъ. На половинѣ дороги между Аглаберскимъ Ущельемъ и Ардебилемъ лежитъ сел. Гассавуръ.

БОЛЬШАЯ КАРАВАННАЯ ДОРОГА ОТЪ РЕШТА ЧЕРЕЗЪ РУДБАРСКИЯ ВОРОТА ДО КАЗВИНА.

(165 верстъ). 33 ферсенга.

1) Сел. Ша-Агаджи (4 ферсенга). Дорога отъ Решта до 1-й станціи ведетъ по густому лѣсу; она грязна, но проходима. Въ лѣсу разбросаны многочисленныя селенія, жители которыхъ имѣютъ большое скотоводство, и красивый гилянскій рогатый скотъ, съ горбомъ на спинѣ, находятъ себѣ тамъ изобильную пищу.

2) Каравансерай Имамъ - Заде - Хасымъ (4 ферсенга). Отъ Ша-Агаджи до Имамъ-Заде-Хасыма дорога чрезвычайно дурна, съ топкими и часто непроходимыми мѣстами. Часть этой дороги, ведущей вверхъ по лѣвому берегу р. Сефидъ-руда, справедливо названа туземцами Джегенэмъ - Дерэ т. е. адская долина. Лѣсъ тамъ такъ густъ и такъ высокъ, что солнечные лучи никогда въ него не проникаютъ. Впрочемъ, можно обойти Джегенэмъ - Дерэ, направа путь свой отъ Кодема (главное мѣсто уѣзда того же имени, куда достигаютъ послѣ первыхъ 6 верстъ) черезъ сел. Сорванъ. Здѣсь узкая, но проходима тропинка ведетъ черезъ чащу, и грунтъ земли хотя влажный, но не топкій. Каравансерай Имамъ-Заде-Хасамъ построенъ Менучаръ-Ханомъ, и при немъ находится селеніе съ 40 дворами. На правомъ берегу и въ 12 верстахъ отъ рѣки Сефидъ-руды, подымается гора Дерфекъ - дагъ, покрытая вѣчно снѣгомъ. Она принадлежитъ къ главнымъ вершинамъ саманинскихъ и дилемскихъ альповъ.

3) Каравансерай Рустемъ - абадъ (5 ферсенговъ). Дорога подымается по скаламъ, покрывающимъ лѣвый берегъ Сефидъ-руды и ведетъ черезъ густой лѣсъ, наполненный мимозами, акаціями и гранатовыми деревьями. Она была устроена съ большими издержками разными правителями Гиляна, преимущественно же Хозревъ - Ханомъ. Послѣ первыхъ 3-хъ ферсенговъ, въ продолженіи которыхъ дорога высѣчена въ скалахъ и по отлогой покатоности, слѣдуетъ переправляться въ бродъ черезъ два горные притока Сефидъ-руды, которые во время полноводія непроходимы.

Лѣса оканчиваются при сел. Нуклеберѣ, гдѣ правитель Гилана держитъ таможену (Рахдары) для сбора пошлинъ. Оттуда дорога спускается уже по южнымъ покатостямъ горъ, хотя слѣдуетъ еще все вверхъ по лѣвому берегу р. Сефидъ-руда, текущей въ глубокомъ ущельи. Каравансерай Рустемабадъ построенъ на плоской возвышенности и окруженъ нѣсколькими дворами и многими дикими гранатовыми деревьями. Окрестности плодородны и производятъ много ячменю и пшеницы.

4) Сел. Рудбаръ (4 ферсенга). Отъ Рустемабада путь ведетъ по ущелью; дорога широка и отлична, хотя она высѣчена въ скалахъ. Окрестности гористы, но производятъ множество оливковыхъ деревьевъ. Сел. Рудбаръ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Сефидъ-руда, имѣетъ до 500 дворовъ; жители занимаются преимущественно приготовленіемъ масла и мыла изъ оливокъ. Уѣздъ того же имени заключаетъ въ себѣ до 16 селеній.

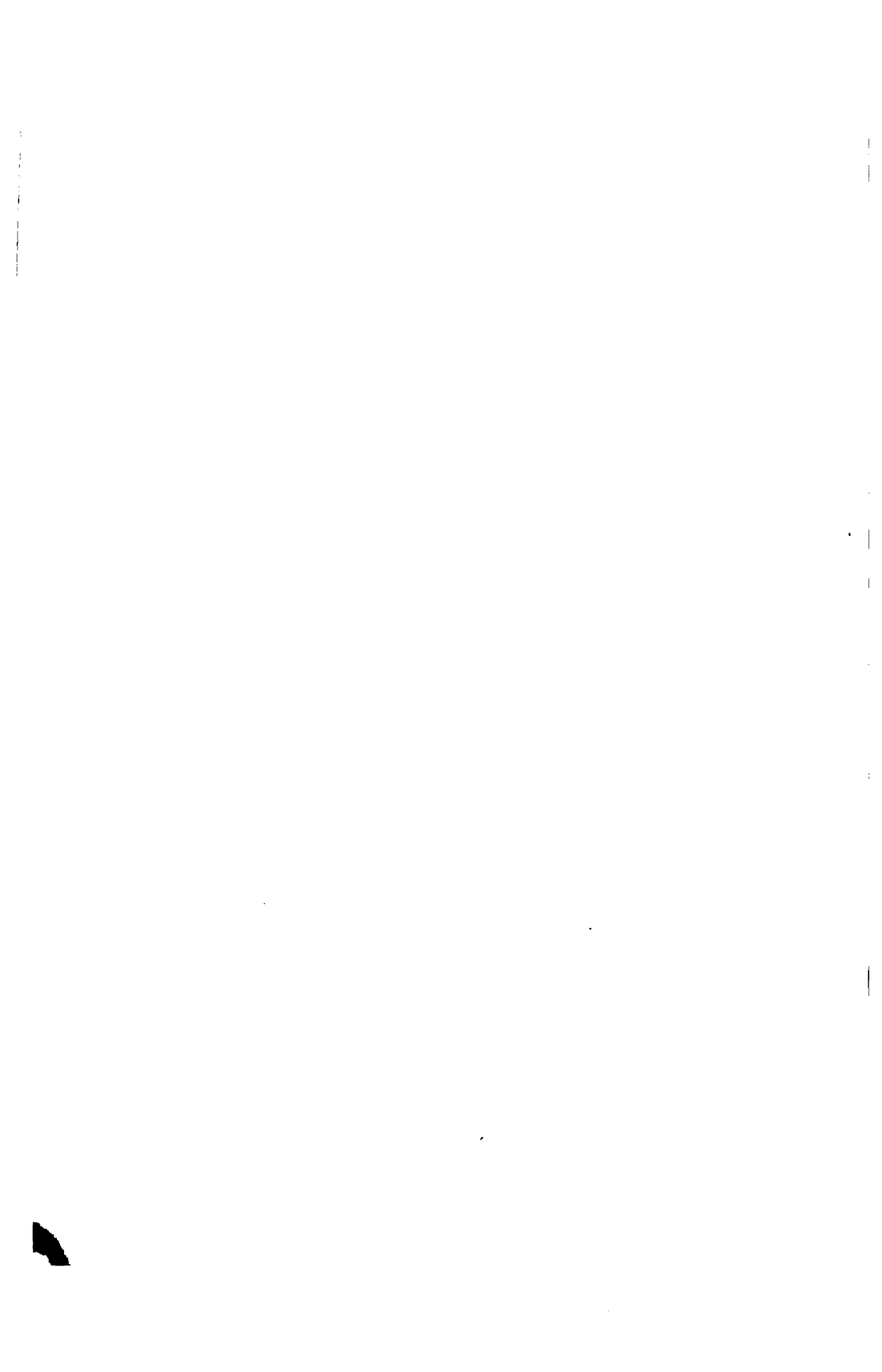
5) Сел. Лушанъ (5 ферсенговъ). Отъ Рудбара путь ведетъ по горамъ и спускамъ мимо ущелья, въ селеніе Зеа-рудъ, окруженное оливковыми деревьями, и чрезъ горный протокъ того же имени; потомъ подымается по ущелью Пиле-Рудбаръ или Рудбарскимъ Воротамъ (Pylae Rudsaricae). Входъ въ него со стороны Иракъ-Аджеми узокъ и скалистъ, самое же ущелье дико и круто, но оно гораздо удобопроходимѣе нежели другія ущелья, ведущія изъ Гилана и Мазандерана на плоскую возвышенность Персія. Нѣсколько ниже соединенія рѣки Сефидъ-руда съ Шаруломъ (притокъ Сефидъ-руда съ правой стороны), находится кирпичный мостъ Менджиль, при селеніи того же имени; онъ имѣетъ семь сводовъ и около 500 футовъ длины; средній сводъ разрушенъ и замѣненъ деревянными подмостками. Невзирая на широкое здѣсь русло рѣки, при полноводіи, вода покрываетъ мостъ этотъ и разливается на большое разстояніе. Оттуда дорога ведетъ вверхъ по извилистой рѣкѣ Шарулъ, которую нужно переходить въ бродъ въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ; рѣка эта въ мартѣ и апрѣлѣ непроходима.

6) Сел. Мезре (6 ферсенговъ). Дорога трудная и ведетъ черезъ горы, составляющія послѣднія южныя покатости Албурза, въ касбинскую равнину, обитаемую кочующими племенами.

7) городъ Казбинъ (5 ферсенговъ). Отъ сел. Мезре путь ведетъ уже по обширной равнинѣ къ юго-востоку до Казбина.

МАЗАНДЕРАНЪ.

МАЗАНДЕРАНЪ.

Мазандеранъ *) отдѣленъ отъ Гиляна рѣчкою Гука или Пули-рудомъ, къ югу онъ тянется отъ морскаго берега до самыхъ вершинъ Албурзскихъ Горъ, за которыми лежатъ Долина Демавендская и Фируз-ку, принадлежащія уже къ плоской возвышенности Иракъ-Аджеми; къ востоку рѣчка Джери-Кулбадъ отдѣляетъ его отъ Астрабадской Области, а къ сѣверу онъ окаймленъ Каспійскимъ Моремъ. Длина области этой съ запада къ востоку около 50 ферсенговъ (250 верстъ), и ширина отъ сѣвера къ югу переменяется отъ 8-ми до 13-ти ферсенговъ или отъ 40-ка до 65 верстъ.

Сѣверная часть Мазандерана образуетъ, подобно Гилянѣ, между моремъ и горами узкую плоскую полосу, которая расширяется около д. Амольа и Барфруша, между - тѣмъ, какъ къ востоку отъ г. Сари и Эшрефа горы приближаются опять къ морскому берегу. При г. Сарѣ берегъ этотъ отдаленъ отъ подошвы горъ на 24 или на 30 верстъ, а при г. Барфрушѣ равнина имѣетъ до 60-ти верстъ ширины. Горы поднимаются уступами, поросшими великолѣпными лѣсами, а за ними возвышается Демавендскій Пикъ, вѣчно покрытый снѣгомъ. Упомянутая ровная и самая широкая полоса Мазандерана населена городами и деревнями, хотя послѣднія почти всегда скрыты въ глубокихъ лѣсахъ, и главные города

*) Названіе Мазандерана происходитъ отъ слова мазъ — граница, въ здѣшнемъ исюрченномъ нарѣчій, и отъ персидскаго слова андеранъ значащаго внутри, слѣдовательно Мазандеранъ собственно значить «внутри границы».

какъ то: Эшрефъ, Саръ, Барфрушъ и Амоль, находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга. Здѣсь-то тянутся широкія поля, засѣяныя сарачинскимъ пшеномъ, хлопчатую бумагою и сахарнымъ тростникомъ; но послѣдній не успѣваетъ совершенно, какъ это бываетъ въ тропическомъ климатѣ, и достигаетъ только до одного дюйма толщины. Мазандеранскій мужикъ, обрабатывая поля съ сахарнымъ тростникомъ, долженъ устроить себѣ деревянные подмостки, чтобъ не вязнуть въ топкой землѣ. Табакъ не родится въ этомъ влажномъ грунтѣ, зато сарачинское пшено и здѣсь главное произведеніе. Арбузы, дыни, тыквы и огурцы находятся въ огромномъ количествѣ; сладкіе лимоны также растутъ въ Мазандеранѣ, равно какъ и разнаго рода другіе фрукты. Вообще произведенія этой области тѣ же самыя, какъ въ Гилянѣ, хотя шелкъ разводятъ здѣсь въ гораздо меньшемъ количествѣ и въ худшемъ качествѣ, нежели въ Гилянѣ; сахарный тростникъ также тамъ не растетъ; но то, что называютъ мазандеранскимъ сахаромъ (шекири мазандерани) не что иное, какъ сладкое, мягкое и желтоватое тѣсто дурнаго вкуса. Его выжимаютъ изъ сока сахарнаго тростника и сгущаютъ потомъ посредствомъ варенія; жители не умѣютъ ни кристаллизировать, ни очищать его. Предметъ этотъ достоинъ былъ бы вниманія русскихъ сахарныхъ промышленниковъ. Менишаги или 15 фунтовъ этого тѣста стоятъ въ Гилянѣ отъ 3-хъ до 4-хъ рублей, между-тѣмъ, какъ 15 ф. леденца стоятъ 18 рублей ассигнаціями. Мазандеранское тѣсто вывозятъ въ большомъ количествѣ во всю Персію, какъ лакомство; его употребляютъ также при приготовленіи пирожнаго и проч.

Домы жителей Мазандерана разбросаны, какъ въ Гилянѣ, и устройство ихъ то же самое; они окружены обыкновенно высокимъ заборомъ изъ камыша (*Ripidium gavennae*) и большими фруктовыми садами.

Климатъ этой области похожъ на гилянскій, но влажность воздуха въ Мазандеранѣ гораздо меньшая нежели въ нижнемъ Гилянѣ, и жители здоровѣе и бѣгѣе Гилянцевъ.

Мазандеранъ не имѣетъ гавани, достойной этого имени; онъ даже лишенъ порядочнаго рейда. Суда должны всегда приставать далеко отъ берега и бросать якорь въ открытомъ морѣ. Только въ Тунекабинскомъ Магалѣ море глубоко при самыхъ берегахъ. Рыболовство незначительно и производится при Ферегъ-абадѣ и Ме-

шеди-Серѣ; оно не можетъ сравниться съ рыболовствомъ въ Астрабадскомъ Заливѣ и въ Сефидрудѣ, въ Гилянѣ.

Мазандеранъ раздѣляется на семь магаловъ, а именно:

1) Эшрефъ, 2) Сарн, 3) Барфрушъ, 4) Амоль, 5) Нуръ, 6) Куджуръ и 7) Тунскабинъ. Вотъ краткое описаніе ихъ по маршруту, сообщенному мнѣ нашимъ консуломъ въ Гилянѣ, кол. совѣтникомъ Ходзько, посѣтившимъ Мазандеранъ въ 1836 году. Маршрутъ начинается отъ границы Астрабадской Области, т. е. отъ рѣчки Джери-Кулбада, въ 8-ми верстахъ къ востоку отъ г. Эшрефа.

1-й день. — Отъ Джери-Кулбада до Сарн 9 ферсенговъ или 45 верстъ.

Дорога ведетъ по-большой-части по шоссе (хиабанъ), устроенному Аббасомъ - Великимъ. Горы отдалены отъ нея отъ 9 до 18 верстъ, а море отъ одной до трехъ верстъ, смотря по извилинамъ шоссе. Городъ Эшрефъ, имѣвшій 2000 семействъ и 300 банъ во время посѣщенія Оомы Герберта въ 1627 году, когда тамъ находился персидскій дворъ, теперь незначительное мѣстечко, до 600 домовъ, изъ сыраго кирпича; едва 20 изъ нихъ покрыты черепицею, остальные же грязны и въ развалинахъ. Они обитаемы потомками грузинской колоніи, переселенной туда шахомъ Аббасомъ. Дворецъ этого государя, равно и другія его произведенія — магазины, каравансераи и Эшрефская Гавань, давно исчезли. Отъ великолѣпныхъ садовъ, устроенныхъ террасами, Аббасомъ - Великимъ, близъ Эшрефа, также остались однѣ развалины. Каскады и бассейны сухи; залы и комнаты превращены въ конюшни для лошадей и ословъ; изъ стѣнъ вытаскиваютъ камни; оранжереи почти уничтожены, а на мѣсто ихъ порасли дикія растенія и лѣсъ; но мѣстоположеніе и до-сихъ-поръ очаровательно. Сады эти и теперь раздѣлены на шесть частей; изъ нихъ пять окружены стѣнами. Они были основаны въ 1612 году; остатки ихъ неоднократно описаны Ганваіомъ, Фрезеромъ и Берисомъ. Лучше всѣхъ сохранившееся строеніе называется Сефи-Абадомъ; оно построено на возвышенности, съ которой открывается великолѣпный видъ на весь Астрабадскій Заливъ и его окрестности.

Кара-Тепе, афганское населеніе, лежитъ въ 10-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Эшрефа; бѣдное селеніе, расположенное на возвышеніи близъ залива, вода котораго здѣсь почти прѣсна,

что замѣтили уже древніе историки (Куртъ, Плиній, Страбонъ и Плутархъ). Это можетъ происходить отъ многочисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ эту часть залива, въ который, по словамъ Персіанъ, «выливается столько рѣчекъ, сколько въ году дней». Рѣчки эти много препятствуютъ свободному пути вдоль морскаго берега; онѣ мало имѣютъ мостовъ и разливаются въ весеннее время или послѣ сильныхъ дождей въ горахъ. Между Эшрефомъ и Сари находятся рѣки Неки или Ника и Тедженъ; на первой построена дѣдомъ Фетхъ-Али-Шаха хорошая мостъ изъ кирпича. Отъ этого моста удобная дорога ведетъ между великолѣпными лѣсами, богатыми садами и полями до р. Тедженъ, въ двухъ верстахъ отъ Сари. Она весьма быстра и имѣетъ мостъ въ 24 ф. ширины. Изъ одна изъ этихъ двухъ рѣкъ не судоходна, хотя первая имѣетъ 160 футовъ ширины при устьѣ; но онѣ полезны, особливо послѣдняя, для хлѣбопашества: всѣ поля орошаются отводными канавами изъ Теджена. Сарачинское пшено даетъ здѣсь самъ 80 и болѣе.

Городъ Сари имѣетъ около 7000 домовъ, но свирѣпствовавшая въ немъ, въ 1832 году, чума уменьшила число жителей такъ, что теперь тамъ не болѣе 20,000. Городъ окруженъ сухимъ ровомъ и развалившимся валомъ. Дома покрыты черепицею и видъ ихъ вообще опрятенъ. Часть улицъ вымощена. Кромѣ коренныхъ жителей, въ немъ находятся 300 семействъ изъ племени Усарлу, 200 Килиджей, 80 Белучи и 35 Афганскихъ. Всѣ они переселены сюда Ага-Мухаммедъ-Ханомъ. По мнѣнію Данвиля, Сари древній Задра-Карта, столица Гирканіи, въ которой Александръ-Великій провелъ 15 дней съ своею арміею (Aggrian Exp. Alex. III. 25). Нѣсколько развалинъ и остатки древнихъ строеній замѣтны еще въ Сарѣ, который неоднократно былъ разрушаемъ наводненіемъ и землетрясеніями.

Въ 25-ти верстахъ ниже Сари, на правомъ берегу и при устьѣ Теджена, находятся остатки Ферегъ-абада, второй столицы Шаха-Аббаса. Великолѣпный дворецъ его Джеганъ-Нума съ его мечетями, банями, каравансераями и училищами (медресе) въ развалинахъ. Во время царствованія государя этого, который здѣсь и скончался, Ферегъ-абадъ былъ большимъ городомъ и имѣлъ до 4000 семействъ, теперь же осталось только бѣдное мѣстечко, окруженное лугами и лѣсомъ. Рыболовство при устьѣ Теджена отдано на откупъ русскимъ промышленникамъ.

2-й день.—Отъ устья р. Геджена до устья р. Бабула (6 ферс или 30 верстъ).

Дорога ведетъ вдоль морскаго берега, ибо шоссе (хабанъ) Аббаса - Великаго здѣсь почти непроходимо: оно затоплено грязью. Изъ рѣчекъ, черезъ которыя должно переправляться, главныя:

а) Сіагъ-рудъ или Ларимъ; она не широка, но глубока. Разлитія ея вредны для окрестныхъ полей и для каравановъ, лошади которыхъ должны тогда переплывать, между-тѣмъ, какъ хозяева переправляются на лодкахъ.

б) Теларъ или Тиларъ, имѣетъ 75 ф. ширины при устьѣ и непреходима въ бродъ. Обѣ рѣчки судоходны на разстояніи отъ 6-ти до 8-ми верстъ отъ устья.

в) Миръ-рудъ, которая болѣе похожа на каналъ, нежели на рѣчку, и только примѣчательна потому, что она соединяетъ озеро Лепуръ съ моремъ.

г) Бабулъ, судоходна отъ моря до города Баръ-Фруша и главная изъ рѣкъ Мазандерана, по которой производится вся наша торговля съ Баръ-Фрушемъ и вообще съ этимъ краемъ. При устьѣ Бабула ловятъ севрюгъ и тамъ находится Мешеди-Серъ съ таможеню. Мѣстечко это, съ 300 домовъ, служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, привозимыхъ или вывозимыхъ въ Россію. Купеческія суда должны стать на якорь въ открытомъ морѣ въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ отъ берега на 10-ти саженой глубинѣ. Отмель въ устьѣ Бабула дѣлаетъ якорную стоянку опасною, особливо при сѣверныхъ вѣтрахъ. Лодки съ персидскими гребцами отправляются отъ Мешеди-Сера въ море къ самымъ судамъ, выгружаютъ ихъ и везутъ потомъ товары вверхъ по р. Бабулу до г. Баръ-Фруша, или, при мелководіи, передаютъ ихъ извозчикамъ (чарвадарамъ). Рѣка Бабулъ при устьѣ имѣетъ 180 футовъ ширины и отъ 12 до 15-ти глубины, но мель препятствуетъ судамъ входить въ эту рѣку. Разстояніе отъ устья до г. Баръ-Фруша 23 версты. Дорога между этимъ городомъ и Мешеди-Серомъ доказываетъ благосостояніе жителей: вездѣ видны богатые поля, сады, плантаціи съ сахарнымъ тростникомъ и туловыми деревьями для шелководства. Берега р. Бабула плодородны, покрыты гранатыми, лимонными и другими деревьями, около которыхъ вьются огромныя виноградныя лозы и представляютъ живописный видъ.

Баръ-Фрушъ *) самый нездоровый городъ Мазандерана; онъ окруженъ болотами и лѣсами. Дома разбросаны между садами и полями. Городъ этотъ—средоточіе торговли Мазандерана съ Персією. Въ 1830—1832 годахъ чума лишила Баръ-Фрушъ $\frac{2}{3}$ его жителей. Въ 20-ти кварталахъ (магалле) было, по словамъ Персіянъ, болѣе 30,000 домовъ, но теперь только четвертая часть ихъ обитаема, т. е. около 70,000 жителями. Здѣшніе базары уступаютъ, по величинѣ, только испаганскимъ, и число каравансераевъ простирается до 10. Изъ Россіи привозятъ сюда сукно, бумагу, проволоку, желѣзо, сталь, нефть, кожи и юфть, посуду и разные мелочные товары; а въ замѣнъ вывозятъ шелкъ, сарачинское пшено, хлопчатую бумагу, рыбные товары, лѣсъ и проч. Русскихъ товаровъ привозятъ ежегодно на 150,000 рублей серебромъ. Въ трехъ верстахъ къ западу отъ Баръ-Фруша находится хорошій мостъ на рѣкѣ Бабулъ, имѣющій здѣсь 50 шаговъ ширины. Мѣстоположеніе города около 30 футовъ выше уровня рѣки Бабула, отчего грунтъ земли тверже нежели окрестности Баръ-Фруша, состоящія, какъ выше сказано, изъ болотъ.

3-й день.—Отъ Баръ-Фруша до Амольи (5 ферсенговъ или 25 верстъ.)

Городъ Амоль (Амуль) при рѣкѣ Геразъ (Геразъ-рудъ, Герирудъ), третій городъ Мазандерана, этой Персидской Ломбардіи, которая, въ сравненіи съ остальной Персією, населена подобно Италіанской. Дорога отъ Баръ-Фруша до Амольи хороша во все время года, и на большое пространство ведетъ еще по мостовой или хіабанъ, ностроенной Аббасомъ-Великимъ. Страна эта вообще отлично обработана; она болѣе открыта; лѣса рѣже нежели въ остальной части Мазандерана, только селенія окружены фруктовыми рощами, вокругъ которыхъ тянутся обширныя поля съ сарачинскимъ пшеномъ, пересѣченныя многочисленными канавами, проведенными изъ рр. Гераза и Бабула, съ кирпичными мостами отъ временъ Аббаса и служившими для свободнаго сообщенія. Кирпичные дома деревень, покрытые черепицею, напоминаютъ англійскія селенія. Горы, поросшія густымъ лѣсомъ, находятся въ 35 верстахъ отъ дороги, а за ними поднимаются высокіе снѣговые

*) Баръ—грузъ или вьюкъ и Фрушъ — продажа; оба слова вмѣстѣ выражаютъ складочное мѣсто для товаровъ.

хребты Альбурза. Быстрая рѣка Геразъ, выходящая изъ ущелья горы въ недалекомъ разстояніи отъ Амольи, отдѣляетъ городъ отъ его предмѣстій; черезъ нея построенъ длинный каменный мостъ, о 12-ти сводахъ; лѣтомъ онъ бесполезенъ, потому-что рѣка тогда вездѣ переходима въ бродъ. Амоль находится на открытой равнинѣ, что отличаетъ его отъ другихъ мазандеранскихъ городовъ, погруженныхъ, такъ сказать, въ глубокихъ лѣсахъ. Дома, въ числѣ 3000, разбросаны между деревьями. Изъ 20,000 жителей бѣльшая часть оставляетъ лѣтомъ дома свои и переселяется на Ейлахъ (лѣтнее житье) въ горы. Нѣтъ ничего живописнаго, какъ гробницы и развалины башенъ, построенныхъ въ арабскомъ вкусѣ и разбросанныхъ по сѣверной части города. Вообще остатки эти доказываютъ о прежней значительности Амольи, бывшемъ когда-то столицею Табаристана, т. е. части Мазандерана, лежавшей у сѣверной подошвы Демавенда и до-сихъ-поръ носящей это названіе. Отъ Амольи ведетъ трудная горная дорога въ три сутокъ въ Тегеранъ черезъ Лариджанъ, о которой слѣдуетъ ниже подробное описаніе.

Въ окрестностяхъ Амольи находятся желѣзные рудники, особливо въ Нурскомъ Уѣздѣ, на берегахъ Гераза и его потоковъ. Жители собираютъ обыкновенно желѣзняки въ руслахъ упомянутыхъ рѣкъ, плавятъ ихъ, но выработанное желѣзо грубо. Персидское правительство учредило тамъ плавильни, гдѣ льютъ разнаго калибра ядра дурнаго качества. Провозъ ихъ черезъ альбурзскіе хребты въ тегеранскій арсеналъ весьма затруднителенъ и сопряженъ съ большими издержками.

4-й день. — Отъ Амольи до Серинкела (10 ферсенговъ или 50 версть.)

Вся эта дорога пересѣчена многочисленными горными потоками, орошающими магалы Нуръ и Куджуръ. Путь ведетъ частью черезъ великолѣпные лѣса; съ правой стороны вдоль морскаго берега тянется рядъ лагуновъ (Мурдъ-абъ), изобилующими чайками, кormоранами и другими морскими птицами; здѣсь встрѣчаются и выдры. Селеніе Серинкела, съ 60-ти домами, принадлежитъ къ Куджурскому Магалу; оно населено Курдами изъ племени Абдульмелики, извѣстными разбойниками и ворами. Жители упомянутыхъ магаловъ также оставляютъ жилища свои на лѣтнее время и переселяются въ горы Лариджана.

5-й день.—Отъ сел. Серинкела до селенія Ну-дэ (6 ферсент. или 30 верстъ.)

Изъ протоковъ, пересѣкающихъ дорогу, главнѣйшіе: Тюртуру и Чалусъ; послѣдній имѣетъ начало въ сѣверныхъ покотостяхъ Шемрунскихъ Горъ; онъ весьма быстръ и составляетъ границу между Куджурскимъ Магаломъ и Тунекабуномъ. Та же самая дорога ведетъ по лѣсамъ и открытымъ мѣстамъ, засѣяннымъ сарачинскимъ пшеномъ.

6-й день.—Отъ Ну-дэ до сел. Неште или Нуиште (6 ферсент. или 30 верстъ.)

Въ Тунекабунскомъ Магалѣ селенія такъ разбросаны, что путешественнику трудно опредѣлить число и величину ихъ. Горы приближаются здѣсь къ морскому берегу и вообще весьма населены. Изъ рѣчекъ, пересѣкающихъ дорогу, замѣчательны: Нудэ-рудъ, Сердъ-рудъ и Нештэ-рудъ; на послѣдней лежитъ сел. Нештэ, главное мѣсто Тунекабуна.

7-й день.—Отъ сел. Нештэ до границы Гиляна (8 ферсентовъ или 40 верстъ.)

Въ селеніяхъ Товерѣ и Корумабадѣ жители занимаются почти исключительно шелководствомъ. Товеръ окруженъ тузовыми деревьями. Изъ рѣчекъ, пересѣкающихъ дорогу, главные: Иззерудъ, Шейхъ-рудъ и быстрый Мезеръ или Мадуръ, при устьяхъ которой производится русскими рыбная промышленность; тамъ ежегодно ловится до 15,000 севрюгъ, бѣлугъ и другихъ рыбъ.

При сел. Сехтесерѣ, недалеко отъ гилянскихъ границъ, горы вдаются почти въ море. Климатъ здѣсь очарователенъ и жители бѣлѣе, стройнѣе и здоровѣе Мазандеранцевъ. Сел. Сехтесеръ состоитъ изъ 400 по лѣсу разбросанныхъ домовъ; при немъ находятся горячія воды (Аби-гермъ); вода эта пахнетъ сѣрою и нефтью; она солено-горьковата, весьма горяча и употребляется съ пользою противъ кожныхъ болѣзней. Въ 5-ти верстахъ далѣе къ западу изъ ущелья Сухтъ-Спра выходитъ быстрый потокъ Пули-рудъ, составляя границу Гиляна.

Тунекабунскій Магалъ простирается на 70 верстъ вдоль морскаго берега, а къ югу до хребта Албураскихъ Горъ. Онъ похожъ на Гилянъ, только здѣсь растетъ болѣе померанцовыхъ деревьевъ. Изъ селеній главнѣйшія: Нештэ, Сехтесеръ, Гулейджанъ, Аспиджинъ, Бариши и Балидія. Первые три расположены

вдоль морскаго берега, остальные у подошвы горъ; всѣ они весьма разбросаны. Жители, числомъ до 2000 семействъ, сходны съ Гилянцами въ нравахъ, обычаяхъ, языкѣ и одеждѣ. Въ Нижнемъ Тунекабунѣ занимаются разведеніемъ сарачинскаго пшена, въ Верхнемъ—шелководствомъ; но тунекабунскій шелкъ самый худшій и далеко уступаетъ гилянскому.

Изъ 40,000 томановъ доходовъ, получаемыхъ ежегодно отъ Мазандерана, въ казну не поступаетъ ничего; всѣ израсходываются въ самомъ краѣ, и большею-частью на содержаніе тамошнихъ войскъ.

Кромѣ произведенія земли, какъ-то: сарачинскаго пшена, тунекабунскаго шелка (остальная часть Мазандерана производитъ малое количество шелка) и мазандеранскаго тѣста, извлекаемаго изъ сахарнаго тростника, край этотъ имѣетъ еще нѣсколько отраслей промышленности: тамъ дѣлаютъ грубое сукно для употребленія самихъ жителей, полосатую желковую матерію (алиджѣ), тканную въ Тунекабунѣ, и малое количество холста изъ льна. Этими предметами ограничивается промышленность жителей.

Приблизительное число народонаселенія простирается до 130,000 человекъ мужскаго пола, изъ которыхъ 40,000 военныхъ поселенцевъ, остальные туземцы. Военные поселенцы говорятъ языками тѣхъ мѣстъ, откуда они переселены. Туземцы употребляютъ испорченное нарѣчіе древняго персидскаго языка, въ которомъ первенствуютъ слова древняго Зенда; нарѣчіе это имѣетъ много сходства съ гилянскимъ.

Управленіе Мазандерана, не различается отъ образа управленія остальной Персіи. Здѣсь, какъ и тамъ, существуетъ только право сильнѣйшаго или того, кто ловче и хитрѣе.

Астрабадъ родина Каджаровъ. Основатель нынѣ царствующаго дома въ Персіи, Ага-Мухаммедъ-Ханъ, учредившій столицу свою въ Тегеранѣ, хотѣлъ имѣть поблизости этого города военную силу, которую можно было бы въ скорости собрать, въ случаѣ надобности. Въ слѣдствіе чего онъ, подъ предлогомъ аманатовъ, учредилъ въ Мазандеранѣ военныя поселенія, переселенныя изъ Курдистана, Азербайджана, Хорасана, Афганистана и Белуджистана. Войска эти должны были служить каджарскому шаху, который вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ ими устрашить каджарское племя, изъ котораго не всѣ повиновались. Но каджарское племя, подобно Монголамъ въ

Китаѣ, успѣло уже смѣшаться съ Персіянами, или оно разсѣялось между развратнымъ и безсильнымъ дворянствомъ Ирана. Изъ этого слѣдуетъ, что племя это, прежде кочевавшее и воинственное, болѣе не существуетъ; но вышеупомянутые поселенцы еще не отказались отъ обычаевъ своихъ предковъ и до-сихъ-поръ вѣстѣ съ Астрабадомъ даютъ шаху, по первому его требованію, 14,000 вооруженныхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ мазандеранскихъ войскъ. Вотъ ихъ исчисленіе:

Астрабадъ. Кіетуль и Финдерискъ.	1000	пѣшеходцевъ.
Гезаръ-Джерибъ.	1000	«
Энезанъ.	500	«
	<hr/>	
	И того	2500 пѣшеходцевъ.
Мазандеранъ.		
Сари. Кулбадъ и Ехъ-кіешъ.	1000	пѣшеходцевъ.
Герайлу и Усарлу.	1000	всадниковъ.
Джанбеглу и Мейданлу.	1000	«
Афганы и Кылиджи.	1000	«
Саревы и Белучи.	1000	пѣшеходцевъ.
Севадку даетъ.	500	«
Бенди-пей даетъ.	500	«
Нуръ даетъ.	700	«
Ходжавенды и Абдулмелики.	2000	всадниковъ.
Эшрефъ тамошныя Грузины даютъ.	500	пѣшеходцевъ.
Максудлу (изъ Кебудъ-Джане).	500	всадниковъ.
	<hr/>	
	Всего.	12200
Фирузъ-куи и Каранчай *)	1800	
	<hr/>	
	Всего.	14000

Милиція эта вооружена длинными ружьями, частью съ фитиллями и на сошкахъ, и кинжалами. Она безъ всякой дисциплины и не можетъ быть опасною русскимъ войскамъ, хотя славится храбростью и искусствомъ метко стрѣлять.

Кончивъ обзорѣніе Мазандерана, остается еще описать главные пути сообщенія этого края съ Иракъ-Аджемомъ.

*) Хотя Фирузъ-куи и Каранчай находятся на Тегеранскомъ Заливѣ, но они также входятъ въ составъ мазандеранскихъ войскъ.

1-й путь.—Горная дорога отъ города Амольи черезъ Азекъ, гору Демавендъ, Джаджерудъ до Тегерана.

1-я станція.—Отъ Амольи до развалившагося каравансерая Паруса (26 верстѣ).

Отъ г. Амольи дорога ведетъ къ югу вверхъ по лѣвому берегу рѣчки Гераза; пройдя 8 верстѣ, она входитъ въ ущелье, имѣющее 400 шаговъ ширины, изъ котораго рѣка Геразъ открываетъ себѣ путь въ равнину. По обѣимъ сторонамъ его русла тянутся низкія цѣпи безлѣсныхъ горъ съ отлогостью къ морю. Шестъ верстѣ далѣе, ущелье обращается въ узкую тропинку, частью высѣченную въ скалѣ, и опасную во время дождей. Здѣсь видны еще остатки дороги, построенной Аббасомъ Великимъ, давно ужъ уничтоженной горными потоками и землетрясеніями. Послѣ 5-ти верстѣ ходьбы, дорога опять спускается къ руслу Гераза, гдѣ горы уже безлѣсны, и она ведетъ къ развалинамъ каравансерая Парусъ.

2-я станція.—Отъ каравансерая Парусъ до мѣстечка Азекъ (30 верстѣ).

Дорога продолжается по голымъ скаламъ и узкой тропинкѣ. Нѣсколько разъ надобно перейти р. Геразъ по деревяннымъ мостамъ, замѣнившимъ мосты каменные. Около Кару встрѣчаются неоднократно пещеры, гдѣ путникъ найдетъ убѣжище въ ненастную погоду. Верстѣ 10 далѣе, горы сближаются и р. Геразъ шумитъ между отвѣсными скалами, въ 200 футовъ ниже узкой тропинки, высѣченной въ скалахъ длиною въ двѣ версты. Ущелье это единственный входъ въ уѣздъ Лариджанъ, получившій названіе свое отъ рѣчки Ларъ, потока Гераза. Далѣе дорога становится лучше, поворачиваетъ при Ванѣ къ юго-западу и ведетъ до мѣстечка Азекъ, недоходя до котораго надобно еще 6 разъ перейти р. Геразъ по деревяннымъ мостамъ. Азекъ, съ 1200 домами, главное мѣсто горнаго уѣзда Лариджана; въ немъ до 72 селеній. Мѣстоположеніе Азека находится въ 5800 англ. футахъ выше моря, т. е. выше госпиталя св. Готгарда (4566 ф.) на Альпійскихъ Горахъ. Изъ этого мѣстечка, лежащаго въ 90 верстахъ отъ Тегерана, Англичанинъ Тайлоръ Томсонъ отправился въ 1837 году, и взошелъ на вершину горы Демавенда (древняго Язоніумъ), высота которой надъ поверхностью моря достигаетъ до 14,000 англійскихъ футовъ (13,783 парижск. футовъ). Азекъ построенъ на обрывистой покатности огромнаго ущелья, въ глубинѣ котораго бушуетъ Ге-

разъ; возгъ Азека къ западу подымается исполнинская гора Демавендъ.

3-я станція.—Отъ Азека до перваго Имамъ - Заде - Касиъ (28 версть).

Недалеко отъ мѣстечка Азека дорога удаляется отъ берега р. Гераза и ведетъ по обрывистымъ горамъ до р. Дара, потока р. Гераза; на ней построенъ каменный мостъ; оттуда должно опять спуститься къ Геразу, который тутъ только горный ручей. Изъ его ущелья узкая тропинка проходима только для лошаковъ, подымается до высочайшей точки перевала, лежащей 7000 англ. футами выше Каспійскаго Моря, т. е. выше Симплона (6784 ф.), Шиллгена (6170 ф.) и С. Готгарда (6390 ф.). Ущелье это названо Имамъ-Заде-Касимъ; оно раздѣляетъ воды между Каспійскимъ Моремъ и плоскою возвышенностью Иракъ-Аджеми. Водораздѣлъ этотъ съ сѣверной стороны гораздо выше, нежели съ южной, ибо долина Тегеранская лежитъ 3500 футами выше моря. Спускъ отлогъ и направленъ къ юго-западу. Послѣ 10-ти верствъ ѣзды, открывается богатая долина, орошаемая р. Джаджерудомъ, протекающимъ къ югу. Дорога ведетъ къ сел. Багъ-Земерудъ, мимо города Демавенда, черезъ сел. Рудханъ до сел. Джаджеруда при притоку того же имени, и оттуда прямо къ Тегерану.

Горная эта дорога, равно какъ всѣ другіе переходы чрезъ Албурскія Горы въ Иракъ-Аджемъ, доказываютъ, какъ Мазандеранъ укрѣпленъ природою со стороны сѣвернаго края Ирана. Ни одинъ изъ всѣхъ поперечныхъ путей не проходимъ для артиллеріи, между-тѣмъ, какъ всѣ дороги черезъ продолжныя долины и ведущія отъ Тегерана къ востоку до Мешеда или къ западу въ Тавризъ, черезъ Казвинъ, годны для обозовъ и артиллеріи. Даже древніе Персіяне, до завоеванія края этого Александромъ - Македонскимъ, употребляли тамъ уже телеги, которыя нынче весьма рѣдки въ Иранѣ и въ Персіи вообще.

КАРАВАННАЯ ДОРОГА ОТЪ САРИ, ЧЕРЕЗЪ ХРЕБЕТЪ АЛБУРСКИХЪ ГОРЪ ДО ТЕГЕРАНА.

(227 версть).

Отъ города Сари дорога ведетъ по остаткамъ шоссе Шаха-Аббаса до селенія Аліабада, лежащаго на правомъ берегу потока

Тилара (20 версть). Потокъ этотъ течетъ по прекрасной долинь, имѣющей до 80 версть длины. Путь, направляясь къ югу, ведетъ вверхъ по правому берегу Тилара. Шахъ - Аббасъ велѣлъ здѣсь высѣчь дорогу въ скалахъ длиною 15 версть, которая и до-сихъ-поръ еще проходима, хотя персидское правительство ничего не дѣлаетъ для поддержанія ея. Видъ Тиларской Долины весьма живописенъ; горы покрыты густымъ лѣсомъ и шумъ потока Тилара, текущаго нѣсколько сотъ футовъ ниже дороги въ глубокомъ ущельѣ, производитъ пріятный эффектъ. Пройдя нѣсколько развалившихся каравансераевъ и Имамъ-Задé (гробницы святыхъ), должно перейти Тиларъ по мосту Пули-Сефидъ (30 версть); далѣе лѣса исчезаютъ и дорога подымается безпрестанно; наконецъ долина оканчивается и начинается перевалъ черезъ хребетъ Албураскихъ Горъ, названный туземцами Гадукъ, т. е. ущелье. По мѣрѣ того, какъ дорога приближается къ вершинамъ перевала, скалы поднимаются отвѣсно, образуютъ пропасти и проходъ дѣлается уже. Почти на самой вершинѣ устроенъ Шахомъ - Аббасомъ караванъ Кадаикъ (42 версты), но онъ уже давно въ развалинахъ. Ущелье это, вѣроятно, Каспійскія Ворота (Pylae Caspiae) древнихъ, черезъ которыя прошелъ Александръ-Великій, преслѣдуя Дарія; по дорогѣ завоеватель этотъ разбилъ Табуровъ, племя дикихъ разбойниковъ, и замѣчательно, что часть горнаго Мазандерана и до-сихъ-поръ названа Табаристаномъ.

Выходя изъ ущелья Гадукъ, тропинка ведетъ по голымъ скаламъ, по узкой, печальной долинь, на краю которой лежитъ селеніе Фирузъ-ку (15 версть), въ 6000 футовъ выше горизонта моря. Климатъ тамъ весьма суровый и снѣгъ лежитъ болѣе 5-ти мѣсяцевъ. Отъ этого мѣста дорога спускается уже вдоль южной покатости горъ по бѣднымъ селеніямъ и развалившимся каравансераямъ Баб-Шахъ, Бауминъ, Гастенекъ и Зирхасаръ до города Тегерана. Разстояніе отъ Фирузъ-ку до столицы Тегерана считается 120 версть.

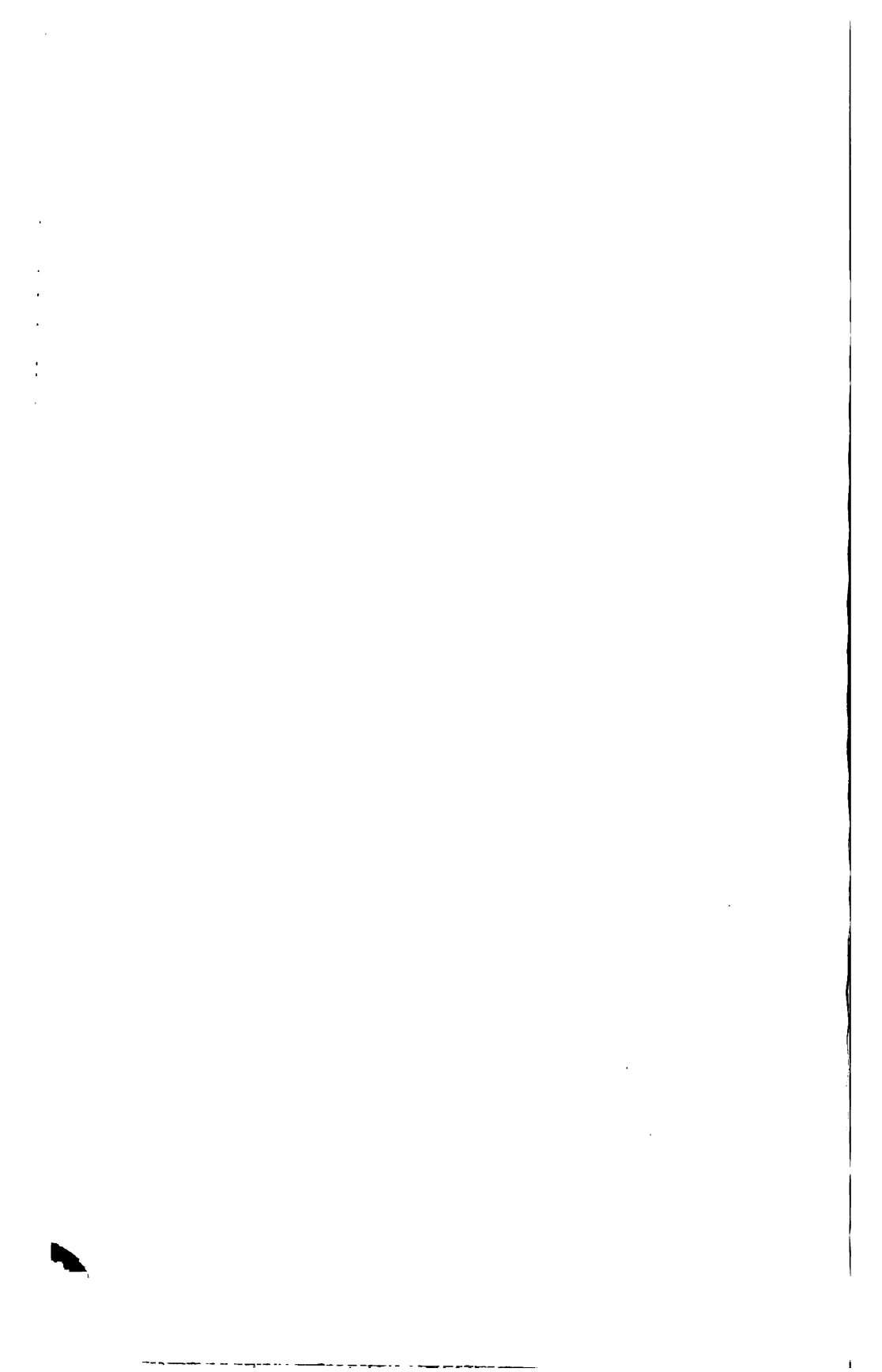
Упомянутая караванная дорога проходима только для лошадей и лошаковъ.

АСТРАБАДСКІЙ ЗАЛИВЪ

И

ОБЛАСТЬ ТОГО ЖЕ ИМЕНИ.

Заливъ этотъ лежитъ въ юго - восточной сторонѣ Каспійскаго Моря подъ $36^{\circ} 45'$ до $36^{\circ} 52'$ сѣверной широты. Онъ простирается вдоль части Астрабадской и Мазандеранской провинцій и вся его длина составляетъ 56 верстъ. Отъ востока и юга онъ закрытъ матерымъ берегомъ, отъ запада и сѣверо-запада вышедшимъ отъ Фарабада полуостровомъ, который простирается весьма далеко къ востоку и оканчивается длинною косою Гаумышъ, въ срединѣ которой находится незначительный островъ Ашуръ. Входъ въ заливъ, шириною 3 версты, находится между этою косою и отмелью, отходящей къ западу между урочищами Кара-Сенгиръ и Ханували. Фарватеръ мы нашли $2\frac{1}{2}$ сажени и болѣе, слѣдовательно профессоръ Эйхвальдъ, посѣтившій страну эту въ 1825 году, ошибается, увѣряя, что глубина фарватера не болѣе 8-ми футовъ. Восточный материкъ залива выдается нѣсколькими мысами. Названія и разстоянія другъ отъ друга съ сѣвера къ югу слѣдующія: отъ мыса Кара-Сенгиръ до Ханували 5 верстъ; отъ мыса Ханували до Гюзеръ 3 версты и отъ мыса Гюзеръ до устья рѣчки Карасу $3\frac{1}{4}$ версты. По положенію залива, онъ со всѣхъ сторонъ защищенъ отъ вѣтровъ, что дѣлаетъ его лучшею для всякаго рода судовъ гаванью. Самая большая его ширина на-

Примѣчаніе. Сочинитель этихъ записокъ самъ посѣщалъ Астрабадскій Заливъ въ 1836 году, былъ тамъ болѣе мѣсяца, съ начала іюня до начала іюля, и имѣлъ возможность собрать самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ заливѣ на самомъ мѣстѣ.

ходится при островѣ Ашуръ, гдѣ она составляетъ около 1
потомъ она уменьшается и, приближаясь къ концу залива,
имѣетъ не болѣе 7-ми верстъ. Глубина въ немъ посрединѣ с
такому же порядку (отъ 7 до 18 футовъ), а по близости
находится почти вездѣ отмель, такъ - что гребныя суда дал
нимъ не могутъ подходить. Грунтъ по срединѣ вловатыи
стоящій изъ сѣрой глины, смѣшанной въ иныхъ мѣстахъ с
лыми раковинами, а подлѣ береговъ почти вездѣ чистый пе
Берегъ, окружающій заливъ съ его восточною стороною, низ
ный, болотистый и покрытъ непроходимымъ камышомъ; впроч
попадаетя прѣдка между камышами вѣсколько деревьевъ. Пр
рающійся вдоль всего залива южный матерой берегъ гораздо вы
восточнаго; почему здѣсь находится весьма мало болотъ и камы
растеть подлѣ него только мѣстами. Разстояніемъ около 7 или
верстъ отъ берега, вздымаются вдоль по немъ уступами высок
горы Энезанъ-Ку, тянущіяся параллельно заливу; онѣ принадле
жатъ къ цѣпи Албурза, которая сопровождаетъ южную часть Кас
пійскаго моря вдоль Гиляна, Мазандерана, Астрабада и прости
рается до Хорасана. Самыя высокія изъ горъ, Энезанъ-Ку, нахо
дятся противъ юго-восточной части залива, а къ объѣмъ его око
нечностямъ онѣ становятся отложе; вершины ихъ только видны
при самой ясной погодѣ, въ прочее же время онѣ всегда покрыты
облаками. Высочайшая точка горы Гѣздъ, главной изъ этихъ
горъ, имѣетъ, по нашимъ тригонометрическимъ и барометриче
скимъ наблюденіямъ, около 1100 сажень вышины. Весь упомяну
тый берегъ представляетъ очаровательный видъ и горы служатъ
къ лучшему его украшенію. Онѣ почти весь покрыты густымъ
лѣсомъ, который, начиная отъ самой воды, простирается до вер
шины горъ. Въ этихъ горныхъ лѣсахъ находятся каштанолистные
дубы, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ сажень въ поперечникѣ,
платаны или чинары слишкомъ въ 20 сажень вышиною, азатъ,
кара-агачъ, железное дерево или темиръ-агачъ, двоякаго рода букъ,
очень годный для корабельнаго дѣла. Строевой лѣсъ, кромѣ исти
сленныхъ родовъ, состоитъ изъ тополя, ясени двухъ видовъ,
клѣна, стручковаго дерева, каштановъ, самшита или пальмоваго де
рева, липы, влима, ветлы, осокоря, толстаго можжевельника, бере
золистнаго грабина, разныхъ породъ вяза, ольхи, тиса и чувстви
тельнаго дерева или вольвани съ прелестными, въ видѣ кистей,

розовыми цвѣтами и перистыми листьями, которые сжимаются ночью, по солнечномъ закатѣ и днемъ, когда ихъ трогаютъ.

Покатость нижнихъ уступовъ горъ и долины покрыта фруктовыми деревьями, между которыми: груши, яблоки, дули, персики, абрикосы, шептала, кизылъ, аягылъ, вишня, черешня, миндаль, сладкіе и кисловатые гранаты, бергамоты, алыча, разнородныя сливы, грецкіе орѣхи, орѣхи, винныя ягоды, кинты или айва, и виноградъ, лозы котораго въ огромномъ видѣ вьются почти около каждаго дерева. Небольшія деревца, разнородныя кустарники и высокіе папоротники тѣснятъ сквозъ чащу и мѣстами покрываютъ поляны.

Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, находятся обширныя чистыя поля, служащія для пастбы скота, и испещренныя разными цвѣтами и благовонными травами, а въ рощахъ представляются взору вездѣ селенія и пространныя поля, засѣянныя сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, которая даетъ здѣсь часто самъ 80, въ новыхъ разработанныхъ поляхъ кунжутнымъ сѣменемъ, хлопчатую бумагою и сахарнымъ тростникомъ. Послѣдній, однакожъ, не достигаетъ полного своего развитія.

Въ огородахъ съ величайшимъ успѣхомъ растутъ: бадряковыя, разнаго рода лимонныя, померанцовыя и апельсинныя деревья, которыхъ три рода: наринджи (grenade), туринджи (orange amère) и потава; потомъ многихъ видовъ салатъ, балиджанъ, нѣкоторыя пряныя приправы, арбузы и разныхъ породъ дыни и проч.

Лилейныя цвѣты и ароматныя травы, поразительнаго разнообразія, украшаютъ побережье Астрабадскаго Залива.

Изъ полезныхъ растеній тамъ замѣчательны: желтокорень, кожевниное деревцо, бальзаминъ, марена, ночная красавица, салець, мата, шалфей, ромашка, солодковый корень, горчица, хрѣнъ, каперсы, укропъ, анисъ, алтейный корень, червегонъ, или родъ цицварнаго сѣмени, рута, манная трава, хинный корень, бузина, ноготки, мелисса, маіоранъ, ластовенъ, золототысячникъ, дрокъ, жидовскія вишни, ирисъ, венерины волосы и разныя смолы.

Въ вышеупомянутыхъ лѣсахъ водятся: барсы, малая порода медвѣдей съ желтосѣрою шерстью, каракалы, обитающіе болѣе на высотахъ при опушкахъ лѣсовъ, хаусы (*Felis chaus*), родъ дикихъ кошекъ отиѣнно рослыхъ и сильныхъ, собственно дикія кошки, шакалы большими стадами, выдры по берегамъ рыбныхъ рѣчекъ,

барсуки, лисицы, зайцы, куницы, бѣлодушки, дикобразы въ большомъ числѣ живутъ въ глубокихъ норахъ, подъ перешитыми корнями великорослыхъ деревьевъ, хорьки, ласочки, кабаны, водящіяся больше всѣхъ другихъ животныхъ въ камышистыхъ и болотистыхъ мѣстахъ; каменные бараны и туры постоянно пребываютъ на неприступныхъ утесахъ.

Птицъ лѣтомъ бываетъ немного, напротивъ, съ ноября по мартъ Астрабадскій Заливъ и рѣчки, въ него впадающія, покрыты невѣроятномъ множествомъ разнообразнымъ голенастыхъ и водныхъ птицъ, которыя на зиму сюда слетаются. Фазаны, зеленые пѣтушки, двоякаго рода куропатки и другія птицы водятся тамъ круглый годъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ берега этого залива находятся также остатки разрушеннаго дворца шаха Аббаса-Великаго, а именно въ Эшрефѣ, въ 10-ти верстахъ къ юго-западу отъ устья рѣчки Шакла. Онъ славился прежде великолѣніемъ своимъ, и почти всѣ бывшіе послѣ шаха Аббаса, персидскіе государи имѣли тамъ временное свое пребываніе. Дворецъ этотъ состоялъ изъ множества увеселительныхъ замковъ и обширныхъ садовъ, украшенныхъ водопроводами, фонтанами, каскадами и великолѣпными деревьями разнаго рода, какъ-то: лимонными, померанцовыми, кипарисными и смоковичными, изъ которыхъ посажены были цѣлыя аллеи. Сады эти разбросаны были по горамъ и расположены въ азіатскомъ вкусѣ: они были всѣ обнесены каменною стѣною съ башнями, наподобіе крѣпости. Послѣ смерти Надиръ-Шаха сады эти подвержены разоренію и опустошенію; остались только слѣды первобытнаго ихъ состоянія; но и теперь мѣстоположеніе ихъ очаровательно, и съ высшаго сада Сефи-Абада открывается великолѣпный видъ на весь Астрабадскій Заливъ. Подробное описаніе любопытнаго мѣста этого находится въ путешествіяхъ Ганваіа и Гмелина.

Полуостровъ Потемкинъ, защищающій Астрабадскій Заливъ съ морской стороны, беретъ начало свое отъ матераго берега между Кара-Тепе и Фара-абадомъ. Вся длина его составляетъ 40 верстъ, ширина же различна; самая большая находится при выходѣ его отъ матераго берега и содержитъ въ себѣ $1\frac{1}{4}$ версты; но чѣмъ ближе къ концу своему, тѣмъ становится онъ уже, такъ-что близъ самой крайней оконечности его онъ не шире 200 сажень. Сначала

онъ въ западной части своей покрытъ густымъ лѣсомъ, а грунтъ его такой же, какъ на матерой землѣ, т. е. глинистый, смѣшанный съ черноземомъ; а далѣе, къ концу его, онъ состоитъ изъ наносаго съ моря песку съ ракушею, на которомъ взрѣдка только попадаются нѣсколько гранатовыхъ деревьевъ. Тутъ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ вырытые Туркменцами колодцы съ прѣсною водою. На этомъ полуостровѣ водятся кабаны, шакалы, зайцы и особливо выдры въ большомъ количествѣ; а изъ птицъ тамъ находятся такія породы, которымъ болотистыя и камышомъ заросшія мѣста даютъ безопасное пристанище, особливо фазанамъ, ибо кромѣ многихъ болотъ и топей, на немъ имѣющихся, онъ весь окруженъ внутри залива болотистыми, далеко простирающимися, густымъ камышомъ заросшими отмелями, такъ-что въ рѣдкихъ только мѣстахъ гребныя суда могутъ къ нему приставать.

Пройдя крайній конецъ полуострова Потемкина, начинается подводная коса, простирающаяся на $6\frac{1}{2}$ верстѣ, въ видѣ полукруга къ востоку-сѣверо-востоку; потомъ слѣдуетъ незначительный островъ Ашуръ, длиною около версты отъ запада къ востоку, шириною 200 сажень; въ окружности онъ имѣетъ 3200 шаговъ. Островъ Ашуръ низокъ и покрытъ по-большой-части камышомъ; но тамъ находится также нѣсколько гранатовыхъ кустарниковъ и виноградныхъ лозъ. Грунтъ — песокъ, въ которомъ находится прѣсная вода на аршинъ глубины отъ поверхности. На южномъ берегу суда могутъ пристать вплотъ, ибо глубина почти до самаго берега двѣ сажени. Къ востоку отъ этого острова простирается также подводная коса Гаумышъ на $6\frac{1}{2}$ верстѣ; она, подобно первой, покрыта страшными бурунами, которые, при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, уничтожали и отмывали прежде тамъ находящіеся острова Оретосъ и Евгеній, теперь болѣе несуществующіе. На Ашурѣ Туркменцы обыкновенно имѣютъ пристанище свое во время набѣговъ на Персію, и тамъ раздѣляютъ добычу. Другая подводная коса, Чанганъ, находится на южной сторонѣ полуострова Потемкина и простирается на 5 верстѣ прямо къ востоку.

Изъ 30-ти рѣчекъ, впадающихъ въ Астрабадскій Заливъ, одна только, Черная-рѣчка или Кара-су, достойна замѣчанія, потому что она, по увѣренію Персіянъ, составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменцевъ. Она довольно-глубока,

протекаетъ по болотистымъ мѣстамъ, образуетъ большіе лиманы, покрытые густымъ камышомъ, и баркасы или лодки могутъ плыть вверхъ по ней на 3 или 4 версты. Ширина ея при устьѣ отъ 4 до 8 сажень. Другія же рѣчки по-большой-части незамѣчательны; въ лѣтнее время онѣ разливаются по чалтыкамъ или полямъ, засѣян-нымъ сарачинскимъ пшеномъ, и вода въ нихъ считается тогда нездоровою. Вотъ ихъ наименованія, слѣдуя вдоль залива отъ востока къ западу:

- 1) Кара - су.
- 2) Казма - килля.
- 3) Чагыль.
- 4) Багу, съ хорошею водою. Въ эту рѣчку впадаетъ съ лѣвой стороны р. Замзали, съ живописными водопадами въ узкихъ ущельяхъ. Противъ устья р. Багу, находится хорошая якорная стоянка въ верстѣ отъ берега.
- 5) Сердекъ.
- 6) Сермелля.
- 7) Веллафра.
- 8) Геадъ.
- 9) Бечебаги.
- 10) Чебе-кенде.
- 11) Мерзенъ.
- 12) Нау-кенде.
- 13) Неджаръ - Килля.
- 14) Ливанъ.
- 15) Джары или Джеры - Кулбать, (составляющая границу Ма-зандерана).
- 16) Хештеке.
- 17) Галига (при ней бугоръ Гирей-дюгунъ).
- 18) Ширшері - Килля.
- 19) Сургуджу.
- 20) Кари - Килекъ.
- 21) Шакила.
- 22) Мулла - Килля.
- 23) Казма - Килля.
- 24) Кара - Тепе.
- 25) Байрамъ - Али - Киллясы.
- 26) Берди - глычъ - Каланъ.

27) Чарманъ.

28) Кентерханъ.

29) Похлуча.

30) Тирисъ - Кыля.

Въ западной оконечности залива находятся еще незначительные заливы Загамерзъ и Спю-дебендъ.

Англичанинъ Бёрисъ, посѣтившій Астрабадскій Заливъ въ 1833 году, говоритъ, что вода въ немъ прѣсная, присовокупляя, что это происходитъ отъ водъ рѣкъ Гюргени и Атрека, которыя въ немъ разливаются. Онъ весьма ошибся: рѣки эти впадаютъ прямо въ Каспійское Море гораздо выше къ сѣверу отъ залива и вода въ немъ соленая, невзирая на то, что вышеупомянутыя 30 рѣчекъ разливаются въ этомъ заливѣ.

Астрабадскій Заливъ изобилуетъ рыбами разнаго рода, особливо весной. Въ мартѣ, когда тающій на горахъ снѣгъ, съ избыткомъ наполняя протоки залива, заставляетъ ихъ въ большомъ количествѣ выпирать воды свои, рыба стремится, для метанія икры, къ ихъ устьямъ и наполняетъ весь заливъ. Изъ такъ-называемой красной рыбы здѣсь находятся всѣ породы: осетры, бѣлуги, севрюги и шицы; но болѣе всего осетровъ; стерлядей не бываетъ. вмѣстѣ съ красною рыбою вступаетъ черная: сомъ, сазанъ или карпъ, лещъ, судакъ, окунь, лосось и бѣлякъ. Подъ этимъ послѣднимъ наименованіемъ разумѣются породы мелкихъ рыбъ, каковы: вобла, чехонь, плотва, красноперка и проч. Нѣкоторыя изъ черныхъ рыбъ во весь годъ остаются при устьяхъ рѣчекъ, напримѣръ: щука, ершъ, минога, пискари и окунь, въ болотистыхъ разливахъ; караси и въ верховьяхъ притоковъ превосходная форель; остальная же рыба, по мѣрѣ того, какъ дѣйствіями солнечныхъ лучей прибрежная вода начинаетъ нагреваться, постепенно удаляется въ морскую глубь. Кромѣ рыбъ, находятся въ устьяхъ рѣчекъ также раки рѣчные и крупные (крабы) и множество черепахъ.

Рыбная ловля Астрабадскаго Залива принадлежитъ по-большой-части астраханскому 1-й гильдіи купцу изъ Персіянъ Миръ-Абу-талибъ-Миръ-Багиреву, который взялъ отъ персидскаго правительства на откупъ рыбный промыселъ вдоль почти всего южнаго берега Каспійскаго Моря, и получаетъ отъ этого огромные барыши. Онъ употребляетъ нѣсколько шкоутовъ, построенныхъ въ Астра-

хани и Казани; на нихъ находятся русскіе лодчана и матросы, потому-что Персіане имѣютъ вообще большое отвращеніе къ морю. Весьма желательно было бы, чтобъ промыслъ этотъ находился въ рукахъ русскихъ купцовъ, а не Персіянина, который худо содержитъ людей и нерѣдко стѣсняетъ русскихъ купцовъ, ловящихъ въ сосѣдствѣ или въ водахъ, принадлежащихъ Туркмендамъ.

Климатъ Астрабадскаго Залива имѣетъ преимущество передъ всѣми другими рейдами и гаванями, находящимися на южномъ берегу Каспійскаго Моря. Во время пребыванія нашего въ немъ отъ 2-го іюня до 11-го іюля, жары были столь умѣренны, что никогда не превышали 20° до 21° Реомюра, и ни одинъ изъ людей экипажа не заболѣлъ опасно, хотя большая часть ихъ жили на берегу, занимаясь безпрестанно рубкою лѣса, перевозкой бочекъ съ прѣсною водою и другими тяжелыми работами, къ чему, однакожъ, споспѣшествовало и хорошее содержаніе ихъ; ибо команда была непрерывно довольствована свѣжимъ мясомъ, сарачинскимъ пшеномъ и разными огородными овощами. Осень и зима уподобляются здѣсь по-большей-части пріятный веснѣ, вмѣсто того, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ, на персидскомъ берегу лежащихъ, въ это время года льютъ дожди, при сильныхъ буряхъ, по цѣлому мѣсяцу. Наблюденія, сдѣланныя во время пребыванія русской эскадры въ 1781 — 1782 годахъ въ здѣшнемъ заливѣ, подъ начальствомъ графа Войновича, подтверждаютъ вышесказанное. Обыкновенныя по всѣмъ приморскимъ персидскимъ провинціямъ, а особливо въ Гилянѣ и Мазандеранѣ, осеннія горячки и лихорадки почти совсѣмъ здѣсь не были примѣченны; кровавые же поносы нѣкоторыхъ солдатъ и матросовъ происходили не отъ качества здѣшняго воздуха а отъ неумѣреннаго употребленія разнаго рода плодовъ, которые всегда вредны, если не употребляются съ должною осторожностью и надлежащимъ разбирательствомъ ихъ зрѣлости.

Что касается до вѣтровъ, господствующихъ въ здѣшнемъ заливѣ, то, начиная съ апрѣля, почти до ноября обыкновеннѣйшіе (соотвѣтственно мѣстоположенію матераго берега): днемъ сѣверные, сѣверо-западные и западные, ночью южные, т. е. днемъ съ моря, а ночью съ берега; порядокъ этотъ нрѣдка только измѣняется. Потомъ начинаются непокоянные вѣтры, между которыми чаще, свирѣпѣе и продолжительнѣе всѣхъ западный; ибо въ зимніе

мѣсяцы господствуютъ на Каспійскомъ Морѣ по-большей-части сѣверныя и сѣверо-западныя бури; а какъ горы, простирающіяся отъ запада къ востоку вдоль всего южнаго берега, препятствуютъ ихъ стремленію, то они по этой причинѣ перемѣняютъ направленіе свое и дуютъ параллельно съ берегомъ. Западные вѣтры и въ другія времена гота нарушаютъ порядокъ дневнаго и ночнаго вѣтра, потому-что они происходятъ черезъ отраженія сѣверныхъ вѣтровъ, первенствующихъ на Каспійскомъ Морѣ. Изъ другихъ же непостоянныхъ вѣтровъ самый рѣдкій — восточный, и время, въ которое онъ случается, бываетъ по-большей-части подъ исходъ зимы, а еще рѣже того примѣтенъ настоящій южный, или такъ-называемый теплый вѣтеръ, который дуетъ черезъ всѣ горы; воздухъ становится тогда такъ густъ, что трудно дышать и повсюду распространяется запахъ гари; къ счастью, вѣтеръ этотъ рѣдко продолжается болѣе 24 часовъ. Каждый изъ упомянутыхъ вѣтровъ дѣлаетъ перемѣну и въ самой погодѣ. Во все время, пока продолжаются періодическіе вѣтры, дни ясны; но собирающіеся на горахъ пары нерѣдко обращаются ночью въ дождь, который вмѣстѣ съ береговымъ вѣтромъ въ лѣтнее время прохладждаетъ воздухъ. Западные вѣтры, вѣющіе черезъ все пространство моря и уносящіе съ собою множество исходящей изъ него влажности, приносятъ во всѣ почти времена года мрачную и ненастную погоду, а восточные и сѣверо-восточные, проходя черезъ обширныя туркменскія степи — всегда ясную, сухую погоду; и какъ въ этихъ степяхъ зимою выпадаетъ много снѣгу, то воздухъ въ это время бываетъ отмѣнно-холоденъ.

Убываніе воды въ Астрабадскомъ Заливѣ можно замѣтить весьма ясно вдоль берега: гдѣ прежде было дво морское, теперь тамъ сухо и море отступило по-крайней-мѣрѣ на 20 сажень. Жители увѣряли насъ, что море при рѣкѣ Галига, 36 лѣтъ тому назадъ, простиралось тамъ до бугра Гирей-дюгунъ, находящагося теперь болѣе 150 сажень отъ нынѣшняго берега; и вообще вездѣ можно примѣтить подобное отступленіе моря.

Сверхъ выгодъ и преимуществъ, которыми Астрабадскій Заливъ одаренъ природою со стороны физическаго его положенія, остается еще повторить, что онъ для торговли заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя удобства; особливо по выгодному положенію г. Астрабада, лежащаго между Хивою, Бухарою, Туркестаномъ, Афганиста-

номъ и собственными персидскими провинціями. Главные города этого государства имѣютъ прямыя сообщенія съ Астрабадомъ. До Испагана считается отсюда менѣе мѣсяца караваннаго хода черезъ Наукендъ, Эшрефъ, Саръ (по дорогѣ, устроенной еще Аббасомъ-Великимъ), ущелья Тиларъ (Дадукъ) пересѣкающія цѣпь Албураскихъ Горъ, Тегеранъ, Кумъ и Кашанъ. До Герата (700 верстъ) дорога ведетъ черезъ Кучанъ или Кабушанъ и Мешедъ. До Бухары (18 дней) черезъ Кучанъ, Мешедъ и Шерекъ. До Хивы (14 дней) черезъ Туркменскую Стѣну.

Изъ этого слѣдуетъ, что Астрабадскій Заливъ по всѣмъ отношеніямъ можетъ похвастаться первенствующею по Каспійскомъ Морѣ гаванью, и что онъ, по своему мѣстоположенію и естественнымъ выгодамъ своимъ, болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ способствуетъ къ распространенію русской торговли.

АСТРАБАДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Область эта, часть древней Гирканіи, простирается отъ рѣчки Джери-Кулбадъ съ запада до Финдериска къ востоку на 100 верстъ. Къ сѣверу предѣлы ея р. Гюргень и Астрабадскій Заливъ. Верхняя или южная часть гориста и покрыта дремучими лѣсами; сѣверная или нижняя часть содержитъ многія топкія и болотистыя мѣста, между которыми находятся отличныя земли для хлѣбопашества и садоводства, равно и тучныя пастбища. Климатъ, почва земли и произведенія не имѣютъ разницы съ мазандеранскими. Область эта раздѣляется на 8 уѣздовъ или магаловъ, именно:

- 1) Энезанъ, съ главнымъ мѣстомъ Наукендѣ.
- 2) Седемъ-Рустакъ, съ мѣстечкомъ Курдъ-Мегеллѣ.
- 3) Астрабадъ, съ городомъ Астрабадъ.
- 4) Астрабадъ-Рустакъ съ мѣстечкомъ Миръ-Мегеллѣ.
- 5) Кіетулъ съ мѣстечкомъ Гену.
- 6) Финдерискъ съ селеніемъ Намтелу.
- 7) Френгу-Фарсіанъ съ селеніемъ Френгъ.

Астрабадъ лежитъ въ 25-ти верстахъ отъ устья рѣчки Кара-су, въ серединѣ болотистой равнины и недалеко отъ сѣверной покатоности горъ Сандукъ. Онъ обнесенъ глиняной съ башнями стѣною въ два аршина толщины и 2½ сажени вышины, мѣстами обвѣнчанъ, съ сухимъ, довольно-глубокимъ ровомъ, который во всякое

время можетъ быть наполненъ водою. На стѣнахъ устроены ружейныя бойницы. Съ южной стороны города есть высота, командующая городомъ. Городъ имѣеть около 3,000 дворовъ; построенъ, какъ всѣ селенія и мѣста Мазандерана; дома по-большой-части разбросаны и будто-бы скрыты между платанами, кипарисами, дубами и другими деревьями. По причинѣ влажности климата, стѣны садовъ покрыты сверху рогожами; на нихъ засѣяны цвѣты и другія растенія, которыя тамъ вкоренились, растутъ и сохраняютъ стѣны отъ дѣйствія сильныхъ дождей. Астрабадъ родина нынѣшней династїи Персїа (Каджаровъ), но незначителенъ теперь ни торговлей, ни населенїемъ. Лучшимъ доказательствомъ служить то, что прежде былъ онъ резиденціею одного изъ шахъ-заде, или царевичей, а теперь живетъ въ немъ просто ханъ-правитель. Но, несмотря на то, каспійская наша торговля, производимая вдоль южнаго берега моря, гдѣ нѣтъ ни одной порядочной якорной стоянки (кромѣ энзелинской бухты), рано или поздно, непременно должна сосредоточиться въ Астрабадскомъ Заливѣ, отъ котораго, какъ выше сказано, городъ отстоитъ только въ 25-ти верстахъ. Онъ лежитъ въ плодоноснѣйшей области, съ избыткомъ производящей разныя статьи торговли, какъ-то: хлопчатую бумагу, разныя масла, красильные и аптекарскія матеріалы, мебельный корабельный лѣсъ и проч.; сверхъ-того, онъ находится въ центрѣ, съ одной стороны обширной Туркменїи и государствъ средней Азіи, и богатыхъ персидскихъ провинцій со стороны другой. Однакожь, покуда Персїа остается въ нынѣшнемъ своемъ положенїи и не обращаетъ никакого вниманія на развитіе своей промышленности и на водвореніе спокойствія въ Хорасанѣ и смежной съ нимъ Туркменїи, ни одинъ русскій промышленникъ не отважится поселиться въ Астрабадѣ.

Главнѣйшія селенія этой области:

а) Вдоль Астрабадскаго Залива:

Курдъ-Мегеллѣ. Оно состоитъ изъ пяти деревень разбросанныхъ въ лѣсу:

Тузъ-Колши	} всего около 2,500 домовъ.
Балбулюка	
Волугуза	
Андагасара	
Соликантъ	

Вагу съ противоположнымъ селеніемъ Каркенде, съ 400 дворами.

Наукенде въ 1,000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу.

Всѣ селенія Астрабадской Области, какъ вообще Мазандерана и Гилана, занимаютъ большое пространство; они какъ-будто скрыты въ густомъ лѣсу и окружены садами, огородами и полями.

б) Къ востоку отъ Астрабада Федерискъ или Финдерискъ, окружено дремучими лѣсами и болотами. Селеніе это не имѣетъ болѣе 150-ти дворовъ.

По другимъ свидѣніямъ, селеніе Писсерукъ съ окрестностями также принадлежитъ еще къ Астрабадской Области.

Селенія Гену, Миръ-Мегеллѣ, Намтелу и Френгъ расположены по сѣверной покатости горъ Сандукъ, отрасли Албурскихъ Горъ. Они незначительны и всѣ разбросаны по лѣсамъ.

Число всѣхъ селеній простирается болѣе 100; всѣ они расположены возлѣ Астрабадскаго Залива, находятся въ 3-хъ, 4-хъ и 6-ти верстахъ отъ морскаго берега, равно и въ горахъ и ущельяхъ.

Народонаселеніе Астрабадской Области незначительно, по разсказамъ Персіанъ; оно не превышаетъ 80 тысячъ жителей. Чума, свирѣпствовавшая тамъ въ 1831—1832 годахъ опустошила страну эту; и до-сихъ-поръ она еще не поправилась. Здѣшніе поселане живутъ въ жестокомъ угнетеніи. Часть деревень пожалована въ пожизненное владѣніе ханамъ и бекамъ, а остальная принадлежитъ правительству. Обыватели тѣхъ и другихъ платятъ тяжкія подати. Кромѣ работъ на бековъ, поселане платятъ съ каждаго дома одну пятую долю съ жатвы сарачинскаго пшена, десятую долю пшеницы, 15-ю часть шелку, отъ 3-хъ до 6-ти реаловъ деньгами (реаль = 25 копеекъ серебромъ), и пошлину за каждую голову рогатаго скота. На нихъ возложены, кромѣ того, слѣдующія повинности: 1) на случай движенія военнаго отряда, съ жителей собирается продовольствіе; 2) поселане должны угощать и дарить проѣзжающихъ чиновниковъ; 3) на время военныхъ дѣйствій изъ 20 человекъ даютъ одного пѣшеходца, котораго должны снарядить на свой счетъ. Изъ каджарской милиціи Кіетуль и Финдерискъ даютъ 1,000 человекъ войска, Гезаръ Джерибъ 1,000 человекъ, Энезанъ 500 человекъ.

Астрабадская Область не вноситъ ничего въ казну; всѣ доходы употребляются въ самой области.

ГОРНАЯ ДОРОГА ОТЪ АСТРАБАДА ЧЕРЕЗЪ ХРЕБЕТЪ АЛБУРЗА ДО ШАРУДА.

(90 верстъ).

Двѣ горныя дороги ведутъ изъ Астрабада въ Шарудъ, лежащій на 3,414 парижскихъ футовъ надъ поверхностью моря. Первая названа Раги-Кузлукъ, длиною 18 ферсенговъ, считая тутъ всѣ извилистыя подъемы; она ровнѣе и удобнѣе второй, но зато подвержена нападеніямъ со стороны Туркменцевъ, и потому выбираютъ обыкновенно вторую дорогу, Раги-Зіаретъ, которая безопасна и короче первой; она длиною 13 ферсенговъ; однакожь первая половина ея весьма крута и трудна для проѣзда. Обѣ дороги соединяются около 30 верстъ, непоходя Шаруда.

1-й переходъ. — Селеніе Зіаретъ (8 ферсенг. 18 верстъ). — Оставляя городъ Астрабадъ, путь ведетъ прямо къ югу по живописнымъ покатосямъ, входитъ въ ущелье, по которому течетъ горный протокъ Чегелъ-о-Чегаръ (Tsheher-o-Tshehar) т. е. сорокъ четыре, потому что столько разъ надобно переходить черезъ него на пути до селенія Зіарета. Великолѣпныя лѣса покрываютъ обѣ стороны долины и тѣнь деревьевъ защищаетъ путника отъ палящаго солнца, который, послѣ 15-ти верстъ труднаго и утомительнаго подъема, достигаетъ селенія Зіаретъ съ 30-ю деревянными домами, живописно расположенными на возвышеніи. У подошвы холма находится кладбище съ гробницею одного Имамъ-Заде. Эта долина орошена горнымъ протокомъ съ чистою водою, а по обѣимъ сторонамъ поднимаются еще высокія горы, сплошь покрытыя лѣсомъ. Здѣсь свѣжій и чистый воздухъ замѣняетъ облачное и туманное небо прибрежья Каспія.

2-й переходъ. — Гефъ-Чешмѣ (4 ферсенга 24 версты). — Въ трехъ верстахъ отъ Зіарета начинается крутой подъемъ черезъ главный хребетъ Албурза. Путь этотъ такъ извилистъ, что жители считаютъ 15 верстъ отъ начала подъема черезъ перевалъ (Котулъ) до конца спуска. Дорога глинистая и въ дурную погоду лошаки съ трудомъ проходятъ черезъ грязь и тонкія мѣста, а въ сухое время года перевозятъ артиллерию. На пути четыре родника съ отличною водою: Шербетъ, Сіа-Хани, Талу и Куръ-Чешмѣ; возлѣ перваго находятся двѣ скалы, изъ которыхъ одна на-

звана Тахтъ-и-Омаръ, т. е. тронъ Омара, ибо преданіе говоритъ будто-бы калифъ Омаръ, во время завоеванія здѣшняго края, сѣлъ на ней и пустилъ стрѣлу въ другую скалу. Показываютъ даже знаки, оставленные стрѣлами въ скалѣ, хотя Омаръ никогда здѣсь не бывалъ. Лѣсъ продолжается до самаго перевала, или Котула, съ высоты котораго взоръ, обращенный къ сѣверу и внизъ, обнимаетъ необозримые дикіе лѣса и за ними пустыню, а при ясной погодѣ видно Каспійское Море. Къ югу подымается вторая цѣпь горъ, равной высоты съ главною, но она ужь безлѣсна и бесплодна, а въ оврагахъ лежитъ снѣгъ все лѣто. Отъ послѣдняго родника у подошвы перевала дорога спускается вдоль ручья, который течетъ съ сѣверо-востока. Противъ перевала и на высотахъ расположены два селенія; далѣе пяти верстъ есть хуторъ Джиленъ-биленъ, и полторы версты ниже, обѣ упомянутыя дороги соединяются. Долина сначала камениста, но отлога: въ ней находятся семь родниковъ или Геотъ-Чешмѣ (Heft-Teheschmé), при которыхъ встрѣчается отличный подоживный кормъ.

3-й переходъ Городокъ Шарудъ (8 ферсенговъ, 48 верстъ).— Дорога ровная съ однимъ только незначительнымъ, но крутымъ подъемомъ; здѣсь она достигла уже плоской возвышенности Ирака, и хорошая вода — рѣдкость. Послѣ 12 верстъ вѣды, путь ведетъ мимо селенія Таушъ съ 15-ю домами, а 24 версты далѣе онъ проходитъ черезъ селеніе Никарменъ. Селеній вообще здѣсь много, и только Илоты кочуютъ въ окрестностяхъ. Городъ Бастамъ остается на 4 версты лѣвѣе отъ дороги, которая прямо ведетъ въ Шарудъ, пересѣкая рядъ голыхъ, бесплодныхъ возвышеній.

Корпуса Топографовъ штабсъ-капитанъ Леммъ поѣхалъ въ 1839 году изъ Шаруда въ Астрабадъ по кузлукской дорогѣ, и направилъ путь свой черезъ Бастамъ, главный хребетъ Албурзскихъ Горъ, селеніе Шаміано, Таджекъ и Кузлукъ, для опредѣленія широты и долготы Шаруда, Бастама, Таджеса и Астрабада; но подробный его маршрутъ не былъ мнѣ сообщенъ; однакожъ, по картѣ, составленной этимъ офицеромъ еще во время пребыванія его въ Персіи, разстояніе между Шарудомъ и Астрабадомъ по кузлукской дорогѣ не болѣе 65-ти или 70 верстъ и, слѣдовательно, разнится съ вышеозначеннымъ числомъ верстъ.

**ПОПЕРЕЧНАЯ ГОРНАЯ ДОРОГА ОТЪ ЧЕШМЕ-АЛИ ЧЕРЕЗЪ ГЛАВНЬЙ
ХРЕБЕТЪ АЛБУРГА ВЪ ГОРОДЪ АСТРАБАДЪ.**

При описаніи Хорасана слѣдуютъ подробности о горной хорасанской дорогѣ, ведущей изъ Тегерана въ Чешме-али и далѣе, до Шаруда; а какъ отъ Чешме-али горная тропинка пересѣкаетъ главный хребетъ и ведетъ въ Астрабадъ, то не излишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь объ этомъ пути и тѣмъ кончить обзоръніе Астрабадской Области.

1-й переходъ. Долина Саверъ (40 верстъ). — Въ полтора ферсенга (9 верстъ) отъ Чешме-али иhalbwegs отъ дороги находится селеніе Келатѣ, потомъ путь поворачиваетъ къ сѣверу и входитъ въ равнину, частью обработанную. Направо и при самыхъ горахъ расположено большое селеніе Чеаръ-дѣ, окруженное рощею; за нимъ слѣдуетъ селеніе Товѣ, лежащее на высотѣ при входѣ въ ущелье горъ. Есть еще другая дорога черезъ вершины горъ и мимо Чешме-бадъ или ключъ вѣтра, о которомъ Персіане говорятъ, что если кто-нибудь загрязнитъ воду этого ключа, то тотчасъ подымается жестокая буря и продолжается до тѣхъ-поръ, покуда опять ее вычистятъ.

При выходѣ изъ селенія Товѣ, дорога ведетъ по горамъ до знаменитаго и труднопроходимаго ущелья, названнаго Персіанами Тенгъ-Шемширъ-Боръ, т. е. проходъ, высѣченнѣй мечомъ, ибо преданіе говоритъ, что Али пересѣкъ здѣсь гору пополамъ однимъ ударомъ своего меча. Промежутокъ между обѣими скалами имѣетъ только отъ 8-ми до 10-ти футовъ, а самая скала подымается отвѣсно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность ихъ такъ гладка, какъ-будто проходъ этотъ сдѣланъ человѣческими руками; онъ имѣетъ 120 шаговъ длины, и сѣверный выходъ прохода образуетъ натуральныя ворота въ 5-ть футовъ отверстія. Спускъ изъ этого ущелья къ югу чрезвычайно труденъ для вьючнаго скота, особливо для верблюдовъ, а всадники лошадей своихъ должны вести, сами же идти пѣшкомъ. Въ трехъ верстахъ далѣе прохода встрѣчается другой проходъ, еще труднѣе перваго, хотя онъ имѣетъ только 29-ть шаговъ длины; онъ пролегаетъ по скользкой скалѣ, черезъ которую течетъ ручей; можно обойти его, переправляясь черезъ крутыя высоты, но почти всегда выбираютъ упомянутый проходъ.

который прекращаетъ путь. Северъ ничто иное, какъ высокая горная долина въ три версты длины и двѣ версты ширины, гдѣ покойный Фетхъ-Али-Шахъ стоялъ лагеремъ во время хорасанскаго похода, въ 1815 году.

Городъ Астрабадъ (30 верстъ).—Горы, окружающія Северскую Долину, покрыты соснами, толщина которыхъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ дорога подымается; между ними есть дубъ и чинаръ. Высочайшая вершина цѣпи горъ, на пути въ Астрабадъ, названа Джеанъ-Нюма (Djehan-Numa), т. е. слово-въ-слово косморама, отъ огромнаго пространства, обнимаемаго взоромъ съ этой вершины; но густой туманъ (мей) покрываетъ ее почти непрерывно, такъ-что весьма рѣдко можно обозрѣть оттуда Астрабадскую Область и Каспійское Море.

По мѣрѣ того, какъ дорога подымается на гору Джеанъ-Нема, страна принимаетъ живописный видъ: деревья дѣлаются красивѣе и толщина ихъ увеличивается; возвышенія и долины слѣдуютъ другъ за другомъ, и вообще страна похожа на англійскій паркъ. Послѣ 3-хъ часовъ ѣзды, встрѣчается узкое ущелье между двумя скалами — единственный входъ изъ Хорасана въ побережье Каспія, и названъ по этой причинѣ Дервазѣ, т. е. ворота. Тамъ обыкновенно находится стража изъ 10-ти и 20-ти Мавандеранцевъ, которыхъ достаточно для защиты этого прохода. При выходѣ изъ него начинается спускъ по лѣсистымъ покатолямъ главной цѣпи горъ, отдѣляющихъ побережье Каспія и Туркменію отъ Хорасана. Деревья въ лѣсахъ достигаютъ здѣсь удивительной высоты. Букъ, дубъ, ясеня, ольха, клѣнъ, чинаръ, лиственница и проч. растутъ превосходнаго качества. Всѣ пронасти сплошь покрыты деревьями, исключая двухъ отвѣсныхъ горъ, бѣлыя скалы которыхъ показываются въ промежуткахъ лѣса. Дорога здѣсь самая трудная; грунтъ земли всегда грязенъ и мокръ, и состоитъ то изъ тонкихъ мѣотъ, то изъ мягкихъ камней, или скользкихъ скалъ. Недалеко отъ Дервазѣ есть другой проходъ — Сандукъ, т. е. труба, который даетъ названіе свое цѣлой массѣ горъ, и здѣсь-то дорога самая дурная; она состоитъ изъ непрерывнаго ряда скользкихъ и острыхъ скалъ, въ серединѣ которыхъ пролегалъ тропинка столь узкая, что вьючный скотъ съ трудомъ можетъ проходить; одиѣ здѣшнія лошади могутъ пробираться по этимъ дорогамъ; другія же сломали бы себѣ ноги. Путники должны слѣзать съ лошадей и на-

добно употребить почти четыре часа ѣзды, чтобъ спуститься въ Астрабадскую Равнину.

Разсказъ Полибія о походѣ Антиоха-Великаго отъ Гекатомполиса въ Гирканію соотвѣтствуетъ съ такою точностью странѣ, нами описанной, особливо относительно спуска съ горъ въ Астрабадскую Равнину, что, вѣроятно, это тотъ самый путь, который описанъ Полибіемъ. Въ этомъ предположеніи гора Сандукъ была бы Лабутасъ греческаго историка, городъ Астрабадъ занималъ бы мѣсто древняго Тамбракуса и страна, орошенная рѣкою Гюргенемъ была бы древняя Гирканія Грековъ *). Другіе писатели, напротивъ, полагаютъ, что упомянутый переходъ совершился болѣе къ западу, и именно, отъ Таука (Тагае) черезъ Тамбрака въ Сари (Сугіпх).

Съ нѣсколькихъ точекъ горъ Сандукъ можно обозрѣть Астрабадскій Заливъ, часть Каспійскаго Моря и Туркменской Пустыни (Дештъ и Кипчакъ).

Въ Астрабадской Равнинѣ исчезаетъ прозябаніе холоднаго климата Албурскихъ Горъ. Здѣсь растутъ фруктовыя деревья всякаго рода, встрѣчаются померанцовыя рощи и огромныя виноградныя лозы. Послѣ двухъ часовъ ѣзды по болотистымъ дорогамъ и часто по узкимъ тропинкамъ черезъ густыя кустарники (Джангалъ) и обработанныя поля, путникъ приближается къ Астрабаду, не доходя котораго онъ достигаетъ остатковъ каменнаго шоссе (кеіабанъ), построеннаго Аббасомъ-Великимъ.

*) Полибія. Книга X, 24.

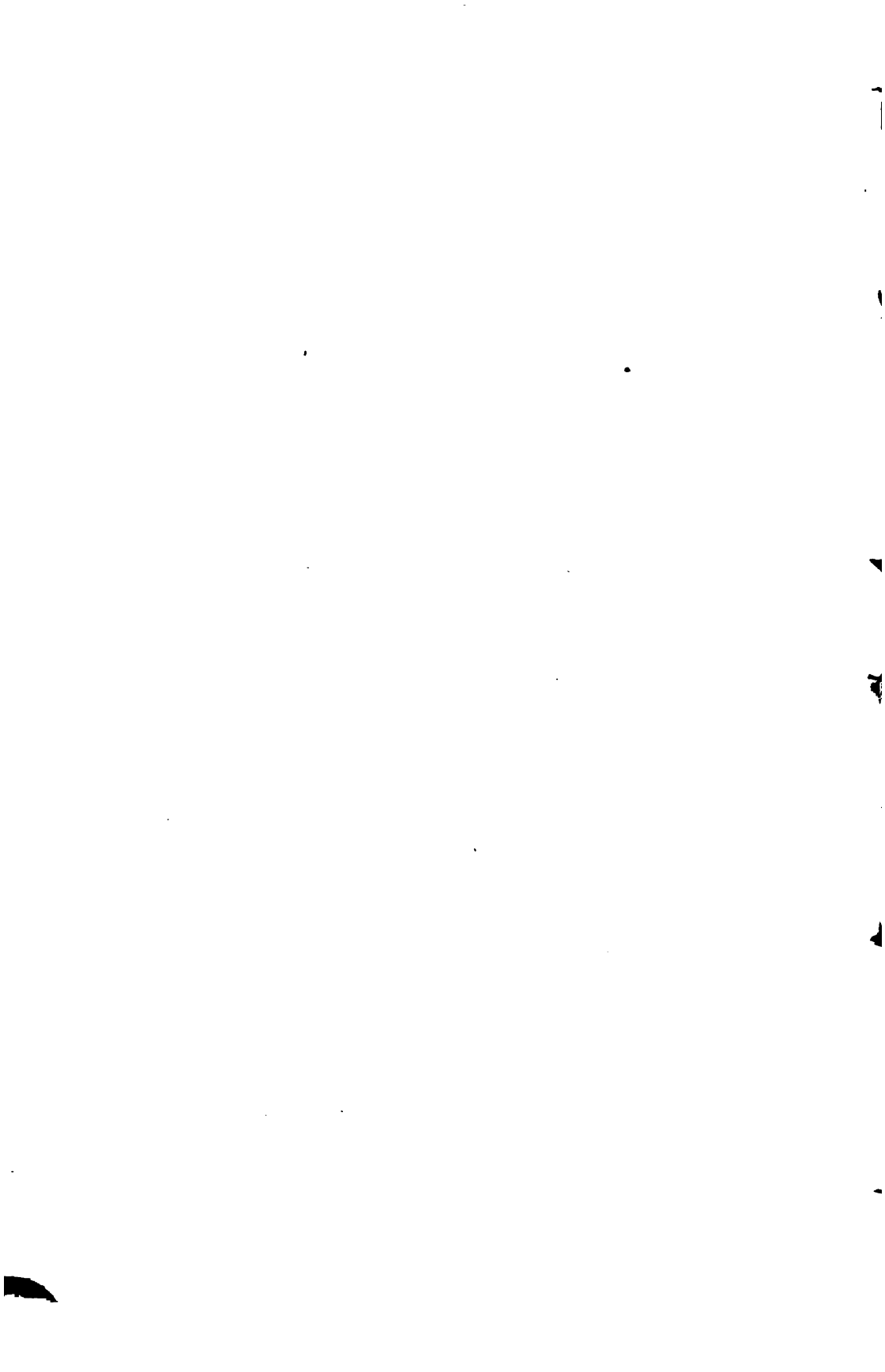

ГОРА ДЕНАВЕНДЪ

СЪ ЕЯ

ОКРЕСНОСТЯМИ.

ГОРА ДЕМАВЕНДЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Группа горъ исполинскаго Демавенда (*Jasónium* древнихъ) представляетъ высоту своею, вѣчнымъ снѣгомъ покрытою, также и вулканическимъ своимъ происхожденіемъ, естественный раздѣлъ между западомъ и востокомъ сѣверной каймы Ирана и находится почти въ серединѣ цѣпи Албураскихъ Горъ. Демавендъ достоинъ особеннаго вниманія и по образованію своему, и потому еще, что древняя и новая столица Персія (Рей и Тегеранъ) расположены у южной подошвы горъ, окружающихъ его.

Съ востока пикъ этотъ издалека не замѣтенъ, потому-что другія цѣпи горъ заслоняютъ его съ этой стороны. Съ сѣвера, особливо съ Каспійскаго Моря, онъ и цѣлая цѣпь горъ, окружающихъ его, видны весьма издалека, отъ Ленгеруда въ Гиланъ до Барфруша и далѣе. Съ юга, отъ плоской возвышенности Ирака, онъ видѣнъ, при ясной погодѣ, даже съ Кухруда, а съ Кума и Кашана я неоднократно видѣлъ и опредѣлилъ положеніе его, хотя онъ отъ послѣдняго города отдаленъ на 200 верстъ. Плоская возвышенность Ирака имѣетъ отъ 3,500 до 4,000 футовъ высоты надъ моремъ, а демавендскій пикъ возвышается еще надъ нею на 10 тысячъ и болѣе футовъ. У подошвы юго-восточнаго его предгорья разбросаны развалины древняго Реія (*Rhaiae*), а десять верстъ западнѣе находится Тегеранъ, нынѣшняя столица Персія, расположенный въ серединѣ каменистой и безплодной равнинѣ, ибо каждыя изъ его пяти верстъ ведутъ къ пустынѣ (Сахаръ) или да-

же къ началу соленой пустыни (Кабиру). Только къ сѣверу отъ города поднимаются Албураскія Горы и предгорія Демавенда, которыя вообще голы и неплодны, но въ ихъ ущельяхъ и долинахъ находятся очаровательныя мѣста и многочисленныя селенія. Особенно окрестности Шемруна изобилуютъ селеніями и садами, и жители Тегерана, оставая душный и вредный воздухъ города, проводятъ здѣсь лѣто. Покойный Фетхъ-Али-Шахъ также часто проводилъ лѣто въ этихъ горахъ и преимущественно поблизости горы Демавенда, въ Баги-Земурудъ.

Городъ Демавендъ лежитъ на юго-восточной сторонѣ горы того же имени и въ двухъ переходахъ къ сѣверо-востоку отъ Тегерана. Дорога туда ведетъ черезъ рѣчку Джаджерудъ, мимо каравансерад, лежащаго 4,298 парижскихъ футовъ выше моря, въ селеніе Бумениъ и Баги-Земурудъ. Далѣе путь поворачиваетъ къ сѣверу, въ живописное ущелье, гдѣ горы уступами спускаются съ сѣвера къ югу и образуютъ горную долину, шириною въ шесть, длиною въ четыре версты. Тутъ расположенъ городъ Демавендъ, 5,629 парижскихъ футовъ выше моря, т. е. почти выше всѣхъ селеній на швейцарскихъ Альпахъ, и окруженъ десятью селеніями, разбросанными живописными группами по долинамъ. Два горные протока текутъ съ сѣжныхъ горъ, соединяются, освѣжаютъ и оплодотворяютъ ее. Дома города Демавенда построены въ тѣни тополей, ивъ, орѣховыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ; ихъ считаютъ до 500. Жители частью переведены сюда изъ Кермана свирѣпнымъ Ага-Мухаммедъ-Ханомъ.

Здѣшній климатъ одинъ изъ лучшихъ въ Персіи; лѣтомъ жары умѣренны и не превышаютъ 22° Реомюра; небо всегда чисто и ясно; окрестности очаровательны и изобилуютъ дичью разнаго рода. Самый городъ одинъ изъ древнѣйшихъ Персіи, и здѣсь-то жители празднуютъ еще и нынѣ, въ концѣ августа, одинъ изъ праздниковъ древняго Ирана, т. е. смерть Зогака (Zohak). Преданіе говоритъ, что въ послѣдній день августа извергъ этотъ былъ убитъ; оно прибавляетъ еще, что изъ его плечъ выросли двѣ змѣи, которыя ежедневно питались мозгомъ двухъ человѣкъ, доставляемыхъ имъ народомъ. Зогакъ жилъ на горѣ Демавендѣ и былъ убитъ наконецъ Феридуномъ. Молодой герой этотъ, отправляясь на гору, общалъ, при удачѣ предпріятія своего, зажечь огонь на вершинѣ горъ; отчего и нынѣ въ этотъ день жители Демавен-

да зажигаютъ вездѣ радостные огни, и праздникъ этотъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воспоминаній древняго времени.

Гора Демавендъ была изслѣдована многими путешественниками, а въ 1837 году Англичанинъ Тейлоръ-Томсонъ достигъ почти ея вершины. Она вулканическаго происхожденія и въ допотопныя времена извергала огонь. Вершины горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, но не вездѣ: причина этому и крутость скалъ и теплая температура ея. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше города Демавенда находится родъ альпійскаго озера, въ получасъ окружности, происходящаго отъ таянія снѣга; оно окружено высокими скалами, весьма глубоко и вода холодна какъ ледъ. Тамъ находятся также и горячія сѣрные воды, которыми пользуются ежегодно много больныхъ.

Оливье, посѣтившій гору эту еще въ 1798 году, нашелъ на пути множество кусковъ лавы, и на третьей части высоты горы огромныя массы базальта въ довольно-правильныхъ пятиугольныхъ колоннахъ, а выше—гранитъ. Томсонъ началъ поѣздки свою изъ селенія Азека, лежащаго на сѣверъ отъ города Демавенда и къ сѣверо-востоку отъ горы того же имени. Первый день онъ шелъ до сел. Гербмабъ (теплыя воды), лежащаго на южной покатости горы, на 6,286 парижскихъ футовъ выше моря. Здѣсь находятся тѣ горячія сѣрные воды, отъ которыхъ селеніе это получило названіе свое. Температура самаго горячаго изъ этихъ ключей была, по наблюденіямъ Томсона, $51\frac{1}{2}^{\circ}$ Реомюра. Только на четвертый день путешественникъ и проводники его достигли почти до вершины и ночевали въ сѣрной пещерѣ, гдѣ жара была почти нестерпима; дно ея было покрыто горячимъ пепломъ, а изъ трещинъ пещеры выходилъ такой горячій воздухъ, что къ нимъ нельзя было приблизиться. Сильный сѣрный запахъ много беспокоилъ Томсона во время ночи, и причинялъ головную боль и дурноту. Холодъ внѣ пещеры на открытомъ воздухѣ былъ жестокой, тѣмъ болѣе, что дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Высота Демавенда считается 13,793 парижскихъ футовъ надъ моремъ, слѣдовательно, она почти одинаковой величины съ Монбланомъ. Около вершины ея жители собираютъ чистую сѣру въ большомъ количествѣ, и отсюда весь Иракъ снабжается сѣрою. Сѣрная, жерло-подобная вершина демавендскаго пика, горячіе пары, поднимающіяся изъ нея, теплые ключи, вытекающіе изъ ея боковъ, наконецъ базальтовыя

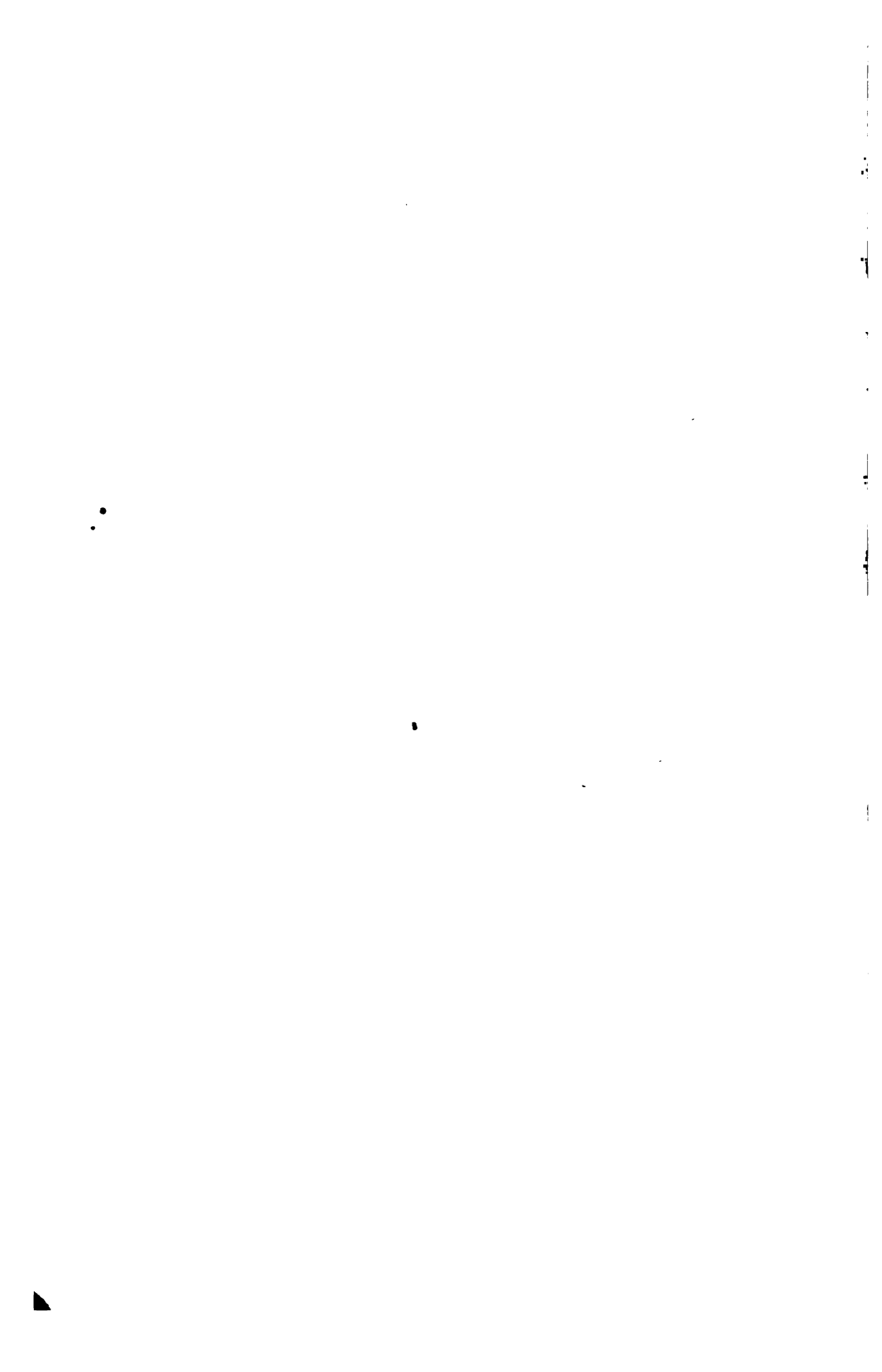
скалы и частія землетрясенія, которымъ подвержены окрестности, доказываютъ вулканическое свойство Демавенда. Огонь дѣйствуетъ еще внутри горы и, можетъ-быть, когда-нибудь опять извергнется.

По изслѣдованіямъ Томсона, горячіе ключи существуютъ не только въ Гермабѣ, но и ниже, въ Азекѣ ихъ множество, хотя съ меньшею теплою, нежели въ Гермабѣ. Отъ Азека до Гермаба гора Демавендъ состоитъ изъ известковаго туфа; вадъ нимъ показываются известковыя скалы на 938 футовъ вышины, пересѣченныя большими пластами каменнаго угля, за нимъ опять известковый камень на 1,125 футовъ вышины, потомъ зеленоватый гранитъ съ желѣзнякомъ и, наконецъ, около вершины, чистая сѣра. Демавендскій каменный уголь употребляется теперь въ тегеранскихъ арсеналахъ.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о городѣ Демавендѣ и его окрестностяхъ находятся въ путешествіи Морьера част. II, стр. 323—335.

ХОРАСАНЪ.

ХОРАСАНЪ.

Хорасанъ, страна Востока, отъ фарсискаго слова хоръ—солнце, составляетъ въ-самомъ-дѣлѣ восточную часть Персидскаго Государства, и названіе его имѣетъ неопредѣленное значеніе. По мнѣнію персидскихъ географовъ, оно привалезитъ всѣмъ странамъ, лежащимъ между правымъ берегомъ рѣки Инда, лѣвымъ берегомъ рѣки Оксуса и южными предѣлами Езды; и дѣйствительно, во время царствованія Надиръ-Шаха, послѣднія рѣки составляли восточныя и сѣверныя границы Хорасана. Балхъ, Гератъ, Кандагаръ, Кабуль и даже Систанъ принадлежали тогда къ числу хорасанскихъ областей.

Владѣтели Персіи рѣдко имѣли мѣстопробываніе свое въ суровыхъ долинахъ собственнаго Хорасана, но зато страна эта была самая лучшая ограда противъ покушеній жителей Турана, и Хорасанцы считались храбрѣйшими воинами персидскихъ государей. Западнѣй Хорасанъ, древняя Парѣія (Parthusia), былъ отчизною Парѣянъ, передъ которыми трепетали даже Римляне. Надиръ-Шахъ, послѣдній завоеватель Востока, родился въ Хорасанѣ, и онъ съ своими Хорасанцами изгналъ Афганцевъ и Турковъ изъ восточной и западной Персіи, ниспровергъ могущество великаго Могола, завоевалъ Дегли и власть его простиралась отъ береговъ Гангеса, до береговъ Евфрата, отъ Индійскаго Океана до Оксуса и подошвы Кавказа. Онъ называлъ родину свою Мечемъ Персіи, подразумѣвая подъ этимъ, что тотъ, кто владѣетъ Хорасаномъ, повелѣваетъ также Ираномъ и Тураномъ; ибо Хорасанъ, по своему мѣстоположенію, похожъ на крѣпость, чрезъ которую ведетъ путь прямо отъ

береговъ Оксуса въ Персію, т. е. изъ Турана въ Иранъ. Ага-Мухаммедъ-Ханъ, также съ помощью Хорасанцевъ, взошелъ на престолъ Персіи (1795), и Фетхъ-Али-Шахъ, въ продолженіе 35 лѣтъ воевалъ съ ними, чтобъ покорить ихъ.

Хорасанъ, въ нынѣшнемъ его состояніи, подъ владѣніемъ Мухаммедъ-Шаха, есть только остатокъ того большаго Хорасана, гдѣ Джингисъ-Ханъ и Тимуръ-Ленгъ такъ много отличались, и гдѣ Надиръ-Шахъ начиналъ свои первые подвиги. Край этотъ заключаетъ въ себѣ теперь не болѣе 10-ти городовъ съ ихъ уѣздами, лежащими между $31\frac{1}{2}$ и 38 градусами сѣверной широты и 53 до до $61\frac{1}{2}$ градусами восточной долготы отъ Гринича. Города эти: Мешедъ, нынѣшняя столица Хорасана, Семнанъ, Дамганъ, Бостанъ, Себзеваръ, Нишапуръ, Кучанъ, Турбетъ, Турпизъ и Теббезъ; они окружены съ сѣвера, съ востока и съ юго-востока, какъ-бы поясомъ, многочисленными станами кочующихъ племенъ тюркскаго или монгольскаго происхожденія, ремесло и главные доходы которыхъ—торгъ шитами, т. е. они занимаются ловлею мужчинъ, женщинъ и дѣтей на персидской землѣ, и продаютъ ихъ потомъ на базарахъ Хивы и Бухары, городовъ, раздѣленныхъ отъ Хорасана странкою, гдѣ кочуетъ большая часть этихъ номадовъ; она извѣстна подъ общимъ названіемъ Туркменіи.

Съ такими сосѣдями Хорасанъ былъ владѣніе весьма неудобное для шаха персидскаго и убыточное для его казны. Нѣкоторые государи Персіи предполагали, что самый лучший способъ для отвлеченія опустошительнаго бича, причиненнаго набѣгами Туркменцевъ, было бы переселеніе въ Хорасанъ нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ чужаго происхожденія, которыя, бывъ поселены въ близости вышеупомянутыхъ разбойниковъ, навели бы страхъ на нихъ. Вслѣдствіе чего они перевели туда множество Аравитянъ, Тюрковъ и особенно Курдовъ. Но, къ несчастію, средство это послужило только къ большому вреду; ибо переселенцы или соединились впоследствии съ Туркменцами въ ихъ набѣгахъ въ Персію, или сами ловили несчастныхъ Персіянъ, чтобъ перепродавать Туркменцамъ. Не входя здѣсь въ большія подробности, довольно сказать, что во время царствованія Фетхъ-Али-Шаха, не только ни одна копейка изъ хорасанскихъ доходовъ не была взносіма въ казну, но государь этотъ въ продолженіе 35-ти лѣтъ издержалъ огромныя суммы въ тщетной борьбѣ противъ Эмиръ-Гуна-Хана и его сына Риза—Ку-

ли-Хана, владѣтелей Кучана, противъ Мухаммедъ-Ханъ-Караіа, владѣтеля Турбета *), Аббасъ-Хана, владѣтеля Дерегѣза и другихъ такъ-называемыхъ защитниковъ Хорасана, которые, то въ возмущеніи противъ своего государя, то въ войнѣ другъ противъ друга, доставили себѣ нужныя деньги для поддержанія своихъ войскъ притѣсненіями мирныхъ жителей и продажею плѣнныхъ, пойманныхъ ими на большихъ дорогахъ или на поляхъ этого несчастнаго края. Наконецъ, въ 1831 — 1833 годахъ, покойный Аббасъ-Мираа съ регулярными своими азербайджанскими войсками, совершилъ въ одномъ походѣ то, чего отецъ его не могъ окончить во все время своего царствованія. Крѣпости Султанъ-Мейданъ, Кучанъ и Эмиръ-абадъ, почитаемыя Курдами неприступными, были срыты до основанія. Надменный владѣтель ихъ Риза-Кули-Ханъ, обремененный оковами, умеръ плѣнникомъ въ Міанъ. Шерексъ, другая крѣпость у сѣверныхъ предѣловъ Хорасана, служившая депо и базаромъ для продажи персидскихъ плѣнныхъ, была взята приступомъ и разорена. Мухаммедъ-Ханъ-Караіа—этотъ страшный пожиратель людей, какъ Персіане его называли—былъ заключенъ въ тавризскую цитадель, гдѣ и умеръ. Военный подвигъ этотъ былъ самый блестящій покойнаго наследника персидскаго престола, и полезнѣйшая услуга, которую регулярныя войска до-сихъ-поръ принесли своему отечеству; надобно, однакожъ, прибавить, что регулярныя войска явились тогда въ первый разъ въ хорасанскія горы и артиллерія особливо навела большой страхъ на Курдовъ. Съ-тѣхъ-поръ спокойствіе водворилось въ Хорасанѣ и набѣги Туркменцовъ сдѣлались гораздо рѣже, особливо послѣ похода, предпринятаго Мухаммедъ-Шахомъ въ 1836 году противъ Гоклановъ и Юмудовъ; но, невзирая на это, тѣ же самыя разбойническія племена окружаютъ Хорасанъ, и тѣ же самыя причины закоренѣлаго неповиновенія существуютъ въ самомъ краѣ.

Поверхность нынѣшняго Хорасана, принадлежащаго Мухаммедъ-Шаху, представляетъ двѣ отличительныя черты: 1) большую цѣпь

*) Отецъ его, Иса-Ханъ, отважился однажды войти съ своими приверженцами въ мешедскую цитадель, гдѣ владѣлъ тогда шахскій сынъ Мухаммедъ-Вели-Мирза, правитель Хорасана, и объявилъ ему, что онъ его плѣнникъ.

горь, защищающую край этотъ съ сѣвера и востока; 2) неизмѣримую пустыню, которая занимаетъ его южную сторону.

Цѣпь упомянутыхъ горь извѣстна была уже Грекамъ подь названіемъ Та у р у с а, а нынѣ названа Персіями Албурзомъ. Она представляетъ въ Хорасанѣ болѣе плоскую возвышенность, простирающуюся на 600 верстъ отъ запада къ востоку и на 300 верстъ отъ сѣвера къ югу. Цѣпь эта отдѣляется отъ Карадагскихъ Горь и покрываетъ утесистыми высотами уѣзды Халкаль и Торунъ въ Азербейджанѣ. На сѣверѣ отъ Казбина, при Менджилѣ, она поперечно пересѣчена рѣкою Кызыль-Озенемъ; здѣсь она суживается такъ, что ширина ея не болѣе 40 или 60-ти верстъ, и сохраняетъ ширину эту далѣе съ малыми измѣненіями, направляясь параллельно южному берегу Каспійскаго Моря. Отъ Демавендскаго Пика (высочайшей ея точки) до Келати-Надири, она тянется прямо отъ запада къ востоку, покрывая весь Хорасанъ множествомъ отраслей. Снѣгъ и облака, скопляющіеся на ихъ хребтахъ, превращаются въ родники и потоки, распространяющіе прохладу и плодородность въ окрестностяхъ. Безъ ихъ благодѣтельнаго вліянія Хорасанъ представлялъ бы бесплодную пустыню, потому-что растительность оканчивается тамъ, гдѣ воды эти пропадаютъ въ пескахъ. Хотя упомянутая цѣпь имѣетъ непересѣченный хрящъ, она, не смотря на это, заключаетъ въ себѣ множество глубокихъ долинъ, омываемыхъ потоками во всѣхъ направленіяхъ. Тамъ встрѣчаются очаровательныя мѣста и тучныя пастбища, гдѣ роскошно разбросана восточная прозябаемость. Живописная долина Гури-Сефидъ, на востокъ отъ Фирузъ-ку, огромныя пастбища урочища Калнушъ, равнины, на которыхъ расположены Кучанъ и Буджнурдъ, долина Деррудъ, гдѣ тянутся безпрерывные сады на разстояніи 40 верстъ, и другія мѣста славятся своею плодородностью и живописными своими мѣстоположеніями. Въ серединѣ лѣта, когда житель хорасанскихъ городовъ задыхается отъ жары, кочевой въ горахъ, во время дня вдыхавши свѣжій горный воздухъ, возвращается подь-вечеръ въ свой шатеръ и тщательно запираетъ его, дабы предостеречься отъ ночной прохлады и холодныхъ вѣтровъ, и только осенью спускается на равнину съ многочисленными своими стадами. Значительный корпусъ кавалеріи слѣдуя вдоль цѣпи Албурзскихъ Горь, могъ бы дойти до самаго Кабула, найдя вездѣ въ изобиліи подножный кормъ и воду.

Неоднократно уже азіатскіе полководцы слѣдовали частью этого пути, чтобъ завоевать Афганистанъ и Индостанъ. Зимой, однако, горы эти почти непроходимы. Цѣпь Албурза при Келати-Надирѣ внезапно беретъ направленіе свое къ юго-востоку и, подъ названіемъ Паранопійскихъ Горъ соединяется посредствомъ цѣпи Гинду-Куша съ гигантскимъ хребтомъ Гималайскимъ.

Различныя высоты плоской возвышенности Хорасана вдоль южной подошвы Албурзскихъ Горъ, начиная отъ Тегерана до Мешедъ, опредѣлены Фрезеромъ слѣдующимъ образомъ:

Высоты надъ поверхностью Чернаго Моря въ париж. футахъ.

1) Тегеранъ	3787
2) Семнанъ	3504
3) Каравансераи Агуванъ	4572
4) Довлетъ-абаль	2652
5) Дамганъ	2898
6) Ден-Молла	2688
7) Шарудъ	3414
8) Мезинанъ	2520
9) Мееръ	2520
10) Нишапуръ	2736
11) Меаденъ (руды бирюзовой)	4206
12) Мешедъ	2488

Изъ этого опредѣленія видно, что вдоль южной подошвы Албурза черезъ Хорасанъ до Мешедъ простирается высокая плоскость (plateau), самая малая возвышенность которой не менѣе 2500 фут. надъ горизонтомъ моря.

Высоты разныхъ мѣстъ, лежащихъ на сѣверныхъ покатостяхъ и у сѣверной подошвы этихъ горъ отъ Кучана черезъ Ширванъ Вуджнурдъ и Писсерукъ до Астрабада, также опредѣлены Фрезеромъ слѣдующимъ образомъ:

1) Кучанъ или Кабушанъ на сѣверо-западъ отъ Мешедъ =	3792
2) Ширванъ =	2940
3) Бужнурдъ, на западъ отъ Ширвана =	2940
4) Писсерукъ на юго-западъ отъ Бужнурда =	0

- 5) Астрабадъ, на 25-ти верстахъ отъ берега Каспійскаго Моря, ниже Чернаго Моря = 94,4.

Пустыня—эта вторая отличительная черта Хорасана, есть, такъ сказать, сѣверная бухта огромнаго песчанаго океана, покрывающаго всю центральную Персію, и названнаго географами большою соленою пустынею, а Персіянами—Кебиръ. Впрочемъ, здѣсь не встрѣчаются тѣ зыбкіе пески, которые препятствуютъ ходу каравановъ, идущихъ въ Ездъ, Керманъ и Теббезъ. Почва плодородна вездѣ, гдѣ есть вода; она состоитъ изъ смѣси хряща съ красноватою глиною и большею частью напитана солью. Тамъ, гдѣ нѣтъ воды, вся поверхность земли до необъемлемости взора покрыта солью, то слоями, то отдѣльными кусками, толщина которыхъ бываетъ до полувершка. Въ этихъ-то мѣстахъ дикій осель или онагръ имѣетъ любимое свое мѣстопробываніе, и здѣсь-то солнечные лучи, отраженные блестящею бѣлизною соли, часто производятъ миражъ или сирабъ, представляя то, чего не существуетъ въ этой пустынѣ, т. е. воду и деревья. Во время сильныхъ жаровъ земля разсѣкается въ глубокія трещины, въ которыхъ водится множество ящерицъ и другихъ гадинъ. Полоса, простирающаяся между цѣпью горъ и пустынею, есть самая плодородная и самая обработанная часть Хорасана. Большая дорога, ведущая изъ Тегерана въ Мешедъ, проходитъ во всю длину этой полосы.

Страна, расположенная подобно Хорасану, должна имѣть неодинакій климатъ. Въ самомъ дѣлѣ, холодъ и жаръ, влажность, суровость и сухость воздуха перемѣняются по мѣрѣ того, какъ путешественникъ переходитъ изъ высокихъ долинъ Хорасанскаго Курдистана къ югу до края Кебира, или соленой пустыни. Зима въ сѣверной сторонѣ Хорасана довольно-сурова и снѣгъ падаетъ тамъ въ большомъ количествѣ. Южная часть, напротивъ, имѣетъ теплый климатъ и жары во время лѣта бываютъ нестерпимы.

Въ цѣломъ Хорасанѣ нѣтъ ни одной порядочной рѣки, и отъ Тегерана до Мешада, на разстояніи болѣе 600 верствъ, встрѣчаются только незначительные потоки, вытекающіе изъ южныхъ покатоствей Албурзской Цѣпи и теряющіеся въ пескахъ Кебира. Сѣверная покатоствя этихъ горъ даетъ, однако, начало двумъ рѣкамъ: Поргени и Атреку, впадающимъ въ Каспійское Море, о которыхъ мы будемъ говорить при описаніи Туркменіи.

Жители Хорасана, какъ вообще все народонаселеніе Персіи, раздѣляются на осѣдлыхъ и кочующихъ; послѣдніе превъшаютъ первыхъ, и они почти всѣ иноплеменнаго происхожденія. Здѣсь мѣсто сказать подробнѣе объ этихъ кочующихъ народахъ, составляющихъ четвертую долю народонаселенія Персіи и отстающихъ отъ остальныхъ жителей этого государства по происхожденію, роду жизни, состоянію, промышленности, внутреннему устройству и правленію.

Кочующія племена Персіи носятъ общее названіе Илятъ (отъ турецкаго слова иль — родъ, поколѣніе, семейство *), и происхожденіе ихъ иноплеменное. До завоеванія Ирана Аравитянами (651), можно сказать, что коренные жители Персіи не смѣшивались съ другими народами; но съ того времени неоднократныя нашествія Аравитянъ, Сарациновъ, Монголовъ, Турковъ, Туркменцевъ, Узбековъ и Афганцевъ, завоевавъ попеременно несчастный край этотъ, привели туда множество жителей отъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ, которые тамъ остались и продолжали родъ жизни предковъ своихъ, т. е. кочевой, сохраняя языкъ и нравы ихъ.

Многіе, однакожъ, изъ этихъ кочевыхъ живутъ теперь въ городахъ и селеніяхъ, и потому они раздѣляются на городскихъ обитателей (Шаеръ-Нисинъ и полевыхъ (Саара-Нисинъ). Послѣдніе живутъ круглый годъ на открытомъ полѣ, лѣтомъ въ горахъ, зимою на равнинахъ.

Врядъ ли одно изъ этихъ племенъ имѣетъ лѣтописи. Извѣстіе о происхожденіи ихъ основано большею частью на однихъ преданіяхъ; статистическія свѣдѣнія о числѣ ихъ кибитокъ или семействъ, часто сомнительны и еще чаще увеличены, и только по нарѣчіямъ можно ихъ различать. Болѣе 70 разныхъ племенъ кочующихъ народовъ живутъ въ Персіи, и они раздѣляются, какъ ужъ выше сказано было, на четыре большія отдѣленія или языка (зебанъ):

- 1) Тюркъ-зебанъ или тюркскаго происхожденія
- 2) Курдъ-зебанъ — курдинскаго — —
- 3) Аребъ-зебанъ — арабскаго — —
- 4) Луръ-зебанъ — лурійскаго — —

* По Гаммеру, иль означаетъ не только семейство, родъ, а также страну, какъ, наприм., Румъ-или, римская страна, иль-ханъ — владѣтель страны; и онъ пишетъ Илятъ, множественное число этого слова въ арабскомъ языкѣ.

Если бы они были соединены вмѣстѣ, то составили бы могущественное цѣлое; но какъ они разбѣяны на огромномъ пространствѣ, то значеніе ихъ въ политическомъ отношеніи малозначительно. Персидскій дворъ старается всегда удержатъ ихъ родоначальниковъ или родственниковъ послѣднихъ при себѣ въ родѣ аманатовъ, или воспитывать дѣтей ихъ въ Тегеранѣ. Тѣ, которые живутъ въ городахъ, принимаютъ мало-по-малу нравы и обычаи осѣдлыхъ жителей.

Саара-нишинъ, или настоящіе Иляты, живутъ свободнѣе остальныхъ жителей Персіи, хотя и они принуждены вносить подати и поставлять войско для службы шаха. Богатство ихъ состоитъ въ многочисленныхъ стадахъ барановъ, верблюдовъ и въ конскихъ табунахъ, для собственной ихъ нужды и для продажи избытка. Стада эти доставляютъ имъ всѣ потребности жизни, снабжая ихъ мясомъ, молокомъ, масломъ (рауганъ) сыромъ, шерстью и шкурами.

Преимущественное право Илятовъ состоитъ въ свободномъ перекочевываніи отъ одного мѣста къ другому, хотя въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Лѣтомъ они перекочевываютъ на тучныя пастбища въ горахъ, гдѣ воздухъ свѣжъ и прохладенъ (эйлахъ), а зимою въ теплыя равнины (кишлакъ). Правительство назначаетъ и тѣ и другія мѣста; но часто случается, что кочующія племена не повинуются и занимаютъ пастбища другаго племени, отчего происходятъ частыя распри, междоусобія и обоюдная ненависть. Внутреннія распоряженія каждаго племени предоставлены начальникамъ ихъ, и правительство требуетъ отъ послѣднихъ пошлину отъ стадъ. На каждую лошадь, на каждаго барана, верблюда или осла наложена пошлина. Изъ 10-ти хане, или семействъ, шахъ требуетъ по одному вооруженному всаднику, и изъ пяти по одному пѣшему или туфенгджи. Фуражъ и жалованье получаютъ они отъ правительсва, но деньги эти передаетъ начальнику племени для раздачи между своими подчиненными. Они раздаютъ деньги простымъ всадникамъ, но отъ хана до десятника каждый беретъ для себя часть изъ этого жалованья, такъ-что всаднику или туфенгджи (пѣшеходу) достанется рѣдко болѣе половины слѣдующаго ему содержанія. Вообще въ послѣднихъ годахъ финансы Персіи такъ разстроены, что войска не получали жалованья по нѣскольку лѣтъ сряду.

Илятовъ не употребляютъ при казенныхъ работахъ; они остаются всегда при своихъ стадахъ, и подать за нихъ вносятъ ихъ ханы; но случается также, что они удаляются въ горы труднодоступныя, чтобъ не платить податей. Старшины ихъ или рипш-сефидъ, т. е. бѣло-бородые, имѣютъ большую власть надъ ними; ибо старость у нихъ весьма уважаема. Старшины эти рѣшаютъ споры, предлагаютъ взрослымъ невѣсть, даютъ свое согласіе на браки, которые рѣдко случаются между разными племенами. При перекочевкѣ на другія пастбища, они увѣдомляютъ объ этомъ шахскихъ губернаторовъ. Вообще Илятамъ запрещено пользоваться шахскими пастбищами; но случается, что шахъ разрѣшаетъ имъ пасты на собственныхъ своихъ пастбищахъ, за это они обязаны платить особенную дань.

Имущество Илятовъ, какъ выше сказано, состоитъ изъ верблюдовъ, жеребцовъ и кобылъ (мерены въ Персіи рѣдкость), быковъ и коровъ, лошаковъ, ословъ, козъ и особливо изъ барановъ. Стада эти охраняются многочисленными собаками большой и хорошей породы. Кромѣ того, они имѣютъ палатки, ковры, одѣяла, разную утварь, большіе котлы для растопленія масла (баханъ), бурдюки для приготовленія кислаго молока, сѣдла и конскіе приборы, вьючныя сѣдла и коджавы, или двойныя корзины, чтобы возить женщинъ на лошакѣхъ и, наконецъ, разные наряды. Тотъ, кто имѣетъ 1,000 барановъ, 20 верблюдовъ и 55 лошадей, считается богатымъ. Доходы отъ стадъ состоятъ въ продажѣ скота, шерсти, молока и сыра, въ отдачѣ въ наемъ вьючнаго скота и проч. Каждая кобыла даетъ ежегодно по жеребенку, овца также по одному ягненку, и на превосходныхъ пастбищахъ Курдовъ даже дважды въ годъ. Верблюдъ даетъ черезъ два года по одному верблюжонку. Между иль-ханами или родоначальниками Илятовъ бывають, которые имѣютъ до 4 тысячъ барановъ, 10 тысячъ лошадей и до 5 тысячъ верблюдовъ; но подобное богатство теперь рѣдко; вообще Иляты обѣдѣли въ послѣднія 10 лѣтъ, по причинѣ войны, холеры, чумы и разныхъ притѣсненій со стороны персидскихъ правителей. Наслѣдство Илятовъ раздѣляется между дѣтьми по законамъ Корана, т. е. сыновья получаютъ $\frac{2}{3}$ и дочери $\frac{1}{3}$ имущества; послѣднимъ также отдають наряды и драгоценныя вещи матери.

Кара-шатеръ, или черная палатка Илята стóитъ отъ 10-ти до 20-ти руб. серебромъ. Она шокрыта ковромъ, похожимъ на войлокъ сдѣланнымъ женщинами изъ козьеи шерсти; полосы этого войлока имѣютъ до $\frac{2}{3}$ аршина ширины и онъ непроникаемъ дождемъ. Палатки имѣютъ до 40 фут. длины и до 20-ти фут. ширины. Онѣ низки и поставлены частью на палкахъ; боковыя стѣны состоятъ изъ цыпковъ, сдѣланныхъ изъ тонкаго камыша. Въ сѣверныхъ странахъ Персiи, гдѣ дождь бываетъ чаще, особливо въ Хорасанскомъ Курдистанѣ, Иляты употребляютъ туркменскiя кибитки или алаже, состоящiя изъ реберъ, въ видѣ клѣтки, на которыя бросаютъ и укрѣпляютъ войлоки. Каждый станъ состоитъ изъ 10, 20 до 100 и болѣе этихъ кара-шатеръ или палатокъ, поставленныхъ въ безпорядкѣ, то въ одну линiю, то въ кругъ. Станъ одинъ отъ другаго обыкновенно довольно отдаленъ, чтобъ не смѣшивать стада разныхъ племенъ. Одежда Илятовъ весьма проста, дешева и обыкновенно состоитъ въ лохмотьяхъ. Женщины и дѣти носятъ золотыя и серебряныя браслеты, кольца, а головныя уборы украшены серебряными и золотыми монетами.

Зимомъ Иляты отдыхаютъ и стараются только доставить своимъ стадамъ хорошия пастбища, которыя въ это время года не даютъ доходовъ. Женщины и мужчины занимаются тогда выдѣлыванiемъ ковровъ, войлоковъ, разныхъ тканей и веревокъ изъ козьеи шерсти и волосъ. Съ началомъ весны дѣятельность возобновляется: женщины доятъ стада, готовятъ масло, овечьи сыръ, бауханъ и топленое масло, вычаты и развѣчиваютъ скотъ, ставятъ и снимаютъ палатки, и вообще занимаются хозяйствомъ и смотрятъ за дѣтьми. Мужчины продаютъ избытки своихъ стадъ и караулятъ ихъ, равно и семейства свои.

Подъемъ съ зимняго стана начинается обыкновенно мѣсяцъ послѣ навруза или весенняго равноденствiя. Иляты перекочевываютъ тогда малыми переходами до серъ-хедъ, или до черты, разделяющей, по ихъ мнѣнiю, холодную отъ теплои полосы (что соотвѣтствуетъ весеннимъ пастбищамъ на Альпахъ). Здѣсь они остаются цѣлый мѣсяцъ и потомъ поднимаются на горы Ейлака, или лѣтняго пастбища, гдѣ они проводятъ отъ 60-ти до 70-ти дней. Послѣ этого они возвращаются на одинъ мѣсяцъ на серъ-хедъ и потомъ уже на кишляхъ или зимнюю кочевку. Направленiе свое располагаютъ они по звѣздамъ или по разнымъ видамъ снѣжныхъ горъ

Никто не препятствуетъ имъ во время перекочеванія ; владѣтелямъ деревень, мимо которыхъ они проходятъ, даютъ они нѣсколько агненковъ или барановъ въ подарокъ. Проходъ ихъ стада улучшаетъ почву навозомъ оставленнымъ ими. Богатство свое Иляты считаютъ баранами, а не деньгами ; даже пастухамъ своимъ они платятъ баранами вмѣсто жалованья ; и вообще мѣняютъ всѣ свои потребности на барановъ, рѣдко на верблюдовъ и лошадей, потому на шерсть, молоко, сыръ, войлоки и ковры.

Три мѣсяца послѣ навруза, они отдѣляютъ барановъ отъ овецъ до времени случекъ (местъ), т. е. до начала осени, или мизанъ; тогда ихъ опять соединяютъ, и время это Иляты празднуютъ съ музыкою и пѣснями. Дважды въ годъ бываетъ стрижка овецъ: въ послѣдніе дни мая и осени. Первые плоды (кашефъ) отъ стада раздаютъ бѣднымъ. Во время навруза (новаго года) они готовятъ свѣжій сыръ и каймакъ, угощая ими пріятелей и знакомыхъ. Начальники и ханы ихъ занимаются въ праздное время преимущественно охотою; для этого они держатъ прекрасныхъ борзыхъ и лягавыхъ собакъ, равно соколовъ и ястребовъ.

Иляты эти снабжаютъ преимущественно персидскихъ царей войскомъ. Они хорошіе солдаты, но трудно принудить ихъ къ дисциплинѣ. Тѣ, которые обитаютъ на гравницахъ Персіи, живутъ безпокойно, переходятъ въ предѣлы Турціи и причиняютъ частыя распри между обоими государствами. Особливо Курды отличаются дикимъ правомъ своимъ и неповиновеніемъ ни персидскому, ни турецкому правительствамъ; а какъ большая часть номадовъ изъ курдинскихъ племенъ переселены изъ Курдистана въ Хорасанъ, то поговоримъ о послѣднихъ подробнѣе.

Для сохраненія спокойствія въ Персіи, послѣ завоеванія и покоренія этого края шахомъ Измаиломъ и Аббасомъ-Великимъ, послѣдній особенно избралъ насильственные мѣры, т. е. онъ перевелъ военныя поселенія изъ одной заселенной части своей имперіи въ другую, слабую и малонаселенную. Хорасанъ преимущественно былъ тогда подверженъ частнымъ набѣгамъ Туркменцевъ и Узбековъ, для преграды которымъ Шахъ-Аббасъ намѣревался переселить изъ Курдистана на сѣверную границу Хорасана 40 тыс. семействъ Курдовъ. Онъ успѣлъ ужъ перевести туда 15 тыс. семействъ, какъ Курды, угадывая намѣреніе шаха — ослабить ихъ силы, ста-

ли сопротивляться такъ, что Аббасъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Но все-таки 15 тысячъ семействъ уже были переведены и вся сѣверная граница Хорасана отъ Астрабада до Кучана и далѣе населена Курдами. Страна эта гористымъ мѣстоположеніемъ подобна ихъ родному краю; и съ тучными пастбищами и плодородною почвою была отдана имъ съ тѣмъ, чтобъ они сторожили границы Хорасана отъ набѣговъ Узбековъ и Туркменцевъ. Но впоследствии оказалось, что населеніе сѣвернаго Хорасана Курдами причинило Персіи болѣе бѣдствій, нежели пользы. Въ скоромъ времени хорасанскіе Курды оказались такими же необузданными, какъ на своей родинѣ. Правительство учредило надъ ними главнаго начальника изъ Курдовъ, съ титуломъ иль-хана (начальника Илятовъ), почти съ неограниченною властью; но зато онъ долженъ былъ отвѣчать за другихъ, подчиненныхъ ему курдинскихъ хановъ и начальниковъ. Невзирая на эту мѣру, Курды разбойничали, воровали и не повиновались даже страшному Надиръ-Шаху, который, стараясь обласкать ихъ, женился на дочери иль-хана. Во время войны, предпринятой Надиромъ противъ Турковъ, Курды эти опять взбунтовались, и разгнѣвавшійся шахъ клялся ихъ уничтожить; но, по возвращеніи его въ Хорасанскій Курдистанъ, прежде нежели онъ успѣлъ исполнить клятву свою, былъ умерщвленъ въ Кабушанѣ. Золотой престолъ, въ видѣ павлина, привезенный Надиромъ изъ Индіи, и украшенный неоцѣненными алмазами и камнями, былъ разграбленъ Курдами, которые, не зная цѣны золоту и алмазамъ, изъ невѣжества мѣняли ихъ на мѣдъ и серебро. «Съ-тѣхъ-поръ» говоритъ одинъ курдинскій старикъ англійскому путешественнику Фрезеру, «мы совершенно перемѣнились: простота жизни нашей исчезла и страсть къ грабежу увеличилась до безконечности. Разныя притѣснительныя мѣры разорили насъ; но, невзирая на это, мы бросили палатки свои, выстроили себѣ хорошіе дома въ городахъ, одѣвались въ богатые одежды, жили роскошно и ханы, вмѣсто того, чтобъ покровительствовать намъ, сдѣлались надменными, грабили и притѣсняли бѣдныхъ Курдовъ».

Правду сказать, Курды со времени Ксенофонта *) дониндѣ были всегда необузданными и дикими разбойниками; но они

*) Xenophon Anabaz. III, ch. 3 etc Καρδοὺχοι.

остались бы по-крайней-мѣрѣ въ неприступныхъ своихъ родныхъ горахъ, между-тѣмъ, какъ въ Хорасанѣ цѣлый край лежалъ открытымъ передъ ними, гдѣ они безпрепятственно могли дѣлать что хотѣли. Даже нынѣ, хотя они много переняли отъ персидскихъ нравовъ, еще проще, невѣжественнѣе, довѣрчивѣе, смѣлѣе и болѣе дерзки, нежели Персіяне, и одеждою мало отличаются отъ другихъ хорасанскихъ Илятовъ. Они крѣпки, дика и смуглѣе Персіяны и носятъ обыкновенно темныя одежды и бараньи шапки. При встрѣчѣ, они обнимаются и цѣлуются, что у нихъ называется багалгири; у знатныхъ особъ они берутъ руку, цѣлуютъ ее, а собственную свою руку прикладываетъ къ сердцу. Ханы и начальники ихъ въ военное время одѣваются богато: въ кольчуги и въ шлемы, украшенные двумя павлиньими перьями. Они вооружены длинными пиками и саблями.

Что касается до пяти главныхъ курдскихъ поселеній въ Хорасанѣ, именно: Кучана или Кабушана, Буджнурда, Бома, Дерагѣза и Чинарана, мы будемъ подробно о нихъ говорить въ свое время; теперь же приступимъ къ описанію Хорасана, начиная съ дороги, ведущей изъ Тегерана въ Мешедъ; при описаніи дорогъ этихъ, мы познакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тою частью Хорасана, по которой она пролегаетъ.

Примѣчаніе. Упомянутая дорога была посѣщена и описана въ 1833 году нашимъ консуломъ въ Гиланѣ, г. А. И. Ходзько; въ 1838 же году сочинитель этихъ записокъ самъ отправился по этой дорогѣ изъ Тегерана въ Гератъ и на обратномъ пути опять слѣдовалъ частью по ней.

**ДОРОГА БОГОМОЛЬЦЕВЪ, ОТПРАВЛЯЮЩИХСЯ ИЗЪ ТЕГЕРАНА
ВЪ МЕШЕДЪ НА ПОКЛОНЕНІЕ ГРОВНИЦЪ ИМАМЪ-АЛИ-РИЗА.**

1-я станція. Селеніе Пеляштъ. (5 ферсенговъ или 25 верстъ). — Выходя изъ Тегерана въ ворота Шахъ-Абдулъ-Азымъ, или Дюль-абъ (Хорасанскія), путь направляется къ востоку и пересѣкаетъ отрасль каменистыхъ горъ, отдѣляющуюся отъ главнаго кряжа Албурза; у южной подошвы отрасли находятся развалины древняго города Рей (Rhagae). Оба спуска отлоги и, минуя ихъ, остальная дорога пролегаетъ черезъ огромную равнину, орошае-

мую многочисленными канавами, отведенными от протока Дежад-жеруда и других горных ручьев. Влѣво тянутся Албурзскія Горы, вершины которыхъ представляютъ странные виды, и за ними подымается исполинская гора Демавендъ, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, но она скоро исчезаетъ изъ виду и скрывается за ближайшими горами. Вправо распространяется необозримая равнина уѣздовъ Рей и Вера минъ; она покрыта обширными полями съ пшеницею и курганами (тепé).

Среди историческихъ воспоминаній и древнихъ памятниковъ, которыми изобилуетъ Персія, курганы эти, или искусственные холмы, заслуживаютъ вниманіе путешественниковъ и ученыхъ. Въ какую эпоху они были воздвигнуты? Какаѣ были цѣль ихъ?—остатки развалинъ, замѣченные на нихъ, могутъ помочь разрѣшить эти задачи. По изслѣдованію кургановъ, разсмотрѣнныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ Персіи, мы замѣтили, 1) что во всѣхъ курганахъ находятся черепки отъ глиняныхъ посуды и куски кирпича; 2) вокругъ многихъ можно еще замѣтить слѣды укрѣпленій, или рва, окружавшихъ ихъ въ свое время; 3) самая большая изъ развалинъ Рея, гдѣ видны еще остатки укрѣпленій, находится на искусственномъ тепé; 4) на курганѣ Озы-абадъ замѣчено еще довольно сохранныя развалины храма огнепоклонниковъ, а при Пуней, возлѣ озера Урми, находятся семь кургановъ съ древними названіями и которые, по преданіямъ, служили Гебрамъ при богослуженіи. 5) Во время царствованія Фетхъ-Али-Шаха, пастухъ, находясь съ своимъ стадомъ на курганѣ въ окрестностяхъ Султаніе, нашелъ тамъ гробъ и въ немъ золотую корону и другія драгоценныя вещи, принадлежавшія, вѣроятно, знатной особѣ. Обычай воздвигать курганъ вмѣсто гробницы, приводитъ Геродотъ, который, описавъ похороны, слѣданныя, по приказанію Ксеркса, одному изъ его офицеровъ, прибавляетъ: «Вся армія помогала воздвигнуть курганъ надъ его могилою»). 6) Къ югу отъ города Верамина видѣны тепé, покрытый обтесанными большими камнями. По словамъ ученаго Персіяннина, камни эти принадлежали одному дехмé т. е. кладбищу Гебровъ, которое должно было всегда находиться на возвышеніи, покрытомъ каменнымъ строеніемъ, гдѣ выставляли трунъ на жертву хищнымъ птицамъ; трунъ лежалъ всегда на кам-

*) Herodot (Polymnia. Ch. XVII).

няхъ или на желѣзныхъ листахъ ; чтобъ онъ не могъ коснуться до земли, что считалось большимъ грѣхомъ. Яма, или колодезь, должна была всегда находиться возлѣ этого строенія, чтобъ бросать въ нее кости, какъ скоро онѣ были голы. Доказательствомъ этому служить, между прочими курганами, тепѣ Гусейнъ-Абадъ возлѣ Казбина, гдѣ, кромѣ множества костей, вся земля напитана селитрой, происходящей, вѣроятно, отъ тѣлъ древняго Дѣхмѣ, ибо окружающая почва не содержитъ въ себѣ соли. 7) Множество деревень и до-сихъ-поръ построены надъ искусственными курганами. 8) Возвышеніе почвы, даже самое незначительное, способствуетъ много къ уменьшенію жаровъ, и покойный Фетхъ-Али-Шахъ построилъ нѣсколько лѣтнихъ бесѣдокъ на искусственныхъ курганахъ, какъ-то: въ Султаніѣ, въ Кышлякѣ, въ Баги-Шахъ и проч. Принимая въ соображеніе эти обстоятельства, можно заключить, что употребленію кургановъ (тепѣ) предшествовало введеніе исламизма; что они имѣли разныя назначенія и что Гебры, которые, какъ извѣстно, любили жить на возвышеніяхъ, тамъ молились, выставляли мертвыхъ, защищались тамъ противъ непріятелей и на нихъ искали убѣжища противъ сильныхъ жаровъ. Если между Тегераномъ и Семваномъ находится болѣе кургановъ, нежели въ другихъ частяхъ Персіи, то это могло произойти отъ того, что страна эта служила полемъ сраженія въ продолжительной борьбѣ, окончившейся основаніемъ царства Парянъ на развалинахъ Македонскаго Государства въ Персіи. Тамъ видны еще слѣды огромныхъ лагерныхъ мѣстъ, названныхъ Персіянами Ду-Бераданъ. По всей вѣроятности, курганы Гебровъ вышли изъ употребленія со времени династіи Сасанидовъ.

2-я станція. Селеніе Эйвони-Кейфъ. (36 верстъ или 6 ферсенговъ.—Селеніе Пелештъ содержитъ въ себѣ не болѣе 30 домовъ съ фруктовыми садами, остальные разорены непрерывными переходами сарбазовъ въ 1836—1838 годахъ. Оно принадлежитъ къ Верамину. Богатый уѣздъ этотъ справедливо названъ житницею Тегерана, онъ имѣетъ около 400 селеній, поля которыхъ распространяются на 600 квадратныхъ верстъ и изобильно орошены одними каналами изъ Джаджеруда и другихъ горныхъ протоковъ. Большая часть этихъ деревень принадлежитъ придворнымъ чиновникамъ и казна получаетъ только изъ нихъ ежегодно около 5000 томановъ и столько же халваровъ пшеницы. Жители Вераминскаго Уѣзда

составляютъ толпу полукочующихъ племенъ, переселенныхъ сюда изъ разныхъ мѣстъ Персїи и Турціи, какъ-то :

- 1) Кенгерлу, тюркское племя, изъ окрестностей Нахичевани. Ихъ переселили сюда аманатами въ началѣ царствованія Фетхъ-Али-Шаха семействъ 100
- 2) Сейсупуръ, турецкое племя, изъ Анатолиі — — 400
- 3) Гедаведѣ, персидское племя изъ Лористана — — 1000
- 4) Курды, изъ Хорасана — — 1000
- 5) Пазеки, тюркское племя, изъ Хорасана. . . — — 500
- 6) Аравитянъ, (исторгнуты изъ своего отечества по повелѣнію Теймуръ-Ленга). — — 1500
- 7) Бурбуръ, племя лорійское, изъ Кирманшаха. (Хорошіе всадники; въ мирное время они смотрятъ за табуномъ шаха). — — 500
- 8) Шести, племя персидское. — — 100
- 9) Алкаі, племя персидское, главная часть котораго живетъ въ уѣздѣ Харъ — — 100
- 10) Карханѣ, персидское племя. — — 100
- 11) Бахтіяры. Они переселены сюда Фетхъ-Али-Шахомъ изъ Бахтіярскихъ Горъ аманатами, въ числѣ 1000 семействъ, другая же половина живетъ въ уѣздѣ Харъ — — 500

Всего семействъ 5,800.

Племена эти болѣе хлѣбопашцы чѣмъ пастухи и, въ случаѣ нужды, они доставляютъ шаху двѣ тысячи всадниковъ. Изобильные урожан Вераминскаго Уѣзда часто портятся червякомъ, названнымъ Персїянами си нъ. Червякъ этотъ находится въ колосьяхъ еще зеленыхъ и съѣдаетъ зерно. Саранча также разоряетъ жителей этого уѣзда, но рѣдко.

Превосходная дорога пролегаетъ по Вераминской Равнинѣ. Послѣ первыхъ шести верствъ, встрѣчается каравансерай Кебудъ-Гумбезъ, расположенный при селеніи того же имени, на берегахъ Дежаджеруда. Притокъ этотъ вытекаетъ изъ Албурзскихъ Горъ при Фирузъ-ку, течетъ къ югу, орошаетъ Вераминскій Уѣздъ и теряется въ пескахъ Кебира. Во время таянія снѣговъ и сильныхъ дождей Дежаджерудъ весьма быстръ и почти непроходимъ. Часто онъ опустошаетъ цѣлыя поля, и развалины города Тухана были та-

кимъ образомъ уносимы. Въ полноводіе переходятъ его по кирпичному мосту, построенному Ага-Мухаммедъ-Ханомъ въ 4-хъ ферсенгахъ вверхъ по рѣкѣ отъ селенія Кебудъ-Гумбега. Этотъ притокъ самый значительный по всей дорогѣ между Тегераномъ и Мешедомъ. Въ мартѣ 1838 года онъ имѣлъ около 100 футовъ ширины; глубина его была незначительна и русло покрыто было большими камнями и валунами. Онъ раздѣляется на безчисленные рукава и каналы, которые частью высыхаютъ въ лѣтнее время.

Остальная дорога не представляетъ никакихъ препятствій для экипажей и имѣетъ тотъ же самый видъ: влѣво Албурзскія Горы, а вправо необозримая равнина, на которой разбросаны многочисленные селенія и вдали видѣются куполы мечетей Верамина. Вторая половина пути безводна.

3-я станція. Селеніе Кышлахъ (4 ферсенга, 24 версты). — Селеніе Эйвони-Кейфъ, или бесѣдка Кейфа, получило названіе свое отъ разваленнаго замка, построеннаго, какъ говорятъ, Нуширваномъ. Селеніе расположено у подошвы горъ, содержитъ въ себѣ 80 домовъ, хорошо выстроенныхъ, и окружено высокою стѣною съ башнями по угламъ. Часть строеній изъ кирпича, взятаго отъ развалинъ упомянутаго замка, который, невзирая на это опустошеніе, представляетъ еще громаду стѣнъ и живописный видъ; онъ построенъ на курганѣ, окружность котораго имѣетъ 220 шаговъ. На восточномъ краѣ видны еще глыбы изъ бѣлаго мрамора, бассейны и остатки прекраснаго Сердабѣ, или погреба съ фонтаномъ, который служилъ убѣжищемъ отъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ. При выходѣ изъ селенія течетъ притокъ въ глубокомъ руслѣ съ обрывистыми берегами, и потомъ дорога пролегаетъ по бесплодной равнинѣ на 10-ть верстъ; далѣе находится отрасль голыхъ горъ, отдѣляющихся отъ Албурза, и направляясь къ юго-западу, тянутся въ пустыню обрывистыми покатостями. Ущелье, пересѣкающее отрасль эту, названо Персіанами проходомъ Сирдара, ошибочно принятаго нѣкоторыми учеными за знаменитыя Каспійскія Ворота (Pylae Caspiae), описанныя, кромѣ прочихъ, Плиніемъ, но оно гораздо шире, нежели онъ его описываетъ. Горы, окружающія его, не скалистыя, а глиняныя; ущелье вездѣ свободно не только для прохода лошадей, но даже и для артиллеріи. Черезъ это ущелье, имѣющее семь верстъ въ длину, протекаетъ ручей, который дѣлается протокомъ во время

таянія сѣгровъ: берега еѣ покрыты солью осѣдлительной бѣлазны, употребляемою жителями въ пищу.

По словамъ доктора императорской миссін А. Х. Іениша, соль эта содержитъ въ себѣ большую часть сѣрнистой магнезіи (Sulfate de magnésie). Въ серединѣ ущелья находятся развалины каравансерай. Хотя, по описанію Арріана, окрестности по ту сторону ущелья этого сходствуютъ съ равнинами Харъ и Лашгирдъ, но, взглянувъ на это, можно спросить: если Каспійскія Ворота, проходившія Александромъ-Великимъ, действительно находились здѣсь, то какая причина была знаменитости ихъ? ибо отрасль горъ, пересѣченная этимъ проходомъ, не подается въ пустыню дагѣ 30-ти верстъ, и его легко можно обойти, слѣдовательно, ворота эти не могли быть считаемы единственнымъ сообщеніемъ между древнею Мидіею и Гирканіею.

Выходя изъ ущелья Сирдара, дорога пролегаетъ по Харской Равнинѣ. Сначала почва покрыта солью, но по мѣрѣ того, какъ путникъ приближается къ селенію Кышлакъ, окруженная другими разбросанными селеніями, почва плодороднѣе и дорога пересѣчена многочисленными каналами. Вправо къ горизонту слѣзуются горы Сиа-Ку (черныя горы).

4-я станція. Селеніе Араданъ (4 ферсенга, 24 версты).—Кышлакъ, бѣдное селеніе о 15-ти дворахъ, принадлежитъ къ уѣзду Харъ; а послѣдній, главное мѣсто котораго Джатри, зависитъ отъ Семнана. Поверхность Харскаго Уѣзда занимаетъ около 22-хъ квадратныхъ ферсенговъ. Въ прежнія времена плодородность его не уступала Вераинскому Уѣзду, но теперь тамъ кочуютъ только номады между разоренными селеніями. Главныя племена ихъ:

1) Узонлу	500	семействъ.
2) Карачурлу	60	— —
3) Пазески	100	— —
4) Бахтіяры	500	— —
5) Курды	200	— —
6) Алкай	300	— —

Здѣсь, какъ вездѣ въ Персіи, племена, занимающіяся хлѣбопашествомъ, подвергнуты податямъ, а другія, занимающіяся одними скотоводствомъ, болѣею частью ничего не платятъ, но вмѣсто того доставляютъ извѣстное число всадниковъ, по требованію правительства.

Отъ Тегерана до Кышлаха по направленію къ юго-востоку и отъ Кышлаха до Шаруда, дорога идетъ къ сѣверо-востоку, а отъ Шаруда до Мешеда прямо къ востоку съ малыми только измѣненіями.

По обѣимъ сторонамъ ровной и широкой дороги, ведущей отъ селенія Кышлаха до селенія Арадана, видно множество развалинъ, но болѣе еще замѣчательно большое число круглыхъ башенокъ, построенныхъ на обработанныхъ поляхъ. Число ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ дорога приближается къ селеніямъ, находящимся въ недалекомъ разстояніи отъ туркменскихъ становищъ. Въ Хорасанскомъ Курдистанѣ, при Дерагезѣ и дагѣе, встрѣчаются на каждомъ шагѣ подобныя башни. Тамошній земледѣлецъ всегда работаетъ на полѣ вооруженный; а какъ у него ружье съ фитилемъ, то онъ разводитъ огонь въ ближайшей башнѣ и прячется туда съ своими быками; въ случаѣ же опасности, запираетъ дверь и ожидаетъ тамъ своего непріятеля. Впрочемъ, жители Семнанской Области строятъ эти башни болѣе изъ подражанія, чѣмъ по нуждѣ, ибо весьма рѣдко случается, чтобы Туркменцы заходили теперь такъ далеко внутрь Персіи для отыскиванія добычи. Всѣ хорасанскія селенія окружены высокими стѣнами съ бойницами и башнями въ извѣстныхъ разстояніяхъ и на углахъ. Ихъ поддерживаютъ тщательно и тотчасъ починаютъ, въ случаѣ нужды. Укрѣпленія эти даютъ селеніямъ Хорасана опрятный и красивый видъ и этимъ-то отличаются они отъ селеній остальной Персіи. Стѣны они строятъ точно такимъ образомъ, какъ сказано въ священномъ писаніи о работахъ, которыми Египтяне тяготили Евреевъ, т. е. смѣшиваютъ рубленную солому (саманъ) съ грязью, которую топчутъ голыми ногами, и изъ тѣста, такимъ образомъ приготовленнаго, строятъ жилища, не употребляя ни кирпича, ни камней. Къ прочности и къ долгому храненію подобнаго рода строеній способствуютъ глинистая почва земли и сухость воздуха. Большія селенія имѣютъ еще, сверхъ того, родъ цитадели, построенной на возвышеніи и обыкновенно въ срединѣ селенія.

5-я станція. Каравансерай Даэгирдъ (10 ферсенг., 60 верстъ). — Селеніе Араданъ одно изъ тѣхъ страннѣхъ созданій, которыя только встрѣчаются въ Хорасанѣ. Большой искусственный курганъ, въ 100 футовъ вышины и съ соразмѣрною ширвиною, служитъ основаніемъ цѣлому селенію. Нижняя часть кургана голая, но сверху онъ, какъ сотъ меду въ ульѣ, надѣленъ отъверстіями, пред-

ставляющими окна и двери хижинъ, выкопанныхъ въ курганѣ. Въ случаѣ опасности, жители прячутъ здѣсь семейства, стада, пшеницу и все свое имущество. Внизу вокругъ кургана построены жилища гораздо больше и лучше отдѣланы. Араданъ имѣетъ 120 домовъ, съ почтовою станціею (Чапаръ-Хане). Вообще отъ Тегерана до Мешада считается 20 почтовыхъ станцій; на каждой находится отъ 4-хъ до 15-ти и болѣе лошадей, содержимыхъ на счетъ правительства. Въ нижнемъ селеніи находится также нѣсколько водоемовъ (абъ-амбаръ); сводъ на нихъ устроенъ въ видѣ круглой пирамиды изъ кирпича, съ уступами и довольно красиво. Вода, тамъ сохраняемая, покрыта отъ солнца и оттого всегда прохладна.

Послѣ первыхъ трехъ верстъ по обработанной равнинѣ, встрѣчается селеніе Падѣ, также построенное на высокомъ курганѣ. Узкая тропинка, выкопанная въ самомъ курганѣ, ведетъ въ селеніе, и жители, запирая единственный этотъ проходъ, въ безопасности отъ неприятельской кавалеріи. Они рассказываютъ, что однажды Туркменцы тщетно старались ворваться въ селеніе, и не успѣвъ въ этомъ, скакали, какъ бѣшеные вокругъ кургана, спустили груду стрѣлъ съ своихъ луковъ, которые не долетали до вершины кургана, гдѣ жители смѣялись надъ ними и бросали въ нихъ множество камней и разный соръ съ проклятіями. Женщины и дѣти, одѣтые въ красныхъ рубашкахъ и съ червыми чалмами сидѣвшія у своихъ дверей, представляли живописную картину для путника, смотрѣвшаго на нихъ снизу. Здѣсь оканчиваются обработанныя поля и начинается пустыня. Дорога ровная, но каменистая и поверхность земли покрыта солью. Послѣ трехъ ферсенговъ ѣзды, встрѣчается полуразваленный каравансерай Дѣи-немекъ (соленое селеніе); онъ построенъ еще шахомъ Аббасомъ съ абъ-амбаромъ съ довольно хорошею водою. Три ферсенга дальше, дорога ведетъ черезъ широкій, но глубокій оврагъ, съ правой стороны котораго находится высокая башня, частью въ развалинахъ. Въ этой-то пустынѣ, вѣроятно, былъ умерщвленъ Дарій, спасшійся отъ Александра-Великаго. Еще одинъ ферсенгъ дальше, встрѣчается, влѣво отъ дороги, развалившійся каравансерай, построенный у подошвы цѣпи возвышеній. Въ недалекомъ разстояніи отъ него находится каменный мостъ Гель-кѣрпи (вѣтренный мостъ), построенный надъ узкимъ, но весьма глубокимъ оврагомъ съ почти навѣсными берегами. Оврагъ этотъ тянется черезъ пустыню отъ сѣвера къ

югу. Всѣ персидскіе историки признають его настоящей границей между Иракомъ и Хорасаномъ. Существованіе его, въ срединахъ соленой пустыни, имѣеть что-то необычайное. Ксенофонтъ въ своемъ Анабазисѣ говоритъ о рвѣ въ пять сажень ширины и три сажени глубины, который простирается на 12-ть ферсенговъ по равнинѣ и оканчивается у границъ Мидіи. Хотя длина оврага Ель-кѣрпи намъ неизвѣстна, но, вѣроятно, онъ былъ выкопанъ въ свое время для защиты. Впрочемъ, нѣсколько далѣе къ востоку, дорога пересѣчена еще двумя подобными оврагами. Пройдя ихъ, дорога входитъ въ широкое ущелье между песчаными и голыми возвышенностями, которыя отдѣляются отъ Албурзскихъ Горъ и оканчиваются при каравансераѣ Лазгирдѣ. Поверхность земли покрыта здѣсь солью и орошаема ручьемъ, протекающимъ черезъ упомянутое ущелье, гдѣ много топкихъ мѣстъ. При выходѣ изъ него виднѣется каравансерай Лазгирдѣ и возлѣ него селеніе того же имени. Для избѣжанія жаровъ, путники обыкновенно совершаютъ длинный и утомительный переходъ отъ Арадана до Лазгирда въ ночное время.

6-я станція. Городъ Семнанъ (6 ферсенговъ, 36 верстъ).— Селеніе Лазгирдѣ, по строенію своему, единственное въ своемъ родѣ: его можно назвать угломъ; оно образуетъ огромную ротонду въ 80 футовъ вышины, наружныя стѣны которой тщательно обмазаны грязью темносѣраго цвѣта; онѣ вездѣ гладки и только около вершины находится двойной рядъ отверстій, представляющихъ двери, выходящія на балконы, грубо построенные изъ хвороста; балконы эти окружаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ украшаютъ вершину ротонды. Одна только дверь, или, лучше сказать, огромный камень запираетъ узкій проходъ, ведущій внутрь строенія; какъ только путникъ войдетъ туда, онъ находится словно въ колодецѣ. Свѣтъ проходитъ сверху и освѣщаетъ жилища, безъ всякаго порядка выкопанныя во внутреннихъ стѣнахъ ротонды. Жители гордятся этимъ строеніемъ, увѣряя, что съ-тѣхъ-поръ, какъ крѣпость ихъ построена была демономъ (дивъ), никто еще не былъ въ состояніи овладѣть ею. По всѣмъ вѣроятностямъ, строеніе это происходитъ отъ временъ Гебровъ и, до изобрѣненія пороха, оно могло считаться довольно крѣпкимъ мѣстомъ. Возлѣ ротонды находятся еще около десяти домовъ, хорошо построенныхъ, равно и большой садъ, славившійся своими вкусными гранатами.

Отъ Лазгирда дорога пролегаетъ по пустынь на протяженіи $2\frac{1}{2}$ ферсенговъ, до селенія Сюрхэ или Сюрханэ съ 200 домовъ и цитаделью въ развалинахъ. Здѣсь растутъ сладкія дыни въ большомъ изобиліи. Окрестности селенія Сюрхэ хорошо обработаны, но за ними опять тянется каменистая и почти голая пустыня, гдѣ водятся стада джарановъ (Абон), а между кустарниками встрѣчаются солодковъій корень и ассафетиды.

Городъ Семнанъ мѣстопребываніе правителя, которому подвластенъ и г. Дамганъ. Кромя денегъ, вносимыхъ имъ ежегодно въ казну, правитель обязанъ содержать еще фауджъ сарбазовъ и 600 всадниковъ. Городъ Семнанъ имѣетъ около 2,000 домовъ. Хотя во многихъ мѣстахъ, зависимыхъ отъ Семвана, занимаются шелководствомъ, но произведенія этой промышленности незначительны и качество здѣшняго шелка весьма низко, такъ-что его никуда не вывозятъ. Климатъ несносенъ во время лѣта, по причинѣ утомительныхъ жаровъ, но зато здѣшніе фрукты отличнаго вкуса. Всѣ племена этой области занимаются хлѣбопашествомъ, исключая племень Харъ и Зенгизеръ, отъ которыхъ происходилъ знаменитый Зюльфекаръ-ханъ. Они говорятъ испорченнымъ нарѣчіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ татъ. Остатки семнанской цитадели находятся на древнемъ курганѣ Гебровъ, но ничего не осталось отъ прежнихъ построекъ, даже кирпичи исчезли. Изъ новыхъ строеній замѣчательнъ минаретъ одной мечети, построенный Шахъ-Рохомъ, сыномъ Теймуръ-Ленга въ 856 году геджры, какъ свидѣтельствуется прекрасная надпись, сдѣланная вокругъ минарета изъ мелкихъ красныхъ кирпичей. Мечеть, построенная Фетхъ-Али-Шахомъ въ Семнанѣ, одно изъ красивѣйшихъ и прелестнѣйшихъ строеній, замѣченное мною въ Персіи. Всѣ стѣны покрыты мозаикою изъ изразцовыхъ кирпичей; архитектура мечети самая изящная. Большіе бассейны, съ чистою водою для умовенія, находятся на просторномъ дворѣ, вокругъ котораго построена упомянутая мечеть съ своими медрасами, или училищами. Семнанскіе базары, хотя построены чисто, не изобилуютъ товарами. Почти во всѣхъ улицахъ текутъ ручьи съ чистою водою и вообще окрестности города изобильно орошаемы.

Семнанъ, Дамганъ, Шарудъ и Бастамъ раздѣлены отъ Мазандерана только цѣпью Албурзскихъ Горъ и имѣютъ съ нимъ торговыя сношенія. Товары, привозимые на базары упомянутыхъ

четырехъ городовъ большею частью русскіе. Сюда привозятъ желѣзо, юфть, фарфоръ, мѣдную и чугунную посуду, ситцы, нефть и мазандеранское сарачинское пшено; предметы эти мѣняютъ на пшеницу, сушеные фрукты и соль. Последнею изобилуютъ окрестности Дамгана.

7-я станція. Каравансерай Агуванъ (6 ферсенговъ, или 36 верстъ). — Оставляя Семнанъ, первая половина дороги пролегаетъ по большой равнинѣ и хорошо обработаннымъ полямъ, орошаемымъ протоками изъ Альбурза и подземными канавами (кануть), выкопанными съ большими издержками и проведенными издалика. Съ правой стороны многочисленныя селенія простираются далеко въ пустыню. Вторая половина извивается черезъ отрасль горъ, отдѣляющуюся отъ главной цѣпи Албурза, которая приближается здѣсь на нѣсколько верстъ къ большой дорогѣ. Отрасль эта пересѣчена каменистымъ ущельемъ, бывшимъ когда-то притономъ разбойниковъ и названнымъ Чаштъ-Хуранъ. Дорога здѣсь каменистая и частью узкая, а въ серединѣ ущелья есть ключъ съ бассейномъ, построеннымъ Мухаммедъ-Шахомъ. Три версты далѣе, вправо отъ дороги встрѣчается развалившійся каравансерай. Какъ въ этой пустынѣ преимущественно находятся дикіе ослы или онагры, то не излишнимъ считаю описать подробнѣе это животное. Мясо онагра вкусно и даже нѣжно и Персіане ѣдятъ его охотно. Для ловли дикихъ ословъ употребляютъ разные способы; но обыкновенно преслѣдуютъ его верхомъ съ бѣлымъ оружіемъ. Для этого нѣсколько охотниковъ соединяются и располагаются въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ смѣнять другъ друга, потому-что на одной лошади невозможно догнать онагра, быстрота котораго на бѣгу неимоверна. Первые всадники выгоняютъ его и преслѣдуютъ по направленію къ другимъ всадникамъ, которые смѣняютъ ихъ, и такимъ образомъ животное выбивается наконецъ изъ силъ. Догнавъ его, убиваютъ саблями, потому-что борзые собаки не въ состояніи повалить его на землю. Онагръ похожъ на осла, величиною же съ лошака. Кожа его покрыта короткою и тонкою шерстью темно-желтаго цвѣта; только брюхо бѣло. Черная и короткая грива всегда поднята; большіе, выдавшіеся глаза, съ длинными рѣсницами, даютъ много пріятности головѣ онагра, но уши чрезмѣрно велики; вдоль хребта видна черная полоса шириною въ дюймъ; хвостъ, съ пучкомъ волосъ на концѣ, также чернаго цвѣта. Персидскіе охот-

ники различаютъ три породы онагроуъ, которыя даны различныя названія: 1) гурё-херъ (онагръ-оселъ), 2) гурё-катыръ (онагръ-лошакъ) и 3) гурё-а спъ (онагръ-лошадь). Впрочемъ, различія эти относятся къ разнымъ возрастамъ этого прекраснаго животнаго, котораго съ малолѣтства легко можно сдѣлать ручнымъ. Въ пустынѣ онагры рѣдко ходятъ поодиножкѣ, а почти всегда стадами или по-крайней-мѣрѣ отъ 5-ти до 10-ти вмѣстѣ. Они трусливы, и при малѣйшемъ шумѣ удаляются въ пустыню съ быстрою вихря.

Отъ вышеупомянутаго развалившагося каравансерая остается еще пройти 2½ ферсенга по ущелью и гористому мѣстоположенію до каравансерая Агувана, который получалъ названіе свое отъ дикой козы, или джейрана, по-персидски агу (алой); мѣсто это весьма чтимо шиитами. Вотъ что говоритъ о немъ преданіе: «Имамъ-Али-Риза, во время путешествія своего въ Мешедъ, гдѣ онъ былъ отравленъ халифомъ Мамуномъ, сыномъ Гарунъ-ар-Рашида, остановился здѣсь и видѣлъ охотника, немилосердно таскавшаго за собою живаго джейрана. Имамъ кричалъ ему: «куда ты тащишь эту бѣдную мать? Отпусти ее, чтобъ она могла кормить двухъ дѣтей своихъ, которыя умрутъ съ голоду въ пустынѣ, въ ожиданіи матери своей. Я ручаюсь, что она воротится сюда съ своимъ семействомъ». Лишь только джейранъ былъ освобожденъ охотникомъ, онъ исчезъ и въ скоромъ времени воротился съ двумя своими козленками. Два стиха изъ персидскаго преданія объясняютъ это чудо слѣдующими словами: «Онъ ручался за возвращеніе джейрана и сдержалъ слово охотнику». Каравансерай Агуванъ расположенъ въ срединѣ пустыни и путникъ долженъ запастись провизіею изъ Семна, потому-что ближайшія селенія находятся въ нѣсколькихъ ферсенгахъ отъ Агувана. Впрочемъ, въ 1838 году мы нашли тамъ фуражъ для лошадей и много арбузовъ. Здѣсь находится также Чинаръ-Хане. Близъ каравансерая родникъ съ двумя бассейнами. Окружающія горы почти голы и представляютъ печальный видъ. Недалеко отъ Агувана, къ востоку, на возвышенности, дорога раздѣляется: правая ведетъ въ Мешедъ, а лѣвая черезъ Туи-Деваръ въ Астрабадъ.

8-я станція. Городъ Дамганъ (10 ферсенг. или 60 верстъ).— Путь отъ Агувана къ селенію Доулетабаду ведетъ сперва гора-

ми, а потомъ по отлогимъ спускамъ восточной покатости поманутой оѣрали горъ, значительнѣйшей на пути отъ Тегерана; она далеко простирается въ пустыню и направлена къ юго-востоку. Горы почти голы, но мѣстами находятся гребенщикъ, молочай и можжевелникъ. Послѣ 4-хъ ферсенговъ ѣзды, встрѣчается полуразваленный каравансерай Кутѣ, гдѣ находится и вода. Потомъ дорога выходитъ изъ горъ и пролегаетъ по большой равнинѣ, гдѣ зелѣютъ обработанныя поля, въ серединѣ которыхъ находятся Довлетъ-абадъ и другія селенія. Первое принадлежит мирохору, или конюху покойнаго шаха; оно окружено рвомъ и двумя стѣнами съ бойницами; содержитъ около 300 домовъ. Далѣе простирается опять пустыня въ три ферсенга до Дамгана, древняго Гекатомноліса Грековъ, столицы Паряевъ. Издали видны два шпица, поднимающіеся изъ пустыни — это минареты города. Вправо у горизонта синѣютъ высокія горы, а влѣво тянется цѣпь Албурзскихъ Горъ, здѣсь весьма высокая и представляющая живописный видъ. Главная коническая вершина ея лежитъ на сѣверо-западѣ отъ Дамгана; изъ нея вытекаетъ протокъ Чешмъ-Али (родникъ Али), орошающій городъ и окрестности его.

По словамъ Персіевъ, Дамганъ одинъ изъ числа пяти городовъ, выстроенныхъ вскорѣ послѣ потопа. Еще нынче развалины города простираются на 15-ть верстъ, въ серединѣ которыхъ находится около 300 обитаемыхъ домовъ. Щебенъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей не представляетъ ничего интереснаго для исторіи. Тамъ есть нѣкоторые храмы, построенные потомками Теймуръ-Ленгомъ. Внутренняя часть мечети, въ которой находится гробница имама Джеафара, украшена изразцовыми кирпичами съ разными весьма хорошими рисунками, представляющими людей, слоновъ, верблюдовъ, идоловъ и проч. Должно предполагать, что эти кирпичи были привезены изъ чужихъ странъ, потому-что искусство рисовать на фарфорѣ никогда не доходило до большого совершенства въ Персіи. Во время проѣзда русской миссіи, въ 1836 году, графъ Симоничъ досталъ здѣсь отъ одного муллы нѣсколько такихъ кирпичей; а какъ, случайно, въ этомъ самомъ году мулла потерялъ троихъ сыновей, то жители не преминули приписать несчастіе это гнѣву Неба за святотатственную продажу драгоценныхъ этихъ камней невѣрному. Мечеть названа Чегель-Дюхтеранъ (40 дѣвицъ), и два упомянутые минарета украшены кувическими над-

песями. Въ Дамганѣ лѣто нестерпимо-жаркое, даже для самихъ жителей; и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ палатки, оставляютъ городъ и проводятъ лѣто въ ближайшихъ горахъ, гдѣ воздухъ свѣжъ, а вода и пастбища въ изобиліи.

Отъ Дамгана горная дорога ведетъ черезъ Астанскъ, Чешмъ-Али, Тове и Саверъ въ Астрабадъ; другая же черезъ Астанскъ, Чешмъ-Али, Чалу, в долину Теджена въ Сари и Барфрушъ. Обѣ дороги подробно описаны Морьеромъ. Окрестности Дамгана хорошо обработаны, хотя многія развалившіяся селенія доказываютъ, что въ прежнее время народонаселеніе было значительно теперешняго.

9-я станція. Селеніе Деммолла (Dehimolla) (4 ферсенга или 24 версты).—Отъ Дамгана дорога пролегаетъ черезъ равнину, орошаемую отводными канавами отъ Чешмъ-Али, и многочисленными керизама (канаватами) или подземными канавами, которыми здѣшняя страна изобилуетъ, хотя большая часть изъ нихъ завалена. Объ этихъ керизахъ въ окрестностяхъ Гекатомполиса говорили древніе писатели Полибій и Діодоръ, которые также упоминаютъ о протокѣ Чешмъ-Али, подъ названіемъ Стибоетесъ (Stiboetes^{*)}). Вправо отъ дороги лежатъ три селенія, отдаленныя другъ отъ друга на одинъ ферсенгъ; первое названо Меймандостъ и при немъ находится искусственный курганъ въ родѣ укрѣпленія, гдѣ Надиръ-Шахъ (1729) разбилъ впервые Афганцевъ, которые потеряли здѣсь до 30 тысячъ челоуѣкъ. Второй разъ онъ побѣдилъ ихъ при Сирдара-Харъ (Сирдари Хаверъ) и третій разъ уже при селеніи Мучихаръ, близъ Испагана, и тѣмъ освободилъ западную Персію отъ ига Афганцевъ. Въ 4-хъ ферсенгахъ отъ Дамгана находится селеніе Кадыръ-Абабъ и далѣе, 1½ ферсенга, селеніе Деммолла, состоящее изъ 100 домовъ съ хорошими садами и обработанными полями; оно лежитъ 2,688 парижскихъ футовъ выше горизонта моря. Напротивъ находится селеніе Геддадѣ; между ними идетъ черта разграниченія, отдѣляющая Дамганъ отъ Бостама. Два мѣсяца послѣ смерти Фетхъ-Али-Шаха, шайка туркменскихъ разбойниковъ, изъ племени Текѣ, напала на Геддадѣ и увезла оттуда болѣе 60 челоуѣкъ. Большая часть почвы вдоль дороги напхтана солью. Въ 12-ти ферсенгахъ, къ юго-западу отъ Деммолла, распространяются равнины Хыръ, покрытыя травой и

*) Polybius X, 23; Diodorus, XVII 43.

солеными озерами. На этихъ равнинахъ дамганскіе пастухи проводятъ ежегодно зиму съ своими стадами, которыя тамъ находятъ изобильную пищу, равно и соль.

10-я станція. Мѣстечко Шарудъ (4 ферзенга, 2½ версты).— Дорога ровная и часто каменистая. Слѣва Албурэскія Горы, которыя съ самаго Тегерана не отдаляются отъ большой дороги далѣе 6-ти верстъ, приближаясь къ ней мало-по-малу, а справа тянется длинный рядъ колодцевъ (канаутовъ), на краю которыхъ видны обработанныя поля. Далѣе вправо находится цѣпь возвышеній, между которыми подымаются двѣ коническія и отдѣльно стоящія другъ отъ друга горы. Шарудъ прехорошее мѣстечко и содержитъ около 300 домовъ; въ немъ много жизни, свѣжести и чистоты. Улицы довольно широки и по нимъ текутъ ручьи съ отличною водою. Дома окружены садами, простирающимися далеко за городъ, который окруженъ слѣнами съ бойницами. Протокъ Шарудъ, или царская (шахская) рѣка, орошаетъ городъ и окрестности его. Многочисленныя лавки наполнены разными товарами; между ними встрѣчаются ситцы изъ Лейпцига и Россіи, ковры изъ Хорасана и Герата, конскія попоны съ яркими цвѣтами, работы туркменскихъ женщинъ, фарфоръ и фаянсъ изъ Астрахани, шали изъ Кермана и Кашмира, и множество свѣжихъ и сушеныхъ фруктовъ. Купцы и путешественники разныхъ народовъ, какъ-то: Персіане, Татары, Армяне, Жиды, Аравитяне, Туркменцы и проч. толпятся на базарахъ между своими лошадьми, верблюдами, ослами и овцами. Здѣсь, въ Шарудѣ, караваны, идущіе въ Мешедъ, запасаются разными припасами на дальній и утомительный путь, или отдыхаютъ на обратномъ пути отъ своихъ трудовъ. Городъ этотъ лежитъ 3414 парижскихъ футовъ выше горизонта моря, слѣдовательно, еще 1000 футовъ выше Мешеда. Въ мартѣ мѣсяцѣ жары не превышаютъ 10° въ тѣни, а въ июнѣ доходятъ до 25° въ полдень; но ночи почти всегда прохладны. На сѣверной сторонѣ Шаруда подымаются возвышенія, отъ вершинъ которыхъ глазъ обнимаетъ огромное пространство садовъ, полей и часть пустыни; между этими возвышеніями находятся ущелья, изъ которыхъ выходитъ рѣка Шарудъ и черезъ нихъ ведетъ также дорога въ городъ Бастамъ, главное мѣсто области; онъ отдаленъ отъ Шаруда на пять верстъ и расположенъ въ долинѣ, окруженной горами и въ сторонѣ отъ дороги, ведущей въ Мешедъ. Покойный Фетхъ-

Али-Шахъ, чтобъ избавиться отъ безпрестанныхъ набѣговъ Туркменцевъ, женился на дочери одного изъ родоначальниковъ Гокланскаго племени, и препоручилъ впоследствии правленіе области Бастама Исмаилу-Мирзу, сыну своему, рожденному отъ упомянутой Туркменки. Доходы Бастама были назначены на содержаніе отряда войскъ изъ ильджарей, или милиціи, для конвоирования пилигримовъ и отраженія набѣговъ туркменскихъ разбойниковъ. Говорятъ, однакожъ, что принцъ этотъ дѣлилъ съ Туркменцами добычу, доставляемую ими отъ несчастныхъ путешественниковъ; зато его устранили и отослали пѣвникомъ въ Тавризь. Въ Бастамѣ считаютъ около 500 домовъ, окруженныхъ валомъ въ развалинахъ. Могольскіе владѣтели построили здѣсь хорошія мечети. Здѣсь похороненъ Шейхъ-Банезидъ-Бастама, знаменитый персидскій философъ (Суфив) XII-го столѣтія. Надъ его могилкою былъ воздвигнутъ прекрасный памятникъ султаномъ Эльджайту-Худа-Бендѣ въ 689 году геджры, какъ видно изъ надписи, находящейся вокругъ свода при входѣ въ мечеть. Богатая и изобильно орошаемая долина, въ которой расположенъ Бастамъ, содержитъ еще около 20 деревень, жители которыхъ занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и производятъ пшеницу и ячмень въ большомъ количествѣ. Они происходятъ отъ Аравитянъ племени Амри, переселеннаго сюда еще во время халифовъ. Изъ номадовъ они сдѣлались осѣдлыми и почти вовсе забыли свой родной языкъ. Отъ Бастама ведетъ горная дорога черезъ хребетъ Албурзскихъ Горъ въ Астрабадъ, о которой слѣдуетъ подробное описаніе въ своемъ мѣстѣ. Теперь мы воротимся въ Шарудъ, гдѣ ежегодно проходятъ до 60 тысячъ пилигримовъ для поклоненія гробницамъ Имамъ-Ризи въ Мешедѣ. Они собираются караванами въ Шарудъ, или, лучше, въ Бедештѣ, селеніа, лежащемъ въ 6-ти верстахъ отъ перваго мѣста на краѣ пустыни.

11-я станція. Каравансерай Меіамей (10 ферсенговъ, или 60 верстъ). — Станы Туркменцевъ отдалены на три и на шесть дней пути отъ большой дороги, ведущей изъ Шаруда въ Мешедъ (Гокланы на три и Текѣ на шесть дней). По причинѣ этого пагубнаго сосѣдства пустыни, отдѣляющая Шарудъ отъ Мезинана и простирающаяся на 200 верстъ въ длину, была всегда весьма опасна; однакожъ послѣ экспедиціи, предпринятой Мухаммедъ-Шахомъ въ 1836 году противъ Гоклановъ и Юмудовъ, Туркменцы не дѣ-

лали больше набѣговъ и дорога эта теперь такъ безопасна, что даже курьеры наши проѣхали въ 1838 году пустыню безъ всякаго конвою. Прежде путники собирались обыкновенно въ селеніи Бедештѣ, лежащемъ, какъ выше сказано, на краю пустыни, отчего оно получило названіе свое (дештѣ, пустыня). Оно имѣетъ 70 дворовъ съ большими и многочисленными садами. Здѣсь пилигримы ждали часто довольно долго, покуда не собиралось большое ихъ число. Тамъ также присоединялся къ нимъ конвой, долженствовавшій провожать ихъ черезъ пустыню. Само собою разумѣется, что люди собиравшіеся со всѣхъ концовъ Персін, составляли всегда разнообразную толпу безъ начальника и безъ повинновенія и не отличались своею храбростью; Туркменцы побуждали ихъ каждый разъ, когда нападали на нихъ въ большомъ количествѣ. Морьеръ, въ своемъ «Хаджи-Баба» весьма вѣрно и удачно описалъ подобный караванъ въ пути по этой пустыни и нападеніе на него Туркменцевъ. Караванъ обыкновенно собирался въ путь при захожденіи солнца, чтобъ избѣгнуть дневныхъ жаровъ, нестерпимыхъ здѣсь въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ. Путники и пилигримы складывались, чтобъ заплатить конвою. Хотя пустыня эта почти безводна, но почва покрыта мѣстами разными травами; между ними встрѣчаются: терновые кусты, названные жителями гевенъ и употребляемые ими въ зимнее время вмѣсто топлива; потомъ еще волчецъ, къ которому верблюды такъ лакомы, и другія ароматическія травы. Тамъ, гдѣ растительность исчезаетъ, почва земли покрыта солью. Пустыня раздѣлена здѣсь на три магала (уѣзды), зависящія отъ Бастама, и народонаселеніе состоитъ изъ Аравитянъ и Персіянъ (арабъ-уа-аджемъ). Первые прибыли сюда изъ южной части Хорасана, особливо изъ Кайна, Туржиза и Туна, куда они были переведены изъ своего отечества халифомъ Меамунѣмъ. Дорога утомительна и не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ развалинъ бывшаго города Хожабада. Конвой всегда въ движеніи, ищетъ по песку слѣдовъ туркменскихъ конскихъ коньтъ и другихъ знаковъ, доказывающихъ присутствіе разбойниковъ; предосторожность увеличивается еще на разсвѣтѣ, когда Туркменцы обыкновенно дѣлаютъ нападенія свои, и путники успокоиваются тогда только, когда завидятъ сады и деревья селенія Меіамейн.

12-я станція. Каравансерай Аббасъ-абадъ (12 ферсенг. или 72 версты). — Селеніе или, лучше сказать, оазисъ Меіамей распо-

ложенъ на сѣверной покатости цѣпи горъ, отдѣляющей мѣсто это отъ Аббасъ-абада посредствомъ двухъ рядовъ возвышеній, пересѣкающихъ большую дорогу широкими и удобопроходимыми ущельями. Продольная долина эта, какъ вообще всѣ подобныя долины Ирака, направляется съ запада къ востоку и окаймлена къ сѣверу Албурзскими Горами, отдаляющимися здѣсь отъ большой дороги, а къ югу упомянутою цѣпью, еще до-сихъ-поръ неизслѣдованною, на южной покатости которой расположены селенія Біаръ-Чуменъ-Хани-худа. Въ Меіамеѣ считается 80 домовъ съ 400 жителями; тамъ также каравансерай, построенный Шахомъ-Аббасомъ въ 1064 году геджры, равно и ключъ съ хорошою водою подъ тѣнью огромныхъ деревьевъ (сикоморовъ). Отъ Меіамея до селенія Ибрагимъ-абада считается 9 верстъ и вправо отъ дороги тянутся цѣпи каменныхъ горъ, потомъ путь пролегаетъ по ущелью глинистыхъ и скалистыхъ возвышеній до Міандешта, селенія и каравансерая того же имени, лежащаго на открытомъ мѣстѣ. Дѣцнадцать верстъ далѣе къ востоку, близъ развалиннаго каравансерая Алгакъ (Alhakk), путь опять входитъ въ ущелья глинистыхъ возвышеній желтаго и красноватаго цвѣта до Аббасъ-абада. Пространство между этимъ мѣстомъ и Меіамеемъ было самое опасное для путешественниковъ. Туркменцы Текѣ, чтобъ достигнуть этой пустыни, принуждены были проѣзжать ущелье, названное Пули-Абришимъ, т. е. шелковый мостъ. По дорогѣ отъ своихъ ставовъ туда, они дѣлали только малые переходы и останавливались тамъ, гдѣ подожный кормъ. Прибывъ къ Бузку, т. е. къ мѣсту, гдѣ имѣли нажѣреніе напасть, они отыскивали себѣ довольно глубокой оврагъ въ окрестностяхъ, чтобъ скрыть лошадей своихъ и себя. Самые опытные изъ нихъ приближались и прятались за кустарниками или за возвышенностями, гдѣ, незамѣченныя, могли обозрѣвать большую дорогу и число путниковъ. Если успѣхъ казался имъ вѣроятнымъ, они давали сигналъ, имигъ всѣ садились на лошадей и съ быстротою молніи нападали на караванъ. Побѣжденными или побѣдителями, они всегда успѣшно удалялись и въ послѣднемъ случаѣ сажали плѣнниковъ на запасныхъ своихъ лошадей. Плѣнникъ много терпитъ во время пути: часто его тащатъ пѣшкомъ съ веревкою на шеѣ, или верхомъ съ завязанными руками и ногами. Но по прибытіи въ туркменскій ставъ (Убѣ), ему даютъ платья, ухаживаютъ за нимъ, даже желятъ его впоследствии, потому-что польза хозяина требуетъ,

чтобы пѣвниикъ его былъ хорошо содержимъ и здоровъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ продается въ Хивѣ отъ 25 до 30-ти томановъ, а если онъ дворянинъ или имѣеть богатыхъ родственниковъ, то надбавляютъ большую цѣну. Въ Хорасанѣ торгъ этотъ въ такомъ употребленіи, что часто цѣнятъ лошадей по числу пѣвнииковъ за нихъ отданныхъ. «Сколько ты заплатилъ за своего коня?» спросилъ однажды италмейстеръ покойнаго Аббасъ-Мирзы Мухаммедъ-Хана-Карая, который былъ тогда пѣвниикомъ. «Онъ мнѣ стоилъ пятнадцать негодяевъ, какъ ты», отвѣчалъ ему гордый ханъ. Часто случалось, что туркменскіе разбойники при своихъ набѣгахъ должны были нѣсколько дней поджидать свою добычу въ близости большой дороги. Въ такомъ случаѣ они располагались въ 4-хъ слѣдующихъ мѣстахъ, гдѣ есть вода: 1) въ 9-ти верстахъ отъ селенія Меіамей при возвышеніи; тамъ, въ 1831 году, индійскій принцъ, шедшій на поклоненіе въ Мекку, былъ ими ограбленъ и потерялъ половину числа своихъ людей; 2) въ 18-ти верстахъ далѣе къ востоку, при возвышенности, покрытой терновыми кустарниками; 3) третій Бузку былъ на половинѣ дороги, при каравансерая Міандештѣ и, наконецъ 4) послѣднее мѣсто, въ 12-ти верстахъ далѣе Міандешта, бывъ развалинъ каравансерая Алгаккъ, одно имя котораго приводило путниковъ въ ужасъ, по причинѣ частыхъ несчастій, случившихся здѣсь. На всѣхъ этихъ четырехъ мѣстахъ есть вода, но такъ мало, что хвосту каравана мало или ничего не достается; но, невзирая на то, источники эти весьма чтимы пилигримами, особливо алганской, потому-что путники, бывъ въ продолженіе 12-ти часовъ въ непрерывномъ страхѣ, молятся здѣсь, омываются и рады, что опасность миновалась.

13-я станція. Селеніе Мезицанъ (6 ферсенговъ или 36 верстъ).—Жители Аббасъ-абада потомки грузинской колоніи, переселенной сюда Шахомъ-Аббасомъ I-мъ въ числѣ 100 семействъ. Онъ построилъ здѣсь большой каравансерай и крѣпость, снабдилъ жителей провіантомъ, заплатилъ жалованье и употреблялъ всѣ способы, чтобы обезпечить ихъ; но послѣ смерти его колонія эта упала. Туркменцы неоднократно разграбляли окрестности, увозили большую часть жителей въ невольничество и разорили Аббасъ-абадъ такъ, что едва осталось теперь 50 семействъ. Жители снабжаютъ путешественниковъ дужными съѣстными припасами и фуражемъ. Обыкновенно дѣти селенія идутъ на встрѣчу путникамъ

и каждое дитя приглашает одного изъ нихъ остановиться у его родителей. Они имъ служатъ во время ихъ пребыванія и получаютъ за то подарокъ отъ путешественниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Туркменцы хитростью хотѣли овладѣть Аббасъ-абадомъ. Они приблизились къ крѣпости въ видѣ паллиримовъ съ знаменами впереди и распѣвая молитвы изъ Корана, какъ это дѣлаютъ Персіане, отправляющіеся въ Мешедъ на поклоненіе. Дѣти селенія Аббасъ-абада, замѣтивъ караванъ этотъ, вышли, по обыкновенію ихъ, на встрѣчу, но, къ счастью, узнали издалека по лицу мнимыхъ паллиримовъ, что они не Персіане, дали тревогу въ селеніи и тѣмъ спасли жителей отъ плѣна и разоренія. Рѣдкое семейство, которое не лишилось бы нѣсколькихъ членовъ, увозимыхъ Туркменцами, и вообще положеніе ихъ самое жалкое. Они давно позабыли родной языкъ свой, равно и вѣру христіанскую. Отъ Аббасъ-абада горная дорога ведетъ къ сѣверу въ Джоджермъ и далѣе, въ Хорасанскій Курдистанъ.

Путь, ведущій отъ упомянутаго селенія въ Мезинанъ, пролегаетъ по бесплодной равнинѣ, окаймленной съ сѣвера и съ юга отраслями известковыхъ горъ, изъ которыхъ самая высокая названа Ду-Шахѣ (два рога), по причинѣ двухъ бугровъ, составляющихъ вершину ея. Послѣ двухъ ферсенговъ ѣзды, находится мостъ Пули-Абришимъ, построенный Шахомъ-Надиромъ надъ протокомъ съ соленою водою. Претокъ этотъ отдалялъ, по мнѣнію Надира, Хорасанъ отъ Иракъ-Эджема, но граница эта не принята новыми географами. Кабиръ или соленая пустыня распространяется вправо отъ дороги и представляетъ необозримую равнину, покрытую солью, изъ которой мѣстами подымаются бугры и горы, точно острова изъ океана. Послѣдніе четыре ферсенга ведутъ по волнистому и каменистому мѣстоположенію до Мезинана. Мѣсто это представляетъ теперь кучу развалинъ и, должно быть, было прежде значительнымъ городомъ. Мезинанъ расположенъ на сѣверномъ краѣ Кабира, который входитъ здѣсь во внутрь Хорасана. Въ 1833 году тамъ жили еще 1,000 семействъ, но Туркменцы совершенно разорили его въ 1834 году, и теперь не остались болѣе 100 семействъ. Каравансерай, крѣпостца, построенная на курганѣ и бѣдное селеніе—вотъ все, что осталось отъ прежняго Мезинана, развалины котораго покрываютъ большое пространство. Замѣчательно, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ отдѣльно находится куча развалинъ, буд-

то бы здѣсь были построены три разные города; особливо третья изъ этихъ громадъ представляетъ остатки большихъ домовъ, построенныхъ по одному плану; но все исчезло, и жители даже не знаютъ, когда они были построены и кѣмъ разорены.

14-я станція. Селеніе Риведъ (5 ферсенг. или 30 верстъ).— Пустыня оканчивается послѣ 3-хъ первыхъ ферсенговъ. При большомъ селеніи Сюрхе (Сюдхаръ), погруженномъ, такъ сказать, въ зелени садовъ и полей, начинается опять плодородная страна. Надобно совершить три дня ѣзды по бесплодной пустынѣ, покрытой голыми горами и солью, чтобъ имѣть понятіе о пріятномъ впечатлѣніи при встрѣчѣ зеленыхъ полей и садовъ съ фруктовыми деревьями. Между Сюдхаромъ и Мезинаномъ идетъ черта границы, отдѣляющая область Бастама отъ Себзеvara. Шестъ верстъ далѣе Сюдхера, встрѣчается группа селеній и на самой дорогѣ каравансерай Міиръ или Мееръ, построенный Аббасомъ II-мъ въ 1075 году геджры. Селеніе того же имени съ 50 домами и отличною водою расположено въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу отъ каравансерая. Далѣе простирается опять бесплодная степь, покрытая сѣрымъ колчеданомъ съ черными гольшами, до селенія Риведа съ 80 домами, лежащаго вправо отъ дороги, а на самой дорогѣ построенъ каравансерай того же имени съ хорошимъ водохранилищемъ. Жители этого уѣзда много занимаются шелководствомъ. Изъ шелка выдѣлываютъ тесьму, нитки, грубые платки и проч. для собственнаго употребленія. Эта отрасль промышленности могла бы быть болѣе усовершенствована, потому-что туовыя деревья находятся во всѣхъ садахъ южнаго Хорасана. На здѣшнихъ поляхъ растутъ также хлопчатая бумага и даже ленъ. Холстъ, выдѣланный жителями, вывозятъ въ Семнанъ и Тегеранъ. Продольная долина, въ которой расположены Міиръ, Риведъ и другія селенія, довольно широко, къ югу тянется почти параллельно Албурзскимъ Горамъ, другая высокая цѣпь горъ отдѣляетъ долину эту отъ турквизской долины.

15-я станція. Городъ Себзеvarъ (4 ферсенг. или 24 версты).— Во все время перехода отъ каравансерая Риведъ къ Себзеvarу, по широкой и ровной дорогѣ, виднѣнъ высокій минаретъ. Прекрасный этотъ памятникъ господствуетъ надъ развалинами древняго города, названнаго жителями Хозругаръ. Онъ построенъ изъ жирнаго кирпича, имѣетъ около 80 футовъ вышины и три надписи

изъ Корана кругомъ минарета въ разныхъ высотахъ. Онъ находится въ шести верстахъ отъ Себзеvara. Далѣе встрѣчается Абъ-Амбаръ, или магазинъ воды, какъ называютъ водохранялица въ Персіи. Подобныя построенія сходны другъ съ другомъ въ цѣломъ Иранѣ. Кирпичная лѣстница подъ сводомъ спускается внизъ подъ поверхность земли; послѣдняя ступенька находится наравнѣ съ водою, которая такимъ образомъ скрыта отъ солнечныхъ лучей, не испаряется и бываетъ всегда прохладна.

16-я станція. Каравансерай Зеаферуй (5 ферсенговъ или 30 верстъ). — Себзеvarъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Хорасана и былъ когда-то весьма значителенъ. Онъ построенъ Сасаномъ, сыномъ Бамана, и разоренъ Теймуръ-Ленгомъ и Афганцами. Теперь остались въ кучѣ развалинъ 400 домовъ, окруженные стѣною съ бойницами и башнями; покрытые базары, однакожъ, просторны и тянутся черезъ цѣлый городъ; они даже лучше мешедскихъ базаровъ. Окрестности города плодородны; почва земля состоитъ изъ глины съ колчеданомъ. Равнина, на которой расположенъ Себзеvarъ, имѣетъ около 120 верстъ въ длину отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и отъ 60 до 80 верстъ ширины; къ югу она окаймлена высокою цѣпью горъ, простирающеюся съ востока къ западу, самая высокая вершина которой находится прямо противъ Себзеvara къ югу и названа Ку-мишъ. Цѣпь горъ на сѣверѣ отъ города есть отрасль главнаго края Албурза; она здѣсь не такъ высока и оканчивается отлогими возвышеніями. Себзеvarъ, съ зависящими отъ него землею и деревнями, платитъ ежегодно 20 тысячъ томановъ наличными деньгами въ казну, равно 8 тысячъ халваровъ пшеницы. Окрестности города усажены селеніями; дома, какъ вездѣ въ Хорасанѣ, имѣютъ круглые своды, вмѣсто чердака и построены изъ глины или сырыхъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ.

Отъ Себзеvara дорога ведетъ къ востоку по огромной равнинѣ, орошаемой многочисленными протоками, черезъ селеніе Саудаль-Абадъ и мимо другихъ деревень, на протяженіи 4-хъ ферсенговъ. Послѣдній ферсенгъ ведетъ ужъ по безплодной пустынѣ, гдѣ находится развалившійся каравансерай Зеаферуй, самый большой въ цѣлой Персіи. Говорятъ, что онъ имѣлъ болѣе 1000 комнатъ и могъ служить убѣжищемъ нѣсколькимъ тысячамъ людей, лошадей и вьючному скоту. Дикое и уединенное мѣстоположеніе его часто

служило притономъ разбойникамъ. Происхожденіе имени или названія его украшено разными преданіями. Напротивъ его построенъ теперь Кале или укрѣпленіе, окруженное стѣною съ бойницами. Новый каравансерай съ селеніемъ выстроенъ еще на дорогѣ отъ Садилабада къ Зеаферуй.

17-я станція. Селеніе Гуссейнъ-абадъ или (5 ферсенговъ 30 верстъ). — Къ востоку отъ Зеаферуй мѣстность начинается быть волнистою, и мало-по-малу дорога входитъ въ ущелье, при входѣ котораго находятся развалины каравансерая. Ущелье это образовано отраслью, отдѣляющеюся отъ Албураскихъ Горъ и представляетъ голыя, каменистыя и глинистыя горы красноватаго цвѣта, и нѣсколько живописныя виды, особливо при входѣ. Ручей протекаетъ часть ущелья. Дорога извивается по немъ на протяженіи 3-хъ ферсенговъ, а при выходѣ находится полуразваленный каравансерай Сенги-Кейлидоръ—притонъ разбойниковъ. Далѣе вправо лежитъ селеніе Шурабъ (солонватая вода), довольно далеко отъ дороги, такъ-что караваны тамъ рѣдко ночуютъ, а предпочитаютъ для ночлега селеніе Гусейнъ-абадъ.

18-я станція. Городъ Нишапуръ (6 ферсенговъ или 36 верстъ). — Селеніе Гусейнъ-абадъ расположено на открытой и широкой долинѣ, которая хорошо орошаема и обработана. Дорога оборачивается здѣсь къ сѣверо-востоку и проходитъ по мѣстамъ, занимаемымъ турецкимъ племенемъ Беіятъ, которое почти исключительно обитаетъ окрестности Нишапура. Влѣво остается Кале или крѣпосца Тузендегонъ, и далѣе вправо большое селеніе (Касаба) Шерабадъ, окруженное стѣнами съ бойницами и башнями, принадлежащее Имамъ-Верди-Хану Беіяту, который часто возмущался противъ правительства. Наконецъ достигаютъ до знаменитаго Нишапура, погруженнаго въ садахъ *).

Равнина Нишапурская, шириною отъ 45 до до 90 верстъ, распространяется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку на 100 или 120 верстъ. Вышеупомянутое ущелье къ западу отъ Нишапура отдѣляетъ ее отъ другой долины, простирающейся до Аббасъ-абада, потому она пересѣчена въ третій разъ Алгакскимъ и Міандештскимъ

*) Отъ каравансерая Зеаферуй ведетъ еще другая дорога въ Нишапуръ; она направляется южнѣ первой и обходитъ вышеупомянутое ущелье; ее выбирали прежде, когда опасно было пройти черезъ это ущелье безъ надежнаго похода; теперь же первая дорога безопасна и гораздо короче послѣдней.

ущельями и тянется наконецъ къ Шаруду и далѣе къ юго-западу. Всѣ эти равнины можно назвать плоскими высокими долинами, окаймленными съ юга и съ сѣвера высотами болѣе или менѣе значительными. Къ сѣверо-западу отъ Нишапура видна высокая гора, Беналу-ку, гдѣ находятся богатыя руды съ бирюзкою. Она принадлежитъ къ главному кряжу Албурза, который тянется къ востоку отъ Нишапура и соединяется потомъ къ юго-востоку съ высотами Туржиза и Турбета, такъ-что отрасль горъ отдѣляетъ городъ Нишапуръ отъ Мешедъ, куда ведутъ двѣ горныя дороги: одна, прямая, черезъ Деррудъ и Джаеркъ и непроходимая для артилеріи; другая, обгибающая часть съ южной ихъ стороны, ведетъ потомъ черезъ селеніе ШериФъ-абадъ и переходитъ наконецъ черезъ хребетъ, на сѣверной сторонѣ котораго расположенъ городъ Мешедъ.

Равнина, въ которой расположенъ г. Нишапуръ и многочисленныя селенія, принадлежитъ къ самымъ богатымъ и прекраснымъ странамъ Ирана. Хотя покатоности горъ, у подошвы которыхъ большею частью расположены селенія голыя и состоятъ изъ чистаго колчедана, но онѣ изобилуютъ прозрачными ручьями, протоками и искусственными подземными канавами, оплодотворяющими богатые фруктовые сады, огороды и поля, которыми окружено каждое селеніе. Слава Нишапура вошла въ пословицу между Персіянами и, слѣдовательно, весьма преувеличена. Они говорятъ, что въ прежнія времена считалось во всѣхъ уѣздахъ (магалахъ) Нишапура до 14 тысячъ селеній, орошаемыхъ 18 протоками и 12 тысячами канавами. Теперь остались только однѣ развалины и остатки прежняго блеска.

Нисамъ, Нисаія или Нишапуръ, древнѣйшій городъ. Эбнъ-Гаукаль считаетъ его однимъ изъ 4-хъ главныхъ городовъ Хорасана вмѣстѣ съ Гератомъ, Балхомъ и Мервомъ, присовокупляя, что въ цѣломъ Хорасанѣ нѣтъ города, гдѣ бы можно было найдти лучшей климатъ и чистый воздухъ. По словамъ персидскаго автора, Гамдолла-Мюстауфи, городъ былъ основанъ Тамурасомъ-Дивбендомъ, но возобновленъ по новому плану Шапуромъ, сыномъ Ардешира-Бабагана; онъ же увеличилъ городъ и далъ ему имя свое. Съ-тѣхъ-поръ Нишапуръ названъ былъ матерью хорасанскихъ городовъ (Умму-белади-Хорасанъ). Въ 605 году геджры землетрясеніе уничтожило его до основанія. Послѣ городъ былъ

перенесенъ на другое мѣсто и снова разоренъ землетрясеніемъ. Слѣды этихъ развалинъ можно найти на южной сторонѣ горъ, съ восточной же вытекаетъ протокъ Нишапуръ, который весьма быстръ при выходѣ изъ горъ, и на немъ построено нѣсколько мельницъ. Городъ Нишапуръ не одними только землетрясеніями былъ многократно разоренъ, но много потерпѣлъ еще отъ набѣговъ Туркменцевъ и Монголовъ. По словамъ восточныхъ писателей, свирѣпный Дженгизъ-Ханъ умертвилъ здѣсь въ продолженіе 12-ти дней до милліона жителей, но все-таки Нишапуръ воскресъ изъ своихъ развалинъ и въ 900 году геджры онъ былъ еще столицею Хорасана. Впослѣдствіи, однако, городъ этотъ упалъ, а мѣсто его заняли г. Тусъ и, наконецъ, Мешедъ.

Теперь Нишапуръ имѣетъ до 2 тыс. домовъ съ 10 тыс. жителями. Онъ окруженъ стѣною съ бойницами и башнями, равно и многочисленными развалинами, которыми покрыто огромное пространство. Жители показываютъ разныя мѣста, на которыхъ городъ ихъ былъ построенъ въ прежнія времена, также курганъ, лежащій къ востоку отъ города, на которомъ, по словамъ ихъ, находился дворецъ Шапура. Сады занимаютъ гораздо больше пространства, нежели нынѣшній городъ. Базары снабжены товарами и жизненные припасы весьма недороги. Доходы Нишапура простираются ежегодно до 60 тысячъ томановъ наличными деньгами и окрестности даютъ значительное количество пшеницы. Здѣшніе фрукты, особливо арбузы и дыни, славятся во всемъ Хорасанѣ; кромѣ того, область эта производитъ сарачинское пшено, разные овощи, шелкъ и отличный ривазъ или дикій ревень въ большомъ количествѣ. Въ окрестностяхъ города находятся гробницы двухъ извѣстныхъ персидскихъ поэтовъ Шейха-Феридюдина-Аттарса и Омара-Шиама; другіе же памятники въ развалинахъ и лежатъ въ разоренныхъ садахъ въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ (*Piniae*), гдѣ видны еще остатки фонтановъ, каскадовъ и бассейновъ. По словамъ Персіанъ, Нишапуръ имѣетъ и теперь еще 12 магаловъ, каждый съ 100 селеніями; но число это, вѣроятно, преувеличено.

19-я станція. Селеніе Деррудъ (6 ферсенговъ, 36 верстъ).— Отъ г. Нишапура дорога ведетъ къ востоку по плодородной равнинѣ, пересѣченной во всѣхъ направленіяхъ длинными рядами колодезъ съ высокими краями, показывающихъ теченіе подземныхъ каналовъ. Вездѣ видны обработанныя поля, а оставленные подъ

парь, тотчас покрываются терномъ, волчецомъ, кустарниками и травой, гдѣ верблюды, ослы и бараны находятъ изобильную пищу. Послѣ первыхъ ферсенговъ Персіяне показываютъ развалины, принадлежащія, по ихъ словамъ, городу, построенному Нимрородомъ. Въ 3-хъ верстахъ вправо отъ Дерруда находится селеніе Кадамгіа, котораго ниже слѣдуетъ подробное описаніе.

Селеніе Деррудъ, т. е. ворота ручья, представляетъ одно изъ превосходнѣйшихъ мѣстоположеній Персіи. Оно расположено при выходѣ быстрого протока того же имени изъ скалистаго ущелья и имѣетъ около 200 домовъ; лежитъ на южной покатости цѣпи горъ, отдѣляющихъ нишапурскую равнину отъ Хорасанскаго Курдистана и Мешеда. Селеніе это главное мѣсто уѣзда или Балуха того же имени съ 12 деревнями, дающими ежегодно до 5 тысячъ томановъ дохода. Въ 1834 году здѣсь владѣлъ Мирза-Гассанъ-Ханъ, который тайно содержалъ шайку разбойниковъ и соперничалъ съ Туркменцами въ грабежѣ. Правительство Мешеда увѣчало его неоднократно на дѣлѣ, но Мирза-Гассанъ-Ханъ каждый разъ успѣвалъ отдѣлываться деньгами и подарками. Недалеко отъ Дерруда лежитъ селеніе Турукъ-бей, живописно окруженное садами и большими нивами, на которыхъ пасутся табуны лошадей, принадлежащихъ поселянамъ окрестностей.

20-я станція. Селеніе Джаеркъ (8 ферсенговъ, 48 верстъ).— Протокъ Деррудъ отъ начала своего до выхода изъ упомянутаго ущелья, на протяженіи семи ферсенговъ, течетъ непрерывными каскадами по руслу, состоящему изъ аспидныхъ скалъ, и оба его берега покрыты селеніями, садами и виноградниками. Протокъ бѣжитъ въ довольно узкой долинѣ и дорога ведетъ вверхъ по ней между плодородными мѣстами, тутовыми и каштановыми деревьями, тополями и нивами. Фруктовые сады поднимаются террасами на покатостяхъ горъ по обѣимъ сторонамъ долины, и вообще мѣстоположеніе очаровательно. Послѣ 3-хъ часовъ ѣзды отъ Дерруда, при древнемъ каравансераѣ, начинается крутой подъемъ, который зимою весьма затруднителенъ, потому-что горы тогда покрыты снѣгомъ и льдомъ; лѣтомъ онѣ голы съ рѣдкими терновыми кустарниками. Послѣ перевала черезъ хребетъ, дорога спускается по восточной покатости крутыи уступами и ведетъ потомъ опять по живописной долинѣ съ садами, виноградниками и фруктовыми деревьями до селенія Джаеркъ (Джукеркъ, Джекиркъ). Подъемъ

до перевала считается 4 часа, а спускъ 5 часовъ ѣзды. Высочайшая точка этого перевала лежитъ до 3,000 футовъ выше селенія Дарруда и до 6,000 футовъ выше горизонта моря, слѣдовательно, дорога ведетъ черезъ одну изъ высочайшихъ цѣпей Албурза, отдѣляющую тутъ обѣ столицы Хорасана. Въ весеннее время персидскіе богомольцы поднимаются и спускаются по этимъ живописнымъ долинамъ при пѣніи соловьевъ, при шумѣ водопадовъ посреди очаровательной природы и вполне чувствуютъ разницу между здѣшними мѣстами и тѣми голыми пустынями, которыя они прошли. Перевалившись черезъ хребетъ, при ясной погодѣ, видѣется уже золотой куполъ большой мечети г. Мешеда, и богомольцы привѣтствуютъ ее съ радостными восклицаніями и слезами, падаютъ на колѣни и молятся Иمامу-Ризѣ, благодаря его, что онъ ихъ сохранилъ во время дальнаго пути и осчастливилъ видѣть гробницу его.

21-я станція. Городъ Мешедъ (5 ферсинг. или 30 верстъ).— Селеніе Джаеркъ имѣетъ до 90 дворовъ и расположено на лѣвомъ берегу горнаго протока; жители занимаются преимущественно садоводствомъ и сѣютъ также пшеницу. Дорога продолжаетъ вести по живописнымъ мѣстамъ, усѣянными селеніями, хуторами, садами и виноградниками, минуетъ большое селеніе Тургабъ и, наконецъ, путники достигаютъ знаменитаго Мешеда.

ВТОРАЯ ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ ОТЪ НИШАПУРА ВЪ МЕШЕДЪ *).

Селеніе Кадамге (4 ферсенга или 24 версты).— Другая дорога изъ Нишапура ведетъ къ юго-востоку черезъ обработанную равнину, усѣянную селеніями, садами, полями и изобильно-орошенную до селенія Кадамгѣ (слѣдъ ноги), лежащаго на высотѣ. Прекрасная аллея изъ великолѣпныхъ кедровъ (Piniae), въ серединѣ которой течетъ прозрачный ручей, ведетъ къ небольшой мечети, расположенной на террасѣ подъ тѣнью вѣковыхъ кедровъ и чинаръ, съ живописными водопадами. Мечеть эта заключаетъ въ себѣ большое сокровище для шиитовъ, а именно, слѣды ногъ Имама-Ризы,

*) Россійско-императорская миссія при тегеранскомъ дворѣ слѣдовала, въ 1838 году, на обратномъ пути своемъ отъ Герата до Тегерана, по вышеописанной дорогѣ, отъ Мешеда черезъ селенія Шермезъ-абада до Нишапура.

на черномъ камнѣ, вдѣланномъ въ боковой стѣнѣ. Персіяне весьма уважаютъ эту драгоценность и нѣсколько Сейдовъ, или потомки Мухаммеда, живутъ здѣсь и показываютъ камень этотъ проѣзжающимъ. При проѣздѣ россійско-императорской миссiи здѣсь, въ 1838 году, графъ Симоничъ далъ имъ зато въ подарокъ 4 червонца, для раздѣла которыхъ набожные Сеиды и потомки Мухаммеда жестоко дрались между собою.

Оврагъ Диспетъ (4 ферсенга или 24 версты). — Отъ селенiя Кадамгѣ путь ведетъ сначала по равнинѣ, потомъ ужъ по возвышенiямъ, составленнымъ изъ послѣднихъ покатоостей горъ вышеупомянутой цѣпи, съ долгими, но отлогими спусками и подъемами до глубокаго оврага Диспетъ, гдѣ находится вода и подножный кормъ.

Селенiе Шерифъ-абадъ (4 ферсенга или 24 версты). — Путь продолжается непрерывными подъемами и спусками, обгибаетъ южныя покатоости горъ, и идетъ мимо каравансерая, хорошо сохраненнаго снаружи, но разореннаго внутри. Далѣе встрѣчается плоская возвышенность, на которой находится уединенно только одно вѣковое дерево, и дорога продолжаетъ спускаться и подыматься до селенiя Шерифъ-абада, расположеннаго въ узкой долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами и орошаемой протокомъ. Оно имѣетъ много фруктовыхъ садовъ; каждый окруженъ стѣною, а самое селенiе обведено стѣною съ бойницами.

Городъ Мешедъ (5 ферсенговъ, или 30 версты). — Недалеко отъ селенiя Шерифъ-абада начинается крутой подъемъ, трудный для артиллерiи (которая принуждена была отыскивать себѣ обходъ), и дорога ведетъ къ с. сѣверо-востоку черезъ главный хребетъ горъ, отдѣляющихъ Нишапурскую Равнину отъ г. Мешеда. Кряжъ этотъ состоитъ изъ известковыхъ, глинистыхъ и песчаныхъ горъ и переходъ утомителенъ, по причинѣ непрерывныхъ спусковъ и подъемовъ. Между горами встрѣчаются, однакожъ, живописныя долины съ тучными пастбищами. Послѣднiй спускъ довольно-отлогъ и ведетъ по долинѣ вдоль протока, при которомъ построены нѣсколько мельницъ, на Мешедскую Равнину, потомъ мимо каравансерая и селенiя Турюха, обработанныхъ полей и многочисленныхъ развалинъ до вынѣшней столицы Хорасана, о которой слѣдуетъ говорить подробнѣе.

Мешедъ, названный Персiянами Мешедъ-и-Мукадестъ, т. е. освя-

шенное мѣсто, занимаетъ мѣсто прежняго незначительнаго селенія Зинабада, и получилъ важность свою только съ того времени, когда Имамъ-Риза, одинъ изъ потомковъ Алія, былъ похороненъ здѣсь возлѣ Гарунъ-аль-Рашида. Съ-тѣхъ-поръ городъ Мешедъ замѣнилъ г. Тусъ, бывъ до того времени главнымъ городомъ Хорасана. Гауёръ-Ша, супруга Шахъ-Роха, сына Теймуръ-Ленга, первая построила мечеть надъ гробницею Имама-Ризы, которая до-сихъ-поръ считается однимъ изъ лучшихъ строеній Персїи. Шахъ Тамаспъ I-й, Аббасъ-Великій и особливо Надиръ-Шахъ украшали гробницу имама драгоценными сооружениями и подарками, и мѣсто это сдѣлалось священнымъ, куда ежедневно стекались многочисленные поклонники-шииты со всѣхъ сторонъ Ирана, принося богатую дань гробу имама. Жители развалившагося города Туса переселились болѣею частью въ Мешедъ, народонаселеніе котораго увеличивалось постепенно. Во время царствованія Аббаса-Великаго городъ этотъ былъ опустошенъ Узбеками (1587), которые умертвили или увезли въ невольничество большую часть жителей. При завоеваніи восточной Персїи Афганцами и при войнахъ Надиръ-Шаха съ ними, городъ Мешедъ также много потерялъ и Надиръ былъ умерщвленъ, не успѣвъ окончить начатыхъ имъ построекъ для украшенія Мешеда *). Вокругъ его, Шахъ-Рохъ, умеръ здѣсь въ нищетѣ и драгоценности мечети Имама-Ризы были расхищены собственными сыновьями Шахъ-Роха. Междоусобная война и неоднократные набѣги Туркменцевъ опустошили и разорили Мешедъ, такъ-что изъ прежняго его великолѣпія остались только куча развалинъ и огромныя кладбища, между которыми шатаются множество фанатическихъ мулловъ, сейдовъ, факировъ, дервишей, нищихъ и плутовъ, живущихъ легковѣрностью и простотою прїѣзжающихъ богомольцевъ.

Мешедъ раздѣленъ на 32 квартала, назъ магаллѣ, но многіе изъ нихъ совсѣмъ пусты, другіе же покрыты садами, развалинами и обширными кладбищами, потому-что достаточные Персїане стараются быть похоронены здѣсь, поблизости Имама-Ризы.

*) Въ каменоломнѣ при озерѣ Урміи, въ недалекомъ разстояніи отъ города Марага, въ Азербайжанѣ, до-сихъ-поръ видны большіе обтесанные камни изъ мрамора, приготовленные по повелѣнію Надиръ-Шаха и назначенные для украшенія мечети Имама-Ризы въ Мешедѣ.—(I. Malcolm Hist. of Persia, vol. 2, p. 48. Note).

зы, и каждый караванъ приносить гробы съ покойниками со всѣхъ сторонъ Персіи. Широкій бульваръ съ деревьями и лавками съ обѣихъ сторонъ тянется черезъ городъ съ востока къ западу; онъ пересѣченъ священнымъ кварталомъ (саанъ), гдѣ находятся мечети и гробница имама. Прекрасная мечеть Гау-ѣръ-Ша, равно и богатая гробница вышеупомянутаго имама, съ своими минаретами и вызолоченными куполами, были подробно описаны и срисованы Фрезеромъ *); здѣсь прибавляется еще нѣсколько замѣчаній относительно боготворенія Персіянами своего имама.

Между высокопарными арабскими надписями, которыми покрыты куполъ минарета и входъ въ гробницу, имени имама предшествуетъ титулъ владѣтеля, царя изъ царей, султана и всѣ другія нынѣшнія принадлежности (attributs) царскаго достоинства. Али носитъ титулъ шаха Неджефа (Неджа), и каждый изъ его многочисленныхъ потомковъ названъ шахзадѣ или царскій сынъ. Имама-Ризу величаютъ въ его могилѣ такъ, какъ самого шаха въ тегеранскомъ дворцѣ. Имаму этотъ имѣетъ собственную свою казну и своего казначея (казнадаръ), своего перваго министра (мотевелли) своихъ министровъ, ширзъ, конюховъ, до 500 ферашей или слугъ, и свою конюшню. Доходы его послѣ богоугодныхъ завѣщаній отъ разныхъ земель, лежащихъ въ Хорасанѣ, въ Гератѣ и въ Кабулѣ, простираются ежегодно до 16 тысячъ томановъ, не считая богатую дань отъ многочисленныхъ богомольцевъ, приѣзжающихъ ежедневно въ Мешедъ; словомъ, при его дворѣ не достаетъ только бани и гарема. Счастливы тотъ индигримъ, которому позволяютъ мести дворъ мечети Имама-Ризы. Одинъ набожный Персіанинъ занимался въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль очисткою внутренняго свода купола надъ гробницею имама, окопченнаго дымомъ множества лампадъ, горящихъ тамъ день и ночь. Онъ употреблялъ для этой трудной и опасной работы платокъ свой, и долженъ былъ вѣситься и подыматься на веревкѣ, потому-что сводъ довольно-высокъ и діаметръ его имѣетъ болѣе 100 футовъ.

*) James B. Fraser narrative of a journey into Khorasan p. 436—548. Arthur Canolly journey over land, vol. I. ch. XII et XVIII.

Народонаселеніе Мешедѣ простирается до 30 тысячъ жителей, въключая изъ этого числа богомольцевъ, которые ежедневно пріѣзжаютъ сюда. Дома вообще построены съ просторными дворами среди садовъ; вѣтви деревьевъ и виноградныя лозы обвиваютъ стѣны вдоль улицъ, что даетъ городу видъ и прохладу селенію. Только въ кварталѣ Саанъ дома тѣсно построены и имѣютъ даже два этажа, чтобъ выиграть мѣсто; здѣсь оно весьма дорого, потому-что каждый старается жить ближе къ имаму.

Жары въ лѣтнее время нестерпимы, и вода, сохраняемая въ бассейнахъ и водохранилищахъ, нездорова. Лихорадки и поносы свирѣпствуютъ осенью и происходятъ отъ излишняго употребленія фруктовъ. Развратность нравовъ дошла до высочайшей степени въ Мешедѣ, особливо между женщинами. Во время прохода персидской арміи черезъ Мешедъ, въ 1838 году, Мухаммедъ-Шахъ велѣлъ войскамъ стать лагеремъ подъ стѣнами этого города, а женщинамъ не показываться на улицахъ. Уровень улицъ часто выше дворовъ, такъ-что нужно спускаться на нѣсколько ступеней, чтобъ войти въ домъ или во дворъ, что произошло, вѣроятно, отъ кучи развалинъ, которыми наполнены были улицы въ разныя времена.

Жидаы, коихъ въ 1838 году считалось около 400, презираемы Персіянами, и ихъ обижаютъ на каждомъ шагу. Послѣ нашего проѣзда черезъ Мешедъ, въ томъ же году, они были ограблены чернью и многіе изъ нихъ были умерщвлены. Жидаы занимаются здѣсь, какъ вездѣ, торговлею, особливо отдѣльваніемъ бирюзы, торгъ которою весьма значителенъ въ Мешедѣ. Каждый изъ многочисленныхъ богомольцевъ покупаетъ нѣсколько ея на память, и всѣ каравансеран наполнены точильщиками, золотыхъ дѣлъ мастерами и другими ремесленниками, занимающимися отдѣлкою и opravкою бирюзы. Большое количество этихъ камней отправляется изъ Мешедѣ черезъ Бухару въ Россію, другіе ее вывозятъ въ Индію и во внутрь Персіи. Та, которая съ бѣлыми пятнами довольно-дешева, но чистая бирюза, съ яркимъ лазуревымъ цвѣтомъ, весьма дорога и цѣна увеличивается съ ея величиною. Самая простая бирюза, оправленная въ оловянныхъ кольцахъ, продается дюжинами. Здѣсь выдѣльваютъ также чашки, тарелки, блюда, кофейники и рукомытники изъ сѣраго горшечнаго камня и ихъ вывозятъ въ большомъ количествѣ во всю Персію.

Число богомольцевъ, посѣщающихъ ежегодно Мешедъ, простирается до 60,000 и почти каждый изъ нихъ имѣеть по крайней мѣрѣ по одному лошаку или верблюду съ товарами, которые онъ продаетъ или мѣняетъ въ Мешедѣ. Главная отрасль торговли этого города, кромѣ бирюзы, составляетъ привозъ мерлушекъ изъ Каракула въ Бухаръ, число которыхъ простирается до 150,000 и болѣе шкурокъ ежегодно. Пара самыхъ тонкихъ и кудрявыхъ мерлушекъ продается здѣсь за 2½ и 3 томана; ихъ употребляютъ большею частью для выдѣлыванія персидскихъ шапокъ. Изъ Шираза привозятъ финики, табакъ, лимоны и слоновую кость. Изъ Испагана бархатъ и бумажныя издѣлія (кадэкъ); изъ Кермана шали, опиумъ или теріакъ, геннѣ и индиго (ниль); изъ Индостана сахаръ, леденецъ, пряныя коренья, кораллы, драгоценныя камни, кхсею и индиго; изъ Герата ассафетиду (ангузѣ), шафранъ (лучшій сортъ привозятъ изъ Кайна) и фисташки; изъ Езда термаламу и сахаръ; изъ Кашана разную мѣдную посуду, шелковыя и бумажныя издѣлія; изъ Бохары мерлушки и разныя русскія издѣлія; но послѣднія, привозимыя изъ Мазандерана въ Мешедъ теперь дешевле, какъ-то: чай, бумага, юфть, зеркала, хрусталь и фарфоръ, желѣзная и мѣдная посуда, сукна и мелочныя товары; изъ Туркменіи привозятъ: войлоки, конскія попоны и покрывала, ковры, мѣшки или хурджины, равно и лошадей. Продажа товаровъ вообще простирается ежегодно на 400,000 томановъ. Пошлину съ нихъ берутъ весьма значительную. Купцы подвержены разнымъ притѣсненіямъ со стороны правителей Мешеда *).

Городъ этотъ — мѣстопробываніе губернатора Хорасана. До 1840 года тамъ находился дядя Мухаммедъ - Шаха, Алеіаръ-Ханъ съ титуломъ Асефуд-Довлета. Здѣсь находится также гарнизонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ Фауджовъ афрбсѣйджанскихъ войскъ, которыхъ должно смѣнять черезъ каждые два года.

Подробнѣйшія описанія Мешеда можно найти въ сочиненіяхъ Фрезера, Бориса и Канолли **).

*) Canolly

***) Canolly. Fraser. Alex. Burn.

Описание дороги, ведущей изъ Нишапура вдоль южныхъ предѣловъ Хорасанскаго Курдистана до Шаруда, составленное въ 1834 году А. И. Ходзько, нашимъ консуломъ въ городѣ Рештѣ *).

1-й переходъ.—Меадѣнъ, или бирюзовые рудники. (8 ферсенговъ, 48 верстъ).

На протяженіи 5-ти первыхъ ферсенговъ дорога направляется къ сѣверо-западу, черезъ равнину, отдѣляющую Нишапуръ отъ отрасли Албурзскихъ Горъ, о которой было сказано при описаніи этого города, и путь врозегаетъ между селеніями, огородами и обработанными полями. Веналу-ку, самая высокая гора этой отрасли, круглый годъ покрыта снѣгомъ и изъ нея вытекають всѣ протоки, орошающіе Нишапурскую Равнину. По мѣрѣ того, какъ путникъ приближается къ этимъ горамъ, растительность бѣднѣетъ и ее замѣняютъ наконецъ голыя, глинистыя возвышенности краснаго цвѣта, покатоств которыхъ покрыты частью солью, а въ ихъ рытвинахъ, изрытыхъ дождемъ, течетъ соленая вода. Въ окрестностяхъ этихъ возвышенностей находятся двѣ большія руды каменной соли: одна въ $1\frac{1}{2}$ ферсенга по сю сторону бирюзовыхъ рудъ, извѣстна подъ названіемъ Дулетали и принадлежащая правительству; другая же Меадени-немерзаръ, въ полчаса хода отъ первой, принадлежитъ частному человѣку. Пройдя печальную эту страну соли, путь продолжается по скалистымъ горамъ, покрытымъ растительностью; здѣсь, между прочими растеніями, изобилуетъ ривазъ или дикій ревень (*Rheum tharonticum*), который вообще весьма часто встрѣчается въ окрестностяхъ Нишапура. Наконецъ, послѣ 8-ми ферсенговъ вѣды, достигаютъ двухъ укрѣпленныхъ селеній, построенныхъ на возвышеніяхъ въ серединѣ узкой долины. Ихъ называютъ Меадѣнъ, т. е. рудники, потому-что въ скалистой горѣ, поднимающейся надъ ними съ сѣверной стороны, добывается бирюза. Жители этихъ селеній—переселенцы изъ Бадахшана, рудокопы и откупщики вмѣстѣ и платятъ правительству ежегодно 500 томановъ за откупъ бирюзовыхъ рудниковъ.

*) Только Англичанинъ Фрезеръ посѣщалъ окрестности Нишапура и бирюзовыя руды въ 1822 году; но ни одинъ Европеецъ, кромѣ г-на Ходзько, не проходилъ вышеупомянутый путь.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія объ этихъ рудахъ, можетъ быть, не совсѣмъ точны: они собраны лицомъ, мало-свѣдующимъ въ минералогіи *), но они любопытны подробностью своей и новостью предмета.

Скала, въ которой находится бирюза, есть родъ мрамора темно-краснаго цвѣта, мелкаго зерна и походитъ много на порфиръ, хотя она не испещрена бѣлыми пятнами, какъ послѣдній. Она содержитъ много желѣза; по-крайней-мѣрѣ, присутствіе этого металла вездѣ видно. Добываемая здѣсь бирюза раздѣляется на три разряда.

а) Фирузей-зенги, добывается въ разбитыхъ камняхъ или скалахъ, въ которыхъ она находится.

б) Фирузей-хаки, добывается въ выкопанныхъ шахтахъ (pits) на покатосяхъ горъ.

в) Бирюза, находимая въ обломкахъ скалъ, оставленныхъ или забытыхъ прежними рудокопами.

При первомъ взглядѣ видно, что ни порядокъ, ни знаніе дѣла никогда не входили въ разработку рудниковъ. Въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ упомянутой горы, открыли галереи, выкопали шахты, вырыли ямы, но все это наудачу, безъ всякаго порядка и плана. Правительство никогда не обращало ни малѣйшаго вниманія на производство этихъ работъ.

Самые значительные рудники перваго разряда:

1) Абдѣръ-Раззакъ, самая большая руда, содержащая, какъ говорятъ, лучшую бирюзу. Длинныя и большія галереи проникали далеко въ скалу; тамъ работали съ факелами; но главная галерея разрушилась въ 1832 году и съ тѣхъ-поръ входъ къ этимъ рудникамъ совершенно закрытъ. Теперь работники роютъ только въ обломкахъ, чтобъ отыскивать бирюзу, ускользнувшую отъ вниманія прежнихъ рабочихъ. Бирюза эта большею частью мелка, но безъ пятенъ и самаго красиваго цвѣта.

2) Мадени-сія (черный рудникъ).

3) Герри-сефидъ (бѣлая пещера).

4) Шан-пердаръ (крылатый царь или шахъ).

Въ этихъ рудникахъ бирюза находится въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ поверхности скалы, но ~~никогда~~ на самой поверхности, и тамъ, гдѣ ее находятъ, зерно порфира обыкновенно

*) А. И. Ходзько.

довольно твердо, большею-частью точно будто съѣдено влияніемъ посторонняго вещества, мягко, какъ известь, и желтоватаго цвѣта. Бирюза не кристаллизована, какъ, напримѣръ, аметистъ; она также облѣплена въ ея маткѣ и вообще не имѣетъ никакого рода кристаллизаціи, свойственной другимъ драгоценнымъ камнямъ. Бирюза разбросана внутри своей матки мелкими, голубыми жилками, или она лежитъ тамъ отдѣльно обернутая известью, бѣлаго цвѣта съ той стороны, гдѣ она непосредственно прикасается къ бирюзѣ, а желтоватаго цвѣта снаружи. Казалось-бы, что бирюза составлена изъ мелкихъ кусковъ того же самаго порфира, какъ ихъ матка, и одарена не только нужными свойствами противиться дѣйствию ѣдкаго вещества, которое проникаетъ, но даже извлекать изъ этого вещества голубой цвѣтъ свой. Замѣчательно, что бирюза всегда мягче нежели скала, въ которой она лежитъ.

Рудниковъ бирюзы втораго разряда только два:

- 1) Хурруджи.
- 2) Кіемери - Хаки (песчаная каменоломня).

Роясь въ хрящѣ, ее находятъ поодиначкѣ безъ обертки; но надобно имѣть опытный глазъ, чтобъ замѣтить ихъ между другими голышами. Этимъ хрящомъ наполняютъ рѣшето и обмываютъ его въ прудѣ, находящемся при рудникахъ Хурруджи; камни, очищенные отъ грязи, которою они покрыты, принимаютъ опять свой природный цвѣтъ, и тогда бирюза легко различается отъ другихъ камней. Случается, что въ этихъ рѣшетахъ находятъ куски извести, слегка выкрашенные голубымъ цвѣтомъ, и столь хрупкіе, что они ломаются при малѣйшемъ давленіи пальца.

Персіяне имѣютъ еще другой разрядъ бирюзы: они называютъ бирюзу новой руды (тазе меаденъ) ту, которая блѣдна и находится большими кусками въ землѣ; изъ нея дѣлаютъ разныя украшенія для лошадей и проч. Названіе конѣ-меаденъ, т. е. изъ старыхъ рудниковъ дано бирюзѣ лучшаго качества; ее добываютъ изъ рудъ Абдѣръ-Раззакъ, Герри-сефилъ, Хурруджи и проч. Показываютъ чашу, въ величину малой чайной чашки, сдѣланную изъ одного куса бирюзы новой руды. Вообще рудники эти, единственные въ мірѣ, въ большомъ упадкѣ. Правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ для удрушенія ихъ, а плутовство и грубое невѣжество рудокоповъ довершаютъ ихъ разрушеніе. Они извѣстны уже

съ древнихъ временъ, и бирюза всегда была считаема любимымъ камнемъ Персіанъ, суевѣріе которыхъ въ этомъ отношеніи весьма велико. Они доньнѣ увѣрены, что бирюза предохраняетъ отъ несчастій, отгоняетъ дурные сны и что взгляды, брошенные на нее рано поутру, бережетъ ихъ на цѣлый день отъ всякаго зла; оттого - то произошло ея имя фирузъ, т. е. счастливъ, побѣдоносенъ. Персіане украшаютъ даже ею шею и хвосты любимыхъ своихъ лошадей, и украшеніе это служитъ вмѣсто талисмана; каждый изъ нихъ носитъ по-крайней-мѣрѣ по одной бирюзѣ на пальцѣ, оправленной въ серебряныя или оловячныя кольца, но никогда въ золотыя. Цѣна бирюзы весьма увеличилась съ-тѣхъ-поръ, какъ главный рудникъ разрушился, и на мѣстѣ цѣнятъ за бирюзу яркаго цвѣта, безъ пятенъ и величиною въ малый бобъ, отъ 20-ти до 50-ти и болѣе томановъ; мелкая бирюза, напротивъ, продается дешево.

Подробнѣйшія свѣдѣнія относительно нишапурскихъ рудниковъ можно найти въ сочиненіи Фрезера, посѣтившаго Меаденъ въ началѣ 1822 года *).

2-й переходъ.—Селеніе Берзену. (4 ферсенга, или 24 версты).

Отъ Меадена дорога направляется болѣе къ сѣверу и пролегаетъ по гористой, но прекрасной странѣ, изобилующей тучными пастбищами и рывазомъ (дикимъ ревенемъ). Здѣсь встрѣчается множество куропатокъ. Горные протоки со всѣхъ сторонъ бросаются въ долину и орошаютъ ее; но страна эта мало населена и число селеній весьма ограничено.

3-й переходъ.—Селеніе Бойъ. (7 ферсенговъ или 42 версты).

Направленіе пути къ сѣверо-западу. Первые 5 ферсенговъ до предѣловъ Нишапурскаго Магала ведутъ до богатому краю, хорошо обработанному. Множество селеній, изъ которыхъ главныя Кучекъ-Нурузы и Жумъ, окружены богатыми фруктовыми садами. Миновавъ отрасль Беналу-Ку, путникъ приближается къ главному хребту Албурзскихъ Горъ и свѣжій горный воздухъ уже весьма чувствителенъ. При селеніи Хейбарадъ проходитъ граница между Нишапуромъ и Бомомъ; послѣднее селеніе есть главное мѣсто уѣзда того же имени, обитаемаго монгольскимъ племенемъ Богафри, переселившимся изъ Хорчу-Хозай въ Туркестанъ, и посели-

*) J. B. Frasers narrative of a Journey into Khorassan ch. XVI p. 407—421.

лось сюда во время царствованія Шаха-Измаила-Сефи. Другое по-колѣніе, того же имени, названное Жіоглу, кочуетъ за Кучаномъ. Начальникъ цѣлаго племени теперь Мухаммедъ Ханъ Богайри, а въ его отсутствіе — сынъ его, Аббасъ-Кули-Ханъ.

Бомъ, хорошее мѣстечко, расположено въ серединѣ равнины, на нѣсколькихъ возвышеніяхъ, одинаковой высоты и будто нарочно нивелированныхъ для сего предмета. Богайри говорятъ турецкимъ языкомъ, какъ вообще всѣ мужики Хорасана, принадлежащіе къ племенамъ, говорящимъ татскимъ нарѣчіемъ. Надобно полагать, что послѣдніи коренные жители Хорасана.

4-й переходъ.—Сел. Міанабадъ. (7 ферсенговъ или 42 версты).

Дорога направлена къ западу и пролегаетъ по равнинамъ скудно орошаемымъ; большія селенія исчезаютъ, но замѣтно нѣсколько обработанныхъ полей. Для предохраненія земледѣльца отъ нечаянныхъ нападеній Туркменцевъ, построили здѣсь мѣстами убѣжища, состоящіа изъ четырехугольныхъ крѣпостей съ бойницами и башенками на углахъ. Все племя Богайри ведетъ кочевую жизнь; лѣто они проводятъ на Ейлакѣ, а зимою на Кышлякѣ. Два раза въ годъ, т. е. весною и осенью номады эти застѣваютъ нѣсколько полей и оставляютъ ихъ безъ всякаго присмотра до жатвы. Послѣ первыхъ ферсенговъ дорога входитъ въ передовыя горы главнаго хребта Албурза черезъ селеніе Дегенѣ (Déhéné), лежащее на скалистой горѣ Бельбоглу, живописно покрытой можжевельникомъ. Въ 3-хъ ферсенгахъ далѣе къ западу встрѣчается селеніе Ейасъ, а за нимъ начинается магалъ, или уѣздъ Эсферанъ, изобильно орошаемый и, слѣдовательно, весьма плодородный. Главное мѣсто этого уѣзда селеніе Міанабадъ; горный протокъ бѣжитъ съ Албурзскихъ Горъ, которыя показываются здѣсь во всемъ своемъ величіи, и орошаетъ множество садовъ и виноградниковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Міанабада замѣтны развалины древняго города, но посѣщать ихъ опасно, потому-что онѣ служатъ часто притономъ туркменскимъ разбойникамъ. По рассказамъ одного міанабадскаго муллы, упомянутыя развалины названы Саба, и протокъ, орошающій ихъ, Бельизъ (Belhыз); оба имени находятся въ Священномъ Писаніи. По всемъ вѣроятностямъ, развалины эти принадлежатъ къ древнему городу Эсферанну. Границы Боля и Міанабада вмѣстѣ: къ сѣверу и востоку суть принадлежности трехъ главныхъ городовъ Курдистанскаго-Хорасана, Буджнурда,

Ширвана и Кучана, отдѣленные отъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ главнымъ хребтомъ Албурза; къ югу земли Джовейна, къ западу Джоджермъ, а къ юго-востоку нишанурскія помѣстья. Главная часть народонаселенія Эсферанна Курды и природный начальникъ ихъ Неджефъ - Али - Ханъ Буджнурскій; но, по причинѣ частыхъ измѣнъ его, онъ былъ лишенъ управленія этимъ уѣздомъ, который поступилъ въ вѣдѣніе Фетхъ - Али - Хана Каджара, брата Асейфу-Довлета (Алеяръ-Хана).

Эсферанскіе Курды красивѣе сосѣдей своихъ, Богайръ, которые монгольскаго происхожденія, хотя оба племени смѣшиваются взаимными браками. Въ ихъ одеждѣ они ничѣмъ не отличаются отъ Персіянъ, кромѣ черной бараньей шапки одинакой ширины какъ сверху, такъ и внизу, и кафтанами полосатой матеріи изъ Хивы, подобными тѣмъ, которые носятъ Бухарцы, живущіе въ Россіи. Что касается до женщинъ, онѣ не закрываютъ лица и между ними были бы весьма красивыя, если бъ онѣ не безобразили себя страшнымъ украшеніемъ, но имени тѣне: онѣ прокалываютъ себѣ одну ноздрю и продѣваютъ въ нее какую-нибудь драгоценность, болышею-частью бирюзу. Одежда ихъ напоминаетъ, мною видѣнныхъ на старыхъ персидскихъ картинахъ женщинъ гарема шаховъ сефійскихъ, время зендской династіи. Чалма ихъ по-большой части черная, обвернута кругомъ множествомъ косъ, пересѣкающихся со всѣхъ сторонъ. Широкая рубашка нигдѣ не связана и доходитъ ниже колѣнъ, а узкія шаравары, какъ у Армянокъ, поддерживаемыя шнуркомъ, обхватываютъ талію. Одежда женъ богатыхъ Курдовъ не различается ни въ чемъ; только платье ихъ изъ шелка, между-тѣмъ, какъ у простаго народа оно изъ грубой бумажной матеріи, и шаравары ихъ вышиты золотомъ или обшиты позументомъ. На лбу онѣ носятъ рядъ серебряныхъ или золотыхъ монетъ; часто дѣвушка носитъ все свое приданое на лбу.

Увѣряютъ, что въ этой странѣ изъ 10-ти земледѣльцевъ нѣтъ двухъ, которые не были бы въ долгахъ. Лишь только одинъ человекъ попадетъ въ плѣнъ къ Туркменцамъ, всѣ родственники складываются и выкупаютъ его, если онъ уже не проданъ Узбекамъ или Хивинцамъ. Бѣднякъ за это долженъ потомъ работать нѣсколько лѣтъ сряду, и часто цѣлую жизнь, чтобъ выплатить сумму его вы-

купа; счастливъ онъ, если несчастье это случится съ нимъ только одинъ разъ; а бываютъ Курды, выкупаемые два и даже три раза своими родственниками.

5-й переходъ. — Сел. Туи. (7 ферсенговъ или 42 версты).

Первые три ферсенга ведутъ по плодородной равнинѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ горами средней высоты. Большія селенія разбросаны по равнинѣ, между которыми замѣчательны Бурджъ, Зѣнѣ и Фериманъ; послѣднее съ развалинами древняго города того же имени. Еще въ 1830 году селеніе Фериманъ имѣло до 700 обитаемыхъ домовъ; теперь осталось ихъ только 30; но окрестности покрыты полями въ пару; это доказываетъ, что прежде здѣсь находилось значительное народонаселеніе. Неджефъ-Али-Ханъ, начальникъ Буджнурда, приготовляясь отразить нападеніе покойнаго Аббасъ-Мирзы, построилъ здѣсь крѣпость, въ которой онъ заперъ всѣхъ жителей окрестности и силою заставилъ ихъ защищаться. Часть этихъ несчастныхъ погибла или разсѣялась, другая же попала въ руки Туркменцевъ. Нѣсколько верстъ за Фериманомъ и на дорогѣ находится сел. Иреджъ о 80-ти дворахъ, съ обширными полями, засѣянными пшеницею. Вторая половина перехода напоминаетъ бесплодную пустыню Мезинана, окаймляющую Ээферайнъ съ юго-запада и юго-востока.

6-й переходъ. — Селеніе Курша. (4 ферсенга, или 24 версты).

Село Туи (Касаба) имѣетъ только 60 домовъ и зависитъ отъ Ээферайна; теперь оно находится подъ властью Ханлеръ-Ханы, начальника татарскаго племени Карачурлу, которое здѣсь кочуетъ. Изъ Туи видны вершины Мезинанскихъ Горъ въ направленіи къ юго-юго-западу; между этими вершинами находится отраль, черезъ которую проходитъ ущелье Пули-Абришимъ. Прямая черта, соединяющая Туи съ крѣпостью Нердинъ (отдѣленные другъ отъ друга разстояніемъ въ 216 верстахъ), поперечно проходила бы черезъ рубежъ, по которому Туркменцы должны проѣзжать, чтобъ достигнуть большой дороги богомольцевъ между Беденитомъ и Себсеваромъ. Въ юнѣ полноводіе рѣки Гюргени не позволяетъ Туркменцамъ переправляться большими шайками, и только нѣсколько изъ отважнѣйшихъ переплываютъ черезъ эту рѣку.

Дорога направлена къ западу и пролегаетъ черезъ необработанную равнину, усѣянную кустарниками и ароматическими травами. Трудно вообразить себѣ немовѣрное количество разможив-

шихся здѣсь джейрановъ и дикихъ ословъ. Самымъ опаснымъ мѣстомъ считается мѣсто на половинѣ дороги между развалинами каравансерая Кылли, напротивъ Дербендъ-Шоганъ (ворота Шоганъ) съ правой стороны и развалинами древняго укрѣпленія съ лѣвой: Туркменцы прилчутся въ засадѣ въ этихъ развалинахъ и наблюдаютъ за путниками. Приближаясь къ этому мѣсту, конвой каравана зажигаетъ фитили своихъ ружей, внимательно осматриваетъ окрестности и продолжаетъ путь свой съ большою осторожностью. Здѣшніе жители приписываютъ Туркменцамъ всѣ свойства и хорошія качества отличной лягавой собаки, т. е. тонкое чутье, вѣрный глазъ, неутомимость въ преслѣдованіи и никогда необманивающей инстинктъ. Только джейранъ и Туркменецъ, говорятъ они, чувуютъ въ разстояніи цѣлаго ферсенга запахъ горящаго фитиля, и по этой причинѣ благоразумнѣе приближаться къ нимъ идя противъ вѣтра. Замѣчая слѣды ногъ на пескѣ, Туркменецъ можетъ опредѣлять возрастъ и полъ особы, оставляющей эти слѣды, равно и время, въ которое она проходила. Въ 1832 году (сказывали они) караванъ, назначенный въ Мазандеранъ, прошелъ здѣсь съ болѣе 40 туфенгджи, провожавшими его; миновавъ развалины каравансерая Кылли, они воображали быть внѣ опасности и погасили фитили. Туркменцы въ засадѣ ожидали только этого момента; съ быстротою молніи они бросились на несчастный караванъ и взяли всѣхъ въ плѣнъ, прежде нежели туфенгджи успѣли зажечь опять фитили свои.

7-й переходъ.—Сел. Джаджермъ. (9 ферсенговъ, 54 версты).

Отъ самаго селенія Бома горы окружаютъ дорогу съ обѣихъ сторонъ небольшими массами, но онѣ расположены параллельными уступами и отраслями и отдѣлены другъ отъ друга равнинами. Дорога вездѣ широка и ровна. Ага-Мухаммедъ-Гассанъ, родственникъ начальника Бурджнурда, владѣетъ Куршею, селеніемъ изъ 160 дворовъ. Три ферсенга далѣе находится водохранилище, единственное мѣсто, гдѣ путникъ можетъ утолить жажду свою въ продолженіе длиннаго и утомительнаго перехода; сводъ, его покрывающій, развалился и песокъ вокругъ этого абамбара утопанъ копытами дикихъ ословъ и джейрановъ. За этимъ водохранилищемъ мануетъ опасность отъ нападенія Туркменцевъ и дорога дѣлается гористомъ, пересѣченномъ оврагами; растительность исчезаетъ.

Джаджермъ, главное мѣсто уѣзда того же имени, имѣетъ 250 дворовъ съ цитаделью, построенною на возвышенности среди селенія. Прежде уѣздъ этотъ принадлежалъ къ Мазандерану, но покойный Фетхъ-Али-Шахъ причислилъ его къ Бастаму, въ слѣдствіе чего три турецкія племена, Гирайлу, Ремезанлу и Желляль-еддынъ, кочевавшія здѣсь, переселились въ Мазандеранъ, исключая нѣсколькихъ семействъ перваго племени, которыя остались здѣсь. Проѣзжая черезъ это селеніе, А. И. Ходзько видѣлъ цѣлое народонаселеніе, собранное на крышахъ своихъ домовъ и старавшееся прогнать криками, камнями и ружейными выстрѣлами тучу саранчи, которая была ужь готова съѣсть на ихъ поля. Приключеніе это не имѣло бы ничего замѣчательнаго, еслибъ другое обстоятельство не доказывало, что то же самое суевѣріе встрѣчается въ разныхъ странахъ, и часто въ томъ же видѣ. Здѣсь жители также имѣютъ чудесную воду, названную ими аби-соръ, т. е. вода скворцовъ, которую отыскиваютъ въ горахъ Міанабада, чтобы привлечь ею эту драгоценную птицу, уничтожающую саранчу. Въ Эджмидзинскомъ Монастырѣ также есть ключъ этой драгоценной воды, могуществу которой вѣрятъ мусульмане и посылаютъ туда за этою водою, когда опустошительный бичъ — саранча показывается на ихъ поляхъ. На вершинахъ Кафланъ-ку тоже показываютъ ключъ которому приписываютъ ту же силу. Въ самомъ дѣлѣ, скворецъ существуетъ тамъ, гдѣ саранча, и онъ множество этихъ насекомыхъ уничтожаетъ; но, вѣроятно, инстинктъ этой птицы заставляетъ ее слѣдовать за саранчою, безъ всякаго содѣйствія упомянутой воды, неимѣющей силы привлечь скворцовъ. Какъ бы то ни было, въ но Джаджермѣ правиломъ считаютъ, что человекъ, посланный за водою, не долженъ глядѣть назадъ, и во все время переѣзда его посуда, въ которой сохраняется вода, не должна касаться земли.

8-й переходъ. — Крѣпосца Нердинъ. (9 ферсенговъ или 54 версты).

Дорога наклоняется къ западу и входитъ въ самыя высокія горы главнаго Албурзскаго Хребта. При выходѣ изъ сел. Джаджерма, встрѣчаются остатки прекраснаго укрѣпленія, выстроеннаго на курганѣ племенемъ Желляль-еддынъ; вездѣ видны развалины прежнихъ селеній. Два ферсенга далѣе, находятся два большія

селенія, Ивѣн Дѣрѣ. весьма близко другъ отъ друга, о 130 дворахъ. Жители занимаются торговлей, разными ремеслами и, между прочимъ, также маклерствомъ товара, весьма отыскиваемого Туркменцами, т. е. невольниковъ. А. И. Ходзько познакомился здѣсь съ однимъ изъ этихъ маклеровъ; его звали Молла-Мухаммедъ, съ прозваніемъ Деллаль, т. е. доставщикъ людей (Деллаль собственно значитъ руководитель, отсюда и маклеръ). Ремесло его, весьма выгодное, состояло въ облегченіи способовъ для выкупа или вымѣна плѣнныхъ, взятыхъ Туркменцами или Персіянами. Деллальи эти увѣдомляютъ родственниковъ плѣнника о его здоровьи, о мѣстѣ пребыванія его, торгуются съ ними о цѣнѣ выкупа и проч. Они имѣютъ знакомыхъ отъ Астрабада до самой Бухары, и ремесло ихъ доставляетъ имъ вездѣ свободный доступъ; они могутъ даже проѣзжать безопасно всѣ кочевья туркменскихъ разбойниковъ, окружающихъ Хорасанъ. Молла-Мухаммедъ, напимѣръ, не имѣетъ определенной вѣрры, а принимаетъ всегда ту, которая господствуетъ въ той странѣ, которую онъ посѣщаетъ; зато съ его перемѣнчивою вѣрою онъ вездѣ найдетъ единовѣрцевъ, согласуется и живетъ дружно со всѣми. Онъ знаетъ по именамъ всѣхъ старшинъ (Аксакаль) племени Тѣкѣ, знаетъ наизусть имена ихъ любимыхъ лошадей, знаетъ самыя скрытныя тропинки, ведущія въ ихъ станы; но что всего лучше, онъ объ этомъ никому не говоритъ ни слова, ибо малѣйшая нескромность съ его стороны стоила бы ему жизни, или по-крайней-мѣрѣ онъ потерялъ бы всю довѣренность, а съ нею и хлѣбъ свой. Онъ былъ въ Оренбургѣ, даже въ Москвѣ, и по словамъ его пріѣхалъ изъ Хивы черезъ Мервъ. Онъ же рассказывалъ А. И. Ходзько, что русскій плѣнникъ, стоитъ въ Хивѣ вдвое болѣе нежели персидскій, потому-что первый сильнѣе и трудолюбивѣе; часто платили за русскаго плѣнника до 100 томановъ (1000 рублей).

За вышеупомянутыми двумя селеніями начинается пустыня; почва земли ея глинистая и покрыта солью; здѣсь Туркменцы также часто разбойничаютъ, и тѣмъ свободнѣе, что, при неудачѣ, они могутъ скрыться въ горахъ, окружающихъ пустыню. Въ двухъ ферсенгахъ отъ селеній находится водохранилище съ хорошею водою, но въ которой множество насѣкомыхъ.

9-й переходъ. — Сел. Тильбадъ. (6 ферсенговъ или 36 верстъ).

Нердинская долина глубока, въ видѣ котла, и окружена высокими горами. Къ востоку видна черная вершина горы Караулъ-ку, господствующей надъ пастбищами Кіелпуша (Калпушъ) и станами туркменскаго племени Гокланъ, которые отдалены отъ Нердина только на шесть часовъ ѣзды. Къ сѣверу поднимаются огромныя скалы, покрытыя, подобно мазандеранскимъ горамъ, можжевелниковыми кустарниками. Въ серединѣ этой величественной природы расположена крѣпосца Нердинъ, о 130 домахъ; она защищена высокими валами и еще болѣе храбростью начальника его Мухаммедъ-Гассанъ-Хана, изъ племени Темиръ - Таши, т. е. желѣзнаго камня. Онъ прекрасный мужчина съ густою бородою и одушевленнымъ взоромъ; ему отъ - роду 34 года; онъ родился здѣсь. Съ юности онъ провожалъ отца своего въ набѣгахъ противъ Туркменцевъ, сдѣлался славнымъ набѣзникомъ и навелъ страхъ на нихъ. Персидское правительство помѣстило его здѣсь, въ Нердинѣ, въ качествѣ диванъ-бегиръ т. е. ловца воровъ, освобождая отъ податей принадлежащія ему два селенія. У него только 100 всадниковъ, но каждые два мѣсяца онъ посылаетъ нѣсколько туркменскихъ головъ въ Тегеранъ. Онъ видѣлъ регулярныя войска покойнаго Аббасъ - Мирзы, но не имѣетъ къ нимъ довѣренности, особливо противъ Туркменцевъ, и говорилъ А. И. Ходзько что онъ научилъ бы Аббасъ - Мирзу какъ нападать на этихъ разбойниковъ и наказывать ихъ, прибавляя персидскую пословицу: «только собака знаетъ собачье лекарство».

Дорога наклоняется къ юго - западу съ непрерывными подъемами и спусками между скалами и горами, принадлежащими къ Кушаръ и Чинакчи, двумъ уѣздамъ Астрабада. Растительность здѣсь прекрасная; взоръ вездѣ встрѣчаетъ можжевелникъ, самшитъ, дикія смоконичныя и миндальныя деревья, барбарисъ и проч. На покатосяхъ горъ видѣются селенія, изобильно орошаемыя и окруженныя садами. Въ двухъ ферсенгахъ недохода сел. Тильабада, находится прекрасное село, или касаба Кашидеръ съ 200 домами, жители котораго говорятъ уже испорченнымъ персидскимъ языкомъ, какъ Мазандеранцы. Въ продолженіе дѣлаго перехода цѣпь Албурскихъ Горъ представляется во всемъ своемъ величій.

10 - й перѣходъ. — Селеніе Мегъ. (6 ферсенговъ или 36 верстъ).

Сел. Тильбадъ имѣеть только около 50 дворовъ. За нинѣ дорога подымается на гору, называемую Хошъ-Ейлакъ, и спускается съ ней, наклоняется къ юго-юго-западу къ Бастамскому Уѣзду, выходя мало-по-малу изъ горъ. Первый ферсенгъ пролегаетъ по странѣ, покрытой богатою растительностью; но по мѣрѣ того, какъ путникъ приближается къ югу, бесплодность почвы увеличивается и тропинка извивается между обрывистыми скалами, черезъ песчаныя, голыя и бесплодныя возвышенности до самаго Мегза, селенія о 70 дворахъ съ базаромъ, окруженнаго валами и большими садами, принадлежащаго уже къ Бастаму.

11-й переходъ. — Городъ Шарудъ. (7 ферсенговъ или 42 версты).

Городъ Бастамъ находится на западѣ отъ Мегзы. Первые два ферсенга пролегаютъ по ровной дорогѣ прямо къ западу, потомъ слѣдуетъ пройти ущелье, съ вершины перевала котораго открывается богатая долина Бастамская; она узка, но простирается съ востока къ западу на 20 версты; на западномъ концѣ ея расположенъ городъ Бастамъ; остальная часть долины занята селеніями. (Города Бастамъ и Шарудъ были описаны выше).

МАРШРУТЪ

Персидской арміи отъ Тегерана по горной хорасанской дорогѣ до береговъ р. Юргени, въ Туркменіи, и обратно до Шаруда, въ 1836 году.

Вскорѣ послѣ востшествія Мухаммедъ-Шаха на персидскій престолъ, онъ предпринялъ походъ противъ Герата и, собравъ армію, оставилъ Тегеранъ въ іюнѣ 1836 года, направляя путь свой по горной хорасанской дорогѣ; но, достигнувъ Калпуша, онъ обратился къ берегамъ рѣки Юргени, чтобы покорить прежде туркменскія племена Юклана и Юмуда. Экспедиція эта нѣ имѣла совершеннаго успѣха и персидская армія опять перешла черезъ Албурз-

скія Горы въ величайшемъ безпорядкѣ. Вотъ маршрутъ, которымъ она слѣдовала; я постарался прибавить, по возможности, нѣкоторыя подробности объ этой дорогѣ, взятая мною изъ сочиненія Морьера.

1-й переходъ.—рѣка Джаджерудъ. (4 ферсента или 24 версты).

Переѣзжая нѣсколько протоковъ, вытекающихъ изъ Шемирунской Горы, которыми орапаается равнина Тегерана, дорога направляется къ востоку и входитъ въ бесплодныя горы, безъ воды, съ непрерывными подъемами и спусками. На половинѣ перехода находится незначительное селеніе Сурхѣ-Гезаръ; дорога вообще гористая и трудная. Нѣсколько верстъ недоходя до рѣки Джаджеруда, она опускается въ глубокую долину, въ которой расположено селеніе того же имени на берегу этого быстрого протока, текущаго въ широкомъ, но перемѣнчивомъ руслѣ, менѣе или болѣе глубокомъ до выхода его изъ горъ, гдѣ жители Вераминской Долины отводятъ воду этого протока для орошенія своихъ полей. Въ весеннее время вода Джаджеруда вдругъ подымается отъ таянія снѣговъ, и тогда онъ течетъ съ невообразимою быстротою, унося все, что встрѣчаетъ. Фетхъ-Али-Шахъ построилъ здѣсь каравансерай съ банею. Дровъ и подножнаго корма здѣсь нѣтъ.

2-й переходъ.—Селеніе Бомеёнъ. (2½ ферс. или 15 верстъ).

Отъ рѣки Джаджеруда дорога опять входитъ въ бесплодныя, необитаемыя горы, и продолжается такимъ образомъ до сел. Асталека, лежащаго на половинѣ дороги; далѣе она дѣлается лучше, не столько камениста, и ведетъ въ большое селеніе Бомеёнъ, лежащее влѣво отъ дороги, идущей къ городу Демавенду, до котораго отсюда считается около 3-хъ ферсентовъ. Бомеёнъ расположенъ на берегу горнаго протока, текущаго къ югу и также орашающаго Вераминскую Равнину. Нѣсколько селеній находятся выше Бомеёна; между ними сел. Аа, поблизости котораго выстроены лѣтній домъ шаха — Баги-зюмурудъ, т. е. садъ изумрудовъ. Онъ состоитъ изъ портика (сердеръ), надъ которымъ находится комната (Бала-Хане), и изъ гарема (Андерунъ), построеннаго подъ тѣнью вѣковыхъ чинарѣ. Часть этихъ строеній теперь разрушена. Всѣ упомянутыя селенія зависятъ отъ правителя Демавенда. Здѣсь нѣтъ ни дровъ, ни подножнаго корма.

3-й переходъ.—Сел. Аинѣ-Верзунъ. (5 ферс. или 30 верстъ).

Дорога удобная, хотя гористая. Страна изобильно орошаемая, но мало обработанная. Въ 3-хъ ферсенгахъ отъ Бомейна находится большое селеніе Гилордъ, на берегу протока того же имени, выходящаго изъ демавендскаго ущелья; при немъ же расположены еще селенія: Аби-Сердъ, Тазкинъ, Бидекъ и Арунъ. Два ферсенга далѣе, лежитъ большое селеніе Аіне-Верзунъ, изобильно-орошаемыя поля котораго даютъ самъ 5. Главныя произведенія земли этой: пшеница, ячмень и юнджа, родъ трилистника.

4-й переходъ.—Каравансерай Эмиръ.(5 ферс. или 30 верстъ).

Дорога каменная и вообще трудная. Три версты отъ послѣдней станціи, встрѣчается селеніе Джабунъ, и столько же верстъ далѣе, шахскій садъ Баги-Ша, построенный еще Ага-Мухаммедъ-Ханомъ, который поблизости отъ него охотился во время перехода дикихъ козъ съ Ейлака на Кышлакъ, т. е. съ теплой страны въ холодную и наоборотъ. Садъ этотъ теперь совсѣмъ запущенъ, невеликъ и состоитъ изъ фруктовыхъ деревьевъ, въ серединѣ которыхъ находится широкая тополевая аллея. Влѣво отъ Баги-Ша, въ недалекомъ разстояніи, лежитъ сел. Сербендонъ, гдѣ встрѣчается уже прекраснѣйшій рогатый скотъ мазандеранской породы съ горбомъ на холкѣ. Вообще только пятая часть этой продольной долины, имѣющей 30 верстъ длины и 6 верстъ ширины, разработана, остальные четыре части совершенно безплодны. Въ 3-хъ верстахъ отъ Баги-Ша оканчивается упомянутая долина, и дорога входитъ въ горы, принимающія здѣсь дикій и величественный видъ; онѣ до вершины покрыты соснами, малорослыми дубами, дикими миндальными и другими деревьями; здѣсь уже нѣтъ безплодности Иракъ-Аджема, и страна изобилуетъ лѣсомъ, водою и красными куропатками. Послѣ 3-хъ ферсенговъ ѣзды отъ Баги-Ша, дорога спускается въ глубокую долину, гдѣ течетъ протокъ Дели-чай, т. е. сумасшедшая рѣка, названная такъ по неговѣрной быстротѣ своей во время весны. Протокъ этотъ отдѣляетъ уѣздъ Демавендскій отъ Фирузъ-ку. За узкою долиною взоръ обнимаетъ безплодную страну, окруженную высокими цѣплями горъ, поднимающихся одна на другой; наклоненіе слоевъ идетъ обыкновенно къ востоку, и направленіе самыхъ цѣпей также съ запада къ востоку. Здѣсь расположенъ полуразрушенный каравансерай Эмиръ, въ окрестностяхъ котораго находятся пастбищныя мѣста, кустарники и вода.

5-й переходъ. — Мѣстечко Фирузъ-ку. (3 ферсенга или 18 верстъ).

Въ полтора ферсенга къ востоку отъ каравансераля Эмира, слѣдуетъ переѣхать протокъ Рудъ-Нимрудъ, берега котораго хорошо обработаны и населены нѣсколькими деревнями; дорога все спускается до долины Фирузъ-ку, окруженной вездѣ горами, исключая западную сторону. Великанскій пикъ Демавенда подымается на сѣверо-западъ и огромная масса его господствуетъ надъ всѣми другими вершинами. Вся дорога вообще пролегаетъ по бесплодной странѣ, кромѣ берега Рудъ-Нимруда и окрестностей Фирузъ-ку.

Большое селеніе это расположено на покатости и у подошвы известковой скалы, близости которой подымается обрывистая гора той же самой формаціи. Странное положеніе его на такомъ высокомъ мѣстѣ и разныя развалины въ его окрестностяхъ заставляютъ предполагать, что селеніе это построено въ древности; жители увѣряютъ что оно основано Александромъ - Великимъ. Множество пещеръ находится на возвышенности, которая составляетъ предметъ селенія и служитъ убѣжищемъ стадамъ зимою; онѣ весьма теплы даже во время сильныхъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ. Зима продолжается здѣсь до пяти мѣсяцовъ, что весьма удивительно, если принять въ разсужденіе, что Фирузъ-ку лежитъ 6000 футовъ выше горизонта моря; оттого жители пользуются хорошимъ здоровьемъ и цвѣтъ лица ихъ гораздо свѣжѣе мазандеранскихъ обитателей. Протокъ, вытекающій изъ горъ на 5 ферсенговъ къ востоку отъ Фирузъ-ку, при урочищѣ Гурн-Сефидъ, течетъ между селеніемъ и горою и орошаетъ окрестности, произведенія которыхъ ячмень и пшеница; тамъ же встрѣчаются тучныя пастбища или чемень; но, по причинѣ суроваго климата, посѣвъ даетъ только самъ-три.

Горы, которыми окружены селенія эти съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока, имѣютъ весьма суровый видъ и состоятъ изъ однихъ голыхъ скалъ. Въ 12-ти верстахъ къ сѣверо-востоку и въ серединѣ горъ находятся два узкіе прохода, весьма замѣчательные и живописно описанные Морьеромъ, который утверждаетъ, что въ цѣлой Персіи нѣтъ мѣста великолѣпнѣе и очаровательнѣе этого *). Проходы эти съ окружающими ихъ восхитительными до-

*) Сморг: *Second voyage en Perse par Jacques Morier. tome: II. pag. 346—48—Paris. 1818.*

никами и водопадами, названы Персиянами Савадку или Савачи, и служили любимымъ мѣстопребываніемъ покойнаго шаха, часто посѣщавшаго Савадку, чтобъ наслаждаться живописными видами, превосходнымъ климатомъ и охотою за дикими козами, которыхъ здѣсь множество.

6-й переходъ.—Чемени-Гури-Сефидъ. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга или 27 верстъ).

Въ 9-ти верстахъ отъ Фирузъ-ку дорога раздѣляется: влѣво она идетъ черезъ главный хребетъ Албурза въ Мазандеранъ а вправо въ Хорасанъ. При самомъ раздѣленіи этихъ дорогъ находится другой замѣчательный проходъ — Тенгъ, образованный двумя громадами скалъ, отвѣсно поднимающихся другъ противъ друга на 200 футовъ вышины; между ними називается узкій проходъ въ 25 шаговъ ширины и въ 300 шаговъ длины, часть котораго занятъ протокомъ, остальная же дорогою; но Тенгъ этотъ не такъ узокъ и замѣчательнъ, какъ проходъ при Савадку. На высотѣ въ восточной сторонѣ прохода находятся остатки древняго замка, названнаго жителями Кале-сурхъ, или красный замокъ, отъ горы краснаго цвѣта, на которой онъ построенъ. За этимъ проходомъ пролегаетъ горная дорога, ведущая прямо къ востоку въ Семнанъ, а другая къ сѣверо-востоку, къ пастбищу (чемень) Гури-Сефидъ (бѣлая могила). Страна здѣсь не такъ скалиста и почва земли сѣрвата, красна и частью состоитъ изъ охры. Вершины вулканическаго происхожденія разныхъ видовъ и цвѣтовъ поднимаются кругомъ; долины покрыты огромными и тучными пастбищами, орошены мелкими протоками и пересѣчены частью болотистыми мѣстами. Гдѣ только есть годныя мѣста для хлѣбопашества, на покатостяхъ и даже на вершинахъ горъ, тамъ земля обработана, хотя селеній нигдѣ не видно; ибо здѣшній мужикъ приходитъ издалека пахать землю; онъ себѣ строитъ здѣсь балаганъ, или стоитъ подъ открытымъ небомъ, вѣтается хлѣбомъ и водою. Если только найдется кусокъ земли, орошенный ключомъ или протокомъ, этого достаточно, чтобъ земледѣлецъ нашелъ выгоду, обработывая его; зато цѣнять воду весьма высоко въ цѣлой Персіи.

7-й переходъ. — Ассеранъ-чемень и протокъ. ($5\frac{1}{2}$ ферсенговъ, или 33 версты).

Дорога дурна, потому-что по ней ѣздятъ одни только караваны. На половинѣ дороги находится крутой спускъ и, приближаясь къ

Ассерану, крутые спуски и подъёмы слѣдуютъ одинъ за другимъ; почва земли, однакожь, здѣсь не камениста. Ассеранъ занимаетъ мѣсто прежняго селенія того же имени и находится при развалинахъ древняго замка, гдѣ, по словамъ Персіанъ, водятся Джинны и Дивы, т. е. духи. Окрестности дикы и необитаемы. Мѣсто это принадлежитъ къ уѣзду Гезаръ-Джерябъ, часть котораго расположена въ Мазандеранѣ, а другая въ Хорасанѣ. Онъ орошается дождями (десмъ), а не искусственно. Почва даетъ здѣсь самъ 5, а удобренная — гораздо больше.

8-й переходъ.—Чемени-Размъ-Рудбаръ. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга, или 27 версты).

Дорога дурна и гориста; на протяженіи первой половины перехода она ведетъ вверхъ по горному протоку до подошвы значительной возвышенности; спуски и подъёмы чередуются; не доходя до Мензель, т. е. станціи, есть крутой подъёмъ по известковой горѣ. Покатости горъ покрыты можжевельникомъ и тропинки на нихъ пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ. На чеменахъ, или пастбищахъ, пасутся многочисленныя стада Илятовъ.

9-й переходъ.—Селеніе Фуладъ-Магаллѣ. ($5\frac{1}{2}$ ферсенговъ, или 33 версты).

Видъ страны перемѣняется; дикія горы поднимаютъ свои скалистыя вершины изъ песчаника; за ними слѣдуютъ другія, покрытыя лѣсомъ, особливо пидіями (*Pinus orientalis*), гдѣ водятся красныя куропатки; долины покрыты тучными пастбищами, усѣянныя черными шатрами и многочисленными стадами Илятовъ. Сел. Фуладъ-Магаллѣ расположено на курганѣ, въ серединѣ равнины, и имѣетъ около 80-ти домовъ. Здѣсь ужь замѣтно, что туркменскіе разбойники посѣщаютъ и эту часть Хорасана, ибо на поляхъ въ окрестностяхъ селенія построены башенки, какъ вездѣ въ сѣверной части этого края, въ которыхъ земледѣлецъ находятъ убѣжище, въ случаѣ опасности. Фуладъ-Магаллѣ окружаютъ хорошо обработанныя поля.

10-й переходъ.—Урочище Сурхе-Дѣ. (4 ферс. или 24 версты).

Дорога хороша и пролегаетъ черезъ горы, подошвы которыхъ отдѣлены другъ отъ друга только на $1\frac{1}{2}$ версты, слѣдовательно долины здѣсь довольно-узки. Горы имѣютъ суровый видъ и вершины ихъ состоятъ изъ сѣрыхъ голыхъ скалъ. Страна эта печальна, бесплодна и почти безводна на всемъ переходѣ до Чешмѣ-

Али; вода встрѣчается только при урочищѣ Сурхѣ-Дѣ, гдѣ есть кустарники, но нѣтъ травы, такъ-что персидская кавалерія должна была продолжать путь свой до Чешмѣ-Али.

11-й переходъ. Сел. Чешмѣ-Али. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга или 27 верстъ).

Дорога каменистая, но ровная; страна необитаема и безплодна; покатоги горъ частью покрыты лѣсомъ и кустарниками. Чешмѣ-Али незначительное селеніе; при немъ шахскій садъ съ разными построеніями, расположенный на очаровательномъ мѣстѣ, возлѣ родниковъ, выходящихъ изъ подошвы навѣсной скалы; вода прозрачна и прохладна и орошаетъ окрестности, которыя безъ нея были бы безплодны. На дорогѣ изъ Чешмѣ-Али въ Дамганъ и на берегу протока того же имени находится большое селеніе Астанекъ. Городъ Дамганъ и окрестности его также орошены водами Чешмѣ-Али, или Ключъ-Али; протокъ этотъ, по разсказамъ Персіятъ сдѣлалъ чудо и произвелъ здѣсь ключъ, хотя онъ самъ никогда не показывался въ этой странѣ. За горами на сѣверѣ отъ Чешмѣ-Али, существуетъ еще другой родникъ—Чешмен-Бадъ, или ключъ вѣра. Простой народъ увѣряетъ, что если въ этотъ ключъ минеральной воды, вытекающей изъ горы, бросить нечистоту, или если невѣрный коснется до этой воды, тогда немедленно подымается ураганъ, густыя облака покрываютъ небо и буря продолжается покуда не очистятъ опять эту воду.

12-й переходъ. Немекѣ. (3 ферсенга, или 18 верстъ).

Дорога ровна, но камениста; на половинѣ дороги находится прекрасное селеніе Келати, при соединеніи протоковъ Немекѣ и Чеаръ-дѣ. Вторая половина пути пролегаетъ вверхъ по упомятому горному протоку Немекѣ до самой станціи, и представляетъ хорошія пастбищныя мѣста. Вершины горъ покрыты лѣсомъ.

13-й переходъ. Чemenъ Рудбаръ. ($3\frac{1}{2}$ ферсенга, или 21 верста).

Такъ-какъ Немекѣ находится въ сторонѣ къ сѣверо-востоку отъ большой горной дороги, то армія воротилась опять къ юго-востоку по весьма гористому мѣстоположенію. На половинѣ дороги находится прекрасное селеніе Чеаръ-дѣ, т. е. четыре селенія, потому что дѣйствительно оно состоитъ изъ четырехъ, а именно: Верзунъ, Сербенданъ, Калѣ, а четвертое разорено и зато названо Хароби (развалины). Чemenъ Рудбаръ лежитъ на весьма возвышенномъ мѣстѣ и изобилуетъ водою, травою и лѣсомъ.

14-й переходъ. Селеніе Шаку. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга, или 27 верстъ).

Направленіе пути къ сѣверо-востоку по весьма гористому мѣстоположенію; но дорога вообще широка, не камениста, съ крутыми спусками. Горы покрыты лѣсомъ, долины тучными пастбищами и изобильно орошены. Укрѣпленное селеніе Шаку расположено на высокой горѣ.

15-й переходъ. — Каравансерай Таджаръ. (3½ ферсенга, или 21 верста).

Дорога наклоняется къ востоку; она довольно-ровна и имѣетъ только одинъ подъѣмъ съ отлогимъ спускомъ. За нимъ слѣдуетъ каменистое ущелье, ведущее къ каравансераю Таджаръ, гдѣ есть вода и лѣсъ, но поля необработаны.

16-й переходъ. — Селеніе Оберситъ. (3½ ферсенга, или 21 верста).

Дорога или лучше сказать, тропинка, ведетъ косогоромъ по скалистому мѣстоположенію; она весьма затруднительна по причинѣ непрерывныхъ овраговъ. Недохода 6-ти верстъ до станціи, находится село Некореманъ. Большая бастамская дорога также и равнина этого имени покрыты селеніями и остаются вираво, а самое большое селеніе, Оберситъ, расположено напротивъ города Бастама.

Вышеописанная горная дорога отъ Тегерана до бастамской долины пролегаетъ, между главнымъ хребтомъ слѣва и предгорьями Албурза справа; послѣднія пересѣчены въ разныхъ мѣстахъ ущельями, черезъ которыя вытекаютъ многочисленныя горныя протоки, орошающіе хорасанскую плоскую возвышенность и теряющіеся наконецъ въ Кавиръ или соленой пустыни. Черезъ эти ущелья ведутъ также горныя дороги на упомянутую хорасанскую плоскую возвышенность; 1) изъ Фирузъ-ку къ юго-западу, въ Эйвони-кейфъ, къ югу черезъ Габларубъ и Каваръ въ Кышлакъ; къ юго востоку черезъ Гури-Сефидъ въ городъ Семнанъ; 2) изъ Ассерана къ югу въ Семнанъ, а къ юго-востоку черезъ Дерваръ въ Довлетъ-абадъ и въ городъ Дамганъ; 3) изъ селенія Чешмѣ-Али къ юго-востоку черезъ Астапекъ въ Дамчанъ.

Отъ предгорій Албурза отдѣляются еще многія отрасли, далеко простирающіяся въ Кабиръ и исчезаютъ тамъ или соединяются съ другими цѣпами горъ. Должны, лежащія между подобными цѣпами, обыкновенно продольныя, черезъ которыя проле-

гаютъ главныя дороги; такимъ образомъ вышеописанная горная дорога также тянется по продольной долинѣ и почти параллельна съ большою мешедскою дорогою, пролегающей вдоль южныхъ подошвъ предгорій Албурзскихъ Горъ. Оба пути сообщенія важны въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, и первый представляетъ средній путь, ведущій между большою хорасанскою дорогою и всѣми поперечными проходами черезъ главный хребетъ Албурза въ Мазандеранъ и Астрабадъ. Хотя горная дорога эта обыкновенно проходима только рѣдко караванами, по гористому своему мѣстоположенію, и препятствуетъ свободному проходу артиллеріи и обозовъ, но Фетхъ Али-Шахъ и Мухаммедъ-Шахъ проходили здѣсь съ своими арміями, а послѣдній съ многочисленною артиллеріею. Здѣшнія пастбищныя мѣста изобилуютъ подножнымъ кормомъ, и большою кавалерійскій корпусъ нашелъ бы здѣсь болѣе средства для содержанія лошадей, нежели на южной дорогѣ, пролегающей черезъ плоскую возвышенность Хорасана; сверхъ того, жары тамъ не такъ утомительны какъ здѣсь, и вода изобильнѣе и лучшаго качества.

Остальная часть дороги, по которой слѣдовала персидская армія отъ окрестностей Бастама до береговъ рѣки Гюргени, въ 1836 году, пролегла черезъ главный Албурзскій Хребетъ и не одинъ Европейецъ никогда не посѣщалъ страну эту. Къ сожалѣнію, описаніе ея весьма кратко, неудовлетворительно и составлено не военнымъ. Отрядъ персидскихъ войскъ прошелъ даже вершины рѣки Гюргени, верхней р. Атрекъ, достигъ притока его Чиндиръ и Сюндъ, воротился внизъ по лѣвому берегу послѣдняго до соединенія его съ Атрекомъ, и посѣтилъ, наконецъ, развалины Мешедъ-Местеріана, лежація въ туркменской степи на сѣверѣ отъ р. Атрека. Всѣ свѣдѣнія, чрезъ него полученныя объ этой странѣ, слѣдуютъ при описаніи рр. Гюргени Атреки и Туркменіи вообще.

17-й переходъ.—Развалины Шеграбадъ. (2½ ферсенга, или 15 верстъ).

Направленіе дороги къ востоку-сѣверо-востоку. Она пролегаетъ по равнинѣ, усѣянной селеніями; между ними замѣчательны Нерданъ, Мердунъ и Касръ-абадъ.

18-й переходъ. Зогалъ-Деррѣ. (3½ ферсенга, или 21 верста).

Отъ Шеграбада путь направляется къ сѣверо-востоку, пролегаетъ по равнинѣ съ однимъ только подъемомъ, не доходя станціи;

но дорога мало убитая и ведетъ по безводной и необработанной странѣ.

19-й переходъ. Селеніе Теловаръ. (5 ферсенговъ или 30 верстъ).

Направленіе пути то же самое, т. е. къ сѣверо-востоку; дорога гориста съ каменистымъ ущельемъ; горы покрыты лѣсомъ; страна изобилуетъ водою. Пройдя Хотъ-Ейлакъ, достигаютъ прекраснаго селенія Теловаръ (Тилабадъ у А. И. Ходзько), принадлежащаго уже къ Астрабадскому Уѣзду Чинакчи.

20-й переходъ. — Селеніе Кошидоръ. (2 $\frac{1}{2}$ ферсенга, или 15 верстъ).

Путь продолжается по направлевію сѣверо-востока, сначала по длинному и каменистому ущелью, съ крутымъ подъѣмомъ и спускомъ, потомъ онъ пролегаетъ черезъ прекрасныя долины, хорошо орошаемыя, изобилующія пастбищами, лѣсомъ и живописными селеніями. Кошидоръ (Кашидеръ у А. И. Ходзько) прекрасное селеніе, окрестности котораго тщательно обработаны.

21-й переходъ. Крѣпость Нердинъ *). (3 ферсенга, или 18 верстъ).

Дорога ведетъ къ сѣверо-востоку по труднопроходимому ущелью, потомъ слѣдуетъ отлогіи подъѣмъ съ крутымъ спускомъ въ долину, гдѣ расположенъ Нердинъ. Во время перехода по дорогѣ встрѣчается нѣсколько селеній. Лѣсъ, вода и подножный кормъ въ изобиліи.

22-й переходъ. Урочище Каллушъ. (3 ферсенга, или 18 верстъ).

Путь направляется къ сѣверу и пролегаетъ по гористому, но удобопроходимому мѣстоположенію. Каллушъ (Кіеллушъ у А. И. Ходзько) славится своими тучными и огромными пастбищами, хорошимъ прохладнымъ воздухомъ и живописными видами. Покойный Фетхъ-Али Шахъ неоднократно проводилъ здѣсь лѣто. Вода, лѣсъ и трава въ изобиліи.

*) У А. И. Ходзько, разстояніе отъ Тилабада до Нердина простирается на 9 ферсенговъ. Здѣсь оно означено 10 $\frac{1}{2}$ ферсенговъ.

23-й переходъ. Развалины Дести-Ша (2 ферсенга, или 12 версть). по прямому пути (4 ферсенга, или 24 версты изъ обходъ).

Направленіе пути къ сѣверо-востоку. Прямая дорога непроходима для артиллеріи; она должна была отыскивать себѣ обходъ. Эта станція также изобилуетъ лѣсомъ, водою и обширными пастбищами.

24-й переходъ. — Рѣка Караулъ-Чай или Эшекъ-су. (3¹/₂ ферсенга, или 21 верста).

Путь наклоняется къ сѣверу; онъ гористъ и пролегаетъ черезъ густой лѣсъ, но, не взирая на это, удобопроходимъ. Берега Караулъ-Чая изобилуютъ лѣсомъ и травою.

25-й переходъ. — Урочище Дугъ, при соединеніи рр. Караулъ-Чая съ Калпушъ-Чаемъ.

Дорога поворачиваетъ къ сѣверо-западу и ведетъ внизъ по берегамъ Караулъ-Чая, который слѣдуетъ нѣсколько разъ переходить. Она ровна, но, по мѣстоположенію видно, что въ весеннее время и послѣ большихъ дождей здѣсь образуются непроходимыя болота. Не доходя до урочища Дуга, встрѣчается канава, которую трудно переходить. Лѣсъ и трава въ изобиліи.

26-й переходъ. — Кара-Шейхъ на лѣвомъ берегу р. Гюргени при устьѣ Караулъ-Чая. (2 ферсенга или 12 версть).

Дорога ровная и прекрасная; здѣсь начинаются кочевья Гоклацъ и встрѣчаются обработанныя поля. Берега р. Гюргени покрыты камышомъ. Высокая гора Нильку, одна изъ главныхъ вершинъ цѣпи Альбурза, подымается прямо къ югу отъ лагернаго мѣста персидской арміи.

27-й переходъ. — Развалины Джорджана на берегахъ р. Гюргени (3 ферсенга или 18 версть).

Армія переправилась черезъ Гюргень выше устья притока Караулъ-Чая (Дуга), и слѣдовала внизъ по теченію Гюргени, по ровной и превосходной дорогѣ. Страна усѣяна станами туркменскаго племени Гоклацъ и обработанными полями, но лѣсъ исчезаетъ и только берега Гюргени покрыты густымъ, высокимъ камышомъ. Обширныя пастбищныя мѣста тянутся вдоль дороги. Развалины древняго города Джорджана покрываютъ оба берега Гюргени при устьѣ р. Гермъ-руда, и представляютъ теперь только много-

численные курганы, покрытые высокою травою, терномъ и камышомъ. Единственное строеніе, уцѣлѣвшее здѣсь, высокая башня Гумбеди-Каусъ, построенная на лѣвомъ берегу р. Гюргени, о которой слѣдуютъ въкоторыя подробности при описаніи Туркменіи.

28-й переходъ. — Тепѣ Биби-Ширванъ. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга или 27 версть).

Путь слѣдуетъ внизъ по правому берегу Гюргени, по равнинѣ, покрытой травою. Лѣсу нѣтъ. Здѣсь начинаются уже станы Юмудовъ.

Отъ этого мѣста персидская армія слѣдовала обратно въ Хорасанъ и первый ея переходъ былъ:

Чемень Алибекюль (2 ферсенга, или 12 версть) лежащій на лѣвомъ берегу Гюргени; пастбищное мѣсто это окружено обработанными полями и лѣсомъ. Переправа черезъ рѣку представляла нѣсколько затрудненій.

Урочище Ахъ-Имамъ (4 ферсенга 24 или версты).

Дорога направлена къ юго-востоку. Въ $1\frac{1}{2}$ ферсенгахъ отъ ночлега находится иловатая рѣчка въ глубокомъ руслѣ, и, нѣсколько сотъ саженъ далѣе, канава съ обрывистыми берегами, переправы черезъ которую затруднительны; остальная часть пути покрыта камышомъ. Армія выходила изъ страны, занимаемой туркменскими кочевьями, и вступила въ уѣздъ Кебудъ-Джомѣ, гдѣ встрѣчаются уже поля, засѣяныя сарачинскимъ пшеномъ. Она остановилась на урочищѣ Ахъ-Имамъ, у берега р. Гермъ-руда, гдѣ находятся превосходныя пастбищныя мѣста и лѣсъ.

Селеніе Вѣтѣнъ. ($2\frac{1}{2}$ ферсенга, или 15 версть).

Дорога слѣдуетъ вверхъ по теченію рѣки Гермъ-руда и черезъ ущелье, по которому она течетъ. Безпрестанно надобно было переходить съ одного берега къ другому по весьма трудно проходимымъ тропинкамъ. Горы покрыты лѣсомъ и обработанныя поля встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ.

Селеніе Теловаръ. ($4\frac{1}{2}$ ферсенга, или 27 версть).

Путь продолжаетъ вверхъ по упомянутому ущелью, которое мало-по-малу расширяется, но все не по пробитой дорогѣ. Лѣсъ исчезаетъ и только одни кустарники видны на покатосяхъ горъ. Берега Гермъ-руда покрыты камышомъ и обширными полями, засѣянными сарачинскимъ пшеномъ.

Селеніе Хичь. — (6 ферсенговъ, или 36 верстъ).

Дорога поворачиваетъ къ юго-западу и, миновавъ послѣднія горы, она ровна и пролегаетъ черезъ обработанную равнину, покрытую рѣдкими кустарниками.

Дорога слѣдуетъ далѣе по тому же направленію и той же равнинѣ до селенія Гусейнъ-абада, лежащаго уже въ Бастамской долинѣ; и оттуда армія слѣдовала черезъ Кале-Мирза-Багиръ, Довлетъ-абадъ и Бастамъ до Шаруда, лежащаго на большой Мешедской дорогѣ.

Мнѣ случилось слѣдовать по той же дорогѣ въ довольно-большомъ обществѣ путешественниковъ, и я не считаю излишнимъ означить здѣсь нашъ маршрутъ, дополнивъ вышеприведенныя свѣдѣнія о мѣстности новыми подробностями, извлеченными мною какъ изъ моихъ собственныхъ наблюденій, такъ и взятыми изъ записокъ англійскихъ и другихъ офицеровъ.

1-й переходъ. — Селеніе Біаръ-Чуменъ. (16 ферсенговъ, или 96 верстъ).

Изъ Шаруда дорога направляется къ югу и пролегаетъ по хорошо обработанной равнинѣ до селенія Джеджинъ (1 ферсенгъ), окруженнаго фруктовыми садами и полями. Оттуда она наклоняется къ юго-востоку, къ цѣпи горъ (3 ферсенга), входитъ въ ущелье, состоящее изъ известковыхъ и частью мѣловыхъ скалъ, и подымается на плоскую возвышенность (4 ферсенга). Около половины пути и вправо отъ дороги встрѣчаются развалины каравансерая, гдѣ находится вода. Далѣе дорога входитъ въ другое ущелье, спускается мало-по-малу, извиваясь по покатостямъ горъ и направляясь къ востоку-юго-востоку. При выходѣ изъ упомянутаго ущелья встрѣчаются опять развалины каравансерая вправо отъ дороги (5 ферсенговъ) и оттуда остается еще 3 ферсенга по равнинѣ до сел. Біаръ-Чуменъ.

Переходъ этотъ былъ утомителенъ; мы въ продолженіе 18 часовъ не сходили съ лошадей; и какъ, для предохраненія вьючнаго скота отъ дневныхъ жаровъ, весьма чувствительныхъ уже въ мартѣ, мы совершили переходъ этотъ ночью, то я не могъ обозрѣвать въ подробности всѣхъ предметовъ; однакожь персидскія ночи такъ очаровательны, ясны и свѣтлы, что при одномъ сіяніи звѣздъ можно хорошо различать предметы на довольно большомъ разстояніи. Однимъ этимъ переходомъ мы перешли цѣпь горъ, отдѣ-

ляющихъ Туршизскую Долину отъ плоской возвышенности, по которой пролегаетъ большая мешедская дорога, и остальной путь нашъ велъ опять по продольной долинѣ, пересѣченной нѣкоторыми отраслями и ущельями, о которыхъ въ свое время будетъ упомянуто. Горы эти представляютъ тотъ же самый видъ, какъ вообще цѣни горъ внутри Персія; онѣ голы, скалисты или глинисты, и только нижняя часть покатостей покрыта травой, полынью, или солеными растеніями. На всемъ пути до самаго Туршиза горные протоки рѣдки, и по этой причинѣ мы должны были совершать большіе переходы, чтобъ найти воду и пастбищныя мѣста.

Біаръ-Чуменъ, хорошее селеніе, имѣетъ болѣе 200 домовъ и 1200 жителей, между которыми множество муллъ. Земля здѣсь изобильно орошена и жители занимаются преимущественно разведеніемъ табаку, который добротою своею соперничаетъ съ шираскимъ, и былъ весьма любимъ покойнымъ Фетхъ-Али-Шахомъ. Обширные сады этого селенія производятъ разные фрукты, въ особенности сливы, сокъ которыхъ вывозятъ въ Тегеранъ и другіе города. Часть жителей извозчики (червадаръ). Они получаютъ пшеницу изъ Себзевара, потому-что она у нихъ не въ большомъ количествѣ. Прежде Туркменцы дѣлали набѣги свои до этого мѣста, но ужъ четыре года какъ они болѣе не показываются. Жители Біаръ-Чумена рассказывали намъ, что 150 человекъ изъ ихъ селенія находятся еще въ невольничествѣ у Туркменцевъ и въ Хивѣ, и что цѣна выкупа одного плѣнника обходится имъ отъ 50 до 200 томановъ. Они жаловались также, что Мухаммедъ-Шахъ требовалъ отъ нихъ 50 сарбазовъ — количество, несоразмѣрное съ числомъ жителей. Странный обычай этого селенія состоитъ въ томъ, что отходныя мѣста всѣ соединены на одномъ мѣстѣ въ серединѣ селенія и стоятъ открытыми вдоль большой улицы; каждый ходитъ туда изъ своего дома, въ случаѣ надобности, и дурной запахъ заражаетъ воздухъ вокругъ этихъ мѣстъ. Мы прибыли сюда во время Могаррема и были свидѣтелями разныхъ процесій, пѣнія и проповѣдей. Проѣздъ нашъ по этой дорогѣ весьма занималъ любопытство жителей.

2-й переходъ. — Укрѣпленное селеніе Хане-Худи. (2½ ферсента, или 15 верстъ).

Выходя изъ Біаръ-Чумена, путь направленъ къ юго-востоку и пролегаетъ по равнинѣ, покрытой травой, вдоль цѣпи горъ, которыя остаются вправо, до укрѣпленнаго селенія Хане-Худа съ 150 дворами, жители которыхъ также занимаются разведеніемъ табаку. Оно окружено садами, возлѣ которыхъ находятся отходныя мѣста, и окрестности также изобильно орошены, но мы не нашли здѣсь ни ячменя, ни самана, и принуждены были покупать это въ Біаръ-Чуменѣ. Жители не выдавши никогда Европейцамъ, спросили насъ, смотря на многочисленныя вьюки наши, сколько изъ этихъ сундуковъ были наполнены червонцами, и сколько миллионъ (куруръ) мы везли съ собою; ибо простой народъ въ Персіи увѣренъ, что вообще каждый Европейецъ (Фиренги) весьма богатъ.

3-й переходъ. — Разваленная башня безъ названія. (13 ферсенговъ, 78 верстъ).

Изъ Хане-Худы путь наклоняется болѣе къ востоку; вправо у подножью горъ расположены, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, три селенія: Гиверъ, Дезіумъ и Галей-Боло. Дорога камениста и пересѣчена оврагами. Въ двухъ ферсенгахъ отъ Хане-Худы она входитъ въ довольно-широкое ущелье, потомъ пролегаетъ опять по равнинѣ, покрытой травой; но вообще мѣстоположеніе здѣсь гористо и пересѣчено оврагами. На половинѣ пути находится ручей съ солевою водою. Наконецъ, послѣ 14 часовъ утомительной ѣзды вдоль низкой цѣпи горъ, которыя остаются вправо, мы миновали развалины каравансерая съ лѣвой стороны и расположились лагеремъ при полуразрушенной башнѣ и подъ двумя вѣковыми тутовыми деревьями—остатки разореннаго Туркменцами селенія, гдѣ видны еще были обработанныя поля; ключъ прозрачной воды орошалъ это живописное мѣстоположеніе, но мы не нашли здѣсь ни одного человѣка и не могли собрать свѣдѣній объ этой странѣ.

4-й переходъ.—Селеніе Каризъ. (3 ферсенга, или 18 верстъ).

Оставя развалины эти, мы опять вошли въ ущелье и направили путь нашъ къ востоку, по гористому мѣстоположенію до сел. Тавруна, и, двѣ версты далѣе, достигли незначительнаго села Каризъ, съ 30-ю домами, гдѣ мы остановились. Уѣздъ Таврунъ имѣетъ 17 селеній и зависитъ отъ Бастама.

5-й переходъ.—Келати - Магоммеди. (13 ферсенговъ, или 78 верстъ).

За Каризомъ и у подошвы горъ съ правой стороны расположено нѣсколько селеній. Путь направленъ къ востоку съ незначительнымъ наклоненіемъ къ югу. Въ 3-хъ ферсенгахъ отъ Кариза, дорога входитъ въ ущелье и пролегаетъ потомъ по волнистому положенію между двумя цѣпями возвышенностей. На половинѣ дороги мы искали ключа съ соленоватою водою, но миновали его за темнотою ночи. Неходя до селенія Келати-Магоммеди, лежащаго у подошвъ горъ съ правой стороны отъ дороги, мы расположились лагеремъ при развалинахъ башни, в возлѣ ключа, окруженнаго обработанными полями. Жители упомянутаго селенія увѣряли насъ, что они только нынѣшній годъ отважились засеять поля свои, ибо до-сихъ-поръ они не смѣли этого дѣлать, боясь набѣговъ туркменскихъ разбойниковъ племени Тѣкѣ.

Отъ селенія Біаръ-Чуменъ до Келати-Магоммеди мы проѣхали три ущелья и, слѣдовательно, столько отраслей горъ, которыми пересѣчена вышеупомянутая продольная долина, по которой пролегла дорога наша въ Туршизъ.

6-й переходъ. — Сел. Наубуль-Хакимъ. (4½ ферсенга, или 27 верстъ).

На протяженіи 3-хъ ферсенговъ путь пролегаетъ по весьма пересѣченному мѣстоположенію и наконецъ вдоль какъ-бы мыса, выдающагося отъ цѣпи горъ, которыя тянутся вправо отъ дороги. Мысь этотъ окруженъ болотистыми мѣстами, въ которыхъ водится множество кабановъ; далѣе находятся границы Туршизскаго Уѣзда, очерченныя узкими, но весьма глубокими оврагами, изъ которыхъ мы проѣхали четыре или пять. Далѣе и вправо отъ дороги встрѣчаются селенія Панагъ-бадъ и Мусафиръ-абадъ окруженныя фруктовыми садами и полями. Мы остановились въ селеніи Наубуль-Хакимъ, гдѣ живутъ 160 семействъ, платившія ежегодно 450 томановъ податей въ казну. По обѣимъ сторонамъ до рога и на небокраѣ тянутся цѣпи горъ, вершины которыхъ съ лѣвой (сѣверной) стороны представляютъ самые странные виды и формы.

7-й переходъ. — Городъ Туршизъ или Султанъ-абадъ. (8½ ферсенговъ, или 51 верста).

Дорога пролегаетъ по широкой долинѣ, которая суживается по мѣрѣ того, какъ приближается къ Туршизу. Мы проѣхали мимо или черезъ разные селенія, между прочимъ, черезъ большое селеніе Кондуръ, жители котораго занимаются много шелководствомъ. Султанъ-абадъ или Туршизъ былъ почти разоренъ войсками Аббасъ-Мирзы въ 1831 году; мы проѣхали цѣлые кварталы въ развалинахъ, но нашли еще прекрасный и обширный каравансерай, равно и базары, довольно снабженные товарами. Черезъ городъ этотъ проходятъ караваны изъ Езда съ шелковыми матеріями и другими цѣдліями, назначаемыми въ Мешедъ и Тегеранъ. Разстояніе отъ Туршиза до Езда считается 14 дней караванной ѣзды. Къ этому уѣзду принадлежатъ около 60 селеній; они опустошены холерою въ 1831 и 1832 годахъ. Вообще туршизская долина весьма плодотворна, хорошо орошаема и могла бы быть гораздо лучше обработана и населена. Жители занимаются садоводствомъ болѣе, нежели хлѣбопашествомъ; разные фрукты, особливо али-бохара, родъ вкусныхъ сливъ, вывозятся въ большомъ количествѣ. Здѣсь живутъ почти одни потомки арабскихъ племенъ; они переведены изъ Арабістана послѣ смерти Гаруна-аль-Рашида; о нихъ мы будемъ говорить подробнѣе при описаніи Кайнскаго Уѣзда.

8-й переходъ. — Селеніе Азкентъ. (5 ферсенговъ, или 30 верстъ).

Окрестности Туршиза усѣяны селеніями; развалины, которыми окруженъ городъ этотъ, показываютъ, что въ прежнія времена онъ находился въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, нежели нынѣ. Сначала дорога направлена къ востоко-юго-востоку, а послѣ первыхъ двухъ ферсенговъ поворачивается прямо къ востоку. Она камениста и множество канаутовъ или подземныхъ каналовъ тянется вдоль ея. Далѣе долина, хотя еще широка, но ужъ мало населена. Горы вправо отъ дороги исчезаютъ и превращаются въ незначительныя возвышенности и холмы. Селеніе Азкентъ расположено у подошвы цѣпи горъ, которыми Туршизская Долина окаймлена съ лѣвой (сѣверной) стороны; оно довольно-значительно, окружено обширными фруктовыми садами, зелеными нивами, рощами изъ кипарисовъ и восточныхъ сосенъ (*Pinus orientalis*) съ горными протоками и водопадами, и мѣстоположеніе вообще очаровательно.

9-й переходъ. — Селеніе Буріабадъ. (6 ферсенговъ, 36 верстъ).

Путь направленъ къ востоку и тянется вдоль упомянутой цѣпи

горь; мѣстность пересѣчена и надобно было проѣзжать черезъ глубокіе и широкіе овраги. На половинѣ дороги и въ горахъ находится сел. Чинаръ, а къ югу отъ этого селенія, въ долинѣ, маленькое озеро, образовавшееся отъ горнаго ручья. Далѣе по дорогѣ слѣдуютъ укрѣпленныя селенія Хоштерэ и Зарми и еще глубокий оврагъ, а за нимъ встрѣтили почти развалившееся сел. Буриабадъ, въ которомъ мы не нашли удобной квартиры для ночлега и расположились лагеремъ при селеніи на берегу горнаго протока. Жители были такъ бѣдны здѣсь, что они не могли продать намъ ячменю для нашихъ лошадей.

10-й переходъ. — Селеніе Аббасъ-абадъ. (5 ферсенговъ, или 30 верстъ).

Отъ Буриабада путь направленъ къ юго-востоку и пролегаетъ вдоль цѣпа горъ, отдѣляющихъ Турбетъ-Гайдари отъ Туршизской Долины. Мы проѣхали нѣкоторые протоки и каналы, равно и укрѣпленное сел. Ханъ-абадъ, потомъ переправились черезъ широкий протокъ, текущій въ глубокомъ оврагѣ. Въ 3-хъ ферсенгахъ отъ Буриабада находится селеніе Зенгунъ, окруженное фруктовыми садами и полями; тамъ теперь живутъ только 70 семействъ вмѣсто 1000, которыя здѣсь находились во время Мухаммедъ-Ханъ-Корая—вотъ послѣдствія войны непокорныхъ правителей съ Аббасъ-Мирзою, который разорилъ большую часть Хорасана. Черезъ Зенгунъ пролегаетъ дорога изъ Турбетъ-Гайдари, въ Гератъ и Кандагаръ, по которой слѣдовалъ поручикъ Виткевичъ въ 1837 году. Далѣе 2-хъ ферсенговъ расположено полуразвалившееся селеніе Аббасъ-абадъ, гдѣ мы остановились для ночлега.

11-й переходъ. — Селеніе Хозыръ-абадъ. (5½ ферсенговъ, или 33 версты).

Направленіе пути то же самое; онъ пролегаетъ по ровной дорогѣ черезъ или мимо селеній: Азрабадъ, Киришкэ, Муркабъ, Дилабадъ и другія до Хозырабадъ, которое укрѣплено, какъ вообще всѣ хорасанскія селенія. Вправо отъ дороги (къ югу) подымается изъ середины Соленой Пустыни (Кавиръ) нѣсколько уединенныхъ горъ, между которыми самая главная и выше всѣхъ Гейдеръ-Ку. Одежда здѣшнихъ жителей походить ужъ на туркменскую.

12-й переходъ. — Руй или Хафъ (Кафъ). (7 ферсенговъ, или 42 версты).

Путь направляется къ юго-востоку. Послѣ 3-хъ ферсенговъ ѣды по ровной дорогѣ, встрѣчаются развалины значительнаго города съ обширнымъ кладбищемъ; только два свода какого-то строения изъ жженого кирпича уцѣлѣли, остальные развалины города представляютъ только однѣ кучи глины, кирпича и черепковъ, и мы не могли достать свѣдѣній, когда онъ былъ построенъ и кѣмъ разоренъ. Подобныя развалины въ Персіи встрѣчаются часто, кромѣ обширныхъ кладбищъ, которыя означаютъ, что тутъ было прежде селеніе или городъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Подобныя развалины исчезаютъ тѣмъ скорѣе, что почти всѣ дома въ Персіи построены изъ глины съ грязью, сушеною на солнцѣ, и не будучи подерживаемы, быстро уничтожаются дѣйствіемъ атмосферы или дождей. Въ близкомъ разстояніи отъ упомянутаго разореннаго города расположено укрѣпленное селеніе Саламе. Далѣе ферсенга влѣво отъ дороги есть Абъ-амбаръ или водохранилище, построенное изъ жженого кирпича. Страна эта изобилуетъ джейранами, изъ которыхъ мы нѣкоторыхъ убили. Другое водохранилище находится 2¹/₂ ферсенга далѣе; потомъ слѣдуетъ Имамъ-Задѣ, т. е. гробница святаго, окруженная кипарисами, и наконецъ мы достигли города Руй или Хафъ, почти совершенно разореннаго Афганцами въ 1833 году. Онъ расположенъ у сѣверо-восточной подошвы цѣпи горъ и окруженъ обширными садами съ вѣковыми чинарами и восточными соснами (*Piniaе*). Мы проѣхали рядъ длинныхъ улицъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись еще голыя стѣны домовъ безъ крышъ, дверей и оконъ, а многочисленное народонаселеніе этого города увезено было Афганцами для продажи въ Хиву и Бухару; только незначительная часть города уцѣлѣла или была вновь построена, и мы квартировали въ пространномъ и весьма красивомъ дворцѣ Насръ-Улла-Хана, правителя Хафа. Здѣсь мы наплали большой караванъ съ съѣстными припасами для персидской арміи.

13-й переходъ. — Деаней-Келатв. (6 ферсенговъ, 36 верстъ).

Караванъ отправился въ путь подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ туфенгджи, вооруженныхъ ружьями съ фитилями, и нѣсколькихъ художонныхъ всадниковъ. Длинныя нити верблюдовъ, многочисленныя ослы и лошаки, навьюченные мукою, ячменемъ и другими припасами, тянулись по обширной долинѣ прямо къ востоку на

протяженіи $2\frac{1}{2}$ ферсенговъ. Здѣсь долина окаймлена цѣпью горъ, отдѣляющихся съ Албурзскаго Хребта и простирающихся отъ Мешедъ прямо къ юго-востоку. Цѣпь эта извѣстна нашимъ географамъ подъ названіемъ Турбенъ-Гайдари, отъ города того же имени, или потому, что она тянется между этимъ городомъ, который расположенъ на западѣ и мѣстечкомъ Турбени-Джанъ, лежащимъ у восточной ея подошвы. Мы вошли въ ущелье сланцевыхъ и скалистыхъ горъ, которое въ разныхъ мѣстахъ было довольно-узко, и дорога пролегла по немъ, извиваясь по разнымъ направленіямъ на протяженіи $3\frac{1}{2}$ ферсенговъ. Высоты горъ мало-по-малу уменьшаются, покатоности ихъ покрыты травой, а при выходѣ изъ ущелья течетъ горный протокъ съ прозрачною водою, окруженный камышомъ: на высотѣ, влѣво отъ дороги, находится минареть довольно-хорошо сохраненный; далѣе — развалины каравансерай; вправо отъ дороги и близъ него разоренная крѣпостца Деаней-Келати (Керати), на лѣвомъ берегу упомянутаго протока, гдѣ мы расположились лагеремъ.

14-й переходъ. — Луза съ солонатовою водою. (6 ферсенговъ, 36 верстъ).

Мы переѣхали протокъ, текущій здѣсь въ глубокомъ руслѣ съ обрывистыми берегами и продолжали путь нашъ къ востоку по обширной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ бесплодными горами. На половинѣ дороги мы нашли нѣсколько мертвыхъ тѣлъ, выючныя седла и разныя тряпки. За два дня до нашего проѣзда, тутъ Туркменцы напали на небольшой караванъ, шедшій изъ Герата въ Мешедъ, убили часть людей, а остальныхъ увезли въ плѣнъ. Провожавшіе насъ Персіане похоронили тѣла своихъ земляковъ, проклиная невѣрныхъ разбойниковъ, отъ набѣговъ которыхъ Мухаммедъ-Шахъ не въ состояніи защищать своихъ несчастныхъ подданныхъ. Послѣ 6-ти ферсенговъ ѣзды, на протяженіи которыхъ мы приняли всѣ мѣры предосторожности отъ внезапнаго нападенія Туркменцевъ, а потомъ мы расположились лагеремъ возлѣ лузы съ солонатовою водою и окруженою камышомъ — единственная вода на пространствѣ 15-ти ферсенговъ.

Крѣпость Гурянъ. ($9\frac{1}{2}$ ферсенговъ, 57 верстъ).

Путь продолжается къ востоку по упомянутой равнинѣ, или, лучше сказать, по возвышенной плоскости. Мы мнновали мысъ горъ,

выдающихся съ юга и оканчивающихся почти при самой дорогѣ. Послѣ 4-хъ ферсенговъ ѣзды, мы встрѣтили полуразвалившійся каравансерай и возлѣ него водохранилище безъ воды. За нимъ мы вошли въ удобопроходимое ущелье, длиною около одного ферсенга, и, выходя изъ него спустились по весьма отлогимъ покатоствямъ четыре ферсенга до Гурына.

Крѣпость эта была прежде построена въ двухъ разныхъ мѣстахъ, гдѣ еще видны остатки стѣнъ, ровъ и строеній. Теперь она расположена въ обширной равнинѣ, имѣетъ видъ квадрата, всякій фасъ котораго простирается на 400 шаговъ и состоитъ изъ глиняной стѣны съ башнями и двойнымъ ровомъ; передній имѣетъ 15 футовъ глубины и отъ 4-хъ до 10-ти футовъ воды. Рѣка Герирудъ течетъ къ сѣверу отъ Гурына разстояніемъ одного ферсенга. Крѣпость эта была взята Персіянами; въ 1837 году, послѣ краткой осады, часть ея стѣнъ разрушена. Мы вошли во внутрь крѣпости, которая была очень грязна; число домовъ ея незначительно. Дворецъ Ширъ-Мухаммедъ Хана, бывшаго правителемъ Гурына, былъ совершенно разоренъ Персіянами, и только 4,000 жителей считалось тогда въ крѣпости и его окрестностяхъ. По словамъ Англичанина Канольи, который посѣтилъ страну эту въ 1833 году, Гурыанъ былъ самый плодородный уѣздъ гератскаго владѣнія и производилъ ежегодно до 10,000 халваровъ пшеницы; но тогда уже набѣги Туркменцовъ были причиною, что край этотъ упалъ, народонаселеніе и доходы уменьшились, и во время проѣзда нашего Гурыанъ не давалъ доходовъ, а многочисленныя селенія окрестностей его были почти все разорены персидскою арміею.

16-й переходъ. — Селеніе Сендеджанъ. (3 ферсенга, 18 верстъ).

Путь направленъ къ востоку и пролегаетъ вдоль цѣпи горъ, которыя остаются вправо (къ югу), а влѣво течетъ р. Герирудъ, въ недалекомъ разстояніи отъ дороги. Мы миновали большое селеніе Барнабадъ (которое осталось влѣво) и послѣ 3-хъ ферсенговъ ѣзды по равнинѣ, прежде обработанной, достигли сел. Сендеджанъ, окруженнаго многочисленными и обширными фруктовыми садами и хорошо орошаемаго горными протоками или отводными канавами изъ Герируда.

17-й переходъ. Городъ Гератъ. (7 ферсенговъ, или 42 версты).

Отъ селенія Сендеджана до рѣки Герируда считается 2 ферсенга, и дорога пролегаетъ по равнинѣ, частью обработанной. Рѣка была широка, весьма быстра и переправа представляла много за трудней въ это время года по причинѣ полноводія. Каждый навьюченный лошакомъ былъ поддерживаемъ съ обѣихъ сторонъ людьми, чтобъ быстрота воды не опрокинула его, а ослиные вьюки были переложены на верблюдовъ. Переправа наша съ обозомъ продолжалась болѣе 3-хъ часовъ; остальная часть каравана успѣла совершить переправу свою только на другой день. Мы переправились возлѣ сел. Сенгъ-бестъ, лежащаго на правомъ берегу Герируда; отсюда мы направили путь къ сѣверо-востоку черезъ богатую равнину, хорошо орошенную и обработанную, но многочисленныя селенія, которыми она усѣяна, были большою-частью разорены. Послѣ 5 ферсенговъ ѣзды, мы прибыли, 9-го апрѣля 1838, въ персидскій лагерь подъ стѣны Герата, совершивъ отъ Тегерана до этого города въ 27 переходовъ $177\frac{1}{2}$ ферсенговъ или 1065 — верстъ.

Не излишнимъ считаю прибавить здѣсь подробности объ образѣ путешествія нашего, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ нѣкоторыя понятія о персидскихъ обычаяхъ.

Хотя мы отправились налегкѣ, однакожь на востокъ нельзя путешествовать безъ многихъ людей и большого обоза, особливо такому знатному лицу, какое находилось между нами, и пословица, что по одеждѣ встрѣчаютъ, преимущественно оправдывается въ Персіи, гдѣ уважаютъ тѣмъ болѣе людей, чѣмъ они пышнѣе живутъ и имѣютъ при себѣ большую свиту. Общество наше состояло только изъ 4-хъ особъ, но при насъ находились драгоманъ, или переводчикъ, назиръ или управитель дома, и, сверхъ того, шесть слугъ, одинъ феррашъ-баши и 12 феррашей. *), десять вооруженныхъ голамовъ **), наконецъ персидскіе служители, мегтеры или конюхи, червадары или погонщики, всего около

*) Феррашъ — слуга, нанятый для разстиланія ковровъ, разбиванія палатокъ и вообще для всѣхъ домашнихъ грубыхъ работъ.

***) Голамъ — пажъ, оруженосецъ, тѣлохранитель; употребляется также для разсылки съ бумагами и порученіями.

50 человекъ и при нихъ 40 лошадей и до 100 лошаковъ. Каждый изъ насъ взялъ съ собой только самыя необходимыя вещи; но какъ отсутствіе наше могло продлиться весьма долго, то мы принуждены были запастись въ большомъ количествѣ чаемъ, сахаромъ, ромомъ, виномъ и восковыми свѣчами—вещи, которыхъ нельзя было достать внутри Персія, а въ персидскомъ лагерѣ, подъ Гератомъ, только за немовѣрныя цѣны. Чтобъ дать понятіе объ устройствѣ нашихъ обозовъ, я опишу свою поклажу: два деревянные сундука (яхтанъ), обтянутые кожею, съ мовиъ платьемъ и бѣльемъ; они служили мнѣ также походной постелью и составляли одинъ выюкъ. Другая пара подобныхъ сундуковъ заключала въ себѣ всѣ мов припасы; два большіе чемодана (мафрашъ), сѣланные изъ толстой шерстяной матеріи, содержали востель, подушки одѣяло, шубы, походные столъ и стулъ, мѣдный тазъ и кувшинъ для умыванья, равно и вещи мовихъ людей; наконецъ, подобныя два мафраша сохраняли всѣ принадлежности моея конюшня, какъ-то: мѣдный котелъ для поила лошадей, торбы для самана и ячменя, двойныя попоны для жеребцовъ, которыми ихъ покрываютъ послѣ ѣзды и во время ночи; веревки, которыми ихъ привязываютъ какъ спереди, такъ и за заднія ноги, чтобъ они не могли лягаться; веревки эти прикрѣплены къ желѣзнымъ коламъ (михъ), которые вбиваютъ въ землю, запасныя подковы (наль), запасныя веревки (тенафъ), мѣшки для запаснаго самана и проч. Что касается до палатокъ съ дровками, кольями и принадлежащими къ нимъ коврами, то однѣ онѣ занимали 20-ть выюковъ и находились подъ надзоромъ феррашъ-баши. Вотъ какимъ образомъ мы совершили походъ нашъ въ Герать.

Отъ Тегерана до селенія Хане-Худи мы ни разу не разби-вали палатокъ нашихъ и всегда проводили ночь въ деревьяхъ или каравансераяхъ. Каждое утро, съ разсвѣтомъ, выюки были отправляемы впередъ, подъ надзоромъ назира, феррашъ-баши, нѣсколькихъ казаковъ и нашихъ собственныхъ служителей. За ними отправлялась конюшня подъ присмотромъ мирахора, или главнаго конюха. Часомъ позже, мы трогались съ мѣста, вер-хами. Передъ нами ѣхали четыре едекча т. е. 4 конюха верхомъ, изъ которыхъ каждый велъ осѣдланнаго жеребца, покрытаго богатымъ ковромъ изъ вышитаго сукна (зимпушъ). Чѣмъ важ-

нѣе особа, которая путешествуетъ въ Персіи, тѣмъ больше удобныхъ едеки предшествуютъ ей. За коляскою слѣдовало нѣсколько слугъ, персидскіе камердинеры (пишъ-хидметъ), кальянчи съ кальяномъ, и вьюкъ съ завтракомъ. Каждый изъ насъ ѣздилъ по своей фантазіи: одинъ рисовалъ на дорогѣ, другой охотился съ борзыми собаками, посѣщалъ развалины или другіе любопытные предметы. На половинѣ дороги мы завтракали, для чего персидскіе камердинеры ѣхали впередъ, выбирали удобное мѣсто при ручьѣ, или родникѣ, и ставили афтабъ-герденъ, т. е. большой четырехугольный кусокъ холста, натянутый наклонно противъ солнца; два нижніе конца его касаются до земли и укрѣпляются посредствомъ кольевъ, верхніе же привязаны къ древкамъ. Подъ этою полупалаткою стлали коверъ и подавали завтракъ по нашемъ прибытіи. Афтабъ-герденъ этотъ служилъ намъ точкою соединенія, въ случаѣ нашего отдаленія отъ большой дороги. Завтраки наши были весьма пріятны, особенно когда мы уставали и были голодны послѣ 20 или 30-ти верстъ ѣзды. Послѣ завтрака подавали намъ кальяны и кофе, люди укладывали посуду, снимали афтабъ-герденъ, вьючили животныхъ и мы продолжали путь нашъ. Ежедневные переходы наши были отъ 3-хъ до 10-ти, 12-ти и болѣе ферсенговъ, смотря по разстоянію станцій и по невозможности найти воды. Я часто сердился на оптическіе обманы, которыхъ причина былъ воздухъ иракской плоской возвышенности. Воздухъ этотъ такъ чистъ и прозраченъ, что отдаленные предметы кажутся весьма близкими, отчего часто думаешь проѣхать только нѣсколько верстъ, чтобъ достигнуть ночлега, который представляется глазамъ въ весьма близкомъ разстояніи, между-тѣмъ, какъ каравансерай или селеніе это на самомъ дѣлѣ отстоитъ еще отъ васъ въ 15-ти или 20-ти верстахъ. По прибытіи на ночлегъ, каждый находилъ квартиру, уже занятую его людьми, ибо голамъ отправлялся впередъ для назначенія квартиры каждому изъ путешественниковъ. Послѣ отдыха, каждый смотрѣлъ за своими лошадьми, чтобы онѣ были хорошо убраны и накормлены, осматривалъ окрестности или писалъ замѣчанія свои. Къ-вечеру мы опять собирались къ ужину. Каждый былъ предшествуемъ своимъ феррашемъ съ персидскимъ фонаремъ въ рукахъ, сдѣланнымъ изъ проволоки, обтянутый каленкоромъ и длиною отъ 2-хъ до 3-хъ фу-

товъ. Въ деревняхъ необходимо было вооружать себя палкою при этомъ случаѣ, чтобъ отгонять множество собакъ, скитающихся во всякомъ селеніи.

Большіе переходы, какъ ужъ сказано было выше, совершали мы ночью, чтобъ не утомлять вьючный скоть и лошадей въ дневные жары. Какъ они были длинны и скучны эти ночные переходы по пустынѣ Хорасана! Чистое и ясное небо усѣяно было безчисленными звѣздами, блистаніе которыхъ неизмѣнно ярко подъ этою широтою и способствуетъ различать дорогу и окружающіе предметы на довольно большомъ разстояніи; но однозвучный шагъ нашихъ коней и звукъ колокольчиковъ и гремушекъ лошаковъ вдали одна отзывались въ этой пустынѣ и давали намъ довольно времени предаваться мыслямъ и мечтамъ, которыя, если не отлетали на родину, почти всегда были печальны, грустны и въ гармоніи съ окружающими насъ предметами, т. е. съ пустынью и развалинами.

Вдоль всей дороги нашей изъ каждаго селенія, лежащаго близъ нея жители приходили на встрѣчу намъ. Факиры и дервиши ожидали стоя возлѣ дороги, читая молитвы и разстилали передъ собою кусокъ холста на землѣ, въ ожиданіи чтобъ на него бросили денегъ. Обыкновенное ихъ привѣтствіе состояло изъ слѣдующихъ словъ: «Да сохранить Богъ особу вашу!» Дѣти подносили фрукты или цвѣты, другія же подавали даже родъ ладана, т. е. они сожигали саманъ на черепкѣ съ углями. Сакка или водовозы брызгали воду изъ своихъ бурдюковъ и поливали дорогу наконецъ старшины (кетхуда) деревень, въ которыхъ мы ночевали, дарили насъ барашками. Всѣ эти дары и честь были однѣ только уловки, чтобъ выманить подарки (пешкешъ). Въ Турпизъ, гдѣ владѣлъ тогда шахъ Задѣ, или королевскій принцъ, послѣдній посылалъ на встрѣчу насъ найда своего и 12 феррашей съ длинными прутиками въ рукахъ; они предшествовали коляскѣ и разгоняли толпы народа, а при въѣздѣ въ городъ трубачи трубили фальшивыми инструментами въ честь знаменитому страннику. Дервиши и факиры провожали насъ при выѣздѣ изъ городовъ, слѣдовали за нами пять и болѣе верстъ и рѣдко отставали, покуда имъ не бросили денегъ, чтобъ только избавиться отъ ихъ наглости.

Дервиши эти воображаютъ себѣ, что дѣлаютъ большую честь тѣмъ вельможамъ, при домахъ которыхъ они поселяются; ихъ называютъ тогда гуше-нишинъ (сидячіе въ углахъ домовъ).

Натянутый кусокъ холста скрываетъ ихъ отъ палящихъ лучей солнца; передъ этимъ холстянымъ домикомъ они обыкновенно засѣвають травой или ячменемъ клочокъ земли въ 2-хъ или 4-хъ квадратныхъ футахъ. Скорлупа кокосоваго орѣха служитъ имъ для черпанія воды и въ нее также бросаютъ милостыню; потомъ каждый имѣетъ бычачій рожокъ, въ который онъ трубитъ въ ночное время; или, приближаясь къ какому-нибудь селенію, кричитъ слова Хакъ-Гу! (Накхой т. е. о единственній Богъ!) дикимъ, отрывистымъ голосомъ. Если они долго останавливаются на одномъ мѣстѣ, то прибавляютъ еще простой кальюнъ (водяная курительная трубка) и мангалъ съ углями, чтобъ нагрѣваться въ зимнее время. Дервиши эти почти голы, съ растрепанными длинными волосами, отвратительной нечистоты и покрываются только кускомъ верблюжей шкуры. Они ведутъ жизнь праздную, созерцательную и кочующую, но большею частью плуты и готовы на всѣ дурные поступки. Одинъ изъ нихъ остановился въ 1837 году у воротъ сада, въ которомъ тогда находились путешественники въ 6-ти верстахъ отъ Тегерана и безпрестанно трубилъ въ свой рожокъ, крича Хакъ! Гу! Онъ же требовалъ отъ нихъ 30 червонцевъ и лошадь, чтобъ отправиться въ Мекку, а по возвращеніи путешественниковъ въ Тегеранъ, слѣдовавъ за ними, расположился при воротахъ дома, занимаемаго ими, провелъ тутъ цѣлую зиму, заочно безпрестанно упрекая ихъ за то, что они его не отпустили съ большимъ подаркомъ. Только при отъѣздѣ нашемъ въ персидскій лагерь подъ Гератъ мы избавились отъ него, давъ ему 10 червонцевъ.

Приступимъ теперь къ описанію городовъ и мѣстъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ Туршизской Долины, чтобъ кончить обзоръ этой части Хорасана. Къ сѣверо-востоку отъ Туршиза и къ югу отъ Мешеда находится городъ:

Турбетъ-Гайдери (12¹/₂ ферсенговъ, 75 верстъ отъ Туршиза), который не надобно смѣшивать съ мѣстечкомъ Турбетиджамъ, лежащемъ въ долинѣ, орошенной Гери-рудомъ. Первый расположенъ на западной сторонѣ подошвы цѣпи Турбетъ и теперь

имѣеть только около 800 домовъ и до 5,000 жителей. По словамъ восточнаго путешественника Ибнъ-Батуа, въ древнее время мѣсто это носило имя Зава; но приверженцы шейха Котбедина Гайдери дали ему свое нынѣшнее названіе. Окрестности города довольно плодородны и изобилуютъ обширными луговыми мѣстами. Иса-Ханъ, отецъ знаменитаго Мухаммедъ-Ханъ-Караа и владѣтель Турбетъ-Гайдери, содержалъ безчисленныя стада овецъ, для сбереженія которыхъ, по словамъ Персіанъ, требовалось болѣе 1,200 собакъ. Но сынъ его Махоммедъ-Ханъ-Корай извѣстенъ былъ своимъ грабительствомъ; онъ продавалъ подданныхъ и сосѣдей тысячами Туркменцамъ, грабилъ купцовъ и караваны и навелъ такой страхъ на весь край, что наконецъ караваны не проходили черезъ Турбетъ. Онъ же былъ въ непрерывномъ возмущеніи противъ Фетхъ-Али-Шаха, и принудилъ Аббасъ-Мирзу занять Турбетъ войсками; войною этою край былъ разоренъ, и Мухаммедъ-Ханъ-Корай былъ взятъ въ плѣнъ, заключенъ въ кандалы и отправленъ въ Тавризь, гдѣ онъ и умеръ. Черезъ Турбетъ-Гайдери ведетъ караванная дорога въ Нишапуръ, въ Мешель, въ Хафъ и Гератъ, черезъ Туршизъ въ Тегеранъ.

Къ югу и къ юго-востоку отъ Туршиза и въ средніе соленой пустыни лежатъ Туиъ, Теббезъ и Ездъ; о первыхъ двухъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній.

Туиъ.

Расположенъ въ 20-ти ферсенгахъ къ югу отъ Туршиза и въ древнее время былъ значительнымъ городомъ, но теперь имѣеть только 2,000 жителей. Онъ окруженъ фруктовыми садами и образуетъ оазисъ въ соленой пустынѣ. Къ сѣверо-востоку отъ Туна лежитъ Гунабадъ съ 20,000 жителями, которые преимущественно занимаются заготовленіемъ кирпичей и глиняной посуды. Къ сѣверо-западу отъ Туна расположенъ городъ Бушревга съ 15,000 жителями.

Теббезъ.

Находится къ юго-востоку отъ Туршиза разстояніемъ на 31 ферсенгъ, и былъ также значительнымъ городомъ въ древнее время. Идриси уже говорилъ о немъ какъ объ одномъ изъ мѣстъ жаркой страны, въ которомъ растетъ пальмовое дерево. Англичанинъ Фрезеръ также слышалъ, что тамъ растутъ финики и апельсины, равно и отличный табакъ. Поручикъ Виткевичъ проѣхалъ здѣсь

въ началѣ 1839 года, но, къ сожалѣнію, ничего не успѣлъ сообщить мнѣ объ этомъ городѣ.

Ездъ.

Самый южный городъ Хорасана, расположенъ къ юго-западу отъ Теббеза, и почти на границахъ Кермана, древней Караманіи. Весьма мало Европейцевъ посѣщали его, и мы должны довольствоваться свѣдѣніями, сообщенными намъ путешественниками Христи, Дюпрé и Фрезеромъ.

Названіе Ездъ происходитъ отъ персидскаго слова езданъ — свѣтъ, и городъ этотъ съ древняго времени былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ Гебровъ или поклонниковъ огня (свѣта). Вѣроятно, онъ древнее Исатихé (Isatichae) Птолемея, который упоминаетъ объ этомъ городѣ, какъ лежащемъ на краю необитаемой Караманіи; это есть новое доказательство долговѣчности восточныхъ именъ, сохраняющихся въ продолженіе многихъ вѣковъ. Лежащій въ серединѣ труднодоступной пустыни, Ездъ, послѣ уничтоженія могущества Сасанидовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служилъ еще главнымъ убѣжищемъ приверженцевъ Ормуза, т. е. огнеспонниковъ, и здѣсь-то сохранились еще рукописи законовъ Зороастра на зендскомъ языкѣ, которыя оттуда перешли впоследствии въ Индію. Христи и Дюпрé, посѣтивши городъ этотъ въ 1809 — 1810 годахъ, утверждаютъ что и нынѣ онъ называется Даръ-уль-Ибадетъ, т. е. домъ поклоненія, и славится во всемъ Иранѣ честностью своихъ жителей и безопасностью проѣзжающихъ тамъ купцовъ.

Христи описываетъ его большимъ городомъ, ведущимъ значительную торговлю съ Индостаномъ, Хорасаномъ, Фарсомъ и Багдадомъ, съ богато снабженными базарами. отличными шелковыми фабриками, но съ окрестностями мало обработанными, по причинѣ глубокихъ песковъ, окружающихъ Ездъ.

По свѣдѣніямъ путешественника Дюпрé, городъ этотъ имѣетъ только 20 тысячъ жителей, между которыми 4 тысячи Гебровъ и 80 тысячъ еврейскихъ семействъ. Третья часть его въ развалинахъ. Онъ укрѣпленъ, имѣетъ 9 воротъ, 4 мадреса, 20 мечетей, между которыми одна большая съ 4-мя минаретами, 24 караван-серая, изъ которыхъ 12 для проѣзжающихъ и 12 служатъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Улицы узки и грязны; до 40 водохранилищъ, болѣею частью весьма глубокихъ, снабжаютъ го-

родъ водою. Здѣсь также сахарныя заводы, которые получаютъ сахарный песокъ изъ Индіи, наконецъ многочисленныя оружейныя фабрики. Караваны ежегодно нѣсколько разъ приходятъ сюда: изъ Герата привозятъ кашмирскія шали и индійскую сталь; изъ Мешеда бухарскія мерлушки; изъ Испагана, Шираза, Бендеръ-аббасы разныя персидскія издѣлія; изъ Гиляна русскую мѣдь и шелкъ, потому-что самый Ездъ весьма мало производитъ шелка. Число Гебровъ, обитающихъ въ 15-ти селеніяхъ вокругъ Езда, простирается, по словамъ Дюпрѣ, до 8,000; они занимаются хлѣбопашествомъ и разными ремеслами, живутъ весьма плохо, угнетены персидскимъ правительствомъ, и по этой причинѣ народонаселеніе ихъ въ Персіи въ продолженіе 100 лѣтъ весьма уменьшилось, и большая часть Гебровъ переселилась въ Индостанъ. Главный храмъ ихъ (Атешга), находившійся на возвышенности въ 40 верстахъ отъ Езда, теперь въ развалинахъ. Незначительный протокъ Мерисъ орошаетъ ограниченную почву хорошей земли между городомъ и пустынею, производящею вкусныя смоквы, виноградъ и дыни. Долина, ведущая въ селеніе Тафтъ, въ 4-хъ ферсенгахъ отъ Езда къ юго-востоку, есть одна изъ лучшихъ мѣстъ Ирана и раздѣляется рѣчкою на теплую и холодную страну (Гермосиръ и Сердесиръ).

По описанію Фрезера, Ездъ расположенъ на обширной песчаной равнинѣ, окруженной горами. Въ направленіи къ Испаганѣ страна довольно хорошо населена до Аукдѣ (13½ ферсенговъ); уѣздъ или булукъ съ 20 селеніями, принадлежитъ къ Езду и славится своими смоквами и граватами. Далѣе, на пространствѣ 2-хъ съ половиною ферсенговъ; простирается опять пустыня до Майбутъа. Съ другихъ сторонъ городъ окруженъ песками; но, невзирая на недостатокъ воды, онъ производитъ отличные фрукты, равно и шелкъ; хлѣбъ, однакожь, въ маломъ количествѣ, такъ-что нужно привозить его изъ Испагана. Старый городъ, по словамъ Персіянъ, не уступаетъ Тегерану величиною своею; онъ укрѣпленъ валомъ, ровомъ и покрытою дорогою (Ширъ-аджи); новый же городъ безъ стѣнъ, а къ сѣверу отъ него находится еще крѣпость Наривъ-Калѣ. Фрезеръ считаетъ народонаселеніе до 50 тысячъ жителей(?); изъ нихъ 3 тысячи семействъ Гебровъ, занимающихъ южную часть города, названною Пуштѣ-Хане-Али, при керманскихъ воротахъ и отдѣленную отъ другихъ частей. Гебры эти составляютъ бѣль-

шую часть населенія окрестныхъ деревень; они трудолюбивы, терпѣливы, занимаюся земледѣіемъ и торговлею, платятъ большія подати и вообще угнетены; но, невзирая на это, старшины ихъ въ большомъ уваженіи. Женщины Гебровъ не скрываются какъ мусульманки, и нравы ихъ похожи на нравы Персовъ, живущихъ въ Бомбаѣ. Шелковыя фабрики Езда производятъ разныя матеріи для одежды Персіянъ, какъ-то: алиджа, кассабъ, деренсъ, тафтѣ тирманюма, вывозимыя въ цѣлую Персію. Ковры, пли нумудъ, выдѣлываемые въ окрестныхъ деревняхъ, славятся своею добротою. Вьючный скотъ хорошей породы, продается дешево. Положеніе Езда на краю пустыни между Керманомъ, Гератомъ, Мешедомъ и Испаганомъ дѣлаетъ его удобнымъ мѣстомъ для отдыха каравановъ, перевозящихъ произведенія Индостана и Афганистана въ западную Персію и Турцію. Здѣсь же собираются купцы изъ Испагана, Шираза, Кашана, Тегерана и Герата. Во всѣ времена Ездъ, по своему отдаленному мѣстоположенію отъ большихъ военныхъ дорогъ, въ сравненіи съ другими городами Ирака и Афганистана, былъ безопаснымъ мѣстомъ, а безопасность обогатила его. Климатъ здѣсь весьма знойный лѣтомъ, а зима сурова, невзирая на то, что городъ расположенъ подъ 32° сѣверной широты, параллельно съ городами Марокко, Иерусалимомъ, Багдадомъ, Лагоромъ и Нанкингомъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Езда и по дорогѣ въ Керманъ находятся свинцовыя руды, которыя снабжаютъ большую часть Персіи этимъ металломъ. Еще встрѣчаются въ окрестностяхъ Езда зеленый мраморъ, годный для плитъ и разныхъ украшеній, каменная соль изъ горы Харумъ, на сѣверѣ отъ Езда, вывозимая въ окрестности. Для дополненія свѣдѣній относительно этого города, прибавляются здѣсь еще нѣкоторыя подробности о нравахъ и обычаяхъ Гебровъ, собранныя оріенталистомъ Узелимъ (Ouseley).

До-сихъ-поръ Ездъ считается у Гебровъ священнымъ мѣстомъ; здѣсь и въ его окрестностяхъ находится самое многочисленное собраніе этихъ коренныхъ жителей Персіи, которые большею частью исчезли въ остальной части этого государства, или смѣшались съ племенами и народами, завоевавшими Иранъ въ разныя времена. Доказательствомъ, сколько они еще привязаны къ этому городу, служить, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ. «Во

время пребыванія англійскаго посланника сэръ Вильяма Уэли въ Персіи, 1807 году, банкиръ его, Гебръ, снабжалъ посольство нужными деньгами и исполнялъ обязанность свою съ большимъ усердіемъ и ревностью. Суммы, которыя проходили черезъ его руки, простирались до милліона рублей серебромъ. вмѣсто награжденія, которое сэръ Вильямъ Уэли ему предлагалъ, онъ выпросилъ только ходатайство посланника у персидскаго правительства, чтобъ было позволено Гебрамъ выстроить себѣ въ Ездѣ дехмѣ, т. е. кладбище, гдѣ можно было бы хоронить мертвыхъ по ихъ обрядамъ».

Между Гебрами встрѣчаются люди необыкновенной красоты; правильныя черты лица ихъ похожи на ваянія древнихъ головъ, замѣченныхъ въ Персеполисѣ, или сходны съ изображеніями на арсасидскихъ и сасанидскихъ монетахъ. Лица эти отличаются особенно прекраснымъ орлинымъ носомъ и дугообразными бровями, замѣченныя древними писателями у знаменитаго Кара.

Вѣроятно, что въ Ездѣ сохранилась и до-сихъ-поръ между тамошними Гебрами чистая и несмѣшанная кровь древнихъ Персовъ, красота которыхъ, и особливо красота древнихъ персидскихъ женщинъ, извѣстна была и Грекамъ и Римлянамъ. Нынѣ они угнетены и унижены, одѣваются дурно и весьма просто; они вѣрны, прилежны и откровенны съ иностранцами. Много изъ нихъ понимаютъ и читаютъ еще языкъ Зенда и Пельвея, на которомъ писана Зендавеста или законы Зороастра. Въ своемъ нарѣчій они часто употребляютъ *б* и *п* вмѣсто *в* и *ф*, и говорятъ *дибъ* и *пирузъ* вмѣсто *дивъ* и *фирузъ*, точно какъ древніе Персы. Можетъ быть, что въ ездскомъ оазисѣ языкъ этотъ и древнія книги огнепоклонниковъ сохранились до-сихъ-поръ; желательно было бы, чтобъ кто-нибудь изъ ученыхъ ориенталистовъ посѣтилъ мѣста эти и изслѣдовалъ сокровища древней персидской литературы.

До времени завоеванія Персіи халифами, страна эта была покрыта храмами (отешга) Гебровъ, и ученый Гамлиръ исчисляетъ ихъ въ своемъ сочиненіи о географіи Персіи.

Еще надобно обратить вниманіе на важное вліяніе, которое вѣра Гебровъ имѣла на развитіе исламизма въ Персіи. Законы Зороастра вмѣняли каждому изъ его приверженцевъ въ обязанность уничтоженіе зла и обработываніе земли, дабы превращать ее въ благословенное мѣсто (Ормуздъ). По этой причинѣ, насажденіе деревьевъ, садовъ, постройки храмовъ, каравансераевъ, богоугод-

ныхъ заведеній, водопроводовъ, водохранилищъ и вырытіе колодезь въ пустынѣ, считались въ древнемъ Иранѣ обязанностью не только государей, по даже частныхъ людей, и каждый Гебръ по возможности старался исполнить священный и благотворительный законъ Зороастра. Приверженцы исламизма, по завоеваніи Персіи, приняли эти законы Гебровъ, присвоили ихъ впоследствии и они входили въ обязанность правовѣрныхъ мусульманъ, такъ-что обычай насаждать деревья, строить каравансеран, бани, водопроводы и проч., распространился черезъ Малую Азію, Румелію и до береговъ Дуная. Напротивъ того, коренные Туркменцы, населяющіе пустыни Хорасана, и которые никогда не проникали въ Иранъ, до-сихъ-поръ не имѣютъ садоводства и не разсаживаютъ деревьявъ; они даже славятся тѣмъ, что никогда не отдыхаютъ подъ тѣнью ихъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ мѣстъ, принадлежащихъ къ юго-восточному Хорасану, считается Каинъ, когда-то главный городъ уѣзда того же имени. Уѣзды Каинъ, равно какъ Туршизъ и Туиъ обитаемы арабскими племенами, переведены сюда изъ Арабистана извѣстнымъ Тагиръ-Зуль-Еминомъ, который во время калифа Меамуна, сына Гарунъ аль-Решида, былъ правителемъ Хорасана и жилъ въ Нишапурѣ. Аравитяне эти сохранили до-сихъ-поръ языкъ и нравы свои, хотя они всѣ шіиты. Персіяне называютъ общимъ именемъ Арабъ-Ханѣ трехъ владѣтелей арабскаго происхожденія, когда-то царствовавшихъ надъ ними. Зависимыя отъ Каина земли простираются на 60 ферсенговъ ширины и столько же длины. Начальникъ Каина, Миръ-аседулла-Ханъ-Хойзенѣ живетъ въ Бирджендѣ; онъ одинъ изъ потомковъ знаменитаго Миръ-Элемъ-Хана, который, послѣ смерти Надиръ-Шаха хотѣлъ завладѣть Хорасаномъ. Народонаселеніе его владѣній простирается до 25 тысячъ семействъ, изъ которыхъ, въ случаѣ требованія, нѣсколько тысячъ человекъ могутъ быть употреблены, какъ хорошіе туфенджи. Надиръ-Шахъ очень ихъ полюбилъ.

Отрасль горъ, отдѣляющаяся отъ турбетской цѣпи, разсыпается здѣсь на многочисленныя песчаные бугры безъ воды. Въ цѣломъ пространствѣ, занятомъ Каинскимъ Уѣздомъ, нѣтъ ни одного

ручья; только колодцы и нѣсколько подземныхъ канаутовъ, **выры-**тыхъ съ большими издержками, служатъ для орошенія полей. **Сно-**собъ, употребляемый каинскими земледѣльцами для раздѣленія между собою воды при орошеніи полей, весьма любопытенъ. **Каждый** хозяинъ снабженъ мѣдною или желѣзною чашкою съ дырочкою на днѣ. Если придетъ его очередь пользоваться струею воды (принадлежащею часто нѣсколькимъ селеніямъ вмѣстѣ) для орошенія своихъ полей, то онъ ставитъ чашку свою на поверхность воды. Пока она плаваетъ наверху, онъ имѣетъ право орошать собственность свою; но когда чашка, наполнившись водою, тонетъ, права его кончаются, онъ долженъ запереть жолобокъ и уступить драгоценную стихію сосѣду своему, который ожидаетъ своей очереди. Оттого Персіане смѣются надъ жителями Каина, говоря о нихъ что они мѣрятъ воду чашками.

Главная ихъ пища рѣпа (шельгемъ), которую сѣютъ въ большомъ количествѣ. Каинскій шафранъ считается самымъ лучшимъ во всей Персіи, а барбарисовые кустарники покрываютъ вездѣ поля. Войлоки (немедъ) и ковры, выдѣлываемые въ Каинѣ, предпочитаются другимъ персидскимъ. Надобно замѣтить еще, что плодородность женщинъ этого уѣзда необычайна. Невзирая на тысячи жителей, увозимыхъ отсюда и продаваемыхъ ежегодно Узбеками, немногіе уѣзды Хорасана такъ населены, какъ Каинскій. Каинъ или Гайнъ, во время Идриса былъ столицею Кустана съ дворцомъ, большою мечетью, каналами и проч.

О Нѣ или Наубенданъ, Хуббезѣ и другихъ мѣстахъ юго-восточнаго Хорасана мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, кромѣ, что каждое образуетъ зеленый оазисъ въ песчаной пустынѣ, и что Хуббезъ, лежащій на дорогѣ отъ Кермана въ Герать, почти въ развалинахъ.

Бурджендъ, къ сѣверу отъ Каина и нынѣшнее главное мѣсто Каина, славится своею древностью, и до-сихъ-поръ довольно-важное мѣсто по своимъ фабрикамъ. Здѣшніе ковры и войлоки соперничаютъ добротою съ каинскими. Число дворовъ неизвѣстно; но увѣреніе Персіанъ, будто оно простирается до 30 тысячъ — ложно и не заслуживаетъ никакого вниманія.

Опредѣлимъ теперъ съ возможною точностью юго-восточныя и восточныя границы Хорасана. Хотя въ этой странѣ никогда не существовало настоящей границы, но селенія и укрѣпленія, лежа-

ція на рубежѣ каждой области, опредѣлены вѣковыми обычаями. Если даже случается, что захвачено земли другаго уѣзда, то жители, однакожь, всегда знаютъ названіе того края, которому они принадлежатъ.

Укрѣпленныя селенія, окаймляющія южныя края Каинскаго Уѣзда, и черезъ земли которыхъ проходитъ пограничная черта, направляясь къ с. сѣверо-востоку — Каинъ и Даругъ. Черта эта раздѣляетъ на двѣ равныя части пустыню, отдѣляющую Даругъ отъ Калека; укрѣпленія, принадлежащія къ Фра (въ Афганистанѣ), слѣдуютъ по тому же направленію (с. сѣверо-востоку), проходятъ въ 51-ти ферсенгѣ южнѣе Шарекса и Оваза; также два маленькія укрѣпленія Каина отдѣлены на 30 ферсенговъ отъ Укель, селенія, лежащаго на сѣверныхъ границахъ Фра. Отсюда пограничная черта направлена прямо къ сѣверу, упирается на гератскія владѣнія, оставляя влѣвъ три укрѣпленія, селенія Кафскаго Уѣзда (въ Хорасанѣ) Меджнабадъ, Низ-абадъ и Ферезнѣ, а справа Гурьянъ, крѣпость, принадлежащую къ Герату, равно какъ и урочище Перѣ и Чемени-Пири-Нейтазъ. Отъ Шарекса до Гурьяна считается 22 ферсенга, а отъ Ферезнѣ до Гурьяна 12 ферсенговъ, и на пути слѣдуетъ перейти большую гору. Отъ Меджнабада до Перѣ 20 ферсенговъ и столько же отъ Низабада до Чемени-Пири-Нейтазъ. Между этими двумя послѣдними мѣстами пограничная черта тянется прямо къ сѣверу и проходитъ между Кусанъ (въ Хорасанѣ) и Шебекъ (въ гератскомъ владѣніи). Отъ Кусана до Герата 6 ферсенговъ, а отъ Герата до Шебека только 5 ферсенговъ. Потомъ черта эта продолжается въ томъ же направленіи до Пишерабада, лежащаго на лѣвомъ берегу Герв-руда, а оттуда эта самая рѣка составляетъ границу между Хорасаномъ и Афганистаномъ.

Рѣка Гери-Рудъ.—Рѣка Гери-рудъ, названная Афганцами Пули-Маланъ, вытекаетъ изъ горы Кау-кау, въ Параномійскомъ Хребтѣ, при Сиабендѣ, около 30-ти ферсенговъ на сѣверо-востокъ отъ Герата. Она течетъ сначала въ узкомъ ущельѣ, принимаетъ много горныхъ протоковъ и, выходя изъ горъ, орошаетъ плодородную гератскую долину. Теченіе ея быстро и направлено до Гурьяна къ юго-западу и къ западу. Оттуда она поворачиваетъ къ с. сѣверо-западу, принимаетъ слѣва притокъ Джамъ ниже каравансерая Туманъ-Ага, и продолжаетъ теченіе свое до Серрех-

са; потомъ за станомъ туркменскаго племени Салоръ, она течетъ къ з. сѣверо-западу еще на 12 ферсенговъ и теряется въ пескахъ. Въ нижней ея части она принимаетъ, вѣроятно, еще слѣва рѣчку Теджанъ, вытекающую изъ горъ при Келати-Надирѣ и орошающую рубежъ Дести-Хаверанъ. Положительныхъ свѣдѣній, однакожь, о соединеніи этихъ двухъ рѣчекъ не имѣется, и онѣ означены на картѣ Борнса по однѣмъ догадкамъ. Англичанинъ Канолли въ своемъ путешествіи упоминаетъ, что русло Гери-руда ниже Гурьяна, болѣею частью сухо; но я переѣхалъ рѣчку эту вначалѣ сентября 1838 года при каравансераѣ Туманъ-Ага, гдѣ она имѣла до 25 сажень ширины, четыре фута глубины въ срединѣ и довольно быстрое теченіе. Берега его вездѣ покрыты тучными пастбищами и кустарниками, а при Кафиръ-Кале даже лѣсомъ. Гери-рудъ есть древній Охусъ (Ochus), который, по словамъ многихъ географовъ, достигалъ когда-то восточныхъ береговъ Каспійскаго Моря, но теперь, какъ выше сказано, онъ теряется въ пескахъ, въ 12-ти ферсенгахъ къ сѣверу отъ Серехса.

На лѣвомъ берегу Гери-руда, начиная отъ Гурьяна и внизъ по его теченію, хорасанскіе уѣзды Бахеръ и Джамъ, а съ правой стороны страна Бадкизъ, обитаемы независимыми племенами Чеаръ-Оймакскими, или четыре отдѣленія, изъ которыхъ Джемшиды живутъ при самой рѣкѣ. Объ этихъ Чеаръ-Оймакахъ слѣдуетъ поговорить подробнѣе, потому-что они играютъ довольно-важную роль въ этой части Средней Азіи.

ПЛЕМЕНА ЧЕАРЪ-ОЙМАКСКІЯ.

Странный этотъ союзъ состоитъ изъ четырехъ племенъ различнаго происхожденія, и раздѣляется на

1) Теймуровъ, 15 тысячъ семействъ, разбѣянныхъ въ Хафъ, Гератъ и Фра. Они кочуютъ и не имѣютъ опредѣленнаго мѣсто-

пребыванія. Теймуръ-Ленгъ (Тамерланъ), по монгольскому обычаю, въ награду, подарилъ одному изъ своихъ слугъ сотню семействъ пастуховъ, взятыхъ изъ разныхъ племенъ. Благодарный слуга назвалъ новыхъ своихъ подданныхъ по имени щедрого своего владѣтеля. Впоследствии изъ нихъ образовалось племя, послѣдній начальникъ котораго, Кылиджи-Ханъ, былъ знаменитъ своею храбростію и убитъ во время гератской осады. Сынъ его, того же имени, живеть въ Руи (Хафъ). Теймуры могутъ выставить до 1000 всадниковъ и 400 пѣшихъ. Они раздѣляются на Салисы, Сурбузы, Якубъ-Ханя, Сенги-Чули и Лягары. Часть этихъ Теймуровъ, въ числѣ 1000 семействъ, занимаетъ мѣста въ 4-хъ ферсенгахъ къ востоку отъ Мешеда; начальникъ ихъ, Достъ-Мухаммедъ, другой сынъ Кылиджа-хана, живеть въ укрѣпленіи Гузунъ.

2) Теймены, въ числѣ 30 тысячъ семействъ, занимаютъ горы въ окрестностяхъ Герата, особливо при Курухъ покатоности горъ и долины, по которой течеть рѣка Фра. Начальникъ ихъ, Ибрагимъ-ханъ, живеть въ крѣпости Гуръ, бывшей въ древности столицею знаменитаго Бахрами-Гуръ.

3) Джемшиды. Названіе ихъ «присоединенные», означаетъ происхожденіе ихъ отъ смѣшенія разныхъ народовъ Хорасана. Они повинуются одному начальнику Мухаммедъ-Земанъ-Хану, живущему въ Калеай-Булды, въ 20-ти ферсенгахъ къ сѣверу отъ Герата. Число ихъ простирается до 6,000 семействъ, которыя могутъ выставить 500 всадниковъ. Кочевья ихъ упираются къ правому берегу Гери-руда, а пространство, ими занимаемое, тянется вверхъ по рѣкѣ Мургабу (древнему Эпардусъ) до Деленѣ-Джауварѣ. Они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и собираніемъ опшашекъ вмѣстѣ съ племенемъ Фирузкую, потому-что дерево это покрываетъ большое пространство въ земляхъ, занимаемыхъ обоими племенами. Они раздѣляются еще на Сабзакки и Кахъ.

4) Фирузкуи переселены изъ Фирузку (въ Албурзскихъ Горахъ къ сѣверо-востоку отъ Тегерана). Ихъ считается до 10 тысячъ семействъ, которыя въ состояніи выставить 700 всадниковъ. Они живутъ недалеко отъ большаго племени Гезарѣ, занимающаго все пространство горъ, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Кабула до самаго Герата. Начальникъ ихъ Мегдудъ-Ханъ-Баграмовъ,

живеть въ Тегеранѣ. Они занимаютъ также двѣ крѣпостцы: Кадисъ въ 30-ти ферсенгахъ отъ Герата, и Ленгаръ, въ 3-хъ ферсенгахъ отъ Кадиса. Главныя занятія ихъ хлѣбопашество и скотоводство.

Между этими племенами и въ Параномійскихъ Горахъ находится еще племя Кипчакъ, въ числѣ 1000 семействъ. Они живутъ въ деревняхъ, на правомъ берегу верхней части Гери-руда, въ 3-хъ ферсенгахъ выше Уби; потомъ племя Муголь, въ числѣ 500 семействъ, которыя занимаютъ пространство между верховьемъ рѣки Гери-руда и источниками рѣкъ Адресхана и Руди-Гази.

Наконецъ надобно поговорить еще о племени Гезарѣ, станы котораго простираются отъ Калену (въ 45-ти ферсенгахъ къ западу отъ Меімуне) до Бала-Мургаба; мѣста эти отдѣлены другъ отъ друга на 15 ферсенговъ. Послѣдній начальникъ ихъ или Бег-дербегъ былъ Ширъ-Мухаммедъ-Ханъ, который, покораясь Мухаммедъ-Шаху подъ Гератомъ, въ 1838 году, умеръ въ полѣ мѣсяцъ того же года. Число этихъ Гезарѣ простирается до 10 тысячъ семействъ, которыя, въ случаѣ надобности, могутъ выставить 2,000 всадниковъ. Они говорятъ по-персидски, но, по вѣровсповѣданію, самые фанатическіе Сунны.

Съ этими Гезарѣ ненадобно смѣшивать большое племя Гезарѣ въ числѣ 40 тысячъ семействъ, занимающихъ сѣверныя покатоности Параномійскихъ Горъ къ сѣверо-западу отъ Кабула и простирающихся до Гиндокуша и даже за этими горами до Кундуза. Послѣднее племя занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а никогда хищничествомъ. Шиты живутъ смиренно и ненавидимы вышеупомянутыми Гезарѣ, которые ихъ преслѣдуютъ и продаютъ плѣнныхъ своихъ въ Бухару и Хиву.

Богатство этихъ племенъ вообще состоитъ преимущественно въ многочисленныхъ стадахъ. Они продаютъ избытки ихъ: тощее молоко (рауханъ), а шерсть сбываютъ въ Бюрджендъ и Кайнъ, гдѣ изъ ней выдѣлываютъ отличныя ковры (немедъ). Самые номады эти выдѣлываютъ родъ фланели (пету) изъ козьей шерсти, весьма чтимой въ Персіи; но главное произведеніе ихъ состоитъ въ курутѣ или сырѣ, вначалѣ густо сваренномъ, а потомъ высушенномъ. Пища эта необходима въ странахъ, гдѣ, при непрерывныхъ перекочеваньяхъ, съѣстные припасы должны занимать самое малое мѣсто, особ-

ливо во время набѣговъ. Воры окружены тоже ворами. Оймаки съ малолѣтства привыкають къ всякимъ недостаткамъ, трудамъ, голоду и жадѣ. Въ разные времена являются между ними люди необыкновенной смѣлости и съ большимъ природнымъ умомъ, которые въ нѣсколько лѣтъ изъ безопасныхъ пастуховъ дѣлаются храбрыми и предприимчивыми воинами. Племя Гезарѣ, причисленное къ Чеаръ-Оймакамъ, можетъ служить примѣромъ въ этомъ отношеніи.

Послѣ смерти Надиръ-Шаха, знаменитый Ахмедъ-Шахъ-Дарани, завладѣвъ Гератомъ, оставилъ тамъ, подъ названіемъ своего Беглербега, какого-то Дервишъ-Али-Ханъ-Гезарѣ, и опредѣлилъ его начальникомъ племени, къ которому онъ принадлежалъ, въ награду за его заслуги. Преемникъ Дервишъ-Али-Хана былъ сынъ его Шахъ-Мухаммедъ-Ханъ, котораго боялись и ласкали равно какъ Персіане, такъ и Гератцы. Сынъ его былъ убитъ въ Мешедѣ, по приказанію Надиръ-Мирзы, сына Шагъ-Рохъ-Шаха. Преемникъ его былъ Ширъ-Мухаммедъ-Ханъ, ревностный гонитель шийтовъ. Всѣ эти начальники, отъ отца до сына, приняли титулъ беглербеговъ (наслѣдственный въ племени Гезарѣ), но никто изъ нихъ не приобрѣлъ столько славы, какъ Курбанъ-Али-Гезарѣ, имя котораго сохраняется до-сихъ-поръ въ памяти номадовъ. Въ одной изъ народныхъ пѣсень Гезарѣ, поють слѣдующія слова: «Послѣ немовѣрныхъ трудовъ мы достигли до страны Туркестана; тамъ мы встрѣчали 100 тысячъ человекъ съ веревкою на шеѣ. Кто васъ продалъ? спросили мы. Курбанъ-Али-Гезарѣ встаетъ и гордо говоритъ: я». Разбойникъ этотъ умѣлъ возвысить незначительное племя Гезарѣ. Узнавъ однажды, что четыре тысячи Узбековъ воротились изъ Хорасана съ огромною добычею, состоявшею изъ невольниковъ и скота, онъ засѣлъ въ засаду съ 35 всадниками и 80 туфенджи, въ Акъ-Дербендѣ, ущельѣ въ Албурзскихъ Горахъ, на половинѣ дорогѣ отъ Мешеда до Серекса. Атакованные врасплохъ и не имѣя возможности растянуть своихъ войскъ, Узбеки бѣжали, а Курбанъ-Али нашелъ между добычею нѣсколько сотъ лошадей изъ лучшихъ заводовъ Хорасана, которыхъ онъ роздалъ своимъ приверженцамъ, бѣднымъ, какъ онъ самъ, и алчнымъ къ богатству. Съ того времени шайка эта провожала Курбанъ-Али вездѣ. Вся жизнь его протекла въ стараніяхъ умножить число своихъ приверженцевъ и увеличить славу свою. Разъ, бывъ преслѣдованъ

3,500 Афганцевъ, въ горахъ въ которыхъ онъ разбойничалъ, Курбанъ-Али выжидалъ ихъ съ 400 всадниковъ при Тейабадѣ (въ уѣздѣ Бахерзѣ) и уничтожилъ или взялъ почти всѣхъ въ плѣнъ. Невзирая на подобную бурную жизнь, Курбанъ-али спокойно умеръ въ своей палаткѣ, хвастаясь, что ему не нужно бояться, чтобъ какой-нибудь Кизиль-башъ (Персіанинъ) могъ осквернить гробъ его. Сынъ его, Буніадъ-Ханъ, былъ достойнымъ наслѣдникомъ своего отца; его прозвали Кула-Чѣпѣ, или кривая шапка, потому-что онъ всегда носилъ на бекрень шапку изъ черной мерлушки. Буніадъ-Ханъ сдѣлался начальникомъ племени Гезарѣ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но, невзирая на это, можно было написать цѣлую книгу о дѣйствіяхъ этого необыкновеннаго человѣка. Онъ сперва долженъ былъ бороться съ Ибрагимъ-Ханомъ, беглербегомъ по наслѣдству, и по этой причинѣ уважаемымъ племенемъ Гезарѣ, расположеннымъ тогда въ прекрасныхъ селеніяхъ и садахъ Бахерза, богатаго и плодоноснаго уѣзда Хорасана въ то время, но нынѣ необитаемаго и разореннаго. Племя это повиновалось Ибрагимъ-Хану, и Буніадъ принужденъ былъ употреблять хитрость, чтобъ увлечь за собою хоть часть его. Онъ воспользовался отсутствіемъ Ибрагимъ-Хана въ Тегеранѣ, и завладѣлъ силою стадами нѣсколько знатныхъ семействъ Гезарѣ, объявивъ, что онъ откочуетъ къ Гулруму при Куссанѣ (въ 12-ти ферсенгахъ отъ Герата), и что желающіе получить обратно свои стада, должны слѣдовать за нимъ. Хозяева стадъ должны были поневолѣ провозить Буніадъ-Хана, къ большому негодованію Мухаммедъ-Ханъ-Каджара, правителя (найба) Хорасана, который послалъ три тысячи всадниковъ на преслѣдованіе Буніада. Отрядъ этотъ нагналъ его при переправѣ черезъ Герри-рудъ. Началось дѣло. Персіанъ было шестеро противъ ояго; но вслѣдствіе отчаянной храбрости Буніада, Персіане бѣжали, потерявъ половину числа людей убитыми и плѣнными. Сраженіе это, извѣстное въ Хорасанѣ подъ названіемъ гудрабадскаго, было первое, которое Каджары потеряли въ этой странѣ, и замѣчательно еще потому, что Буніадъ съ-тѣхъ-поръ утвердился въ этомъ краѣ. Цѣлое племя Гезарѣ пристало къ нему, но мало-по-малу оставило Базерхъ и заняло пастбищныя мѣста между рѣками Прурудомъ и Мургабомъ, гдѣ оно и нынѣ кочуетъ. Буніадъ былъ убитъ на старости лѣтъ молодымъ, пятнадцатилѣтнемъ парнемъ, родственника котораго онъ велѣлъ умертвить. Вѣроятно, убійца

былъ подстрекаемъ Ибрагимъ-Ханомъ, наслѣдственнымъ беглер-бегомъ Гезарѣ, который не могъ простить Буніаду власть его надъ этимъ пленемъ. Буніадъ имѣлъ умное, прекрасное лицо, украшенное окладистою бородою. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ и отличался во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Во время дѣла съ непріятелемъ, онъ рѣдко самъ участвовалъ въ рукопашномъ бою, но глаза его были вездѣ, и онъ управлялъ движеніями шайки своей. Если онъ уставалъ, то обращался къ своему Абдару (Мундшенку), провожавшему его вездѣ, и спрашивалъ воды, но вода эта была запрещенное Кораномъ питье, т. е. вино. Онъ никогда не входилъ въ мѣсто, окруженное стѣнами, а оставался всегда на открытомъ полѣ подъ своею палаткою. Во время похода Фетхъ-Али-Шаха въ Хорасанъ, персидское правительство грозило Буніаду уничтожить его и его шайку, если онъ не согласится повиноваться. «Мирза Коршисъ, кричалъ онъ своему секретарю: поѣзжай подъ стѣны Кучана, и скажи этому Фетхъ-Али-Шаху, что онъ царствуетъ только четыре мѣсяца въ Хорасанѣ, а что я, Буніадъ, тамъ царствую остальные восемь мѣсяцевъ и что ни снѣгъ, ни холодъ, ни дождь не въ состояніи сбить меня съ сѣдла». Упомянутые четыре мѣсяца были мартъ, апрѣль, май и іюнь, когда хлѣбъ еще не сѣять, и оттого невыгодно было бы Буніаду произвести грабежъ въ Хорасанѣ.

Лошади Гезарѣ превосходятъ добротою даже туркменскихъ. Они покупаютъ ихъ у туркменскаго племени Ахалъ и платятъ за каждую отъ 5 ти до 15-ти плѣнныхъ Персіянъ. Страна, ими обитаемая, изобилуетъ юнджою (родъ трилистника) и лошади улучшаются, переходя изъ песчаныхъ пустынь Туркменіи на тучныя пастбища Гезаринцевъ. Ихъ покрываютъ съ ушей до хвоста двумя и даже тремя войлоками, отчего у нихъ вѣтъ гривы, и привязываютъ заднія ноги длинною веревкою, и такимъ образомъ онѣ стоятъ круглый годъ и во всякую погоду подъ открытымъ небомъ. Разъ въ годъ ихъ откармливаютъ, а именно, когда поспѣваютъ арбузы. Тогда, вмѣсто однѣхъ ясель, строятъ для каждаго жеребца четыре (изъ сушеной грязи); въ однѣхъ находятся куски арбузовъ, въ другихъ ячмень, въ третьихъ юнджа, а въ послѣднихъ джогенъ или зурретъ, родъ проса (*holcus sorghum*); возлѣ ясель находится вода, и такимъ образомъ лошадь ѣстъ и пьетъ въ волю;

въ самомъ дѣлѣ, она только ходитъ отъ однихъ ясель къ другимъ. Гезарѣ увѣряютъ, что саманъ или рубленая солома, которою кормятъ жеребцовъ въ Персіи, портитъ ихъ, и что щетка, которою ихъ чистятъ, вредна для шерсти лошадей. «Трите чаще ихъ кускомъ сукна, и вы увидите, какъ шерсть будетъ тонка» говорятъ они. Жеребцовъ своихъ кормятъ сѣномъ, травою и ячменемъ, чистятъ ихъ только при осѣланіи, и то одною рукою, или полою платьевъ своихъ. Если они намѣрены предпринимать какой-нибудь набѣгъ (чапу), то для этого готовятъ жеребцовъ своихъ, или, какъ они выражаютъ: «снимаютъ пѣтъ съ лошадей». Способъ этотъ состоитъ въ приведеніи ихъ въ совершенную сухость, но безъ уменьшенія корма; они заставляютъ ихъ бѣгать, сначала во время ночной прохлады, а потомъ ужъ болѣе и чаще днемъ, по мѣрѣ какъ жеребцы стануть худѣть.

Гезарѣ никогда не нападаютъ на непріятеля массами, какъ это дѣлаютъ сосѣди ихъ, Афганцы, а разсыпаются въ разныя направленія, поставивъ предварительно засаду. Они начинаютъ стычку и потомъ рысью отступаютъ. Если ихъ тогда преслѣдуютъ, они пускаются во весь опоръ какъ можно ближе мимо засады. Миновавъ ее, они останавливаются, чтобъ дать отдыхъ лошадямъ, и громкимъ голосомъ произносятъ слѣдующія слова: «Разведись съ своею женою и иди сражаться за Измаила во имя Бога! Кто выше Бога?» Послѣ этихъ словъ, они поднимаютъ обнаженные сабли свои правою рукою, а лѣвою гладятъ бороды, крича: «Алла-гу-Экберъ!» и возвращаются, чтобъ напасть на непріятеля. Ружья болѣею частью получаютъ изъ Синды, гдѣ покупаютъ ихъ цѣною отъ 30-ти до 40 червонцевъ за каждое. Они ловкіе стрѣлки, особливо на равнинѣ. Лица Гезарѣ, съ выпуклыми скулами, съ косыми глазами, напоминаютъ ихъ монгольское происхожденіе, хотя всѣ говорятъ по-персидски. Жены ихъ не скрываются, какъ это водится у Турокъ и мусульманъ вообще, и онѣ, какъ говорятъ, имѣютъ большое вліяніе на своихъ мужей.

Надобно здѣсь еще упомянуть объ Узбекахъ, живущихъ къ востоку отъ Гезарѣ, между Балхомъ и рѣкою Мургабомъ. Они частью ведутъ кочевую жизнь и раздѣляются на четыре отдѣленія, по именамъ главныхъ мѣстъ, занимаемыхъ родоначальниками ихъ.

1) Меімунé, мѣстопребываніе начальника 1-го отдѣленія, расположенное въ 38 ферсенгахъ къ юго-западу отъ Балха, и въ 10-ти ферсенгахъ къ в. сѣверо-востоку отъ Шерену, жительство беглербега Гезаринцевъ. Начальникъ или, какъ его зовутъ Вали отъ Меімунé, есть Мизрабъ-Ханъ, сынъ Алла-Яръ-Хана. Племя его простирается до 5-ти тысячъ семействъ.

2) Серипулъ, въ двухъ переходахъ къ юго западу Балха; нынѣшній начальникъ этого племени, изъ 4-хъ тысячъ семействъ состоящихъ, называется Зульфekarъ-Ширэмъ.

3) Эндуху или Андху, въ трехъ переходахъ къ востоку отъ Меімунé. Здѣсь обитаетъ до 3,700 семействъ, а нынѣшій ихъ родоначальникъ Мухаммедъ-Кули-Ханъ.

4) Шеборганъ, 3,500 семействъ, къ юго-востоку отъ Эндуху. Имя начальника ихъ неизвѣстно.

Всѣ эти Узбеки вмѣстѣ могутъ выставить и посылать на чапу или грабежъ до 6-ти тысячъ всадниковъ. Они Сунны и жестокіе фанатики. Неправильность къ шіитамъ заставляетъ ихъ смотрѣть на гоненіе Персіянъ какъ на богоугодное дѣло; сверхъ-того, алчность къ добычѣ дѣлаетъ изъ этихъ Узбековъ настоящій бичъ Хорасана. Хафъ, Кайнъ и Турбетъ-и-Джамъ ежегодно ими посѣщаются. Они умерщвляютъ или увозятъ въ плѣнъ большую часть жителей Джама и Бахерза и опустошаютъ эту богатую и плодосную часть Хорасана. Туркменцы и Оймаки храбрѣе Узбековъ, но зато послѣдніе свирѣпѣе. Страна ими обитаемая, весьма знойна лѣтомъ и необилуетъ пшеницею и тучными пастбищами. Есть мѣста, по которымъ путникъ цѣлыя сутки проходитъ черезъ лѣса съ дикими фишашковыми деревьями. Узбеки, Меімунé, Серипулъ, Эндху и Шеборганъ, вѣроятно, единоплеменники съ обитающими теперь Балхъ и Кундузъ Узбеками; они сдѣлались независимы отъ владѣтелей послѣднихъ странъ. Нравы ихъ тѣ же самыя какъ у Оймаковъ, и всѣ эти номады, равно какъ и Афганцы и Белуджи въ важныхъ обстоятельствахъ прибѣгаютъ къ гаданію. Оно двухъ родовъ:

Ильмé-Шонé или гаданіе по плечевой кости (лопаткѣ). Если хотять узнать, будетъ ли удаченъ чапу или набѣгъ, ими предпринимаемый, они рѣжутъ барашка и, очистивъ мясо отъ плечевой кости, внимательно осматриваютъ направленіе мелкихъ красныхъ жилъ, распространяющихся на кости. Это особенная наука

у Узбековъ, и есть люди, посвятившіе всю жизнь этой ворожбѣ, которые пользуются большимъ уваженіемъ между своими земляками. Другой родъ гаданія названъ массѣ. Вотъ въ чемъ оно состоитъ. Изъ шерсти верблюда, принесеннаго въ жертву во время праздника Эйди-Курбанъ, дѣлаютъ семь снурковъ одинаковой величины. Ихъ обвертываютъ вокругъ указательнаго пальца лѣвой руки, соединяютъ вмѣстѣ концы всѣхъ снурковъ и связываютъ ихъ потомъ на-удачу узлами. Разбирая послѣ снурки, связанные такимъ образомъ, они назначаютъ приговоръ, что сбудется по виду, показанному узлами. Это также особенная наука, и есть разные обряды, которые должно исполнить до приступленія къ вязанію узловъ.

Опишемъ теперь долину, орошаемую рѣкою Гери-рудомъ, по обоимъ берегамъ которой тянутся Джемъ и Бахерзъ. Персидская армія проходила эту долину въ сентябрѣ 1838 года, на обратномъ пути изъ-подъ стѣнъ Герата.

МАРШРУТЪ

Персидской арміи на обратномъ пути отъ Герата до Мешеда въ 1838 году.

Персидская армія, при отступленіи изъ-подъ Герата, слѣдовала обратно до Гурына, по дорогѣ уже выше описанной, съ тою разницею, что она не перешла рѣку Гери-рудъ, а расположилась лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки, противъ селенія Янказабадъ, въ 2-хъ ферсенгахъ къ сѣверо-западу отъ Гурына.

1-й переходъ. Чоменъ-Ширъ - Нейтазъ (2 ферс., 12 верстъ).— Дорога отъ этой крѣпости до селенія Янкизъ-абада ведетъ черезъ обширную равнину, гдѣ встрѣчались тогда нѣсколько селеній въ развалинахъ. Рѣка Гери-рудъ при селеніи Янкизъ-абадъ течетъ по песчаному руслу, покрытому гольшмами. Она тогда раздѣлялась на нѣсколько рукавовъ; бродъ былъ неглубокъ, а ширина при переправѣ около 25 сажень. Вдоль праваго берега тянутся обширныя пастбища, названныя Чоменъ-Пири-Нейтазъ, на которыхъ расположенъ шахскій лагерь.

2-й переходъ. Чемець-Тиръ-Пуль (3 ферсенга. 18 версть).— Направленіе пути къ сѣв.-сѣв.-западу. Путь проходитъ черезъ степь, усѣянную песчаными буграми. На половинѣ дороги встрѣчается развалившійся каравансерай. Отсюда и вправо отъ дороги тянется цѣль возвышеній, за которою армія, приблизясь къ правому берегу рѣки Гери-руда, расположилась лагеремъ на пастбищахъ Чемець-Тиръ-Пуль или Шебезъ.

3) переходъ. Чемець-Кафиръ-Калѣ (5½ ферсенговъ или 33 версты).—Послѣ 1½ ферсенга ходу черезъ незначительныя ущелья между возвышеніями съ обѣихъ сторонъ, армія вступила въ обширную равнину и слѣдовала внизъ по правому берегу Гери-руда. Пройдя еще 1½ ферсенга, она прошла черезъ развалины города Кусана или Кустана, прежде обитаемаго Гезарами и разореннаго Мухаммедъ-Мирзой (покойнымъ шахомъ) въ 1833 году. Превосходный новый каравансерай изъ жженого кирпича съ абъ-амбаромъ, или водохранилищемъ, сохранился совершенно, и многочисленныя развалины, разбросанныя по обширной равнинѣ, разоренныя сады и огороды свидѣтельствуютъ о прежнемъ цвѣтущемъ состояніи Кусана. Вся эта часть вдоль праваго берега Гери-руда названа Бадкызъ, и была прежде обитаема Гезарами, которые, какъ выше сказано, перешли впоследствии къ берегамъ рѣки Мургаба. Отъ Кусана армія слѣдовала далѣе по равнинѣ, миновала три уединенныя башни и, послѣ 2½ ферсенговъ хода, расположилась лагеремъ на правомъ берегу Гери-руда, противъ развалившагося укрѣпленія Кафиръ-Калѣ, лежащаго на лѣвомъ берегу и окруженнаго лѣсомъ.

4-й переходъ. Каравансерай Туманъ-Ага (2 ферсенга, или 12 версть).—Армія прошла волнистую песчаную долину и переправилась черезъ Гери-рудъ, при развалинахъ каравансерая Туманъ-Ага, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки. Бродъ имѣлъ около 3-хъ футовъ глубины; вода доходила до груди лошадей. Гери-рудъ протекалъ здѣсь въ шловатомъ руслѣ, шириною въ 25 сажень; берега обрывисты и частью покрыты лѣсомъ. Лагерное мѣсто было возлѣ самаго каравансерая Туманъ-аба, въ двухъ ферсенгахъ выше котораго Гери-рудъ принимаетъ съ лѣвой стороны протокъ Джамъ. Рѣчка эта нигдѣ не означена ни на одной картѣ.

5-й переходъ. Оврагъ безъ имени; покрытъ камышомъ (5½ ферсенговъ или 33 версты).—Персидская армія оставила бе

рега рѣки Герн-руда, текущей почти прямо къ сѣверу, и направила путь свой къ сѣв. сѣверо-западу вверхъ по правому берегу рѣчки Джамъ. Страна, орошаемая этою рѣчкою, названа Бах ерзъ; она находится въ обширной, но волнистой долинѣ, изобилующей дикими ослами и джейранами. Цѣлая армія, можно сказать, охотилась во время пути. Миновавъ нѣсколько развалившихся каравансераевъ, армія остановилась при оврагѣ покрытомъ камышомъ, въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Джамъ, берега которой также поросли высокимъ камышомъ, единственнымъ подножнымъ кормомъ для лошадей, потому-что степь была почти голая, а земля частью покрыта солью.

6-й переходъ. Селеніе Ниль-абадъ ($2\frac{1}{2}$ ферсенга или 15 верстъ). — Дорога чрезвычайно волниста и пересѣчена оврагами, тянется вдоль долины Джама, покрытой почти непроходимымъ камышомъ. Лагерь былъ расположенъ противъ селенія Ниль-абада, въ одномъ ферсенгѣ недоходя мѣстечка Турбети-Джамъ. Жители Ниль-абада и Турбета, боясь хищности сарбазовъ, заперли ворота, приняли деньги въ мѣшечкахъ, повѣшенныхъ на веревкахъ, и отпускали потомъ внизъ по стѣнамъ такимъ же образомъ хлѣбъ, саманъ, ячмень и другіе съѣстные припасы. Это же самое случалось и съ нами во многихъ селеніяхъ Хорасана, гдѣ обыкновенно каждая деревня укрѣплена стѣнами съ башнями.

7-й переходъ Турбетъ-и-Шейхи-Джамъ ($2\frac{1}{2}$ ферсенга или 15 верстъ). — Дорога продолжалась по равнинѣ почти голой, покрытой мѣстами колючими растениями и пересѣченной многочисленными мелкими оврагами. Армія прошла мимо мѣстечка Турбети-Джамъ или Турбети-Шейхи-Джамъ, возлѣ котораго находится мечеть и гробъ имама того же имени. По словамъ восточныхъ писателей, здѣсь покоится знаменитый мулла Джами, сочинитель персидскихъ стихотвореній Юсуфъ-ва-Зулейка (Юсифъ и жена Потифара), равно и Лейли и Маджнунъ; но Канолли утверждаетъ, что здѣсь находится только гробъ какого-то имама Шейхъ-Джамъ, отъ котораго городокъ Турбетъ получилъ названіе свое, для различія его отъ Турбети-Гайдарн. Окрестности перваго мѣстечка хорошо обработаны и изобилуютъ фруктовыми садами и огородами. Я посѣтилъ мечеть и гробъ упомянутаго имама, расположенные въ полуразоренномъ саду, и долго не могъ потомъ

вышутаться изъ садовъ, окружающихъ Турбетти-Джамъ. По всему было видно, что страна эта прежде была хорошо населена, но Узбеки, Оймаки и самые Персіяне опустошили ее. Армія остановилась въ Ферсенгѣ за Турбетомъ при рѣчкѣ Джама. Жара была нестерпима; въ моей палаткѣ она достигла до 31° Реомюра въ 2 часа по полудни (8-го сентября).

8-й переходъ. Селеніе Абдуль-Абадъ (5 ферсенговъ или 30 верстъ).—Послѣ одного ферсенга хода, армія проходила черезъ обширное кладбище, поблизости совершенно разоренныхъ селеній Бала-Зенганъ и Кала-Ченгѣ. Подобныя кладбища часто встрѣчаются въ Персіи, и они одни означаютъ мѣста, гдѣ въ прежнія времена находились деревни и многочисленное народонаселеніе. Дорога пересѣчена оврагами и возвышеніями; почва земли возвышается мало-по-малу, а обширная долина, орошаемая рѣчкой Джамъ, съживаются здѣсь незамѣтно. Два ферсенга далѣе упомянутого кладбища и вправо отъ дороги находится укрѣпленное селеніе Махмудъ-Абадъ, расположенное на вершинѣ высокаго холма, а еще ферсенгъ далѣе и влѣво отъ дороги—развалины бывшаго тамъ города Джамъ. Мы продолжали путь нашъ еще на 1½ ферсенга; шахскій лагерь былъ расположенъ при селеніи Абдуль-абадъ въ обширной равнинѣ, изобилующей дичью разнаго рода и орошаемой рѣчкой Джамъ. Здѣсь-то Мухаммедъ-Шахъ 11-го числа сентября 1838 года сдѣлалъ смотръ всей персидской арміи. Жара была несносная и достигала въ палаткѣ 33° Реомюра въ 2 часа по полудни. Сто всадниковъ карабагскихъ переселенцевъ, въ красныхъ кафтанахъ, подъ предводительствомъ Аббасъ-Бега, прибыли сюда изъ Тавриза въ персидскій лагерь.

9-й переходъ. Водохранилище Науче-биби (5 ферсенговъ или 30 верстъ).—Послѣ 5-ти ферсенговъ ѣзды по волнистой равнинѣ и пройдя три ручья, притоки рѣки Джама, мы расположились при новомъ водохранилищѣ Науче-биби, лежащемъ на вершинахъ рѣчки Джама. Шахъ и бѣльшая часть арміи взяли высшую дорогу параллельно къ нашей. Множество людей, особливо всадники, составляли армію и уѣхали впередъ, въ Мешедъ, такъ-что, со дня смотра при Абдуль-абадѣ, армія ежедневно уменьшалась.

10-й переходъ ручей Аби-Феримунъ (2 ферсенга или 12 верстъ).—Пройдя долину, мы перешли къ высшей дорогѣ; направленіе пути было къ сѣверо-западу. Влѣво остались развалины ка-

равансерая, равно и ущелье Бени-Феримунъ, черезъ которое персидская армія, въ 1837 году, прошла прямо изъ Нишапура, именованъ Мешедъ, во время похода ея изъ Тегерана къ Герату. Лагерное мѣсто было при ручьѣ Аби-Феримуна, широкое, глубокое и почти сухое русло котораго находилось между обрывистыми берегами. Подножнаго корма здѣсь вовсе не было, и земля покрыта польнью.

11-й переходъ. Селеніе Ферагирдъ (3 ферсенга или 18 верстъ).—Армія прошла обширную долину, пересѣченную глубокими оврагами. Направленіе пути къ сѣверо-западу. Отрасль горъ отдѣляется съ турбетской цѣпи (влѣво отъ дороги) и тянется съ юго-запада прямо къ сѣверу. Маленькое укрѣпленное селеніе Ферагирдъ, или Ферашгирдъ, расположено на высокомъ курганѣ, выдающемся изъ упомянутой отрасли прямо къ востоку (влѣво отъ дороги). У подошвы кургана находятся два ключа, возлѣ которыхъ назначено было лагерное мѣсто. Сюда прибыли еще всадники изъ Тавриза.

12-й переходъ. Каравансерай Сенги-бѣстъ ($4\frac{1}{2}$ ферсенга или 27 верстъ).—Отъ селенія Ферагирда дорога ведетъ черезъ гористую страну; почва земли возвышается, такъ-что горы по обѣимъ сторонамъ долины исчезаютъ и превращаются въ холмы. Направленіе пути было къ с. сѣверо-западу. Послѣ $4\frac{1}{2}$ ферсенговъ ѣзды встрѣчается каравансерай Сенги-бѣстъ, расположенный при оврагѣ, гдѣ течетъ ручей съ соленоватою водою, покрытою густыми камышомъ. Въ недалекомъ разстояніи и вправо отъ каравансерая расположено селеніе того же имени, съ мечетью и минаретомъ.

13-й переходъ. Селеніе Турюхъ (4 ферсенга или 24 версты).—Путь продолжается по гористому мѣстоположенію съ безпрерывными спусками и подъемами; наконецъ онъ ведетъ черезъ возвышенную плоскость съ голыми скалами, поднимающимися съ обѣихъ сторонъ, т. е. съ запада и востока. На вершинѣ высочайшей скалы вправо (къ востоку) находится башня, названная Карауль-Ханѣ, или мѣсто наблюденія, откуда взоръ обнимаетъ обширное пространство. Отъ этой плоской возвышенности (перевала), отдѣляющей джамскую долину отъ мешедской, дорога спускается въ послѣднюю, и послѣ 4-хъ ферсенговъ хода, армія расположилась лагеремъ при селеніи Турюхъ, окруженномъ обработанными полями. Городъ Мешедъ съ своею главною мечетью съ

золотымъ куполомъ, рисовался вдали къ сѣверу, и цѣлая армія привѣтствовала его съ радостными восклицаніями. Множество Персіанъ отправились тотчасъ пѣшкомъ въ Мешедъ на богомолье.

14-й переходъ. Городъ Мешедъ (1 ферсенгъ или 6 верстъ).— Послѣ одного ферсенга ходу по хорошо обработанной равнинѣ, изобильно орошаемой и покрытой садами, мельницами, каравансераями и селеніями, частью разоренными, армія достигла наконецъ цѣли своего желанія, т. е. города Мешеда, гдѣ покоится прахъ уважаемаго Имамъ-Ризы, и расположилась лагеремъ подъ стѣнами, совершивъ съ Гурьяна до Мешеда въ 14-ть переходовъ 47 ферсенговъ или 282 версты.

Страна, лежащая между Мешедомъ и Гератомъ, вообще представляетъ довольно обширную долину отъ 15-ти до 60-ти и болѣе верстъ ширины, орошенную рѣками Гери-рудомъ и Джамомъ. Отрасль горъ, извѣстная подъ названіемъ Турбетской Цѣпи, отдѣляясь отъ главнаго кряжа Албурзскихъ Горъ, тянется къ юго-востоку и окаймляетъ упомянутую долину съ западной стороны; одна изъ ея вѣтвей подавалась впередъ прямо къ юго-юго-востоку, отдѣляетъ долину Джама отъ долины Гери-руда. При вершинахъ первой рѣчки находится незначительное возвышеніе, составляющее видъ барьера между Мешедомъ и Гератомъ, и этимъ-то возвышеніемъ, можно сказать, оканчивается цѣпь Албурзскихъ Горъ; далѣе же къ юго-востоку и за Гери-рудомъ поднимаются уже подгорья Параномисуса. Болѣе подробностей, относительно этой страны, можно найти въ путешествіи А. Канолли.

Приступимъ теперь къ описанію сѣверо-восточной и сѣверной закраины Албурзскаго Кряжа, обитаемой большею частью Курдами, переведенными изъ своей родины Аббасомъ-Великимъ; почему и страна, здѣсь нами описываемая, названа Хорасанскимъ Курди-станомъ. Капитанъ Леммъ обозрѣлъ большую часть ея въ 1839 году, опредѣлялъ множество астраномическихъ пунктовъ и составилъ также карту этой части Хорасана; но какъ мнѣ не было сообщено вмѣстѣ съ картою описаніе пути имъ пройденнаго, то я постараюсь пополнить недостатокъ этотъ свѣдѣніями, взятыми изъ путешествій Фрезера и Алекс. Борнса.

Мешедская долина весьма длинна и простирается отъ Ширвана (лежащаго въ 150-ти верстахъ къ сѣв.-западу отъ города Мешеда) къ юго-востоку почти до Герата, гдѣ она теряется въ обширной

равнинѣ. Только въ недалекомъ разстояніи къ югу отъ Мешеда, при сел. Турюхъ, она сьуживается и пересѣкается скалистыми высотами, о которыхъ выше было упомянуто. Къ сѣверо-западу отъ Мешеда въ этой долинѣ расположены Чиваранъ, Кучанъ и другія мѣстечки, и вообще долина хорошо обработана, но весьма высоко расположена; ибо Кучанъ, высочайшая точка, лежитъ 4,000 футовъ выше горизонта моря. Голыя горы тянутся по обѣимъ сторонамъ Кучана и поднимаются еще отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ футовъ выше самой долины, такъ-что цѣнь Албурзскихъ Горъ имѣеть здѣсь до 7,000 футовъ вышины надъ горизонтомъ моря. Далѣе къ сѣверо-западу за Кучаномъ и Ширваномъ долина понижается; это доказываетъ теченіе рѣки Атреки, вытекающей изъ горъ къ юго-востоку отъ Кучана.

1-й переходъ. — Селеніе Махмудъ-абадъ. (25 верстъ).

Дорога ведетъ вверхъ по протоку, орошающему долину, черезъ сел. Квшметы и Недж-абадъ. Горныя протоки текутъ съ горъ по обѣимъ сторонамъ долины. Почва земли, хотя покрыта сѣрымъ хрящемъ, плодородна и хорошо обработана. Вправо и къ сѣверо-востоку отъ Махмудъ-абада находятся развалины Туса; остатки стѣнъ этого древняго города, имѣвшаго около 6-ти верстъ въ окружность, еще видны, равно и нѣсколько строеній. Здѣсь также гробница знаменитаго Фердуси, персидскаго Гомера, сочинителя Огъ сочинилъ эту поэму для Шаха-Махмуда Газнинскаго, но, получивъ въ награжденіе только 30,000 рупій, роздалъ сумму эту своимъ служителямъ, оставилъ тотчасъ Газну и переѣхалъ въ Тусъ, родину свою. Шахъ-Махмудъ, читая впоследствии стихотвореніе это, такъ имъ былъ восхищенъ, что послалъ въ Тусъ 100 верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и драгоценными вещами. Но, входя въ ворота Туса, послы встрѣтили трупъ Фердуси, который только-что скончался въ бѣдности, а гордая дочь его отослала обратно къ Шахъ Махмуду присланныя не во-время сокровища. Такъ гласитъ преданіе. Тусъ былъ разоренъ Дженгизъ-Ханомъ, а жители его переселились въ Мешедъ.

2-й переходъ. — Сел. Дзунабадъ или Гунабадъ (18 верстъ).

Дорога хороша, но пересѣчена оврагами и незамѣтно подымается. Направленіе пути къ сѣверо-западу. Дорога идетъ мимо

незначительнаго озера Чешме-Гилязъ, глубокаго и окруженнаго тучными пастбищами.

3-й переходъ. — Сел. Эмиръ-абадъ (20 верстъ).

Долина покрыта селеніями, но большая часть ихъ разорена. Иляты кочуютъ здѣсь съ многочисленными своими стадами и черныя палатки ихъ вездѣ разбросаны. Эмирбадъ, теперь незначительное селеніе, былъ прежде укрѣпленъ и взятъ Аббастъ-Мирзою въ 1837 году. Чинаранъ на востокъ отъ Эмиръ-абада, также почти въ развалинахъ. Тучныя пастбища (чемень) этой части долины простираются на 60-ть верстъ длины, и 12-ть верстъ ширины; здѣшнія лошади отличной породы.

4-й переходъ. Сел. Сейданъ или Сейдабадъ (18 верстъ).

5-й переходъ. Сел. Бегнузеръ (22 версты).

Селенія дѣлаются рѣже; только палатки Илятовъ разбросаны въ долину. Городокъ Радканъ, съ 300 домами, остается вправо отъ дороги. Бегнузеръ, ничтожное селеніе отъ нѣсколькихъ хижинъ, не доходя котораго дорога опускается мало-по-малу внизъ.

6-й переходъ. Кучанъ или Кабушанъ (36 верстъ).

Направленіе пути къ з. сѣверо-западу мимо селеній Сучѣ, Велиабадъ Шерифабадъ и другихъ. Долина подымается, хотя незамѣтно, безпрестанно до Кучана, главное мѣстопробываніе знаменитаго Риза-Кули-Хана, власть котораго уничтожена съ 1832 года. Кучанъ былъ прежде крѣпостью, но она взята и разорена Аббастъ-Мирзою въ 1832 году. Климатъ Кучана весьма умѣренъ и холоднѣе нежели въ долинахъ мешедской и нишапурской, но зато и жары здѣсь не такъ утомительны. Почва земли плодородна и производитъ пшеницу и ячмень въ изобиліи, даже шелкъ; но хлопчатая бумага и сарачинское пшено уже не успѣваютъ въ здѣшней странѣ; напротивъ, арбузы, яблоки, груши и абрикосы находятся въ большомъ количествѣ, равно и виноградъ, который, однакожъ, дурнаго качества. Весна здѣсь начинается поздно, деревья распускаются только въ маѣ; но зато пастбищныя мѣста отличныя и сохраняютъ зелень свою до глубокой осени. Жатва въ окрестностяхъ Кучана бываетъ гораздо позже въ сравненіи съ другими мѣстами Персіи, такъ-что новая пшеница, привезенная изъ Нишапура, служить здѣсь сѣменемъ, но успѣваетъ также въ началѣ августа. Жители Кучана, число которыхъ простирается до 15,000, мало занимаются торговлею; они вывезутъ сало, масло и шерстяныя издѣлія; особливо

здѣшнія шубы, изъ овечьей шкуры, славятся какъ лучшія во всей Персіи. Перваго сорта стоятъ до 100 рублей асс.; шубы эти весьма легки и взяты съ молодыхъ барашковъ; втораго сорта шубы стоятъ до 40 рублей, а послѣдняго сорта до 10-ти рублей; онѣ употребляются только мужиками.

За Кучаномъ оканчивается мешедская долина. Но прежде нежели опишу сѣверную часть Хорасанскаго Курдистана, поговорю о пути, вкратцѣ ведущемъ изъ Мешеда къ сѣверо-востоку въ Серрехсъ, и о горной крѣпости Келати-Надиръ, также лежащей къ сѣверо-востоку отъ Мешеда.

Дорога отъ Мешеда черезъ Серрехсъ, Мервъ до Бухары, ведетъ сперва къ востоку внизъ по теченію р. Тедженда, черезъ селенія Утунгъ, Гузканъ, Ленгарекъ и Ман-робатъ; потомъ новорачиваетъ къ сѣверо-востоку и пролегаетъ черезъ ущелье Дербендъ, при выходѣ котораго, около Муздерана, находятся нѣсколько укрѣпленныхъ башенъ; здѣсь настоящая граница Персіи. Далѣе дорога ведетъ черезъ обширную песчанную степь, гдѣ только встрѣчаются колодцы съ сомоноватою водою. Отъ Мешеда до Серехса, главнаго мѣста туркменскаго племени Салоръ, считается до 150 верстъ. Вся эта дорога подробно описана Борисомъ въ его путешествіи.

Келати-Надиръ.

Въ срединѣ отрасли, образующей, такъ сказать, восточныя предгорья Албурза, находится знаменитая крѣпость Надиръ-шаха, въ 60-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Мешеда. Укрѣпленное природою мѣсто это образуетъ обширную высокую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими, почти отвѣсными горами, которыя искусствомъ сдѣланы непреступными: скалы обтесаны какъ стѣны и окружены рвами, такъ-что тайно нельзя ни войти, ни выйти изъ этой долины. Горный протокъ пересѣкаетъ ее съ запада къ востоку, входя и вытекая изъ нея по узкимъ ущельямъ, названнымъ воротами долины; онѣ укрѣплены и запираются. Тропинка на сѣверной сторонѣ нарочно уничтожена. Одинъ путешественникъ, Ходжа-Абдулъ-Керимъ, провозжающій сюда Надиръ-Шаха, описалъ это мѣсто и прибавилъ, что когда побѣдоносный Надиръ-Шахъ воротился сюда, въ свою родину, то каждый изъ старшихъ народа принесъ ему въ дань по барашку и по парѣ шерстяныхъ

чулокъ. Въ селеніи Маулуджа, родинѣ Надира, лежащемъ между Келатомъ и Мешедомъ, шахъ этотъ построилъ мечеть съ надписью, что отсюда вышелъ мечъ (Надиръ) Персія. Сэръ Джонъ Малькольмъ въ своей «Исторіи Персія» утверждаетъ, однакожъ, что Надиръ родился въ самой Келатской Долинѣ, гдѣ онъ впоследствии хранилъ всѣ сокровища свои, награбленные имъ въ Индіи; но все это было похищено Курдами, послѣ умерщвленія Надиръ-Шаха, въ 1747 году, и многія индійскія монеты и золотыя слитки перешли тогда черезъ среднюю Азію къ сибирской и оренбургской линіи. Съ-тѣхъ-поръ Келатъ былъ покинутъ и теперь въ долину этой находится нѣсколько курдинскихъ селеній; но подробностей о ней никакихъ нѣтъ, кромѣ, что она плодородна и изобилуетъ тучными пастбищами.

7-й переходъ. Ширванъ. (46 верстъ).

Кучанская долина отлого спускается къ сѣверо-западу. Ширина ея простирается до 60 верстъ и она орошена р. Атрекомъ, который здѣсь еще незначительный ручей. Она весьма плодородна, хотя мало обработана, и по дорогѣ встрѣчаются селенія Катыръ-абадъ, Исмабадъ, Мургазаръ, Фауджъ и Дуниъ; но вообще число селеній весьма ограничено въ сравненіи обширности долины, на которой они разбросаны. По словамъ Фрезера, плодородіе долины между Кучаномъ и Ширваномъ превосходить все, что онъ видѣлъ въ остальной Персіи. Ширванъ расположенъ въ богатой долинѣ, почва которой состоитъ изъ жирной желтой глины; онъ былъ прежде крѣпостью, но разоренъ въ 1832 году Аббасъ-Мирзою. Верхушки холмовъ, окружающихъ его, покрыты развалинами замковъ, и окрестности города вообще весьма живописны. Къ сѣверо-западу отъ Ширвана подымается цѣпь скалистыхъ известковыхъ горъ, и порода подобныхъ скалъ продолжается оттуда къ западу и юго-западу далѣе до самаго Астрабада. Долина Ширвана орошена Атрекомъ, плодородна, но хлѣбъ здѣсь даетъ только самъ-15 и 20, между-тѣмъ, какъ хлѣбъ въ боковыхъ долинахъ, лучше орошаемыхъ, даетъ, какъ говорятъ, самъ-40 и даже самъ-100. Жителей здѣсь считается до 2000 семействъ.

Буджнурдъ (50 верстъ).

Ширванская долина продолжается еще за городомъ на часъ ѣзды, потомъ р. Атрекъ, входя въ узкое скалистое ущелье, течетъ болѣе къ сѣверо-западу. Дорога въ Буджнурдъ поворачиваетъ между

тѣмъ къ западу черезъ переваль горъ и селеніа Гуссейнъ-абадъ, Наудѣ и Чинаранъ; оттуда она ведетъ къ сѣв.-западу и спускается наконецъ въ Буджнурдскую Долину. Видъ отъ вершины перевала представляетъ великолѣпную картину: кругомъ поднимаются высокія горы съ живописными и частью дикими покатостями, а въ долинахъ разстилаются тучныя пастбища и богатыя нивы. Буджнурдъ довольно обширный городъ, окруженъ стѣнами съ башнями; въ немъ мѣстопробываніе одного изъ главныхъ начальниковъ Курдовъ хорасанскихъ. Окрестности города плодородны и весьма хорошо обработаны, но покатоства горъ и здѣсь еще безлѣсны.

Отъ Буджнурда Капитанъ Леммъ не продолжалъ пути своего прямо къ западу, какъ Фрезеръ и Борнсъ, но выбралъ себѣ новый путь, по которому до-тѣхъ-поръ никто не слѣдовалъ. Онъ переѣхалъ главный хребетъ Албурза, направляясь прямо къ югу до селенія Фирuze (18 верстъ). По переѣздѣ черезъ хребетъ, высокая гора Алладагъ остается вправо къ сѣверо-западу, а гора Салукъ — къ югу. Отъ Фирuze дорога или, лучше сказать, горная тропинка спускалась по южнымъ покатоствамъ горъ прямо къ западу до селенія Товаръ (25 верстъ); отсюда путь велъ прямо къ югу, оставляя гору Боръ вправо (къ западу) до селенія Хуршо (20 верстъ); наконецъ, *дальше* къ юго-западу, вдоль горъ Сенкъ-Торошанъ (которыя остались вправо) до Джоджерма (40 верстъ). Отъ этого мѣста капитанъ Леммъ продолжалъ путь свой до Бостама, черезъ Саванджъ, Ріабадъ и Мегзъ по дорогѣ уже описанной нами.

Остальная дорога отъ Буджнурда до Астарабата, ведущая частью вдоль сѣверныхъ покатостей Албурза, была посѣщена Фрезеромъ и Борнсомъ. Вотъ краткое описаніе ея, извлеченное изъ ихъ записокъ.

Крѣпость Кялла-Ханъ (54 версты).

Послѣ 6-ти верстъ ѣзды по Буджнурдской Долинѣ, Борнсъ въѣхалъ въ горы, направляя путь свой къ западу. Трудно было ему различать цѣпи горъ какъ направо такъ и налево. Къ югу покатоства ихъ покрыты соснами. Во многихъ мѣстахъ земля была обработана, хотя горы вообще казались безплодными. Сел. Саріуанъ, лежащее въ глубокой долинѣ, окружено виноградными садами. Дорога была превосходна, невзирая, что она пролегла по гористому мѣстоположенію. Послѣ 54-хъ верстъ ѣзды Борнсъ достигъ до крѣпости Кялла-Ханъ, лежащей на границѣ курдическихъ насе-

ній; отсюда даѣе къ западу начинаются станы туркменскаго племени Гокланъ. Крѣпость эта расположена на высокомъ мѣстѣ; окрестности изобильно орошены горными протоками. Туркменцы Текѣ часто подкрадываются мимо кр. Килла-Ханъ, чтобъ дѣлать набѣги во внутрь Персїи, и потому мѣсто это обыкновенно хорошо укрѣплено со стороны Персїянъ.

Развалины селенія Шабазъ, или Шаабадъ (60 верстъ).

Послѣ 60-ти верстъ утомительной ѣзды по гористой и совершенно необитаемой странѣ, Борнсъ достигъ до мѣста, гдѣ расположено было селеніе Шабазъ или Шаабадъ, но слѣдовъ отъ него не осталось. Край этотъ прежде обитаемъ былъ племенемъ Гирейли, и плодородная земля доставляла имъ всѣ потребности жизни, но Ага-Мухаммедъ-Ханъ-Каджаръ силою перевелъ ихъ отсюда въ Мазандеранъ, и здѣшнія тучныя пастбища посѣщаются только нынѣ туркменскими шайками, отправляющимися на разбой во внутрь Персїи.

Въ 10-ти верстахъ къ западу отъ Шабаза, Борнсъ спускался въ долину, гдѣ р. Гюргенъ имѣетъ свое начало, продолжалъ путь свой цѣлый день черезъ страну, непоказывавшую никакихъ знаковъ обработыванія, и вечеромъ лишь вступилъ въ новый край, обитаемый туркменскимъ племенемъ Гокланъ. Онъ описываетъ страну эту превосходною; горы до вершинъ покрыты густымъ лѣсомъ, горный протокъ орошаетъ долину, въ которой всѣ фруктовыя деревья растутъ сами произвольно, даже туковыя плантаціи покрывали долину на большомъ пространствѣ, а на тучныхъ пастбищахъ были разбросаны станы Гоклановъ. Здѣсь Борнсъ оставилъ Гюргенскую Долину и, направляясь къ юго-западу, продолжалъ путь свой вдоль сѣверныхъ покатостей Албурза, черезъ Сенгеръ, Хандузъ, Раміунъ, Шерифабадъ и Гусейнабадъ до Астарабада, всего 120 верстъ. Описаніе этой части дороги весьма кратко, и онъ упоминаетъ только, что страна прекрасная, Албурзскія Горы поднимаются здѣсь уступами и покрыты до вершины великолѣпными лѣсами. Вправо отъ дороги (къ сѣверу) распространяются обширныя равнины, орошаемыя Гюргенемъ, покрытыя безчисленными стадами Гокланцевъ. Вообще онъ не можетъ довольно нахвалиться этою страной, особливо послѣ утомительнаго путешествія его по песчаной пустынѣ Хорезма.

Отъ крѣпости Килла-Хана Фрезеръ выбралъ дорогу южиѣ

той, по которой слѣдовалъ Борисъ, и переѣхалъ черезъ главный хребтъ Албурза по ущелью Денѣ-Деркешъ; потомъ поднялся къ западу на большую плоскую возвышенность Чеменъ и Баушъ-Кела соединяющуюся съ другою, еще обширнѣе, Армотули, гдѣ разбросаны многіе памятники, но неизвѣстно какому народу они принадлежали. Отсюда дорога спускается къ юго-западу мимо источника, окрестности котораго изобилуютъ дичью и лѣсомъ, и онъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сборнымъ пунктомъ туркменскимъ разбойникамъ. Потомъ путь направляется къ югу вдоль широкой долины, и Борисъ вошелъ въ ущелье, гдѣ встрѣчалось множество кабановъ, и гдѣ Фрезеръ отдыхалъ при развалинахъ каравансераи Рибати-Ашкъ (48 верстъ). Отсюда дорога въ продолженіе 3-хъ часовъ ѣзды спускалась весьма круто (къ западу), черезъ дикую страну съ обрывистыми покатостями, покрытыми густымъ лѣсомъ; отвѣсныя скалы подымались до 700 футовъ; далѣе онъ вошелъ въ ущелье, откуда вытекаетъ р. Гюргенъ, и дорога въ продолженіе 5-ти часовъ ѣзды пролегла вдоль живописной долины, орошаемой Гюргеномъ и гдѣ прозябаемость показывалась въ полномъ блескѣ. Потомъ, переѣхавъ черезъ р. Гюргенъ, Фрезеръ вошелъ въ обширную долину вдоль покатостей горъ, черезъ дубовыя лѣса и тучныя пастбища до селенія Писсерукъ. Здѣсь стѣны, построенныя изъ глины и сухой грязи, какъ обыкновенно во всемъ Хорасанѣ, исчезаютъ, а дома построены изъ лѣсу, окружены палисадникомъ, или заборомъ изъ досокъ. Высокія кровли покрыты соломой изъ сарачинскаго пшена, и вообще строенія эти подобны мазандеранскимъ, уже выше описаннымъ. Мосты деревянные и даже домашняя утварь и посуда были деревянныя вмѣсто глиняныхъ, равно полъ комнатъ изъ досокъ, чего нѣтъ въ цѣлой Персіи, кромѣ Гиляна, Мазандерана и Астерабада. Отъ Писсерука остались еще 3 перехода до г. Астрабада, а именно:

Селеніе Финдерикукъ (38 верстъ).

Дорога ведетъ черезъ дремучіе лѣса съ живописными видами и открытыми мѣстами, гдѣ видны были еще знаки прежнихъ населеній, разоренныхъ Туркменцами. Далѣе путь пролегаетъ опять черезъ густой лѣсъ, куда солнце никогда не проникаетъ и гдѣ распространяются огромныя болота. Бѣдное селеніе Финдерикукъ окружено лѣсомъ. Здѣсь мѣстороженіе мудраго Мулла-Абулъ-Касима, современника Аббаса-Великаго. Жители не платятъ пода-

тей, но зато они обязаны выставить всадниковъ для хрененія границы противъ набѣговъ Туркменцевъ.

Сел. Пишукъ-Магалé (22 версты).

Отъ Финдериска путь пролегаетъ по ужаснымъ болотамъ, почти непроходимымъ въ весеннее время, когда проливные дожди покрываютъ весь этотъ край болотами и лагунами. Фрезеръ только вечеромъ достигъ до сел. Пишукъ-Магалé.

Городъ Астрабадъ (30 версты).

Оставивъ вышнюю, лѣсную и весьма грязную дорогу, Фрезеръ продолжалъ путь, спускаясь въ открытую равнину, гдѣ разстились тучныя пастбища съ густою и весьма высокою травою. Дорога пролегла мимо разоренной крѣпости Акъ-Калé, окруженной развалинами древняго города; далѣе ведетъ она до самаго Астрабада то по болотамъ, то по рощамъ, по разореннымъ садамъ и пахатымъ мѣстамъ Илятовъ, и вообще черезъ прекрасную, богатую, но запущенную страну.

Нѣтъ края, пріятнѣе для глазъ, какъ этотъ; но проливные весенніе дожди превращаютъ его въ огромныя болота и непроходимыя лагуны, наполняющіе воздухъ заразительными испареніями въ лѣтнее время. Тогда Иляты удаляются за Гюргеномъ и Атрекомъ, предпочитая здоровый климатъ на краю пустыни. Только часть жителей остается въ своихъ жилищахъ; зато они подвержены разнымъ болѣзнямъ, какъ-то: лихорадкамъ, водяной, ревматизму и глазнымъ болѣзнямъ. Но все-таки здѣшніе жители высокаго роста, широкоплечи и вообще крѣпкаго сложенія.

Курдинскія поселенія въ Хорасанѣ.

Окончивъ описаніе дорогъ, ведущихъ вдоль сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ покатостей Албурзскихъ Горъ, остается сказать нѣсколько словъ о курдинскихъ поселеніяхъ, основанныхъ еще Аббасомъ-Великимъ въ здѣшнемъ краѣ, о которыхъ было уже упомянуто выше. Ихъ было вначалѣ пять, а именно: 1) Чинаранъ, 2) Дерагъвъ, 3) Кучацъ, 4) Буджвурдъ и 5) Міанабадъ. Вотъ подробности о нихъ, сообщенныя намъ Фрезеромъ.

1) Чинаранъ былъ когда-то важнымъ городомъ. Начальникъ его, Мамушъ-Ханъ, изъ племени Заферанлу, находился при смятеніяхъ во время смерти Надиръ-шаха и защищалъ потомъ въ продолженіе 7-ми мѣсяцовъ Чинаранъ противъ Авганцевъ, которые хотѣли завладѣть имъ для внука Надира. Самъ ханъ былъ не-

зависимъ отъ шаха. Два племянника, и вѣсть наслѣдники его, отправившись въ Тегеранъ и покорились шаху, но были лишены званія и отосланы обратно. Потомъ они были умерщвлены Гассанъ-Ханомъ, двоюроднымъ братомъ ихъ, который впоследствии самъ былъ высланъ въ Ширазъ. Четвертый племянникъ Мамушъ-хана, Керимъ-Ханъ, занялъ мѣсто его и находился еще въ Чинаранѣ въ 1838 году. Хотя онъ и принадлежитъ къ владѣтельному дому Иль-Хановъ, но онъ безъ власти. Городъ Чинаранъ съ окрестностями въ большомъ упадкѣ. Здѣшняя порода лошадей была знаменита своею силой и быстротой.

2) Дерагѣзъ, главное мѣсто участка земли, лежащей въ 12-ти ферсенгахъ къ вост. сѣверо-востоку отъ Кучана. Страна эта почти неизвѣстна и распространяется вдоль отрасли горъ, отдѣляющихъ Хорасанъ отъ Туркменіи. Большая часть жителей Курды; начальникъ ихъ подвластенъ Иль-Хану. Народонаселеніе около 2,000 семействъ, которыя могутъ выставять 500 всадниковъ и до 2,000 пѣшихъ.

3) Кучанъ, или Кабушанъ, главное мѣсто пребыванія Иль-Хана. Оно считается первымъ изъ всѣхъ курдическихъ поселеній; здѣшній начальникъ получилъ еще во время Аббаса-Великаго королевскій титулъ Иль-Хане, или владѣтель Илятовъ. Прежде Ширванъ былъ главнымъ мѣстомъ пребыванія Иль-Хана, но послѣ онъ выбралъ Кучанъ. Предпоследній Иль-Ханъ Риза-Кули-Ханъ грабилъ Персіанъ и Туркменцевъ и никакъ не хотѣлъ повиноваться Фетхъ-Али Шаху; зато Аббасъ-Мирза завладѣлъ Кучаномъ въ 1832 году и Риза-Кули-Ханъ былъ сосланъ въ Тавризъ, гдѣ и умеръ. Сынъ его, Самъ-Ханъ, замѣнилъ мѣсто отца. Владѣнія его простираются отъ Бегнузера (на юго-востокъ отъ Кучана) до Фирузѣ, Гермабъ и Гульгулу на сѣверо-западъ, всего на 180 верстъ въ длину и отъ 30 до 60 ти верстъ въ ширину, гдѣ живетъ до 28,000 семействъ, изъ коихъ $\frac{2}{3}$ кочующихъ. Кучанъ, до его разоренія, имѣлъ 4,000 семействъ или 20,000 жителей. Доходы Иль-Хане состоятъ въ пошлинахъ, въ продажѣ плѣнниковъ и въ поборахъ отъ своихъ земель. Риза-Кули-Ханъ содержалъ 1,200 всадниковъ въ шлемахъ и кольчугахъ; въ его конюшняхъ стояло до 1,000 лошадей отличной доброты, и съ своими вассалами онъ могъ выставить, до 16,000 всадниковъ и пѣхоты. Обязанность его была защищать границы Персіи противъ набѣговъ Туркменцевъ, и по этой причинѣ ему позво-

лено было держать многочисленныя войска; но онъ употреблялъ власть свою во зло, и персидское правительство уничтожило его. Курды и Туркменцы непримиримые враги и безпрестанно убиваютъ или берутъ въ плѣнъ другъ друга. Самый большой доходъ этихъ Курдовъ состоитъ въ деньгахъ, вырученныхъ отъ плѣнныхъ Туркменцевъ, родственники которыхъ платятъ отъ 100 до 200 томановъ за каждаго, то деньгами, то лошадьми и верблюдами. Туркменцы, напротивъ, должны возить плѣнныхъ Персиянъ на продажу черезъ песчаную пустыню въ Хиву и Бухару, и выручаютъ тамъ только отъ 60 до 80-ти томановъ за каждаго; слѣдовательно торгъ плѣнными гораздо выгоднѣе для Курдовъ, нежели для Туркменцевъ. Барышъ самого Иль-Хана отъ выручки за туркменскихъ плѣнниковъ простирается ежегодно до 4,000 томановъ.

4) Бужнурдъ. Владѣтель этого горнаго уѣзда занимаетъ второе мѣсто послѣ Иль-Хана Кучана. Ему принадлежатъ долины Бужнурда и Семульгана, и земли, ему подвластныя, распространяются на 70-ть верстъ въ длину, до крѣп. Кылла-Хана (къ западу) и на 40 верстъ въ ширину. Главное мѣсто Бужнурдъ имѣетъ 3,000 семействъ.

5) Міанабадъ съ селеніями Бомъ и Султанъ-Мейданъ, на сѣверо-западѣ отъ Нишапура, описаны уже выше. Владѣтель ихъ былъ отправленъ въ Тегеранъ и его племянникъ занялъ его мѣсто; но возмущался противъ шаха, или сдѣлался яги (бунтовщикомъ), какъ говорятъ Персіяне. Аббасъ-Мирза взялъ и разорилъ въ 1832 году Султанъ-Мейданъ, главную крѣпость владѣтеля, и съ тѣхъ-поръ страна эта покойна.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ХОРАСАНА.

Название правителей и начальниковъ.	Название уез- довъ и глав- ныхъ мѣстъ.	Доходы.		Народо- населеніе.		Военная сила.	
		Томановъ.	Число семействъ.	Цыговъ.	Всадни- ковъ.		
Беглербеги (сынъ Асефу - Довлета). . .	Нипапуръ.	61,000	25,000	2,000	2,000		
Аллаиръ-Ханъ (Асефу- Довлетъ).	Мешедъ .	43,000	20,000	2,000	600		
Бегеменъ-Мирза (Бе- гау-Довлетъ).	Семнанъ . Дамганъ .	13,000	10,000 6,000	1,600	600		
?	Бастамъ .	8,000	8,000	1,500	200		
Мухаммедъ-Ханъ Ме- зинанъ.	Мезинанъ.	20,000	800	500	—		
Мухаммедъ - Таги - Ханъ-Каджаръ.	Себзеваръ.		8,000	1,000	—		
Ялутушъ-Ханъ.	Келати-На- дври. . . .	3,000	2,500	1,200	400		
К У Р Д Ы.	{ Самъ-Ханъ, сынъ Риза-Кули-Хана. Лутфъ-Али-Ханъ (Богайри).	Кучанъ. . .		28,000	12,000	2,500	
	{ Керымъ-Ханъ.	Сефзабадъ.		600	700	400	
	{ Ибрагимъ-Ханъ (Каванлу).	Чинаранъ.	32,000	3,000	1000	200	
	{ Аббасъ - Кули- Ханъ.	Радеганъ .		800	800	400	
	{ Неджефъ - Али - Ханъ.	Дерагезъ (Магомед- бадъ. . . .		1,800	2,000	500	
	{ Мухаммедъ-Ханъ (Богайри).	Буджнурдъ.		11,000	1,000	3,500	
	{ Али - Мурадъ - Ханъ (живетъ въ Джагатаѣ).	Бомъ. . . .	15,000	1,300	700	400	
	{ Хаджи - Мирза - Мед- жидъ-Ашаръ.	Джовейнгъ.		1,500	850	450	
	{ (живетъ въ Манабадѣ).	Эсферайнъ.	4,000	14,000	—	—	

Названіе правителей и начальниковъ.	Названіе уѣз- довъ и глав- ныхъ мѣстъ.	Доходы.	Народо- населеніе.	Военная сила.	
		Томановъ.	Число се- мействъ.	Пахоты.	Всадни- ковъ.
Хади - Миръ - Ханъ (Эморлу).....	Каранъ. . .	3,000	800	1,000	200
Мухаммедъ-Ханъ-Ка- рай.	Турбетъ. .	30,000	6,000	6,000	1,200
Мухаммедъ - Али - Ханъ.	Туршизъ. .	14,000	3,000	1,200	600
Эмиръ-Али-Нагиръ- Ханъ (Аравитянинъ).	Тebbезъ и Тунъ. . . .	18,000	10,000	1,200	600
Эмиръ-Эседулла-Ханъ (Аравитянинъ, живетъ въ Бурджендѣ).....	Канъ. . . .	18,000	25,000	3,000	500
Всего		268,000	187,100	41,250	17,250

Таблица эта составлена была, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, въ Мешедѣ, и всѣ свѣдѣнія, собранныя вполнѣдствіи относительно этого предмета, подтвердили вѣрность ея. По новымъ налогамъ, учрежденнымъ нынѣ Мухаммедъ-Шахомъ, Хорасанъ долженъ ежегодно платить 268,000 томановъ; но изъ этой суммы ничего не поступаетъ въ казну, а всѣ доходы Хорасана употребляются на содержаніе азербейджанскихъ войскъ, занимающихъ главные города въ этомъ краѣ, и на другіе расходы. Народнонаселеніе простирается на 855,000 жителей, считая по 5-ти душъ въ каждомъ семействѣ; число это самое приближенительное, по увѣрвнію людей, которые сами могли на мѣстѣ наслѣдовать его. Край этотъ въ продолженіе вѣсколькихъ вѣковъ раздробленъ былъ на мелкія независимыя другъ отъ друга владѣнія, въ непрерывныхъ войнахъ между собою находящіяся, и каждый изъ владѣтелей долженъ былъ хорошо знать число своихъ подданныхъ, чтобы удостовѣриться, до какой степени онъ могъ защищаться. Не лишнимъ считается замѣтить здѣсь, что число войскъ неозначенное въ упомянутой таблицѣ, не возможно со-

брать для употребленія его виѣ Хорасана. Для виѣшной службы врядъ ли можно собрать до 8,000 всадниковъ и туфенджи. Последнїе дерутся славно, но не устоятъ противъ регулярныхъ войскъ, ибо Хорасанцы сражаются безъ всякаго порядка и стрѣляютъ медленно; ружья ихъ большею частью съ фитилями.

ТЕЧЕНІЕ РѢКЪ ГЮРГЕНИ И АТРЕКА *).

Рѣки Гюргень и Атрекъ текутъ параллельно съ востока къ западу, между 37 и 38-ми градусами сѣверной широты. Длина теченія ихъ неодинакая и первая въ половину короче второй. Источники обѣихъ рѣкъ находятся на сѣверныхъ покатосяхъ Албурскихъ Горъ. Гюргень имѣетъ начало свое въ земляхъ Гоклановъ, Атрекъ же въ земляхъ, обитаемыхъ Курдами. Обѣ получаютъ притоки свои съ лѣвой стороны изъ ущелья Албурза, только Атрекъ принимаетъ одну побочную рѣку съ правой стороны. Разстояніе между руслами этихъ рѣкъ одинакое, и вездѣ отъ 40 до 50-ти верстъ; а между ними разстилается плодородная равнина съ обширными и тучными пастбищами; наконецъ обѣ рѣки вливаются въ Каспійское Море между Астрабадскимъ и Бальханскимъ Заливами, и Атрекъ теченіемъ своимъ образуетъ южный рубежъ туркменской степи.

Рѣка Гюргень, Гюргене или Гурганъ, вытекаетъ двумя рукавами изъ горы Гюли-дага въ Албурзѣ при Гезмѣ-Чешмѣ въ недалекомъ разстояніи отъ Шабаза; близъ кочевыхъ Гоклановъ, племени Карабалканъ. Первый его рукавъ называется также Гюли-дагъ; лѣвый и главный рукавъ Зау, на правой сторонѣ котораго находятся остатки бывшаго города Меринъ. Оба рукава соединяются близъ скалы, называемой Каменною; на ней укрѣпленіе Казанъ-Кая; между ними кочуютъ Гокланы Эрекли. Въ ко-

*) Слѣдствія о теченіи этихъ двухъ рѣкъ были собраны въ 1836-мъ году, частью сочинителемъ записокъ этихъ во время путешествія его въ Туркменіи и вдоль восточнаго берега Каспія; частью барономъ Бодѣ.

чевьяхъ Гоклановъ Янакъ или Уангакъ, параллельное разстояніе рѣки Гюргени отъ главной цѣпи Албурза около 90 верстѣ. Пространство, протекаемое по верхней его части, представляетъ плодородный и очаровательный край: горы покрыты сплошь великолѣпнымъ лѣсомъ до самой ихъ вершины; почти всѣ роды фруктовыхъ деревьевъ растутъ тамъ на волѣ, между ними смоковичныя, гранатныя, греческія орѣховыя, а виноградныя лозы вьются около каждаго дерева; близъ кочевьевъ Гоклановъ находятся даже обширныя плантаціи тутовыхъ деревьевъ. Между рѣками Зау и Дугъ или Духъ, кочуютъ Гокланы Халкадагли; а между рѣками Догъ-Зауджакъ и Караджа-су Гокланы Янакъ и Сенгрикъ. Рѣка Караджа-су составляетъ границу кочевыхъ Гоклановъ и Юмудовъ. Подобныя рѣчки Гюргени, окружающія кочевья этихъ послѣднихъ Кара-текенъ-Хошкупри, въ которую впадаетъ Чагаллы; при устьѣ Кара-тскени находится урочище Сальянъ, 15 верстѣ ниже котораго впадаетъ въ Гюргень рѣка Эгдыржа. Всѣ эти рѣчки впадаютъ съ лѣвой стороны; съ правой же Гюргень не принимаетъ ни одной побочной рѣки. Въ 8-ми верстахъ ниже устья Эгдыржа, и съ лѣвой стороны, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега Гюргени находятся развалины бывшаго древняго города Акъ-Кале, а еще 7 верстѣ ниже и близъ праваго берега этой рѣки развалины города Алтынъ-Кале. Здѣсь рѣка Гюргень раздѣляется на два главные рукава; правый, подъ названіемъ Тумача-Ябы, впадаетъ четыре версты ниже Алтынъ-Кале въ ильмень Кютукъ-Науры, изъ котораго, подъ названіемъ Гюмышъ-Тепе-Агызы, онъ течетъ 30 верстѣ далѣе и впадаетъ въ море $1\frac{1}{2}$ версты южнѣ Серебрянаго Бугра, раздѣляясь на нѣсколько мелкихъ рукавовъ. Полторы версты выше его устья, отдѣляется отъ этого рукава другой Байрамъ-Килд, впадающій южнѣ и отдѣльно въ море.

Главный лѣвый рукавъ течетъ къ юго-западу отъ Алтынъ-Кала 12 верстѣ и впадаетъ въ ильмень Караваль, имѣющій въ окружности $3\frac{1}{2}$ версты. Изъ этого ильменя вытекаютъ уже два рукава, сѣверный или рѣка Большая-Ходжа-Нефесь, раздѣляется двѣ версты отъ моря опять на два рукава, отъ котораго правый, или Малая-Ходжа-Нефесь, называется Байдаулетъ-Килд. Лѣвый, или южный рукавъ, называемый Кичикъ-Гюргень, вытекающій изъ ильменя Каравала, раздѣляется такъ

же на два рукава; лѣвый называется собственно Гюргень, а правый Кара-килекъ.

Всѣ эти семь рукавовъ :

- 1) Гюмышъ-Тепе-Агазы,
- 2) Байрамъ-Кия,
- 3) Большая-Ходжа-Нефесъ,
- 4) Малая-Ходжа-Нефесъ,
- 5) Байдаулетъ-Кия,
- 6) Кара-Килекъ,
- 7) Гюргень,

мелки, покрыты камышомъ и несудоходны, только лодки и кумыи входятъ въ нихъ, и то не вездѣ, въ зимнее время.

Оба берега Гюргени весьма плодородны, многія канавы отведенныя изъ этой рѣки, орошаютъ поля Юмудовъ и Гоклановъ, засѣяныя пшеницею, сарачинскимъ пшепомъ, арбузами и дынями огромной величины и отличнаго вкуса. Длина теченія рѣки Гюргени отъ источниковъ до моря простирается до 180 вёрстъ.

Слѣдующія подробности объ этой рѣкѣ взяты изъ записокъ барона Боде. Отъ начала своего до Джорджана или Думбетъ-и-Кауза, теченіе Гюргени отъ сѣверо-востока къ юго-западу, далѣе направляется прямо къ западу до самаго Каспійскаго Моря. Рѣка течетъ въ руслѣ съ обрывистыми берегами и плывательн дномъ, отчего вода желтоватаго цвѣта; Гюргень не вездѣ переходимъ въ бродъ, особливо послѣ сильныхъ дождей и таянія снѣгокъ въ горахъ; есть даже мѣста, гдѣ и въ мелководіе нельзя переплыть верхомъ. Обыкновенная глубина рѣки этой отъ трехъ до шести футовъ и она судоходна вездѣ, исключая при устьяхъ, для плоскодонныхъ судовъ и плотовъ, даже до соединенія съ рѣкою Караулъ-Чаемъ. Теченіе ея вообще весьма извилистое.

Рѣка принимаетъ слѣдующіе главные притоки съ лѣвой стороны:

Караулъ-Чай или Эшекъ-су, быстрый протокъ съ обрывистыми берегами, который, по соединеніи съ рѣчкою Чильгези (съ лѣвой стороны), получаетъ названіе Духъ и дѣлается такъ глубокъ, что бродовъ почти нѣтъ. Ширина его отъ 4-хъ до 6-ти сажень. Не доходя до рѣки Гюргени онъ принимаетъ еще съ правой стороны протокъ Карезли.

Рѣка Гермерудъ (Караджа-су у Гоклановъ) имѣетъ начало

свое къ югу отъ Теловега, при урочищѣ Хошъ-Ямлахъ, гдѣ покойный Фетхъ-Али-Шахъ часто проводилъ лѣто, и выходитъ изъ главнаго края Албурза. Съ правой стороны онъ принимаетъ соединенные горные протоки Чичай и Писсерукъ, а съ лѣвой протокъ Кара-кочикъ, соединенный съ рѣчкою Алибекулъ, и впадаетъ потомъ въ Гюргень западнѣе Гумбетъ-и-Кавузъ. Теченіе его весьма извилистое и верхняя часть протока течетъ въ глубокомъ и узкомъ ущельѣ, черезъ которое въ 1836 году, персидская армія слѣдовала вверхъ по теченію рѣки Гермеруда на обратномъ пути своемъ отъ береговъ Гюргени.

Караскетъ выходитъ изъ горъ Астрабадскаго Уѣзда, Роміана, соединяется съ рѣчкою Сурче-Магале, орошающею Фендерискъ и Катулъ (два горные уѣзда Астрабадской Области) и впадаетъ потомъ въ рѣку Гюргень при урочищѣ Салианъ. Ниже этихъ рѣчекъ впадаютъ еще нѣсколько притоковъ въ Гюргень, которые надобно переѣхать по дорогѣ въ Астрабадъ; но названія ихъ неизвѣстны.

Баронъ Бодѣ описываетъ переѣздъ свой изъ Хорасана въ долину Гюргени слѣдующимъ образомъ :

Цѣпь горъ, отдѣляющая Хорасанъ отъ Туркменіи и служащая южнымъ предѣломъ равнины, орошенной Гюргенемъ различной ширины отъ 30 до 50 верстъ, составлена изъ разныхъ рядовъ горъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга продольными долинами, направленіе которыхъ параллельно главному краю Албурза. Со стороны Хорасана известковыя и частью сланцовыя горы совершенно безплодны, какъ почти всѣ горы возвышенной плоскости Иракъ-Аджема; но видъ ихъ перемѣняется по мѣрѣ того, какъ путникъ приближается къ Туркменіи, и весьма любопытно наблюдать за развитіемъ растительности по покатостямъ и на вершинахъ горъ.

Сначала видны только дикій шиповникъ, барбарисъ, потомъ мелкій дубъ и можжевельникъ, разбросанные по покатостямъ и при источникахъ, вытекающихъ изъ горъ. Далѣе тѣ же самыя деревца растутъ въ большомъ количествѣ; они толще и гуще; наконецъ ихъ смѣняютъ огромные лѣса, покрывающіе вершины горъ и состоящіе изъ дуба, бука, ольхи и ясени. Эти-то лѣса продолженіе мазандеранскихъ лѣсовъ, извѣстныхъ въ древности подъ названіемъ Гарканскихъ. Однакожъ, страна здѣсь не такъ влажна, какъ

Гиланъ и Мазандеранъ, и поэтому здѣшній лѣсъ лучшаго качества, нежели лѣса упомянутыхъ областей. Въ промежуткахъ горъ встрѣчаются плоскія возвышенности, покрытыя тучными пастбищами, а въ ущельяхъ, орошаемыхъ протоками, лѣса сплошь перепутаны вьющимися растеніями, какъ-то: виноградомъ, хмѣлемъ и плющомъ, и дѣлаются почти непроходимыми. Тутъ растутъ также множество кизильника, дикихъ грушъ и гранатовъ, равно и ягодъ, и между ними преимущественно куманики и ежевики. Въ этихъ лѣсахъ водятся барсы, кабаны, олени и другіе звѣри. Но, невзирая на дикость этихъ мѣстъ и на опасность ихъ по причинѣ близости Туркменцевъ, встрѣчается нѣсколько курднскихъ семействъ, обитающихъ въ неприступныхъ для Туркменцевъ мѣстахъ. Они остатки отъ племени Гирейлу, переселеннаго сюда шахомъ Аббасомъ-Великимъ изъ Курдистана и Эриванской Области и переведеннаго впослѣдствіи въ Мазандеранъ Ага-Мухаммедъ-Шахомъ.

Выходя изъ густыхъ лѣсовъ, покрывающихъ сѣверныя покатыя Албурзскихъ Горъ, путникъ спускается по отлогимъ скатамъ въ обширную равнину, обитаемую Туркменцами и взорами необъемлемую, распространяющуюся къ сѣверу. Отлогія покатыя горъ здѣсь покрыты дерномъ, высокою травой и папоротникомъ въ 10 футовъ вышины. Пространство между подошвами горъ и рѣкою Гюргенемъ доходитъ отъ 5-ти до 30 и болѣе верстъ, и представляетъ тучныя пастбища, пересѣченныя рощами и высокими камышомъ, растущимъ около береговъ Гюргени, и гдѣ водятся множество кабановъ. Богатая растительность оканчивается за Гюргенемъ; и хотя земля между этою рѣкою и Атрекомъ еще плодородна, но тамъ встрѣчаются уже колючія растенія, свойственныя степи.

Здѣшній климатъ весьма здоровъ. Какъ земля, лежащая между Гюргенемъ и горами почти безлѣсна, исключая окрестности Астрабада, то влажность не существуетъ и желчныя и другія лихорадки не свирѣпствуютъ здѣсь, какъ въ Гиланѣ и Мазандеранѣ. Лѣтніе жары смягчены морскими вѣтрами и изобильною росой, падающею съ горъ. Зима неслишкомъ холодна и снѣгъ скоро таетъ, зато дожди бываютъ часто и весною и лѣтомъ.

Въ этомъ краѣ встрѣчаются на каждомъ шагѣ слѣды прежняго тамъ просвѣщенія. Кромѣ развалинъ Джорджана или Жіуржена, на лѣвомъ берегу рѣки Гюргени и другияхъ горъ, находи-

щихся вблизи, какъ-то: Перозъ, Дашталги, Шарюкъ и проч., доказывающихъ, что страна, орошаемая этою рѣкою, была хорошо населена въ древнее время, замѣчаютъ еще въ разныхъ мѣстахъ остатки водопроводовъ и каналовъ, а покатою горъ искусственно обдѣланы были террасами для засѣванія тамъ хлѣба.

Башня Гумбеди-Каусъ. — Изъ упомянутыхъ развалинъ замѣчательны остатки древняго города Джорджана, представляющіе теперь только многочисленныя курганы, покрытыя терномъ, травою и камышомъ. Возлѣ нихъ подымается уединенная башня Гумбеди-Каусъ, построеніе которой приписываютъ какому-то хану Каусъ, владѣвшему въ Джорджанѣ во время блеска и величія его въ концѣ X столѣтія. Она построена выходящими углами съ маленькими промежутками, имѣя при основаніи 52 шага окружности и до 150 футовъ вышины. Башня состоитъ изъ жженого кирпича, весьма искусно расположеннаго, въ родѣ той, которая находится въ развалинахъ Реія (при Тегеранѣ), и на ней арабскія, но не разбираемыя надписи. Первая изъ нихъ находится надъ дверью и окружаетъ башню какъ поясомъ; другая же, подъ карнизомъ, опоясывающая также всю башню. Стѣны имѣютъ до 10-ти футовъ толщины; внутри башни пусто и одно только отверстіе подъ куполомъ. Крыша оканчивается конусомъ и состоитъ изъ зеленыхъ черепицъ. Башня эта почти совершенно сохранилась въ цѣлости; только при основаніи она повреждена. Говорятъ, что Надиръ-Шахъ, въ ярости, хотѣлъ ее разрушить, но потомъ оставилъ свое намѣреніе.

На равнинѣ между горами и пустынею встрѣчается множество кургановъ (тѣпѣ), искусственно насыпанныхъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Неизвѣстно, кѣмъ и когда они насыпаны, но они уже существовали до появленія Туркменцевъ въ этой странѣ и, по общему мнѣнію ученыхъ, ихъ устроили послѣдователи Зороастра. Въ необозримыхъ равнинахъ, обитаемыхъ Туркменцами, тѣпѣ эти служатъ имъ для наблюденія, назначенія разстояній, или для предѣловъ ихъ кочевья. Ихъ считаютъ 62 до края пустыни, начинающейся въ 3-хъ ферсенгахъ къ сѣверу отъ рѣки Атрека.

Кизылъ-Алланъ. — Самымъ главнымъ памятникомъ страны этой считаются остатки стѣны Кизылъ-Алланъ, распространяющейся параллельно правому берегу рѣки Гюргени и въ 3-хъ вер-

стахъ около него. Начало этой стѣны и протяженіе ея до-сихъ-поръ загадка для ученыхъ. Восточные писатели приписываютъ ее Искендеръ-Дуль-Карнейну (Александру-Великому), который будто-бы хотѣлъ воздвигнуть преграду противъ набѣговъ Гинерборейцевъ. Стѣна эта почивена Нуширваномъ, названа арабскими писателями Седди-іаджуджъ-во-Маджуджъ и извѣстна нашимъ историкамъ подъ названіемъ Гогъ-и-Магогъ (смотри восточную бібліотеку Гербагота). Она начинается при Серебряномъ Бугрѣ или Гюмышъ-Телѣ на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря, тянется вверхъ по правому берегу Гюргени до его источниковъ и, по словамъ Туркменцевъ, продолжается потомъ до Мерва и даже до Самарканда. Теперь она не представляетъ ряда неровныхъ бугровъ, то поднимающихся на 8 или 10 футовъ вышины, то срывающихся опять съ землею, хотя линія стѣны вездѣ рѣзко означена. Во многихъ мѣстахъ она прорѣзана тропинками, сдѣланными Туркменцами, и по профилямъ этихъ пересѣченій видно, что стѣна построена была изъ жженого кирпича, остатки котораго разбросаны по равнинѣ. Кирпичи эти образуютъ квадратъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ ширины и $\frac{3}{4}$ вершка толщины. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ находятся высокіе четырехугольные курганы, каждая сторона которыхъ имѣетъ до 150 шаговъ; башни или редуты эти соединены одною стороною къ стѣнѣ, а противоположная обращена къ рѣкѣ Гюргени. На нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ находятся теперь туркменскія кладбища.

За стѣною Кызылъ-Аллавъ и параллельно ей тянется другой рядъ возвышеній, но они не такъ высоки и во многихъ мѣстахъ почти незамѣтны. Промежутокъ между обонми рядами возвышеній служитъ теперь Туркменцамъ большою дорогою; однакожь, по всѣмъ примѣтамъ, можно предполагать, что, въ цвѣтущія времена Джорджана, промежутокъ этотъ служилъ каналомъ, чтобъ проводить воду, нужную для орошенія полей, находившихся за Гюргенемъ и до котораго вода этой рѣки не могла прямо достигнуть до причинѣ глубокаго ея русла. Предположенія эти еще болѣе вѣроятны по той причинѣ, что каналы и рвы оканчиваются прямымъ угломъ къ стѣнѣ, которую они пересѣкаютъ, чтобъ соединиться съ упомянутымъ каналомъ. Но для орошенія равнины за Гюргенемъ нужно было провести воду весьма вдалека, потому-что всѣ притоки этой рѣки текутъ въ глубокомъ руслѣ между высокими берегами,

и только при горахъ уровень русла этихъ рѣкъ выше уровня равнинъ. При урочище Духъ, тамъ, гдѣ Чильгези соединяется съ Караулъ-Чаемъ, видны еще слѣды широкаго канала, направленаго къ Гюргени. Далѣе, при впаденіи Караулъ-Чая въ Гюргень, тотъ самый каналъ показывается вновь; а какъ долина Гюргени здѣсь низка и широка, то онъ пересѣченъ водопроводомъ, который съ лѣвой стороны рѣки одинаковой вышины съ правымъ обрывистымъ и высокимъ берегомъ. Водопроводъ этотъ имѣетъ 300 шаговъ длины и оканчивается при самой рѣкѣ, черезъ которую прежде велъ сводъ изъ жженого кирпича, потому-что здѣсь еще видно множество остатковъ каменной работы, подъ водою и надъ водою, возлѣ самаго водопровода. На правомъ берегу Гюргени, каналъ этотъ снова начинается и оканчивается только при самой стѣнѣ Кизылъ-Алланъ.

Гюмышъ-тѣпѣ, или серебряный бугоръ, лежитъ на $1\frac{1}{2}$ версты сѣвернѣе устья Гюмышъ-Тѣпѣ-Агызы. Онъ незначителенъ, имѣетъ три или четыре сажени вышины и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій; море смыло часть бугра и остатки стѣнъ простираются еще подъ водою въ морѣ на 20 сажень, а по словамъ Туркменцевъ, даже вдоль берега до рѣчки Кара-су, на протяжении около 28-ми верстъ. При упомянутомъ бугрѣ расположенъ аулъ туркменскій, жители котораго занимаются рыболовствомъ, садоводствомъ, т. е. они разводятъ дыни и арбузы, роютъ кирпичи изъ развалинъ для продажи въ Персію, и при удобныхъ случаяхъ берутъ въ плѣнъ несчастныхъ Персіянъ, чтобъ продать ихъ въ Хиву. (Подробное описаніе бугра этого находится въ путешествіи Муравьева, стр. 29—31).

Рѣка Атрекъ или Этрекъ.—Рѣка эта беретъ начало свое въ хорасанскихъ горахъ, нѣсколько ферсанговъ къ юго-востоку отъ Кучана при Кале-Юсуфъ, а по словамъ Туркменцевъ, изъ озера Хавыса. Она протекаетъ черезъ долины Ширвана, часть Буджнурда и Гермаба. Первоначальное направленіе ея къ сѣверо-западу до долины Мона, а потомъ къ западу. Атрекъ отдѣляетъ Этекъ или сѣверный рубежъ хорасанскихъ предгорій отъ Дамени-Кугъ или горнаго пространства этого края, такъ-что лѣвый или южный берегъ окаймленъ Дамени-Кугомъ, а правый или сѣверный берегъ Этекомъ. Отрасли хорасанскихъ горъ провожаютъ его съ обѣихъ сторонъ; съ лѣвой горы Курбъ-Дита, а съ

правой Зане-дагъ. Продолжая теченіе свое около 150 верстъ, онъ принимаетъ съ правой стороны рѣчку Гартудъ, а 50 верстъ далѣе, рѣку Зумбаръ или Сундъ, въ которую, около 60 верстъ выше ея устья, впадаетъ съ лѣвой стороны рѣка Чандыръ или Чиандеръ. Точка соединенія этихъ рѣкъ называется Туркменцами Чотъ. Оба притока орошаютъ плодородныя долины, а съ правой стороны рѣки Зумбара простираются по направленію къ сѣверо-западу горы, называемая Карагачъ-байры, которыя оканчиваются со стороны Зумбара крутыми и многочисленными ущельями. Рѣка Атрекъ не принимаетъ болѣе притоковъ ниже устья Зумбара, а съ лѣвой стороны только незначительные горные притоки въ верхнемъ ея теченіи.

Выходя изъ ущелья Челгударъ, Этрекъ течетъ черезъ обширную степь, почти параллельно къ Погрени, отъ котораго онъ никогда далѣе 50-ти верстъ не отдѣляется. Въ степи и къ сѣверу отъ Атрека находятся развалины Мешедъ-и-Местеріянъ; они посѣщены въ 1838 году Коноліемъ и отрядомъ персидской арміи въ 1886 году. Оба, однакожь, не сообщили свѣдѣній о нихъ. Уединенные бугры находятся по обѣимъ сторонамъ и вдоль теченія его по степи, число около нихъ 20-ти, и всякій имѣетъ свое названіе; около нихъ зимою расположены многочисленныя кибитки Туркменцевъ юмудскаго племени. Въ шести верстахъ ниже бугра Козукура, съ правой стороны этой рѣки находящагося, Этрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, четыре версты ниже, впадаютъ многочисленными рукавами въ огромный Гассанъ-Кулинскій-култукъ. Устья Этрека очень мелки, берега около нихъ низки и нечисты, вода мутна и теченіе очень быстро. Въ полную воду Этрекъ разливается на большое пространство, отчего окрестности дѣлаются весьма плодосными. Туркменцы сѣютъ тогда джовари или джогенъ (*Holcus Sorghum*) и разводятъ бахчи или огороды съ дынями и арбузами. Далѣе и вверхъ по ней берега круты, такъ-что Туркменцамъ невозможно отвести рѣку каналами. Теченіе Этрека извилисто и простирается отъ источниковъ его до устья, отъ 380 до 400 верстъ. Съ правой стороны Юмуды кочуютъ только зимою, а весною они откочевываютъ въ степь; зато многочисленныя кибитки Гоклановъ находятся круглый годъ между Этрекомъ и Гюргеномъ.

Гассанъ-Кулинскій-Култукъ простирается отъ сѣвера къ

югу и отъ запада къ востоку около 14 верстѣ и имѣеть на поверхности болѣе 160 квадратныхъ верстѣ. Берега его низки, съ западной и сѣверной стороны песчаны, а съ восточной побольшей части покрыты камышомъ, особливо въ окрестностяхъ устья Этрека, впадающаго въ этотъ Култукъ съ юго-восточной стороны. Гассанъ-Кули, селеніе, изъ 200 кибитокъ состоящее, лежитъ на западномъ берегу Култука; мѣсто это прежде было островомъ, теперь, соединившись съ сѣверной стороны съ твердой землею, образуетъ полуостровъ, или, лучше сказать, косу, называемую Чагылъ, простирающуюся къ юго-востоку около 5-ти верстѣ; ширина косы отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты. Подобная коса, но только покрытая водою и камышомъ, называемая Каажъ, простирается съ юга на сѣверъ, и между ними находится входъ въ Гассанъ-Кулинскій култукъ; шириною около $4\frac{1}{2}$ версты. Фарватеръ его не глубже 3-хъ до $4\frac{1}{2}$ футовъ, слѣдовательно, только лодки и киржины могутъ ходить по немъ; глубина его близъ береговъ различна: отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ фута. Въ этомъ култукѣ строятся туркменскіе киржины; мѣсь для него получается изъ Астрабадскаго Залива и изъ Персіи вообще, и теперь (въ 1839 году) находится первая русская ватага въ самомъ селеніи Гассанъ-Кули; потому-что Култукъ изобилуетъ рыбою, особливо въ весеннее время, когда большая порода ея, какъ-то: бѣлуга, осетры и севрюга, стремится цѣлыми стадами туда для метанія икры.

Жители селенія или аула Гассанъ-Кули снабжаются водою изъ рѣки Атрека, устья которой находятся около 12-ти верстѣ отъ селенія. Для этого предмета они отправляются съ кулазами (лодка изъ выдолбленнаго дерева) своими къ устью рѣки и наполняютъ ихъ водою, и такимъ образомъ привозятъ ее домой; но вода эта нечиста, потому-что, отъ плесканія морскихъ волнъ въ кулазы, она дѣлается немного солоноватою.

Мы оставили пограничную черту Хорасана со стороны сѣверо-востока при Серрехъ сѣ. Опредѣлимъ теперь сѣверныя границы этого края, чтобъ кончить этимъ обозрѣніе его. Въ 12-ти ферсенгахъ къ западу-сѣверо-западу отъ Серекса воды рѣки Гери-руда теряются въ пескахъ. Отъ этой точки до Келатъ-и-Надири пограничная черта прямою линіею пересѣкаетъ пустыню на протяженіи 15-ти ферсенговъ, направляясь къ сѣверо-западу и раздѣляя Хорасанъ отъ земель, занимаемыхъ мервскими Туркменцами. Отъ Келатъ-и-Надири черта эта продолжается еще къ сѣверо-западу на

12 ферсенговъ до крѣпостцы Этека, откуда она идетъ въ томъ же направленіи до Абиверда (16 ферсенговъ), оставляя влѣво, т. е. къ югу, Мухаммедъ-абадъ, Науенданъ и Чапучу, а вправо кочевья тедженскихъ Туркменцевъ, простирающихся отъ Келати-Надири до Мерва, равно и кочевья Туркменцевъ Ахалъ, находящихся при Дарагезѣ. Отъ Абиверда до крѣпостцы Гермаба въ кучанскихъ земляхъ считается 16 ферсенговъ въ направленіи къ ю.-юго-западу. Наконецъ отъ Гермаба черта наша простирается къ сѣверо западу на 19 ферсенговъ до крѣпостцы Курдъ-Калѣ, откуда только одни сутки ъзды до границы Астрабадской Области. Отъ Курдъ-Калѣ же до самаго Астрабада считается 48 ферсенговъ.

Между этими пятью мѣстами Келати - Надири, Этекомъ, Абивердомъ, Гермабомъ и Курдъ-Калѣ представляющими крайнія точки Курдастанскаго Хорасана, со стороны кочевьевъ Туркменцевъ Теджена и Ачала и которыя мы соединили мнимую чертою, простирается полоса плодородной земли, никому непринадлежащая, потому что ни Туркменцы, ни Курды не смѣютъ тамъ поселиться. Полоса эта составляетъ остатокъ древней плодородной равнины Хаверана (Дешти Хаверанъ); она покрыта до-сихъ-поръ развалинами бывшихъ большихъ городовъ Абиверда, Эму, Ниса*) Дурума и Мѣна. Во время царствованія династїи Сельджуковъ, путникъ, отправляясь изъ Астрабада въ Мервъ, видѣлъ города эти въ полномъ ихъ блескѣ. Великолѣпная столица этого края Мервъ, владѣтельница Мира (Мервъ - и - Ша - Джеанъ), лежащая въ 36-ти ферсенгахъ къ сѣверо-востоку отъ Келати - и - Надири, была разорена до основанія въ 1787 году бухарскимъ эмиромъ Шахъ-Мурадомъ. Въ серединѣ развалинъ, сломанныхъ водопроводовъ и разрушенныхъ куполовъ, показываютъ до-сихъ-поръ путнику гробницу султана Сенджара, скончавшагося здѣсь 800 лѣтъ тому назадъ. Надиръ-Шахъ весьма любилъ страну эту, построилъ тамъ Келати - Надири и велѣлъ вырѣзать дорогу въ 1000 шаговъ въ скалѣ, дабы тѣмъ укоротить путь отъ Кучана въ Дарагезъ. Какъ кочевья Туркменцевъ Ахалъ и Тедженъ только въ 3-хъ или 5-ти ферсенгахъ отъ черты, проведенной нами отъ Ке-

*) Весьма вѣроятно, что это тотъ самый городъ, описанный Мальте-Брѣмонъ въ его Географіи ч. II, стр. 724 слѣдующимъ образомъ: «Nisaea Parthania (Nisa) погребеніе царей возвышалось посреди прекрасныхъ равнинъ, покрытыхъ стадами и орошенныхъ рѣкою Оксусомъ». Рѣка эта, вѣроятно, нынѣшній Теджанъ.

лати - Надири до Курдъ-Калé, то граница этой части Хорасана идетъ вдоль Ховерана. Персіяне называютъ край, обитаемый вышеупомянутыми Туркменцами, Этекъ — слово турецкое, значущее пола одежды и также послѣднія покатоги горъ, потому-что здѣсь оканчиваются сѣверныя покатоги Албурскихъ Горъ и начинается пустыня Хорезма.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПОГРАНИЧНОЙ ЧЕРТЫ ХОРАСАНА.

		Названія мѣстъ, составляющихъ крайнюю черту со стороны Хорасана.	Расстояние ихъ въ фурсентахъ.	Названія мѣстъ, находящихся на краяхъ областей смежныхъ съ Хорасаномъ.						
Дерагестъ и сѣв. Курдистанъ.	} Хафъ. Каинъ.	Каинъ	20	Ходжé	} Ферра.					
		Дурухъ	17	Калека						
		Шарехсъ	30	Укель						
		Авазъ	30	Гурианъ						
		Меджанабадъ	20	Перé						
		Нисабадъ	20	Чемень-и-Пири-Нейтазъ						
		Ферезнэ		Шебешъ						
		Кусанъ	45							
		Бахерсъ.	} Пишрабадъ надъ Герирудомъ				5	Джемаджи и другіе Оймаки	} Бадизъ.	
				Немекзаръ } Рѣка Ге-			5			
Неашони. } рирудъ	9									
Пули-Хатунъ надъ Герирудомъ										
	} Серехсъ		12	Мѣсто, гдѣ водятъ Герируда теряются въ пескахъ	} Теженъ.					
		Келатъ и Недири	5	Кочевья Туркменцевъ						
			Этекъ				2			
		Абивердъ	3	Кочевья Туркменцевъ						
			Гермабъ				5			
			Курдъ-кале				5			
	} Рѣка Атрекъ		6	Кочевья Туркменцевъ	} Юмуль. Ахагъ.					

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ТУРКМЕНИ.

Подробное описаніе Туркменіи составлено въ 1837 году, по окончаніи сдѣланнаго мною обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго Моря. Нижеслѣдующія подробности касаются болѣе тѣхъ туркменскихъ племенъ, которыя обитаютъ въ странахъ, смежныхъ съ Хорасаномъ, и о которыхъ я собралъ свѣдѣнія во время путешествій моихъ въ Персію, съ 1837 по 1840 годъ.

Отъ самаго Серрекса до береговъ Гюргени разбросанъ рядъ становъ изъ кибитокъ (керга) туркменскихъ. Кочевья этого народа простираются еще далѣе къ сѣверу и къ востоку; соединяя чертою Балхъ съ Астрабадомъ съ одной стороны, а съ другой Ургендъ съ Мангышлакомъ, пески, простирающіеся между этими двумя чертами и между Каспіемъ и рѣкою Оксусомъ, справедливо могутъ считаться отечествомъ Туркменцевъ. Поверхность этой огромной пустыни то ровна, то волниста, и песчаные бугры увеличиваются по мѣрѣ того, какъ приближаются къ Каспійскому Морю. Скучная прозябаемость изрѣдка показывается въ этихъ необозримыхъ, песчаныхъ и печальныхъ равнинахъ; особливо вокругъ лужъ, происходящихъ отъ дождей и таянія снѣговъ или около колодезевъ. Прѣсная вода, и то не всегда, находится только въ этихъ послѣднихъ, и они отдѣлены другъ отъ друга на одинъ и даже на нѣсколько дней ѣзды; глубина ихъ достигаетъ часто до 50-ти и болѣе футовъ. Этотъ-то край, занимаютъ Туркменцы, которые справедливо хвалятся, что они не отдыхали никогда подъ тѣнью дерева. Только тѣ, которые живутъ при

подошвѣ Албурскихъ Горъ или на берегахъ рѣкъ Гюргени и Атрека, имѣютъ понятіе объ изобильной и богатой растительности.

Туркменцы принадлежатъ къ тюркской націи и имя ихъ дало поводъ къ многимъ толкованіямъ. Одни производятъ его отъ словъ Тиръ-у-Кеманъ (стрѣла и лукъ), оружія, преимущественно употребляемыя и донынѣ Туркменцами. Другіе находятъ въ немъ слова Тюркъ-монендъ (похожій на Турка), наконецъ, другіе еще думаютъ, что названіе ихъ происходитъ отъ Тюркъ-менъ, т. е. я Турокъ. Изъ всего этого можно только вывести заключеніе, что Туркменцы тюркскаго происхожденія и что они ничего общаго не имѣютъ съ народомъ, названнымъ Европейцами татарскимъ. Самы Туркменцы утверждаютъ, что они вначалѣ жили около Мангышлака, и что принадлежали тогда къ большому племени, состоящему изъ 13-ти тысячъ семействъ. Они сами себя называютъ Туркменъ тогда, когда спокойно живутъ у себя дома, а Аллеманъ, когда собираются на грабежъ. Набѣги ихъ названы аллемани или чапуалъ, по сокращенію чапу.

Вотъ ихъ главныя племена :

- 1) Юмудъ (подъ вліяніемъ Персіи. 12,000 семействъ.
- 2) Гокланъ, на берегахъ рѣки Гюргени 9,000 — —
- 3) Салуръ (при Серрехсѣ). 2,000 — —
- 4) Сарикъ (около Мерва) 10,000 — —
- 5) Теке Ахалъ. 25,000 — —
- 6) Текѣ Тедженъ 10,000 — —

Кромѣ этихъ главныхъ раздѣленій, существуетъ еще множество меньшихъ, которыя раздроблены еще, и каждое отдѣленіе имѣетъ своего старшину, названнаго здѣсь Акъ-Сакалъ или бѣлбородый. Они всѣ сунниты и говорятъ испорченнымъ тюркскимъ языкомъ, сходнымъ съ константинопольскимъ нарѣчіемъ.

Юмуды кочуютъ за рѣкою Атрекомъ; но какъ они принуждены проводить лѣто у подошвы Албурскихъ Горъ, то вступаютъ тогда въ земли Астрабадской Области и платятъ правителю области незначительную дань лошадьми, коврами и баранами за позволеніе пасты свои стада на персидской землѣ. Въ осеннее время они опять удаляются въ степь. Число всѣхъ Юмудовъ вдвое противъ означеннаго выше числа ихъ, но остальная часть кочуетъ около Хивы и зависитъ болѣе отъ хивинскаго хана, а потому не

входить здѣсь въ счетъ. Въ случаѣ чапу, они могутъ выслать 4 тысячи лошадей. Власть персидскаго правительства надъ Юмудами не простирается далѣе рѣки Атрека, хотя оно воображаетъ себѣ, что цѣлая Туркменія ему подвластна.

Что касается до Гоклановъ, то они кочуютъ круглый годъ на земляхъ Астрабадской Области, и по этой причинѣ повинуются болѣе персидскому правительству. Они рѣдко сами предпринимаютъ чапу; но какъ они ближе живутъ къ Хорасану и лучше знаютъ мѣстность, нежели другія племена туркменскія, то служатъ часто лазутчиками или вожатыми Юмудамъ и Текѣ. Жены ихъ славятся красотой и бѣлизною своею, и считаются первыми красавицами между Туркменками вообще. Гокланы могутъ выставить около 3 тысячъ всадниковъ. Бернсъ, Конолли и Фрезеръ подробно описали племя это, и поэтому мы не станемъ о немъ говорить.

Туркменцы Салуръ, хотя малочисленны, считаются самыми благородными (Неджибъ) изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ. Взятіе Серехса, столицы ихъ, покойнымъ Наибъ-Султаномъ (Аббасъ-Мирзою) въ 1833 году, нанесло страшный ударъ могуществу ихъ. Кромѣ 35-ти тысячъ томановъ контрибуціи, внесенной ими, и аманатовъ изъ лучшихъ фамилій, посланныхъ Персіянами въ Мешедъ, гдѣ они и до-сихъ-поръ находятся, Салуръ потеряли еще множество убитыхъ и плѣнныхъ во время осады Серехса. Теперь они могутъ выслать не болѣе тысячи всадниковъ.

Туркменцы Сарыкъ населяютъ развалины Мерва, оба берега рѣки Мургаба, и кочевья ихъ приближаются къ правому берегу Теджена. Они занимаются много садоводствомъ и разводятъ самыя лучшія дыни и вкуснѣйшія арбузы. Сбываютъ также немного хлѣба. Хивинскій ханъ имѣетъ надъ ними болѣе вліянія, нежели надъ другими племенами Туркменцевъ; и держитъ постоянного чиновника въ Мервѣ, дабы имѣть надзоръ надъ продажей плѣнныхъ и принимать подать (зекать) отъ тѣхъ, которые признаютъ власть его. Отъ Мерва до Хивы считается 15 дней ѣзды черезъ страшную пустыню. Сарыкъ могутъ выставить до 4-хъ тысячъ всадниковъ.

Туркменцы Теке, безъ сомнѣнія, могущественнѣе, свободнѣе и отважнѣе всѣхъ туркменскихъ племенъ. Кочевья ихъ, какъ выше сказано, простираются отъ Келата до Дерагеза и далѣе. Они

раздѣлены на двѣ главныя части, т. е. въ Теке-Ахалъ и Теке-Тедженъ. Главныя и, по мнѣнію ихъ, самыя достойныя занятія человѣка состоятъ въ томъ, чтобъ захватывать цѣнныхъ и заботиться о лошадяхъ; и въ самомъ дѣлѣ, лошади Тёке считаются первыми въ цѣлой Персіи. Къ счастью этого государства, до-сихъ-поръ не нашлось между этими Туркменцами ни одного чело-вѣка съ отличными способностями для управленія общими силами народа. Если Тёке намѣрены предпринять чапу, то всѣ старшины стана собираются на ближайшее возвышеніе, садятся въ кругъ и разсуждаютъ о мѣстѣ, къ которому долженъ быть назначенъ набѣгъ, о числѣ всадниковъ (аллеманъ), которые должны быть выставлены каждымъ семействомъ, и выбираютъ наконецъ начальника разбойничаго отряда (сердаръ); потомъ читаютъ молитву, въ знакъ общаго согласія, и назначаютъ день для выступленія отряда. Покуда продолжается набѣгъ, аллемани эти слѣпо повинуются своему сердару, но когда возвратятся домой, власть его прекращается и онъ опять равенъ всѣмъ своимъ землякамъ. Теке обитаютъ поблизости сѣверныхъ покатостей Албурзскихъ Горъ и имѣютъ только 8 проходовъ или ущельевъ, черезъ которые они непременно должны пройти, чтобъ произвести набѣгъ въ Хорасанъ. Вотъ ихъ названія:

1) Пюли-Хатунъ, или мостъ госпожи, надъ рѣкою Герирудомъ при Зурабадѣ. Туркменцы Сарыхъ и Салуръ, равно и Узбеки изъ Меймани, часто пользуются этимъ мостомъ при своихъ набѣгахъ.

2) Ахъ-дербендъ въ 14-ти ферсенгахъ къ юго-востоку отъ Серрехса.

3) Муздеранъ въ 14-ти ферсенгахъ къ востоку отъ Мешеда, и въ серединѣ Албурзкаго Хребта. Точка эта раздѣляетъ на двѣ равныя части дорогу отъ Мешеда въ Серрехсъ.

4) Домени-Хатъ при Келатъ-и-Надири.

5) Этекъ при крѣпостицѣ этого имени близъ Дерагѣза. Пунктъ этотъ, равно какъ и слѣдующіе находятся поблизости кочельевъ Теке, и ими пользуются преимущественно Ахалъ и Юмудъ.

6) Дурунъ-гѣрѣ, недалеко отъ Мѣнѣ.

7) Гермабъ, между крѣпостью этого имени и Кучаномъ.

8) Курдъ-Кале.

Въ этихъ-то проходахъ Персіяне часто подстерегаютъ турк-

менскихъ разбойниковъ при возвращеніи ихъ съ грабежа, и персидскіе государи построили тамъ крѣпости, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ еще незначительный гарнизонъ. Еслибъ Персія не сторожила эти проходы какъ слѣдуетъ, то трудно было бы Туркменцамъ прокрасться черезъ нее, чтобъ дѣлать набѣги внутрь Персіи, и во всякомъ случаѣ они были бы отрѣзываемы на обратномъ пути.

Ханъ хивинскій Алла-Кули-Ханъ-Тунѣ считаетъ себя неограниченнымъ владѣтелемъ всей пустыни Кипчака, а всѣхъ Туркменцевъ, тамъ кочующихъ — своими подданными. Онъ имѣетъ съ тѣмъ покровитель торговли съ шитами и беретъ за то одного изъ главнѣйшихъ, продающихся на главныхъ базарахъ своего ханства, т. е. въ Хивѣ и Ургенджи. Юмуды и Сарыкъ ему повинуются болѣе, нежели Теке, и въ 1839 году онъ предпринималъ походъ противъ послѣднихъ, чтобъ наказать ихъ за неповиновеніе.

Онъ самъ велъ отрядъ, состоявшій изъ множества всадниковъ, верблюдовъ съ съѣстными припасами, водою и 5-ти пушекъ. Но дойдя до середины пустыни, 2,000 верблюдовъ подошли съ голоду; буря разсѣяла весь отрядъ; пушки потонули въ пескѣ, гдѣ онѣ до-сихъ-поръ лежатъ, и ханъ принужденъ былъ воротиться, не выдавъ даже непріятеля. Впослѣдствіи онъ примирился съ Туркменами Тѣкѣ.

Туркменцы непримиримые враги Курдовъ; но обстоятельства часто сближаютъ оба народа. Каждый разъ, какъ хивинскій ханъ притѣсняетъ Туркменцевъ, они ищутъ дружбы Курдовъ. Когда съ другой стороны, дворъ персидскій грозилъ Иль-Ханамъ Курдовъ, то послѣдніе соединялись съ Туркменцами, чтобъ тѣмъ устроить персидское правительство; однакожь подобныя союзы никогда не были продолжительны: разница въ вѣрѣ много препятствуетъ этому.

Тѣкѣ и Туркменцы вообще имѣютъ муллъ, но у нихъ нѣтъ мечетей. Въ патриархальномъ состояніи общезитія ихъ, голосъ отца семейства и Акъ-сакаловъ или старшинъ имѣетъ много вѣсу. Иногда народная поэзія учить ихъ и внушаетъ имъ правила хорошаго поведенія. Въ собраніи хорасанскихъ народныхъ пѣсенъ находятъся правоученія въ прекрасныхъ стихахъ, приписанныхъ Туркменцу Мехдумъ-Кули. Вотъ ихъ образецъ, переведенный почти слово въ слово: «Имамы, дервиши, казы (судья), бѣдные

и богатые! слушайте, друзья мои! Пути счастья весьма извилисты. Молитва безъ вѣры не есть истинный путь! Лъстить — безумство. Подумайте объ этомъ, друзья мои! Что есть тѣло наше?—каравансерай, клѣтка? Что есть душа наша? Соколъ съ завязанными глазами. Вдохновеніе—истинный герой, жертвующій жизнью своею Богу. Истинный человекъ — подающій подаванія бѣдному. Накормить голоднаго стоить путешествія къ Меккѣ. Наружность, которою молодость такъ гордится, старѣетъ и желтѣетъ, носъ изгибается, губы высыхаютъ. Я, Мехдумъ-Кули, я презираю жизнь (буквально, я толкаю жизнь ногою). Продолжительность міра только 5 дней. Стоить ли для одного дня припасать на 100 лѣтъ? Подумайте объ этомъ, друзья мои!»

Народъ, который поетъ подобныя пѣсни, не можетъ быть совершенно невѣжественъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ,

СДѢЛАННЫЯ

ШТАБСЪ - КАПИТАНОМЪ ЛЕММОМЪ,

ВЪ ХОРАСАНЪ И ВЪ ПЕРСІИ ВООБЩЕ

ВЪ 1839 ГОДУ.

Штабсь - капитанъ Леммъ прибылъ въ 1838 году моремъ изъ Астрахани въ Рештъ (въ Гилянѣ), отсюда онъ слѣдовалъ въ Тегеранъ, а въ 1839 году онъ поѣхалъ черезъ Мешедъ, Хорасанскій - Курдистанъ, Астрабадъ и Мазандеравъ обратно въ Тегеранъ и оттуда черезъ Тавризь въ Тифлисъ. Сдѣланными имъ съ большою тщательностью астрономическими наблюденіями онъ опредѣлялъ широту и долготу множества мѣстъ, списокъ которыхъ при семъ слѣдуетъ:

Географическое опредѣленіе мѣстъ во время путешествія Корпуса
Топографовъ штабъ-капитана Лемма въ Персіи

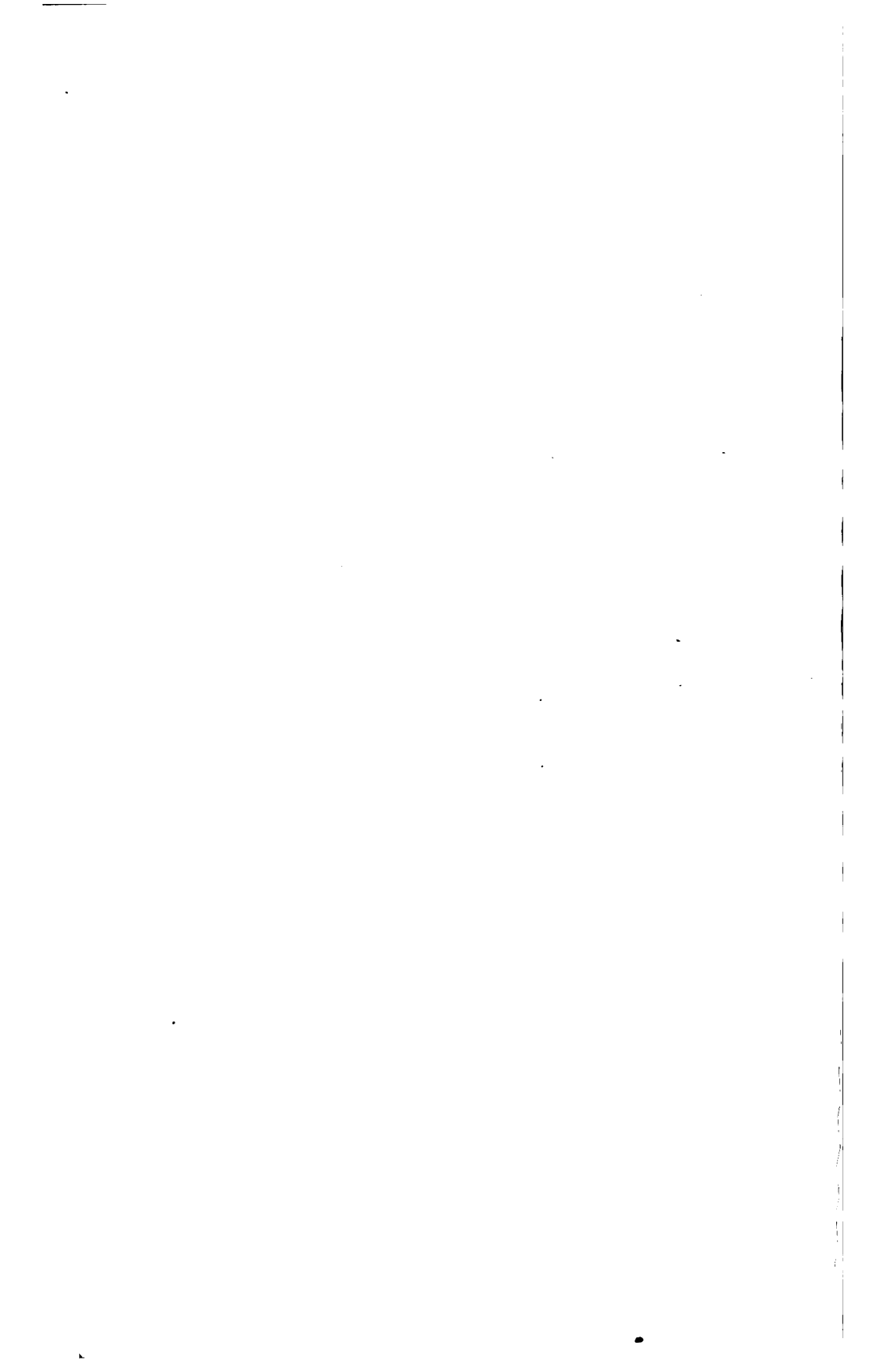
въ 1839 году.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Широта.	Долгота отъ Гринича часами.	Долгота отъ остр. Ферро считая раз- стояніе его отъ меридіа- на Парижа. 20° 3' 30"
1.	Зензели или Энзели.	37° 28' 47"	3 18' 25"	67° 22' 5"
2.	городъ Рештъ.	37 17 16	3 18 55	67 27 55
3.	Шахъ-и-Агаджи.	37 8 34	3 19 4	67 31 50
4.	Латъ.	37 1 54	3 18 59	67 30 35
5.	Каукеръ.	36 54 49	3 18 26	67 22 20
6.	Агабада.	36 29 6	3 19 46	67 42 20
7.	городъ Казвинъ.	36 15 1	3 20 31	67 53 35
8.	Гисоръ.	36 12 22	3 21 20	68 5 50
9.	Мескинабадъ.	35 59 35	3 22 44	68 21 50
10.	Сулейманѣ.	35 47 43	3 24 27	68 52 35
11.	городъ Тегеранъ.	35 40 44	3 26 8	69 17 50
12.	Пелештъ.	35 27 54	3 27 4	69 31 50
13.	Аявони Кейфъ.	35 20 24	3 28 46	69 57 20
14.	Араданъ.	35 14 35	3 30 32	70 23 50
15.	Деенемскъ.	35 13 30	3 31 31	70 38 35

№	НАЗНАНИЕ МѢСТЪ.	Широта.	Долгота отъ Граница часами.	Долгота отъ остр. Ферро считая раз- стояніе его отъ меридіа- на Париска. 20° 5' 50"
16.	Лазгирдъ	35° 23' 42"	3 ^h 33' —"	71° —' 50"
17.	городъ Земнанъ	35 34 4	3 34 12	71 18 50
18.	Агуванъ	35 46 15	3 35 31	71 38 35
19.	Довлетабадъ	36 4 37	3 37 15	72 3 35
20.	городъ Дамганъ	36 9 52	3 37 53	72 14 5
21.	Деімолла	36 16 9	3 39 29	72 38 5
22.	Белешгъ	36 25 35	3 40 39	72 55 35
23.	Меіамей	36 24 57	3 43 2	73 31 20
24.	Меіандешгъ	36 25 55	3 44 34	73 54 20
25.	Абасабадъ	36 22 —	3 45 50	74 13 20
26.	Мееръ	36 17 8	3 48 48	74 57 50
27.	Риведъ	36 12 20	3 49 33	75 9 5
28.	городъ Себзеваръ	36 12 29	3 50 55	75 29 35
29.	Гусейнабадъ	36 11 16	3 51 57	75 45 5
30.	Сенги	36 11 56	3 53 51	76 13 35
31.	Кадамга	36 6 21	3 56 33	76 54 5
32.	Шервоъ-абадъ	36 1 47	3 58 20	77 20 50
33.	городъ Мешедъ	36 17 13	3 58 51	77 28 35
34.	Кишметы	36 23 30	3 58 40	77 25 20
35.	Дзунабадъ	36 33 26	3 57 29	77 8 5
36.	Сейданъ	36 45 6	3 56 17	76 50 5
37.	Бегвезеръ	36 54 5	3 55 26	76 35 20
38.	городъ Кучанъ	37 8 4	3 54 3	76 16 35
39.	городъ Ширванъ	37 24 6	3 52 10	75 46 20
40.	городъ Бужнурдъ	37 29 13	3 49 47	75 12 35
41.	Фрузе	37 21 35	3 49 28	75 7 50
42.	Таваръ	37 18 27	3 48 3	74 46 35
43.	Хуршо	37 6 55	3 47 44	74 31 50
44.	городокъ Джоджермъ	36 57 24	3 46 3	74 16 35
45.	Ріабадъ	36 42 10	3 43 47	73 42 35
46.	Мегзъ	36 36 27	3 42 8	73 17 50
47.	городъ Бастамъ	36 29 20	3 40 33	72 54 5
48.	городъ Шарудъ	36 25 13	3 40 23	72 51 35
49.	Татжесъ	36 34 7	3 39 15	72 34 35
50.	городъ Астрабадъ	36 50 50	3 38 13	72 19 5
51.	Велладжусъ	36 47 47	3 36 54	71 59 20
52.	Чибокенде	36 45 4	3 36 12	71 48 50
53.	городокъ Эшрефъ	36 41 55	3 34 26	71 22 20
54.	Неко	36 38 56	3 33 27	71 7 25
55.	городъ Саръ	36 33 52	3 32 34	70 54 20

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Широта.	Долгота отъ	
			Гринича	Долгота отъ остр. Ферро считая разстояніе его отъ меридіана Парижска. 20° 5' 50"
			часани.	
56.	городокъ Алиабадъ.	36° 27' 49"	3 ^h 31' 47"	70° 42' 35"
57.	Чоли.	36 19 27	3 31 57	70 34 5
58.	Абдулталибъ.	36 9 52	— — —	— — —
59.	Арферудбаръ.	35 58 28	3 32 34	70 54 20
60.	Бабъ-и-Шахъ.	35 37 26	3 29 45	70 12 5
61.	Джило.	35 41 0	3 28 35	69 54 35
62.	Хастенекъ.	35 43 27	3 27 34	69 39 20
63.	Аргованіе.	35 45 8	3 26 11	69 18 35
64.	Кендъ.	35 45 3	3 25 36	69 9 50
65.	Шернечъ-абадъ.	36 12 15	3 21 12	68 3 50
66.	Чулидъ.	36 13 26	3 20 27	67 52 35
67.	Киришкѣ.	36 16 2	3 19 2	67 31 20
68.	Хорамдерѣ.	36 12 —	3 17 27	67 7 35
69.	Султаніе.	36 25 51	3 15 57	66 45 5
70.	городъ Зенганъ.	36 59 54	3 14 36	66 15 50
71.	Ніабехъ.	36 51 1	3 13 17	65 55 5
72.	Сари-чемъ.	37 7 29	3 12 6	65 47 20
73.	Джемалабадъ.	37 16 14	3 11 49	65 42 45
74.	городъ Міанѣ.	37 25 7	3 11 18	65 35 20
75.	Ходжа-Кіасъ.	37 32 57	3 10 15	65 19 35
76.	Дауведчеръ.	37 40 26	3 8 52	64 58 50
77.	Хаджи-Ага.	37 50 20	3 7 52	64 43 50
78.	Загадабадъ.	37 56 48	3 6 58	64 30 20
79.	городъ Тавризъ.	38 4 35	3 5 47	64 11 35
80.	Зехлянъ.	38 10 3	3 5 6	64 2 20
81.	Софіанъ.	38 16 24	3 4 27	63 52 35
82.	городъ Марандъ.	38 25 57	3 3 32	63 38 50
83.	Заль.	38 42 34	3 2 47	63 27 35
84.	Карантинъ Джулеа на берегу р. Аракса.	38 56 52	3 2 55	63 29 35

СВѢДѢНІЯ О ПЕРСИИ И АФГАНИСТАНѢ,

СОВРАННЫЕ

ПОРУЧИКОМЪ ВИТКЕВИЧЕМЪ

ВЪ 1837, 1838 И 1839 ГОДАХЪ.

Поручикъ В*** отправился въ началѣ сентября 1837 года изъ Нишанура (гдѣ тогда находился Мухаммедъ - Шахъ съ персидскою армією на пути противъ Герата) черезъ Систанъ въ Кандагаръ и Кабуль; онъ воротился въ 1838 году изъ Кандагара по большой дорогѣ въ персидскій лагерь подъ Гератомъ; оттуда вторично поѣхалъ въ Кандагаръ и воротился въ началѣ 1839 года черезъ Систанъ и большую соленую пустыню (Кабиръ) въ Кашанъ и Тегеранъ. В** сообщалъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ Афганистанѣ и преимущественно о теченіи рѣкъ, по которымъ онъ проѣхалъ. По смерти его, я взялъ нижеслѣдующіе маршруты отъ его провозатаго Абдуль-Вагеба, весьма свѣдущаго человѣка, который самъ велъ путевой журналъ на персидскомъ языкѣ во время поѣздки его въ Кабуль и обратно.

МАРШРУТЪ.

отъ города Нишанура до крѣпости Ляшъ. (Путь этотъ для войска неудобопроходимъ.)

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Расстояніе въ фурсангахъ.	Вода.	Трава.	Дрова.	Описаніе дорогъ и проч.
1.	Сел. Кехрисекъ.	6	есть	есть	кустаря.	} хорошая и гладкая
2.	Рудхане.	7	—	—	—	
3.	Турбети-Гайдари.	8	—	—	—	
4.	Сел. Сегунъ.	4	—	—	—	
5.	Сел. Назыръ-абадъ.	8	—	—	—	
6.	Руй или Хафъ.	7	—	—	—	
7.	Сел. Сегунъ-Хафъ.	4	—	—	—	
8.	Меджинъ-абадъ.	4	солен.	—	—	
9.	Сел. Истинъ.	7	есть	—	—	
10.	Сел. Исфединъ } Камнъ.	5	пѣтъ	пѣтъ	пѣтъ	

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Расстояние въ ферсенгахъ.	Вода.	Трава.	Дрова.	Описаніе дорогъ и проч.
11.	Сел. Халефъ.	10	—	есть	есть	гористая хорош. и глад. гористая гористая } хорошая } ведеть череду убьватъ Ляшюмъ.
12.	Сел. Теббезъ.	9	есть	—	—	
13.	Сел. Дурюхъ. (Здѣсь граница Ирана).	10	нѣтъ	нѣтъ	нѣтъ	
14.	Рудхане Горгури. . . .	7	есть	есть	есть	
15.	Рѣка Гаррудъ.	7	—	—	—	
16.	Крѣп. Ляшъ.	8	—	—	—	
Всего ферсенг. . .		111				

Отъ Ляша двѣ дороги въ Кандагаръ: одна ведеть отъ Ляша прямо въ Кандагаръ черезъ Фра, а другая кругомъ черезъ Систабъ въ Кандагаръ.

МАРШРУТЪ

отъ крѣпости Ляша въ Кандагаръ.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Расстояние въ ферсенгахъ.	Вода.	Трава.	Дрова.	Описаніе дорогъ и проч.
1.	Озеро Гамунъ (зерра).	6	есть	есть	камышъ	хорош. и глад.
2.	Сел. Чахнасеръ.	12	—	—	—	
3.	Кале Надали.	6	—	—	нѣтъ	вверхъ по рѣкѣ Гильменда. } тоже
4.	Сел. Ходжа Ахметъ. . .	6	—	—	кустаря.	
5.	Сел. Куакъ.	6	—	—	—	
6.	Сел. Пакетъ.	7	—	—	—	
7.	Сел. Малиханъ.	7	—	—	—	
8.	Сел. Гезаръ-Джуфтъ. .	8	—	—	—	
9.	Развал. Сел. Кален-Бестъ.	8	—	—	—	переправа черезъ р. Гильмендъ
10.	Крѣп. Гиршикъ.	5	—	—	—	
11.	Кишкинохудъ.	10	—	—	—	хорошая и множе- ство селеній по дорогѣ.
12.	Городъ Кандагаръ. . .	11	—	—	—	
Всего ферсенговъ.		92				

МАРШРУТЪ,

ведущій большою дорогою изъ Герата въ Кандагаръ.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число верстъ.	ОПИСАНІЕ ДОРОГЪ.
1.	Каравансерай Мирдаудъ	4	Въ шести верстахъ къ югу отъ Герата нужно переѣхать р. Гери - рудъ при мостѣ Юли-Муланъ (своды котораго частью разрушены); рѣка эта проходима бродомъ круглый годъ, исключая весны. Далѣе 6 верстъ, садъ Раузе-бѣгъ. Вторая половина дороги пролегаетъ по странѣ, хотя плодородной, но необитаемой.
2.	Каравансерай Шабидъ	6	На половинѣ дороги нужно пройти черезъ ущелье, единственное по всему пути до Кандагара. Пастбищныя мѣста и вода въ изобиліи.
3.	Развалины крѣпости Идрискендъ	6	При рѣчкѣ того же имени. Въ окрестностяхъ ночевка Нурзен.
4.	Крѣпость Себзеваръ.	11	Главное мѣсто уѣзда того же имени, изобилующаго хлѣбомъ и фруктами. Здоровый климатъ и приятное мѣстоположеніе Себзевара извѣстны во всемъ Афганистанѣ; около города этого надобно проходить бродомъ р. Эдрезкендъ.
5.	Каравансерай Иморетъ	5	Нужно вторично переѣхать черезъ рѣчку Эдрезкендъ, имѣющую весьма извилистое теченіе. Страна прекрасна и плодородна.

№	НАЗВАНИЕ МѢСТЪ.	Число верстагоу.	ОПИСАНІЕ ДОРОГЪ.
6.	Каравансерай Джедже.	6	Здѣсь оканчивается Себзеварскій Уѣздъ и начинается уѣздъ Фра.
7.	Каравансерай Ризѣ...	6	Богатая и хорошо обработанная страна. Въ окрестностяхъ каравансерая Ризе находятся два большія селенія: Месу и Кале-и-Сефидъ; нужно проходить черезъ рѣку Фра-рудъ.
8.	Городъ Фра (Ферра).	4	Значительный городъ, весьма населенный зимою, но почти пустой лѣтомъ, по причинѣ дурнаго климата. Онъ окруженъ высокими стѣнами изъ сухой гряды и расположенъ въ обширной и хорошо обработанной равнинѣ, на правомъ берегу р. Фра-руда.
9.	Селеніе Хурмаликъ.	7	Страна хорошо обработана и совершенно ровна.
10.	Сел. Беква, главное мѣсто уѣзда того же имени.	10	
11.	Сел. Дилоранъ.	6	Здѣсь нужно переѣхать рѣку Хашъ-рудъ, составляющую границу между Фра и Кандагаромъ.
12.	Каравансерай Шуръ-абъ.	10	Страна безводная, только на половинѣ дороги есть прудъ Хаузѣ-Медѣдѣ. Дорога пролегаетъ по пустынѣ, покрытой песчаными буграми. (Поручикъ В*** взялъ другую дорогу, лѣвѣе (сѣвернѣе) и поѣхалъ изъ Дилорана черезъ сел. Вашаръ)

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	ОПИСАНІЕ ДОРОГЪ.
13.	Крѣпость Гиршикъ. .	12	(5 ферсенговъ) и сел. Садать (10 ферсенговъ) до Кале Гиршикъ (10 ферсенговъ). Окрестности изобильно орошены каналами изъ рѣки Гильменда. Крѣпость эта расположена на правомъ берегу.
14.	Крѣпость Кошгу-Наухудъ или Кишки-Нохудъ.	10	Край весьма населенный и хорошо обработанъ.
15.	Городъ Кандагаръ. . .	10	Богатая равнина; недоходя Кандагара, нужно переѣхать рѣку Уркадабъ.
Всего ферсенговъ. .		113	по словамъ поручика В***.

Обыкновенно считается 120 ферсенговъ отъ Герата до Кандагара; по словамъ же Аббасъ-Хана, уроженца Фра и бывшего Беглербега Герата, разстояніе это простирается только на 104 ферсенга. Чиновникъ этотъ сообщилъ разныя свѣдѣнія объ Афганистанѣ, и увѣрялъ, что онъ двадцать разъ ѣздилъ по этой дорогѣ, и три раза съ артиллеріею отъ Герата до Фра. Всѣ рѣчки по дорогѣ удобопроходимы, исключая весною. Направленіе пути отъ сѣвера къ югу до Фра, а потомъ оно поворачиваетъ къ востоку до самаго Кандагара. Нужно переправляться черезъ всѣ рѣчки, впадающія въ озеро Зерре или Гамунъ.

МАРШРУТЪ

по большой дорогѣ отъ Кандагара до Кабула.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число верстогѣ.	ОПИСАНІЕ ДОРОГЪ.
1.	Кале-Азимъ	4	Населенная равнина и хорошая дорога.
2.	Сел. Шери-Сефи	6	Равнина, обитаемая племенемъ Ахундомъ.
3.	Башня Тирендазъ	5	Хорошо обработанная равнина, гдѣ кочуетъ племя Аликузей. Ручей пересѣкаетъ дорогу.
4.	Келати-Килджай	10	Въ окрестностяхъ кочуетъ племя Кильджай или Гильджай.
5.	Селеніе Тозн	6	
6.	Кале Моккуръ	7	Хорошо обработанная равнина, покрытая укрѣпленными селеніями. Каналъ пересѣкаетъ дорогу.
7.	Селеніе Убе	5	Равнина, хорошо обработанная и покрытая селеніями. Здѣсь оканчиваются кочевья Гильджай и начинаются кочевья Гезарѣ.
8.	Сел. Карабагъ	5	Равнина, покрытая селеніями племени Гезарѣ.
9.	Селеніе Нани	6	
10.	Крѣпость Гизнѣ или Газнѣ	2	Городъ этотъ, прежде богатая столица знаменитаго Махмуда - Газнинскаго, теперь почти въ развалинахъ; однакожь онъ еще укрѣпленъ и въ немъ считается до 2000 домогъ. Окрестности его хорошо населены.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	ОПИСАНІЕ ДОРОГЪ.
11.	Сел. Шейхабадъ.	8	Равнина покрыта селеніями и хорошо обработанна.
12.	Сел. Вердекъ.	4	
13.	Сел. Келе-Ширъ-Мамедъ.	4	Край хорошо населенный и обработанный. Примѣчаніе. Отъ Сейдабада другая дорога ведетъ черезъ Мейданъ и Кале-Кази въ Кабуль.
14.	Сел. Сейдабадъ.	4	
15.	Городъ Кабуль.	4	
Всего ферсенговъ.		80	

Прямой путь черезъ Параномійскія Горы ведетъ изъ Герата въ Кабуль, но онъ весьма труденъ и опасенъ по причинѣ высокихъ скалъ, узкихъ ущелій и разбойническаго племени Гезаре, обитающаго въ этихъ горахъ. Купцы никогда не избираютъ его, хотя разстояніе отъ Герата до Кабула этимъ путемъ только 65 ферсенговъ. Султанъ Баберъ прошелъ по этой дорогѣ въ декабрѣ 1506 года, и описалъ подробно всѣ опасности и труды гористой страны между Гератомъ и Кабуломъ.

СИСТАНЪ ИЛИ СЕЖЕСТАНЪ *).

Границы его къ югу: Белуджистанъ, къ востоку Кандагарскій Уѣздъ Гермезилъ, къ сѣверу озеро Заррѣ, а къ западу безплодные пески Езда.

Страна эта, древній Саказтѣнѣ, Дрангіане, Седжестанъ или Забулистанъ, отечество Рустема, героя персидскаго Гомера

*) Свѣдѣнія эти о Сестанѣ большею частью собраны мною.

(Фердиси) въ его Шахъ-Намѣ, занимаетъ важное мѣсто въ исторіи Персіи. Нѣтъ ни одной развалины дворцовъ, городовъ, мостовъ и водопроводовъ, которую простой Персіанинъ, Афганецъ или Белудшъ не приписывалъ бы Рустему; но отечество его Сиастанъ, когда то цвѣтущее и до временъ Тимуръ-Ленга, покрытое многочисленными городами и селеніями, нынѣ пусто и разорено и образуетъ плоскую, въ серединѣ весьма углубленную равнину, гдѣ стекаются, точно какъ въ общее водохранилище, всѣ рѣки, орошающія западную часть Афганистана. Главныя изъ нихъ :

1) Рѣка Гирмендъ или Гильмендъ, древній Этимапдеръ, вытекаетъ изъ горы Бянди-берберъ въ Гинду-куше (Другіе говорятъ, что источники его въ горѣ Кон-баба, 40 верстъ къ западу отъ Кабула). Онъ течетъ къ юго-западу; берега хорошо обработаны, но песчаны и обрывисты въ нижней его части. Протекаетъ около 600 верстъ, онъ впадаетъ въ озеро Заррѣ. Главный его притокъ Тарнакъ, верхняя часть котораго названа Мукуръ; онъ же принимаетъ справа рѣку Аргандау, а слѣва рѣку Аргассанъ.

2) Рѣка Хашъ-рудъ, которая по словамъ В***, впадаетъ въ озеро Заррѣ, а не въ Гильмендъ, какъ означено на картахъ Берса и Аросмита.

3) Рѣка Фра-рудъ, источникъ которой при крѣпости Гуръ.

4) Рѣчка Гаррудъ, верхняя часть которой названа Адресканъ; она высыхаетъ часто въ лѣтнее время.

Всѣ три вытекаютъ изъ Парапомійскихъ Горъ, и всѣхъ изъ надобно переѣзжать на пути изъ Герата въ Кандагаръ; наконецъ всѣ три впадаютъ въ озеро Заррѣ.

Озеро это древній Аріа Палусъ, названо также тамошними жителями Гамунъ, Дурра, Зарренгъ, Лухъ, Зуръ и Хаужекъ имѣетъ около 50 Ферсенговъ или 300 верстъ въ окружности, а въ серединѣ его находится скалистый островъ съ крѣпостью Халже или Рустамъ. Окружающія равнины также безплодны, какъ пески Белуджистана; хотя здѣсь встрѣчается множество развалинъ большихъ городовъ, но ни одинъ изъ нихъ нынче не обитаемъ. Одвакожъ, дельта образованная 7-ю рукавами рѣки Гильменда, плодоснѣйшая страна, изобилующая хлопчатого бумагою, сарачинскимъ пшеномъ, ячменемъ и пшеницею; произведенія эти продаются по самой низкой цѣнѣ; и говорятъ, что халваръ (17½ пудовъ) пше-

ницы стѣить только 20 шаѣ, т. е. 30 копеекъ серебромъ, потому-что, по причинѣ немовѣрнаго множества личи, Сеистанцы употребляютъ мало хлѣба; впрочемъ, имъ негдѣ и продавать его. Жители Фра, Герата и Кандагара ввозятъ множество рогатаго скота въ Сеистанъ, гдѣ, во время лѣта, жары нестерпимы, и тѣма мошекъ особеннаго рода до смерти мучить лошадей, такъ-что Сеистанцы держатъ только быковъ и коровъ. Жители этого края стройны, желтоватаго цвѣта; они всѣ шитьи, говорятъ по-персидски и раздѣляются на множество племенъ. Число семействъ простирается до 30 тысячъ или до 150 тысячъ душъ обоого пола, въ числѣ которыхъ три тысячи туфенгажи, съ длинными ружьями. Главный начаьникъ ихъ Мухаммедъ-Риза-Ханъ-Сербенди живетъ на берегахъ Гильменда. Они сражаются только пѣшкомъ, потому-что, какъ выше сказано, у нихъ нѣтъ лошадей. Легко можно себѣ вообразить, какъ сильны должны быть лѣтніе жары въ такой низкой странѣ, какъ Сеистанъ, лежащей такъ близко къ жаркому полюсу; и въ самомъ дѣлѣ, камышъ и трава тогда наполнены немовѣрнымъ числомъ насѣкомыхъ всякаго рода, которыя, летая по воздуху, часто препятствуютъ свободному дыханію, между-тѣмъ, какъ палачій вѣтеръ подымаетъ цѣлыя облака тонкаго песку, и переноситъ его отъ мѣста къ мѣсту, покрывая поля, огороды и даже селенія, такъ-что жители должны бросать ихъ и удалаться.

Островъ на озерѣ Заррѣ, равно и берега этого озера покрыты камышомъ и они изобилуютъ личью, особливо птицами. Ночью жители зажигаютъ траву и кучи дустарниковъ, а птицы, привлеченныя яркимъ свѣтомъ, прилетаютъ цѣлыми стадами. Перья и пухъ продаютъ въ Кабуль, Гератъ и Хорасанъ; батманъ (7 фунтовъ) продается отъ 2-хъ шаевъ до 3-хъ томановъ, т. е. отъ трехъ копеекъ до 8 $\frac{1}{2}$ рублей серебромъ, смотря по качеству перьевъ и пуха. Невзирая на естественныя богатства Сеистана, жители бѣдны деньгами. Камранъ-Шахъ, владѣтель Герата, дѣлалъ когда-то набѣгъ на этотъ край, и вложилъ пять тысячъ томановъ контрибуціи на жителей, но они не были въ состояніи заплатить такую сумму, и давъ въ замѣнъ, людей, быковъ, равно и 8 халваровъ мѣди, взятой ими отъ Белуджевъ на разбоѣ. Свидѣтель этой странной мѣны рассказывалъ, что Камранъ цѣнилъ каждаго человѣка 6 $\frac{1}{2}$ томановъ (18 $\frac{1}{2}$ рублей серебромъ), быка въ 6 $\frac{1}{2}$ самкирановъ (1 $\frac{3}{4}$

рублей серебромъ), а батманъ (7 фунтовъ) мѣди въ три санбора-на, т. е. въ 90 копеекъ серебромъ.

Сейстанъ въ древнее время не былъ такъ безплоденъ, какъ нынче, и по всей вѣроятности, какой-нибудь переворотъ природы былъ причиною удивительной перемены. Потинджеръ, во время своего путешествія въ Белуджистанъ, нашелъ тамъ сухое русло рѣки, названной жителями Будуръ, въ 1,500 футовъ ширины, которая текла прежде съ сѣвера къ югу и, можетъ быть, была однимъ изъ рукавовъ Гильменда. Другая тамошняя рѣка, Лора, также терлется теперь въ пескахъ Сейстана, равно какъ рѣки Мургабъ и Гери-рудъ терлются въ пескахъ Хорезма.

Сравнивая теченіе всѣхъ этихъ рѣкъ: Мургаба, Гери-руда, Лори и Гильменда, находятъ, что верхнее теченіе имѣеть общее направленіе съ сѣверо-востока къ юго-западу, направляясь, такъ-сказать, къ вышеупомянутому руслу рѣки Будура; но лишь только обѣ достигаютъ до края пустыни, всѣ онѣ перемѣняютъ направленіе и текутъ къ сѣверо-западу. Феноменъ этотъ имѣеть ли связь со всею болѣе подающеюся къ западу пустынею? Въ этомъ случаѣ преданія прежнихъ временъ были бы справедливы, и тогда весьма понятно могло быть, какимъ образомъ случилось, что множество развалинъ обширныхъ городовъ расположены теперь среди безплодныхъ песчаныхъ пустынь. Это наступательный песокъ, поглотившій столько городовъ и селеній въ Сейстанѣ, грозитъ и Бухарскому Ханству, гдѣ, по описанію Мейендорфа и Лема, песокъ покрылъ уже сѣверную кайму Бухары и ежегодно распространяется болѣе и весьма замѣтно къ югу. Англичанинъ Христи въ 1810 году слѣдовалъ внизъ по Гильменду тамъ, гдѣ рѣка эта поворачиваетъ къ сѣверо-западу, и на всемъ пути до Джеллалабада все пространство (112 верстъ) вдоль рѣки покрыто было неизвѣрнымъ множествомъ разоренныхъ городовъ. Въ Пульки развалины эти покрывали 24 квадрат. верстъ; тамъ еще видны были остатки строеній, валовъ, замковъ, садовъ, а между этими развалинами жили пастухи, Белуджи и разбойники, подобныя Бедуинамъ около Фивъ и Пальмиры. Развалины Душака или Душа (нынешняго Джеллалабада) покрываютъ пространство, равное городу Испагани; всѣ строенія были изъ жженого кирпича, часто въ два этажа, а между ними находится теперь городъ Джеллалабадъ съ 2,000 домами. Отсюда и 33 верстъ далѣе

къ сѣверу, близъ границъ Хорасана, находятся еще обширнѣйшія развалины Пешавуруна. Никто не знаетъ древней исторіи этого края, процвѣтавшаго еще во время Тимуръ-Ленга.

Отъ Пешавуруна считается 20 дней ѣзды къ западу до города Езда; столько же къ юго-западу до Кермана, пять дней ѣзды къ сѣверу черезъ Фра въ Герать и 10 дней къ востоку въ Кандагаръ. Отъ этого города до озера Зарре считается 40 ферсенговъ.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Поручика В*** отъ крѣпости Ляша черезъ соленую пустыню въ Кашанъ.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	Вода.	Трава.	Дрова.	ДОРОГА.
1.	Озеро Зарре (Гамунъ).	6	есть	есть	ка-	хорошая и ровная.
2.	Хаузе Джаудагъ. . . .	10	нѣтъ	—	мышгъ	—
3.	Сел. Нѣ Наубенданъ.	6	есть	—	и	—
4.	Сел. Чеаръ-Ферсенгъ.	4	—	—	ку-	—
5.	Сел. Дююанъ.	8	—	—	старн.	—
6.	Сел. Ассеранъ.	6	—	—	—	—
7.	Колод. Серри-Ча.	7	—	—	—	—
8.	Сел. Хаманъ.	4	—	—	—	—
9.	Сел. Хуръ.	12	—	—	—	—
10.	Сел. Арабъ-абадъ.	12	—	—	—	на дорогѣ два абамбара.
11.	Сел. Дугукъ.	6	—	—	—	—
12.	Сел. Изфѣ.	6	—	—	—	немного гористая.
13.	Городъ Теббезъ.	6	—	—	—	хорошая.
14.	Сел. Чеардѣ.	4	—	—	—	—
15.	Сел. Чеаферабадъ (4 дома).	10	—	—	—	—
16.	урочище Риксергерданъ.	11	нѣтъ	—	—	на дорогѣ абамбаръ съ соленомъ водою.
17.	Сел. Мегреджанъ.	7	есть	—	—	хорошая.
18.	Сел. Ерма.	2	—	—	—	—
19.	Колодезь Аббасабадъ.	12	нѣтъ	—	—	—

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	Вода.	Трава.	Дрова.	ДОРОГА.
20.	Колодезь Чагарбиза..	12	нѣтъ	есть	ка-	хорошая.
21.	Сел. Ашина (7 домовъ).	6	есть	—	мышь	—
22.	Колодезь Чапениръ..	4	—	—	и	—
23.	Сел. Шахрабъ.	8	—	—	ку-	—
24.	Городъ Суварѣ.	6	—	—	старн.	—
25.	Сел. Маккаръ.	6	—	—	—	—
26.	Сел. Бузабадъ.	9	—	—	—	—
27.	Городъ Кашанъ. . . .	5	—	—	—	—
Всего ферсенговъ.		195				

Вотъ все, что я могъ собрать отъ проводника покойнаго В^{...}, и весьма сожалѣю, что не могъ сообщить свѣдѣній и замѣчаній, собранныхъ имъ во время пути черезъ Кавиръ, или соленую пустыню, тѣмъ болѣе, что городъ Теббезъ, черезъ который онъ проѣхалъ, намъ почти неизвѣстенъ.

ДОРОГА ОТЪ ТАВРИЗА ВЪ ТЕГЕРАНЪ И ИСПАГАНЪ.

Англичане опредѣлили персидскій ферсенгъ или паразенга въ 4-хъ англійскихъ миляхъ или 6-ти верстахъ, и считаютъ отъ тегеранскихъ воротъ въ Тавризъ до казбинскихъ воротъ въ Тегеранъ, ровно 100 ферсенговъ или 600 верстъ. Число переходовъ отъ рѣки Аракса до Испагана и разстояніе между ними означены въ прилагаемомъ при семъ спискѣ.

На всемъ пространствѣ отъ береговъ Аракса до самаго Исагана нѣтъ ни одной естественной преграды, могущей препятствовать свободному проходу. Дороги вездѣ удобопроходимы, невзирая на то, что персидское правительство ничего не дѣлаетъ для поддержанія ихъ. Между рѣкою Араксомъ и городомъ Тавризомъ встрѣчаются только два ущелья: одно не доходя города Маранда, другое около Софіана; обѣ широки и не представляютъ трудности для прохода артиллеріи. Отъ города Тавриза до каравансерая Шабли, дорога незамѣтно подымается по каменистому грунту, и пройдя каравансерай этотъ, встрѣчается подъѣмъ, гдѣ требовалась бы незначительная починка при переѣздѣ тяжелаго обоза. Спускъ съ другой стороны легокъ и отлогъ, почва земли глиниста и камениста и вообще оттуда дорога отличная до подгорья Кафланъ-Ку, гдѣ глубокія лощины и крутые спуски предвѣщаютъ близость горъ. Отъ селенія Тьемедаша до окрестностей города Міаны тянется непрерывный рядъ подобныхъ лощинъ. За Міаною переѣзжаютъ черезъ длинный, плоскій каменный мостъ о 22-хъ сваяхъ, построенный надъ рѣкою Шегри-Чай, притокъ рѣки Кызылъ-Узена. Переѣздъ черезъ Кафланъ-Ку не представляетъ большихъ затрудненій, хотя дорога не поддержана, и починка ея облегчила бы во многомъ подъѣмъ и спускъ тяжелой артиллеріи. У восточной подошвы этой цѣпи течетъ рѣка Кызылъ-Узенъ, черезъ которую построенъ прочный, каменный и красивый мостъ. Здѣсь дорога раздѣляется на двѣ: одна, длиннѣе и похуже, ведетъ по горамъ черезъ селеніе Ахкентъ и Армаханѣ, другая ведетъ черезъ каравансерай Джемалъ-абадъ селеніе Серчешме-и-Нихбашъ, обѣ соединяются при городѣ Зенджанѣ или Зенганѣ, окруженномъ полуразвалившимися стѣнами. Хорошія пастбищныя мѣста вокругъ Султанійѣ могли бы съ пользою служить кавалерійскому корпусу. Казбинъ окруженъ стѣнами, какъ вообще всѣ города Персіи; онъ не можетъ защищаться въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, хотя, по расположенію его, онъ бы могъ быть крѣпостью 1-го класса, невзирая на то, что онъ лишенъ почти вовсе текущей воды; но этотъ недостатокъ былъ бы еще чувствительнѣе для осаждающей арміи, потому-что въ самомъ Казбинѣ находится множество водохранилищъ, между тѣмъ, какъ окрестности города почти безводны. Дорога отъ Султанійѣ до Казбина превосходна, и приближаясь къ Казбину, она дѣлается на-

туральнымъ шоссе. При Солейманііе надобно пройти рѣку Кереджъ по каменному мосту, переходъ черезъ который легко защищать во время полноводія, гдѣ невозможно перейти бродомъ черезъ быстрый Кереджъ. Укрѣпленія Тегерана въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ путь отъ Тавриза до Тегерана удобопроходимъ, но въ остальныхъ весьма затрудителенъ: глубокій снѣгъ прекращаетъ тогда свободное сообщеніе между Азербейджаномъ и Иракомъ. Переходъ черезъ равнины Уджанъ и Султанііе дѣлается опаснымъ, по причинѣ частыхъ метелей. Дорогу только можно узнать по узкой тропинкѣ, по которой слѣдуютъ караваны, и опасно отдаляться отъ этой тропинки которая наконецъ портится до того, что бываетъ похожа на лѣстницу и почти непроходима для лошадей и пѣшеходовъ. Въ концѣ февраля препятствія эти увеличиваются: снѣгъ таетъ, грязь бываетъ ужасная, рѣки разливаются и быстрые потоки показываются тамъ, гдѣ путникъ въ лѣтнее время даже не подозреваетъ капли воды. Но, благодаря сухости климата и почвы земли, которая въ скорости всасываетъ воду, около половины апрѣля все уже сухо, а пыль — эта пятая стихія Персіи — подымается столбомъ.

Только двѣ рѣки, Кызылъ-Узенъ и Кереджъ, непроходимы въ бродъ до конца іюня, и переправа черезъ нихъ могла бы быть тогда оспариваема. Въ другія времена года, когда рѣки эти проходимы въ бродъ, путешественникъ, выступая изъ Тавриза, могъ бы миновать переходъ черезъ горы Кафлашъ-Ку, направля путь свой отъ селенія Сума (лежащаго въ двухъ ферсенгахъ отъ селенія Туркменчая) къ селенію Ходжедіа, оставляя городъ Міану вправѣ, а оттуда къ прекрасному селенію Мамамло, лежащему уже на правомъ берегу Кызылъ-Узена. При этомъ селенія вода рѣки не красноватаго цвѣта, какъ вездѣ, и дно русла не вязко, а состоитъ изъ песка и хряща, по которому рѣка Кызылъ-Узенъ течетъ кристальными струями. Дорога эта, хотя гориста, но удобопроходима для тяжелыхъ экипажей и ведетъ отъ Мамамло прямо къ селенію Ахкенту и гораздо лучше, нежели путь отъ Міаны до Ахкента. Кромѣ упомянутыхъ двухъ рѣкъ, существуютъ еще двѣ рѣчки на пути отъ Тавриза въ Тегеранъ, а именно: Зенджанъ-Чай и Эбгаръ или Эхберъ-Чай. Въ 10-ти ферсенгахъ къ восто-

ку отъ Султанііе находится высочайшая точка плоской возвышенности, служащая и водораздѣломъ. Однѣ изъ этихъ водъ текутъ къ западу и образуютъ Зенджанъ-Чай, другія же, текущія къ востоку, даютъ начало Экберъ Чаю. Первую рѣчку надобно переѣхать; вторая же течетъ параллельно большой дорогѣ, теряется въ пескахъ выше Казбина, и ее не нужно переѣзжать. Рѣка Кереджъ течетъ весьма быстро по каменистому руслу, и влечетъ съ собою огромные камни, отчего и весьма опасно переходить черезъ нее въ бродъ во время полноводія. Мостъ черезъ Кереджъ построенъ на единственномъ мѣстѣ, гдѣ только возможно было воздвигнуть подобное строеніе. Онъ образуетъ прямой уголъ съ большою дорогою, которая здѣсь весьма узка и высѣчена въ скалѣ; и здѣсь переправа затруднительна, но только въ весеннее время, потому-что въ остальную часть года протокъ Кереджъ удобопроходимъ вездѣ, какъ вообще всѣ рѣки въ Персіи.

Климатъ въ этой части Персіи вообще здоровый, исключая болотистыя окрестности Уджана, окрестности Міяны и городъ Тегеранъ, гдѣ лѣтомъ почти нельзя жить. Къ счастью, въ 6-ти верстахъ къ сѣверу отъ Тегерана находятся уже предгорья Албурза, гдѣ воздухъ чистъ и жары умѣренны. Въ казбинской же равнинѣ, хотя лѣтніе жары весьма сильны, но тамошній климатъ не вреденъ.

Путь отъ Тегерана въ Испаганъ пролегаетъ большею частью вдоль края соленой пустыни, или Кабира, и пересѣкаетъ даже послѣднюю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Тамъ селенія рѣдки, и на пути встрѣчается болѣе одни каравансеран, съ абамбарами, вода которыхъ часто солоновата.

Между Тегераномъ и каравансераемъ Кенарагирдомъ находятся нѣсколько возвышеній, образованныхъ крайними южными предгорьями Албурза; за ними нужно переѣхать рѣку Кереджъ, которая дажѣ къ юго-востоку теряется въ пескахъ Кавира. Кереджъ образуетъ около Кенарагирда нѣкоторые рукава; черезъ главный изъ нихъ построенъ каменный нынче полуразрушившійся мостъ, по которому трудно переѣхать экипажу.

Въ пяти верстахъ къ югу отъ Кенарагирда тянется еще рядъ возвышеній отъ запада къ востоку и за ними дорога спускается въ русло протока Аби-Шура, высыхающаго лѣтомъ, но который въ весеннее время почти непроходимъ и часто прекращаетъ сооб-

ченіе на нѣсколько дней. Далѣе слѣдуютъ опять голыя возвышенія, чередующіяся съ солончаками, а потомъ дорога входитъ въ долину Ангела Смерти или Дерв-Малекъ-аль-Маутъ, называющую такъ Персіянами, по причинѣ бесплодныхъ возвышеній страннаго образованія, и состоящихъ изъ красноватаго песчаника; и въ самомъ дѣлѣ, природа мертва кругомъ на большомъ разстояніи. Отъ послѣдняго изъ этихъ возвышеній открывается взору къ востоку и юго-востоку обширное пространство, похожее издалика на море: это — Дерев-Кабиръ или соленая пустыня, поверхность которой покрыта блестящею солью, а въ среднѣи и на дорогѣ расположены каравансерая Хаузи-Султанъ и Седеръ-абадъ. Въ дождливое время трудно проходить по этой пустынѣ, по причинѣ моккаго грунта, напитаннаго солью. За крайнюю бухтою этого соленнаго моря, которое съ запада ограничено высокими горами, путь пролегалъ опять по каменистымъ возвышеніямъ, съ вершинами которыхъ виденъ вызолоченный куполъ главной мечети города Кума, потомъ спускается къ каравансераяю Пюли-Деллакъ, лежащему на лѣвомъ берегу протока того же имени, черезъ который построенъ какимъ-то цирюльникомъ длинный каменный мостъ, отъ чего мостъ и каравансерая получили названіе Деллакъ (цирюльничъ). Протокъ этотъ также почти высыхаетъ въ лѣтнее время.

Кумъ считается священнымъ городомъ и названъ Персіянами Дауръ-аль-Муршидинъ, т. е. жилище духовныхъ учителей. Здѣсь находится гробъ сестры Имама-Али-Ризы, Фатимы-Масумэ или Фатимы безгрѣшной, весьма чтимый народомъ. Городъ наполненъ нагими невѣждами и фанатическими мудлами. Кумъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Персіи; по мнѣнію д'Авиваля Шоана, о немъ упоминаетъ Птоломей. Городъ этотъ былъ разоренъ Теймуръ Ленгомъ, а въ 1722 году Асганцами, и съ-тѣхъ-поръ онъ большею частью въ развалинахъ.

Отъ Кума путь пролегалъ вдоль края Кабира; съ правой стороны тянутся высокія горы Бахтіарскія, на покатостяхъ которыхъ разбросано множество селеній; на самомъ же пути встрѣчается мало деревень и болѣе каравансераявъ, какъ-то: Прассангаръ, Шуръ-абъ и Зензенъ, а страна вообще мало обработана и мало населена.

Городъ Кашанъ, персидскій Манчестеръ, наполненъ ремесленниками, особливо мѣдниками и ткачами; городъ этотъ снабжаетъ

цѣлую Персію мѣдною посудю, шелковыми и бумажными издѣліями, ковриками и проч. Лѣтнія жары здѣсь нестерпимы, и оттого жители живутъ тогда въ подвалахъ и погребехъ (зиръ-земинъ). Окрестности города хорошо обработаны и шахскій садъ Багъ-и-Фингъ славится своими отличными гранатами и хорошими фруктами.

Отъ Кашана двѣ дороги ведутъ въ Испагань. Прямая или горная дорога, неудобная для артиллеріи и тяжелыхъ экипажей, пролегаетъ мимо каравансерая Гебръ-абада черезъ Корудъ—живописное селеніе, расположенное въ ущельѣ горъ, въ 6,042 футахъ надъ горизонтомъ моря. Не доходя до Керуда, встрѣчается знаменитый Бендъ, т. е. испанская каменная плотина, построенная Аббасомъ-Великимъ въ узкой долинѣ, для удержанія водъ, орошающихъ Кашанскую Долину. Отъ Коруда дорога ведетъ черезъ перевалъ горъ, отъ вершины которыхъ взоръ обнимаетъ къ сѣверу обширное пространство, и даже демавендскій пикъ виденъ въ ясную погоду; къ востоку видна долина Неттенса славившаяся своими грушами и прекрасными женщинами, а къ западу взоръ обнимаетъ Хонзарскую Долину съ богатыми садами и живописными мѣстами. Отъ перевала дорога спускается черезъ селеніе Сау въ Муржакуръ и ведетъ оттуда прямо въ Испагань.

Другая, или восточная дорога, удобопроходима для артиллеріи и обходитъ выдающій къ востоку мысъ Бахтіарскихъ Горъ. Она ведетъ сперва по равнинѣ черезъ селенія Хорремдештъ, Бузабадъ, Рубадъ и Хюльдабадъ; голья скалы горъ Сіаку (черныя горы) поднимаются надъ горизонтомъ прямо къ востоку отъ дороги и служатъ убѣжищемъ разбойникамъ. За селеніемъ Хюльдабадомъ путь прелегаетъ по горамъ мимо Хафръ въ Неттенсъ, главное мѣсто уѣзда—того же имени съ 400 домами. Уѣздъ этотъ, какъ выше сказано, славится своими хорошими фруктами, особливо грушами и вноситъ ежегодно въ казну до 40 тысячъ томановъ. Отъ Неттенса дорога направлена къ юго-востоку, прелегаетъ по горамъ и долинамъ мимо селеній Малагиръ, Абіазі и Имамъ-заде-Султанъ-Гусейнъ, поворачиваетъ къ западу и юго-западу, черезъ селеніе Тархъ выходитъ наконецъ изъ горъ и ведетъ прямо къ селенію Мурчакуръ, гдѣ соединяется съ корудскою дорогою. Укрѣпленное селеніе это, окруженное развалинами, знаменито потому, что здѣсь Надиръ-Шахъ разбилъ и уничтожилъ армію Афганцевъ

подъ предводительствомъ Ашрефа, и послѣ этого сраженія открылъ себѣ путь въ Испагань и къ персидскому престолу. Отъ Мурчакура дорога ведетъ прямо къ югу мимо великолѣннаго каравансерая Модери - Шахъ и пересѣкаетъ рядъ незначительныхъ возвышеній. За каравансераемъ Гезъ, взору открывается наконецъ обширная древняя столица Ирана городъ Испагань, расположенный вдоль лѣваго берега рѣки Зендеруда. Городъ этотъ, о которомъ Персіане до-сихъ-поръ говорятъ, что онъ положенъ вселенной (Испаганъ нисфи-Джеганъ-эстъ), въ подробности описанъ Шарденомъ, который видѣлъ его еще въ блескѣ, а послѣ его онъ посѣщенъ былъ многими путешественниками, и подробное описаніе его можно найти въ сочиненіяхъ Малькома, Морьера, Фрезера, Керъ-Портера и другихъ.

Армія, выступая изъ Тегерана, чтобъ идти въ столицу Ирагъ-Аджема, нашла бы большія затрудненія относительно продовольствія, потому-что край, по которому пролегаетъ большая дорога въ Испагань, мало населенъ; но можно выбрать другую горную дорогу, удобопроходимую для пѣхоты и кавалеріи, а именно: черезъ Сава, направляясь отъ Тегерана къ юго-западу; этимъ-то путемъ минуется соленая пустыня, а страна съ этой стороны болѣе населена.

По прилагаемому присемъ маршруту я слѣдовалъ, въ 1837 году, отъ береговъ рѣки Аракса до Тегерана, а въ 1840 году изъ этой столицы черезъ Кашанъ и Тархъ въ Испагань, гдѣ я оставался 2½ мѣсяца, и воротился потомъ черезъ Коруль, Тегеранъ и Тавризь въ Тифлисъ. Разстоянія не были вымѣрены мною олометромъ, но опредѣлены по часамъ ѣзды; впрочемъ, они опредѣлены съ давняго времени червардарами (извозчиками) и нашими чапарами (курьерами), посылаемыми почти еженедѣльно нашею миссією при тегеранскомъ дворѣ въ Тавризь и обратно.

МАРШРУТЪ

отъ береговъ р. Аракса черезъ Тавризь, Казбинъ, Тегеранъ, Кумъ и Кашанъ въ городъ Испаганъ.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	ЗАМѢЧАНІЯ.
	Отъ джуфскаго карантинна до		
1.	Сел. Гергеръ	2 $\frac{1}{2}$	<p>Отъ Тевриза до Тегерана считается обыкновенно ровно 100 ферсенговъ или 600 верстъ; но покартамъ Сютерланда и Бёрнса, разстояніе это не болѣе 510 верстъ или 85 ферзенговъ.</p> <p>Отъ Тегерана до Испагани черезъ Нетевскій Уъадъ считается 73$\frac{1}{2}$ ферс. или 441 верста.</p>
2.	Городъ Марандъ	8	
3.	Сел. Софіанъ	4	
5.	Городъ Тавризь	6	
4.	Сел. Вацминджъ	4	
6.	Сел. Тикмелашъ	8	
7.	Сел. Туркменчай	8	
8.	Городъ Міана	7	
9.	Сел. Гюлтене	6	
10.	Сел. Ахкентъ	2	
11.	Сел. Бахъ	8	
12.	Городъ Сенганъ	6 $\frac{1}{2}$	
13.	Сел. Султанійё	8	
14.	Сел. Хурумдерё	6 $\frac{1}{2}$	
15.	Сел. Киришкё	6 $\frac{1}{2}$	
16.	городъ Казбинъ	6	
17.	Сел. Кишлякъ	7 $\frac{1}{2}$	
18.	Сел. Сулейманійё	9	
19.	Сел. Кентъ	4 $\frac{1}{2}$	
20.	городъ Тегеранъ	2 $\frac{1}{2}$	
21.	Сел. Шахъ-Абдуль-Азимъ	1 $\frac{1}{2}$	
22.	Каравансерай Кинарагирдъ	4 $\frac{1}{2}$	
23.	Караванс. Гаузъ-и-Султанъ	6	
24.	Караванс. Пиуи-Деллакъ	6	
25.	городъ Кумъ	4	
26.	Каравансерай Пассангаръ	4	
27.	Каравансерай Зензенъ	6	
28.	городъ Кашанъ	6	
29.	Сел. Бузабадъ или Абузейдъ-абадъ	5	

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	Число ферсенговъ.	ЗАМѢЧАНІЯ
30.	Сел. Хаоръ.	8 ¹ / ₂	
31.	Сел. Тархъ.	6	
32.	Сел. Мурчакуръ.	7	
33.	Каравансерай Гезъ.	6	
34.	Городъ Испаганъ.	3	
Всего.		19¹/₂	ферсенг. или 1164 версты.
Другая горная дорога отъ Кашана въ Испаганъ.			
	Сел. Корудъ.	7	} Отъ Тегерана до Испа- гана прямою путемъ че- резъ Корудъ считается 65 ферсенговъ или 390 версты.
	Сел. Сау.	4	
	Сел. Мурчакуръ.	7	
	Каравансерай Гезъ.	6	
	Городъ Испаганъ.	3	

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВЪ ТЕГЕРАНЪ И ИСПАГАНЪ

ВЪ 1939 И 1940 ГОДАХЪ.

Барометрическія наблюденія были сдѣланы мною въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ въ Тегеранѣ, въ 1839 году, съ-тѣмъ, чтобъ сравнивать ихъ потомъ съ подобными наблюденіями, произведенными штабъ-капитаномъ Леммомъ во время путешествія его въ Хорасанъ и Мазандеранъ. Термометрическія наблюденія я производилъ цѣлый годъ то въ Тегеранѣ, въ домѣ, занимаемомъ императорскою миссіею, то въ лагерѣ при Аргаванѣ, въ индійской моей палаткѣ, съ двойною крышею и съ корридорами кругомъ, такъ-что въ тѣни этой палатки было довольно - прохладно. Остальныя наблюденія произведены мною въ Джулѣ при городѣ Испаганѣ, съ 15 марта по 31 мая 1840 года.

Среднія высоты барометра и термометра Реомюра.

Мѣсяцы.	Утромъ въ 7ч.		Полдень.		Вечеромъ въ 9ч.		Главное направленіе вѣтра.
	Баром.	Терм.	Баром.	Терм.	Баром.	Терм.	
1839							
Февраль.	589, 8	9 1/2	589, 6	9 6/7	589, 1	9 11/14	} въ Тегеранѣ, въ Аргаванѣ, въ Джулѣ. О и NW. W и NW. W и SW. W и тихо. W. SO и W. O и SO. W и NW. NW и тихо. тихо. NW. NW. NW.
Мартъ.	586, 8	11, 6	586, 5	12 —	586, 4	12, 5	
Апрѣль.	588, 0	17, 7	587, 8	18, 2	587, 6	18, 1	
Май. . . .	—	15, 4	—	23, 7	—	16, 2	
Іюнь. . . .	—	18, 0	—	27, 5	—	18, 5	
Іюль. . . .	—	18, 2	—	26, 6	—	18, 4	
Августъ..	—	17,—	—	26, 1	—	18, 1	
Сентябрь.	—	15, 4	—	24, 2	—	16, 3	
Октябрь..	—	11, 3	—	16, 5	—	13, 7	
Ноябрь. .	—	6, 2	—	10, 3	—	7, 8	
Декабрь. .	—	4, 0	—	9, 3	—	5, 1	
1840							
Январь. . .	—	1, 6	—	8, 0	—	2, 8	
Февраль. .	—	3, 3	—	8, 4	—	5, 0	

Въ Джулѣ при Испаганѣ.

Мѣсяцы.	Утро въ 7 ч.		Полдень.		Вечеромъ въ 9 ч.		Главное направле- ніе вѣтра.
	Баром.	Терм.	Баром.	Терм.	Баром.	Терм.	
Мартъ. . .	—	6, 6	—	10, 7	—	7, 8	NW.
Апрѣль. . .	—	12, 8	—	18, 8	—	12, 9	NW и SW.
Май. . . .	—	16, 5	—	23, 5	—	19, 1	SW и тихо.

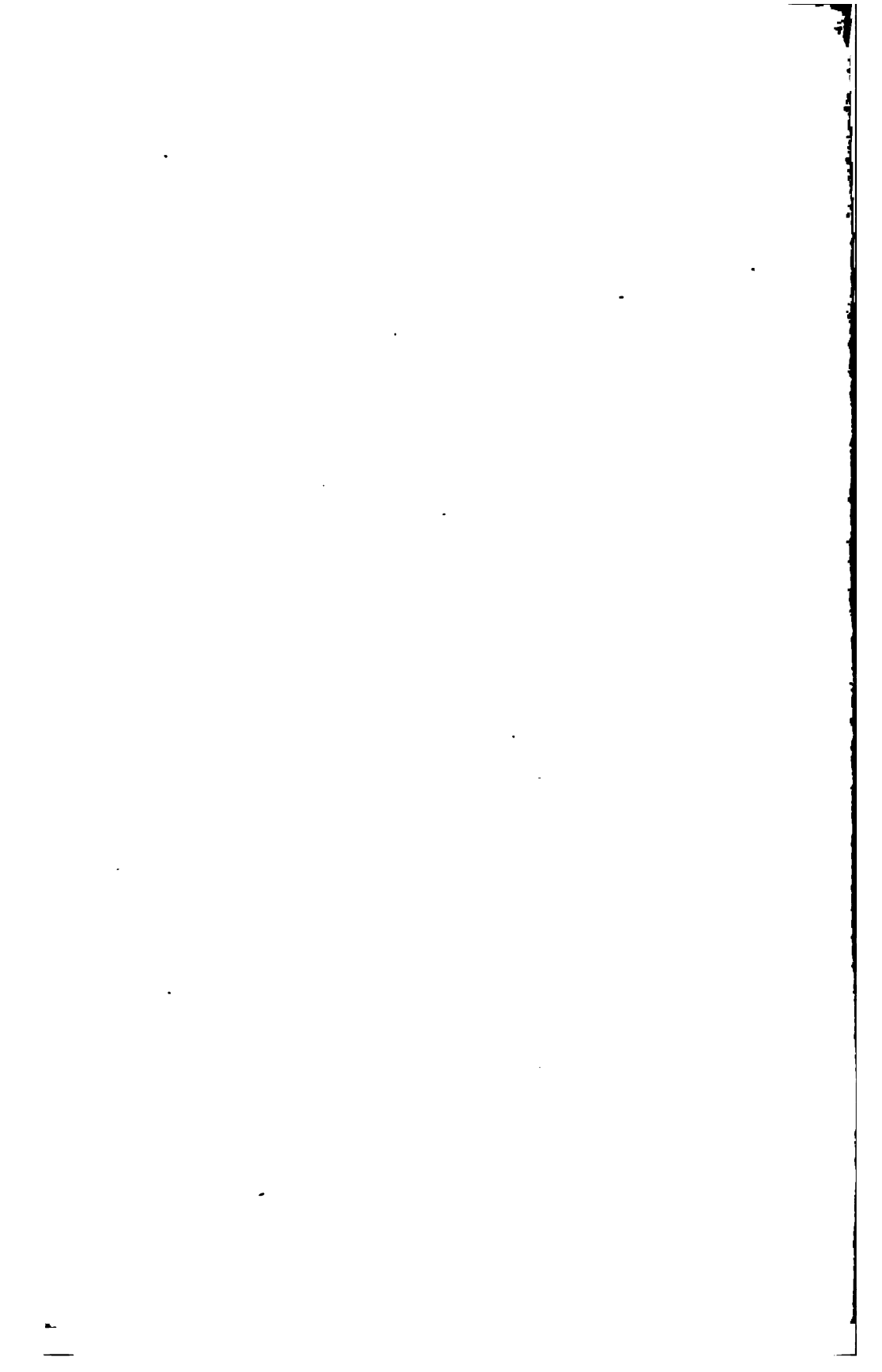
СОСТОЯНІЕ ПОГОДЫ

въ Тегеранѣ и Аргованѣ.

Мѣсяцы.	Число оснѣж- ныхъ дней.	Число пасмур- ныхъ дней.	Число дней ДОЖЛИВНЫХЪ или СНѢГОВЫХЪ.		ЗАМѢЧАНІЯ.
			ДОЖДЬ.	СНѢГЪ.	
1839.					
Февраль. . .	18	8	1	1	
Мартъ. . . .	20	8	3	—	1-го марта громъ и градъ. (наблюд. сдѣланы по 21 апрѣля).
Апрѣль. . . .	11	10	—	—	
Май.	24	1	6 дождл. съ грозой.	—	
Іюнь.	30	—	—	—	
Іюль.	31	—	—	—	
Августъ. . .	31	—	—	—	
Сентябрь. .	28	2	—	—	
Октябрь. . .	28	2	1 дождливый.	—	
Ноябрь. . . .	17	9	3 д., 1 съ мокр. снѣг.	—	
Декабрь. . .	21	7	3 дождливыхъ.	—	
1840.					
Январь. . . .	22	7	1 д., 1 съ мокр. снѣг.	—	
Февраль. . .	8	13	4 д., 4 съ мокр. снѣг.	—	
Въ Джулѣ.					
Мартъ. . . .	11	5	1 со снѣгомъ,	—	(наблюд. сдѣл. съ 15 по 31 марта).
Апрѣль. . . .	22	8	—	—	
Май.	30	1	—	—	

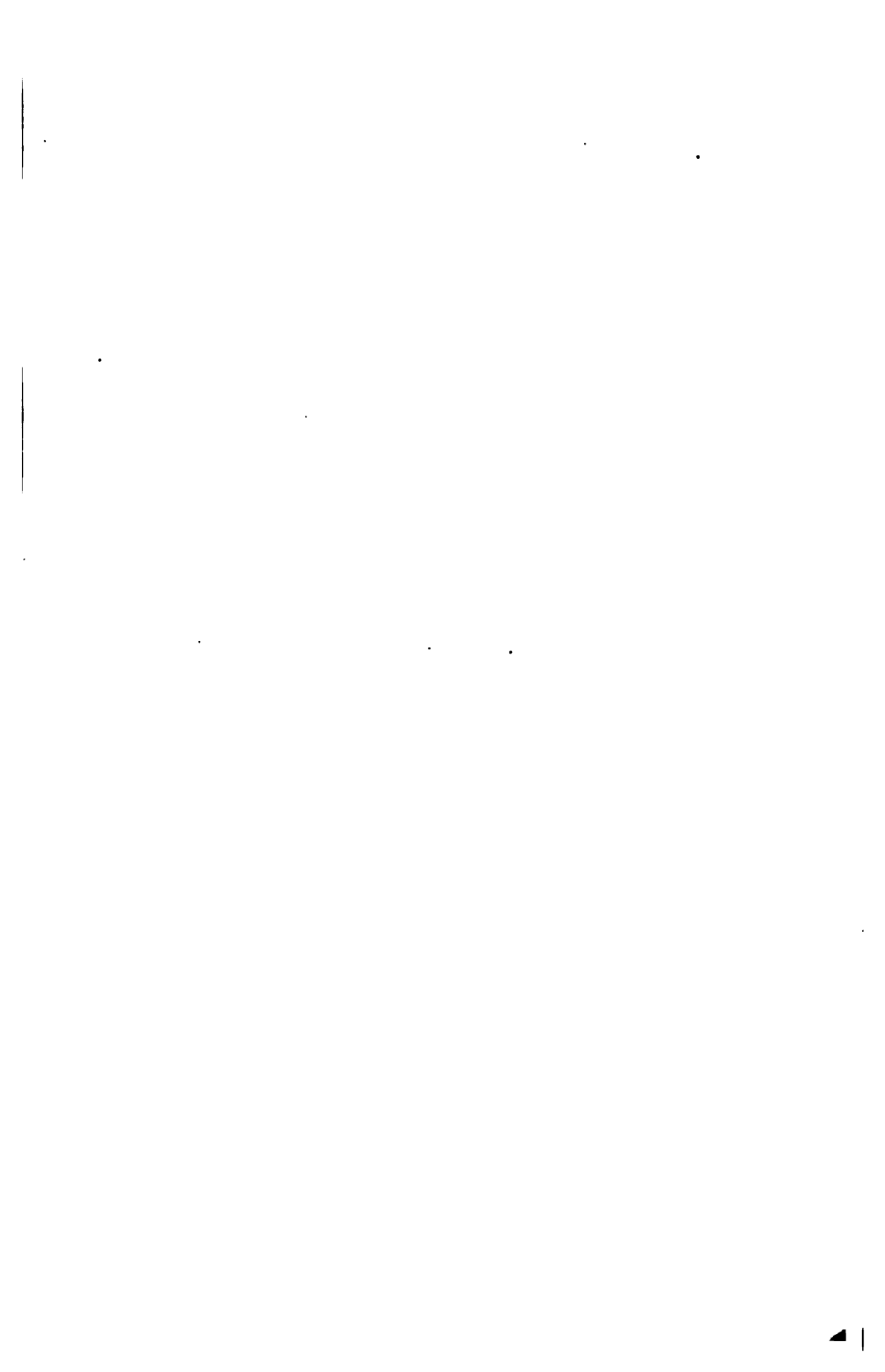
СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ:

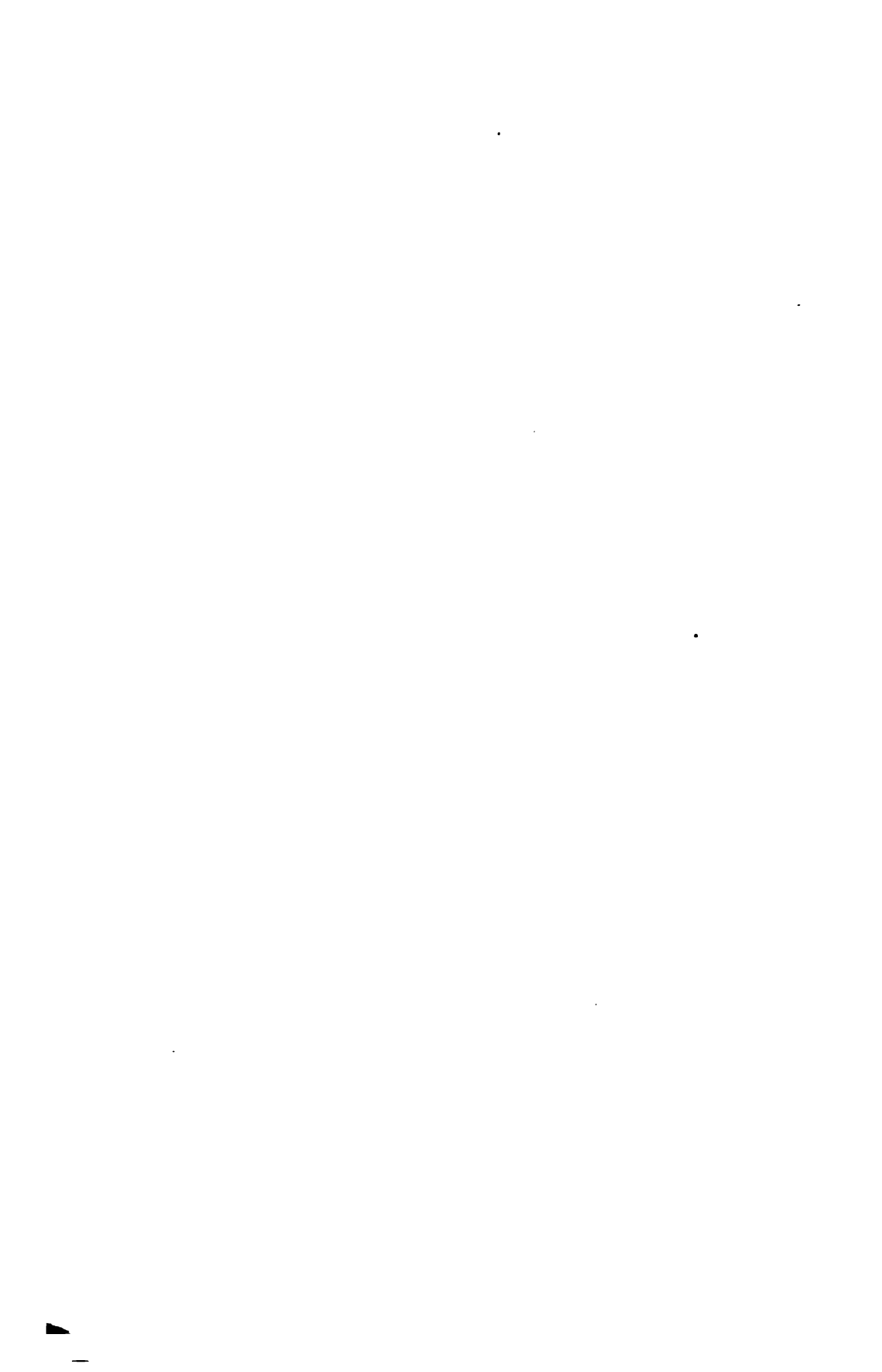
- 1) **Дневникъ В. Н. Латкина, часть: 1-я и 2-я.**
 - 2) **Статистическое обозрѣніе Персін, И. Ф. Бларамберга.**
-

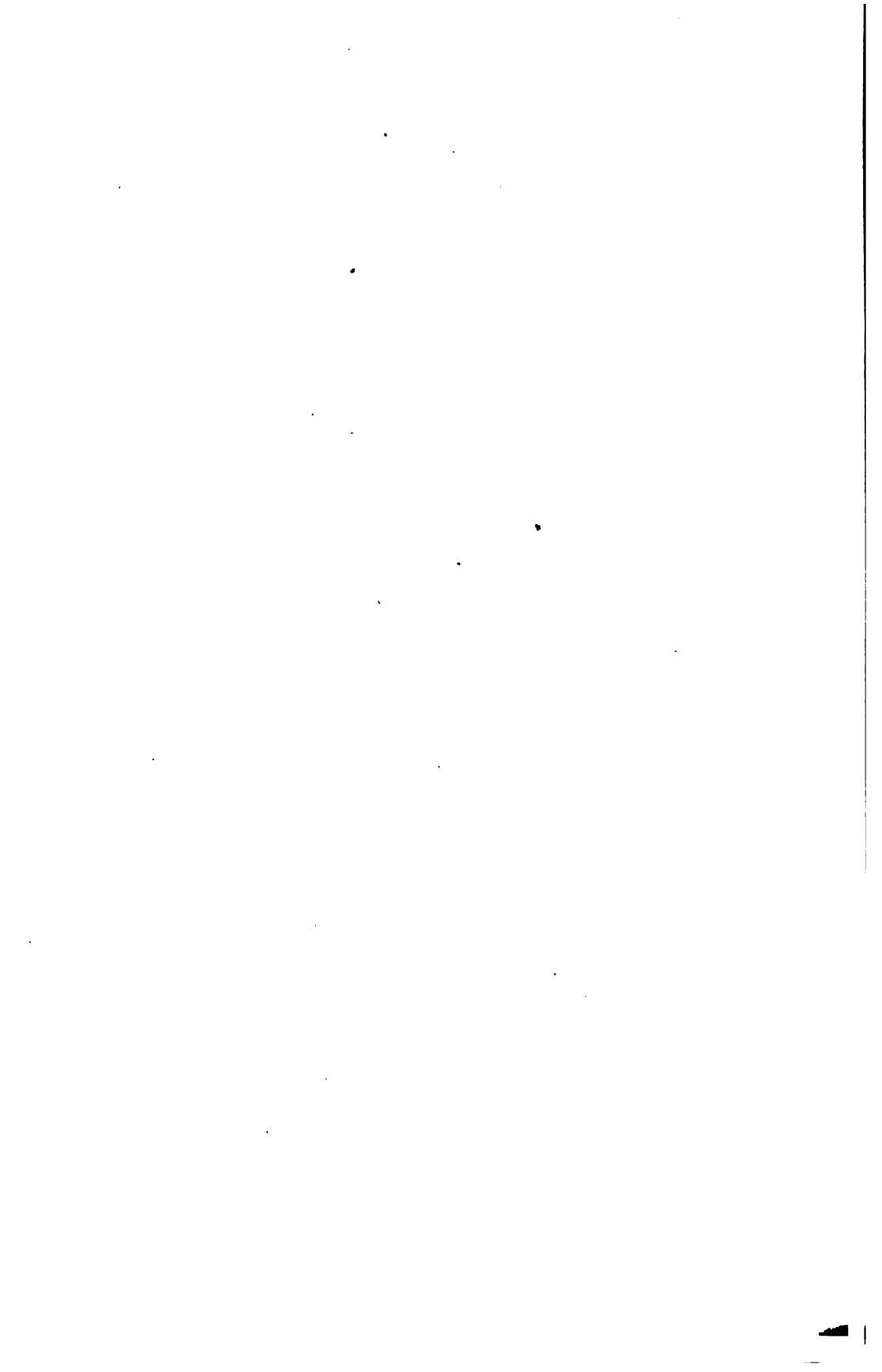

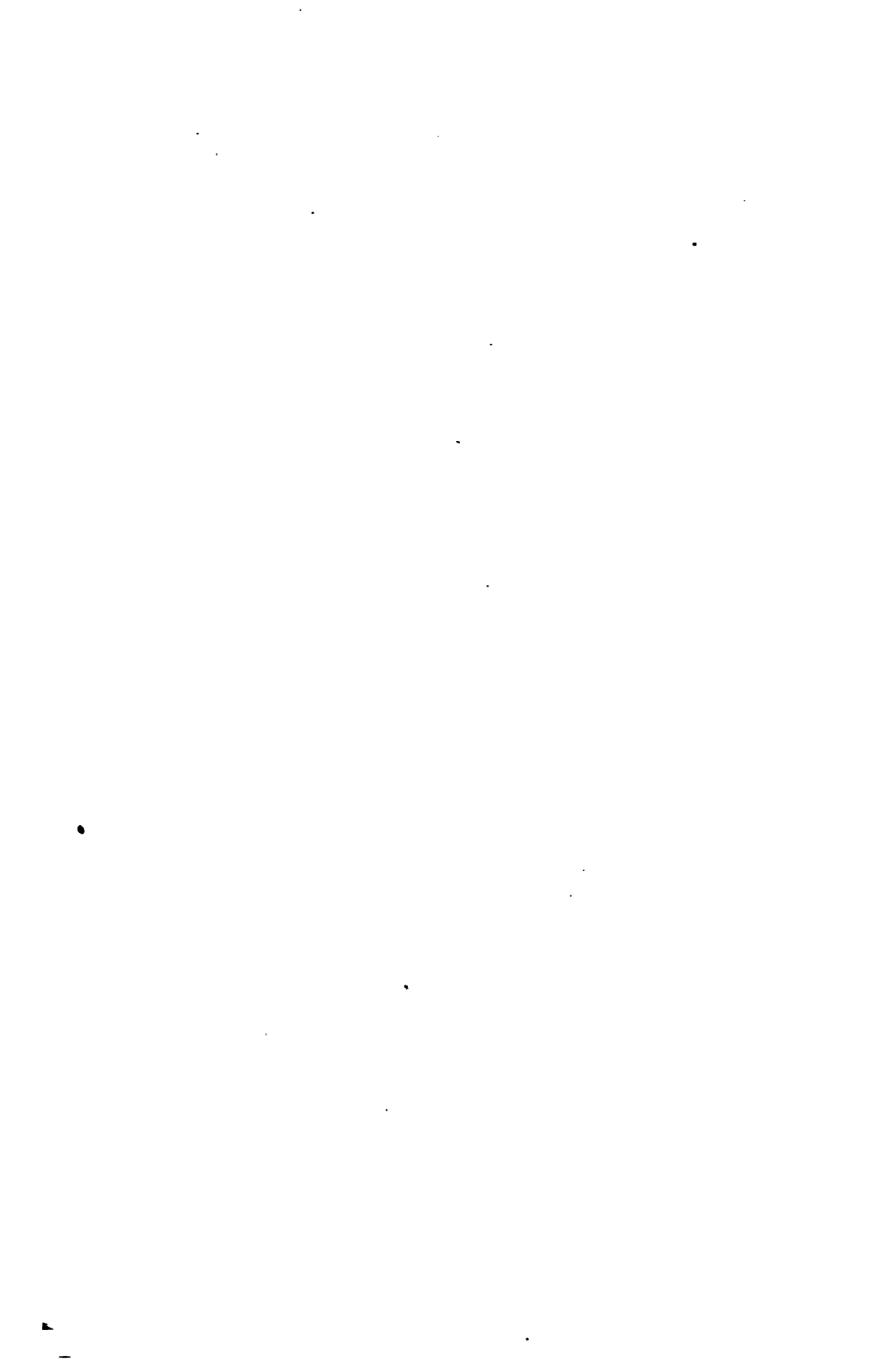

22

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DEC 14 '51 H.